РУССКИЙ ЯЗЫК

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

А. М. ПРОХОРОВ (председатель), И. В. АБАШИДЗЕ, П. А. АЗИМОВ, А. П. АЛЕКСАНДРОВ, В. А. АМБАРЦУМЯН, М. С. АСИМОВ, М. П. БАЖАН, Ю. Я. БАРАБАШ, Н. В. БАРАНОВ, А. Ф. БЕЛОВ, Н. Н. БОГОЛЮБОВ, П. У. БРОВКА, Ю. В. БРОМЛЕЙ, Б. Э. БЫХОВСКИЙ, В. Х. ВАСИЛЕНКО, Л. М. ВОЛОДАРСКИЙ, В. В. ВОЛЬСКИЙ, Б. М. ВУЛ, С. Р. ГЕРШБЕРГ, М. С. ГИЛЯРОВ, В. П. ГЛУШКО, В. М. ГЛУШКОВ, Г. Н. ГОЛИКОВ, Д. Б. ГУЛИЕВ, А. А. ГУСЕВ (заместитель председателя), В. П. ЕЛЮТИН, В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ, Е. М. ЖУКОВ, А. А. ИМШЕНЕЦКИЙ, Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ, А. Ю. ИШЛИНСКИЙ, М. И. КАБАЧНИК, Г. А. КАРАВАЕВ, К. К. КАРАКЕЕВ, М. К. КАРАТАЕВ, Б. М. КЕДРОВ, Г. В. КЕЛДЫШ, В. А. КИРИЛЛИН, И. Л. КНУНЯНЦ, С. М. КОВАЛЕВ (первый заместитель председателя), Ф. В. КОНСТАНТИНОВ, В. Н. КУДРЯВЦЕВ, М. И. КУЗНЕЦОВ (заместитель председателя), В. Г. КУЛИКОВ, И. А. КУТУЗОВ, П. П. ЛОБАНОВ, Г. М. ЛОЗА, Ю. Е. МАКСАРЕВ, П. А. МАРКОВ, Ю. Ю. МАТУЛИС, Г. И. НААН, Г. Д. ОБИЧКИН, Н. В. ОГАРКОВ, Б. Е. ПАТОН, В. М. ПОЛЕВОЙ, М. А. ПРОКОФЬЕВ, Ю. В. ПРОХОРОВ, Н. Ф. РОСТОВЦЕВ, А. М. РУМЯНЦЕВ, Б. А. РЫБАКОВ, В. П. САМСОН, М. И. СЛАДКОВСКИЙ, В. И. СМИРНОВ, В. Н. СТОЛЕТОВ, Б. И. СТУКАЛИН, А. А. СУРКОВ, М. Л. ТЕРЕНТЬЕВ, С. А. ТОКАРЕВ, В. А. ТРАПЕЗНИКОВ, Е. К. ФЕДОРОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, Е. И. ЧАЗОВ, В. Н. ЧЕРНИГОВСКИЙ, Я. Е. ШМУШКИС, С. И. ЮТКЕВИЧ. Ответственный секретарь Совета Л. В. КИРИЛЛОВА

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

РУССКИЙ ЯЗЫК

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Главный редактор
Ф. П. ФИЛИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р. И. АВАНЕСОВ, В. И. БОРКОВСКИЙ, Т. А. ГАНИЕВА (заместитель главного редактора), В. Я. ДЕРЯГИН, В. В ИВАНОВ (заместитель главного редактора), С. И. КОТКОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО, А. В. ТЕКУЧЕВ, И. М. ТЕРЕХОВ, Н. Ю. ШВЕДОВА, Д. Н. ШМЕЛЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
Москва, 1979

4 р (03)
р 89

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Старшие научные редакторы — Т. А. ГАНИЕВА, канд. филологич. наук Л. И. ЛЕБЕДЕВА, канд. филологич. наук И. К. САЗОНОВА, младший редактор — М. С. ЭПИТАШВИЛИ.

Литературный редактор — Т. Б. ЗЕРЧЕНИНОВА
Редактор-библиограф — З. С. ИЗМАЙЛОВА
Редактор-этимолог — Н. П. ДАНИЛОВА
Художественный редактор — М. К. МОРЕЙНИС
Словник — Г. А. САДОВА
Технический редактор — О. Д. ШАПОШНИКОВА
Корректорская — М. В. АКИМОВА, А. Ф. ПРОШКО

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ». 1979

scan: The Stainless Steel Cat

ПРЕДИСЛОВИЕ

О русском языке написано великое множество книг — исследований, учебных пособий, разного рода словарей, сборников, а также статей, заметок и т. п. Накопленные в русистике сведения чрезвычайно обширны. Ни один, даже самый крупный учёный-русист не может знать всего, что написано о русском языке. А что же делать читателю, который желает получить хотя бы самые важные сведения об этом предмете? Нельзя ли подготовить книгу, в которой коротко и в доступной форме было бы изложено всё самое основное о русском языке? Так возникла идея создать краткую (в одном томе) энциклопедию «Русский язык», которая и предлагается вниманию читателей. Энциклопедия «Русский язык» — первый опыт такого рода книги в истории русистики. В ней содержится свыше шестисот статей, расположенных в алфавитном порядке. В этих статьях даются сведения о составе русского языка, его ведущей разновидности — литературном языке, внелитературном просторечии, диалектах, жаргонах, арго, его строении (фонетико-фонологическом и грамматическом строе, словообразовании, лексике и лексической семантике, фразеологии, стилистическом богатстве), его функциях как языка русской нации, средства межнационального общения народов СССР, одного из международных языков. Наряду со статьями, в которых в обобщенном виде описываются русский язык в целом и его уровни, в энциклопедии содержится немало сведений об отдельных грамматических категориях (частях речи и их формальных и содержательных особенностях, системах склонения и спряжения, разных типах предложения), об образных средствах выражения. Литературный язык, представленный письменной и устной разновидностями, имеет нейтральные и стилистически окрашенные средства, свои особенности имеют научный, официально-деловой и публицистический стили. Обо всём этом читатель может получить краткие сведения.

В энциклопедии не забыта и история русского языка, уходящая своими корнями в древнейшую праславянскую эпоху и имеющая свои главные этапы: древнерусский период, среднерусский период и новую эпоху (русский национальный язык). С 11 века начинается богатая и разнообразная древнерусская письменность. В энциклопедии даются сведения о летописях, хронографах, берестяных грамотах и иных жанрах письменных памятников.

Читатель получит также сведения о развитии науки о русском языке, её важнейших разделах, а также о языковедах, внёсших значительный вклад в изучение русского языка (большинство статей о языковедах-русистах написаны проф. Ф. М. Березиным), об учреждениях, в которых исследуется русский язык и проблемы общего языкознания, о лингвистических журналах; рассказывается о славянских языках, с которыми русский язык связан общностью происхождения и во многом общностью исторических судеб, о других языках мира. Чтобы понимать различные стороны и явления русского языка, необходимо иметь некоторые сведения по теории языкознания, поэтому редколлегия сочла нужным поместить статьи общелингвистического характера («Язык», «Язык и мышление», «Язык и общество», «Речь», «Фонема», «Падеж», «Склонение», «Спряжение», «Письмо» и др.). Примеры в большинстве этих статей приводятся прежде всего из русского языка. В энциклопедии объясняются также важнейшие лингвистические термины. В ней представлена и методика преподавания русского языка. Для читателя, который заинтересуется теми или иными вопросами и пожелает узнать о них больше, чем даётся в настоящей книге, во многих статьях приводится библиография.

Энциклопедия рассчитана прежде всего на филологов-русистов СССР и зарубежных стран (студентов и аспирантов филологических факультетов вузов и работников лингвистических научно-исследовательских учреждений, преподавателей-словесников средних учебных заведений). Можно надеяться, что в этой книге найдут для себя полезные сведения все, кто интересуется русским языком, кто любит и ценит русское слово.

Над книгой работал большой коллектив учёных. В науке о языке, в русистике в частности, имеется много нерешённых проблем, много разных точек зрения на одни и те же явления. Это сказалось и на стиле изложения, и на терминологии. Редколлегия старалась учитывать расхождения во взглядах отдельных учёных, не ставя перед собой задачу добиться полного единообразия в подходе к материалу, да и вряд ли это когда удастся в коллективном труде, посвящённом большому комплексу проблем.

Все замечания и предложения по улучшению издания просим направлять в Институт русского языка АН СССР по адресу: Москва, 121019, Волхонка, 18/2 или в издательство «Советская энциклопедия» по адресу: Москва, 109817, Покровский бульвар, 8.

Ф. П. Филин.

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЕЙ

Статьи энциклопедии расположены в алфавитном порядке (алфавитный список дан в конце книги). Если название статьи состоит из двух или нескольких слов, то оно даётся в той форме, в которой обычно употребляется в лингвистической литературе, напр.: **Простое предложение, Происхождение языка.** Инверсия допускается в тех случаях, когда в названии нужно выделить то, что является главным по смыслу, напр.: **Трёх стилей теория.**

В необходимых случаях в энциклопедию введены ссылочные статьи, напр.: **Подчинительный союз** — см. Союз. Если термин отсылается к синониму, ссылка имеет иной вид: **Давнопрошедшее время** — то же, что плюсквамперфект. В тексте статей даются ссылки на термины, понятия или имена, являющиеся заголовками самостоятельных статей. После такого термина в скобках пишется «см.», напр.: «...синтаксическая единица, обладающая всеми необходимыми признаками предложения (см.) ...».

Если после названия статьи, набранного чёрным (жирным) шрифтом, даётся светлым шрифтом разрядкой другое слово или несколько слов, это означает, что наряду с первым, основным термином или названием существует один или несколько других, синонимичных первому, напр.: **Диалектный словарь,** о б л а с т н о й с л о в а р ь.

К терминам, представляющим собой заимствования из других языков, приводится краткая справка об этимологии (происхождении) слова.

С целью экономии места в энциклопедии введена система сокращений (список сокращений см. ниже). Если слово или слова, составляющие название статьи, повторяются в тексте, они обозначаются начальными буквами, напр. в статье **Простое предложение** — буквами П. п., в статье **Речь** — буквой Р. К цифрам, означающим год, слово «год» (или «г.») не прибавляется. Цифра в скобках, стоящая после названия книги или какого-либо труда, означает год его опубликования, цифра, стоящая в скобках после названия премии, учёного звания и т. п., означает год присуждения премии, присвоения звания и т. п.

Для фонетической записи слова или звука в тексте статей использована общепринятая транскрипция, основанная на русском алфавите, она заключается в квадратные скобки. Для дописьменного периода в развитии языка (ср., напр., статью **Праславянский язык**) применяется транскрипция на латинской графике. При гипотетических, реконструируемых языковых формах ставится звёздочка, напр.: * bēgētei.

За аутентичность цитат, приводимых в тексте статей, несут ответственность авторы статей.

СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ

абх.	— абхазский
адыг.	— адыгейский
азерб.	— азербайджанский
акад.	— академик
алб.	— албанский
АН	— Академия наук
англ.	— английский
АПН	— Академия педагогических наук
араб.	— арабский
арм.	— армянский
ассир.	— ассирийский
афг.	— афганский
б. ч.	— большая часть, большей частью
башк.	— башкирский
белорус.	— белорусский
бенг.	— бенгальский
бирм.	— бирманский
б-ка	— библиотека
болг.	— болгарский
буд. время	— будущее время
букв.	— буквально
бурят.	— бурятский
быв.	— бывший (при названии)
в., вв.	— век, века
в т. ч.	— в том числе
Великая Отечеств. война	— Великая Отечественная война
венг.	— венгерский
вин. п.	— винительный падеж
вол.	— волость
высок.	— высокое
г, гг.	— город, города, годы
гл.	— главный
гл. обр.	— главным образом
гос.	— государственный
греч.	— греческий
груз.	— грузинский
губ.	— губерния
д.	— деревня
дат.	— датский
дат. п.	— дательный падеж
д-р	— доктор
др.	— другой
др -	— древне-...
евр.	— еврейский
егип.	— египетский
ед. ч.	— единственное число
жен. род	— женский род
журн.	— журнал
зав.	— заведующий
изд.	— издано, издание
им.	— имени
им. п.	— именительный падеж
ингуш.	— ингушский
инд.	— индийский
ин-т	— институт
ирл.	— ирландский
ирон.	— ироническое
исл.	— исландский
исп.	— испанский
итал.	— итальянский
кабард.	— кабардинский
каб.-балк.	— кабардино-балкарский
казах.	— казахский
калм.	— калмыцкий
каракалп.	— каракалпакский
карел.	— карельский
кельт.	— кельтский
кирг.	— киргизский
кит.	— китайский
к.-л.	— какой-либо
к.-н.	— какой-нибудь
книжн.	— книжное
кон.	— конец (при дате)
кор.	— корейский
к-рый	— который
лат.	— латинский
латыш.	— латышский
лит.	— литературный
литов.	— литовский
лит-ра	— литература
макед.	— македонский
мар.	— марийский
млн. чел.	— миллион человек
мн. ч.	— множественное число
молд.	— молдавский
монг.	— монгольский
морд.	— мордовский
муж. род	— мужской род
н.э.	— наша эра
напр.	— например
наст. время	— настоящее время
нач.	— начало (при дате)
нек-рый	— некоторый
нем.	— немецкий
неперех.	— непереходный
несов. вид	— несовершенный вид
нидерл.	— нидерландский
норв.	— норвежский
обл.	— область
Окт. революция 1917	— Октябрьская революция 1917
осет.	— осетинский
пед.	— педагогический
перен.	— переносный
перех.	— переходный
перс.	— персидский
петерб.	— петербургский
пол.	— половина (при дате)
польск.	— польский
португ.	— португальский
поч. чл.	— почётный член
пр.	— премия, прочее
предл. п.	— предложный падеж
преим.	— преимущественно
прил.	— прилагательное
прич.	— причастие
прост.	— просторечное
проф.	— профессор
прош. время	— прошедшее время
псевд.	— псевдоним
разг.	— разговорное
ред.	— редактор, редакция
р-н	— район

род. п.	— родительный падеж
росс.	— российский
рум.	— румынский
рус.	— русский
с.	— страница, село
санскр.	— санскритский
слав.	— славянский
след.	— следующий
словен.	— словенский
см.	— смотри
сов.	— советский
сов. вид	— совершенный вид
совр.	— современный
ср.	— сравни
ср. род	— средний род
ст.	— статья
ст.-слав.	— старославянский
ст. стиль	— старый стиль
сущ.	— существительное
тадж.	— таджикский
тат.	— татарский
твор. п.	— творительный падеж
т. е.	— то есть
т. к.	— так как
т. н.	— так называемый
т. о.	— таким образом
тибет.	— тибетский
тув.	— тувинский
тур.	— турецкий
туркм.	— туркменский
тыс.	— тысячелетие (при дате)
тыс. чел.	— тысяча человек
тюрк.	— тюркский
удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
укр.	— украинский
ун-т	— университет
устар.	— устарелый
фин.	— финский
франц.	— французский
чеч.-ингуш.	— чечено-ингушский
чеш.	— чешский
числ.	— числительное
чл.	— член
чл.-корр.	— член-корреспондент
чуваш.	— чувашский
швед.	— шведский
шотл.	— шотландский
экз.	— экземпляр
эст.	— эстонский
якут.	— якутский
япон.	— японский

Примечание: сокращения названий частей речи и стилистические пометы даются только при примерах.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

библ.	— библиография
бюл.	— бюллетень
в.	— выпуск
«ВЯ»	— «Вопросы языкознания»
дисс.	— диссертация
Докл.	— Доклады
доп.	— дополнение, дополнительный
Зап.	— Записки
Избр.	— Избранные
Изв.	— Известия
Источн.	— Источники
кн.	— книга
Лит.	— Литература
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка
отв. ред.	— ответственный редактор
публ.	— публикация
«Рус. яз. в нац. школе»	— «Русский язык в национальной школе»
«Рус. яз. в школе»	— «Русский язык в школе»
«Рус. речь»	— «Русская речь»
сб.	— сборник
сер.	— серия
совм.	— совместно
сост.	— составитель
Соч.	— Сочинения
Тр.	— Труды
Уч. зап.	— Учёные записки

А, а — первая буква рус. алфавита. Её название употребляется как существительное ср. рода: *прописное а, строчное а*. Буква *А, а* обозначает гласную фонему [*а*] (см. Гласные), реализующуюся поразному, в зависимости от места ударения в слове и качества соседних звуков (см. Позиция фонологическая), ср.: *а́том* [*а́том*], *сады́* [*сАды́*], *вы́садка* [*вы́съткъ*]. После буквы, обозначающей согласный звук, буква *А, а* указывает, что он должен произноситься твёрдо: *вагон, ракета, луна* (исключение — написание *а* после *ч* и *щ* — всегда мягких: *чашка, роща*).

При классификационных обозначениях имеет значение «первый», «первая», «первое»: *ложа А, группа А, пункт «а» третьего раздела*. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером, напр.: *дом № 5 а; Он учится в 7-м «А» классе*.

По начертанию восходит к первой букве кириллицы (см.), где имела числовое значение «один», называлась «азъ» (название употреблялось в форме муж. рода, постепенно оно утратилось), отсюда выражения: *от аза до ижицы* — «от начала до конца», *ни аза не смыслит, аза в глаза не знает* — «ничего не знает» и др.

АБАКУ́МОВ Сергей Иванович [23. 5(4.6).1890, Чебоксары,— 7.5.1949, Москва] — сов. языковед, методист, чл.-корр. АПН СССР (1947), д-р филологических наук (1940). Окончил Казанский ун-т (1912). Проф. Моск. областного пед. ин-та, ред. журн. «Русский язык в школе» (1946—49). Работы по грамматике, орфографии, пунктуации, стилистике рус. языка, методике его преподавания. Основные труды: «Творческое чтение» (1925), «Учебник русской грамматики. Опыт применения принципов научной грамматики к школьно-грамматической практике» (1923, 4 изд., 1926), «Методика пунктуации» (1947, 4 изд., 1954), «Современный русский литературный язык» (1942). А. рассматривал лит. язык как общенациональное явление, для к-рого характерны отстоявшиеся, общепризнанные средства словаря и грамматики, а также многообразие стилевых разновидностей (вежливая, торжественная, вульгарная речь). В лит. языке выделял письменную и устную разновидности с промежуточной ступенью между ними — устными выступлениями (доклады, лекции и т. д.); рассматривал две формы письменной речи — деловую и художественную.

Лит.: Памяти Сергея Ивановича Абакумова, «Рус. яз. в школе», 1949, № 3; Текучев А. В., С. И. Абакумов как методист и лингвист, там же, 1959, № 5; Кудрявцев В. Д., Труды профессора С. И. Абакумова, там же, 1975, № 8.

АББРЕВИАТУ́РА (итал. abbreviatura, от лат. abbrevio — сокращаю) — существительное, состоящее из усечённых слов, входящих в исходное словосочетание. Последний компонент А. может быть также целым (неусечённым) словом.

А. по своей структуре делятся на следующие типы: 1) А. «инициального» типа, к-рые, в свою очередь, делятся на три подтипа: а) буквенные А., состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание: *СССР* (эс-эс-эс-эр) — Союз Советских Социалистических Республик, *ЦК* (цэ-ка) — Центральный Комитет, *РСФСР, ВДНХ*; б) звуковые А., состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, т. е. читаемые как обычное слово, напр. *вуз* — высшее учебное заведение, *ЦУМ* — Центральный универсальный магазин, *загс, ТЮЗ*; в) буквенно-звуковые А., состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов,

входящих в исходное словосочетание: *ЦДСА* (це-дэ-са́) — Центральный дом Советской Армии.

2) А., состоящие из сочетания начальных частей слов: *местком* — местный комитет, *продмаг* — продовольственный магазин, *завхоз*, *комсомол*.

3) А. смешанного типа, состоящие как из начальных частей слов, так и из начальных звуков (названий букв): *гороно* — городской отдел народного образования, *главк*, *сельпо*, *собес*.

4) А., состоящие из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: *запчасти* — запасные части, *оргработа*, *гострудсберкасса*.

5) А., состоящие из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *завкафедрой* — заведующий кафедрой, *комроты*, *помастера*, *управделами*.

6) А., состоящие из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго: *мопед* — мотоцикл-велосипед, *эсминец* — эскадренный миноносец, *военкомат*, *торгпредство*.

А. типов 1—3 с основой на согласную относятся к существительным муж. рода (2-е склонение), с основой на гласную — к несклоняемым существительным. Склонение А. 4-го и 6-го типов не отличается от склонения последнего слова синонимичного словосочетания. А. 5-го типа не склоняются и относятся к тому же роду, что и первое сокращаемое слово. А. типов 2—6 иногда называют также с л о ж н о с о к р а щ ё н н ы м и с л о в а м и.

Образование А. как особый способ словообразования (аббревиация) получило широкое распространение в рус. языке сов. эпохи. До Окт. революции 1917 появились лишь отдельные первые А. (*эсер* — социалист-революционер, *ПТА* — Петербургское телеграфное агентство и др.). В первые десятилетия после революции образование А. было в значительной степени стихийным, малоупорядоченным, случайным (напр., А. тех лет — *шкраб* — школьный работник). Развитие этого способа словообразования идёт в сторону большей регламентированности. Так, наиболее продуктивно образование А. с повторяющимися во многих словах компонентами типа *орг*, *гос*, *парт*, *хоз*, *пром*, *мос*, *зам*, *НИИ* (напр., *леспромхоз* — лесное промышленное хозяйство).

На базе аббревиации в совр. речи развилось образование кратких словечек, представляющих собой разговорные синонимы более длинных слов: *зав* (вместо заведующий), *зам* (заместитель), *пред* (председатель) и т. п.; первым из таких слов было появившееся вскоре после революции слово *спец* (специалист).

А. языка фиксируются в специальных словарях сокращений.

Лит.: Словарь сокращений русского языка. Сост. Д. И. Алексеев [и др.], 2 изд., М., 1977; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка, М., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Л о п а т и н В. В., Рождение слова, М., 1973. *В. В. Лопатин.*

АБЗА́Ц (нем. Absatz, букв. — уступ) — 1) отступ в начальной строке печатного или рукописного текста; 2) компонент связного текста, состоящий из одной или нескольких фраз (предложений) и характеризующийся единством и относительной законченностью содержания. В значении, близком к этому, выступают также термины «период», «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство». Пример А.:

Вскоре лисице удалось отомстить орлу. Как-то раз люди в поле приносили в жертву богам козу. Орёл слетел к жертвеннику и унёс с него горящие внутренности. Но только донёс их до гнезда, как подул сильный ветер. И тонкие старые прутья вспыхнули ярким пламенем. Упали орлята на землю. Лисица подбежала и съела их.

Проявлением единства содержания А. являются м е ж ф р а з о в ы е с в я з и. В приведённом А. межфразовые связи создаются, в частности: а) союзами, при к-рых один из соединяемых компонентов во фразе отсутствует (*но*, *и*), б) тождеством упоминаемых объектов (*орлу — орёл*, *лисице — лисица*), выраженным, напр., словами-заместителями (*внутренности — их*), а также нулевыми заместителями (ср. отсутствие подлежащего при сказуемом *донёс* в 4-й фразе), в) семантическими связями слов (напр.: *приносить в жертву — жертвенник*, *орёл — орлята*), г) соотнесённостью видо-временных форм сказуемых (во всех фразах, кроме 2-й, сказуемое в прош. времени сов. вида), д) актуальным членением (см. Актуальное членение предложения) данной фразы в контексте предшествующих (так, в 7-й фразе прямой порядок слов и отсутствие фразового ударения на слове *лисица* означают, что *лисица* является темой этого предложения, а это, в свою очередь, обусловлено тем, что эта лисица уже упоминалась ранее).

Нек-рые межфразовые связи (в частности, причинные, пояснительные, а также связи, основанные на единстве времени, места действия или тождестве действующих лиц и предметов) могут не иметь явного выражения, а восстанавливаются в тексте в силу изначально заданной его связности (*внутренности* — имеется в виду внутренности козы; *слетел* — имеется в виду не произвольный момент в прошлом, а момент, когда люди приносили жертву). Соединительные и противительные связи часто выражаются лексико-синтаксическим парал-

лелизмом фраз. В межфразовые связи могут вступать как отдельные фразы, так и группы фраз. Так, 1-я фраза связана пояснительной связью со всеми остальными фразами А. как с целым.

Связи между А. в составе текста имеют ту же природу, что и связи между фразами в А. Границы между А. проходят в точках с минимальным числом межфразовых связей. В связях между А. главную роль играют обычно первые фразы А. Так, в 1-й фразе слово *вскоре* (вызывающее вопрос *после чего?*) и слово *отомстить* (вызывающее вопрос *за что?*) соотносят данный А. с предшествующими.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Фигуровский И. А., Синтаксис целого текста и ученические письменные работы, М., 1961; Падучева Е. В., О структуре абзаца, «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1965, в. 181; Новое в зарубежной лингвистике, в. 8, М., 1978. *Е. В. Падучева.*

АВАНЕ́СОВ Рубен Иванович [р. 1(14). 2.1902, г. Шуша (Нагорный Карабах) Азерб. ССР] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1958). Окончил МГУ (1925), проф. МГУ (с 1937), д-р филологич. наук (1948), зав. сектором истории языка и диалектологии Ин-та рус. языка АН СССР (с 1944). Один из основателей московской фонологической школы. Труды по истории рус. языка, описательной и исторической фонологии и фонетике, орфоэпии, диалектологии, теории лингвистической географии, орфографии рус. языка. Разработанная А. теория легла в основу рус. и белорус. диалектологич. атласов («Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», ч. 1—2, 1957, «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», 1963), используется при составлении атласов других языков народов СССР. Под руководством А. создаётся международное издание «Общеславянский лингвистический атлас». В книгах «Очерки русской диалектологии» (ч. 1, 1949), «Очерк грамматики современного русского литературного языка» (ч.1, совм. с В. Н. Сидоровым, 1945), «Фонетика современного русского литературного языка» (1956) дано полное фонологическое описание рус. диалектов и рус. лит. языка. Произносительные нормы рус. языка изложены в книге «Русское литературное произношение» (1950, 5 изд., 1972). Под ред. А. печатается «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» (с 1966). А.— почётный чл. Лингвистического общества Чехословацкой АН (1965), почётный д-р Варшавского ун-та (1973), иностранный чл. Академии наук и литературы в Майнце (ФРГ), иностранный чл. Саксонской АН в Лейпциге (ГДР; 1978). Гос. пр. СССР 1971).

Лит.: Библиография трудов Р. И. Аванесова [1927—71], в кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р. И. Аванесова, М., 1972; Бромлей С. В., Булатова Л. Н., 70-летие Рубена Ивановича Аванесова, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1972, т. 31, в. 3; Горшкова К. В., Рубен Иванович Аванесов (к 70-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности), «Вестник МГУ. Серия 10. Филология», 1972, № 4; Степанов Ю. С., Рубен Иванович Аванесов [к 75-летию со дня рождения], «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1977, т. 36, в. 1; Иванов В. В., Рубен Иванович Аванесов (к 75-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1977, № 1.

АВТОМАТИ́ЧЕСКИЙ ПЕРЕВО́Д, машинный перевод,— перевод текста с одного естественного языка на другой, выполняемый с помощью ЭВМ по заранее составленному алгоритму. Под алгоритмом понимается определённая последовательность формальных операций, выполнение к-рых позволяет перейти от фразы на исходном языке к её переводному эквиваленту на выходном языке. Алгоритм состоит из двух основных частей — анализа и синтеза, к-рые выполняются на основе вспомогательных данных: словарей входного и выходного языков и дополнительной грамматической информации. Алгоритм представляется в ЭВМ в виде программы, а вспомогательная информация — в форме машинных словарей, таблиц, списков. В результате анализа на основе формы слова в исходной фразе и его связей с другими словами, а также информации, извлекаемой из входного словаря и таблиц, определяются номер переводного эквивалента, его грамматическая форма и место во фразе на выходном языке. Синтез состоит в построении на основе результатов анализа и информации, получаемой из выходного словаря, требуемых форм слов и всей фразы на выходном языке. Весь процесс А. п. складывается из этапов ввода исходного текста, анализа, синтеза и вывода переведённого текста. Практи-

ческие системы А. п.— это системы больших словарей слов и оборотов (объём их достигает десятков и сотен тысяч единиц) с относительно несложными алгоритмами грамматического анализа и синтеза (объём программ составляет десятки тысяч команд), с частичным разрешением лексической многозначности, реализуемые на высокопроизводительных ЭВМ. Как правило, А. п. сопровождается последующим редактированием выходных текстов (обычно простых по языку). Для разработки более совершенных систем А. п. потребуются усилия больших коллективов инженеров и лингвистов, специалистов по программированию и электронно-вычислительной технике.

Первоначально А. п. представлялся как механизированный поиск по словарю: в 1933 сов. инженер П. П. Троянский изобрёл «машину для подбора и печатания слов при переводе». Однако реализация А. п. стала возможной только с появлением ЭВМ. Первый эксперимент по переводу научных и технических текстов узкой тематики с рус. языка на английский с помощью ЭВМ осуществлён в 1954 в США. В СССР первые эксперименты были проведены в 1956 группами учёных под руководством Д. Ю. Панова и И. К. Бельской (англо-рус.) и А. А. Ляпунова, О. С. Кулагиной и Т. М. Молошной (франко-рус. и англо-рус.).

Исследования и эксперименты по А. п. в кон. 50— нач. 60-х гг. показали, что проблема А. п. является в основном не математической, как это предполагалось первоначально, а лингвистической. Выявились непригодность для А. п. существующих грамматик и недостаточность опыта формального описания разных уровней языка (морфологии, синтаксиса, семантики) для составления алгоритмов анализа и синтеза текста и их реализации на ЭВМ. Поиски способов формального описания языковых структур оказались необходимыми не только для А. п., но и для других, более сложных задач обработки информации на естественном языке. К 70-м годам исследования языковых структур и методов их формального представления настолько расширились, соприкасаясь со смежными дисциплинами и их специфическими задачами, непосредственно не связанными с А. п. (математическая логика, семиотика, информатика и др.), что их можно рассматривать как относительно самостоятельное направление теоретических работ на стыке этих наук. Это направление исследований часто также называют А. п. или «автоматической переработкой текстов». Поэтому следует различать А. п. как научно-техническую задачу построения практических систем А. п. для массового, «промышленного», перевода научно-технических текстов (о переводе художественной лит-ры вопрос не ставится) со своей лингвистической проблематикой и А. п. как более общую научную проблему использования естественного языка в процессах автоматической обработки информации. В последнем случае лингвистическая проблематика связывается гл. обр. с задачами представления и понимания смысла, возникающими при создании «программ, понимающих естественный язык» (такие программы занимают важное место в работах по проблеме «искусственный интеллект»).

В целом А. п.— это фундаментальная проблема, связанная как с решением ближайшей научно-технической задачи (практические системы А. п.), так и с поисками путей решения более сложных задач обработки информации на естественном языке (поиск информации по тексту, автоматическое реферирование текстов, общение человека с ЭВМ на естественном языке и т. п.).

За рубежом существуют практические системы А. п. различного типа: большие автоматические словари, использование к-рых в режиме взаимодействия человека с ЭВМ обеспечивает наиболее быстрое и высококачественное выполнение переводов, системы перевода информационных материалов (напр., заголовков статей), системы А. п., дающие грубый перевод научно-технических текстов. К системам А. п. такого рода относятся, напр., «Логос» и «Систран» (скорость перевода соответственно 60 000 и 300 000 слов в час). В СССР разработано несколько экспериментальных систем А. п., на основе к-рых решается задача создания практических систем А. п. научно-технической информации с основных иностранных языков на русский.

Лит.: Панов Д. Ю., Ляпунов А. А., Мухин И. С., Автоматизация перевода с одного языка на другой, М., 1956; Перше С., Машинный перевод: вторая стадия развития, М., 1968; Моторин Ю. А., Марчук Ю. Н., Реализация автоматического перевода на современных серийных ЭВМ общего назначения, «Вопросы радиоэлектроники. Серия Электронная вычислительная техника», 1970, в. 7; Герасимов В. Н., Марчук Ю. Н., Современное состояние машинного перевода, в сб.: Машинный перевод и автоматизация информационных процессов, М., 1975. *Р. Г. Котов.*

АДВЕРБИАЛИЗА́ЦИЯ (от лат. adverbium — наречие) — переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи. Сущность процесса А. состоит в том, что нек-рые формы выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая её грамматические признаки, и приобретают грамматическое значение наречия и нередко особое лексическое значение. В истории языка наречия возникали из падежных форм существительных (нередко с предлогом) — плестись *шагом*, знать *назубок*, попасть *впросак*, прилагательных полных — *вплотную* и кратких — *досуха*, числи-

тельных — *вдвое*, деепричастных форм глагола — *нехотя*. Нек-рые наречия сохраняют в своём составе исторические формы (*поделом*, *сгоряча*) или лексемы (*в/просак*), уже исчезнувшие из языка. В совр. языке наречия типа *впросак* являются немотивированными, отношения между словами типа *шаг — шагом*, *сухой — досуха*, *хотеть — нехотя* при синхронном подходе рассматриваются в аффиксальном словообразовании.

В совр. языке может происходить контекстная А. нек-рых падежных форм существительных (прежде всего твор. п.) и нек-рых форм деепричастий с нейтрализацией предметных значений у существительных и процессуальных у деепричастий. При переходе в наречия формы утрачивают и синтаксические свойства бывшей части речи — способность согласовываться с прилагательным или управлять другими словами, ср.: *Смотрю на высокий дом — Что вам задали на дом?*; *лез наверх — на верх горы*; *подойти важно и неспеша — Он споткнулся, спеша нам навстречу*.

Отличать наречия от омонимичных форм важно для грамотного письма. По общему правилу наречия, исторически возникшие из сочетания служебного и знаменательного слова, как и все другие целостные слова, пишутся слитно. Однако из этого правила существуют исключения. Отчасти они объясняются тем, что существуют переходные случаи, о к-рых нельзя сказать, что процесс А. уже завершён. Раздельное написание многих слов устанавливается в словарном порядке: *без удержу*, *без умолку*; *до зарезу*; *до отвала*; *на бегу*, *на лету*, *на глазок*, *с разбегу* и т. д. Отдельно пишется исторический предлог, оканчивающийся на согласную, перед бывшим существительным, начинающимся с гласной: *в обмен*, *в одиночку*, *под уклон*. Раздельно пишутся сочетания, внутрь к-рых можно вставить прилагательное: *на (всём) скаку*, *попал в (такой) тупик*. Если сохраняются разные падежные формы в составе нескольких наречий, то такие наречия пишутся раздельно: *на корточки*, *на корточках*; *за границу*, *за границей*; *под мышками*, *под мышки*.

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык, М.--Л., 1947; Шанский Н. М., Правописание наречий, в кн.: Вопросы русской орфографии, М., 1964; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Буланин Л. Л., Трудные вопросы морфологии, М., 1976.

Е. В. Красильникова.

АДЪЕКТИВА́ЦИЯ (от лат. adjectivum — прилагательное) — процесс перехода других частей речи в прилагательное (*обобщающие исследования*, *вооружённая охрана*, *певец он никакой*, *первые ученики школы*). Термин «А.» чаще всего употребляется применительно к причастиям, т. к. они в большей степени, чем другие части речи, подвержены этому процессу. В лингвистической лит-ре употребление этого термина неоднозначно: одни исследователи относят А. к области словообразования и рассматривают всякую адъективированную лексическую единицу как прилагательное; другие относят А. к области полисемии, считая, что конечным результатом А. является образование у слова или его формы вторичного «адъективного» значения. Нек-рые полагают, что проблемы А. (применительно к причастиям) не существует, т. к. причастия рассматриваются как «процессуальные прилагательные», а не формы глагола.

При А. слово (или одно из его значений) приобретает смысловые и грамматические признаки прилагательного; напр., в сочетаниях *обобщающее исследование*, *обдуманный ответ* причастия (если контекст не подчёркивает их глагольных грамматических свойств) теряют грамматические категории глагола (вид, время, залог, глагольное управление) и употребляются в адъективных значениях: называют одно из свойств, качеств предмета или явления и имеют все грамматические и функциональные черты прилагательного. Процессу А. подвержены не все причастия, числительные, местоимения. Это связано с особенностями их семантики, морфемного состава, закреплённостью или незакреплённостью сочетаний с существительными в общественной практике употребления, с наличием или отсутствием эмоционально-экспрессивного фактора и с другими причинами.

Лит.: Лопатин В. В., Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию, «ВЯ», 1966, № 5; Калакуцкая Л. П., Адъективация причастий в современном русском литературном языке, М., 1971; Сазонова И. К., Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова, «ВЯ», 1971, № 6; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972.

И. К. Сазонова.

А́ЗБУКА [от названия первых двух кириллических букв: «азъ» и «буки» (первоначально писалось «азъбуки»); см. Кириллица]. В 17 в. встречается наименование «азъвѣди», составленное из названий первой и третьей букв, что полностью соответствует порядку греч. алфавита (буква «б» — чисто славянское изобретение). 1) В совр. рус. языке часто означает то же, что и алфавит (см.). В то же время наблюдается тенденция различения этих понятий: А. нередко называют только совокупность букв, но не обязательно в порядке алфавита. Выражение «азбучный порядок», имевшее широкое употребление в 19 в. (ср.: «*Татьяна в оглавленье кратком Находит азбучным порядком Слова: бор, буря, ведьма, ель...*» — Пушкин), вытесняется выражением «алфавитный порядок». 2) Широко

использовалось и используется как название первоначального пособия по обучению грамоте (то же, что букварь; см. Учебники русского языка). В 16—17 вв. были распространены А.-прописи, по к-рым учили писать. Как совокупность системы условных знаков служит для наименований типа: «А. Морзе», «А. глухонемых», «А. слепых».

И. С. Филиппова.

АЗБУКО́ВНИКИ — русские анонимные рукописные сборники статей учебного, нравоучительного и энциклопедического характера. Первый список толкуемых слов типа А. помещён в Новгородской кормчей 1282. В 13—16 вв. А. были гл. обр. толковыми словарями «неудобопознаваемых речей» (т. е. непонятных слов), встречающихся преим. в книгах т. н. Священного писания. Слова располагались по алфавиту, указывалось их происхождение, перевод и разъяснение. В 17—18 вв. наибольшее распространение получили учебные А. Они состояли обычно из азбуки (со слогами и прописями), кратких сведений по рус., а иногда и греч. грамматике (напр., «О начале грамоты греческия и русския»), арифметике и религиозно-нравственных поучений. В нек-рых А. встречаются статьи по всеобщей истории (о Юлии Цезаре, Яне Гусе и др.); статьи по рус. истории заимствованы гл. обр. из хронографа (см.) (о князьях Борисе и Глебе, Андрее Боголюбском, об Иване Грозном и пр.). В занимательной форме А. сообщали сведения и по естествознанию (о нек-рых экзотических животных, драгоценных камнях, растениях, «О четырёх временах года» и т. п.). Наряду с фантастическими сведениями в А. имелись и реальные данные и наблюдения над родной природой. Менее распространены были нравоучительные А., содержавшие правила поведения детей в школе и дома. Сохранилось более 200 списков А.

Лит.: Мордовцев Д. Л., О русских школьных книгах XVII века, М., 1862; Пруссак А. В., Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении императорской Публичной библиотеки, П., 1915; Буш В. В., Памятники старинного русского воспитания, П., 1918; Орлов А.С., Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды, «Докл. АН СССР», 1931, [серия] В, № 3; Ковтун Л. С., Древние словари как источник русской исторической лексикологии, Л., 1977. *Л. Н. Пушкарёв.*

А́КАНЬЕ — один из двух основных типов безударного вокализма рус. говоров, противопоставленный оканью (см.), наиболее характерная черта южного наречия и южной части ср.-рус. говоров, свойственная и лит. языку.

А. в узком смысле — неразличение *о* и *а* в безударном положении, совпадение их всегда или в части позиций в звуке *а*. Есть два типа А.: диссимилятивное и недиссимилятивное. Диссимилятивное А. распространено в западной части южного наречия, остальные акающие говоры и лит. язык характеризуются недиссимилятивным А. При недиссимилятивном А. *о* и *а* совпадают в 1-м предударном слоге всегда в *а*: *со́вы, тра́вы—сава́, савы́, трава́, травы́*. При диссимилятивном А. на месте *о* и *а* произносится в 1-м предударном слоге звук *а* или *ъ* в зависимости от того, какой гласный под ударением. Принцип диссимиляции заключается в том, что перед ударным гласным нижнего подъёма не может быть гласный того же подъёма: перед гласным верхнего подъёма произносится гласный нижнего подъёма *а*, перед гласным нижнего подъёма произносится гласный среднего подъёма *ъ*: *савы́, саву́, травы́, траву́ — съва́, тръва́*. В зависимости от того, *а* или *ъ* произносится перед гласными верхнесреднего подъёма *е́, о́* и среднего подъёма *е, о*, выделяются два типа диссимилятивного А. При ж и здринском, или белорусском, типе *а* произносится перед всеми гласными верхнесреднего и среднего подъёмов: *к сав'е́, к траве́, савбо́й, травбо́й, ламт'е́й, лапт'е́й, насо́к, плато́к*. При обоянском, или архаическом, типе перед гласными верхнесреднего подъёма произносится *а*: *к сав'е́, к трав'е́, савбо́й, травбо́й*; перед гласными среднего подъёма — *ъ*: *лъмт'е́й, лъпт'е́й, нъсо́к, плъто́к*. Вместо *ъ* по говорам могут произноситься звуки *ы, оъ, э*: *сыва́, трыва́*, или *соъва́, троъва́*, или *сэва́, трэва́*.

В других безударных слогах, кроме 1-го предударного, *о* и *а* обычно совпадают в звуке *ъ*, в конечном слоге — в *ъ* или *а*: *бърада́, нъпаха́т', зо́лътъ, вы́дълъ* или *зо́лъта, вы́дъла*. Реже бывает совпадение их в *а* во всех безударных слогах: *барада́, напаха́т', зо́лата, вы́дала*.

А. в широком смысле — неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах — включает и типы такого неразличения после мягких согласных: яканье (см.), иканье (см.), еканье (см.).

Часть лингвистов считает оканье более древним типом вокализма и связывает возникновение А. с редукцией безударных гласных. Самым архаичным признаётся вокализм диссимилятивного типа. Наибольшее распространение получила точка зрения Р. И. Аванесова, считающего, что А. возникло во 2-й пол. 12 — 1-й пол. 13 вв. на территории бассейна верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, откуда оно позже распространялось на запад, северо-запад и север. Другие лингвисты придерживаются иного мнения. Особенно много внимания проблеме А. уделяют В. И. Георгиев и Ф. П. Филин (см.). Филин считает, что А. и оканье одинаково древни; по мнению Георгиева, А. древнее оканья. С точки зрения этих учёных, возникновение различия

между этими двумя типами вокализма относится к 7—8 вв.

Лит.: Филин Ф. П., Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973; Аванесов Р. И., Русская литературная и диалектная фонетика, М., 1974. *Л. Л. Касаткин.*

АККОМОДА́ЦИЯ (от лат. accomodatio — приспособление) — частичное приспособление артикуляции двух рядом стоящих звуков (обычно согласного к гласному или гласного к согласному). А. может быть прогрессивной и регрессивной. Прогрессивная А.— это частичное приспособление начала артикуляции (экскурсии) последующего звука к концу артикуляции (рекурсии) предшествующего звука. Так, в позиции после мягкого согласного гласные [*а*], [*о*], [*у*] испытывают незначительную передвижку артикуляции вперёд в экскурсии: *мясо* [*м'·а*] *со*, *мёд* [*м'·о*]*д*, *люк* [*л'·у*] *к*. Регрессивная А.— это частичное приспособление рекурсии предшествующего звука к экскурсии последующего звука. Примером регрессивной А. может служить незначительное передвижение вперёд в рекурсии гласных [*а*], [*о*], [*у*], [*ы*] в позиции перед мягким согласным: *мать* [*ма·т'*], *моль* [*мо·л'*], *куль* [*ку·л'*], *мыть* [*мы·т'*].

Лит.: Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959; Вандриес Ж., Язык. Лингвистическое введение в историю, пер. с франц., М., 1937; Мартынов В. В., Общая теория аккомодации и типология языков, в сб.: Исследования по фонологии, М., 1966; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975. *С. Н. Дмитренко.*

АКТИ́ВНЫЙ СЛОВА́РЬ — 1) часть словарного состава совр. языка, к-рая свободно употребляется в живом повседневном общении во всех сферах жизни человеческого общества; противопоставляется пассивному словарю (см.). А. с. включает как слова общенародного употребления, так и те, к-рые ограничены в своём использовании теми или иными условиями (специальные термины, профессионализмы, эмоционально-экспрессивная лексика и т. п.). Слова А. с. лишены оттенков архаичности или новизны и образуют ядро лексической системы совр. языка. А. с. языка следует отличать от А. с. (активного запаса слов) отдельного носителя языка, к-рый зависит от его профессии, образования, социальной среды и т. п. Каждая эпоха в развитии языка отличается своеобразным соотношением активного и пассивного лексического запаса, в процессе развития языка и общества слова могут переходить из А. с. в пассивный и наоборот. Так, в сов. время из А. с. в пассивный перешли такие слова, как *городовой*, *гимназия*, *денщик*, *стражник*, *земский врач* и др.

2) Словарь, задача к-рого облегчить читателю активное воспроизведение речи, выбор нужного слова из всей лексической совокупности и правильное его употребление. Противопоставление «А. с. — пассивный словарь» опирается на положение о том, что говорящий (пишущий) и слушающий (читающий) нуждаются в словарях разного типа. Первому необходимы словари активного типа, второму — пассивного. А. с. служит для справок о том, какими языковыми средствами можно выразить то или иное понятие, передать то или иное содержание. Слова (значения) в А. с. распределяются по классам, рядам, отражающим систему понятий или выражающим одно понятие. К А. с. относятся идеологические (идеографические, тематические) словари, словари синонимов, антонимов, сочетаемости слов. А. с. должен содержать сведения о формально-грамматических, словообразовательных, семантических, стилистических, сочетаемостных свойствах, об особенностях употребления слова в речи, т. е. всё, что помогает активному пользованию языком.

Противопоставление «А. с.— пассивный словарь» имеет, однако, условный характер. Воспроизводство речи не может быть сведено к лексическим процессам, следовательно, ни синонимический, ни идеологический, ни сочетаемостный словарь в отдельности, ни все они вместе не могут обеспечить непосредственное воспроизводство речи, а могут лишь служить справочниками. С другой стороны, и слушание, и чтение предполагают активное участие слушающего (читающего) в процессе общения. Вместе с тем словарь пассивного типа, напр. толковый алфавитный словарь, содержит сведения о слове, к-рые в целом обеспечивают возможность правильного использования его в речи, что придаёт такому словарю активный характер.

Лит.: Лексикографический сборник, в. 1—6, М., 1957—63; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974. *Ф. П. Сороколетов.*

АКТУА́ЛЬНОЕ ЧЛЕНЕ́НИЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — смысловое членение предложения, при к-ром оно делится на исходную часть — данное, и то, что говорится о ней,— новое (*Яблок — уйма*). Актуальное членение (АЧ) может совпадать с членением предложения на группу подлежащего и группу сказуемого или на подлежащее и сказуемое (для нераспространённых предложений): *Охота/ запрещена*; *Новый директор завода/ сразу приступил к переезду*. В этом случае говорят о совпадении актуального и грамматического членения. Чаще эти членения не совпадают: *В нашем районе/ выросли новые дома*; *Книгу эту/он купил случайно*. При А. ч. п. возможен раз-

рыв групп подлежащего, сказуемого и второстепенных членов: *Жену он выбрал себе/хорошую.*

Предложения, не поддающиеся АЧ, называются нерасчленёнными. Обычно они имеют значение бытийности, констатации факта: *Идёт снег*; *Можно начинать*; *Нет денег.* Эти же предложения могут быть преобразованы — с тем же лексико-грамматическим составом — в предложения с АЧ: *Снег / — идёт*; *Начинать / — можно*; *Денег / — нет.*

Исходную часть АЧ называют т е м о й, или исходом, заключительную — р е м о й, или ядром. Начало изучения АЧ обычно связывается с именем чеш. лингвиста В. Матезиуса (1882—1945), хотя о смысловом членении предложения писали многие лингвисты и до него, употребляя, однако, иную терминологию. Слово «актуальный» говорит о том членении, к-рое имеет место в момент общения, в актуальной речи. Дискуссионным является вопрос о том, на сколько элементов членится предложение при АЧ. Наиболее распространено двойное (бинарное) членение — деление предложения на тему и рему, но существуют и другие теории, согласно к-рым выделяются переходные элементы (в основном служебные слова) и собственно тема и рема.

В письменной речи деление на тему и рему чаще всего не обозначается знаками препинания, но иногда обозначается тире. В устной речи основное средство А. ч. п.— интонация: на теме повышается голос, на реме понижается:

Иван Иванович / давно ушёл.

Обычно тема помещается в начале фразы, рема — в конце. При изменении этого порядка происходит сдвиг фразового ударения, и оно, в усиленной форме, падает на рему:

Иван Иванович / не любил читать книги.

(или *Не любил читать книги/ Иван Иванович*).

Лит.: Матезиус В., О так называемом актуальном членении предложения, в сб.: Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Распопов И. П., Актуальное членение предложения, Уфа, 1961; Крушельницкая К. Г., К вопросу о смысловом членении предложения, «ВЯ», 1956, № 5; Кравчук И. А., Что определяет порядок слов в русском языке, «Русский язык за рубежом», 1967, № 3; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Лаптева О. А., Нерешенные вопросы теории актуального членения, «ВЯ», 1972, № 2; Николаева Т. М., Актуальное членение — категория грамматики текста, там же. *Т. М. Николаева.*

АКЦЕ́НТ (от лат. accentus — ударение) — совокупность ошибок в речи человека, говорящего на неродном языке, к-рые обусловлены влиянием системы его родного языка (иноязычный А.; ср., напр., выражения «немецкий А.», «грузинский А.»), либо — внутри одного языка — совокупность особенностей, не свойственных данному лит. языку, в речи носителя диалекта, когда он несовершенно владеет нормами лит. языка (диалектный А.; напр., оканье в речи русских-северян, фрикативное [γ] вместо [г] в речи русских-южан). А.— результат и речевое проявление интерференции (взаимопроникновения) систем и норм двух языков (диалектов); его следует отличать от ошибок, вызванных другими причинами: ложные аналогии при усвоении языка, т. е. создание форм, допустимых самой системой языка, но не принятых в речевой практике (такие ошибки часты в речи детей), ошибки, вызванные расстройством речи при афазии, и т. п. А. может затрагивать все уровни языка, вплоть до грамматики и лексики, но наиболее заметен он в произношении (фонетика и интонация). Ошибки, относящиеся к сфере А., образуют иерархию по степени существенности в зависимости от того, какие стороны звукового строя языка затронуты интерференцией: то ли это неумение правильно произнести новый звук (артикуляционная ошибка), то ли неспособность осознать функциональную значимость звука как фонемы (см.) (фонологическая ошибка).

Термин «А.» имеет и другое значение, выступая как синоним термина «ударение» (см. Акцентология). *В. А. Виноградов.*

АКЦЕНТОЛО́ГИЯ (от лат. accentus — ударение и греч. lógos — слово, учение) — 1) учение об акцентных (просодических) средствах языка; имеет несколько аспектов: описательный, сравнительно-исторический, теоретический. Описательная А. исследует фонетические, фонологические, грамматические свойства просодических средств. Предмет сравнительно-исторической А.— исторические изменения акцентных систем, их внешняя и внутренняя реконструкция. Теоретическая А. изучает системные отношения просодических средств, роль в структуре значимых единиц, языковые функции; 2) система акцентных средств (иначе — акцентуация).

Русская А. в сер. 19 в. делала первые шаги. Ударение впервые стало объектом научного рассмотрения в трудах А. Х. Востокова (см.), выделившего его в самостоятельный раздел грамматики. Востоков, а затем Я. К. Грот (см.) составили списки слов с подвижным ударением, но не смогли выявить закономерностей ударения. Термин «А.» был введён в науку Р. Ф. Брандтом, книга к-рого «Начертание славянской акцентологии» (1880) явилась первым печатным трудом по сравнительной А. слав. языков.

В 60-е гг. А. А. Потебня (см.) выдвинул морфологический критерий в А. как принцип описания рус. ударения. Он положил начало изучению ударения как системы, рассматривая его в связи со словоизменением и словообразованием. Однако труд Потебни «Ударение» остался незавершённым и увидел свет только в 1973.

Грамматический критерий оценки просодических явлений был основой акцентологических воззрений И. А. Бодуэна де Куртенэ (см.), выдвинувшего ряд идей, к-рые во многом опередили современные учёному просодические теории. Ему принадлежит мысль о зависимости просодических средств от морфологического типа языка, а также о том, что словесные просодии выполняют функцию связи компонентов синтагматической структуры слова (морфем, слогов); Бодуэн указал при этом на функциональное тождество таких различных просодических явлений, как сингармонизм и морфологически подвижное ударение. Существенный вклад в развитие теоретической А. внёс Е. Д. Поливанов, в трудах которого по япон. акцентуации разрабатывались принципы парадигматического анализа акцентных средств.

Выдающуюся роль в развитии методологии сравнительно-исторического изучения акцентных систем и принципов парадигматической А. сыграли работы швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра по литов. акцентуации. Осуществляя внутреннюю реконструкцию, Соссюр отделял факты морфологической подвижности ударения от подвижности, определяемой фонетическим законом, названным его именем, и необъяснимой на уровне морфологического анализа. Этот методологический принцип Соссюра был предан забвению в последующих исследованиях ударения слав. языков, где любая подвижность ударения рассматривалась как результат действия фонетического закона Соссюра, что препятствовало изучению морфологической подвижности в праслав. языке. Современные сравнительно-исторические исследования по слав. А. возродили методологический принцип Соссюра. Однако попытки объяснить подвижность ударения только фонетическими факторами, без обращения к грамматике, всё же характерны для ряда синхронных исследований.

Морфологический подход к рус. ударению, подготовленный всей рус. языковедческой традицией, был развит в акцентологическом учении польск. лингвиста Е. Куриловича, основной принцип к-рого состоит в том, что рус. ударение объяснить без учёта морфологической структуры слова нельзя.

В работах представителей московской фонологической школы (см. Фонология) отмечается грамматическая функция рус. ударения — противопоставление форм словоизменения.

Большое значение для понимания фонетики и фонологии ударения имеют работы сов. языковедов Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского, Л. Р. Зиндера, М. В. Панова и др.

Парадигматические акцентологические исследования в 70-е гг. представляют рус. ударение как систему. В этих работах устанавливается система акцентных единиц, прослеживается использование ударения для выражения грамматических противопоставлений, выявляются закономерности ударения, разрабатываются научные принципы его описания.

В языках мира используются различные акцентные системы: монотония (разные виды силового ударения), политония (музыкальное ударение, тон), сингармонизм. «Выбор» просодических средств определяется фонологической системой и морфологическим типом языка. В слав. языках в качестве словесного акцента выступают монотоническое (динамическое) ударение (рус., польск., болг.), политоническое (музыкальное) ударение (сербскохорватский) и долгота. В истории языка акцентные системы могут сменять одна другую: древнее музыкальное ударение в большинстве слав. языков, в т. ч. русском, изменилось на динамическое.

Просодические средства, представляя собой систему, к-рая занимает промежуточное положение между уровнями грамматики и фонологии, могут выполнять различные функции: различения, разграничения, объединения значимых единиц.

Подробно о системе ударения в рус. языке см. в ст. Ударение.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Курилович Е., Система русского ударения, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М., К истории славянской системы акцентуационных парадигм, в кн.: Славянское языкознание, М., 1962; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; его же, Грамматический словарь русского языка. Словоизменение, М., 1977; Редькин В. А., Акцентология современного русского литературного языка, М., 1971; Федянина Н. А., Ударение в современном русском языке, М., 1976; Соссюр Ф. де, К вопросу о литовской акцентуации, в его кн.: Труды по языкознанию, М., 1977.

Н. А. Федянина.

АЛЛЕГО́РИЯ (греч. allēgoría — иносказание) — одна из форм иносказания, заключающаяся в передаче отвлечённого понятия или мысли через конкретный образ. В отличие от такой формы иносказания, как символ, к-рый по сути своей многозначен, А. однозначна. В лит-ре широко применялась в средние века, позднее — в поэтике классицизма и ро-

мантизма. Многие А. обязаны своим происхождением древним обычаям, культурным традициям (ср. гербы, эмблемы), фольклору — гл. обр. сказкам о животных (лиса — А. хитрости, волк — злобы и жадности и т. п.). На А. с древних времён строятся басни и притчи, используется она и в других юмористических и сатирических жанрах. В рус. классической лит-ре А. была распространённым приёмом в сатирических произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, в творчестве А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя (напр., аллегорические фамилии таких персонажей, как Скалозуб, Молчалин, Собакевич). Аллегоричны пьесы В. В. Маяковского «Клоп», «Баня», «Мистерия-буфф».

Л. И. Лебедева.

АЛЛИТЕРА́ЦИЯ (от лат. ad — к, при и littera — буква) — один из способов звуковой организации речи, относящийся к т. н. звуковым повторам и заключающийся в симметрическом повторении однородных согласных звуков. Слова, связанные А., выделяются в речевом потоке, приобретают определённую интонационную значимость. Как стилистический приём А. с древних времён употребляется в устно-поэтической и лит. разновидностях художественной речи. На А. построены многие пословицы и поговорки (*Тише едешь — дальше будешь*; *Мели, Емеля, твоя неделя*), скороговорки (*На дворе трава, на траве дрова, надо двор раздровить, дрова выдворить*). Выделяя, подчёркивая отдельные слова или группы слов, А. тем самым подчёркивает ритм речи и потому особенно широко используется в произведениях, язык к-рых ритмически организован, и, в частности, в поэзии. Так, напр., богато А. «Слово о полку Игореве» («*Трубы трубят в Новеграде, стоят стязи в Путивле...*»; «*С зарания в пятк потопташа поганыя плъкы половецкыя...*»). В рус. лит. поэтическом языке А. используется с 18 в., когда В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов (см.) развили основы новой метрики. Простейшим видом А. является звукоподражание, но в чистом виде оно используется не столь часто и обычно выступает лишь как первооснова дальнейших звуковых ассоциаций (ср. пушкинское: «*Шипенье пенистых бокалов И пунша пламень голубой*»). Поэты-реалисты в рус. классической и сов. лит-ре пользовались А. в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха. В поэтических течениях и школах, возводивших в принцип прежде всего стихотворную форму (в частности, у рус. символистов), А., как и другие звуковые приёмы, нередко использовалась самоцельно, что приводило порой к игре словами, лишённой поэтической глубины и мысли.

На А. строится т. н. поэтическая этимология — двойной или тройной звуковой параллелизм, когда в стихе к первому члену сопоставления подбираются фонетически близкие слова и тем самым подчёркивается единство звуковой структуры: «*Он вне себя. Он внес с собой Дворовый шум — и делать нечего!*» (Пастернак).

А. близка другому типу звукового повтора — ассонансу (см.) и нередко с ним сочетается.

Лит.: Брик О., Звуковые повторы, в сб.: Поэтика, П., 1919; Квятковский А., Поэтический словарь. М., 1966; Тимофеев Л. И., Тураев С. В., Словарь литературоведческих терминов, М., 1974.

Л. И. Лебедева.

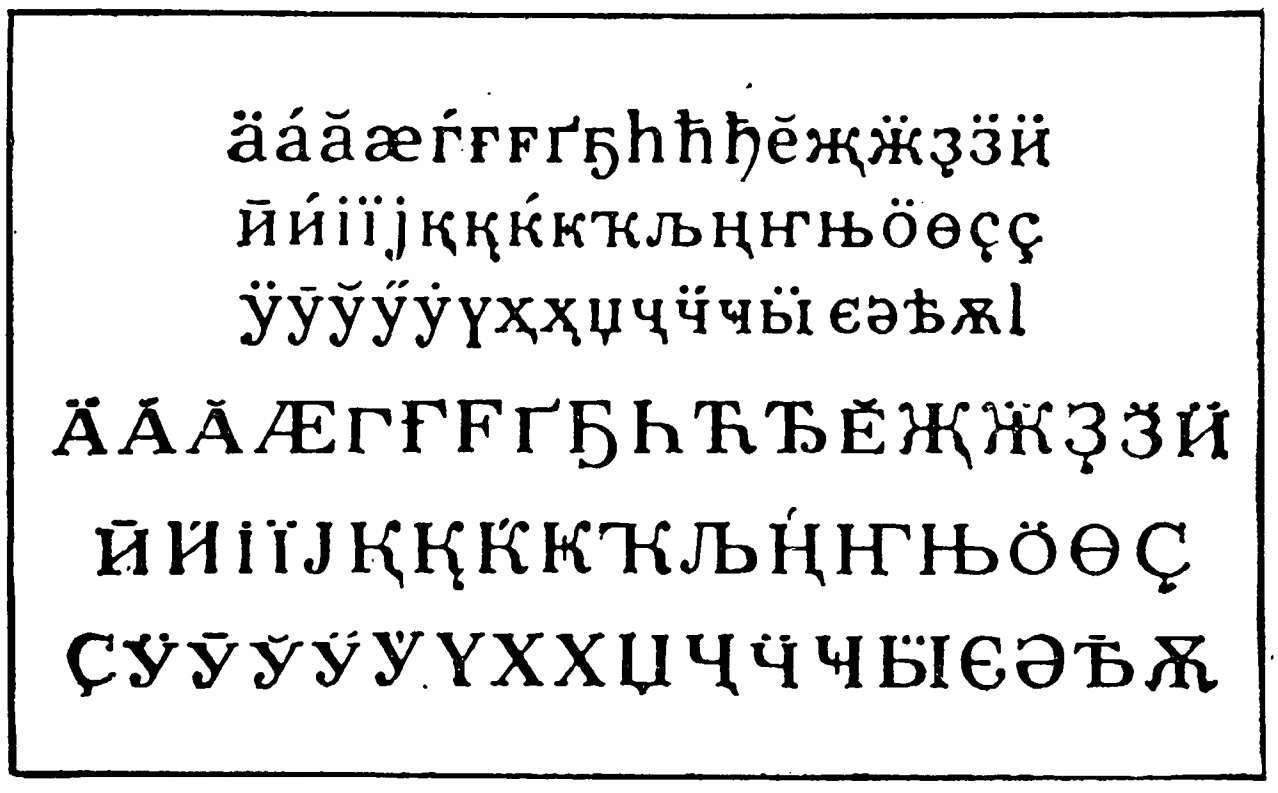
АЛФАВИ́Т [от названия двух первых букв греч. А. альфа и бета (новогреч.— вита)], азбука,— совокупность букв, принятых в данной письменности и расположенных в установленном порядке. Кроме того, А. называется сам порядок букв, а также (реже) перечень, указатель чего-либо. Совр. рус. А. состоит из 33 букв.

Рус. А. складывался постепенно на основе кириллицы (см. Кириллица, а также ст. Письмо), долгое время отличался от современного составом и названиями букв. Порядок букв на протяжении веков оставался почти неизменным. Первое законодательное изменение состава А. связано с реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). До этого времени об изменении состава А. можно судить на основании данных памятников письменности рус. языка. В подражание греч. и ст.-слав. рукописям в состав рус. А. вошли буквы, к-рые образовали дублеты для передачи одного и того же звука (фонемы): «*и* восьмеричное» и «*і* десятеричное», *о* («он» или «о-микрон») и ѡ («омега»), *ф* («ферт») и ѳ («фита»), ѫ («юс большой») и сочетание *оу*, а также ѹ («ук»), ѭ («юс большой йотированный») и *ю* и т. д. Нек-рые дублетные буквы довольно рано перестали употребляться в др.-рус. рукописях. Так, к сер. 12 в. буквы ѫ и ѭ были заменены буквами *оу*, ѹ и *ю*. Позднее, в 15 в., в результате т. н. второго южнослав. влияния «юс большой» вновь начали писать, но «красоты ради, а не истины», как выражались древние рус. книжники. Другие парные буквы долгое время сохранялись в составе А. В отдельные периоды истории рус. письменности наблюдались тенденции установления различий в их употреблении. Напр., известны древнейшие рукописи, в к-рых *о* преобладало после букв, обозначающих согласные, а ѡ — после букв гласных и в начале слова. При слитном написании текста без разделения на слова пробелами, без употребления прописных букв ѡ в известной мере указывала на границу слова. Буква ѹ («ук») возникла из сочетания букв *оу* или *ov*, написанных одна над другой, и первоначально писалась для экономии места в конце строки. В поздних памятниках 16—17 вв.

Аа	[*а*]	Кк	[*ка*]	Хх	[*ха*]
Бб	[*бэ*]	Лл	[*эль*]	Цц	[*цэ*]
Вв	[*вэ*]	Мм	[*эм*]	Чч	[*че*]
Гг	[*гэ*]	Нн	[*эн*]	Шш	[*ша*]
Дд	[*дэ*]	Оо	[*о*]	Щщ	[*ща*]
Ее	[*е*]	Пп	[*пэ*]	Ъъ	[*твердый знак*, стар. *ер*]
Ёё	[*ё*]	Рр	[*эр*]	Ыы	[*ы*]
Жж	[*жэ*]	Сс	[*эс*]	Ьь	[*мягкий знак*, стар. *ерь*]
Зз	[*зэ*]	Тт	[*тэ*]	Ээ	[*э оборотное*]
Ии	[*и*]	Уу	[*у*]	Юю	[*ю*]
Йй	[*и краткое*]	Фф	[*эф*]	Яя	[*я*]

Современный русский алфавит.

парные буквы ѹ и *у* (из *оу*) использовались иногда по-разному: *у* — в начале слова и после букв гласных, ѹ — в середине слова после букв согласных. Буквы *и* и *і* употреблялись для различения нек-рых омонимов (см.). Так, вплоть до реформы правописания 1917—18 слово *мир* в значении «вселенная» писалось с *і* (*міръ*), а *мир* — «согласие» — через *и*. Парные буквы использовались, по словам палеографа В. Н. Щепкина, также для «зрительного отдыха»: писалось не *оо*, а *оѡ*, не *ии*, а *иі* или *іи* (наподобие франц. графики, в к-рой группа *іі* заменялась *іj*, откуда далее *у* в значении двойного *і*). Буквы ҁ («зело»), θ («фита»), *і*, ξ («кси»), ѱ («пси»), ѡ («омега») в числе других служили для обозначения цифр соответственно 6, 9, 10, 60, 700, 800. Кроме того, в составе рус. А. были буквы ѣ, ъ, ь, соответствовавшие особым звукам (фонемам); см. Древнерусский язык. В результате изменения звукового состава рус. языка, появления новых приёмов в графике, замены буквенной цифровой системы арабской цифровой системой буквы *і*, ѡ, ѯ, ѱ, θ, ѣ стали лишними и были устранены из состава алфавита реформами правописания. Буквы ъ и ь с изменившимся значением и сейчас входят в состав рус. А. (см. Буква).



Диакритические знаки и дополнительные буквы, применяемые в системах письма, построенных на русской основе.

Состав А. менялся также оттого, что в него вводились новые буквы. Так, реформой Петра I в состав А. были введены буквы *э*, *я*, к-рые употреблялись в письменной практике с 16 в. В 1735 АН узаконила букву *й*. Букву *ё* в 1797 применил Н. М. Карамзин в альманахе «Аониды» вместо бытовавшего в то время *i͡o*. Окончательный состав и название букв совр. рус. А. был установлен реформой правописания 1917—18.

Рус. А. служит основой для алфавита многих языков СССР; совр. рус. гражданский А. за пределами СССР явился основой А., употребляющихся в НРБ, СФРЮ, МНР.

Лит.: Диринге р Д., Алфавит, пер. с англ., М., 1963; Истрин В. А., Возникновение и развитие письма, М., 1965; Щепкин В. Н., Русская палеография, М., 1967.

И. С. Филиппова.

АНАЛО́ГИЯ (греч. analogía — соответствие, сходство) — уподобление элементов языка другим элементам того же уровня, более распространённым и продуктивным, или сближение таких элементов. А.— одна из причин нефонетических изменений звукового облика слов и форм, она приводит к упорядочению тех фактов в словоизменении и словообразовании, к-рые в истории языка были разобщены или расходились в силу действия различных звуковых законов (см.). А. ярче проявляется в словоизменении, чем в словообразовании, это объясняется тем, что в словоизменении действует бо́льшая регулярность при образовании форм.

Действие А. на фонетическом уровне приводит иногда к полной или частичной утрате исторических чередований, напр. чередование *е/о* исторически обусловлено качеством соседних согласных: под ударением перед твёрдым согласным произносится *о*, перед мягким — *е* (*сёла — сельский*, *весёлый — веселье*, *плётка — плесть*, *пёк — печь*), однако произносятся одинаково слова *пёс — пёсик*, *весёлый — весёленький*, *тётка — тётя*, *горшок — горшочек* и др., где гласный *о* перед мягким согласным возник по А. с произношением этого гласного перед твёрдым согласным.

В области морфологии действием А. вызван переход глаголов из одного класса в другой, напр. у глаголов *икать*, *полоскать*, *брызгать*, *махать* формы 1-го лица ед. ч. первоначально образовывались только с чередованием согласных: *ичу*, *полощу*, *брызжу*, *машу*, но по А. с глаголами продуктивного класса типа *читать — читаю*, *кидать — кидаю*, *делать — делаю* появились формы *икаю*, *полоскаю*, *брызгаю*, *махаю*, причём форма *икаю* стала единственно возможной в лит. языке, а остальные сосуществуют с более ранними. Совр. форма предл. п. ед. ч. существительных жен. рода с основой на *к*, *г*, *х* (*на руке*, *ноге*, *сохе*) возникла на месте др.-рус. формы с согласными *ц*, *з*, *с* перед окончаниями (*на руцѣ*, *нозѣ*, *сосѣ*) в результате А. с другими формами, сохраняющими *к*, *г*, *х* (*рука*, *руки*, *руку* и т. д.), и с формами существительных, имеющими чередование твёрдых и мягких согласных (типа: *кора — на коре*).

А. особенно часто проявляется в ненормированной диалектной речи и во внелит. просторечии, таковы, напр., диалектные формы *пеку — пекёшь — пекёт*, *берегу — берегёшь — берегёт* с заменой чередования *к/ч*, *г/ж* чередованиями твёрдого и мягкого согласного по типу: *несу — несёшь*, *веду — ведёшь*. По А. с формами род. п. мн. ч. существительных муж. рода с окончанием *-ов* в просторечии возникают формы с *-ов* и у существительных ср. рода: *местов*, *делов*.

А.— один из инструментов освоения родного языка ребёнком. Усвоив однажды парадигму слова или его словообразовательную структуру, ребёнок распространяет это представление на все слова данного класса (напр., по образцу противопоставлений *нога — ножка*, *рука — ручка*, где *ножка* и *ручка* являются уменьшительными образованиями от *нога*, *рука* с суффиксом *-к-*, дети образуют «неуменьшительные» *коша*, *пала*, воспринимая слова *кошка*, *палка* как образования с суффиксом *-к-*). В процессе дальнейшего языкового развития ребёнок получает дополнительные знания об отклонениях в парадигме.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Избр. труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967.

В. В. Иванов.

АНТИТЕ́ЗА (от греч. antíthesis — противоположение) — стилистическая фигура, строящаяся на противопоставлении сравнимых понятий (предметов, явлений, признаков), реализуемом на уровне словосочетания, предложения, фразы. Лексическая основа — антонимия, синтаксическая — параллелизм конструкций. Реализация А. достигается характером содержательно-логической соотнесённости со- или противопоставляемых понятий, типом конструкции, наличием или отсутствием союзов и др.

Подчёркивая высказываемую мысль, усиливая эмоционально-стилистическое звучание речи, А. лежит в основе многих пословиц, поговорок, афоризмов: *Легко подружиться, тяжело разлучиться*; *Умный научит, дурак наскучит.*

А. может быть использована как средство иронической или сатирической характеристики, описания (в особенности в случае частичного разрушения А., когда при сохранении её формально-синтаксической структуры нарушаются содержательно-логические связи понятий). Напр.: «*Иван Иванович худощав и вы-*

сокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича — на редьку хвостом вверх... Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением» (Гоголь).

А. входит в качестве необходимой структурной части в ряд стилистических фигур, строящихся на совмещении других. Ср. антитетическое членение, разделение (о б ъ е д и н е н и е противоположностей):

«К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы,
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы»
(Лермонтов).

Антиметабола (соединение А. с хиазмом): *Не для того живём, чтобы есть, а для того едим, чтобы жить.* Т. о., А. предстаёт как один из приёмов (фигур) реализации контраста (см.). *В. В. Одинцов.*

АНТО́НИМЫ (от греч. anti... — приставка, означающая противоположность, и ónyma — имя) — слова одной и той же части речи, имеющие противоположные значения. Обозначая противоположные проявления одной и той же сущности, А. взаимно отрицают и в то же время предполагают друг друга. *Горячий* и *холодный* одновременно и обозначают предел проявления качества, свойства, состояния предметов (т. е. границы качественной оценки температуры), и указывают на неразрывную связь противоположностей. Психологическую основу антонимии образуют ассоциации представлений по контрасту, логическую — противоположные видовые понятия, напр. *чёрный* и *белый* внутри родового понятия «ахроматический цвет».

А. выражают предельное отрицание противоположного значения, вскрываемое путём семантического анализа: *сильный — слабый* (= предельно не+сильный). Антонимия свойственна словам, обладающим качественно-оценочным значением (*лёгкий — тяжёлый, хорошо — плохо, истина — ложь, друг — враг*), а также словам, обозначающим координационные понятия (*начало — конец, левый — правый, до — после*) и противоположно направленные действия, признаки, свойства (*входить — выходить, подниматься — опускаться*). Противопоставление лексических единиц, не обозначающих качественного признака или противоположной направленности чего-либо, антонимии не образует (*легковой — грузовой* — об автомашине; ср.: *лёгкий — тяжёлый*). Не имеют А. слова конкретного значения (*лампа, стадион*).

Многозначное слово может иметь несколько А., соотносимых с его различными значениями: *лёгкий*$_1$ — *тяжёлый* (чемодан), *лёгкий*$_2$ — *трудный* (текст для перевода), *лёгкий*$_3$ — *сильный* (мороз) и др. Антонимические значения, взаимно противопоставляясь, различаются по одному существенному дифференциальному признаку. Семантической близости А. соответствует большое сходство в их лексической сочетаемости с другими словами, что делает возможным регулярное совместное употребление лексических единиц с противоположными значениями в характерных для них антонимических контекстах (*хороший и плохой, хороший или плохой, не хороший, а плохой, то хороший, то плохой* и т. п.).

Противоположные значения могут развиваться и внутри одного и того же слова: *просмотреть* — 1) «ознакомиться с чем-нибудь», 2) «не заметить, пропустить что-нибудь»; *наверно* — 1) «по всей вероятности, может быть», 2) «несомненно, точно» (это явление называется энантиосемией). По своей структуре А. делятся на разнокоренные (*весёлый — грустный*) и однокоренные (*приходить — уходить, удачный — неудачный, революция — контрреволюция*). Качественные прилагательные с приставками *не-, без-* выступают как А. только в том случае, если они являются предельными, крайними членами антонимической парадигмы: *удачный — (не совсем удачный) — неудачный, сильный — (слабосильный) — бессильный (= слабый)*; пары типа *сильный — несильный* (ср. *слабый*), *молодой — немолодой* (ср. *старый*) выражают ослабленную противоположность и не образуют А.

Иногда А. определяются более узко, напр. к ним относят только качественные или только разнокоренные слова. Однако такое понимание антонимии не учитывает в полной мере всех возможностей выражения противоположности в лексике. А. широко используются в языке как одно из образных средств (см. Антитеза).

Лит.: Н о в и к о в Л. А., Антонимия в русском языке, [М.], 1973; В в е д е н с к а я Л. А., Словарь антонимов русского языка. [Ростов н/Д.], 1971; К о л е с н и к о в Н. П., Словарь антонимов русского языка, Тб., 1972; Л ь в о в М. Р., Словарь антонимов русского языка, М., 1978.

Л. А. Новиков.

АНТРОПОНИ́МИКА (от греч. ánthrōpos — человек и ónyma — имя) — раздел ономастики (см.), изучающий антропонимы (собственные имена людей), закономерности их возникновения и развития, структуру, социальное функционирование и географическое распространение.

К числу собственных имён человека в рус. антропонимической системе относятся личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним. Личное имя, от-

чество и фамилия в совр. рус. среде являются обязательными (паспортными, официальными).

Личное имя — основное имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком, и неофициальная форма (формы) этого имени (сокращённые, суффиксальные, бессуффиксальные), напр. муж. имена: *Алексей* (*Алёша*, *Лёша*), *Михаил* (*Миша*), *Николай* (*Коля*, *Николка*); жен. имена: *Антонина* (*Тоня*, *Тонечка*), *Анна* (*Аня*, *Анюта*), *Надежда* (*Надя*). Иногда человек имеет второе (часто домашнее) личное имя. Среди рус. личных имён различаются старые славянские («языческие») имена: *Добромысл*, *Мирогость*, *Ждан*, *Некрас*, т. н. календарные (канонические) имена (содержащиеся в церковном календаре): *Мария*, *Владимир*, *Михаил* — и новые: *Гелий*, *Ревмира*.

Отчество — именование человека, произведённое от имени отца; может иметь форму муж. и жен. рода, напр.: *Ильич*, *Ильинична*, *Васильевич*, *Васильевна*. Отчество обычно употребляется вместе с личным именем (*Николай Сергеевич*, *Надежда Петровна*), но в просторечии может употребляться самостоятельно (*Сергеич*, *Михалыч*, *Патрикевна*). Отчества могут быть образованы не только от традиционных рус. имён, но и от любого муж. имени, в т. ч. заимствованного. В прошлом в России функцию отчества могли выполнять формы притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин*, образованные от имени отца: *Иван Петров* (сын), сохранившиеся ещё в диалектах и просторечии.

Фамилия — наследуемое именование, указывающее на принадлежность человека (или группы людей) к определённой семье, напр.: *Петров*, *Вознесенский*, *Кулик*. Фамилия прибавляется к личному имени для лучшей идентификации именуемого лица, исторически имя личное — первично, фамилия — вторична. Большинство рус. фамилий имеют формы муж. и жен. рода (*Розов*, *Розова*). Форма мн. ч. может означать двух лиц и более, всю семью или всех однофамильцев (*Толстые*, *Гончаровы*).

Прозвище — дополнительное имя, к-рое может быть дано человеку окружающими по самым различным мотивам, чаще в связи с к.-л. его характерной чертой, сопутствующими обстоятельствами его жизни, по аналогии и т. п. (напр.: *Маша Разиня*, *Цыган*, *Ольга с Фарфорового*).

Псевдоним — вымышленное имя, существующее обычно в общественной жизни человека наряду с его настоящим именем или вместо него. Псевдоним может заменять фамилию (чаще всего), личное имя и фамилию и (редко) отчество или всю формулу имени. Псевдонимы особенно распространены в среде актёров и писателей: *Антоша Чехонте* (А. П. Чехов), *Максим Горький* (А. М. Пешков). Псевдоним может быть групповым (*Кукрыниксы*).

Лит.: Тупиков Н. М., Словарь древнерусских собственных имен, СПБ, 1903; Чичагов В. К., Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1959; Петровский Н. А., Словарь русских личных имен, М., 1966; Никонов В. А., Личные имена в современной России, «ВЯ», 1967, № 6; Веселовский С. Б., Ономастикон, М., 1974; Суслова А. В., Суперанская А. В., О русских именах, Л., 1978.

Н. В. Подольская.

АОРИСТ (греч. aóristos) — простая грамматическая форма прошедшего времени. Унаследованная из праиндоевропейского языка, некогда была свойственна всем слав. языкам, в т. ч. древнерусскому. Утрачена всеми восточнослав. языками.

В др.-рус. и ст.-слав. языках А. обозначал действие, совершённое в прошлом и мыслившееся как целиком законченный акт. Образовывался от основы инфинитива (чаще глаголов сов. вида).

Глаголы с основой на гласный (*зна-ти*, *хвали-ти*, *пи-ти*) образовывали только сигматический А. (*сигма* — название греч. буквы *с*), в к-ром личным окончаниям предшествовал древний суффикс *-*s-* (сохранился во 2-м лице мн. ч. и во 2—3-м лице двойственного числа; в 1-м лице ед., мн. и двойственного числа ещё в дописьменную эпоху этот суффикс изменился в *-х-*, а в 3-м лице мн. ч. *-х-* из *-*s-* изменился в *-ш-*).

Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е	*знахъ*	*знаховѣ*	*знахомъ*
2-е	*зна*	*знаста*	*знасте*
3-е	*зна*	*знаста*	*знаша*

К форме 2-го и 3-го лица ед. ч. мог присоединяться элемент *-ть* (*-сть*): *поби-ть*, *бы-сть*. В отличие от др.-рус. в ст.-слав. языке 3-е лицо двойственного числа имело окончание *-сте*, к форме 2-го и 3-го лица мог присоединяться элемент *-тъ*, *-стъ*.

У глагола *быти* А. образовывался не только от основы *бы-* — *быхъ*, но и от *бѣ-* — *бѣхъ*; формы с основой *бѣ-* имели значение имперфекта.

Глаголы с основой на согласный образовывали А. трёх типов:

1. Простой, или корневой, или сильный, А., образовывавшийся без суффикса *-s-*, — наиболее древний тип, уже в ст.-слав. памятниках представленный только отдельными формами. Формы простого А. отмечаются в нек-рых древнейших восточнослав. рукописях — списках со ст.-слав. оригиналов.

Лицо	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
1-е	*идъ*	*идовѣ*	*идомъ*
2-е	*иде*	*идета*	*идете*
3-е	*иде*	*идете*	*идѧ*

2. Старый сигматический А. в др.-рус. памятниках представлен в основном глаголами *речи* «говорить» (из **rek-ti*), *нес-ти*. Личным окончаниям в нём предшествовал суффикс -s-, ассимилировавшийся с согласным основы; гласный основы при этом (кроме формы 2-го и 3-го лица ед. ч.) удлинялся.

Лицо	Единственное число		Двойственное число		Множественное число	
1-е	*рѣхъ*	*нѣсъ*	*рѣховѣ*	*нѣсовѣ*	*рѣхомъ*	*нѣсомъ*
2-е	*рече*	*несе*	*рѣста*	*нѣста*	*рѣсте*	*нѣсте*
3-е	*рече*	*несе*	*рѣста*	*нѣста*	*рѣша*	*нѣсѧ*

3. Новый сигматический А., возникший по аналогии с А. от глаголов с основой на гласный и вытеснивший простой А., в др.-рус. языке получил преимущественное распространение. Окончанию с древним суффиксом в нём предшествовал соединительный гласный *-о-* (исключение составляли 2-е и 3-е лицо ед. ч., для к-рых сохранялись формы простого А. с *-е*).

Лицо	Единственное число		Двойственное число		Множественное число	
1-е	*идохъ*	*рекохъ*	*идоховѣ*	*рекоховѣ*	*идохомъ*	*рекохомъ*
2-е	*иде*	*рече*	*идоста*	*рекоста*	*идосте*	*рекосте*
3-е	*иде*	*рече*	*идоста*	*рекоста*	*идоша*	*рекоша*

В др.-рус. народно-разговорном языке А. рано оказался вытеснен формой перфекта, но в книжно-письменном языке продолжал употребляться в разных стилях с разной степенью последовательности (часто без согласования в числе с подлежащим) вплоть до 17—18 вв.

В совр. рус. языке «осколком» А. являются частица *бы* и, как полагают, междометие *чу!* (инфинитив *чути*).

Т. А. Сумникова.

АПОСТРО́Ф (греч. apóstrophos — обращённый в сторону или назад) — надстрочный знак в виде запятой (’), употребляемый на письме для различных целей: 1) в ряде языков для замещения непроизносимого гласного, напр.: франц. *l’homme* вместо *le homme*, англ. *don’t* вместо *do not*; частным случаем подобного выпадения гласных, передаваемого и в рус. орфографии, являются имена собственные с приставками: *О’Брайен*, *О’Коннор*, *Жанна д’Арк* и т. п.; 2) в фонетич. транскрипции для обозначения мягких (палатализованных) согласных, напр.: *тётя* [*т’от’а*], *бить* [*б’ит’*], а при транскрипции слов семитских и нек-рых других языков — для обозначения т. н. гортанной смычки; 3) в рус. орфографии А. употреблялся в 20-е гг. 20 в. вместо *ъ*: *под’езд*, *с’езд* и т. п. С 1928 такое употребление А. заменяется твёрдым знаком.

АРГО́ (франц. argot) — социальная разновидность речи, характеризующаяся узкопрофессиональной или своеобразно освоенной (в смысловом и словообразовательном отношениях) общеупотребительной лексикой, нередко с элементами условности, искусственности и «тайности».

А. является принадлежностью относительно замкнутых социальных групп и сообществ. Основная функция А.— быть средством их обособления, отделения от остальной части общества. В строго терминологическом смысле А.— это речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров, картёжных шулеров и т. п. (ср. возникшие в этой среде названия А.— «блат», «блатная музыка», «феня»). А. старых торговцев (офеней), ремесленников-отходников (шаповалов, жестянщиков, портных и т. п.) называют условными или тайными языками (см. Тайный язык).

Понимая под А. только воровское А., иногда говорят и о других видах А., употребляя уточняющие «видовые» определения: театральное, певческое, охотничье А., А. военных и т. п.; в этом значении термин «А.» означает то же, что жаргон (см.).

А. существует на базе естественного языка и его грамматики, но использует элементы, заимствованные из других

языков, из территориальных диалектов или искусственно созданные (в последнем случае применяются различные приёмы «шифрования»: перестановка слогов, вставки, усечения и т. п.).

В России А. складывалось во 2-й пол. 19 в., впитывая в себя элементы распадающихся «старших» профессиональных и социальных говоров (офеней-коробейников, ремесленников-отходников и др.), а также слова из территориальных диалектов, из других языков и т. п. А. формировалось в торговых центрах, портовых и столичных городах, местах ссылок.

В социалистическом обществе А. не имеет социальной почвы и превращается в историческую категорию социолингвистики. В процессе постепенного исчезновения А. (в связи с изменениями социальных условий) можно, однако, отметить определённые «всплески» его в послереволюционный период и в первые послевоенные годы.

Слова и выражения А., используемые в общей речи, называются а р г о т и з м а м и. Они, как правило, семантически преобразуются (теряя связь с профессиональным, корпоративным осмыслением), но сохраняют яркую экспрессивную окраску. Многие из них совершенно отрываются от арготической почвы: *втирать очки*, *на пушку брать*, *для мебели*, *темнить* и др. В языке художественной лит-ры арготизмы применяются как средство стилистической характеристики, гл. обр. в речи персонажей, а также в авторской речи при т. н. сказовой манере повествования. Используются переводчиками для реалистической передачи просторечно-жаргонной стихии другого языка. Вне этих функций арготизмы засоряют и огрубляют речь говорящих.

Лит.: П о л и в а н о в Е. Д., За марксистское языкознание, М., 1931; С т р а т е н В. В., Арго и арготизмы, в кн.: Труды комиссии по русскому языку АН СССР, т.1, Л., 1931; Ж и р м у н с к и й В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; С т о й к о в С т., Социальные диалекты, «ВЯ», 1957, № 1; Б о д у э н д е К у р т е н э И. А., «Блатная музыка», в его кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; С к в о р ц о в Л. И., Жаргонная лексика в языке современной художественной литературы, в кн.: Вопросы культуры речи, в. 7, М., 1966; е г о ж е, Профессиональные языки, жаргоны и культура речи, «Рус. речь», 1972, №1; е г о ж е, Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии, в кн.: Литературная норма и просторечие, М., 1977; Б о н д а л е т о в В. Д., Условные языки русских ремесленников и торговцев, в. 1, Рязань, 1974.

Л. И. Скворцов.

АРЕА́Л — см. Лингвистическая география.

АРТИКУЛЯ́ЦИЯ (лат. articulatio, от articulo — расчленяю, членораздельно произношу) — движение произносительных органов (см. Органы речи) во время речи. В фонетике (см.) говорят об А. отдельных звуков (А. гласных, А. согласных) или более сложных звуковых последовательностей (А. слога, А. сочетания звуков и т. д.) или, если рассматривают специально работу произносительных органов, о губной, язычной и т. д. А. Согласно представлениям классической фонетики, А. каждого звука содержит три фазы (приступ, выдержку и рекурсию), однако это справедливо лишь для изолированно произносимого звука. В естественном потоке речи приступ данного звука может по времени совпадать с А. предшествующего ему звука (так, напр., экспериментально установлено, что в сочетании двух согласных второй начинает артикулироваться почти одновременно с первым), а конечная фаза звука артикулируется одновременно с началом следующего. Важно, что при А. звука в речевом потоке фаза выдержки может и вовсе отсутствовать, т. к. изменение положения артикулирующих органов характеризуется большой скоростью.

Л. В. Бондарко.

АРХАЙЗМЫ — см. Устаревшие слова.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ (от лат. assimilatio — уподобление) — уподобление звуков друг другу в пределах одного слова или словосочетания. Одна из причин А.— артикуляционная связанность соседних звуков, в результате к-рой артикуляция, характерная только для одного из них, распространяется и на второй; такие явления в фонетике часто называют коартикуляцией или аккомодацией (см.), напр. назализованность (носовой призвук) гласного, следующего за носовым согласным (в словах *мы*, *они*, *ну* и т. п.).

А., однако, не объясняется только физиологически, т. к. с артикуляционной точки зрения бывают возможны два варианта произнесения. Напр., слово *расшить* может быть произнесено и как *ра*[*шш*]*ить*, т. е. с А. согласного [*с*] согласному [*ш*], и как *ра*[*сш*]*ить*, т. е. без А. Существуют два основных вида А. в зависимости от того, какой из сочетающихся звуков уподобляется: р е г р е с с и в н а я, если артикуляционному уподоблению подвергается предшествующий звук (т. е. следующий за ним оказывается более «сильным»), и п р о г р е с с и в н а я, если уподобляется звук, следующий за более «сильным». Наиболее распространена регрессивная А.: *ска*[*ск*]*а*, где [*с*] — результат уподобления по глухости следующему [*к*], *сва*[*д'б*]*а*, где [*д'*] — результат уподобления по звонкости следующему [*б*]. Прогрессивная А. в рус. лит. языке не встречается.

По результатам уподобления А. описывают как полную или частичную. Однако нетрудно показать, что это не свойство самого процесса, а свойство сочетающихся звуков. Так, если два соседних звука различаются только одним артикуляционным признаком, то в результате А.

может произойти их полное уподобление: в слове *о[дд]ать* глухой взрывной переднеязычный [*т*] из приставки *от-* уподобляется по звонкости следующему взрывному переднеязычному [*д*], так что в результате возникает «двойной» согласный [*д*]. В слове же *о[дб']ить* А. частичная, т. к. согласный [*т*] из приставки *от-* уподобляется, как и в первом случае, следующему согласному по звонкости, но отличается от него и по активному действующему органу, и по твёрдости — мягкости.

Л. В. Бондарко.

АССОНА́НС (франц. assonance, от лат. assono — откликаюсь) — одна из форм звуковой организации речи, относящаяся к т. н. звуковым повторам и заключающаяся в симметрическом повторении однородных гласных звуков. Нередки А. в рус. песенном творчестве:

Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решетчатые...

В художественной лит-ре А. используется достаточно широко (чаще всего — в сочетании с аллитерацией, см.). Ср. у Лермонтова в «Бородино»:

«У наших ушки на макушке,
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут».

Термин «А.» употребляется также в поэтике для обозначения неточной рифмы, основанной на совпадении ударных гласных или слогов, на к-рые падает ударение (напр., у Маяковского: *погудéл — людéй, бéглый — нéгры*).

Л. И. Лебедева.

А́ТЛАС ДИАЛЕКТОЛОГИ́ЧЕСКИЙ — систематизированное собрание карт, показывающих распространение диалектных особенностей данного языка на территории, занятой его носителями. Материал для А. д. собирается по специальной программе, охватывающей обычно все стороны языка (фонетику, морфологию, синтаксис, лексику). Говоры населённых пунктов сельского типа обследуются по равномерной географической сетке; иногда обследование бывает сплошное. На каждой из карт А. д. при помощи специальной системы условных знаков (значков разного цвета и разной конфигурации или разного типа штриховок и цветных заливок) показано распространение диалектных вариантов к.-л. одного языкового явления (диалектных различий), напр. в русском А. д.— *г* взрывного или фрикативного ([*г*]/[γ]), формы род. п. ед. ч. существительного жен. рода (типа: *у жены́ / у жене́ / у жени́*), названий крестьянского дома (*изба / хата / курень*). А. д. содержит обычно также карты, являющиеся сводками изоглосс (см.) отдельных языковых явлений, типичных для данного языка. Вся совокупность карт А. д. даёт системное представление о диалектном варьировании языка применительно ко всем сторонам его строя. Этап создания А. д.— важная веха в развитии диалектологии (см.) каждого национального языка. Являясь фундаментальным сводом диалектного материала в его территориальном распространении, А. д. служит основой для различных аспектов изучения языка методами лингвистической географии (см.).

Работы по созданию национальных А. д. начались с кон. 19 в. в Западной Европе, в первую очередь во Франции и в Германии. Изучение говоров для А. д. рус. языка началось в 30-е гг. 20 в., но было прервано в связи с Великой Отечественной войной и возобновилось с сер. 40-х гг. Научной общественностью вузов РСФСР под руководством Ин-та рус. языка АН СССР собраны данные по говорам более 5 тыс. населённых пунктов. В опубликованном «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» картографирована примерно $^1/_5$ всей обследованной территории. Работа над рус. А. д. продолжается. Ведутся также работы по созданию А. д. многих других языков СССР. Изданы А. д. белорус. и молд. языков.

По охвату территориально-языковых образований выделяются разные типы А. д.: от атласов, посвящённых говорам небольших территорий распространения данного языка (напр., отдельного района, области), до таких, к-рые охватывают группы родственных языков (напр., общеслав. или общетюркский атласы). А. д. могут различаться и по охвату в них языковых фактов, напр. фонетический атлас, лексический атлас.

Лит.: Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка, [2 изд.], М.—Л., 1947; Мальцев М. Д., Филин Ф. П., Лингвистический атлас района озера Селигер, М.—Л., 1949; Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, под ред. Р. И. Аванесова, [ч. 1—2], М., 1957.

С. В. Бромлей.

АТРИБУ́Т — то же, что определение.

АФОРИ́ЗМ (греч. aphorismós — краткое изречение) — устойчивое изречение, содержащее обобщённую и законченную мысль о к.-л. явлении действительности и выраженное в краткой, лаконичной форме. Понятие «А.» ещё не получило точного определения: нек-рые исследователи относят к А. только авторские изречения, включая в этот разряд крылатые слова (см.), другие — все виды кратких обобщённых высказываний, в т. ч. пословицы (см.) и поговорки (см.). Часть исследователей к А. относят только общеупотребительные изречения, известные всем носителям языка, однако на практике, в сборниках А., всегда представлены и изречения, не имеющие широкого распространения. Нек-рые учёные считают важнейшей осо-

бенностью А. парадоксальность, неожиданность содержащегося в них суждения. Однако многие А. на основе авторских изречений не обладают этим свойством (*В жизни всегда есть место подвигам*; *Смотри в корень*) и, наоборот, им часто обладают пословицы и поговорки (*Милые бранятся — только тешатся*).

Большинство исследователей используют термин «А.» прежде всего в качестве родового по отношению к различным видам воспроизводимых выражений — пословицам, поговоркам, крылатым словам, девизам и т. п. Такое использование термина основано на обиходной традиции называть А. всякое краткое обобщённое высказывание.

По происхождению А. могут быть или выражениями, возникшими в контексте неафористического характера, от к-рого они отрываются, превращаясь в самостоятельные единицы (*И дым отечества нам сладок и приятен*), или выражениями, специально создаваемыми как афористические, имеющие независимый и самостоятельный смысл («Максимы и размышления» Ф. Ларошфуко, «Афоризмы» Г. Лихтенберга, «Мысли и афоризмы Козьмы Пруткова», «Отрывки из ненаписанного» Э. Кроткого). Среди сб-ков А. 60—70-х гг. 20 в.— «В мире мудрых мыслей» (1962), «Афоризмы. Избранные изречения деятелей литературы и искусства» (1964), В. В. Воронцов, «Служение музам» (1976).

Лит.: Федоренко Н. Т., Меткость слова. (Афористика как жанр словесного искусства), М., 1975; Гаврин С. Г., Афористическая фразеология как лингвистическая категория, «Уч. зап. Пермского педагогического института», 1971, т. 87.

Ю. Е. Прохоров.

А́ФФИКС (от лат. affixus — прикреплённый) — морфема (см.), несущая в слове дополнительное, служебное значение — словообразовательное или грамматическое — и противопоставленная корню (см.). Виды А. различаются по их месту в слове. Для рус. языка характерны следующие А.: окончание, приставка, суффикс, постфикс, интерфикс. Окончание (см.), или флексия,— как правило, конечная морфема словоформы; взаимозамена флексий в формах одного слова приводит к изменению грамматических значений рода, числа, падежа, лица. После флексии могут находиться только А., называемые постфиксами (см.), напр. глагольный постфикс *-ся*. А., находящиеся в составе простой основы (см. Основа) перед корнем, называются приставками (см.) или префиксами, а стоящие между корнем и флексией суффиксами (см.). Напр., в слове *устарелый* *-стар-* — корень, *у-* — префикс, *-е-* и *-л-* — суффиксы. А., служащие для соединения двух простых основ в составе сложной основы, называются соединительными или интерфиксами (см. Соединительная морфема). Напр., в слове *лесостепь* — интерфикс *-о-*.

Кроме указанных видов А., характерных для совр. рус. языка, в различных языках мира встречаются и другие виды А., как, напр., и́нфикс — А., вставляемый внутрь корня (ср. лат. *vici* — «победил» и *vinco* — «побеждаю», где *-n-* — инфикс наст. времени; тот же инфикс — в праслав. языке: **sed-* — корень прош. времени глагола **sedti* — «сесть» и **send-* — корень наст. времени, откуда в совр. рус. языке *сесть*, *сел*, но *сяду*); кóнфикс, или циркумфикс,— А., «опоясывающий» корень, т. е. состоящий из двух частей, находящихся перед корнем и после него, и несущий единое нерасчленённое значение (нем. *ge-...-t* в *gemacht* — «сделанный» — причастии от глагола *machen* — «делать»).

По выражаемому значению А. делятся на словоизменительные и словообразовательные. Словоизменительные А. присущи отдельным словоформам, а не словам в целом и выражают грамматические значения при словоизменении. Словообразовательные А. присущи словам в целом (во всех их формах) и выражают словообразовательные значения (см. Словообразование). В рус. языке флексии в отдельных словоформах несут словоизменительные значения, однако система флексий, характеризующая слово в целом, может быть и словообразовательным средством, суффиксы — преим. словообразовательные, постфиксы могут быть как словообразовательным, так и словоизменительным средством, префиксы и интерфиксы — только словообразовательные. В совокупности с корнями словообразовательные А. выражают лексическое значение слов.

Лит. см. при ст. Морфема.

В. В. Лопатин.

АФФИКСО́ИД (от аффикс и греч. éidos — вид) — компонент сложного или сложносокращённого слова (см. Аббревиатура), повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды.

Примеры суффиксоидов: *-вод* (*животновод*, *лесовод*), *-воз* (*лесовоз*, *рудовоз*), *-провод* (*газопровод*, *нефтепровод*), *-видный* (*яйцевидный*, *стекловидный*), *-хоз* (*совхоз*, *лесхоз*). Примеры префиксоидов: *само-* (*самообслуживание*, *самодисциплина*), *полу-* (*полукруг*, *полупроводник*), *лже-* (*лженаука*, *лжеучёный*), *авиа-* (*авиалиния*, *авиастроитель*), *теле-* (*телепередача*, *телеэкран*), *орг-*

(*оргработа*, *оргмеры*, *орготдел*), *полит-* (*политучёба*, *политотдел*).

К А. относятся также связанные компоненты сложных слов, не выступающие в качестве корневых компонентов в словах иной структуры, напр. суффиксоиды *-фил* (*библиофил*, *славянофил*), *-навт* (*астронавт*, *космонавт*), *-тека* (*библиотека*, *дискотека*), *-дром* (*аэродром*, *космодром*), *-фикация* и *-фицировать* (*радиофикация* и *радиофицировать*; *газификация*); префиксоиды *гидро-* (*гидроэлектростанция*, *гидроизоляция*, *гидрокостюм*), *аэро-* (*аэровокзал*, *аэросев*), *псевдо-* (*псевдоискусство*, *псевдоготический*), *еже-* (*ежедневный*, *ежегодник*).

Лит.: Современный русский язык. Морфология, М., 1952, с. 127; Григорьев В. П., О границах между словосложением и аффиксацией, «ВЯ», 1956, № 4; Лопатин В. В., Улуханов И. С., О некоторых принципах морфемного анализа. (К определению понятия сложного слова в русском языке), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1963, т. 22, № 3; Шанский Н. М., Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка, в сб.: Исследования по современному русскому языку, М., 1970. *В. В. Лопатин.*

АФФРИКА́ТА (от лат. affrico — тру, притираю), смычно-фрикативный согласный,— сложный согласный звук, произносимый единой артикуляцией, включающей в себя три фазы: смычку, выдержку смычки и щель. У А. граница между смычкой и щелью сглажена: переход от выдержки к щели происходит быстро и плавно. В рус. языке представлены А. [*ц*], [*ч'*], а также их звонкие варианты [*д͡з*], [*д͡ж'*] (напр., в словах *цапля* [*ц*]*апля*, *час* [*ч'*]*ас*, *плацдарм пла*[*д͡з*]*дарм*, *меч был ме*[*д͡ж'б*]*ыл*). А. [*ц*] ([*д͡з*]) — переднеязычная зубная, [*ч'*], ([*д͡ж'*]) — переднеязычная нёбно-зубная. Первая — однофокусная, вторая — двухфокусная. В отличие от [*ц*], у к-рой в третьей фазе выдержка быстро и плавно сменяется однофокусной круглой щелью (как у [*с*]), у [*ч'*] в третьей фазе образуется двухфокусная мягкая щель (как у [*ш'*]).

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; его же, Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972; Матусевич М. И., Введение в общую фонетику, 3 изд., М., 1959; её же, Современный русский язык. Фонетика, М., 1976; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Буланин Л. Л., Фонетика современного русского языка, М., 1970; Бондарко Л. В., Звуковой строй современного русского языка, М., 1977. *С. Н. Дмитренко.*

Б, б — вторая буква рус. алфавита. Название буквы [*бэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное б, строчное б*. Буква *Б, б* обозначает согласные фонемы [б], [б'] (см. Согласные), реализующиеся по-разному в зависимости от качества соседних звуков или позиции в слове (конечной — неконечной; см. Позиция фонологическая), ср.: *биле́т* [*б'ил'е́т*], *бале́т* [*бʌл'е́т*], *абсолю́тно* [*ʌпсʌл'у́тнъ*], *хлеб* [*хл'е́п*].

Употребляется в составе нек-рых сокращений: *м. б.*— может быть, *б. ч.*— большей частью. При классификационных обозначениях имеет значение: «второй», «вторая», «второе»: *ложа Б, раздел «б»*. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория* № 35 *б*; *Он учится в 7-м «Б» классе*.

По начертанию восходит ко второй букве кириллицы (см.), где числовых значений не имела. После реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания) название буквы — «буки» постепенно утратилось.

БАРХУДА́РОВ Степан Григорьевич [р. 23.2(7.3).1894, Баку] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1946). Чл. КПСС с 1938. Окончил Петроградский ун-т (1917), ученик А. А. Шахматова (см.). Проф. ЛГУ (с 1932). Заместитель акад.-секретаря Отделения лит-ры и языка АН СССР (1953—75). Труды по методике преподавания рус. языка, соавтор и редактор учебников по грамматике рус. языка: «Грамматика русского языка. Учебник для неполной средней и средней школы» (ч. 1—2, 1938, 4 изд., 1941, совм. с Е. И. Досычевой), «Грамматика русского языка. Учебник для семилетней и средней школы» (5 изд., 1944, 14 изд., 1953), «Учебник русского языка. Для средней школы» (ч. 1—2, 1954; ч. 2, Синтаксис, 19 изд., 1972, совм. с С. Е. Крючковым) и др. Совм. с С. П. Обнорским опубликовал «Хрестоматию по истории русского языка» (ч. 1, 1938, ч. 2, в. 1, 1949, в. 2, 1948). Автор работ по лексикологии, лексикографии, историографии языкознания, орфографии. Председатель редколлегии 2—4-го томов 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1948—1965), гл. ред. «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (в. 1—4, 1975—77). Ред. журн. «Русский язык в школе» (1938—46), «Русский язык в национальной школе» (1957—60, 1964—72). Ленинская пр. (1970).

Лит.: Ф и л и н Ф. П., Степан Григорьевич Бархударов. (К 75-летию со дня рождения), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1969, т. 28, в. 2.

БЕ́ГЛЫЕ ГЛА́СНЫЕ — гласные *о* и *е*, чередующиеся с нулём звука при формообразовании в совр. рус. языке (*сон — сна, пень — пня, дубок — дубка, отец — отца*). Исторически Б. г. образовались в результате утраты редуцированных гласных (см.) *ъ* и *ь* в слабых позициях при изменении их в *о* и *е* в сильных позициях: *сънъ — съна→сон — сна, пьнь — пьня→пень — пня, дубъкъ — дубъка→дубок — дубка* и т. д. Иногда Б. г. развивались в результате изменения (упрощения) появившихся после утраты *ъ* и *ь* труднопроизносимых групп согласных: *земель* (из *земль*) — *земля, огонь* (из *огнь*) — *огня*.

В дальнейшей истории рус. языка Б. г. стали появляться по аналогии (см.) в словах и формах, не имевших исконно *ъ* и *ь*: *потолок — потолка, лёд — льда*, а затем стали характеризовать способ образования определённых форм слов, особенно суффиксальных существительных. В совр. рус. языке, напр., все существительные муж. рода с суффиксами *-ок, -ец* в род. п. ед. ч. имеют Б. г.: *свисток*—

свистка, молодец — молодца, существительные жен. рода с суффиксом *-к(а)* в род. п. мн. ч. имеют форму с Б. г.: *кнопка — кнопок, кошка — кошек.*

В. В. Иванов.

БЕЗЛИ́ЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое односоставное предложение со сказуемым, называющим такое действие или состояние, к-рое представлено без участия грамматического субъекта действия (подлежащего). Напр.: «*Его как бы вдруг передернуло*» (Достоевский); «*Под густою листвою пахло травою и лесом, от каналов тянуло запахом стоячей воды*» (Вересаев); «*Утром долго не светало*» (Платонов).

Безличность в рус. языке передаётся безличными глаголами (см. Безличный глагол), что отличает Б. п. от других односоставных — обобщённо-личных предложений (см.) и неопределённо-личных предложений (см.), а также значимым отсутствием подлежащего, что противопоставляет все эти односоставные предложения двусоставным.

Безличные формы глагола совпадают с глагольными формами 3-го лица ед. ч. Глагол в Б. п. может употребляться в разных временах и наклонениях: *Светает*; *Светало*; *Уж скорей бы светало* и т. д. Различаются глаголы, к-рые бывают только безличными: *Вечереет*, и глаголы, к-рые могут выступать в личной и безличной формах: *Раненый стонет* — личная форма; «*В трубе так жалобно и так протяжно стонет*» (Есенин) — безличная форма.

С вспомогательным глаголом *быть* в безличной форме (в наст. времени в нулевой форме, т. е. без глагола *быть*) выступают а) краткие страдательные причастия: «*Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно*» (Пушкин); «*Об этом еще не было сообщено Раскольникову самою Катериной Ивановной*» (Достоевский); б) предикативные слова типа *скучно, жаль*: «*Было холодно, пронзительно сыро, темно от туч*» (Бунин); «*Скучно с тобой разговаривать*» (Атаров); «*И чего-то нам светлого жаль*» (Блок).

Глагол в инфинитиве (способный иметь безличные формы), краткие страдательные причастия и предикативные слова могут выступать при глаголах типа *начинать, стать*, также употреблённых в безличной форме: «*Как всегда на юге, начинает быстро темнеть*» (Симонов); «*Ему стало вдруг ужасно невыразимо легко*» (Достоевский).

Различаются такие Б. п., в к-рых сказуемое не может иметь при себе зависимых существительных (местоимений) в роли объекта и глаголов-инфинитивов, и такие, в к-рых названные компоненты могут быть, ср.: «*Темнело, в воздухе томило*» (Вересаев) и «*Вдруг как будто ветром колыхнуло девушек и бросило всех к столу*» (Вересаев); «*Воробья понесло вдаль на большой пустой высоте*» (Платонов); «*Хорошо косою в утренний туман Выводить по долам травяные строчки*» (Есенин).

Среди Б. п. выделяются такие, к-рые можно преобразовать в личные двусоставные, ср.: *Мне хочется напомнить...— Я хочу напомнить...* Как считают нек-рые исследователи, Б. п. с инфинитивом при предикативном слове можно сделать двусоставными, изменяя только порядок слов: *Весело кататься с горки* (Б. п.) — *Кататься с горки — весело* (двусоставное предложение с подлежащим *кататься*). Существует, однако, мнение, что порядок слов не может различать безличные инфинитивные односоставные предложения и двусоставные предложения, оба приведённые предложения признаются тогда односоставными Б. п. Особую группу составляют нек-рые отрицательные Б. п., утвердительные параллели к-рых могут быть только двусоставными: «*Ожидаемой помощи не приходило*» (Пушкин); «*Герасима уже не было на дворе*» (Тургенев), ср.: *Помощь пришла*; *Герасим уже был на дворе.*

Среди Б. п. особо выделяются предложения с глаголом в форме инфинитива, к-рый не подчинён никакому другому члену. Это инфинитивные предложения: «*Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку*» (Лермонтов). Субъект действия в инфинитивном предложении выражен или может быть выражен зависимым от инфинитива существительным (местоимением) в дат. п.: *Мне ехать* (инфинитивное) — ср. двусоставное предложение *Я должен ехать.* Инфинитивные предложения выражают различные модальные значения, напр. категорическое волеизъявление: «*—Унять старую ведьму!— сказал Пугачев*» (Пушкин); необходимость или неизбежность определённого действия: *Мне к девяти часам идти на поезд*; «*Быть, барин, беде*» (Чехов). Отрицательная частица *не* при глаголе сов. вида вносит значение невозможности осуществления действия: *Мне не сдать этого экзамена*; глагол несов. вида с отрицательной частицей показывает, что действие не нужно осуществлять, ср.: *Мне не сдавать экзамены.= Мне не нужно сдавать экзамены.* Частица *бы* сообщает инфинитивным предложениям значение побудительности, желательности: «*Хотя бы три часика поспать*» (Паустовский); «*Вот и мне бы стать знаменитым*» (Вересаев).

Лит.: Тимофеев К. А., Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке, в кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950; Галкина-Федорук Е. М., Безличные предложения в современном русском языке, М., 1958; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость вы

сказывания в современном русском языке, М., 1976. *Е. Н. Ширяев.*

БЕЗЛИ́ЧНЫЙ ГЛАГО́Л — глагол, называющий действие или состояние вне отношения к субъекту действия. Б. г. означают обычно состояние природы или живого существа [*светает, холодает, вьюжит, пуржит, снежит, темнеет, смеркается*; *тошнит, першит, знобит, рвёт, саднит, претит, приспичит, угораздит*; *хочется, вздумается, дремлется, дышится*, (*не*) *лежится, нездоровится*], долженствование (*следует, подобает, надлежит*), наличие или отсутствие чего-либо (*хватает, недостаёт*).

Б. г. могут иметь формы: 1) инфинитива (*смеркаться, смеркнуться, знобить, зазнобить, хотеться, захотеться*); 2) 3-го лица ед. ч. наст. или буд. времени (*смеркается, будет смеркаться, смеркнется*; *знобит, будет знобить*; *хочется, будет хотеться*; *зазнобит, захочется*); 3) ср. рода ед. ч. прош. времени и сослагательного наклонения (*смеркалось, смерклось*; *знобило, зазнобило, хотелось, захотелось*; *если бы смерклось, знобило, зазнобило, хотелось, захотелось*).

Б. г. часто образуются от личных с помощью постфикса *-ся*: *Я работаю — Мне работается.*

Нек-рые личные глаголы могут выступать в значении безличных: *темнеет, в ушах шумит, от двери дует, на улице морозит.* *И. С. Улуханов.*

БЕЗУДА́РНЫЕ ГЛА́СНЫЕ — гласные в предударных и заударных слогах, произносящиеся с разной степенью редукции (см.). Ослабленное по сравнению с основным вариантом фонемы произношение гласного часто ведёт к ошибочному обозначению его учащимися на письме: *гара́* вместо *гора́*, *трова́* вместо *трава́*, *виду́* вместо *веду́*, *глежу́* вместо *гляжу́* — в слогах предударных; *го́рад* вместо *го́род*, *ко́сет* вместо *ко́сит*, *сто́нит* вместо *сто́нет* — в заударных. Значительное кол-во Б. г. является проверяемыми; подобрав родственное слово или изменив форму слова, можно добиться, чтобы Б. г. оказался под ударением: *го́ры, тра́вы, вёл, гля́нул* и т. д. Изменение грамматической формы слова является, как правило, наиболее простым и доступным способом проверки правильности написания Б. г. Подбор родственного слова — способ в принципе более сложный, т. к. требует умения произвести элементарный этимологический анализ слова и поставить его в определённый словообразовательный ряд (гнездо): *поглоща́ть — гло́тка, щипа́ть — пощи́пывать, мощёный, мости́ть — мост.* Особенно часты ошибки в том случае, когда в слове есть не один, а два Б. г., нуждающихся в проверке: *сторона́ — сто́роны — сторо́нка, щебечу́ — щебе́чет — ще́бет*, или один оказывается проверяемым, а другой непроверяемым, напр. в слове *стерегу́* первое *е* не проверяется, второе можно проверить: *стере́чь*. Значительное количество ошибок возникает за счёт т. н. «антиаканья», когда, вопреки произношению, учащиеся вместо *а* пишут *о*: *кото́к, дова́й, призновать, спола́, трова́* и т. п.

Особую сложность представляет правописание чередующихся Б. г.; слов с чередующимися гласными сравнительно немного, но усвоение их правописания связано с целой системой правил, к-рые приводятся в школьных учебниках по рус. языку, а также в особом справочнике — «Правила русской орфографии и пунктуации» (см.).

Помимо слов с проверяемыми Б. г., имеется большое количество слов с непроверяемыми Б. г.: *корова, собака, колодец, лепесток, кристалл, стремление* и т. д. Их правописание приходится запоминать зрительно, при помощи многократных письменных упражнений; ошибки в написании таких слов отличаются особой устойчивостью и сохраняются иногда на долгие годы. Работа над усвоением правописания слов с Б. г. должна вестись во всех классах средней школы.

Лит.: Иванов П. П., Опыт изучения безударных гласных в начальной и средней школе, М., 1941; Ушаков М. В., Методика правописания, 4 изд., М., 1959.

А. В. Текучёв.

БЕЛОДЕ́Д Иван Константинович [р. 16(29).8.1906, с. Успенское, ныне Онуфриевского р-на Кировоградской обл. УССР] — сов. языковед, акад. АН СССР (1972), АН УССР (1957). Чл. КПСС с 1943. Окончил Харьковский ун-т (1932). Проф. (1952), председатель Отделения общественных наук АН УССР (1952—57), министр просвещения УССР (1957—62), вице-президент АН УССР (1963—78), директор Ин-та языковедения им. А. А. Потебни АН УССР (с 1961). Труды по истории укр., рус. и других слав. лит.

языков: «Вопросы развития украинской советской художественной прозы» (1955), «Курс истории украинского литературного языка» (т. 1—2, 1958—61, соавтор и редактор), «Современный украинский литературный язык» (т. 1—5, 1969—73) и др., а также по общему языкознанию, лингвостилистике, лексикологии и лексикографии, теории перевода, культуре речи, вопросам развития просвещения, истории языкознания, социолингвистике. Исследовал язык произведений Т. Г. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского, Л. Украинки, М. Рыльского, Ю. Яновского, А. Довженко и др. Председатель редколлегии «Русско-украинского словаря» (т. 1—3, 1968), «Словаря украинского языка» в 10 томах (т. 1—8, 1970—1977), гл. ред. журнала «Мовознавство».

Лит.: Іван Костянтинович Білодід, Київ, 1976; Ф и л и н Ф. П., Иван Константинович Белодед. (К семидесятилетию со дня рождения), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1976, в. 4.

БЕРЕСТЯНЫ́Е ГРА́МОТЫ — памятники др.-рус. письменности 11—15 вв., открытые в 1951 в Новгороде при археологических раскопках под руководством чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховского. На 1978 их обнаружено около 570 в Новгороде, единичные в Смоленске, Витебске, Пскове и Старой Руссе. Сохранность грамот в Новгороде связана с особыми почвенными условиями. Б. г. сделали достоянием науки ранее неизвестный способ письма: написание букв путём продавливания или процарапывания берёсты (преим. на её внутренней стороне) заострённым предметом. Б. г. различны по величине: одни представляют собой развёрнутые тексты, другие — фрагменты их, иногда по нескольку слов и даже букв. До открытия Б. г. было известно письмо на пергамене, на бумаге (в основном с 14 в.), а также надписи, нанесённые путём выщербления или продавливания на штукатурке, камне и кирпиче, путём резьбы по дереву, ковки, литья и резьбы на металле и вышивки на ткани.

До открытия Б. г. наука не располагала фактами о широком распространении грамотности в Древней Руси, потому что частная переписка не дошла до нас, а личные записи разного содержания в пергаменных книгах и грамотах встречаются крайне редко, т. к. из-за своей дороговизны пергамен был доступен лишь богатым людям. Считалось, что грамотность на Руси была распространена лишь среди духовенства, феодалов и крупного купечества. Берёста — бесплатный материал для письма — использовалась всеми новгородцами от посадника до кабального крестьянина. На ней писались письма родственникам и друзьям, составлялись официальные документы: завещания, договоры, купчие, охранные и другие грамоты, документы судопроизводства, служебные донесения, записывались оклады дани и вотчинных повинностей, перечни недоимок, списки долгов по ссуде, велись записи закупленных, но ещё не поступивших товаров, записи поступлений деньгами и натурой в пользу гос-ва, феодалов, купцов. Т. о., Б. г. представляют собой памятники повседневной бытовой и деловой письменности.

Лит.: А р ц и х о в с к и й А. В., Т и х о м и р о в М. Н., Новгородские грамо-

Прорись Грамоты № 199, найденной в Новгороде в 1956. Упражнение в письме по складам мальчика Онфима на днище берестяного туеса. 1-я пол. 13 в.

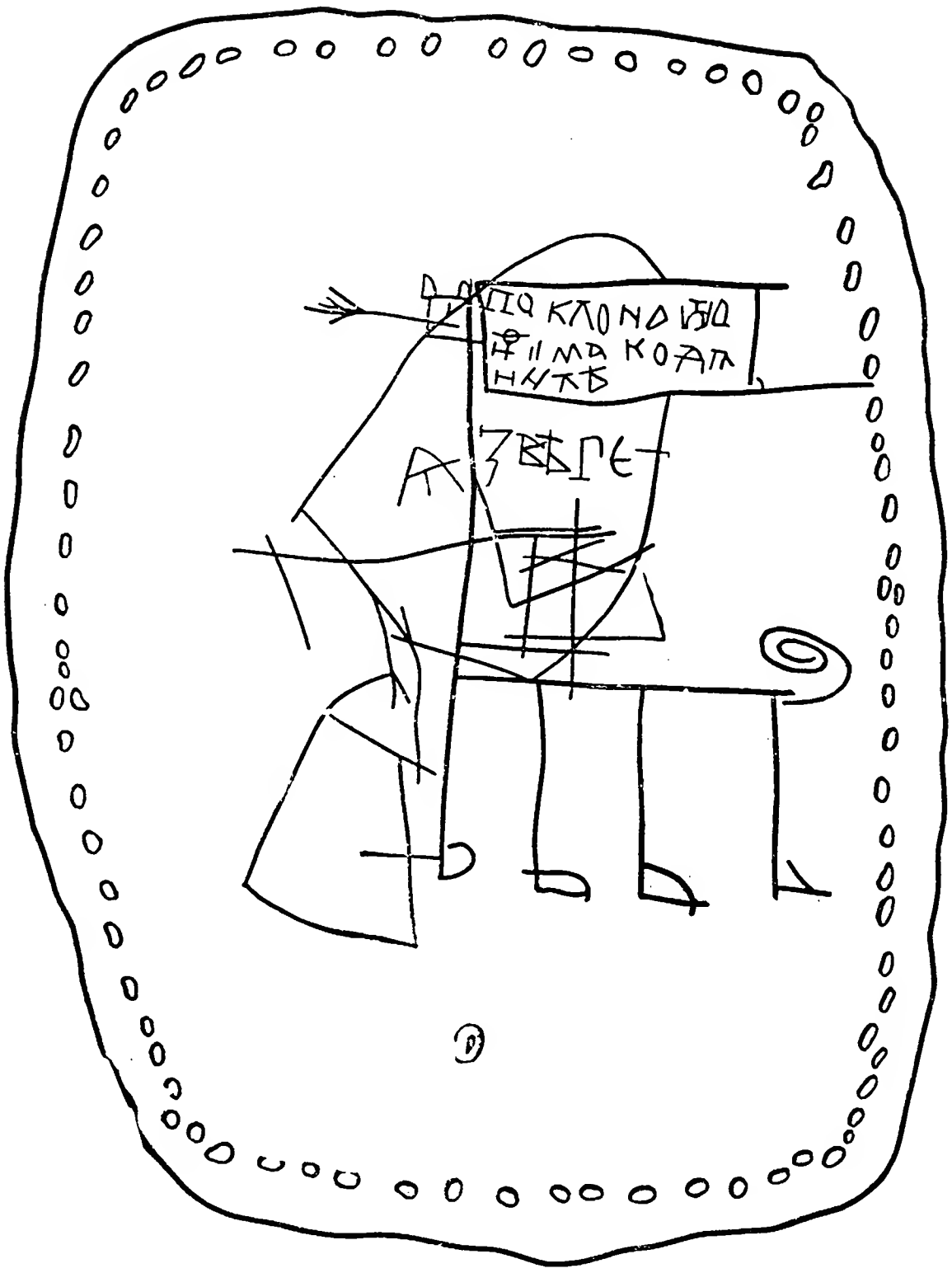


Рисунок Онфима и надпись с его именем на обороте днища.

ты на бересте. (Из раскопок 1951 г.), М., 1953; Арциховский А. В., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.), М., 1954; его же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.), М., 1963; Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, М., 1955; Арциховский А. В., Борковский В. И., Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; их же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.), М., 1958; их же, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.), М., 1963; Жуковская Л. П., Новгородские берестяные грамоты, М., 1959; Янин В. Л., Я послал тебе бересту..., М., 1965; Черепнин Л. В., Новгородские берестяные грамоты как исторический источник, М., 1969.

Л. П. Жуковская.

БЕССОЮ́ЗНОЕ СЛО́ЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ—сложное предложение (см.), образующееся на основе бессоюзной связи. За исключением двух частных случаев, когда отношения между частями Б. с. п. выражаются определённым соотношением форм сказуемых (в предложениях потенциального и ирреального условия типа: *Не пригласи я его, он обидится*; *Окажись рядом настоящий друг, беды бы не случилось*), бессоюзная связь фактически является связью неграмматической. В качестве универсального средства её выражения выступает интонация. Однако, сигнализируя о том, что несколько предложений вступило в некую связь, интонация не указывает ни характера этой связи, ни тех отношений, к-рые создаются на её основе. Поэтому объективное разграничение категорий сочинения и подчинения применительно к бессоюзной связи оказывается невозможным, хотя на смысловом уровне между разными видами бессоюзных, сложносочинённых и сложноподчинённых предложений может устанавливаться вполне определённая соотносительность. Так, напр., по значению очень близко стоят к подчинению и вообще к сфере присловных несочинительных связей бессоюзные конструкции, в к-рых одно предложение реализует лексико-грамматические свойства к.-л. слова в составе другого предложения (*Слышу: где-то стучат*) или каким-то образом характеризует то, о чём сообщается в другом предложении, с точки зрения тех или иных сопутствующих обстоятельств (*Какой был снег, я шла!*). Отношения, складывающиеся между предложениями при бессоюзной связи, могут получать неграмматическое выражение с помощью определённых, в разной степени типизированных элементов лексики: местоимений, частиц, вводных слов и наречий, к-рые как вспомогательные средства употребляются также и в сложных предложениях союзных типов.

Лит.: Поспелов Н. С., О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений, в кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950; Борковский В. И., Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными, М., 1972.

И. Н. Кручинина.

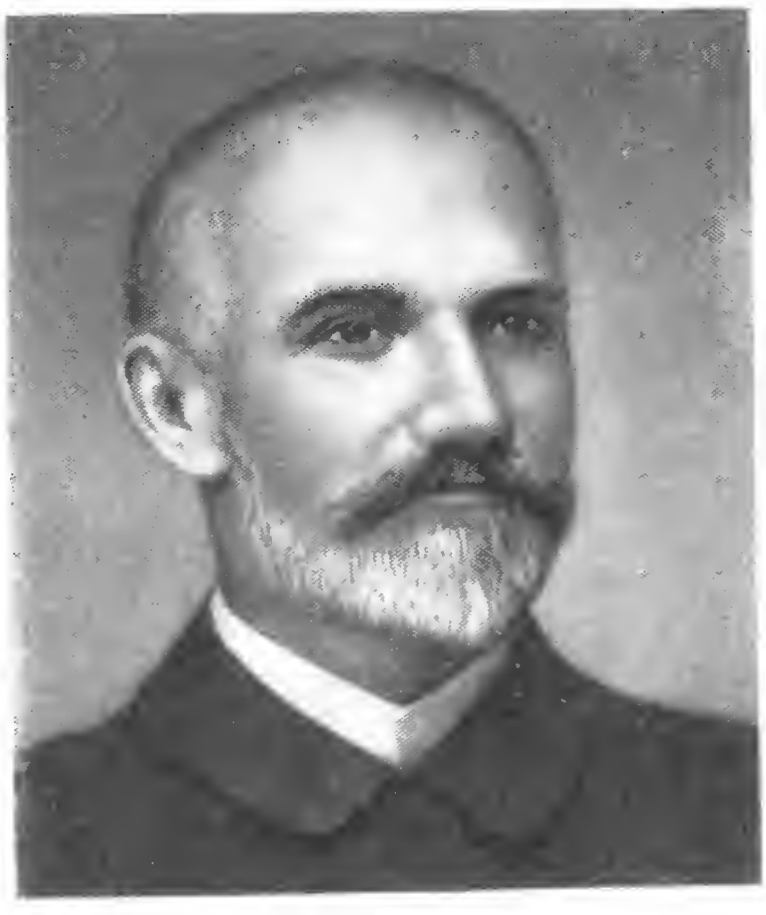
БОГОРО́ДИЦКИЙ Василий Алексеевич [7(19).4.1857, Царёвококшайск, ныне Йошкар-Ола,— 23.12.1941, Казань] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (чл.-корр. Петерб. АН с 1915). Окончил Казанский ун-т (1880), ученик Бодуэна де Куртенэ (см.). Проф. Казан-

ского ун-та, позже Казанского пед. ин-та. Работы по фонетике, диалектологии, грамматике рус. языка, сравнительной грамматике индоевропейских языков, общему языкознанию, языку художественной лит-ры, романской и германской филологии, тюркскому языкознанию. Б. основал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском ун-те. В книге «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (1909) выдвинул идею о необходимости изучения акустических характеристик звуков речи в дополнение к изучению их физиологии. В работе «Очерки по языковедению и русскому языку» (1901, 4 изд., 1939) и др. разработал учение об историческом изменении границ между морфологическими элементами слова, происходящем в результате аналогии, дифференциации, опрощения и переразложения. В исследованиях по сравнительной грамматике индоевропейских языков Б. уделял главное внимание не реконструкции частных праязыков, а определению хронологической последовательности явлений языка. Занимался также типологическими исследованиями, лингвистическим анализом лит. произведений.

Лит.: Мироносицкая А. Н., Библиографический указатель трудов В. А. Богородицкого, в кн.: Тр. института языкознания АН СССР, т. 2, М., 1953; Моисеев А. И., В. А. Богородицкий (1857—1941), «Рус. яз. в школе», 1966, № 6; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX в., М., 1976.

БОДУЭ́Н ДЕ КУРТЕНЭ́ Иван Александрович [1(13).3.1845, Радзымин (Польша),— 3.11.1929, Варшава]— рус. и польск. языковед, чл.-корр. Петерб. АН (1897). Окончил «Главную школу» в Варшаве (1866). Проф. Казанского (1875—83), Юрьевского (ныне Тартуский) (1883—93), Краковского (1893—99), Петербургского (1900—18) ун-тов. Последние годы жил в Варшаве. Основоположник т. н. казанской лингвистической школы, крупнейший теоретик общего, сравнительно-исторического слав. языкознания, польск. и рус. языков.

Б. де К. понимал язык как явление психосоциальное, имеющее «коллективно-индивидуальное» существование. Одним из первых в рус. и мировом языкознании теоретически обосновал представление о языке как о системе, элементы к-рой связаны между собой различными отношениями. Главная заслуга Б. де К.— построение теории фонем (см. Фонология) и фонетических чередований в связи со строгим разграничением эволюционного и статического изучения языка. В работах «Некоторые отделы „сравнительной грамматики“ славянских языков» (1881), «Опыт теории фонетических альтернаций» (1895) фонема понималась как обобщённый фонетический тип, как подвижный элемент морфемы; позднее он стал определять фонему как психическое представление звука. Последователи Б. де К. [Л. В. Щерба (см.) и др.] развили учение о фонеме, освободив его от психологической трактовки. Данное Б. де К. объяснение фонетических изменений на морфологическом уровне (*могу/можешь*) положило начало морфонологии (см.). В статьях «О задачах языкознания» (1891), «Заметки на полях сочинения В. В. Радлова» (1909) и др. заложил основы типологии. Б. де К. был ред. «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (3 изд., т. 1—4, 1903—1909), к-рый он значительно дополнил и обогатил, придав ему бóльшую лингвистическую строгость. Ряд работ посвящён научной теории письма, социальной и профессиональной дифференциации языка, диалектологии.



Б. де К.— чл. многих зарубежных научных обществ.

Соч.: Избр. труды по общему языкознанию. [Предисл. В. В. Виноградова], т. 1—2, М., 1963.

Лит.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. [1845—1929], М., 1960 (лит.); Леонтьев А. А., И. А. Бодуэн де Куртенэ и его учение о языке. (К 120-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1965, № 2; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX в., М., 1976.

БОРКО́ВСКИЙ Виктор Иванович [р. 6(18).1.1900, Минск] — сов. языковед, акад. АН СССР (1972). Чл. КПСС с 1947. Окончил Петроградский ун-т (1923), ученик Е. Ф. Карского (см.). Проф. (1930). Директор Ин-та языкознания АН СССР (1954—60). Гл. ред. журналов «Русский язык в школе» (1950—1953), «Русская речь» (1967—78). Труды по сравнительно-историческому синтаксису восточнослав. языков, славистике, рус., укр. и белорус. языкам, восточнослав. письменности и диалектологии, истории отечественного языкознания. В двухтомном труде «Синтаксис древнерусских грамот» (т. 1 — «Простое предложение», 1949; т. 2 — «Сложное предложение», 1958), построенном на обширном материале памятников 12—17 вв. и совр. диалектов, исследовал различные типы синтаксических структур др.-рус. языка в их истории. В работе «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» (ч. 1—2, 1968—72) простое и сложное предложения в восточнослав. языках рассматриваются в сравнительно-историческом плане. Ряд работ посвящён новгородским берестяным грамотам из раскопок 1951—57. Помимо детального анализа языка грамот, Б. предложил свою расшифровку текстов ряда грамот и их датировку. В «Исторической грамматике русского языка» (1963, совм. с П. С. Кузнецовым) дано подробное и систематическое изложение курса исторического синтаксиса рус. языка. Б.— иностранный чл. Германской АН (в Берлине, 1967), чл.-корр. Академии наук и лит-ры в Майнце (ФРГ, 1969), почётный д-р философии ун-та им. Гумбольдта (Берлин, 1967). Гос. пр. СССР (1970).

Лит.: Список печатных трудов В. И. Борковского, в кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков, М., 1971; Дерягин В. Я., Виктор Иванович Борковский, «Рус. яз. в школе», 1969, № 6; Филин Ф. П., Виктор Иванович Борковский, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1969, т. 28, в. 6; Жуковская Л. П., Серебренников Б. А., Степанов Г. В., Виктор Иванович Борковский, там же, 1975, т. 34, в. 2.

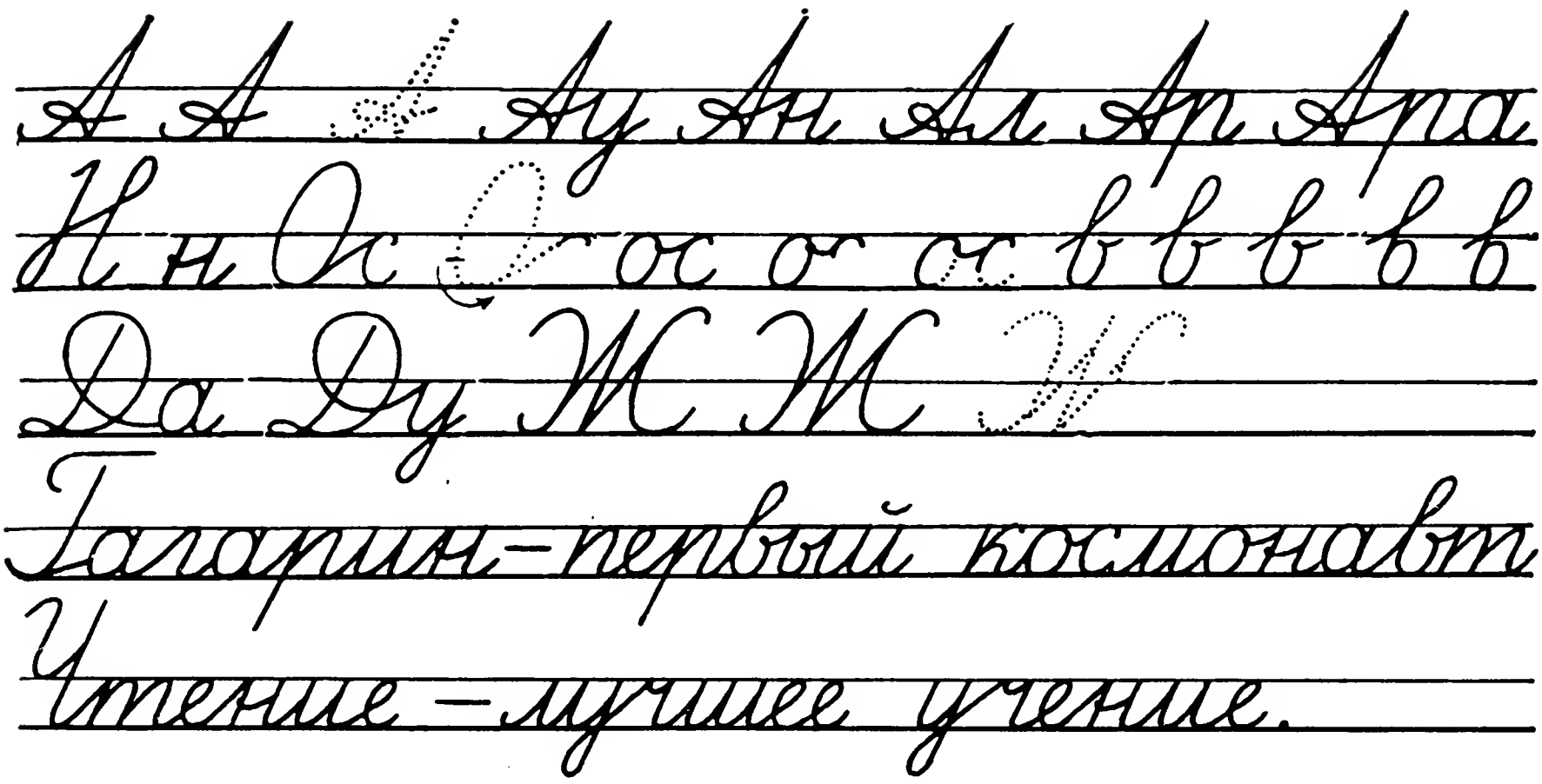
БУ́ДУЩЕЕ ВРЕ́МЯ — время (см.) глагола, обозначающее, что названное глаголом действие следует за моментом речи. В зависимости от вида (см.) глагола различают два значения Б. в.: 1) собственно будущее, обозначающее, что время совершения процесса, выраженного глаголом, последует за моментом речи. Это значение представлено у глаголов обоих видов с тем только различием, что у глаголов несов. вида оно указывает, что процесс будет начат после момента речи (*Он будет работать*; *Книгу будут печатать*), а у глаголов сов. вида — что названный глаголом процесс будет завершён после момента речи. Последнее не исключает, что начало процесса может совпадать с планом настоящего: *Он скоро оденется* (уже одевается, ср. *Он будет одеваться*); *Я отвечу на все вопросы* (ср. *Я буду отвечать на все вопросы*). 2) Будущее, близкое по значению к несобственно настоящему (см. Настоящее время) и обозначающее, что время совершения процесса безотносительно к моменту речи. Это значение представлено глаголами сов. вида и обычно бывает обусловлено контекстом: «*Татьяна в лес, ... То длинный сук ее за шею Зацепит вдруг, то из ушей Златые серьги вырвет силой; То в хрупком снеге с ножки милой Увязнет мокрый башмачок; То выронит она платок...*» (Пушкин).

Б. в. выражается двумя типами форм: 1) сложными, или аналитическими (у глаголов несов. вида), состоящими из личных форм глагола *буду* — показателя Б. в.— и инфинитива спрягаемого глагола (*буду играть*, *будешь учиться*, *будем петь*); 2) простыми формами (у глаголов сов. вида), образующимися так же, как формы настоящего времени глаголов несов. вида: *поиграю*, *научусь*, *споём*. Простые формы Б. в. называют также формами настоящего совершенного или формами настоящего-будущего времени.

Лит. см. при ст. Время.

В. А. Плотникова (Робинсон).

БУ́КВА — письменный или печатный графический знак в составе алфавита (см.), служащий для обозначения на письме фонем, их вариантов и нек-рых



«Прописи»: образцы написания букв и их соединений.

сочетаний. В зависимости от величины и рисунка Б. делятся на прописные (заглавные) и строчные. Строчная Б.—обычных, малых размеров, не возвышающаяся над остальными Б. в строке. Прописная Б., в противоположность строчной,— более крупных размеров, выступающая над строкой и нередко иного рисунка. Общепринятые рукописные начертания строчных и прописных Б. приводятся в специальном учебном пособии — в «Прописях» (с 1968 в школах введено более упрощённое, по сравнению с ранее существовавшим, написание Б.), правила их употребления рассматриваются в орфографии.

Б. увеличенных размеров встречаются уже в древнейших памятниках письменности рус. языка в заголовках, иногда в начале абзаца. Обычно такие Б. (инициалы) красиво украшались. На протяжении 16—17 вв. в скорописи прослеживается тенденция употребления вариантов строчных букв увеличенных размеров как пограничных сигналов слова при существовавшем в то время беспробельном написании текста. Эти Б. ставились иногда и после точки или запятой, в начале смыслового отрезка, в начале листа, строки и т. д. Правил их употребления не существовало. Закрепление на письме и в печати увеличенных размеров строчных Б. как прописных происходило в 18—19 вв. параллельно с появлением пробелов между словами в строке, а также с формированием совр. системы употребления знаков препинания (см.).

Большинство Б. рус. алфавита однозначны, т. е. каждая из них при изолированном воспроизведении соответствует одному звуку, а в слове — одной фонеме или её варианту. Б. *ц*, *ш*, *щ*, *й* абсолютно однозначны, т. к. всегда означают фонемы [*ц*], [*ш*], [$\overline{ш'}$], [*j*]. Б. *б*, *п*, *м*, *в*, *ф*, *д*, *т*, *з*, *с*, *р*, *л*, *н*, *г*, *к*, *х* в сочетании с разными буквами, обозначающими гласные, и буквой *ь* означают и твёрдые и мягкие согласные фонемы (*г*, *к*, *х* в сочетании с *ь* не встречаются). Б. *ч* и *ж* обычно соответствуют фонемам [*ч'*] и [*ж*] и лишь в особых случаях в сочетании с другими буквами — иным фонемам. Так, в слове *счастье* сочетание *сч* означает фонему [$\overline{ш'}$]; сочетание букв *зж* в слове *визжать* — фонему [$\overline{ж}$]. Сочетания *сч* и *зж* в указанных позициях являются д и г р а ф а м и (двойным знаком для одной фонемы). Б. *а—я*, *е—э*, *о—ё*, *у—ю*, *ы—и* соответствуют пяти фонемам рус. языка (о другой точке зрения на *ы—и* — см. Гласные), один из членов пары обозначает мягкость предшествующей согласной. Кроме того, Б. *е*, *ё*, *я*, *ю* в начале слова, а также после Б. гласных и *ь*, *ъ* соответствуют сочетанию гласной фонемы с [*j*]: *яма* — [*jáмъ*], *моя* — [*м*∧*já*], *чью* — [*чjу*], *съел* [*с'jел*] и т. д. Б. *ъ* и *ъ* в др.-рус. письме обозначали особые звуки (см. Редуцированные гласные), а в совр. письме никаким звукам

и фонемам не соответствуют. Б. *ъ* употребляется в качестве знака мягкости согласных (*шар — шарь*, *мел — мель* и т. д.), а также разделительного, или, как его иногда называют, «предупредительного», знака, указывающего на то, что следующей Б. гласной предшествует йот (*побъём*). В подобных же случаях, но только после приставок может писаться и *ъ* (*подъезд*). По соотношению с гласными и согласными звуками (фонемами) Б. делятся на Б. гласных и Б. согласных. Наименования «гласные буквы» и «согласные буквы» неточны.

Лит. см. при ст. Графика.

И. С. Филиппова.

БУЛАХО́ВСКИЙ Леонид Арсеньевич [2(14).4.1888, Харьков, — 4.4.1961, Киев] — сов. языковед, акад. АН УССР (1939), чл.-корр. АН СССР (1946). Директор Ин-та языковедения им. А. А. Потебни АН УССР (1944—61). Работы по общему языкознанию, рус., укр. языкам, слав. акцентологии, стилистике. Привлекая данные совр. слав. языков, реконструировал древнейшую слав. акцентологическую систему и объяснил нек-рые факты из истории ударения в отдельных слав. языках.

Исследования Б. по рус. языку посвящены акцентологии, лексике, грамматическому строю совр. рус. языка, истории языка. Основные труды: «Курс русского литературного языка» (1935; т. 1, 5 изд., 1952, т. 2, 4 изд., 1953), «Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис» (2 изд., 1954), «Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге» (2 изд., 1957). Синтаксический строй др.-рус. языка описан в книге «Исторический комментарий к русскому литературному языку» (5 изд., 1958). Описывал фонетические, морфологические и лексические черты др.-рус. памятников 12—14 вв.

Б.— крупнейший специалист по укр. языку, гл. обр. по вопросам истории укр. языка и формирования лит. укр. языка. Осн. труд — «Питання походження української мови» (1956).

Лит.: Білодід І. К., Леонід Арсенійович Булаховський, Київ, 1968 (лит.); Борковский В. И., Леонид Арсеньевич Булаховский, «Рус. речь», 1968, № 4; Лукінова Т. Б., До видання наукової спадщини академіка АН УРСР Л. А. Булаховського, «Вісник АН УРСР», 1970, № 9; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

БУСЛА́ЕВ Фёдор Иванович [13(25). 4.1818, Керенск, ныне с. Вадинск Пензенской обл.,— 31.7(12.8).1897, пос. Люблино Московской губ., ныне в черте Мос-

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ГРАММАТИКА

РУССКАГО ЯЗЫКА,

СОСТАВЛЕННАЯ

Ф. Буслаевымъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

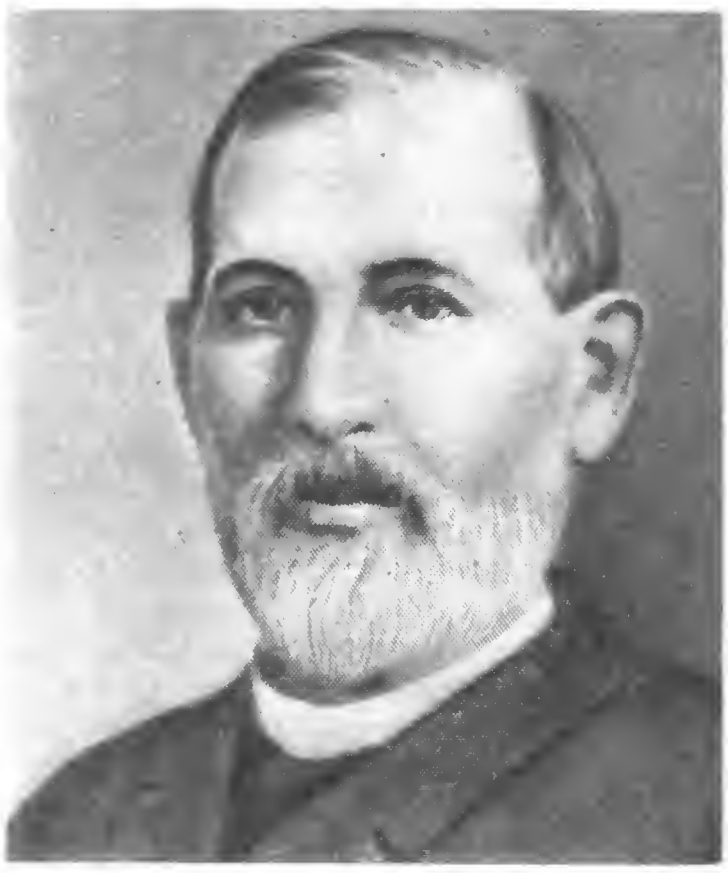
ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

1863.

квы] — рус. филолог, акад. Петерб. АН (1860). Окончил Московский ун-т (1838), проф. этого ун-та (с 1847). Труды по истории рус. языка, др.-рус. лит-ре, устному народному творчеству. В книге «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858; со 2 изд., 1863 — «Историческая грамматика русского языка») сформулировал принципы исторической грамматики рус. языка и определил цели сравнительной грамматики родственных языков. В отличие от предшествующей грамматической традиции, проведя чёткую границу между морфологией и син-

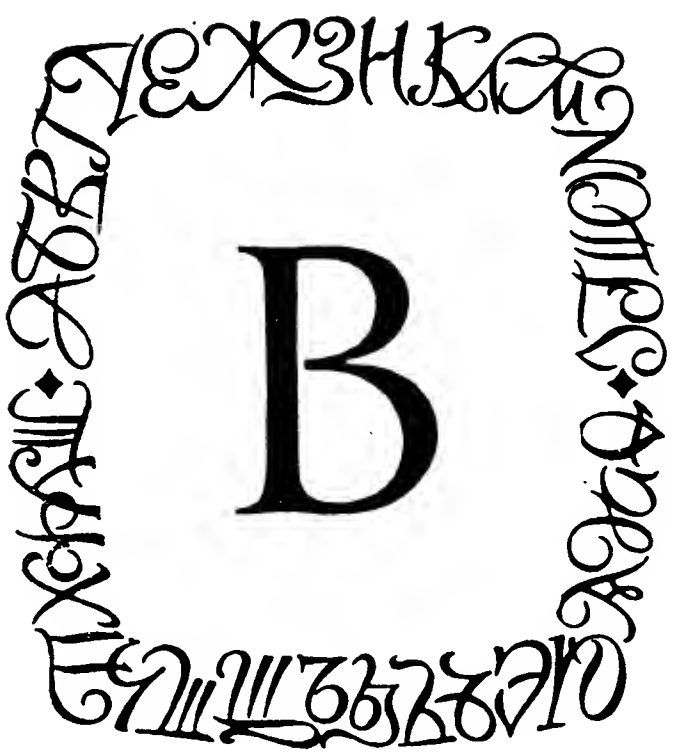


таксисом, Б. в учении о частях речи различал морфологические признаки (словообразование и словоизменение) и синтаксические (значение и употребление частей речи).

Б.— представитель логико-грамматического направления в языкознании. Отождествление логических и грамматических категорий нашло отражение в учении Б. о членах предложения, о сложноподчинённом предложении и др. Однако в основных чертах классификация Б. второстепенных членов предложения, типов придаточных предложений сохраняется свыше ста лет в практике школьного преподавания рус. языка. Б. ввёл понятие о типе сочетания слов, названном позднее А. А. Потебнёй (см.) примыканием (см.), выделил три вида сочинительных отношений (соединительные, противительные и разделительные), обратил внимание на переходные отношения между сочинением и подчинением.

В «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» (1861) ввёл в научный оборот большое количество малоизвестных памятников. В книге «О преподавании отечественного языка» (1844) Б. выступал за изучение живого рус. языка, за развитие у учащихся культуры речи. Известен также как искусствовед, специалист в области др.-рус. изобразительного искусства.

Лит.: Кузьмина И., Немченко Е., Толкачев А., Ф. И. Буслаев как лингвист, в кн.: Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959 (лит.); Базилевич Л. И., Федор Иванович Буслаев, «Рус. речь», 1968, № 6; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.



В, в — третья буква рус. алфавита. Название буквы [*вэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное в, строчное в.* Буква *В, в* обозначает согласные фонемы [*в*], [*в'*] (см. Согласные), реализующиеся по-разному в зависимости от качества соседних звуков или позиции в слове (конечной — неконечной; см. Позиция фонологическая), ср.: *ви́лка* [*в'и́лкъ*], *вал* [*вал*], *а́втор* [*а́фтър*], *здоро́в* [*зд∧ро́ф*]. Прописное *В* употребляется как условное сокращение названия страны света *Восток* (*С.-В.*— северо-восток). Строчное *в* употребляется как условное сокращение слова *век* после цифры (*20 в.*).

При классификационных обозначениях имеет значение «третий», «третья», «третье»: *раздел «в», группа «в», ложа В.* При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 35 в; Он учится в 7-м «В» классе.*

По начертанию восходит к третьей букве кириллицы (см.), где имела числовое значение «два». Называлась «веди». Постепенно это название утратилось.

ВАРИА́НТЫ ЯЗЫКОВЫ́Е — формальные видоизменения одной и той же языковой единицы, обнаруживаемые на различных уровнях языка (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом). В историческом плане вариантность является неизбежным следствием языковой эволюции, контакта языков и диалектов, воздействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов. Предпосылки вариантности заложены как в самой внутренней системе лит. языка, так и в конкретных социально-исторических формах его существования.

В нормативно-историческом плане наиболее важным представляется рассмотрение вариантности на уровне слова и словосочетания. Варианты слова — это регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями). Наиболее распространёнными являются следующие типы вариантов слов: акцентные, различающиеся только ударением (*тво́рог — творо́г, пе́тля — петля́, ржа́веть — ржаве́ть, и́скриться — искри́ться*), орфоэпические ([*т'е*]*мп* — [*те*]*мп*, *ти́*[*хъ*]*й* — *ти́*[*х'и*]*й*, *бу́ло*[*ч'н*]*ая* — *бу́ло*[*шн*]*ая*), фонематические (*ноль — нуль, гало́ша — кало́ша, белёсый — беле́сый, манёвр — мане́вр*), морфологические (*спа́зма — спазм, ко́фе* — муж. и ср. рода, *то́поли — тополя́*). Нек-рые исследователи выделяют также словообразовательные (или лексико-морфологические) варианты слова (*волчи́ца — волчи́ха, остри́чь — обстри́чь, нормализова́ть — нормализи́ровать, тури́стский — туристи́ческий*). Однако для этих языковых единиц характерно различие в словообразовательном отношении (т. е. нарушение принципа тождества слова), и поэтому их правильнее рассматривать в плане синонимии (см. Синонимы) и паронимии (см. Паронимы).

Признаками вариантов словосочетания служат: а) тождество грамматического значения и грамматической модели; б) материальное (лексическое) совпадение главного компонента (грамматического центра) словосочетаний. Основное формальное различие таких вариантов заключается в несовпадении грамматической формы зависимого компонента (*ждать поезда — ждать поезд, искать выхода — искать выход, контроль за выполнением — контроль над выполнением—контроль выполнения, несколько человек пришло — несколько человек пришли*).

Наличие вариантов, представляющих собой результат развития языка, создаёт острую проблему языковой нормы; см. Норма (языковая). Изучение конкуренции вариантов является важным звеном не только в определении основных тенденций языкового развития, но и в создании динамической теории нормы лит. языка, т. к. основным отличием вариантов служит их хронологическое соотношение: старый (традиционный) вариант и новый (входящий) вариант. В то же время формальная вариантность имеет непосредственное отношение к стилистике лит. языка, т. к. многие варианты, совпадая по смыслу, различаются стилистически, ограничены в сочетаемости или

закреплены за определённой социально-профессиональной речью. Поэтому не всякая вариантность является избыточной. Функционально неравноценные В. я. часто используются в стилистических целях и, т. о., служат важным резервом для более совершенного владения языком.

Лит.: Филин Ф. П., О слове и вариантах слова, в сб.: Морфологическая структура слова в языках различных типов, М.—Л., 1963; Рогожникова Р. П., Варианты слов в русском языке, М., 1966; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. [Под. ред. К. С. Горбачевича], Л., 1973; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматические варианты. Опыт частотного словаря, М., 1971; Горбачевич К. С., Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка, Л., 1978.

К. С. Горбачевич.

ВВО́ДНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — конструкция, формально соотносимая с предложением, но функционально аналогичная вводному слову (см.).

Наиболее распространены следующие грамматические типы В. п.: 1) двусоставные личные предложения (*я думаю, вы знаете, полагал он, как сейчас помню* и т. п.); 2) односоставные неопределённо-личные (*ему сказали, как говорили* и т. п.); 3) односоставные безличные (*думалось мне, казалось ему, как говорится, само собой разумеется, как нам стало известно* и др.).

По сравнению с вводными словосочетаниями и словами, к-рые иногда называют «редуцированными предложениями», В. п. отличаются большей смысловой и синтаксической расчленённостью: «*Он меня, вы знаете, очень уважает*» (Тургенев) — ср. вводное слово *знаете*; «*Душа моя, я помню, с детских лет чудесного искала*» (Лермонтов); «*Некрасивого, доброго человека, каким он себя считал, можно, полагал он, любить как приятеля*» (Л. Толстой); «*И кроме свежевымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо*» (Маяковский).

В. п. могут включаться в основное предложение с помощью союзов и союзных слов: *как уже было сказано, как удалось выяснить, как это всегда бывает, что гораздо важнее, если хотите знать, если так можно выразиться, насколько можно верить источникам* и др. Союзные средства, участвующие в оформлении В. п., не выражают отношений, реализуемых аналогичными союзами в сложных предложениях, построенных по принципу подчинения: «*Эти собаки, если не ошибаюсь, происходят от простых дворняжек и овчарок*» (Куприн).

В. п. характеризуются специфической интонацией, на письме для их оформления используются запятые, тире и скобки. В. п. могут быть ориентированы на содержание основного предложения в целом или на его отдельные фрагменты. Типичной позицией В. п. в первом случае является середина основного предложения; во втором случае В. п. находится в контактной позиции по отношению к непосредственному объекту оценки: «*И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре — можете себе представить — едва не женился*» (Чехов).

Лит. см. при ст. Вводные слова.

М. В. Ляпон.

ВВО́ДНЫЕ СЛОВА́ — слова, к-рые занимают в предложении автономную позицию и выполняют оценочно-квалификативную функцию, выражая различные аспекты субъективного отношения говорящего к сообщаемому. Аналогичную функцию выполняют вводные словосочетания и вводные предложения (см.). Вводные единицы (отдельные слова, сочетания слов и предложения) — разные образования по своей внутренней структуре, но объединённые общностью позиции и функции. Границы между этими единицами условны. Для выделения вводных единиц на письме используются запятые, тире и скобки.

Основную массу В. с. составляют модальные слова — особый класс лексем (и оторвавшихся от своей парадигмы словоформ), специализированных на выражении категории субъективной модальности (см. Модальность). Многие из этих слов соотносимы с другими частями речи, но функционально им не тождественны.

Семантическую основу вводных единиц образует значение оценки, причём её логический (интеллектуальный) характер часто осложняется эмоционально-экспрессивным созначением. С помощью В. с. и словосочетаний говорящее лицо 1) уточняет степень достоверности сообщаемого: *безусловно, вероятно, по-видимому, разумеется, кажется, надеюсь, пожалуй, в самом деле* и др., 2) отмечает степень обычности или необычности сообщаемого: *случается, бывает, по обыкновению, как правило* и др., 3) объективирует излагаемое указанием на его источник: *известно, по-моему, слышно, говорят, на мой взгляд, по словам кого-либо* и др., 4) характеризует способ оформления мысли, маркируя словесную форму, более (или менее) адекватную сущности обозначаемого: *вернее, точнее, лучше сказать, одним словом, по сути дела, собственно говоря, грубо говоря, иными словами* и др., 5) распределяет композиционно-смысловые акценты в предложении: *во-первых, итак, значит, следовательно, наконец, главное, кстати, повторяю, к примеру, между прочим* и др., 6) акцентирует те или иные моменты излагаемого с целью привлечь внимание собеседника или вызвать его определённую реакцию: *представьте, послушайте, заметьте, согласитесь, не поверите, признаться, откровенно го-*

воря, *уверяю вас*, *между нами*, *кроме шуток* и др., 7) выражает различные эмоциональные оттенки (удовольствия, неодобрения, осуждения и пр.): *к счастью*, *к сожалению*, *грешным делом*, *странное дело*, *помилуйте*, *чего доброго*, *не ровен час* и др.

Позиция вводного компонента предложения, при всей его потенциальной подвижности, регулируется целенаправленностью оценки. Если объектом оценки является содержание предложения в целом, то вводный компонент обычно стоит в начале или в конце предложения: «*К нашему счастью*, *взошло наконец прекрасное солнце*» (Пришвин). Если вводный компонент ориентирован на определённое слово, то в этом случае он занимает контактную позицию по отношению к этому слову: «*Испуг по поводу пустой*, *на мой взгляд*, *болезни по-прежнему чувствовался во всей семье*» (Короленко).

Лит.: Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, в кн.: Труды Института русского языка АН СССР, т. 2, М.—Л., 1950; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Современный русский язык, под ред. Д. Э. Розенталя, 4 изд. М., 1971; Гвоздев А. Н., Современный русский литературный язык, ч. 1—2, 4 изд., М., 1973.

М. В. Ляпон.

ВИД — грамматическая (морфологическая) категория глагола, выражающаяся противопоставлением частных грамматических значений совершенного и несовершенного вида. По вопросу о грамматическом значении В. не достигнуто единой точки зрения. Определение значения сов. В. как действия, достигшего своего внутреннего абстрактного предела (т. е. такой критической точки, по достижении к-рой действие должно, исчерпав себя, прекратиться), связано с именем В. В. Виноградова (см.). Это значение выражает наивысшую абстракцию, охватывающую все глаголы сов. В. и объясняющую явление одновидовости. Другое определение — значение неделимой целостности действия, к-рое принимается нек-рыми лингвистами (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко), не охватывает всех глаголов сов. В.

Глаголы, находящиеся в оппозиции по В., формируют видовую пару глаголов, лексически тождественных, различающихся только грамматическим значением В. Формирование видовой пары происходит при помощи формальных языковых средств: приставок, суффиксов, в нек-рых случаях чередований и ударений. Различают три типа видовых пар: 1) приставочная видовая пара. Присоединение приставки обычно изменяет лексическое значение глагола. Однако приставка в нек-рых случаях может потерять лексическое значение, превратиться в чисто грамматический формант сов. В. Присоединение такой приставки к бесприставочному глаголу несов. В. образует глагол сов. В., вступающий в видовую оппозицию с бесприставочным глаголом (*делать — сделать*). Если бесприставочный глагол несов. В. многозначен, образование видовой пары происходит в соответствии с одним из его значений: *бить — побить* (нанести побои), *бить — разбить* (напр., посуду) или не происходит совсем (*часы бьют*). Следующие приставки, присоединяясь к глаголам несов. В., могут образовать парные глаголы сов. В.: *вз-*, *воз-*, *вы-*, *за-*, *из-*, *на-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*. Приставки грамматикализуются, как правило, вне зависимости от значения глагольных основ, это касается преим. приставок *с-*, *о-*, *по-*, являющихся исторически сложившимся способом образования видовых пар. Иногда грамматикализация приставки зависит от степени слияния значения основы глагола и значения приставки (*вс-пахать*, *пере-крестить*). 2) Суффиксальная видовая пара. От глагола сов. В. при помощи одного из суффиксов: *-ива-* (*-ыва-*) / *-ва-* или *-а-* образуется глагол несов. вида (*выбелить — выбеливать*, *отдать — отдавать*, *заземлить — заземлять*, *решить — решать*). Иногда образование несов. В. сопровождается чередованием согласных (*оскорбить — оскорблять*), чередованием гласных (*оспорить — оспаривать*), сменой ударения [*надре́зать* (*надрежу*)— *надреза́ть* (*надрезаю*)]. 3) Смешанная видовая пара, состоящая из нерегулярных оппозиций: *лечь — ложиться*, *стать — становиться*, *сесть — садиться*, *вернуть — возвращать*, *падать — упасть*; из оппозиций разнокоренных глаголов: *брать — взять*, *сказать — говорить* и др.

Традиционно включавшиеся в видовые оппозиции пары глаголов типа *мигать — мигнуть* не представляют чисто видового противопоставления ввиду наличия значения однократности в глаголах сов. В.

У глаголов движения присоединение приставки, изменяя В., всегда изменяет лексическое значение бесприставочного глагола (*бежать — прибежать*, *добежать* и т. д.). Глаголы неоднонаправленного движения (типа *бегать*, *ходить*, *плавать*) всегда остаются одновидовыми глаголами. Приставочные глаголы однонаправленного движения сов. В. образуют или суффиксальную видовую пару (*заплыть — заплывать*), или же специфическую для глаголов движения пару: объединяются в видовую пару однокоренные глаголы однонаправленного и неоднонаправленного движения с одной и той же приставкой (*привезти — привозить*, *принести — приносить*).

Есть группа глаголов, у к-рых значение сов. или несов. В. не имеет формального

выражения, поэтому эти глаголы не имеют видовой пары. Они называются двувидовыми (*казнить*, *наследовать*, *паспортизовать*).

Всякий глагол имеет значение сов. или несов. В., но не все глаголы образуют видовую пару. Существуют одновидовые глаголы несов. В. (см. Несовершенный вид) и одновидовые глаголы сов. В. (см. Совершенный вид). Это важная особенность, характеризующая специфику В. как грамматической категории и отличающая его от грамматических категорий словоизменительного типа, входящих в спряжение глагола (времени, лица, числа, наклонения).

С категорией В. глагола тесно связаны группы глаголов, к-рые принято называть «способами глагольного действия». Это семантико-структурные типы глаголов, показывающие — при помощи приставок и суффиксов — изменение в значении действия простого глагола, тип его протекания во времени (начинательность — *закричать*, окончательность — *отобедать*, ограничительность — *полежать*), степень интенсивности его протекания (*разахаться*, *нахлёстывать*), многократность (*хаживать*) или однократность (*стрельнуть*), уменьшительность (*всплакнуть*) или взаимность (*перебраниваться*) в совершении действия. Группы «способов действия» не охватывают всего словарного состава глаголов, не образуются регулярно. Нек-рые из глаголов способны формировать видовую пару внутри данного способа действия (ср. начинательность: *запеть — запевать*), а нек-рые остаются одновидовыми глаголами несов. В. и одновидовыми глаголами сов. В.

Категория В. формировалась на протяжении всей истории рус. языка и тесно связана с системой глагольных времён (см. Древнерусский язык). В совр. рус. языке В. глагола определяет возможность образования форм времени (см. Время).

Лит.: Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Современный русский язык. Морфология, М., 1952; Вопросы глагольного вида, М., 1962; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Бондарко А. В., Вид и время русского глагола, М., 1971; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972; Маслов Ю. С., Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида, М., 1958 (IV Международный съезд славистов. Доклады); Авилова Н. С., Вид глагола и семантика глагольного слова, М., 1976.

Н. С. Авилова.

ВИНИ́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): ед. ч.— *стол*, *город*, *коня*, *край*, *жену*, *землю*, *болото*, *поле*, *кость*, *дочь*, *имя*, *путь*; мн. ч.— *столы*, *города*, *коней*, *края*, *жён*, *земли*, *болота*, *поля*, *кости*, *дочерей*, *имена*, *пути*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглый* и *круглого*, *круглую*, *круглое*, *синий* и *синего*, *синюю*, *синее*, *крепкий* и *крепкого*, *крепкую*, *крепкое*, *лисий* и *лисьего*, *лисью*, *лисье*, *тётин* и *тётиного*, *тётину*, *тётино*, *отцов* и *отцова*, *отцову*, *отцово*; во мн. ч.— *круглые* и *круглых*, *синие* и *синих*, *крепкие* и *крепких*, *лисьи* и *лисьих*, *тетины* и *тетиных*, *отцовы* и *отцовых*; 4) ряд таких форм прилагательного (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения В. п.— объектное и определительное (т. е. различные виды обстоятельственности и производное от нек-рых из них значение предикативного признака); на периферии семантической системы В. п. находится субъектное значение. Объектное значение В. п. проявляется: 1) при переходных глаголах: *купить дом*, *читать книгу*, *ждать друга*; 2) при предикативах: *жалко*, *жаль* (*жаль брата*), а также *надо*, *нужно*, *больно*, *видно*, *слышно*, *заметно* — тогда, когда в предложении присутствует указание на субъект состояния: *Мне надо пропуск*; *Ему больно руку*; 3) в односоставных предложениях, означающих требуемый объект: *Карету мне*! *Награду храбрым*! Определительное (по мере, времени, количеству) значение В. п. имеет место в условиях явно выраженных лексико-семантических ограничений: *ехать километр*, *ждать час*, *встречаться каждый вечер*, *стоить рубль*. Те формы, к-рые определяют по времени и повторяемости, могут занимать позицию сказуемого: *Вся операция — одну минуту*; *Лекции — каждый день*. Такие же формы способны распространять предложение в целом: *Третьи сутки ждём вылета*; *Полвека уж нет этих стариков*; *Каждый вечер ссора*. Субъектное значение появляется у В. п. только в предложении. Это: 1) В. п., вынесенный в начальную (субъектную) позицию в предложениях, сообщающих о состоянии лица, со сказуемым — глаголом эмоционального или внешнего состояния и подлежащим — отвлечённым существительным: *Меня огорчает неудача*, *настораживает ложь*; *Ребят воодушевил успех*; «*Их постигнул голод*» (Пушкин); также: *Его тянет путешествовать*; *Собеседника подмывает спорить*; 2) в таких предложениях, как *Ребёнка знобит*; *Больного тошнит*; *Меня всего трясёт*. Субъектное значение сочетается с объектным в таких типах предложений, как *Звёзды видно*; *Голоса*

слышно, когда в предложении не обозначен воспринимающий субъект («видны звёзды» и «кто-то видит звёзды»), а также в предложениях типа: *Человека убило*; *Бойца ранило*, в к-рых не обозначен субъект действия («человек убит» и «убили человека»). Наращивание субъектного значения в В. п. в предложении всегда определяется совместным действием синтаксич. и лексико-семантич. факторов.

В. п. сочетается с широким кругом предлогов — простых и производных. В сочетании с простыми предлогами — *в*, *на*, *за*, *о*(*об*), *по*, *под*, *про*, *с*, *через* — В. п. имеет определительное значение (по месту, времени, мере, качеству, свойству, назначению, цели, причине и др.), объектное (*углубиться в работу*, *голосовать за кандидата*, *способен на всё*, *ушибиться о косяк*, *идти по ягоды*, *думать про детей*), а также выполняет функцию необходимой информативно восполняющей формы (*прослыл за чудака*, *известен за болтуна*). В предложении В. п. с простыми предлогами, помимо названных значений, может обозначать предикативный признак (в сказуемом: *Письмо — в министерство*; *Медаль — за отвагу*; *Путь — через горы*) или распространять предложение в целом, выражая при этом разные виды определительности (*В метель страшно оказаться в поле*; *За версту от города — озеро*; *Под новый год возможны всякие чудеса*; *С неделю не спал*; *Через дорогу — магазин*), либо объектное значение (*На пятерых — трое лыж*; *Про ушедших — ни слова*). В таких предложениях, как *На меня напал страх*; *На него нашло раздумье*; *На ребят накатило упрямство*, вынесенный в начальную позицию В. п. одушевлённого существительного обозначает субъект состояния.

В сочетании с предлогами *за*, *с*, *под* В. п. в соединении с определённым кругом слов выражает приблизительность: *Ему за тридцать*; *Набралось за сорок посетителей*; *Ей под пятьдесят*; *Получил с сотню поздравлений*; *Ждали с полчаса*; *С десяток учеников больны*. В сочетании с производными предлогами и предложными образованиями: *в ответ на*, *включая*, *исключая*, *невзирая на*, *несмотря на*, *погодя* (*немного*, *час*, *минуту*, *сутки* и т. п.), *пройдя*, *сквозь*, *спустя* (*день*, *час*, *год*, *столетие* и т. п.)— В. п. выражает разные виды определительных значений, соответствующие лексическим значениям предлогов.

Лит.: Станишева Д. С., Винительный падеж в восточнославянских языках, София, 1966. См. также лит. при ст. Падеж.

Н. Ю. Шведова.

ВИНОГРА́ДОВ Виктор Владимирович [31.12.1894(12.1.1895), Зарайск,— 4.10.1969, Москва] — сов. филолог, акад. АН СССР (1946). Окончил Петроградский историко-филологический ин-т и Петроградский археологический ин-т (1917), ученик А. А. Шахматова (см.). Проф. Ленинградского (1920—29) и Московского (1930—69) ун-тов, зав. кафедрой рус. языка МГУ (1945—69). Директор Ин-та языкознания АН СССР (1950—1954), Ин-та рус. языка АН СССР (1958—1968), акад.-секретарь Отделения лит-ры и языка АН СССР (1950—63). Гл. ред. журнала «Вопросы языкознания» (1952—1969). Зав. сектором исторической поэтики и стилистики рус. классической лит-ры в Ин-те рус. лит-ры АН СССР (Пушкинском доме) (с 1968).

Работы по морфологии, словообразованию, синтаксису, лексикологии, фразеологии, лексикографии совр. рус. языка, истории рус. лит. языка, исторической лексикологии, общему языкознанию, истории рус. языкознания, языку и стилю писателей, стилистике, текстологии, литературоведению. В работах «Современный русский язык» (в. 1—2, 1938), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947), «Основные вопросы синтаксиса предложения» (1955) и др. дал полный курс рус. грамматики. Определив слово как систему форм и значений, предложил деление грамматики на 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении, 4) учение о сложном синтаксическом целом. В. показал особое место словообразования в системе лингвистических дисциплин, связь словообразования с грамматикой и лексикологией. Словосочетание считал единицей номинативного, предложение — коммуникативного уровня. Сформулировал основные характеристики предложения: интонация сообщения, предикативность (см.), модальность (см.). В систему частей речи включал модальные слова и категорию состояния. Установил три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения,

единства и сочетания — и создал учение о фразеологии (см.) как особом разделе языкознания.

В. разграничивал стилистику общелит. художественной речи и индивидуального стиля писателя. Заложил основы научного изучения истории рус. лит. языка. В. принадлежат «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934), труды по языку рус. писателей: «Язык Пушкина» (1935), «Язык Гоголя» (1936), «Стиль Пушкина» (1941), «Стиль прозы Лермонтова» (1941) и др., работы по теории стилистики и поэтики «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», 1963, и др.).

Участвовал в составлении Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова, в редактировании 4-томного и 17-томного академических словарей рус. языка (см. Толковый словарь), руководил работой по составлению «Словаря языка А. С. Пушкина» (т. 1—4, 1956—61).

В.— иностранный чл. Болгарской, Польской, Сербской, Румынской, Французской, Датской АН, АН ГДР, почётный д-р Пражского и Будапештского ун-тов, председатель международного комитета славистов. Гос. пр. СССР (1951).

Лит.: Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей, М., 1956 (лит.); Сб. статей по языкознанию. Профессору Московского университета акад. В. В. Виноградову, [М.], 1958 (лит.); Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, М., 1965 (лит.); Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

ВИНОКУ́Р Григорий Осипович [5(17). 11.1896, Варшава,— 17.5.1947, Москва]— сов. языковед, д-р филологических наук (1943). Окончил МГУ (1922), проф. МИФЛИ (с 1936), МГПИ им. В. П. Потёмкина, МГУ. Труды по исторической

стилистике рус. лит. языка, совр. рус. языку и культуре речи, орфографии, лексикографии, общему языкознанию, литературоведению. В. разграничил лингвистическую стилистику и стиль художественного произведения и языка писателя («О задачах истории языка», 1941). Теоретические основы орфографии как самостоятельного раздела языкознания разработал в статье «Орфография как проблема истории языка» (1945, опубл. 1959). В «Заметках по русскому словообразованию» (1946), статье «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» (1939) и др. создал учение о продуктивных и непродуктивных, регулярных и нерегулярных моделях словообразования, о вариантности основ, разработал методику правильного определения производной и непроизводной основ. Ряд работ В. посвящён разработке объективных критериев установления окончательного текста художественного произведения. Исследовал проблему текстологической обработки нек-рых произведений А. С. Пушкина, редактировал 5-й том («Евгений Онегин») собр. соч. Пушкина (1935), разработал принципы составления «Словаря языка Пушкина». Участвовал в составлении «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, 1-го издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949).

Соч.: Избранные работы по русскому языку. [Предисл. С. Г. Бархударова], М., 1959.

Лит.: Цейтлин Р. М., Григорий Осипович Винокур, [М.], 1965 (лит.).

ВНУ́ТРЕННЯЯ ФО́РМА СЛО́ВА — характер связи звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; способ мотивировки значения в данном слове. Слово характеризуется неразрывной связью его звуковой оболочки и значения, однако говорящим не всегда ясна эта связь: почему стол называется именно *столом*. дом — *домом* и т. д. В других случаях эта связь оказывается достаточно прозрачной. Напр., мы вполне осознаём, что слова *семьдесят* и *восемьдесят* включают в себя *семь*, *восемь* и *десять*, что *вторник* и *пятница* называют второй и пятый дни недели, что *подснежник* — это цветок, к-рый появляется «под снегом». Мотивировка значения в подобного рода словах достаточно ясна. Однако существует много примеров утраты мотивировки значения слов в совр. рус. языке, т. е. в них оказалась затемнённой В. ф. с., и поэтому нужны специальные разыскания, чтобы вскрыть первоначальное значение слова — его внутреннюю форму. Напр., глагол *стрелять* и сущ. *выстрел* в совр. сознании связываются со звуком, со стрельбой из огнестрельного оружия, а не со словом *стрела*; В. ф. с. *стрелять*

и *стрела* оказалась забытой. Точно так же забыта В. ф. с. *брак* — «супружество», связанная с глаголом *брать* (ср. укр. *побратися* — «сочетаться браком»), В. ф. с. *портной*, связанная с *порты* — «одежда» (*портной* — «тот, кто шьёт одежду»), В. ф. с. *неделя* — «нерабочий день» (от *не делать*, отсюда и *понедельник* — «день после нерабочего дня») и т. д.

Следовательно, В. ф. с.— это первоначальное его значение, в основу к-рого положен какой-то определённый признак предмета или явления. При этом выбор такого признака не обязательно должен определяться его существенностью: это может быть лишь «бросающийся в глаза признак» (Л. Фейербах); поэтому в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных признаков, напр. рус. *портной* — нем. *Schneider* (от *schneiden* — «резать»), болг. *шивач* (от *шия* — «шить»); рус. *напёрсток* — букв. «надеваемый на перст» (*перст* — «палец») — нем. *Fingerhut* — букв. «палец-шляпа». Однако наряду со специфическими чертами в назывании предметов и явлений в разных языках существует и общее в способах выражения понятий. Так, если в рус. языке в названии *подснежник* использован признак раннего появления этого цветка, то в нем. *Schneeglöckchen* — букв. «снежный колокольчик» — тоже обнаруживается связь со снегом, но есть и дополнительный признак — форма цветка, в англ. *snowdrop*— букв. «снежная капля» — иное представление, но вновь связанное со снегом, а во франц. *perce-neige* — букв. «пробивающийся через снег» — ещё и представление о движении.

Утрата В. ф. с. объясняется разными причинами: она может быть связана с утратой того слова, от к-рого образовано данное слово (так, утрата в рус. языке слова *коло* — «колесо» привела к утрате В. ф. с. *кольцо* — первоначально уменьшительное от *коло* и слова *около* — букв. «вокруг»), с утратой предметом признака, ранее для него характерного (так, *город* перестал быть связан с *городить*, т. к. города перестали огораживаться; *мешок* перестал быть связан с *мехом*, хотя первоначально это уменьшительное от *мех*), с существенными фонетическими изменениями облика слова в истории языка (напр., первоначально к одному корню восходят пары слов *коса* и *чесать*, *городить* и *жердь*, *говор* и *жук*, *цена* и *каяться*).

Лит.: Будагов Р. А., Введение в науку о языке, М., 1958; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975.

В. В. Иванов.

ВОЗВРА́ТНЫЕ ГЛАГО́ЛЫ — все глаголы с постфиксом *-ся* (*-сь*), за исключением глаголов страдательного залога (см. Залог). В. г. относятся к действительному залогу, являются непереходными, соотносятся с переходными и (реже) непереходными глаголами без постфикса *-ся* (*-сь*).

В. г. имеют следующие значения: 1) собственно возвратное — действие производится субъектом, к-рый является одновременно и объектом действия: *умываться*, *одеваться*, *купаться*; 2) взаимно-возвратное — действие совершается несколькими субъектами, каждый из к-рых является одновременно и объектом действия: *целоваться*, *обниматься*, *судиться*, *ссориться*; 3) безобъектно-возвратное — действие характерно для данного субъекта, является его постоянным свойством: *Собака кусается*; *Крапива жжётся*; 4) общевозвратное — действие совершается в самом субъекте; глаголы обозначают изменение психического или физического состояния субъекта: *сердиться*, *радоваться*, *торопиться*, *останавливаться*; 5) косвенно-возвратное — действие совершается субъектом для себя, в своих интересах: *построиться* (в значении «построить дом»), *прибраться*, *запастись*; 6) безличное: *хочется*, (*не*)*лежится*, *работается* (см. Безличный глагол).

В. г. *ложиться*, *садиться*, *становиться* образуют видовые пары с невозвратными глаголами *лечь*, *сесть*, *стать*.

Нек-рые В. г. не имеют соотносительных глаголов без постфикса *-ся*: *бояться*, *сомневаться*, *смеяться*, *нравиться*, *надеяться*, *гордиться*, *лениться*, *стараться*, *нездоровиться*, *смеркаться*.

К В. г. относятся также производные глаголы, образованные с помощью приставок и постфикса *-ся* (*-сь*). Эти глаголы означают: направление действия в пространстве (*разбрестись*, *сбежаться*), переход субъекта действия в к.-н. состояние (*доработаться*, *заслушаться*, *изнервничаться*, *нагуляться*, *отлежаться*, *проспаться*), протекание интенсивного действия во времени (*разгореться*, *отбе́гаться*) и др.

Лит.: Янко-Триницкая Н. А., Возвратные глаголы в современном русском языке, М., 1962. См. также лит. при статьях Глагол, Залог.

И. С. Улуханов.

ВОКАЛИ́ЗМ (от лат. vocalis — гласный звук) — система гласных фонем к.-л. языка или диалекта на данном этапе его развития. В совр. рус. лит. языке систему В. образуют 5 (согласно другой точке зрения, 6) гласных фонем, находящихся в определённых отношениях между собой и с окружающими их согласными (см. Гласные). Эта система является результатом длительного исторического развития, сущность к-рого заключается в постепенном уменьшении состава фонем, образующих систему В., и в ослаблении различительной (фонологической) функции гласных. Др.-рус. язык до сер. 10 в. имел 11 гласных фонем: *и*, *ы*, *у*, *о*, *е*, *а*,

ě (гласный переднего образования средне-верхнего подъёма; на письме обозначался буквой ѣ), *ъ* и *ь* (см. Редуцированные гласные), *ǫ* и *ę* (носовые гласные непереднего и переднего образования, на письме обозначавшиеся буквами Ѫ и Ѧ). Все эти 11 гласных выступали как самостоятельные фонемы, различая словоформы др.-рус. языка (*б'илъ — былъ, далъ — дулъ, в'елъ — волъ, м'елъ — м'ělъ, сънъ — санъ, д'ьн'ь — дан'ъ, зǫбъ — зубъ, п'ęт'ь — пут'ь* и т. д.). Они могли употребляться после всех согласных (за исключением того, что *ы, о, ъ* не выступали после исконно мягких); гласные переднего образования воздействовали на предшествующие согласные, сообщая им полумягкость (неполное смягчение).

В сер. 10 в. др.-рус. язык утратил носовые: *ǫ* изменился в *у*, к-рое совпало с исконным *у* (*зǫбъ → зубъ, гǫстъ → густъ*), а *ę* — в особый гласный *ä*. Ко времени появления письменности в др.-рус. языке насчитывалось только 10 гласных фонем, но фонологическая роль их оставалась прежней. Эта роль изменилась в сер. 11 в., когда полумягкие согласные смягчились полностью. В связи с этим оказалось, что непередние гласные стали употребляться только после твёрдых согласных, а передние — только после мягких (лишь *а* и *у* могли употребляться как после твёрдых, так и после мягких). Это обстоятельство обусловило почти полную потерю гласными и согласными раздельной фонологической самостоятельности (см. Консонантизм).

В сер. 12 — нач. 13 вв. др.-рус. язык утрачивает ещё две фонемы — *ъ* и *ь* (см. Падение редуцированных): из *ъ* в сильной позиции развивается *о*, а из *ь* — *е*, совпавшие с исконными *о* и *е*. Вместе с тем уже после смягчения полумягких фонема *ä* совпадает с фонемой *а* после мягких согласных, а фонема *ы* функционально сближается с *и* (они употребляются параллельно: *ы* после твёрдых, *и* после мягких согласных); после падения редуцированных *ы* (с точки зрения фонологов московской школы) полностью становится разновидностью *и*, выступающей после твёрдых согласных (ср.: *изба — к-ызбе, Иван — с-Ываном*).

После утраты *ъ* и *ь* в др.-рус. языке произошла смена музыкального ударения динамическим, в результате чего во многих диалектах возникла новая гласная фонема (хотя и неустойчивая в истории языка и, может быть, локальная) — закрытое *ô* (лабиализованный гласный средне-верхнего подъёма непереднего образования, напряжённый и долгий); эта фонема возникла из *о* под бывшей восходящей интонацией, тогда как исконное *о* под нисходящей интонацией и *о* из *ъ* дали обычное открытое *о*. На протяжении 13 в. и последующих веков в разных диалектах по-разному меняется и фонема *ě*: в одних она совпадает с *е*, в других — с *и*, в третьих сохраняется как *ê* (или дифтонг *îe*). Наконец, в этот же период, приблизительно до 16 в., в рус. языке развивается изменение *е* (из *е* исконного и из *ь*) в *о* после мягких перед твёрдыми согласными (напр.: *н'есъ — н'ос, в'елъ — в'ол*). В результате всех этих процессов в рус. языке, учитывая его диалекты, под ударением максимально может быть 7 гласных фонем: *и, у, ê, ô, е, о, а*; в тех говорах, где нет фонемы *ô*, выступает 6 гласных, а в тех, где нет *ô* и *ê*,— 5 фонем. Такую пятифонемную систему В. имеет и совр. рус. лит. язык (согласно другой точке зрения, *и* и *ы* представляют собой разные фонемы, и тогда система лит. языка считается шестифонемной). Кроме того, утрата *ъ* и *ь* и развитие иных фонетических процессов обусловили подчинение системы В. системе согласных фонем рус. языка, что выражается в воздействии согласных на качество гласных и в изменении признака непереднего — переднего образования гласных в зависимости от твёрдости — мягкости предшествующих и последующих согласных.

Безударный В. в рус. лит. языке и диалектах отличается большой сложностью в реализации гласных фонем (см. Аканье, Еканье, Иканье, Оканье, Яканье).

Лит.: Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, 2 изд., М., 1965; Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973.

В. В. Иванов.

ВОПРОСИ́ТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — предложение, с помощью к-рого говорящий спрашивает о чём-либо, т. е. хочет получить к.-л. позитивную информацию, к-рой сам не обладает. По своему построению В. п. соотносительны с повествовательными предложениями: они могут быть двусоставными или односоставными, простыми и сложными и т. д. Однако В. п. могут иметь и собственные структурные схемы. Повествовательное предложение может быть преобразовано в В. п. с помощью интонации, при этом может измениться и порядок слов. Нередко В. п. создаются при использовании и других средств выражения вопросительного значения — вопросительных местоимений и наречий, вопросительных частиц; ср.: *Мальчик пишет.— Мальчик пишет? Пишет ли мальчик?* Использование разных средств передачи вопросительного значения позволяет все В. п. разделить на две группы: местоименные и неместоименные. В первых слово, к к-рому преим. относится вопрос (вопросительный член), всегда выражено вопросительным местоимением или наречием. В неместоименных предложениях вопросительным членом может быть любое самостоятельное слово. Выделяется этот член либо интонацией (резкое повышение тона

на вопросительном члене), либо с помощью частицы *ли*, либо порядком слов, при к-ром вопросительный член часто занимает первое место.

В неместоименных вопросах могут употребляться и частицы, вносящие оттенок сомнения, недоверия: *разве*, *неужели*, *ужели*; оттенок условного значения: *если*, *что если*; различные экспрессивные оттенки: *что*, *что ли*.

Местоименные вопросы соотносятся с возможным множеством различных ответов, в к-рых конкретизируется вопросительное местоименное слово. На неместоименный вопрос может быть дано лишь два ответа: «да» или «нет». Поэтому его иногда называют подсказывающим вопросом, ср.: *Это имя существительное?* (неместоименный вопрос) и *Какая это часть речи?* (местоименный вопрос).

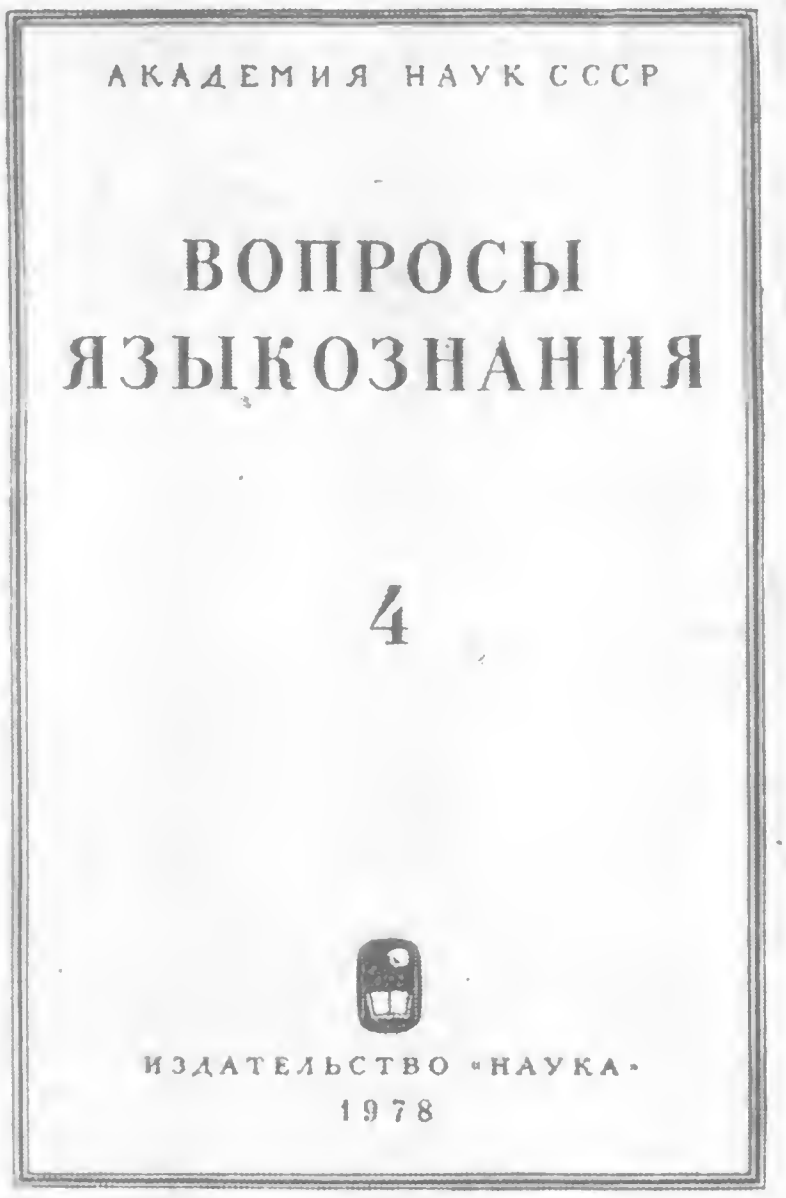
Помимо собственно вопросительного значения, связанного с поиском информации, В. п. может иметь значение сообщения (см. Риторический вопрос) и побуждения: «*Что вы деретесь? Деньги Михаил Игнатьевич утащил...*» (М. Горький).

В речи В. п. выполняет различные функции: служит собственно вопросом или вопросом размышления, подчёркивает нужную мысль, выражает предположение, является эмоциональным откликом на ситуацию и др.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956; Валимова Г. В., Функциональные типы предложений в современном русском языке, [Ростов н/Д.], 1967; Рестан Пер, Синтаксис вопросительного предложения, Oslo — Bergen — Tromsö, [1968]; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Распопов И. П., Строение простого предложения в современном русском языке, М., 1970. *Г. В. Валимова.*

ВОПРОСИ́ТЕЛЬНЫЙ ЗНАК (?) — знак препинания, служащий для выражения вопроса. Первоначально в значении В. з. употреблялась точка с запятой (это отражено в грамматиках Л. Зизания, 1596, и М. Смотрицкого, 1619), хотя В. з. встречался уже в инкунабулах и книгах 1-й пол. 16 в. Окончательно В. з. был закреплён для выражения вопроса «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова. В совр. рус. письменной речи В. з. ставится: 1) в конце вопросительного предложения, в т. ч. после следующих одно за другим неполных вопросительных предложений: «*Кто ты? Живая? Мертвая?*» (Блок); 2) факультативно — в вопросительных предложениях с однородными членами после каждого однородного члена с целью расчленения вопроса: «*Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?*» (Грибоедов). В. з. в скобках ставится для выражения сомнения или недоумения пишущего, чаще всего внутри цитируемого текста.

«ВОПРО́СЫ ЯЗЫКОЗНА́НИЯ» — научный журнал, орган Ин-та языкознания АН СССР. Выходит в Москве с 1952, периодичность — 6 номеров в год. Помещает материалы по общему языкознанию, по проблемам изучения рус. и других языков народов СССР, языков мира, публикации по истории языкознания. В журнале ведутся дискуссии по актуальным вопросам лингвистики. Публикуются обзоры научной лит-ры и рецензии на советские и зарубежные языковедческие работы, хроникальные заметки о новостях научной жизни. В журнале выступают советские и зарубежные учёные. Тираж (1979) свыше 7 тыс. экз.



ВОСКЛИЦА́ТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — предложения различной модальности, целенаправленности и структуры, выделяемые по наличию у них определённого значения, а именно по выражению эмоционального отношения говорящего к действительности. Таким отношением может быть: а) интеллектуальная оценка (презрение, ирония, сожаление, вера, восхищение и т. д.): «*Слепец! я в ком искал награду всех трудов!*» (Грибоедов); б) побуждение к действию: «*Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!*» (Пушкин); в) непосредственная эмоциональная реакция: *Пожар! Горим!*

Оценочное значение и побудительность выражаются интонацией, порядком слов, структурой предложения, использованием определённых лексических классов слов.

Интонационные схемы В. п. отражают различные соотношения высоты тона, напряжённости и тембра. Обычно наивысший подъём тона, сила звучания падают на акцентируемое слово. Снижение тона быстрое, темп резко ускоренный или замедленный.

Для В. п. характерна препозиция сказуемого или другого члена предложения, несущего информативную нагрузку: «*Пропала твоя головушка!*» (Чехов).

Существуют типы двусоставных и односоставных предложений, специально предназначенных для выражения экспрессии, напр. подлежащее — имя в им. п., сказуемое — наречие на *-о*: *Море — это прекрасно!*; используется фразеологизированная схема с компонентом *всем*: *Всем мастерам — мастер!* Часто встречаются неполные двусоставные предложения со значением побудительности: *Лошадей! По коням!*

Позицию главного члена в односоставных В. п. может занимать существительное в им. или род. п. или инфинитив: *Победа! Работы — масса! Поднять паруса!* Важную роль в формировании В. п. играют междометия, частицы, местоимения, наречия: *Не ночевать же здесь! Жить — так жить! Ох уж эти мне помощники! Вот так поёт!*

Нек-рые утвердительные и вопросительные предложения содержат внутреннее отрицание, эмоциональную реакцию: *Стоит писать об этом! Стану я его спрашивать! Куда ему поехать!* (экспрессивную роль играют словоформы *стоит*, *стану* и их препозиция). Всегда восклицательными бывают нек-рые экспрессивные высказывания, словоформы, напр.: *Алло! Ура! Счастья вам!*

В конце В. п. ставится восклицательный знак.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976.

Е. М. Лазуткина.

ВОСКЛИЦА́ТЕЛЬНЫЙ ЗНАК (!) — знак препинания, служащий для выражения восклицания. В. з. под названием «удивная» упоминается в грамматике М. Смотрицкого (1619). В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова определяются правила постановки «удивительного» знака («...по удивлении поставляется»). В совр. рус. письменной речи В. з. ставится: 1) в конце восклицательного предложения: «*Да здравствует революция, радостная и скорая!*» (Маяковский), 2) факультативно — в восклицательных предложениях с однородными членами после каждого однородного члена для обозначения эмоциональной прерывистости речи: «*Все отвергал: законы! совесть! веру!*» (Грибоедов); 3) после произносимых с восклицательной интонацией слов-предложений, обращений, междометий, стоящих в начале (в поэтической речи — и в середине) предложения или употребляемых самостоятельно: «*Старик! Я слышал много раз, Что ты меня от смерти спас*» (Лермонтов); 4) в скобках внутри или после цитаты для выражения отношения автора (иронии, возмущения и т. п.) к цитируемому тексту.

ВОСТО́КОВ (псевд.; наст. фам. Остенек) Александр Христофорович [16(27).3.1781, г. Аренсбург, ныне Кингисепп Эст. ССР,— 8(20).2.1864, Петербург] — рус. филолог, акад. Петерб. АН (1841). Учился в Петербурге в Кадетском корпусе, затем в Академии художеств. Труды по сравнительной грамматике слав. языков, грамматике рус. языка, лексикографии церковнославянского и рус. языков, палеографии. В работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820), заложившей основы сравнительного изучения слав. языков в России, выделил три периода в истории слав. языков: древний (9—13 вв.), средний (14—15 вв.) и новый (с 16 в.), установил фонетические соответствия в области гласных звуков между слав. языками как доказательство их исконной близости. Открыл существование носовых гласных в ст.-слав. языке. В основу изучения грамматики положил живой разговорный язык [«Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» (1831) и «Русская грамматика по начертанию сокращенной грамматики, полнее изложенная» (1831)].

Взгляды В. оказали большое влияние на последующее развитие грамматической мысли в России, он выдвинул ряд перспективных идей в области изучения рус.

синтаксиса: предложил новое понимание наиболее употребительных типов предложений как двучленных (двусоставных), поставил вопрос о формах выражения составного сказуемого, показал многообразие именных, глагольных и наречных типов словосочетаний, сделал ценные наблюдения в области словорасположения. Выделил существительные singularia tantum и pluralia tantum (см. Число), существительные общего рода и др.

В. осуществил в 1843 первое научное издание «Остромирова евангелия». «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842), составленное В., содержало палеографическое, археологическое и лит. описание 473 памятников др.-рус. языка. Редактировал и участвовал в составлении «Словаря церковнославянского и русского языка» (т. 1—4, 1847), включавшего свыше 114 тысяч слов из текстов от первых письменных памятников до произведений рус. писателей его времени, составил «Словарь церковнославянского языка» (т. 1—2, 1858—61), редактировал «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнение» к нему (1858).

Известен как поэт («Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах», ч. 1—2, 1805—06) и исследователь рус. стихосложения. Его «Опыт о русском стихосложении» (2 изд., 1817) был высоко оценён А. С. Пушкиным.

В.— д-р философии Тюбингенского ун-та (1825), д-р Пражского ун-та (1848), чл. многих зарубежных научных обществ.

Лит.: Орлов В. Н., Русские просветители 1790—1800-х годов, 2 изд., М., 1953; Цейтлин Р. М., А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов. (К 175-летию со дня рождения), «Краткие сообщения института славяноведения», 1958, в. 25; Милославский И. Г., Великий русский ученый. (К столетию со дня смерти А. Х. Востокова), «Рус. яз. в школе», 1964, № 2; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

ВОСТОЧНОСЛАВЯ́НСКИЕ ЯЗЫКИ́ — см. Славянские языки.

ВРЕ́МЯ — грамматическая категория глагола, обозначающая отношение названного глаголом действия или состояния к одному из трёх реальных временны́х планов — настоящему, прошедшему (прошлому) или будущему. В совр. рус. языке отнесённость к одному из названных временных планов соответственно выражается грамматическими значениями настоящего времени (см.), прошедшего времени (см.) и будущего времени (см.). Рассматривая обозначенное глаголом действие (явление, событие, состояние) как осуществляемое или приуроченное к определённому времени, обычно пользуются точкой отсчёта, условно именуемой моментом речи (время, в к-рое происходит речь говорящего).

Значение В. свойственно только формам изъявительного наклонения, представляющего действие как реальное, и отсутствует у форм повелительного и сослагательного наклонений, представляющих действие как требуемое, возможное или желаемое. Грамматические значения В., хотя они и соотнесены с реальными временны́ми планами, не обязательно являются непосредственным их отражением, иначе говоря, грамматическое В. может совпадать с реальным временем действия, но может и не совпадать с ним: *Пушкин заканчивает трагедию «Борис Годунов» в 1826 г.* (реальный план прошлого — значение наст. В.); *Завтра мы уезжаем* (реальный план будущего — значение наст. В.); *Если он задержится, мы погибли* (реальный план будущего — значение прош. В.).

Категория В. тесно связана с категорией глагольного вида (см. Вид). Эта связь проявляется как в системе образуемых глаголом временны́х форм, так и в характере временны́х значений. Все три грамматических В.— настоящее, прошедшее и будущее — образуют только глаголы несов. вида (*делаю, делал, буду делать*), глаголы сов. вида имеют два В.: будущее и прошедшее (*сделаю, сделал*).

Формы наст. и буд. В. содержат указание на лицо, к-рому приписывается действие, и называются личными (*несу, несёшь, несёт, принесу, принесёшь, принесёт, буду, будешь, будут нести*). Формы прош. В. содержат временно́й показатель суффикс *-л-*, но указывают не на лицо (лицо обозначено местоимением), а на пол лица или на род названия того предмета, к-рому приписывается действие (*делал, делала, делало, купил, купила, купило*). Формы прош. В. называются родовыми.

Кроме форм изъявительного наклонения, временно́е значение свойственно действительным и страдательным причастиям. В. причастия обозначает, что названное глаголом действие, представленное причастием, в отличие от других форм не как процесс, а как атрибутивное состояние, приурочено к настоящему (*играющий, пишущий, читаемый*) или к прошедшему (*игравший, писавший, прочитанный*).

Формы деепричастия типа: *делая — делав* (*делавши*), *видя — видев* (*видевши*), часто рассматриваемые как временны́е, на самом деле не выражают временны́х различий, т. е. не противопоставлены по временно́му значению. Временно́е значение деепричастий обусловлено В. глагола, действие к-рого данное деепричастие определяет. В. деепричастия указывает на одновременность названного им признака с действием глагола: *отвечает, не думая* и *отвечает, не подумав, ответил, не думая* и *ответил, не подумав.* Практически существенным

для деепричастия является не противопоставление по В., а противопоставление по виду.

Нек-рые учёные (А. В. Бондарко и др.) рассматривают категорию В. глагола как грамматическое ядро «функционально-семантической категории темпоральности» (от лат. tempus — время), охватывающей, кроме В. глагола, синтаксические и лексические средства выражения времени. К последним относятся определённые виды предложений и лексические показатели времени типа: *когда-то, только что, скоро, уже.*

Категория В. рус. глагола претерпела существенные изменения в истории языка. До кон. 13 — нач. 14 вв. употреблялись несколько форм прошедшего времени: аорист (см.), имперфект (см.), плюсквамперфект (см.), вытесненные впоследствии одной формой прош. В., образовавшейся на базе перфекта (см.).

Лит.: Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, Л., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Бондарко А. В., Вид и время русского глагола, М., 1971; его же, Теория морфологических категорий, Л., 1976; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ВСПОМОГА́ТЕЛЬНЫЙ ГЛАГО́Л — глагол, выражающий грамматические категории в составе аналитической формы буд. времени и в составе именного сказуемого. В. г. в рус. языке является глагол *быть*. Формы этого глагола в составе аналитической формы буд. времени, кроме значения времени, выражают значения лица и числа: *буду читать, будешь читать, будем читать*. В составе именного сказуемого формы глагола *быть* являются показателями прош. или буд. времени (*Он был здоров*; *Он будет здоров*; в форме наст. времени В. г. отсутствует: *Он здоров*), лица (в формах буд. времени: *Я буду здоров, Ты будешь здоров*), числа (в формах прош. и буд. времени: *Я буду здоров*; *Мы будем здоровы*; *Я был здоров*; *Мы были здоровы*) и рода (в прош. времени: *Он был здоров*; *Она была здорова*).

В состав В. г. иногда включают полузнаменательные глаголы, т. е. глаголы, почти полностью утратившие своё лексическое значение: *бывать, стать, становиться, делаться, являться, представляться*. Эти глаголы отличаются по значению от соответствующих глаголов, выступающих в качестве самостоятельного сказуемого, ср.: *Он бывает весёлым* и *Он бывает в Ленинграде*; *Он является педагогом* и *Он является в гости.*

И. С. Улуханов.

ВСТАВНА́Я КОНСТРУ́КЦИЯ — синтаксическая конструкция, характеризующаяся специфической интонацией включения (при к-рой не нарушается интонационная целостность основного предложения) и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения и поправки, касающиеся содержания основного предложения. Для выделения В. к. на письме используются запятые, тире и скобки. Связь В. к. с основным предложением (при бессоюзном включении) имеет не грамматический, а содержательно-ассоциативный характер: «*Солдаты — их было трое — ели, не обращая внимания на Пьера*» (Л. Толстой); «*Его вторая жена, красавица, умница — в ы е е т о л ь к о ч т о в и д е л и — вышла за него, когда уже он был стар...*» (Чехов); «*Я не понимал (т е п е р ь я п о н я л), что я делал с близкими мне существами*» (Гаршин).

По сравнению с вводными словами (см.) и предложениями, функционирующими в качестве модально-оценочного компонента предложения и усложняющими его смысловую структуру, В. к. увеличивают содержательно-информационный объём предложения. Они воспроизводят те или иные схемы простого (реже сложного) предложения и характеризуются самостоятельным объективно-модальным значением, к-рое в свою очередь может быть осложнено дополнительными субъективными оценками: «*Милый Жан, большое, громадное Вам спасибо за Ваше письмо, за то, что еще раз показали мне Ваш трагический почерк (к о т о р ы й, к с т а т и с к а з а т ь, с т а л б о л е е р а з б о р ч и в)*» (Чехов). Для оформления В. к. часто используются союзы и союзные слова, к-рые могут уточнять характер вставочного замечания (причинный, условный и др.), не выражая при этом отношений, реализуемых в сложных предложениях, построенных по принципу подчинения или сочинения: «*Конные полки — а и х б ы л о б о л ь ш и н с т в о — вели себя особенно разнузданно*» (Шолохов); «*И несмотря на теперешнюю, весьма объясняемую уклончивость Петра Петровича (п о т о м у ч т о о н т е б я е щ е н е з н а е т), Дуня твердо уверена, что достигнет всего своим добрым влиянием на будущего своего мужа...*» (Достоевский). В качестве вставных используются также словосочетания и отдельные слова: «*Журналы иностранной литературы (д в а) я велел выслать в Ялту*» (Чехов); «*Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (В е с ь м а м у ч и т е л ь н о е с в о й с т в о, Н е м н о г и х д о б р о в о л ь н ы й к р е с т)*» (Пушкин).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Современный русский язык, под ред. Д. Э. Розенталя, 4 изд., М., 1971; Гвоздев А. Н., Современный русский литературный язык, ч. 1—2, 4 изд., М., 1973.

М. В. Ляпон

ВТОРОСТЕПЕ́ННЫЕ ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — см. Члены предложения.

ВЫСКА́ЗЫВАНИЕ — единица речи (в устном или письменном варианте), оформленная по законам данного языка. В. может быть единичным, может входить в состав более крупных речевых единиц — диалога (см.), монолога (см.) и др. Порождая В., говорящий осуществляет нек-рые коммуникативные установки, выдвигая на первый план те или иные компоненты В. В рамках В. реализуется его актуальное членение (см. Актуальное членение предложения) — деление на тему, исходную часть и рему, или смысловое ядро. На базе одного и того же лексико-грамматического состава с одной и той же синтаксической структурой могут порождаться разные В.: *В городе мы/купили пальто*; *Пальто мы купили/в городе*; *Мы купили пальто/в городе*; *В городе мы купили/пальто* — четыре разных В. с одним и тем же лексико-грамматическим составом соотносятся с одним и тем же явлением действительности. В рамках В. выявляется его референционная часть (соотнесение с действительностью), модальная часть (отношение автора к сообщаемому) и собственно текстовая часть — элементы, включающие данное В. в более широкие коммуникативные рамки. Теория В. связывается в лингвистике с общей идеей актуализации языковых единиц, их преобразованием из потенциальных в реальные.

В рус. языкознании различение предложения и В. проводилось в работах А. М. Пешковского (см.), называвшего В. фразой. В зарубежной лингвистике основную роль в разработке теории В. сыграли труды чешских лингвистов, создавших в кон. 20-х гг. 20 в. теорию функциональной лингвистики (идеи пражского лингвистического кружка).

Сложный вопрос совр. лингвистики — разграничение предложения (см.) и В. Согласно нек-рым концепциям, предложение считается как единицей языка, так и единицей речи. В этом случае проблемным оказывается определение синтаксического строя речевых отрезков типа: *Ну и? К чему? Ещё чего!* Более распространена теория, согласно к-рой предложение отграничивается от В., причём они относятся к разным разделам синтаксиса: предложение — к конструктивному, а В.— к коммуникативному синтаксису. Разграничение этих видов синтаксиса предполагает изучение правил перехода от предложения к В. и изучение средств коммуникативного синтаксиса. В общем виде можно выделить три группы таких средств: порядок слов, интонацию, введение специфических служебных слов типа частиц.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956; Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972.

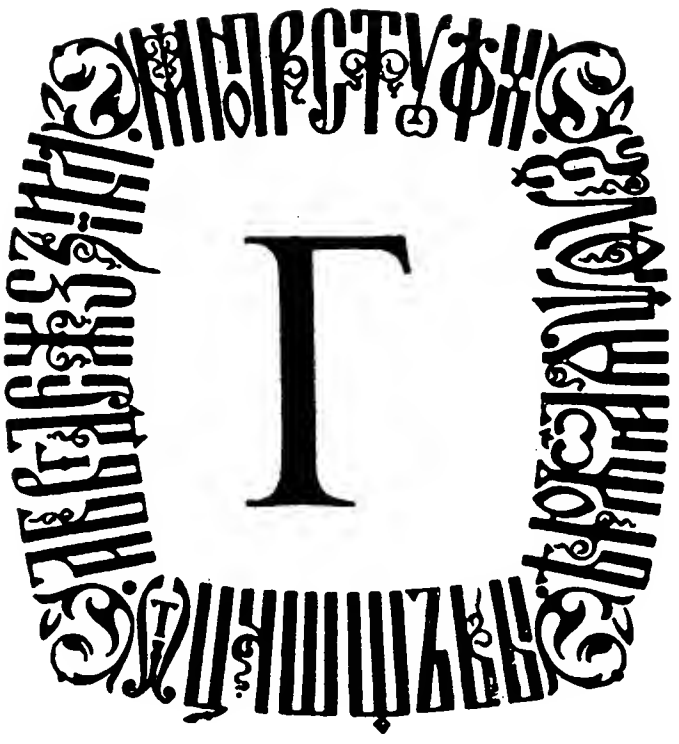
Т. М. Николаева.

ВЫСО́КИЙ СЛОГ, высокий стиль, высокий штиль,— в теории трёх стилей (см. Трёх стилей теория) и лит. практике сер. и 2-й пол. 18 в. один из стилей рус. лит. языка, употребление к-рого предписывалось в «высоких» жанрах лит-ры (одах, героических поэмах, трагедиях). В. с. отличался сложностью построения предложений, инверсированным словорасположением, обилием риторических вопросов и восклицаний, широким использованием образов античной мифологии, особо пышной и «нарядной» метафоричностью. Главной приметой В. с., основой его выразительности были славянизмы (см.). Они создавали тот особый эмоциональный тон, к-рым «высокие» жанры, по выражению М. В. Ломоносова, «от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются». Наиболее типичные образцы стихотворного В. с. сер. 18 в. представлены в одах Ломоносова.

Представление о прозаическом В. с. может дать начало «Слова на выздоровление великого князя Павла Петровича в 1771 годе» Фонвизина: «*Настал конец страданию нашему, о россияне! Исчез страх, и восхищается дух веселием... Любезные сограждане! кого мы паки зрим!.. Какая грозная туча отвлечена от нас десницею всевышнего! Единое о ней воображение вселяет в сердца ужас, ни с чем несравненный, разве с радостию, коею объемлется дух наш!*».

В результате перестройки стилевой системы рус. лит. языка в кон. 18 — 1-й пол. 19 вв. (см. История русского литературного языка) В. с. как особая система, как строго очерченная разновидность рус. лит. языка прекращает существование. В совр. рус. языке наименование «высокий слог» (ср. помету «высок.» в толковых и других словарях при словах типа *возмездие*, *отторгнуть*) употребляется для обозначения подчёркнуто книжной, перифрастической, торжественной манеры выражения в её противопоставленности повседневно-разговорным или «нейтрально-лит.» способам выражения. Обороты *говоря высоким слогом*, *выражаясь высоким штилем* и т. п. обычно употребляются для выражения иронического отношения к характеру высказывания. Напр.: «*Я-то, говоря высоким слогом, человек, закалённый в житейских бурях*» (С. Никитин); «*И если мы научимся уважать государыню-пустыню, то она ответит нам уважением. И откроет, выражаясь высоким штилем, свои тайны*» (В. Берестов).

А. И. Горшков.



Г, г — четвёртая буква рус. алфавита. Название буквы [*гэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное г, строчное г*. Буква *Г, г* обозначает согласные фонемы [*г*], [*г'*] (см. Согласные), реализующиеся по-разному в зависимости от качества соседних звуков или позиции в слове (конечной — неконечной; см. Позиция фонологическая), ср.: *га́лстук* [*га́лстук*], *гита́ра* [*г'ита́ръ*], *но́гти* [*но́кт'и*], *стог* [*сток*]. Строчное *г* употребляется как условное сокращение слов *год* при цифре (напр., *1979 г.*), *город* (напр., *г. Москва*), *господин* (в официальных документах: *г. посол*). Удвоенное *гг* обозначает те же слова во мн. ч. (*годы, города* и т. п.).

При классификационных обозначениях имеет значение «четвёртый», «четвёртая», «четвёртое»: *раздел г*. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 44 г; Он учится в 7-м «Г» классе*.

По начертанию восходит к четвёртой букве кириллицы (см.), где имела числовое значение «три», называлась «глаголь». Постепенно это название утратилось.

ГВО́ЗДЕВ Александр Николаевич [15(27).3.1892, с. Сивинь, ныне Старошайговский р-н Морд. АССР,— 19.12.1959, Куйбышев] — сов. языковед, чл.-корр. АПН РСФСР (1945). Окончил Московский ун-т (1918), д-р филологич. наук (1943), проф. Куйбышевского пед. ин-та (1944—59). Труды по фонологии, стилистике, орфографии, исследованию детской речи. В статьях сборника «О фонологических средствах русского языка» (1949) Г. выступал против морфологического подхода к установлению фонем, исследовал фонологическое значение словесного и фразового ударения, пауз, мелодического рисунка речевого такта. В книгах «Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка» (1948), «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» (ч. 1—2, 1949) охарактеризовал закономерности развития детской речи. Работы по орфографии («Основы русской орфографии», 1947, 4 изд., 1954), стилистике рус. языка. Автор вузовского курса «Современный русский литературный язык» (ч. 1 — Фонетика и морфология, ч. 2 — Синтаксис, 1958, 4 изд., 1973).

Лит.: Список научных трудов А. Н. Гвоздева, «ВЯ», 1960, № 3; Баранникова Л. И., Малаховский В. А., Скобликова Е. С., Памяти Александра Николаевича Гвоздева, «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1960, № 4; Скобликова Е. С., Александр Николаевич Гвоздев, «Научные труды Куйбышевского пед. ин-та», 1972, т. 103; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

ГИПЕ́РБОЛА (от греч. hyperbolḗ — преувеличение) — троп (см.), заключающийся в количественном усилении интенсивности свойств (признаков) предмета, явления, процесса: *Напугал до смерти; Кошмарный беспорядок в квартире; Сто раз слышал; Тысяча извинений!* Нередко встречающееся мнение о Г., будто бы всегда преувеличивающей количественные характеристики объекта речи, является неточным, поскольку к примерам Г. относится также изображение небольшого в виде ничтожно малого (усиление интенсивности признака незначительности): *рукой подать, сию секунду, микроскопическая порция; Живём в двух шагах отсюда*. Примеры подобного рода иногда ошибочно причисляются к явлениям мейозиса (см.), с к-рым Г. соотносительна, но представляет собой его логическую и психологическую противоположность.

Стереотипная Г., свойственная повседневной речи (см. приведённые выше примеры), в большей мере характеризует речевую манеру говорящего, чем воздействует на слушающего. Оригинальная Г.— утверждение, абсурдно противоречащее общественному опыту или здравому смыслу,— обладает большой изобразительной силой. Ср., напр., упоминание об ударе ногой, от к-рого свинья «*вылетела из другого конца аллеи — на двадцать футов впереди своего визга*» (О. Генри). Поражает неожиданностью гротескная характеристика невероятного плодородия почвы: «*посади оглоблю — через год вырастет тарантас*» (Чехов). Помимо обиходной речи и художественной лит-ры, Г. свойственна публицистике, ораторской речи. В официально-деловой речи, требующей точности изложения, и в научно-технических текстах Г. неупотребительна.

Лит.: Античные теории языка и стиля, М.—Л., 1936; Виноградов В. В., Стилистика, теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; Потебня А. А., Из записок по теории словесности, в его кн.: Эстетика и поэтика, М., 1976. *Ю. М. Скребнев.*

ГЛА́ВНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — компонент сложноподчинённого предложения (см.), предопределяющий связь, реализуемую придаточным предложением (см.). Различаются связи, идущие от всего Г. п. («прифразные»), и связи, исходящие от к.-л. отдельного слова в составе Г. п. («присловные»). От этого различия, а также от того, какое место занимает Г. п. относительно придаточного, зависят особенности его оформления. Если Г. п. стоит на первом месте (в препозиции), то в случае прифразной связи оно отличается от изолированного (простого) предложения, как правило, лишь интонацией и словопорядком, к-рые выражают его смысловую незавершённость. Для большего выделения придаточного предложения в Г. п. могут употребляться разного рода отсылочные элементы местоименного характера, к-рые несут на себе логическое ударение и, помещаясь обычно непосредственно перед придаточным, контактируют с вводящим его союзом: *Брат пришёл тогда, когда его уже перестали ждать*. Целям логического выделения служит также расчленение составных союзов, при к-ром их первая часть попадает в состав Г. п.: *Брат не пришёл потому, что его не позвали*. Если Г. п. стоит после придаточного (в постпозиции), в нём могут употребляться коррелятивные частицы *то*, *так*, *тогда*: *Если ты занят, то* (*так*, *тогда*) *я уйду*. В отдельных случаях для выражения ряда специфических отношений нек-рые компоненты Г. п. (преим. из разряда частиц, наречий и глаголов) развили в себе союзные функции и в сочетании с собственно союзом образовали либо двойные союзы (*едва... как*, *лишь... как*, *только что... как*, *чуть... как*), либо фразеологические конструкции того или иного типа: *не успел... как*, *стоило* (в сочетании с инфинитивом) *...как*, *не прошло... как*, *не проходит... чтобы* и нек-рые др.

При наличии присловной связи Г. п. может содержать — а в письменной речи, как правило, содержит — местоименные слова, облегчающие его связь с придаточным; при препозиции Г. п.— это преим. указательные местоимения типа *тот* (*Я не догадывался о том, что брат дома*), при его постпозиции — *этот* (*Что брат дома — я об этом и не догадывался*). *И. Н. Кручинина.*

ГЛА́ВНЫЕ ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — см. Члены предложения.

ГЛАГО́Л — часть речи, обозначающая действие или состояние и выражающая эти значения в грамматических категориях вида, залога, лица, числа, времени, наклонения и лексико-грамматической категории рода (в прош. времени и сослагательном наклонении).

Г. различаются по видам (см. Вид). К сов. виду относятся Г., обозначающие действие, достигшее своего предела: *сделать*, *написать*, *запеть*, *простоять*. К несов. виду относятся Г., не содержащие указания на достижение предела действия: *делать*, *писать*, *петь*, *стоять*.

В зависимости от направленности действия на субъект Г. различаются по залогу (см.). К действительному залогу относятся Г., значение к-рых не указывает направленности действия на предмет, выраженный формой им. п. (*Рабочие строят дом*; *Ученики решают задачу*). К страдательному залогу относятся Г. с постфиксом *-ся*, имеющие значение действия, направленного на тот предмет, к-рый выражен формой им. п. имени (*Дом строится рабочими*; *Задача решается учениками*).

Все Г. обладают грамматическим значением залога, но противопоставление по залогу образуют только переходные Г. (см. Переходность). Переходные Г. сочетаются с именем, стоящим в вин. или (реже) род. п. без предлога и обозначающим объект действия: *Ученики решают задачу*; *Сотрудники пишут отчёт*.

Нек-рые непереходные Г. действительного залога могут иметь постфикс *-ся*. Такие Г. называются возвратными (см. Возвратные глаголы): *мыться* (*Он моется под душем*), *учиться*, *обниматься* и др.

Формы Г. делятся на спрягаемые и неспрягаемые. Спрягаемыми формами являются формы лица, числа, времени, рода и наклонения (см. Спряжение). Изменение Г. по лицам, числам, родам, временам и наклонениям называется спряжением. Спряжением называют также один из двух классов форм настоящего — будущего времени. Каждый Г. относится или к 1-му или ко 2-му спряжению. Исключение составляют Г., назы-

ваемые разноспрягаемыми (см. Разноспрягаемые глаголы), а также Г. *чтить*, *почтить*, *дать* (*отдать* и другие производные), *есть* (*съесть* и др.), *надоесть*.

Категория лица (см. Лицо) Г. выражает отношение производителя действия к говорящему. В наст. и буд. времени изъявительного наклонения Г. имеет формы 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. (*я пишу*, *ты пишешь*, *он пишет*; *мы пишем*, *вы пишете*, *они пишут*).

Категория числа (см. Число) Г. показывает, что действие соотнесено с одним производителем (ед. ч.: *я пишу*, *он будет писать*, *ты писал*) или с несколькими (мн. ч.: *мы пишем*, *они будут писать*, *вы писали*).

Категория времени (см. Время) Г. показывает отношение действия к одному из трёх реальных временны́х планов — настоящему, прошлому или будущему. Действие, отнесённое в план прошлого, выражается формами прош. времени (*писал*, *сказал*, *убежал*), в план настоящего — формами наст. времени (*пишу*, *говорю*, *бегу*), в план будущего — формами буд. времени (*буду писать*, *напишу*; *буду говорить*, *скажу*; *буду бежать*, *убегу*). Г. несов. вида имеют все три формы времени (*писал*, *пишу*, *буду писать*), Г. сов. вида — лишь формы прош. и буд. времени (*написал*, *напишу*).

Категория рода (см. Род) Г. показывает, что действие относится к лицу или предмету, название к-рого имеет грамматическое значение муж., жен. или ср. рода: *Он* (*мальчик*) *читал*; *Она* (*девочка*) *читала*; *Солнце сияло*; *Пошёл бы он* (*пошла бы она*), *если бы море не шумело*. Во мн. ч. родовые различия не выражаются: *Они* (*мальчики*, *девочки*) *читали*. Формы рода свойственны Г. только в прош. времени и сослагательном наклонении.

Категория наклонения (см. Наклонение) Г. выражает отношения действия к действительности. Реальное действие, осуществляющееся в наст., прош. или буд. времени, выражается формами изъявительного наклонения: *Он играет*, *играл*, *будет играть*; *сыграл*, *сыграет*. Действие, к к-рому кто-либо побуждает кого-либо, выражается формами повелительного наклонения: *иди*, *беги*, *приготовь*, *приготовьте*, *пусть идёт*, *пусть бежит*, *пусть приготовит*, *идём*, *идёмте*. Возможное, желаемое или предполагаемое действие выражается формами сослагательного наклонения (*играл бы*, *читал бы*, *приготовил бы*).

Неспрягаемые глагольные формы — это инфинитив, причастие и деепричастие.

Инфинитив (см.), или неопределённая форма, называет действие, но не показывает его отнесённости к лицу, времени, к действительности (его реальности или нереальности): *писать*, *сыграть*, *везти*, *грызть*, *беречь*, *идти*.

Причастие (см.) обозначает действие или состояние как признак предмета или лица (*читающий*, *построенный* и т. п.).

Деепричастие (см.) обозначает действие как признак, характеризующий другое действие. Г. имеют две формы деепричастия: несов. вида (*читая*, *давая*) и сов. вида (*прочитав*, *отдав*, *надувшись*, *замёрзши*, *возвратясь*, *зайдя*).

Формы Г. образуются от двух основ: основы прош. времени (чаще всего совпадающей с основой инфинитива) и основы наст. времени: *писа-л* (*писа-ть*) и *пиш-ут*; *чита-л* (*чита-ть*) и *читај-ут*. В нек-рых Г. основа прош. времени не совпадает с основой инфинитива: *грес-ти* — *грёб*, *ослепну-ть* — *ослеп*, *тере-ть* — *тёр* и др. От основы прош. времени образуются личные формы прош. времени, причастия прош. времени и деепричастия сов. вида: *чита-* — *чита-л* (*чита-ть*), *чита-вший*, *про-чита-в*. От основы наст. времени образуются все личные формы наст. времени (или простого буд. времени), повелительного наклонения, причастия наст. времени и деепричастия несов. вида: *читај-*, *читај-у*, *читај-ешь*, *читај-ет*, *читај-ем*, *читај-ете*, *читај-ут*; *читај*, *читај-те*, *читај-ущий*, *читај-а*.

В зависимости от принадлежности к 1-му или 2-му спряжению, а также по характеру соотношения основы инфинитива, прош. времени и основы наст. времени Г. делятся на 16 классов (см. таблицу). Первые четыре класса — продуктивны (исключение составляют лишь те глаголы 3-го класса, у к-рых основа прош. времени оканчивается на согласную, элемент *-ну-* в этой основе не сохраняется), остальные — 5—16-й — непродуктивны.

Вне классов находятся Г. *реветь* (*реву*, *ревёшь*, *ревут*), *ехать* (*еду*, *едешь*, *едем*, *едут*), *идти* (*иду*, *идёшь*, *идём*, *идут*, *шёл*, *шедший*), *быть* (буд. время образуется от другого корня: *буду*, *будешь*, *будет*, *будем*, *будете*, *будут*; формы наст. времени *есть* и *суть* редко употребляются), разноспрягаемые Г. *хотеть*, *бежать*, а также *чтить*, *дать*, *создать*, *есть*, *надоесть* и Г., образованные от этих Г. с помощью приставок; *захотеть*, *прибежать*, *почтить* и др.

В предложении спрягаемые формы Г. выступают в роли простого сказуемого (*Мальчик читает*). Инфинитив может выступать в качестве подлежащего, простого глагольного сказуемого, главного члена инфинитивного предложения, части дополнения, несогласованного определения и обстоятельства цели. Полные причастия в предложении играют ту же роль, что и прилагательные, а вместе с относящимися к ним словами могут входить в состав причастного оборота (см.). Краткие формы в предложении выступают в качестве сказуемого (*Дом построен*).

Номер класса	Номер спряжения	Конечные фонемы основ инфинитива и прош. времени	Конечные фонемы основы наст. времени	Примеры
1	1-е	*-а-* *-е-*	*-аj-* *-ej-*	*чита-ть, чита-л — чита[j-y], чита[j]-ет* *беле-ть, беле-л — беле[j-y], беле[j]-ет*
2	1-с	*-ова-*	*-уj-*	*рисова-ть, рисова-л—рису[j-y], рису[j]-ет*
3	1-е	*-ну-*—в инфинитиве, *-ну-* или согласная — в прош.времени	*-н-* или *-н'-*	*толкну-ть, толкну-л — толкн-у, толк[н']-ёт* *мёрзну-ть, мёрз — мёрзн-у, мёрз[н']-ет*
4	2-е	*-и-*	мягкая согласная или шипящая	*вари-ть, вари-л—ва—[р'-у], ва[р']-ит* *краси-ть, краси-л — краш-у, кра[с']-ит* *суши-ть, суши-л — суш-у, суш-ит*
5	2-е	*-а-* *-е-*	мягкая согласная или шипящая	*спа-ть, спа-л — сп[л'-у], с[п']-ит* *дрожа-ть, дрожа-л — дрож-у, дрож-ит* *терпе-ть, терпе-л—терп[л'-у], тер[п']-ит* *обиде-ть, обиде-л — обиж-у, оби[д']-ит*
6	1-е	*-а-*	согласная	*писа-ть, писа-л—пиш-у, пиш-ет* *дрема-ть, дрема-л—дрем[л'-у], дрем[л']-ет* *жда-ть, жда-л — жд-у, ж[д']-ёт*
7	1-е	*з-, с-* — в инфинитиве, согласная или гласная — в прош. времени	согласная	*грыз-ть, грыз — грыз-у, гры[з']-ёт* *нес-ти, нёс — нес-у, не[с']-ёт* *брес-ти, брё-л—бред-у, бре[д']-ёт* *мес-ти, мё-л—мет-у, ме[т']-ёт* *рас-ти, рос—раст-у, рас[т']-ёт* *грес-ти, грёб—греб-у, гре[б']-ёт*
8	1-е	гласная — в инфинитиве (окончание в инфинитиве *-чь*), заднеязычная — в прош. времени	заднеязычная или шипящая	*пе-чь, пё-к—пек-у, печ-ёт* *бере-чь, берёг—берег-у, береж-ёт*
9	1-е	*-ере-* —в инфинитиве, *-ер-* — в прош. времени	*-р-* или *-р'-*	*тере-ть, тёр—тр-у, т[р']-ёт* *умере-ть, умер—умр-у, ум[р']-ёт*
10	1-е	*-оло-* *-оро-*	*-л'-* *-р'-*	*коло-ть, коло-л—ко[л'-у], ко[л']-ет* *поро-ть, поро-л—по[р'-у], по[р']-ет*
11	1-е	*-и-*	*-j-*	*би-ть, би-л—б[j-y], б[j]-ёт*
12	1-е	*-и-* *-у-* *-е-*	*-иj-* *-оj-* *-ej-* *-уj-* *-оj-*	*гни-ть, гни-л—гни[j-y], гни[j]-ёт* *мы-ть, мы-л—мо[j-y], мо[j]-ет* *бри-ть, бри-л—бре[j-y], бре[j]-ет* *ду-ть, ду-л—ду[j-y], ду[j]-ет* *пе-ть, пе-л—по[j-y], по[j]-ёт*
13	1-е	*-ава-*	*-j-*	*дава-ть, дава-л—да[j-y], да[j]-ёт*
14	1-е	*-а-*	*-н-* или *-н'-* *-м-* или *-м'-*	*жа-ть, жа-л—жн-у, ж[н']-ёт* *жа-ть, жа-л — жм-у, ж[м']-ёт* *подня-ть, подня-л—подним-у, подни[м']-ет* *заня-ть, заня-л—займ-у, зай[м']-ёт* *взя-ть, взя-л—возьм-у, возм[м']-ёт*
15	1-е	*-е-* *-а-*	*-ен-* или *-ен'-* *-ан-* или *-ан'-*	*де-ть, де-л—ден-у, де[н']-ет* *ста-ть, ста-л—стан-у, ста[н']-ет*
16	1-е	*-и-*	*-ив-* или *-ив'-*	*жи-ть, жи-л—жив-у, жи[в']-ёт*

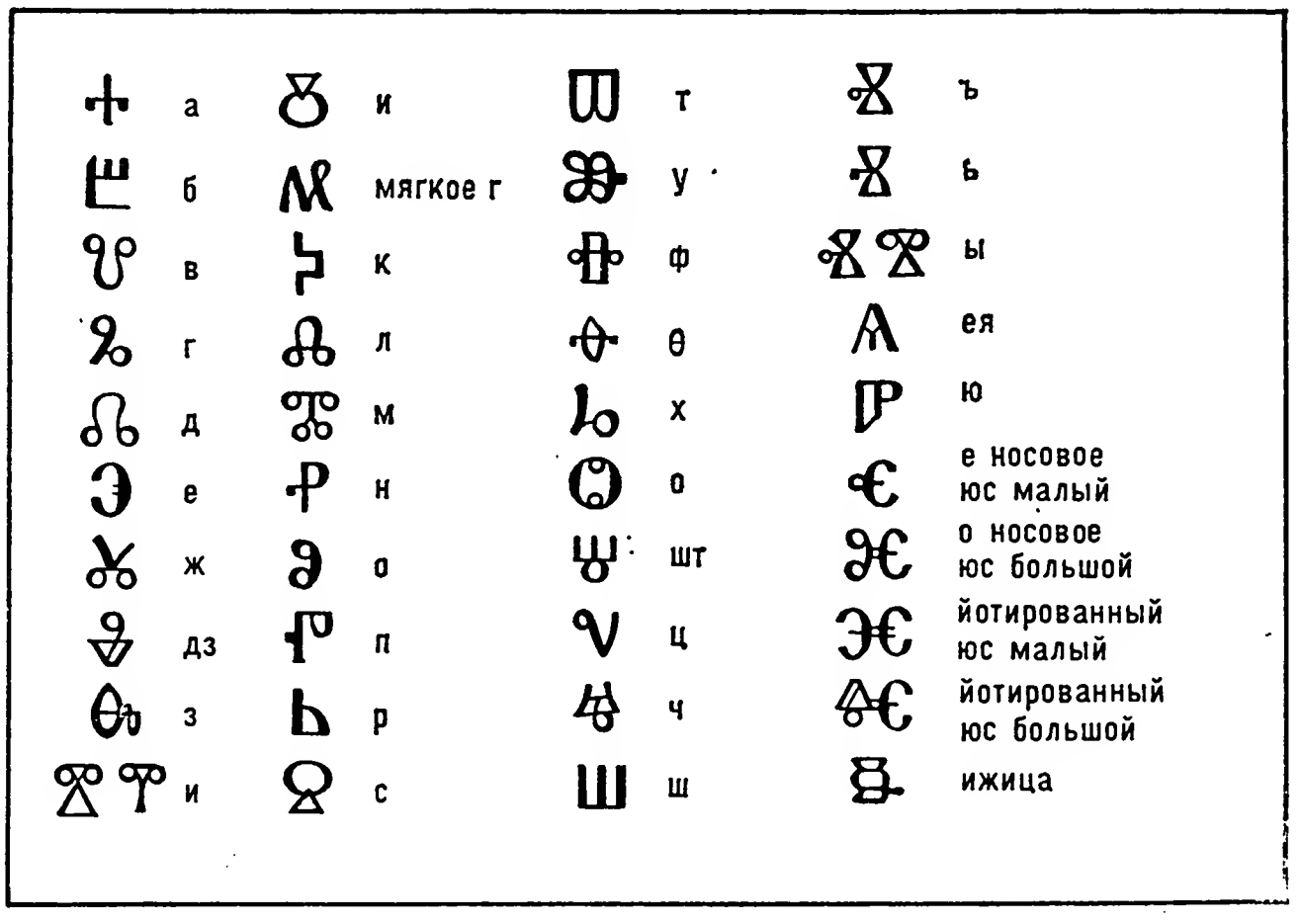
Деепричастие выступает в предложении в роли обстоятельства и обозначает действие, сопровождающее другое действие, выраженное спрягаемой формой Г. или инфинитива (*Мы шли молча*; *Надо смотреть молча*). Вместе с относящимися к нему словами деепричастие входит в состав деепричастного оборота (см.).

Производные Г. принадлежат к различным способам словообразования. Суффиксальные Г. с суффиксами *-и(ть)*, *-ова(ть)* [*-ирова(ть)*, *-изирова(ть)*, *-изова(ть)*], *-нича(ть)*, *-ствова(ть)*, *-а(ть)*, мотивированные существительными и прилагательными, имеют значения: «совершать действие, свойственное лицу или животному» — *батрачить*, *попугайничать*, *учительствовать*, *плутовать*; «действовать с помощью предмета» — *багрить*, *циклевать*; «наделять свойством» — *сушить*, *активировать*, *ровнять*; «проявлять свойство» — *хитрить*, *лютовать*, *важничать*, *свирепствовать*, *хромать* и др., Г. с суффиксами *-е(ть)* и *-ну(ть)*, мотивированные прилагательными, имеют значение «приобретать свойство»: *белеть*, *слепнуть*. Суффикс *-ива(ть)* [*-ва(ть)*, *-а(ть)*] служит для образования Г. несов. вида от Г. сов. вида: *переписать — переписывать*, *узнать — узнавать*, *победить — побеждать*; суффиксы *-ну(ть)* и *-ану(ть)* — для образования Г. сов. вида со значением однократного действия: *толкнуть*, *рубануть*.

Префиксальные Г. означают направление действия в пространстве (*войти*, *выйти*, *подойти*, *прийти*, *уйти*, *отойти*, *дойти*, *сойти*, *обойти*, *перейти*, *пройти*, *зайти*), совершение действия во времени (*запеть*, *взволноваться*, *пойти*; *постоять*, *просидеть*, *переждать*, *досидеть*, *отзавтракать* и др.), степень интенсивности действия (*отгладить*, *начистить*, *иззябнуть*, *перепугать*, *продумать*, *раскормить*; *перегреть*; *поотстать*, *подбодрить*, *приглушить*; *недовыполнить*), множественность объектов действия (*издырявить*, *обе́гать*, *облетать*; *пересмотреть все фильмы*, *повывезти* и др.), результативность действия (*вскипятить*, *воспрепятствовать*, *вылечить*, *заминировать*, *измерить*, *оштрафовать*, *обменять*, *отремонтировать*, *постирать*, *подмести*, *пристыдить*, *продемонстрировать*, *разбудить*, *сделать*). Кроме того, Г. свойственны следующие способы словообразования: префиксально-суффиксальный (*влажный — увлажнить*, *болеть — побаливать*, *дремать — вздремнуть*), постфиксальный (*умыть — умыться*), суффиксально-постфиксальный (*скупой — скупиться*), префиксально-постфиксальный (*бегать — забегаться*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*шутить — перешучиваться*, *смелый — осмелиться*), сложение (*полузакрыть*, *самовоспламениться*), сложение в сочетании с префиксацией (*оплодотворить*), сращение (*злоумышлять*), сращение в сочетании с суффиксацией (*христарадничать*).

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972; Современный русский язык. Морфология, М., 1952; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, Л., 1967. *И. С. Улуханов.*

ГЛАГО́ЛИЦА — одна из двух древнейших славянских азбук. Название образовано от *глаголъ* — «слово», «речь». По алфавитному составу почти полностью совпадала с кириллицей (см.), но резко отличалась от неё формой букв. Установлено, что по происхождению буквы Г. в большинстве своём связаны с греческим минускульным алфавитом, нек-рые буквы составлены на основе знаков самаритянского и др.-еврейского письма. Есть предположение, что Г. создана Константином (Кириллом)-Философом (см. Кирилл и Мефодий). Г. широко употреблялась в 60-х гг. 9 в. в Моравии, откуда проникла в Болгарию и Хорватию, где существовала до кон. 18 в. Г. изредка употреблялась и в Др. Руси. Перечень древнейших глаголических памятников см. в ст. Старославянский язык. См. также ст. Письмо.



Лит.: Селищев А. М., Старославянский язык, ч. 1, М., 1951; Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов), М., 1958.

ГЛА́СНЫЕ — звуки речи, основной функциональной особенностью к-рых является их роль в слогообразовании: гласный всегда образует вершину слога. Артикуляционные и акустические характеристики Г. не позволяют говорить об их принципиальных различиях с согласными: когда называют Г. «ртораскрывателями», упускают из виду то обстоятельство, что в действительности сужение, образуемое при артикуляции нек-рых закрытых Г., может быть не меньше сужения, образуемого при образовании нек-рых согласных; акустической особенностью Г. считают то, что при их образовании действует только голосовой источник, однако и это не является специфическим свойством Г., так как и нек-рые сонорные согласные образуются лишь при участии голосового источника.

При артикуляционной классификации Г. учитывают положение языка — степень подъёма языка по направлению к твёрдому нёбу и его продвинутость вперёд или назад в полости рта — и губ. По подъёму различают Г. верхнего (закрытые или узкие), среднего и низкого (открытые или широкие) подъёма; по продвинутости — Г. переднего ряда и Г. заднего ряда; по работе губ — огублённые (лабиализованные) Г., при образовании к-рых губы округляются и выпячиваются, и неогублённые (нелабиализованные), при артикуляции к-рых губы не играют активной роли.

В рус. языке шесть Г. Артикуляционные характеристики рус. Г.: а) по подъёму: Г. верхнего подъёма — *и*, *ы*, *у*; Г. среднего подъёма — *е*, *о*; Г. нижнего подъёма — *а*; б) по ряду: Г. переднего ряда — *и*, *е*; Г. заднего ряда — *у*, *о*, *а*; Г. *ы* характеризуется изменением положения языка при его произнесении: начинаясь как Г. непереднего ряда, он обычно заканчивается как передний Г., совпадающий по артикуляции с Г. *и*; в) по огублённости: неогублённые *и*, *ы*, *е*, *а*; огублённые — *у*, *о*.

Эти особенности артикуляции влияют на акустические свойства Г. Надгортанные полости, выступающие в роли резонаторов, усиливают определённые частоты, называемые формантами Г. При описании акустических характеристик Г. используют обычно сведения о частоте двух формант — первой и второй; имеется зависимость между частотой формант и характером артикуляции: чем более закрытый Г., тем ниже частота первой форманты; чем более задний Г., тем ниже частота второй форманты; огублённость понижает частоту и первой и второй форманты. Акустические характеристики рус. Г. находятся в полном соответствии с этим правилом: наиболее низкой частотой первой форманты характеризуются Г. верхнего подъёма *и*, *ы*, *у*; Г. нижнего подъёма *а* имеет наиболее высокую по частоте первую форманту; наиболее высокую вторую форманту имеет Г. переднего ряда *и*, наиболее низкую — огублённый Г. заднего ряда *у* и т. д.

Безударные Г. отличаются от ударных по степени выраженности артикуляционно-акустических свойств; так, безударный *и* менее передний и менее закрытый, чем ударный; безударный *у* — менее задний и менее закрытый, чем ударный; безударный *а*, наоборот, характеризуется большей закрытостью по сравнению с ударным и сильными изменениями по ряду в зависимости от соседних согласных. Это объясняется в первую очередь сокращением длительности безударных Г. по сравнению с ударными: т. к. время произнесения безударных в полтора-два раза меньше времени произнесения ударных, артикуляционные органы не успевают достигнуть положения, характерного для ударных Г. Редукция безударных меньше, если безударный Г. находится в абсолютном начале слова. Предударные Г. редуцируются меньше, чем заударные; Г. *а* редуцируется в большей степени, чем гласные *и*, *ы*, *у*.

Существуют определённые закономерности употребления Г. Так, под ударением возможны все шесть Г., в безударных слогах, как правило, не употребляются Г. *о* и *е*. На основании правил такого рода говорят о чередовании Г. в пределах одной морфемы: ударный *о* чередуется с безударным *а* (*дом — дома́*), ударный *а* после мягкого согласного — с безударным *и* (*пять — пятáк*), ударный *е* чередуется с безударным *и* (*лес — леса́*), при этом важно помнить, что безударный *и* нетождествен по своим артикуляционно-акустическим характеристикам ударному.

Г. *и* употребляется только после мягких согласных, Г. *ы* — только после твёрдых; Г. *е* употребляется после твёрдых согласных только в заимствованных словах или в положении после согласных *ш*, *ж*, *ц*; Г. заднего ряда *а*, *о*, *у* могут находиться как после твёрдых, так и после мягких согласных.

Из особенностей описания Г. упомянем следующие: не все исследователи

Гласные русского языка

Подъём	Ряд		
	Передний	Задний	
	неогублённые		огублённые
Верхний	*и*	*ы*	*у*
Средний	*е*		*о*
Нижний		*а*	

согласны с оценкой Г. *ы* как звука, изменяющегося по ряду; рус. *о* неоднородно по звучанию и в начале артикуляции имеет значительный *у*-образный элемент.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Фант Г., Акустическая теория речеобразования, пер. с англ., М., 1964; Бондарко А. В., Звуковой строй современного русского языка, М., 1977.

А. В. Бондарко.

ГНЕЗДО́ СЛОВ — см. Словообразовательное гнездо.

ГО́ВОР — мельчайшая часть диалекта, однородная по своим языковым чертам. Г. является средством общения жителей очень ограниченной территории или даже одного населённого пункта. Напр., Г. деревни Деулино Рязанской области. Для обозначения Г. может использоваться и термин диалект (см.). См. также Говоры русского языка.

К. В. Горшкова.

ГО́ВОРЫ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́. Группировка Г. р. я. создаётся на основе изучения закономерностей лингвистического ландшафта языка (см. Лингвистическая география). На основе общности территории, общности или близости языковых черт отдельные говоры объединяются в бо́льшие языковые единицы, к-рые получают название группы говоров, наречия, диалектной зоны.

Известны две основные группировки Г. р. я. Первая была предложена в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова (1915) на основе материалов, собранных московской диалектологической комиссией в нач. 20 в. Вторая создана на основе изучения диалектных карт атласа рус. народных говоров, материал для к-рого был собран в основном в 50—60-е гг. 20 в. Один из томов атласа («Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы») опубликован в 1957, остальные хранятся в рукописном виде в секторе истории и диалектологии Ин-та рус. языка АН СССР (см. Атлас диалектологический). Согласно второй группировке, основными единицами территориального членения в пределах рус. языка являются северное и южное наречия (по другой терминологии, северновеликорус. и южновеликорус. наречия), между к-рыми располагаются среднерус. говоры. С членением языка в целом, как и наречия, связаны диалектные зоны, каждая из к-рых охватывает территорию нескольких соседних групп говоров. Выделяются семь диалектных зон: западная, северная, северо-западная, северо-восточная, южная, юго-западная и юго-восточная. Деление это условно.

Минимальными единицами диалектного членения языка являются группы говоров и подгруппы говоров. Кроме того, на основе размещения нек-рого числа ареалов явлений выделяются говоры центра, противопоставленные говорам периферии.

Все указанные единицы диалектного членения характеризуются определённой территорией и набором важнейших языковых особенностей. Так, северное наречие характеризуется: оканьем (см.); смычным образованием задненёбного согласного [*г*], в большинстве своих говоров отсутствием звука «йот» [*j*] в интервокальном положении (между гласными), т. е. формами типа *он делат, она хоро́ша*; сочетанием [*мм*] в соответствии с [*бм*] в других диалектах: *омман, оммéрял*; произношением [*с*] на месте [*ст*] в конце слов: *мос, хвос*; окончанием [*ы*] в род. п. ед. ч. существительных жен. рода: *у жоны, с работы*; склонением существительных с суффиксами *-ушк-, -ишк-* по типу слов муж.— ср. рода: *дедушко, дедушка, дедушку* и т. д.; наличием общей формы для дат. и твор. п. мн. ч. существительных и прилагательных: *с пустым вёдрам — к пустым вёдрам*; наличием форм местоимений *меня, тебя, себя* в род. и вин. п. ед. ч., окончанием *т* твёрдое в 3-м лице глагола: *носит, носят*; распространением слов: *квашня, квашонка* — «посудина для приготовления теста», *ковш, ковшик* — «сосуд, к-рым черпают воду», *сковородник* — «приспособление для захватывания сковороды», *зыбка* — «колыбель» и др.

Выделяются следующие основные группы говоров северного наречия: ладого-тихвинская, вологодская, костромская.

Южное наречие характеризуется: аканьем (см.); фрикативным образованием задненёбного звонкого согласного [γ]; отсутствием в большинстве своих говоров утраты интервокального йота [*j*] и стяжения гласных в личных формах глагола и прилагательных типа *делает, она хорошая*; наличием сочетания [*бм*] (*обман*); сочетанием [*ст*] на конце слов: *хвост, мост* (не во всех говорах); склонением слов на *-ушк-, -ишк-* по типу слов жен. рода: *дедушка, у дедушки*; различением форм дат. и твор. п. мн. ч. существительных и прилагательных: *с пустыми вёдрами, к пустым вёдрам*; формами местоимений: *мене, тебе, себе* в род. и вин. п. ед. ч.; окончанием *т'* (мягкое) в 3-м лице глагола; распространением слов: *дежа, дежка* — «посудина для приготовления теста», *чапля, цапля, чапельник, чаплейка* и т. п. — «приспособление для захватывания сковороды», *корец, корчик* — «сосуд, к-рым черпают воду», *люлька* — «колыбель» и др. В южном наречии выделяются: западная группа говоров, верхнеднепровская группа, верхнедеснинская, курско-орловская и восточная (рязанская) группа.

Среднерусские говоры имеют смычное образование задненёбного звонкого согласного [*г*], чередующегося с [*к*] на конце слова; неразличение гласных неверхнего подъёма во втором предударном и в заударных слогах; характеризуются распространением слов *квашня*, *квашонка*, *ухват*, *кафтан* и др.

Среднерус. говоры имеют в своём составе западные окающие говоры: новгородские и гдовские; западные акающие говоры: псковские и селигеро-торжковские; восточные окающие среднерус. говоры: владимиро-поволжские (калининские, горьковские) и восточные акающие среднерус. говоры. Каждая группа имеет набор специфических языковых особенностей.

Перечисленные диалектные зоны также обладают каждая особым набором языковых явлений с характерным для них размещением на территории. Напр., в языковой комплекс западной зоны входят: формы местоимений *йона*, *йоно*, *йони*, *тайа*, *туйу*, *тыйи*; существительные с суффиксом *-ак-*: *ходак*, *седак*; распространены конструкции с предлогом *с* или *з*: *приехал з города*, *вылез с ямы*; употребляется деепричастие в функции сказуемого: *поезд ушовши* и др..

Центральные говоры в отличие от периферийных имеют многие особенности, известные и лит. языку. К их числу относятся: пятифонемный вокализм (гласные фонемы *и — у — е — о — а*); результаты последовательного изменения [*е*] в [*о*]: *берёза*, *нёс*, *нёсу*; последовательное различение аффрикат [*ц*] и [*ч*]; наличие [*в*], чередующегося с [*ф*]; различение [*л*] — [*л'*]; различение на конце твёрдых и мягких губных; наличие словоформ: *свекровь*, *мать*, *дочь*; наличие парадигмы *пеку — печёшь* с чередованием согласных и ряд др.

Лит.: Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Диалектное членение русского языка, М., 1970. См. также лит. при ст. Диалектология.

К. В. Горшкова.

ГРАММА́ТИКА [греч. grammatikē (téchnē), первоначально — искусство читать и писать буквы, от grámma — буква] — 1) строй языка, т. е. система способов словопроизводства, морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций; 2) наука о строе языка, о его законах.

Грамматика как строй языка представляет собой «систему систем», объединяющую словообразование (см.), морфологию (см.) и синтаксис (см.). Эти системы можно называть подсистемами грамматического строя языка или разными его уровнями.

Нек-рые учёные включают в Г. также те стороны звуковой организации языка, к-рыми непосредственно (материально) образуются значимые единицы языка, а именно: фонемный строй языка, его акцентную систему и интонацию (включая синтагмы как ритмические единицы речи). Основания для такого расширительного понимания состава Г. имеются, т. к. единицы звукового уровня, не являясь двусторонними языковыми знаками (т. е. знаками, обладающими как формой, так и значением), служат их материальной оболочкой и, т. о., участвуют в формировании морфем, форм слова, предложения и его членов. Законы вхождения звуковых единиц в единицы грамматические (фонем — в морфемы, акцентных единиц — в словоформы) составляют специальную сферу морфонологии (см.). Незнаковый (в сформулированном выше смысле) характер перечисленных звуковых средств не позволяет, однако, рассматривать звуковой строй языка наряду со словообразованием, морфологией и синтаксисом как подсистему Г.

Словообразование, морфология и синтаксис, в совокупности и во взаимном действии образующие грамматический строй языка, сами по себе представляют сложную языковую организацию. К словообразованию относится как вся область законов продуктивного производства новых слов, так и область строения слов уже существующих, образованных по законам, к-рые действовали ранее. Морфология объединяет в себе принадлежащие языку системы форм слов (парадигмы), а также грамматические (морфологические) категории и лексико-грамматические разряды слов, т. е. такие лексические разряды, к-рые имеют общие и достаточно стабильные грамматические характеристики. Синтаксис включает всё, что относится к строению, связям и отношениям единиц, больших, чем слово. Сюда входят связи слов и возникающие на основе этих связей соединения (словосочетания); отвлечённые образцы, по к-рым образуются предложения; правила строения и функционирования простого и сложного предложения; все грамматические (синтаксические) единицы, относящиеся к сфере распространения простого предложения (см.) и сложного предложения (см.). Вопрос о принадлежности к Г. «высшего синтаксиса», т. е. закономерностей строения сложных, развёрнутых текстовых единств, не решён в науке; однако несомненно, что эти закономерности имеют иной характер, чем грамматические законы языка.

Г. имеет дело с абстракциями, обобщениями. Характер этих обобщений различен. Это может быть, напр., обобщение способов словесного называния (в словообразовании), разнообразных отношений (в падежных значениях, в соединениях слов и форм слов, в строении предложения), выраженных в языке ситуаций (таких, напр., как отношение между субъектом и его действием или состоянием

в предложениях типа: *Ребёнок учится* или *Ребёнок весел*).

Центральными понятиями Г. являются: грамматическая категория, грамматическая форма и грамматическое значение. Это — абстракции, представляющие собой либо результат отвлечения от свойств множества конкретных единиц — форм слов, словосочетаний, предложений, либо результат дальнейшего обобщения таких абстракций, объединяющихся в классы.

Грамматическое значение — это абстрагированное языковое содержание (содержательный план, смысловая сторона) грамматической (словообразовательной, морфологической, синтаксической) единицы, заключённое в её формальной организации и относящее её в тот или иной грамматический класс или подкласс. Грамматическое значение той или иной единицы всегда выводится из её отношения к другим единицам того же класса. Так, напр., значение формы слова определяется на основе её отношения к другим формам слова в парадигме; значение формы времени в глаголе выводится на основании её отношения к другим временны́м формам глагола; значение той или иной формы предложения (см. Предложение) устанавливается на основе её отношения к другим его формам.

Грамматическое значение в языковой единице существует вместе с её конкретным значением: в слове — вместе с его лексическим значением, в предложении — вместе с его семантической структурой (см. Семантическая структура предложения). Однако для Г. абстрактное значение единицы является её основным значением, к-рое делает морфему, форму слова, предложение членом определённой группы (класса или подкласса), организующейся по признаку общности формальных характеристик и семантических обобщений.

Грамматическая форма и грамматическое значение нераздельны: они составляют две нерасчленяемые стороны языкового знака.

Грамматическая форма — это материальный вид существования грамматического значения. Она организуется конкретными языковыми средствами: морфемами, в синтаксисе — сочетаниями форм слов в их отношении друг к другу, сочетаниями знаменательных слов со служебными словами.

Грамматическая форма всегда двумерна: она имеет организацию внешнюю (материальные языковые средства) и внутреннюю (грамматические значения). Отношение этих двух сторон в грамматической форме неоднозначно, асимметрично: одна форма может нести в себе несколько значений (так же, как и очень близкие значения могут быть заключены в разных формах). Смысловое строение грамматической формы является весьма сложным образованием, в к-ром значения могут быть противопоставлены по разным признакам. Так, внутри одной формы возможно противопоставление нескольких грамматических значений, представляющих разные грамматические категории (см. ниже). Эти совмещения значений в одной форме могут быть синтагматически необусловленными (напр., в *иду* — значения времени, лица и числа) или синтагматически обусловленными [напр., в форме дат. п.: *дать* (*что-нибудь*) *кому-нибудь* — значение объекта действия, *кому-нибудь холодно* — значение субъекта состояния]. Возможно противопоставление значений по первичности и производности (вторичности); вторичные значения часто оказываются переносными (транспонированными). Таковы, напр., в формах *иду*, *идёшь*, *идёт*... обусловленные синтагматически (т. е. сочетаемостью) значения прош. (*Иду я вчера по улице*...) или буд. времени (*Завтра я иду в театр*).

Грамматическая категория — это класс грамматических значений, объединяющий в себе разные формальные единицы, находящиеся в отношениях единства самого общего абстрактного значения и противопоставленности тоже абстрактных, но более частных значений. Напр., грамматическая категория падежа объединяется единством самого отвлечённого значения отношения («нечто относится к чему-то») и противопоставленностью частных отношений — объектного, субъектного, определительных. Грамматическая категория времени в глаголе объединяется единством абстрактного значения отношения к временно́й точке отсчёта и противопоставленностью значений настоящего, прошедшего и будущего времени. Грамматическая категория предикативности в предложении объединяется единством абстрактного значения — отношения сообщаемого к действительности и внутри него — противопоставленностью значений реальности (осуществляемости или осуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости) этого отношения. Т.о., грамматическая категория существует как класс значений, объединённых в системе противопоставлений.

Грамматический строй языка характеризуется большой стабильностью; этим он отличается от лексической (и лексико-фразеологической) системы языка, легче поддающейся изменениям под влиянием как собственно языковых, так и внеязыковых (экстралингвистических) факторов.

Г. тесно связана с другими сторонами языковой системы — её звуковым строем, лексикой, фразеологией. О связи Г. со звуковым строем языка говорилось выше. Связь Г. со словарным составом постоянно и непосредственно осуществляется, во-первых, в сфере производства слов,

а также в сфере образования устойчивых лексико-фразеологических единиц через ступень идиоматизации свободных словосочетаний; во-вторых, этой связью пронизаны все т. н. лексико-грамматические разряды слов, такие, напр., как существительные одушевлённые и неодушевлённые, абстрактные и конкретные, способы глагольного действия (см. Вид).

Связь Г. с лексической семантикой также проявляется в нескольких направлениях. С одной стороны, эта связь обнаруживается в несвободности образования тех или иных форм у многих слов, а также в лексико-семантической ограниченности построения целого ряда синтаксических конструкций. С другой стороны, семантика слов, занимающих те или иные позиции в словосочетании и в предложении, в очень многих случаях играет определяющую роль при формировании тех отношений, к-рые возникают между компонентами внутри соответствующих конструкций.

Наука грамматика предстаёт в разных аспектах в зависимости от того, какие цели и задачи она перед собой ставит. Прежде всего выделяется т. н. научная Г., цель к-рой — углублённое познание грамматического строя конкретного языка на основе наиболее совершенных методов; это может быть Г. совр. языка, предмет к-рой — грамматический строй языка в данный момент его существования (в синхронии), и Г. историческая, предмет к-рой — грамматический строй языка в его развитии (в диахронии). К сфере научных Г. относятся также сравнительно-историческая Г., изучающая строй родственных языков в их развитии или на отдельных ступенях этого развития, и Г. сопоставительная, изучающая черты сходства и различия в строе родственных или неродственных языков в к.-л. определённый момент их существования.

Научная Г. совр. языка может быть теоретической, описательной или описательно-нормативной; грани здесь условны. Описательная Г. ставит своей целью дать последовательную и полную характеристику всех или основных черт строя языка в целом или одной из его подсистем (словообразования, морфологии, синтаксиса). Описательно-нормативная Г. сопровождает такое описание сведениями о нормах, т. е. о правилах употребления форм и конструкций, и их стилистическими характеристиками; факты, к-рые могут быть квалифицированы как неправильные, в такую Г. или не включаются, или специально оговариваются и сопровождаются запретительными характеристиками. Для совр. рус. лит. языка примером описательно-нормативной Г. может служить «Грамматика русского языка» АН СССР (1952—54). Описательной и описательно-нормативной Г. обычно противопоставляется Г. теоретическая, к-рая, сосредоточивая внимание на сложных и нерешённых проблемах науки, ставит своей целью представить описание грамматического строя языка на основе одной избранной теории; таков, напр., «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова. Однако практически такая Г. всегда соединяет в себе черты теоретического исследовательского труда с подробным описанием грамматического строя, а нередко также и с нормативными предписаниями (принципиально ненормативна только историческая и сравнительно-историческая Г.).

Научной Г. обычно противопоставляется Г. школьная, излагающая в освящённом традицией духе элементарные грамматические сведения вместе с орфографическими и пунктуационными правилами. Школьная Г. часто находится в полном разрыве с научной. Такое состояние ненормально: как и в сфере других наук, теоретические основы школьной Г. не должны расходиться с совр. научной Г., прежде всего с академической описательной нормативной Г., т. е. с такой Г., к-рая одобрена коллективом лингвистов наиболее авторитетного языковедческого учреждения страны.

В научной Г. в основу описания может быть положен собственно грамматический аспект: грамматические формы, парадигмы, грамматические категории морфологии и синтаксиса. Так построенная Г. иногда называется пассивной. Ей противостоит активная Г., в к-рой основу описания составляет т. н. функциональный аспект: материал здесь систематизируется исходя из значений и из отвлечённых понятий (таких, напр., как лицо, время, субъект, принадлежность, определённость — неопределённость).

Грамматическая наука имеет давние исторические традиции. Её истоки восходят к индийским и греческим грамматикам Па́нини (Индия, 4—3 вв. до н. э.) и Аристотеля (Греция, 4 в. до н. э.). Позднее грамматическое учение в Греции разрабатывали стоики (к-рые вслед за Аристотелем не отделяли Г. от логики) и, в последние века до н. э., александрийские грамматисты. Их традиции были продолжены и развиты учёными Рима, к-рые внесли в Г. и много своего, нового (Варрон, 1 в. до н. э., Донат, 4 в. н. э.). Первой Г. на Руси и был перевод на церковнослав. язык латинской Г. Доната, сделанный Дмитрием Герасимовым (Толмачом) в 1522. Известная Г. Мелетия Смотрицкого «Грамматики словенския правилное синтагма» (1619 и 1648) в значительной степени ориентирована на греч. источники. Самостоятельное научное изучение Г. живого рус. языка было начато М. В. Ломоносовым («Российская грамматика», 1755, опубл. 1757); ей предшествовала интересная краткая грамма-

тика В. Е. Ададурова при Вейсмановом Лексиконе, 1731. Разработка грамматической теории в 19 в. была продолжена А. Х. Востоковым, Г. Павским, К. С. Аксаковым, Н. П. Некрасовым и другими известными рус. языковедами. Большую роль в развитии рус. грамматической науки сыграла «Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Буслаева, 1863. От этой богатой материалами и живыми наблюдениями Г., построенной, однако, на логических основах, уходящих корнями в европейскую философскую рациональную Г. 17 в., отталкивались такие крупнейшие рус. лингвисты-теоретики, как А. А. Потебня (см.) и Ф. Ф. Фортунатов (см.), явившиеся каждый основателем целого направления в грамматической науке. В 20 в. возникли новые сильные течения в Г., развивавшиеся в русле теоретических концепций А. А. Шахматова (см.), позднее Л. В. Щербы (см.) и В. В. Виноградова (см.).

В сов. эпоху наука о грамматическом строе рус. языка активно развивается в разных направлениях, на основании различных теорий и методов. Из этих направлений наиболее конструктивными и познавательно ценными следует признать те, к-рые строятся на основе изучения больших языковых материалов и в интерпретации этих материалов исходят из их собственных формально-семантических и функциональных свойств. В области морфологии здесь важную методологическую роль сыграли работы Н. Н. Дурново (см.), П. С. Кузнецова (см.), в последнее время — А. А. Зализняка. Проблемы «функциональной морфологии» разрабатываются А. В. Бондарко. В синтаксисе структурно-функциональное направление представлено А. М. Пешковским (см.), позднее — исследователями виноградовской школы, Д. Н. Шмелёвым. Углублённо изучается рус. словообразование: стимулированное идеями Виноградова и Г. О. Винокура (см.), внимание к этой области грамматического строя дало важные результаты в работах Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова и др.

Лит.: Есперсен О., Философия грамматики, М., 1958; Кузнецов П. С., Грамматика, в кн.: Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т. 3, М., 1959; его же, О принципах изучения грамматики, [М.], 1961; Грамматика русского языка, т. 1—2, М., 1960; Карцевский С., Об асимметричном дуализме лингвистического знака, в кн.: Звегинцев В. А., История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, [3 изд.], М., 1965; Гухман М. М., Грамматическая категория и структура парадигм, в кн.: Исследования по общей теории грамматики, М., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык (грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, гл. 4, М., 1972; Булыгина Т. В., Грамматика, в кн.: Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., т. 7, М., 1972; её же, Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Bogusławski A., Karolak St., Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym, 2 wyd., Warsz., 1973.

Н. Ю. Шведова.

ГРАММАТИКАЛИЗА́ЦИЯ — утрата знаменательным словом лексической самостоятельности как результат употребления его в служебной функции. Примеры Г. в рус. языке: употребление форм глагола *быть* (имеющего и лексическое значение «бытийности», существования, нахождения где-либо) в качестве связки в предложениях, не имеющих спрягаемых форм глагола (*Он был учителем*; *Будь готов!*), и в роли вспомогательного глагола при образовании аналитических форм буд. времени (*буду читать*); превращение словоформы в аффикс (напр., древней формы *шьды* — причастия глагола *идти* — в суффикс *-жды* в наречиях типа *дважды*, *трижды*); превращение знаменательного слова или сочетания слов в служебное слово — предлог (*согласно* чему, *вследствие* чего), союз (*значит*, *будто* — из *будь то*), частицу (*пускай*, *давай*, *бы* — по происхождению форма аориста глагола *быть*).

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык, 2 изд., М., 1972; Черкасова Е. Т., Переход полнозначных слов в предлоги, М., 1967; её же, Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования, М., 1973.

В. В. Лопатин.

ГРАММАТИ́ЧЕСКАЯ КАТЕГО́РИЯ — см. Грамматика.

ГРАММАТИ́ЧЕСКАЯ ФО́РМА — см. Грамматика.

ГРАММАТИ́ЧЕСКОЕ ЗНАЧЕ́НИЕ — см. Грамматика.

ГРА́ФИКА (греч. graphikḗ, от gráphō — пишу, черчу, рисую) — совокупность всех средств данной письменности, система отношений между буквами письма и звуками (фонемами) речи, а также сами начертания бу́кв, знаков. Основными средствами совр. рус. Г. являются буквы (см.) и знаки препинания (см.). Кроме того, к средствам Г. относятся различные приёмы сокращения слов, использование пробелов между словами, прописных букв, отступов (см. Абзац), всевозможных подчёркиваний, а в печатном воспроизведении текста к тому же — и шрифтовых выделений. В нек-рых случаях в письменном и печатном воспроизведении текста используется знак ударения. В специальном виде письма — транскрипции (см.) — могут быть применены и другие графические знаки (знак мягкости, долготы, краткости и т. д.).

Степень совершенства графической системы определяется тем, насколько точно буквы письма соответствуют звукам (фонемам) речи. Идеальной Г., в к-рой каж-

дая буква соответствовала бы отдельному звуку (фонеме), а каждый звук (фонема) выражался бы одним буквенным знаком, не существует. Совр. рус. Г. в этом отношении одна из самых совершенных, т. к. большинство букв рус. алфавита однозначны.

Совр. рус. Г. по способу воспроизведения и по рисунку букв делится на Г. письменную и Г. печатную (в т. ч. машинописную Г.). Совр. начертания букв письменной Г. образовались на основе начертаний букв др.-рус. письма (см. Письмо).

Основы Г. совр. печатного шрифта были заложены реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания), к-рый ввёл для печатания книг новый, т. н. гражданский, шрифт с округлыми, без надстрочных знаков (титла, придыхания и т. д.) начертаниями букв. В совр. печатной Г. шрифты различаются по величине (корпус, петит и др.), рисунку (академическая, латинская гарнитуры и др.), по толщине штриха (светлый, полужирный, жирный), в зависимости от назначения — текстовые (для газет, журналов, книг), акцидентные (для реклам, объявлений и т. д.) и др. Проведена стандартизация шрифтов.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Об отношении русского письма к русскому языку, СПБ, 1912; Шицгал А. Г., Русский гражданский шрифт. 1708—1958, М., 1959; Щепкин В. Н., Русская палеография, М., 1967.

И. С. Филиппова.

ГРАФФИТИ (итал. graffiti, мн. ч. от graffito, букв.— нацарапанный) — посвятительные, магические и бытовые надписи на стенах зданий, металлических изделиях, сосудах и т. п. Г. в большом количестве находят во время раскопок древних и средневековых городов и поселений во многих странах мира. Почти на всех др.-рус. зданиях имеются Г.; особенно интересны в Софийских соборах Киева и Новгорода. Г. вводят в малоизученную область живого языка древнего населения, пополняют сведения по палеографии.

Лит.: Высоцкий С. А., Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., в. 1, К., 1966.

ГРОТ Яков Карлович [15(27).12.1812, Петербург,— 24.5(5.6).1893, там же] — рус. филолог, акад. Петерб. АН (1856). Проф. Гельсингфорсского (ныне Хельсинки) ун-та (1840—52), проф. Петерб. лицея (1853—62), вице-президент АН (с 1889). Труды по проблемам правописания рус. языка, лексикографии, изучению языка и стиля рус. писателей 18 и 19 вв., а также исследования по рус. лит-ре, по истории швед. и фин. лит-ры, по скандинавскому фольклору и мифологии. Однако лингвистические труды, выполненные на высоком для своего времени теоретическом уровне, занимают в научном наследстве Г. особенно значительное

место. В книгах «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873), «Русское правописание» (1885, 22 изд., 1916) Г. определил главные принципы рус. правописания — фонетический и этимологический (исторический) — и установил нормы орфографии, к-рые с небольшими изменениями сохранились до реформы 1917—18. Ра-

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ

ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЫСКАНІЕ

Я. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1873.

зумное сочетание морфологического, фонетического и традиционного принципов, учёт критических замечаний деятелей науки, школы и широкой общественности сделали орфографические правила и рекомендации Г. наиболее авторитетными и научно обоснованными во 2-й пол. 19 в., что неоднократно отмечалось в различных печатных органах того времени. Историческое значение этих трудов Г. состоит в том, что в них впервые был сделан научно систематизированный и теоретически осмысленный свод орфографических законов рус. языка нового периода его развития. Г. определил также нек-рые закономерности рус. ударения, отметив его морфологическое значение. Разграничил устную и письменную формы рус. лит. языка.

В лингвистическом наследии Г. большое место занимают вопросы рус. лексикологии и лексикографии, к-рыми он стал заниматься с 50-х гг., заинтересовавшись этимологиями отдельных слов, заимствованиями и принципами составления областных, толковых и переводных словарей. Под руководством Г. с 1891 стал издаваться «Словарь русского языка» (буквы А — Д) нормативного типа с историческим уклоном, с разработанной системой грамматических и стилистических помет. Составив «Словарь к стихотворениям Державина» (1883), впервые в России предложил новый тип словаря — лексикон языка писателя (на фоне художественно-стилистической борьбы различных лит. направлений). Г. основал картотеку словарного сектора Ин-та рус. языка АН СССР.

Г.— чл. многих зарубежных научных обществ.

Лит.: Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории русской лексикографии, М., 1958, гл. 7; Карпюк Г. В., Жизнь и деятельность Я. К. Грота, «Рус. яз. в школе», 1973, № 2; Сороколетов Ф. П., Академик Яков Карлович Грот (1812—1893), «Рус. яз. за рубежом», 1974, № 1; Колесов В. В., Яков Карлович Грот, «Рус. речь», 1975, № 1; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

Д, д — пятая буква рус. алфавита. Название буквы [*дэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное д*, *строчное д*. Буква *Д*, *д* обозначает согласную фонему [*д*] (см. Согласные), реализующуюся по-разному в зависимости от качества соседних звуков или позиции в слове (конечной — неконечной; см. Позиция фонологическая), ср.: *да́та* [*да́тъ*], *дя́дя* [*д'а́д'ь*], *дед* [*д'ет*], *по́дпись* [*по́тп'ис'*].

Строчное *д* употребляется как условное сокращение слова *дом* (при указании номера дома): *д. № 8*, в составе сокращения *и т. д.*— и так далее.

При классификационных обозначениях имеет значение «пятый», «пятая», «пятое»: *раздел «д»*, *группа «д»*, *пункт «д»*. При цифровой нумерации может употребляться как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 35 д*.

По начертанию восходит к пятой букве кириллицы (см.). В др.-рус. языке имела числовое значение «четыре». До реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания) буква *Д*, *д* называлась «добро».

ДАВНОПРОШЕ́ДШЕЕ ВРЕ́МЯ — то же, что плюсквамперфект.

ДАЛЬ Владимир Иванович [10(22).11.1801, Луганск, ныне Ворошиловград,— 22.9(4.10).1872, Москва] — рус. лексикограф, писатель, этнограф, чл.-корр. Петерб. АН (по классу естественных наук, 1838). Учился в Морском корпусе (1814—1819), до 1826 находился на военной службе, в 1829 окончил медицинский факультет Дерптского (ныне Тартуского) ун-та, был врачом, потом чиновником. Свыше 50 лет работал над составлением «Толкового словаря живого великорусского языка» (т. 1—4, 1863—66; 5 изд., т. 1, 1978), за к-рый был удостоен Ломоносовской премии АН и звания почётного академика (1863). Словарь (свыше 200 тыс. слов) отражает словарный состав рус. языка (лит., разговорного и говоров) сер. 19 в. В отличие от академических словарей того времени, ориентировавшихся на лит. язык и включавших большое количество слов высокого стиля, в словарь Д. широко включалась лексика живой народной речи, собранная автором в разных областях России. Расположение слов гнездовое. Большое место занимают фразеология, пословицы, поговорки, сравнения и т. п. Значения слов Д. раскрывал неоднотипными приёмами: через синонимы («тождесловы») или словосочетания, давая описательные толкования или справки энциклопедического характера (особенно в случаях объяснения терминологии различных профессий и ремёсел). К недостаткам словаря относятся неверный в нек-рых случаях анализ этимологических связей слов (в результате чего слова оказываются в «чужих» гнёздах), искусственно созданные слова, гл. обр. для замены иноязычных заимствований, и др. Большую работу по устранению подобных недочётов провёл при редактировании 3-го издания (1903—09) словаря Бодуэн де Куртенэ (см.).

Д. собрал свыше 30 тыс. пословиц, поговорок, прибауток и т. п. в сборнике «Пословицы русского народа» (1861—62).

Д. выступал и как лингвист-теоретик. В работе «О наречиях русского языка» (1852) предложил классификацию рус. диалектов. Как писатель выступал под псевдонимом Казак Луганский («Солдатские досуги», 1843, «Матросские досуги», 1853, и др.). Автор ряда статей по этнографии и фольклору.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВАГО

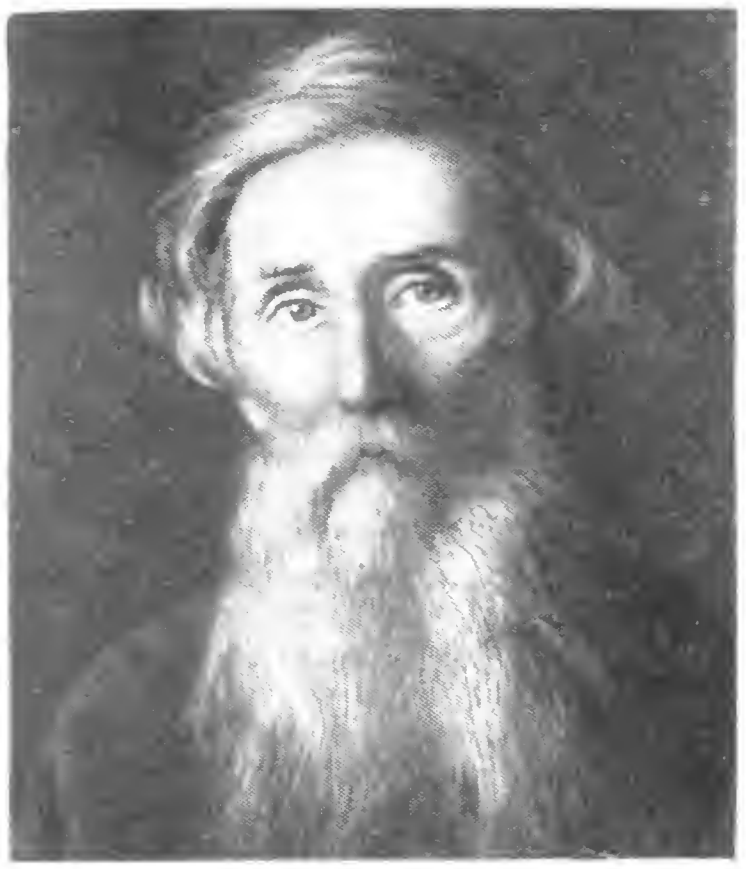
ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА

В. И. ДАЛЯ.

Часть II.

А З.

МОСКВА.



Лит.: Бабкин А. М., Толковый словарь В. И. Даля, в кн.: Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, М., 1955; Чернышев В. И., Владимир Иванович Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа, в его кн.: Избранные труды, т. 1, М., 1970; Карпюк Г. В., Искатель слов. (К 170-летию со дня рождения В. И. Даля), «Рус. яз. в школе», 1971, № 3; Бессараб М. Я., Владимир Даль, [2 изд., М., 1972]; Филин Ф. П., В. И. Даль и русская культура. К 100-летию со дня смерти В. И. Даля, «Вестник Академии Наук СССР», 1972, № 9; Булахов М. Г., Восточнославянские языки. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

ДА́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): ед. ч.— *столу*, *городу*, *коню*, *краю*, *жене*, *земле*, *болоту*, *полю*, *кости*, *дочери*, *имени*, *пути*; мн. ч.— *столам*, *городам*, *коням*, *краям*, *жёнам*, *землям*, *болотам*, *полям*, *костям*, *дочерям*, *именам*, *путям*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглому*, *круглой*, *синему*, *синей*, *крепкому*, *крепкой*, *лисьему*, *лисьей*, *тётиному*, *тётиной*, *отцову*, *отцовой*; во мн. ч.— *круглым*, *синим*, *крепким*, *лисьим*, *тётиным*, *отцовым*; 4) ряд таких форм прилагательного, объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения Д. п.— объектное и субъектное, к-рые в предложении могут контаминироваться. На периферии семантической системы Д. п. находится определительное значение (к-рое часто осложняется значением объектным); от общей системы значений изолирована функция Д. п. как необходимой информативно восполняющей формы. Объектное значение Д. п. конкретизируется как значение объекта-адресата, объекта волеизъявления, отношения: *помочь матери*, *понравиться зрителям*, *благодарен учителю протест послу*. В предложении это значение обнаруживается также в детерминирующих членах (т. е. распространителях предложения в целом): *Вам — ничего утешительного*; *Жене от него — ни строчки*; *Себе он хочет только покоя*; ср. газетный фразеологизм типа *Нет равнодушию!*. Объектное значение очень часто контаминируется со значением определительным («кому» или «какой» и «чей»): *задание студентам*, *гимн Солнцу*, *спасти жизнь человеку*; в таких случаях, как *памятник герою*, *счёт утратам*, *слуга народу*, объектное и определительное значения осложняются ещё и элементом значения субъектного (*слуга народу*: «какой», «кому» и «чей»). Элемент объектного значения сохраняется и в сказуемом: *Земля — крестьянам*; *Памятник — герою*. Субъектное значение Д. п. приобретает в предложении: 1) при распространении предложения, сообщающего о чьём-либо состоянии, восприятии: *Мне нездоровится*, *плохо*; *Сестре жаль брата*; *Сыну год*; *Тебе стыдно так поступать*; *Недоразумениям наступил конец*; *Нам не видно звёзд*; *Никому не двигаться с места!*; 2) в предложениях, сообщающих о чьём-либо свойстве, состоянии, восприятии, владении,— при выносе в начальную позицию Д. п. с объектным значением: *Ему запомнился этот вечер*; *Колхозу принадлежит земля*; *Учёному присущ педантизм*; *Матери приятен подарок*; *Прохожему встретился лось* (во всех таких случаях — в сочетании с элементом субъектного значения). Функция необходимой информативно восполняющей формы обнаруживается у Д. п. при таких глаголах, прилагательных, наречиях и предикативах, к-рые не употребляются абсолютивно (т. е. без зависимой формы другого слова): *предшествовать событию*, *последовать совету*, *присущий всем*, *равносильно измене*, *сродни подвигу*.

Д. п. сочетается с простыми и производными предлогами. В сочетании с простыми предлогами *к* и *по* Д. п. имеет значение объектное (*охладеть к приятелю*, *добр к людям*, *подготовка к лекции*, *воля к жизни; скучать по семье*, *стрелять по воробьям*, *хлопоты по делам*) и разные виды определительного значения (включая функцию сказуемого: *Претензии — к качеству товаров*; *Пирог — к ужину*; *Экзамен — по физике*; *Движение — по расписанию*); с предлогом *к* — также включая функцию необходимой информативно восполняющей формы: *относиться* («входить в число») *к передовикам*; *Разговор свёлся к пустякам*.

Д. п. с предлогом *по* в разных сочетаниях выражает распределённость по нескольким (многим) субъектам, объектам, пунктам, моментам: *На каждой крыше по аисту*; *Детям дали по яблоку*; *По воскресеньям не работаем*; *Разъехались по деревням*; *Говорили по многу раз*; *Тетрадей — по числу учеников*; *дети по одиннадцати лет*; ср. Д. п. в командах: *Все по местам! По ко́ням!*

В совр. языке Д. п. с предлогом *по* обнаруживает тенденцию к расширению функций: предлог *по* часто становится показателем разнообразных отношений, уже имеющих в языке свои способы выражения. Отсюда — возникновение рядов однозначных образований с определительным значением: *ателье проката — по прокату*, *выехать на основании вызова — по вызову*, *комиссия для проверки — по проверке*, *отправить к месту жительства — по месту жительства*.

Д. п. сочетается со следующими производными предлогами и предложными образованиями: *благодаря*, *в противовес*, *в противоположность*, *вопреки*, *вслед*, *глядя по*, *на пути к*, *навстречу*, *навстречу к*, *наперекор*, *не в пример*, *по направлению к*, *по отношению к*, *подобно*, *применительно к*, *смотря по*, *согласно*, *сообразно*, *соответственно*, *соразмерно*, *судя по*.

В большинстве случаев такие сочетания однозначны: они имеют определительные значения, соответствующие лексическим значениям предлога.

Лит.: Зайчкова И., Дательный беспредложный в современном русском литературном языке, Praha, [1972]. См. также лит. при ст. Падеж.

Н. Ю. Шведова.

ДВОЕТО́ЧИЕ (:) — знак препинания в виде двух точек, расположенных одна под другой, применяемый в простом предложении и в бессоюзном сложном предложении. Комбинации из нескольких точек (в т. ч. и две точки) отмечаются в памятниках рус. письменности древнейшего периода. Эти знаки первоначально употреблялись для отделения слов или более крупных отрезков текста друг от друга. В грамматике Л. Зизания (1596) есть знак «двосрочие» (:), по смыслу близкий к совр. точке с запятой. М. Смотрицкий называет этот знак «двоточием». В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова уже сформулировано употребление двух точек, близкое к современному: «Две точки примеры, причины и речи вносные напереди показывают». В совр. рус. письменной речи Д. ставится: 1) перед перечислением, если ему предшествует обобщающее слово (см.) или слова *например*, *как-то*, *а именно* (и в нек-рых других случаях), напр.: «*Острогою бьется крупная рыба, как-то: щуки, сомы, жерехи, судаки*» (Аксаков); 2) в бессоюзном сложном предложении, если вторая часть раскрывает содержание первой части, дополняет первую или указывает на причину того, о чём говорится в первой части, напр.: «*Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа*» (Лермонтов); 3) после авторских слов, вводящих прямую речь, напр.: «*Смотрю вслед ему и думаю: „Зачем живут такие люди“*» (М. Горький).

ДВО́ЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО́ — в др.-рус. языке одна из трёх категориальных форм числа, противопоставляемая ед. и мн. числу. У существительных форма Д. ч. употреблялась при их сочетании с числительным *два*, а также для обозначения двух, в т. ч. парных, предметов, напр.: *изоуваше сапога своꙗ* (*сапога* — форма Д. ч. вин. п.). Наборы флексий падежных форм Д. ч. различались по типам склонения, ср. им.— вин. п. *женѣ*, *стола*, *селѣ*, *плечи*, *домы*, *кости*, *камени*; род.— местный п. *жену*, *столу*, *селу*, *плечю*, *домову*, *костию*, *камену*; дат.— твор. п. *женама*, *столома*, *селома*, *плечема*, *домъма*, *костьма*, *каменьма*. Глагол, прилагательное и числительное *два* имели особую согласовательную форму Д. ч. Напр.: *дъвѣ добрѣи женѣ несета* (наст. время), *несоста* (аорист), *несѧшета* (имперфект).

Начиная с 13 в. в памятниках отмечается разрушение Д. ч., в совр. рус. языке оно отсутствует (из слав. языков Д. ч. сохранил только словен. язык). Следы Д. ч. можно обнаружить, напр., в форме им. п. мн. ч. существительных муж. рода *бока*, *рога*, *рукава* и других названий парных предметов. По происхождению это формы Д. ч., вытеснившие старые формы мн. ч. на *-и(ы)* и давшие муж. роду во мн. ч. новое окончание *-а*. В совр. языке числительное *два* (а также *три*, *четыре*, уподобившиеся по синтаксическим связям числительному *два*) управляет формой род. п. ед. ч., к-рая у сущ. муж. рода типа *стол* исторически восходит к форме им.— вин. п. Д. ч., о чём свидетельствует сохранение у неё в ряде случаев особого ударения: *два часа́* (ср.: *и ча́са не прошло*), *в два ряда́* (ср.: *вышел из ря́да*) и т. п.; на основании этих акцентных различий иногда выделяют особую счётную форму существительных и в совр. рус. языке.

Утрата Д. ч. привела к изменению структуры категории числа, к-рая из трёхчленной стала двучленной (см. Число), произошёл сдвиг в сторону большей абстрактности грамматических значений.

Лит.: Иорданский А. М., История двойственного числа в русском языке, Владимир, 1960; Шмелев Д. Н., Архаические формы в современном русском языке, М., 1960; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, М., 1965.

Е. В. Красильникова.

ДВУСОСТА́ВНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое предложение, необходимыми компонентами к-рого являются подлежащее (см.), одно или с зависимыми от него словами (первый состав), и сказуемое (см.), одно или с зависимыми от него словами (второй состав).

По своему синтаксическому построению различаются два основных типа Д. п.: глагольные и именные. В глагольных предложениях сказуемым является полнознаменательный глагол в личной форме; в этом глаголе заключено и то значение, к-рое сказуемое выражает по отношению к подлежащему, и необходимые для предложения грамматические категории времени и модальности: *Она засмеялась*. В именном Д. п. сказуемое состоит из двух слов: глагола-связки *быть*, передающей грамматические категории времени и модальности, и именной части, передающей значение сказуемого, напр.: *Он был умный* (*умён*); *Я был инженер* (*инженером*). Связка *быть* может выступать в нулевой форме, т. е. отсутствие связки значимо и передаёт наст. время изъявительного наклонения: *Он умный* (*умён*); *Я инженер*.

В Д. п. выражаются следующие основные типы смысловых отношений: 1) характеризующие — сказуемое называет качественные признаки, действие или состояние подлежащего и т. п.: «*Туча — черная, тяжелая, суровых очертаний*» (М. Горький); «*Мы услышали сухой треск и звон стекла*» (Паустовский); 2) отношения тождества: *Я Иванов*; 3) отношения бытия, к-рые выражаются в предложениях со схемой: обстоятельство места, называющее область бытия,— бытийный глагол *быть*, в т. ч. в нулевой форме,— имя существительное, называющее бытующий предмет: «*...Ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич*» (Лермонтов); «*Ведь у меня опять только рубль серебром*» (Достоевский).

Лит. см. при ст. Односоставное предложение. *Е. Н. Ширяев.*

ДВУЯЗЫ́ЧНЫЙ СЛОВА́РЬ, переводной словарь,— тип словаря (см. Словарь лингвистический), в к-ром даётся перевод значения слова или фразеологизма (см.) с одного языка на другой. Д. с. возникают в связи с развитием экономических, политических и культурных связей между различными народами. На Руси первые собственно русско-иностранные и иностранно-русские словари появились в 16 — нач. 18 вв. Они были двуязычными и трёхъязычными (славяно-латинский, славяно-греко-латинский, славяно-польско-латинский и др., см. Лексикография). С развитием лексикологии (см.) и лексикографии типы Д. с. становятся всё более многообразными. В совр. теории и практике лексикографии различаются филологические (т. н. общие) Д. с., содержащие перевод общелит. лексики и фразеологии с одного языка на другой, и научно-технические, или отраслевые, Д. с., содержащие перевод специальной терминологии.

Типы общих филологических словарей могут быть самыми разнообразными в зависимости от объёма лексики и фразеологии, к-рые отбираются для перевода, и задач издания. Однотомные Д. с. включают лексику и фразеологию лит. языка (около 50—55 тыс. слов), к-рыми пользуются носители языка в устной и письменной речи. Этот тип Д. с. не включает диалектных слов, а также слов сниженных форм речи (просторечие, жаргонизмы и т. п.) и предназначен для читателей самых разных профессий, изучающих к.-л. иностранный язык (Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, «Русско-французский словарь», 10 изд., 1977; К. А. Ганшина, «Французско-русский словарь», 7 изд., 1977, и др.). Карманные (краткие) Д. с. содержат перевод слов основного словарного фонда (около 8 тыс. слов) и минимального количества словосочетаний (моделей), в к-рых слово встречается (О. П. Бенюх, Г. В. Чернов, «Карманный англо-русский словарь», 15 изд., 1977; А. Б. Лоховиц, «Карманный русско-немецкий словарь», 16 изд., 1977, и др.). Максимально полное количество слов национального языка содержат большие Д. с. (свыше 100 тыс. слов). В словарях этого типа даётся перевод всех лексических значений слова, в т. ч. устаревших, специальных, относящихся к сниженным стилям речи, а также словосочетаний и фразеологических оборотов, в к-рых слово встречается («Большой польско-русский словарь», 1967; «Большой англо-русский словарь», т. 1—2, 2 изд., 1977; «Чешско-русский словарь», т. 1—2, 1973, и др.). Созданы также средние общие филологические Д. с., по типу сходные с однотомными словарями, но включающие лексику меньшего объёма (30—35 тыс. слов; В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина, «Англо-русский словарь», 10 изд., 1975; «Русско-английский словарь», 4 изд., 1975; «Русско-чеченский словарь», 1978, и др.), а также словари, отбор лексики для к-рых определяется специальными задачами, напр. идеографический словарь («Болгарско-русский идеографический словарь»), страноведческий Д. с. («Великобритания. Лингвострановедческий словарь», 1978) и другие.

В связи с расширяющимся интересом к рус. языку во многих странах мира, а также активным изучением его в школах всех сов. республик появилась необходимость в создании учебных Д. с., помогающих изучать рус. язык на разных этапах обучения. Этому способствует также развитие учебной лексикогра-

фии как науки. Созданы учебные Д. с. самых разнообразных типов: А. А. Зализняк, «Краткий русско-французский учебный словарь», 4 изд., 1978; Н. Р. Буравцева, «Русско-чешский учебный словарь. Основы русского языка», 1978; М. Хисберт, В. А. Низский, «Испанско-русский учебный словарь», 3 изд., 1978; «4000 наиболее употребительных слов русского языка. Учебный словарь для зарубежных школ», под ред. Н. М. Шанского, 1978, и др.

Научно-технические, или отраслевые, Д. с. включают в свой словник либо термины по основным отраслям науки и техники — т. н. политехнические словари («Французско-русский политехнический словарь», под ред. П. Е. Турчина, 2 изд., 1970; В. С. Матвеев, К. Г. Асриянц, «Русско-португальский политехнический словарь», 1977, и др.), либо только специальные или узкоспециальные термины по одной отрасли науки («Англо-русский экономический словарь», под ред. А. В. Аникина, 1977; «Итальянско-русский металлургический словарь», 1978; Г. Т. Арсланян, Я. И. Шубов, «Русско-арабский медицинский словарь», 1977; П. К. Горохов, «Французско-русский словарь по радиоэлектронике», 2 изд., 1978, и др.).

Лит.: Андрианов С. Н., Некоторые вопросы построения словарей специальной терминологии, «Тетради переводчика», в. 2, М., 1964; Берков В. П., Вопросы двуязычной лексикографии, Л., 1973 (лит.); его же, Слово в двуязычном словаре, Тал., 1977; Игнатьев Б. И., Принципы построения отраслевого двуязычного словаря, «ВИНИТИ», сер. 1, 1974, № 5.

И. К. Сазонова.

ДЕЕПРИЧА́СТИЕ — неизменяемая глагольная форма, обозначающая действие или состояние как признак другого действия или состояния (*говорил, глядя в глаза*; *обессилев, присел на скамью*). Нек-рые лингвисты определяют Д. как глагольно-наречное образование, совмещающее в себе признаки глагола и наречия.

В зависимости от вида глагола, формой к-рого является Д., различаются Д. несов. вида (*визжать — визжа, признавать — признавая*) и сов. вида (*присесть — присев, запереть — заперев*). В Д., образованных от возвратных глаголов, сохраняется постфикс *-ся* (*-сь*) (*подняться — поднявшись, умыться — умывшись*). Значение времени в Д. морфологически не выражено. Но в зависимости от вида Д. могут выражать те или другие временны́е значения названного ими действия по отношению к тому действию, признак к-рого Д. обозначает. Д. несов. вида обозначают, как правило, одновременность названного ими действия с определяемым действием (*рисуя, напевал*; *читая, размышлял*). Д. сов. вида чаще всего обозначают названное ими действие как предшествующее определяемому действию (*толкнув, извинился*; *присев, разговорился*), реже — как одновременное (*шёл, опустив голову*) или как последующее (*вышел, хлопнув дверью*). Временны́е значения Д. нередко обусловлены лексическим значением глаголов и зависят от содержания всего высказывания. В Д. сохраняются синтаксические связи глагола, от к-рого оно образовано (*любить родину — любя родину*; *внимательно слушать — внимательно слушая*).

Д. несов. вида образуются от основы наст. времени присоединением суффиксов *-я*, *-а*; при этом конечный согласный основы, если он твёрдый парный, чередуется с соответствующим мягким: *несут — неся, берут — беря*, а также *рисуя, читая*. При образовании Д. от глаголов с основой на [к], [г] происходит чередование [к] / [ч], [г] / [ж], напр.: *плакать — плача*. Глаголы на *-давать, -знавать, -создавать, -ставать* образуют Д. от основы *-дава*[*j*], *-знава*[*j*] и т. д. (*давая, узнавая, создавая, вставая*). От ряда глаголов несов. вида Д. могут образовываться и с помощью суффиксов *-учи, -ючи* (*крадучись, жалеючи, идучи, едучи*, ср. *крадясь, жалея, идя*). Д. несов. вида на *-учи, -ючи*, кроме Д. *будучи*, образованного от глагола *быть*, являются разговорными или просторечными. Нек-рые глаголы несов. вида образуют Д. от основы прош. времени присоединением суффиксов *-в*, *-вши* (*имев* и *имевши, ехав* и *ехавши, ев* и *евши*); в этом случае Д. с суффиксом *-вши* — разговорные или просторечные и обычно малоупотребительные. От многих глаголов несовершенного вида (*писать, чесать, жечь, печь* и др.) Д. вообще не образуются.

Д. сов. вида образуются от основы прош. времени присоединением суффиксов *-в*, *-вши*, *-ши*. Суффиксы *-в* и *-вши* употребляются при образовании Д. от основ на гласный: посредством *-в* образуют Д. глаголы без постфикса *-ся* (*встретив, сбежав*); посредством *-вши* — глаголы с *-ся*/*-сь* (*прикоснувшись, поднявшись*). От глаголов без *-ся* возможны вариантные образования (*заперев* и *запершии, закричав* и *закричавши*), но Д. с суффиксом *-вши* являются разговорными или просторечными. Суффикс *-ши* используется при образовании Д. от основ на согласный (*вынесши, потрясши*). Вариантные формы Д. возможны от глаголов с факультативным употреблением *-ну-* в основах прош. времени (*озябши* и *озябнув, засохши* и *засохнув*). Нек-рые глаголы сов. вида образуют Д. не только от основы прош. времени, но и от основы наст. времени с помощью суффиксов *-а*, *-я*, т. е. как глаголы несов. вида (*возвратясь, отнеся, увидя* и *возвратившись, отнёсши, увидев*). Нередко Д. сов. вида

на *-а, -я* более употребительны, чем соответствующая форма на *-в, -вши* или *-ши*.

В предложении Д. выполняет роль обстоятельства. Употребление Д. допустимо только в том случае, если действия, обозначенные Д. и определяемым глаголом, к к-рому оно примыкает, имеют один и тот же субъект (*Набирая скорость, поезд отошёл от станции*).

Как грамматическая категория Д. сформировались в историческую эпоху рус. языка. Генетически восходят к др.-рус. кратким причастиям действительного залога наст. и прош. времени. Утратив согласование с подлежащим, бывшие причастия превратились в неизменяемую глагольную форму.

При наличии определённых условий, в частности при отсутствии зависимых слов, видо-временные значения Д. нейтрализуются и Д. переходят в наречия (*молча, не спеша, нехотя, играючи, припеваючи*, часто в составе фразеологически связанных сочетаний: *работать спустя рукава, сидеть сложа руки*) или предлоги (*благодаря кому* или *чему, смотря по, невзирая на то что, несмотря на то что*).

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972.

В. Н. Белоусов.

ДЕЕПРИЧА́СТНЫЙ ОБОРО́Т — полупредикативный обособленный оборот (см.) с главным членом — деепричастием. Формально-грамматически деепричастие примыкает к сказуемому (обычно — спрягаемой форме глагола), а содержательно относится и к подлежащему, называя или процессуальный признак субъекта, дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом (*К ночи мы стали в лесу, не зажигая огня*), или действие, характеризующее действие, названное в сказуемом (*Вернувшись в каюту, он долго не мог заснуть*), или состояние субъекта, сопутствующее действию, названному в сказуемом (*На подоконнике дремала кошка, подобрав под себя передние лапки*). Д. о. первых двух типов соотносительны с придаточными предложениями, Д. о. третьего типа не соотносится непосредственно с другими синтаксическими конструкциями. Реже, чем к спрягаемой форме глагола, Д. о. примыкает к глаголу в форме инфинитива (*Нужно было восстановить станцию, не прекращая научных наблюдений*), к причастию в им. п. (*Его окликнул шофёр, стоявший прислонясь к машине*), к существительному с процессуальным значением в им. п. (*Переход вещества из твёрдого состояния в газообразное, минуя жидкое*), к краткому прилагательному (*Он расторопен, прослужив всю жизнь чиновником*).

Лит.: Валимова Г. В., Деепричастные конструкции в современном русском языке, «Уч. зап. Ростовского-на-Дону пед. ин-та», 1940, т. 2; Власенко М. М., Предложения с обособленными деепричастными конструкциями в современном русском языке, «Уч. зап. Иркутского пед. ин-та», 1958, т. 14; Дерибас Л. А., Употребление синтаксических конструкций, параллельных деепричастным оборотам, «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1958, т. 132, Кафедра русского языка, в. 8; Ицкович В. А., Очерки синтаксической нормы. 3. Нормы употребления деепричастий, в кн.: Синтаксис и норма, М., 1974.

В. А. Ицкович.

ДЕЙСТВИ́ТЕЛЬНЫЙ ЗАЛО́Г — см. Залог.

ДЕРЖА́ВИН Николай Севастьянович [3(15).12.1877, с. Преслав, ныне Запорожской обл.,— 26.2.1953, Ленинград] — сов. филолог и историк, акад. АН СССР (1931), действительный чл. АПН РСФСР (1944). Чл. КПСС с 1945. Окончил Нежинский историко-филологический ин-т (1900), проф. Петроградского ун-та (1917), ректор Ленинградского ун-та (1922—25), зав. кафедрой слав. филологии ЛГУ (1922—53), директор Ин-та славяноведения АН СССР (Ленинград) (1931—34), в 1947—53 руководил ленинградским отделением Ин-та славяноведения. Осн. труды посвящены культуре болг. народа; книги «Происхождение русского народа» (1944), «Славяне в древности» (1946) — вопросам происхождения, этнографии славян и рус. народа в частности. Работы по методике преподавания рус. языка, истории рус. лит-ры.

Д.— почётный д-р Софийского ун-та (1944), почётный чл. Болг. АН (1946). Гос. пр. СССР (1948).

Лит.: Берков П. Н., Академик Н. С. Державин, «Вестник ЛГУ», 1947, № 12; Н. С. Державин, М.—Л., 1949 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, в. 1); Полная библиография работ Н. С. Державина по славяноведению, в кн.: Краткие сообщения Ин-та славяноведения, в. 11, М., 1953; Бу-

лахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

ДЕФИ́С (нем. Divis, от лат. divisio — разделение, расчленение), чёрточка (-),— знак в виде короткой горизонтальной черты, употребляемый в нек-рых типах слов или между двумя словами, находящимися в отношениях определяемого слова и приложения к нему, а также для обозначения переноса части слова на другую строку.

Первоначальная функция Д. в рус. письме — знак переноса. Этот знак есть уже в грамматике Л. Зизания (1596). В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова также говорится о применении «единительного знака» только для переноса слов. В совр. рус. письменной речи Д. употребляется между определяемым словом и приложениями (*мать-старуха*), между частями сложного слова (*дизель-мотор*, *северо-восточный*), между словом и частицей (*давайте-ка*), между морфологическими частями слова (*по-моему*, *из-за*), между элементами слов при сокращённом написании (*ж.-д.*, *нек-рый*) и т. д. Написание слов через Д. называется полуслитным. Проблема слитного, полуслитного или раздельного написания — одна из сложнейших в рус. орфографии (см. Орфография), написание многих слов определяется только в словарном порядке; существует специальный словарь «Слитно или раздельно?» (сост. Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова, под ред. Д. Э. Розенталя, 1972).

ДИАЛЕ́КТ (от греч. diálektos — разговор, говор, наречие) — разновидность языка, к-рая характеризуется относительным единством системы (фонетической, грамматической, лексической) и используется как средство непосредственного общения в коллективе, находящемся на определённой ограниченной территории. Д. входит в состав более обширного языкового образования, противопоставлен другим частям этого целого, другим Д. и имеет с ними общие черты. Различают территориальные и социальные Д.

Для определения территориального Д. как части целого (языка) существенны понятия диалектного различия и изоглоссы (см.). Примерами диалектных различий могут быть оканье (см.) и аканье (см.), различение звуков [*ц*] и [*ч*] и их неразличение (цоканье), наличие звука [*г*] взрывного образования и звука [γ] фрикативного образования, формы род. п. ед. ч., напр.: *у жене*, *у сестре* и *у жены*, *у сестры*, слова *петух* и *кочет* для называния одной и той же домашней птицы и др. Линия на лингвистической карте, показывающая распространение диалектного различия на территории, называется изоглоссой. Изоглоссы разных явлений могут сближаться, образуя пучки. С помощью пучков изоглосс выделяются территории, характеризующиеся относительной общностью языковой системы, т. е. выделяются Д. При этом учитываются также внеязыковые социально-исторические факты, такие, как территориальная распространённость явлений, элементы материальной и духовной культуры, историко-культурные традиции и т. п. Таким образом, Д. имеет не только лингвистическое, но и социально-историческое содержание. Это содержание изменяется в разные исторические периоды. В эпоху племенного строя существовали племенные Д. Эпоха феодализма связана с появлением территориальных Д. Именно для феодализма образование новых Д. и их специфических черт было актуальным процессом. При капитализме с преодолением феодальной раздробленности диалектообразование приостанавливается. При социализме Д. являются категорией пережиточной: они уже не вызываются к жизни общественно-экономическими условиями, а продолжают существовать, при этом происходит разложение, деформация, нивелировка Д., приближение их к нормам лит. языка.

Территориальные Д. характеризуются социальной дифференциацией. Выделяется традиционный тип говора, представленный обычно старшим поколением, гл. обр. женщинами, и язык молодёжи, к-рый приближается к лит. языку. Д. всегда противопоставлены лит. языку. Взаимодействие между Д. и лит. языком в настоящее время определяет пути дальнейшего их развития.

Под социальными Д. подразумеваются профессиональные и разного рода специальные языки (напр., язык охотников, язык шорников, язык офеней; см. Тайный язык). Между территориальными и социальными Д. имеется существенное различие: особенности первых касаются всего строя языка, поэтому они являются частью более общего языкового образования, особенности вторых охватывают лишь факты лексики и фразеологии.

В связи со сложностью диалектного членения языка (см. Говоры русского языка) при описании диалектной структуры рус. языка употребляются термины иного объёма: наречие (см.) и говор (см.). В рус. научной лит-ре термин «Д.» может употребляться как синоним терминов «наречие» и «говор».

Лит. см. при ст. Диалектология.

К. В. Горшкова.

ДИАЛЕКТИ́ЗМ — слово или устойчивое сочетание в лит. языке, к-рое не входит в его лексическую систему, а является принадлежностью одного или нескольких говоров рус. общенационального языка. В зависимости от того, какие особенности говора отражены в диалект-

ном слове, Д. делятся на лексико-фонетические (*павук*, ср. паук, *вострый*, ср. острый), лексико-словообразовательные (*блюдка*, ср. блюдце, *певень*, ср. петух), собственно лексические (*шабер* — «сосед», *баской* — «красивый»), лексико-семантические (*угадать* — «узнать», *веснушка* — «лихорадка»). Особую группу составляют этнографические Д.— слова, называющие понятия, характерные только для быта носителей говора. Это названия одежды, утвари, кушаний, местных обычаев и т. п. (*шушун*, *панёва* — названия женской одежды, *рыбник* — «пирог с запечённой целой рыбой», *дожинки* — название праздника, связанного с окончанием полевых работ). У этнографических Д. обычно нет синонимов в лит. языке.

Часто лексике говоров присуща точность в обозначении понятий (напр., в донских говорах *соха* — «жердь», *слега* — «длинная тонкая жердь»). Поэтому Д. используются писателями в языке художественных произведений в различных целях: для передачи местного колорита, для создания или усиления комического эффекта, для точного изображения реалий, для выразительности языка персонажей и др. Есть определённые закономерности при введении Д. в язык произведения: они вводятся обычно в речь персонажей, причём наиболее часто используются этнографические и собственно лексические Д. В рус. классической лит-ре вводили Д. в язык своих произведений Д. Григорович, А. Писемский, И. Тургенев, Л. Толстой и др., в сов. лит-ре их используют М. Шолохов, В. Тендряков, В. Белов, В. Солоухин и др.

Лит.: Филин Ф. П., Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов, в кн.: Вопросы славянского языкознания, т. 1, Львов, 1948; Прохорова В. Н., Диалектизмы в языке художественной литературы, М., 1957; Русская диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, 2 изд., М., 1965; Диалектная лексика, Л., 1971; Оссовецкий И. А., Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60 гг., в кн.: Вопросы языка современной русской литературы, М., 1971. *В. Н. Прохорова.*

ДИАЛЕ́КТНЫЙ СЛОВА́РЬ, областной словарь,— словарь, разъясняющий значение и употребление слов одного или группы диалектов. По принципу разъяснения лексики Д. с. относится к лингвистическим толковым словарям.

В зависимости от широты территориального охвата диалектной лексики Д. с. могут быть общими или региональными. В общие Д. с. включается лексика всех диалектов языка (В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 1—4, 1863—66; «Словарь русских народных говоров», гл. ред. Ф. П. Филин, в. 1—14, 1965—78, изд. продолжается). В региональные Д. с. включается лексика одного диалекта или даже говора одной деревни (В. Н. Добровольский, «Смоленский областной словарь», 1914; «Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области», под ред. И. А. Оссовецкого, 1969).

По отбору лексики различаются Д. с. двух типов: дифференциальные и полные. В дифференциальные Д. с. включаются: а) собственно словарные диалектизмы, т. е. специфичные диалектные слова (*пора́то* — «очень», *пеле́шник* — «сарай для хранения мякины и соломы», *зоба́ть* — «клевать», *коромысь* — «коромысло»); б) семантические диалектизмы, т. е. слова, отличающиеся от соответствующих общерус. слов своим значением (*руда́* — «кровь», *гу́бы* — «грибы», *паха́ть* — «подметать»). Принципы дифференциального словаря положены, напр., в основу «Словаря русских народных говоров», «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», под ред. В. В. Палагиной (т. 1—3, 1964—67, «Дополнение», ч. 1—2, 1975), и др. В полные Д. с., приближающиеся по широте охвата к словарю типа тезаурус (см.), включается вся лексика диалекта, т. е. наряду со словарными и семантическими диалектизмами в словарь входит и лексика, общая для диалекта и лит. языка; таков, напр.,

фельный. *Во дворе картáзны ямы копали.* **Бурят. АССР**, 1968.

Картáй, я, *м.* О картавом человеке. **Пск.**, Осташк. **Твер.**, 1855.

Картами́ть, м и́ ш ь, *несов., перех.* Брать в аренду. Тихв. **Новг.**, 1918. — Ср. К о р т о м и́ т ь.

Картаса, ы, *м.* [удар.?]. Прозвище. Ветлуж. **Костром.**, 1900.

Ка́ртать, а ю, а е ш ь, *несов., перех.* Бить (шерсть). *Пострижем овец и ка́ртаем шерсть.* Медвежьегор. **КАССР**, 1970.

1. Карта́ть, а́ ю, а́ е ш ь, *несов., неперех.* Картавить. **Пск.**, Осташк. **Твер.**, 1855.

2. Карта́ть [?], а́ ю, а́ е ш ь, *несов., перех.* Бранить. **Зап., Южн.**, Даль [с вопросом].

Карта́фка. См. К а р т а́ в к а.

Карташи́, *мн.* Картофель. **Калин.**, 1972. ◇ К а р т а ш и́ наварташи́. Поесть немного картошки или картофеля. *Вовка картечиков много летом таскал.* Кушв. **Свердл.**, 1971. **Свердл.**

Картешить, ш у, ш и ш ь, *несов., перех.* [удар.?]. Ругать. Уржум. **Вят.**, 1882.

Ка́ртешка, и, *ж.* (Нет) ни к а́ р т е ш к и. (Нет) совсем ничего. Петрозав. **Олон.**, 1896.

Ка́рти, *мн.* Игральные карты. *Играть картями.* Уржум. **Вят.**, 1882. **Вят.**

Карти́на, ы, *ж.* 1. Рисунок. Холмог. **Арх.**, 1907.

2. Географическая карта. *Теперь видим на карти́не, где наши деды прозрастали.* **Казаки-некрасовцы**, 1969.

3. Ходить (пойти и т. п.) в к а р т и́ н у. Ходить (пойти) в кино. *В картину убежал.* **Камч.**, 1963. **Новосиб.**

Фрагмент текста «Словаря русских народных говоров».

«Псковский областной словарь с историческими данными» (в. 1—3, 1967—76). Составление действительно полных Д. с. практически недостижимо.

Д. с. представляют собой ценные источники для изучения различных процессов в области исторической и современной лексикологии, словообразования, морфологии, этимологии и других аспектов рус. языка в целом. В диалектах до сих пор сохраняются многие древнейшие слова, неизвестные совр. лит. языку; напр., бытующее в новгородских говорах слово *волмяг* — «ивовый кустарник» — позволило установить, что отмеченное в Хутынской грамоте 1192 и долгое время остававшееся семантически неясным слово *волмина* является древним названием ивы. Собранная в Д. с. лексика отражает многовековую историю народа, его быт, образ жизни, развитие культуры; поэтому Д. с. представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, литературоведов, писателей и др.

Записи и толкования диалектных слов встречаются уже в рукописях 18 в. Систематическая работа по составлению Д. с. началась в 1-й пол. 19 в. В 1852 был издан первый «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 — «Дополнение» к нему. Инициатором создания этих Д. с. был И. И. Срезневский, редактором — А. Х. Востоков. В 1863—66 был опубликован словарь В. И. Даля и вслед за ним целый ряд региональных словарей: А. Подвысоцкий, «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885); Г. И. Куликовский, «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1898) и «Дополнение» к нему (1899); В. Г. Богораз, «Областной словарь колымского русского наречия» (1901) и др.

Особенно широко развернулась работа по созданию Д. с. в сов. период: В. П. Бирюков, «Краевой словарь говора Исетского Зауралья» («Журнал Шадринского общества краеведения», 1923, № 1—3); А. В. Миртов, «Донской словарь» (1929); «Словарь русских говоров Среднего Урала» (т. 1—2, 1964—71) и др.

Лит.: М е л ь н и ч е н к о Г. Г., О принципах составления областных словарей, Ярославль, 1957; Ф и л и н Ф. П., Проект «Словаря русских народных говоров», М.—Л., 1961; е г о ж е, О составлении диалектологических словарей славянских языков, в сб.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов, М., 1963; Б л и н о в а О. И., Введение в современную региональную лексикологию, 2 изд., Томск, 1975.

В. Н. Белоусов.

ДИАЛЕКТОЛО́ГИЯ (от диалект и греч. lógos — слово, учение) — раздел языкознания, изучающий диалектный язык и диалекты. Термин «Д.» без определения обычно обозначает описательную Д. в отличие от Д. исторической. Любой совр. национальный язык (см.) представляет собой сложное целое, охватывающее

всю совокупность его разновидностей,— лит. язык с его многочисленными ответвлениями, письменной и устной формами и диалектный язык в его территориальном варьировании. Между ними — разнообразные формы народно-разговорного языка, просторечия (см.), а также «полудиалектов», иначе речи широких масс городов, находящихся в диалектном окружении. Национальный язык, характеризуясь определённым комплексом общих признаков, в то же время обладает отличительными признаками для каждой из своих разновидностей (территориальных, социальных, стилистических).

Диалектный язык — понятие, противоположное литературному языку (см.): он не одинаков на разных территориях, иначе территориально варьируется; он в принципе является бесписьменным, т. е., как правило, обладает только устной формой; он по преимуществу служит для обиходно-бытового общения — в крестьянской семье, среди односельчан, в текущей производственной деятельности; ему мало свойственна монологическая форма речи (если не иметь в виду фольклор — сказки, песни). Если та или другая разновидность диалектного языка в прошлом приобретала письменность, то она стремилась стать языком народности, а затем и нации и утрачивала в письменности специфику своих диалектных черт.

Диалектный язык есть пережиток прошлых эпох в истории народа. В наше время всеобщей грамотности диалектный язык развивается в тесной связи с лит. языком, с одной стороны, обогащая его, с другой,— утрачивая свои специфические черты, подвергается под его влиянием нивелировке, вливается в общенациональный лит. язык.

Структура диалектного языка отличается большой сложностью. Каждый населённый пункт обладает своей частной диалектной системой. Разные населённые пункты могут обладать тождественной системой или системой, отличающейся от систем других населённых пунктов по той или иной языковой черте, к-рая образует диалектное различие. Поэтому отдельные частные диалектные системы не представляют собой объекты, внешние друг по отношению к другу, а находятся в сложном переплетении, взаимно проникают. Диалектное различие есть такой элемент структуры языка, к-рый в разных частных диалектных системах выступает в разных своих соотносительных вариантах, или членах. Каждый из этих вариантов сам по себе является элементом отдельной частной диалектной системы. Совокупность же этих вариантов образует межсистемное диалектное различие. Последнее, т. о., всегда двучленно или многочленно. Члены его находятся в определённых закономерных отношениях: они в принципе взаимно исключаются в одной частной диалектной системе и, напротив, замещают друг друга в разных. Соответственные явления могут относиться к любому ярусу системы языка. Ср., напр., [*гус'*] и [*γус'*] — тождество слова при различии в образовании фонемы *г*; *пахать* — «обрабатывать почву» и *пахать* — «мести пол» (тождество звуковой стороны слова при различных значениях), *у сестры* и *у сестре* (тождество типа склонения при различии во флексии). Диалектный язык может изучаться и как чистая структура, т. е. без учёта географического распределения диалектных различий. Однако в Д. очень важно проецирование каждого отдельного диалектного различия на географическую карту. В результате такого проецирования на карте получается изоглосса (см.). Изоглоссы разных языковых явлений могут иметь на карте самую различную конфигурацию, они могут пересекать друг друга в разных направлениях, отражая конечный результат исторического развития языка на данной территории. Однако, не совпадая полностью, отдельные группы изоглосс часто проходят близко друг к другу, образуя своеобразные «пучки». Между такими «пучками» изоглосс выделяются территориальные массивы, характеризующиеся языковым единством по явлениям данного «пучка», иначе диалекты (см.).

Диалект всегда представляет собой часть целого, т. е. входит в состав более обширного языкового образования и поэтому бывает противопоставлен ещё хотя бы одному диалекту. При этом диалектное членение языка многостепенно. Диалекты, по определённому комплексу признаков сходные, объединяются в группы, более мелкие группы объединяются в более крупные. В связи с этим в Д. наряду с таким общим понятием, как диалект, употребляются понятия наречия (см.), говора (см.), а также поднаречия, подговора.

Диалекты выделяются обычно по комплексу соотносительных языковых черт, причём выбор этих черт определяется не только их важностью с точки зрения истории языка, но и прежде всего с точки зрения экстралингвистических факторов — их важности в процессе формирования данной народности (позднее нации) и составляющих её этнических групп. При наличии письменности большое значение для выделения диалектов, а также для разграничения диалектов одного языка от близкородственных языков имеет то обстоятельство, обслуживается ли данная территория одним лит. языком или разными.

Историческая Д. изучает структуру диалектного языка в его историческом развитии — появление диалектных различий, изоглосс в их временно́м и территориальном аспектах и образование диа-

лектов, их территориальное распространение во времени, образование на почве диалектов близкородственных языков.

Кроме описательной и исторической Д. различают ещё Д. социальную, к-рая изучает социально-классовую, профессиональную, возрастную дифференциацию языка, а также дифференциацию по полу, к-рая также является в основе своей социальной. Предмет социальной Д.— жаргоны (см.), арго (см.). Они дифференцированы гл. обр. в области лексики, семантики, фразеологии и не затрагивают или мало затрагивают фонетический и грамматический строй языка.

Рус. Д. зародилась в недрах этнографии, в связи с изучением материальной и духовной культуры народа, его обрядов. Местные языковые особенности рассматривались в качестве одного из этнографических признаков. Истоки рус. Д. восходят к 18 в. В 1-й трети 19 в. большую работу по собиранию диалектных материалов провело «Общество любителей российской словесности», к-рое публиковало их в своих «Трудах». Позднее аналогичную работу провело «Русское географическое общество». Благодаря организационной деятельности и трудам А. Х. Востокова и И. И. Срезневского в 1852 был издан «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 — «Дополнение» к нему. Значительной вехой в истории рус. Д. были работы В. И. Даля, в особенности его знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863—66), заключавший в себе много диалектного материала. Большое значение имели также работы Срезневского. Дальнейшее развитие русская Д. получила в трудах А. А. Потебни, посвящённых гл. обр. описанию и объяснению происхождения фонетических явлений. Конец 19 в. и начало 20 вв. ознаменовались деятельностью А. И. Соболевского и А.А. Шахматова. Соболевский впервые ввёл в ун-тах преподавание рус. Д. и опубликовал курс, посвящённый этому предмету. Шахматов не только дал обобщающие труды по истории рус. языка, в к-рых широко использовал данные Д., но также опубликовал несколько описаний говоров. Вместе с Л. Л. Васильевым он установил основные типы аканья (см.). Шахматов предложил объяснение его происхождения. Дальнейшая разработка типологии аканья и его происхождения принадлежит Н. Н. Дурново. Шахматов содействовал организации при АН Московской диалектологической комиссии (МДК), к-рая существовала с 1903 до 1932. МДК, опубликовав специальные программы для собирания диалектологических сведений (в 1909 и 1911), на базе вновь собранных и ранее имевшихся материалов издала не потерявший своего научного значения «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915, авторы — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков).

Расцвет рус. Д. относится к послеоктябрьской эпохе. В начале этой эпохи продолжали свою деятельность Н. М. Каринский, В. И. Чернышёв, А. М. Селищев, И. Г. Голанов и др. В 20—30-е гг. появляются работы Р. И. Аванесова, А. Н. Гвоздева, Н. П. Гринкова, П. С. Кузнецова, Б. А. Ларина, В. Н. Сидорова, Ф. П. Филина и др. С 40-х гг. широко публикуются диалектологические материалы и исследования, посвящённые всем уровням системы языка — фонологии, морфологии, словообразованию, синтаксису, лексике, а также диалектные словари. Начинаются исследования рус. говоров экспериментальными методами (работы С. С. Высотского и др.). Вопросам русской исторической Д. посвящены работы Филина, Аванесова, Ларина и др.

Важное значение в истории Д. как науки имело развитие лингвистической географии (см.). Ещё в 1919 МДК планировала создание диалектологического атласа рус. языка. Однако эта работа была начата в сер. 30-х гг. (см. Атлас диалектологический).

Д., превратившаяся в широко разветвлённую лингвистическую дисциплину со своим объектом и своими методами исследования, сохранила тесную связь с историей языка, а из нелингвистических дисциплин — с этнографией.

Лит.: Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; Вопросы теории лингвистической географии, М., 1962; Аванесов Р. И., Описательная диалектология и история языка, в сб.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов, М., 1963; его же, О двух аспектах предмета диалектологии, в кн.: Общеславянский лингвистический атлас. (Материалы и исследования), М., 1965; Русская диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, 2 изд., М., 1965; Русская диалектология, под ред. Н. А. Мещерского, М., 1972; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973.

Р. И. Аванесов.

ДИАЛО́Г (от греч. diálogos — разговор, беседа) — форма речи, к-рая характеризуется сменой высказываний двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией. Высказывание говорящего в Д. называют репликой. Реплики в Д. обращены к собеседнику (собеседникам).

Как правило, в каждой из последующих реплик сокращается всё, что известно из предыдущей или из ситуации. Поэтому нек-рые реплики могут быть поняты только в связи с ситуацией: «*Что это?*» (слышны звуки музыки)—«*Это отец*».— «*Я не знал, что твой отец играет на виолончели*» (Тургенев).

В Д. представлены все разновидности повествовательных, побудительных, вопросительных предложений; преобладают предложения с минимальной синтаксической сложностью, широко используются частицы. В условиях Д. активизируется взаимодействие синтаксических, лексических, интонационных средств предложения и его смысловых связей с предшествующим или последующим текстом. Так, роль интонации особенно возрастает в предложениях с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом (*Там холодно.— Там холодно?*). В предложениях с одинаковым строением, лексическим составом и интонацией активизируется роль их смыслового взаимодействия, напр. взаимодействие реплики с предшествующей при различении сопоставительного вопроса и экспрессивного утверждения: «*Многие собираются в Таллин*» — «*А мы куда едем?*»; «*Сворачивайте на Можайск!*» — «*А мы куда едем?*». Языковые средства усиливаются жестами и мимикой.

При передаче Д. в художественной лит-ре возникают отдельные различия с разговорным Д., напр. слабо отражаются особенности порядка слов в разговорной речи. С другой стороны, при передаче телефонных разговоров, интервью, размышлений возникают особенности лит. Д., нехарактерные для разговорной речи, это прежде всего сокращение первой реплики, содержание к-рой включено во вторую, напр. при повторении вопроса: «*Кто будет победителем, по-моему мнению? Не знаю, достойных соперников много*». Особенности лит. Д. складываются также в процессе отбора лексики, синтаксических конструкций, способов взаимодействия реплик — того, что характеризует индивидуальный стиль писателя.

Лит.: Якубинский Л. П., О диалогической речи, в сб.: Русская речь, в. 1, П., 1923; Святогор И. П., О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке, [Калуга], 1960; Шаройко О. И., Структура диалогической речи в произведениях советской прозы, Одесса, 1969; Кожевникова К., Спонтанная устная речь в эпической прозе, Praha, [1971]; Одинцов В. В., О языке художественной прозы. Повествование и диалог, М., 1973. *Е. А. Брызгунова.*

ДИАХРОНИ́Я (от греч. diá — через, сквозь и chrónos — время) — изучение исторического развития языка, отдельных языковых фактов и системы языка в целом (ср. Синхрония).

Язык находится в постоянном движении, изменении; в каждый данный период жизни языка в его системе, на всех уровнях этой системы (в фонетике, грамматике, лексике) есть элементы отмирающие, утрачивающиеся и элементы нарождающиеся, возникающие. Постепенно одни явления в языке исчезают, другие — появляются. Из этих процессов складывается путь языка во времени. Напр., с 10 до 20 в. рус. язык утратил 6 из 11 гласных (см. Вокализм), но развил 10 согласных фонем (вместо др.-рус. 27 их стало 37; см. Консонантизм); он утратил многотипность склонения существительных и сложную систему форм прош. времени глагола, но развил категорию одушевлённости — неодушевлённости существительных и категорию глагольного вида. Изучая все эти явления и процессы во времени, диахроническая лингвистика устанавливает причины языковых изменений, время их возникновения и завершения, пути развития этих явлений и процессов в разных диалектах языка. Диахронический взгляд на язык позволяет понять, как сложились те явления, к-рые характеризуют совр. состояние этого языка, т. е. в изучении языка синхрония и Д. не противопоставляются, а дополняют и обогащают друг друга.

Языковые явления существуют не изолированно друг от друга, а в связи друг с другом, т. к. они существуют в целостной системе языка. Поэтому изменение одного явления влечёт за собой изменение других явлений и, следовательно, языковой системы в целом. Отсюда следует, что диахроническая лингвистика должна изучать не только историю отдельных явлений, но и историю языковой системы в целом. Это возможно сделать путём установления синхронных срезов в истории системы языка и их преемственности, переходов одного в другой. Синхронный срез — состояние системы языка, установленное для определённой точки во времени. В истории языка можно наметить несколько синхронных срезов, относящихся к разным периодам развития языка; временны́е промежутки между срезами — это периоды, когда шло изменение отдельных явлений, приведшее к новому состоянию системы.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974. *В. В. Иванов.*

ДИ́КЦИЯ (от лат. dictio — произнесение) — произношение, манера выговаривать слова. Хорошая Д. (ясность и чёткость произношения) — одна из важнейших сторон культуры речи (см.). Особенно важна хорошая Д. в искусстве актёра (см. Сценическая речь).

ДИССИМИЛЯ́ЦИЯ (от лат. dissimilis — несходный) — расподобление двух или более звуков, находящихся в пределах одного слова. Физиологическая основа этого процесса менее ясна, чем основа ассимиляции (см.). Если для ассимиляции характерно взаимодействие двух соседних звуков, то диссимилируются (расподобляются) очень часто и звуки, не соседящие непосредственно друг с другом, но находящиеся в одном слове. Различают регрессивную и прогрессивную Д.

Пример регрессивной Д.— просторечное произношение *бо[нб]а* вместо *бомба*, где первый согласный *м* «отталкивается» от второго *б*, диссимилируется по активному действующему органу (вместо двух рядом стоящих губно-губных согласных в результате Д. рядом оказываются переднеязычный согласный *н* и губно-губной *б*). Примеры прогрессивной Д. более редки, ср. просторечное произношение *про[л]убь* вместо *прорубь* или совр. лит. *февраль* из старого *февраръ*. *Л. В. Бондарко.*

ДИФФЕРЕНЦИ́РУЮЩИЕ НАПИСА́НИЯ — написания, помогающие различать значения омофонов (см. Омонимы). В устной речи такие слова различаются по контексту, ситуации, иногда по ударению, интонации, порядку слов. На письме же они могут различаться в зависимости от их графического оформления, использования пишущим разных букв алфавита. Происхождение Д. н. различно; в большинстве случаев оно вызвано причинами этимологического (ср., напр., разное написание слов, различных по происхождению: *компа́ния — кампа́ния*) или морфологического порядка (напр., различное написание гласных в безударных слогах: *волы́ — валы́*, различное написание приставок или суффиксов: *преда́ть — прида́ть*, и т. п.). Однако существуют Д. н., не обусловленные этимологически или морфологически и принятые лишь для разграничения различных частей речи: *поджог* (сущ.) — *поджёг* (прош. время глагола). Д. н. подобного рода в пределах одной части речи в русской орфографии нетипично; едва ли не единственным примером этого является исторически отмершее написание *миръ* (антоним войны) — *мiръ* (синоним вселенной).

Лит.: Рождественский Н. С., Противопоставление как одно из свойств морфологического правописания, «Рус. яз. в школе», 1946, № 3—4. *А. В. Текучёв.*

ДОПОЛНЕ́НИЕ — второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы косвенных падежей. Д. служит для распространения и пояснения сказуемого или другого члена, входящего в состав этого предложения. Д. могут относиться к глаголам, существительным, прилагательным, наречиям. В зависимости от этого различаются Д. приглагольное (*Мы получили телеграмму*; *Суп едят ложкой*; *Они говорили о музыке*) и Д. приимённое (*Повышение производительности труда*; *Он выпил стакан молока*). Приглагольные Д. делятся на прямые и косвенные. Приимённое Д. всегда является косвенным. Прямое Д. относится к члену предложения, выраженному переходным глаголом, и обозначает объект, на к-рый непосредственно распространяется действие. Прямое Д. выражается существительным в вин. п. без предлога (*Мы смотрели фильм*; *Студенты слушают лекцию*), оно может быть выражено также род. п. без предлога при отрицании (*Брат не написал письма*; *Он не сказал самого главного*) и, при частичном охвате предмета действием,— род. п. со значением части целого (*Я купил масла*; *Он выпил воды*; *Отрежь мне хлеба*). Косвенное приглагольное Д. может быть выражено формами косвенных падежей существительных с предлогом или без предлога (*Альпинисты достигли вершины*; *Сестра гремела на кухне посудой*; *Он сделал из веток шалаш*; *Мы боремся за мир*), а также местоимений, числительных, субстантивированных прилагательных, причастий (*Товарищ получил от неё письмо*; *Он всегда надеется на хорошее*; *Он не жалел о случившемся*; *Гость отказался от второго*) и инфинитивом (*Мы попросили его спеть*; *Она дала ему пить*). Косвенное приимённое Д. чаще всего выражается существительным в форме род. п. без предлога (*В статье пишется о развитии производительных сил*; *Он работал на строительстве комбината*). Оно может быть выражено также существительными, местоимениями, субстантивированными прилагательными, причастиями в формах косвенных падежей с предлогом (*Отец с детства развивал в нём интерес к спорту*; *Ей нравились эти привычные к морозам люди*; *Он вышел незаметно для всех*). В функции прямого и косвенного Д. могут выступать также именные сочетания (*Мать послала брата с сестрой за хлебом*; *Он прочитал массу литературы по этому вопросу*; *Они встретили на стадионе двух учеников из нашей школы*), а в непринуждённой речи — любая позиционно субстантивирующаяся словоформа, группа словоформ или целое предложение (*Мы устали от её «не могу»*; *Они говорили о «Летят журавли»*).

В лит-ре неоднократно указывалось на необходимость разграничения косвенного Д. и несогласованного определения. В нек-рых случаях такое разграничение возможно. Так, при отглагольных существительных род. п. субъекта квалифицируется как несогласованное определение (*встреча друзей* — встречаются друзья; *посадка самолёта* — самолёт сел), а род. п. объекта — как Д. (*уборка урожая* — убирают урожай; *чтение газеты* — читают газету). Однако критерии разграничения косвенного приимённого Д. и несогласованного определения далеко не всегда можно установить (ср.: *председатель месткома*, *член комиссии*, *командир полка*, *бутылка с молоком*, *сообщение о переговорах*, *мечта о будущем*). Отсутствие чётких грамматических критериев для различения этих членов предложения приводит к возможности двоя-

кого толкования, а также к выделению смешанных (т. н. определительных и обстоятельственных Д.) и переходных типов (ср., напр., «Современный русский язык», ч. 2, М., 1964, с. 385, 390).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959; Гвоздев А. Н., Современный русский литературный язык, 3 изд., ч. 2, М., 1968. *К. В. Габучан.*

ДРЕВНЕРУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К — язык др.-рус. народности, сформировавшийся в Др.-рус. государстве (Киевской Руси) в основном на базе диалектов близкородственных восточнослав. племён. Датируется обычно 8—14 вв. Относится к восточнослав. группе слав. языков. Предшественник рус., укр. и белорус. языков (см. История русского языка).

Памятники письменности (см. Памятники письменности русского языка) известны с сер. 11 в. (рукописи и записи в книгах). Надписи на отдельных предметах относятся к нач. 10 в. В составе «Повести временных лет» (см. Летописи) дошли до нас договоры Руси с греками 911, 944, 971.

Языковая общность восточнослав. племён складывалась в недрах праслав. языковой общности (см. Праславянский язык) на протяжении 1—8 вв. н. э., когда у восточных славян развились языковые особенности, отличающие их от языка южных и западных славян.

Отдельные фонетические, грамматические и лексические черты сближают Д. я. с южнославянскими и с западнославянскими языками, всеми или нек-рыми. Но Д. я. отличается и рядом особенностей, отсутствовавших в других слав. языках или давших в них иные результаты. Так, для Д. я. было характерно: 1) полногласие (см.); 2) [*ч'*], [*ж'*] (вместо [*ш'т'*], [*ж'д'*] у южных славян и [*ц'*], [*д'з'*] — у западных), развившиеся из **tj*, **dj* (*свѣча*, *межа*) и из **kt*, **gt* перед гласными переднего ряда: *ночь*, *дъчи*, *печи*, *мочи* (ср.: *реку*, *могу*) и т. п.; 3) с 10 в. отсутствие носовых гласных [ǫ], [ę]; вместо них стали произноситься [*у*] и *имѧ* и др.[*ä*] > [*'а*]: *доубъ*, *роука*, *мѧсо*,

Фонетическая система языка эпохи древнейших памятников письменности характеризовалась следующими особенностями. Слог был открытым, т. е. не мог кончаться согласным, звуки в слоге распределялись по возрастающей звучности, иными словами, слог начинался с менее звучного звука и кончался более звучным (*до|мъ*, *слѣ|дъ*, *пра|вы|да*). В связи с этим до 12—13 вв., когда пали редуцированные [ъ] и [ь] (см. Падение редуцированных) и появились новые закрытые слоги, не было условий для противопоставленности согласных по звонкости — глухости. Гласных фонем было 10: гласные переднего ряда — [*и*], [*ě*] (ѣ), [*е*], [*ь*], [*ä*] [*листъ*, *лѣчю* (*лѣчити*), *лечю* (*летѣти*), *дьнь*, *пѧть*] и заднего ряда — [*ы*], [*у*], [*ъ*], [*о*], [*а*] [*пытати*, *поутати*, *пъта* (птица), *ломъ*, *ламати*]. Согласных было 27. Звук [*в*] был или губно-зубной [*в*], или билабиальный [*w*] (подобное произношение сохраняется и теперь по говорам: [*лаука*] [*,деука*], [*лоу*]). Звук [*ф*] был в заимствованных словах в книжно-письменном языке образованных людей. В народно-разговорном языке вместо него в заимствованных словах произносился звук [*п*] или [*х*]: *Осип* (Josif), *Хома*, *Ховронья*. Пары по твёрдости — мягкости образовывали лишь звуки [*н*] — [*н'*], [*р*] — [*р'*], [*л*] — [*л'*], [*с*] — [*с'*], [*з*] — [*з'*]. Остальные согласные были или только мягкими: [*j*], [*ч*], [*ц'*], [*ж'*], [*ш'*], [*ш'т'ш'*], [*ж'д'ж'*] (современные [*ш'*], [*ж'*] — *пущу*, *дрожжи*), или только твёрдыми: [*г*], [*к*], [*х*] (*гыбель*, *кыселъ*, *хытръ*), [*п*], [*б*], [*в*], [*м*], [*т*], [*д*]. Перед гласными переднего ряда твёрдые согласные приобретали полумягкость. Согласные [*г*], [*к*], [*х*] перед гласными переднего ряда могли быть только в заимствованных словах (*геона*, *кедръ*, *хитонъ*).

Грамматический строй, флективный по типу, унаследовал многие особенности праславянского и праиндоевропейского языков. Имена существительные различались по роду: муж., жен., ср., по числам: ед. ч., двойственное, когда речь шла о двух предметах (*дъва стола*, *домы*, *дъвѣ лѣтѣ*, *дъвѣ женѣ*, *ночи*), мн. ч. Падежей было 6: им., род., дат., вин., твор., местный (совр. предложный); нек-рые существительные имели ещё звательную форму, употреблявшуюся при обращении (*отьць — отьче*, *жена — жено*, *сынъ — сыноу*).

Имена существительные объединялись в склонения не столько по принципу грамматического рода, сколько по характеру основы слова в праславянском и праиндоевропейском языках. В силу этого существительные в пределах одного грамматического рода отличались многообразием типов склонения (муж. род ед. ч.— *столъ*, *сынъ*, *дьнь*, *камы*, род. п.— *стола*, *сыноу*, *дьни*, *камене*, мн. ч. дат. п.— *столомъ*, *сынъмъ*, *дьньмъ*, *каменьмъ* и т. д.; жен. род ед. ч. им. п.— *жена*, *дъчи*, *ночь*, род. п.— *жены*, *дъчере*, *ночи*, мн. ч. дат. п.— *женамъ*, *дъчерьмъ*, *ночьмъ* и т. д.). Полную и краткую форму имели не только качественные прилагательные (*новъ*, *новыи*), но и относительные (*камѧнъ*, *камѧныи*), а также сравнительная степень (*новѣи*, *новѣишии*). Полная форма сравнительной степени позднее стала осознаваться как превосходная степень.

Глагол изменялся по лицам и числам, действительное причастие на *-лъ*, входив-

шее в состав сложных глагольных времён, изменялось по родам и числам. В изъявительном наклонении различались: одно наст. время (*несоу*), два простых и два сложных прош. времени — аорист (*несохъ*), имперфект (*несѣахъ*, позже — *несѧхъ*), перфект (*Ѥсмь неслъ*, *-а*, *-о*) и давнопрошедшее (*бѧхъ неслъ*, *-а*, *-о* или *Ѥсмь былъ*, *-а*, *-о неслъ*, *-а*, *-о*), и два будущих времени — *имамь* (или *хочю*, *начьноу*, *почьноу*) *нести* и *боудоу неслъ*, *-а*, *-о*. Сложная система глагольных времён выражала не только временны́е, но и видо-временны́е отношения в языке. Полную парадигму спряжения имело повелительное наклонение. Помимо инфинитива, была ещё неизменяемая форма — супин, употреблявшаяся вместо инфинитива при глаголах движения и рано вытесненная им (*идеши ловитъ рыбы*).

Д. я. целым рядом черт существенно отличался от древнейшего лит. языка славян — старославянского (см. Старославянский язык), к-рый оказывал на него влияние, особенно с приходом на Русь письменности. Др.-рус. лит. язык по-разному совмещал в разных типах письменности особенности народно-разговорного и старославянского языков (см. История русского литературного языка). Русифицированный старослав. язык (иначе церковнослав. язык рус. редакции) закрепился в качестве языка церкви, церковной лит-ры и богослужения. Живая разговорная стихия Д. я. прежде всего отражена в частной переписке (см. Берестяные грамоты), в государственных договорах, юридических памятниках, в «Русской правде», княжеских уставах, в отдельных произведениях в составе летописей. Собственно лит. произведения: жития святых, сказания о князьях, поучения («Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия Печерского», произведения Илариона, Кирилла Туровского и др.) — содержат немалое количество старославянизмов. Степень насыщенности литературного произведения старославянизмами была тесно связана с темой произведения, с его предназначенностью.

В 10—11 вв. в народно-разговорном языке др.-рус. народности имелись местные фонетические различия. По двум из них север и северо-запад оказались противопоставлены югу и юго-востоку: на севере и северо-западе [*г*] взрывное и цоканье, т. е. неразличение звуков [*ц'*], [*ч'*], развившееся под влиянием соседних финских языков; на юге и юго-востоке [*γ*] фрикативное и отсутствие цоканья. Отмечаются различия и в словаре. Грамматический строй отличался наибольшей устойчивостью и был един на всей территории, хотя нормы его колебались от местности к местности. Существенную роль в поддержании языкового единства др.-рус. народности играло киевское койне.

Ослабление политической роли Киева в 11 в., и особенно со 2-й пол. 12 в., укрепление и обособление новых политических центров способствовали более широкому распространению письменности, в к-рой более свободно отражались местные языковые особенности. Памятники 12 — 1-й пол. 13 вв. отражают нек-рые местные языковые особенности в фонетике и лексике. Так, по результатам общего для всех восточных славян падения редуцированных [ъ] и [ь] юг и юго-запад (Киев, Галицко-Волынская, Турово-Пинская земли — территории совр. укр. и белорус. языков) оказались противопоставлены северу и северо-востоку (территории совр. рус. языка), где в свою очередь в 13 в. выделился ряд диалектов: новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский, а также говор по верхней и средней Оке и в междуречье Оки и Сейма. С 14 в. территории юго-западной и западной Руси оказались под властью Великого княжества Литовского, Польши. Политическое, экономическое и отчасти культурное обособление этих земель от восточных и северо-восточных территорий, где в результате объединения земель складывалось единое Российское государство, привело к ещё большему углублению языковых различий и образованию на базе др.-рус. народности трёх близкородственных народностей: русской (со старорус. языком 14—17 вв.), украинской (со староукр. языком 14—18 вв.) и белорусской (со старобелорус. языком 15 — 1-й пол. 19 вв.).

Лит. см. при ст. История русского языка.

Т. А. Сумникова.

ДУРНОВО́ Николай Николаевич [23.10(4.11).1876, Москва — 27.10.1937] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1924). Проф. Саратовского (с 1918), Мин-

ского, Московского ун-тов. Труды по истории и диалектологии рус. языка. В книге «Введение в историю русского языка» (1927) Д. описал 280 рукописей восточнослав. происхождения, указав их диалектную принадлежность и классифицировав по происхождению (оригинальные или переводные). Отметив основные фонетические и морфологические особенности рус. языка и отдельных его диалектов, обобщил свои диалектологические исследования, изложенные в работах: «Краткий очерк русской диалектологии» (1914), «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров» (ч. 1, в. 1 — «Южновеликорусское наречие», 1917) и др. Участвовал в создании диалектологической карты рус. языка 1915 (см. Диалектология). Д. считал историю языка наукой об изменении системы языка. Работа «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» (1929) содержит взгляд на старослав. язык как на известные нормы лит. языка, своеобразные лит. диалекты. Глаголицу и кириллицу понимал как функциональные разновидности одного алфавита. Автор первого русского словаря лингвистических терминов («Грамматический словарь», 1924).

Соч.: Введение в историю русского языка, 2 изд., М., 1969 (библ. трудов Н. Н. Дурново до 1930); Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

Е, е — шестая буква рус. алфавита. Её название [*е*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное е, строчное е*. Буква *Е, е* может обозначать: 1) после согласных гласную фонему [*е*] (см. Гласные), реализующуюся по-разному в зависимости от места ударения в слове (см. Позиция фонологическая), напр.: *сел* [*с'ел*], *ве́село* [*в'е́с'ьлъ*], *переведены́* [*п'ьр'ьв'ьд'и*ᵉ*ны́*]. Буква *Е, е* указывает, что предшествующий согласный должен произноситься мягко: *не́бо* [*н'е́бъ*], *лес* [*л'ес*], *ве́тер* [*в'е́т'ьр*], за исключением согласных *ж, ш, ц*, к-рые произносятся твёрдо: *женский* [*же́нс*]*кий*, *шерсть* [*ше́рс'т'*], *ценный* [*це́н*]*ный*, а также нек-рых заимствованных слов, в к-рых предшествующий согласный также произносится твёрдо: *купе́* [*купе́*], *де́мпинг* [*де́мп'инк*]; 2) после гласных, букв *ъ* и *ь* и в начале слов обозначает сочетание двух звуков: согласного *j* + *е*, напр.: *тро́е* [*тро́jь*], *ель* [*jел'*], *съе́хал* [*с'jе́хъл*], *свое́й* [*св*∧*jе́й*], *колье́* [*к*∧*л'jе́*].

При классификационных обозначениях имеет значение «шестой», «шестая», «шестое»: *ложа Е, раздел «е»*. Часто пишется вместо буквы *Ё, ё* (см.), написание к-рой в нек-рых случаях не является обязательным. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 7 е*.

Совр. начертание получила в нач. 18 в. после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). Ранее имела начертание Є и называлась «есть» (см. Кириллица), имела числовое значение «пять». После реформы правописания 1917—18 буква *Е, е* стала употребляться также вместо буквы ѣ (см. Ять).

ЕДИНИ́ЦЫ ЯЗЫКА́ — постоянные языковые элементы, отличающиеся друг от друга назначением, строением и местом в системе языка. По своему назначению Е. я. делятся на номинативные, коммуникативные и строевые. Номинативные Е. я. называют (обозначают) отдельные понятия, представления, предметы. Основной номинативной Е. я. является слово (лексема; см. Слово); составными номинативными единицами являются фразеологизмы (см.), составные термины, составные названия, напр.: *битый час, тянуть лямку, удельный вес, Чёрное море, Александр Сергеевич*. Основной коммуникативной единицей является предложение (см.): при помощи предложений люди оформляют, выражают и передают свои мысли, чувства и волеизъявления, добиваясь взаимного понимания. Строевые Е. я. служат средством построения и оформления номинативных и коммуникативных Е. я. Простейшими строевыми единицами являются фонемы (см.) и морфемы (см.). Фонема — односторонняя Е. я., так называемый знак-сигнал; не имея собственного значения, фонема различает звуковые оболочки слов и морфем. Морфема — двусторонняя Е. я.: у неё есть означаемое и означающее, однако морфема функционирует только как часть слова. К строевым Е. я. принадлежат словообразовательные модели, а также модели словосочетаний и предложений, по к-рым в языке строятся (образуются) слова, словосочетания и предложения.

Разные лингвистические школы выделяют различные типы Е. я. Наиболее распространёнными являются две концепции — структурная и функциональная. Согласно первой точке зрения, выделяются прежде всего предельные, далее неделимые Е. я. двух планов (по терминологии Л. Ельмслева) — плана выражения (фонема) и плана содержания (морфема, семема), а также их конкретные манифестации (реализации) — фон (аллофон), морф (алломорф), сема (аллосема). Согласно функциональной точке зрения (напр., В. В. Виноградова), выделяются как строевые, так и номинативные и коммуникативные единицы: различаются они назначением. Неделимость поэтому не считается категориальным признаком Е. я., к-рые могут функционировать обособленно и как часть более сложной единицы — составного аффикса, производной основы, аналитической формы, распространённого и сложного предложения.

Лит.: [Щерба Л. В. и Виноградов В. В.], Введение, в кн.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1960; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Климов Г. А., Фонема и морфема, М., 1967; Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие, М., 1969; Бенвенист Э., Уровни лингвистического анализа, в его кн.: Общая лингвистика, М., 1974; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974; Солнцев В. М., Язык как системно-структурное образование, М., 1977.

В. И. Кодухов.

ЕДИ́НСТВЕННОЕ ЧИСЛО́ — см. Число.

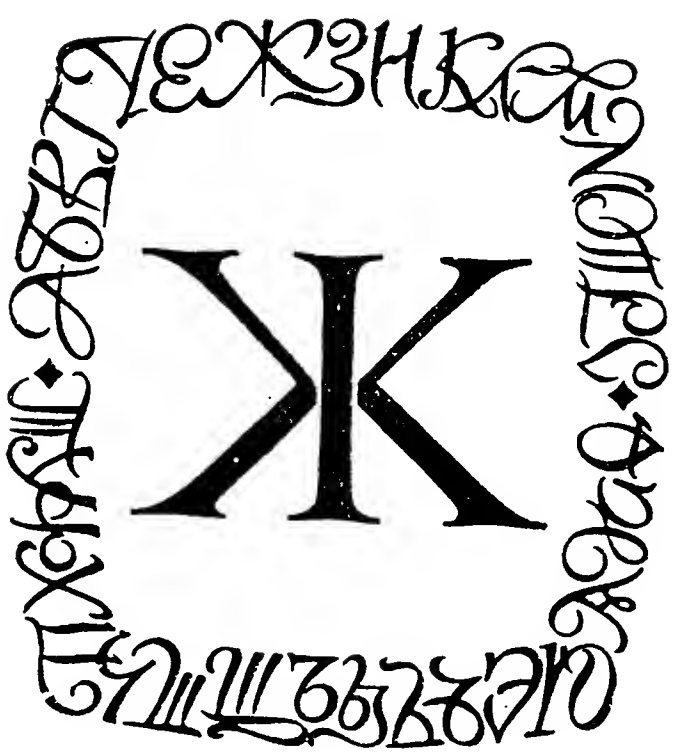
Е́КАНЬЕ — тип безударного вокализма (см. Вокализм): совпадение гласных фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке *е*: *н'ос* (или *н'ес*), *р'ек* (или *р'ек*), *п'а́тый — н'есу́*, *р'ека́*, *п'ета́к*; *н'ес'и́*, *в р'ек'е́*, *п'ет'о́рка*. Встречается также разновидность Е., при к-рой *е* произносится только перед твёрдым согласным: *н'есу́*, *р'ека́*, *п'ета́к*, а перед мягким звучит *и*: *н'ис'и́*, *в р'ик'е́*, *п'ит'о́рка*. В говорах, где на месте фонемы *е* произносится между мягкими согласными *и* (*р'ек — р'ик'и́*), может выступать ещё одна разновидность Е.: *н'есу́*, *р'ека́*, *п'ета́к*; *н'ес'и́*, *в р'ик'е́*, *п'ет'о́рка*. Вместо предударного *е* при Е. может произноситься более закрытый звук $е^{и}$: *н'$е^{и}$су́*, *р'$е^{и}$ка́*, *п'$е^{и}$та́к* и т. п. Е. может быть как в говорах с аканьем (см.), так и в говорах с оканьем (см.). Встречается Е. гл. обр. в средневеликорус. акающих говорах и ряде северновеликорус. окающих говоров. Е. было нормой лит. языка 19 в. С кон. 19 в. в лит. язык стало проникать иканье (см.), к-рое в настоящее время господствует, вытесняя более редкое Е.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; Кузнецов П. С., Русская диалектология, 3 изд., М., 1960; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973.

Л. Л. Касаткин.

Ё, ё — седьмая буква рус. алфавита. Её название [*ё*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ё*, *строчное ё*. Буква *Ё*, *ё* может обозначать: 1) после мягких согласных и шипящих гласную фонему [*о*] (см. Гласные), напр.: *мёд* [*м'от*], *щётка* [*ш'о́ткъ*], *жжёт* [*ж'от*], *чёлка* [*ч'о́лкъ*]; 2) в начале слова, после гласных, после согласных, после букв *ъ* или *ь* сочетание звуков *j* + *о*, напр.: *ёлка* [*jо́лкъ*], *её* [*iu^{е}jо́*], *заём* [*зʌjо́м*], *съёмка* [*с'jо́мкъ*], *пьёт* [*п'jо́т*]. В нек-рых заимствованных словах вместо буквы *Ё*, *ё* пишется или *ио* (в начале слова, напр. *иод*, *иота*), или *йо* (напр., *Йорк*), или *ьо* (после согласных, напр. *батальон*, *сеньор*).

При классификационных обозначениях и как дополнительное обозначение при цифровой нумерации, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером, не употребляется (ср. другие буквы рус. алфавита). Введена в употребление Н. М. Карамзиным (1797).



Ж, ж — восьмая буква рус. алфавита. Название буквы [*жэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ж*, *строчное ж*. Буква *Ж, ж* обозначает согласную фонему [*ж*] (см. Согласные) — звонкий шипящий переднеязычный щелевой (фрикативный) звук, к-рый в литературном языке произносится твёрдо: *жа́лость* [*жа́лъс'т'*], *жители* [*жы́т'и^{е}л'и*], а в конце слова и перед глухими согласными оглушается: *муж* [*муш*], *ло́жка* [*ло́икъ*].

Употребляется в составе нек-рых сокращений, напр. *ж. д.*, *ж/д* — железная дорога, *ж.-д.*— железнодорожный.

При классификационных обозначениях имеет значение «седьмой», «седьмая», «седьмое»: *пункт «ж» первого раздела*. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 35 ж*.

По начертанию восходит к седьмой букве кириллицы (см.). Числового значения не имела, называлась «живете». Постепенно это название утратилось.

ЖАРГО́Н (франц. jargon)—социальная разновидность речи, характеризующаяся профессиональной (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией общенародного языка.

Ж. является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединённых общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п. (напр., Ж. охотников, спортсменов, моряков). В нестрого терминологическом смысле слово «Ж.» употребляется для обозначения искажённой, вульгарной, неправильной речи [то же, что арго (см.), но с пейоративной, уничижительной оценкой]. В отличие от арго, Ж. в своём оформлении в целом отталкивается от общелит. языка, являясь как бы социальным диалектом определённой возрастной общности людей или «профессиональной» корпорации. В отличие от территориальных диалектов, Ж. не обладает собственной фонетической и грамматической системой. Примерами могут быть студенческий и школьный Ж. Студенческий Ж. составляет в рус. языке основу молодёжного сленга.

Лексика Ж. строится на базе лит. языка путём переосмысления, метафоризации, звукового искажения и т. п. Напр.: *ишáк*, *ишачóк* — «самолёт И-16», *прéдки* — «родители», *бáскет* — «баскетбол», *финаги* — «деньги, финансы».

Ж. включает «арготическую» часть (т. е. профессиональную лексику, связанную с общим занятием, деятельностью) и «общебытовой словарь» (экспрессивная лексика обиходно-бытового общения). Слова и выражения жаргонной речи, используемые за пределами Ж., называются ж а р г о н и з м а м и. Жаргонизмы как элементы социально-стилевых разновидностей речи используются в языке художественной лит-ры для реалистического изображения различных социальных групп и категорий людей, а также в характерологических и стилистических целях при художественных переводах иноязычных авторов.

Лексика Ж. отличается неустойчивостью во времени, частой сменяемостью наиболее употребительных разрядов, свободным взаимодействием с лит. языком. Лексика различных Ж. может частично совпадать, образуя т. н. интержаргон. Из интержаргона или непосредственно из отдельного Ж. лексика может входить в более широкое употребление, сохраняя заряд экспрессии, эмоциональной оценки (ср. такие просторечные слова, как *прокóл*, *верня́к*, *наклáдка*, *портáч*, *напортáчить* и т. п.). В истории развития языка жаргонизмы проникают и в лит. речь, а их былая принадлежность к Ж. может быть восстановлена лишь путём лингвистического анализа (напр.: *шпаргáлка*, *дóка*, *настрóй*, *в удáре*). Фонетическая неустойчивость многих жаргонизмов объясняет неустойчивость их орфографии.

Употребление жаргонной лексики засоряет и огрубляет разговорную речь. Привлечение жаргонизмов в художественной лит-ре в качестве характерологических средств требует от писателя большого мастерства, такта и чуткости.

Лит.: Ж и р м у н с к и й В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; е г о ж е, Проблемы социальной диалектологии, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1964, т. 23, в. 2; К о с ц и н с к и й К., Существует ли проблема жаргона?, «Вопросы литературы», 1968, № 5; Ш в е й ц е р А. Д., Некоторые актуальные проблемы социолингвистики, «Иностранные языки в школе», 1969, № 3; С к в о р ц о в Л. И., Профессиональные языки, жаргоны и культура речи, «Рус. речь», 1972, № 1; е г о ж е, Орфография просторечных и жаргонных

слов, в кн.: Нерешенные вопросы русского правописания, М., 1974; его же, Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии, в кн.: Литературная норма и просторечие, М., 1977. *Л. И. Скворцов.*

ЖЕ́НСКИЙ РОД — см. Род.

ЖЕ́СТОВ ЯЗЫ́К, язык жестов,— общение при помощи движений рук, телодвижений и т. д. Ж. я. употребляется: 1) глухонемыми и слепоглухонемыми; следует различать спонтанные системы общения при помощи Ж. я., складывающиеся стихийно в коллективе глухонемых детей, от кодифицированного Ж. я. (общего для всех грамотных глухонемых), к-рому ребёнка специально обучают; 2) в ситуациях, когда почему-либо невозможно достичь понимания при помощи звукового языка, напр. при встрече носителей не близко родственных языков; 3) в ситуациях, когда на звуковую речь налагается запрет (напр., у женщин нек-рых народов Кавказа).

Лит.: Боскис Р. М., Морозова Н. Г., О развитии мимической речи глухонемого ребенка, в сб.: Вопросы учебно-воспитательной работы в школе для глухонемых, в. 7, М., 1939; Николаева Т. М., Успенский Б. А., Языкознание и паралингвистика, в кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, М., 1966. *А. А. Леонтьев.*

З, з — девятая буква рус. алфавита. Название буквы [зэ] употребляется как существительное ср. рода: *прописное з, строчное з*. Буква *З, з* обозначает согласные фонемы [з] и [з'] (см. Согласные), оглушающиеся в конце слова и перед глухими согласными в [с], [с'] (см. Позиция фонологическая), ср.: *замóк* [замóк], *зимá* [з'иᵉмá], *таз* [тас], *лезь* [лес']. Употребляется как сокращённое обозначение слова *запад* — З.

При классификационных обозначениях имеет значение «восьмой», «восьмая», «восьмое»: *пункт «з» первого раздела*. При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 35 з*.

По начертанию восходит к букве «земля» (з) кириллицы (см.), к-рая имела числовое значение «семь». Начертание и название буквы «земля» изменилось после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). В кириллице имелась также буква *S* («зело»), употреблявшаяся первоначально для обозначения аффрикаты *дз* и в счёте: под титлом *S* означала «шесть» (впоследствии из алфавита была исключена).

ЗАЙМСТВОВАНИЕ — переход элементов одного языка в другой как результат языковых контактов, взаимодействия языков; З. также называются сами элементы (слова, морфемы, синтаксические конструкции и т. п.), перенесённые из одного языка в другой. Чаще всего заимствуются слова, реже — синтаксические конструкции. З. звуков и словообразовательных элементов другого языка происходит через заимствованные слова, к-рые осваиваются заимствующим языком, приспосабливаясь к его особенностям. В ходе этого приспособления иностранные слова усваиваются настолько, что их иноязычное происхождение может совершенно не ощущаться и обнаруживается лишь этимологами; напр., тюркские З. в рус. языке: *ватага, очаг, башмак, казак*. В отличие от полностью ассимилированных (усвоенных) слов т. н. иностранные слова сохраняют следы иноязычного происхождения в виде своеобразных звуковых, орфографических и грамматических особенностей, к-рые не свойственны исконным словам. Зачастую иностранные слова обозначают малоупотребительные, специальные, а также свойственные чужим странам и народам понятия: *кинология* — наука о собаках, их породах и уходе за ними, *гиппология* — наука о лошадях, *кимоно* — японское мужское и женское платье в виде халата, *гуайява* — плодовое растение из тропической Америки. Такого рода слова включаются в общие словари и гл. обр. в специальные словари иностранных слов. Нек-рые иноязычные слова занимают промежуточное положение между иностранными словами и полностью усвоенными З., напр. слово *пальто*, несмотря на широкое употребление в рус. языке, не получило ещё способности склоняться.

Слова иноязычного происхождения занимают значительное место в словарном составе многих языков, отражая процесс исторического взаимодействия языков, их смешение. Усиление взаимодействия языков в связи с возрастанием культурно-экономических связей между народами приводит к образованию особого фонда интернациональных слов, имеющихся в большом количестве как в родственных, так и в неродственных языках. Среди интернациональных слов значительное место занимают специальные термины, относящиеся к разным отраслям науки и техники.

Пути З. могут быть как устные (на слух), так и книжные, письменные (по буквам). При устном вхождении в новый язык слово претерпевает больше изменений, чем при письменном.

Пути движения слова из языка в язык могут быть прямыми и косвенными: араб. слово *вазир* — «сановник, министр» пришло в рус. язык через тюркско-татарское посредство как *визирь*, а в исп. языке то же слово превратилось в *альгвазил* — «полицейский» (где начальная часть — араб. артикль *аль-*). Рус. *хрусталь* (устаревшее *кристаль*) заимствовано из греческого (κρύσταλλος) непосредственно, а *кристалл* — через лат. (crystallus) и нем. (Kristall) языки.

Заимствованное слово при переходе в новый язык обычно подвергается опрощению (см.) и воспринимается как простое. Напр., в пришедшем через франц. язык араб. слове *магазин* уже не ощущается первоначального значения множественного числа, как и в словах *рельс* (из англ. языка), *клапан* (из нем. языка) и т. п.

Иногда вместе с иноязычными словами (при их массовом наплыве) могут усваиваться также и суффиксы, к-рые впоследствии становятся продуктивными, напр. суффиксы *-ист*, *-изм* в рус. языке. Одной из форм З. являются структурные З.— кальки (см.).

Лит.: Сорокин Ю. С., Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965; Крысин Л. П., Иноязычные слова в современном русском языке, М., 1968; Акуленко В. В., Вопросы интернационализации словарного состава языка, Хар., 1972.

И. Г. Добродомов.

ЗАЛО́Г — грамматическая категория глагола, отражающая соотношение между субъектом, действием и объектом и выражающаяся противопоставлением (оппозицией) частных грамматических значений страдательного и действительного залога. Страдательный З. означает, что действие направлено на объект, выраженный им. п. и являющийся подлежащим в предложении (*Лекция читается профессором*); действительный З. означает, что действие исходит от подлежащего (*Профессор читает лекцию*).

Формальное выражение З. в известной степени зависит от вида глагола (см. Вид). У глаголов несов. вида страдательный З. выражается спрягаемой формой глагола с постфиксом *-ся* и, редко, краткой формой страдательного причастия наст. времени; у глаголов сов. вида страдательный З. выражается краткой формой страдательного причастия прош. времени (*Дом построен архитектором*) и, редко, спрягаемой формой с постфиксом *-ся* («*Вчера получилась большая почта из Тулы*» — Л. Толстой). Глаголы страдательного З. формируют страдательный оборот речи (пассивную конструкцию: *Смета составляется бухгалтером*), глаголы действительного З.— действительный оборот речи (активную конструкцию: *Бухгалтер составляет смету*). Глаголы в страдательном обороте б. ч. имеют при себе имя в твор. п., называющее субъект действия, к-рый обычно бывает выражен одушевлённым именем существительным (*Дом строится рабочими*), но иногда и неодушевлённым (*Село густо затенялось садами*). Наличие такого имени подчёркивает значение пассивной конструкции. При отсутствии имени в твор. п. страдательность бывает менее выражена (*Полы моются раз в неделю*). Глаголы страдательного З. наиболее употребительны в форме 3-го лица ед. и мн. числа.

Грамматическая категория З. формируется разными глаголами при противопоставлении личных форм глагола (*строит — строится*); формами одного глагола при противопоставлении личной и причастной форм (*построил — построен*).

Все глаголы обладают грамматическим значением З., но в залоговое противопоставление вступают только переходные глаголы (см. Переходность). Ранее признававшиеся стоящими вне З. непереходные глаголы (*белеть*, *мыться*) большинством учёных признаются однозалоговыми глаголами действительного З., т. к. они не выражают направленности действия на подлежащее. Таковыми являются также переходные глаголы, не вступающие в залоговую оппозицию (*благодарить*), безличные глаголы (*светает*).

З. глагола, в отличие от других грамматических категорий глагола (время, лицо, наклонение), является специфической грамматической категорией, т. к., кроме формального выражения, тесно связан с синтаксисом, конструкцией (пассивной или активной) предложения. О З. причастия см. Причастие.

Лит.: Фортунатов Ф. Ф., О залогах русского глагола, СПБ, 1899; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972; Бондарко А. В., К теории поля в грамматике — залог и залоговость, «ВЯ», 1972, № 3.

Н. С. Авилова.

ЗАПАДНОСЛАВЯ́НСКИЕ ЯЗЫКИ́ — см. Славянские языки.

ЗАПЯТА́Я (,) — знак препинания, служащий для разделения или выделения слов, групп слов и простых предложений в составе сложного. Появление З. в памятниках рус. письменности относится к 15 в. Первоначально функции З. и точки не были расчленены. В совр. рус. письменной речи З.— наиболее распространённый знак препинания, выступающий в отделительной функции (одна З.) или в выделительной функции (парный знак препинания — две З.). З. употребляется: 1) между однородными членами предложения (соединёнными без союзов, повторяющимися или парными союзами, неповторяющимися союзами с противительным или уступительным значением) и между повторяющимися словами: «*Не род, а ум. поставлю в воеводы*» (Пушкин); «*Зимы ждала, ждала природа*» (Пушкин); 2) между простыми предложениями, входящими в состав бессоюзного сложного или сложносочинённого предложения: «*Солнце зашло за горы, но было еще светло*» (Лермонтов); 3) между главным и придаточным предложением (или для выделения придаточного с двух сторон), между соподчинёнными придаточными: «*Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум*» (Пушкин); 4) для отделения или выделения обособленных членов предложения, при словах или группах слов, ограничивающих или уточняющих другие слова в предложении: «*Истощенный усилиями и лишениями, старик слег в постель*» (Герцен); «*Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры*» (Тургенев); 5) при срав-

нительных оборотах (см.); 6) для отделения или выделения слов, грамматически не связанных с членами предложения (вводных слов, обращений, междометий, утвердительных, отрицательных и вопросительных слов): «*Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть*» (Крылов).

ЗВА́ТЕЛЬНАЯ ФО́РМА — особая форма падежа в системе др.-рус. склонения, употреблявшаяся гл. обр. для выражения категории лица при обращении. Особые З. ф. выступали лишь в ед. ч. в основах муж. рода типа: *вълче*, *коню*, *отроче*, *медоу*, *вьрхоу*, в основах жен. рода типа: *сестро*, *руко*, *воле*, *душе*, *дѣвици*, *ночи*. Все остальные существительные муж. и жен. рода, а также все существительные ср. рода имели З. ф., равную им. падежу. З. ф. очень рано обнаруживает тенденцию к утрате. Случаи утраты её наблюдаются уже в Остромировом евангелии (1056—57). Процесс утраты З. ф. охватил северную часть др.-рус. говоров, впоследствии вошедшую в состав рус. языка. Завершение этого процесса в рус. языке относится к эпохе после разделения в 14 в. др.-рус. языка на рус., укр. и белорусский. В укр. и белорус. языках З. ф. сохранилась. В рус. языке следы З. ф. обнаруживаются в образованиях типа *боже*, *господи*, превратившихся в междометия.

По говорам и в просторечии у существительных, оканчивающихся на безударное [*а*], вновь развилась своеобразная З. ф., генетически не связанная со старой (*Тан'*, *мам*, *Пет'*, *Саш*). В этих формах произошла сильная редукция конечного гласного, приведшая к его полной утрате.

Лит.: Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953; Якубинский Л. П., История древнерусского языка, М., 1953; Шахматов А. А., Историческая морфология русского языка, М., 1957; Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964. *Л. В. Вялкина.*

ЗВУ́КИ РЕ́ЧИ — комплексы артикуляционных движений и их определённый акустический эффект, формирующие звуковую оболочку значимых единиц речи. В соответствии со способом произнесения говорят об артикуляции (физиологии), получаемом звуковом эффекте (об акустике) и о восприятии (перцепции) З. р. Артикуляционно каждый З. р. образуется в результате сложных движений произносительных органов. Акустически З. р., как и всякие другие звуки, могут быть определены как колебательные движения, передаваемые воздушной средой. Источниками звука служат: а) модуляция выдыхаемого воздуха колебаниями голосовых связок — голосовой источник; б) препятствия, создаваемые воздушной струе в речевом аппарате,— полное смыкание артикулирующих органов (смычка) или их значительное сближение (щель) — шумовые источники. Каждый З. р. образуется при участии одного, двух или трёх источников: гласные образуются при участии только голосового источника, глухие взрывные согласные — при участии шумового импульсного источника (шумовой импульс возникает при резком раскрытии смычки), звонкие взрывные — при участии голосового и импульсного источника, глухие щелевые — при участии турбулентного шумового источника (турбулентный шум — шум трения воздушной струи, вызванного суженнем артикулирующих органов), звонкие щелевые — при участии турбулентного и голосового источника и т. д. Акустические свойства З. р. зависят не только от характеристик источника, но и от размера и формы надгортанных полостей, играющих роль резонаторов: в зависимости от того, какое положение занимают язык, губы, мягкое нёбо, в надгортанных полостях возникают и усиливаются колебания различной частоты и интенсивности, так что слышимые нами З. р.— это сложные акустические образования, возникающие в результате наложения акустических характеристик надгортанных полостей на акустические характеристики источников звука.

Возникающие таким образом акустические свойства звуков воспринимаются и оцениваются слуховой системой человека. Звуки, образуемые только голосовым источником, оцениваются слухом как музыкальные тоны, звуки, образующиеся импульсным источником,— как мгновенные шумные звуки и т. д. Особенно важно указать на большую изменчивость З. р. в зависимости от двух основных фактов — от положения данного звука по отношению к ударению и от качества соседних звуков. Только под ударением произносятся звуки, максимально приближающиеся по своим характеристикам к тем, к-рые можно произнести изолированно. В безударных слогах происходит ослабление, редукция звуков, приводящая к сокращению времени их звучания (длительности) и к менее отчётливой артикуляции, что вызывает и изменения качества звучания. Соседние звуки также очень значительно изменяют артикуляционно-акустические свойства З. р.: после мягкого согласного гласные *а*, *о*, *у*, *е* начинаются с *и*-образного элемента, появление к-рого объясняется движением языка от *и*-образного положения при артикуляции мягких согласных к положению, характерному для произнесения гласных *а*, *о*, *у*, *е*, согласные перед гласными *у*, *о* произносятся с выпяченными и округлёнными губами. В результате этих взаимовлияний «один и тот же З. р.» представлен самыми различными артикуляциями, порождающими многообразные акустические эффекты. Их восприя-

тие как «похожих» обеспечивается тем, что возникающие звуковые различия не используются для различения звуковых оболочек слов и определяются чисто фонетическими особенностями.

Из сказанного следует, что разбивка на З. р. даже простой последовательности согласный + гласный не может быть основана на артикуляционно-акустических свойствах её: при произнесении согласного наблюдаются и артикуляционные движения, свойственные следующему гласному, а на протяжении этого гласного происходит постепенная перестройка артикуляции от предшествующего согласного. Т. о., описание артикуляционно-акустических особенностей отдельных З. р. условно, т. к. минимальной произносительной единицей является слог. Разбивка каждого слова на последовательность З. р. производится на основании представлений о фонемном составе данного слова.

Лит.: З и н д е р Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Ф а н т Г., Акустическая теория речеобразования, пер. с англ., М., 1964; Б о н д а р к о Л. В., Звуковой строй современного русского языка, М., 1977.

Л. В. Бондарко.

ЗВУКОВЫ́Е ЗАКО́НЫ — регулярно осуществляющиеся в совр. состоянии или в истории языка звуковые (фонетические) изменения. В разные периоды истории в языке могут действовать разные З. з. Закон, живой для одной эпохи, в другую эпоху может прекратить своё действие, возникают другие З. з. Напр., в истории рус. языка в древнейшую эпоху действовал З. з., по к-рому согласные *к*, *г*, *х* перед гласными переднего образования изменялись в мягкие шипящие *ч*, *ж*, *ш* (см. Палатализация). Этот З. з. определял произношение *к*, *г*, *х* перед непередними гласными и произношение на их месте мягких шипящих перед передними гласными: *рука — поручити*, *другъ — дружити*, *сухъ — сушити*. В более поздний период этот З. з. перестал действовать: *к*, *г*, *х* и *ч*, *ж*, *ш* стали возможны перед одними и теми же гласными, но результаты действия прежнего закона сохранились в явлении чередования заднеязычных с шипящими в совр. рус. языке. В 13—15 вв. в рус. языке действовал З. з., по к-рому гласный *е* изменялся в *о* после мягких согласных перед твёрдыми (*нес* → *нёс*, *пес* → *пёс*, *береза* → → *берёза*), после прекращения действия этого закона произношение *е* в такой позиции стало возможным (*лес* из *лѣсъ*, *верх* из *вь*[*р'*]*хъ*, *женский* из *же*[*н'*]*ский*, заимствованное *аптека*), результаты действия прежнего З. з. сохраняются в совр. рус. языке в виде чередования *е*/*о* (*сельский — сёла*, *весна — вёсны*, *нести — нёс*, *летать — лётчик*).

В совр. рус. лит. языке действует ряд З. з., определяющих характер его фонетической системы. Таков закон регулярного совпадения гласных *а*, *о*, *е* в первом предударном слоге в одном звуке (см. Аканье); на конце слов и в положении перед глухими шумными согласными могут произноситься только глухие шумные: *бо*[*п*], *ро*[*т*], *во*[*с*], *о*[*п*]*сыпать*, *по*[*т*]*писать*, *но*[*ш*]*ка*, *ла*[*ф*]*ка*. Этим З. з. подчиняется произношение любого слова и любой формы.

Одни и те же З. з. могут действовать в ряде родственных языков, результаты их осуществления могут быть одинаковыми или различными. Напр., рассмотренное выше изменение *к*, *г*, *х* в *ч*, *ж*, *ш* дало одни и те же результаты во всех слав. языках, а изменение сочетаний *т* и *д* с *j* дало разные результаты в разных слав. языках. Эти результаты обнаруживают регулярные закономерные соответствия между слав. языками, что имеет важное значение для изучения проблемы родства языков и закономерностей развития их звукового строя.

З. з. нельзя отождествлять с законами природы, потому что язык не естественно-историческое, а общественно-историческое явление, или с математическими законами, потому что З. з. не имеют абсолютного характера (в них бывают разного рода исключения). На действие З. з. оказывают влияние условия его осуществления, к-рые могут нарушать последовательность его проявления. Напр., в совр. рус. лит. языке на конце слов, как правило, произносится только твёрдый *м* (*столом*, *дам*, *тем*, *им*), это отражение действия древнего З. з. отвердения мягкого *м'* в абсолютном конце слова. Однако в таких словах, как *семь*, *восемь*, *темь*, *озимь*, *заумь*, *впрямь*, отвердения *м'* не произошло, что объясняется или воздействием на эти формы форм косвенных падежей (см. Аналогия), где после *м'* был гласный (типа *семи*, *восьми*), или поздним их происхождением.

Причины возникновения звуковых изменений изучены недостаточно, можно только предполагать, что они заложены в самом языке и вызваны внутренними тенденциями его развития, а также влиянием других языков и диалектов.

Лит.: Ш у х а р д т Г., О фонетических законах, в его кн.: Избранные статьи по языкознанию, пер. с нем., М., 1950; Б у д а г о в Р. А., Введение в науку о языке, 2 изд., М., 1965; Б о д у э н д е К у р т е н э И. А., Фонетические законы, в его кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Р е ф о р м а т с к и й А. А., Введение в языковедение, М., 1967. *В. В. Иванов.*

ЗВУКОПОДРАЖА́ТЕЛЬНЫЕ СЛОВА́ — слова, являющиеся подражанием звукам живой или неживой природы. В отличие от междометий (см.) они не выражают эмоций или побуждений, а представляют собой условное воспроизведение фонетическими средствами данного языка разного рода звучаний:

криков животных и птиц, разнообразных шумов, сопровождающих те или иные явления природы, и т. п. (*кап-кап*, *мяу*, *бац*). Они не имеют грамматической формы. Лексическое значение данных слов частично предопределено их звучанием. В грамматическом отношении они занимают промежуточное положение между междометиями и междометно-глагольными формами. З. с. чаще всего состоят из одного слога или нескольких повторяющихся слогов: *буль-буль*, *гав-гав*, *бах*, *трах* и т. п. Иногда во втором слоге имеет место замена одного или нескольких звуков: *тик-так*, *пиф-паф*, *трах-тарарах*.

В рус. языке основы З. с. достаточно продуктивны. Они служат базой для образования производных слов: *мяу* → *мяукать* → *мяуканье*, *кукареку* → *кукарекать* → *кукареканье*, *буль-буль* → *булькать* → *бульканье* и т. п. Распространены и образования З. с. от полнозначных слов (обычно глаголов). З. с. легко субстантивируются (см. Субстантивация), могут употребляться в глагольном значении, чаще в форме прош. времени, иногда являясь синонимической заменой форм наст. или буд. времени. Напр.: «*Я ее окликнул... она вдруг хлоп на диван*» (Писемский); «*Ахилла меня за воротник,— я трах... воротник к черту...*» (Лесков).

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М., Современный русский язык, М., 1957; Поцелуевский Е. А., Изобразительные слова, в кн.: Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., т. 10, М., 1972.

Л. В. Вялкина.

ЗНА́КИ ПРЕПИНА́НИЯ, пунктуация,— знаки, образующие особую часть общей графической системы данного языка (см. Графика) и обслуживающие те стороны письменной речи, к-рые не могут быть выражены буквами и другими письменными обозначениями (цифрами, знаком равенства, знаком подобия и т. д.). Назначение З. п.— указывать на смысловое членение речи, а также содействовать выявлению её синтаксического строения и интонационной стороны. Различаются: а) знаки выделяющие, служащие для обозначения границ синтаксической конструкции, к-рая вводится в предложение для дополнения, пояснения его членов или всего предложения в целом, для интонационно-смыслового выделения к.-л. части предложения, а также для указания на границы конструкции, содержащей название лица или предмета, к к-рому обращена речь, или выражающей субъективное отношение пишущего к своему высказыванию, или оформляющей чужое высказывание: две запятые — как единый парный знак, два тире — как единый парный знак, кавычки, скобки; б) знаки отделяющие, служащие для разграничения независимых предложений, их частей (главного и придаточного предложения, предикативных частей сложносочинённого или бессоюзного сложного предложения, группы подлежащего и группы сказуемого), однородных синтаксических элементов (однородных членов предложения, соподчинённых придаточных предложений), а также для указания на тип предложения по цели высказывания, на эмоциональный характер предложения, на перерыв речи: точка (см.), вопросительный знак (см.), восклицательный знак (см.), запятая (см.), точка с запятой (см.), двоеточие (см.), тире (см.), многоточие (см.).

Д. Э. Розенталь.

ЗНАМЕНА́ТЕЛЬНЫЕ СЛОВА́, полнозначные слова, самостоятельные слова,— слова, обладающие лексической самостоятельностью, т. е. называющие предметы и признаки или указывающие на них, и способные функционировать в качестве членов предложения, напр.: *стол*, *большой*, *он*, *этот*, *десять*, *играть*, *интересно*, *там*. З. с. образуют главный лексический и грамматический фонд языка и группируются в следующие классы, или части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол и наречие. Все З. с., кроме неизменяемых наречий, обладают комплексом формально выраженных грамматических значений. Внутри З. с., пересекая их основное грамматическое деление на части речи, проходит деление слов, во-первых, на неуказательные (собственно-знаменательные: *окно*, *стена*, *красивый*, *писать*, *по-братски*) и указательные (местоименные слова или местоимения) и, во-вторых, на несчётные и счётные (числительные). К указательным (местоименным) словам относятся все слова, указывающие на предмет или признак, включая обстоятельственный признак (наречие), но не называющие их (*она*, *эти*, *все*, *такой*, *несколько*, *туда*, *там*, *тогда*). К счётным (числительным) словам относятся слова, называющие количество предметов, признак места в ряду по счёту, количественные характеристики действия (*два*, *трое*, *шестой*, *несколько*, *вдвое*, *вчетвером*, *много*). З. с., обладающие лексической и грамматической самостоятельностью, противопоставляются служебным словам (см.).

Деление слов на знаменательные и служебные в рус. грамматике укрепилось с 18 в. Это деление слов под разными терминологическими наименованиями — слова лексические и формальные (А. А. Потебня), полные и частичные (Ф. Ф. Фортунатов), слова-названия и их эквиваленты-местоимения и связочные, служебные слова (В. В. Виногра-

дов) — сохраняется до сих пор и принято во всех работах по русской грамматике.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1952; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ЗНАЧЕ́НИЕ СЛО́ВА — отображение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, состояния). Различают грамматическое и лексическое З. с.

Грамматическое значение (см. Грамматика) определяет принадлежность слова (см. Слово) к определённому классу слов (части речи), обусловливающему его общую категориальную значимость (предметность, процессуальность, признак и т. д., ср.: *мороз*, *морозить*, *морозно*), возможности и особенности его сочетания с другими словами, а также особенности его видоизменения (спряжение, склонение) в связи с выражаемыми им значениями и отношением к другим словам в словосочетании и предложении.

Лексическое значение определяется как соотнесённостью слова с соответствующим понятием (что составляет ядро лексического З. с.), так и его местом в лексической системе языка (т. е. различными связями данного слова с другими словами). Лексическое значение индивидуально, хотя в значениях отдельных слов могут быть обнаружены общие смысловые элементы (напр., для глаголов *идти*, *ехать*, *ползти*, *брести*, *плыть*, *лететь* и др. общим элементом является значение «двигаться, перемещаться в пространстве»), что делает возможным их сопоставление (и группировку) и выделение у них различительных (дифференциальных) признаков (напр., у указанных глаголов — это «способ передвижения»).

Сопоставление значений различных слов делает очевидным, что они во многих случаях различны по своей «сложности», т. е. включают различное количество семантических признаков. Ср., напр., значения глаголов *подняться*, *взойти*, *взобраться*, *вскарабкаться* — первый из них значит «переместиться вверх» или «принять более высокое положение», второй — «идя, подняться наверх», третий — «с усилием, преодолевая трудности, подняться наверх», четвёртый — «цепляясь руками и ногами, подняться наверх». Специализация значений (т. е. появление у них новых признаков) может идти в разных направлениях, при этом многие признаки оказываются полностью индивидуальными, делающими соответствующий ряд слов (лексико-семантическую группу) прерывистым и «несимметричным». Ср., напр., *помещение*, *комната*, *чулан*, *кабинет*, *лаборатория*, *виварий* — в значениях всех соответствующих слов присутствует семантический элемент «помещение», однако семантические элементы, к-рые различают эти значения, не соотносительны друг с другом: *комната* — «помещение для жилья в доме», *чулан* — «помещение в доме, служащее для хранения вещей», *кабинет* — «комната для занятий, работы», *лаборатория* — «помещение для научных опытов», *виварий* — «помещение, специально приспособленное для содержания животных с целью их изучения». Очевидно, что признаки, отличающие данные значения друг от друга, не образуют «замкнутого» ряда, их «разнообразие» обусловлено разнообразием самих обозначаемых словами реалий, причём эти признаки (в чём их существенное отличие от грамматических) не повторяются в других группах слов.

Значения не существуют изолированно, однако характер связей одних значений с другими неодинаков у разных групп слов. Так, могут быть выделены относительно автономные З. с. (обозначающих гл. обр. конкретные предметы, ср.: *театр*, *цветок*, *стол* и т. п.), соотносительные значения (ср. антонимически противопоставленные слова *высокий — низкий*, *хороший — плохой* и т. п.) и детерминированные значения, т. е. такие З. с., к-рые как бы обусловлены значениями других слов, поскольку они представляют собой их стилистические или экспрессивные варианты (ср.: *кляча* и *лошадь*, *прекрасный*, *замечательный*, *великолепный* и *хороший*).

Лексические значения могут объединяться, будучи значениями одного слова (см. Полисемия); в таком случае различают первичные, или прямые, основные, главные и вторичные, или переносные, значения слов (см. Переносное значение слова). Многие слова, семантически связанные друг с другом (напр., синонимы, антонимы), приобретают аналогичные переносные значения (ср. основные и переносные значения антонимов *тёмный — светлый*, *узкий — широкий*).

Лексические З. с. фиксируются в толковых словарях (см.), где их толкование основано на рассмотрении возможностей реального употребления слов в различных контекстах.

Лит. см. при ст. Лексикология.

Д. Н. Шмелёв.

И, и — десятая буква рус. алфавита. Её название [*и*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное и, строчное и.* Буква *И, и* обозначает гласную фонему [*и*] (см. Гласные), реализующуюся по-разному в зависимости от качества соседних звуков (см. Позиция фонологическая), напр. после мягких согласных обозначает звук [*и*]: *ни́тка* [*н'и́ткъ*], *иди́* [*ид'и́*], после твёрдых—звук [*ы*]: *с икрой* [*сыкро́ӥ*], *в избе* [*высб'е́*].

При классификационных обозначениях имеет значение «девятый», «девятая», «девятое»: *ложа И, пункт «и» первого раздела.* При цифровой нумерации употребляется как дополнительное обозначение, когда ряд предметов отмечен одним и тем же номером: *аудитория № 10 и, кабина 2 и.*

По начертанию восходит к букве «иже» (Н) кириллицы (см.), к-рая имела числовое значение «восемь» и по числовому значению называлась «и восьмеричное». Была исключена из алфавита реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). «Десятеричное и» (І)— буква кириллицы, употреблявшаяся и в гражданской азбуке в нек-рых случаях для обозначения звука [*и*] (отсюда выражение: *ставить точки над и* —«уточнять сказанное, раскрывать намёки»). «Десятеричное и» имела цифровое значение «десять», была исключена из состава рус. алфавита реформой 1917—1918.

ИГРА́ СЛОВ — то же, что каламбур.

ИДИО́МА, идиоматизм (от греч. idíōma — особенность, своеобразие),— единица языка, обладающая идиоматичностью (см.).

Структурно-языковые типы И. выделяются на основе того, какой тип языкового значения присущ единице и какие элементы её структуры обнаруживают несоответствие между их формально выраженными и содержательными признаками.

Лексическая И.— предложение или сочетание слов, характеризующееся слитным значением, функционально эквивалентным словесному значению, неразложимым на значения слов в их обычном употреблении в аналогичных по форме синтаксических конструкциях (см. Фразеологизм). Лексические И. возникают вследствие образного или необразного переосмысления предложений и сочетаний слов (*кот наплакал, взять на прицел, до петухов, в силу*) или фигур речи — оксюморона (*живой труп*), алогизма (*без году неделя*) и т. п. Лексические И., будучи продуктом исторического развития языка, могут содержать в своём составе вышедшие из употребления слова и грамматические формы (*лезть на рожон, денно и нощно, притча во языцех*).

Синтаксическая И.— синтаксическая конструкция, имеющая форму простого или сложноподчинённого предложения или сочетания слов, обладающая таким синтаксическим значением, к-рое неразложимо на значения форм и присущие им синтаксические отношения (*Ну и жара!; хоть плачь, проси не проси, а...*). Синтаксические И. могут быть представлены также конструкциями, в к-рых реализуется только нормативно закреплённый за ними ряд слов (*пойти в няни, в солдаты, ливмя лить, ревмя реветь*). Такие сочетания слов занимают промежуточное положение между синтаксическими И. и фразеологизмами. Синтаксические И. образуются в результате переосмысления конструкции или же сохраняют исторически утраченные синтаксические отношения (*впасть в немилость*).

Морфологическая И.— простое или сложное слово, неразложимое с точки зрения современного языка по морфологическому составу, но членимое на форманты, утратившие смысловую функцию в составе целого (*вкус, подушка, сногсшибательный*). Морфологические И. возникают вследствие процессов словообразовательного опро́щения (см.) или на основе образования слов из лексических

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, Л., 1941, с. 274—79; Абакумов С. И., Современный русский литературный язык, М., 1942; Бар-Хиллел И., Идиомы, в сб.: Машинный перевод, пер. с англ., М., 1957; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960; Москальская О. И., Грамматический идиоматизм и синтагматика, в сб.: Иностранные языки в высшей школе, М., 1962; Янко-Триницкая Н., Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1969, т. 28, в. 5. См. также лит. при ст. Фразеология. *В. Н. Телия.*

ИДИОМАТИ́ЧНОСТЬ — свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), состоящее в неразложимости

их значения на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и, соответственно, невыводимости значения целого из значения частей в данной их структурно-семантической связи. Структурно-семантическое строение таких языковых единиц обнаруживает отклонения от общих закономерностей образования составных единиц (см. Идиома). И. возникает вследствие утраты мотивированности отношений между единицами содержания составных образований и их формальною вычленяемыми единицами. И. приводит, как правило, к образованию слитного значения у языковой единицы за счёт переосмысления составляющих её элементов. Это обусловливает утрату ими семантической самостоятельности и изменение структурной значимости, что и выражается в несовпадении формальных и содержательных признаков языковых единиц, обладающих свойством И., к-рая связана с универсальной для языка тенденцией к опро́щению составных образований (прежде всего слов и сочетаний слов) и к формированию простых знаков на базе составных.

Различают внутриязыковую и межъязыковую И. Последняя определяется на основе невозможности «буквального» перевода с одного языка на другой. Понятие межъязыковой И. отображает специфичность структурно-семантического строения одного языка по отношению к другому.

Лит. см. при ст. Идиома.

В. Н. Телия.

ИЗОГЛО́ССА (от греч. ísos — равный и glṓssa — язык, речь) — линия на географической карте, ограничивающая территорию распространения отдельного языкового факта (фонетического, морфологического, синтаксического или лексического). Напр., близко от Москвы с запада на восток проходит И. оканья — аканья (оканье — на север, аканье — на юг от И.) или в юго-западных областях РСФСР проходит И. глагола *гоготать* в значении «ржать» (о лошади). И. разных языковых явлений обычно не совпадают, однако нередко выделяются зоны, где они проходят в одном направлении, близко друг к другу, образуя пучки. Зоны, расположенные между такими пучками, характеризуются относительным языковым единством. Они соответствуют диалектам (см.) или другим единицам диалектного членения языка. «Языковой ландшафт», т. е. совокупность И. на территории распространения данного языка,— основной объект лингвистической географии (см.). См. также Атлас диалектологический.

С. В. Бромлей.

ИЗЪЯВИ́ТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕ́НИЕ — см. Наклонение.

И́КАНЬЕ — тип безударного вокализма (см. Вокализм): совпадение всех гласных фонем, кроме *у*, в первом предударном слоге после мягких согласных в звуке *и*; ср. под ударением фонемы *и*, *о*, *е*, *а*: *п'и́лы*, *н'ос*, *р'ек*, *п'а́тый*, в первом предударном слоге они совпадают в *и*: *п'ила́*, *п'ил'и́т'*, *н'ису́*, *н'ис'и́*, *р'ика́*, *в р'ик'е́*, *п'ита́к*, *п'ит'о́рка*. Перед твёрдым согласным может произноситься и более открытый звук *и*^{е}: *п'и*^{е}*ла́*, *н'и*^{е}*су́*, *р'и*^{е}*ка́*, *п'и*^{е}*та́к*. И. встречается в говорах с аканьем (см.), гл. обр. средневеликорусских. В лит. язык И. стало проникать в 19 в. и в настоящее время является нормой лит. языка наряду с более редким еканьем (см.).

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; Панов М. В., Русская фонетика, М., 1967.

Л. Л. Касаткин.

ИМЕНИ́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, именующая предмет, открывающая парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *стол*, *город*, *конь*, *край*, *жена*, *земля*, *болото*, *поле*, *кость*, *дочь*, *имя*, *путь*; во мн. ч.— *столы*, *города*, *кони*, *края*, *жёны*, *земли*, *болота*, *поля*, *кости*, *дочери*, *имена*, *пути*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, именующая признак, открывающая парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглый*, *круглая*, *круглое*, *синий*, *синяя*, *синее*, *крепкий*, *крепкая*, *крепкое*, *лисий*, *лисья*, *лисье*, *тётин*, *тётина*, *тётино*, *отцов*, *отцова*, *отцово*; во мн. ч.—*круглые*, *синие*, *крепкие*, *лисьи*, *тётины*, *отцовы*; 4) ряд таких форм прилагательного (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения И. п.— субъектное и определительное (значение предикативного признака в сказуемом); неосновное значение — собственно определительное (квалифицирующее), а также функция необходимой информативно восполняющей формы. Как именующая форма И. п. имеет ряд специфических функций, связанных с номинацией (называнием).

Субъектное значение И. п. (субъект действия или состояния) обнаруживается прежде всего в подлежащем: *Поезд идёт*; *Дочь — студентка*; *Труд необходим*. В таких предложениях, как *Ложь — это унизительно*, И. п. представляет в виде субъекта то действие или состояние, к-рое связано с тем, что названо в подлежащем («лгать унизительно»). В позиции главного члена т. н. номинативных предложений (*Зима*; *Крик*) И. п. одновременно обозначает и субъект, и его признак (существование, наличие): «стоит зима», «слышится, раздается крик». В таких конструкциях, как *Пристань снесена волнами*; *Преступление карается зако-*

ном, в И. п. совмещается значение субъекта состояния и объекта того действия, к-рым это состояние обусловливается. В таких предложениях, как *Колхозу принадлежит земля*; *У неё есть дом*, И. п. также приобретает элемент объектного значения («колхоз владеет землёй», «она имеет дом»). Значение предикативного признака И. п. имеет в позиции сказуемого (*Москва — столица*; часто в сочетании с другими формами: *Дочка выросла умная и послушная девочка*; *Он приехал как посредник*). Предикативное значение И. п. может сочетаться с функцией необходимой информативно восполняющей формы (*Пишет под псевдонимом Наблюдатель*; *Его зовут Коля*), а также с другими видами определительного значения (при обособлении). Собственно определительное (квалифицирующее) значение И. п. имеет в приложении (см.), где он в совр. языке в ряде случаев обнаруживает тенденцию к неизменяемости (*до города Бологое*, *подошли к дому два*, *по автостраде Москва — Минск*), а также в составе определяющих двупадежных групп (*живём дверь в дверь*, *продвигается шаг за шагом*).

Именующая функция И. п. в предложении обнаруживается при обращении (см.), при назывании темы в составе текста (*Но мать... её он не может оставить*), вне предложения — в названиях, надписях, заголовках и т. п. В совр. употреблении И. п. в нек-рых случаях обнаруживает тенденцию сочетаться с предлогами. 1) В деловой, официальной речи И. п. существительных ср. рода — названий мест — отмечается наряду с нормативными формами косвенных падежей с предлогами *в*, *до*, *к*, *у*, *по направлению к*, *около*, *близ*: *отправление из Домодедово*, *подъезжаем к городу Иваново*, *живёт в* (*близ*, *около*) *Бирюлёво*; 2) И. п. количественных сочетаний с предлогом *по* в таких предложениях, как *В каждый цех прислали по два специалиста*; *поставили по два часовых*.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. См. также лит. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

ИМПЕРФЕ́КТ (от лат. imperfectus — незавершённый) — простая грамматическая форма прош. времени. Унаследованная из праиндоевропейского языка, некогда была свойственна всем слав. языкам, в т. ч. древнерусскому. Всеми восточнослав. языками утрачена.

В др.-рус. и ст.-слав. языках И. употреблялся для обозначения длительного, иногда повторяющегося, но без ограничения во времени действия, происходившего в прошлом.

Ст.-слав. язык представляет более раннюю форму И.: в нём И. образовывался путём присоединения к основе инфинитива (редко к основе наст. времени) суффиксов *-ѣах-* или *-аах-*, *-ах-* и личных окончаний. Суффикс *-ѣах-* выступал при основах, оканчивающихся на согласный (*нес-ти — несѣахъ*). Если основа оканчивалась на задненёбный, то происходила замена задненёбного согласного шипящим, а ѣ в суффиксе изменялся в *а*: *моштu* (из *mog-ti*) → *можаахъ*. Суффикс *-аах-* употреблялся в случае, когда основа оканчивалась на гласный *и*, при этом ещё в дописьменную эпоху *i* в положении перед гласным изменялся в *j* и оказывал соответствующее влияние на предшествующий согласный: *родити — рождаахъ*, *носити — ношаахъ*, *коупити — коуплаахъ* и т. п. Если основа оканчивалась на гласный *а*, ѣ, то употреблялся суффикс *-ах-*: *писати — писаахъ*, *видѣти — видѣахъ*. С *-ѣах-* образовывался И. от глагола *быти — бѣахъ*.

В др.-рус. языке И. имел суффикс *-ах-* (*-'ах-*), к-рый ещё в дописьменную эпоху образовался в языке восточных славян в результате уподобления и стяжения гласных в суффиксах *-ѣах-*, *-аах-*. Отличались и окончания:

Число	Лицо	Формы имперфекта	
единственное	1-е	*несѦхѣ*	*хвалѦхѣ* *бѦхѣ*
	2-е	*несѦше*	*хвалѦше* *бѦше*
	3-е	*несѦше(ть)*	*хвалѦше(ть)* *бѦше(ть)*
множественное	1-е	*несѦхомѣ*	*хвалѦхомѣ* *бѦхомъ*
	2-е	*несѦсте*	*хвалѦсте* *бѦсте*
	3-е	*несѦху(ть)*	*хвалѦху(ть)* *бѦху(ть)*
двойственное	1-е	*несѦховѣ*	*хвалѦховѣ* *бѦховѣ*
	2—3-е	*несѦста*	*хвалѦста* *бѦста*

Полагают, что в разговорном языке восточных славян И. был утрачен уже к 13 в. Но ещё длительное время он продолжал употребляться в книжно-письменном языке, особенно в церковно-книжной его разновидности. *Т. А. Сумникова.*

И́МЯ — общее название для изменяемых слов, к-рые склоняются, т. е. обладают словоизменительными формами падежа, рода и числа, и, в отличие от глаго-

ла (см.), не способны спрягаться, т. е. не обладают грамматическими категориями лица, времени и наклонения. К И. относятся также несклоняемые существительные и прилагательные, напр.: *пальто*, *кино*, *бордо*, *беж*.

Грамматическое понятие И., противопоставленного глаголу, идёт от античных грамматик. В истории языкознания содержание понятия «И.» менялось.

В совр. рус. языке в понятие «И.» входит обширная группа слов четырёх частей речи с грамматической семантикой предметности, т. е. обозначающих предметы, их признаки, число или указывающих на них. В зависимости от отношения к категории падежа и рода И. делится на два морфологических разряда: 1) слова склоняемые и 2) слова склоняемые и изменяемые по родам. Первый разряд составляют слова трёх частей речи: собственно имена существительные, местоимения-существительные (см. Местоимение) и количественные и собирательные числительные. Во второй разряд входят все слова с зависимыми формами рода, числа и падежа: прилагательные, в т. ч. местоименные прилагательные, порядковые числительные. Грамматические признаки прилагательных (зависимые формы рода, числа и падежа) имеют и причастия. Однако грамматическая семантика (вид и залог) даёт основание рассматривать их как именные глагольные формы. В совр. рус. языке И. и глагол противопоставлены наречию, разряду самостоятельных, но не склоняемых и не спрягаемых слов. Нек-рые лингвисты причисляют наречие к разряду И. на том основании, что у него нет категориальных признаков глагола, а в предложении оно может иногда выражать признак предмета (*чтение вслух*, *бег наперегонки* и т. п.).

Противопоставление склоняющегося И. спрягаемому глаголу, характерное для общеслав. языка, восходит к глубокой индоевропейской древности. Сравнительно-историческое языкознание свидетельствует, что в праиндоевропейском языке у И. по характеру склонения различались: 1) обозначавшее предмет и его качество И. и 2) указывающие на них местоимения (кроме личных местоимений, к-рые не склонялись).

Грамматические категории И. эволюционировали во времени: постепенно складывались грамматическая категория рода, категория одушевлённости и др. Существенные изменения претерпели и морфологические разряды И. на многовековом пути формирования определённых частей речи в отдельных слав. языках.

Появление в праслав. языке особых членных форм прилагательного для определения уже известного предмета и противопоставление их по условиям употребления древнейшим нечленным прилагательным (они функционировали в определении неизвестного предмета и в составе сказуемого) привело к возникновению в отдельных слав. языках новых морфологических разрядов и к переосмыслению старых. Членные формы (полные) образовывались путём присоединения к падежной форме нечленного прилагательного (краткого) соответствующей падежной формы указательного местоимения *и* (*jь*), ѩ (*ja*), ѥ(*je*): *добра* + ѩ → *добраѩ*, *добру* + *ю* → → *добрую*, *синь* + *и* → *сини*, *пръвъ* + *и* → → *пръвыи* и т. п.

Новые формы прилагательных в истории рус. языка вытеснили старые (краткие) прилагательные в функции определения при неизвестном предмете, сохранили способность изменяться по падежам и, восприняв ряд окончаний от другого указательного местоимения, образовали особый морфологический разряд с адъективным склонением (см. Склонение). Совр. прилагательные с суффиксами *-ейш-*, *-айш-* и значением высшей степени проявления признака, или превосходная степень (*сильнейший*, *крепчайший* и т. п., см. Степени сравнения), по происхождению — членная форма сравнительной степени прилагательного. Прилагательным стала членная форма действительного причастия наст. времени с восточнослав. суффиксами *-уч-*, *-ач-* (*кипучий*, *колючий*, *ходячий*, *лежачий* и т. п.), уступив роль причастия образованиям со старослав. суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*) (*кипящий*, *колющий*, *висящий*, *лежащий* и т. п.).

Краткие прилагательные утратили способность склоняться и превратились в предикативы (см.), наречия, деепричастия. Так, деепричастия несов. вида (*видя*, *сидя*, *моля* и т. п.) исторически являются формой им. п. ед. ч. муж. и ср. рода краткого действительного причастия наст. времени, а деепричастия сов. вида (*узнав*, *сделав* и *узнавши*, *сделавши* и т. п.) — формами им. п. ед. ч. муж. и ср. рода и им. п. жен. рода причастия прош. времени. Форма им. п. ед. ч. ср. рода сравнительной степени стала единой для прилагательных и наречий формой компаратива.

Остатки склонения кратких прилагательных в совр. рус. языке обнаруживаются в отдельных падежных формах притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин* (*отцов дом*, *сестрин платок*, *отцова до́ма* и т. п.), в лексикализованных выражениях типа: *по белу свету*, *от мала до велика*. Краткие прилагательные продолжают склоняться в нек-рых диалектах.

Самая поздняя по времени образования часть речи совр. рус. языка — имя числительное. Её не было в др.-рус. языке. Слова с числовым значением от 1 до 4 были краткими прилагательными (изме-

нялись по родам и склонялись как существительные), от 5 до 10 были счётными существительными, как *сорокъ*, *сто*, *тысѧща*, изменялись по числам и могли иметь при себе согласованное определение (*та*, *пѧть лѣтъ* и т. п.).

Лит.: Мейе А., Общеславянский язык, пер. с франц., М., 1951; его же, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, пер. с франц., М.—Л., 1938; Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

Т. А. Сумникова.

ИНВЕ́РСИЯ (от лат. inversio — перестановка, переворачивание) — перестановка синтаксических компонентов предложения, нарушающая их обычный порядок и приводящая к смысловому или эмоциональному выделению слов. Объём понятия «И.» зависит от понимания обычного порядка слов. В узком и наиболее точном смысле И.— перестановка, нарушающая стилистически нейтральный порядок слов. Это постановка ремы (см. Актуальное членение предложения) перед темой (*Хороши́ летние вечера́!*) — т. н. «субъективный» порядок слов (см. Порядок слов) или такая перестановка компонентов словосочетаний, к-рая стилистически окрашивает предложение (*Он червяко́в накопал*, *у́дочки притащил*). В более широком и менее определённом значении И. часто называют любую перестановку, в т. ч. связанную с изменениями в актуальном членении, а также любой необычный по сравнению с прозаической речью порядок слов в стихотворной речи: «*Твоих оград узор чугунный*» (Пушкин) (ср. с «прозаическим» порядком слов: *Чугунный узор твоих оград*).

И. И. Ковтунова.

ИНОСТРА́ННЫХ СЛОВ СЛОВА́РЬ — лингвистический толковый словарь, в к-ром объясняются значения слов и терминов иноязычного происхождения, усвоенных рус. языком, а также даются сведения об их происхождении. И. с. с., рассматривающий только часть лексической системы рус. языка (заимствованную лексику), относится к специальным словарям, в отличие от общих словарей, отражающих (с разной степенью полноты) лексическую систему языка в целом. Значительная часть слов, включаемых в И. с. с., входит в фонд международной лексики (*авиация*, *класс*, *революция*, *синтез* и др.).

Первые толкования иноязычных слов встречаются в самых ранних рус. словарных трудах (напр., объяснение древнееврейских, греческих слов в словарике, приложенном к Кормчей книге 1282). Появление собственно И. с. с. в России относится к нач. 18 в. Первым словарём иностранных слов является рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», включавший в основном заимствования из новых европейских языков. Печатные И. с. с. в 18 в. помещались чаще всего в лит. журналах, напр. в журн. «И то и сё» М. Д. Чулкова (1769), в журн. «Разные письменные материи» (1791), или — в качестве приложений — в различных специальных сочинениях, напр. помещённый в седьмом приложении к «Российской или универсальной грамматике» (1769) Н. Г. Курганова «Словарь разноязычный, или Толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов».

Среди И. с. с., созданных в 19 в., наибольший интерес представляет трёхтомный словарь Н. М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...» (1803—1806) — справочник полуфилологического, полуэнциклопедического типа, послуживший образцом для создания многих последующих И. с. с. в 19 — нач. 20 вв.

В сов. время работа по созданию И. с. с., как больших, так и малых, кратких, была продолжена. В 1937 под ред. Ф. Н. Петрова был составлен большой «Словарь иностранных слов», к-рый неоднократно переиздавался. В 1964 вышло 6-е переработанное и дополненное издание «Словаря иностранных слов» под ред. И. В. Лёхина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова (гл. ред.) и Л. С. Шаумяна. Словарь содержит около 23 тыс. иностранных по происхождению слов, общераспространённых терминов по различным отраслям знаний, вошедших в разное время в совр. рус. язык. При каждом слове даны: справка о его происхождении, толкование, а также терминологические сочетания, в которых данное слово употребляется.

Особый тип И. с. с. представляет «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (ч. 1—2, 1966), в к-ром объясняются функционирующие в рус. языке иностранные выражения, слова-термины и ходовые цитаты, сохранившие свой иноязычный облик.

И. с. с. служат справочными пособиями для широких масс читателей, а также представляют собой обширные своды материалов по иноязычной лексике и истории её усвоения русским языком.

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1, [Л.], 1958; Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории русской лексикографии, М., 1958; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975.

А. С. Белоусова.

ИНСТИТУ́Т РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́ АКАДЕ́МИИ НАУ́К СССР (ИРЯз АН СССР) — центральное научно-исследовательское учреждение по изучению рус. языка и пропаганде научных знаний о нём. Основан в 1944. Находится в Москве, словарный сектор — в Ленинграде. Ведущие направления в работе ин-та: подготовка академической грамматики совр. лит. языка, академических исторических грамматик; разработка вопросов культуры речи, исследование лит. языка и диалектов в их совр. состоянии и истории; показ места и роли рус. языка среди других языков народов СССР и как средства международного общения; научное издание письменных памятников; изучение рус. языка структурными методами, создание комплекса разнообразных словарей (словаря языка В. И. Ленина, толковых, орфографических, орфоэпических, синонимических, фразеологических, диалектологических, этимологических, исторических и др.). При ин-те имеются лаборатория экспериментальной фонетики, аспирантура. С 1967 ин-т издаёт научно-популярный журн. «Русская речь» (см.). *Г. И. Белозерцев.*

ИНСТИТУ́Т РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́ И́МЕНИ А. С. ПУ́ШКИНА — специальный учебный и научно-исследовательский центр по подготовке учебников, словарей, кинофильмов и других пособий по рус. языку для иностранцев, по повышению квалификации зарубежных русистов (включая очное и заочное обучение, аспирантуру и стажировки разных сроков), по разработке эффективных методов обучения рус. языку и проведению просветительской работы, пропагандирующей рус. язык и сов. культуру. Находится в Москве. Создан в 1973 на базе Научно-методического центра рус. языка при МГУ. Ин-т имеет научно-исследовательский отдел теории и практики обучения рус. языку, куда входят секторы форм и содержания обучения рус. языку в школах, форм и содержания обучения рус. языку студентов-нефилологов, форм и содержания обучения рус. языку филологов-русистов, проблем краткосрочных форм обучения рус. языку, проблем подготовительного обучения. В научно-исследовательский отдел методов и средств обучения рус. языку входят секторы методов обучения и теории учебника, лингвострановедения, учебной лексикографии, технических средств обучения. Учебный отдел ин-та включает: факультет повышения квалификации сов. и зарубежных преподавателей рус. языка как иностранного с кафедрой практики рус. языка, факультет стажировки зарубежных студентов-филологов с кафедрой практики рус. языка, факультет заочного обучения граждан зарубежных стран с кафедрой рус. языка и методики заочного обучения и лабораторией заочного обучения.

Межфакультетские кафедры и лаборатории включают: кафедры методики и психологии, рус. и сов. лит-ры, совр. рус. языка, общественных наук. В ин-те есть также отделы методической работы с кафедрами и курсами рус. языка в вузах СССР, научно-технической информации, пропаганды рус. языка в зарубежных странах и др. В ин-те находится постоянный центр МАПРЯЛ.

Ин-т имеет аспирантуру, координирует деятельность кафедр рус. языка вузов СССР, в к-рых обучаются иностранные студенты (в 1978 — 263 кафедры в 71 городе), и опирается на них в своей работе. Издательской базой ин-та и учреждений, оказывающих помощь зарубежным учреждениям и отдельным гражданам в изучении рус. языка, является издательство «Русский язык» (см.), периодическим изданием — журн. «Русский язык за рубежом» (см.). Ин-т имеет филиалы в зарубежных странах (на 1 января 1978 — в Браззавиле, Братиславе, Будапеште, Варшаве, Гаване, Праге, Улан-Баторе).

ИНСТИТУ́Т ЯЗЫКОЗНА́НИЯ АКАДЕ́МИИ НАУ́К СССР (ИЯз АН СССР) — ведущее научно-исследовательское учреждение, изучающее проблемы общего языкознания, а также языки народов СССР и зарубежных стран. Находится в Москве, имеет отделение в Ленинграде. Создан в 1950 на базе ранее существовавших Ин-та языка и мышления АН СССР и Ин-та рус. языка АН СССР. В аспирантуре готовятся кадры по всем представленным в ин-те специальностям.

В состав ин-та в Москве входят 10 секторов: общего языкознания, социолингвистики, прикладной лингвистики, иранских, германских, романских, тюркских и монгольских, финно-угорских, кавказских, африканских языков, а также группы: философских проблем языкознания, психолингвистики и теории коммуникации, ономастических исследований. В Ленинградском отделении имеются 4 сектора: теории грамматики и типологических исследований; сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальной лингвистики; алтайских языков; палеоазиатских и самодийских языков. *Г. И. Белозерцев.*

ИНТЕРЛИНГВИ́СТИКА — раздел языкознания, изучающий проблемы создания и функционирования различных средств международного общения. Основной предмет И.— искусственные международные языки типа априорных «философских» языков 17—18 вв., дававших классификации научных понятий независимо от живых языков и непригодных для устного общения, и, особенно, типа таких апостериорных языков 19—20 вв., как волапюк, эсперанто, идо, интерлингве и др., в разной степени учитывавших факты национальных языков.

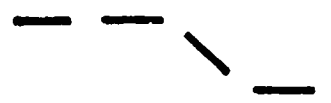
Основываясь на опыте функционирования эсперанто и идо, Х. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Й. Есперсен, А. Мейе, Э. Сепир и др. в своих работах показали, что создание искусственным путём полноценного средства международного общения в принципе вполне возможно. Так, эсперанто уже несколько десятилетий обслуживает разноязычные группы эсперантистов, используется ими как язык разнообразных переводов, отдельных оригинальных научных и художественных публикаций, в собственной периодической печати и переписке, а в устной форме — при личных встречах и на международных конгрессах; нек-рые научные журналы печатают резюме статей на эсперанто, в отдельных случаях он помогает овладению иностранными языками. Как вспомогательный язык эсперанто предназначен для взаимодействия с национальными языками, из к-рых он заимствует лексику и фразеологию.

Не прекращаются попытки создать более совершенный проект искусственного языка и в 70-е гг. 20 в., поскольку потребность в едином средстве общения продолжает ощущаться. Обобщая соответствующий опыт, И. расширяет наши представления о языке вообще, о соотношении «естественного» и «искусственного», стихийного и сознательного в развитии языков, о разных возможностях решения проблемы международного языка в условиях быстрого роста и распространения научной информации. Смежными для И. областями исследования являются, с одной стороны, социолингвистические проблемы языковой политики как сознательного воздействия на процессы развития языков, включая факты дву- и многоязычия, а с другой — вопросы разработки языков программирования, языков-посредников для машинного перевода, вообще — вопросы создания единых систем письменного обозначения и кодов для символической записи разноязычной информации.

Лит.: Ахманова О. С., Бокарев Е. А., Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема, «ВЯ», 1956, № 6; Григорьев В. П., О некоторых вопросах интерлингвистики, там же, 1966, № 1; Проблемы интерлингвистики, М., 1976. *В. П. Григорьев.*

ИНТОНА́ЦИЯ (от лат. intono — громко произношу) — изменение основного тона (см. Тон), интенсивности, тембра и длительности звучащих предложений; И. членит речевой поток (см.) на смысловые отрезки, противопоставляет предложения по цели высказывания и детализирует внутри них смысловые отношения, участвует в выражении эмоций.

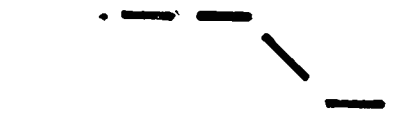
Изучение И. отдельных предложений приводит к выводу о существовании повествовательной, вопросительной, ответной, перечислительной, восклицательной и т. п. И. Сравнение звучащих предложений различной синтаксической структуры показывает, что в рус. языке можно выделить семь типов интонационных конструкций (ИК). Каждый из типов ИК имеет: 1) своё фонетическое качество и способность выражать несовместимые в одном контексте смысловые различия предложений с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом: *Какой у неё голос? — Какой у неё голос!*; *Ваш билет?* (т. е. ваш или не ваш) — *Ваш билет!* (т. е. предъявите!) и др. 2) Центр — слог, на к-ром начинаются изменения компонентов И., значимые для выражения таких различий, как вопрос, утверждение, волеизъявление. Передвижение интонационного центра (часто описываемое как логическое ударение) выражает смысловые различия внутри предложения и изменяет соотношение предцентровой и постцентровой частей ИК: *Вы бы́ли в кино? Вы́ были в кино? Вы были в кино́? Где́?* 3) ИК воспринимается по-разному в предложениях с разным синтаксическим строением. Так, один и тот же тип ИК-3 (см. ниже) может участвовать в выражении вопроса, незавершённости, просьбы и др.: *Никола́ев — директор завода? Никола́ев, директор завода, /в отпуске*; *Сотри́те, пожалуйста, с доски!* 4) Различительными признаками ИК являются направление тона на гласном центре и соотношение уровней тона составных частей ИК. При сходстве направления и уровней тона в качестве различительных признаков используется длительность центров ИК, или усиление словесного ударения центра в результате большей напряжённости артикуляции гласного, усиливающей отчётливость тембра, или смычка голосовых связок в конце гласного центра, воспринимаемая как резкий перерыв звучания.

ИК-1:  на гласном центра нисходящее движение тона ниже предцентра, уровень тона постцентра ниже центра. Употребляется при выражении завершённости: *Он живёт в Киеве*; *Передача для школьников: /«Есть ли жизнь на других планетах».*

ИК-2: на гласном центра нисходящее движение тона в пределах диапазона предцентра или незначительно ниже, усилено словесное ударение (в отличие от ИК-1); уровень тона постцентра ниже центра. Употребляется при выражении вопроса в предложении с вопросительным словом, требования: *Какая у него специальность? Закройте дверь! Назад!* и др.

ИК-3: на гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра ниже центра. Употребляется при выражении вопроса, незавершённости, просьбы, оценки в предложениях со словами *так*, *такой*, *вот*: *Там так красиво! Он такой вредный! Вот молодец!* и др.

ИК-4: на гласном центра нисходяще-восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра выше центра. Употребляется при выражении вопроса в предложениях с сопоставительным *а*, вопросов с оттенком требования, незавершённости (ИК-4 в отличие от ИК-3 вносит оттенок официальности): *А Павел? А вы куда едете? Ваш билет? Николаев, директор завода, /в отпуске* и др.

ИК-5:  **имеет** два центра: на гласном первого центра восходящее движение тона, на гласном второго — нисходящее: уровень тона между центрами выше предцентра и постцентра. Употребляется при выражении высокой степени признака, действия, состояния: *Какой у неё голос! Как он учится! Настоящая весна!* и др.

ИК-6: на гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра также выше предцентра. Употребляется при выражении незавершённости (в отличие от ИК-3 и ИК-4 вносит оттенок приподнятости, торжественности), высокой степени количественного и качественного признака, действия, состояния: *Все системы космического корабля /работают/ нормально! Воды набралось! Море!* и др.

ИК-7: на гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра ниже центра; в отличие от ИК-3 в конце гласного центра смычка голосовых связок. Употребляется при выражении экспрессивного отрицания, усиления оценки: *Какой он охотник! Тишина!* и др.

В потоке речи каждый тип ИК представлен рядом реализаций: нейтральных, характеризующих тот или иной тип ИК при выражении смысловых отношений, и модальных, имеющих к.-л. особенность строения, предназначенную для выражения субъективного, эмоционального отношения говорящего к высказываемому. Тип ИК во всём многообразии его реализаций, передвижение центра ИК, членение речевого потока (синтагматическое членение) составляют основные интонационные средства рус. языка.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Пешковский А. М., Интонация и грамматика, в его кн.: Избранные труды, М., 1959; Николаева Т. М., Фразовая интонация славянских языков, М., 1977; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация русской речи, 3 изд., М., 1977.

Е. А. Брызгунова.

ИНФИНИТИ́В (от лат. infinitivus — неопределённый), неопределённая форма глагола,— форма глагола, называющая действие или процессуальное состояние (*смотреть*, *читать*, *находиться*) без указания на время действия, его отношение к действительности, количество субъектов действия, а также на то, является ли субъект действия говорящим лицом, собеседником или третьим лицом. И. не выражает значений времени, наклонения, числа и лица. Он выражает лишь значения вида (*писать — написать*), залога (*строить — строиться*), переходности и непереходности (*красить*, *лежать*). Подобно форме им. п., И. является исходной формой глагола, к-рая даётся в словарях; И. состоит из основы и окончания. Большинство глаголов имеет в И. окончание *-ть*, следующее после конечной гласной основы: *слабеть*, *давить*, *колоть*, *дуть*. У нескольких глаголов это окончание находится после согласных *с* или *з*: *прясть*, *класть*, *пасть*, *сесть*, *есть*, *грызть*, *лезть* (то же у приставочных глаголов с теми же корнями). Нек-рые глаголы имеют окончание *-ти*: *идти*, *везти*, *ползти*, *пасти*, *спасти*, *расти*, *вести*, *рассвести*, *цвести*, *плести*, *мести*, *нести*, *гнести*, *произнести*, *брести*, *грести*, *скрести*, *блюсти*, *грясти* (книжн.), *трясти*, приставочные глаголы с теми же корнями, а также глагол *вылезти* (употребляющийся в лит. языке наряду с *вылезть*). Окончание *-ти* всегда ударно; исключение составляют глаголы с приставкой *вы-*, имеющие ударение на этой приставке: *вы́расти*, *вы́цвести* и др. Нек-рые из глаголов с окончанием *-ти* имеют параллельные формы с окончанием *-ть*, свойственные просторечию, напр.: *плести — плесть*, *принести — принесть*. Формы с окончанием *-ть* были распространены в лит. языке 19 в. наряду с формами на *-ти*: «*Родной земли спасая честь*, *Я должен буду*, *без сомненья*, *Письмо Татьяны перевесть*» (Пушкин); «*Она казалась верный снимок* Du comme il faut. (*Шишков*, *прости*: *Не знаю*, *как перевести*)» (Пушкин).

Нек-рые глаголы имеют в И. окончание *-чь*: *жечь*, *лечь*, *облечь*, *влечь*, *развлечь*, *печь*, *наречь* (устар.), *изречь* (устар. и прост.), *обречь* (высок.), *стеречь*, *сечь*, *течь*, *пренебречь*, *стричь*, *застичь* (наряду с *застигнуть*), *настичь* (наряду с *настигнуть*), *достичь*

(наряду с *достигнуть*), *постичь* (наряду с *постигнуть*), *волочь*, *толочь*, *мочь*, а также в приставочных глаголах с теми же корнями: *зажечь*, *перелечь*, *испечь* и др.

В просторечии и в диалектах встречаются формы с повторением окончания *-ть* после *ти*: *иттить*, *найтить*, *пройтиться*. Эти формы не соответствуют нормам лит. языка, в к-ром имеется только один глагол с таким повторением: *запропаститься*.

В подавляющем большинстве глаголов основа И. совпадает с основой прош. времени. Исключение составляют: 1) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *-ну*, а в основе прош. времени *-ну* может отсутствовать, напр.: *гибну-ть*, *гиб* и *гибну-л*; *блёкну-ть*, *блёк* и *блёкну-л*; 2) глаголы с окончанием *-чь*, у к-рых основа И. оканчивается на гласный, а в основе прош. времени за этой гласной следует заднеязычный согласный *к* или *г*, напр.: *бере-чь — берёг*, *мо-чь — мог*, *вле-чь — влёк* *пе-чь — пёк*; 3) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *е* или *и*, а в основе прош. времени эти гласные отсутствуют: *тереть — тёр*, *пере-ть — пёр* (прост.), *мере-ть — мёр*, *простере-ть — простёр* и др.; 4) глаголы, у к-рых основа И. оканчивается на *-с-*, а в основе прош. времени *-с-* чередуется с *-б-*: *скрес-ти — скрёб*, *грес-ти — грёб*, *погрес-ти — погрёб*, или отсекается: *мес-ти — мёл*, *плес-ти — плё-л*, *клас-ть — кла-л*, *кляс-ть — кля-л*, *ес-ть — е-л*.

В предложении И. выполняет синтаксические функции: подлежащего (*Курить — вредно*); простого глагольного сказуемого (*«И царица хохотать, И плечами пожимать...»* — Пушкин; *Главное — не волноваться*); главного члена инфинитивного предложения (*Открыть ему? Построиться!*); присвязочной части сложного глагольного сказуемого (*Он хочет уйти*; *Я начал читать*); дополнения (*Я прошу Вас говорить громко*); несогласованного определения (*«Нетерпение доехать до Тифлиса овладело мною»* — Пушкин); обстоятельства цели (*«Месяц величаво поднялся на небе посветить добрым людям и всему миру»* — Гоголь).

И. выступает также в составе формы будущего сложного времени: *Я буду писать*.

Лит. см. при ст. Глагол.

И. С. Улуханов.

ИРО́НИЯ (от греч. eirōnéia, букв. — притворство) — троп (см.), заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики. И. чаще всего имеет место в высказываниях, содержащих положительную оценку, к-рую говорящий (пишущий) отвергает: *«Отколе, умная, бредешь ты, голова?»* (Крылов). Значительно реже употребляется т. н. а с т е и з м — похвала в форме порицания: *«Собачонка ничего себе... Сердится, шельма... цуцык этакий...»* (Чехов). И. обычно не выражена формально (особая ироническая интонация в звучащей речи и употребления кавычек на письме факультативны), а выявляется на основе контекста или фонового знания, исключающих возможность буквального понимания сказанного (написанного).

Нек-рые клишированные конструкции всегда выражают лишь иронический смысл: *Этого ещё не хватало! Ничего себе помощь, удружил!* (ср. просторечное: *Аж два раза!*). Стереотипное выражение такого рода принято обозначать термином а н т и ф р а з и с. К примерам И. в широком смысле относятся случаи подчёркнутого несоответствия стиля предмету речи, напр. высокопарное описание заурядных или ничтожных событий.

Лит.: Т и м о ф е е в Л. И., Теория литературы, 2 изд., М., 1948.

Ю. М. Скребнев.

ИСКУ́ССТВЕННЫЙ ЯЗЫ́К — см. Интерлингвистика.

ИСТОРИ́ЗМЫ—см. Устаревшие слова.

ИСТОРИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ — 1) словарь, в к-ром даётся история слов на протяжении той эпохи развития данного языка, к-рую словарь описывает. В словарной статье И. с. показывается слово в его историческом движении, фиксируется не только появление его новых значений, стилистических нюансов, фразеологических сочетаний и других особенностей употребления, но и утрата аналогичных особенностей. В идеале И. с. должен представить историю слов данного языка от их первой фиксации в памятнике письменности до современности. Такого словаря рус. языка ещё нет.

2) Словарь, в к-ром объясняются слова, употребляющиеся в памятниках письменности данного языка, отдалённых от совр состояния языка. Обычно такой И. с. посвящён лексикографическому описанию словарного состава памятников письменности определённых периодов истории данного языка. Первоначально словарики непонятных др.-рус. слов прилагались к изданиям различных др.-рус. памятников (летописей, грамот, лит. произведений и т. п.) или к книгам на др.-рус. темы. Первый самостоятельный небольшой словарь др.-рус. языка, составленный А. Петровым («Опыт словаря древних славянских слов и речений», 1831), был неудачен. Широкую известность получил труд И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1—3, 1893 — 1912, 2 изд., 1958). В словаре Срезневского помещено около

120 тыс. слов, преим. из памятников др.-рус. письменности 11—14 вв., в нём объясняются значения слов, приводится большое количество выдержек из древних рукописей. В 1894 вышел однотомный словарь А. Л. Дювернуа «Материалы для словаря древнерусского языка», содержащий около 6 тыс. слов, преим. из текстов 15—17 вв., с лат. пояснениями.

С 1975 начал выходить многотомный «Словарь русского языка XI—XVII вв.» коллектива авторов Ин-та рус. языка АН СССР под руководством С. Г. Бархударова (к 1978 вышло пять выпусков словаря: буквы А — З), с 7-го выпуска — под руководством Ф. П. Филина. Другой коллектив авторов Ин-та рус. языка АН СССР под руководством Р. И. Аванесова подготовил к печати многотомный словарь др.-рус. языка 11—14 вв. Этот труд по объёму источников и по уровню лексикографической обработки значительно превосходит труд И. И. Срезневского. Готовится к печати академический «Словарь русского языка XVIII в.».

Лит.: Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи, под ред. Р. И. Аванесова, М., 1966; Словарь русского языка XVIII в. Проект, [отв. ред. Ю. С. Сорокин], Л., 1977. *Р. М. Цейтлин.*

ИСТО́РИЯ РУ́ССКОГО ЛИТЕРАТУ́РНОГО ЯЗЫКА́ изучает возникновение, исторические преобразования, становление норм и тенденции совр. развития рус. лит. языка. И. р. л. я. охватывает период от появления первых известных нам рус. лит. памятников (11 в.) до наших дней. Развитие рус. лит. языка изучается в неразрывной связи с историей рус. народа.

Рус. лит. язык древнейшей поры сформировался в Киевской Руси. В этом процессе существенную роль сыграл старославянский язык (см.). Ещё до появления на Руси ст.-слав. языка др.-рус. народный язык подвергался обработке в устном поэтическом творчестве, в устных легендах и преданиях о наиболее важных исторических событиях, а также в обычном праве. Когда в Киевской Руси начиная с 11 в. стала интенсивно развиваться художественная, публицистическая и повествовательно-историческая лит-ра, она, естественно, ориентировалась на разговорный рус. язык, обогащённый влиянием устной поэзии и затем ст.-слав. языка.

Старославянский язык, проникнув на Русь как язык церковной лит-ры, оказал влияние и на другие жанры др.-рус. письменности, прежде всего в области лексики. Напр., многие слова, обозначающие различные отвлечённые общественно-политические, философские и этические понятия, были заимствованы из ст.-слав. языка: *естество*, *существо*, *сущность*, *бытие*, *сознание*, *понятие*, *время*, *пространство*, *единство*, *общество* и др. Особую группу др.-рус. лит. лексики составляют ст.-слав. слова, по происхождению однокоренные с соответствующими русскими, но отличающиеся от них звуковым обликом: *брег*, *град* (ср. рус. *берег*, *город*), *одежда* (рус. *одёжа*), *равный* (рус. *ровный*), *един* (рус. *один*) и др. (см. Славянизм). Наличие такого рода словарных пар обогащало стилистические ресурсы рус. лит. языка. Уже в древнейших памятниках иногда наблюдается нек-рая закономерность в употреблении рус. или ст.-слав. вариантов слов. Ст.-слав. формы употребляются в тех случаях, когда описания носят религиозный или торжественный характер, а рус. формы — в описаниях быта, в народных легендах и т. п. Наряду с определенным слоем лексики др.-рус. лит. язык черпает из ст.-слав. также нек-рые средства художественной изобразительности: эпитеты, сравнения, метафоры, антитезы и пр.

Взаимодействие ст.-слав. и рус. начал обусловило своеобразие формирования и последующего развития др.-рус. лит. языка.

К сер. 12 в. Киевское государство приходит в упадок и начинается период феодальной раздробленности Руси. Примерно с 14 в. на территории бывшего Киевского государства из единой др.-рус. (древневосточнослав.) народности начинают складываться самостоятельные народности: русская (великорус.), украинская и белорусская. Процесс складывания этих народностей был теснейшим образом связан с образованием новых государственных объединений из разрозненных рус. княжеств. История рус. языка отделяется от истории языков украинского и белорусского. Язык рус. (великорус.) народности развивается в пределах Рус. государства, столицей к-рого становится Москва. В лит. языке Московского государства продолжаются традиции Киевской Руси. Поскольку разговорный язык к тому времени претерпевает существенные изменения, а лит. язык во многом следует старым образцам, между ними образуется довольно значительное расхождение. В то же время интенсивное развитие общественно-политической, экономической и культурной жизни Рус. государства неизбежно вело к обновлению лит. языка, к сближению его с разговорным языком. Так возникает противоречие, к-рое находит разрешение уже на следующем этапе развития рус. лит. языка.

С 17 в. начинается формирование рус. нации и рус. национального языка. В эпоху национального развития в лит. языке со всей силой начинает проявляться тенденция к внутреннему единству и происходит постепенно усиливающееся сближение лит. языка с разговорным. Первый этап формирования общенациональ-

ных норм характеризуется прежде всего ломкой старой системы лит. языка, столкновением архаического и нового. В лит. языке кон. 17 — 1-й пол. 18 вв. переплетаются и взаимодействуют архаически-книжные, народно-разговорные, «деловые» («приказные») элементы, а также довольно многочисленные новые западноевропейские заимствования. Лит. язык этого времени выразителен и богат, но пёстр и неустойчив. На первый план выдвигается задача его упорядочения и стабилизации. Первые шаги в этом направлении были сделаны А. Д. Кантемиром и В. К. Тредиаковским, но особенно большие заслуги в преобразовании рус. лит. языка в начальный период его национального развития принадлежат М. В. Ломоносову (см.).

Ломоносов не только создал совершенные для того времени образцы стихотворного и прозаического языка, но и явился автором замечательных филологических трудов («Риторика», 1748, «Российская грамматика», 1755, опубл. 1757, «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1758), в к-рых были заложены основы научного изучения рус. лит. языка, показаны пути его исторического развития и на этом основании предложено учение о трёх стилях лит. языка — высоком, среднем и низком (или простом). Известную с античных времён теорию трёх стилей (см. Трёх стилей теория) Ломоносов сумел органически связать с национальным своеобразием исторического развития рус. лит. языка, заключавшимся в длительном взаимодействии, борьбе и взаимовлиянии двух стихий — книжно-славянской (или «славенской», как говорили и писали в 18 в.) и собственно русской. Стилистическая теория Ломоносова утверждала рус. основу рус. лит. языка, рассматривая «славенский язык» лишь как источник стилистических ресурсов «российского языка», ограничивала употребление церковнославянизмов, допускала употребление в лит. языке просторечия. Стилистические рекомендации Ломоносова способствовали упорядочению использования лексических и грамматических средств рус. лит. языка. Но учение о трёх стилях не решало задачи выработки е д и н ы х норм лит. языка, наоборот, оно предусматривало расслоение, разделение лит. языка на три пласта, а это вело к тому, что стилистические богатства рус. языка оказывались разобщёнными, разделёнными между различными стилями.

Дальнейшее развитие рус. лит. языка, становление его единых общенациональных норм могло идти только по линии создания системы, объединяющей все исторически сложившиеся средства лит. языка и дающей возможность их принципиально новой группировки и принципиально нового использования. Поэтому учение о трёх стилях очень скоро стало тормозом последующего развития лит. языка и последняя треть 18 в. прошла под знаком разрушения и преодоления системы трёх стилей. Разрушение высокого стиля можно наблюдать в одах Г. Р. Державина, язык к-рых содержит нередко не только отдельные элементы просторечия (что теорией трёх стилей категорически запрещалось), но и целые просторечные контексты.

Однако наиболее интересные и важные процессы развития рус. лит. языка протекали в прозе таких крупнейших писателей, как Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, И. А. Крылов. Язык прозы этих писателей характерен прежде всего ориентацией на живое «употребление», на «язык обыкновенных разговоров». Широкое употребление народно-разговорных элементов в языке демократической прозы 2-й пол. 18 в. сочеталось с их строгим отбором, со стилистически продуманным и целенаправленным их использованием. При этом разрабатывались приёмы сочетания и объединения народно-разговорных и книжно-слав. элементов. Очень велики заслуги названных писателей и в усовершенствовании синтаксиса лит. языка. Широко используя устойчивые обороты и выражения, они добивались естественного и непринуждённого порядка слов, разрабатывали недлинные, ясные по строению фразы.

В 90-х гг. 18 в. в лит-ре выступил Н. М. Карамзин с повестями и «Письмами русского путешественника». Им был сделан значительный шаг вперёд в освобождении рус. лит. языка от ещё сохранявшихся в нём архаических элементов и дальнейшем усовершенствовании лит. синтаксиса. Вместе с тем подчёркнуто изысканной, «красивой» прозе Карамзина и его последователей явно не хватало той естественности и широты использования языковых средств (особенно народно-разговорных), к-рые отличали язык прозы писателей демократич. направления.

В нач. 19 в. центральной стала проблема народности лит. языка. Она нашла отражение в теоретических высказываниях и лит.-языковой практике писателей-декабристов, в языке басен Крылова и комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Принцип народности лит. языка явился исходным принципом лит.-языковой деятельности А. С. Пушкина. Именно в творчестве Пушкина завершается формирование общенационального рус. лит. языка. Именно с Пушкина начинается эпоха совр. рус. лит. языка. На это неоднократно указывал В. И. Ленин, к-рый в своих записках о необходимости составления толкового словаря рус. языка подчёркивал, что это должен быть словарь «...с о в р е м е н н о г о (от Пушкина до Горького) русского языка» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 52, с. 178).

Величайшей заслугой Пушкина явилось то, что в его творчестве были выработаны и закреплены осознанные и принятые современниками и последующими поколениями общенациональные нормы рус. лит. языка. Нормативность языка Пушкина явилась воплощением в жизнь сформулированных им общественно-исторических и эстетических принципов подхода к лит. языку, особенно принципов народности и «благородной простоты». Образование единых лит. норм означало окончательную ликвидацию всяких пережитков системы трёх стилей. И хотя новые единые нормы были выработаны Пушкиным прежде всего и главным образом в языке художественной лит-ры, «сумма идей» и качество языка пушкинской поэзии и прозы были таковы, что послужили источником дальнейшего развития не только языка художественной лит-ры, но и всего лит. языка в целом. Единство языка Пушкина было единством разнообразных стилевых вариантов, поэтому в языке Пушкина заключался источник последующего развития всех стилей лит. языка (см. Стиль).

Хотя в пушкинский период складываются все наиболее существенные, принципиально важные качества, к-рые свойственны совр. рус. лит. языку, его развитие в послепушкинскую эпоху, конечно, не прекращается. Но если в допушкинскую эпоху в развитии лит. языка с большей или меньшей силой всегда проявлялось и всегда было явственно заметно движение по пути к единой общенациональной норме, то в послепушкинскую эпоху развитие литературного языка происходит уже в рамках сложившейся общенациональной нормы. При этом надо иметь в виду, что рамки эти весьма широки и в их пределах могут происходить довольно значительные изменения.

2-я пол. 19 в. прошла под знаком интенсивного развития публицистического стиля (см.) и быстрого роста его значения в системе стилей лит. языка. Этот процесс был обусловлен мощным подъёмом революционно-освободительного движения и разгоревшейся острой политической и идеологической борьбой. Процесс развития и роста значения публицистического стиля не протекал изолированно, он был тесно связан с дальнейшим развитием языка художественной лит-ры и лит. языка в целом. Рост значения публицистического стиля, естественно, приводит к широкому распространению в лит. языке научно-философской и общественно-политической терминологии. Наряду с этим лит. язык 2-й пол. 19 в. активно вбирает в себя многочисленную и многообразную лексику и фразеологию из территориальных диалектов, городского просторечия и социально-профессиональных жаргонов.

Окт. революция 1917 существеннейшим образом повлияла на развитие рус. лит. языка. Значительные и сразу бросающиеся в глаза изменения претерпевает в сов. время словарный состав. Многие слова выходят из употребления, многие возникают, многие изменяют свои значения. Но особенно значительные изменения происходят в общественных функциях лит. языка. Осуществлённая в СССР культурная революция, широчайшее развитие народного образования, распространение книг, газет и журналов, появление радио, звукового кино, телевидения, ликвидация прежней экономической и культурной разобщённости отдельных областей и районов, идеологическое единство сов. общества — всё это привело к тому, что лит. язык стал достоянием широких народных масс и общественные функции его чрезвычайно расширились. Лит. язык не только проник во все без исключения области коллективного, «официального» общения людей, но всё более широко употребляется и как средство индивидуального, «личного» общения. В связи с этим коренным образом изменился и характер взаимодействия лит. и «внелит.» языка. Если в дореволюционное время влияние лит. языка на диалекты было не очень заметно из-за неграмотности подавляющего большинства населения, к-рое поэтому не имело возможности приобщиться к лит. языку, то в сов. эпоху в силу указанных причин влияние лит. языка на диалекты становится весьма активным. В результате возросшего организующего влияния лит. языка процесс постепенной утраты диалектных различий становится более интенсивным.

Создаются все условия для полного и всестороннего развития рус. лит. языка. Один из самых богатых и выразительных языков мира, рус. язык продолжает развиваться и совершенствоваться. Он служит делу строительства коммунизма, делу мира и прогресса. См. также ст. Литературный язык.

Лит.: Ленин В. И., О праве наций на самоопределение, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 25; Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2 изд., М.—Л., 1938; его же, Великий русский язык, М., 1945; Якубинский Л. П., История древнерусского языка, М., 1953; Винокур Г. О., Русский язык. Исторический очерк, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Горшков А. И., История русского литературного языка, М., 1969; Ефимов А. И., История русского литературного языка, М., 1971; Ковалевская Е. Г., История русского литературного языка, М , 1978. См. также лит. при ст. Литературный язык. *А. И. Горшков.*

ИСТО́РИЯ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́. Ранний период И. р. я. начинается после распада праслав. языка (см. Праславянский язык) и выделения общевосточнослав. языка — предка трёх восточнослав.

языков — русского, украинского и белорусского. Общевосточнослав. язык, к-рый также называется древнерусским, существовал до 14 в., т. е. до начала его деления на три самостоятельных восточнослав. языка. С этого времени можно говорить о собственно русском, или великорусском, языке, отличающемся не только от языков южных и западных славян, но и от наиболее близких к нему укр. и белорус. языков. Великорус. язык прошёл также длительный путь развития — от языка великорус. народности до совр. рус. национального языка — языка рус. нации. Таким образом, И. р. я.— это история др.-рус. языка, языка великорус. народности и языка рус. нации; структура современного рус. языка сложилась из элементов, восходящих к разным эпохам его истории.

Выделение восточных славян из общеслав. единства (приблизительно в 6—7 вв. н. э.) в языковом отношении сопровождалось развитием таких особенностей, к-рые были присущи всем восточным славянам и отличали их от южных и западных славян. К ним относятся такие фонетические черты, как наличие *ч*, *ж* на месте древних *tj*, *dj*: *свѣча*, *межа*, ср. ст.-слав. *свѣшта*, *межда*; полногласные сочетания *-оро-*, *-ере-*, *-оло-* на месте древних *-or-*, *-er-*, *-ol-*, *-el-*: *городъ*, *берегъ*, *молоко*, ср. ст.-слав. *градъ*, *брѣгъ*, *млѣко*; несколько более позднее изменение ǫ в *у*, а ę в *ѧ* и далее в *а* и др.

Восточные славяне в 6—9 вв. занимали обширные территории на великом водном пути «из варяг в греки» (см. карту), т. е. территории от озера Ильмень и бассейна Зап. Двины до Днепра, а также к востоку (в районах верхнего течения Оки, Волги и Дона) и к западу (в Волынии, Подолии и Галиции). К восточнослав. племенам или племенным союзам относились: в районе озера Ильмень — словене, южнее и западнее их — кривичи, в верхнем и среднем течении Оки и в верховьях Дона — вятичи, западнее их — радимичи, ещё западнее — дреговичи, в районе Киева — поляне, западнее их — древляне, по рекам Десне, Сейму и Суле — северяне, к югу и юго-западу от полян — уличи и тиверцы, к западу от них же — дулебы и западнее дулебов — хорваты. Все эти племена говорили на близкородственных восточнослав. диалектах и находились на разных ступенях экономического и культурного развития; на базе языковой общности восточных славян образовался язык др.-рус. народности, к-рая политически оформилась в Киевской Руси. Язык др.-рус. народности, к-рый может быть восстановлен по данным памятников письменности 11 в., характеризовался рядом специфических черт в фонетике и морфологии (см. Древнерусский язык).

Образование единого др.-рус. государства во главе с Киевом и возникновение др.-рус. народности обусловили возрастание устойчивости диалектов определённых территорий в связи с закреплением на них отдельных групп населения. Отмирают старые племенные названия и появляются новые, территориальные: вместо *словене — новгородци*, вместо *поляне — кыяне*, вместо *вятичи — рязанцы* и т. п. Территориальное закрепление населения привело к образованию новых территориальных единиц — земель и княжеств во главе с Киевом. В связи с тем что границы этих земель и княжеств не всегда совпадали с бывшими племенными границами, возникало перераспределение диалектных особенностей, образовывались новые диалектные группы, развивалось новое диалектное членение языка. Язык др.-рус. народности, будучи единым по происхождению и характеру, получал на разных территориях своего распространения местную окраску, т. е. выступал в своих диалектных разновидностях. Этому способствовала слабость экономических и политических связей между разными областями Киевского государства. Скудность письменных источников затрудняет достаточно полное выявление диалектных особенностей др.-рус. языка этой эпохи, однако сравнительно-историческое изучение древних слав. языков позволяет утверждать существование ряда диалектных черт даже до 11 в.

Возникнув на территории племени полян, о диалекте к-рых по существу ничего не известно, Киев ещё до возникновения государства был местом, куда шло население из разных земель. Поэтому можно полагать, что в языковом отношении Киев изначально был диалектно смешанным и разговорный язык в этом центре отличался большой пестротой. Однако постепенно в Киеве начинает складываться своеобразный сплав диалектных черт — общий разговорный язык, или койне (от греч. koinê — общий), в к-ром одни черты были по происхождению южными, а другие — северными (в нём были типично южнорус. слова: *волъ*, *брехати*, *лѣпый* — «красивый» и типично севернорус. *вѣкша* — «белка» и др.). Киевское койне способствовало укреплению языкового единства др.-рус. языка.

С возникновением письменности у восточных славян начинает развиваться и др.-рус. лит. язык, отразившийся в памятниках различных жанров.

Киевская Русь, будучи государством, занимавшим огромную территорию с населением, различавшимся по этническим, экономическим и культурным признакам, рано начала обнаруживать тенденции к распаду. К сер. 12 в., и особенно во 2-й его половине, процесс ослабления

Киева как общего центра и, напротив, процесс укрепления новых, местных центров привели к потере Киевом ведущей роли. Жизнь Древней Руси стала концентрироваться вокруг других центров на севере и северо-востоке (Владимир, Суздаль, Ростов и др.). В это время усиливается феодальная раздробленность Руси, что приводит к углублению диалектных различий в др.-рус. языке. В памятниках письменности 12 — нач. 13 вв. получает отражение ряд диалектов др.-

рус. языка. Это был период, когда восточные славяне переживали общий для всех славян процесс утраты редуцированных *ъ*, *ь* (см. Падение редуцированных), к-рый, однако, повлёк за собой последствия, различные для юга и для остальной территории др.-рус. языка. По судьбе исконных *о* и *е*, получивших в позиции перед утратившимися *ъ*, *ь* удлинение и в дальнейшем дифтонгизацию (*конь* — *кон'* — *куон'*), по судьбе сочетаний плавных *р*, *л* с *ъ*, *ь* между согласными (типа: *кръвь*, *сльза*) и др. явлениям юг и юго-запад Древней Руси (Киев, Галицко-Волынская и Турово-Пинская земли) оказались противопоставленными северу и северо-востоку. Однако и на территориях севера и северо-востока наблюдались диалектные различия. Здесь везде, кроме Смоленской и Полоцкой земель, развилось *о* (отличное от *о*: *кот*, но *год*); в Смоленске же и Полоцке рано была утрачена фонема *ě*. К этому времени нек-рые учёные относят и появление аканья в рус. языке (на время возникновения аканья, однако, есть и другие точки зрения; см. Аканье). Все эти процессы свидетельствуют об углублении диалектных различий, к-рые охватывают то широкие, то узкие территории в зависимости от экономических, политических и культурных объединений. В результате процессов диалектного развития во 2-й пол. 12 — 1-й пол. 13 вв. на будущей великорус. территории сложились новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма. Все др.-рус. диалекты, кроме акающего, характеризовались в фонетическом отношении оканьем, наличием *г* взрывного образования и *в* губно-зубного; кроме того, новгородский, псковский и смоленский диалекты имели цоканье (неразличение *ц* и *ч*); в новгородском и ростово-суздальском диалектах были *е* (на месте *ě*) и *о*, последний звук был свойствен и псковскому диалекту, к-рый характеризовался ещё наличием *кл*, *гл* на месте древних *tl*, *dl* и произношением шепелявых согласных вместо *с*, *з* и *ш*, *ж*. Акающий диалект характеризовался наличием аканья, фрикативным *г*, губно-губным *в*, в большинстве говоров отсутствием цоканья, на значительной его территории были *е* и *о*. Кроме фонетических, эти диалекты различались морфологическими, а также лексическими чертами (напр., в новгородском диалекте были слова, не встречавшиеся в других диалектах: *рель* — «заливной луг», *вершь* — «посевы», *обилье* — «хлеб», *лонись* — «в прошлом году», *соломя* — «пролив» и др.). Несмотря на существование обособленных земель и княжеств, в 12—13 вв. ещё сохранялось единство др.-рус. народности («Русской земли»), сложившееся в результате длительного развития. И только позднее, с распадом общевосточнослав. единства, начинается формирование языков разных восточнослав. народностей.

Усиление феодальной раздробленности Руси, дальнейшее обособление северо-восточной Руси от Руси западной и юго-западной в период монголо-татарского ига, а также в результате процессов развития западных и южных земель в составе Великого княжества Литовского, а позднее Польши, экономический рост и политическое укрепление северо-восточной Руси приводят к тому, что в 14—16 вв. складывается великорус. государство и великорус. народность. Основными центрами развития великорус. народности были Владимир, Ростов, Суздаль, Тверь и позднее Москва, к-рая со 2-й четв. 14 в. и до 1-й четв. 16 в. в едином Российском государстве объединила все северновеликорусские (с-в-р) области и северо-восточную половину южновеликорусских (ю-в-р) княжеств.

Свидетельством формирования великорус. народности и её языка является возникновение на всей территории расселения народности, и только в пределах её границ, языковых новообразований, не свойственных языкам укр. и белорус. народностей. В области фонетики такими новообразованиями являются изменение слабых *ъ*, *ь* в сочетаниях с плавными *р*, *л* (типа *дръва*, *сльза*) в *о*, *е* и развитие *-ый*, *-ий* в *-ой*, *-ей* (*молодый* → *молодой*, *лий* → *лей*); в области морфологии происходит утрата звательной формы, повсеместная замена *ц*, *з*, *с* заднеязычными *к*, *г*, *х* в формах склонения (*ногѣ* вместо *нозѣ*), развитие формы им. п. мн. ч. на *-а* (типа *берега*), образование форм повелительного наклонения на *-ите* вместо *-ѣте* (типа: *несите* вместо *несѣте*), появление форм повелительного наклонения с *к*, *г* у глаголов на заднеязычные (*помоги* вместо *помози*). В области лексики наблюдается появление общевеликорус. слов: *крестьянин*, *деньга*, *лавка* (в значении «торговое помещение»), *мельник*, *пашня*, *деревня* и др. Все эти факты отличают великорус. язык от укр. и белорусского.

В структурном отношении язык великорус. народности был уже близок совр. рус. языку: произошло изменение *е* в *о* (*н'ес* — *н'ос*) и функциональное объединение *и* и *ы* при их фонетическом различии, установилась система твёрдых — мягких и глухих — звонких согласных, утратилась старая система прошедших времён глагола, произошла унификация типов склонения и т. п.

Ядро территории великорус. народности в диалектном отношении было единым, но постепенное расширение формирующегося государства, присоединение новых территорий сопровождалось усилением диалектного многообразия, т. к. на присоединяемых территориях были

как с-в-р, так и ю-в-р говоры. Те и другие постепенно становятся диалектами великорус. языка, причём ведущая роль принадлежит ростово-суздальскому диалекту, в состав к-рого входил и московский говор; именно ростово-суздальский диалект получает основное отражение в деловой письменности Московского государства; вокруг этого диалекта начинают концентрироваться и другие говоры. Однако местные диалекты продолжают и развиваться в связи с неизжитыми ещё феодально-областническими тенденциями. С 14 в. начинают формироваться ю-в-р диалекты. К югу от Москвы выделяется Тульский край, диалекты к-рого развиваются под воздействием Москвы. Напротив, Рязанский край меньше подвержен такому влиянию. Курско-Орловская земля, находясь между Русью и Литвой, испытывает влияние последней, а те её части, к-рые попали в 14 в. в состав Великого княжества Литовского, вообще не развили языковых новообразований юга. В 14—15 вв. выделяется смоленский диалект, имеющий ю-в-р характер и близкий соседним белорус. говорам. На крайнем западе продолжал развиваться псковский диалект, часть говоров к-рого в 15—16 вв. усвоила аканье и приобрела средневеликорус. характер. Развитию подвергались и типично с-в-р диалекты. Древненовгородский диалект в эту эпоху разветвился и стал неодинаково развиваться на разных территориях: здесь стали различаться вологодско-вятские, архангельские (поморские), олонецкие говоры и говоры собственно новгородские, к-рые попали под влияние Москвы в связи с изменением состава населения, пришедшего на север из центра. От новгородского диалекта издавна отличался ростово-суздальский, в к-ром в 14—16 вв. возникают новообразования, сближающие его с ю-в-р диалектами; потомками этого диалекта являются совр. владимиро-поволжские говоры. Наконец, с 14 в. на стыке северных и южных диалектов развиваются первичные «переходные» средневеликорус. говоры, совмещающие в своей структуре южные (аканье) и северные (*г* взрывное, *т* твёрдое в 3-м лице глаголов и др.) черты. В эпоху великорус. народности новые процессы возникают и в рус. лит. языке, когда наряду с книжно-лит. письменным языком начинает развиваться деловой государственный язык Москвы, тесно связанный с живой народной речью, но в определённой степени обработанный и нормализованный.

В 17 в. складывается рус. нация, что было связано с экономической и политической концентрацией территорий, со слиянием феодальных земель и княжеств, с образованием общего всероссийского рынка. В эту эпоху начинает складываться и рус. национальный язык, к-рый является дальнейшим развитием языка великорус. народности (см. Национальный язык). Изменяются соотношение и роль с-в-р и ю-в-р диалектов в составе единого общенародного языка, усиливается роль ю-в-р наречия. В ранний период развития языка великорус. народности ю-в-р наречие играло определённую роль в общенародном языке: в нач. 14 в. к Москве были присоединены Коломна и Лопасня с их ю-в-р говором, а в течение 14—16 вв.— и другие ю-в-р территории. Роль этих территорий в экономическом отношении постепенно возрастает и к 16 в. становится весьма значительной, что вносит изменения в соотношение диалектов. Ростово-суздальский говор утрачивает своё значение, ведущую роль начинает играть говор Москвы. В с-в-р по происхождению (ростово-суздальском) московском говоре постепенно появляются ю-в-р черты, проникающие в него как через первичные средневеликорус. говоры, так и непосредственно из ю-в-р диалектов. Говор Москвы, московское просторечие, постепенно становится средневеликорус. по своему характеру и общерус. по своей функции. Московское просторечие оказало существенное влияние на развитие общенародного языка. С сер. 16 в. ю-в-р влияние в Москве усиливается, московское просторечие теряет ряд черт, восходивших к языку прошлых периодов (оканье и др.), и приобретает новые, связанные с ю-в-р воздействием (аканье, безударные окончания *-ы*, *-и* в им. п. мн. ч. существительных ср. рода и др.).

В период образования рус. национального языка изменяется соотношение общенародного языка и диалектов. Постепенно прекращается развитие новых диалектных особенностей, хотя старые диалектные черты очень устойчивы. Диалекты с развитием национального языка начинают нивелироваться.

В период образования рус. нации, к кон. 17 в., складываются основы новой системы национального лит. языка, что связано с ослаблением влияния церковнослав. языка (т. е. русифицированного старослав. языка; см. Старославянский язык) и с развитием лит. языка демократического типа, т. е. опирающегося на традиции делового языка Москвы.

Важными этапами в И. р. я. были: Петровская эпоха, обогатившая рус. язык многими заимствованиями, но характеризующаяся смешением разных стилей лит. выражения; деятельность М. В. Ломоносова (см.), стремившегося к упорядочению лит. языка (см. Трёх стилей теория); карамзинский период, связанный с борьбой за утверждение единой языковой нормы против ломоносовских стилей, и, наконец, пушкинский период — деятельность А. С. Пушкина, основоположника рус. лит. языка, создателя системы

единого лит. языка (см. История русского литературного языка). К сер. 18 в. начинает развиваться единая устно-разговорная разновидность лит. языка, к-рая, распространяясь, всё шире и шире проникает в письменность. Источниками этой разновидности языка явились московское просторечие и деловой письменный язык, обогащённые элементами книжного языка, приобретшими общенародный характер (напр., слова с неполногласными сочетаниями типа: *время*, *сладкий*; с *жд* вместо рус. *ж* типа: *невежда*, *прежде*; с *щ* вместо рус. *ч* типа: *освещать*, *вращать*; с *е*, не изменившимся в *о*, типа: *небо*, *крест*). Устно-разговорная разновидность лит. языка вытесняет диалекты и постепенно становится единственным средством устного общения. Процессы, связанные с нивелировкой диалектов и с распространением норм устного лит. языка, особенно интенсивно стали развиваться после Окт. революции 1917, когда быстрый подъём общего культурного уровня народа повлёк за собой повышение и языковой культуры всех носителей рус. языка. Характеристику совр. состояния рус. языка см. в ст. Русский язык.

Лит.: Аванесов Р. И., Виноградов В. В., Русский язык, в кн.: Большая Советская Энциклопедия, 2 изд., т. 37, [М., 1955]; Аванесов Р. И., Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, «ВЯ», 1955, № 5; Филин Ф. П., Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962; его же, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972; Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964.

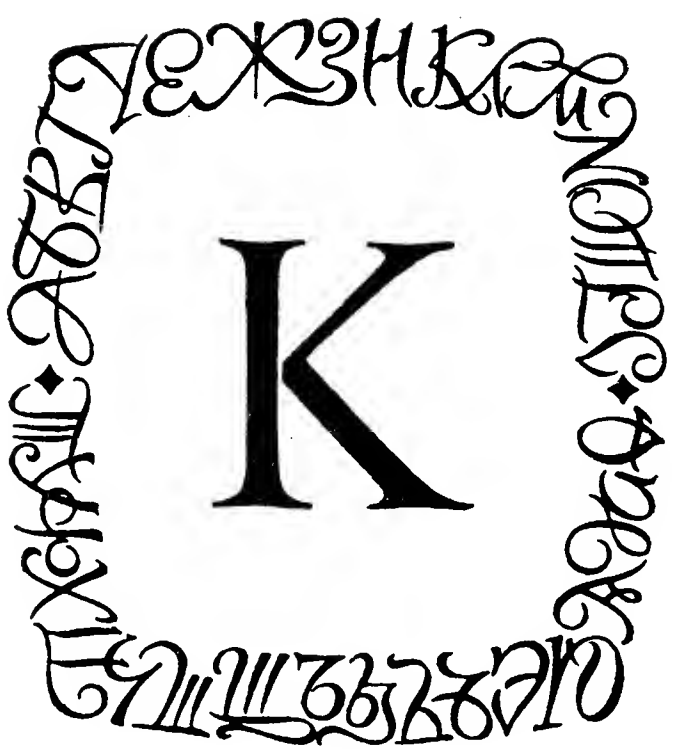
В. В. Иванов.

ЙСТРИНА Евгения Самсоновна [22.2 (6.3).1883, Одесса,— 4.4.1957, Ленинград] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1943). Окончила Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1909). Преподавала в Ленинградском пед. ин-те (в 1919—42 и в 1947—50, с 1935 проф.), в 1942—44 проф. Казах. ун-та, в 1944—47 проф. МГУ. Труды по истории, синтаксису рус. языка, рус. лексикологии, лексикографии, стилистике. В работе «Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи» (1923) исследовала основные типы предложений, главные и второстепенные члены предложения, виды синтаксических связей в др.-рус. языке. Вопросам нормализации лит. языка посвящена книга «Нормы русского литературного языка и культура речи» (1948). Ряд статей посвящён методике преподавания рус. языка в средней школе. Принимала участие в создании 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1948—65). Ленинская пр. (1970, посмертно).

Лит.: Библиография основных трудов Е. С. Истриной, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1957, т. 16, в. 6; Бабкин А. М., Евгения Самсоновна Истрина, там же; Коротаева Э. И., Евгения Самсоновна Истрина (1883—1957), «Рус. речь», 1973, № 4; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

Й, й — одиннадцатая буква рус. алфавита. Её название (*«и краткое»*) употребляется как существительное ср. рода: *прописное й*, *строчное й*. Буква *Й, й* обозначает согласную фонему «йот» [*j*] (см. Согласные), реализующуюся по-разному в зависимости от положения в слоге (см. Позиция фонологическая): в начале слова (перед гласными *е*, *о*) как сонант: *йог* [*jок*], *Йе́мен* [*jе́мен*]; в конце слога как «и неслоговое»: *бой* [*боi̯*], *ба́йка* [*ба́i̯къ*].

В кириллице (см.) прототипа не имеет. Введена в 1735 Академией наук при окончательном оформлении гражданской азбуки (см. Реформы азбуки и правописания). До реформы 1917—18 в рус. алфавите в счёт не включалась, ставилась только после гласной. Включена в счёт букв алфавита в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1934). Название «и краткое» введено Я. К. Гротом (в «Толковом словаре» В. И. Даля она объединена с буквой *и* и называется «и с краткой»).



К, к — двенадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*ка*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное к, строчное к*. Буква *К, к* обозначает согласные фонемы [*к*] [к'] (см. Согласные), к-рые могут выступать в разных позициях в слове (см. Позиция фонологическая), ср.: *ко́шка* [*ко́шкъ*], *кит* [*к'ит*], *кедр* [*к'едр*], *сук* [*сук*]. Употребляется в составе нек-рых сокращений: *КП* — коммунистическая партия (*КПСС, КПЧ* и др.), *к.-л.*— какой-либо, *к.-н.*— какой-нибудь, *к/т* — кинотеатр, *к/ф* — кинофильм. Прописная буква *К°* обозначает «компания, контора, торговое товарищество». Строчная буква *к* употребляется как условное сокращение слова «копейка» после цифры, напр. 20 *к.*, и слова «короткий» после цифры при обозначении укороченных маршрутов городского транспорта (напр.: *троллейбус 13к, автобус 38к*).

По начертанию восходит к букве «како» (К) кириллицы (см.); имела также числовое значение «двадцать». Название буквы и детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

КАВЫ́ЧКИ („ “, « ») — парный выделительный знак препинания. Вошёл в употребление в кон. 18 в. В совр. рус. письменной речи обязательно употребление К.: 1) при прямой речи: «*Наконец я ей сказал: „Хочешь, пойдём прогуляться на вал?“*» (Лермонтов); 2) для выделения в тексте цитат; 3) для выделения условных (собственных) названий лит. произведений, газет, журналов, предприятий и т. п.: *журнал «Новый мир»*, *линкор «Парижская Коммуна»*. Факультативно К. употребляются пишущим для выделения слов и словосочетаний, употребляемых в переносном смысле или иронически, впервые предлагаемых или устарелых, нелитературных и т. п.: «*Кругом пальба неумолчная, ненужная, разгульная, чуть-чуть притихающая к ночи: одни „прочищают дуло“, другие стреляют „дичь“, у третьих сорвалось „случайно“*» (Фурманов). По рисунку есть два вида К.— т. н. ёлочки (« ») и т. н. лапки („ “). Кроме того, существуют т. н. марровские К. (‘ ’), к-рые иногда употребляются при переводе значений иноязычного слова (нем. *Tisch* — ‘стол’) или при выделении значений других слов (*векша* — ‘белка’).

КАЛАМБУ́Р (франц. calembour) — игра слов; намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического эффекта.

К. обычен в юмористическом или сатирическом контексте. Обязательная черта К.— словесная «экономность», лаконизм. Введённый для забавы, развлечения, К. в то же время может служить формой намёка на к.-л. важные черты изображаемого: «*В ее твореньях красок нет, А на лице их слишком много*» (Вяземский).

К. создаётся с помощью разных речевых средств, заложенных в самом языке (многозначность, омонимия, фразеология) или возникающих вследствие индивидуального препарирования к.-л. слов (игра созвучий).

Способы выявления двуплановости слова (словосочетания, фразы) многообразны: пояснение обыгрываемой лексической или фразеологической единицы конкретизирующими словами или введение в контекст слова, объединяемого с обыгрываемым одним понятием, семантикой, ситуацией: «*Тут они* (спортсмены) *успеха не имели. Напротив, были освистаны. Милицией.*» (из газет); сознательное нарушение смысловой однородности слов перечислительного ряда, присоединяемого к многозначному слову: «*Вот, Зина, вам совет: играйте... И впредь у нас не разрывайте Ни мадригалов, ни сердец*» (Пушкин); повторение слова дважды в контексте в разных значениях (прямых или чаще прямом и метафорическом, свободном и фразеологически связанном): «*У нас такая тоньская погода..., что я целый день брожу, и всё во мне бродит*» (Вяземский); «*Нельзя было назвать его некурящим: иногда он курил фимиам своему начальнику*» (Э. Кроткий).

Простейший приём — игра, строящаяся на контрасте между сходством звучания и отличием значения разных слов: замена одного из слов другим, созвучным тому, к-рое должно быть в данной ситуации: *Сдать в истерический архив*; сопоставление в одном контексте совпадающих частей разных слов; столкновение слова общего языка и созвучного ему индивидуального новообразования, совмещающего в себе значение и звучание двух слов

(название фельетона «*Стихоплут*»); ложная этимологизация, когда устанавливается мнимое родство слов или предлагается «более правильная» звуковая форма слова: «*Отчего говорят насморк? Надобно говорить носмокр*» (Вяземский).

Лит.: Виноградов В. В., Язык Гоголя и его значение в истории русского языка, в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3, М., 1953; Булаховский Л. А., Русский литературный язык первой половины XIX в., 2 изд., К., 1957; Щербина А. А., Сущность и искусство словесной остроты (каламбура), К., 1958; Ходакова Е. П., Из истории русского каламбура (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.), М., 1969 (дисс.). *Е. П. Ходакова.*

КА́ЛЬКА (франц. calque) — слово или выражение, созданное из исконных языковых элементов, но по образцу иноязычных слов и выражений. К. представляет собой скрытое заимствование (см.): из исконного языкового материала создаётся слово или выражение, воспроизводящее строение иноязычного образца. Греч. ἔν-τομον — «насекомое» (ср.: *энтомология* — «наука о насекомых») — было дословно переведено на лат. язык как *in-sectum* (ср.: *инсектициды* — «ядовитые вещества для уничтожения насекомых»). Их внутреннее строение сохранено и в рус. соответствии *на-секомое*. Устаревшее рус. слово *не-секомое* неточно передавало значение латинской приставки *in-*, к-рая имела два значения: «не» и «на».

Наряду со словообразовательными К. существуют семантические (смысловые) кальки, когда под влиянием иностранного слова исконное слово получает новое значение. Под влиянием французского глагола *toucher* — «трогать, задевать, прикасаться и т. п.» — у русского *трогать* появилось значение «волновать, вызывать сочувствие», ранее, до 18 в., отсутствовавшее.

Калькироваться могут и целые выражения (фразеологические К.): дословный шутливый перевод франц. *Il n'est pas dans son assiette* (дословно: «Он не в настроении», но *assiette* также значит «тарелка») породил рус. выражение *Он не в своей тарелке*.

Иногда влияние другого языка может сказаться и на построении фразы; такое влияние называется синтаксической К. Особенности французского синтаксиса, напр., отражены в следующем предложении: «*Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового...*» (Пушкин).

Калькирование является одним из средств обогащения словарного состава языка наряду со словообразованием по исконным образцам и обыкновенными заимствованиями, однако оно (как и заимствование) ограничивается преим. областью существительных.

Лит. см. при ст. Заимствование.

И. Г. Добродомов.

КАНЦЕЛЯРИ́ЗМЫ — слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление к-рых в лит. языке закреплено традицией за официально-деловым стилем (см.), особенно за канцелярски-деловым подстилем. Примеры К.: *уведомление, входящие — исходящие, надлежит; оказывать помощь* (вместо *помогать*), *настоящим доводится до вашего сведения; согласно чего* — с род. п. вместо общелит. дательного; многокомпонентные именные конструкции с род. п. типа: *взыскание с работника имущественного ущерба* и т. п.

Следует различать традиционное употребление этих средств лит. языка в рамках официально-делового стиля, в документации и неуместное применение их вне рамок официально-делового стиля. В последнем случае стилистическая окраска К. вступает в конфликт с его окружением (контекстом), и такое употребление принято рассматривать как нарушение стилистических норм, шире — как порчу лит. языка, его болезнь («канцелярит», по выражению К. Чуковского) или как средство характеризации персонажа в художественной лит-ре, как сознательный стилистический приём. Ср. К. в речи тракториста-колхозника из романа Бабаевского «Станица»: «*Нынче у нас трактористов, как таковых, уже нету, а есть механизаторы широкого профиля,— сказал он.— Быть же таковым механизатором — дело непростое*».

Лит.: Щерба Л. В., Современный русский литературный язык, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1957; Винокур Т. Г., Когда «канцеляризмы» и «штампы» становятся опасной болезнью?, в кн.: Наша речь. Как мы говорим и пишем, М., 1965; Руководство по делопроизводству. (Пособие для служащих), под ред. А. С. Малитикова и Д. И. Сольского, М., 1972; Русский язык в современном мире, М., 1974; Чуковский К. И., Живой как жизнь. О русском языке, [2 изд., М., 1963]; Гальперин Н., Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора, 2 изд., М., 1975.

Б. С. Шварцкопф.

КАРИ́НСКИЙ Николай Михайлович [22.3(3.4).1873, Вятка, ныне Киров,— 14.12.1935, Москва] — сов. палеограф, историк рус. языка, диалектолог, чл.-корр. АН СССР (1921). Окончил Петерб. ун-т (1896), проф. Петерб. ун-та (1903—1918), Женского пед. ин-та (с 1911), Историко-филологич. ин-та (1913—17), Вятского пед. ин-та (1919—23), 2-го МГУ (1924—30), МГПИ им. В. И. Ленина (1930—35). Основатель Вятского НИИ краеведения; руководитель Диалектографической комиссии Ин-та языка и мыш-

ления АН СССР (с 1931). Описал многие др.-рус. памятники письменности, в т. ч. «Остромирово Евангелие» [«Письмо Остромирова Евангелия» (Палеографический очерк), 1920], издал палеографические альбомы «Образцы глаголицы» (1908) и «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (1925), принимал участие в подготовке издания «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку (1910). Работы К. по истории псковских говоров: «Язык Пскова и его области в XV в.» (1909), «Очерки из истории псковской письменности и языка» (в. 1—2, 1916—17) и др., посвящённые исследованию языка др.-рус. памятников и совр. диалектов, сыграли большую роль в развитии исторической диалектологии рус. языка. Монография «Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово» (1936) — первый и уникальный опыт всестороннего социолингвистического описания развития говора на протяжении 30 лет (1902—32), его функционирования в разных социальных группах, в условиях различных общественно-экономических формаций. К. вёл также большую пед. и методическую работу, создал ряд учебных пособий: «Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам» (1904, 2 изд., 1911), «Славянская палеография» (1915) и др.

Лит.: Ляпунов Б. М., Отзыв о сочинении Н. М. Каринского «Язык Пскова и его области в XV веке», СПБ, 1911; Дурново Н., Karinskij N., Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, Lpz., 1927; Грищенко І., Н. М. Карінський як діалектолог (1873—1935), «Мовознавство», 1936, № 9; Лупинова Е. П., Филин Ф. П., Николай Михайлович Каринский. (К столетию со дня рождения), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1973, т. 32, в. 2; Карлинский А. Е., Проблема диглоссии в трудах Н. М. Каринского, «Иностранная филология», 1974, в. 4; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

КА́РСКИЙ Евфимий Фёдорович [20.12.1860 (1.1.1861), с. Лаша, ныне Гродненского р-на Гродненской обл.,— 29.4.1931, Ленинград] — сов. филолог, акад. АН СССР (акад. Петерб. АН с 1916). Окончил Нежинский историко-филологический ин-т (1885), проф. Варшавского (с 1894) и Петроградского (с 1917) ун-тов. Труды по белорус. языку и лит-ре, диалектологии и истории рус. языка, славяноведению, палеографии, истории языкознания. В статье «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (1929) К. установил какие синтаксические явления принадлежат ст.-слав. языку, какие — живой рус. речи, определил хронологию отдельных языковых фактов. Белорус. языку, фольклору и лит-ре с древнейших времён до нач. 20 в. посвящён капитальный труд К. «Белорусы» (т. 1—3, 1903—22). Исследовал лексику восточнослав. языков, укр. язык. Осуществил издание многих памятников др.-рус. письменности («Листки Ундольского», «Лаврентьевская летопись», «Русская правда» и др.). Автор книг «Славянская кирилловская палеография» (1928), «Русская диалектология» (1924). Ему принадлежит ряд статей по методике преподавания рус. языка.

К.— действительный член Чеш. АН (1929).

Лит.: Борковский В. И., Ефимий Федорович Карский, «Рус. яз. в школе», 1951, № 1; Кузнецов П. С., Евфимий Федорович Карский (1861—1931), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1961, т. 20, в. 1; Список печатных работ академика Е. Ф. Карского, в кн.: Карский Е. Ф., Труды по белорусскому и другим славянским языкам, М., 1962; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

КАТЕГО́РИЯ СОСТОЯ́НИЯ — см. Предикативы.

КА́ЧЕСТВЕННОЕ ПРИЛАГА́ТЕЛЬНОЕ — см. Прилагательное.

КИРИ́ЛЛ И МЕФО́ДИЙ — славянские просветители, создатели слав. азбуки, проповедники христианства, первые переводчики богослужебных книг с греч. на слав. язык, братья. Кирилл (до принятия монашества в 869 — Константин; ок. 827 — 14.2.869) и Мефодий (ок. 815—6.4.885) родились в Солуни (Фессалоники) в семье военачальника. Кирилл получил образование в Константинополе при дворе византийского императора Михаила III, хорошо знал слав., греч., лат., евр. и араб. языки. Преподавал философию (получил прозвание «Философ»). Участвовал в диспутах с иконоборцами (40-е гг.), в богословских прениях с мусульманами (50-е гг.); в 860 вместе с Мефодием совершил поездку к хазарам с миссионерской и дипломатич. целями.

Мефодий был на военной службе, затем 10 лет управлял одной из населённых славянами областей после чего удалился в монастырь и вскоре стал игуменом монастыря Полихрон. В 863 братья были посланы в княжества Великой Моравии проповедовать христианство на слав. языке. Именно в это время Кирилл и создал азбуку [среди учёных нет единого мнения, была ли то глаголица (см.) или кириллица (см.)] и с помощью Мефодия сделал переводы с греч. на слав. язык ряда богослужебных книг, утвердив тем самым право славян читать и писать на своём языке. Таким образом родился первый слав. лит. язык, многие слова к-рого живы в слав. языках, в т. ч. болг. и русском. Деятельность К. и М. в этом направлении, будучи исторически прогрессивной, вступила в противоречие с созданной в раннее средневековье т. н. теорией трёхъязычия согласно к-рой в богослужении и лит-ре имели право на существование лишь три языка: греч., лат. и еврейский. Борьба, начатая К. и М. против трёхъязычия, была по существу борьбой за равенство между народами; она преследовала и демократическую цель — приобщить через письменность и богослужение на родном языке простого человека к культуре. Проповедь братьев вызвала недовольство нем. католич. духовенства, К. и М. были обвинены в ереси. В 866 (или 867) они направились в Рим по вызову папы. Папа Адриан II в особом послании разрешил К. и М. распространение слав. книг и богослужения. После приезда в Рим Кирилл заболел и умер. Мефодий, посвящённый в сан архиепископа Моравии и Паннонии, в 870 возвратился в Паннонию. Был преследуем нем. духовенством и на нек-рое время заключён в темницу. В 882—884 жил в Византии, в сер. 884 переехал в Моравию и занимался переводом Библии

Болгарский орден Кирилла и Мефодия.

на слав. язык. Деятельность братьев была продолжена в южнослав. странах их учениками, изгнанными из Моравии в 886. На Западе слав. церковь и грамота не устояли, но были утверждены в Болгарии откуда распространялись с 9 в. в Россию, Сербию и другие страны. Установленный церковью день памяти К. и М. (11 мая ст. стиля) в Болгарии был превращён впоследствии в праздник национального образования и культуры. В Болгарии существует орден Кирилла и Мефодия.

Илл. см. на вклейке.

Лит.: Лавров П. А., Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, Л., 1930; Ильинский Г. А., Опыт систематической кирилломефодьевской библиографии, София, 1934; Георгиев Е., Второе тысячелетие Кирилла и Мефодия, «Техника молодежи», 1978, № 3.

КИРИ́ЛЛИЦА — одна из двух древнейших славянских азбук (см. Глаголица). Названа по имени слав. просветителя 9 в. Константина (Кирилла) Философа (см.

Кириллица		Греческое уставное письмо	Кириллица		Греческое уставное письмо
Буквы и их название	Цифровое значение		Буквы и их название	Цифровое значение	
А -аз	1	А	Х -хер	600	Х
Б -буки			Ѡ -омега*	800	Ѡ
В -веди	2	В	Ц -цы	900	
Г -глаголь	3	Г	Ч -червь	90	
Д -добро	4	Д	Ш -ша		
Є -есть**	5	Є	Щ -ща		
Ж -живете			Ъ -ер		
Ѕ -зело*	6	Ѕ	Ы -еры		
З -земля**	7	З	Ь -ерь		
І -и*	10	І	Ѣ -ять*		
Н -иже**	8	Н	Ю -ю		
К -како	20	К	Ꙗ -(и)я**		
Л -люди	30	Л	Ѥ -(и)е**		
М -мыслете	40	М	Ѧ -юс малый*		
N -наш**	50	N	Ѫ -юс большой*		
О -он	70	О	Ѩ -йотов.юс малый*		
П -покой	80	П	Ѭ -йотов.юс большой*		
Р -рцы	100	Р	Ѯ -кси*	60	Ѯ
С -слово	200	С	Ѱ -пси*	700	Ѱ
Т -твердо	300	Т	Ѳ -фита*	9	Ѳ
Ѹ -ук**	400		Ѵ -ижица*		Ѵ
Ф -ферт	500	Ф			

*Буквы, исключённые впоследствии из русского алфавита

**Буквы, у которых изменилось начертание

Кирилл и Мефодий). По происхождению связана с греч. уставным письмом, к нему восходят 24 буквы из 38: **А, В, Г, Д, Є, З, Н, І, К, Л, М, N, О, П, Р, С, Т, Ф, Х, ѡ, Ѱ, Ѳ, Ѯ, Ѵ.**

Остальные буквы были созданы специально для передачи специфических слав. звуков.

На Руси К. была введена в 10—11 вв. в связи с христианизацией. Перечень древнейших кириллических памятников см. в ст. Старославянский язык. Состав и форма букв К. изменялись. С 10 по 18 вв. последовательно существовали следующие графические видоизменения К.: устав, с 14 в.— полуустав, с кон. 14 в.— скоропись (в бытовой и деловой переписке) и орнаментальная вязь (см. Письмо). К. лежит в основе рус. алфавита (см. Алфавит).

Лит.: Черепнин Л. В., Русская палеография, М., 1956; Щепкин В. Н., Русская палеография, М., 1967. *А. С. Львов.*

КЛА́ССЫ ГЛАГО́ЛОВ — см. Глагол.

КНИГОПЕЧА́ТАНИЕ — комплекс производственных процессов, целью к-рых является изготовление печатной продукции. К. предполагает печатание текста с наборной формы, составленной из отдельных элементов — литер. Обычно термин «К.» применяют, говоря об истории изготовления печатной книги. Для совр. книгопечатного производства чаще используется термин «полиграфия». Первые опыты К. были предприняты в 1041—48 китайцем Би Шэном. Возникновение К. в Европе относят к 40-м гг. 15 в. и связывают с именем И. Гутенберга. К. быстро проникает в различные страны Европы.

По словам К. Маркса, К. явилось одной из необходимых предпосылок буржуазного развития (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 30, с. 262). Ф. Энгельс считал, что «в результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли...» духовенство «... лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования» (там же, т. 7, с. 350—51).

Первые слав. печатные книги кирилловского шрифта вышли в 1491 из краковской типографии Ш. Фиоля. Первая типография на территории нашей страны основана около 1523 в Вильне Ф. Скориной. Начало К. в Москве относят к 50-м гг. 16 в. и связывают с деятельностью т. н. анонимной типографии, выпустившей не менее 7 книг. Первая точно датированная рус. печатная книга «Апостол» напечатана в 1564 И. Фёдоровым (см.) и П. Мстиславцем. В 1574 во Львове И. Фёдоров выпустил в свет первый известный нам слав. учебник грамоты «Азбуку». Издание было повторено им в 1578 в Остроге со включением ряда дополнительных материалов — параллельных греко-слав. текстов и памятника старой болг. лит-ры — «Сказания како состави святый Кирил Философ азбуку по языку словенску» (т. н. «Сказание Черноризца Храбра»).

Одним из результатов широкого распространения К. явилась унификация грамматических норм и орфографических правил. К. способствовало упрочению единого лит. языка, унификации графических форм письма (типографский шрифт), возникновению канонических, освящённых традицией редакций наиболее распространённых произведений литературы. В России одной из причин введения К. было стремление правительства Ивана Грозного унифицировать тексты богослужебных книг, «дабы впредь святые книги изложилися праведне».

Применительно к нуждам К. в нач. 18 в. по инициативе Петра I был создан т. н. гражданский шрифт, получивший впоследствии широкое распространение.

Илл. см. на вклейке.

Лит.: 400 лет русского книгопечатания, т. 1—2, М., 1964; Немировский Е. Л., Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Фёдоров, М., 1964; его же, Начало славянского книгопечатания, М., 1971; Пятьсот лет после Гутенберга, М., 1968.

Е. Л. Немировский.

КНИ́ЖНАЯ РЕЧЬ — речь, представленная в художественных, публицистических, научных, официально-деловых текстах. К. р. связана с письменной формой выражения и, даже выступая в устной форме (лекция, доклад, официальное выступление и др.), ориентируется на традиции письменности. К. р. противостоит разговорной речи (см.) как речь преим. монологическая, заранее подготовленная, организованная с целью определённого воздействия на окружающих, в то время как разговорная речь преим. диалогична. По сравнению с разговорной речью К. р. более стабильна, более традиционна (в смысле следования устоявшимся образцам), более многообразна по составу и сложна по организации языковых средств. Однако К. р. не изолирована от разговорной речи. В своё время А. С. Пушкин подчёркивал не только их различие, но и их связь: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков» («Письмо к издателю», 1836).

Представление о «книжности» речи не оставалось неизменным на протяжении истории рус. языка. Во 2-й пол. 18 в. оно связывалось прежде всего с высоким слогом (см.), в 1-й пол. и сер. 19 в.— с «художественностью», изысканностью, образностью, красивостью. Затем «книжность» начинает ассоциироваться с публицистической и научной речью. В совр. рус. языке понятие «К. р.» многогранно. С ним традиционно связываются характерные черты художественной, публицистической и научной речи, но нередко «книжность» ассоциируется и с официально-деловой речью. Официально-деловой стиль (см.) в силу его большой общественной значимости является «престижной» разновидностью К. р., поэтому зачастую стремление избежать разговорности и желание выразиться «книжно» ведёт к использованию выражений и оборотов именно официально-делового стиля.

Лит.: Щерба Л. В., Избранные работы по русскому языку, М., 1957; Костомаров В. Г., О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный», в кн.: Проблемы современной филологии, М., 1965; Шмелев Д. Н., Русский язык в его функциональных разновидностях, М., 1977.

А. И. Горшков.

КОММУНИКА́ЦИЯ — см. Функции языка.

КОМПАРАТИ́В — см. Степени сравнения.

КОНСОНАНТИ́ЗМ (от лат. consonans, в грамматике — согласный звук) — система согласных фонем к.-л. языка или диалекта на данном этапе его развития. В совр. рус. лит. языке систему К. образуют 37 (согласно другой точке зрения, 34) согласных фонем, находящихся в определённых отношениях друг с другом (см. Согласные). Эта система является результатом длительного исторического развития, сущность к-рого заключается как в постепенном увеличении состава фонем, образующих систему К., так и в усилении различительной (фонологической) функции согласных. К моменту появления первых памятников письменности (11 в.) др.-рус. язык знал 26 согласных фонем (согласно другой точке зрения, 27, ибо в систему включается *ф* в заимствованных словах): только твёрдые *п, б, м, в, т, д, к, г, х*; только мягкие *ш', ж', ч', ц',* $\widehat{ш'ч'}$, $\widehat{ж'д'ж'}$, *j*; парные по твёрдости — мягкости *с — с', з — з', р — р', л — л', н — н'*. Твёрдые согласные, кроме *к, г, х*, выступали перед всеми гласными, получая позиционную полумягкость (неполное смягчение) перед гласными переднего образования; мягкие выступали перед всеми гласными, кроме *ы, о, ъ*; заднеязычные *к, г, х* сочетались только с последующими гласными непереднего образования. Парные твёрдые — мягкие противопоставлялись перед всеми гласными, кроме *ы, о, ъ*, но не имели позиций нейтрализации (неразличения) твёрдости — мягкости. Парными по глухости — звонкости являлись *п — б, т — д, с — з, с' — з', к — г,* $ш' — ж'$, $\widehat{ш'ч'} — \widehat{ж'д'ж'}$, они противопоставлялись перед гласными и тоже не имели позиций нейтрализации глухости — звонкости. Все согласные др.-рус. языка были самостоятельными фонемами, выступая различителями словоформ (*б·илъ — п·илъ — м·илъ — в·илъ, съ — тъ — къ — въ, лубъ — любъ, чара — кара, годъ — ходъ* и т. д.).

В сер. 11 в. произошло смягчение полумягких согласных перед гласными переднего образования. В результате этого в др.-рус. языке возникли новые мягкие *п', б', м', в', т', д'*, а также *с', з', р', л', н'*, развившиеся из полумягких и совпавшие с исконно мягкими. Однако в этот период как новые, так и исконно мягкие согласные стали возможны только перед передними гласными (а также перед *а* и *у*), а твёрдые согласные — только

перед непередними гласными, в силу чего различительная функция согласных ослабла: будучи неразрывно связанными по качеству твёрдости — мягкости с непередними — передними гласными, они образовывали с ними неразложимые сочетания (силлабемы), в к-рых различительную роль играли равно как согласный, так и гласный (ср.: *ко/нъ — ко/н'ъ, бы/лъ — б'и/лъ, ма/т'ъ — м'ä/т'ъ*). Вместе с тем в это время развивается нейтрализация твёрдости — мягкости согласных перед гласными *ě* (позже *е*) и *и*: если в положении перед *а* и *у* парные твёрдые — мягкие различаются, то в положении перед *ě* и *и* на месте как твёрдого, так и мягкого начинает выступать только мягкий, ср.: *пора — бур'а* и *пор'ě — бур'ě, м'ьну — м'ьню* и равно *м'ьн'и* — повелительное наклонение, *бу́ра* (прил.) — *бур'а* и равно *бур'и* — им. п. мн. ч. муж. рода и дат.-местный ед. ч. жен. рода.

В сер. 12 — нач. 13 вв. в др.-рус. языке утрачиваются редуцированные гласные (см. Падение редуцированных), в результате чего согласные оказываются вне зависимости от последующего гласного: они оказываются возможными в абсолютном конце слова (напр.: *столъ → стол, велъ → вел*) и в соседстве с другими согласными (напр.: *ло/дъ/ка → лодка, съ/дѣ/ла/ти — сдѣлать*). Это обстоятельство привело к тому, что твёрдые — мягкие парные согласные, оказавшись на конце слова, самостоятельно стали различать словоформы, т. е. укрепили свою фонематичность (напр.: *ко/нъ — ко/н'ъ* и *кон — кон', бу/ръ — бу/р'ъ* и *бур — бур'*). Кроме того, в позиции конца слова звонкие согласные стали оглушаться, а на стыке глухих и звонких шумных развились процессы ассимиляции по глухости — звонкости, ср.: *ду/бъ* и [*дуп*], *ро/за* и [*рос*], *ло/дъ/ка* и *ло*[*тк*]*а, съ/дѣ/лати* и [*зд'е́лът'*]; соседство согласных, оказавшихся теперь рядом, вызвало и иные процессы ассимиляции и диссимиляции: по месту и способу образования, ср.: *съ женою* и [*ж*]*еною* из [*с-женою → з-женою → ж-женою*], *ко/гъ/ти* и [*ко́хт'и*] из [*ког-ти → кок-ти → кохти*], по твёрдости — мягкости, ср.: *кра/сь/ный — кра*[*сн*]*ый, дъвѣ* — [*д'в'е*] и др.

Процессы, прошедшие в развитии системы согласных, обусловили возникновение в др.-рус. языке новой фонемы, исконно чуждой славянам,— фонемы *ф*: она возникла сначала как фонетический результат оглушения *в* (*столовъ — столо* [*ф*], *въ саду —* [*ф-с*]*аду* .....), а затем была перенесена в положение перед гласными, прежде всего при усвоении заимствованных слов устно-разговорной речью.

Т. о., после утраты редуцированных и развития различных фонетических и фонологических процессов (приблизительно к 14 в.) состав согласных фонем рус. языка стал включать следующие единицы: *п,п', б,б', в,в', ф,ф', т,т', д,д', с,с', з,з', м,м', н,н', л,л', р,р', ч', ш', ж', ц', ш т'ш', ж'д'ж', j, к, г, х* (34). Дальнейшие процессы в истории К. связаны с отвердением *ш', ж'* и *ц'*, к-рое в целом относится к периоду 14—16 вв., и с утратой затвора в *ш'т'ш', ж'д'ж'* и превращением их в *ш̄', ж̄'* (с возможным отвердением по диалектам). В кон. 18 — нач. 20 вв. появляются твёрдые согласные перед *е* (ср.: заимствования *сэр, мэр, пэр*, аббревиатуры *ТЭЦ, ЛЭП, ГЭС* и т. п.) и распространяются мягкие *к', г'* перед *а, о, у* (ср.: заимствования *Кяхта, гяур, ликёр, маникюр, Гёте, кюре* и т.д.). Если отвердение *ш', ж'* и *ц'* и утрата затвора в *ш'ч', ж'д'ж'* не повлекли за собой изменений в фонемном составе рус. языка и во взаимоотношениях фонем, то распространение *к', г'* (и, возможно, *х'*) перед теми же гласными, перед к-рыми выступают *к, г, х*, превращает их в самостоятельные фонемы (до этих процессов *к', г', х'* выступали как разновидности *к, г, х* перед *е* и *и*, где твёрдые заднеязычные не употребляются), а появление твёрдых перед *е* ведёт к утрате позиции, в к-рой могли выступать только мягкие, и к изменению её в позицию противопоставления твёрдых — мягких парных согласных (какими являются позиции перед *а, о, у, и*). Впрочем, нек-рые исследователи продолжают считать *к', г', х'* позиционными разновидностями соответствующих твёрдых фонем.

В отличие от рус. лит. языка К. рус. диалектов (см. Диалект, Говоры русского языка) может характеризоваться: 1) цоканьем (см.), т. е. неразличением *ц* и *ч* и произношением на их месте только одного звука — или *ц*, или *ч* (*целый — цай* или *челый — чай*); 2) отсутствием *ф* и произношением на его месте *х* или *хв* (*кохта, Хвёдор*); 3) не взрывным, а фрикативным характером *г* [γ] (*γоры, ноγи*); 4) не губно-зубным, а губно-губным характером *в* [*w*] (*прawда*) и нек-рыми другими чертами. Поэтому и количество, и отношения согласных в диалектах могут быть иными, чем в лит. языке.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; его же, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, 2 изд., М., 1965.

В. В. Иванов.

КОНТАМИНА́ЦИЯ (от лат. contaminatio — соприкосновение, смешение) — взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формаль-

ному изменению, а также к образованию новой языковой единицы.

Обычно К. наблюдается в сфере разговорной речи и является отступлением от лит. нормы. Особенно часто синтаксические и фразеологические К. возникают в процессе речи, когда говорящий, формулируя мысль, опирается на определённую конструкцию, но затем отходит от неё и как бы соскальзывает на другую, тождественную или близкую первой. Ср.: *не только — а < не столько — сколько + не — а*: *Успех в соревновании зависит не только от сноровки, а от знания технологии...*; *Чаша терпения лопнула < Чаша терпения переполнилась/ Терпение лопнуло*; неправильное *поднять тост < поднять бокал + предложить тост* и др. К. встречается тем чаще, чем больше функциональная близость многоэлементных языковых единиц (ср. К. в ряду сочетаний, устанавливающих факт бытия, наличия, значимости того или иного явления: неправильное *играть значение*, *играть влияние*, *занимать роль*, *выполнять роль*, *придавать внимание*, *отводить внимание*, *уделять заботу* и т. п.).

В те периоды истории рус. языка, когда он был ещё недостаточно кодифицирован, К. служила одним из средств создания новых языковых единиц, постепенно закрепляемых нормой. Так, в процессе упорядочения видовых корреляций наиболее употребительные формы двух параллельных глаголов, образованных от одного корня и обладавших одинаковым видовым значением, иногда объединялись в одну парадигму, создавая один глагол с новым соотношением основ. Др.-рус. глаголы *гънати* (наст. *женуть*, прош. *гъналъ*) и *гонити* (наст. *гонять*, прош. *гонилъ*) объединили свои формы в контаминированной парадигме, узаконенной нормой: *гнать* (наст. *гонят*, прош. *гнал*); ср. также *бѣчи* (наст. *бѣгуть*, прош. *бѣглъ*) и *бѣжати* (наст. *бѣжать*, прош. *бѣжалъ*) > *бежать* (наст. *бегут*, прош. *бежал*); *даяти* (наст. *дають*, прош. *даялъ*) и *давати* (наст. *дають*, прош. *давалъ*) > *давать* (наст. *дают*, прош. *давал*).

Нормой лит. языка были закреплены и отдельные фразеологизмы: *пятая спица в колеснице < последняя спица в колеснице + пятое колесо в телеге*; *кануть в вечность < кануть в Лету + отойти в вечность*. Ср. также использование К. в словообразовании: *рация < радиостанция*, *бестер < белуга + стерлядь*.

Лит.: Шведова Н. Ю., Активные процессы в современном русском синтаксисе. (Словосочетание), М., 1966; Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С., О контаминации и смежных с нею явлениях, в сб.: Памяти академика В. В. Виноградова, [М.], 1971; Ройзензон Л. И., Абрамец И. В., О фразеологической контаминации в русском языке, «Рус. яз. в школе», 1969, № 3; Шварцкопф Б., Спица в колеснице, «Рус. яз. в нац. школе», 1970, № 1; Шанский Н. М., Кануть в вечность, «Рус. яз. в школе», 1968, № 4; Лаптева О. А., Современная русская публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1; Щепин А. Г., О лексической контаминации, «Рус. речь», 1978, № 5.

В. Б. Силина.

КОНТЕ́КСТ (от лат. contextus — сцепление, соединение, связь) — 1) отрезок речевой цепи, составляющий левое и правое окружение входящей в эту цепь единицы языка. Понятие «К.» имеет место на всех языковых уровнях — фонологическом, грамматическом, семантическом, синтаксическом. К. позволяет разделить в языковой единице независимые признаки и признаки, проявляющиеся в специфическом окружении. Объединение элементов языка к.-л. уровня в одну единицу или, напротив, выделение этих элементов в самостоятельные единицы основывается на их способности употребляться в одинаковых К. На этом основан, напр., принцип выделения минимальных различительных пар в фонологии (см.). В грамматике получило распространение понятие диагностич. К.— речевого отрезка, позволяющего выделить противопоставленные члены грамматической оппозиции. Так, для категории рода в рус. языке диагностическим К. является сочетание форм им. п. ед. ч. (*вижу большого мальчика*, *большой стол*, *большую реку*, *большое поле*) и вин. п. мн. ч. (*вижу больших мальчиков*, *девочек*, *животных*, *большие столы*, *реки*, *поля*), позволяющих произвести разбивку муж., жен., ср. рода по признаку одушевлённости. Большую роль играет выделение К. для изучения семантики слов и выявления их лексической сочетаемости, определения отношений синонимии, антонимии, многозначности слова. Прогнозирующий эффект К. вытекает, в частности, из правила «семантического согласования», действующего при осмыслении высказывания: выбирается то из значений многозначного слова, в к-ром содержится наибольшее число семантических элементов, общих с представленным в К. Поэтический язык открывает новые возможности взаимодействия слова и его окружения, влияния на восприятие поэтического слова его фонетического, грамматического, семантического К. Поэтический К. влияет на входящий в него элемент: происходит акцентирование определённых семантических признаков в слове, присоединение факультативных признаков, подавление элементов смысла, объединение смыслов с сохранением известной самостоятельности каждого из них, контрастное подчёркивание и т. п. Словари поэтических К. отдельных авторов — конкордансы — позволяют выявить для каждого слова всё множество его К. и на этой основе точнее определить специфические процессы поэ-

тического языка и индивидуальные характеристики отдельных поэтов.

По отношению к более крупным семантическим блокам — словосочетаниям, предложениям — объём К. естественно увеличивается: им может быть абзац, цельный смысловой фрагмент, в пределе — весь текст. Выход за рамки текста выявляет новое соотношение: текст (сообщение) — контекст (действительность), фиксирующее референтную (денотативную) функцию языка (см. Функции языка). Значение понятия «К.» как инструмента лингвистического анализа было в полной мере определено Л. В. Щербой, к-рый писал: «В самом деле, в чем состоит языковое чутье? Само собой разумеется, не в возможности непосредственного усмотрения истины, а в умении создавать новые контексты, тонко понимая их смысл, в умении отличать возможные контексты от невозможных. Это подразумевает, конечно, у исследователя писательский талант, могущий создавать убедительные для своих современников контексты; но я полагаю, что по отношению к исследователю такое требование более чем законное» («Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики», 1947, с. 74).

2) Слово «К.» употребляется также в значении: рассмотрение единиц одного вида в соотнесении с соположенными им во времени или пространстве единицами того же вида, ср. издания ИМЛИ «Контекст 1974», «Контекст 1976».

О. Г. Ревзина.

КОНТРА́СТ (франц. contraste — резко выраженная противоположность) — композиционно-стилистический принцип развёртывания речи, заключающийся в динамическом противопоставлении двух содержательно-логических (а также структурно-стилистических) планов изложения, повествования в публицистических и лит.-художественных произведениях.

Напр., первая фраза доклада В. И. Ленина на объединённом заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года: «*Товарищи, мне кажется, что теперешнее наше положение, при всей его противоречивости, может быть выражено, во-первых, тем, что мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, и, во-вторых, мы никогда не были в более опасном положении, как теперь*» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 37, с. 111) — оказывается формулой содержательно-стилистического развёртывания всей речи, к-рое идёт как бы по двум независимым, но постоянно соотносящимся линиям, — на ряде конкретных примеров раскрывается утверждение о близости к международной революции и параллельно приводятся другие факты, свидетельствующие об опасности положения.

Единый принцип контраста реализуется, по-разному проявляясь, на всех уровнях словесно-художественной структуры. В рассказе Л. Толстого «После бала» контрастно сопоставлены сцена бала и сцена экзекуции. На содержательном уровне К. представлен рядом фактов: красивая внешность полковника и его отталкивающие поступки; «*мотив мазурки*» и «*жестокая, нехорошая музыка*», «*белое*» и «*розовое*» одной сцены и «*черное*» другой и т. д. На уровне языковых средств можно отметить, что если описание бала строится на эпитетах, определениях-прилагательных, то в сцене экзекуции определения предметны («*скользкая дорога*», «*белые зубы*», «*солдаты в черных мундирах*»), выражены преим. действительными и страдательными причастиями («*оголенный по пояс человек*», «*сморщенное от страдания лицо*») и т. д. На уровне композиционно-стилистическом происходит трансформация «образа рассказчика»: в обобщённый рассказ о прошлом вдвигаются формы, связанные с непосредственным восприятием и переживанием, создаётся новая субъектная сфера; соотношение «автор — рассказчик» (сцена бала) осложняется при описании сцены «после бала» соотношением «автор — рассказчик — непосредственный наблюдатель» (об этом свидетельствует субъективизация повествования, в частности появление субстантивированных прилагательных, неопределённых местоимений и наречий: «*увидел... что-то большое черное... увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне... повторял какие-то одни и те же слова*).

К. на уровне словосочетания и предложения даёт антитезу (см.).

В. В. Одинцов.

КООРДИНА́ЦИЯ [от лат. co (cum) — совместно и ordinatio — упорядочение] — синтаксическая связь главных членов двусоставного предложения (подлежащего и сказуемого), при к-рой происходит полное или частичное формальное уподобление словоформ, выражающих эти члены. К. не является подчинительной связью: она не предопределена свойствами соединяющихся слов, а всегда является только связью определённых словоформ. В результате К. возникают предикативные отношения и формируется предложение, напр.: *дом строится, дом новый, книги интересны, книга твоя.*

Подлежащее и сказуемое координируются в следующих формах: 1) в формах р о д а, ч и с л а и п а д е ж а — в двусоставных предложениях без спрягаемой формы глагола, при подлежащем-существительном в форме ед. ч. или местоимении 3-го лица ед. ч. и сказуемом — полном прилагательном, местоимении-прилагательном или причастии (*она добрая,*

решение окончательное, книга моя, телеграмма доставлена).

2) В формах рода и числа: а) в предложениях с глаголом-сказуемым в форме на *-л* и подлежащим-существительным в форме ед. ч. или местоимением 3-го лица ед. ч. (*Весна пришла*; *Он читал*; *Она читала*); б) в предложениях со сказуемым — кратким прилагательным или кратким страдательным причастием и с подлежащим-существительным или местоимением 3-го лица ед. ч. (*Сын рад*; *Боец ранен*; *Она наказана*; *Он наказан*).

3) В формах числа и лица — в глагольных предложениях с подлежащим-местоимением (*Ты идёшь*; *Они идут*; *Я гуляю*; *Он гуляет*).

4) В формах числа и падежа — в предложениях со сказуемым-существительным в форме им. п. ед. и мн. ч., а также местоимением, полным прилагательным или причастием (*Сестра — врач*; *Братья — рабочие*; *Зимы морозные*; *Книги мои*).

5) В формах числа: а) в предложениях со сказуемым-глаголом наст. времени (*Дети играют*; *Ребёнок плачет*); со сказуемым-глаголом на *-л* при подлежащем-существительном во мн. ч. или местоимении 1-го и 2-го лица [*Дети играли*; *Я (ты) играл*; *Я (ты) играла*]; б) в предложениях с подлежащим-существительным в форме мн. ч. или местоимением 1-го и 2-го лица и со сказуемым — краткой формой прилагательного или причастия (*Я рад*; *Мы рады*; *Пироги готовы*; *Чертежи закончены*); в) в предложениях со сказуемым-существительным со значением лица в форме твор. п. (*Брат здесь рабочим*); при сказуемом-существительном *вина, порука, причина* в форме твор. п. при несовпадении форм числа в подлежащем и сказуемом К. отсутствует: *Они всему причиной* (*виной*).

6) В падеже: в предложениях с подлежащим-именем в форме мн. ч. и со сказуемым — именем существительным отвлечённо-характеризующего значения (*Дети — наша радость*), а также при подлежащем вежливости *Вы* (*Вы оптимист*).

В правилах К. имеют место колебания. Основные случаи колебания К. в двусоставных глагольных предложениях в формах числа: 1) при подлежащем — слове или сочетании со значением количества [*Пришло* (*пришли*) *двое*; *Часть студентов не явилась* (*не явились*)]; 2) при подлежащем — ряде словоформ [*В шкафу был* (*были*) *клей, краски*; *Приехал* (*приехали*) *брат и сестра*]; 3) при подлежащем — сочетании со значением совместности [*Пришёл* (*пришли*) *брат с сестрой*]; 4) при подлежащем-местоимении *кто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто*, указывающем на многих [*Все, кто пришёл* (*пришли*), *разместились на трибунах*]. В тех же предложениях может происходить колебание К. в формах рода, если подлежащее выражено 1) количественно-именным сочетанием [*Писем сохранилось* (*сохранилась*) *самая малость*] или 2) именем существительным муж. рода, называющим лицо по роду деятельности и в данном предложении относящимся к лицу женского пола [*Врач пришла* (*пришёл*)].

В предложениях со связкой *был* или с полусвязочным (полузнаменательным) глаголом при несовпадении родовых и числовых значений имён в подлежащем и сказуемом может иметь место колебание в родовых формах глагольного слова [*Свадьба была* (*было*) *радостное событие*].

Лит.: Скобликова Е. С., Форма сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, «Вопросы культуры речи», 1959, в. 2; Розенталь Д. Э., «Согласование по смыслу» сказуемого с подлежащим, М., 1960; Камынина А. А., К вопросу о предложениях с количественными словами в составе главных членов, «Рус. яз. в школе», 1961, № 2; Шмелев Д., Некоторые особенности согласования в русском языке, «Рус. яз. в нац. школе», 1962, № 4; Гильченок Т. Е., О грамматических отношениях между подлежащим и сказуемым в современном русском языке, «Науч. докл. высшей школы. Филологические науки», 1964, № 2; Супрун А. Е., Славянские числительные, Минск, 1969; Шведова Н. Ю., Согласование и координация: их сходство и различия, в кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков, М., 1971. *М. С. Суханова.*

КО́РЕНЬ — центральная морфема слова (см. Морфема), обязательно присутствующая в каждом слове и заключающая в себе основной элемент лексического значения слова, напр. *-сух-* в слове *засуха*, *лес-* в слове *лесной*. Значение К. более конкретно, чем значение любого аффикса (см.) того же слова. В отличие от аффикса К. может полностью совпадать с основой (т. н. свободные К.), есть, однако, в языке и нек-рое количество связанных, т. е. никогда не совпадающих с основой, К. Если основа слова состоит из одной морфемы, то эта морфема — К. (ср., напр., *вода*, *стол*, *нести*, *вдруг*). В зависимости от количества К. (и соответственно простых основ, см. Основа) в слове все слова делятся на простые и сложные: в простых (*пар*, *засуха*, *слепой*) — один К., в сложных (*пароход*, *засухоустойчивый*, *слепоглухонемой*) — более одного К. Выделяются К. с предметным значением (*стен-* в слове *стена*), с процессуальным (*тряс-* в *трясти*), со значением непроцессуального признака (*красн-* в *красный*), с количественным значением (*дв-* в *два*). Особое место в языке занимают К. служебных слов, близкие по выражаемому значению к аффиксам; напр., значение предлога и префикса *без*, частицы и префикса *не*.

Лит. см. при ст. Морфема.

В. В. Лопатин.

КОРШ Фёдор Евгеньевич [22.4(4.5). 1843, Москва,— 16.2(1.3).1915, там же] — рус. филолог, акад. Петерб. АН (1900). Окончил Московский ун-т (1864), проф. Новороссийского (Одесского) ун-та, Московского ун-та (с 1882), Лазаревского ин-та восточных языков (с 1892). Работы по истории рус. языка, славяноведению, античной филологии, иранистике, тюркологии, восточнослав. лит-рам, фольклору. Возглавлял работу Комиссии по составлению диалектологической карты России (1909). В книге «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса» (1877) выдвинул идею синтаксической типологии — изучение одинаковых синтаксических конструкций в родственных и неродственных языках. Работы К. по истории и теории рус. произношения заложили основы рус. орфоэпии. Труды по античной, др.-инд., слав., тюркской ритмике и стихосложению. Происхождение десятисложного стиха южных и западных славян исследовал в работе «Введение в науку о славянском стихосложении» (1906).

Лит.: Шахматов А. А., Федор Евгеньевич Корш, «Изв. имп. Академии наук», 1915, т. 9, сер. 6, № 5; Дмитриев Н. К., Федор Евгеньевич Корш, [М.], 1962 (лит.).

КО́СВЕННАЯ РЕЧЬ — один из способов передачи чужой речи, при к-ром эта речь грамматически приспосабливается говорящим к своей речи: чужая речь в форме косвенной оформляется как придаточная часть при глаголе речи (*сказать* и др.) из главной части сложного предложения: «*Он сказал, что хочет видеть ее часто*» (М. Горький).

Грамматическая приспособленность К. р. и неприспособленность прямой речи (см.) к речи говорящего противопоставляют эти две формы передачи чужой речи и определяют их важнейшие отличия. В К. р. все местоимения и формы лица глагола даны с точки зрения говорящего, а в прямой — с точки зрения того, кому она принадлежит, ср.: *Он сказал: «Я не могу вам ничего обещать».— Он сказал, что он нам ничего не может обещать.* При переводе прямой речи в К. р. происходит и ряд других изменений, в результате к-рых прямая речь по своему лексико-синтаксическому устройству может весьма существенно отличаться от К. р., ср.: «*Я однажды сказал: „Если бы ты знала, сколько у меня врагов“*» (Бунин).— *Я однажды сказал, что у меня очень много врагов.*

При переводе прямой речи в К. р. 1) повествовательное предложение становится придаточной частью с союзом *что*: «*„Молнии Мальцев увидеть не мог“,— сказал я*» (Платонов).— *Я сказал, что Мальцев не мог увидеть молнии*; 2) побудительное предложение становится придаточной частью с союзом *чтобы*: «*Она сказала мне: „Ложись спать“. — Потом она встала, утомленная и усталая, и сказала мне, чтобы я ложился спать*» (Достоевский); 3) вопросительные предложения с вопросительным словом становятся придаточной частью с соответствующим союзным словом: «*„Кого это вы хотите представить?“ — тихо спросила Лизавета Ивановна*» (Пушкин).— *Лизавета Ивановна спросила, кого он хочет представить*; 4) вопросительные предложения без вопросительного слова становятся придаточной частью со служебным словом *ли*: «*„Доктор у себя?“ — быстро спросил вошедший*» (Чехов).— *Вошедший быстро спросил, у себя ли доктор.*

К. р., передающая вопрос, называется соответственно косвенным вопросом.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1954; Кодухов В. И., Прямая и косвенная речь в современном русском языке, Л., 1957. *Е. Н. Ширяев.*

КО́СВЕННОЕ ДОПОЛНЕ́НИЕ — см. Дополнение.

КО́СВЕННЫЕ ПАДЕЖИ́ — см. Падеж.

КО́СВЕННЫЙ ВОПРО́С — см. Косвенная речь.

КОСТОМА́РОВ Виталий Григорьевич (р. 3.1.1930, Москва) — сов. языковед, чл.-корр. АПН СССР (1974). Чл. КПСС с 1958. Окончил МГУ (1952) и МГПИИЯ им. М. Тореза (1953), проф. (1971). Генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей рус. языка и лит-ры (МАПРЯЛ, 1967), директор Научно-методического центра рус. языка при МГУ (с 1966; с 1973 — Ин-та рус. языка им. А. С. Пушкина). Исследовал проблемы культуры речи, выдвинув принципы коммуникативной целесообразности и традиционности выражения в качестве

ведущих при определении языковой нормы, связывая понятие правильности не только с нормой, но и с функциональной стилистикой («Культура речи и стиль», 1960). Изучил особенности языка газеты («Русский язык на газетной полосе», 1971). В книгах «Программа КПСС о русском языке» (1963), «Русский язык среди других языков мира» (1975) К. рассматривает проблемы распространения и функционирования рус. языка в совр. мире, категорию языков широкого международного общения и их место в общей функциональной классификации совр. языков мира. Ряд работ посвящён лингвострановедению — теории и практике преподавания языка в теснейшей связи с изучением культуры народа — носителя этого языка («Язык и культура», совм. с Е. М. Верещагиным, 1973, и др.). Автор и ред. многих учебников рус. языка для иностранцев.

КРА́СНАЯ СТРОКА́ — начальная строка текста или его части, начинающаяся с отступа; то же, что абзац (см. в первом значении). Название связано с обычаем выделять начало рукописной книги (или её раздела) красной краской или украшать его миниатюрой (см. иллюстрации к ст. Памятники письменности русского языка).

КРЫЛА́ТЫЕ СЛОВА́ — устойчивые изречения, появившиеся в языке из определённого лит., публицистического и научного источника или на их основе, а также высказывания исторических деятелей, получившие широкое распространение в речи. Нек-рые учёные в разряд К. с. включают также названия исторических и мифологических событий и реалий, получившие переносное значение, личные имена исторических, мифологических и лит. персонажей, образные выражения различных авторов и т. п. Выражение «К. с.» восходит к Гомеру, а в качестве термина для обозначения определённых языковых явлений впервые было использовано в книге «Крылатые слова» (1864) нем. учёным Г. Бюхманом, к-рый подразумевал под ними все виды слов, словосочетаний и выражений, имеющие определённый источник и распространённые в речи.

Большинство исследователей основными свойствами К. с. считают их связь с источником (важнейшее свойство), устойчивость и распространённость.

К. с. могут ассоциироваться с определённым автором или произведением: «*Есть еще порох в пороховницах*» (Гоголь), «*Глаголом жги сердца людей*» (Пушкин); ассоциации с конкретным произведением могут утрачиваться: *с милым рай и в шалаше*, *победителей не судят*.

Устойчивые выражения только в том случае относятся к разряду К. с., если они известны практически каждому, т. е. являются «общим знанием» для носителей языка. Фонд К. с. исторически изменяется, однако в рус. языке существует определённый устойчивый массив К. с., связанных с рус. фольклором, античной лит-рой, памятниками христианской лит-ры и произведениями рус. и западноевропейских авторов. Среди них основную группу составляют выражения из произведений И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Горького, В. В. Маяковского, И. Ильфа и Е. Петрова. Особое значение имеют также К. с.— выражения из работ В. И. Ленина. На нек-рое (обычно довольно короткое) время в состав К. с. могут попадать выражения, источником к-рых являются средства массовой информации (печать, радио, кино, телевидение).

Общеизвестность К. с. приводит к тому, что в устной и письменной речи они обычно трансформируются (сокращаются, изменяют свой лексический состав), однако обязательным условием этих трансформаций является сохранение их связи с исходным выражением и узнавание.

Сборники: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г., Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения, 3 изд., М., 1966; Булатов М. А., Крылатые слова, М., 1958; Михельсон М. И., Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, т. 1—2, СПБ, [1902—1903].

Лит.: Бабкин А. М., Русская фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970; Ройзензон Л. И., Лекции по общей и русской фразеологии, Самарканд, 1973; Петров В. К., Вопросы образования крылатых выражений в русском языке, в кн.: Проблемы русского фразообразования, Тула, 1973; Ожегов С. И., О крылатых словах. (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова»), в его кн.: Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974.

Ю. Е. Прохоров.

КУЗНЕЦО́В Пётр Саввич [20.1(1.2).1899, Богодуховская Балка Усть-Хопёр-

ского округа Области войска Донского,— 21.3.1968, Москва] — сов. языковед, д-р филологических наук (1947). Окончил экстернат 1-го МГУ (1927), проф. МГУ (с 1948). Работы по фонологии, диалектологии, истории рус. языка, славяноведению, общему языкознанию, финно-угорским языкам, африканистике, структурной и прикладной лингвистике. Создал первый университетский курс истории рус. морфологической системы («Историческая грамматика русского языка», 1953).

В книгах «Очерки исторической морфологии русского языка» (1959) и «Очерки по морфологии праславянского языка» (1961) К. реконструировал общую картину превращения древнейших суффиксов как словообразовательных морфем в детерминанты, определявшие типы парадигм (см.) именного склонения в истории праслав. языка, исследовал отношения между словообразовательными процессами и словоизменением в истории рус. языка.

Один из основоположников московской фонологической школы. Работы по фонологии: «Об основных положениях фонологии» (1959), «О дифференциальных признаках фонем» (1958) и др. К. принадлежат исследования по истории фонетических чередований в рус. языке, в к-рых рассмотрено их развитие с праслав. эпохи. Описал ряд рус. говоров. Автор «Русской диалектологии» (1951, 3 изд., 1960).

Лит.: Р е ф о р м а т с к и й А. А., Петр Саввич Кузнецов (1899—1968), в кн.: Язык и человек, М., 1970 (лит.); У с п е н с к и й Б. А., П. С. Кузнецов (1899—1968), «ВЯ», 1968, № 3; Г о р ш к о в а К. В., И в а н о в В. В., Памяти Петра Саввича Кузнецова, «Вестник МГУ. Серия 10. Филология», 1968, № 5; Б у л а х о в М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 2, Минск, 1977.

КУЛЬТУ́РА РЕ́ЧИ — владение нормами устного и письменного лит. языка (правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др.), а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи.

Термин «К. р.» употребляется в широком смысле (и тогда имеет синоним «культура языка»). В этом случае имеются в виду образцовые тексты письменности, а также потенциальные свойства языковой системы. В узком смысле под К. р. понимают конкретную реализацию языковых свойств и возможностей в условиях повседневного — устного и письменного — общения. Понятие «К. р.» включает в себя две ступени освоения лит. языка: 1) правильность речи и 2) речевое мастерство.

П р а в и л ь н о с т ь р е ч и — это соблюдение норм — см. Норма (языковая) — совр. рус. лит. языка, воспринимаемых говорящими и пишущими в качестве «образца», «идеала» или общепринятого обычая. Оценки вариантов при этом весьма категоричны и определённы: правильно — неправильно, по-русски — не по-русски, допустимо — недопустимо, допустимо и то и другое и т. п. Напр., неправильно *одел пальто* (вместо *надел пальто*), *сколько время?* (вместо *сколько времени?*), допустимо *тво́рог* и *творо́г* *ина́че* и *и́наче*. Правильность речи является предметом школьного обучения рус. языку (наиболее последовательно в области грамматики и орфографии).

Р е ч е в о е м а с т е р с т в о в отличие от правильности речи — это не только следование нормам лит. языка, но и умение выбирать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный, доходчивый и т. п. Оценки вариантов при этом менее категоричны: лучше — хуже; вернее, яснее, точнее, уместнее и т. п. Напр., лучше сказать *я смог*, чем *я сумел*,— о физической возможности (а не об умении) сделать что-нибудь; глагол *кушать* не рекомендуется употреблять в форме 1-го лица (т. е. по отношению к самому себе: *я кушаю*, *кушал* вместо *я ем*, *ел*), но он допустим в вежливой форме повелительного наклонения (при приглашении к еде) и по отношению к детям и т. п.

Высокая К. р. предполагает достаточно высокий уровень общей культуры человека, сознательную любовь к языку, культуру мышления. Вершиной речевой культуры, эталоном и «точкой отсчёта» явлений, осознаваемых в качестве нормативных, признаётся лит. язык, где закрепляются и накапливаются, как в сокровищнице, культурные традиции народа, достижения мастеров слова, писателей.

К. р. мешает влияние диалектов, просторечия, жаргонов, а также засорение устной и письменной речи ненужными заимствованиями, канцеляризмами, словесными штампами и т. п.

Важнейшей задачей в области К. р. для языковедов-исследователей является изучение объективных языковых норм — на всех уровнях языка — в их отстоявшихся формах, противоречиях, в развивающихся или возникающих вновь тенденциях. Функциональность (т. е. соответствие цели общения) и связанная с ней вариантность норм и языковых средств составляют основу научной проблематики К. р.

Наука о К. р.— это теоретическая и практическая дисциплина, обобщающая достижения и выводы грамматики, стилистики и других разделов языкознания с целью живого, оперативного воздействия на языковую практику. Однако в отличие от нормативной стилистики учение о К. р. распространяется и на те речевые явления и сферы, к-рые ещё не входят в канон лит. речи и систему лит. норм.

Научное понимание проблем К. р. лежит в основе нормализации (т. е. описания и упорядочения норм языковедами), а также языковой политики — деятельности языковедов, писателей, педагогов, широких кругов общественности, связанной с воздействием на функционирование лит. языка и на его эволюцию.

Убеждённым сторонником нормализации рус. языка был уже М. В. Ломоносов (см. Трёх стилей теория). Выработанные им нормы рус. языка во многом определили дальнейшие судьбы его развития, подготовили реформаторскую творческую деятельность А. С. Пушкина. Труды Ломоносова (в первую очередь «Российская грамматика», 1755, опубл. 1757, и «Риторика», 1748) заложили основы нормативной грамматики и стилистики рус. языка. Работа эта была продолжена А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым, К. С. Аксаковым, Я. К. Гротом, А. А. Потебнёй и др. Однако в целом 19 в. (особенно 2-я пол.), принёсший расцвет сравнительно-историческому методу в языкознании, отошёл от теоретических проблем стилистики и культуры рус. речи, широко очерченных ещё Ломоносовым. В среде рус. языковедов в кон. 19 — нач. 20 вв. популярной была точка зрения акад. А. А. Шахматова, считавшего, что задачи нормализации языка чужды академической науке, что лингвист должен лишь собирать и описывать факты языка, не давая им никаких оценок. Исключением из этого общего правила явилась книга В. И. Чернышёва «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (1911).

После Окт. революции 1917 проблемы нормализации рус. языка были выдвинуты на передний край языковедческой науки. Это объяснялось рядом причин. Перед молодым революционным государством рабочих и крестьян встала задача быстрого повышения культуры широчайших — в ту пору практически безграмотных — народных масс. Именно в первые послереволюционные годы В. И. Ленин решительно поставил вопрос о создании словаря образцового («от Пушкина до Горького») рус. языка «для пользования (и учения) всех» и вёл борьбу за очищение рус. языка от ненужных иноязычных заимствований. Новая трудовая интеллигенция активно овладевала традиционными лит. нормами. Печать, книги, газеты, радио сделались достоянием народных масс и выдвинули новые требования к языку и стилю партийной пропаганды и агитации. Мощным орудием распространения лит. языка в стране сплошной грамотности стала школа.

Интенсивные изменения в рус. языке сов. эпохи, потребности языкового строительства способствовали пробуждению интереса языковедов к проблемам К. р. и научной нормализации. За годы Сов. власти языковое строительство всегда составляло важную часть культурного строительства. Работы многих сов. языковедов — в особенности Д. Н. Ушакова, С. П. Обнорского, Л. В. Щербы, В. И. Чернышёва, Г. О. Винокура, А. М. Пешковского, Е. С. Истриной, Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова и др.— существенно помогли установлению совр. лит. норм в области произношения и ударения, грамматики, стилистики и словоупотребления. Труды В. В. Виноградова имели важное значение для разработки вопросов К. р. и нормализации рус. языка как самостоятельного научного направления в сов. языкознании.

В работе по повышению К. р. активно участвуют писатели, внося свой вклад в это важное общенародное дело. Вопросам К. р. и языкового мастерства посвящены статьи и книги М. Горького, А. Н. Толстого, М. М. Пришвина, К. А. Федина, М. А. Шолохова, Л. М. Леонова и др. Сов. писатели были инициаторами и участниками важных общественных дискуссий на страницах центральных газет и журналов о состоянии и судьбах рус. языка.

К. р. в наши дни служит живым потребностям общества, осмысляя его речевую практику и совершенствуя её с научных позиций. Научная языковая нормализация проходит в постоянной борьбе с двумя крайностями: пуризмом (см.) и антинормализаторством (т. е. отрицанием необходимости сознательного вмешательства в языковой процесс). Программа языковой политики, основанной на научных знаниях, состоит в том, чтобы удерживать лит. речь на высшем уровне совр. культуры и книжно-письменной тради-

ции и в то же время не допускать её отрыва от народной почвы, живых процессов национального языка. К. р. предполагает также широкое лингвистическое просвещение трудящихся масс, внедрение в школьную практику достижений совр. языкознания.

Появление и совершенствование ряда новых общественных функций рус. языка, превращение его в важнейшее средство межнационального общения народов СССР и в один из ведущих мировых языков современности ставит перед наукой о К. р. новые теоретические и практические задачи. Развитие науки о К. р. основывается на признании принципиальной возможности регулировать социальную речевую деятельность и эффективно решать актуальные вопросы нормализации и языковой политики.

Лит.: Аванесов Р. И., Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972; Актуальные проблемы культуры речи. Сборник, под ред. В. Г. Костомарова и Л. И. Скворцова, М., 1970; Виноградов В. В., Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры, «ВЯ», 1961, № 4; его же, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; его же, Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания, «ВЯ», 1964, № 3; Винокур Г., Культура языка, 2 изд., М., 1929; Вопросы культуры речи. Сборник, в. 1—8, М., 1955—67; Обнорский С. П., Культура русского языка, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1960; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Пешковский А. М., Избранные труды, М., 1959; Розенталь Д. Э., Культура речи, 3 изд., [М.], 1964; Чернышев В. И., Избранные труды, т. 1—2, М., 1970; Щерба Л. В., Избранные работы по русскому языку, М., 1957; Дешериев Ю. Д. и Протченко И. Ф., О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР, «ВЯ», 1966, № 2; Головин Б. Н., Как говорить правильно, [Горький, 1966]; Горбачевич К. С., Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971; его же, Нормы современного русского литературного языка, М., 1978.

Л. И. Скворцов.

Л, л — тринадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*эль*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное л, строчное л.* Буква *Л, л* обозначает палатализованную (мягкую) — перед буквами *е, ё, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*л'*], [*л*] (см. Согласные), напр.: *лес* [*л'ес*], *лось* [*лос'*], *хлеб* [*хл'еп*], *лёд* [*л'от*], *лист* [*л'ист*], *люк* [*л'ук*], *соль* [*сол'*], *фля́га* [*фл'а́гъ*], *льняно́й* [*л'н'ано́і*], *лак* [*лак*], *лук* [*лук*], *кол* [*кол*] (см. Позиция фонологическая). Буква *Л, л* употребляется в составе нек-рых сокращений, напр.: *к.-л.*— какой-либо, *ЛГУ* — Ленинградский государственный университет, а также как сокращённое обозначение слова *литр* после цифры: *5 л молока.*

По начертанию восходит к букве «люди» (ⱗ) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «тридцать». Название и детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ЛА́РИН Борис Александрович [5(17).1.1893, Полтава,— 26.3.1964, Ленинград]— сов. языковед, чл.-корр. АН УССР (1945), акад. АН Литов. ССР (1949), засл. деят. науки РСФСР (1961). Окончил Киевский ун-т (1914), проф. Ленинградского ун-та (с 1931). Работы посвящены вопросам истории рус. языка, исторической лексикологии и лексикографии, напр. «Парижский словарь московитов 1586» (1948), «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.)» (1959), грамматика Лудольфа (1937), стилистике рус. художественной речи, исследованию арго (см.). В статьях «О лингвистическом изучении города», «К лингвистической характеристике города» (1928) и др. Л. поставил проблему социолингвистического изучения языка отдельных групп населения города и деревни. Занимаясь вопросами рус. лингвистической географии, выдвинул положение о тесной связи диалектологии с диалектографией и с историей языка.

Под руководством Л. создана картотека др.-рус. словаря (хранится в Ин-те рус. языка в Москве), им написан «Проект древнерусского словаря. (Принципы, инструкции, источники)» (1936). Выступил инициатором составления словарей к отдельным произведениям художественной лит-ры, организовал Межкафедральный словарный кабинет (ныне им. Б. А. Ларина) на филологическом факультете ЛГУ (1960).

Известны работы Л. по санскриту, литов. и укр. языкам.

Лит.: Борис Александрович Ларин, «Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и лит-ры», 1964, № 8, в. 2; Иссерлин Е. М., Борис Александрович Ларин. [1893—1964], «Рус. речь», 1968, № 1; Лихачёв Д. С., О Борисе Александровиче Ларине, в кн.: Ларин Б. А., История русского языка и общее языкознание, М., 1977 (лит.).

ЛЕКСЕ́МА (от греч. léxis — слово, выражение) — одна из системных единиц плана содержания языка, выделяемая наряду с фонемой (см.), морфемой (см.), семемой и пр. и определяемая как совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях. Понятие «Л.» вводится, согласно В. В. Виноградову («Избранные труды. Исследования по русской грамматике», 1975), для того, чтобы отразить различие между словом как системой грамматических форм или его отдельной словоформой (см.) и словом как совокупностью реализующих его лексико-семантических вариантов. Л. отражает выполняемые словом номинативные функции (см. Номинация) и его способность передавать различные лексические и грамматические значения; это носитель понятия лексико-семантического

единства слова, элемент лексической системы языка, в структурном и семантическом плане соотносимый с другими его Л. В значениях словоформ Л. выражает то, что остаётся неизменным при всех грамматических видоизменениях, и отражает идею тождества слова самому себе. Отсюда — более узкое понимание Л. как единицы, выражающей значение основы полнозначного слова или набора значений, выделяемых у лексико-семантического варианта слова.

Лит.: Уфимцева А. А., Типы словесных знаков, М., 1974; Шмелев Д. Н., Современный русский язык. Лексика, М., 1977. *Е. С. Кубрякова.*

ЛЕ́КСИКА (от греч. lexikós — относящийся к слову) — совокупность слов языка. Этим термином обозначают также определенные пласты словарного состава языка (напр., стилистически нейтральная Л., книжная Л., эмоциональная Л.), словарный состав тех или иных произведений или авторов (ср.: *лексика «Евгения Онегина» Пушкина*).

Различают активный и пассивный фонд: в первый входят слова, понятные всем говорящим на данном языке и находящиеся в постоянном употреблении, во второй — слова, понятные большей или значительной части говорящих, но неупотребляемые в обычном речевом общении (см. Активный словарь, Пассивный словарь). Л. совр. рус. языка представляет собой сложную систему, образуемую различными по происхождению, сфере употребления, стилистической значимости группами слов, а также разной степенью смысловой близости или противопоставленности единиц Л. С точки зрения происхождения различаются исконно русские (*лес*, *вода*, *ходить*, *читать* и т. п.) и заимствованные слова (древнейшие — *тетрадь*, *корабль* и сравнительно недавние — *диктат*, *кемпинг*, *робот*, *радар*, *эскалация*, *акваланг*, *транзистор* и т. п.). Степень ассимилированности заимствованных слов различна (см. Заимствование). Определённый пласт Л. совр. рус. языка составляют славянизмы (см.); в ряде случаев вытесненная ст.-слав. форма остаётся основой для производных: *холод*, но *охлаждать*, *берег*, но *прибрежный*, *город*, но *градостроительство* и т. п., в ряде случаев сохранившиеся наряду с исконными восточнослав. вариантами ст.-слав. (исторически) формы получили в рус. языке особое значение (ср.: *исходить* и *выходить*, *глава* и *голова*, *прах* и *порох* и т. п.).

В словарный состав лит. языка (в различные эпохи с различной интенсивностью) входят также областные слова, употребление к-рых первоначально ограничено отдельными территориальными говорами (ср.: *пахать*, *всполох*, *колдобина*, *околица*, *стерня* и т. д.). Нек-рые из этих слов сохраняют свой диалектный отпечаток и квалифицируются как диалектизмы (см.). Значительный пласт словарного состава совр. рус. лит. языка представляют т. н. интернациональные слова (*революция*, *социализм*, *космос* и т. п.).

Различаются общеупотребительная, нейтральная в стилистическом отношении Л., составляющая основу словаря, и Л., применение к-рой ограничено определёнными типами речи, определёнными условиями речевого общения (специальная научная и техническая Л., разговорная и просторечная Л., Л. официально-деловых документов и т. д., см. Стиль). Нек-рые слова (или значения слов) воспринимаются как устаревшие (архаизмы и историзмы; см. Устаревшие слова), другие — как новые, ещё не вполне привычные, не вполне закрепившиеся в лит. языке (см. Неологизм). Стилистическая значимость слов не остаётся неизменной (отдельные устаревшие слова «возвращаются» в активный фонд словаря с новыми значениями, ср.: *вратарь*, *довлеть*; специальные термины в ряде случаев, иногда видоизменяя значение, становятся общеупотребительными и т. д.).

Существенной особенностью Л. по сравнению с другими сторонами языка является её непосредственная обращённость к явлениям действительности. Поэтому именно в Л. прежде всего отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни. Появление новых предметов, возникновение новых понятий неизбежно влечёт за собой создание новых наименований или видоизменение семантики тех или иных слов.

Т. о., непосредственное воздействие внеязыковой действительности на Л. обусловливает её подвижность — в языке постоянно отмечается не только появление новых слов (и новых значений), вытеснение устаревших, утрачивающих свою актуальность обозначений, но и стилистическое перераспределение различных групп Л., изменение лексической и синтаксической сочетаемости слов и т. д.

Вместе с тем значительная часть слов, представляющая собой основу словарного состава языка, отличается устойчивостью основных значений (многие слова сохранили в совр. языке те же значения, к-рые отмечаются в древнейших памятниках письменности; ср.: *мать*, *отец*, *брат*, *вода*, *ходить*, *начать*).

При изучении словарного состава важно учитывать те отношения, к-рые существуют между различными словами и группами слов в тот или иной период развития языка. Семантика слова определяется не только способностью слова обозначать те или иные явления внеязыковой действительности, но и соотношением данного слова с другими словами (ср., напр., синонимические, антонимические связи; см. Синонимы, Антонимы, Омонимы),

особенностями его сочетаемости и словообразовательными связями (см. Семантика).

Лит. см. при ст. Лексикология.

Д. Н. Шмелёв.

ЛЕКСИКАЛИЗА́ЦИЯ — превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр., во фразеологизм). Частными случаями Л. являются: 1) превращение служебной морфемы (аффикса, см.) в слово: *акмеисты, футуристы и прочие исты*; *ультра* — «люди крайне реакционных убеждений»; 2) превращение словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово, напр. наречие (*верхо́м, вниз, замертво*), междометие (*батюшки! караул!*); 3) превращение словосочетания в слово: *спасибо* < *спаси бог, умалишённый, заблагорассудится* (см. также Сращение); 4) фразеологизация, возникновение идиоматического сочетания из свободного: *бить баклуши, заморить червячка* (см. Фразеологизм). Под Л. понимается также семантическое обособление одной из форм слова или части форм, напр. форм мн. ч. существительных; ср.: *бег* и *бега́* — «ска́чки», *вода* и *во́ды* — «водные пространства». Возможно и применение термина «Л.» к тем формальным (напр., морфонологическим) явлениям, к-рые не проявляются регулярно, а ограничены определённой группой (закрытым списком) слов; так, беглость гласной в корне ограничена в совр. рус. языке определённым списком слов (*сон — сна, день — дня, лёд — льда*, но *дом — дома, мёд — мёда*).

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967, с. 121—23; Новиков Л. А., Лексикализация форм числа существительных в русском языке, «Филологические науки», 1963, № 1; Кузнецова О. Д., О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах, «ВЯ», 1978, № 2.

В. В. Лопатин.

ЛЕКСИКОГРА́ФИЯ (от греч. lexikós — относящийся к слову и gráphō — пишу) — раздел языкознания, теория и практика составления словарей. В отличие от энциклопедических (см. Словарь энциклопедический) языковые словари (см. Словарь лингвистический) объясняют значения слов, их грамматические и другие особенности и содержат все классы слов (все части речи). Собственно словари следует отличать от словоуказателей (индексов) к различным текстам, к-рые обычно не содержат никаких сведений о слове, кроме указания на место (или места) его употребления в тексте. Словоуказатели, как правило, даются при научных изданиях старинных памятников письменности. Л. тесно связана и развивается параллельно с лексикологией (см.). В теории Л. существуют различные классификации словарей. Типы и виды словарей определяются в основном двумя факторами: составом и количеством объясняемых слов, т. е. словником словаря; характером объяснения значения слова (набор синонимов; описательное толкование; отсылочное определение, т. е. объяснение производного слова через первообразное, производящее, напр. *домик* — «маленький дом» или «уменьшительное к дом»). Различаются словари одноязычные и переводные (обычно двуязычные, реже многоязычные). В отличие от одноязычных в переводных словарях лексика одного языка поясняется средствами другого языка (или других языков). В характеристике слова в совр. словарях большое место занимают различного рода пометы (см.), пояснения, справки: этимологические, орфографические, орфоэпические, грамматические, стилистические, а также типичные словосочетания, иллюстративные примеры из текстов, фразеологические обороты различных типов. Заглавное (т. е. объясняемое) слово вместе со всеми сведениями, к-рые о нём сообщаются в словаре, составляет т. н. словарную статью. По расположению заглавных слов словари делятся на алфавитные и гнездовые. В первых слова располагаются по алфавиту заглавных слов (их разновидностью являются т. н. обратные словари, в к-рых слова располагаются в алфавитном порядке конечных букв). В гнездовых словарях слова располагаются по алфавиту первообразных слов, при этом их производные и однокоренные помещаются в той же словарной статье.

Л. возникла у многих народов на ранних этапах развития письменности из потребности узнать, что обозначает то или иное непонятное слово (устарелое, диалектное, специальное, иноязычное). Первые словари носили синкретический характер (типы и виды словарей выделились позднее). Они были одновременно и своего рода энциклопедическими справочниками. Непосредственными предшественниками словарей являются глоссы, т. е. объяснения значений отдельных слов на полях и в тексте древних рукописных книг. Сборники глосс (глоссарии) были первыми словарными работами.

Начальный период славяно-русской Л. датируется 11 в. Самый старый из дошедших до нашего времени рус. глоссариев — словарик (в 174 слова), приложенный к Кормчей книге 1282. В др.-рус. Л. при всём её синкретизме выделяются следующие виды словарей: 1) словари собственных имён, т. н. ономастиконы, напр. «Речь жидовського языка» — словарь иностранных слов, в основном собственных имён, упоминающихся в Библии; 2) словари символики, т. н. при́точники (от слова притча), напр. «Толк о неразумных (т. е. непонятных — *Р. Ц.*) словесех

псалтырных» — сборник слов с символическим смыслом (в др.-рус. культуре были широко распространены символические толкования ряда явлений природы, исторических событий и преданий); 3) словари славяно-русские, толкующие непонятные слова книжной речи (преим. из церковнослав. книг), напр. «Толкование неудобь познаваемом речем»; 4) словари-разговорники — первые переводные словари, напр. «Речь тонкословия греческого». Данные виды др.-рус. словарей известны в многочисленных редакциях и списках, в к-рых варьировались и состав слов и их объяснения. Эти лексиконы — ценнейшие источники наших знаний по др.-рус. культуре и языку.

В 16—17 вв. названные лексикографические направления продолжают развиваться. Увеличивается объём словарей и возникает необходимость удобного для пользования распределения слов. Слова всё чаще располагаются в строго алфавитном порядке, откуда возникают новые названия словарей — азбуковники (см.), «алфавиты иностранных речей». В создании азбуковников участвовал писатель и публицист 16 в. Максим Грек (см.). В 1596 в Вильне вышел первый печатный словарь — «Лексис, сиречь речения вкратце собранны и из словенского языка на просты русский диялект истолкованы». Его автор — филолог Лаврентий Зизаний Тустановский. В словаре 1061 слово. В 1627 в Киеве был напечатан «Лексикон славенороссий и имен толкование» Памвы Берынды, «книгопечатного мастера», поэта и филолога. В словаре 6982 слова. В 1653 вышло второе издание словаря. Труд Берынды оказал значительное влияние на развитие Л. в России 17—18 вв. В 17 в., и особенно в 18 в., наряду с объяснениями древних слав. слов лексикографы дают толкования иностранных слов в совр. языке. Одновременно появились многочисленные переводные словари древних и новых языков; с рус. языка и на рус. язык были переведены слова греч., лат., араб., польск., нем., итал. и др. Широкой известностью пользовались рукописные лексиконы греч. и лат. языков Епифания Славинецкого. В 1704 в Москве был издан «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» переводчика, педагога, директора московского Печатного двора Ф. П. Поликарпова-Орлова. В Петровскую эпоху особенно широкое распространение получают рукописные словари иностранных слов. Один из них создавался по указанию и под личным наблюдением Петра I. В 18 в. получают распространение и различные словари этимологического характера, напр. «Российский Целлариус...» (1771) Ф. Гельтергофа; слова в нём располагались по алфавиту первообразных слов, под которыми группировались их производные и однокоренные слова.

Уже к сер. 30-х гг. 18 в. стала очевидной потребность в толковом словаре лит. языка. В Петерб. АН были начаты подготовительные работы, в к-рых участвовали лучшие писатели и учёные России во главе с М. В. Ломоносовым. Фундаментальные рукописные словарные труды А. И. Богданова и К. А. Кондратовича легли в основу первого академического словаря рус. языка. «Церковный словарь» П. А. Алексеева (1773), выдержавший четыре издания, был также использован составителями академического словаря, т. к. в нём толковались не только библейские, но и многие книжные слова, употреблявшиеся в произведениях писателей и учёных. В 1783 была учреждена Российская академия, начавшая составление толкового словаря родного языка. «Словарь Академии Российской» (ч. 1—6, 1789—1794) открыл новый период в истории рус. Л.

В 19 в. было создано несколько типов фундаментальных толковых словарей, вышли областные, исторические, этимологические, синонимические словари, словари жаргонных, профессиональных, иностранных слов, множество двуязычных словарей различных типов. Появились и первые специальные работы по теории Л. (И. И. Давыдова, А. Х. Востокова, И. И Срезневского, Я. К. Грота и др.). Большой общественный резонанс имел «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (см.).

В нач. 20 в. большое значение имела лексикографическая деятельность А. А. Шахматова, руководившего работами по составлению словаря-тезауруса (оставшегося незаконченным; см. Толковый словарь).

После Окт. революции 1917 начинается новый период в развитии рус. Л. Большое влияние в теоретическом и практическом отношении на словарную работу на всех языках Советского Союза оказал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 1—4, 1935—40), созданный по инициативе В. И. Ленина. Совершенствуются старые и создаются многочисленные новые типы словарей. Среди них большое место занимают национально-русские и русско-национальные словари, на основе к-рых создавалась в ряде сов. республик национальная Л.— один из основных факторов повышения культуры устной и письменной речи, нормализации национальных языков, укрепления связей этих языков с рус. языком. Развивается новое направление в Л.— теория и практика составления учебных словарей.

Рус. Л. 2-й пол. 20 в. отличается не только максимальной дифференциацией типов и видов словарей, но и значительным количеством теоретических

исследований, в к-рых уточняются методика и приёмы создания отдельных типов и видов словарей. Особенно большую роль в совершенствовании и развитии теории совр. Л. сыграли работы Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, С. И. Ожегова, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина, А. П. Евгеньевой, А. М. Бабкина, О. Н. Трубачёва и др., к-рые одновременно являются авторами и редакторами многих словарей. Помимо различного типа толковых, орфографических, орфоэпических словарей и двуязычных переводных (среди к-рых сравнительно с предшествующим периодом появляется большое количество словарей слав. языков), создаются словари, посвящённые отдельным лексико-семантическим категориям (словари синонимов, паронимов, антонимов, имён собственных и др.), словари фразеологические, несколько типов этимологических словарей, исторических, иностранных слов, диалектных слов. Впервые создаётся фундаментальный словарь языка писателя — «Словарь языка Пушкина» (т. 1—4, 1956—61), оказавший существенное воздействие на составление аналогичных словарей. Совершенно новыми типами словарей являются словари частотные, обратные, словообразовательные, грамматические (словоформ), словари сочетаемости, трудных слов, новых слов и выражений, словари «ложных друзей переводчика» (двуязычные словари близких по звучанию и написанию в обоих языках слов, но различающихся по значению).

Большим событием в совр. Л. является завершение работы над академическим «Словарём современного русского литературного языка» (т. 1—17, 1948—65); Ленинская пр. 1970.

Лит.: Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г., в. 2, М., 1954; Лексикографический сборник, в. 1—6, М., 1957—63; Цейтлин Р. М., Краткий очерк истории русской лексикографии, М., 1958; Касарес Х., Введение в современную лексикографию, пер. с исп., М., 1958; Макеева В. Н., Русская лексикография 40—50-х годов XVIII в. и Ломоносов, в сб.: Ломоносов. Сб. ст. и материалов, т. 4, М.—Л., 1960; Ковтун Л. С., Русская лексикография эпохи средневековья, М.—Л., 1963; её же, Лексикография в Московской Руси XVI — нач. XVII в., Л., 1975; её же, Древние словари как источник русской исторической лексикологии, Л., 1977; Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель. 1918—1962, М., 1966; Бархударов С. Г., Русская лексикография, в сб.: Советское языкознание за 50 лет, М., 1967; Вопросы учебной лексикографии, [т. 1—2], М., 1969—77; Русская историческая лексикология и лексикография, т. 1—2, Л., 1972—77; Берков В. П., Вопросы двуязычной лексикографии, Л., 1973; Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Современная русская лексикография. [1975]—1976, Л., 1975—1977; Виноградов В. В., Избранные труды. Лексикология и лексикография, М., 1977; Актуальные проблемы учебной лексикографии, М., 1977. *Р. М. Цейтлин.*

ЛЕКСИКОЛО́ГИЯ (от греч. lexikós — относящийся к слову и lógos — учение)— раздел языкознания, в к-ром изучается словарный состав языка, его лексика (см.). В задачи Л. входит определение слова как основной единицы языка (см. Слово), выяснение связи значения слова с понятием, выделение различных типов значений слов. Л. включает ряд семасиологических проблем, т. е. проблем, связанных со смыслом, со значениями слов, их способностью обозначать те или иные явления внеязыковой действительности.

Одной из основных задач, к-рые призвана решить Л., является установление различных видов системных отношений, существующих внутри различных групп лексики, установление тех объективных (в т. ч. синтаксических) показателей, к-рые объединяют слова (в определённых значениях).

Различные задачи стоят перед Л. совр. рус. языка и Л. исторической. Л. современного русского языка исследует стилистическую дифференциацию словарного состава, отдельные тематические и лексико-семантические группировки слов, их соотношение друг с другом и соотношение единиц внутри этих группировок. С точки зрения стилистической дифференциации слова́, во-первых, могут принадлежать к определённым функциональным типам речи (см. Стиль): к официально-деловому стилю (*проживать*, *местожительство*, составные наименования типа: *торговая точка*, *населённый пункт* и т. п.; см. Официально-деловой стиль), научному стилю (напр., специальные термины *деепричастие*, *нейтрино*, *алгоритм*; см. Научный стиль) и др. Во-вторых, в языке существует значительное количество слов, к-рые придают речи «высокий» или «сниженный» характер (в словарях совр. рус. языка они имеют пометы *высок.*, *книжн.* или *разг.*, *прост.*). Подобная стилистическая окраска слов воспринимается лишь в связи с тем, что язык располагает нейтральными в стилистическом отношении синонимами соответствующих обозначений (ср.: *чело — лоб*, *очи — глаза*, *пребывать — находиться*, *глава — башка — голова*, *смотаться — уйти* и т. п.). Кроме того, в лит. язык входят слова, сохраняющие диалектную окраску, а в художественной лит-ре (гл. обр. в целях речевой характеристики персонажей) употребляются также жаргонные слова и выражения.

Исследуя лексику языка в её системных связях, Л. учитывает, что, будучи обозначениями предметов и явлений внеязыковой действительности, слова, есте-

ственно, отражают те связи, к-рые существуют между предметами и явлениями самой действительности. Вместе с тем слова являются единицами языка и между ними существуют и собственно языковые связи: они объединяются в определённые лексико-семантические группы, в каждом языке по-своему членя те или иные отрезки действительности (напр., в рус. языке — названия возвышенностей: *гора*, *холм*, *пригорок*, *курган*, *сопка* и т. д.; глаголы движения: *идти*, *ехать*, *летать*, *плыть*, *ползти* и т. д.— не находят полного соответствия в других языках).

Все слова (многозначные — в каждом из своих значений) находятся в определённых соотношениях с другими словами. Одной из главных задач Л. является выяснение тех семантических противопоставлений, к-рые существуют между различными словами, в т. ч. синонимическими и антонимическими; именно противопоставление значений различных слов делает возможным выделение существенных семантических признаков, к-рыми определяется данное значение слова (напр., общий семантический элемент у слов *гора* и *холм* — «возвышенность», к-рый делает возможным их сопоставление; существенным же дифференциальным признаком для них является признак размера).

Возможность сочетания слова с другими словами теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении (ср.: *рыть землю*, *приплыть к земле*; *Земля вращается вокруг Солнца* и т. д., где слово *земля* выступает в разных значениях).

В Л. изучаются также устойчивые сочетания слов, к-рые представляют собой расчленённые наименования отдельных предметов и явлений действительности и являются эквивалентами слова (ср. ряды: *ботинки*, *туфли*, *сапоги* и т. п.— *обувь* и *шляпа*, *фуражка*, *кепка* и т. д.— *головные уборы*; ср.: *помочь* и *оказать помощь*, а также составные наименования типа: *совершить посадку*, *оказать влияние*, *дом отдыха*, *стиральная машина*, *средства связи*, *единицы оборудования* и т. п.). Эти сочетания относятся к фразеологии (см.), которая включается в Л. как один из её разделов (некоторыми исследователями, однако, считается самостоятельным разделом науки о языке, наряду с Л., морфологией и др.).

Именно на основе составных наименований создаются аббревиатуры (см.) и т. н. сложносокращённые слова (*роно*, *леспромхоз*, *госплан* и т. д.), в к-рых отчасти преодолевается противоречие между расчленённостью наименования и целостностью обозначаемого.

Предмет исследования исторической Л. составляют история слов, формирование и развитие лексики, изменения в различных группах слов. При выяснении истории отдельных слов и групп слов учитываются как собственно языковые, так и внеязыковые (экстралингвистические) факторы. Непосредственная связь лексики с внеязыковой деятельностью обусловливает то, что появление новых предметов, возникновение новых понятий приводит к пополнению словаря новыми обозначениями этих предметов и понятий, способы же их обозначения, т. е. способы номинации (см.), во многом определяются теми лексическими ресурсами, к-рыми располагает данный язык, и теми лексико-семантическими отношениями, к-рые существуют в языке в ту или иную эпоху.

Одной из задач исторической Л. является установление путей изменения значения слов, приводящего к разрушению тех словообразовательных связей, к-рые обнаруживаются внутри отдельных словообразовательных гнёзд (см.). Напр., для совр. рус. языка оказывается разрушенной (и немотивированной в смысловом отношении) связь между такими словами, как *спасти*, *спасение* и т. д., с одной стороны, и такими, как *опасный*, *опасаться*, *опасение* и т. д., с другой. При словообразовательном анализе, проводимом с точки зрения соотношений, существующих в совр. рус. языке, эти ряды слов не могут быть сопоставлены друг с другом. Однако исторически они связаны с глаголом *пасти* — «беречь», причём развитие значений ряда *опасный*, как показывают данные памятников др.-рус. письменности, а также диалектов, прошло через значения «осмотрительный», «осторожный»; сочетание *опасная грамота* имело значение «охранная грамота» — реальная необходимость в такой грамоте в условиях средневековой действительности также, по-видимому, наложила отпечаток на семантику слова.

Решение теоретических вопросов Л. имеет важное практическое значение, в первую очередь для лексикографии (см.), а также для автоматического перевода (см.).

Изучение словарного состава рус. языка по существу началось в 18 в. Большое значение имели труды М. В. Ломоносова, указавшего на стилистическое расслоение лексики рус. лит. языка, на особенности сочетаемости и разные сферы применения различных групп слов (см. Трёх стилей теория). Важную роль для исследования и систематизации лексики рус. языка сыграли толковые словари, первым из к-рых был «Словарь Академии Российской», вышедший в 1789—94.

В дальнейшем наряду с составлением новых толковых и исторических словарей рус. языка в ряде работ решались

отдельные лексикологические проблемы, исследовались нек-рые группы слов (И. Ф. Калайдович, И. И. Срезневский, В. И. Даль, Я. К. Грот, А. А. Потебня, С. К. Булич, М. Н. Покровский). Особенно активизировалось исследование лексики с 20—30-х гг. 20 в. (исследования Л. В. Щербы, Б. А. Ларина, Л. А Булаховского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, А. И. Смирницкого, С. И. Ожегова, О. С. Ахмановой, Ю. С. Сорокина, А. П. Евгеньевой, Д. Н. Шмелёва и др.).

Намечены пути к решению таких общетеоретических вопросов, как характер системности лексики, соотношение между значением и понятием и между лексическим и грамматическим значениями, изучается роль различных факторов изменения лексики, тенденции её развития и т. д.; вместе с тем исследуются различные группы слов в лит. языке и в диалектах, прослежена судьба ряда слов и устойчивых словосочетаний; большое внимание уделяется истории формирования словарного состава совр. лит. языка, особенностям пополнения лит. лексики в различные периоды развития языка. Проделана огромная работа по составлению лингвистических словарей разных типов.

Лит.: Ахманова О. С., Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Шанский Н. М., Лексикология современного русского языка, М., 1964; Калинин А. В., Лексика русского языка, [М.], 1966; Лексика современного русского языка. Русский язык и советское общество, М., 1968; Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; Шмелев Д. Н., Современный русский язык. Лексика, М., 1977. *Д. Н. Шмелёв.*

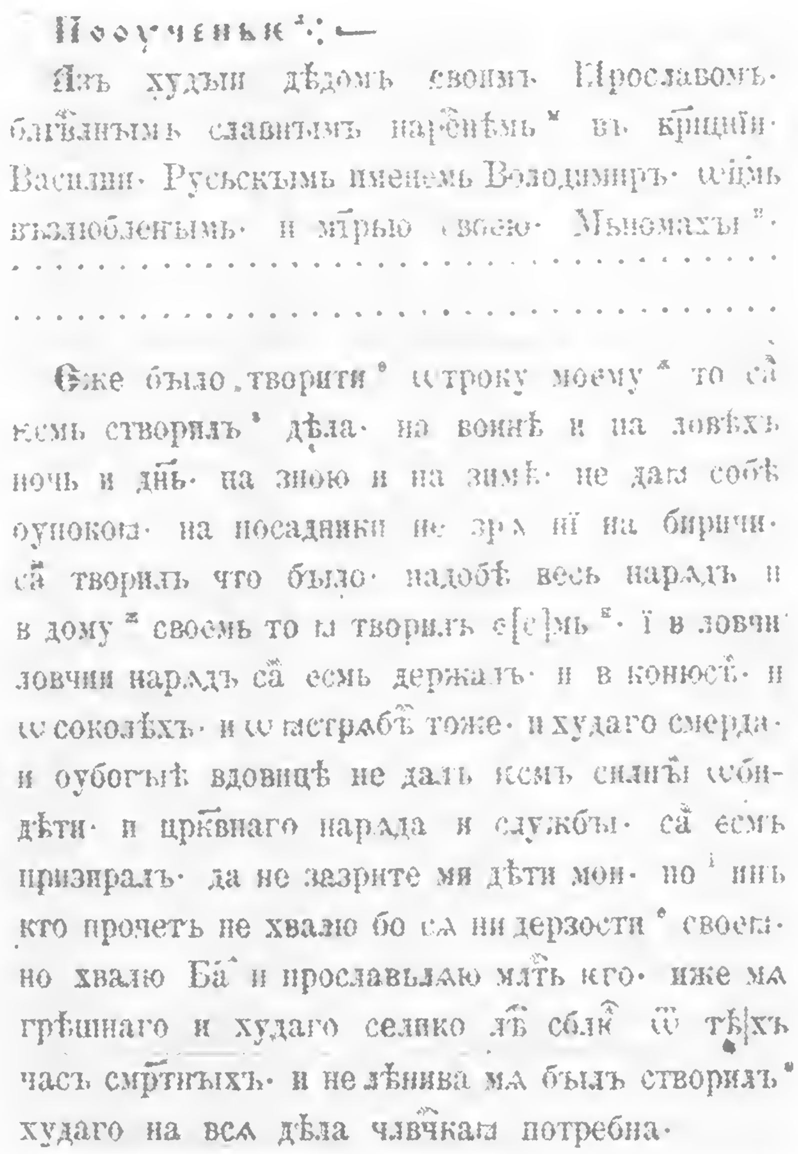
ЛЕКСИКО́Н (греч. lexikón — словарь) — 1) название языковых и энциклопедических словарей, распространённое в России 18 и 1-й пол. 19 вв. Слово «Л.» известно в рус. языке с 13 в., но словари в старину обычно назывались азбуковниками (см.). Первый словарь под названием «Лексикон славенороссий и имен толкование» написал Памва Берында в 1627. В течение 18 в. появилось значительное количество двуязычных и многоязычных словарей, к-рые все назывались Л. Самые известные среди них: «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» Ф. П. Поликарпова-Орлова (1704), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731), «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова...» И. Ф. Литхена (ч. 1—2, 1862), «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» Ф. Гельтергофа (1771); в этом труде впервые фиксируется слово «словарь». После выхода в свет «Словаря Академии Российской» (ч. 1—6, 1789—94) наименование «словарь» становится популярным и вытесняет название «Л.».

Первая рус. энциклопедия была составлена в 30-х гг. 18 в. В. Н. Татищевым и называлась «Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский» (ч. 1—3, 1793). В сер. 19 в. был популярен «Энциклопедический лексикон» издателя А. А. Плюшара (т. 1—17, 1835—41).

2) Запас слов, выражений, характерный для кого-либо или для какой-либо области человеческой деятельности; напр., *У него бедный лексикон*; *лексикон медиков*. *Р. М. Цейтлин.*

ЛЕ́ТОПИСИ — произведения др.-рус. лит-ры, содержащие изложение рус. истории по годам. Летописание возникло в 11 в. Древнейшие Л., повествующие об истории славян, о возникновении Руси и рус. истории 10 — нач. 12 вв., сохранились в составе «Повести временных лет» (ок. 1113), с к-рой начинается большинство рус. Л. Древнейшие списки Л.: Синодальный Новгородской 1-й Л. (13—14 вв.), Лаврентьевский (1377), Ипатьевский (нач. 15 в.). Рус. летописание достигает расцвета в 15—16 вв., когда наряду с местными Л. (в Новгороде, Пскове, Твери и других городах) ведётся общерус. летописание в Москве (Софийская 1-я Л.,

Нестор-летописец. Скульптура М.М.Антокольского. (Нестор — годы рождения и смерти неизвестны — древнерусский историк и публицист; по мнению многих исследователей, был одним из составителей «Повести временных лет».)


Поученьк :—
Азъ худыи дѣдомь своимь Ярославомь·
благословленымь славнымь нарѣченьмь въ крщнии·
Василии· Русьскымь именемь Володимиръ· ѡцмь
възлюбленымь· и мтрью своею· Мьномахы·
. . . .
. . . .
Єже было творити отроку моему то са
есмь створилъ дѣла· на воинѣ и на ловѣхъ
ночь и днь· на зною и на зимѣ· не дая собѣ
оупокоя· на посадники не зря ни на биричи·
са творилъ что было· надобѣ весь нарядъ и
в дому своемь то я творилъ е[с]мь· і в ловчи
ловчии нарядъ са есмь держалъ· и в конюсѣ· и
ѡ соколѣхъ· и ѡ ястрябѣ тоже· и худаго смерда·
и оубогыѣ вдовицѣ не далъ есмь силнымъ ѡби-
дѣти· и црквнаго наряда и службы· са есмь
призиралъ· да не зазрите мя дѣти мои· но инъ
кто прочеть не хвалю бо ся ни дерзости своея·
но хвалю Ба и прославьляю млть его· иже мя
грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюлъ ѿ тѣхъ
час смртныхъ· и не лѣнива мя былъ створилъ
худаго на вся дѣла члвчкая потребна·

Фрагмент Лаврентьевской летописи («Поучение Владимира Мономаха»).

Московский свод, Воскресенская, Никоновская и другие Л.).

Л. сложна по составу. Наряду с погодными записями информационного характера в Л. читаются развёрнутые сюжетные рассказы (напр., летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев, о битве на Калке, о Куликовской битве); переложения устных исторических преданий, жизнеописания святых, тексты договоров и грамот, фрагменты византийских хроник; в составе Л. до нас дошло «Поучение Владимира Мономаха» и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Жанровое разнообразие источников обусловило богатство языка Л., в них представлена книжная и бытовая лексика, общественно-политические, юридические, военные термины. Л. позволяют судить и о разговорном языке древней Руси, т. к. в них часто воспроизводятся речи и диалоги князей, реплики персонажей, представляющих различные социальные слои. Своеобразен стиль Л., в них широко употребительны устойчивые речевые клише (*сеча зла*, *бишася крепце*, *всести на конь* — «выступить в поход», *изломить копье* — «начать битву»), в традиционных устойчивых выражениях описывается вступление князя на престол, его смерть, погребение; традиционны формулировки некрологических характеристик князей или церковных иерархов.

Язык Л. начали исследовать в 19 в. (П. А. Лавровский, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, Б. М. Ляпунов), в сов. филологич. науке детально исследовались грамматический строй и синтаксис Л. (В. И. Борковский, Е. С. Истрина, Е. Ф. Карский), лексика и фразеология (Ф. П. Филин, В. И. Максимов, О. Г. Порохова, А. С. Львов), стиль (А. С. Орлов, И. П. Ерёмин, Д. С. Лихачёв).

Изд.: Полное собрание русских летописей, т. 1—34, СПБ — М.—Л., 1841—1978; Повесть временных лет, ч. 1—2, М.—Л., 1950; Псковские летописи, в. 1—2, М.—Л., 1941—55; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950.

Лит.: Шахматов А. А., Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1938; Лихачев Д. С., Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947; Дмитриева Р. П., Библиография русского летописания, М.—Л., 1962; Еремин И. П., Киевская летопись как памятник литературы, в его кн.: Литература древней Руси. Этюды и характеристики, М.—Л., 1966; Лихачев Д. С., Человек в литературе древней Руси, 2 изд., М., 1970.

О. В. Творогов.

ЛИНГВИ́СТИКА — то же, что языкознание.

ЛИНГВИСТИ́ЧЕСКАЯ ГЕОГРА́ФИЯ — раздел языкознания, задачей к-рого является изучение территориального распространения языковых явлений. Л. г. выделилась из диалектологии (см.) в кон. 19 в., когда по мере накопления диалектных данных лингвисты заинтересовались проблемой совпадения или несовпадения границ разных языковых фактов (или их изоглосс, см.) в связи с изучением характера бытования диалектов (см.), а также вопросов происхождения индоевропейских языков. Обнаружение фактов расхождения изоглосс отдельных языковых явлений привело нек-рых учёных в 70—80-х гг. 19 в. к мысли об отсутствии диалектных границ и о смешанном характере диалектов (Г. Пауль, П. Мейер, позже Г. Парис). Споры по этому вопросу (Гр. Асколи — П. Мейер) могли быть решены только путём систематического картографирования отдельных языковых явлений, варьирующихся по говорам. Это привело к идее создания диалектологических атласов, с к-рой и связано выделение Л. г. в самостоятельную дисциплину. Изучение «языковых ландшафтов» (ареалов распространения языковых фактов), отображённых на лингвистических картах, повлекло за собой пересмотр понятия «диалект», но не его отмену. Стало очевидно, что диалекты существуют, хотя и не представляют собой чётко отграниченных, замкнутых образований. Обычно обнаруживается ядро диалекта — центр средоточия основных его структурных особенностей — и периферия («зона вибрации»), в пределах к-рой совмещаются черты разных диалектов. Методы выделения диа-

лектов на основании пучков изоглосс и иерархической их оценки к 70-м гг. 20 в. уже достаточно разработаны (В. М. Жирмунский, Э. Косериу, К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова).

Сопоставительное изучение изоглосс различных языковых явлений даёт ценные сведения для ретроспективного изучения их истории, выявления структурных взаимосвязей, установления относительной хронологии их развития. Эти данные в совокупности дают богатейший материал для исторической диалектологии, для восстановления истории строя народно-разговорного языка в его территориальных разновидностях. Л. г. открывает и новые возможности изучения истории формирования лит. языка.

Методы Л. г., распространённые на изучение лингвистических ареалов, перекрывающих совр. языковые границы, служат для воссоздания картины распространения и взаимодействия языков на той или иной территории в прошлом. Напр., методом типологического изучения языковых ареалов (М. Бартоли, А. Мейе и др.) восстанавливаются распространение древних индоевропейских языков, центры их радиации, причины инноваций и др. Подобного рода данные используются для изучения проблем происхождения языковых семей.

Работы по Л. г. в СССР продолжают традиции рус. дореволюционного языкознания в изучении географического распространения языковых явлений, начатом в 20 в. Московской диалектологической комиссией, созданной в 1903 по инициативе А. А. Шахматова. Её членами Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым была в 1915 опубликована первая работа по классификации восточнослав. диалектов — «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Развитие сов. Л. г. связано гл. обр. с работами Р. И. Аванесова и московскими лингвогеографами его школы, а также лингвогеографами ленинградского направления, имеющими своё понимание предмета (В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин и др.). Аванесов создал оригинальную теорию Л. г., обращённую в основном на изучение самого языкового явления как объекта картографирования. Разработка понятия диалектного различия, его структуры связана в этой теории с общим пониманием языка не как суммы диалектов, а как сложной системы, включающей общие элементы, свойственные языку в целом, и частные — различительные элементы, характеризующие отдельные его диалекты. В качестве объекта картографирования выделяются поэтому не отдельные изолированные факты языка, а языковые явления как элементы системы языка. Диалектные различия как соотносительные элементы строя отдельных говоров являются ядром этой теории. Понятие диалектного различия, разработанное Аванесовым и его учениками применительно к разным уровням языка, легло в основу теории картографирования, реализованной в диалектологическом атласе рус. языка (см. Атлас диалектологический). Детальная классификация изоглосс этого атласа послужила основанием для нового диалектного членения рус. языка, разработанного представителями московской диалектологической школы К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой.

Лит.: Вопросы теории лингвистической географии, под ред. Р. И. Аванесова, М., 1962; Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Диалектное членение русского языка, М., 1970.

С. В. Бромлей.

ЛИНГВИСТИ́ЧЕСКАЯ СТАТИ́СТИКА — раздел языкознания, занимающийся изучением статистическими методами количественных закономерностей в языке и речи. Первичным материалом Л. с. является текст, рассматриваемый как последовательность лингвистических единиц заданного уровня: букв или фонем, морфов или морфем, словоформ или лексем, словосочетаний, предложений. На этом материале изучаются количественные характеристики лингвистических форм — их употребительность, совместная встречаемость, законы распределения в тексте, их физические размеры. На основе полученных данных описываются свойства текста, формулируются гипотезы о механизмах его образования и об устройстве системы языка. Основные понятия и категории Л. с. заимствует из математической статистики. Такими понятиями являются понятия генеральной совокупности и выборки, частоты и вероятности, вероятностного распределения, статистической оценки и др. Однако применение этих понятий к лингвистическому материалу имеет целый ряд особенностей, в частности в языкознании могут быть рассмотрены два принципиально разных вида генеральной совокупности: либо совокупность текстов заданного жанра, заданного списка авторов или заданного временного интервала, либо совокупность единиц, принадлежащих одному лингвистическому уровню,— фонем, морфем, слов, предложений.

В зависимости от характера изучаемых единиц различают: фонологическую статистику, занимающуюся изучением употребления фонетических единиц и соответствующих им знаков алфавита; грамматическую статистику, изучающую употребление грамматических форм, единиц и моделей; лексическую статистику, занимающуюся изучением употребления слов и словосочетаний; стилистическую статистику, изучающую статистическими методами особенности функциональных и индивидуальных стилей. Кроме того, по частным целям исследования можно

выделить типологическую статистику, занимающуюся изучением количественных индексов, различающих языки, и хронологическую статистику (глоттохронологию), разрабатывающую статистические методы определения времени расхождения родственных языков. Для всех этих разделов существенно использование понятия частоты лингвистической формы как меры её употребительности, а также понятие частоты совместной встречаемости, используемое для изучения связи единиц в тексте.

Л. с. как научное направление возникла в связи со стремлением дополнить совокупность структурных характеристик лингвистических единиц характеристикой их употребительности. Это основано на предположении, что любая лингвистическая единица обладает априорно присущей ей вероятностью быть употреблённой в тексте заданного класса; ставилась задача определения этой вероятности на основе частоты появления единицы в тексте. Л. с. накоплен богатый материал, представленный в основном в частотных словарях (см. Частотный словарь). Данные Л. с. широко используются в различных приложениях (см. Прикладная лингвистика).

Лит.: Ермоленко Г. В., Лингвистическая статистика. Краткий очерк и библиографический указатель, А.-А., 1970; Головин Б. Н., Язык и статистика, М., 1971; Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А., Математическая лингвистика, М., 1977.

В. М. Андрющенко.

ЛИТЕРАТУ́РНЫЙ ЯЗЫ́К — форма общенародного языка, понимаемая говорящими на том или ином языке как образцовая. Для национального языка (см.) Л. я.— наиболее представительная его форма, играющая ведущую роль среди других его разновидностей (просторечия, территориальных и социальных диалектов). Л. я. состоит из общенародных языковых элементов, прошедших культурную обработку, в нём сосредоточены оптимальные способы выражения идей, мыслей и эмоций, обозначения понятий и предметов, квинтэссенция национальной идиоматики.

Л. я. донациональной эпохи имеет иные признаки, вопрос о к-рых служит темой дискуссий в лингвистической лит-ре.

Функциональное назначение Л. я. национальной эпохи заключается в обслуживании основных сфер деятельности всего исторически сложившегося социального коллектива людей, говорящих на данном языке. В этом смысле Л. я. противопоставляется территориальным и социальным диалектам (см. Диалект), к-рыми пользуются ограниченные группы людей, живущих в определённой местности или объединённых в сравнительно небольшие социальные коллективы. Между Л. я. и другими формами языка существует взаимосвязь: Л. я. постоянно обогащается и обновляется за счёт народно-разговорной речи, характеризующейся «внелитературными», ненормированными языковыми элементами. Такое взаимодействие с народно-разговорной речью особенно характерно для рус. Л. я.

Развитие Л. я. непосредственно связано с развитием культуры соответствующего народа, прежде всего его художественной лит-ры. Не будучи тождественным с Л. я., язык художественной лит-ры воплощает лучшие достижения национальной речевой культуры, основные достоинства Л. я. данного народа.

Для Л. я. характерны, во-первых, письменная фиксация, во-вторых, нормированность — см. Норма (языковая), в-третьих, общеобязательность норм и их кодификация. Быть общепринятым, а потому и общепонятным — основное свойство Л. я., к-рое «в сущности только и делает его литературным» (Л. В. Щерба). В-четвёртых, Л. я. присуща разветвлённая всеобъемлющая функционально-стилевая система и стилистическая дифференциация средств выражения (см. Стиль, Стилистика). В-пятых, Л. я. представляет собой дихотомическую систему, объединяющую книжную (или книжно-лит.) и разговорную речь. Для рус. Л. я. характерно глубокое и разнонаправленное взаимодействие книжной и разговорной речи.

В рамках единого Л. я. книжная и разговорная речь противопоставлены друг другу как основные функционально-стилевые сферы, обе они (рассматриваемые в синхронном плане) обеспечивают социально-культурное назначение Л. я.; в то же время такие важнейшие общественные функции языка, как общение, сообщение и воздействие, конституируют книжную речь в её функциональном расслоении и разговорную речь. В диахроническом плане соотношение и взаимодействие книжной и разговорной речи устанавливается в силу их длительного сосуществования в рамках единой системы Л. я. В условиях коренных социальных преобразований, в эпоху развёртывания научно-технической революции, в частности в связи с бурным развитием средств массовой информации и пропаганды, взаимопроницаемость этих функционально-стилевых сфер Л. я. интенсифицируется. Сближение разговорной и книжной речи характерно для многих совр. Л. я.

Функциональные разновидности Л. я. реализуются в письменной и устной формах. Удельный вес устной речи в совр. Л. я. возрастает, как и воздействие письменной речи на устную. Разговорная речь реализуется в устной форме (письменной реализацией её представляется эпистолярный стиль, см.). Стили книжной речи имеют письменную манифестацию; язык

художественной лит-ры воплощается преим. в письменной форме, лишь нек-рые жанры (драматургия, устные рассказы) осуществляются гл. обр. в устной речи.

Составной частью устной книжной речи является публичная речь, связанная, с одной стороны, со стилями (с точки зрения содержательной и композиционно-речевой структуры), с другой стороны, с разговорной речью.

«Нижний» пласт разговорной речи — лит. просторечие, состоящее преим. из лексико-семантических и фразеологических единиц, допускаемых в Л. я. со специальными целями стилизации. Употребление их ограничено теми жанрами, контекстами, речевыми ситуациями, в к-рых допустимо объединение стилистически разнородных средств. По происхождению — это внелит. элементы, преим. из просторечия (см.), приобретшие черты известной обработанности, «олитературенности». Лит. просторечие сближает разговорную (лит.) речь с народно-разговорной речью, осуществляя и поддерживая связи с ней Л. я.

Л. я. присуща категория вариантности; для него актуальны синтагматические и парадигматические ряды языковых единиц и их вариантов, имеющих стилистические (экспрессивно-стилистические, функционально-стилистические) и смысловые, семантические оттенки.

Разветвлённость и полифункциональность Л. я. имеют следствием его стремление к функциональному размежеванию языковых единиц, к преодолению дублетности. «Достоинство литературного языка определяется... богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки» (Л. В. Щерба). С этим связывается богатство лексической и грамматической синонимии как отличительный признак Л. я., лексико-семантическая дифференцированность однокоренных слов (см. Паронимы), разветвлённая и стилистически развитая система словообразования, семантическая расчленённость омонимии (см.), предметно-логическая соотнесённость антонимов (см.).

Диалектичность Л. я. проявляется в наличии системы готовых средств выражения и в богатстве выразительных возможностей, в способности обозначить и передать новые понятия, новые идеи путём применения уже имеющихся в языке слов, грамматических форм и конструкций, фразеологических единиц, готовых клише, используя этот громадный ассортимент в новых контекстах, в новых речевых ситуациях.

Регулятором синхронного существования и развития Л. я. является языковая норма, открывающая путь новым тенденциям, идущим на смену отживающим формам лит. языка, отбирающая из народно-разговорной речи те языковые элементы, к-рые имеют или могут приобрести общенациональную значимость.

В национальном Л. я. нормы распространяются (с известными видоизменениями) на устный обиход носителей Л. я.— на разговорную лит. речь. Основным признаком развитого Л. я. нации в отличие от Л. я. народности является наличие единых (наддиалектных) норм, общих для всех членов национальной общности и охватывающих как книжную, так и разговорную речь, т. е. все сферы речевой коммуникации. Л. я. нации отличается от Л. я. народности также и тем, что первый формируется на народной основе, на базе народно-разговорной речи, тогда как Л. я. народности может быть и «чужой» язык (как, напр., в средние века лат. язык у романских народов, арабский — у нек-рых народов Средней Азии и Ирана). Л. я. народности может быть и «своим», как, напр., в Московской Руси (см. История русского литературного языка).

Лит.: Щ е р б а Л. В., Современный русский литературный язык, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1957; е г о ж е, Литературный язык и пути его развития, там же; В и н о г р а д о в В. В., О языке художественной литературы, М., 1959; е г о ж е, Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; е г о ж е, Литературный язык, в его кн.: Избранные труды. История русского литературного языка, М., 1978; Е ф и м о в А. И., О роли национальной художественной литературы в развитии русского литературного языка, «ВЯ», 1960, № 2; Вопросы формирования и развития национальных языков, М., 1960; Ф и л и н Ф. П., О структуре современного русского литературного языка, «ВЯ», 1973, № 2; Ж и р м у н с к и й В. М., Проблема социальной дифференциации языков, в его кн.: Общее и германское языкознание, Л., 1976.

Ю. А. Бельчиков.

ЛИТО́ТА (от греч. litótēs — простота) — разновидность мейозиса (см.): отрицание признака, не свойственного объекту, т. е. своего рода «отрицание отрицания», дающее в итоге формально равнозначное положительному, но фактически ослабленное утверждение. Так, выражение *не без помощи* логически эквивалентно выражению *с помощью*, однако содержит оттенок проблематичности, неуверенности, поэтому Л. является одним из способов преуменьшения объективных свойств предмета речи. Л. может содержаться в предложении (*Не думаю, что он согласится*), в сочетании слов (*не без причины*); существуют также слова-Л.: *небесполезный, небезосновательный, небезынтересно* и др. Наиболее очевидным примерам Л. свойственно присутствие двух выраженных отрицаний: отрицательная частица *не*, предлог *без*, префиксы *не-*, *без-* (*бес-*); одно из отрицаний может содержаться в лексическом значении слова, напр. *лишённый*, ср. Л. *не лишённый самолюбия*.

Существует разновидность Л., образуемая путём отрицания признака, противоположного фактическому (т. е. путём отрицания антонима): *неплохой*, *недурно*, *нечасто*, *немалый*, *невысоко*.

Будучи в номинационном плане тропом (см.), Л. вместе с тем представляет собой фигуру речи, поскольку она образуется синтагматическим соположением нескольких (минимум двух) единиц значения — наименования свойства (явления, процесса) и элемента, выражающего отрицание (или двух отрицательных элементов). В качестве фигуры речи Л. демонстрирует усложнённый, перифрастический способ оформления мысли. Термин «Л.» используется иногда как синоним мейозиса, т. е. применительно к любому случаю преуменьшения, однако предпочтительным является разграничение мейозиса как общего, родового понятия и Л. как частного случая мейозиса.

Ю. М. Скребнев.

ЛИЦО́ — грамматическая категория глагола, выражающая отношение производителя действия к говорящему. Если производителем действия является говорящий, глагол употребляется в форме 1-го Л. ед. ч.: *Я пишу*. Действие, производимое группой лиц, в числе к-рых находится говорящий, выражается формой 1-го Л. мн. ч.: *Мы пишем*. Если действие производится одним собеседником, то глагол выступает в форме 2-го Л. ед. ч.: *Ты пишешь*, если несколькими собеседниками или группой лиц, в состав к-рых входит собеседник, то в форме 2-го Л. мн. ч.: *Вы пишете*. Действие, совершаемое тем, кто не является ни говорящим, ни собеседником, выражается формами 3-го Л. ед. ч.: *Он пишет*; *Паровоз гудит*. Если те же производители действия выступают в количестве более одного, то употребляется форма 3-го Л. мн. ч.: *Они пишут*; *Паровозы гудят*. Это — главные значения форм Л.

В наст. и буд. времени изъявительного наклонения представлены все шесть указанных форм. В форме прош. времени и в сослагательном наклонении показателями Л. являются личные местоимения. В повелительном наклонении представлены лишь формы 2-го Л. ед. и мн. ч. (*Пиши! Пишите!*) и аналитические формы 3-го Л. ед. и мн. ч. [*Пусть* (*пускай*) *пишет*, *напишет; Пусть* (*пускай*) *пишут*, *напишут*]. Кроме того, в повелительном наклонении имеется особая форма совместного действия: *идём* (при обращении к одному лицу) и *идёмте* (при обращении к многим лицам и вежливом обращении к одному лицу).

Наряду с главными значениями форм Л. существуют вторичные значения, свойственные этим формам лишь в определённых контекстах. Форма 1-го Л. ед. ч. может иметь значение действия, присущего любому лицу. Это значение свойственно ей в сентенциях, афоризмах, поговорках: *Моя хата с краю — ничего не знаю*; *Мыслю — следовательно существую*. Форма 2-го Л. ед. ч. широко употребляется в обобщённо-личном значении; субъектом действия является обобщённо мыслимое лицо: *Любишь кататься, люби и саночки возить*. Кроме того, эта форма может означать действие, многократно или постоянно совершаемое говорящим: *Бывало, прибежишь домой...* Форма 3-го Л. ед. ч. может иметь безличное значение, т. е. значение действия, осуществляемого независимо от к.-л. деятеля: *Светлеет*; *Трясёт*. Существуют также глаголы, употребляющиеся только в форме 3-го Л. ед. ч. и в безличном значении: *Смеркается*; *Знобит* (см. Безличный глагол).

Форма 1-го Л. мн. ч. может обозначать действие, совершаемое одним говорящим, употребляясь вместо формы 1-го Л. ед. ч. в речи автора к.-л. сочинения («формула скромности»: *мы полагаем*, *мы изучаем*). Эта форма используется также для обозначения действия собеседника, к-рое представлено так, будто в нём участвует говорящий. В данном случае форма 1-го Л. мн. ч. употребляется вместо формы 2-го Л. мн. ч. и выражает участие, снисходительность или фамильярность: *Как живём? Как мы себя чувствуем?* (вопросы, обращённые к собеседнику или к собеседникам). Кроме того, с помощью формы 1-го Л. мн. ч. может быть выражено обобщённое действие, т. е. действие, свойственное всем, включая говорящего: *Что имеем — не храним, потерявши — плачем*. Форма 2-го Л. мн. ч. может обозначать действие, представленное как совершаемое обобщённо мыслимым собеседником: «*Каждый из тех, кому вы задаете вопрос, старается повести вас к порту*» (Первенцев). Эта форма применяется также для вежливого обращения («на Вы») к одному лицу. Форма 3-го Л. мн. ч. употребляется для обозначения действия, производители к-рого либо не указываются (неопределённо-личное значение: «*Началась пахота. Пашут где трактором, где конным плугом*», Пришвин), либо мыслятся обобщённо (обобщённо-личное значение: *По одёжке встречают, по уму провожают*).

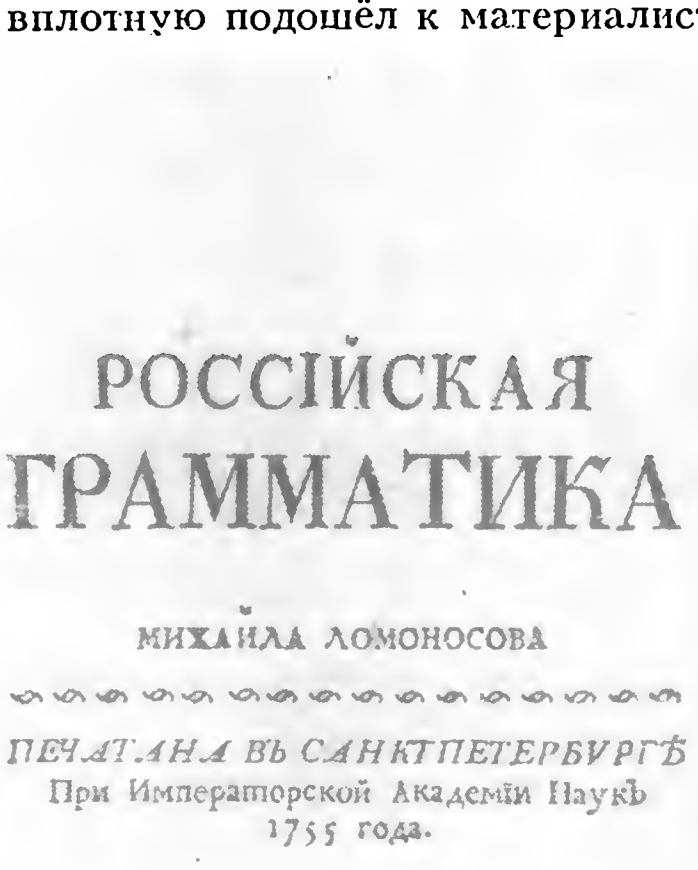
Формы 2-го Л. ед. ч. и мн. ч. повелительного наклонения означают побуждение собеседника или собеседников к действию (*Пиши! Напиши! Пишите! Напишите!*), форма 3-го Л. мн. ч. употребляется для побуждения к действию того, кто не является ни говорящим, ни собеседником: *Пусть* (*пускай*) *пишут!* Формы типа: *пойдём*, *пойдёмте* употребляются для побуждения к действию собеседника (собеседников), указывая при этом, что в действии будет принимать участие и говорящий.

И. С. Улуханов.

ЛОГИ́ЧЕСКОЕ УДАРЕ́НИЕ — см. Интонация.

ЛОМОНО́СОВ Михаил Васильевич [8(19).11.1711, д. Денисовка Куростровской вол. Архангельской губ. (ныне с. Ломоносово Холмогорского р-на Архангельской обл.),— 4(15).4.1765, Петербург] — первый рус. учёный-естествоиспытатель, языковед и литературовед, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной рус. науки. Учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве (с 1731), затем в Академическом ун-те в Петербурге, в 1736—41 в Германии. В 1742 назначен адъюнктом АН по физическому классу, в 1745 стал первым русским, избранным на должность профессора (академика) химии. В 1746 впервые в академии стал читать лекции на рус. языке. С сер. 40-х гг. наряду с исследованиями в области точных и естественных наук систематически занимался изучением проблем филологии.

«Российская грамматика» Л. (1755, опубл. 1757), первая подлинно научная грамматика рус. языка, носила нормативный характер, она закрепляла живые нормы словоупотребления, отметала устаревшие формы и конструкции. Л. унифицировал орфографические правила, орфоэпические нормы, очертил морфологическую структуру рус. лит. языка, разработал учение о глагольной системе рус. языка. В общефилософской направленности «Российской грамматики» проявился естественнонаучный материализм, составлявший основу мировоззрения Л. Он вплотную подошёл к материалистическому пониманию отношения языка, мышления и действительности, коммуникативной функции языка. Язык понимал как исторически изменяющуюся категорию.


РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА
ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758) Л. поставил три проблемы: 1) проблему сосуществования в составе лит. языка церковнослав. «обветшалых» слов и рус. народных элементов; 2) проблему разграничения лит. стилей (см. Трёх стилей теория) и 3) проблему классификации лит. жанров. В этом трактате проводится мысль, что основной частью рус. лит. языка должна быть речь народа, из книжных источников и из церковнослав. языка в лит. языке должно остаться то, что понятно народу и что освоено им в процессе многовековой практики. Л. высказал также соображения об устойчивости основного словарного фонда рус. языка, об особенностях его истории, о большой спаянности диалектов рус. языка. Большую роль в становлении языковых норм рус. национального языка сыграло собственное лит. и научное творчество Л В своих естественнонаучных произведениях и переводах Л. многое сделал для развития рус. научной терминологии.

Л. занимался вопросами сравнительно-исторического языкознания, выдвинув понятие о «сродственных» и «несродственных» языках. Он чётко определил семью слав. языков и наметил деление их на юго-восточную и северо-западную группы, отличал др.-рус. язык от старославянского. В «Риторике» (1748) и «Письме о правилах российского стихотворства» (1739, опубл. 1778) разработал теорию рус. стихосложения, занимался также вопросами лексикографии.

Л.— почётный чл. Швед. АН (1760), Болонской АН (1764).

Лит.: Меншуткин Б. Н., Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоно-

сова, 3 изд., М.—Л., 1947 (лит.); Кузнецов П. С., Ломоносов в истории русского языкознания, «Вестник МГУ», 1950, № 7; Виноградов В. В., Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова, в кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 2, М.—Л., 1951; Ефимов А. И., М. В. Ломоносов и русский язык. [К 250-летию со дня рождения], М., 1961; Макеева В. Н., История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, М.—Л., 1961; её же, М. В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ, «ВЯ», 1961, № 5; Вомперский В. П., Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей, М., [1970]; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976. *Ф. М. Березин.*

ЛО́МТЕВ Тимофей Петрович [2(15).10.1906, с. Кочерга Воронежской губ.,— 19.4.1972, Москва] — сов. языковед, д-р филологических наук. Чл. КПСС с 1939. Окончил Воронежский ун-т (1929). В 1933—46 работал в Ин-те языкознания АН БССР, Ин-те языка и лит-ры АН БССР, в БГУ. В 1942—46 зав. отделом школ ЦК КП Белоруссии, проф. МГУ (с 1947). Гл. ред. журн. «Филологические науки» (1958—72). Опубликовал свыше 140 научных трудов, в т. ч. 16 монографий по проблемам общего языкознания, синтаксиса и морфологии рус. и слав. (гл. обр. белорус.) языков, по фонетике и фонологии. В книге «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (1956) представил систему рус. синтаксиса в его развитии от 11 до 17 вв. Разработал теорию синтаксиса, в основе к-рой лежит понимание предложения как предиката предметных переменных, связанных функциональным отношением,— результат применения в лингвистике логико-математических идей в соответствии с диалектическим принципом отражения («Основы синтаксиса современного русского языка», 1958). Выдвинул идею возможности описания всех ярусов языка с помощью комбинаторной методики, созданной на основе теории множеств («Предложение и его грамматическая категория», 1972). В книге «Фонология современного русского языка» (1972) сделал попытку применить нек-рые понятия и методы математической логики к описанию фонологических единиц.

Соч.: Общее и русское языкознание, М., 1976 (лит.).

Лит.: Тимофей Петрович Ломтев. (К 60-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1966, № 4.

ЛЯПУНО́В Борис Михайлович [25.7 (6.8).1862, с. Болобоново, ныне Пильнинского р-на Горьковской обл.,— 22.2.1943.

Боровое Акмолинской обл.] — сов. языковед, акад. АН СССР (1923). Окончил Петерб. ун-т (1885), проф. Новороссийского (Одесского) ун-та (1901—24), ЛГУ (1924—29). Ученик А. А. Потебни (см.), последователь Ф. Ф. Фортунатова (см.). Работы по истории рус. языка, сравнительной грамматике слав. языков, этимологии, диалектологии, лексикографии. Исследовал историю праслав. языка (происхождение форм склонения, вопросы фонетики и др.). В книге «Единство русского языка в его наречиях» (1919) выступил против учения о членении праслав. языка на праязыки отдельных ветвей, выделял «языковые области», объединённые фонетическими и морфологическими признаками. Л. применял нек-рые положения лингвистической географии к изучению поздних эпох праславянского языка.

Л.— акад. Польск. АН (1930), чл.-корр. Болг. АН (1932) и Чеш. АН (1934).

Лит.: Бернштейн С. Б., Борис Михайлович Ляпунов, «ВЯ», 1958, № 2 (лит.); Обнорский С. П., Памяти акад. Б. М. Ляпунова, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1960.

М, м — четырнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [эм] употребляется как существительное ср. рода: *прописное м*, *строчное м*. Буква *М, м* обозначает палатализованную (мягкую) — перед буквами *е, ё, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*м'*], [*м*] (см. Согласные): *том* [*том*], *семь* [*с'ем'*], *ме́сто* [*м'е́стъ*], *мёд* [*м'от*], *мир* [*м'ир*], *мяч* [*м'ач'*], *мюри́д* [*м'ур'и́т*], *мо́да* [*мо́дъ*], *мука́* [*мука́*], *дом* [*дом*].

Буква *М, м* употребляется как сокращённое обозначение слов «метро» (знак на сооружениях), «метр» (при цифре): *5 м шёлка*.

По начертанию восходит к букве «мыслете» (М) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «сорок». Название и незначительные детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

МАКСИ́М ГРЕК (наст. имя и фам.— Михаил Триволис) (ок. 1475, Арта, Греция,— 1556, Троице-Сергиев монастырь, ныне Загорск Московской обл.) — филолог, публицист, писатель. Прибыл в Россию в 1518 для перевода церковных книг. Написал ряд работ по фонетике («О греческих гласных и согласных, о слогах, о надстрочных знаках греческих и славянских»), просодии («О просодии», «О пришельцах-философах»), грамматике («О грамматике», «О пользе грамматики»). М. Г. определял грамматику как вступление к изучению философии, делил её на четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию. Выделял восемь частей речи: имя, речь (глагол), причастие, член, вместоимя, предлог, приречие и союз; шесть падежей: им., вин., род., дат., звательный и сказительный. В грамматических трактатах М. Г. показана связь между грамматикой, риторикой, философией. Сохранились его заметки, относящиеся к слав. лексикографии и морфологии. Дал толкование нек-рых слав. и греч. имён.

Лит.: Клибанов А. И., К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека, «Византийский временник», 1958, т. 14; Иванов А. И., Литературное наследие Максима Грека, Л., 1969; Казакова Н. А., Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., Л., 1970; Синицына Н. В., Максим Грек в России, М., 1977.

МАТЕМАТИ́ЧЕСКАЯ ЛИНГВИ́СТИКА — 1) область математики, изучающая абстрактные математические структуры, в нек-рых отношениях сходные с естественными языками; 2) раздел языкознания, характеризующийся использованием алгебраических, теоретико-множественных и логико-математических методов исследования языка (синоним: алгебраическая лингвистика). М. л. как раздел языкознания использует метод абстрактно-семиотического моделирования явлений естественных языков и процессов их исследования. М. л. как математическая дисциплина изучает наиболее общие свойства таких моделей и исследует методы их построения. М. л. в 1-м и 2-м значениях использует один и тот же понятийный аппарат, между ними существует настолько тесное взаимодействие, что с нек-рыми оговорками можно было бы считать М. л. единой семиотической дисциплиной, исследующей специфическими формальными методами нек-рые свойства последовательностей символов. Такими свойствами могут быть свойство принадлежать к определённому классу последовательностей (принадлежность к определённому языку), преобразуемость в последовательность другого вида (аналог лингвистической трансформации)

и др. Центральными понятиями М. л. являются понятия множества исходных символов (алфавит, словарь) и множества последовательностей (цепочек) символов заданного алфавита (множество словоформ, фраз). Эти основные понятия применяются на каждом уровне языка. Отношения между символами на заданном множестве и в цепочке аналогичны парадигматическим и синтагматическим отношениям, рассматриваемым в языкознании. Появление нек-рого символа или последовательности символов на заданном месте в цепочке называется их вхождением в эту цепочку. Вхождения, удовлетворяющие специальным условиям, образуют систему составляющих данной цепочки. Графическое изображение системы составляющих во многих отношениях аналогично принятому в школьной грамматике изображению структуры предложения. Задавая разные типы отношений между символами в алфавите или в цепочке, сопоставляя допустимые (отмеченные) и недопустимые (неотмеченные) цепочки и производя нужные разбиения исходного множества на подмножества, получают аналоги синтаксических отношений, классов слов, парадигм грамматических категорий. Получение таких аналогов способствует пониманию нек-рых особенностей речи и помогает выработать единую логическую основу изучения знаковых систем. М. л. является также теоретической основой для решения многих прикладных задач, напр. для конструирования языков программирования, для автоматического перевода (в частности, с одних языков программирования на другие), для автоматической переработки текстов на естественных языках (см. Прикладная лингвистика).

Лит.: Ревзин И. И., Метод моделирования и типология славянских языков, М., 1967; Маркус С., Теоретико-множественные модели языков, пер. с англ., М., 1970; Гладкий А. В., Формальные грамматики и языки, М., 1973. *В. М. Андрющенко.*

МАШИ́ННЫЙ ПЕРЕВО́Д — то же, что автоматический перевод.

МЕЖДОМЕ́ТИЯ — лексико-грамматический класс неизменяемых слов (часть речи), не относящихся ни к служебным, ни к знаменательным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва. По составу М. делятся на непроизводные, к к-рым в совр. языке относятся и нек-рые заимствования (напр., *ах*, *ох*, *эх*, *ух*, *ой*, *эге*, *увы*, *эй*, *цыц*, *гоп*, *бис*, *браво*, *ура*), и слова производные, утратившие знаменательность (напр., *батюшки*, *матушки*, *беда*, *страсть*, *дудки*, *господи*). М. могут служить производящей основой для образования глаголов (напр., *ахать*, *охать*, *хихикать*, *ойкнуть*, *шикать*, *цыкнуть*, *мяукать*, *квакать*, *кукарекать*). Нек-рые М. субстантивируются (напр., *ахи* и *охи*, *громкое ура*, *многоголосое браво*). К М. относятся также звукоподражательные слова (напр., *мяу*, *ква-ква*, *кукареку*, *тьфу*, *тсс*, *хм*, *брр*). М., выражающие чувства и экспрессивные оценки, часто выступают в повторении, причём нек-рые из таких повторений устойчивы (напр., *ай-ай-ай*, *ха-ха-ха*, *эге-ге-ге*, *ох-хо-хо*).

В класс М. входит также группа неизменяемых слов, произведённых от глаголов и выражающих краткое и внезапное действие (напр., *бах*, *бац*, *глядь*, *шасть*, *прыг*, *толк*); такие слова называются глагольными М. или междометными глаголами. В нек-рых классификациях к М. относятся также утвердительные и отрицательные слова (*да*, *нет*); в других классификациях они отнесены в класс модальных частиц. И то и другое оправданно, т. к. названные слова имеют свойства как М., так и частиц.

В составе предложения М. выполняют разнообразные функции. 1) В условиях контекста М. может занимать позицию относительно самостоятельного высказывания (т. н. междометные предложения: *«Ай!» — «Что такое?» — «Ушибся»*; *Господи! Когда же всё это кончится!*; *Эге! Опять он здесь*; *Тсс! Все спят*). 2) М. вводится в предложение для придания ему определённой экспрессивной или эмоциональной окраски (*Ах, как я устал! Мы опоздали, увы*). 3) Интонационно сливаясь со сказуемым или главным членом односоставного предложения, М. *ах*, *ох*, *ух*, *эх*, *ой* — одно или в сочетании с частицей *и*, местоименным словом *как*, *какой* — выступает в качестве акцентирующего, усиливающего элемента (*Эх как покатили! Нынче я ох и устал! Ох и скука! Ему с ней ой нелегко! Мальчик он ух какой способный*). 4) М. *ах*, *ох*, *ух*, *ай да* могут служить неотчленяемым строевым компонентом фразеологизированной структурной схемы предложения (*Ох [уж] эти [мне] родственнички! Ах она змея! Ай да мёд!*). 5) Глагольные М. выступают в роли сказуемого (*Он хвать меня за руку*) и в роли интонационно обособленного экспрессивного элемента, вносящего значение внезапности в ту часть предложения, к-рой глагольное М. предшествует (*Сижу без денег, вдруг — бац — перевод! Никто его не ждал, а он — хлоп — является*).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

Н. Ю. Шведова.

МЕЖДУНАРО́ДНАЯ АССОЦИА́ЦИЯ ПРЕПОДАВА́ТЕЛЕЙ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́ И ЛИТЕРАТУ́РЫ (МАПРЯЛ) — международная организация, содействующая изучению рус. языка и лит-ры за пределами СССР, совершенствованию методов их преподавания, повышению квалификации преподавателей. Создана в 1967.

С 1975 обладает статусом «С» (консультативные взаимоотношения) ЮНЕСКО. Высший орган — Генеральная ассамблея (созывается раз в 3 года), исполнительный орган — Исполнительный совет и его бюро, рабочий орган — Секретариат МАПРЯЛ с постоянным центром документации и информации в Москве. На 1 января 1979 имеет 139 коллективных членов (гл. обр. национальные объединения преподавателей рус. языка и лит-ры), представляющих интересы 80 тыс. русистов в 54 странах. МАПРЯЛ координирует научные исследования и упорядочивает учебную работу, организует обмен опытом, проводит международные встречи, конгрессы (1969 — Москва, 1973 — Варна, 1976 — Варшава, 1979 — Берлин), традиционные международные олимпиады школьников по рус. языку, региональные симпозиумы, тематические конференции и т. п., осуществляет издательскую деятельность — координирует работу национальных журналов по русистике, в частности журн. «Русский язык за рубежом» (см.).

МАПРЯЛ ежегодно присуждает медаль им. А. С. Пушкина за особые успехи в распространении рус. языка в мире.

В. Г. Костомаров.

МЕЙО́ЗИС (от греч. méiōsis — уменьшение, убывание) — троп (см.), заключающийся в преуменьшении интенсивности свойств (признаков) предмета, явления, процесса: *ничего себе*, *приличный*, *терпимый*, *сойдёт* (о хорошем); *неважный*, *вряд ли пригодный*, *оставляющий желать лучшего* (о плохом); *не первый день на свете живу*; *это вам влетит в копеечку*. При характеристике отрицательных свойств объекта М. создаёт эвфемистический эффект, являясь смягчённым вариантом этически неприемлемого прямого наименования: *не первой молодости*; *трудно назвать красавцем*.

М. имеет место только в случаях преуменьшения объективно значительного или нормального. Преуменьшение объективно малого (*от горшка два вершка*, *осиная талия*, *один момент!*) представляет собой не ослабление, а интенсификацию признака незначительности и должно рассматриваться как троп, противоположный М.,— гипербола (см.). М. психологически более сложен, чем гипербола, непосредственно выражающая интенсивность эмоций. Формально-логическое ослабление часто не соответствует подлинному речевому намерению и стилистическому эффекту: слушатель (читатель) учитывает субъективность (умышленную сдержанность) оценки говорящим (пишущим) предмета речи, нарочитость преуменьшения его свойств, и, т. о., М. может выступать как завуалированное средство усиления. В М. присутствует элемент иронии: высказывание заведомо неточно отражает действительность.

М. может наблюдаться в языковых единицах разных уровней — слове, словосочетании, предложении. Регулярным морфологическим средством оформления М. в рус. языке является использование уменьшительно-ласкательных суффиксов: *детинушка пустил в ход кулачки*, *два годика*, *три миллиончика*. Целям смягчения категоричных оценок служат вводные слова типа *пожалуй*. Разновидность М. представляет собой литота (см.).

Лит.: Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики. Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей, Г., 1975.

Ю. М. Скребнев.

МЕСТОИМЕ́НИЕ — слово, указывающее на лицо, предмет или признак, но не называющее их (*он*, *этот*, *такой*, *столько*). Как словесные знаки, не имеющие собственного предметно-логического содержания, М. противопоставлены всем лексически полнозначным словам. Конкретное содержание М. меняется в зависимости от субъекта, обстановки и ситуации речи. Напр., М. *он* может обозначать лицо и любой предмет, *что* — любой предмет, *кто* — любое лицо (одно или несколько), *чей* — может указывать на принадлежность любому лицу, *какой* — на качество или свойство лица или предмета.

По своему значению все М. делятся на следующие разряды: 1) личные — *я*, *мы*; *ты*, *вы*; *он* (*она*, *оно*, *они*); 2) возвратное — *себя*; 3) притяжательные — *мой*, *наш*, *твой*, *ваш*, *свой*; 4) вопросительно-относительные, выступающие в вопросительных предложениях и в придаточных в функции союза,— *кто*, *что*, *какой*, *который*, *чей*, *каков*, *сколько*, *где*, *когда*, *почему* и т. п.; 5) указательные — *этот*, *тот*, *такой*, *таковой*, *экий*, *этакий* (*эдакий*); 6) определительные — *сам*, *самый*, *весь* (*вся*, *всё*, *все*), *всякий*, *каждый*, *всяческий*, *всяк*; 7) отрицательные — *никто*, *ничто*, *ничей*, *никакой*, *никоторый*, *некого*, *нечего*; 8) неопределённые — *некто*, *нечто*, *некоторый*, *некий*, а также образуемые с помощью частиц *-то*, *-нибудь*, *-либо* и *кое-* — *кто-то*, *куда-нибудь*, *какой-либо*, *кое-где* и т. п.

Эта классификация М. является наиболее распространённой. Известны и другие классификации. Так, в «Очерке грамматики русского литературного языка» (1945) Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова не выделены в особый разряд притяжательные М., они распределены между личными и возвратными. К первым отнесены *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*, *по-моему*, *по-нашему* и т. п.; ко вторым — *свой* и *по-своему*.

По общему грамматическому значению, характеру словоизменения и синтаксическим функциям М. делятся на: 1) М.-существительные, имеющие обобщённо-предметное значение,— *я*, *ты*, *вы*, *мы*,

он, себя, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что; 2) М.-прилагательные, имеющие обобщённо-качественное значение,— *мой, твой, свой, наш, этот, такой, чей, весь, всякий, какой-нибудь* и др.; 3) М.-числительные, имеющие обобщённо-количественное значение,— *сколько, столько, несколько*; 4) М.-наречия — *где, когда, там, тогда, оттуда, по-моему* и др.

М.-наречия в нек-рых грамматиках рассматриваются как наречия, образовавшиеся из М., т. е. связанные с М. по происхождению (генетически).

Т. к. М. объединяют в себе грамматически различные слова, существуют разные точки зрения на их место в системе частей речи. Одни исследователи считают, что М. составляют особую часть речи, категориальным значением к-рой является указание на предмет или признак (наиболее распространённая и традиционная точка зрения); другие — что М. не составляют единой части речи, а распределяются по тем частям речи, функции к-рых они выполняют. Нек-рые учёные в качестве особой части речи выделяют только М.-существительные, выражающие указание на предмет в грамматических категориях падежа, числа и рода.

М.-существительные склоняются. Для склонения М. характерны: 1) супплетивизм, т. е. образование форм от разных основ,— *я, меня, мне*; *ты, тебя, тобой*; *мы, нас*; *вы, вас* и т. п.; 2) наличие у М. *он* (*она, оно, они*) двух рядов форм — беспредложных и предложных, имеющих в начале *н*,— *его*, но *у него*; *ей*, но *к ней*, *ими*, но *с ними*; 3) отсутствие у М. *некто, нечто* форм косвенных падежей, а у М. *себя, некого, нечего* — формы им. п.; 4) позиция предлога у отрицательных и неопределённых М. после отрицания (*не у кого, ни от чего*) или после частиц (*кое с кем*). М. *он* изменяется по родам и числам (*он, она, оно, они*), М. *я* и *ты* — по числам (ед. ч.— *я*, мн. ч.— *мы*; ед. ч.— *ты* мн. ч.— *вы*).

М.-прилагательные изменяются по падежам, числам и родам. Большинство М.-прилагательных склоняется по первому типу склонения прилагательных. М. *мой, твой, свой, чей* склоняются как притяжательное прилагательное *лисий*. М. *весь* и *тот* в косвенных падежах мн. ч. оканчиваются на *-ех, -ем, -еми* (*тех, тем, теми, о тех*).

М. обладают словообразовательной общностью. Все отрицательные М. образуются с помощью *не-* и *ни-* (*негде, некуда, никто, никуда*), все неопределённые — с помощью частиц *-то, -либо, -нибудь, кое-* (*кто-то, кто-либо, какой-нибудь, кое-где*).

Участие М. в образовании других частей речи ограниченно (напр., единичные существительные типа *самопроверка, себялюбие*, прилагательные — *ничтожный*, просторечные глаголы — *тыкать, выкать*, наречия — *по-моему, по-нашему, по-каковски, по-свойски* и др.).

На протяжении истории языка М. изменились сравнительно мало, если не считать утраты форм двойственного числа (см. Двойственное число). Личные и возвратные М. утратили энклитические формы дат. и вин. п. ед. и мн. ч. (*ми, ти, си*; *мя, тя, ся* — в ед. ч. и *ны, вы* — во мн. ч.). М. *тот* исторически возникло из удвоения указательного *тъ* (*тътъ*). Интересна судьба склонения указательных М. *он* (*она, оно, они*) и *и, я* (**ꙗ**), *е* (**ѥ**). М. *он* в совр. рус. языке выступает как личное (3-го лица) и указательное и сохраняет данную форму только как исходную (форма им. п. ед. ч.), формы косвенных падежей М. *он* (*она, оно, они*) — это формы косвенных падежей др.-рус. указательных М. *и*, **ꙗ**, **ѥ**, им. п. к-рых не употреблялся уже в древнейших памятниках.

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Современный русский язык. Морфология, М., 1952; Грамматика русского языка, т. 1— Фонетика и морфология, М., 1953; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

МЕТАТЕ́ЗА (от греч. metáthesis — перестановка) — взаимная перестановка звуков или фонетических признаков в слове, один из видов т. н. комбинаторных изменений звуков. М. свойственна разговорному языку, просторечию, диалектам (ср.: *ралёк* из *ларёк*, *сингал* из *сигнал*, *раболатория* из *лаборатория*); нередко подобные формы закрепляются в лит. языке, особенно при заимствовании слов из других языков (*тарелка* из *талерка*, нем. Teller). Различаются качественная (затрагивающая сами звуки) и количественная М. (затрагивающая лишь признак длительности звука). Причиной М. обычно является стремление избежать неудобопроизносимых или системно не мотивированных в данном языке звукосочетаний. М. может происходить как в отдельных словах (укр. *причта* из *притча*), так и повсеместно и закономерно для определённого звукосочетания; в последнем случае М. может носить и характер исторический, приводя к появлению в языке нового типа звукосочетания. Так, в слав. языках действие древнейшего закона открытости слога приводило к изменению праслав. сочетаний *or, ol, er, el* между согласными, в результате чего в южнослав. языках происходила звуковая и долготная М.: * *gordъ* > > *gord* > *grō - dъ* > ст.-слав. *градъ*,

а в западнослав.— только звуковая М.: * *gord* > польск. *gród* (в обоих случаях — т. н. неполногласие). В рус. языке закон М. в данной позиции не действовал, а развилось полногласие (см.): * *gordъ* > *городъ*. *В. А. Виноградов.*

МЕТА́ФОРА (от греч. metaphorá — перенесение) — троп (см.) или фигура речи (см.), состоящая в употреблении слова, обозначающего нек-рый класс предметов, явлений, действий или признаков, для характеризации или номинации (см.) другого объекта, сходного с данным в к.-л. отношении. М. предполагает использование слова не по его прямому назначению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры. Взаимодействие М. с двумя различными типами объектов (денотатов) создаёт её семантическую двойственность, двуплановость. Когда говорят: *Собакевич был настоящий медведь*, то имя *медведь* относят и к классу «медведей» и к классу «людей». Метафорическое значение формируется путём отбора признаков одного класса предметов по их совместимости с другим классом — субъектом М.

М. может выполнять две функции — функцию характеризации и функцию номинации индивидов и классов объектов. Эти функции противопоставлены друг другу в субстантивной М. В первой функции метафорическое существительное обычно занимает место сказуемого (*Она настоящая кукушка*; *Он сущий бык*), во второй — подлежащего или одного из дополнений. Вопрос о первичной функции М. решается по-разному. В классической поэтике М. понимается прежде всего как перенос названия с одного вида объектов на другой. Однако есть основания считать исходной для М. функцию характеризации. Семантическая двуплановость М. затемняет её предметную отнесённость, мешая осуществлять номинативную функцию, т. е. указывать на предмет речи. Напр., «*„Ну, а что медведь наш сидит?“ — „Кто это, Яков Петрович?“ — „Ну, медведь-то, будто не знаете, кого медведем зовут?“*» (Достоевский). Употребление М. в позиции подлежащего или дополнения вторично, в нём сохраняется характеризующая функция, и оно обычно поддерживается в рус. языке указательным местоимением, напр.: «*Этот медведь все здесь переломал*»; «*Живет эта вобла в имении своей первой жены*» (Чехов). Утвердившись в номинативной роли, М. утрачивает образность (второй семантический план), т. е. исчезает, ср.: *ручка* (двери), *носик* (чайника). Семантическая двуплановость, создающая М., может сохраняться только в характеризующей функции. Ориентация на характеризующую функцию отличает М. от метонимии (см.), предназначенной прежде всего для выделения предмета речи. В предложении *Вон та шляпа — настоящая шляпа* существительное *шляпа* в подлежащем должно интерпретироваться как метонимия (человек в шляпе), а в сказуемом — как М. (разиня).

Указывая на сходство объектов, М. близка к сравнению (см.) и часто рассматривается как сокращённое сравнение (Аристотель, Гегель). Преобразование сравнения в М. влечёт за собой не только формальное, но и смысловое изменение. Если сравнение может отмечать любое — постоянное или преходящее — сходство, то М. в рус. языке, как правило, выражает устойчивое подобие. Нельзя сказать (в нормативной лит. речи): *Мой брат вчера был шляпа* (*свинья*, *орёл*), надо: *Мой брат вёл себя вчера как настоящая шляпа* (*свинья*, *орёл*). Выражая преим. постоянный признак субъекта, М. в рус. языке предпочитает им. п. послесвязочного имени творительному, обозначающему состояние или переменный признак: *Командир отряда был орёл* (а не *орлом*). Творительный послесвязочный может оформлять М. постольку, поскольку в своей оппозиции именительному он соответствует экстенсивному (т. е. неоднозначному) члену. Специализация субстантивной М. на выражении постоянного признака делает естественным её переход к функции номинации.

Оба основных типа полнозначных слов — имена предметов и обозначения признаков — способны к метафоризации значения. Чем более дескриптивным (многопризнаковым) и диффузным (нерасчленённым) является значение слова, тем легче оно получает метафорические смыслы. М. избегают имена с ясным признаковым значением (*чернушка*, *пестрянка*). Среди имён метафоризуются прежде всего конкретные существительные, а среди признаковых слов (глаголов, прилагательных, наречий) — слова, выражающие физические качества и действия. Метафоризация значений во многом обусловлена картиной мира носителей языка, т. е. народной символикой и ходячими представлениями о реалиях, признаках, действиях, образующими коннотации слова (ср. фигуральные значения таких слов, как *ворон*, *ворона*, *чёрный*, *правый*, *левый*, *чистый* и пр.). Метафоризация стимулируется свойствами реалии, а не значением слова.

Метафоризация значения может либо проходить в пределах одной семантической категории слов, либо сопровождаться переходом из одной категории в другую. Первый тип М. не выходит за рамки конкретно-предметной лексики. К М. в этом случае прибегают в поисках имени для нек-рого (обычно непоименованного) класса реалий. Вторичная для М. функция используется как технический приём образования имён предметов. Семантический процесс сводится к замене

одного дескриптивного значения другим. Перенос обычно основывается на сходстве внешнего признака: формы (*журавль* колодца), цвета (*белок* глаза) и пр. Номинативная М. часто порождает омонимию.

Второй тип М. состоит в переходе предметного значения в семантическую категорию признаковых слов (ср.: *волк* — «хищный», *заяц* — «робкий, пугливый», *чурбан, дубина* — «тупой, бесчувственный»). Обозначая свойства, уже имеющие в языке название, образная М., с одной стороны, даёт языку синонимы, а с другой — обогащает семантическую структуру слова фигуральными значениями. Обратный описанному процесс перехода признакового значения в категорию конкретной лексики не характерен для М.

Метафоризация третьего типа протекает в среде признаковых слов и заключается в сопоставлении субъекту М. признаков, свойств и действий, характерных для другого класса объектов или относящихся к другому аспекту данного класса. Так, прилагательное *острый*, относящееся в прямом смысле к колющим и режущим предметам, получает метафорическое значение в сочетаниях: *острое слово, острый ум, острый конфликт, острый кризис* и др. В этом типе М. указано основание для сравнения (признак), но нет прямой отсылки к термину сравнения (классу предметов), имплицируемому прямым значением метафоризуемого слова. Признаковая М. также может быть выведена из сравнения: *Ветер шумит так, как будто воет зверь — Ветер воет как зверь — Ветер воет*. М. этого типа обычно служит источником полисемии слова. Существует ряд общих закономерностей метафоризации значения признаковых слов: физический признак предмета переносится на психические свойства личности (ср.: *тупой, резкий, мягкий, широкий* и пр.); атрибут предмета преобразуется в атрибут абстрактного понятия (*широкая категория, пустые слова, время течёт*); признак или действие лица относится к предметам, явлениям природы, абстрактным понятиям (М.— олицетворение: *Буря плачет; Море смеётся; Судьба играет человеком; Вещи порабощают людей; Часы идут*) и др. Признаковая М., основывающаяся на аналогии, часто является орудием выделения, познания свойств материальных тел и абстрактных категорий, и её можно условно назвать когнитивной. Важным результатом когнитивной М. следует считать создание вторичных предикатов, т. е. предикатов, относящихся к нефизическим сущностям — действиям, качествам, событиям, фактам, идеям, категориям смысла (*следовать, предшествовать, вытекать, выводить, развиваться, яркий, глубокий* и др.). Расширяя круг сочетаемости слова, когнитивная М. часто приводит к созданию очень общих значений. Т. о., могут быть выделены следующие функциональные типы языковой М.: 1) номинативная М., 2) образная М., 3) когнитивная М.

Во всех случаях М. рано или поздно исчезает. Сущность М. (её семантическая двуплановость) не отвечает первичным коммуникативным назначениям основных элементов предложения — его субъекта и предиката, реализующимся в условиях обыденного общения. Для указания на предмет речи М. слишком субъективна; для предиката, содержащего сообщаемое, М. слишком туманна и неоднозначна. Естественное место М. находит в поэтической речи (в широком понимании этого термина), в к-рой она служит эстетической (а не собственно информативной) цели. Поэтому М. лучше всего сохраняется в тех единицах языка, к-рые связаны с художественным заданием — во фразеологизмах, присказках, пословицах, крылатых фразах, побасёнках и пр. В поэзии, не предполагающей с необходимостью ни конкретно-предметной отнесённости имён, ни эксплицитности и часто «играющей» на вторичных функциях категорий языка, М. употребляется не только в функции предиката, но и в функции субъекта и в других именных позициях Возможная неоднозначность М. согласуется с множественностью интерпретаций, допускаемых поэтическим текстом.

Лит.: Бельский А. В., Метафорическое употребление существительных, «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», 1954, т. 8; Черкасова Е. Т., Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора), «ВЯ», 1968, № 2; Басилая Н. А., Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний, Тб., 1971; Некрасова Е. А., Метафора и её окружение в контексте художественной речи, в кн.: Слово в русской советской поэзии, М., 1975; Виноградов В. В., О поэзии Анны Ахматовой, в его кн.: Поэтика русской литературы. Избранные труды, М., 1976; Телия В. Н., Вторичная номинация и её виды, в кн.: Языковая номинация. (Виды наименований), М., 1977; Арутюнова Н. Д., Синтаксические функции метафоры, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1978, № 3; её же, Функциональные типы языковой метафоры, там же, 1978, № 4; Shibles W. A., Metaphor: an annotated bibliography and history, Whitewater (Wisconsin), 1971.

Н. Д. Арутюнова.

МЕТО́ДИКА ПРЕПОДАВА́НИЯ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́ — раздел педагогики, изучающий и систематизирующий способы преподавания рус. языка, его лит. норм; см. Норма (языковая).

М. п. р. я. тесно связана с лингвистикой и психологией, в известной мере опирается на них. Лингвистикой в основном определяется содержание учебного предмета «Русский язык», педагогикой (и дидактикой в том числе) — принципы, на к-рых основывается система обучения, психологией — условия восприятия, усвоения и воспроизведения учащимися изучаемого ими материала, условия раз-

вития у них средствами данного учебного предмета таких качеств, как память, воля, внимание и др.

В М. п. р. я. различают методы исследования (метод наблюдений; изучение, анализ и обобщение опыта как отдельных учителей, так и их коллективов; метод индивидуальных бесед; анкетный метод; эксперимент) и методы обучения.

Методы обучения как способы работы учителя и определяемые ими способы работы учащихся классифицируются по разным признакам: а) по источнику получения учащимися знаний по рус. языку. Это слово учителя, рассказ, беседа, анализ языка (наблюдения над языком, грамматический разбор), упражнения, использование наглядных пособий (схем, таблиц), работа с учебной книгой, экскурсии; б) по степени и характеру участия учащихся в учебном процессе (активные, пассивные, различаемые по степени самостоятельности учащихся при выполнении ими заданий); в) по характеру и месту работы учащихся (устные и письменные работы, классные, домашние, контрольные и т. п.).

В соответствии с содержанием учебного предмета «Русский язык» определяется и содержание М. п. р. я. Здесь выделяются разделы: 1) общие вопросы методики; 2) методика грамматики; 3) методика фонетики; 4) методика орфографии; 5) методика пунктуации; 6) методика развития речи — устной и письменной; 7) методика орфоэпии; 8) методика стилистики; 9) методика внеклассной работы. Важнейшими вопросами, освещаемыми в этих разделах, являются: в методике грамматики — вопрос о формировании грамматических понятий и усвоении учащимися грамматического строя рус. языка как определённой системы, о привитии учащимся навыков практического применения знаний по грамматике; в методике фонетики — вопрос о речевом слухе, об умении учащихся различать речь звуковую и письменную (звуки и буквы), о практическом применении этих знаний при письме; методика орфоэпии имеет в виду методы усвоения учащимися норм лит. произношения, борьбу с просторечными и диалектными явлениями при произношении, правильность и выразительность речи; в методике орфографии решаются вопросы о природе орфографического навыка, о роли слуха, зрения, моторики, сознания и механических способов запоминания при усвоении навыков правильного письма, о роли и характере орфографических правил, способах контроля и определения уровня орфографической грамотности учащихся, о рецидиве неграмотности, о классификации ошибок, способах исправления их и т. п.; методика пунктуации имеет в виду способы усвоения учащимися навыков правильной постановки знаков препинания, принципов, на к-рых основывается пунктуация рус. языка, вопрос о применении правил, о роли интонации, логического начала и грамматической структуры текста при его записи, о вариантности постановки знаков препинания и т. п.; методика развития речи, устной и письменной, вооружает учителя данными о способах формирования у учащихся навыков пользования связной речью, о путях обогащения их словаря, о навыках использования стилистических возможностей рус. языка при практическом пользовании речью.

В М. п. р. я. широко освещаются способы использования технических средств (магнитофона, кино, диапозитивов и т.п.).

М. п. р. я. входит как обязательный предмет в программы соответствующих факультетов пед. вузов.

Лит.: Текучев А. В., Методика русского языка в средней школе, 2 изд., М., 1970; Палей И. Р., Очерки по методике русского языка, М., 1965; Ушаков М. В., Методика правописания, 4 изд., М., 1959; Система обучения сочинениям в V—VIII классах, под ред. Т. А. Ладыженской, М., 1967.

А. В. Текучёв.

МЕТОНИ́МИЯ (от греч. metōnymía, букв. переименование) — троп (см.) или фигура речи (см.), состоящая в переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. Основой М. могут служить пространственные, событийные, ситуативные, семантические, синтаксические и логические отношения между самыми различными категориями, принадлежащими действительности и её отражению в человеческом сознании, закреплённом значениями слов, — между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п.

Название может быть перенесено: 1) с сосуда, вместилища, помещения на содержимое или объём содержимого, напр.: *блюдо* — «большая тарелка» и «еда, яство», *спальня* — «комната для спанья» и «комплект мебели для спальни», *стакан* — «стеклянный сосуд для питья» и соответствующий ему «объём жидких и сыпучих масс»; 2) с материала на изделия из него, напр.: *медь* — «металл» и «медные деньги»; с места, населённого пункта на совокупность его жителей или связанное с ним событие, напр.: *Вся деревня* (всё население деревни) *над ним смеялась*; *Бородино* — «битва на Бородинском поле», *дорога* — проложенный для передвижения путь» и «поездка, время поездки»; 3) с действия на его результат, место или вовлечённый в действие предмет (субъект, объект, орудие), напр.: *остановка* — «действие» и «место остановки транспорта», «расстояние меж-

ду остановками», *отправление почты* — «действие» и *почтовые отправления* — «корреспонденция», *свисток* — «акт свиста» и «приспособление для свиста»; 4) с формы выражения содержания или его материального воплощения на само содержание, напр.: *толстая книга* относится к предмету, а *интересная книга* — к содержанию; 5) с отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот, напр.: *грамматика* — «строй языка» и «изучающий его раздел языкознания»; 6) с социального события, мероприятия на его участников, напр.: *Конференция состоится в мае* и *Конференция приняла важное решение*; 7) с социальной организации, учреждения на совокупность его сотрудников и помещение, ср.: *ремонтировать фабрику* и *фабрика забастовала*; 8) с целого на часть и наоборот, ср.: *груша* — «дерево» и «плод»; перенос наименования с части на целое, являющийся частным случаем М., называется синекдохой; 9) с эмоционального состояния на его причину, напр.: *ужас* — «страх» и «ужасное событие»; 10) имя автора может использоваться для обозначения его произведений или созданной им модели, стиля, напр.: *читать, издавать Толстого*; *Булль* — имя мастера и «мебель с определённым типом декора».

Отражая постоянное взаимодействие объектов, М. типизируется, создавая семантические модели многозначных слов. В результате метонимических переносов у слова могут появляться новые лексические значения, при этом в семантике слова совмещаются принципиально разные типы значения: признаковые, событийные и предметные (абстрактные и конкретные). Так, имена действия регулярно используются для обозначения результирующего объекта (ср.: *произведение, сочинение, рассказ, постройка, решение*). Если регулярный метонимический перенос осуществляется в пределах словообразовательного типа, то его следствием может быть полисемия (см.) суффикса, но не основы (ср. значение отглагольных суффиксов *-ание, -ение*). Ассоциация объектов по их смежности, а также понятий по их логической близости превращается тем самым в связанность категорий значения. Такого рода М. служит номинативным целям и способствует развитию лексических средств языка.

М., регулярно возникающая на базе словосочетания или предложения и являющаяся результатом эллиптического сокращения текста, обычно сохраняет ту или иную степень ограниченности условиями употребления, не создавая нового контекстуально независимого значения имени: *таблетки от головной боли → таблетки от головы, читать рассказы Чехова → читать Чехова*; *В музее есть два Рембрандта* (в значении «два полотна Рембрандта»; но нельзя сказать: *На одном Рембрандте изображена старая женщина*). Особенно прочна связь с контекстом М., при к-рой полное обозначение нек-рой ситуации, опирающееся на предикат, сводится к компоненту предметного значения, ср.: «*Что с тобой?*» — «*Голова (сердце, горло, зубы)*» — в значении «болит голова (сердце, горло, зубы)». Хотя имя *сердце* используется в значении «боль в сердце» (ср.: *сердце прошло*) и «заболевание сердца» (ср.: *Сердце не позволяет ему много работать*), такое употребление ограничено определёнными синтаксическими и семантическими контекстами: имя *сердце* в этих значениях не может сочетаться с прилагательными и процессуальными глаголами, определяющими характер боли или течение заболевания. Нельзя сказать: *острое (сильное, ноющее) сердце* или *сердце обострилось (усугубилось, усилилось)*. М. такого рода служит средством развития и расширения семантических возможностей употребления слова. Напр., конкретные существительные регулярно получают событийное значение после временны́х, причинных и нек-рых других предлогов, ср.: *После лыж* («после прогулки на лыжах») *он чувствует себя бодро*. Представляя собой способ семантической конденсации текста, такая М. не принадлежит к числу поэтических тропов.

М. часто используется как приём ситуативной номинации объекта, для указания на предмет речи или её адресата, т. е. в выделительных, идентифицирующих целях. Такой вид М., иногда применяющийся с художественным заданием, состоит в наименовании объекта (обычно лица) по его части, сопутствующему предмету, индивидуализирующей в данной ситуации внешней детали. Напр.: *Шляпа углубилась в чтение газет*; *Эй ты, борода!* «*Читали про конференцию по разоружению?— обращался один пикейный жилет к другому пикейному жилету*» (Ильф и Петров). М. такого рода часто служит созданию прозвищ, кличек (ср.: *Белый Бим Чёрное Ухо, Красная Шапочка*). В разговорной речи обращения, основанные на индивидуальной детали, иногда сохраняют форму предложного определения, ср.: *Эй ты, в шляпе!* Такое же употребление допускается позицией субъекта, ср.: *В красной шапочке побежала в лес* (в этом случае следует говорить не о М., а о субстантивации).

Если называемая М. деталь типична для многих индивидов, то М. может закрепиться в языке в качестве обозначения определённой социальной категории лиц, ср. *лапоть* применительно к крестьянам в дореволюционной России. Однако такого рода М. лишена семантической

(денотативной) стабильности. В разных исторических условиях имя *борода* использовалось для обозначения крестьян, мудрецов, старейшин, бояр, определённой категории молодых людей.

Коммуникативная функция ситуативной М. (её отнесённость к конкретным предметам, к-рые известны собеседникам) связывает её с определёнными синтаксическими позициями: обращения, подлежащего (темы сообщения), дополнений. Ситуативная М. неупотребительна в позиции сказуемого, т. е. не выполняет характеризующей функции. Употребление в предикате преобразует М. в метафору (см.), ср.: *шляпа* — «растяпа», *лапоть* — «невежда», *калоша* — «дряхлый человек, развалина», *сачок* — «лентяй». Метонимические существительные этого типа неупотребительны также в бытийных предложениях и их эквивалентах, вводящих нек-рый предмет в мир повествования. Так, нельзя начать рассказ словами: *Жила-была (одна) красная шапочка (шляпа)*. Такое употребление воспринимается как олицетворение нек-рого предмета — героя сказки. К другим видам ограничений на употребление М. относится, напр., использование сущ. *душа* в значении «человек», *сабля* в значении «кавалерист», *штык* в значении «пехотинец», *голова* в значении «единица скота» только в счёте (*пять душ, сто голов рогатого скота*).

В случаях живой (ситуативной) М. изменение предметной отнесённости имени обычно не отражается на нормах грамматического и семантического согласования слова, ср.: *Чёрные штиблеты заволновались* (хотя речь идёт об одном человеке); *Шляпа вздрогнула* (о мужчине). Метонимическое имя редко принимает определения, относящиеся к его денотату (обозначаемому предмету). Нельзя сказать: *красивый (холодный, старый) тулуп*, имея в виду свойства лица, а не тулупа. Это отличает М. от номинативной метафоры, определения к-рой часто относятся к денотату (ср.: *старая перечница, старая калоша, подлая змея*).

Употребление М. может быть либо конситуативно свободным, либо наталкиваться на семантические, синтаксические и ситуативные ограничения. В соответствии с этим следует различать: 1) собственно лексическую, номинативную, М., 2) конструктивно (синтаксич. и семантич.) связанную М., 3) ситуативно обусловленную М., к-рую по функции можно назвать идентифицирующей.

К М. принято относить также сдвиги в употреблении признаковых слов (прилагательных и глаголов), основанные на разных видах смежности характеризуемых ими предметов (вторичная метонимизация значения), ср.: *выутюженный костюм* и *выутюженный молодой человек*, *завязать шнурки* и *завязать ботинки*, ср. также постепенное расширение сочетаемости признаковых слов, вызванное семантической и логической близостью определяемых имён: *дерзкое выражение глаз, дерзкий взгляд, дерзкие глаза, дерзкий лорнет*, напр.: «*Я навел на нее лорнет и заметил, что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку*» (Лермонтов). Метонимические сдвиги характерны для относительных прилагательных, ср.: *водный* в значении «относящийся к воде» и в значении «содержащий воду» (водные соединения).

Лит.: Покровский М. М., Избранные работы по языкознанию, М., 1959; Ефремов Л. П., Метонимическое обозначение человека названиями носильных вещей, «Изв. АН Каз. ССР. Сер. общественная», 1967, № 1; Русская разговорная речь, М., 1973, с. 427—34; Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П., Значение и оттенок в лексикографической практике, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1975, т. 34, № 6; Некрасова Е. А., Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики, в сб.: Слово в русской советской поэзии, М., 1975; Телия В. Н., Вторичная номинация и её виды, в кн.: Языковая номинация. (Виды наименований), М., 1977; Шмелев Д. Н., Современный русский язык. Лексика, М., 1977.

Н. Д. Арутюнова.

МИ́НИМУМ ОРФОГРАФИ́ЧЕСКИЙ И ПУНКТУАЦИО́ННЫЙ — количество навыков правописания (орфографии), обязательных для грамотного человека Критерием определения этого минимума должны служить реальные возможности школы и практические потребности учащихся в их будущей производственной и общественной деятельности. В своде «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956) насчитывается свыше 420 правил правописания (с примечаниями). Кроме того, существует ещё несколько тысяч слов, написание к-рых не подчиняется ни одному из этих правил (т. н. непроверяемые и труднопроверяемые слова); каждое из них может рассматриваться как особый случай орфографии (напр.: *колодец, собака, ворона, трава*). «Орфографический словарь русского языка» (13 изд., 1974) включает 106 тыс. слов. Всё это вместе и должно составлять правописный минимум для грамотного в широком смысле человека, вооружённого достаточными навыками для того, чтобы применять грамматические правила на практике. В минимум не включаются диалектизмы, малоупотребительные и устаревшие слова, а также специальные термины из различных отраслей производства, не вошедшие в общеупотребительный лит. язык, аббревиатуры и т. п.

МНОГОЗНА́ЧНОСТЬ — то же, что полисемия.

МНОГОТО́ЧИЕ (...) — знак препинания в виде трёх рядом расположенных

точек, употребляющийся для обозначения незаконченности или прерванности высказывания, а также пропусков в тексте. Впервые указано в грамматике А. Х. Востокова (1831) под названием «знак пресекательный». М. употребляется: 1) для обозначения незаконченности или перерыва в высказывании, вызванного волнением говорящего или неожиданным переходом к другой мысли, а также для обозначения паузы, подчёркивающей следующий за ней текст: «*Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер*» (Пушкин); 2) при цитировании (перед началом цитаты, в середине или после неё) для указания на то, что пропущена часть цитируемого текста. Чтобы отличить пропуск в цитате от авторского М., в нек-рых специальных изданиях применяется особый приём: в случае пропуска ставятся не три, а две точки рядом (напр., в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР).

МНО́ЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО́ — см. Число.

МОДА́ЛЬНОСТЬ (от лат. modus — мера, способ) — название круга явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях структуры языка. Вопрос о границах этой категории решается по-разному. К сфере М. относят противопоставление предложений по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение — вопрос — побуждение), противопоставление по признаку «утверждение — отрицание», градации значений в диапазоне «реальность — ирреальность» (реальность — вероятность — предположение — нереальность), различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами (*хочет, может, должен, нужно, необходимо*), и др.

Применительно к синтаксису термином «М.» называется одна из категорий, формирующих предикативную единицу (предложение). В этой функции М. (или о б ъ е к т и в н а я М.) выражает отношение содержания предложения к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости). Эта функция М. грамматикализирована и выражается противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам синтаксических ирреальных наклонений: сослагательного и повелительного. Категория синтаксического изъявительного наклонения (формы со значением реальности) характеризуется временно́й определённостью, т. е. реализуется в трёх временны́х планах. Соотношением форм синтаксического изъявительного наклонения (*У нас тишина.— У нас была тишина.— У нас будет тишина*) содержание сообщения отнесено в один из трёх временны́х планов — настоящего, прошедшего или будущего. Соотношением форм ирреальных наклонений (*Была бы у нас тишина! — Пусть у нас будет тишина! — У нас будь тишина [а вам можно шуметь?]*) при помощи специальных грамматических средств (глагольных форм и частиц) то́ же сообщение отнесено в план желаемого, требуемого или необходимого. Ирреальные наклонения характеризуются временно́й неопределённостью.

Помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, конкретное предложение может нести в себе добавочное, с у б ъ е к т и в н о - м о д а л ь н о е, значение, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, образующее в предложении второй модальный слой. Семантический объём субъективной М. значительно шире семантического объёма объективной М. (значения «реальность — ирреальность»), средства её выражения неоднородны; многие из этих средств вообще не имеют прямого отношения к грамматике. Категория субъективной М. реализуется: 1) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями; модальные слова, словосочетания и предложения обычно занимают в предложении синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц (см. Вводные слова, Вводное предложение) для оформления разноаспектных интеллектуальных (логических) и эмоциональных оценок сообщаемого; 2) введением специальных модальных частиц, напр. для выражения неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недостоверности (*якобы*), удивления (*ну и*) и др.; 3) при помощи междометий, напр. для выражения значения внезапности (*бац, хлоп, хвать, глядь*); 4) специальными и н т о н а ц и о н н ы м и средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому; 5) при помощи порядка слов (см.), напр. вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания (*Станет он тебя слушать! Хорош друг!*); 6) специальными конструкциями — специализированной структурной схемой предложения или схемой построения его компонентов, напр. построениями типа: *Нет чтобы подождать* (для выражения сожаления по поводу чего-либо неосуществившегося); *Она возьми и скажи* (для выражения неподготовленности, внезапности действия); *Поди попробуй!* (для выражения невыполнимости); *Знает болтает* (для вы-

ражения независимости осуществления действия) и другими типами конструкций.

Лит.: Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, в кн.: Тр. Института русского языка АН СССР, т. 2 — Введение, М.—Л., 1950; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1 — Введение, М., 1960; Шведова Н. Ю., Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

М. В. Ляпон.

МОНОЛО́Г (от греч. mónos — один и lógos — слово, речь) — компонент художественного произведения, представляющий собой речь, обращённую к самому себе или к другим (речь от первого лица), в отличие от диалога (см.) не рассчитанную на непосредственную речевую реакцию другого лица (или лиц) и обладающую определённой композиционной организованностью и смысловой завершённостью. Монологическая форма речи может быть специфической приметой самостоятельного лит. жанра, напр. сказа, монодрамы; понятие «М.» распространяют иногда на произведения лирического жанра, представляющие собой развёрнутое адресованное высказывание от первого лица. За пределами художественных произведений форму М. принимают отдельные разновидности устных высказываний, таких, как речь оратора, лектора, выступление по радио, телевидению. Монологическая речь, имеющая внешнего адресата, характеризуется такими общими признаками, как наличие в ней обращений (см.), а также местоимений и глаголов второго лица (напр.: «*А вы! о боже мой! кого себе избрали?*» — Грибоедов), глаголов повелительного наклонения и других форм волеизъявления. Речевые типы М. обусловлены присущими М. коммуникативными функциями (рассказ о событии, рассуждение, исповедь, самохарактеристика и т. п.). Так, для М. повествовательного типа характерно соединение глагольных фраз, в к-рых соотношением видо-временных форм глагольных сказуемых выражена последовательность действий, движение событий. Для монолога-рассуждения типичны синтаксические построения, к-рые содержат умозаключение, констатацию фактов, передают логическую связь явлений (конструкции причинно-следственные, условные, уступительные, изъяснительные и др.). М.-исповедь обычно объединяет в себе повествовательные формы речи с формами рассуждений. Ориентируясь на устное высказывание, М. разных типов свободно допускают употребление разговорной и экспрессивно окрашенной лексики, междометий, разговорных и разговорно-экспрессивных синтаксических построений, в т. ч. и конструкций диалогической речи. Особую разновидность М. представляет собой т. н. внутренний М., в к-ром имитируется эмоционально-мыслительная деятельность человека в её непосредственном протекании («поток сознания»). Соответственно в монологической речи этого типа часто употребляются прерывистые, незаконченные фразы, внешне не связанные друг с другом синтаксические построения.

Лит.: Виноградов В. В., Проблема сказа в стилистике, в сб.: Поэтика. Временник Отдела словесных искусств Гос. ин-та истории искусств, [т.] 1, Л., 1926; его же, О языке Толстого. (50—60-е годы), в кн.: Литературное наследство, т. 35—36, М., 1939; Винокур Г. О., «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959.

Е. А. Иванчикова.

МОРФ, морфа (от греч. morphḗ — форма),— одна из формальных разновидностей (видоизменений) морфемы (см.), выступающая в разных словах и словоформах (см.). Напр., корневая морфема слова *мороз* выступает в словоформах *мороз*, *морозом*, *морозостойкий* в виде *мороз-*, в словоформах *(на) морозе*, *морозить*, *заморозить* — в виде *мороз'-*, в словоформах *морожу*, *мороженый* — в виде *морож-*, а в словоформах *замораживать*, *приморáживать* — в виде *-мораж-*. Все эти разновидности морфемы — М. Морфема и М.— соотносительные языковые единицы: М.— линейная единица, может быть непосредственно вычленена в потоке речи; морфема — обобщённая единица, конкретными представителями к-рой являются М. Такова, напр., морфема *-мороз-* / *-мороз'-*/ *-морож-*/ *-мораж-*. К.-л. морфема (корень или словообразовательный аффикс) вычленяется в слове в том случае, если в словоформах этого слова вычленяется хотя бы один М. данной морфемы. Напр., в состав слова *дуплистый* входят морфемы: корень *дупл-* /*дупел*/*дупл'-* (ср.: *дупло*, *дупел*, *в дупле*, *дуплянка*), к-рый представлен в нём только М. *дупл'-*, и суффикс *-ист-*/*-ист'-*, представленный в нём обоими своими М. (ср. словоформы этого слова *дуплистый* и *дуплистее*), а также ряд флексий и словоизменительных суффиксов, присущих отдельным словоформам этого прилагательного (*-ый*, *-ого* и др.).

Наряду с морфемами, представленными рядом М., существуют и морфемы, представленные единственным М., напр. префиксы *вы-*, *у-* (*выходить*, *уходить*), постфикс *-те* (*идите*). М. представляют собой последовательности фонем, в частном случае — одну фонему. Напр., в словоформе *сковорода* корневой М. состоит из восьми фонем (*сковород-*), а *флексийный* — из одной (*-а*).

В одну морфему объединяются М., обладающие, во-первых, тождеством значения, и, во-вторых, частичным формальным(фонематическим) тождеством. Напр., в корне *рук-*/*руч-* (ср.: *рука* и *руч-*

ка, ручной) М. различаются чередующимися фонемами [*к*] — [*ч*] (см. Чередование), то же в суффиксе *-ик-/-ич-* (ср.: *старик* и *старичок*), в корне *ден'-/дн'-* (ср.: *день* и *дня*) в одном из М. отсутствует срединная гласная фонема [э], характерная для другого М., а в приставке *от-/ото-* (ср.: *откинуть* и *отогнуть*) в одном из М. появляется конечная фонема *о*, отсутствующая в другом.

Что же касается условий употребления М., то по отношению друг к другу разные М. одной морфемы являются либо а л л о м о́ р ф а м и (от греч. állos — другой), либо в а р и а н т а м и. Для алломорфов одной морфемы характерна обусловленность их употребления позицией в словоформе — качеством соседних морфем. Напр., М. суффикса *-щик/-чик* распределены так: после М., оканчивающихся на согласный *т* или *д*, выступает М. *-чик* (ср.: *буфетчик, наводчик*), кроме случаев, когда перед согласными *т, д* стоит сонорный согласный (в этом случае употребляется М. *-щик*: *процентщик, асфальтщик*), в остальных случаях употребляется М. *-щик*: *сварщик, трамвайщик*, в случаях фонетической ассимиляции конечного согласного корня *с, з, ж* с первым согласным суффиксального М. пишется М. *-чик* (*возчик, насосчик, перебежчик*). В противоположность алломорфам для вариантов морфемы характерна свободная взаимная заменяемость в окружении любых М.; таковы, напр., М. флексии твор. п. существительных и прилагательных жен. рода на *-ой/-ою* (ср.: *водой—водою, красной—красною* и т. п.).

В рус. языке существуют разнообразные типы словоформ в зависимости от характера и количества вычленяемых в них М. Только среди словоформ с простой основой (см. Основа) возможны последовательности от одного до восьми М. (пример восьмиморфной последовательности: *по-на-вы-дёрг-ива-л-о-сь*), из них наиболее распространены трёх- и четырёхморфные (напр.: *сер-еньк-ий, перевоз-к-а*) последовательности. Термины «М.», «алломорф» выдвинуты в американской дескриптивной лингвистике в 40-х гг. 20 в.; однако понятие формальных разновидностей морфемы широко применялось и до этого, в т. ч. в рус. языкознании.

Лит.: Г л и с о н Г., Введение в дескриптивную лингвистику, пер. с англ., М., 1959; З е м с к а я Е. А., Современный русский язык. Словообразование, М., 1973; Л о п а т и н В. В., Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве). *В. В. Лопатин.*

МОРФЕ́МА (от греч. morphḗ — форма) — минимальная значимая часть слова. Напр., слово *желтоватый* в форме им. п. муж. рода ед. ч. содержит три М.: *желт-*, *-оват-* и *-ый*. М. *желт-* (корень) несёт основное признаковое (цветовое) значение этого слова (то же, что и в словах *жёлтый, желтизна, желтеть* и др.), М. *-оват-* (суффикс) имеет значение слабой степени проявления признака (ср.: *беловатый, зеленоватый простоватый* и т. п.), М. *-ый* (окончание) — грамматическое значение муж. рода, ед. ч., им. п. (ср.: *жёлтый, старый* и т. п. с той же М.). Каждая из трёх значимых частей слова *желтоватый* является минимальной, поскольку меньшим отрезкам (напр., отрезку *жел-* или *-т-*) нельзя приписать в данном слове к.-л. значение.

Термин «М.» введён И. А. Бодуэном де Куртенэ в 70-х гг. 19 в. и является общепринятым в совр. лингвистике.

Среди М. по своей роли в слове противопоставлены прежде всего корень (см.) и аффиксы (см.). Корень — главная М. слова, несущая основной элемент его лексического значения; аффиксы вносят дополнительные, служебные значения — словообразовательные и грамматические. Корень обязательно присутствует в каждом слове (слов без корня нет) и может полностью совпадать с основой (см.), как, напр., в слове *жёлтый*. Аффиксы не могут полностью совпадать с основой; их присутствие в слове необязательно (ср. неизменяемые слова типа: *вдруг, но, нет*, где корень — единственная М.).

По месту в слове (словоформе) в рус. языке различаются следующие виды аффиксов: окончание (или флексия), приставка (или префикс), суффикс, постфикс и соединительный аффикс (или интерфикс).

Значение корня (корней) в слове всегда более конкретно, чем значения аффиксов того же слова. Аффиксы вообще более абстрактны по выражаемым ими значениям. Наиболее абстрактны интерфиксы, значение к-рых сводится к идее соединения; они указывают на связь простых основ и тех значений, к-рые в них заключены, в составе сложной основы. С этой точки зрения место интерфиксов среди аффиксов можно уподобить месту служебных слов среди всех слов языка.

М. могут быть с в я з а н н ы м и и с в о б о д н ы м и. Свободные (несвязанные) М.— такие, к-рые материально совпадают с основой хотя бы в одном неслужебном слове, связанные — такие, к-рые никогда не совпадают с основой, т. е. встречаются всегда в сочетании с другими М. основы. Напр., корень *рук-* — свободная М., т. к. совпадает с основой в слове *рука* (в основах слов *рукопожатие, рукастый, ручной* и др. она выступает в сочетании с другими М.), а корень *-пас-* в словах *запасти* и *припасти* — связанная М., т. к. выступает только в сочетании с приставками. В качестве свободной М. могут выступать только корни; к связанным М. относятся все аффиксы и небольшая часть корней. Свободное употребление аффикса (ср., напр., «има-

жинисты, футуристы и прочие *исты*») влечёт за собой превращение этого аффикса в корень.

Характерной чертой М. является их повторяемость в сочетании с разными М. Значение М. обычно выявляется в р я д у образований, содержащих данную М. В полном смысле этого термина М. могут считаться лишь такие значимые части слов, к-рые вычленяются не в одном слове (если только они не равны основе слова, как, напр., единственная М. слова *вдруг*, не встречающаяся в других словах) и при этом сочетаются с разными М. основы. Таковы, напр., значимые части слова *желтоватый*.

В то же время различные части основ, сочетающиеся только с одной М. основы, не могут рассматриваться как М. в полном смысле этого термина. Ср., напр., часть *бужен'-* в слове *буженина*, сочетающуюся только с суффиксом *-ин-*, вычленяемым при сопоставлении со словами *баранина*, *конина* и т. п., обозначающими сорта мяса, или часть *-альон* в слове *почтальон*, сочетающуюся только с корнем *почт-*, вычленяемым при сопоставлении со словами *почта*, *почтовый* и т. п. Основы с такими морфемоподобными отрезками характеризуются менее отчётливой членимостью, чем основы слов типа *желтоватый*.

Морфемный анализ слова (иногда называемый также морфологическим) представляет собой один из возможных путей анализа структуры слова наряду со словообразовательным анализом (см. Словообразование). Морфемный анализ предполагает вычленение в слове всех составляющих его М. и установление их значения. В школьной практике такой анализ осуществляется в т. н. разборе слов по составу.

В разных словах и словоформах М. могут формально (по составу фонем) видоизменяться. Формальные видоизменения М. называются морфами (см.).

Раздел языкознания, изучающий структуру М. и формальные закономерности их сочетаемости, называется морфонологией (см.); значения, выражаемые М., изучаются в словообразовании и морфологии (см.).

Лит.: Ш а н с к и й Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959; З е м с к а я Е. А., Современный русский язык. Словообразование, М., 1973; К у б р я к о в а Е. С., Основы морфологического анализа, М., 1974; Л о п а т и н В. В., Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве). *В. В. Лопатин.*

МОРФОЛО́ГИЯ (греч. morphḗ — форма и lógos — слово, учение) — раздел грамматики, изучающий слова со стороны их внутренней структуры (морфемного состава), прежде всего в плане образования форм слов и их системы, и те грамматические категории, к-рые в этих формах выявляются, а также грамматические классы слов (части речи). В узком смысле М.— это учение о системе форм словоизменения, а предмет М.— это системы форм слова, или парадигмы (см.), и классификация этих систем. Термин «М.» для обозначения той области науки о языке, к-рая занимается изучением форм слова, был введён в 19 в. взамен термина «этимология» (в ныне устаревшем его значении «учение о строении единиц языка в отличие от учения об их сочетании»), применявшегося для наименования того отдела грамматики, в к-ром рассматривались склонение и спряжение.

Основной элементарной единицей М. является слово. Предмет М. в первую очередь составляют изменения слов как средство выражения грамматических отношений. Выраженные формами грамматические отношения не связаны непосредственно с лексическим значением слов. Так, отношение принадлежности одного предмета другому предмету или лицу обозначается формой род. п. (*ножка стула*, *книга брата*), отношение действия к его производителю выражается формой глагола (*Я рисую*; *Ты читаешь*; *Он играет*), отношение признака к предмету — формой прилагательного (*письменный стол*, *интересная книга*, *большое окно*). Основными понятиями М. являются грамматич. значение, грамматич. категория, грамматич. форма (см. Грамматика), словоформа (см.), грамматические разряды слов (части речи, см.).

Под грамматическим значением слова понимается значение обобщённого характера, независимое от его конкретного лексического значения. Так, напр., слово *стол*, лексическое значение к-рого — название определённого вида мебели, имеет следующие грамматические значения: имя существительное муж. рода, ед. ч., им. п. Грамматическая (морфологическая) категория организуется системой противопоставленных друг другу форм с однородным значением. Так, категорию лица глагола образуют формы со значением 1-го, 2-го и 3-го лица (*пишу*, *пишешь*, *пишет*), категорию числа формы со значением ед. и мн. ч. (*стол — столы*, *красный — красные*, *играл — играли*). Каждая морфологическая категория выявляется в парадигме. Под морфологической формой понимается а) внешнее средство выражения грамматического значения и б) грамматическое видоизменение слова. Отдельно взятая форма конкретного слова является его словоформой (напр.: *ручку*, *играли*, *красным* — словоформы слов *ручка*, *играть*, *красный*).

Формы слов, выражающие в словосочетании или предложении отношения зависимости (подчинения, напр. формы падежа у существительных, рода, числа и падежа — у прилагательных) или их

взаимозависимости (координации, напр. формы лица, числа и рода в прошедшем времени у глагола-сказуемого), называются синтаксическими. Формы слов, выражающие отношения между формами одного слова (напр., отношения между формами ед. и мн. ч. существительных, между степенями сравнения прилагательных), называются несинтаксическими.

М. тесно связана с другими разделами грамматики: морфонологией (см.), словообразованием (см.) и особенно синтаксисом (см.). М. изучает изменения слов. Разные формы слов выражают различные отношения между словами в словосочетании или предложении, изучение к-рых — предмет синтаксиса. В результате описание значения и употребления форм слова относится грамматистами то к М., то к синтаксису.

Так, Ф. де Соссюр исходил из принципиального неразграничения М. и синтаксиса. О. Есперсен считал, что следует относить к синтаксису то, что обычно понимают под содержанием (значением) грамматических категорий, а к М.— только их внешнее выражение (системы форм). По мнению учёных пражской школы (сформулированному В. Матезиусом), М. не является самостоятельной областью исследования языка, подобно ономатологии (науке о способах наименования) и синтаксису. М., занимающаяся изучением и классификацией средств выражения на основе их сходства, как бы пересекает обе названные области.

В рус. грамматической традиции не подвергалась сомнению самостоятельность как М., так и синтаксиса, хотя неоднократно отмечалась тесная связь и условность разграничения двух основных разделов грамматики. Этим объясняется тот факт, что в грамматиках описание значений форм находило место или в М., или в синтаксисе, или же присутствовало и в М. (значение форм) и в синтаксисе (значение словосочетаний). Успешными представляются попытки определить собственно синтаксис формы слова: правила синтаксического поведения форм слов (их место и роль в структуре словосочетания и предложения) и системы их синтаксических значений.

Развитие и становление М. находится в тесной связи с развитием грамматики. В 19 в. грамматисты отказались от логического принципа как ведущего в грамматических исследованиях. В рус. грамматической науке в кон. 19 в. отчётливо наметились два направления, во главе к-рых стояли крупнейшие языковеды А. А. Потебня (см.) и Ф. Ф. Фортунатов (см.).

Потебня связывал развитие грамматического строя с развитием человеческого мышления, в его грамматических трудах впервые был применён семантический принцип. Исходя из положения, что «форма есть значение», Потебня исследовал в первую очередь значения, выражаемые различными формами слов; Фортунатов строил грамматическую систему, исходя из структурных отношений самого языка. Ему принадлежит разработка учения о грамматической форме и принципах классификации слов на основе структурно-морфологических признаков. Последующие рус. грамматисты, включая и сов. грамматистов, в основном продолжают линию или Фортунатова, или Потебни, или опираются на обе школы. В изучении морфологической системы совр. рус. языка в 20-е гг. 20 в. было широко распространено фортунатовское формально-грамматическое направление, к к-рому относятся нек-рые работы Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона. В 1928 в статье «О частях речи в русском языке» Л. В. Щерба в отличие от сторонников формального направления, стремившихся к строгому разграничению лексического и формального в слове, высказал мысль о единстве значения (смысла) и формы. В трудах В. В. Виноградова «Современный русский язык» (1938) и «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) также развивалось семантическое направление. В работах Виноградова нашли наиболее полное и стройное выражение взгляды на грамматику, и в первую очередь на М. как на грамматическое учение о слове. Это учение, обращённое к содержательной стороне грамматической категории, к выявлению её семантической возможности, было очень продуктивным в изучении рус. М. Методы и результаты грамматического учения о слове постоянно используются в грамматиках (академической «Грамматике русского языка», 1952—54, и «Грамматике современного русского литературного языка», 1970), в монографиях и статьях, посвящённых вопросам рус. М.

Объединение в М. ряда объектов, а главное двух аспектов изучения грамматических категорий — их значения и выражения, или плана содержания и плана выражения, способствовало тому, что в разные периоды в зависимости от общего направления грамматических исследований внимание лингвистов сосредоточивалось на одном из названных аспектов. Для исследования семантического содержания морфологических категорий очень много было сделано учёными пражского лингвистического кружка, объединившего в кон. 20-х гг. 20 в. таких филологов, как Б. Гавранек, В. Матезиус, Б. Трнка, Н. С. Трубецкой, С. Карцевский, Р. О. Якобсон и др. В работах Якобсона 1932 и 1936 впервые был применён выработанный в фонологии принцип противопоставления (оппозиции) единиц к анализу морфологических категорий. Метод оппозиционного анализа, рас-

пространённый на изучение категорий глагола и категории падежа, оказался очень продуктивным. Он дал возможность всесторонне изучить значения основных грамматических категорий, выделить их общие (инвариантные) и частные (обусловленные контекстом) значения. Метод оппозиционного анализа постоянно применяется в совр. грамматических исследованиях.

Со 2-й пол. 20 в. расширился круг исследований грамматических форм в плане их семантических возможностей и функций (функционально-семантические категории). Центральным для данного функциологического направления, развиваемого в работах А. В. Бондарко, является исследование морфологических явлений как средств для передачи определённого содержания. Устанавливается общая схема «средство — цель», где грамматическое явление — это средство, а содержание, смысл высказывания — цель.

Интерес к формальной стороне (выражению) обусловил, во-первых, исследования структуры слова, что привело к выделению в самостоятельный раздел морфонологии, ранее входившей в состав М. (описание грамматически значимых изменений морфем), и, во-вторых, создание классификаций словоизменения имени и глагола, тесно связанное в свою очередь с развитием морфонологических исследований. Целью этих классификаций, в отличие от имевших место ранее описательных классификаций, было создание правил, позволяющих построить парадигму любого имени и глагола. См., напр., работу А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (1967).

Нек-рые представители совр. лингвистики (особенно американской) считают единицей грамматики не слово, а минимальный значимый элемент, обычно называемый морфемой или, в терминологии других лингвистических направлений, монемой, и не считают принципиальным различие между сочетаниями морфем, образующими слова, и комбинациями, образующими такие синтаксические единицы, как словосочетание и предложение. При таком понимании снимается необходимость деления грамматики на М. и синтаксис и грамматика определяется как «значимая аранжировка форм». В рус. грамматике эта точка зрения конкретного применения не нашла.

Лит.: Щ е р б а Л. В., О частях речи в русском языке, в сб.: Русская речь, ч. 2, Л., 1928; Грамматика русского языка, т. 1, М., 1953; К у з н е ц о в П. С., О принципах изучения грамматики, М., 1961; А х м а н о в а О. С., Фонология, морфонология, морфология, М., 1966; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Ш в е д о в а Н. Ю., О синтаксических потенциях формы слова, «ВЯ», 1971, № 4; Общее языкознание. Внутренняя структура слова, М., 1972; В и н о г р а д о в В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972; Б о н д а р к о А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Б у л ы г и н а Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977; Б о н д а р к о А. В., Грамматическое значение и смысл, Л., 1978.

В. А. Плотникова (Робинсон).

МОРФОНОЛО́ГИЯ (из морфофонология) — раздел языкознания, в к-ром изучаются фонемы как элементы построения морфем и словоформ. М. занимает промежуточное положение между фонологией (см.) и морфологией (см.). Если фонология изучает фонемы как таковые в системе языка и их функции в данной системе, а морфология — формы словоизменения в системе языка, то М. изучает фонемы в соотнесении их с морфемами и словоформами.

М. исследует: 1) фонемную структуру морфем разных типов; напр., для М. важно установить не только то, что слово *строка* членится на две морфемы: *строк-* и *-а*, но и то, что корневая морфема состоит из пяти фонем, т. е. образует пятифонемную структуру ССРГС, где С— любой согласный, кроме сонорного, Р— любой сонорный, Г— любой гласный. Существуют и другие морфемы с подобной структурой: *страх-*, *страд-*, *строг-* и др. Морфемы с подобной структурой встречаются и в глаголе: *строч-ить*, *страш-ить* и т. п.; 2) варьирование фонем в тождественных морфемах при образовании слов и форм слов, т. е. чередование фонем при формо- и словообразовании, напр. наличие чередования фонем при образовании слов с уменьшительным суффиксом *-к-* в ряду таких слов, как *строчка — строка*, *подружка— подруга*, *ручка — рука* и др.; 3) сочетание фонем друг с другом на стыках морфем, «пограничные сигналы» (так, в слове *пла*[*ф'т'*]*е*— орфографически *плавьте*, повелительное наклонение от *плавить*— морфонолог отметит сочетание фонем [*ф'т'*], свидетельствующее о границе морфем, к-рая проходит после первой части сочетания *ф'/т'*, т. к. такое сочетание фонем оказывается возможным только на стыке морфем — корня и флексии.

Лит.: Р е ф о р м а т с к и й А. А., О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), в кн.: Вопросы грамматического строя, М., 1955; е г о ж е, Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах, в его кн.: Фонологические этюды, М., 1975; Т р у б е ц к о й Н. С., Некоторые соображения относительно морфонологии, в кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб. ст., М., 1967; А х м а н о в а О. С., Фонология, морфонология, морфология, М., 1966; Ч у р г а н о в а В. Г., Очерки русской морфонологии, М., 1973.

С. Н. Дмитренко.

МОСКО́ВСКОЕ ПРОИЗНОШЕ́НИЕ — способ произношения, свойственный жителям Москвы, признанный произносительной нормой рус. лит. языка. М. п. возникло не сразу, а складывалось веками. Первоначальной его основой было

произношение восточнослав. племени кривичей (близкое к произношению славян новгородских), т. е. имело севернорус. характер. Москвичи до 16 в. не только сохраняли северный строй консонантизма, но и окали (см. Оканье). Окал Иван Грозный и его окружение, очевидно, окало и старое боярство (Хованские, Мстиславские, Одоевские). Однако в Москве среди населения, пришедшего с юга и востока, было распространено и акающее произношение, к-рое постепенно укрепилось и к 18 в. стало господствующим. М. В. Ломоносов, сам помор-северянин, писал в «Российской грамматике» (1755): «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее...». В 18 в. существовало две нормы произношения: одна — при чтении книг, стихов и т. д., другая—свойственная разговорной речи. О неоднородности М. п. того времени писал Ломоносов: «Сие произношение больше употребительно в обыкновенных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется» («Российская грамматика»). Проникновение в рус. язык иноязычных элементов (особенно начиная с 18 в.) сделало произношение ещё более неоднородным. Вокруг вопросов о произношении разгорелись споры — о различении звуковых качеств букв *е* и ѣ, о произношении буквы *г* как [*г*] и как [γ] и др. Откликаясь на полемику, Ломоносов написал стихотворение «Бугристы берега...», во всех словах к-рого была буква *г*, и обратился к читателям: «Скажи, где быть тут *га* и где стоять *глаголю*».

В 19 в. произносительные нормы лит. языка уже полностью определяются живой московской речью. Эти нормы характеризуются аканьем (см.), произношением *е* после мягких согласных перед твёрдыми на месте ѣ под ударением, произношением *г* взрывного образования и рядом других черт. К кон. 19 в. в М. п. стали образцовыми нек-рые черты, время существования к-рых названо «старомосковским произношением»; произношение слов с *р* мягким, напр.: *не*[*р'*]*вый*, *четве*[*р'*]*г*, *ве*[*р'*]*х*; произношение возвратного аффикса *-сь*, *-ся* в глаголах прош. времени и в повелительном наклонении как *с* твёрдое (вопреки орфографии) и др. Верными «старомосковскому произношению» оставались артисты Малого театра, нек-рые чтецы (В. Н. Яхонтов, Д. Н. Журавлёв).

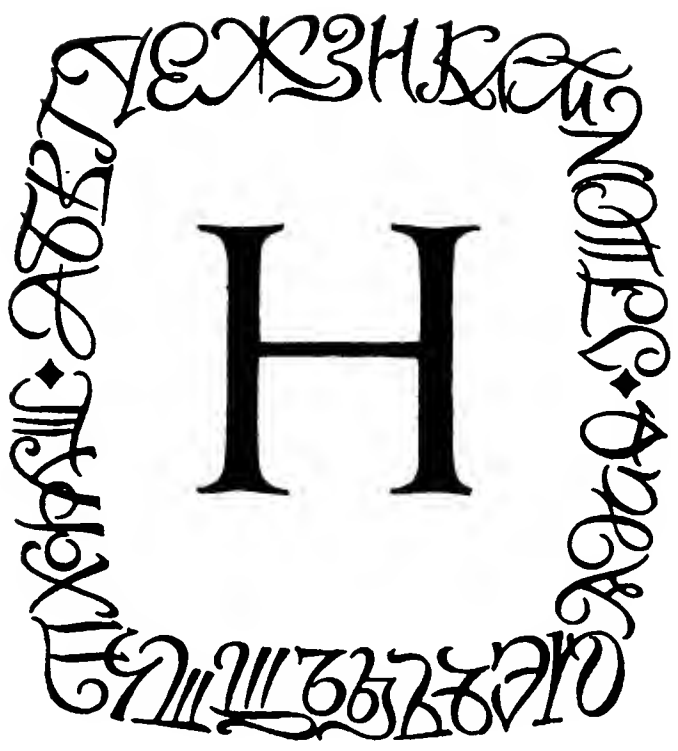
С кон. 19 в. и до нашего времени М. п. пережило многие изменения, сохранив, однако, все основные особенности. Для 2-й пол. 20 в. характерны следующие черты: 1) *щ*, *сч*, *жж*, *зж*, *жд* произносятся как *ш* и *ж* мягкие и долгие [$\overline{ш'}$] и [$\overline{ж'}$]: *щи*, *счёт*, *жужжать*, *визжать*, *дождя*; мягкие краткие [*щ'*], [*ж'*] возможны лишь в иноязычных словах типа *пшют*, *жюри* и в собственных именах типа *Шютте*, *Жюль*; 2) произношение буквы *г* как [γ] допускается лишь в нескольких церковных словах (*господи*, *бога*), но не допускается в других словах, в сходной фонетической позиции (напр.: *богадельня*, *благополучный*, *благоприятный*); [γ] возникает также при позиционно озвончённом *х*, напр.: «*их бы*» [*иγбы*], и в отдельных словах (*бухгалтерия*, *бухгалтер*); 3) произношение мягких *к*, *г*, *х* возможно только перед гласными *и*, *е* (*руки*, *руке*), перед *а*, *о*, *у* мягкие *к*, *г*, *х* встречаются только в иноязычных словах (*гяур*, *маникюр*, *ликёр*); 4) произношение *чн* возможно то как [*шн*] (*скучно*, *гречневый*, *булочная*, *молочный* и др.), то как [*чн*]— преимущественно в словах-терминах и в нейтральной лексике (*вечность*, *беспечный*, *личность* и др.); 5) произношение *щн* как [*щн*], а не [*шн*] (*сущность*, *беспомощный* и др.); 6) произношение твёрдых [*т*, *д*] перед [*е*] в словах-варваризмах и в стилистически отмеченных словах (*темпера*, *коттедж*, *терция*, *декольте* и др.), а также в собственных именах (*Декарт*, *Дега*, *Теренций*, *Доде*) и в аббревиатурах типа *ТЭЦ*, *ВТЭК*, *ЛЭП* и т. п., но мягких [*т'*], [*д'*] в освоенных словах (*температура*, *телефон*, *тема*, *демонстрация*, *демон*); 7) в возвратных формах глагола наблюдается колебание в произношении между сценическим *с* твёрдым и разговорным *с* мягким [*с'*]; это колебание началось ещё в пушкинскую эпоху. Д. Н. Ушаков указывал, что *с* произносится всегда твёрдо, за исключением деепричастий (*наклоняясь* и т. п.); 8) *ч* перед *т* в союзах *что* и *чтобы* произносится как [*ш*]: [*што*], [*штобы*]; 9) в области вокализма основной чертой М. п. является аканье, т. е. резко контрастное выделение ударного слога (по долготе и интенсивности) и разная — двухстепенная — редукция гласных в безударных слогах, напр. *голова* [*гъл∧ва́*] (см. Редукция).

М. п. через средства массовой информации (телевидение, радио и др.), а также через театр (см. Сценическая речь) оказывает влияние на диалектное и просторечное произношение.

Лит.: Ушаков Д. Н., Русская орфоэпия и её задачи, в сб.: Русская речь, сб. 3, Л., 1928; Щерба Л. В., О нормах образцового русского произношения, «Рус. яз. в школе», 1936, № 5; Бернштейн С. И., Вопросы обучения произношению, М., 1937; Реформатский А. А., Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников, М., 1950; Ломоносов М. В., Российская грамматика, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952; Аванесов Р. И., Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972.

А. А. Реформатский.

МУЖСКО́Й РОД — см. Род.



Н, н — пятнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*эн*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное н, строчное н*. Буква *Н, н* обозначает палатализованную (мягкую) — перед буквами *е, ё, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*н'*], [*н*] (см. Согласные): *конь* [*кон'*], *не́бо* [*н'е́бъ*], *нёс* [*н'ос*], *нить* [*н'ит'*], *Нюра* [*н'у́ръ*], *ня́ня* [*н'а́н'ь*], *ба́нька* [*ба́н'къ*], *нож* [*нош*], *нуль* [*нул'*], *нас* [*нас*], *кон* [*кон*], *ба́нка* [*ба́нкъ*] (см. Позиция фонологическая).

Буква *Н, н* употребляется в составе нек-рых сокращений, напр.: *н. э.*— наша эра, *НИИ* — научно-исследовательский ин-т, *НРБ* — Народная Республика Болгария, *НОТ* — научная организация труда.

По начертанию восходит к букве «наш» (*N*) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «пятьдесят». Название и начертание буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

НАЗЫВНО́Е ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ, номинативное предложение,— простое односоставное безглагольное предложение с главным членом, выраженным им. п. существительного (номинативом). Отсутствие глагола в Н. п. значимо — это нулевая форма глагола *быть*, передающая грамматическое значение наст. времени изъявительного наклонения. В плане прош. или буд. времени, а также в сослагательном или повелительном наклонении с Н. п. соотносятся предложения с глаголом *быть* в соответствующих формах, ср.: *Зима. Мы часто ходим на лыжах* и двусоставное предложение *Будет зима. Станем на лыжи*. Об ином понимании синтаксической природы Н. п. см. в ст. Односоставное предложение.

В Н. п. сообщается о существовании, бытии того, что названо именем существительным в им. п.: «*Славная осень. Морозные ночи. Тихие, ясные дни*» (Некрасов); «*Тишина. Полоска света. Что там дальше — поглядим*» (Твардовский). Бытийные Н. п. прямо соотносятся по значению с бытийными двусоставными предложениями (см.), построенными по схеме: обстоятельство места — глагол *быть* в разных формах, в т. ч. и нулевой,— имя предмета, ср.: *Ночь.— На дворе ночь*; *Тишина.— Кругом тишина*.

Часто Н. п. выступают с указательной частицей *вот*: «*Вот мельница. Она уж развалилась*» (Пушкин); «*Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек*» (Крылов).

В число Н. п. нек-рые исследователи включают также названия книг, наименования на вывесках и т. п.: «*Война и мир*»; «*Букварь*»; «*Универмаг*»; «*Молоко*».

От Н. п. следует отличать предложения с т. н. именительным темы (именительным представления): «*Испания... Он видел ее берега в кремнистых далях, отрезанные от неба, как мечом, полосой густейшей морской синевы*» (Паустовский). В таких предложениях им. п. существительного представляет собой, как явствует из названия, тему сообщения, к-рая развивается во второй части предложения.

Н. п. широко используются в художественной лит-ре, особенно в поэзии, позволяя создавать лаконичные по выражению и ёмкие по содержанию словесные картины: «*Шепот, робкое дыханье, трели соловья. Серебро и колыханье сонного ручья*» (Фет); «*Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь*» (Блок).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, в. 1, Л., 1925; Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, М., 1968; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в книге: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г., М., 1973; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976.

Е. Н. Ширяев.

НАКЛОНЕ́НИЕ — грамматическая категория глагола, выражающая отношение действия к действительности. Категория Н. представляет обозначенное глаголом действие как реально осуществимое или как ирреальное.

Н. является морфологическим способом выражения модальных значений (см. Модальность). Посредством специальных глагольных форм Н. устанавливается оценка степени реальности высказывания. В рус. языке различаются три Н.: изъявительное, представляющее действие как реальное, повелительное и сослагательное, представляющие действие как ирреальное.

Формы изъявительного Н. выражают реальность обозначенного гла-

голом действия в настоящем, прошедшем и будущем (*Мы рисуем*; *Ученик не пришёл*; *Книгу он принесёт завтра*). Морфологический показатель изъявительного Н. совмещён в морфемах времени (и лица); реализуется изъявительное Н. в сложной системе временны́х форм глагола (*читаю*, *читал*, *буду читать*).

Формы повелительного Н. выражают волеизъявление (*Напиши письмо*; *Не бери эту тетрадь*). В систему форм повелительного Н. входят: формы 2-го лица ед. ч., образуемые от основы наст. времени присоединением суффикса *-и* (*пиши*, *молчи*) или нулевого суффикса ø (*отдай*, *плачь*) и морфонологическим, т. е. имеющим морфологическую значимость, чередованием парных твёрдых — мягких (*не*[*с*]*-ут — не*[*с'*]*-и*, *вста*[*н*]*-ут — вста*[*н'*]; формы 2-го лица мн. ч., образуемые от формы 2-го лица ед. ч. присоединением аффикса *-те* (*пишите*, *молчите*, *отдайте*, *плачьте*, *несите*, *встаньте*); формы совместного действия, омонимичные формам 1-го лица мн. ч. наст. (простого буд.) времени или с добавлением аффикса *-те* (*несём* и *несёмте*, *встанем* и *встанемте*, *пишем* и *пишемте*, *отдадим* и *отдадимте*). Многие лингвисты включают также в систему форм повелительного Н. и формы 3-го лица ед. и мн. ч., образуемые сочетанием частицы *пусть* (*пускай*) с формами 3-го лица ед. и мн. ч. наст. (простого буд.) времени (*пусть несёт*, *пусть несут*, *пусть встанет*, *пускай отдаст*).

Формы сослагательного Н. обозначают действие предполагаемое, возможное или желаемое (*Он бы приехал, да опоздал на поезд*; *Остался бы он дома*). Формы сослагательного Н. образуются сочетанием глагольной формы на *-л* и частицы *бы* (*б*). Сослагательное Н. не имеет форм лица, но имеет формы рода (в ед. ч.) и числа (*встал бы*, *встала бы*, *встало бы*, *встали бы*).

В предложении, в зависимости от характера синтаксической связи между действием и его субъектом, формы одного и того же Н. могут выражать различные модальные значения и употребляться в функции других Н.; напр., изъявительное Н. в значении повелительного (*Завтра придёшь ко мне!*), повелительное Н. в значении сослагательного (*Не сделай ты этого, всё было бы иначе*).

Лит.: Голанов И. Г., Наклонения глагола в современном русском языке, «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1954, т. 75, в. 4; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., О категории модальности и модальных словах в русском языке, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975.

В. Н. Белоусов.

НАРЕ́ЧИЕ — часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета. Формально значение Н. выражено его неизменяемостью. Н. не обладает грамматическими категориями ни имени, ни глагола; может зависеть от глагола (*бежать быстро*), прилагательного (*очень умный*), другого Н. (*кричаще ярко*), существительного (*брак по-итальянски*) или от предложения в целом (*Юридически дом не ваш*) и выполнять функцию обстоятельства или определения. Менее типична для Н. функция сказуемого (*В доме всё было по-новому*).

По значению, синтаксическим свойствам и словообразовательным особенностям Н. делятся на определительные и обстоятельственные. Определительные Н. обозначают качество действия, признака, предмета (*ярко*, *по-варшавски*). Почти все они могут иметь не только качественные, но и количественные (обычно вторичные) значения — указывают на степень интенсивности протекания действия или проявления признака (*сильно ненавидеть*, *удивительно красивый*): собственно количественные Н. в рус. языке единичны (*очень*, *весьма*, *крайне*). Определительные Н. выражают также ограничительные и модальные значения — указывают, в каком отношении или с какой точки зрения мыслится проявление признака или совершения действия (*экономически развитый*; *Режиссёрски спектакль поставлен интересно*). Внутри определительных Н. формируется группа слов (т. н. предикативных Н.) с общим значением состояния, специализирующихся для выражения сказуемого безличного предложения (*Мне холодно*; *В лесу сыро*). В этой функции Н. может иметь зависимый инфинитив (*Грустно вспоминать об этом*).

Обстоятельственные Н. характеризуют действия, признак, предмет посредством указания на обстоятельства, с ними связанные: место, время, реже причину, иногда цель (*вокруг*, *вчера*, *сослепу*, *в насмешку*).

Н. могут быть знаменательными (см. Знаменательные слова) и местоименными. Местоименные Н. имеют общие с местоимениями корни, отвлечённые указательные значения, они непроизводны и непополняемы. Будучи одновременно и местоимениями и Н., они входят в семантические разряды как местоимений (см. Местоимение), так и Н.; напр., слово *так* является указательным местоимением и определительным Н., *нигде* — отрицательным местоимением и обстоятельственным Н. места. Среди местоименных Н., как и среди знаменательных, формируется группа предикативных Н. (*Незачем было уезжать*).

Наиболее продуктивно образование Н. от прилагательных суффиксальным и суффиксально-префиксальным способами. Регулярно образуются Н. посредством суффиксов *-о*(*-е*), *-и*, посредством приставки *по-* в сочетании с суффиксами

-и, -ому: *умело, жанрово, утомлённо, кричаще, материнскu; по-актёрски, по-фронтовому*. Менее продуктивны иные образования от прилагательных и от других частей речи: от глаголов или от глагольных существительных посредством приставок *в-, на-* в сочетании с суффиксом *-ку* или нулевым суффиксом (*взатяжку, вперегиб*), от существительных посредством приставки *до-* и суффикса *-у* (*до зарезу*), от глаголов и прилагательных посредством суффикса *-ком* (*молчком, пешком*) и др. Этимологически нек-рые Н. восходят к отдельным предложно-падежным формам существительных, напр.: *впопыхах, исподлобья, восвояси*. С точки зрения совр. рус. языка такие Н. непроизводны. Словообразовательные значения основных продуктивных типов Н. близки друг другу. Как суффиксальные, так и суффиксально-префиксальные Н., образованные от качественных прилагательных, совпадают по значению с производящими прилагательными и отличаются от них только синтаксическим употреблением (ср.: *глупый* и *глупо, по-глупому*). Образования от относительных прилагательных имеют либо сравнительные значения («как что-то», «как где-то»), либо модально-ограничительные: *бронзово* (как бронза), *базарно* (как на базаре), *по-дачному* (как на даче); *жанрово, грамматически, по-государственному*.

Н.— развивающаяся часть речи. Наиболее существенные изменения в процессе исторического развития Н. происходят в области словообразования и синтаксического употребления. 1) Происходит заметное ослабление продуктивности обстоятельственных Н., это в значительной степени связано с развитием системы вторичных предлогов, к-рые более дифференцированно выражают обстоятельственные отношения; продуктивность определительных Н. усиливается. 2) Внутри основных словообразовательных типов Н. активно развивается словообразовательная синонимия (*серьёзно — по-серьёзному, музейно — по-музейному, по-мужски — по-мужскому*). Это обусловливает взаимное обогащение словообразовательных типов кру́гом производящих основ, их семантическое сближение и стилистическую дифференциацию. 3) Расширяется присубстантивное, приадъективное и предикативное употребление Н.: *почти инженер, жизнь по-новому, по-доброму пристрастный, камерно тонкий, это не по-дружески*. 4) Активизируются образования Н., свойственные обычно языку художественной литературы (*резиново изгибался, белозубо улыбался*) и др.

Лит.: Русский язык и советское общество, в кн.: Словообразование современного русского литературного языка, М., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972. *О. П. Ермакова.*

НАРЕ́ЧИЕ — наиболее крупная единица диалектного членения языка: совокупность диалектов, объединённых общими признаками. Напр., северновеликорусское и южновеликорусское Н. рус. языка. Для обозначения Н. может использоваться и термин диалект (см.).

К. В. Горшкова.

НАРИЦА́ТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНЫЕ — существительные, являющиеся обобщёнными названиями классов однородных предметов и явлений, напр.: *отец, стол, вода, дождь, река, борьба, широта*. По своей номинативной функции (см. Номинация) Н. с. противопоставлены собственным существительным (о переходе Н. с. в собственные существительные и наоборот см. Собственные существительные). В противоположность последним пишутся, как правило, со строчной буквы. *В. В. Лопатин.*

НАСТОЯ́ЩЕЕ ВРЕ́МЯ — время (см.) глагола, обозначающее, что названное глаголом действие происходит одновременно с моментом речи. Различают два значения Н. в.: 1) собственно настоящее при очевидной приуроченности действия к моменту речи, напр.: «*А нынче... погляди в окно: Под голубыми небесами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит; Прозрачный лес один чернеет, И ель сквозь иней зеленеет. И речка подо льдом блестит*» (Пушкин); 2) несобственно настоящее (или настоящее неактуальное), основным значением к-рого является выражение процесса, совершающегося безотносительно к моменту речи, постоянно или обычно: *Земля вращается вокруг Солнца; Волга впадает в Каспийское море*.

Н. в. часто употребляется при обозначении действия в прошлом (praesens historicum) или будущем: *В 1884 году Чайковский пишет оперу «Пиковая дама»; Через месяц я кончаю институт и начинаю работать в школе*.

Значение Н. в. выражают только глаголы несов. вида. Н. в. выражается шестью личными формами, тремя формами ед. ч. 1-го, 2-го и 3-го лица (*знаю, делаю, кричу; знаешь, делаешь, кричишь; знает, делает, кричит*) и тремя формами мн. ч. 1-го, 2-го, 3-го лица (*знаем, делаем, кричим; знаете, делаете, кричите; знают, делают, кричат*). Формы Н. в. образуются от основы Н. в. и имеют две системы окончаний — 1-го и 2-го спряжения: 1) *-у(-ю), -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут(-ют)*; 2) *-у(-ю), -ишь, -ит, -им, -ите, -ат(-ят)*. Ряд глаголов образует формы Н. в. с чередованием согласных в основе, напр.: *берегу — бережёшь, теку — течёшь, куплю — купишь, люблю — любишь*. Нек-рые глаголы с формой инфинитива на *-ать* образуют вари-

антные формы, обычно различающиеся по значению или по употреблению: *капает — каплет, мурлыкает — мурлычет, плескается — плещется, брызгает — брызжет.*

Формы Н. в. в принципе образуются от любого глагола несов. вида. Но практически избегаются в употреблении 1) форма 1-го лица ед. ч. от глагола *стонать* и формы на *-чу, -жу, -шу, -щу* от глаголов *желтить, очутиться, победить, колесить* и нек-рые др. при употреблении *шучу* (от *шутить*), *щажу* (от *щадить*), *прошу* (от *просить*), 2) формы 1-го и 2-го лица от глаголов, лексическое значение к-рых несовместимо с действием этих лиц (*ветвиться, телиться, толпиться* и др.). От метафорических значений этих глаголов образование и употребление всех личных форм вполне возможно. *В. А. Плотникова (Робинсон).*

НАУ́ЧНО-ИССЛЕ́ДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУ́Т ПРЕПОДАВА́НИЯ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́ В НАЦИОНА́ЛЬНОЙ ШКО́ЛЕ АПН СССР — центральное научно-исследовательское учреждение по проблемам обучения рус. языку и рус. лит-ре учащихся школ союзных и автономных республик. Основан в 1970. Находится в Москве. Ведущие направления в работе ин-та: определение содержания и методики обучения рус. языку в подготовительных классах и начальной национальной школе; исследование кардинальных вопросов типовой методики обучения рус. языку в средних и старших классах национальной школы; решение проблем теории и практики составления учебных словарей различного типа; разработка научных основ преподавания рус. лит-ры в национальной школе; исследование вопросов совершенствования подготовки и переподготовки кадров учителей-словесников для национальных вузов, а также вопросов методики преподавания лингвистических дисциплин; разработка научных основ аудиовизуальных средств обучения; создание учебных комплексов. В составе ин-та пять секторов [учебной лексикографии; методики начального обучения; методики обучения рус. языку в 4—10 (11) классах; методики преподавания русской лит-ры; подготовки учителей], а также 2 группы — технических средств обучения и научно-организационная. Институт имеет аспирантуру.

Г. В. Кузьмина.

НАУ́ЧНЫЙ СТИЛЬ — один из функциональных стилей литературного языка (см.), обслуживающий сферу науки. Языковые особенности Н. с. объясняются предназначенностью научных текстов для передачи объективной, как бы обезличенной информации о природе, человеке и обществе. Н. с. должен обеспечить ясность, точность, объективность, недвусмысленность, логичность и доказательность изложения, воспроизводимость излагаемых экспериментальных научных результатов любым другим учёным, полноту информации и т. п. Наиболее ярко проявляется в письменной форме речи, но с развитием просвещения и практики проведения научных конференций активно проникает (сохраняя свою специфику) и в устную речь. Для Н. с. речи характерно: в лексике — применение терминов и слов с абстрактным значением; в морфологии — предпочтительное употребление нек-рых классов слов, напр. существительных (т. н. именной характер Н. с.); среди падежей значительное преобладание родительного и именительного, предпочтение форм наст. времени и 3-го лица глагола, широкое использование причастий и деепричастий, а также страдательного залога; в синтаксисе — использование всех возможных типов словосочетаний, применение разнообразных сложных предложений и сложного синтаксического целого; в семантике — тяготение к точности. Н. с. характеризуется также тенденцией к интернационализации. Эмоциональные моменты, реминисценции, экскурсы в историю науки находят выражение в Н. с. в виде отдельных вкраплений, не определяя его существа. Характерной чертой Н. с. является развитие в его словесной ткани обширных систем математических, физических, химических, биологических, географических и иных знаков и значков, органическое вхождение в содержание научного текста карт, фотографий, схем, диаграмм, графиков, таблиц и т. д.

В рус. языке Н. с. в основных чертах сложился в 16—19 вв., но продолжает активно развиваться и в настоящее время. Сохраняя своё единство, Н. с. речи воплощается во многих жанрах и видах изданий: монография, учебник, статья, отчёт, реферат, тезисы, патент и т. д. Внутри Н. с. есть основания выделить особый подстиль научно-популярной речи.

Лит.: Кутина Л. Л., Формирование языка русской науки, М.—Л., 1964; Современные проблемы терминологии в науке и технике, М., 1969; Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии, М., 1970.

П. Н. Денисов.

НАЦИОНА́ЛЬНЫЙ ЯЗЫ́К — язык, являющийся средством письменного и устного общения нации. Н. я.— категория историческая: он складывается в период развития народности в нацию. Нация как историческая общность людей характеризуется общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Эпоха образования буржуазных наций связана с концентрацией экономической и политической жизни того или иного народа в этот период его истории. В. И. Ленин отмечал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма

над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» (Соч., 5 изд., т. 25, с. 258—59).

В структурно-языковом плане Н. я. полностью наследует структуру языка народности. Как и последний, это язык общенародный, т. е. его образуют все разновидности речевых средств общения людей — и местные диалекты (см.), и просторечие (см.), и литературный язык (см.). Это совокупность разновидностей данного языка, объединяющихся общностью основного словаря, а также грамматической и в определённой степени фонетической систем. В реальной структуре Н. я. объединяются два ряда явлений: один ряд — это постоянные элементы языковой системы, равно существующие в любой разновидности Н. я., другой — это подвижные элементы, наличествующие в одной или в нек-рых разновидностях Н. я. и отсутствующие в другой или других его разновидностях. При всём многообразии подвижных элементов они никогда не играют решающей роли в языке; возможность взаимопонимания людей, говорящих на Н. я., обусловливается наличием постоянных элементов языка, к-рые и позволяют говорить о едином Н. я. Те же черты характеризуют и язык народности.

Отличия Н. я. от языка народности, связанные с экономической и политической концентрацией жизни общества в национальный период его истории, заключаются, во-первых, в том, что в эпоху сложения нации развиваются процессы укрепления языкового единства, нивелировки местных диалектных особенностей, происходит становление единых норм для всех носителей языка; во-вторых, в том, что в этот период складывается единый письменный и устный лит. язык на общенародной основе. Т. о., если в состав Н. я. входят и диалекты, и лит. язык, то эти его разновидности не являются равноправными: местные диалекты в процессе развития Н. я. обречены на отмирание, лит. язык призван вытеснить и заменить собой все остальные разновидности Н. я.

Если в донациональный период могли существовать разные типы письменно-лит. языка, базирующиеся на разных основах и обслуживающие узкие и определённые сферы письменного общения, а в ряде случаев письменный лат. язык мог быть вообще чужим языком (лат.— в средневековой Европе, араб.— в мусульманских странах), то в эпоху образования буржуазных наций происходит, как правило, становление единого лит. языка на общенародной основе, обслуживающего все сферы письменного, а затем и устного общения. Развитие нового лит. языка сопровождается такими процессами, как усиление функций письменного языка, развитие разных форм устной речи, окончательное выделение художественной лит-ры среди других форм письменности и т. д. В эпоху буржуазных наций прекращается развитие новых диалектных особенностей в языке, диалекты постепенно начинают утрачиваться под влиянием устно-разговорной формы лит. языка. Подвергаясь регламентации и нормированию, устная лит. речь постепенно становится такой формой Н. я., к-рая потенциально готова стать единственным средством устного общения людей. Т. о., развитие языка в национальную эпоху превращает лит. язык нации в обработанный, нормированный высший тип Н. я., имеющий как письменную, так и устно-разговорную форму. Нормированность — важнейшая особенность высшей формы Н. я., причём национальные нормы вырабатываются сначала в грамматике, словаре и орфографии, позже — в орфоэпии.

Образование социалистических наций определяет дальнейшее развитие Н. я. Это развитие неоднородно в условиях складывания социалистических наций или на основе наций буржуазных, имевших длительную традицию письменного лит. языка (армяне, грузины), или на базе народностей, не изживших феодального уклада (таджики, киргизы), или на основе народностей, не изживших патриархально-родового уклада (тувинцы, хакасы). Однако общей чертой всех языков социалистических наций является неограниченное развитие и распространение норм Н. я. и усиление процессов утраты диалектных особенностей. Культурная революция при социализме, построение развитого социализма привели к тому, что единый общенародный нормализованный Н. я. становится достоянием каждого члена социалистической нации.

Рус. Н. я. начинает складываться в 17 в. в связи с развитием капиталистических отношений и перерастанием рус. народности в нацию. Фонетическая система, грамматический строй и основной словарный состав рус. Н. я. сложились

в эпоху великорус. народности (см. История русского языка) и были унаследованы рус. Н. я. Реально рус. Н. я. существовал и существует как совокупность разновидностей этого языка, объединяющихся общими постоянными языковыми элементами. Со времени складывания рус. Н. я. начался процесс утраты диалектных особенностей, к-рый выразился прежде всего в постепенном прекращении развития новых диалектных черт. Этот процесс связан с распространением в рус. Н. я. норм единой устнолит. речи, сложившейся на базе народно-разговорного языка Москвы (см. Московское произношение) и под влиянием письменного делового языка центра. Процесс утраты диалектных черт особенно развивается после Окт. революции 1917, вызвавшей бурный рост культурного уровня народа.

С 17 в. начинает формироваться и новый письменный лит. рус. язык. В эпоху великорус. народности существовали разные типы письменного языка (см. История русского литературного языка), обслуживающие разные сферы письменного общения, но не было общенародного лит. языка, к-рый обслуживал бы все сферы такого общения и был бы понятен и доступен всем носителям языка. Такой лит. язык формируется в период развития рус. нации и, подвергаясь обработке и нормализации, становится высшей формой Н. я. Основоположником национального рус. лит. языка явился А. С. Пушкин. С нач. 19 в. рус. лит. язык развивает уже сложившуюся структуру, обогащая словарный состав и совершенствуя грамматический строй. Рус. лит. язык является подлинно Н. я. Рус. Н. я.— это и средство межнационального общения народов СССР, насчитывающего 130 различных языков. В наши дни рус. Н. я. превратился и в средство международного общения, в один из совр. мировых языков (см. Русский язык в международном общении).

Лит.: Вопросы формирования и развития национальных языков, М., 1960; Будагов Р. А., Введение в науку о языке, 2 изд., М., 1965; Реформатский А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974.

В. В. Иванов.

НЕИЗМЕНЯ́ЕМЫЕ СЛОВА́ — слова, не имеющие различных грамматических форм словоизменения. К ним относятся две группы слов. 1) Слова, принадлежащие к частям речи, лишённым категориально-морфологических значений, выражаемых разными словоформами одного и того же слова. В эту группу входят: а) все служебные слова, б) междометия, в) из знаменательных слов — только наречия (кроме качественных наречий на *-о*, имеющих форму сравнительной степени; *быстро — быстрее*), напр.: *вдруг*, *туда*, *по-братски*, *около*, *между*, *без*, *но*, *разве*, *лишь*, *ура*. 2) Нек-рые слова, принадлежащие к частям речи, нормально склоняемым и выражающим в различных словоформах категориально-морфологические значения рода, числа, падежа. Сюда относятся: т. н. несклоняемые существительные (см.), напр.: *пальто*, *антраша*, *рагу*, *Тбилиси*, *Кармен*, *МГУ*, *сельпо*; т. н. несклоняемые прилагательные — иноязычные слова типа: *бордо*, *хаки*, *электри́к*, *коми* (последнее употребляется и как существительное; ср.: *язык коми* и *коми* как представитель национальности), притяжательные местоименные прилагательные *его*, *её*, *их*, местоименные числительные *мало* и *немало*. Среди глаголов Н. с. нет.

Все Н. с. второй группы способны выражать те же грамматические значения, что и у остальных слов соответствующих частей речи, но выражают их только синтаксически (связями с соседними словоформами); напр., в словосочетании *купил новое пальто* у слова *пальто* синтаксически выражены значения ср. рода ед. ч вин. п. Поэтому существует точка зрения на такие Н. с. как на слова, представляющие собой совокупность омонимичных словоформ с нулевыми флексиями и принадлежащие к т. н. нулевому типу склонения.

В. В. Лопатин.

НЕЙТРА́ЛЬНАЯ ЛЕ́КСИКА, межстилевая лексика,— общеупотребительная лексика, не связанная с определёнными функциональными разновидностями (стилями) языка и не имеющая экспрессивной окраски. Н. л. противостоит лексике, закреплённой за теми или иными стилями, и лексике, экспрессивно окрашенной. Так, нейтральные слова *жить* (где-либо), *надо*, *уезжать* (в командировку), *этот* соотносительны со словами официально-делового стиля *проживать*, *надлежит*, *убывать*, *настоящий*. Нейтральные слова *глаза*, *есть*, *идти*, *лицо*, *победить*, *спать* соотносительны, с одной стороны, со словами возвышенной окраски *очи*, *вкушать*, *шествовать*, *лик*, *повергнуть*, *почивать*, а с другой — со словами сниженной, грубой окраски *гляделки*, *лопать*, *топать*, *рожа*, *расколошматить*, *дрыхнуть*.

Резкой границы между Н. л. и лексикой, стилистически закреплённой и экспрессивно окрашенной, нет. Нек-рые многозначные слова в одних значениях выступают как межстилевые, нейтральные, а в других — как закреплённые за определёнными стилями или экспрессивно окрашенные. Слово *удержать* в значении «вычесть при оплате» является словом официально-делового стиля, а в других значениях оно нейтрально. Когда говорят *вода* о жидком безвкусном напитке (*не кофе, а вода*) или о многословии при бедности мысли, содержания (*в докладе много воды*), то это нейтральное слово приобретает экспрессивную окраску. Сло-

ва *лакать*, *рычать*, *фыркать*, употребляемые по отношению к животным,— нейтральны, но, употребляемые по отношению к людям, они резко экспрессивны. Специфическая для того или иного стиля лексика в пределах этого стиля лишена эмоциональной окраски, особой выразительности (т. е. в этом отношении нейтральна) и только будучи перенесённой в другие функциональные разновидности языка или в необычные для неё речевые ситуации становится стилистически и экспрессивно окрашенной. Напр., в стихотворении Маяковского «Канцелярские привычки»:

«Такому,
глядящему
за чаем
с балконца
как солнце
садится в чаще,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —
входящее
и исходящее».

Лит.: Калинин А. В., Лексика русского языка, М., 1966; Шанский Н. М., Лексикология современного русского языка, М., 1972; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973.

А. И. Горшков.

НЕЙТРА́ЛЬНЫЕ СТИЛИСТИ́ЧЕСКИЕ СРЕ́ДСТВА ЯЗЫКА́ — языковые средства (слова, словосочетания, фразеологические единицы, синтаксические конструкции и т. п.), употребляющиеся в любом функциональном стиле языка, в устной или письменной форме речи, в любой ситуации общения и обеспечивающие единство лит. языка как системы. В иной терминологии они называются межстилевыми или общелит. средствами языка. Категория нейтральности языковых единиц принадлежит стилистике как разделу языкознания, вместе с тем конкретное изучение и описание этих средств проводятся гл. обр. нормативными грамматиками и регистрируются в словарях различного типа.

По мнению большинства языковедов, Н. с. с. я., не создавая особого функционального стиля, являются основой стилистической дифференциации элементов языка, т. к. именно по отношению к ним выделяются все языковые элементы, к-рые определяются как специфические для того или иного функционального стиля (той или иной разновидности лит. языка). Однако нек-рые учёные, обращая внимание на тексты, лишённые стилистической маркированности, считают эту немаркированность значимой (т. е. воздействующей на адресата речи отсутствием ожидаемых стилистически окрашенных элементов), что даёт им возможность ввести понятие нейтрального стиля.

Понятие нейтральности чаще всего применяется к области лексики и является исходным для квалификации единиц словарного состава как стилистически маркированных (см. Нейтральная лексика). В лексикографической практике (реже в грамматиках лит. языка) стилистическая квалификация лексики осуществляется с помощью специальных помет (*разг.*, *прост.*, *высок.*, *офиц.* и др.). Нейтральные слова не снабжаются пометами, что и подчёркивает их противопоставленность стилистически окрашенной лексике.

В лингвистической лит-ре существует точка зрения, согласно к-рой отдельность любого функционального стиля (любой разновидности лит. языка) определяется специфическими для данного стиля языковыми средствами, а Н. с. с. я. не могут учитываться при разграничении стилей, поскольку являются их общей основой. Однако многие исследователи высказывают мысль о том, что специфика функционального стиля определяется в первую очередь степенью соотношения специфических и нейтральных элементов (разной для каждого стиля) и качественным набором этих нейтральных элементов, к-рый регулируется ситуационно-тематическими условиями и задачами речи, а также формой речи (письменной или устной).

Нейтральные единицы языка, являясь в большинстве случаев точкой отсчёта для выявления стилистически окрашенных членов парадигмы, не всегда являются её непременным членом, чаще всего это наблюдается в области предикатной (иначе — характеризующей, оценочной) лексики; ср. синонимический ряд: *молокосос — сосунок — щенок — сопляк — пащенок*, где все члены стилистически окрашены.

Нейтральные средства выделяются не только по отношению к функциональным стилям, но и по отношению к способам выражения экспрессии (эмоционального содержания речи); ср. экспрессивно окрашенные синонимы *скупердяй*, *жмот*, *жила* к нейтральному *скупой*.

Границы нейтральных средств языка исторически изменчивы (слова, стилистически маркированные, в истории развития языка могут потерять отмеченность и перейти в нейтральные, возможен и обратный процесс), напр. сущ. *обаяние* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова имеет помету *разг.*, а слова *живописец*, *заздравный* — помету *книжн. устар.* В более поздних толковых словарях эти слова описываются как нейтральные. Понятие нейтральности относится не только к области лексики, но и к другим уровням языка и, по-видимому, тесно связано с понятием нормативности — ненормативности; см. Норма (языковая).

Лит.: К о ж и н а М. Н., О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей, Пермь, 1962; С к р е б н е в Ю. М., Очерк теории стилистики, Г., 1975; Л а п т е в а О. А., Современная русская публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1. См. также лит. при ст. Стилистика.

Т. А. Ганиева, И. К. Сазонова.

НЕОДУШЕВЛЁННОСТЬ — см. Одушевлённость — неодушевлённость.

НЕОЛОГИ́ЗМ (от греч. néos — новый и lógos — слово) — слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. Пополнение словарного состава языка происходит непрерывно, и новые слова, став общеупотребительными, закрепившись в языке, перестают быть Н. Различаются Н. лексические, т. е. слова вновь образованные или заимствованные (напр.: *безразмерный*, *вживлять*, *внеземной*, *всепогодный*, *дизайнер*, *звездолётчик*, *звездоплаватель*, *интервидение*, *космовидение*, *космопорт*, *космопроходец*, *космоцентр*, *ралли*, *стеклоткань*, *универсам*), и семантические, т. е. новые значения ранее известных слов, напр.: *бомбардир* (результативный нападающий в футболе или хоккее), *морж* (любитель зимнего купания), *развязка* (на автодорогах).

Наряду с общеязыковыми Н. существуют Н., к-рые называют индивидуально-стилистическими или окказиональными. Эти Н. создаются авторами как выразительные средства в определённом контексте, не рассчитанные на распространение и закрепление в общем языковом употреблении. Напр., у Маяковского: «*Я планов наших люблю г р о м а д ь ё*»; «*В сегодняшнем красном дне воскресает годов л е г е н д а р ь*»; «*Пролетает вечность — б е с к о н е ч н о ч а с ы й распустила хвост*»; «*— Эй, отчетность, г р о с с б у х н е м!*».

Лит.: К а л и н и н А. В., Лексика русского языка, М., 1966; Новые слова и значения. Словарь-справочник, М., 1971; Ш а н с к и й Н. М., Лексикология современного русского языка, М., 1972; О ж е г о в С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974.

А. И. Горшков.

НЕОПРЕДЕЛЁННАЯ ФО́РМА ГЛАГО́ЛА — то же, что инфинитив.

НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИ́ЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое, односоставное, бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, называющим такое действие, к-рое выполняет неназванный и неопределённый активный деятель — некие люди (человек): «*Художника Петрова призвали в армию на второй год войны в большом среднеазиатском городе*» (Паустовский).

Структура Н.-л. п. такова, что смысл «некие люди (человек)» отдельным словом выражен быть не может и выражается определёнными глагольными формами, к-рые передают неопределённость лица только при отсутствующем подлежащем. Следовательно, отсутствие подлежащего значимо.

Глагол в Н.-л. п. употребляется во всех временах изъявительного наклонения в формах, совпадающих с формами 3-го лица мн. ч.: «*Подсудимых тоже куда-то выводили и только что ввели назад*» (Л. Толстой); «*Там под горой пасут овец, одна другой жирнее*» (Крылов).

Эти формы глагола отличают Н.-л. п. от других односоставных — обобщённо-личных предложений (см.) и безличных предложений (см.). Значимое же отсутствие подлежащего, позволяющее глагольной форме выполнить нужную функцию, противопоставляет все эти односоставные предложения двусоставным.

Хотя глагол в Н.-л. п. стоит во мн. ч., действие, им выражаемое, может относиться только к одному неопределённому лицу: «*Егорушке дали ложку*» (Чехов); «*В большом доме напротив у инженера Должикова играли на рояле*» (Чехов).

Н.-л. п. употребляются: 1) когда нет необходимости обозначать производителя действия, а важно сосредоточить внимание на самом действии: «*По улицам слона водили*» (Крылов); «*В лесах прорубали с запада на восток широкие просеки*» (Паустовский); 2) когда круг возможных производителей действия достаточно широк и точно неизвестен говорящему (пишущему): «*И везде ее встречали весело и дружелюбно*» (Чехов); «*Все укрепления возводили на глазах врага, под пулями*» (Симонов).

Лит.: П е ш к о в с к и й А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; С я т к о в с к и й С. И., Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках, в кн.: Славянская филология, в. 5, М., 1963.

Е. Н. Ширяев.

НЕПЕРЕХО́ДНЫЕ ГЛАГО́ЛЫ — см. Переходность.

НЕПОЛНОГЛА́СИЕ — лексико-фонетическое явление совр. рус. языка: наличие сочетания плавный + гласный [*а*], [*е*] между согласными в корневых морфемах. Н. являются результатом изменения праслав. сочетаний гласных [*о*] и [*е*] с плавными [*r*] и [*l*] между согласными, т. е. сочетаний типа [*tort*], [*tert*], [*tolt*], [*telt*], к-рые в силу действия закона открытого слога изменились в сочетания [*trat*], [*trět*], [*tlat*], [*tlět*]; напр., праслав. * *storna*, * *bergъ*, * *zolto*, * *melko* развились в ст.-слав. *страна*, *брѣгъ*, *злато*, *млѣко*. Через ст.-слав. памятники слова с неполногласными сочетаниями проникали в др.-рус. язык и закреплялись в нём, сосуществуя с восточнослав. полногласными словами, напр.: *страна — сторона*, *брѣгъ — берегъ*, *злато — золото*, *млѣко — молоко*. Неполногласные и полногласные образования в рус. языке (слова-дублеты) имели разную судьбу в истории развития языка: в одних случаях

победу одержал неполногласный вариант, в других — полногласный, в третьих сохранились оба слова, разойдясь по лексическому значению. Напр., восточнослав. слова с полногласными образованиями были вытеснены старославянизмами в таких словах, как *время*, *бремя* (ср. совр. *беременная*), *сладкий* (ср. *солод*), *благо* (ср. совр. название станции *Бологое*), *брань* (ср. *оборона*), *враг* (ср. *ворожить*), *срам*, *храбрый*. С другой стороны, сохранились только полногласные варианты *борона*, *горох*, *молодец*, *молоко*, *дорога* и т. д. Наконец, такие слова, как *порох — прах*, *сторона — страна*, равно сохранившиеся в совр. языке, различаются значениями. Кроме того, во многих случаях полногласный и неполногласный корни по-разному выступают в производных словах; напр.: *береговой — прибрежный*, *привередливый — вредный*, *здороваться — здравствуйте*, *холодный — прохлада*. В поэзии 18—19 вв. полногласные и неполногласные варианты использовались в разных стилистических целях. Неполногласные варианты слов в совр. языке являются по происхождению славянизмами (см. Полногласие, Славянизм).

Лит.: Шахматов А. А., Очерк современного русского литературного языка, 4 изд., М., 1941; Винокур Г. О., О славянизмах в современном русском языке, «Рус. яз. в школе», 1947, № 4; Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964. *В. В. Иванов.*

НЕПО́ЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — традиционное название предложения, не имеющего собственной структурной схемы, а опирающегося на структурную схему другого предложения или на внеязыковую ситуацию: «*Дела булочной шли хорошо, лично мои — все хуже*» (М. Горький), ср.: *лично мои дела шли всё хуже*.

Потенциальная возможность восстановить отсутствующий член отличает Н. п. 1) от полных предложений с нулевой формой наст. времени глагола *быть*, связочного или полнозначного (*Я инженер*; *Я в школе*); этой форме не может соответствовать никакая более полная (не говорят: *Я есть инженер*; *Я есть в школе*); 2) от полных обобщённо-личных (*Чужим умом умён не будешь*) и неопределённо-личных (*В санатории меня быстро вылечили*), в к-рых подлежащее словом не выражается. Не относятся к неполным также многие конструкции, синтаксическое членение к-рых в значительной степени стёрто вследствие их фразеологизации: *Доброе утро! С Новым годом!* и т. п.

Н. п. классифицируются в зависимости от того, на какое полное предложение опирается данное неполное, и от того, в состав какого более сложного единства они входят. В зависимости от характера этих условий различаются: 1) контекстуальные Н. п., опирающиеся на соответствующий контекст. Чаще всего этот контекст бывает диалогическим. В диалоге неполными бывают обычно вторые реплики, соотносимые с полными первыми: «[Варя] *Фирса отвезли в больницу?* — [Аня] *Отвезли*» (Чехов); «[Лида] *Очень я тебя любила.*— [Максим] *И я тебя*» (Розов). В роли необходимого контекста может выступать первая часть сложного предложения, на к-рой основывается неполнота второй части: «*Алеша смотрел на них, они на него*» (Достоевский); «*Вся женская родня прочила его в военную службу, мужская — в гражданскую*» (Гончаров).

2) Ситуативные Н. п. опираются на соответствующую внеязыковую ситуацию. Напр., грузчик, внося в квартиру холодильник, может употребить неполное предложение: «*Куда его?* (ставить)».

В контекстуальных и ситуативных Н.п. отсутствующим может быть любой член: подлежащее, сказуемое, второстепенные члены. Отсутствовать могут сразу несколько членов:

«— *Я завтра уезжаю.*
Она взглянула испуганно:
— *Куда?*
— *В Смоленск.*
— *Зачем?*» (Бунин).

В репликах этого диалога, кроме первой, нет подлежащего, сказуемого и обстоятельства *завтра*.

3) Эллиптические Н. п. Они противопоставлены контекстуальным и ситуативным в том плане, что необходимые для осмысления предложения условия заключены в самом предложении, в его наличных членах, ср.: «*Татьяна в лес*» (Пушкин), где на эллипсис глагола движения указывает приглагольный член со значением направленности движения *в лес*. Эллиптируется обычно глагол. Особенностью эллиптического предложения является то, что место отсутствующего глагола может занять не какой-то строго определённый глагол, а любой из глаголов нек-рой лексико-семантической группы, ср.: *Татьяна* (*бросилась*, *побежала*, *кинулась*, *устремилась* и т. п.) *в лес*. Чаще других эллиптируются глаголы движения и речи: «*Вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменился в лице — и к окну*» (Лермонтов); «*Я к нему! Я туда, сюда*» (Леонов); «*Ты это про какую роль, Дмитрий Романович?*» (Леонов).

На месте отсутствующего члена в неполных предложениях может ставиться тире, оно особенно часто появляется в однотипных частях сложного предложения: «*Они смотрели друг на друга: Райский — с холодным любопытством, она — с дерзким торжеством, сверкая смеющимися глазами*» (Гончаров); «*Нина несла кашу, Витя — пустую кастрюль-*

ку» (Федин). Постановка тире в неполных предложениях не является обязательной.

Лит.: Попова И. А., Неполные предложения в современном русском языке, «Труды Института языкознания», 1953, т. 2; Сковородников А. П., О критерии эллиптичности в русском синтаксисе. (По материалам современной советской лингвистической литературы), «ВЯ», 1973, № 3.

Е. Н. Ширяев.

НЕПРОИЗВО́ДНАЯ ОСНО́ВА — см. Основа.

НЕПРОИЗНОСИ́МЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — согласные буквы, лишённые звукового значения в определённых сочетаниях. Они встречаются в словах со стечением трёх, четырёх, а иногда даже и пяти согласных. Графически обозначаемые нек-рые согласные (*т*, *д*, *в*, *л*) в устной речи не произносятся или произносятся весьма неотчётливо; пропуск таких букв на письме считается грубой орфографической ошибкой, поскольку при этом нарушается морфологическое строение слова или допускается отступление от его этимологии. К Н. с. относятся:

т в сочетаниях *стн* (*честный*, *известный*, *грустный* и т. п.), *стл* (*счастливый*), *нтск* (*гигантский*), *стск* (*марксистский*);

д в сочетаниях *здн* (*праздник*, *поздний*), *рдц* (*сердце*), *ндск* (*голландский*);

в в сочетаниях *вств* (*чувствовать*, *здравствовать*), *лвств* (*безмолвствовать*);

л в сочетании *лнц* (*солнце*).

Правильность написания иногда проверяется такими формами, где соответствующая буква обязательно произносится (обретает звуковое значение); *солнце* — *солнечный*, *честный* — *честить*, *поздний* — *опоздал*, но это не относится, безусловно, ко всем случаям (напр., слово *праздник* подобным образом не проверяется).

В нек-рых случаях Н. с. может служить дифференцирующим признаком для различения слов (*костный* и *косный*). Нередки случаи ошибочной вставки учащимися лишних букв (по ложной аналогии с названными выше случаями): *явства* вместо *яства*, *блестнуть* вместо *блеснуть*, *опастный* вместо *опасный* и т. п. Средством предупреждения таких ошибок является словообразовательный и этимологический анализ подобных слов.

Лит.: Ушаков М. В., Методика правописания, М., 1959, с. 48—51.

А. В. Текучёв.

НЕРАСПРОСТРАНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое односоставное или двусоставное предложение, не содержащее второстепенных членов: *Ищут*; *Метель*; *Довольно*; *Смеркается*; *Отъезжающие расходятся*.

Односоставные Н. п. могут быть именными: *Звонок*; *Ни души*; *Ай да малина! Будет мороз*; спрягаемо-глагольными: *Знобит*; *Стемнело*; *Звонят*; наречными: *Весело*; *Тихо*; инфинитивными: *Не разговаривать!* Односоставные Н. п. могут состоять более чем из одного компонента: *Масса дел*; *Перестало гудеть*; *Ай да мороз! Нужно выяснить*; *Где уж ждать! Не о ком жалеть*.

Подлежащее и сказуемое двусоставного Н. п. также могут быть представлены несколькими словоформами: подлежащее может быть выражено количественно-именным сочетанием, напр.: *Выступило на два претендента больше*; *Много команд проиграло*; целым предложением, напр.: *«Каждому — по труду!» — лозунг социализма*; сказуемое может быть осложнённым (см. Сказуемое), напр.: *Он ходит героем*; *Многие команды вышли в финал*; *Коробка оказалась пустой*; *Сын решил начать заниматься боксом*.

Критерием нераспространённости является информативная достаточность главного (главных) члена (членов) и структурная неделимость предложения.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976.

Е. М. Лазуткина.

НЕСКЛОНЯ́ЕМЫЕ СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНЫЕ — существительные, все падежные формы к-рых одинаковы (омонимичны). Формы числа и падежа Н. с. определяются синтаксически, напр. по формам согласуемых прилагательных, по предлогам, по управляющим глаголам, ср.: *новое пальто* (ед. ч.) и *новые пальто* (мн. ч.); *пришёл без пальто* (род. п.) и *купил пальто* (вин. п.). К Н. с. относятся: 1) существительные иноязычного происхождения с основой на гласный: *пальто*, *кино*, *радио*, *ателье*, *бра*, *кенгуру*, *кофе*, *кашне*, *интервью*, *жалюзи*, *леди*, *па* и т. п., в том числе имена собственные: *Гёте*, *Золя*, *Чикаго*, *Тбилиси*; 2) фамилии на *-ко* типа *Шевченко* и фамилии на *-аго*, *-ово* типа *Шамбинаго*, *Дурново*; 3) женские имена и фамилии, оканчивающиеся в им. п. на согласный: *Эдит*, *Гринберг*, *Засулич*, *Рыбак* и т. п. (мужские фамилии этого типа склоняются по 1-му склонению); 4) аббревиатуры (см.), преим. с основой на гласный, составленные из начальных звуков или частей слов: *гороно*, *сельпо*, *МАИ*; 5) аббревиатуры, составленные из названий букв: *РСФСР*, *ВДНХ*, *МГУ*; 6) сложносокращённые слова, составленные из начальной части слова и формы косвенного падежа существительного: *комроты*, *помастера*, *завсектором*, *предколхоза*, *управделами*. В совр. языке иногда употребляются как Н. с. также названия населённых пунктов на *-ово*, *-ево*, *-ино*,

-ыно: Иваново, Бирюлёво, Монино, Голицыно, Князево.

Лит.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Склоняемость, в их кн.: Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976.

В. В. Лопатин.

НЕСО́БСТВЕННО-ПРЯМА́Я РЕЧЬ— стилистический приём соединения в одно целое авторского повествования и речи персонажей, широко распространённый в художественной лит-ре.

Н.-п. р. не имеет чётких синтаксических характеристик. Её особенности могут быть выявлены путём сравнения с прямой речью (см.) и косвенной речью (см.). Н.-п. р. принадлежит автору, все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения автора, т. е. как в косвенной речи, но в то же время Н.-п. р. имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи персонажа. В отличие от косвенной речи Н.-п. р. оформляется не как придаточная часть при глаголе речи, а как самостоятельное предложение. Ср. прямая речь: *Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал: «Какие яркие звёзды! Вероятно, морозстанетещёсильней»*; косвенная речь: *Он вышел на улицу, посмотрел на небо и сказал, что звёзды очень яркие, и мороз, вероятно, станет ещё сильней*; Н.-п. р.: *Он вышел на улицу, посмотрел на небо. Какие яркие звёзды! Вероятно, мороз станет ещё сильней.*

От Н.-п. р. отличают т. н. полупрямую речь, в к-рой формы лица глагола и местоимения могут употребляться по нормам прямой речи, а синтаксически полупрямая речь оформляется подобно косвенной — как придаточная часть: «*Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицмейстер, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблен ли он и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено*» (Гоголь). Такое смешение прямой и косвенной речи допустимо только в художественных текстах для стилистических целей. В иных условиях оно квалифицируется как ошибка.

Н.-п. р. позволяет автору как бы говорить и думать за своих персонажей. Тем самым создаются взаимосвязи между образом автора и образами персонажей, достигается единство художественного текста: «*Лыжин проснулся и сел в постели. Какой смутный, нехороший сон! И почему агент и сотский приснились вместе? Что за вздор!*» (Чехов); «*Ивану Ильичу нужно было явиться в штаб армии, рапортовать о прибытии парохода с огнеприпасами и передать накладную. Но черт его знает, где искать этот штаб*» (А. Н. Толстой).

Лит.: Ковтунова И. И., Несобственно прямая речь в современном русском литературном языке, «Рус. яз. в школе», 1953, № 2; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1954.

Е. Н. Ширяев.

НЕСОВЕРШЁННЫЙ ВИД — одно из двух частных грамматических значений категории вида, член видовой оппозиции, не несущий грамматической семантики вида (см. Вид). Глагол в форме Н. в. может не иметь значения завершённости действия (*Мальчик целый день читал книгу*), но может и иметь значение завершённого действия (*Я уже читал эту книгу*). Есть глаголы определённых лексических значений, к-рые не вступают в видовую оппозицию, т. е. не образуют видовой пары. Они являются одновидовыми глаголами Н. в. Таковы простые бесприставочные глаголы: связочные и полусвязочные (*быть*, *являться*), модальные (*хотеть*, *мочь*), называющие отношение (*соответствовать*, *значить*), обладания и принадлежности (*иметь*, *принадлежать*), существования (*жить*, *существовать*), местоположения (*стоять*, *лежать*, *сидеть*), быть видимым каким (*белеть*, *белеться*), органических процессов (*тлеть*, *кипеть*), восприятия органами чувств (*слышать*, *видеть*), состояния субъекта (*спать*, *грустить*), выражения чувств субъекта (*любить*, *ненавидеть*), занятий субъекта (*учительствовать*, *сумерничать*, *шофёрить*) и др. Производные от них суффиксальные и приставочно-суффиксальные глаголы формируют «способы действия» с количественно-многократным значением: многократные (*хаживать*, *едать*), прерывисто-смягчительные (*похаживать*, *попрыгивать*), длительно-смягчительные (*насвистывать*, *напевать*), сопроводительные (*подпевать*, *приговаривать*), длительные, неопределённо распространяющиеся в разных направлениях (*расхаживать*, *распевать*), длительные, происходящие между несколькими участниками (*переглядываться*, *перебраниваться*), усилительные (*отплясывать*, *нахлёстывать*). Одновидовой характер глаголов Н. в. связан с характером семантики глагольного действия, не допускающим достижения внутреннего абстрактного предела действия для этих глаголов. Поэтому глаголы вышеперечисленных семантических и структурно-семантических типов никогда не вступают в видовую оппозицию, т. е. не могут иметь парного глагола совершенного вида (см. Совершенный вид).

Лит. см. при ст. Вид.

Н. С. Авилова.

НОМИНА́ЦИЯ (от лат. nominatio — наименование) — образование языковых

единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц — слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином определяют и результат процесса Н.— значимую языковую единицу.

Процессы Н. протекают во взаимодействии с коммуникативным предназначением языка, на неё воздействуют и прагматические факторы, отражающие отношение именующего к тому, что им обозначается, или к условиям речи. Н. свершается в речевой деятельности, а её результаты осваиваются системой языка.

В зависимости от характера объекта (обозначаемого) различают событийные и элементные Н. Первые обозначают внеязыковые события (ситуации) и имеют форму предложения. Вторые, обозначая «кусочки» действительности, её элементы, служат строительным материалом для предложения и имеют форму слов, сочетаний слов и фразеологизмов различных типов. Среди элементных Н. наиболее чётко выделяются «вещные» — имена существительные (нарицательные и вещественные: *дерево*, *дом*, *вода*, *песок*). Они указывают своим содержанием на элементы предметного ряда. Именам предметов противостоят признаковые имена, обозначающие свойства предметов — отвлечённые от них качества, состояния, процессы, а также абстрактные понятия о несубстанциональных элементах действительности, выражаемые прилагательными, глаголами и наречиями (*красный*, *сидеть*, *думать*, *доброта*, *характер*). Эти имена соотносятся со своими обозначаемыми через указание на класс носителей признаков и приспособлены к функции предикации признака. Промежуточное положение между этими типами занимают имена, обозначающие лица по роду их занятий, родству и т. п., и определенные имена процессов, в к-рых понятия об их признаках подводятся под категорию предметности (*сапожник* — тот, кто шьёт или чинит обувь, *хитрец* — тот, кто хитрит, *дружба* — близкие отношения). Наибольшая степень абстрагирования от действительности присуща Н., обозначающим отношения,— служебным словам, предлогам, союзам.

При рассмотрении Н. в функционально-генетическом аспекте различаются изначальные, первообразные (или осознаваемые в совр. языке как непроизводные) и производные (смысловые и словообразовательные) Н. У Н., сформировавшихся за счёт переосмысления уже готовых языковых единиц, имя выступает во вторичной для него функции. Способы переосмысления имеют логическую форму тропов (см.) или характеризуются расширением либо сужением объёма понятия: *ручка* (для письма) — метафора, *класс* (об учениках) — метонимия, *движение* (как форма существования материи) — расширение, *движение* (транспорта) — сужение и т. п. Переосмысляемое значение выступает в роли внутренней формы новой Н.; эта форма может стираться при образовании языковой единицы или частично сохраняться, передавая нек-рые компоненты предшествующего значения в сформировавшееся, способствуя осознанию номинативной преемственности многозначных слов. В зависимости от сохранения или утраты внутренней формы различаются мотивированные или немотивированные значения слов (ср. стёршуюся мотивированность у слов *ножка*, *ручка*, *волноваться* и ещё живую — у слова *спутник*). Особым случаем вторичной Н. является образование идиом (см.).

По характеру соотнесения с действительностью различаются автономные и неавтономные Н. Автономные Н. непосредственно указывают на обозначаемое и, обладая в силу этого самостоятельной номинативной функцией, имеют свободные значения. Неавтономные Н. соотносятся с обозначаемым косвенно — только при совместной реализации с другими, опорными для них Н., они не обладают самостоятельной номинативной функцией, а их значения выступают как связанные (ср.: *тяжёлый* — о весе и *тяжёлый характер*, *человек*, *приходить куда-либо*, *приходить в восторг*, *сын чей-либо* и *сын степей*).

Н., соответствующие закономерностям внутреннего развития языка и отвечающие потребностям языкового коллектива в новых номинативных средствах, обычно входят в общеупотребительный словарный запас. За его пределами остаются Н., создаваемые для нужд специального терминологического обозначения или возникающие в узких социальных языковых коллективах (жаргонные Н.), а также в индивидуальном языковом творчестве.

Анализ Н. и номинативного аспекта значений языковых единиц проливает свет на закономерности их живого употребления в языке.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967, с. 30, 57—58, 70, 89, 115; Языковая номинация, [кн. 1—2], М., 1977. *В. Н. Телия.*

НО́РМА (ЯЗЫКОВА́Я), норма литературная,— принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словоупотребления (см. Словоупотребление). Лит. Н. складывается как результат социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прош-

лого и возводимых в ранг правильных, пригодных и общеупотребительных. Н. лит. языка в сознании говорящих обладает качествами особой правильности и общеобязательности, она культивируется в передачах радио и телевидения, в театре, в массовой печати и является предметом и целью школьного обучения родному языку. Для письменной речи существуют также орфографические нормы — система правил, устанавливающих единообразную передачу звукового языка на письме (см. Орфография).

Для Н. характерна системность и связь со структурой языка, стабильность, историческая и социальная обусловленность и в то же время динамичность и изменчивость во времени.

Н. различается по степени устойчивости в разных уровнях языка и в различных условиях общения. Решающим при этом оказывается соотношение Н. и системы (структуры). Так, в области орфоэпии система целиком определяет Н. (ср. фонетическое чередование *о* под ударением с безударным *а*, оглушение звонких согласных в конце слова и перед глухими согласными и т. п.), что и создаёт понятие образца, идеала правильного произношения, на к-рый должно ориентироваться общество. В области лексики система не находится в таком тождественном отношении к Н. Содержательный план здесь господствует над планом выражения. Возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании (ср. употребление синонимов, паронимов, фразеологических оборотов и т. п.). В области грамматики отношения системы и нормы строятся иначе: на первый план выступают модели и образцы (парадигмы) и критерий соответствия им речевых реализаций, в частности новообразований. В стилистике Н. регулирует применение стилистически и экспрессивно окрашенных или нейтральных языковых средств в соответствии с содержанием и целью речи, условиями общения, требованиями жанра и т. п. (ср., напр., неуместное использование книжных слов и конструкций в бытовой речи).

Различаются Н. императивные и диспозитивные. Императивные (т. е. строго обязательные) Н.— это такие, нарушение к-рых расценивается как слабое владение рус. языком (напр., нарушение норм склонения, спряжения или принадлежности к грамматическому роду). Такие Н. не допускают вариантов (невариативные Н.), и любые другие реализации расцениваются как неправильные, недопустимые. Напр.: *алфави́т* (не *алфа́вит*), *при́нял* (не *приня́л*), *курица* (не *кура*), *благодаря чему* (не *благодаря чего*). В отличие от императивных Н. диспозитивные (т. е. восполнительные, не строго обязательные) допускают варианты — стилистически различающиеся или вполне нейтральные (вариативные Н.). Напр.: *ба́ржа* и *баржа́*, в *о́тпуске* (нейтр.) — *в отпуску́* (разг.), *ко́мпас* — у моряков *компа́с*.

Среди вариантов, объективно сосуществующих в языке (см. Варианты языковые), следует различать варианты, находящиеся в пределах лит. Н. (*ина́че* и *и́наче*, *заво́дский* и *заводско́й*, *в адрес* и *по адресу*), и варианты, один из к-рых нормативен, а другой — нет и стоит за пределами лит. языка (правильно *при́зыв* и неправильно *при́зыв*, правильно *последний в очереди* и неправильно *крайний в очереди* и т. п.).

Объективные колебания лит. Н. обычно связаны с их развитием, когда варианты являются переходными ступенями от устаревающей Н. к новой, служат средством унификации или, напротив, стилистической дифференциации языковых элементов. В тех случаях, когда варианты ничего не привносят в смысловом, стилистическом и других отношениях, говорят обычно о дублетах. Лит. Н. стремится к освобождению от простых дублетов. Объективные варианты охватывают разные уровни языка: существуют варианты Н. орфоэпические (*будни*[*ш*]*ний* и *будни*[*ч'*]*ный*, *высо*[*к'*]*ий* и *высок*[*ъ*]*й*), акцентологические (*роди́лся* и *родился́*), морфологические и словообразовательные (*спазм* муж. род и *спазма* жен. род, *напроказить* и *напроказничать*), варианты грамматических форм (*чаю* и *чая*, *капает* и *капает*), синтаксические варианты (*исполненный чем* и *исполненный чего*, *жду письмо* и *жду письма*).

Н.— одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка, а стабильность и единство являются в свою очередь основой многовековой национальной литературы.

Н. регулирует не только воспроизведение готовых «образцов», но и создание новых фактов в процессе речевой деятельности. Критерии лит. Н. в историческом плане — языковая традиция, культурное наследие прошлого, язык классической лит-ры, а в плане совр. употребления — «подравнивание» под речь, признаваемую образцовой (речь образованных людей, авторитет радио, телевидения, театра, печати и т. п.). Н. определяет реализацию тех возможностей, к-рые заложены в системе языка. Она ограничивает и регулирует использование в языке различных изофункциональных (т. е. сходных по функциям) средств. Ср., напр., *ждать поезда* (неизвестно какого, любого) и *ждать поезд* (определённый, конкретный, именно этот) или *несколько человек выступило* (имеется в виду единство или общая нерасчленённость действия) и *несколько человек выступили* (имеется в виду несогласованность или

простая расчленённость, множественность действия).

С позиций динамического подхода Н.— это не только результат речевой деятельности, закреплённый в традиции или образцах, но также и создание новых средств в соответствии с возможностями системы или по аналогии с уже реализованными образцами. При нормативной оценке новообразований учитываются, во-первых, их массовая и регулярная воспроизводимость в речи и, во-вторых, активное взаимодействие с другими звеньями системы (ср. новое: *заявление на кого/что*, по аналогии с *жалоба на кого/что*, вместо старого: *заявление о ком/чём*).

Изменения лит. Н. определяются внешними (социальными) факторами и внутренними тенденциями развития фонетической, лексической, грамматической, стилистической систем (действие законов аналогии, экономии языковых средств, взаимодействие формы и смысла в процессе речи и др.), колебание Н. является результатом взаимодействия стилей, взаимодействия лит. языка с диалектами и просторечием и т. п.

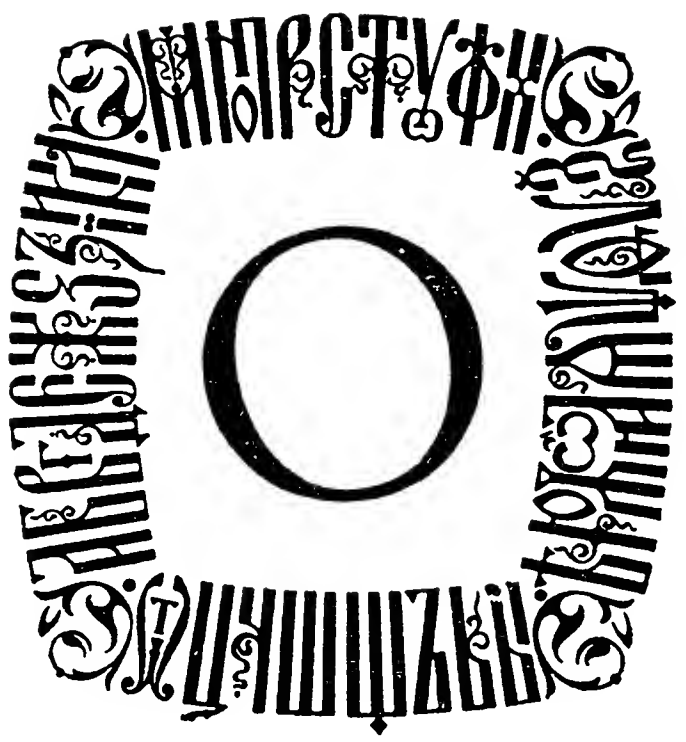
Развитие лит. языка есть в сущности становление, развитие и совершенствование его Н. в соответствии с потребностями общества и в силу внутренних закономерностей языкового развития. В понятие языковой Н. каждая историческая эпоха вносит своё содержание. В классовом обществе понятие «Н.» носит классовый характер и имеет ярко выраженную социальную окраску (там Н.— это речь «верхушки» общества, образованных и привилегированных слоёв в противоположность речи «низов», народных масс). В период существования развитых национальных языков лит. язык как высший тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и становится выразителем общенациональной Н. В сов. время, в развитом социалистическом обществе лит. язык впервые в истории культуры стал подлинным достоянием всего народа. При этом лит. Н. претерпела известные качественные изменения в сторону демократизации.

Н.— центральное понятие теории культуры речи (см.). Проблема Н. тесно связана с практическими задачами культуры речи. Учение о Н.— основа теоретической нормализации, научных рекомендаций в области речевой культуры.

Большое значение для теории Н. имели работы Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, Ф. П. Филина, С. И. Ожегова и других учёных, в к-рых ставились и разрабатывались проблемы сущности лит. Н., её связей и взаимоотношений с системой языка и общественными факторами его развития и функционирования.

Лит.: Виноградов В. В., Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи, М., 1963; Ицкович В. А., Языковая норма, М., 1968; Томашевский Б. В., Стих и язык, М.—Л., 1959; Шведова Н. Ю., Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966; Горбачевич К. С., Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971; его же, Вариантность слова и языковая норма, Л., 1978; его же, Нормы современного русского литературного языка, М., 1978; Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах, М., 1976. См. также лит. при ст. Культура речи.

Л. И. Скворцов.



О, о — шестнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*о*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное о*, *строчное о*. Буква *О, о* обозначает гласную фонему [*о*] (см. Гласные), реализующуюся по-разному в зависимости от места ударения (см. Позиция фонологическая), ср.: *сон* [*сон*], *полóвник* [*п∧лóвн'ик*], *головá* [*гъл∧вá*].

Буква *О, о* употребляется в составе нек-рых сокращений, напр.: *ООН* — Организация Объединённых Наций, *ОРУД* — отдел регулирования уличного движения.

По начертанию восходит к букве «он» (*о*) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «семьдесят». В кириллице под влиянием греческого письма звук *о* обозначался двумя буквами: буквой «он» (*о*) и буквой «омега» (ω); в гражданской азбуке это различие было устранено. Название буквы постепенно изменялось после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ОБЛАСТНÓЙ СЛОВÁРЬ — то же, что диалектный словарь.

ОБНÓРСКИЙ Сергей Петрович [14(26).6.1888, Петербург,— 13.11.1962, Москва] — сов. языковед, акад. АН СССР (1939; чл.-корр. 1931). Окончил Петерб. ун-т (1910), ученик А. А. Шахматова (см.). Проф. Пермского (1916—22) и Ленинградского (с 1922) ун-тов. Основатель и первый директор Ин-та рус. языка АН СССР (1944—50). Работы по совр. рус. языку, его истории, диалектологии, лексикологии и лексикографии. Важнейшие из них: «Именное склонение в современном русском языке» (в. 1—2, 1927—31), «Культура русского языка» (1948), «Очерки по морфологии русского глагола» (1953), «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946). О. уделял большое внимание анализу форм им. и род. падежей ед. и мн. числа, их многообразных флексий в прошлом, истории всех форм и категорий рус. глагола.

О. выдвинул оригинальную теорию о существовании в Древней Руси двух генетически близких, но самостоятельных лит. языков: др.-рус. лит. языка с народно-разговорной основой (родоначальника совр. рус. лит. языка) и древнего церковнослав. лит. языка рус. редакции с др.-болг. основой, обслуживавшего в основном нужды церкви.

Ряд работ О. посвящён фонетике, этимологии, культуре речи. Большой вклад он внёс в развитие рус. словарного дела. О. был редактором академич. словаря рус. языка (1912—37), членом редколлегии 17-томного академического словаря совр. рус. лит. языка (с 1950).

О.— акад. Чеш. АН и Болг. АН. Гос. пр. СССР (1947), Ленинская пр. (1970).

Лит.: Виноградов В. В., Научная деятельность академика С. П. Обнорского. К 70-летию со дня рождения, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1958, т. 17, в. 3; Борковский В. И., С. П. Обнорский, «Рус. речь», 1967, № 5; Филин Ф. П., Сергей Петрович Обнорский, «Русский язык за рубежом», 1972, № 2.

ОБОБЩÁЮЩЕЕ СЛÓВО при однородных членах предложения — слово, принадлежащее к той же семантической группе и занимающее в составе предложения ту же позицию, что и однородные члены предложения (см.), но обладающее более широким значением, к-рое относится к значению однородных членов предложения как род к виду или целое к части. Однородные члены уточняют и конкретизируют О. с., между О. с. и однородными членами можно вставить слова *а именно*, *например*, *то есть*. В функции О. с. нередко выступают местоимения *все*, *всё*, *ничто* и др.: «*И бессвязные ласковые слова, улыбаю-*

щийся рот Ленки, руки матери, гладившие его руку, любящие ее глаза, счастливая, удовлетворенная улыбка отца из-под усов, веселые братья — всё вдруг показало ему, что его любят» (Коновалов); местоименные наречия: «*Отовсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов*» (Гоголь); другие слова (разных частей речи) с более отвлечённым значением, чем однородные члены предложения, а также словосочетания.

Однородные члены согласуются с О. с. (или главенствующим словом словосочетания в этой позиции) в падеже, (или) роде, (или) числе: «*Местонахождение усадьбы было хорошо: приветливо, уединенно и привольно*» (Тургенев); «*Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей и с ними пеших и конных отрядов*» (Гоголь). Для усиления обобщения при большом числе однородных членов О. с. может ставиться как перед однородными членами, так и после них: «*Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло; Племен минувших договоры. Плоды наук, добро и зло. И предрассудки вековые. И гроба тайны роковые, Судьба и жизнь в свою чреду — Все подвергалось их суду*» (Пушкин).

После О. с., стоящего перед однородными членами, ставится двоеточие. Если однородные члены не заканчивают собой предложения, то после них ставится тире. Если однородные члены стоят в начале предложения, то тире ставится перед О. с. Если в предложении имеются два О. с., то перед вторым ставятся запятая и тире. *Е. М. Лазуткина.*

ОБОБЩЁННО-ЛИ́ЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое односоставное бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, называющим такое действие, к-рое относится к широкому, обобщённо представленному кругу лиц: «*На войне встречаешь разных людей*» (Симонов) — все (или очень многие) встречают на войне разных людей.

Структура О.-л. п. такова, что обобщённое лицо отдельным словом выражено быть не может, такого лица в системе рус. личных местоимений нет. Обобщённость передаётся определёнными глагольными формами, к-рые выражают обобщённость лица только при отсутствующем подлежащем. Следовательно, отсутствие подлежащего значимо. Глагол в О.-л. п. имеет форму, совпадающую с формой 2-го лица ед. ч. или, гораздо реже, 3-го лица мн. ч. настоящего — будущего времени: «*Прожитых лет не воротишь вспять*» (Сурков); «*Никогда не знаешь, где найдешь настоящее слово*» (Паустовский); «*А ведь ворон не жарят, не варят*» (Крылов).

Формы глагола отличают О.-л. п. от других односоставных предложений — неопределённо-личных предложений (см.) и безличных предложений (см.).

Особенно часто О.-л. п. употребляются в пословицах и поговорках: *Без труда не вынешь и рыбки из пруда; Скажешь — не воротишь; На чужой роток не накинешь платок; За чем пойдёшь, то и найдёшь; Чужим умом умён не будешь; Грибов ищут, по лесу рыщут; Пашню пашут, так руками не машут; Снявши голову, по волосам не плачут.*

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1960. *Е. Н. Ширяев.*

ОБОСОБЛЕ́НИЕ — см. Обособленный оборот.

ОБОСО́БЛЕННЫЙ ОБОРО́Т — интонационно выделенный второстепенный член предложения (распространённый или нераспространённый), к-рый относится (содержательно и грамматически или только содержательно) одновременно к двум членам предложения, причём формальная связь может быть как однонаправленной, так и двунаправленной. Напр., в предложении *Он шёл, размахивая руками* главный член О. о. грамматически зависит от глагола-сказуемого, а содержательно — от глагола-сказуемого и от подлежащего, т. к. называет его дополнительный процессуальный признак; в предложении *Собрание состоится послезавтра, в четверг* О. о. *в четверг* грамматически зависит от глагола-сказуемого, а содержательно — как от глагола-сказуемого, так и от наречия *послезавтра*, поясняя его. На письме О. о. выделяются обычно запятыми, реже — скобками или тире. В зависимости от морфологических свойств главного члена О. о. выделяются деепричастный, причастный, субстантивный (с главным словом — существительным), адъективный (с главным словом — прилагательным), глагольный (с главным словом — спрягаемой формой глагола), инфинитивный и наречный О. о. Они могут присоединяться к распространяемой части предложения только интонационно (*Он говорил, подчёркивая каждую фразу; Вершины деревьев поднимались высоко, до самого неба*) или посредством интонации и вводных слов, союзов, частиц (*Он говорил, как бы подчёркивая каждую фразу; Вершины деревьев поднимались высоко, казалось до самого неба*).

По степени смысловой нагруженности, функции в предложении различают полупредикативные и поясняющие О.о. Полупредикативные О.о., как препозитивные, так и постпозитивные, содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащему-

ся в распространяемой части предложения, обладают относительной содержательной самостоятельностью, соотносительны с придаточными предложениями или с самостоятельными предложениями. Это деепричастный оборот (см.), причастный оборот (см.), субстантивный О. о. (*Человек партии, я признаю только суд моей партии* — соотносится с придаточным предложением: *Так как я человек партии, я признаю только суд моей партии*; *Оба выходцы из крестьянской среды, они по природе обладали немалыми талантами* — соотносится с самостоятельным предложением: *Оба были выходцами из крестьянской среды. По природе они обладали немалыми талантами*), адъективный О. о. (*Рубаха его, похожая на трактирную салфетку, всегда была раскрыта на груди*; *Колеблется воздух, прозрачен и чист* — соотносятся с самостоятельными предложениями: *Рубаха его была похожа на трактирную салфетку. Она всегда была раскрыта на груди*; *Колеблется воздух. Он прозрачен и чист*).

Поясняющие О. о. (за исключением наречных) всегда постпозитивные, зависящие, как правило, от второстепенных членов предложения, имеют характеризующее, уточняющее, поясняющее значение: они уточняют, конкретизируют подчиняющий их член предложения, раскрывают его содержание, сообщают разного рода дополнительную информацию. Среди поясняющих О. о. различаются субстантивный О. о. (*Около вагона, на прибитом метелью снегу, толпились солдаты*), в т. ч. ограничительно-выделительный (*Пришли все, кроме Ивана*), адъективный О. о. (*Эту лужу, на вид безобидную, нельзя брать с разгону*), наречный О. о. (*Среди разговора, неожиданно для себя, он задремал*), инфинитивный О. о. (*Многие пришли просто так — посидеть да побеседовать*), глагольный О. о. (*Надо писать о том, что горит, не ждёт*). Термин «О. о.» введён А. М. Пешковским в книге «Русский синтаксис в научном освещении», 1914.

Лит.: Кротевич Е. В., Обособленные синтагмы, «Вопросы славянского языкознания», Львов, 1948, кн. 1; Руднев А. Г., Синтаксис осложненного предложения, М., 1959; Чернышев В. И., Учение об «обособлении» второстепенных членов предложения в трудах А. М. Пешковского и его последователей, в кн.: Чернышев В. И., Избранные труды, т. 1, М., 1970; Фурашов В. И., Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке, Владимир, 1975; Богданов П. Д., Обособленные члены предложения в современном русском языке, Орджоникидзе, 1977.

В. А. Ицкович.

ОБРА́ТНЫЙ СЛОВА́РЬ — словарь, в к-ром слова располагаются по алфавиту не начальных, а конечных букв слова, т. е. в обратном (инверсионном) порядке: *нужда, бразда, езда, звезда, кинозвезда, мзда, борозда, узда* и т. д. до последних слов, оканчивающихся на *-яя*. Для облегчения поиска в словаре слова выравниваются в наборе по правому краю:

умо́ра
нора́
по́ра
пора́
подпо́ра.

О. с. подразделяются на словари-индексы и словари с самостоятельными словниками. Словарь-индекс содержит все слова, что и словарь-источник, т. е. словарь с прямым алфавитным расположением слов (возможно также нескольких словарей-источников: тогда словарь-индекс включает каждое слово, к-рое содержится хотя бы в одном из словарей-источников). О. с. с самостоятельным словником — это особая лексикографическая работа.

О. с. могут представлять собой или простые списки слов (их исходных словоформ), или списки слов с дополнительными сведениями (указанием на словарь-источник, где приводится данное слово; грамматическая характеристика слова; число омонимов, имеющих данную исходную словоформу).

вы́стиранный	Б				*п*			
кра́нный	Б	У			*п*			
экра́нный	Б			М	*п*			
широкоэкра́нный	Б		О	М	*п*			
рестора́нный	Б	У	О	М	*п*			
сопра́нный	Б	У	О	М	*п*			
катра́нный	Б				*п*			
стра́нный	Б	У	О	$М^2$	*п*			
чужестра́нный	Б	У	О	М	*п*			
престра́нный	Б	У			*п*			
иностра́нный	Б	У	О	М	*п*			
простра́нный	Б	У	О	М	*п*			
бура́нный	Б		О	М	*п*			
шафра́нный	Б	У	О	М	*п*			
охра́нный	Б	У	О	М	*п*			
сохра́нный	Б	У	О	М	*п*			
са́нный	Б	У	О	М	*п*			
свежеобтёсанный	Б				*п*			
необтёсанный	Б				*п*			
неотёсанный	Б	У	О	М	*п*			
причёсанный	Б	*п*	У	М	*прч*	*п*		
впи́санный	Б	У		М	*прч*	*п*		
опи́санный		У		М	*прч*	*п*		

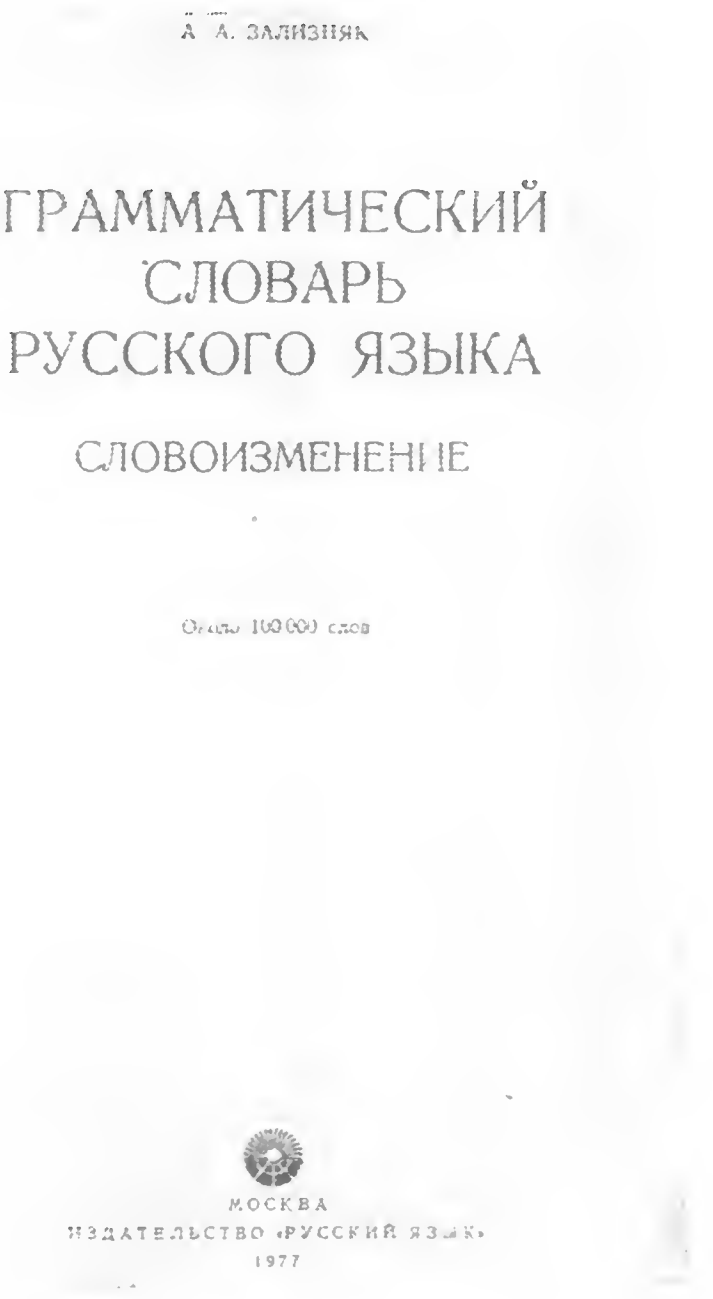
непреста́нный	Б	У	О	М	*п*			
беспреста́нный	Б	У	О	М	*п*			
при́станный	Б	У		М	*п*			
расхри́станный	Б			М	*п*			
оста́нный	Б				*п*			
расста́нный	Б				*п*			
нерасста́нный	Б				*п*			
неуста́нный	Б	У	О	М	*п*			
безуста́нный	Б	У	О	М	*п*			
запу́танный	Б	О	*п*	У	М	*прч*	*п*	
перепу́танный				М	*прч*	*п*		
спу́танный	Б	*п*	М	*прч*	*п*			
голошта́нный	Б	У		М	*п*			
бесшта́нный		У			*п*			
испы́танный	Б	О	*п*	У	М	*прч*	*п*	
неиспы́танный	Б				*п*			
симульта́нный	Б				*п*			
сарафа́нный	Б	У	О	М	*п*			
свежезапа́ханный	Б				*п*			
нераспа́ханный	Б				*п*			
свежевспа́ханный	Б				*п*			
лоха́нный				М	*п*			
бархи́нный			О	М	*п*			

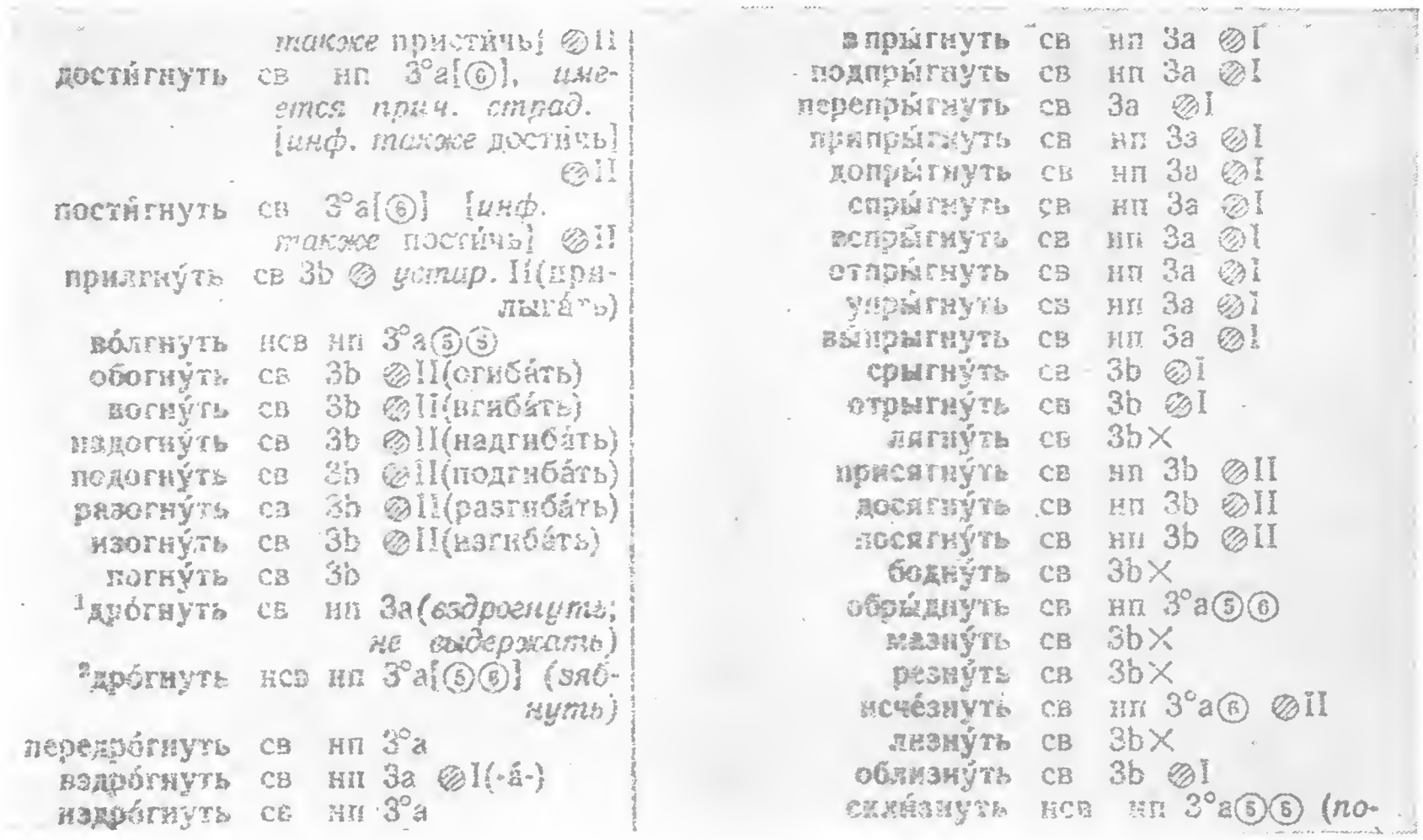
Фрагмент текста «Обратного словаря русского языка».

Обратный алфавитный порядок слов удобен для грамматического словаря: слова со сходными грамматическими характеристиками оказываются рядом, т. к. одинаковый или сходный тип словоизменения имеют, как правило, слова со сходным концом. Напр., почти все прилагательные в форме им. п. ед. ч. оканчиваются на *-ый*, *-ий*, *-ой*, все они оказываются сгруппированными в одном месте — слова на *-й*. О. с. служат ценным пособием для изучения суффиксального словообразования, при изучении нек-рых закономерностей, связанных с фонетическим строением конца слова, дают сведения о возможных окончаниях словоформ и их количественной соотносимости, а также о связи с морфологическим составом слова.

О. с. используются при расшифровке текстов, при составлении программ для разных видов машинной переработки текстов (автоматический перевод, автоматическая обработка информации и др.).

«Обратный словарь русского языка» (1974) включает около 125 тыс. слов. При каждом слове даны указания на словари-источники (толковые словари совр. рус. лит. языка) и грамматические пометы. Приводятся также статистические сведения о количестве слов, оканчивающихся на определённую букву или сочетание букв, о распределении слов по грамматическим классам и др. В 1977 вышел «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, содержащий около 100 тыс. слов, расположенных в обратном алфавитном порядке. Этот словарь описывает (с помощью специальной системы условных обозначений) совр. словоизменение. Каждое слово сопровождается грамматической пометой и индексом, отсылающим к «Грамматическим сведениям», где даны образцы склонения и спряжения, по к-рым читатель может установить словоизменение интересую-





также пристичь] ⊘II
достигнуть св нп 3°а[⑥], *имеется прич. страд.* [*инф. также* достичь] ⊘II
постигнуть св 3°а[⑥] [*инф. также* постичь] ⊘II
прилгнуть св 3b ⊘ *устар.* II(прилыгать)
волгнуть нсв нп 3°а⑤⑥
обогнуть св 3b ⊘II(огибать)
вогнуть св 3b ⊘II(вгибать)
надогнуть св 3b ⊘II(надгибать)
подогнуть св 3b ⊘II(подгибать)
разогнуть св 3b ⊘II(разгибать)
изогнуть св 3b ⊘II(изгибать)
погнуть св 3b
[1]дрогнуть св нп 3а(*вздрогнуть; не выдержать*)
[2]дрогнуть нсв нп 3°а[⑤⑥] (*зябнуть*)
передрогнуть св нп 3°а
вздрогнуть св нп 3а ⊘I(-а́-)
издрогнуть св нп 3°а
впрыгнуть св нп 3а ⊘I
подпрыгнуть св нп 3а ⊘I
перепрыгнуть св 3а ⊘I
припрыгнуть св нп 3а ⊘I
допрыгнуть св нп 3а ⊘I
спрыгнуть св нп 3а ⊘I
вспрыгнуть св нп 3а ⊘I
отпрыгнуть св нп 3а ⊘I
упрыгнуть св нп 3а ⊘I
выпрыгнуть св нп 3а ⊘I
срыгнуть св 3b ⊘I
отрыгнуть св 3b ⊘I
лягнуть св 3b×
присягнуть св нп 3b ⊘II
досягнуть св нп 3b ⊘II
посягнуть св нп 3b ⊘II
боднуть св 3b×
обрыднуть св нп 3°а⑤⑥
мазнуть св 3b×
резнуть св 3b×
исчезнуть св нп 3°а⑥ ⊘II
лизнуть св 3b×
облизнуть св 3b ⊘I
скользнуть нсв нп 3°а⑤⑥ (*по-*

Фрагмент текста «Грамматического словаря русского языка».

щего его слова. О. с. рус. языка издавались и за рубежом — это словари с самостоятельными словниками: под ред. Г. Бильфельда — в ГДР и словарь Р. Греве и Б. Крёше — в ФРГ («Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart». Unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt, 1958; Greve R., Kroesche B., Russisches rückläufiges Wörterbuch. Unter der Leitung von M. Vasmer, t. 1—4, B.—Wiesbaden, 1958—59).

Лит.: Щерба Л. В., Опыт общей теории лексикографии, в его кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1, [Л.], 1958; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975.

М. С. Суханова.

ОБРАЩЕ́НИЕ — грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к-рому адресована речь. О. выражается именительным падежом существительного, местоимения-существительного или их синтаксических заместителей (прилагательного, причастия) в сочетании с особой звательной (вокативной) интонацией: «*Что ты, голубчик, задумчив сидишь?*» (Фет); «*Память, не ершись!*» (Пастернак); «*Эй, кудрявые, на весла налегай*» (Каменский).

О., выраженное местоимением, в интонационном отношении может сливаться с другими словами в предложении: *Тише вы! Дайте же кто-нибудь воды! Слушайте меня все! Помолчи ты хоть минутку!* Такое О. нередко истолковывается как подлежащее; знаками препинания не выделяется.

Окказионально в роли О. могут употребляться словоформы или синтаксические обороты, обозначающие предмет или лицо по внешним признакам, но не называющие их непосредственно: *Эй, наверху, отзовитесь!* «*Здравствуй, в белом сарафане Из серебряной парчи!*» (Вяземский); «*Заблудился я в небе — что делать? Тот, кому оно близко, ответь!*» (Мандельштам). В разговорной речи форма им. п. нередко выступает в усечённом виде (*мам, пап, Тань, Саш*): *Коль, пошли в кино!* «*Микит!... Не докличешься*» (Л. Толстой). О. может быть акцентировано при помощи повтора, организованного усилительной частицей *а*: *Мам, а мам! Тань, а Тань! Коля, а Коль!* «*Микит, а Микита! Оглох*» (Л. Толстой). В целях исторической стилизации, пародирования и др. как О. могут употребляться некогда специализированные, но давно вышедшие из употребления формы звательного падежа (*брате, жено, княже, человече, сыну, коню* и др.): «*Чего тебе надобно, старче?*» (Пушкин); *Не грусти, друже!*

О.— принадлежность эмоционально-волевой сферы языка. По этому признаку оно близко к междометию и императиву и в речи появляется нередко совместно с ними: *Ау, Машенька, иди сюда!* О. может быть носителем двух, обычно накладывающихся одна на другую функций: призывной (апеллятивной) и оценочно-характеризующей (экспрессивной). В неосложнённом виде призывная функция О. реализуется чаще всего в официальных сферах общения: *Товарищи! Все на коммунистический субботник! Марина Петровна, вас просят к теле-*

фону. В обиходно-бытовой сфере О., как правило, выражает не только призыв к адресату речи, но и отношение к нему со стороны говорящего: *Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так! Ты посиди, нянечка*; *Здравствуй, душа моя, что скажешь?*

Оценочно-характеризующая (экспрессивная) функция О. может преобладать над призывной; в этом случае О. выступает обычно на фоне индикативной модальности и нередко вне к.-л. видимой смысловой связи с языковым контекстом: «*Когда-нибудь, прелестное созданье, я стану для тебя воспоминаньем*» (Цветаева). По роли в предложении такое О. нередко граничит с приложением: «*Ну что ты, Маша, плачешь, чудачка*» (Чехов).

Особую разновидность О. составляют вокативные предложения, единственным членом к-рых является название лица по имени или родству, произнесённое с той или иной эмоционально окрашенной интонацией (упрёка, мольбы, укора, негодования, страха и т. п.): «[Войницкий]: *Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.*— [Соня] (тоном упрека): *Дядя!*» (Чехов); «[Аркадина] (тихо): *Это что-то декадентское.*— [Треплев] (умоляюще и с упреком): *Мама!*» (Чехов).

И. Н. Кручинина.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО — второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы о способе, месте, времени, цели, причине, условии и о других подобных характеристиках действия или состояния: *как? каким образом? где? куда? откуда? почему?* и др. О. служат для распространения членов предложения или предложения в целом и характеризуют действие, состояние или признак, а также условия осуществления чего-либо (место, время, цель, причину, способ и т. д.). Специализированной формой выражения О. является наречие. В функции О. выступают также существительные в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, деепричастия, инфинитив, а также фразеологические сочетания.

По значению выделяется несколько разрядов обстоятельств. О. образа действия (отвечающие на вопросы *как? каким образом?*) обозначают качество, степень проявления действия или признака, способ совершения действия. Они выражаются качественными наречиями, существительными в формах косвенных падежей, деепричастиями, фразеологическими сочетаниями (*Вдали громко стучал дятел*; *Песня звучит всё тише*; *Ярким пламенем пылает закат*; *Она говорила улыбаясь*; *Нельзя работать спустя рукава*). О. места (отвечающие на вопросы *где? куда? откуда?*) обозначают место совершения действия, направление и путь движения. Они выражаются наречиями места, существительными в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, фразеологическими сочетаниями (*Вверху ярко светило солнце*; *Он выехал из Москвы в Ленинград*; *Они шли лесом*; *Она побежала куда глаза глядят*). О. времени (отвечающие на вопросы *когда? как долго? с каких пор?*) обозначают время осуществления действия. Они выражаются наречиями времени, существительными в формах косвенных падежей с предлогом и без предлога, фразеологическими сочетаниями (*Он всегда будет помнить этот день*; *Она встала рано утром*; *После войны он начал учиться*; *Она вышла из дома ни свет ни заря*). О. причины (отвечающие на вопросы *почему? отчего?*) обозначают причину, основание действия или возникновения признака. Они выражаются наречиями причины, существительными в формах косвенных падежей с предлогом, фразеологическими сочетаниями (*Сослепу он прошёл мимо ворот*; *От мороза погибли все яблони*; *Из-за тебя я опоздал*). О. цели (отвечающие на вопросы *зачем? с какой целью?*) обозначают цель действия. Они выражаются наречиями цели, существительными в формах косвенных падежей, инфинитивом (*Они приехали специально*; *Школьники пришли на завод на экскурсию*; *Мы приехали в университет на собрание*; *Брат поехал в Москву учиться*). О. меры и степени (отвечающие на вопросы *сколько? как? в какой степени?*) обозначают разнообразные количественные характеристики действия или признака. Они выражаются наречиями, существительными в формах косвенных падежей, количественными сочетаниями (*Они прошли с километр*; *Он жил там пять лет*; *Тетрадь стоит сорок копеек*; *В течение двух лет он работал и учился*; *За это время он кончил школу*). О. условия (отвечающие на вопрос *при каком условии?*) обозначают условие совершения действия. Они выражаются существительными с предлогами *при* и *в случае* (*При наличии времени он сможет закончить книгу*; *В случае плохой погоды будет трудно идти*). О. уступки (отвечающие на вопрос *несмотря на что?*) обозначают условие, вопреки которому совершается действие. Они выражаются существительными с предлогами *несмотря на, невзирая на, вопреки* (*Несмотря на сложность, задача решена*; *Вопреки ожиданиям письмо пришло*).

Во многих работах отмечались неграмматичность и внутренняя противоречивость принципов выделения второстепенных членов предложения, и в частности выраженных формами косвенных падежей О., дополнений (см.) и определений (см.). Стремление распределить всё мно-

гообразие синтаксических связей слов по трём рубрикам второстепенных членов предложения (определение, дополнение, О.) в сочетании с отсутствием строгих критериев для такого разграничения приводит к колебаниям в классификации, в результате чего либо допускается двоякое толкование одного и того же явления, либо признаётся наличие переходных случаев, что делает нестрогим сами основы классификации. Особенно часто это наблюдается при квалификации О. Ещё А. А. Шахматов различал О. «определяющие», «дополняющие», «сопутствующие». В конкретных предложениях обстоятельственные значения могут совмещаться со значениями определительными или дополнительными, и это даёт основания для выделения т. н. обстоятельственных определений и обстоятельственных дополнений (см., напр., Современный русский язык, ч. 2, М., 1964, с. 390).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959; Гвоздев А. Н., Современный русский литературный язык, ч. 2, 4 изд., М., 1973. *К. В. Габучан.*

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНА́НИЕ, общая лингвистика,— область языкознания (см.), изучающая язык вообще как универсальную, неотъемлемую принадлежность человека (в отличие от конкретных языков). У О. я. две основные задачи: установление самых распространённых свойств, черт, встречающихся в различных языках мира либо в их синхронии, либо в их развитии, становлении (диахронии), а также выявление наиболее общих черт языка.

Первая задача решается путём обобщения наблюдений над отдельными языками и их группами. Это индуктивное обобщение приводит к установлению т. н. неполных универсалий, или фреквенталий,— наиболее распространённых сочетаний признаков, а также к формулировке вероятностных закономерностей развития.

Вторая задача решается путём выявления наиболее общих, универсальных закономерностей организации языка, семантики и синтаксиса естественного и машинного языков, а в естественном языке (в отличие от машинного) — также фонетики. Эта задача решается методами иного рода, чем первая, отличными от методов прямого наблюдения.

Универсальность структурно-системных и знаковых свойств языка определяется тем, что язык — знаковая система особого рода. Универсальность семантики обусловлена единством объективного мира, его отражения в сознании и преобразования в общественной практике людей. Универсальность синтаксиса обусловлена назначением языка служить целям общения, что определяет общие черты в построении высказывания на любом языке. Универсальность фонетики обусловлена одинаковым устройством речевого аппарата людей (антропофоникой).

Задачей О. я. является также исследование проблем происхождения языка, закономерностей исторического развития языков, их функционирования в обществе.

Лит.: Солнцев В. М., Язык как системно-структурное образование, М., 1971; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Серебренников Б. А., Вероятностные обоснования в компаративистике, М., 1974; Бенвенист Э., Общая лингвистика, М., 1974; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, 2 изд., М., 1975. См. также лит. при ст. Языкознание. *Ю. С. Степанов.*

О́БЩИЙ РОД — см. Род.

ОБЪЕ́КТ (от лат. objectum — предмет) — 1) в учении о членах предложения — то же, что дополнение (см.). 2) В теории падежей и в теории залогов употребляется для обозначения предмета, подвергающегося воздействию (также пациенс). С этим значением связаны термины «субъектно-объектные отношения» и «объектное значение». О. в этом понимании не тождествен дополнению (*Стол уже накрыт*). Противопоставляется субъекту (см. Субъект во 2-м значении).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. *О. И. Москальская.*

ОВСЯ́НИКО-КУЛИКО́ВСКИЙ Дмитрий Николаевич [23.1(4.2).1853, имение Каховка Таврической губ.,— 9.10.1920, Одесса] — рус. языковед и литературовед. Почётный акад. Петерб. АН (1907), учился в Петербургском (1871—73) и Новороссийском (Одесса, 1873—76) ун-тах, в Праге и Париже. Проф. Ново-

российского, Казанского, Харьковского, Петербургского ун-тов. Труды по синтаксису рус. языка, теории и истории литературы, психологии творчества, санскриту, ведийской мифологии. В вопросах теории грамматики разделял взгляды А. А. Потебни (см.). Психологизм воззрений О.-К. на язык особенно отразился в книге «Синтаксис русского языка» (1902). Разработал понятие синтаксической формы, способом проявления к-рой считал грамматическое предицирование (сказуемость), составляющее основу предложения. Предложению уделял основное внимание («Грамматика русского языка» и др.), за анализом предложения следовал анализ частей речи и их свойств, затем слова и его частей, наконец звуков. Выделял 11 частей речи в рус. языке.

Лит.: Короли́цкий М., Памяти Д. Н. Овсянико-Куликовского, «Вестник литературы», 1920, № 11 (23); Ольденбург С. Ф., Д. Н. Овсянико-Куликовский, санскритист и лингвист, «Начала», 1922, № 2; Щербакова М. Ф., Из воспоминаний о Д. Н. Овсянико-Куликовском, «Рус. речь», 1973, № 4.

ОДНОРО́ДНЫЕ ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — члены предложения (главные или второстепенные), к-рые выполняют в предложении одинаковую синтаксическую функцию, связаны с другими членами предложения одинаковой синтаксической связью, произносятся с интонацией перечисления и допускают подстановку сочинительных союзов. О. ч. п. могут быть нераспространёнными и распространёнными, могут соединяться при помощи сочинительных, противительных, разделительных, сопоставительных союзов, а также бессоюзной связью. Напр., однородные обстоятельства: «*Она долго, растерянно, но радостно жала ему руку*» (Н. Островский), однородные подлежащие: «*Всю дорогу ни Огарев, ни я не говорили*» (Герцен), однородные дополнения: «*Спой нам, ветер, про чащи лесные, про звериный запутанный след, про шорохи лесные, про мускулы стальные, про радость боевых побед*» (Лебедев-Кумач), однородные несогласованные определения: «*Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости*» (Чехов).

Неоднородными являются определения, характеризующие предмет или явление с различных сторон; в этом случае отсутствует интонация перечисления, невозможно вставить сочинительные союзы. Неоднородными определениями могут быть относительное и качественное прилагательные или, реже, сочетание двух качественных прилагательных, напр.: «*Глубоко в землю врыт круглый тесаный дубовый столбище*» (Н. Островский). Приложения, как и определения, могут быть однородными и неоднородными (принцип разграничения тот же). Как правило, постпозитивные приложения однородны, напр.: «*Дуся, сестра его, крепкая дивчина, лицом в брата, угощала гостя чаем, весело тараторя о всяких пустяках*» (Н. Островский).

По вопросу об однородности сказуемых существуют две точки зрения. Согласно первой, любые сказуемые, соотносящиеся с одним и тем же подлежащим, являются однородными: «*Тысячный вернулся к своему рабочему месту, снял фуражку и бережно положил на стол*» (Грекова). Согласно второй точке зрения, однородными членами могут быть признаны только те сказуемые, к-рые: 1) выражают утверждение или отрицание одного рода признаков предмета или явления, названного подлежащим: «*Настя сморщилась: — Не настояла, не убедила...*» (Тендряков); 2) соотносятся с одним и тем же реальным временем: «*Он не ел, не пил, лежал неподвижно и молчал*» (Чехов).

Не являются однородными членами: 1) повторения одного из членов предложения с экспрессивной целью: «*О, верю, верю, счастье есть*» (Есенин); 2) фразеологизированные конструкции: *ни свет ни заря, и так и эдак, ни взад ни вперёд, и день и ночь, хочешь не хочешь.*

При соединительных отношениях между О. ч. п. запятые ставятся перед каждым однородным членом в следующих случаях: 1) при бессоюзии; 2) перед повторяющимися союзами (*В этом лесу много и черники, и земляники, и малины, и брусники*); 3) перед парами О. ч. п., соединённых союзами (*Отец и мать, братья и сёстры, родные и соседи — все радовались его приезду*). Если О. ч. п. соединены парными союзами, то запятая ставится только перед вторым членом пары: *Видно было уже не только сопки, но и город.* При противительных отношениях между однородными членами запятая ставится перед противительным союзом: «*Онегин был, по мнению многих (Судей решительных и строгих), Ученый малый, но педант*» (Пушкин). При разделительных отношениях между О. ч. п. запятые ставятся, если союзы повторяются; «*Вертит* [Мартышка] *очками так и сяк: то к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет*» (Крылов). См. также Обобщающее слово.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1960; Современный русский язык, 3 изд., [М., 1966]. *Е. М. Лазуткина.*

ОДНОСОСТА́ВНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое предложение, в к-ром есть только один главный член с зависимыми от него словами или без них. Противопоставляется двусоставному предложению (см.). Отличие О. п. от двусоставных — в форме выражения общих по характеру смысловых компонентов или смысловых отношений. Различаются: 1) сказуемостные О. п. со значимым от-

сутствием подлежащего. Напр., нек-рые глагольные формы при значимом отсутствии подлежащего могут называть в предложении такое действие, к-рое выполняется неопределённым лицом: *Меня вызвали к директору* (ср. с двусоставным предложением: *Секретарь вызвал меня к директору*, в к-ром то же действие приписано определённому лицу, названному подлежащим). Это неопределённо-личное предложение (см.). К этому же типу принадлежат обобщённо-личные предложения (см.): *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*, и безличные предложения (см.): *На улице стемнело*. Подлежащее в таких предложениях без изменения форм сказуемого специальным словом выражено быть не может. Этим данные предложения отличаются от неполных предложений (см.).

2) Сказуемостные определённо-личные предложения (см.): *Сижу и рисую*. В отличие от О. п. первой группы, подлежащее в них ясно определено формой глагола и может быть легко введено в данную синтаксическую структуру без к.-л. её изменений: *Я сижу и рисую*. Отличие таких предложений от неполных в том, что отсутствие подлежащего в них не обусловлено контекстно-ситуативными условиями.

3) Инфинитивные предложения: *Молчать! Вам уже ехать*. Вся грамматическая информация, передаваемая в инфинитивных предложениях, заключена в наличных членах, т. е. отсутствие подлежащего в них незначимо.

4) Назывные предложения (см.), необходимым компонентом к-рых является существительное в им. п., одно или с зависимыми словами. В таких предложениях значимо отсутствие глагола *быть*, иначе говоря, глагол *быть* представлен нулевой формой, передающей значение наст. времени изъявительного наклонения: «*Летнее утро. В воздухе тишина*» (Чехов).

Нек-рые исследователи считают, что время и наклонение в назывных предложениях выражаются не нулевой формой глагола *быть*, а общим устройством — с х е м о й — предложения. Существует и точка зрения, что им. п. превращает в предложение особая интонация. Необходимо отметить концепцию, согласно к-рой весь смысл в О. п. выражается только наличными членами, а отсутствие второго главного члена незначимо.

Если, вслед за многими синтаксистами, подлежащее и сказуемое определять как такие главные члены, к-рые предопределяют друг друга и в полных предложениях не могут выступать один без другого, то тогда по отношению ко всем О. п., в к-рых отсутствие второго состава незначимо, следует говорить не о сказуемом или подлежащем, а просто о главном члене.

Лит.: Ш а х м а т о в А. А., Синтаксис русского языка, в. 1, Л., 1925; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; П е ш к о в с к и й А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; И в и ч М., Оппозиция: «Односоставное предложение»—«Двусоставное предложение», «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1965, № 4; П а н о в М. В., Русский язык, в кн.: Языки народов СССР, т. 1 — Индоевропейские языки, М., 1966; А р у т ю н о в а Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976. *Е. Н. Ширяев.*

ОДУШЕВЛЁННОСТЬ — НЕОДУШЕВЛЁННОСТЬ — грамматическая категория имён существительных, прилагательных, отчасти числительных и местоимений. У имён существительных категория О.— н.— это категория, относящая называемый предмет к разряду одушевлённых (т. е. живых существ — людей, животных) или к разряду неодушевлённых (предметов, свойств, действий и т. п.). Помимо названий отдельных людей и животных, к одушевлённым существительным относятся названия мифических существ, представляемых как живые (*дракон*, *кентавр*, *дьявол* и т. п.), а также слова *мертвец*, *кукла*, *покойник*. Названия растений, а также собирательные названия лиц и животных (*народ*, *толпа*, *стая*, *крестьянство* и т. п.) относятся к неодушевлённым существительным. Слова *бактерия*, *микроб*, *вирус* употребляются преим. как неодушевлённые.

Категория О.— н. имеет морфологическое выражение в ед. ч. только у существительных муж. рода 1-го склонения, а во мн. ч.— у существительных всех родов и типов склонения (кроме несклоняемых). При этом одушевлённость выражается совпадением флексий вин. и род. п., а неодушевлённость — совпадением флексий вин. и им. п. Ср.: *вижу с т о л* (неодушевлённое) и *вижу б р а т а* (одушевлённое), *вижу с т о л ы, к н и г и, в е щ и, о к н а* (неодушевлённое) и *вижу б р а т ь е в, с е с т ё р, л о ш а д е й, ч у д о в и щ* (одушевлённое).

Категория О.— н. выражена также у большинства местоимений-существительных (см. Местоимение): у слов *я*, *ты*, *мы*, *вы*, *себя*, *кто* (и его производных) вин. п. совпадает с род. п.; у местоимения *что* и производных от него — с им. п. У местоимений *он*, *она*, *они* вин. п. совпадает с род. п. независимо от того, лицо или предмет оно обозначает.

Категорией О.— н. обладают также слова, согласуемые с существительными. У имён прилагательных эта категория указывает на принадлежность признака живому существу или неживому предмету (явлению) и выражается в совпадении флексии вин. п. ед. ч. муж. рода, а также вин. п. мн. ч. с соответствующими флексиями род. п. или им. п. в зависимости

от того, какое существительное — одушевлённое или неодушевлённое — определяется данным прилагательным. Ср.: *вижу новый фильм* (неодушевлённое) и *вижу нового учителя* (одушевлённое); *Я приобрёл новые книги* (неодушевлённое) и *Зоопарк приобрёл новых птиц* (одушевлённое). Так же выражается категория О.— н. у местоимений-прилагательных, у слова *один* и порядковых числительных.

Количественные числительные *два, три, четыре, оба* и собирательные числительные в сочетании с одушевлёнными существительными имеют вин. п., совпадающий с род. п., ср.: *вижу двух женщин, трёх братьев, обеих сестёр, пятерых сыновей*, но: *вижу два стола, три стены, трое саней* (у остальных количественных числительных вин. п. всегда совпадает с им. п.: *вижу пять женщин, десять учеников* и т. п.).

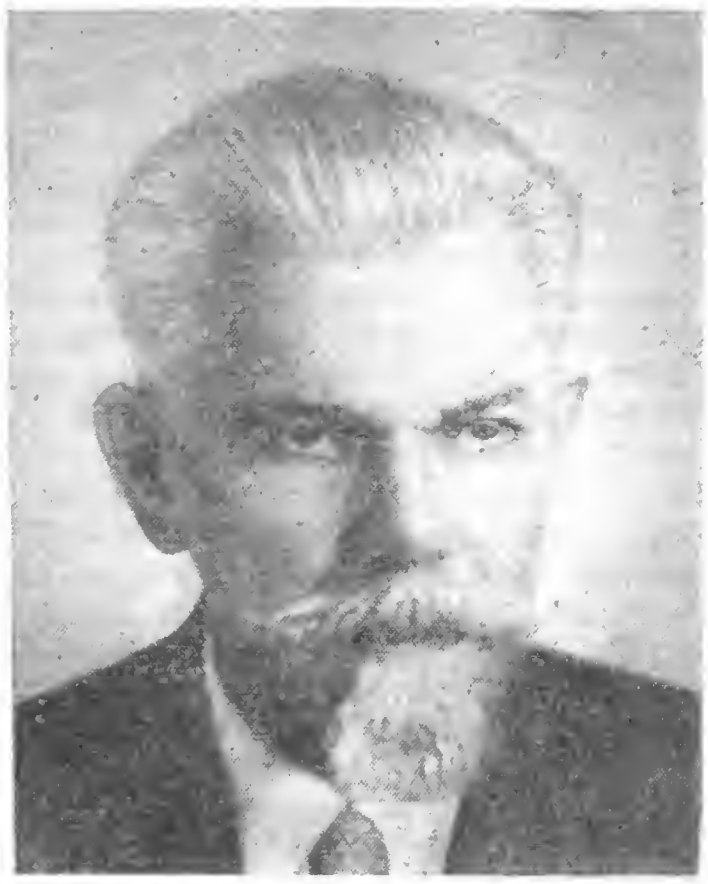
Форма согласуемого с существительным прилагательного (для мн. ч.—также форма числительного типа *два, три* и др.) выступает как дополнительное (синтаксическое) средство выражения О.— н. у существительных муж. рода 1-го склонения в ед. ч. и у всех существительных во мн. ч. Для существительных муж. рода 2-го склонения в ед. ч. и для несклоняемых существительных в обоих числах это синтаксическое средство выражения одушевлённости является единственным: *вижу знакомо́го судью*; *встретил двоих атташе*; *увидел в зоопарке взрослого шимпанзе и двух красивых какаду*.

Отступлением от последовательного выражения категории О.— н. являются конструкции типа: *пойти в матросы, поступить в работницы, выбрать в депутаты*, обозначающие присоединение кого-нибудь к определённому кругу лиц; в таких конструкциях формы вин. п. мн. ч. совпадают с формами им. падежа.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

В. В. Лопатин.

О́ЖЕГОВ Сергей Иванович [10(23).9.1900, пос. Каменное Тверской губ., ныне Калининской обл.,— 15.12.1964, Москва] — сов. языковед, лексикограф. Окончил ЛГУ (1926). Ученик В. В. Виноградова (см.) и Л. В. Щербы (см.). Д-р филологич. наук, проф. (1961), зав. сектором культуры речи Ин-та рус. языка АН СССР (с 1952). Работы по лексикологии, лексикографии, социолингвистике, теории и практике культуры речи, истории рус. лит. языка, языку отдельных писателей. Один из основоположников и теоретиков научной нормализации рус. языка в сов. время (статья «Очередные вопросы культуры речи», 1955, и др.). Работа «О формах существования современного русского национального языка» (1966) посвящена становлению и эволюции лит. нормы, структуре совр. рус. языка. Гл. ред. непериодического сборника «Вопросы культуры речи». Теоретические принципы лексикографии нашли отражение в статьях «О трех типах толковых словарей современного русского языка» (1952), «О структуре фразеологии» (1957) и др.



О.— один из составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. 1—4, 1935—40), автор однотомного «Словаря русского языка» (1949, 11 изд., 1975). Словарь О. фиксирует совр. лексику рус. языка, типичное живое словоупотребление, сочетаемость слов, богатство фразеологии. Словник словаря лёг в основу многих русско-национальных и национально-русских словарей. Ред. словарей-справочников «Русское литературное произношение и ударение» (1955) и «Правильность русской речи» (1962), «Орфографического словаря русского языка» (1956).

Лит.: Реформатский А. А., Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900—1964), «Вопросы культуры речи», 1965, в. 6; Скворцов Л. И., С. И. Ожегов, в кн.: Ожегов С. И., Лексикология. Лексикография. Культура речи, М., 1974; его же, Сергей Иванович Ожегов (к 75-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1975, № 3; Список основных печатных работ С. И. Ожегова, «Вопросы культуры речи», 1966, в. 7.

О́КАНЬЕ — один из двух основных типов безударного вокализма рус. говоров, противопоставленный аканью (см.); характерная черта северного наречия. О. в узком смысле — различение в безударных слогах после твёрдых согласных *о* и *а*, произношение безударного звука *о* на месте фонем *о*, *о̂* и звука *а* на месте фонемы *а*: *во́ды — вода́*, *сноп* или *сно̂п — снопа́*, *тра́вы — трава́* (при аканье про-

износится *вадá*, *снапá*). Полное О.— различение *о* и *а* во всех безударных слогах: *бородá*, *молодóй*, *напахáт'*, *табакóм*, *дóрого*, *сéно*, *вы́дала*, *дóма*. Неполное О.— различение *о* и *а* только в первом предударном слоге и совпадение их в других безударных слогах в звуке ъ, в конечном открытом слоге — в ъ или *а*: *бърода́*, *нъпахáт'*, *дóръгъ*, *вы́дълъ* или *дóръга*, *вы́дъла*. Вместо безударного *о* может произноситься в одних говорах более закрытый звук *ô*, иногда *у*, в других — более открытый *о*ª: *вôдá*, *вудá* или *воªдá*. Полное О.—наиболее характерная черта северного наречия, неполное О.— владимирско-поволжской группы говоров.

О. в широком смысле — различение в безударных слогах хотя бы части гласных фонем неверхнего подъёма. Оно включает типы такого различения не только после твёрдых, но и после мягких согласных. В первом предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъёма могут произноситься после мягких согласных три или два разных гласных. Качество этих гласных обусловлено также следующим твёрдым или мягким согласным. Так, возможны следующие типы чередования ударенных гласных с гласными первого предударного слога: *н'ос*, *р'ек* или *р'êк* (*р'îек*), *п'áтый* — 1) *н'осý*, *р'екá*, *п'атáк*; *н'ес'и́*, *р'ек'и́*, *п'ат'и́*; 2) *н'осý*, *р'екá*, *п'атáк*; *н'ис'и́*, *р'ик'и́*, *п'ет'и́*; 3) *н'осý*, *р'окá*, *п'атáк*; *н'ес'и́*, *р'ек'и́*, *п'ат'и́*; 4) *н'есý*, *р'екá*, *п'атáк*; *н'ес'и́*, *р'ик'и́*, *п'ат'и́*; 5) *н'есý*, *р'екá*, *п'атáк*; *н'ес'и́*, *р'ик'и́*, *п'ет'и́* и др.

Различение *о* и *а* после твёрдых согласных может совмещаться и с еканьем (см.). Реже встречается различение гласных фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в других предударных слогах: *до П'отровá дн'и́*, *п'етухá*, *п'атакá*, или до *П'отровá дн'и*, *п'етухá*, *п'етакá*, или до *П'етровá дн'и*, *п'итухá*, *п'етакá* и др. Чаще в этой позиции наблюдается совпадение всех гласных фонем неверхнего подъёма в звуке *е* или *и*. Для говоров с полным О. характерно заударное ёканье — произношение безударного *о* после мягких согласных, обычное на конце слова и перед твёрдым согласным конечного слога: *пóл'о*, *вы́н'ос* и более редкое в неконечном слоге: *óз'оро*. При этом сохраняется различение гласных неверхнего подъёма: *мóр'о*, *с мóр'а*, *в мóр'и*; *вы́н'осу*, *вы́л'езу*, *вы́т'ану*, или *вы́н'есу*, *вы́л'езу*, *вы́т'ану* и др.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973.

Л. Л. Касаткин.

ОКОНЧА́НИЕ, флексия,— словоизменительная морфема, выражающая в словоформах рус. языка значения рода (см.), числа (см.), падежа (см.) или лица (см.). Напр., О. *-а* в словоформе *вода* выражает значения жен. рода, ед. ч., им. п., О. *-ыми* в словоформе *зелёными* выражает значения мн. ч. и твор. п., О. *-у* в словоформе *пишу* — значения ед. ч., 1-го лица. Материально тождественные морфы (см.) О. могут иметь разные значения. Напр., О. *-е* только в именах существительных имеет следующие значения: 1) муж. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: (*на*) *столе*, (*в*) *доме*; 2) ср. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: (*в*) *море*, (*на*) *окне*; 3) жен. рода, ед. ч., предл. п. в словоформах типа: (*о*) *книге*, (*в*) *реке*; 4) жен. рода, ед. ч., дат. п. в словоформах типа: (*дал*) *сестре*, *учительнице*; 5) мн. ч., им. п. в словоформах типа: *армяне*, *молдаване*, *баре*, *бояре*, *цыгане*.

Выражая значения рода, числа, падежа, лица, О. служит для указания синтаксических отношений (согласования, управления) данного слова с другими словами предложения. О. обычно занимают место в конце словоформы, после них в словоформах могут выступать только постфиксы (см.): *пиш-ет-ся*, *катал-а-сь*, *ид-ём-те*.

Каждое склоняемое и спрягаемое слово имеет свой набор О., в соответствии с к-рым оно относится к тому или иному типу склонения (см.) или спряжения (см.). В ряде случаев О. играет роль словообразовательного аффикса. Так, существительное *операционная* (название помещения) отличается от прилагательного *операционный* (*операционная комната*, *операционные инструменты* и т. д.) только набором О. (см. Субстантивация).

Лит. см. при ст. Морфема.

И. С. Улуханов.

ОЛИЦЕТВОРЕ́НИЕ, прозопопея (греч. prosōpopoiïa, от prósōpon — лицо и poiéō — делаю),— один из типов аллегории (см.): стилистический приём, состоящий в том, что неодушевлённому предмету, отвлечённому понятию, живому существу, не наделённому сознанием, приписываются качества или действия, присущие человеку: «*Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя, То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя*» (Пушкин); «*И звезда с звездою говорит*» (Лермонтов).

О.— один из древнейших тропов (см.), своим возникновением обязанный анималистическим представлениям, религиозным верованиям; занимает большое место в мифологии, в фольклоре: фантастические и зоологические персонажи былин, сказок, легенд и т. п.; «олицетворяются» явления природы, быта (печь, зеркало и др.). На О. строится один из самых близких к фольклору жанров — басня, уходящая корнями в глубокую древность. О.— важнейший структурный элемент античной и средневековой лит-ры, в частности древнерусской.

В совр. языке О. чаще всего встречается в языке художественной лит-ры (больше в поэзии, в меньшей степени — в прозе), употребительно и в обиходно-разговорной речи: *Песня за душу берёт.* О. бывает неразвёрнутым — в рамках одного, реже двух предложений: «*И если туча оросит, Блуждая, лист его дремучий...*» (Пушкин); развёрнутым — обычно при уподоблении изображаемого человеку, нередко такое О. ложится в основу стихотворения («Утёс» Лермонтова, «Рифма, звучная подруга» Пушкина, «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» Маяковского); контекстуальным, преим. при описании ситуации: «*Когда, бушуя в бурной мгле, Играло море с берегами ...*» (Пушкин); содержательно обусловленным, предполагающим более глубокое осмысление изображаемого: «*А исты знают, где селиться*» (Песков).

На базе О. могут сложиться переносные значения слов. Напр., *брать* в значении «быть в известном эмоциональном состоянии»: *берёт тоска, страх, ужас.*

Ю. А. Бельчиков.

ОМО́ГРАФЫ — см. Омонимы.

ОМОНИМИ́Я — звуковое совпадение разных языковых единиц, к-рые семантически не связаны друг с другом.

Лексические омонимы (см. Омонимы) возникают вследствие звукового совпадения различных по происхождению слов, напр.: *рысь* (бег) и *рысь* (животное), *вал* (насыпь) и *вал* (волна), или в результате семантического разрыва значений многозначного слова, напр.: *свет* (лучистая энергия) и *свет* (мир, Вселенная), *пороть* (разрезать по швам) и *пороть* (сечь). Однако разрыв, расхождение значений многозначного слова (т. е. утрата этими значениями общих семантических элементов) может осуществляться постепенно, поэтому существует целый ряд значений, к-рые расцениваются учёными (напр., подаются в разных словарях) по-разному: или как значения самостоятельных слов-омонимов, или же как значения, принадлежащие одному и тому же слову. Ср., напр., квалификацию таких значений, как *угодить* (куда, в кого) и *угодить* (кому), *топить* (нагревать) и *топить* (расплавлять), *ярый* (яростный, страстный) и *ярый* (светлый), *журавль* (птица) и *журавль* (шест у колодца), *колено* (ноги) и *колено* (в пении), в разных толковых словарях совр. рус. языка. Трудность точного разграничения многозначности и О., возникающая в ряде случаев, приводит нек-рых лингвистов к мысли, что омонимами следует считать только значения, относящиеся к словам, различным по происхождению. Принятие этой точки зрения отодвинуло бы понятие «О.» в область исторической лексикологии, между тем несомненно, что именно для совр. языка приходится разграничивать значения, связанные друг с другом, и значения, к-рые, хотя и относятся к словам, звучащим одинаково, не имеют ничего общего (ср.: *растворить окно* и *растворить порошок в воде*, *мешать работать* и *мешать кашу* и т. п.). Кроме того, историческая точка зрения на О. не может решить проблему полностью, поскольку происхождение многих слов, в т. ч. и омонимов, далеко не всегда представляется окончательно выясненным. Так, напр., *топить* (нагревать) и *топить* (заставлять тонуть) во всех словарях подаются как слова-омонимы, но, в то время как первое слово считается связанным с *тёплый* (чередование гласных), относительно происхождения второго существуют разногласия, в частности высказывалась мысль о возможности его этимологического отождествления с *топить* (нагревать). Спорным представляется и этимологическое разграничение (или же отождествление) таких омонимов, как *ключ* (источник) и *ключ* (от замка).

Иногда в качестве объективных критериев разграничения О. и многозначности выдвигают словообразовательные и синтаксические показатели. Их значение, однако, нельзя признать решающим, поскольку расхождение словообразовательных рядов не непременно связано с разрывом соответствующих значений, а реализация разных значений слова в различных синтаксических конструкциях также не всегда связана с их семантическим разрывом (ср.: *смотреть что*, *смотреть на что* и *смотреть за кем-чем*, а также такие производные от этого глагола, как *смотр*, *смотрины*, *смотритель*, *присмотреть*, *присмотреться*, *насмотреться*).

В языке существуют переходные, промежуточные явления; их существование осложняет и отграничение в ряде случаев О. от многозначности, однако само по себе разграничение этих явлений представляется важным и теоретически, и для лексикографической практики.

Различается п о л н а я О. и ч а с т и ч н а я О., при к-рой совпадают по звучанию лишь отдельные формы слов, напр.: *стекло* (глагол) и *стекло* (сущ.) — образуются о м о ф о р м ы.

Омонимичными могут быть также грамматические формы слов. Напр., формы прилагательных *большой*, *молодой* и т. п. представляют формы, во-первых, им. п. ед. ч. муж. рода (*большой дом*, *молодой человек*), во-вторых, формы род. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревни*, *молодой женщины*), в-третьих, дат. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревне*, *молодой женщине*), в-четвёртых, твор. п. ед. ч. жен. рода (*большой деревней*, *молодой женщиной*). Основанием для признания этих форм разными, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они сог-

ласуются с существительными, выступающими в различных падежах.

Лит.: Смирницкий А. И., К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», 1954, т. 4; Ахманова О. С., Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; её же, Словарь омонимов русского языка, 2 изд., М., 1976; Виноградов В. В., Об омонимии и смежных явлениях, «ВЯ», 1960, № 5. *Д. Н. Шмелёв.*

ОМО́НИМОВ СЛОВА́РЬ — тип словаря, в к-ром описываются омонимы (см.). Наиболее последовательная, полная и детально разработанная классификация рус. омонимов и практически исчерпывающая информация о них дана в «Словаре омонимов русского языка» О. С. Ахмановой (в составлении словаря принимала участие Т. А. Ганиева) (1974) В словаре впервые помещены и описаны не только традиционно выделяемые группы омонимов, т. е. слов, исконно разных по значению (*брак*, *кран*, *рейд*, *лук*, *топить*, *такса* и др.), но и разнообразные типы омоформов в пределах словарных форм. Выделены омонимы-омоформы с выраженной морфологической структурой: а) слова с омонимией основ, напр.: *колкий* (от *колоть иглой — колкая трава*, *насмешка*) и *колкий* (от *колоть дрова — колкий сахар*, *дрова*). В этом типе отмечается закономерность омонимических отношений у целых лексико-грамматических классов слов, напр. при омонимии исходных глаголов автоматически становятся омонимами отглагольные существительные, при омонимии основ существительных — соответствующие относительные прилагательные и др.; б) слова с омонимией аффиксов, напр. у глаголов-омонимов отмечается шесть омонимичных приставок *пере-*, две омонимичные приставки *за-*, *до-*, пять омонимичных приставок *о-* (*об-*, *обо-*, *объ-*); отмечаются омонимичные суффиксы *-ник*, *-тель* (*ночник*, *держатель*); в) слова с разной степенью членимости, т. е. разной семантической и морфологической связью с производящей основой (*выглядеть*, *донести*, *отбывать*, *плестись*); г) слова с различием внутренней структуры, не имеющим открытого выражения в словарной форме (*самострел*, *газоход*, *при́вод*, *порыв*, *припёк*); д) слова, относящиеся к разным частям речи, т. е. лексико-грамматически несовместимые (*печь*, *пасть*, *знать*).

В словаре фиксируются и описываются также омонимы, образовавшиеся в результате распада полисемии (см. Полисемия). В этом типе омонимии сделана попытка разграничить «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы распада полисемии, напр.: *палата*, *белый*, *красный*, *пионер*, *парк*.

В словаре применён системный подход к материалу: каждый индивидуальный случай трактуется как представитель того или иного типа. Показано, какую сложную иерархию составляют по отношению друг к другу разные типы омонимов. Каждый омоним с помощью индексов соотнесён с тем или иным типом или подтипом омонимии.

Системой помет, данной в словаре, учитываются: принадлежность слов к общелит. языку или к специальной терминологии, к одной и той же или разным территориальным разновидностям языка, к одному или разным функциональным стилям.

Для того чтобы ещё более ясно показать семантическую несовместимость, противопоставляемость омонимов, они снабжены переводами на англ., франц., нем. языки.

К словарю даны два приложения: в приложении I вынесена «функциональная омонимия» (омонимичные существительные, прилагательные, в т. ч. их краткие формы, наречия и безличные предикативы); в приложении II дан список омографов рус. языка, к-рые необходимо отличать от разных фонетических вариантов одного и того же слова (*а́тлас — атла́с*, *за́мок — замо́к*). Словарь показывает, что наиболее последовательно те или иные виды омонимии проявляются в системе рус. глагола, где выделяются наиболее регулярно воспроизводящиеся ряды, или цепочки, словообразовательных омонимических отношений.

В «Словаре омонимов русского языка» Н. П. Колесникова, под ред. Н. М. Шанского (1976) материал дан «сплошным массивом, без классификационных перегородок и классификационных границ» (Шанский), без стилистических помет. Это ценное справочное пособие, обширное собрание материала, в к-ром собраны омонимы — элементы речевого потока.

Лит.: Виноградов В. В., О грамматической омонимии в современном русском языке, «Рус. яз. в школе», 1940, № 1; Костомаров В. Г., О. С. Ахманова. Словарь омонимов русского языка, «ВЯ», 1977, № 6. *И. К. Сазонова.*

ОМО́НИМЫ (греч. homónyma, от homós — одинаковый и ónyma — имя) — одинаково звучащие слова, у к-рых нет общих семантических признаков, дающих возможность считать соответствующие значения значениями одного слова. Термин «О.» чаще употребляется применительно к словам, но возможно говорить, напр., и об О.-морфемах. Лексические О. появляются в языке вследствие различных причин. Во-первых, в результате звуковых изменений в языке может произойти совпадение первоначально различающихся по звучанию слов, как, напр., *лук* (растение) и *лук* (для стрельбы), совпадение этих слов произошло в результате того, что *о* носовое, к-рое было во втором из этих слов, совпало в др.-рус. языке с *у*. Во-вторых, заимст-

вование иноязычного слова (или слов) может привести к появлению в языке одинаково звучащих наименований, напр. заимствованное из немецкого через польский *брак* (изъян) оказалось тождественным по звучанию со словом *брак* (женитьба), заимствованное из голландского *линь* (вид каната) совпало со словом *линь* (вид рыбы). В-третьих, О. могут быть следствием распада многозначного слова, семантического разрыва, происходящего между различными его значениями. О. такого происхождения довольно многочисленны в совр. рус. языке, ср.: *брань* (ругань) и *брань* (война, битва), *долг* (обязанность) и *долг* (взятое взаймы), *колоть* (раздроблять) и *колоть* (ср. *укол*). Наконец, не менее многочисленна в совр. рус. языке группа О., звуковое совпадение к-рых объясняется независимым образованием слов от одной и той же основы (в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью, но каждое со специализированным значением), напр.: *ветрянка* (мельница) и *ветрянка* (оспа), *приёмник* (учреждение) и *приёмник* (устройство для приёма чего-либо), *дождевик* (пальто) и *дождевик* (гриб), а также омонимичностью словообразовательных аффиксов, как в случаях *бумажник* (для денег) и *бумажник* (работник бумажной промышленности), *настоять* (ср. *настойчивый*) и *настоять* (ср. *настойка*), *отстоять* (простоять до конца), *отстоять* (защитить) и *отстоять* (находиться на определённом расстоянии) и т. д.

В ряде случаев отнесение различных значений к отдельным словам-О. или же их объединение в составе многозначного слова не представляется бесспорным и осуществляется в различных словарях неодинаково (см. Омонимия).

Наряду с О. обычно выделяют также о м о г р а ф ы (слова, одинаковые по написанию, но различающиеся ударением: *мука́ — му́ка*) и о м о ф о н ы (разные слова, к-рые произносятся одинаково, хотя различаются в написании: *костный — косный*; чаще это слова, совпадающие по звучанию лишь в отдельных формах: *пруд — прут*, *луг — лук*, *лез — лес* и т. п.).

Лит. см. при ст. Омонимия.

Д. Н. Шмелёв.

ОМОФО́НЫ — см. Омонимы.

ОМОФО́РМЫ — см. Омонимия.

ОНОМА́СТИКА (от греч. onomastikē — искусство давать имена)—раздел языкознания, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и преобразования, а также сама совокупность всех собственных имён. Ранее термин «О.» употреблялся как синоним антропонимики (см.). О. стремится выявить и изучить существующие ономастические системы. Разделы О. выделяются соответственно категориям собственных имён. Топонимика (см.) изучает собственные имена географических объектов (*Россия*, *Белое море*, *Крым*, *площадь Разгуляй*), антропонимика — собственные имена людей (*Владимир Игоревич Поспелов*, *Иван Грозный*), теонимика — собственные имена богов и божеств любого пантеона (напр., слав. *Перун*, *Даждьбог*, *Стрибог*, *Волос*), зоонимика занимается собственными именами (кличками) животных (*Шарик*, *Мурка*, *Жданка*), хрематонимика — собственными именами предметов материальной культуры («*Царь-пушка*», золотые самородки «*Заячьи уши*», «*Верблюд*», алмазы «*Орлов*», «*Звезда юга*»), космонимика изучает наименования (принятые в научном обиходе и народные) зон космического пространства, галактик, созвездий (напр.: *Большая Медведица*, *Млечный путь*), астронимика — имена отдельных небесных тел (*Земля*, *Луна*, *Марс*, комета *Энке*) и т. п.

Предметом О. являются также собственные имена отдельных растений — фитонимы (*дуб Прокурон*, *липа Матруня*, *Маврический дуб*), стихийных бедствий — анемонимы (напр., ураганов — *Бетси*, *Алиса*, *Флора*), отрезков времени, связанных с определённым событием, имеющим значение для общества,— хрононимы (*Петровская эпоха*, *Новый год*) и др.

О. изучает закономерности возникновения, развития, изменения, функционирования, распространения и структуры собственных имён в языке и речи, в лит. и диалектной сферах. Изучение собственных имён в художественных текстах составляет особую проблему (т. н. поэтическая О.).

О. использует следующие методы: этимологический, исторический, синхронного среза, ареальный, картографический, описательный, статистический, стратиграфический, типологический, формантный и др.

Лит.: С у п е р а н с к а я А. В., Общая теория имени собственного, М., 1973; Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год, М., 1976; т о ж е, Указатель литературы, изданной в СССР в 1971—1975 гг. с приложением за 1918—1962 гг., М., 1978.

Н. В. Подольская.

ОПРЕДЕЛЕ́НИЕ — второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы *какой? чей? который?* О. служит для распространения и пояснения другого члена (главного или второстепенного), входящего в состав того же предложения и выраженного именем существительным или любой другой субстантивированной частью речи (*Лучшие ученики получили грамоты*; *Утром прибыли новые отдыхающие*), а также любой позиционно субстантивирующейся словоформой или группой словоформ (*Твоё «не хочу» звучит странно*; *Его «мне скучно» всем надоело*). По-

яснение, выражаемое О., в зависимости от того, на какой вопрос оно отвечает, может иметь разный характер. О., отвечающие на вопрос *какой?*, указывают на различные признаки предметов, напр. качество, размер, форму, свойства, материал, из к-рого изготовлен предмет (*Он купил новую большую тетрадь в клеточку*; *Она пришла в красивом шерстяном костюме*). О., отвечающие на вопрос *который?*, указывают на порядок предметов при счёте (*Прозвенел второй звонок*; *Он едет в пятом вагоне*). О., отвечающие на вопрос *чей?*, указывают на принадлежность предмета (*Брат Виктора учится в университете*; *В концерте исполнялись произведения Чайковского*; *Я познакомила их с моими родителями*). В зависимости от характера связи О. с определяемым словом различаются О. согласованные и несогласованные. Согласованными называются О., связанные с определяемым словом посредством согласования (см.). Согласованное О. уподобляется определяемому слову в роде, числе и падеже. Специализированной формой выражения согласованного О. являются прилагательные (*Большие деревья росли вокруг низкого деревянного домика*; *Они бережно хранят отцовскую шинель*). Согласованные О. могут быть выражены также порядковыми числительными, причастиями, местоимениями (*В нашем классе нет отстающих учеников*; *Он решает эту задачу уже второй час*). Несогласованными называются О., связанные с определяемым словом посредством управления (см.) или примыкания (см.) (*Он прочитал ещё раз письмо отца*; *Он обрадовался предлогу выйти на улицу*; *Они живут в квартире напротив*). В функции несогласованного О. выступают имена существительные в формах косвенных падежей с предлогами и без предлогов, сравнительная степень, наречие, инфинитив (*Листья берёзы шумели*; *Ему нравились вечера в доме бабушки*; *Она познакомила нас с товарищем по университету*; *Сестра выбрала ткань с рисунком повеселее*; *Всех их собрало желание увидеться*; *На завтрак дали яйца всмятку*). Несогласованные О., выраженные существительными в косвенных падежах, могут быть синонимичными согласованным О.-прилагательным (*хлопья снега — снежные хлопья*, *студенты из Москвы — московские студенты*, *стена из камня— каменная стена*). Несогласованное О. может быть выражено также сочетанием существительного с прилагательным или существительного с числительным (*Их встретил молодой человек невысокого роста*; *Они смотрели на малыша с большими голубыми глазами*; *Вошла девочка лет тринадцати*). К О. относятся также приложения (см.).

В предложении оказывается очень часто невозможным разграничение несогласованного О. и косвенного дополнения (см. Дополнение), а также несогласованного О. и обстоятельства (см.). Так, в сочетаниях *полотенце для рук*, *лекарство от головной боли* формы косвенных падежей с предлогами равно могут быть квалифицированы как О. и как дополнение: *полотенце* — какое? и для чего? *лекарство* — какое? и от чего? Такое неразграничение объясняется тем, что категория О. традиционно выделяется на двух, не всегда совместимых основаниях: на основании формы (косвенные падежи) и логического вопроса. Такое же неразграничение в принципе имеет место и при квалификации О. и обстоятельства.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Современный русский язык, ч. 2, [М.], 1964; Гвоздев А. Н., Современный русский литературный язык, ч. 2, 3 изд., М., 1968. *К. В. Габучан.*

ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИ́ЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое, односоставное, бесподлежащное предложение с глаголом-сказуемым, к-рый своими личными окончаниями указывает, что действие, названное им, выполняется определённым, 1-м или 2-м лицом: «*Без любви, без счастья по миру скитаюсь, разойдусь с бедою, с горем повстречаюсь*» (Кольцов); «*Надевайте коньки и давайте же кататься вместе*» (Л. Толстой).

О.-л. п. легко преобразовать в двусоставное, введя в него местоимение 1-го или 2-го лица: «*Вот раз иду из гимназии*» (Вересаев)— *Вот раз иду я из гимназии.*

Как особый тип односоставных предложений О.-л. п. выделяются только потому, что они часто употребляются без местоимения-подлежащего. О.-л.п. — это регулярные реализации соответствующих двусоставных структур. Этим О.-л. п. отличается от неопределённо-личных предложений (см.) и обобщённо-личных предложений (см.), в к-рых нет и не может быть особого слова для выражения подлежащего, подлежащее в них невосстановимо. О.-л. п. отличаются и от неполных предложений (см.), в к-рых отсутствие того или иного члена всегда связано с определёнными конситуативными или морфолого-синтаксическими условиями; отсутствие личного местоимения в О.-л. п. таких условий не требует.

Определённо-личными чаще всего бывают предложения: 1) с глаголом в форме 1-го лица ед. ч. наст.-буд. времени изъявительного наклонения: «*Люблю тебя, Петра творенье*» (Пушкин); «*И не понимаю, и сержусь*» (Симонов); 2) с глаголом в форме повелительного наклонения: «*Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия*» (Пушкин); «*Не смущай меня возражениями*» (М. Горький). В данном случае употребление

О.-л. п является нормой, а употребление местоимения-подлежащего возможно лишь при определённых условиях, напр. при противопоставлении двух лиц: *Читай ты, а он пусть слушает.*

Лит.: Современный русский язык, ч. 2, [М.], 1964; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

Е. Н. Ширяев.

ОПРО́ЩЕНИЕ — одно из изменений морфемной структуры слова, проявляющихся в ходе развития языка: основа, ранее членимая на морфемы (выделяющая в своём составе префикс или суффикс), со временем перестаёт выделять аффикс и становится основой нечленимой, равной корню. Напр., в глаголе *забыть*, исторически образованном от глагола *быть* с помощью префикса *за-*, но ныне несоотносимом с глаголом *быть*, выделяется корень *забы-*; в слове *басня*, образованном от ныне устарелого глагола *баять*—«говорить, рассказывать» с помощью суффикса *-сн(я)* (того же, что в слове *песня*), в совр. языке не выделяется суффикс, основа равна корню.

Основная причина О.— т. н. деэтимологизация, или демотивация, слова, т. е. потеря им первоначальной словообразовательной мотивированности другим словом. О. способствуют следующие явления: 1) изменение значения слов; так, слово *красный*, первоначальное значение к-рого «красивый», во вторичном значении — цветовом — перестало мотивироваться словами *краса*, *красота* и выделять корень *крас-*; слово *прекрасный*, первоначальное значение к-рого «очень красивый», в совр. значении не соотносится со словом *красный* и потому не выделяет префикса *пре-*; 2) исчезновение из языка мотивирующего слова; так, устаревание и дальнейшее полное исчезновение слова *вага*— «вес» способствовало О. первоначально мотивированного им слова *важный*; 3) фонетические изменения, разрушающие связь однокоренных слов; напр., О. слов *облако*, *обод*, *обоз* — первоначально отглагольных, мотивированных соответственно глаголами *обволакивать*, *обводить* и *обвозить* с префиксом *об-*, способствовало упрощение группы согласных на стыке префикса и корня: **бв>б*, а в результате изменения *дъщанъ* («нечто дощатое»)>*чан* это слово перестало мотивироваться словом *доска*.

Вследствие О. нередко меняется написание слова, напр.: *задъхлый* (от *задохнуться*)>*затхлый* (слово, в к-ром перестали выделяться префикс *за-* и суффикс *-л-*); иногда исчезают из языка целые непродуктивные аффиксы (напр., суффикс *-р-*, выделявшийся в прилагательных *добрый*, *бодрый*, *острый*, *хитрый* и др.). В результате О. в языке появляются новые корни. Сведения о первоначальном морфемном членении слов, подвергшихся О., можно найти в этимологических словарях. Впервые описано явление О. и предложен этот термин В. А. Богородицким (см.).

Лит.: Богородицкий В. А., Очерки по языковедению и русскому языку, 4 изд., М., 1939; Булаховский Л. А., Деэтимологизация в русском языке, «Тр. ин-та русского языка», 1949, т. 1; его же, Типы деэтимологизации в русском языке, в сб.: Вопросы славянского языкознания, кн. 3, Львов—Хар., 1953; Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959; его же, Очерки по русскому словообразованию, М., 1968.

В. В. Лопатин.

О́РГАНЫ РЕ́ЧИ — органы человека, участвующие в звукообразовании. Правильнее О. р. было бы называть произносительными органами. В основном это органы дыхательной и пищепроводящей систем.

О. р. образуют произносительный аппарат человека, к-рый можно разделить на три специфических участка: 1) дыхательные органы (лёгкие, бронхи, дыхательное горло), обеспечивающие проход воздушной струи через произносительный аппарат при образовании звучащей речи; 2) гортань, обеспечивающая образование голоса; 3) надгортанные полости — полости глотки, рта и носа, участвующие в образовании специфических свойств отдельных звуков речи.

Звуки, как правило, образуются во время выдоха: поток воздуха, выходящий из лёгких, является необходимым компонентом их образования и служит своеобразным «переносчиком» их из произносительного аппарата в воздушную среду. Основным элементом гортани являются голосовые связки — эластичные образования, расположенные с левой и правой стороны гортани и вытянутые спереди назад. Передние концы голосовых связок расположены под углом друг к другу. Пространство между голосовыми связками называется голосовой щелью. Голос создается в результате периодических колебаний голосовых связок, к-рые при этом сближаются и натягиваются.

В надгортанных полостях происходит окончательное формирование звука. Наиболее важными частями этого участка произносительного аппарата являются следующие: язык, губы, твёрдое и мягкое нёбо. Различают активные и пассивные произносительные органы: активные при образовании тех или иных звуков совершают определённые движения, тогда как пассивные остаются неподвижными. Язык является активным действующим органом; в зависимости от того, какая часть языка принимает участие в образовании звуков, различают его переднюю, среднюю и заднюю части. Губы также являются активным действующим органом. Таким же органом является и мягкое нёбо, к-рое, поднимаясь, закрывает проход воздуха в полость носа, а

опускаясь, открывает его. Зубы и твёрдое нёбо являются пассивными органами. Движение произносительных органов при образовании звуков называют артикуляцией звуков, а соответствующие им характеристики звуков — артикуляционными характеристиками.

Лит.: З и н д е р Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Ф л а н а г а н Д ж., Анализ, синтез и восприятие речи, пер. с англ., М., 1968. *Л. В. Бондарко.*

ОРФОГРА́ММА (от греч. orthós — правильный и grámma — буква)— правильное (соответствующее правилам или традиции) написание, к-рое нужно выбрать из ряда возможных. При обозначении на письме звуков речи (точнее, фонем; см.) пишущий сталкивается с двумя случаями: с отсутствием вариантов на письме при обозначении фонем (ср.: *дом*, *шар*, *тень*, *шум*) или с наличием таких вариантов (ср. слово *голова́*, в к-ром обе буквы *о* теоретически могут быть заменены буквой *а*, хотя написание буквы *а* орфографически неправильно). О. может быть не только буква, но также слитность или раздельность написания, прописная (большая) или строчная (малая) буква, место переноса, характер сокращения слова.

О. являются одними из основных единиц в теории и практике орфографии (см.). Более крупными единицами являются орфографические правила, к-рые нужно применить к той или иной О. на основании её опознавательных признаков. В действующих школьных учебниках принято давать списки изученных О. с отсылкой к определённым параграфам и страницам учебника. Ср., напр., такие названия О. в списках: «безударная гласная в корне слова, проверяемая ударением», «буквы *з* или *с* в конце приставок», «большая буква в собственных именах существительных», «-тся и -ться в глаголах» и т. д. Каждая О. имеет в тексте учебника и в списке один и тот же порядковый номер (соответствующий порядку их изучения), к-рый используется в различного вида сокращённых ответах при решении орфографических задач (этот номер не заучивается).

В методике преподавания орфографии различают т е о р е т и ч е с к и е и п р а к т и ч е с к и е О. Так, напр., конечный глухой мягкий согласный звук [*т'*] обозначается в рус. письме буквосочетаниями *дь* и *ть*: *сядь*, *пядь*, *пять*, *бежать* и т. д. В конце слов вместо звонких согласных произносятся парные им глухие, и конечная согласная буква слова (из пар *т*/*д*, *с*/*з*, *п*/*б* и т. д.) всегда является О. Однако в неопределённой форме глагола (напр., *бежать*) эта О. является теоретической: рус. учащиеся, как правило, ошибок здесь не допускают (конечное *-ть* очень рано осознаётся как яркий грамматический показатель неопределённой формы). В школе в первую очередь изучают практические (актуальные для учащихся) О.

Соотношение теоретических и практических О., равно как О. и неорфограмм, меняется при изучении рус. письма нерусскими. Так, напр., для белорусов и поляков, в языке к-рых нет мягкой согласной фонемы [*т'*], буква *т* становится практической О. не только в словах типа *бежать*, но и в словах типа *тень*, где для русских вообще нет О. В подобных случаях белорусы и поляки могут ошибочно «подставлять» свою фонему, похожую на русское [*т'*] и допускать при её записи орфографическую ошибку.

Лит.: Р о ж д е с т в е н с к и й Н. С., Свойства русского правописания как основа методики его преподавания, М., 1960; Б а р а н о в М. Т., Ознакомление учащихся IV класса с орфограммой и первоначальный этап формирования орфографического навыка, «Рус. яз. в школе», 1970, № 4; Ж е д е к П. С., Р е п к и н В. В., Из опыта изучения закономерностей русской орфографии, в кн.: Обучение орфографии в восьмилетней школе, М., 1974; Р а з у м о в с к а я М. М., Важнейшие проблемы обучения орфографии на современном этапе, в кн.: Обучение орфографии в восьмилетней школе, М., 1974. *В. Ф. Иванова.*

ОРФОГРАФИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ— словарь, содержащий алфавитный перечень слов в их нормативном написании О. с. является объективным показателем совр. ему орфографии (см.). С 19 в., когда началось издание О. с., наметились три

Проф. Д. Н. УШАКОВ и проф. С. Е. КРЮЧКОВ

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Утвержден Министерством просвещения РСФСР

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ, ПЕРЕРАБ. И ВТОРОЕ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1977

типа таких словарей в соответствии с их направленностью: словари школьные, словари-справочники для работников печати и общие словари (с подтипом словарей, посвящённых отдельным орфографическим проблемам). Такая дифференциация О. с. принята и в совр. лексикографической практике.

Объём ш к о л ь н ы х О. с. различается в зависимости от адресата — учащихся средней школы или начальных классов. К словарю прилагаются обычно орфографические правила в соответствии со школьной программой. Первый школьный «Орфографический словарь с присоединением повторительного курса русской орфографии» составил А. Спицын (1883). Школьные словари сопровождались иногда методическими указаниями, как использовать это пособие на уроках по рус. языку. Совр. нормативный словарь для средней школы — «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова (1934, с 1944 совм. с С. Е. Крючковым) выдержал 32 издания.

Специфика издательского дела требовала специальных орфографических справочников. В их содержание, кроме словаря трудных случаев написания имён нарицательных и собственных, входят подробные орфографические правила и сведения, связанные с корректорской и редакторской работой. Первое пособие такого типа было издано в 1869 А. Студенским («700 слов, наиболее требующих одинакового написания»). Совр. нормативный справочник —«Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского (1949, 4 изд., 1970).

К о б щ и м О. с. относятся словари, рассчитанные на всех пишущих. Первый «Русский орфографический словарь» П. Ромашкевича вышел в 1881 (хотя и пособие В. П. Геннинга «Справочная книжка и указатель русского правописания», 1879, можно считать О. с.). Начиная с 1881 вышло около 100 О. с., однако до сов. времени они готовились при отсутствии единого авторитетного научного руководства и содержали много орфографических вариантов.

Задача создания академического О. с. впервые была поставлена в 1930-е гг., однако издание такого словаря, гарантирующего надёжность рекомендаций, оказалось возможным только после выхода в 1956 единых «Правил русской орфографии и пунктуации» (см.); таким словарём стал «Орфографический словарь русского языка», подготовленный Ин-том рус. языка АН СССР (1956, 14 изд., 1976).

Разновидностью общих О. с. являются словари, посвящённые отдельным орфографическим проблемам. Предметом таких словарей оказываются группы слов, написания к-рых или не подходят под к.-л. обобщённые регламентации и определяются в словарном порядке, или группы слов, написание к-рых отличается особой трудностью, несмотря на существование соответствующих правил. Таковы, напр., многие дореволюционные словари, содержащие списки слов с буквой ѣ, словарь И. И. Огиенко «Где писать два *н*, а где одно» (1913), словарь «Употребление буквы ё» К. И. Былинского, С. Е. Крючкова и М. В. Светлаева (1945), словарь-справочник «Слитно или раздельно?» Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой (1972).

Основной проблемой словника О. с. является разграничение слов, представляющих и не представляющих орфографические трудности. Намерения составителей включать в словник только слова, трудные для написания, на практике обычно не осуществлялись. Потребность в О. с. самых широких кругов читателей делает невозможными подобные строгие ограничения в словнике. Поскольку О. с. является справочником собственно орфографическим, а не словарём, нормализующим совр. словоупотребление, совр. О. с. включают, кроме общелит. лексики, также лексику различных стилистических пластов, специальную и терминологическую. Структура словарной статьи складывалась постепенно. В словарях наблюдались различия в расположении слов, их грамматических характеристик, в подаче вариантов и другие. В основу академического О. с. положен принцип, сформулированный С. И. Ожеговым: «расположение материала и вспомогательного аппарата, которое в наибольшей степени облегчило бы наведение конкретных орфографических справок».

Лит.: З и н и н С. И., Орфографические словари русского языка, «Рус. речь», 1968, № 6; Б у к ч и н а Б. З., О типах орфографических словарей, в сб.: Нерешенные вопросы русского правописания, М., 1974.

Б. З. Букчина.

ОРФОГРА́ФИЯ (греч. orthographía, от orthós — правильный и gráphō — пишу)— правила, устанавливающие единообразие способов передачи речи на письме. О. определяет передачу звуков (фонем) буквами; слитные, раздельные и дефисные написания слов и их частей; употребление прописных букв; способы переноса. Иногда как синоним О. употребляется термин «правописание», имеющий и более широкое значение, включающее пунктуацию.

1) Важным принципом передачи звуков (фонем) буквами в совр. рус. орфографии является ф о н е м а т и ч е с к и й принцип, при к-ром одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех её видоизменениях. Фонематический принцип, как правило, совпадает с м о р ф о л о г и ч е с к и м принципом, т. к. обеспечивает единообразное написание значащих частей слова (приставка, корень, суффикс, окончание), напр. корень *-вод-* пишется одинаково в словах *вода*, *водовоз*, *заводь* и др. Фонематический характер имеют такие основные правила орфографии: чтобы знать, как писать безударный гласный, надо поставить его под ударение (*поля́ — по́ле*); чтобы знать, писать звонкий или глухой согласный, надо поставить сомнительный согласный перед гласным, сонорными [*м*], [*н*], [*л*], [*р*], [*j*] или перед [*в*] (*пруд—пруда*, *улов— ловля*; *сшить*, *сжечь —слить*); чтобы знать, надо или не надо писать *ь* после согласного перед другим согласным, надо изменить слово так, чтобы второй согласный стал твёрдым, если при этом первый согласный остаётся мягким, то надо писать мягкий знак (у*зд*ечка — у*зд*а, в ва*л*ьсе — ва*л*ьса); после *ж*, *щ*, *ч* не пишутся буквы *я*, *ю*, *ы*, а пишутся буквы *а*, *у*, *и* (т. е. те, к-рые не обозначают качества предшествующего согласного).

В совр. О. есть написания, определяющиеся фонетическим, традиционно-историческим и дифференцирующим (дифференцировочным) принципами.

Ф о н е т и ч е с к и й принцип заключается в том, что написание передаёт звучание слова, буквой обозначается не фонема, а звук. Написание отличается от фонетической транскрипции только меньшей степенью точности в передаче звуков. По фонетическому принципу пишутся конечные согласные в приставках *из-* (*ис-*), *воз-* (*вос-*), *раз-* (*рас-*), *через-* (*черес-*), *без-* (*бес-*) (*изводить — искусать*, *возводить — востребовать* и т. д.).

Т р а д и ц и о н н о - и с т о р и ч е с к и й (традиционный) принцип заключается в том, что сохраняется написание, закреплённое традицией, хотя и не соответствующее совр. состоянию языка. Традиционные написания могут не вступать в противоречие с фонематическим принципом и могут ему противоречить. Напр., в словах *баран*, *калач*, *собака*, *паро́м* безударные гласные *а* и *о* не встречаются под ударением, поэтому фонематически может считаться оправданным любое закреплённое традицией написание.

Д и ф ф е р е н ц и р у ю щ и й принцип применяется там, где два слова или две формы, имеющие тождественное фонемное строение, условно разграничиваются с помощью орфографии (*ожог — ожёг*, *поджог — поджёг*, *туш — тушь*).

2) Слитные, раздельные и дефисные написания, использующие три графических знака (контакт — слитное написание, пробел и дефис), включают разные грамматические разряды слов: сложные существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, а также написание частицы *не* с различными частями речи. Принципы, на к-рых строятся орфографические правила данного раздела (отражающие такие языковые проблемы, как границы слова, слово и сложное слово, слово и словосочетание), могут быть квалифицированы как л е к с и к о-с и н т а к с и ч е с к и й — для разграничения слова и словосочетания (*долгоиграющая пластинка* и *долго играющий во дворе ребёнок*; *тяжелораненый солдат* и *солдат, тяжело раненный в бою под Сталинградом*; *наконец, я всё понял* и *поездка отложена на конец месяца*; *нелёгкая задача* и *не лёгкая, а сложная задача*; *нерешённая проблема* и *никем не решённая проблема*); с л о в о о б р а з о в а т е л ь н о-г р а м м а т и ч е с к и й — для написания сложных прилагательных и существительных: наличие или отсутствие суффикса в первой части сложных прилагательных и наличие или отсутствие соединительных гласных *о* или *е* в сложных существительных (*автомобильно-дорожный* и *автодорожный*, *угольно-графитовый* и *углеграфитовый*, *газово-нефтяной* и *газонефтяной*, *стекольно-керамический* и *стеклокерамический*; *железобетон*, *лесопарк*, *стеклокерамика* и *дизель-мотор*, *лён-долгунец*, *сахар-рафинад*). Этими двумя принципами охватывается подавляющее количество написаний. Кроме того, существует ряд традиционных орфографических правил, определяющих написание других, не столь обширных и в ряде случаев непродуктивных грамматических групп, как, напр., числительных, частиц, междометий. О. этого раздела, отражающая сложный и живой языковой процесс, постоянно совершенствуется на базе орфографической практики и теоретических лингвистических исследований.

3) Прописная буква употребляется для выделения начала предложения и для выделения имён собственных. Употребление прописной буквы во второй функции связано с трудностями, к-рые определяются сложностью разграничения имён собственных и имён нарицательных и особенно выделением неоднословных собственных имён (напр., составные названия высших партийных, правительственных и профсоюзных учреждений, почётных должностей, званий, орденов).

4) В основе действующих правил переноса слов лежит деление слов на слоги, осложнённые учётом морфологического состава слова (см. Перенос слова, «Правила русской орфографии и пунктуации»).

Лит.: Ильинская И. С., Сидоров В. Н., Современное русское правописание, «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», 1953, т. 22, в. 2; Панов М. В., И все-таки она хорошая!, М., 1964; Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. XVIII—XX вв., М., 1965; Иванова В. Ф., Современный русский язык. Графика и орфография, 2 изд., М., 1976.

Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая.

ОРФОЭ́ПИЯ (греч. orthoépeia, от orthós — правильный и épos — речь)— совокупность норм национального языка, обеспечивающих единство его звукового оформления. Единообразие звукового оформления устной речи содействует, как и орфография (см.), облегчению языкового общения. Понятие «О.» включает произношение и нормы суперсегментной фонетики (ударение, тон и др.). Произношение охватывает фонетическую систему языка, т. е. состав фонем (см.), их качество и реализацию в определённых условиях, а также звуковое оформление отдельных слов и грамматических форм (напр.: *пл*[*á*]*тишь*, а не *пл*[*ó*]*тишь*, [*ш*]*то*, а не [*ч*]*то*). Значение норм суперсегментной фонетики для О. различно в разных языках. Для рус. языка имеет большое значение ударение, связанное с образованием грамматических форм. Нек-рые учёные в состав О. включают образование вариантных грамматических форм (напр.: *трактора́* или *тра́кторы*).

О. складывается исторически вместе с формированием национального языка, когда развиваются разные формы публичной речи и увеличивается удельный вес устной речи в жизни общества. При этом в разных национальных языках и в разные эпохи степень строгости и единообразия норм О. и их социолингвистическое значение весьма различны. Правила О. имеют длительную историю и складываются в качестве норм национального языка обычно поздно. Нормы О. рус. языка сложились в своих важнейших чертах ещё в 1-й пол. 17 в. как нормы московского говора, к-рые лишь по мере развития и укрепления национального языка стали приобретать характер национальных норм. Окончательно они сложились во 2-й пол. 19 в., хотя в ряде случаев имелись колебания. Существовавшие до Окт. революции 1917 нормы О. в основном сохранились; изменились лишь нек-рые частные правила, уменьшилась ассимилятивная мягкость ([*д*]*ве*, [*з*]*верь* рядом с [*д'*]*ве*, [*з'*]*верь*), произношение сблизилось в ряде черт с написанием. Большое значение в развитии О. имел театр, культивирующий нормы О. в наиболее чистом виде. Сценическая речь (см.) во многих языках является основой орфоэпических норм. Значение О. возрастает с развитием звукового кино, радио, телевидения.

Лит.: Ушаков Д. Н., Русская орфоэпия и её задачи, в кн.: Русская речь. Новая серия, [в.] 3, Л., 1928; Щерба Л. В., О нормах образцового русского произношения, «Рус. яз. в школе»,1936, № 5; его же, Фонетика французского языка, 7 изд., М., 1963; Винокур Г. О., Русское сценическое произношение, М., 1948; Аванесов Р. И., Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972; Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник, М., 1960.

Р. И. Аванесов.

ОСНО́ВА — часть словоформы (см), остающаяся после отсечения окончания (см.). Напр., в словоформах *бабушка*, *село*, *красный*, *несу* выделяются О. *бабушк-*, *сел-*, *красн-*, *нес-*. При отсутствии окончания О. совпадает со словоформой: *вдруг*, *бац*, *дважды* и т. п. В О. содержится лексическое значение слова.

О. бывают простыми и сложными. Простая О. содержит один корневой морф (см. Морф), сложная — два или более.

О. могут быть мотивированными (производными) и немотивированными (непроизводными). Мотивированная О.— это такая О., значение к-рой можно объяснить (мотивировать) с помощью О. однокоренного слова, более простого по форме и по значению. Так, О. слова *домик* — мотивированная, поскольку она может быть объяснена с помощью О. слова *дом*: *домик* — «маленький дом». Если такое объяснение (мотивация) невозможно, то О. является немотивированной, таковы, напр., О. слов *дом*, *вода*, *село*, *синий*, *читать*.

Термин «О.» входит в состав составных терминов «мотивирующая (или производящая) О.» и «О. настоящего, прошедшего времени или инфинитива».

Мотивирующая (производящая) О.— это та часть мотивированной О., к-рая является общей с О. мотивирующего слова (с учётом чередований, усечений и наращений фонем), напр. в слове *лесок* мотивирующая О.— *лес-*, в слове *партизанить* — *партиза*[*н'*]- (с чередованием [*н*]—[*н'*]: *партиза*[*н*]—*партиза*[*н'*]*ить*).

О. наст. (прош.) времени — это часть словоформы, остающаяся после отсече-

ния морфов окончания и морфов словоизменительных аффиксов. Напр., в различных словоформах глагола *писать* выделяются: О. настоящего времени *пиш-*: *пиш-у*, *пиш-ешь*, *пиш-ущий*, *пиш-и*; О. прошедшего времени *писа-*: *писа-л*, *писа-ть*, *писа-вший*. О. прош. времени в подавляющем большинстве глаголов совпадает с О. инфинитива (см.).

Т. о., в словоформе *лентяйничала*, напр., можно выделить: О. этой словоформы — *лентяйничал-а*, О. прош. времени и инфинитива — *лентяйнича-ла*, *лентяйнича-ть*, мотивирующую О.— *лентяй-ничала*; в словоформе *лентяйничающий* —О. этой словоформы —*лентяйничающ-ий*, О. наст. времени —*лентяйнича*[j]-*ущий*, мотивирующую О.— *лентяй-ничающий*.

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. См. также лит. при ст. Словообразование.

И. С. Улуханов.

ОТНОСИ́ТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГА́ТЕЛЬНОЕ — см. Прилагательное.

ОТРИЦА́НИЕ — элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связи между нек-рыми явлениями, о к-рых говорится в предложении. Напр., в предложении *Ребёнок не спит* отрицается связь между ребёнком и сном; в предложении *Он поехал не в Москву* отрицается тождество между местом, куда *он поехал*, и *Москвой*.

О. в рус. языке может выражаться отрицательным словом (см.), отрицательным аффиксом (*неполный*, *неравный*), а может и не иметь отдельного выражения, а быть компонентом значения целого слова (*Он отказался* = «Он не согласился»; *Он промахнулся* = «Он не попал») или целого предложения («*Досуг мне разбирать вины твои, щенок!*»— Крылов).

О. может относиться к одному из содержащихся в предложении утверждений или ко всему предложению в целом. Так, в предложении *Он не поехал в Москву* отрицается всё утверждение *Он поехал в Москву*, а в предложении *Он поехал не в Москву* утверждение *Он куда-то поехал* не отрицается. Отрицаемое утверждение называется сферой действия О. Различия в сфере действия О. могут быть внешне не выражены. Так, предложение *Я не хочу переносить вечер из-за приезда брата* имеет два смысла: «Я не хочу, чтобы приезд брата был причиной переноса вечера» (отрицается всё предложение); «Причиной того, что я не хочу переносить вечер, является приезд брата» (отрицается только утверждение *Я хочу перенести вечер*).

Повторение О. даёт положительный смысл: *Не могу не признаться* = «Должен признаться».

Е. В. Падучева.

ОТРИЦА́ТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — см. Отрицание, Отрицательные слова.

ОТРИЦА́ТЕЛЬНЫЕ СЛОВА́ — отрицательная частица *не*, выражающая отрицание (см.), а также нек-рые слова, у к-рых отрицание является одним из компонентов значения: отрицательные местоимения и наречия — *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигде*, *никогда* и др.; частица *ни* в значении «ни один»; отрицательный союз *ни...ни*; отрицательные предикативные слова *нет* (в значении «не имеется»), *некого*, *негде*, *некогда* и др.; отрицательные модальные слова *нельзя*, *невозможно* и др.; слово общего отрицания *нет*. Другие слова, в значение к-рых входит отрицание, не относятся к отрицательным, напр.: *незрелый*, *неловко*, *неправда*. Отрицательное слово иногда называют также отрицанием.

Предложение, содержащее частицу *не* или другие О. с., называется отрицательным. В отрицательном предложении рус. языка действуют следующие закономерности: 1) наличие в предложении отрицательного местоимения, наречия или частицы *ни* обязательно требует отрицательной частицы *не* при сказуемом или сказуемого, выраженного отрицательным словом (*Он никогда ни о чём не спрашивает*; *Нет у неё ни друзей, ни родных*), т. е. конструкции с т. н. двойным или многократным отрицанием; 2) частица *не* при переходном глаголе в действительном залоге обычно требует род. или вин. п. прямого дополнения, особенно если дополнение обозначает неопределённый объект (*Он имеет на это право— Он не имеет на это права*); 3) частица *не* при глаголе в страдательном залоге часто требует безличной конструкции (*Были приняты какие-то решения — Не было принято никаких решений*); 4) отрицательная частица при модальном слове обычно требует несов. вида подчинённого глагола в инфинитиве (*Ты должен это сделать — Ты не должен этого делать*).

Е. В. Падучева.

ОФИЦИА́ЛЬНО - ДЕЛОВО́Й СТИЛЬ — один из функциональных стилей лит. языка (см. Стиль), обслуживающий сферу письменных официально-деловых отношений. В соответствии с характером отношений различают три подстиля: канцелярски-деловой, дипломатический и юридический. О.-д. с. реализуется в документах разных жанров, обобщающих типовые ситуации официально-деловых отношений. Характер деловых текстов обусловливает высокий уровень стандартизации языковых средств, противопоставляющий О.-д. с. другим стилям. Языковые особенности деловых текстов связаны с предъявляемыми к ним смысловыми требованиями: 1) точности (однозначности) формулировок (формулировка документа, как

правило, имеет юридическую силу); 2) ясности (последовательности); 3) логичности (непротиворечивости, аргументированности); 4) краткости изложения. Первое требование ведёт к использованию клишированных формул и терминологии, три последних — в связи со стремлением представить все обстоятельства дела в одном отрезке текста — способствуют укрупнению высказывания.

В О.-д. с. наблюдается тенденция к стилистической однородности текста, к использованию только нейтральных и книжных элементов; в области лексики — использование специфически деловых слов (типа *надлежащий*), при тенденции к отказу от устаревших элементов (типа *каковой — таковой*) и замене их нейтральными; в области морфологии — актуальность отглагольных существительных для называния действий, отказ от личностно-указательных местоимений (*он, она*) как неоднозначных; в области синтаксиса — характерная для письменной речи усложнённость конструкций (сложноподчинённые предложения, большей частью с союзами со значением причины, цели, следствия и условия; причастные и деепричастные обороты; сложные предлоги типа *на предмет чего*).

Высокий уровень стандартизации делает О.-д. с. в восприятии массы говорящих символом стандартности речи. С О.-д. с. связывают распространившееся в устной разговорной и письменной речи неоправданное употребление речевых штампов, окрещённых К. Чуковским термином «канцеляри́т» (по образцу названий болезней — дифтерит и другие).

Лит.: Щ е р б а Л. В., Современный русский литературный язык, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1957; В е с е л о в П. В., Современное деловое письмо в промышленности, 2 изд., М., 1970; Р а х м а н и н Л. В., Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов, М., 1973; И в а н о в а В. А., Обучение деловому письму, «Рус. речь», 1973, № 4, 5; Русский язык в современном мире, М., 1974, ч. 2, гл. 4. *Б. С. Шварцкопф.*

П, п — семнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*пэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное п, строчное п*. Буква *П, п* обозначает палатализованную (мягкую)— перед буквами *е, ё, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*п'*], [*п*] (см. Согласные), напр.: *топь* [*топ'*], *петь* [*п'ет'*], *пёс* [*п'ос*], *пить* [*п'ит'*], *пять* [*п'ат'*], *пол* [*пол*], *пар* [*пар*], *то́пка* [*то́пкъ*], *пля́ска* [*пл'а́скъ*] (см. Позиция фонологическая).

Буква *П,п* употребляется в составе нек-рых сокращений, напр.: *КП* — Коммунистическая партия (*КПСС, КПЧ*), *ПНР* — Польская Народная Республика, *ПТУ* — профессионально-техническое училище, *и т. п.*— и тому подобное, *п/о* — почтовое отделение, *п/я* — почтовый ящик.

По начертанию восходит к букве «покой» (*П*) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «восемьдесят». Название и детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ПАДЕ́Ж — 1) морфологическая словоизменительная категория существительного, а также местоимения-существительного, количественного числительного и прилагательного (включая местоимения-прилагательные, порядковые числительные и полные формы причастий); 2) ряд форм существительного, объединённых системой флексий и общей системой морфологических значений; 3) ряд форм прилагательного, объединённых общностью флексий; 4) отдельная форма слова, входящая в такой ряд, напр.: *коню* — дат. п. сущ. *конь*; *синего* — род. п. прил. *синий*. П. прилагательного зависит от П. существительного и самостоятельного значения не имеет. П. существительного представлен шестью рядами форм, каждая из к-рых заключает в себе определённый комплекс категориальных морфологических значений; см. Именительный падеж, Родительный падеж, Дательный падеж, Винительный падеж, Творительный падеж и Предложный падеж. Каждая отдельная падежная форма, помимо значения П., заключает в себе также морфологические значения числа (у прилагательных — в формах ед. ч., а у существительных — и в ряде форм мн. ч.) и рода.

П. существительного выражается системой противопоставленных друг другу рядов форм и обозначает в словосочетании отношение существительного к другому слову, а в предложении — отношение существительного к другой словоформе или ко всему составу предложения. Каждый П. имеет несколько значений, организующихся в семантический комплекс. Отдельный П. со всеми своими значениями входит в единую систему падежных значений, объединённых в парадигме существительного. Значения П. формируются на основе их синтаксических функций и являются отвлечёнными от этих функций. Синтаксические функции П. многообразны. П. может относиться к слову во всей системе его форм (*дом, дома, в доме... отца*; *читаю, читаешь ...книгу*), к словоформе как члену предложения (*Эта книга—брата*; *Разговор— о делах*), ко всему составу предложения (*Сыну скоро идти в армию*; *Всю ночь метель*). В любом случае выражается некое отношение, к-рое в каждом П. конкретизируется и предстаёт как одно из его значений.

Основными падежными значениями являются значения субъектное, объектное и определительное; внутри каждого из них существует своя смысловая дифференциация, отражающая те виды общего значения, к-рые связаны именно с данным П. С у б ъ е к т н о е значение П.— это значение отношения предмета к действию, к-рое совершается самим этим предметом, либо к состоянию, к-рое исходит от этого предмета, либо к целой ситуации, к-рая порождена этим предметом или приписывается ему как ее носителю: *П о е з д идёт*; *С е м ь я в сборе*; *Д е л прибавилось*; *М н е недосуг разговаривать*; *Р е б ё н к у нездоровится*; *К о м и с с и е й проведена проверка*. Во всех случаях субъектное значение небезразлично к падежной форме: в форме им. п. это значение предстаёт в ничем не осложнённом виде; в косвенных П. оно осложнено элементом того значения, к-рое для этого П. является основным. О б ъ е к т н о е значение П.— это значение отношения предмета к действию, к-рое направлено на этот предмет, или к состоянию, к-рое к нему так или иначе обращено; *Настроили д о м о в*; *Требую о б ъ я с н е н и й*; *Т е б е телеграмма*; *О б у е х а в ш и х ничего неизвестно*. О п р е д е л и т е л ь н о е значение П.— это

значение отношения предмета к другому предмету, действию, состоянию либо к целой ситуации, к-рые этим отношением так или иначе характеризуются. Это может быть определение по качеству, свойству, внешнему признаку, по самым разнообразным сопровождающим обстоятельствам: *Москва — город - г е р о й*; *Улетаем п е р в ы м р е й с о м*; *Прождал ч а с*; *В г н е в е забыл о справедливости*. К определительному значению относится также значение предикативного признака (в сказуемом): *Отец— в г н е в е*; *Вылет — п е р в ы м р е й с о м*.

Вне основных значений находится функция П. как необходимой информативно восполняющей формы при словах, никогда не употребляющихся абсолютивно; напр., функция род. п. при количественных числительных (*два дома*) или при компаративе (*моложе брата*), твор. п. при таких глаголах, как *быть*, *казаться*, *сделаться*, *слыть*, *считаться*, совпадающая с им. п. старая форма вин. п. мн. ч. в таких сочетаниях, как *пойти в рабочие*. Основные значения могут контаминироваться друг с другом: *приезд начальника* — субъектно-определительное значение род. п., *Дом зажжён молнией* — субъектно-объектное значение твор. п. В образовании значения П. принимают участие следующие взаимодействующие друг с другом факторы: 1) характер грамматической связи падежной формы с той единицей, от к-рой эта форма непосредственно зависит; 2) лексическое значение слова, выступающего в данной падежной форме; 3) в словосочетании — лексическое значение главенствующего слова. Падежные значения субъектное и объектное противопоставляются всем видам определительности как абстрактные падежные значения значениям конкретным. Бóльшая абстрактность субъектного и объектного значений поддерживается тем, что эти значения в меньшей степени обусловлены лексической семантикой слов, чем значение определительное.

П. многозначен. Это относится ко всем беспредложным П. и к подавляющему большинству П. с предлогами. Каждый П. имеет свою систему значений. У разных П. могут сближаться или совпадать отдельные значения, но никогда не системы значений в целом. Внутри П. значения находятся в определённых отношениях друг к другу. Это — отношения значений, для данного П. центральных (основных), т. е. в его смысловой структуре наиболее весомых, главенствующих и высокочастотных, и значений нецентральных, периферийных. Центральное значение обладает способностью проявлять себя и в других значениях данного П., проникать в их сферу (см. статьи об отдельных падежах).

П. с предлогом представляет собой целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой образует такое единство, к-рое по своему синтаксическому поведению и по характеру основных значений в целом не отличается от беспредложного П. (напр., объектное значение: *рассказал приключение — о приключении*, *спросил соседа — у соседа*; определительное: *едем берегом — по берегу*). Однако П. с предлогами обладают бóльшими возможностями для выражения различных частных значений внутри значений субъектного, объектного и определительного. Такая способность дифференциации заключена в предлогах (см.).

Категория П. существительного — одна из центральных грамматических категорий: она принадлежит и морфологии и синтаксису. Морфологии принадлежат беспредложные П. как организованные в парадигму носители основных падежных значений (в парадигму входит также и предл. П., к-рый не употребляется без предлогов). Синтаксису принадлежат как беспредложные П., так и П. с предлогами: и те и другие непосредственно участвуют в конструировании как формального вида предложения (его элементарного грамматического строения и его распространения), так и его семантической структуры (см. Семантическая структура предложения). Все частные падежные значения устанавливаются на основе синтаксических связей и сопровождающих их лексико-семантических характеристик.

Лит.: Ш а х м а т о в А. А., Синтаксис русского языка, Л., 1941; Грамматика русского языка, т. 1, М., 1960; К у р и л о в и ч Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; З а л и з н я к А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; е г о ж е, О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях, т. 1 — Проблемы грамматического моделирования, М., 1973; В и н о г р а д о в В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М.—Л., 1972; е г о ж е, О формах слова, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Ш в е д о в а Н. Ю., Дихотомия «присловные — неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения, в кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сент. 1978. Доклады советской делегации, М., 1978.

Н. Ю. Шведова.

ПАДЕ́НИЕ РЕДУЦИ́РОВАННЫХ— утрата редуцированных гласных (см.) в др.-слав. языках, под к-рой понимается как полное исчезновение редуцированных, так и замена их гласными полного образования. В др.-рус. языке П. р. завершилось в сер. 12 — 1-й пол 13 вв., на юге Древней Руси — раньше, на севере—позднее. Звуки ъ и ь в словах др.-рус. языка могли находиться в сильных и в слабых позициях. Сильные позиции ъ и ь — положение под ударе́нием (*дъ́ску*,

пъ̑стрыи) и в слоге перед слогом со слабым редуцированным (*сънъ̑*, *дънъ̑*); слабые позиции *ъ* и *ь* — положение в конце слова (*столъ̑*, *конь̑*) и в слоге перед слогом с гласным полного образования и с сильным редуцированным (*бъ̑ръвъно́*, *тъ̑пъ̑тъ̑*). В сильных позициях *ъ* изменился в *о*, а *ь* — в *е*, в слабых же позициях они сократились до нуля звука, т. е. исчезли. Напр.: *дъ̑ску* — *до́ску*, *пъ̑стрыи* — *пе́стрый* — *п'о́стрый*; *сънъ̑* — *сон*, *дънъ̑* — *ден'*; *столъ̑* — *стол*, *конь̑* — *кон'*; *бъ̑ръвъно* — *бревно*, *клѣ́тъкъ̑* — *клѣ́ток*. В связи с тем что *ъ* и *ь* в разных формах одного слова могли оказываться то в сильной, то в слабой позиции, при П. р. могли возникнуть явления, ведущие к расхождению фонетического облика этих форм. Напр., из *бъ̑ръвъно́* фонетически правильно возникло *бревно*, но из *бъ̑ръвънъ̑* должно было развиться *бервен*; из *Смольнъ̑ска* развилось *Смоленска*, но из *Смольнъ̑скъ̑* должно было возникнуть *Смо*[*л'*]*неск*. Однако в результате процесса выравнивания по аналогии (см. Аналогия) разрыва форм не произошло, ср. в совр. рус. языке: *бревно—бревна*, *Смоленск — Смоленска*.

Особой была судьба *ъ* и *ь* в сочетании с *р*, *л* между согласными (в словах типа: *търгъ*, *вълкъ*, *пьрвыи*; *крьвь*, *блъха*, *крьстъ*, *сльза*). Если *ъ*, *ь* находились перед *р*, *л*, то они всегда вели себя как сильные, т. е. изменялись в *о*, *е* (*търгъ*→ →*торг*, *търга*→*торга*; *вълкъ*→*волк*, *вълку*→*волку*). Если же *ъ*, *ь* находились после *р*, *л*, то они изменялись по общему правилу: в сильных позициях — в *о*, *е*, а в слабых — исчезали, напр.: *крьстъ*→ →*крест*, *крьста*→*крста*. Но т. к. после утраты *ъ*, *ь* возникали труднопроизносимые сочетания согласных, *р*, *л* развивали слоговость (получали гласный призвук: *крста*, *сл'за*), к-рая у восточных славян не удержалась. У предков украинцев и белорусов на месте слоговых *р*, *л* возникли сочетания *ры*, *лы*, *ри*, *ли*, а у предков русских — *ро*, *ло*, *ре*, *ле* (возможно, под влиянием *о*, *е* на месте сильных *ъ*, *ь*): др.-рус. *кръшити* — укр. *кришити*, белорус. *крышыць*, рус. *крошить*; др.-рус. *трьвога* — укр. *тривога*, белорус. *трывога*, рус. *тревога*; др.-рус. *глътати* — укр. *глитати*, белорус. *глытаць*, рус. *глотать* и т. д.

Позиционные разновидности *ъ*, *ь* — гласные *ы̆*, *й*, утратившись в слабых позициях, в сильных изменились у предков русских в *о*, *е*, а у предков украинцев и белорусов в *ы*, *и*, напр.: др.-рус. *молодъ̆ыи* — рус. *молодой*, укр. *молодий*, белорус. *малады*; др.-рус. *синии* — рус. диалектное *синей*, укр. диалектное *синий* **белорус.** *сіні*.

П. р. широко отражается в памятниках письменности, начиная со 2-й пол. 12 в. (хотя случаи пропуска слабых *ъ*, *ь* обнаруживаются ещё в письменности 11 в., напр. в надписи на Тмутараканском камне 1068), особенно в Добриловом евангелии 1164, грамоте Варлаама Хутынского кон. 12 в. и очень широко — в Смоленской грамоте 1229.

Лит.: Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, 2 изд., М., 1965; Сидоров В. Н., Из истории звуков русского языка, М., 1966. См. также лит. при ст. История русского языка. *В. В. Иванов.*

ПАЛАТАЛИЗА́ЦИЯ (от лат. palatum— нёбо) — смягчение согласных в определённых фонетических положениях. В истории рус. языка под П. понимается смягчение согласных *к*, *г*, *х* в соседстве с гласными переднего образования. Различаются три П. *к*, *г*, *х*, возникшие и развившиеся ещё в праславянском языке (см.) и давшие разные результаты в древних слав. языках. Первая П., самая ранняя, заключалась в том, что общеслав. *k*, *g*, *ch* в положении перед гласными *i*, *ē* (впоследствии *ě*), *e* и *ь* (из *ĭ*) смягчались, изменяясь соответственно в *č* [*ч'*], *ž'*[*ж'*], *š'* [*ш'*]. Напр.: общеслав. * *drug-ina*>*dru-ž'ina*, др.-рус. *дружина*; общеслав. **po-ruk-i-ti*>*poruč'iti*, др.-рус. *поручити*; общеслав. **grěch-ьn-ikъ* > *grěs'nikъ*, др.-рус. *грѣшьникъ*. При этом *ē* (>*ě*), смягчая предшествующие *k*, *g*, *ch*, изменялось в *a*, напр.: общеслав. **bēg-ē-tei̯*>*běž'ati*, др.-рус. *бѣжати*; общеслав. **krik-ē-tei̯* > *kričʼati*, др.-рус. *кричати*. Первая П. дала одинаковые результаты у всех древних славян, в совр. рус. языке они полностью сохранились в виде чередований *к*/*ч*, *г*/*ж*, *х*/*ш* — *рука*/*ручка*, *нога*/*ножка*, *тих*/*тишина* и т. п.

Вторая П., прошедшая после утраты дифтонгов в праслав. языке, осуществлялась перед *i* и *ě*, происшедших из дифтонгов *oi*, *ai*, в этих условиях *k*>*c'*[*ц'*], *g*>*z'* [*з'*], *ch*>*s'*[*с'*]. Напр.: общеслав. **koina*>*c'ěna*, др.-рус. *цѣна*; общеслав. **drougoi̯*>*druz'i*, др.-рус. *друзи* — им. п. мн. ч. от *другъ*; общеслав. **touchai̯*> *mus'ě*, др.-рус. *мусѣ* — дат.— местный ед. ч. от *муха*. Результаты второй П. оказались несколько различными у южных и восточных славян, с одной стороны, и у западных — с другой. В совр. рус. языке следы второй П. сохранились в неявном виде в нек-рых словах и морфемах, что в ряде случаев может быть установлено лишь путём этимологического анализа. Сюда относятся форма им. п. мн. ч. *друзья*, корневые морфемы *цвет-* и *звезд-*, *цен-* (в *цена*) и *цед-* (в *цедить*), *цел-* (в *целый*), *сер-* (в *серый*) и *сед-* (в *седой*), заимствованные корни

цар- (из *цѣсарь*) и *церк-* (в *церковь*), устар. *зело* — «очень».

Третья П., рассматриваемая иногда как разновидность второй П., осуществлялась после гласных переднего образования *i*, *ь*, *ę* и давала те же результаты, что и вторая П. Напр.: общеслав. **ovika>ovьc'a*, др.-рус. *овьца*; общеслав. **kъnędъ>kъnęz'ь*, др.-рус. *кънѧзь*; общеслав. местоимение **vьchъ>vьs'ь*, др.-рус. *вьсь*. Эта П. также давала несколько различные результаты у западных славян по сравнению с южными и восточными, кроме того, она осуществлялась непоследовательно. Напр.: **kъnędъ>kъnęz'ь-*, но *kъnędyni*, ст.-слав. **kъnѧgyни*, др.-рус. *кънѧгыню*; общеслав. **liko>lic'e*, др.-рус. *лице*, но ст.-слав. *ликъ* (из общеслав. **likos*). Результаты третьей П., более многочисленные, чем второй, устанавливаются в совр. рус. языке также путём этимологического анализа. Сюда относятся словоформы *князь*, *витязь*, *месяц*, исконно суффиксальные образования на *-ец* (*<-ьць<ькъ*) и *-ица* (*<*ika*),местоимения *весь*, *вся*, *все*.

П. обусловили особую судьбу согласных *к*, *г*, *х* в истории рус. языка. В результате того что уже с праслав. эпохи *к*, *г*, *х* не могли находиться перед гласными переднего образования, др.-рус. язык не знал сочетаний *ки—ги—хи*, *кѣ—гѣ—хѣ*, *ке—ге—хе*, *кь—гь—хь*. Поэтому в ранних памятниках письменности подобные сочетания обнаруживаются лишь в заимствованных словах (типа: *китъ*, *гигантъ*, *хитонъ*). В исконно же слав. словах в ранний исторический период выступают только *кы — гы — хы* (напр.: *кыѥвъ*, *гыбѣль*, *хытрыи*; *рукы*, *ногы*, *сухы*). Вместе с тем сочетания *кѣ*, *гѣ*, *хѣ* могли появляться в результате действия аналогии в нек-рых морфологических формах.

О дальнейших этапах формирования категории твёрдости — мягкости согласных в истории рус. языка см. Консонантизм, о противопоставленности мягких—твёрдых согласных в совр. рус. языке см. Согласные.

Лит.: Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, 2 изд., М., 1965.

В. В. Иванов.

ПАЛЕОГРА́ФИЯ (от греч. palaiós — старинный, древний и gráphō — пишу)— историко-филологическая дисциплина, изучающая памятники древней письменности с целью определения места и времени их создания. П. выявляет и прослеживает исторические (в т. ч. и зависящие от места создания текста) изменения отдельных начертаний к.-л. графической системы (алфавита).

Термин «П.» впервые был употреблён Бернардом Монфоконом, к-рый выделил П. как самостоятельную область из дипломатики, определяющей подлинность и достоверность исторических документов и грамот. В 1708 Монфокон издал в Париже труд «Греческая палеография».

Главная задача П.— установление и систематизация хронологических и территориальных особенностей письма датированных рукописей для последующей временно́й и территориальной атрибуции рукописей, не имеющих в своём тексте ни прямой даты и указания на место написания, ни косвенных сведений об этом. Практическое применение П. заключается в определении времени и места написания той или иной рукописи. Таких древних рукописей подавляющее большинство. П. рассматривает знаки определённых алфавитов и языков. Общей П. не существует (как не существует законов развития, общих для любого письма), она соответственно области исследования подразделяется на П. греческую, славянскую, арабскую и т. д. Установление языка, каким написан исследуемый текст, и использованного алфавита является предварительным условием всякого палеографического исследования. П. исследует не только сами письменные знаки и составляющие их элементы, но и материалы и орудия письма, к-рые также изменялись или заменялись со временем. Особое значение собственно палеографический метод исследования имеет для датировки текстов, написанных на листьях и стеблях растений (пальмовых листьях, папирусе, лотосе), на специально обработанной для письма коже (пергамене), берёсте (см. Берестяные грамоты). Определение времени происхождения средневековых рукописей, написанных на бумаге, в большинстве случаев более точно проводится по водяным знакам (филиграням) изготовлявших бумагу фабрик (филигранологический анализ). При этом палеограф учитывает и время, какое бумага могла пролежать до её использования. П. изучает также переплёт, формат и другие изменявшиеся с течением времени внешние данные рукописных книг и грамот. Разработана методика датировки рукописей по совокупности собственно палеографических примет. Кроме того, П. использует факты и методы других гуманитарных наук и дисциплин: языкознания — для датировки и установления места происхождения рукописи по особенностям языка; дипломатики — для уточнения тех же данных по формулярам (устойчивым выражениям и словосочетаниям) грамот и разных документов; текстологии — для привлечения в тех же целях сведений по истории текста; искусствоведения — для учёта особенностей миниатюр, заставок, инициалов и других художественных украшений рукописи. В П. используются и данные точных наук: химии — анализ

чернил и красок, применение радиоактивных изотопов для датировки материалов письма; физики — для выявления угасших, соскобленных, смытых или закрашенных текстов посредством цветоотделительного фотографирования и т. д.

Вместе с тем П. сама является вспомогательной дисциплиной для наук, использующих древние рукописные источники: истории, языкознания, литературоведения, искусствоведения, музыковедения и истории отдельных наук, восходящих к древности или средневековью.

Сфера П., т. е. знаний, связанных с изучением письменных форм как таковых, не остаётся неизменной. В период формирования П. изучала книжное (но не документальное) письмо чернилами и красками на специальном писчем материале, но не на предметах материальной культуры, каменных или деревянных памятниках (стенах, металлической или деревянной посуде, утвари) или объектах естественного происхождения (камнях, скалах), к-рые изучала эпиграфика, не на монетах и печатях, изучаемых нумизматикой, не на папирусе, прочтением текстов на к-ром занимается папирология, и др. Однако в сферу П. попала конфигурация старинных вышитых или вытканных букв. С открытием нового письменного источника в СССР в 1951 П. получила ещё один особый объект исследования — берестяные грамоты 11—15 вв., письмо на к-рых осуществлялось не только чернилами, но гл. обр. посредством продавливания или процарапывания писчего материала (берёсты) без применения чернил и красок. Т. о., объект П. складывался постепенно за счёт охвата разных видов письменности, различающейся как по используемому материалу и способам нанесения письма, так и по содержанию памятников. Предпринимаются попытки включить в сферу П. т. н. неографию, в к-рой выработанными в П. методами изучаются современные исследователю почерки и тексты.

Одновременно проявляется тенденция к расширению самих задач П. В практике преподавания к П. иногда относят приобретение навыков чтения древних рукописей, хотя оно непременно включает в себя понимание прочитанного, что невозможно без знания истории языка и, следовательно, является специфическим объектом языкознания, а не П. Неправомерно относить к П. и экспертизу современных исследователю почерков, независимо от того, проводилась ли она в древности или проводится в настоящее время. П. изучает почерки, имеющие вид древних. Если удаётся определить, что они не являются столь древними, за какие выдаются, рукопись считается поддельной, но определение поддельности или подлинности рукописи не составляет особой задачи П., оно есть следствие решения основной её задачи — установления времени написания объекта палеографического исследования.

Славянская П. в зависимости от алфавитов, к-рыми написаны рукописи, подразделяется на глаголическую (от названия алфавита «глаголица»), кириллическую, или кирилловскую (от названия алфавита «кириллица»), и латинскую. Восточнослав. древние рукописи, как правило, написаны кириллицей. В зависимости от языка кириллическая П. делится на др.-рус. (в пособиях обычно называется русской) и южнослав. (правильнее различать болгарскую и сербскую). Для рукописей 15—17 вв. выделяется украинская П. (в старых пособиях обычно называлась южнорусской), русская (северо-восточная) и белорусская.

В России палеографический анализ впервые был применён старообрядцами (Андрей Денисов, 1717) для доказательства подложности рукописей, выдаваемых за памятники письменности 12 и 14 вв. Он опирался на накопленные представления о письме и внешнем виде древних рукописей и на нек-рые практические приёмы анализа начертаний букв, получившие распространение в Рус. государстве ещё в 15—17 вв. Публикация и изучение источников в 18 в. и нач. 19 в. подготовили научное становление славяно-рус. П. Для 1-й пол. 19 в. характерно накопление палеографических наблюдений, составление описаний рукописей, издание альбомов с образцами древнего письма и орнамента, издание альбомов водяных знаков (А. Н. Оленин, Е. А. Болховитинов, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, А. Х. Востоков, А. Н. Пыпин, К. Я. Тромонин и др.). С сер. 19 в. возникают уже обобщающие труды (В. М. Удольский, П. И. Иванов, И. П. Сахаров), которые создали почву для появления в кон. 19 — нач. 20 вв. классических теоретических исследований по П., осуществлённых выдающимися языковедами. И. И. Срезневский («Славяно-русская палеография XI—XIV вв.», 1885) дал анализ датированных памятников письменности 11—14 вв. А. И. Соболевский («Славяно-русская палеография», 1901, 2 изд., 1908) представил историю рус. и слав. рукописной книги, рассмотрел эволюцию букв, включая скоропись 15—17 вв. Е. Ф. Карский пополнял и совершенствовал свой курс лекций с 1896 по 1928. Содержательные справочно-библиографические разделы и материалы выделяют его труд из числа других, в нём представлен богатый материал из рукописей, но история развития начертаний букв не даётся. В. Н. Щепкин («Учебник русской палеографии», 1918) особое внимание уделил «датирующим приметам» в эволюции начертаний букв, изучал вязь, орнамент, обосновал расчёты по филиграням, раз-

работал методы анализа, датировки рукописи по совокупности примет. «Практический курс изучения древнерусской скорописи XV—XVIII столетий» (1907, 2 изд., 1910) принадлежит И. С. Беляеву. Из справочных пособий особенно важно собрание водяных знаков Н. П. Лихачёва («Палеографическое значение бумажных водяных знаков», ч. 1—3, 1899).

В 20—40-х гг. 20 в. существенный вклад в развитие рус. П. внесли исследования Н. М. Каринского, уделившего большое внимание «социологическому элементу палеографии» (отношения писцов и заказчиков и т. п.), И. Ф. Колесникова (скоропись 15—18 вв.), М. Н. Сперанского (изучение тайнописи). С 50-х гг. развитие рус. П. вступило в новую фазу: были открыты берестяные грамоты и стало изучаться их письмо (А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина, Л. П. Жуковская, В. Л. Янин). Началось внедрение в П. методов химии и физики (Д. П. Эрастов). Осуществлялись специальные исследования филиграней (С. А. Клепиков, М. В. Кукушкина, З. В. Участкина), диакритических надстрочных знаков (Р. В. Булатова, В. В. Колесов), цифровой системы (Р. А. Симонов), нотных (певческих) рукописей (М. В. Бражников).

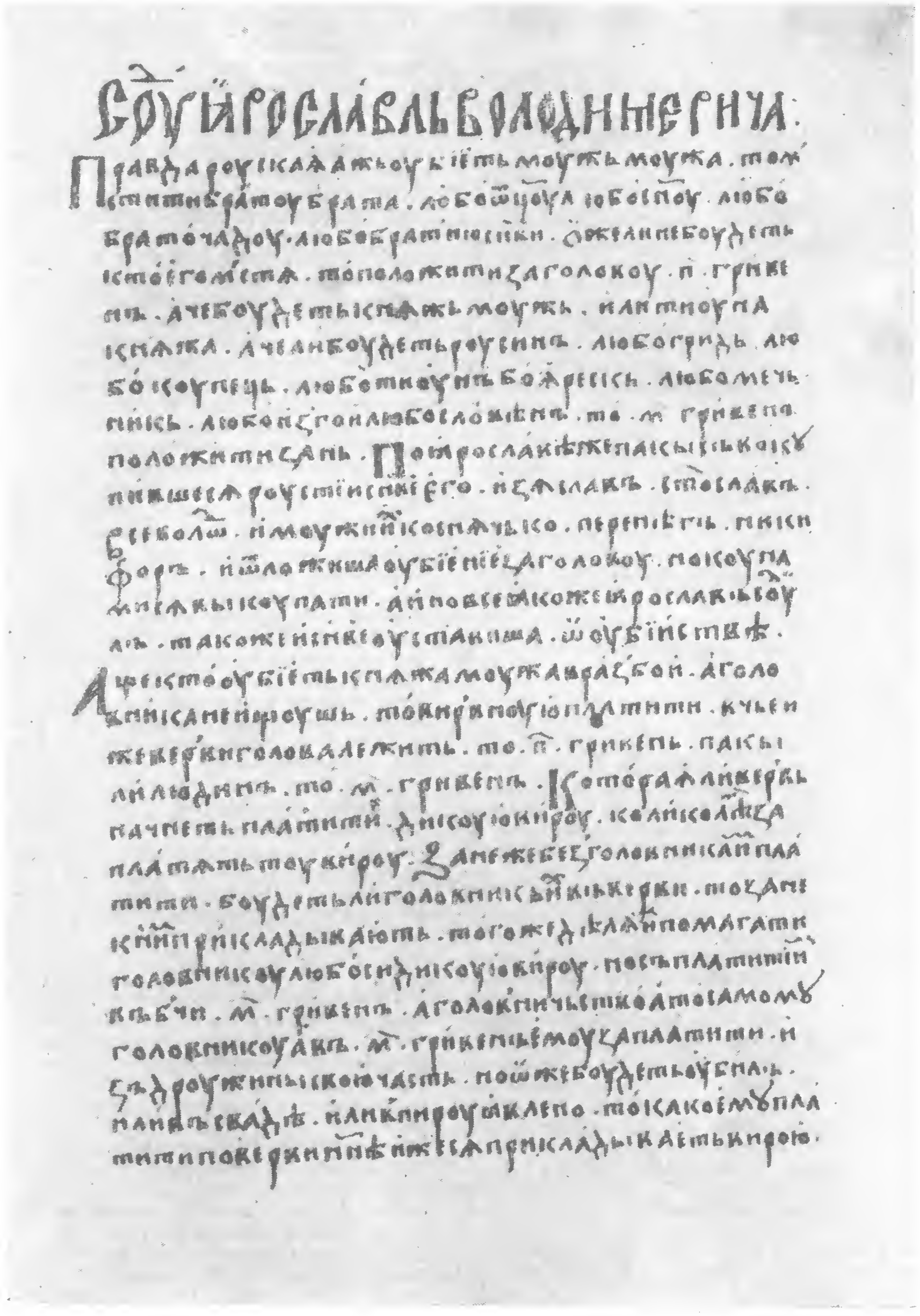
Лит.: Черепнин Л. В., Русская палеография, М., 1956; Жуковская Л. П., Развитие славяно-русской палеографии, М., 1963; Тихомиров М. Н., Муравьёв А. В., Русская палеография, М., 1966. *Л. П. Жуковская.*

ПА́МЯТНИКИ ПИ́СЬМЕННОСТИ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́. Из сохранившихся памятников рус. языка самые ранние восходят к 11 в.: «Остромирово евангелие», 1056—57, написанное для новгородского посадника Остромира; Изборники 1073 и 1076; «Архангельское евангелие», 1092 (принадлежавшее архангельскому крестьянину); Новгородские служебные минеи (от греч. mēnáia — месячные; так назывались собрания церковных песнопений или житий святых на все дни каждого месяца) 1095, 1096 и 1097 и др. Богослужебные книги появились на Руси вместе с христианством. Написанные на старославянском языке (см.), близком др.-рус., книги многократно переписывались, и в язык их проникали элементы рус. речи, не свойственные старославянской. Так постепенно сложился рус. извод ст.-слав. языка — язык церковнославянский. Поэтому древние церковные книги в известной степени и могут рассматриваться как памятники рус. языка. К П. п. р. я. относятся также надписи на стенах и глиняных сосудах (см. Граффити), надписи, вырезавшиеся на металлических изделиях, высекавшиеся на камне, берестяные грамоты (см.). Рукописные книги писались на пергамене — выделанной коже животных. На переписывание книг затрачивалось много труда. Напр., «Остромирово евангелие» писалось почти семь месяцев. Пергамен был дорогим материалом (один из князей за молитвенник уплатил 8 гривен кун, а село приобрёл за 50 гривен кун).

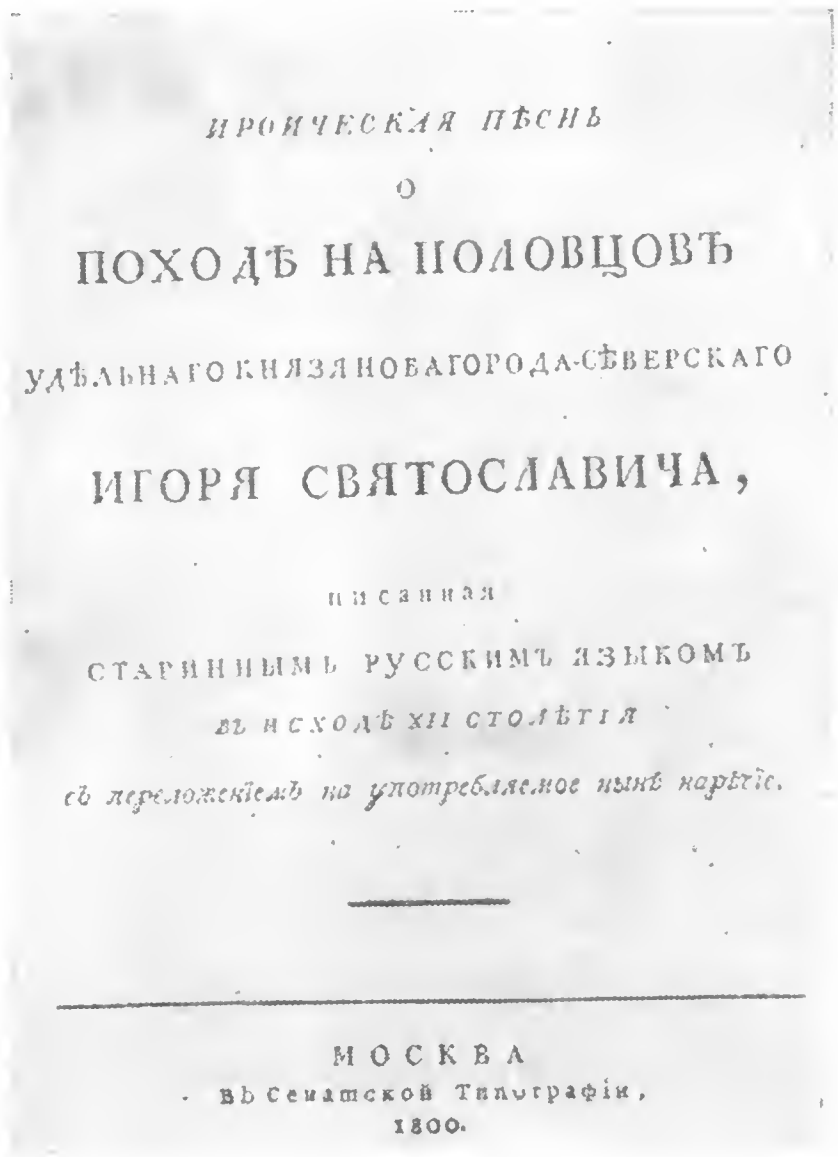
Важнейшими памятниками нецерковного содержания являются летописи (см.), напр. «Повесть временны́х лет», созданная в нач. 12 в. и дошедшая до наших дней в составе нескольких летописей, прежде всего Лаврентьевской и Ипатьевской. Первая списана монахом Лаврентием в 1377, вторая, обнаруженная в Ипатьевском монастыре, представляет собой список 1-й четв. 15 в. В более древнем списке сер. 13 в. и частично в списке 14 в. сохранилась 1-я Новгородская летопись. В летописях рус. язык отражён более широко и глубоко, нежели в церковных книгах. Повествование в летописи иногда сменяется художественным описанием. Одним из таких художественных фрагментов в Лаврентьевской летописи является «Поучение Владимира Мономаха», по языку довольно близкое живой рус. речи тех времён. Не лишены определённой художественности и примет народно-разговорного склада и описания «хождений» в иные страны, напр. «Хождение игумена Даниила», совершённое в Палестину между 1106 и 1108, сохранившееся в списках с 15 в., «Хождение за три моря» (в Индию) тверского купца Афанасия Никитина в 1466—72. Правовой строй Древней Руси получил отражение в «Русской Правде», сложившейся в 11—12 вв. Списки её многочисленны, старший содержится в «Новгородской Кормчей», 1282 (сборник церковных и гражданских установлений). Ему свойственны рус. черты, в большинстве своём характерные для раннеписьменного периода. Собственно рус. язык лежит в основе «Слова о полку Игореве» (12 в.) — произведения, известного по списку 16 в., к-рый сгорел в Москве во время вторжения Наполеона.

Известно также небольшое количество пергаменных грамот др.-рус. периода. Наиболее ранняя из них — жалованная грамота великого князя Мстислава, данная новгородскому Юрьеву монастырю, написана около 1130. О бытовании письменной культуры не только в социальных верхах, но и в среде простого люда свидетельствуют берестяные грамоты, открытые археологами сначала в Новгороде (1951), а позднее и в иных местах на северо-западе России. Самые древние из них восходят к 11 в. Берестяные грамоты доносят до нас из др.-рус. эпохи отголоски живой народной речи и дают представление о широком распространении письменности.

«Русская Правда». Троицкий 1-й список, лист 2.



«Русская Правда». Новгородско-Софийский список, лист 402.



ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,
писанная
СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ
ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ
съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
Въ Сенатской Типографіи,
1800.

«Слово о полку Игореве». Титульный лист издания 1800.

Наиболее древние из граффити (1052, 1054) обнаружены С. А. Высоцким на стенах Софийского собора в Киеве. Известна надпись 1068 на Тмутараканском камне, найденном на Таманском полуострове, где когда-то было Тмутараканское княжество, в ней сообщается об измерении по льду ширины Керченского пролива.

Если от 11—14 вв. до нашего времени дошли 1493 славяно-рус. рукописи (из них около 1000 русских), то с 15 в. наблюдается нарастание потока произведений рус. письменности. Это было обусловлено общественно-экономическими обстоятельствами, образованием централизованного государства и особенно вступлением страны в эпоху национального развития. С 16 в. вошла в употребление бумага — более дешёвый, чем пергамен, и более пригодный, нежели берёста, новый писчий материал. Имело существенное значение и одновременное распространение скорописи. Благоприятствовало развитию письменной культуры и введение книгопечатания (см.).

Разговорная стихия 16 в. хорошо представлена в «Домострое». К 15 и 16 вв. относятся законодательные «Судебники» и «Стоглав», известные ныне только в списках; в 1649 выходит печатное «Уложение» (свод законов того времени) с характерными чертами языка московских приказов. В результате деятельности этих приказов, затем Сената и коллегий, а также периферийных учреждений в архивах отложились огромные фонды скорописных материалов 17—18 вв. По внешнему виду они делятся на книги и столбцы (свитки). Примечательны отказные книги, к-рых насчитывается несколько тысяч. Они заключают записи об «отказах» («отводах») земель военнослужилым людям. «Отказы» писали местные люди, поэтому в них рельефно отразилось былое состояние народных говоров. Характерные особенности последних нашли отражение и в таможенных книгах, писцами к-рых также были носители местной речи. В виде столбцов дошли до нас «статейные списки» и «вести-куранты». Статейные списки — отчёты послов о пребывании и деятельности за границей: послы отвечали на статьи наказа, данного им Москвой. Составляемые для царского двора, вести-куранты заключали в себе всевозможные известия из-за границы. Эти рукописные известия явились необходимой предпосылкой зарождения в нач. 18 в. рус. периодической печати. В статейных списках и вестях-курантах явственны следы литературности и активных связей рус. языка с другими европейскими, а в отдельных статейных списках — и с восточными языками. В массе столбцовых материалов — огромное количество челобитных, отличающихся разнообразием содержания и широко отражающих народную речь. А в т. н. грамотках, материалах частной переписки стихия живой народной речи выступает ещё непосредственнее.

Исследование П. п. р. я. необходимо для познания истории народа и истории рус. языка. Иллюстрации см. на вклейке.

Лит.: Черепнин Л. В., Русская палеография, М., 1966; Котков С. И., Отказные книги, «ВЯ», 1969, № 1; его же, О памятниках народно-разговорного языка, там же, 1972, № 1; Жуковская Л. П., Сколько книг было в Древней Руси?, «Рус. речь», 1971, № 1. *С. И. Котков.*

ПАРАДИ́ГМА (от греч. paradeigma— пример, образец) — ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член к-рого определяется отношениями к другим членам ряда. Парадигматические отношения в разных лингвистических теориях, для единиц разных уровней (односторонних и двусторонних) определяются по-разному, соответственно понятие «П.» приобретает разное содержание (см. Парадигматика). Понятие «П.» впервые было разработано в морфологии. Затем оно стало использоваться в теории фонологии, позже нек-рые лингвисты стали применять его в синтаксисе и лексике, в настоящее время обсуждается вопрос о его применении в словообразовании.

В ряде опытов построения общеязыкового определения П. в качестве основополагающего признака используется по-

нятие позиции (см. Позиция фонологическая).

П. в морфологии — 1) система словоформ, образующих одну лексему; 2) образец, схема словоизменения. Границы лексемы и соответственно объём П. устанавливаются по-разному в зависимости от принципов, положенных в основу различения форм одного слова и разных слов, словоизменительных и словообразовательных категорий. Структура П. определяется характером грамматических категорий и их взаимосвязями внутри частей речи. Полная П. словоизменения к.-л. части речи может распадаться на несколько частных П. (подпарадигм), организованных противопоставлением форм по одному или нескольким грамматическим значениям. Так, существительное имеет падежно-числовую П., в к-рую входят две числовые подпарадигмы (ед. и мн. числа). В полной П. прилагательного отражаются системные связи родо-падежно-числовой П. полных форм с родо-числовой П. кратких форм и с формой сравнительной степени. Полная П. глагола включает разветвлённую систему частных П. (лично-числовую в наст. времени, родо-числовую в прош. времени и т. д.). Морфологическую П. характеризуют регулярные отношения внутри замкнутого, количественно определённого ряда форм.

Состав П. конкретной лексемы определяется её принадлежностью к части речи и к определённому лексико-грамматическому классу внутри неё (напр., относительные прилагательные не имеют кратких форм и степени сравнения). Отсутствие отдельных форм у нек-рых лексем носит характер индивидуального отклонения. При этих лексемах в словарном порядке даётся указание на неполноту П., напр.: *дерзить* — нет формы 1-го лица ед. ч. наст. времени; *треска* — нет формы род. и вин. п. мн. ч.

В П. выделяют одну форму в качестве исходной. Она представляет лексему в описаниях и словарях. В существительном и глаголе избирается форма, используемая в функции называния: им. п. ед. ч. для существительного и инфинитив для глагола, в прилагательном это форма муж. рода ед. ч. им. п.

В формальном отношении П. классифицируются по следующим признакам: 1) по набору окончаний — таким образом устанавливается тип словоизменения: тип склонения существительных, тип спряжения глаголов и т. д.; 2) по набору основ (типы соотношения основ позволяют выделить формальные классы глаголов — продуктивные и непродуктивные, группы существительных, имеющие, напр., разные основы в подпарадигмах единственного и множественного ч.); 3) по акцентуации — выявляются разные акцентные П.

В синтаксисе обращение к понятию «П.» было вызвано стремлением представить ряды синтаксических конструкций как видоизменения одной конструкции в соответствии с меной синтаксических значений. В качестве П. рассматриваются модально-временные вариации простого предложения (*Ученик пишет*; *Ученик писал*; *Ученик будет писать*; *Ученик писал бы* и т. д.); вариации, связанные с категорией лица, с модальными и фазисными типами значений (*Ученик может писать*; *Ученик начинает писать* и т. д.). Под понятие П. подводятся регулярные модификации одной синтаксической модели и трансформации одной модели в другую. Разрабатывается парадигматика коммуникативного синтаксиса (в коммуникативную П. объединяются предложения, реализующие разные коммуникативные задания и различающиеся порядком слов, местом фразового ударения и т. д.). Ставится задача построения общей синтаксической системы языка, включающей конструктивный и коммуникативный синтаксис, в форме иерархии парадигм.

П. в фонологии — ряд позиционно чередующихся звуков.

В лексико-семантическую П. объединяются слова, противопоставленные друг другу по нек-рому семантическому признаку (напр., по признаку «профессия»: *учитель*, *врач*, *лётчик*; по признаку «величина»: *большой*, *маленький*; по признаку «способ отделения»: *отрезать*, *отрубить*, *отделить*, *отпилить* и др.). Слово обычно входит в несколько лексико-семантических П. Каждое парадигматическое противопоставление позволяет выделить существенные элементы значения слов — общие и дифференциальные семантические признаки для каждого ряда. В лексические П. объединяют синонимы, антонимы, слова одной тематической группы (*день — ночь — утро — вечер*) и др.

Нек-рые учёные вводят понятие словообразовательной П., понимаемой как гнездо или набор производных от одной производящей основы, объединённых единой (первой) ступенью словопроизводства.

Лит.: Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Костинский Ю. М., Вопросы синтаксической парадигматики. [Обзор], «ВЯ», 1969, № 5; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Булыгина Т. В., Проблемы теории морфологических моделей, М., 1977.

Е. В. Красильникова.

ПАРАДИГМА́ТИКА — 1) один из двух системных аспектов изучения языка, противопоставленный синтагматике

(см.). Согласно теории швейцарского учёного Ф. де Соссюра, языковая система строится на двух типах отношений между языковыми единицами: ассоциативных и синтагматических. Ассоциативные стношения в отличие от синтагматических не даны непосредственно в речевой цепи, они связывают единицы языка на основе общности по форме или по смыслу или по тому и другому одновременно (напр., слова *лётчик*, *читатель*, *бегун* объединяет значение «производитель действия», а слова *лётчик*, *грузчик*, *рассказчик*, кроме значения «производитель действия», имеют один и тот же аффикс).

В работах ряда совр. лингвистов в соответствии с термином «ассоциативные отношения» употребляется термин «парадигматические отношения», введённый дат. языковедом Л. Ельмслевом. Парадигматическое описание строится либо со стороны объединения языковых единиц как функциональных представителей одной парадигматической единицы (устанавливаются условия отождествления единиц), либо со стороны вариативности одной единицы (устанавливаются условия выбора её функциональных представителей). В одно парадигматическое целое объединяют единицы, различие между к-рыми полностью определяется позицией. Парадигму (см.) составляют единицы, взаимоисключающие друг друга в одной позиции. Ряд позиционно чередующихся звуков составляет фонему (см.); морфы, находящиеся в дополнительном распределении, объединяются в морфему (см.), ряд словоформ — в лексему (см.). Ср.: *звучит слово*, *не хватает слова*, *прибавить к слову*. Словоформы *слово*, *слова*, *слову* принадлежат одной лексеме, одной парадигме. П. определяется, т. о., как совокупность правил позиционно обусловленного чередования единиц языка.

В ряде работ термину «парадигматические отношения» придаётся иное (противоположное) значение. Парадигматическими называют отношения между единицами, могущими занять место друг друга в одной позиции. Ср.: *Роста он был* (*высокого*, *среднего*, *низкого*); *слов-о*, *слов-а*, *слов-у* и т. д. Лексемы *высокий*, *низкий*, *средний*, флексии *-о*, *-а*, *-у* сводят в один парадигматический ряд.

2) Система парадигм. Описание в форме системы парадигм было впервые осуществлено в морфологии. П. морфологическая описывает типы парадигм словоизменения и устанавливает грамматические классы слов (части речи и грамматические разряды внутри них), обладающие тождественными парадигмами и системами парадигм.

Во многих совр. работах парадигматический аспект исследования охватывает единицы всех уровней и подсистем.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языкознание, 4 изд., М., 1967; Панов М. В., Русская фонетика, М., 1967; Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., 1966; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, 2 изд., М., 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Труды по языкознанию, пер. с франц., М., 1977. *Е. В. Красильникова.*

ПАРО́НИМЫ (от греч. para — возле, мимо и ónyma — имя) — слова, имеющие сходство в морфологическом составе и, следовательно, в звучании, но различающиеся по значению. Это однокоренные слова (*былой — бывший*, *экономический — экономный — экономичный*, *надеть — одеть*). Структурное сходство обусловливает известную смысловую соотносительность таких слов. Напр.: *жилой* — «предназначенный, приспособленный для жилья, обитаемый, такой, в к-ром живут люди», и *жилищный* — «относящийся к жилищу»; *дарёный* — «полученный в качестве подарка, подаренный», *даровой* — «полученный даром, бесплатный, неоплачиваемый». Слова, входящие в паронимический ряд, могут иметь синонимические значения (*далёкий — дальний*, *хищнический — хищный*, *человеческий — человечный*). Однако П. принципиально отличны от синонимов (см.). П. соотносятся между собой по смыслу только потому, что они соотносительны в словообразовательном плане.

П.— один из источников «трудностей» лит. речи: сходство слов вообще, а тем более сходство в морфологическом составе (а значит, и нек-рое смысловое) является причиной их смешения. Непреднамеренное смешение П. порождает речевую ошибку. Проблема правильности — неправильности при употреблении П. возникает тогда, когда сопоставляются П., принадлежащие к одной части речи (*представиться — преставиться*).

В художественной лит-ре, публицистике, публичной речи к П. прибегают с целью усилить выразительность, повысить действенность текста. Обычно их «сталкивают» в пределах узкого контекста. Напр.: *«Я буду вести не придуманную, а продуманную речь»* (Плевако). Ср. в пословицах и поговорках: *Суд не на осуд, а на рассуд*. Преднамеренное смешение П. создаёт комический эффект, оно используется в каламбурах (*«Памятник Первопечатнику»* — Илья Ильф), а также как средство речевой характеристики персонажа.

В лингвистической лит-ре существует и более широкое понимание П. как слов, имеющих лишь звуковое сходство. В этом случае под П. объединяют как слова, случайно созвучные друг другу (*трава — дрова*, *половник — полковник*), так и слова однокоренные.

Слова, близкие по звучанию, но разные по значению, поставленные рядом, пред-

ставляют собой особую стилистическую фигуру — парономазию (см.).

Лит.: Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С., Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник, 2 изд., М., 1969; Колесников Н. П., Словарь паронимов русского языка, Тб., 1971; Григорьев В. П., Паронимия, в кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия, М., 1977. *Ю. А. Бельчиков.*

ПАРОНОМА́ЗИЯ (греч. paronomasía, от parа́ — возле и onomázō — называю)— стилистический приём, состоящий в нарочитом сближении слов, имеющих звуковое сходство. В отличие от паронимии (см. Паронимы) П. предполагает любое звуковое сходство слов; сопоставляются всякие слова, имеющие звуковое подобие,— и родственные и неродственные, звуковое совпадение к-рых случайно. Напр., могут сопоставляться, с одной стороны, такие слова, как *суд* и *осуд* (ср. поговорку *Суд не в осуд*), *служить* и *прислуживаться* (*«Служить бы рад — прислуживаться тошно»* — Грибоедов), а с другой — *трава*, *дрова*, *двор* (в скороговорке *На дворе трава, на траве дрова*), *такси* и *такса* (*«Взяв такси, спросила такса — За такси какая такса?»* — Я. Козловский).

П. используется гл. обр. в поэзии, в фольклорных жанрах (пословицы и поговорки, скороговорки и т. п.) с целью повысить выразительность высказывания, вообще текста. Ср. в «Лирических эпиграммах» Маршака:

«Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись: „Отстоим!“
А сверху „Р“ прибавлено: „Отстроим!“».

Лит.: Колесников Н. П., Парономазия как стилистическая фигура, «Рус. яз. в школе», 1973, № 3; Григорьев В. П., Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в., в сб.: Доклады и сообщения лингвистического общества, V, Калинин, 1975. *Ю. А. Бельчиков.*

ПАССИ́ВНЫЙ СЛОВА́РЬ — 1) часть словарного состава языка, понятная всем владеющим данным языком, но мало употребляемая в живом повседневном общении; противопоставляется активному словарю (см.). Понятие «П. с.» относится прежде всего к книжному языку, это слова, употребляемые в художественной, публицистической и другой лит-ре, составляющей круг обычного чтения в данную эпоху. П. с. составляют устаревшие или устаревающие, но не выпавшие из словарного состава языка слова, многие неологизмы, к-рые ещё не вошли в привычное словоупотребление. П. с. языка следует отличать от П. с. (пассивного запаса слов) отдельного носителя языка, к-рый зависит от его профессии, образования, социальной среды и т. п.

2) Словарь, задача к-рого облегчить пользующемуся восприятие речи. В П. с., напр. в толковом словаре (см.), слова располагаются в алфавитном порядке, не связаны по смыслу; в таком словаре трудно найти слово, необходимое для высказывания, но незнакомое говорящему (пишущему), однако алфавитное расположение слов позволяет быстро найти известное слово, чтобы справиться о его значении, произношении и других характеристиках.

Лит. см. при ст. Активный словарь.
Ф. П. Сороколетов.

ПА́УЗА (лат. pausa, от греч. páusis — прекращение, остановка) — перерыв в звучании (акустически) и перерыв в артикуляции (физиологически).

Перерыв в звучании и артикуляции не всегда совпадает. Так, при произнесении глухих смычных согласных в слове или на стыке слов (*папа*, *опять тихо*) прерывается звучание, но не артикуляция.

П. используются как средство смыслового и эмоционального выделения слова или синтагмы (см.): логические, психологические П.

П. могут быть: 1) между синтагмами в предложении и между предложениями: *Товарищ Николаев — /директор этого завода/. Он в отпуске.* П. подчёркивают членение речевого потока (см.) на синтагмы, но не являются обязательным средством его членения: восприятие членения возникает благодаря перелому в движении основного тона (см. Тон) и интенсивности звучания. 2) Между словами в пределах синтагмы, напр. при отсутствии связок, перед распространённым обособлением: *Товарищ Николаев, директор этого завода,/ в отпуске.* 3) В особых случаях — между слогами в слове, напр. при скандировании, при чтении по слогам.

В тексте П. может быть обозначена многоточием. Другие знаки препинания, напр. запятая, не обязательно соответствуют П.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Николаева Т. М., Интонация сложного предложения в славянских языках, М., 1969. *Е. А. Брызгунова.*

ПЕРЕНО́С СЛО́ВА — членение слова на письме по определённым правилам в случаях, когда слово не умещается в оставшемся месте строки; написание начальной части слова на заканчивающейся строке, а оставшейся части — в начале новой строки. Разбивка слова на части производится не беспорядочно, т. к. П. с. не должен замедлить процесса чтения и восприятия текста. При П. с. соблюдаются два основных требования: а) поскольку самым естественным ритмическим членением потока речи является членение по слогам, то соблюдается слоговое членение слова (правильно: *го-лова*, *голо-ва*, неправильно: *гол-ова*); б) слова состоят из значимых частей (приставок, кор-

ней, суффиксов, окончаний), поэтому в нек-рых случаях не рекомендуется разбивать переносом значимые части слова и разрушать морфологические границы сложных слов (правильно: *со-гласный*, *пре-красный*, *под-бежать*, *нео-фашизм*, *ново-введение*; неправильно: *сог-ласный*, *прек-расный*, *по-дбежать*, *не-офашизм*, *новов-ведение*).

На двух указанных требованиях основываются частные правила П. с.: 1) при П. с. нельзя ни оставлять в конце строки, ни переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога; напр., нельзя переносить *просмо-тр*, *ст-рах*. 2) Нельзя отделять согласную от следующей за ней гласной (правильно: *лю-бовь*, *дя-денька*, *дядень-ка*, *ре-бята*, *ребя-та*, *па-стух*, *пас-тух*; неправильно: *люб-овь*, *дяд-енька*, *реб-ята*, *паст-ух*). При П. с. с односложной приставкой на согласную, стоящую перед гласной (кроме *ы*), желательно не разбивать приставку; однако возможен перенос и в соответствии с приведённым правилом: *без-умный* и *безумный*, *без-ответственный* и *бе-зответственный*, *раз-очарованный* и *разочарованный*, *без-аварийный* и *бе-заварийный*. Если после приставки стоит буква *ы*, то переносить часть слова, начинающуюся с *ы*, не разрешается (правильно: *ра-зыскать*, *разыс-кать*, *ро-зыгрыш*, *розыг-рыш*; неправильно: *раз-ыскать*, *роз-ыгрыш*). Слова, в к-рых приставка отчётливо не выделяется, переносятся в соответствии с основной частью правила: *ра-зорять* и *разо-рять*; *разуть*, *ра-зум*. 3) Нельзя отрывать буквы *ъ* и *ь* от предшествующей согласной (правильно: *подъ-езд*, *боль-шой*, *буль-он*, *бу-льон*; неправильно: *под-ъезд*, *бол-ьшой*, *бул-ьон*). 4) Нельзя отрывать букву *й* от предшествующей гласной (правильно: *вой-на*, *стой-кий*, *фей-ерверк*, *фейер-верк*, *май-ор*; неправильно: *во-йна*, *сто-йкий*, *фе-йерверк*, *ма-йор*). 5) Нельзя оставлять в конце строки или переносить на другую строку одну букву (правильно: *ака-ция*; неправильно: *а-кация*, *акаци-я*). 6) При П. с. с приставками нельзя разбивать односложную приставку, если за ней идёт согласный (правильно: *под-бить*, *раз-мах*; неправильно: *по-дбить*, *ра-змах*). 7) При П. с. с приставками нельзя оставлять в конце строки при приставке начальную часть корня, не составляющую слога (правильно: *прислать*, *от-странять*; неправильно: *прис-лать*, *отс-транять*). 8) При переносе сложных слов нельзя оставлять в конце строки начальную часть второй основы, если эта часть не составляет слога (правильно: *пяти-граммовый* и *пятиграм-мовый*; неправильно: *пятиг-раммовый*). 9) Нельзя оставлять в конце строки или переносить в начало следующей две одинаковые согласные, стоящие между гласными (правильно: *жуж-жать*, *масса*, *кон-ный*; неправильно: *жу-жжать*, *ма-сса*, *ко-нный*). Это правило не относится к начальным двойным согласным корня, напр.: *сожжённый*, *поссорить* (см. правило 7), а также к двойным согласным второй основы в сложных словах, напр.: *нововведение* (см. правило 8). 10) Нельзя разбивать переносом односложную часть сложносокращённого слова (правильно: *спец-одежда*; неправильно: *спе-цодежда*). 11) Нельзя разбивать переносом буквенные аббревиатуры: *СССР*, *МИД*, *КЗоТ*, *Ту-104*.

Из изложенных правил переноса следует, что многие слова можно переносить различными способами; при этом следует предпочитать такие переносы, при к-рых не разбиваются значащие части слова. Возможные варианты переносов: *шумный*, *шу-мный*; *дерз-кий*, *дер-зкий*; *родство*, *родст-во*, *родс-тво*; *дет-ский*, *детс-кий*; *класс-ный*, *клас-сный*; *лов-кий*, *ло-вкий*; *скольз-кий*, *сколь-зкий*; *бит-ва*, *би-тва*; *сук-но*, *су-кно*; *пробу-ждение*, *пробуж-дение*; *Але-ксандр*, *Алек-сандр*, *Алексан-дра*, *Александ-ра*; *ца-пля*, *цапля*; *кресть-янин*, *крестья-нин*, *крес-тьянин*; *сест-ра*, *се-стра*, *сес-тра*.

Нек-рые слова не подлежат переносу, напр.: *Азия* (см. правило 5), *узнаю* (см. правила 5,7), *фойе* (см. правила 4,5). Нельзя также переносить сокращённые обозначения мер, отрывая их от цифр, указывающих число измеряемых единиц, напр.: *1917 г.*, *72 м²*, *53 км*, *10 кг*. Нельзя переносить «наращения», т. е. отрывать при переносе от цифры соединённое с ней дефисом грамматическое окончание, напр.: *1-е*, *2-го*. Нельзя разбивать переносами условные графические сокращения типа *и т. п.*, *т. е.*, *ж. д.* Нельзя переносить на другую строку пунктуационные знаки, кроме тире, стоящего после точки или после двоеточия перед второй частью прерванной прямой речи. Нельзя оставлять в конце строки открывающую скобку и открывающие кавычки.

Лит.: Правила русской орфографии и пунктуации, М., 1956; Щ е н н и к о в Е. П., О правилах переноса слов, «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1959, в. 26; Р а б и ч С. Г., К изучению в школе темы «Правила переноса слов», «Рус. яз. в школе», 1958, № 4; З о р и н Н. И., Вопрос о переносе слов в школьной практике и методической литературе, там же, 1953, № 1.

В. Ф. Иванова.

ПЕРЕНО́СНОЕ ЗНАЧЕ́НИЕ СЛО́ВА — производное лексическое значение слова, связанное с основным значением отношениями метонимической (см. Метонимия), метафорической (см. Метафора) зависимости, функциональной общностью или к.-л. ассоциативными признаками. Напр., у сущ. *стол*, помимо основного, главного значения «род мебели», есть несколько переносных значений: «питание, пища» (*снять комнату со*

столом, диетический стол, однообразный стол); «отделение в учреждении, ведающее к.-л. специальным кругом дел» (*стол заказов, стол находок*) — переносы на основе ассоциаций с одним из функциональных назначений стола; у прил. *шёлковый* переносным является значение «послушный, кроткий» (*Мальчик стал шёлковым*) — перенос на основе метафоры; у прич. *проверенный* — значение «доказавший свои деловые качества, надёжный» (*проверенный работник*) — перенос на основе метонимии. П. з. с. связаны с главными, основными значениями к.-л. общим элементом смысла, к-рый объединяет все эти значения в одном слове (лексеме).

П. з. с. появляются в языке как результат непрямой, или косвенной, номинации, т. е. такого способа (техники) обозначения объективно существующих предметов (действий, состояний, качеств, свойств и т. д.), к-рый связан не с названием их существенных признаков (прямая номинация), а с обозначением предмета (свойства, действия и т. д.) через несущественные, второстепенные признаки другого, уже обозначенного предмета, отражённые в его наименовании (ср. П. з. с.: *стол, шёлковый, проверенный*).

Переносные значения имеют меньшую парадигматическую обусловленность и бóльшую синтагматическую связанность (синтагматическую обусловленность), чем прямые значения, напр. прил. *шёлковый* только в прямом значении «сделанный из шёлка» имеет чёткую парадигматическую закреплённость: оно стоит в ряду прил. *ситцевый, байковый, шерстяной, льняной, сатиновый* и т. д.; его синтагматические связи относительно свободны (широкий круг сочетаемости с существительными — *шёлковые чулки, перчатки, шёлковое платье, покрывало* и т. д., отсутствие закреплённой синтаксической позиции). Прил. *шёлковый* в переносном значении не имеет чёткой парадигматической закреплённости, это значение синтаксически ограничено: оно употребляется только в предикате (именной части составного сказуемого). П. з. с. имеет большую, чем прямое значение, зависимость от контекста. Эти значения обычно осложнены стилистическими или экспрессивно-оценочными моментами (ср., напр., элемент положительной оценки у переносного значения прич. *проверенный* или разговорную стилистическую окраску у переносного значения прил. *шёлковый*). В отличие от главных значений, П. з. с. часто свойственно явление диффузности (отсутствие чётких семантических границ), ср., напр., переносные адъективные значения прич. *проверенный, испытанный, обдуманный, запрещённый*.

Возникновение П. з. с. может быть регулярным или нерегулярным у семантически однородных групп слов. Характер их соотношения с главным и другими переносными значениями в семантической структуре слова подчиняется определённым закономерностям, напр. направление развития от более конкретных значений к более абстрактным или от абстрактных к более конкретным и др. Эти закономерности и другие свойства П. з. с. могут изучаться как в синхроническом, так и в диахроническом планах.

В истории развития языка П. з. с. могут становиться главными. Закрепление за П. з. с. главной позиции в семантической структуре слова может вести к вытеснению и забвению его прямого значения; напр., у слова *балда* его первоначально переносное значение «бестолковый, глупый человек» вытеснило прямые значения «тяжёлый молот, употреблявшийся при горных работах и в кузнице» и «шишка, нарост на дереве; утолщение» и стало прямым значением.

Лит.: Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Курилович Е., Заметки о значении слова, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Кацнельсон С. Д., Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; его же, Современный русский язык. Лексика, М., 1977; Языковая номинация. (Общие вопросы), М., 1977, гл. 1.

И. К. Сазонова.

ПЕРЕРАЗЛОЖЕ́НИЕ — изменение морфемной структуры слова, проявляющееся в ходе развития языка: перемещение границ между морфемами при сохранении морфемной членимости слова. Одним из первых отмечено И. А. Бодуэном де Куртенэ на материале «сокращения основ в пользу окончаний» в слав. языках — перехода к окончанию тематического гласного *а*, принадлежавшего древней основе; так, вместо окончаний *-мъ, -хъ* в словоформах *жена-мъ, жена-хъ* стали выделяться окончания *-амъ, -ахъ*, что было вызвано фонетическими изменениями на стыке основы и флексии в других формах того же слова (напр., в форме вин. п. ед. ч.: **жена-м* > старослав. *жен-ѫ* с носовым гласным, рус. *жен-у*) и последовавшей затем унификацией основы по всей парадигме склонения.

В области словообразования следствием П. является возникновение новых аффиксов (напр., *-ат-* в слове *вожатый*, к-рое первоначально вычленяло суффикс *-атай* и склонялось по 1-му склонению: род. п. *вожатая*, дат. п. *вожатаю*; П. в нём было вызвано переходом слова в адъективный тип склонения, вследствие чего элемент *-ай* > *-ый* отошёл к флексии). Как правило, вследствие П. возникают аффиксы путём слияния двух соседних аффиксов (суффиксов или префиксов). Так, суффиксальные морфы *-ниj-* и *-тиj-* в словах типа *создание*,

взятие возникли из сочетания суффиксов страдательных причастий *-н-* и *-т-* с последующим суффиксом существительных *-ij-*. Суффикс *-инк(а)* в словах со значением малой частицы вещества (*пылинка*, *снежинка*) возник из сочетания суффиксов единичности *-ин(а)* и уменьшительного *-к(а)* (ср., напр.: *горошина — горошинка*). Из сочетания префиксов *о-* и *без-*, *не-* и *до-* возникли соответственно префиксы *обез-* (*обезболить*, *обезвредить*) и *недо-* (*недоделать*, *недоучиться*). П., таким образом, обогащает язык новыми аффиксами и аффиксальными морфами.

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Казань, 1883; Бодуэн де Куртене И. А., Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, в его кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963. См. также лит. при ст. Опрощение. *В. В. Лопатин.*

ПЕРЕХО́ДНОСТЬ — лексико-синтаксическое свойство глагола, к-рое показывает, что действие глагола направлено на объект, выраженный дополнением в вин. п. без предлога (*строить дом*, *умывать ребёнка*). Непереходные глаголы не показывают направленности действия на объект и не имеют дополнения в вин. п. без предлога (*спать*, *умываться*). Переходные глаголы не имеют специальных средств для выражения П., т. е. формально не выражают П. Непереходность глагола может быть выражена формально при помощи постфикса *-ся* (*умываться*), а может не иметь формального выражения (*спать*). Глаголы с формально выраженной непереходностью называются возвратными глаголами (см.). Переходные глаголы, показывая направление действия на объект, кроме дополнения в вин. п. без предлога, могут иметь дополнение в род. п. без предлога. Дополнения в род. п. требуют глаголы *ждать*, *ожидать*, *хотеть*, *жаждать*, *достигнуть*, *достигать* и др.; глаголы с отрицанием: *любить работу*, но *не любить работы*; *читать книгу*, но *не читать книги* и т. д. Дополнение в вин. п. может показывать направленность действия на внешний объект (*белить потолок*, *рубить дрова*) и на внутренний объект, раскрывающий значение глагола (*петь песню*, *танцевать вальс*). Это зависит от значения глагола.

Граница между переходными глаголами и непереходными с формально невыраженной непереходностью не является абсолютной: бывают случаи, когда одни и те же глаголы в разных значениях могут быть или переходными или непереходными: *читать книгу*, но *Мальчик любит читать* (неперех.); *писать письмо*, но *Он хорошо пишет* (неперех.).

П. часто связана со словообразовательной структурой глагола: глаголы с суффиксами *-нича-*, *-ствова-*, *-е-* — непереходные (*лентяйничать*, *учительствовать*, *белеть*). Приставка может переводить непереходный глагол в переходный: *идти*, но *перейти улицу*; *плыть*, но *переплыть реку*; *ходить*, но *выходить больного*.

Лит.: Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Современный русский язык. Морфология, М., 1952; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. *Н. С. Авилова.*

ПЕРИ́ОД (греч. períodos — обход, круговращение, определённый круг времени) — развёрнутое синтаксическое построение, в к-ром составляющие элементы содержательной, синтаксической и ритмико-интонационной структуры находятся в гармоническом соответствии между собой. П. характеризуется единством темы, освещённой достаточно полно, разносторонне и законченно. Это — цельное описание, цельное повествование (П. повествовательный), цельное логическое рассуждение (П. ораторский). П. не имеет элементов из предшествующего контекста (см.), внутренних анафорических связей. Это небольшой связный текст, умещающийся в одном предложении. П. может быть простым, с повторяющимися однотипными группами однородных членов, сложносочинённым, в к-ром простые предложения воспроизводят одну и ту же предикативную (обычно глагольную) конструкцию; но чаще всего П.— это сложноподчинённое предложение, в к-ром главному предложению подчинены параллельно несколько придаточных одного вида — условных, причинных, временны́х, уступительных и т. п. Гармоническое соответствие между содержательным и синтаксическим уровнями П. состоит в том, что разные составные части, из к-рых слагается содержание П., воплощаются в разных синтаксических составляющих, а сходным элементом изложения соответствуют однотипные синтаксические конструкции. Напр., П., представляющий логическое рассуждение, на содержательном уровне членится на две части: основное положение (посылка) с рядом аргументов или дополнений и вывод. На синтаксическом уровне это членение может быть воспроизведено разными способами: первая часть — ряд однотипных придаточных; главная, заключающая, часть — вывод; первая часть — предложение с однородными членами, сопровождаемыми однородными придаточными, вторая часть — бессоюзно присоединённое простое предложение, выражающее обобщающую оценку, и т. д. Модели синтаксического строения П. и их конкретные воплощения исключительно многообразны. Каждая модель характеризуется не только соответствием синтаксического и содержательного уровней, но и сораз-

мерностью, уравновешенностью частей: если в П. есть цепь придаточных, они начинаются обычно с одинакового союза, имеют близкие размеры, сходное синтаксическое строение и т. д. Эти черты придают П. музыкальность и ритмичность. Интонационный контур П. характеризуется постепенно нарастающим повышением с кульминацией в конце первой части, следующей далее паузой и глубоким понижением в конце. Интонационная структура П. соответствует его содержательному и синтаксическому членению, подчёркивая средствами просодии его стройность, внутреннюю напряжённость и завершённость. П. распространён в литературно обработанной речи: в художественной прозе, поэзии, публицистике, в ораторской речи. Формирование П. как особой формы синтаксического художественного построения на рус. основе происходит в прозе Н. М. Карамзина. В «Истории Государства Российского» (1816—24) П. как в наиболее сложных, так и в простых реализациях сохраняет верность не только главным, структурообразующим чертам (единство темы, внутренняя логичность, завершённость), но и более вторичным характерным признакам: П. у Карамзина округлён, соразмерен, в какой-то степени монотонен и одновременно величав, ср. П., построенный на деепричастных оборотах: «*Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты самодержца, усилиями неутомимыми, хитростию неусыпною, коварством, происками, злодейством, наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием, коего алкала душа его,— величием, купленным столь дорогою ценою?*». П. использовали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Аксаков, Герцен, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, М. Горький, Федин, Твардовский. П. эволюционирует вместе с художественным методом лит-ры; это особенно заметно в художественной прозе, где отказ от нек-рых его вторичных, «внешних» признаков сопровождается, при верности главному, появлением новых признаков — разговорной интонацией, «ломаной линией», передающей нервный ритм и богатое психологическое звучание художественного текста, ср. П. из «Братьев Карамазовых» Достоевского: «*А все-таки как ни будем мы злы, чего не дай бог, но как вспомним про то, как мы хоронили Илюшу, как мы любили его в последние дни и как вот сейчас говорили так дружно и так вместе у этого камня, то самый жестокий из нас человек и самый насмешливый, если мы такими сделаемся, все-таки не посмеет внутри себя посмеяться над тем, как он был добр и хорош в эту теперешнюю минуту!*».

Известное со времён античности, понятие «П.» получило глубокую и оригинальную разработку в рус. лингвистической традиции (труды М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова). Ломоносову принадлежит деление П., в зависимости от числа входящих в них предложений, на одночленные, двучленные, трёхчленные и т. д. Другая классификация проходит по таким структурным признакам, как объём членов П., объём групп подлежащего и сказуемого в отдельных членах, в связи с чем выделяются П. круглые и умеренные, зыблющиеся (с неравными частями), отрывные (без союзов). Востоковым было разработано понятие прозодического периода, близкое к понятию синтагмы (см.), сформулированному Л. В. Щербой,— простейшей синтаксической единицы речи, объединённой фразовым ударением. Связанное первоначально с изучением сложного предложения, понятие «П.» в современном языкознании рассматривается как категория стилистического синтаксиса.

О. Г. Ревзина.

ПЕРИФРА́ЗА, перифраз (от греч. períphrasis — описательное выражение, иносказание),— стилистический приём, состоящий в непрямом описательном обозначении предмета, понятия, явления путём подчёркивания к.-л. его стороны, качества, существенных в данном контексте, ситуации. Такое обозначение обычно содержит оценку: *колыбель революции* — Ленинград.

П. используются в языке художественной лит-ры, в языке газеты и в разговорной речи. Значительную их часть составляют установившиеся, общепринятые, общепонятные сочетания, являющиеся, как правило, фразеологизмами, напр.: устойчивые сочетания — *королева полей, лесные санитары*; идиомы — *кровь с молоком, бить баклуши*; крылатые выражения — *дамоклов меч, кануть в Лету*; *А ларчик просто открывался.*

Другую группу П. составляют выражения, понятные только из контекста и действительные только для данного текста или ситуации; они гл. обр. являются индивидуально-авторскими: «(*Лось*) *пошел ломать осинник*» (Песков), т. е. побежал через осинник напролом. Назначение П.— сделать текст, высказывание выразительными, целенаправленными, более действенными, поэтому необходимо, чтобы смысл её был понятен читателю и особенно слушателю: «*Три черных вихря разметают сугроб*» (Песков) — только контекст (рассказ об охоте на медведя) подсказывает, что чёрные вихри — это бросившиеся на зверя собаки. П. второй группы со временем могут стать общепринятыми, как, напр., *маяки пятилетки, великий почин, чёрное золото.*

В П. могут быть использованы такие тропы (см.), как метафора (см.): «*Ах, увял головы моей куст*» (Есенин); мето-

нимия (см.): «*Все флаги в гости будут к нам*» (Пушкин); синекдоха (см.): «*Когда для смертного умолкнет шумный день*» (Пушкин). Разновидности П.— эвфемизм (см.) и табу (см.).

Следует различать П. и перефразирование, или перефразировку,— намеренное частичное изменение крылатого слова, изречения, пословицы по условиям контекста, ситуации.

Лит.: Потебня А. А., Из записок по теории словесности, Хар., 1905, с. 217; Кожин А. Н., Перифраза как стилистическое средство публицистической речи, «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1964, т. 148, в. 10; Синельникова Л. Н., К вопросу о сущности перифразы как функционально-семантической единицы речи, в сб.: Вопросы грамматического строя современного русского языка, М., 1972. *Ю. А. Бельчиков.*

ПЕРФЕ́КТ (от лат. perfectus — совершенный) — сложная грамматическая форма прош. времени в индоевропейских языках. Унаследованная из праиндоевропейского языка, некогда была свойственна всем слав. языкам, в т. ч. и древнерусскому, в нек-рых совр. слав. языках (в частности, в западнослав.) сохранилась.

В др.-рус. (и ст.-слав.) языке П. служил для выражения отнесённого к наст. времени состояния, к-рое явилось результатом действия, совершённого в прошлом. Напр.: *Азъ* ѥ*смь пришьлъ* означало «(Вот) я (шёл и) пришёл (нахожусь здесь)» или *Се азъ повелѣлъ* ѥ*смь* — «Вот я есть повелевший».

П. образовывался сочетанием формы наст. времени вспомогательного глагола *быти* и краткой формы действительного причастия прош. времени на *-л-*, изменявшегося по родам (муж. род — *-лъ*, жен. род — *-ла*, ср. род — *-ло*) и числам:

Число	Лицо			
Единственное	1-е	*неслъ*,	*-а*,	*-о* ѥ*смь*
	2-е	„	„	„ ѥ*си*
	3-е	„	„	„ ѥ*сть*
Двойственное	1-е	*несла*,	-ѣ,	-ѣ ѥ*свѣ*
	2-е	„	„	„ ѥ*ста*
	3-е	„	„	„ ѥ*ста*
Множественное	1-е	*несли*,	*-ы*,	*-а* ѥ*смъ*
	2-е	„	„	„ ѥ*сте*
	3-е	„	„	„ *соуть*

Вспомогательный глагол мог находиться или перед причастием или после него.

В ст.-слав. языке 3-е лицо П. имело отличия: в ед. ч.— форма ѥ*сть* или ѥ, во мн. ч.— *сѫть* или *сѫ*, в двойственном числе — ѥ*сте*.

В др.-рус. языке вспомогательный глагол мог быть опущен. Ранние примеры — надпись на Тмутараканском камне 1068: «*Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м*» (т. е. море) вместо *мѣрилъ* ѥ*сть*; в грамоте Мстислава Всеволодовича около 1130: «*Азъ далъ роукою своѥю*» вместо *далъ* ѥ*смь*.

В связи с развитием видовых различий у глагола П. вытеснил из употребления в др.-рус. языке формы имперфекта (см.) и аориста (см.) и стал в рус. языке в несколько изменённом виде универсальной формой для выражения всех оттенков прошедшего действия (см. Прошедшее время). *Т. А. Сумникова.*

ПЕТЕРСО́Н Михаил Николаевич [22. 9(4. 10). 1885, Керенск, ныне Вадинск Пензенской обл.,— 22.11.1962, Москва] — сов. языковед, д-р филологических наук (1940). Окончил московский ун-т (1913), проф. МГУ (с 1919). Специалист в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, синтаксиса, морфологии словообразования и методики преподавания рус. языка, общего языкознания, литуанистики, историографии языкознания, орфографии. Опираясь на синтаксическую и общелингвистическую концепцию Ф. Ф. Фортунатова (см.), П. в книгах «Очерк синтаксиса русского языка» (1923), «Русский язык» (1925) определял синтаксис как учение о словосочетании, осуществил систематическое описание и классификацию словосочетаний рус. лит. языка, показал генезис нек-рых из них. Впервые применил статистический метод в синтаксических исследованиях. В «Лекциях по современному русскому литературному языку» (1941), книге «Современный французский язык» (совм. с К. А. Ганшиной, 1947), развивая взгляд на синтаксис как на учение о сочетании слов в предложении, выделил два типа предложений — простое и сложное, разрабатывал вопросы синтаксической синонимики. Работа «Система русского правописания» (1955) явилась обобщением вузовских курсов П. по орфографии.

Лит.: Кузнецов П. С., Памяти М. Н. Петерсона, «Вестник МГУ. Серия VII. Филология, журналистика», 1963, № 2; Кочергина В. А., Михаил Николаевич Петерсон, «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1970, № 6; Прокопович Н. Н., Профессор Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962), «Рус. яз. в школе», 1970, № 4.

ПЕШКО́ВСКИЙ Александр Матвеевич [11(23).8.1878, Томск,— 27.3.1933, Москва] — сов. языковед. Окончил Московский ун-т (1906), проф. 1-го МГУ (1921—24), Высшего литературно-художественного ин-та (1921—24), 2-го МГУ (1926—32). Представитель рус. формально-грамматической школы. Труды по синтаксису, стилистике рус. языка, методике преподавания рус. языка. В книге «Русский синтаксис в научном освещении» (1914, 7 изд., 1956) П. разрабатывал учение о грамматических средствах языка, о типах значений. Учение о предложении у П. выступает в качестве теоретической базы синтаксиса. Главным признаком предложения считал понятие сказуемости (предикативности). В понятие сказуемости включал и интонацию как важнейший фактор образования ритмико-мелодического строя предложения. В статье «Интонация и грамматика» (1928) писал об интонационной грамматике как особом отделе грамматики. При рассмотрении принципов классификации частей речи исходил из взаимодействия грамматических и лексических элементов в структуре слова или словосочетания. Предложив не делить слова на разряды, а выделять из языка группы слов с одинаковым формальным значением, П. выделил слова, выступающие в безлично-предикативной функции (слова «категории состояния»).

Взгляды на вопросы методики преподавания рус. языка П. изложил в книгах «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика» (1925) и «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики» (1930). Работы «Школьная и научная грамматика» (1914), «Синтаксис в школе» (1915), «Наш язык» (в. 1—3, 1922—27) были направлены на сокращение разрыва между школьной грамматикой и грамматической теорией.

Лит.: Бернштейн С. И., Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского, в кн.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 6 изд., М., 1938; Белов А. И., А. М. Пешковский как лингвист и методист, М., 1958 (лит.); Текучев А. В., А. М. Пешковский, «Рус. яз. в школе», 1968, № 4.

ПИ́СЬМЕННАЯ РЕЧЬ — речь, изображённая на бумаге (или к.-л. другой поверхности: пергамене, берёсте, камне, полотне и т. п.) с помощью специальных графических знаков (знаков письменности), предназначенных для изображения звуков речи. П. р.— одна из форм существования языка, противопоставленная устной речи (см.). П. р. является вторичной, более поздней по времени возникновения формой существования языка, чем речь устная. В разные периоды истории языка существуют разные виды отношений между письменной и устной речью.

Использование письменной формы речи позволяет пишущему обдумывать свою речь, строить её постепенно, исправляя и дополняя, что способствует в конечном итоге применению и выработке более сложных синтаксических конструкций, чем это свойственно устной речи, возникновению других её особенностей и приводит к расхождению этих двух форм речи. П. р. является необходимой для многих стилей лит. языка: научного (см. Научный стиль), официально-делового (см. Официально-деловой стиль). Так, заявления, жалобы, меморандумы и т. п. жанры существуют лишь в письменной форме. Художественная лит-ра также существует в форме П. р., хотя может быть реализована и в устной форме (напр., чтение художественных произведений актёрами и чтецами, театральные спектакли, любое чтение вслух). В отличие от этого устное народное творчество — фольклор имеет в качестве первичной формы существования устную, записи же фольклора являются вторичной формой его реализации. Для рус. языка первая фиксация П. р. относится к 11 в. (см. Памятники письменности русского языка).

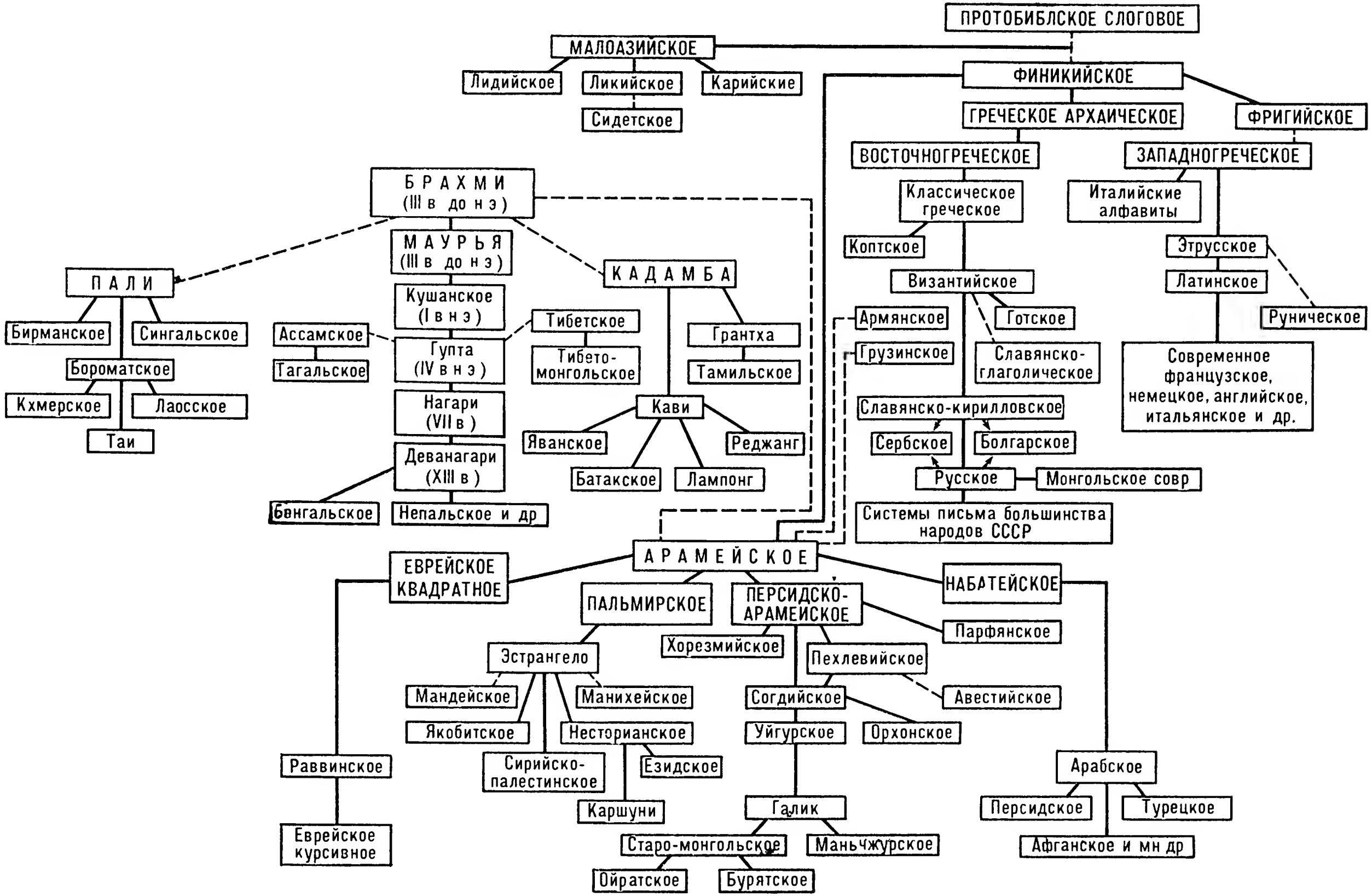
Е. А. Земская.

ПИСЬМО́ — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать информацию на расстоянии и закреплять её во времени. Первоначально для передачи информации применялись другие способы, напр. пиктографическое (рисуночное) «письмо», бирки, зарубки. Собственно П. вырабатывается

обычно в раннеклассовом обществе в связи с усложнением хозяйственной жизни. Система П. характеризуется постоянным составом знаков, причём каждый знак передаёт либо целое слово, либо последовательность звуков, либо отдельный звук речи. Для классификации видов П. важна не форма знаков, а характер передачи знаками элементов речи. Существует четыре основных типа П.: идеографический, словесно-слоговой (логографически-силлабический), собственно силлабический и буквенно-звуковой (алфавитный). В конкретных системах П. эти типы обычно существуют в не вполне чистом виде.

В идеографическом П. каждый знак может обозначать любое слово в любой грамматической форме, в пределе круга понятийных ассоциаций, либо прямо вызываемых изображением, составляющим данный знак, либо условных. Напр., знак, изображающий ногу, может означать «ходить», «стоять», «приносить» и т. п. в любой грамматической форме. Вместо изображения могут употребляться и произвольные графические символы. Возможность передачи информации с помощью чистой идеографии очень ограниченна; этот тип П. существовал лишь как переходный от пиктографии к словесно-слоговому П. Этот тип оказался гораздо более живучим. Основой системы П. и здесь остаётся прежняя многозначная идеограмма, но конкретная привязка знака каждый раз к определённому слову обеспечивается добавлением знаков, выражающих чисто звуковые элементы слова либо в целом, либо его части (особенно грамматических элементов), и знаками-детерминативами, уточняющими круг понятий, к к-рому относится данное слово. Идеографический знак, прикреплённый к определённому слову, называется логограммой. Словесно-слоговым П. могли передаваться любые тексты, т. к. оно обеспечивало достаточно адекватную фиксацию речи и надёжное воспроизведение текста при чтении. В древнейших видах П. этого типа знаки для монументальных надписей долго сохраняли форму рисунков-иероглифов; наряду с ними существовала скоропись (напр., на папирусе, черепках — в Египте, на глиняных плитках — в Передней Азии, на бамбуковых палках — на Дальнем Востоке). Такие системы П. возникали всюду, где впервые складывалось государство, и обычно независимо друг от друга; отдельные случаи сходства знаков объясняются либо общей типологией, либо случайностью. Наиболее известны: др.-егип. П. (с кон. 4-го тыс. до н. э.), шумерское (с нач. 3-го тыс. до н. э.) и развившиеся из него виды клинописи, эламская иероглифика (3-е тыс. до н. э.), протоиндийское П. (тогда же), критское П. (с нач. 2-го тыс. до н. э.), китайское П. (со 2-го тыс. до н. э.), майя П. в Центральной Америке (1-е тыс. н. э.). Не все древние системы П. этого типа расшифрованы: наиболее изучено П. Египта, Двуречья (клинопись) и Китая. Единственные существующие ныне древние системы П. словесно-слогового типа — китайская и производная от неё японская. Сохранение их объясняется аморфным характером кит. слова и поэтому малой необходимостью в передаче грамматических показателей, а также удобством кит. П. для общения между носителями фонетически различающихся диалектов. Кит. П. распространилось в Корее, Японии и других странах, но оказалось неудобным ввиду иного грамматического строя соответствующих языков. Поэтому наряду с кит. иероглифами в этих странах рано начали употреблять местные фонетические системы П.— силлабическое П. «кана» в Японии (только вспомогательно) и буквенно-силлабическое (лигатурное) П. «кунмун» в Корее. Преимущества словесно-слогового П.: международный характер логограмм, меньшее число знаков на одинаковый отрезок текста по сравнению с буквенным П. Поэтому логограммы применяются в составе вспомогательных подсистем П. (цифры, алгебраические и химические формульные знаки и т. п.). Недостатки: многочисленность знаков в системе (от нескольких сотен до многих тысяч), трудность при освоении чтения.

Системы П., где каждый знак передаёт только к.-л. последовательность звуков как таковую, а не слово, называются силлабическими. Последовательности могут быть либо только типа «С(огласный) + Г(ласный или нуль)», либо также типов «Г + С» и даже «С + Г + С», реже типов «С + С + Г», «С + Г + С + Г». Есть также знаки для отдельных гласных. Силлабические системы — часто результат упрощения словесно-слоговых систем (развитие кипрского П. из критского гл. обр. путём опущения логограмм). Они могут возникнуть и вторично путём введения огласовки в консонантное (см. ниже) буквенно-звуковое П. (эфиопское из древнесемитского) или могут быть придуманы специально в дополнение к логографически-силлабическим системам в языках, отличающихся богатством грамматических форм (Япония, Корея). Наиболее широко распространены силлабические системы П. в Индии и Юго-Восточной Азии. Т. к. знаки не закреплялись в типографской форме, в Южной и Юго-Восточной Азии выработались десятки видов скорописей, внешне уже несхожих; лишь в 19—20 вв. многие из них получили и типографское оформление. Важнейшая система П. этой группы — деванагари, применяемая для санскрита, хинди и др. Преимущество силлабического П.— в меньшем числе знаков (100—



Генеалогическая **схема** развития систем письма. Прерывистыми линиями обозначены возможные пути развития или влияния.

300), недостаток — нек-рая громоздкость и трудность в выборе правильного чтения, особенно при отсутствии словоразделов.

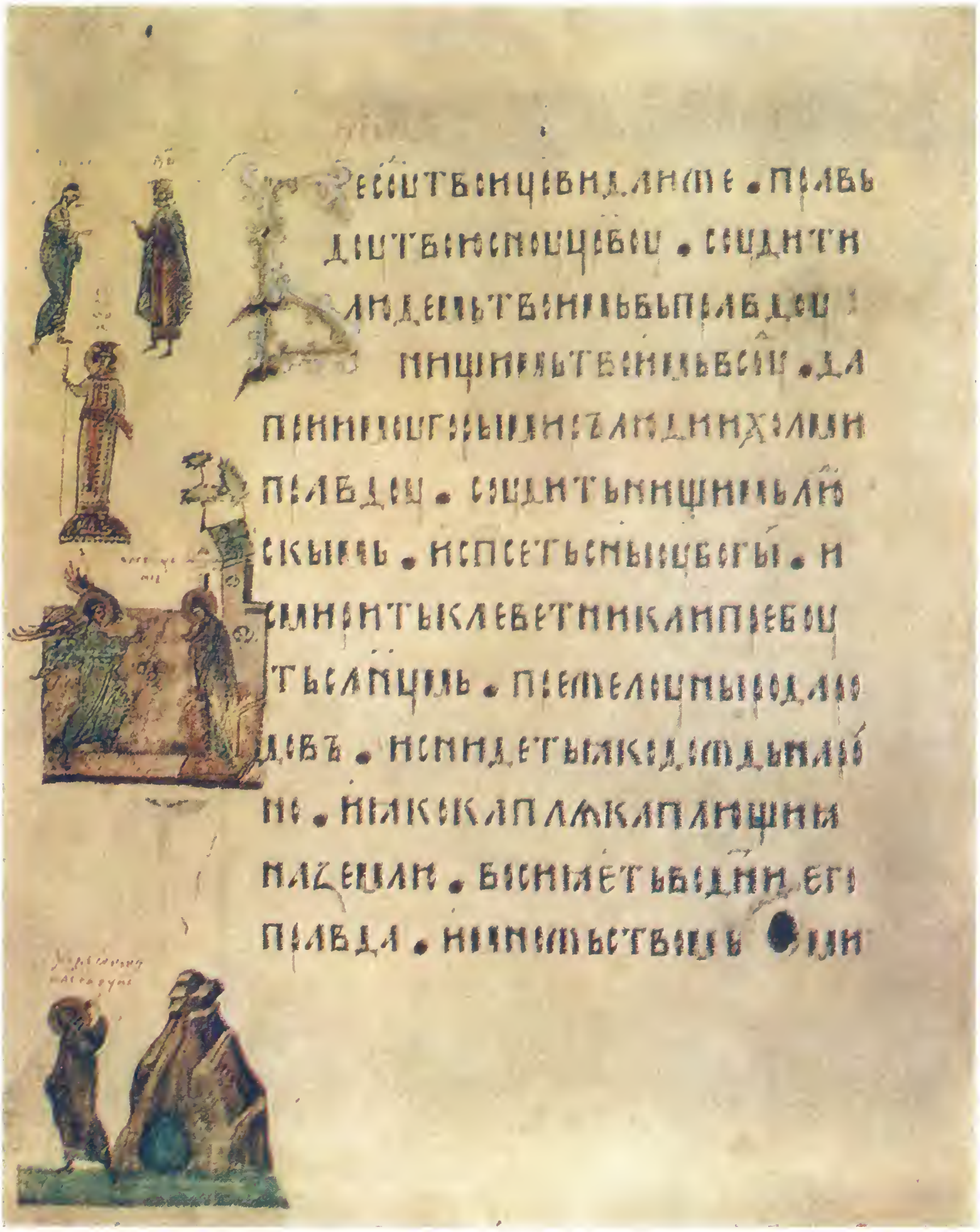
В алфавитных системах П. отдельный знак (буква) передаёт, как правило, один звук; это может быть либо фонема (см.), либо аллофон, либо любая фонема в пределах нек-рой группы акустически сходных звуков; иногда же буквы соединяются по 2,3 и 4 для обозначения одной фонемы (нем. *sch* — «ш», *tsch* — «ч»). Алфавитные и силлабические системы П. часто (неточно) объединяют под названием фонетических. Историческим родоначальником всех видов алфавитного П. явилось др.-семитское (финикийское) т. н. буквенное консонантное П.; это силлабическое П. со знаками только типа «С + Г», причём «Г» может безразлично соответствовать любому гласному или отсутствию гласного. Происхождение др.-семитского протоалфавита (2-я пол. 2-го тыс. до н. э.) до сих пор не установлено; наиболее вероятно его происхождение из финикийского же («протобиблского») силлабического П., где в знаках типа «С + Г» ещё различались качества гласных и число знаков доходило до ста. В «классическом» финикийском алфавите имелось двадцать два знака (меньше числа согласных фонем). В основе известных нам трёх др.-семитских протоалфавитных систем — финикийской линейной, угаритской клинописной (обе имели общий порядок букв) и южноаравийской линейной — лежит общий слоговой или словесно-слоговой прототип. Возможность отказа от различения гласных определялась характером семитских языков, где значение корня связано с согласными, а гласные выражают словообразовательные и грамматические элементы слова. Новая система дала возможность фиксировать речь по звуковому способу с помощью минимального числа легко и быстро запоминающихся знаков (букв). Однако текст, записанный без гласных и обычно без словоразделов, был малопонятен, кроме случаев, когда содержание его было заранее приблизительно известно: такое П. скорее было применимо как тайнопись купцов-мореплавателей, чем как всеобщее средство передачи речи, поэтому в течение более тысячи лет с ним на Ближнем Востоке вполне успешно конкурировали системы словесно-слогового П. Клинописный (угаритский) вариант протоалфавита вымер ещё во 2-м тыс. до н. э.; один из вариантов линейного алфавита просуществовал в южной Аравии до 7 в. н. э., а в Африке дал начало существующему поныне эфиопскому слоговому П. Собственно финикийский линейный протоалфавит в первичной форме был воспринят в Малой Азии (малоазийские алфавиты вымерли в нач. н. э.), в Греции и в Италии, дав начало западным алфавитам (см. ниже), а в скорописной (курсивной) форме, выработанной для родственного финикийскому др.-семитского языка — арамейского, распространился по всему Ближнему и Среднему Востоку, дав начало восточным алфавитам, среди к-рых важнейшие: арамейское «сирийское» П.; квадратное письмо, принятое евреями; особая разновидность арамейской скорописи с добавлением надстрочных и подстрочных звукоразличительных, т. н. диакритических, знаков была положена в основу арабского письма.

Арамейский алфавит в ранней канцелярской форме, видимо, не позже 4 в. до н. э. был применён к др.-перс. языку (ранее имевшему собственное клинописное силлабическое П.), а затем в различных разновидностях скорописи использовался для других иранских языков (парфянского, ср.-перс., согдийского, хорезмийского); при этом отдельные слова и канцелярские формулы оставлялись в арамейском написании, а читались на соответственном иранском языке.

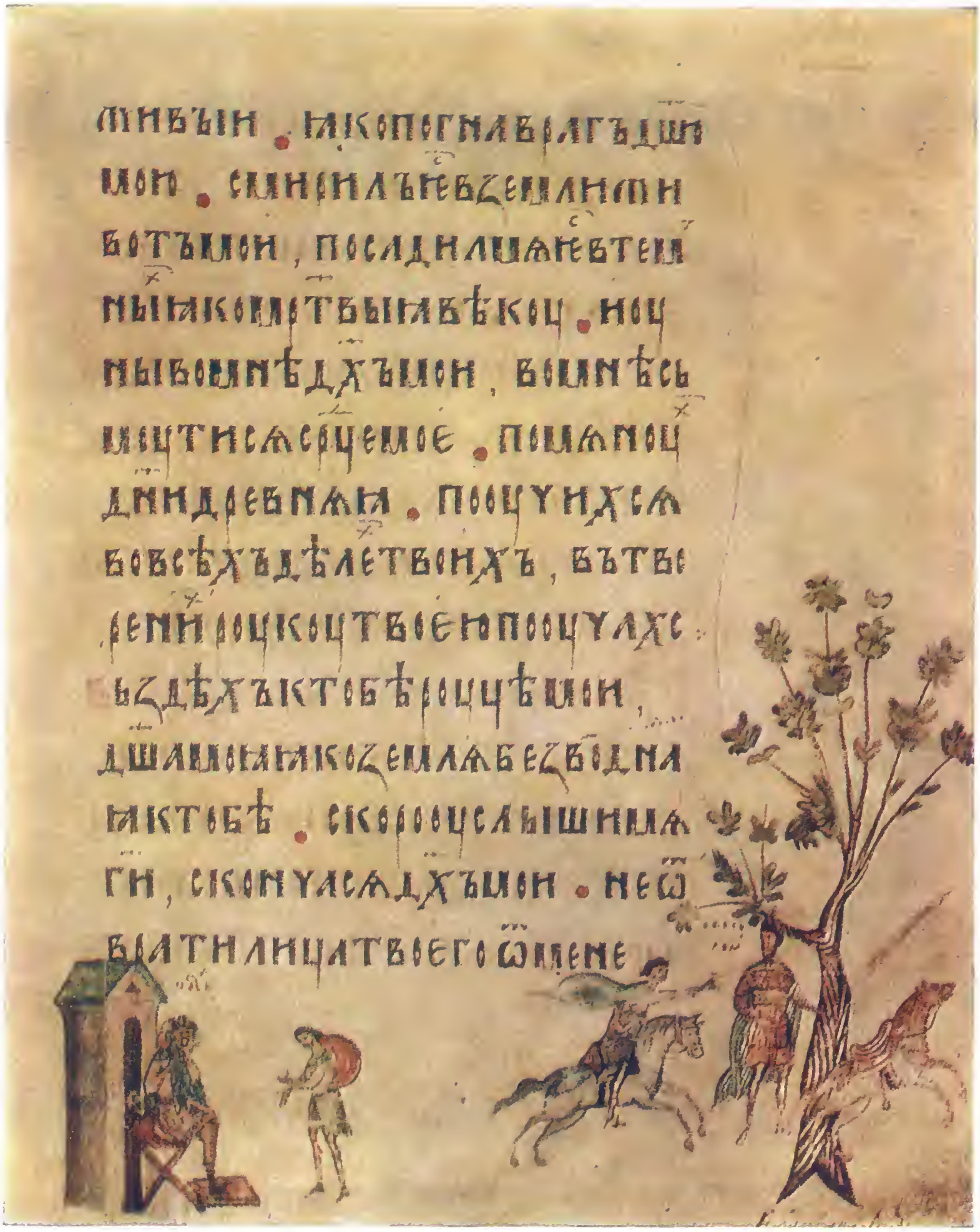
В условиях средневековья грамотность была сосредоточена среди духовенства. Поэтому распространение каждого алфавита связывалось с определённой религией: квадратный шрифт распространялся вместе с иудаизмом (ныне официально употребляется в Израиле для языка иврит), араб. П.— с исламом (употреблялось для языков всех мусульманских народов, независимо от происхождения, ныне для араб., перс., афг., урду и др.). Различные виды арамейской скорописи также распространялись с распространением различных христианских сект (напр., несторианское, яковитское П.), а также с манихейством. Для священных книг зороастризма был позже на той же основе изобретён усовершенствованный алфавит с гласными буквами (авестский; принцип обозначения гласных был здесь, видимо, воспринят из греческого). На основе согдийского и несторианского П. создались разные виды П. тюрков Центральной Азии (важнейшие — уйгурское и тюркское «руническое»); позже уйгурское П. было приспособлено для монгольских и маньчжурского языков (с огласовкой частично по тибетско-инд. типу и с вертикальным направлением П. по кит. образцу). Распространение христианства потребовало создания письменности на местных языках Закавказья; для этих языков с их сложной фонологической системой были созданы около 400 н. э. особые алфавиты — арм., груз. и алб. (агванский) — путём использования арамейских или специально придуманных начертаний и греч. орфографических и филологических принципов.

Исходным для развития всех западных алфавитов является греч. П.; оно возник-

Икона с изображением Кирилла и Мефодия в церкви Святого воскресения в Софии.



Спиридоньевская (Киевская) псалтырь 1397. Возможно, иллюстрирована в Москве.



Спиридоньевская (Киевская) псалтырь 1397.

Хроника Георгия Амартола (конец 13 — начало 14 вв.).

Граффити на стене Софийского собора в Киеве.

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

18. I. 1920 г.

Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

Ваш *Ленин*

Впервые напечатано 21 января 1940 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

Письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому от 18 января 1920.

Толковые словари современного русского языка.

Буквы глаголицы (для сравнения)	Буквы греческого уставного письма	Буквы кириллицы	Названия букв в кириллице	Современный русский шрифт (в скобках – произношение вышедших из употребления букв)	Буквы глаголицы (для сравнения)	Буквы греческого уставного письма (в скобках – возможные заимствования из других алфавитов	Буквы кириллицы	Названия букв в кириллице	Современный русский шрифт (в скобках – произношение вышедших из употребления букв)
ⰰ	ⲁ	ⲁ	Азъ	Аа	ⰹ	ⲭ	Х	Херъ	Хх
ⰱ		Б	Буки	Бб	ⰺ	ⲱ	Ѡ	Отъ	(о)
ⰲ	ⲃ	ⲃ	Вѣди	Вв	ⰻ	ⲥ[1]	Ц	Цы	Цц
ⰳ	ⲅ	ⲅ	Глаголь	Гг	ⰼ		Ч	Червь	Чч
ⰴ	ⲇ	ⲇ	Добро	Дд	ⰽ	ⲱ[1]	Ш	Ша	Шш
ⰵ	ⲉ	ⲉ	Есть	Ее, Ээ	ⰾ		Щ	Ща (Шта)	Щщ
ⰶ		Ж	Живѣте	Жж	ⰿ		Ъ	Еръ	ъ
ⰷ	ⲋ	ⲋ	Зѣло	(дз)	ⱀ		Ь	Ерь	ь
ⰸ	ⲍ	ⲍ	Земля	Зз	ⱁ ⱂ		Ы	Еры	ы
ⰹ ⰺ	ⲏ	ⲏ	Иже	Ии	ⱂ		Ѣ	Ять	(е)
ⰻ	ⲓ	ⲓ	і	(и)					
ⰼ				(дь)	ⱃ		Ю	Ю	Юю
ⰽ	ⲕ	ⲕ	Како	Кк			Ꙗ	Я	Яя
ⰾ	ⲗ	ⲗ	Люди	Лл			Ѥ	Е	(й+е)
ⰿ	ⲙ	ⲙ	Мыслѣте	Мм	ⱄ		Ѧ	Юсъ малый	(носовое э)
ⱀ	ⲛ	ⲛ	Нашъ	Нн	ⱅ		Ѫ	Юсъ большой	(носовое о)
ⱁ	ⲟ	ⲟ	Онъ	Оо	ⱆ		Ѩ		(й+носовое э)
ⱂ	ⲡ	ⲡ	Покой	Пп	ⱇ		Ѭ		(й+носовое о)
ⱃ	ⲣ	ⲣ	Рци	Рр		ⲝ	Ѯ	Кси	(кс)
ⱄ	ⲥ	ⲥ	Слово	Сс		ⲯ	Ѱ	Пси	(пс)
ⱅ	ⲧ	ⲧ	Твердо	Тт	ⱈ	ⲑ	Ѳ	Фита	(ф)
ⱆ	ⲟⲩ, ⲩ	ⲟⲩ, ⲩ	У	Уу	ⱉ	ⲩ	Ѵ	Ижица	(и)
ⱇ	ⲫ	ⲫ	Фертъ	Фф	1–Буквы „квадратного шрифта“ на арамейской основе				

Происхождение славянского и русского алфавитов.

ло, видимо, в 8 в. до н. э. (памятники известны с кон. 8—7 вв.). «Архаическое» греч. П. по форме букв почти полностью совпадает с финикийским, лишь позднее были введены дополнительные буквы. В «архаических» малоазийских и, вероятно, в греч. П. сначала отсутствовали буквы для кратких гласных; направление П. было, как и в семитских языках, справа налево, затем бустрофедон (первая строка — справа налево, вторая — слева направо и т. д.), наконец слева направо. Очень близки названия греч. и др.-семитских букв, совпадает порядок их расположения в алфавите.

В связи с тем что греч. текст, лишённый гласных, почти непонятен, в греч. П. были использованы для гласных и те буквы, к-рые обозначали финикийские согласные, чуждые греч. фонетике и оказавшиеся, т. о., излишними. Переход к обозначению на П. не только согласных,

но и всех гласных явился важнейшим культурным достижением.

В дальнейшем возникают варианты П. восточногреч. и западногреч., различавшиеся формой и употреблением нек-рых букв. Из восточногреч. в 5—4 вв. до н. э. развилось классическое греч., а затем византийское П.; в свою очередь, из него возникли коптское (христианско-египетское), др.-готское и слав. кирилловское П. На основе западногреч. возникли италийские алфавиты, в т. ч. этрусский (в 7 в. до н. э.), и из него др.-германские руны (с 3 в. н. э.); из этрусского же, видимо, развилось лат. П. (с 6 в. до н. э.). В эпоху Римской империи лат. П. приобрело международный характер, сохранявшийся в связи с распространением католической церкви и в эпоху западноевропейского феодализма. Лат. П. используется и для национальных языков западноевропейских народов, например франц., нем., польского. Т. к. звуковой состав различных новых западноевропейских языков сильно отличается от звукового состава лат. языка, широкое распространение в национальных орфографиях получают двух-и трёхбуквенные сочетания для передачи одного звука (англ. *th*, нем. *sch* и т. п.), что крайне усложнило П. Вследствие инерции лит. традиции нек-рые западноевропейские письменные системы уже много веков не претерпевали значительных реформ. В этих системах (англ., франц.) произошёл разрыв с живым и развивающимся народным языком, а традиционность орфографии стала принципом письменной системы, не дающей уже адекватной передачи совр. звуковой речи.

В 19—20 вв., в связи с образованием новых буржуазных наций, складывается целый ряд систем П. на лат. основе во всех частях света; в них широко используется диакритика для обозначения звуков, не предусмотренных лат. П. (напр., чеш., тур., языки Африки).

Слав. письмо (кириллица, см.) было разработано на основе добавления к 24 буквам византийского греч. П. ещё 19 букв для специфически слав. фонем (буквы *ц*, *ш* были взяты из евр. квадратного П., а остальные изобретены специально). Кириллица употреблялась православными славянами, а также (до 19 в.) румынами; на Руси была введена в 10—11 вв. в связи с христианизацией. Однако какое-то П., возможно, применялось славянами уже и раньше. До сих пор не решён вопрос о происхождении другого слав. П.— глаголицы (см.) и её соотношении с кириллицей. Почти полностью совпадая по составу, порядку и значению букв, эти азбуки резко различались по форме букв: простой, чёткой и близкой к греч. уставному П. 9 в. у кириллицы и замысловатой, очень своеобразной у глаголицы, к-рая применялась гл. обр. у юго-западных славян-католиков со слав. богослужением и вымерла в позднем средневековье. Графика кириллицы претерпевала изменения с 10 по 18 вв. (устав, полуустав, скоропись). Совр. слав. системы П.: рус., укр., болг., серб. (с добавлением букв љ, њ, ћ, ѣ, ц и др.) — развивались на основе кириллицы. Рус. П. из 33 букв (называлось гражданским шрифтом, в отличие от церковного — собственно кириллицы, сохранённой для религиозной лит-ры при реформе, проведённой Петром I) является упрощением кириллицы. Оно пережило ряд алфавитно-орфографич. реформ (см. Реформы азбуки и правописания), в результате к-рых были исключены все буквы, ненужные для передачи фонем совр. рус. речи; были введены две новые буквы: *й* и (факультативно) *ё*.

В СССР созданы новые алфавиты для народов, не имевших ранее П. или имевших П., построенное на малопригодной для народного языка основе (напр., араб.). Первоначально эти алфавиты строились на лат. основе, но с сер. 30-х гг. были переведены на рус. основу с добавлением ряда дополнительных и диакритизированных букв.

Лит.: Энциклопедия славянской филологии, под ред. акад. И. В. Ягича, в. 3, Графика у славян, СПБ, 1911; Добиаш-Рождественская О. А., История письма в средние века, 2 изд., М.—Л., 1936; Шманов Н. В., Ключ к латинским письменностям земного шара, М.—Л., 1941; Шампольон Ж. Ф., О египетском иероглифическом алфавите, пер. с франц., [М.], 1950; Фридрих И., Дешифровка забытых письменностей и языков, пер. с нем., М., 1961; Диринтер Д., Алфавит, пер. с англ., М., 1963; Дьяконов И. М., Какой должна быть орфографическая реформа?, «Новый мир», 1967, № 11; Тайны древних письмен, [под ред. И. М. Дьяконова], М., 1976; Фридрих И., История письма, М., 1979.

И. М. Дьяконов.

ПЛЕОНА́ЗМ (от греч. pleonasmós — излишество) — 1) многословие; употребление в речи близких по смыслу и потому логически излишних слов: *лично я*, *в общем и целом*, *поступательное движение вперёд* (поступательное движение и есть движение вперёд), *свободная вакансия* (вакансия означает свободное место) и т. п. П. оказывается мнимым, если служит задачам стилистической (гл. обр. эмоциональной) выразительности в разговорной речи (*Я видел это собственными глазами*), лит. языке («*Но им назад не воротиться*» — Жуковский) или фольклоре (*грусть-тоска*, *океан-море*, *хожу да похаживаю*). Граница между П. как недостатком речи, ошибкой и П. как стилистической фигурой прибавления в известной мере зыбка и определяется общим речевым стилем эпохи. Крайней формой П. является тавтология (см.) — повторение однородных по значению и

звучанию слов (*огород городить, на сегодняшний день* и т. п.).

2) Избыточность выражения как постоянное свойство языковой единицы.

Л. Лебедева.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕ́КТ (от лат. plusquamperfectus — более чем совершенный) — сложная грамматическая форма прош. времени. Унаследованная из праиндоевропейского языка, некогда была свойственна всем слав. языкам, в т. ч. др.-русскому.

П. в др.-рус. (и ст.-слав.) языке служил для обозначения действия, совершённого ранее другого действия, происшедшего в прошлом. Напр.: *оу Ꙗрополка же жена грекини бѣ и бѦше была черницею бѣ бо привелъ ѿць Ѥго С҃тославъ и вда ю за Ꙗрополка* — «У Ярополка же была жена гречанка и была (раньше) монахиней, (в своё время её) привёл отец его Святослав и отдал её за Ярополка».

В др.-рус. языке П. был двух типов. Наиболее древний, рано вышедший из употребления, образовывался из имперфекта вспомогательного глагола *быти* — *бѦхъ* или (реже) аориста того же глагола в форме *бѣхъ* и краткой формы действительного причастия прош. времени на-*л*-:

Число	Лицо					
Единственное	1-е	*бѦхъ*	(*бѣхъ*)	*неслъ,*	*-а,*	*-о*
	2-е и 3-е	*бѦше*	(*бѣ*)	„	„	„
Двойственное	1-е	*бѦховѣ*	(*бѣховѣ*)	*несла,*	-ѣ,	-ѣ
	2-е и 3-е	*бѦста*	(*бѣста*)	„	„	„
Множественное	1-е	*бѦхомъ*	(*бѣхомъ*)	*несли,*	*-ы,*	*-а*
	2-е	*бѦсте*	(*бѣсте*)	„	„	„
	3-е	*бѦхоу(ть)*	(*бѣша*)	„	„	„

В ст.-слав. языке этот тип образовывался так же, только форма имперфекта вспомогательного глагола была нестяжённой: *бѣахъ, бѣаше* и т. д. и в форме 3-го лица двойственного числа было *бѣасте*, а в 3-м лице мн. ч. не могло быть вторичного окончания *-ть*, как в др.-рус. языке.

Второй тип, неизвестный ст.-слав. языку, образовывался из перфекта вспомогательного глагола *быти* и причастия на-*л*-:

Число	Лицо							
Единственное	1-е	*Ѥсмь*	*былъ,*	*-а,*	*-о*	*неслъ,*	*-а,*	*-о*
	2-е	*Ѥси*	„	„	„	„	„	„
	3-е	*Ѥсть*	„	„	„	„	„	„
Двойственное	1-е	*Ѥсвѣ*	*была,*	-ѣ,	-ѣ	*несла,*	-ѣ,	-ѣ
	2-е и 3-е	*Ѥста*	„	„	„	„	„	„
Множественное	1-е	*Ѥсмъ*	*были,*	*-ы,*	*-а*	*несли,*	*-ы,*	*-а*
	2-е	*Ѥсте*	„	„	„	„	„	„
	3-е	*соуть*	„	„	„	„	„	„

Этот тип продолжал употребляться и после утраты в нём вспомогательного глагола *Ѥсмь*. В 16—17 вв. на основе П. в рус. языке возникла форма, в к-рой причастие на *-л-* сочетается с неизменяемым словом *было* (*Я пошёл было, да раздумал; Мы хотели было пойти, но...*) со значением прерванного прошедшего действия.

Т. А. Сумникова.

ПОБУДИ́ТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — предложение, выражающее волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Значение побудительности в предложении создают: глагольные формы повелительного наклонения: *Читай; Будь смелым*; формы совместного действия: *Давай(те) читать; Идём(те)*; частицы *пусть, пускай, да* (устар. и высок.) в сочетании с формами наст. и буд. времени: *Пусть (пускай) он читает; Пусть (пускай) он будет первым; Да будет так*; в экспрессивной речи и просторечии — всегда безударная частица *чтоб* в сочетании с формой прош. времени: *Чтоб он работал! Чтоб он был готов!*

П. п. могут и не содержать специальных глагольных форм и частиц; такие предложения образуются формами буд. времени, инфинитива, а также формами прош. времени глаголов нек-рых семантических групп (с начинательным, временно-ограничительным и другими значениями), напр.: *Будешь читать! Сделаешь! Молчать! Пошёл! Кончили! Попрыгали!* В этих случаях основным средством выражения побудительности является интонация.

Значение волеизъявления в П. п. имеет различные оттенки — от категорического требования до согласия. Так, П. п. с глагольной формой взаимного действия выра-

жает смягчённое волеизъявление, с формой буд. времени — категорическое требование. В П. п. с императивом и частицей *пусть* (*Приходите*; *Пусть сделает*) разными интонационными средствами может быть выражена просьба или приказание. В разговорной речи различные оттенки волеизъявления выражаются также частицами *да*, *же*, имеющими усилительное значение (ср., напр., *Замолчи!* и *Да замолчи же!*), смягчительной частицей *-ка* (*Скажи-ка*), междометием *ну* (*Ну, рассказывай! Ну-ка, покажи!*).

В сложноподчинённых предложениях изъяснительного типа, в т. ч. в косвенной речи, придаточное со значением побудительности вводится союзом *чтобы*: *Хочу, чтобы ты читал*; *Скажу ему, чтобы он читал.*

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация русской речи, 3 изд., М., 1977.

Л. Е. Лопатина.

ПОВЕЛИ́ТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕ́НИЕ — см. Наклонение.

ПОВЕСТВОВА́ТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — предложение, содержащее позитивную информацию, направленную от говорящего (пишущего) к тому, кто эту информацию воспринимает, в противоположность вопросительному предложению (см.), основная задача к-рого заключается в получении информации. К П. п. относятся все типы невопросительных предложений, в т. ч. и побудительные предложения (см.).

В П. п. могут быть выражены все объективно-модальные значения: то, о чём в нём сообщается, мыслится как реальное (осуществляющееся в настоящем, прошедшем, будущем) либо как ирреальное (возможное, желательное, должное, требуемое). Напр.: *Дети рисуют*; *Дети будут рисовать*; *Дети рисовали бы*; *Пусть дети рисуют.*

П. п. имеют свои структурные и интонационные образцы. В зависимости от коммуникативного задания П. п. могут иметь различные стилистически нейтральные и экспрессивные варианты этих образцов, отличающиеся порядком слов и фразовым ударением (интонационным центром). Напр.: *Дети рису́ют*; *Рису́ют дети! Рисуют де́ти*; *Де́ти рисуют!* Восклицательные предложения (см.) представляют собой интонационный вариант П. п. (и также вопросительных предложений).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Белошапкова В. А., Современный русский язык. Синтаксис, М., 1977; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация русской речи, 3 изд., М., 1977. *Л. Е. Лопатина.*

ПОГОВО́РКА — устойчивое в речевом обиходе изречение, образно определяющее к.-л. жизненное явление прежде всего с точки зрения его эмоционально-экспрессивной оценки.

Большинство исследователей видят разницу между П. и пословицей (см.) в том, что пословица выступает в речи как самостоятельное суждение, а П. получает окончательное оформление и конкретный смысл только в контексте, т. е. она является всегда только частью суждения (напр., П. *Посмотрит — рублём подарит* может быть реализована только в контексте *К т о-т о посмотрит — рублём подарит*, давая тем самым определённую характеристику конкретному человеку). Нек-рые учёные видят отличие П. от пословицы в том, что пословицы имеют как буквальный, так и переносный планы (или только переносный, образный, напр.: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*; *Кашу маслом не испортишь*), а П. имеют только буквальный план (*Кончил дело — гуляй смело*); при таком подходе выделяется также группа пословично-поговорочных выражений (*Правда в огне не горит и в воде не тонет*; *Всякому овощу своё время*). Ряд исследователей не различают П. и пословицы. П. наиболее тесно связаны с такими устойчивыми выражениями, как фразеологизмы (см.).

Сборники: Снегирёв И. М., Русские народные пословицы и притчи, М., 1848; Даль В. И., Пословицы русского народа, М., 1957; Рыбникова М. А., Русские пословицы и поговорки, М., 1961; Жуков В. П., Словарь русских пословиц и поговорок, М., 1966.

Лит. см. при ст. Пословица.

Ю. Е. Прохоров.

ПОДЛЕЖА́ЩЕЕ — главный член двусоставного предложения (см.), выраженный им. п. имени или инфинитивом (т. н. называющими формами) и обозначающий носителя того признака (действия, состояния, свойства), к-рый назван другим главным членом — сказуемым (см.). П. и сказуемое как главные члены предложения находятся друг с другом в предикативных отношениях признака и его носителя (*Мальчик рисует*; *Лес зеленеет*; *Яблоко красное*; *Здание построено*; *Брат дома*; *Учиться — наша задача*) и (реже) в отношениях обусловленности, следствия (*Школьный музей — их идея*; *Лес — это чистый воздух*; *Удобрения — это хороший урожай*).

П. и сказуемое могут быть формально уподоблены друг другу (см. Координация) (*Весна пришла*; *Книга интересная*; *Письмо написано*; *Дети школьники*) и не уподоблены — не координированы (*Сын в школе*; *Интересная работа — это прекрасно*; *Учиться — это наша задача*). В предложениях с формально уподобленными главными членами П. выражено им. п. имени существительного (*Завод работает*; *Дети учатся*), субстантивного местоимения (*Я занимаюсь*; *Он учит-*

ся; *Кто-то поёт*), числительного (*Семеро одного не ждут*) и субстантивированных прилагательных, причастий, порядковых числительных (*Дежурный позвонил*; *Больные отдыхают*; *Встречающие собрались*; *Первые уже ушли*). В предложениях с неуподобленными главными членами П., кроме перечисленных форм, может быть выражено также инфинитивом (*Курить вредно*; *Победить — вот главная цель*).

Позицию П. могут занимать разнообразные именные сочетания: со значением совместности, называющие некое множество как единое целое,— сочетание имени в им. п. с предложно-падежной группой «с + твор. п.» (*Отец с сыном ушли*; *Вы с ним видели этот фильм*), со значением количества, образуемые сочетанием числительного в им. п. с формой род. п. (*Двадцать человек уехало*), неопределённо-количественных слов *много*, *мало*, *сколько*, *несколько*, *больше*, *меньше*, *большинство*, *меньшинство*, *множество*, *масса*, *тьма*, *уйма* и др. с формой род. п. (*Много народу пришло*; *Больше двадцати человек ранено*; *Несколько человек отстало*; *Уйма дел ждёт*), числительных, а также местоимений *кто*, *всякий*, *каждый* и прилагательных *любой*, *многие* с предложно-падежной группой «из + род. п.» (*Один из них ушёл*; *Трое из туристов отстали*; *Каждый из них поздоровался*), предложно-падежными группами «около + род. п.», «до + род. п.» со значением приблизительного количества (*Около семи миллионов живёт в городе*; *Около месяца прошло*; *До десяти школьников могут записаться в этот кружок*) и нек-рые др. Позиция П. может быть занята открытым или закрытым рядом словоформ (*Брат и сестра пришли*; *Солнце*, *море*, *горы зовут к себе*).

В конкретных речевых ситуациях и особенно в непринуждённой речи в позиции П. может употребляться любая позиционно субстантивирующаяся словоформа или группа словоформ, а также фразеологизм или целое предложение (*Грянуло «ура»*; *Завтра будет лучше, чем вчера*; *Её «не могу» всё ещё звучало в ушах*; *В клубе идёт «Летят журавли»*; *Мало ли что бывает*; *Кто угодно звонит*).

Лит. см. при ст. Сказуемое.

К. В. Габучан.

ПОДЧИНЕ́НИЕ, подчинительная связь,— наряду с сочинением (см.) второй основной тип связи между членами простого предложения, а также между предикативными единицами (предложениями), входящими в сложное предложение. П. представляет собой связь грамматически неравноценных компонентов; грамматическая неравноценность компонентов проявляется в том, что один из них (подчиняющее слово в словосочетании или главная предикативная единица в сложном предложении) грамматически независим, тогда как второй (подчинённое слово в словосочетании или придаточная предикативная единица в сложном предложении) имеет грамматически зависимый (подчинённый) характер (А. М. Пешковский). Зависимость подчинённого компонента грамматически обозначается (маркируется), причём средства такого обозначения в простом и сложном предложении во многом различны. В этом проявляется ещё одно отличие П. от сочинения, к-рое располагает одними и теми же грамматическими средствами как в простом, так и в сложном предложении.

Несмотря на различие способов выражения П. в простом и сложном предложении, можно обнаружить известный параллелизм (изоморфизм) при их реализации в обеих синтаксических сферах (В. А. Белошапкова). Как в простом, так и в сложном предложении зависимый (подчинённый) компонент может быть рассмотрен с двух точек зрения, характеризующих особенности его грамматической связи с подчиняющим компонентом. Имеется в виду: 1) предсказуемость/непредсказуемость, 2) обязательность/необязательность подчинённой формы (в простом предложении), структуры (в сложном предложении).

Предсказуемость обусловлена лексической или грамматической (прежде всего морфологической) природой независимого компонента — подчиняющего слова словосочетания или опорного (контактного) слова главной предикативной единицы. Так, употребление в словосочетании подчинённой словоформы *сестру* или изъяснительной придаточной предикативной единицы, начинающейся союзом *что*, должно быть мотивировано прежде всего лексическим значением подчиняющего слова (ср. возможное: *слушаю*, *вижу*, *люблю*, *уважаю... сестру* при невозможном: *расскажу*, *восхищаюсь... сестру* или возможное: *видел*, *что он доволен...*, *рад*, *что он доволен*, при невозможном: *бежал*, *что...*, *улыбался*, *что...*).

Что касается морфологических признаков слова, то в одних случаях они существенны (напр., переходность глагола, связанная с характеристикой действия, направленного на объект: *любить сестру*), в других — несущественны, напр. разная морфологическая природа контактных слов в сложноподчинённых изъяснительных предложениях: *говорил* (*мысль*, *известно* и т. п.), *что отец уезжает*.

С другой стороны, употребление формы род. п. в словосочетаниях типа *сильнее брата*, а также придаточной предикативной единицы, начинающейся сравнительным союзом *чем*, мотивируется не

лексическим значением господствующего слова (оно может быть любым), но лишь его морфологической природой, а именно формой сравнительной степени: *умнее* (*выше*, *правдивее*) *брата* или *Она хуже* (*лучше*, *умнее*, *правдивее*), *чем я о ней думал*.

В противоположность предсказуемости, трактуемой как лексическая или морфологическая обусловленность зависимой словоформы или придаточной структуры сложного предложения, непредсказуемость обнаруживается в том случае, когда зависимый компонент свободен от влияния лексической и морфологической природы к.-л. подчиняющего компонента. Он тяготеет к предикативному центру предложения (к сказуемому прежде всего), каким бы по лексической и морфологической природе он ни был: *вечером мы уедем*,/ *почитаем*,/ *спокойны*,/ *разговорчивее*,/ *вместе* и т. п. Подобная грамматическая «раскованность» характеризует в первую очередь словоформы (детерминанты — Н. Ю. Шведова) и придаточные структуры с обстоятельственным значением: «*Шумела буря до рассвета*» (Лермонтов); «*Как красива становится женщина, когда любит*» (Вересаев).

Обязательность в противоположность необязательности понимается как необходимость зависимого компонента для информативной достаточности высказывания. Так, наличие в предложении глагола, обозначающего движение целенаправленного характера (*ринуться*, *броситься*, *устремиться* и т. п.), требует зависимого компонента с пространственным значением: «*Они* [птицы] *собрались целой тучей и ринулись туда, откуда навстречу им летели бодрые и гордые звуки*» (М. Горький). В то же время глаголы, обозначающие внешнее проявление чувств или состояний, достаточно информативны и без специального распространителя: «*Елена побледнела*» (Тургенев); «*Соня зарыдала*» (Л. Толстой); «*Антон Пафнутьич обмер*» (Пушкин). Использование в подобных предложениях детерминанта или приглагольного «определения» (типа: *очень*, *громко* и т. п.) необязательно.

П. в простом предложении проявляется как в сфере словосочетания, так и за его пределами. В сфере словосочетания оно обнаруживается в грамматической приспособляемости подчинённого слова к подчиняющему, что реализуется в виде одной из трёх связей: согласования, управления или примыкания. При согласовании зависимое слово уподобляется главному в роде, числе, падеже (*ранняя весна*, *громкий смех*, *спокойное море*); при управлении зависимое слово приобретает форму того падежа, к-рого требует подчиняющее слово, благодаря своей грамматической (напр.: *выше брата*) или лексико-грамматической природе (напр.: *управлять хозяйством*); при примыкании связь реализуется интонационно и порядком слов, поскольку зависимое слово является неизменяемым (*мечтая путешествовать*, *читать наспех*).

Подчинительные связи грамматикализуют те типовые смысловые отношения, к-рые возникают между подчиняющим и зависимым словами. Выделяются четыре их разновидности.

1) Определительные отношения, при к-рых зависимое слово выступает в качестве признака предмета или действия, обозначенного подчиняющим словом (*старый друг*, *громко говорить*).

2) Объектные отношения, при к-рых зависимое слово обозначает предмет приложения признака (активного и пассивного), тогда как подчиняющее слово обозначает самый этот признак: *вязать платок*, *готов к игре*.

3) Субъектные отношения, при к-рых зависимое слово обозначает производителя действия или носителя состояния, подчиняющее же слово обозначает действие или состояние: *распоряжение директора*, *радость детей*.

4) Комплетивные (восполняющие) отношения, при к-рых зависимое слово выступает в качестве необходимого конкретизатора подчиняющего слова, информативно недостаточного: *стакан молока*, *считаться специалистом*.

В простом предложении П. проявляется и вне сферы словосочетания — в т. н. союзных конструкциях простого предложения (А. Ф. Прияткина). Союзные конструкции представлены тремя разновидностями: 1) сравнительными оборотами: «*Луна, как бледное пятно, Сквозь тучи мрачные желтела*» (Пушкин); 2) конструкциями с союзом *как* в значении *в качестве*: *Моего брата как опытного врача в районе очень ценили*; 3) конструкциями с вторичной союзной связью, в к-рых словоформы создаются на основе подчинительной связи друг с другом, независимо от союза, при помощи же союза накладывается вторичное (чаще всего уступительное и условное) отношение: «*Я если и пойду, то только до двери*» (В. Успенский), ср.: *Я пойду только до двери*.

В сложном предложении противопоставление П. сочинению основано гл. обр. на противопоставленности подчинительных союзов сочинительным. Сочинительные союзы лишь ритмически примыкают к последующей предикативной единице. Подчинительные же союзы входят в структуру придаточной предикативной единицы, грамматически отмечая её зависимость, предназначенность для другой единицы — независимой. Это вхождение союза в структуру придаточной предикативной единицы делает его компонентом грамматически подвижным — отсюда его препозиция: «*Если люди захотят*,

они всего достигнут» (М. Горький)— и даже интерпозиция: «*Умирать, если знаешь за что, особое дело*» (Н. Островский). Дополнительным признаком П. в сложном предложении являются соотносительные слова (корреляты) главной предикативной единицы: «*Наша песня такая сердечная, что нигде такой не сыщешь*» (Лесков), а также соотношение наклонений глаголов-сказуемых главной и придаточной предикативных единиц: использование повелительной формы в придаточной части и сослагательной — в главной части: «*И она б его не полюбила, Будь он трусом с мелкою душой*» (Ошанин).

Однако в ряде случаев жёсткой границы между сочинением и П. в сложном предложении провести нельзя, особенно если учитывать в качестве структурных признаков не только средства связи, но и порядок следования предикативных единиц, их структурную схему, видовременное соотношение глаголов-сказуемых. Так, своеобразную группу составляют сложные предложения, к-рые, обладая формальными признаками П. (наличие маркирующего союза в одной из предикативных единиц), в то же время характеризуются чертами, присущими сочинению (строго фиксированный порядок расположения предикативных единиц, вступающих друг с другом в соотносительную связь). Названными свойствами обладают сложные предложения с сопоставительными союзами: *если... то, тогда как, между тем как*: «*Если деятели дореволюционного театра могли только грезить о театральных залах, наполненных широким демократическим зрителем, то советский актер — свидетель того, как эти мечты воплотились в жизнь*» (Яблочкина); «*Клим очень хорошо чувствовал, что дед всячески старается унизить его, тогда как все другие взрослые заботливо возвышают*» (М. Горький).

Существенной чертой подобных предложений является то, что вторая предикативная единица не подчинена к.-н. из словоформ первой предикативной единицы или её предикативному ядру. Предикативные единицы в подобном предложении соотносятся друг с другом, что имеет место при сочинении. Это обстоятельство делает возможным квалифицировать подобное сложное предложение как переходное явление.

Проблема подчинительных связей слов, являющаяся одной из основных проблем учения о синтаксическом строе языка, обогатилась рядом новых понятий.

Существенным поворотом в осмыслении связей слов явилась идея об их разграничении применительно к словосочетанию, с одной стороны, и предложению — с другой (Н. Ю. Шведова). Это привело, во-первых, к необходимости большей детализации связей в словосочетании (ср. введение понятия именного примыкания), во-вторых, к выявлению «новых» связей сугубо предложенческого характера (ср. введение понятий координации — связи между подлежащим и сказуемым, детерминации — связи детерминантов с предложением в целом, соотношения — связи между вводными словами и членами предложения или предложением в целом и др.).

Лит.: Богородицкий В. А., Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Курилович Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Шведова Н. Ю., Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, «ВЯ», 1964, № 6; Мухин А. М., Структура предложений и их модели, Л., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Белошапкова В. А., Современный русский язык. Синтаксис, М., 1977; Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения, М., 1977; Прияткина А. Ф., Союзы в простом предложении, [М.], 1977.

С. Г. Ильенко.

ПОДЧИНИ́ТЕЛЬНЫЙ СОЮ́З — см. Союз.

ПОЗИ́ЦИЯ ФОНОЛОГИ́ЧЕСКАЯ — положение фонемы по отношению к другой фонеме или к месту и ударению в слове. Напр., для гласных фонем выделяются П. ф. по отношению к ударению (ударные и безударные П. ф.; среди безударных — П. ф. 1-го, 2-го, 3-го предударных и заударных слогов), а также П. ф. по отношению к месту в слове и к предшествующему и/или последующему согласному (напр., для ударных гласных П. ф. *at*, *tat*, *tat'*, *at'*, *t'at*, *t'at'*, где *t*— любой твёрдый согласный, *t'*— любой мягкий согласный, *a* — любой ударный гласный; для безударных — П. ф. по отношению к месту в слове и к предшествующему согласному: абсолютное начало слова, после *t*, после *t'*). Для согласных фонем выделяются П. ф. по отношению к предшествующему согласному (напр., звонкие перед глухими, зубные перед зубными) и последующему гласному (позиции перед гласными), а также П. ф. по отношению к месту в слове (напр., согласные в конце слова).

Различаются сильные и слабые П. ф. Сильные П. ф. (или позиции максимальной дифференциации)— такие П. ф., в к-рых противопоставляется наибольшее количество фонем. Все П. ф. ударных гласных являются сильными, т. к. в каждой из них противопоставляются все пять гласных фонем (если не считать фонемой *ы*; см. Гласные), напр. в позиции под ударением между твёрдыми согласными: *т*[*а*]*к*, *т*[*о*]*к*, *т*[*у*]*к*, *т*[*и*]*к* (орфографически *тык*), *В*[*те*]*к* (аббре-

вариатура *ВТЭК*). В сильных П. ф. фонема выступает в своём основном виде или в вариациях (оттенках, по терминологии ленинградской фонологической школы — ЛФШ).

В основном виде фонема выступает в такой сильной П. ф., к-рая является позицией меньшей обусловленности. Для всех гласных фонем позицией меньшей обусловленности является позиция *at*, в к-рой каждая фонема представлена в основном виде: [*а*]*д*, [*о́*]*да*, [*у́*]*тка*, [*и́*]*да* (*Ида*), [*е́*]*то*. Остальные сильные П. ф. являются позициями большей обусловленности; в этих П. ф. фонемы представлены в своих вариациях (оттенках), напр. в *t'at'*: [*а*] в вариации [*ӓ*]([*n'ӓt'*]), [*о*] в вариации [*ӧ*] ([*n'ӧ́*]*сик*), [*у*] в вариации [*ӱ*] ([*чӱт'*]), [*и*] в вариации [*и̂*] ([*н'и̂т'*]), [*е*] в вариации [*е̂*] ([*n'е̂т'*]).

Слабые П. ф. (или позиции минимальной дифференциации)— такие П. ф., в к-рых различается меньшее количество фонем, чем в сильных позициях. Слабые П. ф. также являются позициями большей обусловленности. Однако в них выступают не вариации фонем (как в позициях большей обусловленности в пределах сильных П. ф.), а варианты фонем (или оттенки фонем, по ЛФШ). Все безударные позиции являются слабыми П. ф. для гласных фонем. Напр., в первом предударном слоге после твёрдого согласного выступает вариант фонем [*а*] и [*о*] — [*ʌ*](*с*[*а*]*д* — *с*[*ʌ*]*ды́*, *н*[*о*]*с* — *н*[*ʌ*]*сы́*), а во втором предударном — вариант [ъ] (*м*[*о́*]*лот* — *м*[ъ]*лото́к*, *с*[*а*]*д* — *с*[ъ]*дово́д*). При сопоставлении слабых П. ф. с сильными оказывается, что в слабых позициях происходит совпадение в одном варианте двух или нескольких фонем, представленных в сильных П. ф. Напр.: в *ко*[*з*]*а́* и *ко*[*с*]*а́* фонемы [*з*] и [*с*] противопоставлены друг другу, а в *ко*[*с*] это противопоставление отсутствует, и на месте [*з*], [*с*] представлен один вариант [*с*]. В ряде случаев в слабых позициях может быть нарушено смыслоразличение, напр. в *Нет* [*кос*] в звуковом виде [*кос*] слились две словоформы: *коз* (от *коза́*) и *кос* (от *коса́*).

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Панов М. В., Русская фонетика, М., 1967; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Система фонем русского языка, в кн.: Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия, М., 1970; Буланин Л. Л., Фонетика современного русского языка, М., 1970.

С. Н. Дмитренко.

ПОЛИСЕМИ́Я (от греч. polýsēmos — многозначный), многозначность, —наличие у единицы языка более чем одного значения. Многие слова (а также нек-рые грамматические формы слов, фразеологизмы и синтаксические конструкции) имеют не одно, а несколько (два или больше) значений, т. е. (применительно к словам) это значит, что они служат для обозначения различных предметов и явлений действительности. То, что слово выступает в том или ином значении, связывается с особенностями сочетания данного слова с другими словами, иногда контекстом, ситуацией. Каждое из выделенных значений слова регулярно реализуется в определённых словосочетаниях. Ср., напр., *смотреть на улицу*, *смотреть в окно*, *в зеркало*, *на часы*, где глагол *смотреть* имеет значение «направлять взгляд, чтобы увидеть что-то» и *смотреть за порядком*, *смотреть за детьми*, где тот же глагол выступает в значении «иметь попечение, заботиться о ком-нибудь или о чём-нибудь». Прилагательное *чёрствый* способно реализовать своё первое значение («засохший и твёрдый») с существительными, обозначающими предметы, к-рые могут сохнуть и становиться твёрдыми (*хлеб*, *пирог* и т. п.). В сочетаниях типа *чёрствый человек*, *чёрствый характер* это же прилагательное выступает уже в другом значении — «неотзывчивый, бездушный».

Между значениями многозначного слова существует определённая семантическая связь, что даёт основание считать их значениями одного и того же слова в отличие от значений слов-омонимов (см. Омонимы). Эта связь может основываться на том, что в значениях обнаруживаются общие семантические элементы; напр., у сущ. *стена* в толковых словарях выделяются следующие значения: 1) «вертикальная часть здания, служащая для поддержания перекрытий и для разделения помещения на части», 2) «высокая ограда», 3) «вертикальная боковая поверхность чего-либо», 4) «тесный ряд или сплошная масса чего-либо, образующие завесу, преграду». Общий семантический элемент здесь может быть определён как «вертикальная преграда, отделяющая что-то». Однако во многих случаях значения слов, непосредственно воспринимающиеся как «переносные», как значения именно «тех же слов» (ср.: *тень от дерева* и *тень улыбки*, *толкнуть в спину* и *толкнуть на преступление*, *сыпать песок* и *сыпать словами*), связаны с основными значениями не общими элементами смысла, а лишь теми признаками, к-рые могут быть названы ассоциативными, т. к., не являясь существенными в семантическом плане для основных значений (напр.: *тень* в сочетании *тень улыбки* определяется как «слабый след или слабое подобие чего-то, намёк на что-либо»), они связаны с представлением о соответствующем предмете или явлении, что и определяет их связь с основным значением слова (см. Значение слова).

Развитие многозначности обычно происходит на основе сходства или смежности обозначаемых данным словом предметов и явлений действительности, в связи с чем различают метафорические (см. Метафора) и метонимические (см. Метонимия) переносы; ср., напр., значения слов *ножка*, *горлышко* в сочетаниях типа *ножка стола*, *горлышко бутылки*, расцениваемые как языковые метафоры, и различные значения слова *земля*, объединяемые метонимическими связями: 1) «наша планета; место жизни людей», 2) «суша (в отличие от водного пространства)», 3) «верхний слой коры нашей планеты; рыхлое тёмно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты», и т. д.

Значения многозначного слова образуют определённое семантическое единство. Различают первичные (основные, главные, прямые) и вторичные (производные, переносные) значения. Первичными можно считать наименее контекстно обусловленные значения (ср.: *тяжёлый* — «имеющий большой вес» и *тяжёлый* —«трудный»; *кипеть* — О жидкости и *кипеть*— «проявляться с силой»; *источник*—«струя жидкости, вытекающая из земли», и *источник* — «то, что даёт начало чему-либо»). Соотношение между первичными и вторичными значениями не остаётся неизменным — у нек-рых слов вторичные (исторически) значения выдвинулись с течением времени на первый план (ср. значения слов *трущоба*, *обуздать*, *очаг*). См. также Переносное значение слова.

Лит.: К у р и л о в и ч Е., Заметки о значении слова, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Ш м е л е в Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973.
См. также лит. при ст. Омонимия.

Д. Н. Шмелёв.

ПОЛНОГЛА́СИЕ — лексико-фонетическое явление совр. рус. языка: наличие в корневых морфемах сочетаний *оро*, *ере*, *оло* между согласными, напр.: *сторона*, *борозда*, *берег*, *дерево*, *золото*, *молоко*. П. является результатом фонетического изменения праслав. сочетаний [*o*] и [*e*] с плавными согласными [*r*] и [*l*] в положении между согласными, т. е. сочетаний типа: *tort*, *tert*, *tolt*, *telt*. Поскольку в праславянском языке (см.) действовал закон открытого слога, эти сочетания не могли сохраниться, т. к. слогораздел проходил после [*r*] и [*l*] и слог оказывался закрытым. Однако изменение таких сочетаний у славян шло разными путями. У предков восточных славян, а следовательно, в др.-рус. языке, изменение сочетаний типа *tort*, *tert*, *tolt* проходило путём развития гласного после [*r*] и [*l*], причём этот гласный был таким же, что и гласный перед плавным. Т. о., из праслав. * *storna*, * *bergъ*, * *zolto* развились др.-рус. *сторона*, *берегъ*, *золото*. Что касается исконного сочетания *telt*, то в нём первоначальный [*e*] под влиянием твёрдого [*l*] изменился в [*o*], а дальше процесс шёл обычным путём. Так, напр., из праслав. * *melko* развилось сначала **molko*, а затем *молоко*. Процесс развития П. у восточных славян протекал ещё в дописьменную эпоху, но был живым и в 8—9 вв., о чём свидетельствует передача собственного имени франкского короля Карла Великого др.-рус. нарицательным существительным *король*.

Возникнув как явление фонетическое, П. стало характеризовать фонетический облик многих совр. рус. слов, имеющих праслав. по происхождению корневую часть (ср. Неполногласие).

В совр. рус. языке есть также слова с т. н. вторым П., т. е. с сочетаниями в корневых морфемах *оро*, *ере*, *оло*, но восходящими к праслав. сочетаниям редуцированных гласных (см.) с плавными типа *tъrt*, *tьrt*, *tъlt*, *tьlt*, напр.: *полон* (из др.-рус. *пълнъ*), *верёвка* (из др.-рус. *вьрвъка*), *бестолочь* (из др.-рус. *тълкъ*), *сумеречный* (из др.-рус. *сумьркъ*); это явление наблюдается гл. обр. в диалектах. Развитие второго П. было непоследовательным.

Лит.: И в а н о в В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964.

В. В. Иванов.

ПО́ЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — предложение, имеющее все члены, требуемые данной структурой; противопоставляется неполному предложению (см.). Полнота структуры не означает, что П. п. закрыто для других членов. Ср. *Завтра я буду слушать лекцию* и то же предложение, распространённое другими членами: *Завтра во второй половине дня я буду слушать интересную лекцию в новом здании нашего университета*. При таком распространении развивается и смысл предложения. В неполном предложении, в отличие от полного, восстановление отсутствующих членов не прибавляет нового смысла: «*Ты знаешь, что будет через девять лет?*»— «*Знаю*» по смыслу равно: *Я знаю, что будет через девять лет*.

Е. Н. Ширяев.

ПОЛОЖИ́ТЕЛЬНАЯ СТЕ́ПЕНЬ — см. Степени сравнения.

ПОМЕ́ТА — применяемый в лексикографии (см.) и грамматике способ краткой грамматической, стилистической или иной характеристики слова, выраженный принятым в словаре сокращением соответствующего термина. Характер помет зависит от типа словаря или грамматики и их назначения. Система П. отражает уровень развития классификационной стороны разных областей языкознания.

Г р а м м а т и ч е с к и е п о м е т ы отражают морфологические и синтаксические свойства слова. Они указывают на его принадлежность к определённой части речи (*сущ.* — существительное, *пр.*, *прил.*— прилагательное, *гл.*— глагол, *нар.*— наречие, *прич.*— причастие и т. п.), к одному из трёх родов (*м*—

мужской, *ж.*— женский, *ср.*— средний), показывают синтаксические связи слова (*перех.*— переходный глагол, *неперех.*— непереходный) и др. грамматические свойства слова.

Стилистические пометы указывают на сферу употребления того или иного слова (*спец.*— специальное, *книжн.*— книжное, *поэт.*— поэтическое и т. п.), отражают характер употребления и бытования слова, его принадлежность к письменной или устной речи (*разг.*— разговорное, *прост.*— просторечное и т. п.), указывают на историческую принадлежность слова (*ист.*— историческое, *арх.*— архаическое), на его эмоциональную окрашенность (*ирон.*— ироническое, *пренебр.*— пренебрежительное, *бран.*— бранное, *шутл.*— шутливое и т. п.). Иногда при заимствованных словах используются пометы, указывающие на происхождение слова (*араб.*— арабское, *нем.*— немецкое, *тюрк.*— тюркское и т. п.).

Принадлежность слова к специальной сфере употребления обозначается пометами, указывающими на ту или иную область науки, техники, производства (*хим.*— химическое, *мед.*— медицинское, *с.-х.*— сельскохозяйственное).

Кроме общих для всех словарей помет, существуют пометы, характерные только для определённых типов словарей; так, в диалектных словарях отмечаются область, край, место, где слово зафиксировано (*арх.*—архангельское, *смол.*—смоленское, *новг.*— новгородское).

Ряд помет, применявшихся в старых словарях, в сов. лексикографии упрощён: более чёткой стала система стилистических помет, нек-рые пометы вышли из употребления (напр., пометы «общерусское», «простонародно-ироническое» и др.).

Л. В. Вялкина.

ПОРЯ́ДОК СЛОВ — линейная последовательность синтаксических компонентов предложения. П. с. является формальным средством, выполняющим разнообразные функции в разных языках. В языках с развитым флективным строем, в частности в рус. языке, П. с. не выражает, как правило, собственно грамматических значений. Размещение в предложении синтаксически связанных членов может варьироваться, поскольку отношения между ними выражены флексиями. Напр.: *Он приготовил себе спортивную одежду* и *Одежду он приготовил себе спортивную.*

Однако размещение слов в рус. предложении не свободно. П. с. в рус. лит. языке служит преим. для выражения актуального членения предложения (см.), и нормы П. с. подчинены, прямо или косвенно, этой главной его функции.

Различают П. с. в словосочетании и в предложении. Нормы П. с. в разных типах словосочетаний (напр., согласуемые члены ставятся перед теми, с к-рыми они согласованы: *глубокое озеро, душистый мёд*; управляемые члены — после управляющих: *купить книгу, пойти на почту*) обязательно сохраняются и в предложении, если актуальное членение не разрушает единства словосочетания. В предложении *Молодые геологи/уехали на Алтай* словосочетание *молодые геологи* полностью входит в тему, а словосочетание *уехали на Алтай* — в рему. Изменение обычного порядка компонентов словосочетаний в предложении происходит под влиянием изменений в актуальном членении. Напр., один из компонентов словосочетания включается в состав темы, с к-рой начинается предложение, а другой становится ремой и выносится в конец предложения: *Уехали молодые геологи/ на Алтай.*

Размещение членов предложения также определяется его актуальным членением. Подлежащее (или группа подлежащего) предшествует сказуемому (или группе сказуемого), если подлежащее является темой: *Испытанное средство/ подействовало.* Если же подлежащее служит ремой, оно следует после сказуемого: *Подействовало/ испытанное средство.* Существуют определённые правила П. с. и в нерасчленённых предложениях. Напр., в двусоставных глагольных предложениях сказуемое предшествует подлежащему: *Началось лето*; *Идёт дождь.*

П. с. в рус. языке выполняет также стилистические функции. В стилистически нейтральной лит. речи нормой является постановка темы перед ремой. Чеш. лингвист В. Матезиус назвал такой П. с. «объективным». В эмоциональной, взволнованной речи возможна постановка ремы перед темой (по В. Матезиусу,— «субъективный» П. с.). В результате перестановки темы и ремы (см. Инверсия) фразовое ударение (интонационный центр предложения), падающее на рему (на последнее слово ремы), сдвигается со своего конечного места в предложении. Сдвиг фразового ударения придаёт предложению экспрессивный характер: *Хороший летние вечера!*, ср. с нейтральным вариантом: *Летние вечера хороший.* Актуальное членение в экспрессивном варианте не изменяется.

П. с. в стихотворной речи имеет особые закономерности, связанные с ритмико-интонационной спецификой стихотворной речи. Значительной свободой отличается П. с. в устной разговорной речи, однако и здесь существуют определённые закономерности.

Лит.: Сиротинина О. Б., Порядок слов в русском языке, [Саратов], 1965; Адамец П., Порядок слов в современном русском языке, Praha, 1966; Ковтунова И. И., Принципы словорасположения в современном русском языке, в сб.: Русский язык. Грамматические исследования,

М., 1967; е ё ж е, Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения, М., 1976; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; К р ы л о в а О. А., «Единственно возможный...» (О роли порядка слов в русском языке), «Рус. речь», 1972, № 4.

И. И. Ковтунова.

ПОСЛЕ́ДОВАТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕ́НИЕ — см. Подчинение.

ПОСЛО́ВИЦА — устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в к-ром зафиксирован практический опыт народа и его оценка определённых жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки (см.), как самостоятельное суждение.

Основой широкого употребления П. в речи является их многофункциональность: содержащиеся в них образы могут быть применены по аналогии для характеристики большого количества ситуаций самых различных сторон жизни (напр., выражения *Куй железо, пока горячо*; *Рыбак рыбака видит издалека*; *Лес рубят — щепки летят*).

П. отражают разные стороны действительности, они характеризуют человека, общественные отношения, мировоззрение, природу. Как отмечал К. Д. Ушинский, в П. «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни». Многие П. основаны на реальных исторических событиях и ситуациях (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; *Москва не сразу строилась*); образность П. часто связана со специфическими рус. реалиями (*Не красна изба углами, а красна пирогами*). В П. используются самые разнообразные средства художественной образности: сравнение, олицетворение, синекдоха, метафора и др. Нерешённым в языкознании остаётся вопрос о включении П. во фразеологическую систему рус. языка, проблема признания П. единицами языка или речи. По мнению многих учёных, к системе языка могут быть отнесены только общеизвестные П., к-рые воспроизводятся носителями языка в готовом виде. Окончательно не решён также вопрос о знаковой природе П.

Достаточно полно изучена лексика рус. П. (прежде всего историзмы и лексические архаизмы), исследованы основные синтаксические конструкции П. и выделена специфика их синтаксиса по отношению к синтаксису совр. лит. языка.

С б о р н и к и: С н е г и р е в И. М., Русские народные пословицы и притчи, М., 1848; Д а л ь В. И., Пословицы русского народа, М., 1957; Р ы б н и к о в а М. А., Русские пословицы и поговорки, М., 1961; Ж у к о в В. П., Словарь русских пословиц и поговорок, М., 1966.

Лит.: П о т е б н я А. А., Из лекций по истории словесности. Басня, пословица, поговорка, Хар., 1930; Ш а х н о в и ч М. И., Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок, «Советский фольклор», 1936, № 4—5; А н и к и н В. П., Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор, М., 1957; П е р м я к о в Г. Л., От поговорки до сказки, М., 1970; Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст), М., 1978.

Ю. Е. Прохоров.

ПОСТПОЗИ́ЦИЯ — постановка грамматического компонента после другого, с ним связанного. Напр., в производных словах суффиксы находятся в П. по отношению к корню слова: *друж-ок*, *глупость*, *буфет-чик*. В формах сослагательного наклонения глагола частица *бы* находится в П. по отношению к спрягаемой форме глагола: *читал бы*, *поспали бы*. В словосочетаниях *увидеть слона*, *море синее* сущ. *слона* и прил. *синее* находятся в П. по отношению к глаголу (первое) и существительному (второе). В предложении *Восходит солнце* подлежащее расположено в П. по отношению к сказуемому, а в предложении *Дверь открылась* сказуемое находится в П. по отношению к подлежащему. В сложном предложении *Когда взошло солнце, мы отправились на речку* главнсе предложение находится в П. по отношению к придаточному, а в предложении *Мы отправились на речку, когда взошло солнце* придаточное предложение находится в П. по отношению к главному.

И. И. Ковтунова.

ПО́СТФИКС (от лат. post—после и fixus — прикреплённый) — 1) любой аффикс, стоящий в слове или словоформе после корня; 2) аффикс, стоящий после флексии и противопоставленный по этому признаку суффиксу (см.). В рус. языке насчитывается пять П. (во 2-м, узком смысле): глагольные П. *-ся*/*-сь* (*мыть-ся*, *мою-сь*) и *-те* (*иди-те*), местоименные П. *-то*, *-либо*, *-нибудь* (*кто-то*, *что-нибудь*, *какой-либо*). Все перечисленные П. (кроме *-те*) — словообразовательные (см. Морфема); *-те* — словоизменительный, имеет значение мн. ч. повелительного наклонения.

Термин «П.» не является общепринятым, в школьной практике до недавнего времени П. называли частицами (что порождало смешение П. с частицей как частью речи), в ныне действующем школьном учебнике П. относят к суффиксам.

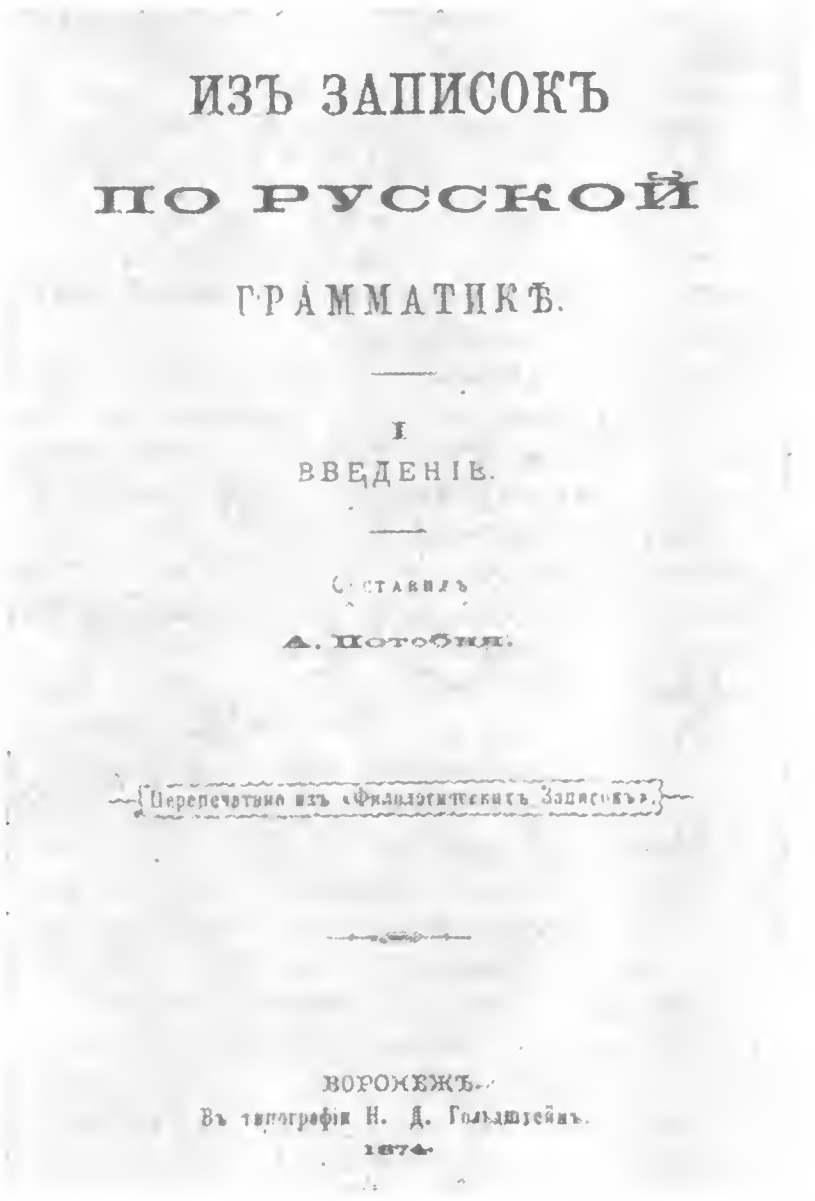
Как словообразовательное средство П. имеет много общего с приставкой (см.): он присоединяется к слову в целом, а не к основе (как суффикс) и тем самым оставляет систему флексий производного слова неизменной по сравнению с производящим. Словообразовательные значения П., как и приставки, — модификационные, таковы, напр., значения возвратности и взаимности действия у П. *-ся* (*купать — купаться*, *обнимать — обниматься*), неопределённости у местоименных П.; П. *-ся* участвует также

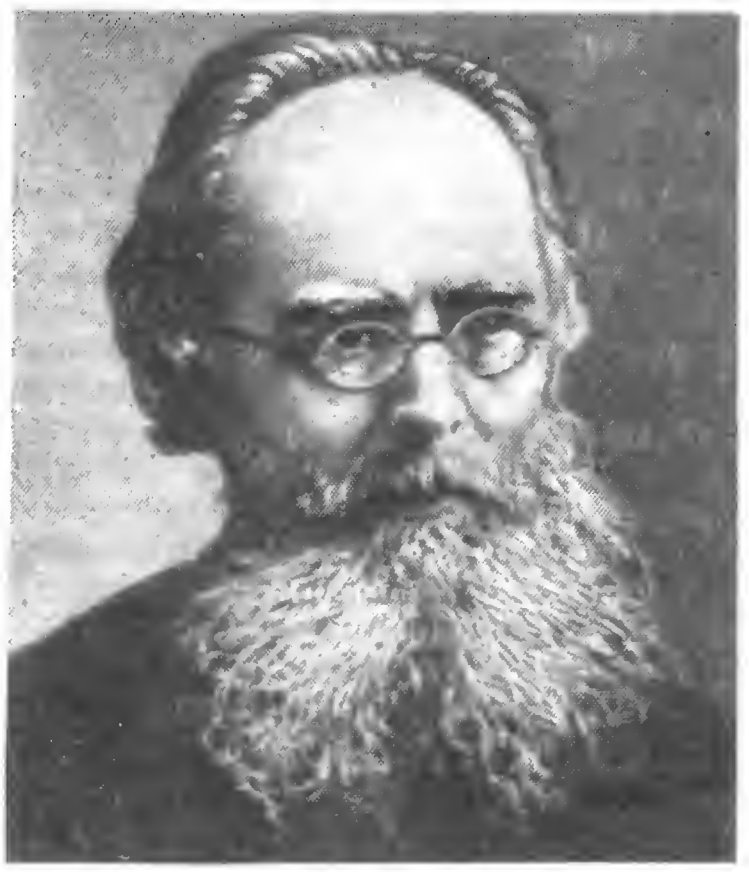
в формировании страдательного залога глагола.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Л о п а т и н В. В., Об одной разновидности аффиксов в русском языке, «Рус. речь», 1975, № 2—3.

В. В. Лопатин.

ПОТЕБНЯ Александр Афанасьевич [10(22).9.1835, с. Гавриловка Роменского у. Полтавской губ.,— 29.11(11.12).1891, Харьков]— укр. и рус. филолог, чл.-корр. Петерб. АН (1877). Окончил Харьковский ун-т (1856), проф. этого ун-та (с 1875). Глава т. н. харьковской лингвистической школы. Труды по общему языкознанию, рус. и укр. языкам, слав. диалектологии, сравнительно-исторической грамматике, а также по теории словесности, фольклору, этнографии. Проблемы взаимоотношения языка и мышления, языка и нации, происхождения языка П. рассматривал в книге «Мысль и язык» (1862). Здесь же содержится учение о внутренней форме слова (см.). В фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике» (т. 1—2, 1874; т. 3, 1899; т. 4, 1941) рассмотрел основные вопросы лексикологии и морфологии, дал анализ понятий слова, грамматической формы и грамматической категории, основных проблем синтаксиса. П. развил учение о ближайшем (языковом) и дальнейшем (внеязыковом) значениях слова. Однако в теории для П. слово существовало как одно употребление, он отрицал многозначность слов, что находилось в противоречии с признанием исторической изменчивости и развития языка. В своей лингвистической практике П. всегда считался с единством многозначного слова. П. «выдвинул два новых и притом основных принципа понимания и исследования синтаксических явлений: 1) принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и — соответственно — принцип историзма в осмыслении современной синтаксической системы; 2) принцип структурной взаимосвязанности всех основных грамматических категорий — слова, части речи, члена предложения и предложения» (В. В. Виноградов, «Из истории изучения русского синтаксиса»). Решая проблему исторической изменчивости предложения (от именного строя к глагольному), связывал её с развитием мышления.


ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО РУССКОЙ
ГРАММАТИКѢ.
I
ВВЕДЕНІЕ.
Составилъ
А. Потебня.
Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ».
ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи Н. Д. Гольштейна.
1874.



Большой интерес представляют мысли П. о знаковой природе языковых единиц.

Следуя своей теории «лингвистической поэтики», изложенной в книгах «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» (1894) и «Из записок по теории словесности» (1905), выделял в поэтическом слове (поэтическом произведении) три элемента: внешнюю форму (звучание), значение (семантику) и внутреннюю форму (образ).

Лит.: Ф и л и н Ф. П., Методология лингвистических исследований А. А. Потебни, в кн.: Язык и мышление, т. 3—4, М.—Л., 1935; е г о ж е, Александр Афанасьевич Потебня. 1835—1891, «Рус. речь», 1971, № 5; Б у л а х о в с к и й Л. А., Александр Афанасьевич Потебня. (К 60-летию со дня смерти), К., 1952; Ф р а н ч у к В. Ю., Олександр Опанасович Потебня, Київ, 1975; Б е р е з и н Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX вв., М., 1976; Б і л о д і д О. І., Граматична концепція О. О.Потебні, Київ, 1977.

ПОТО́К РЕЧЕВО́Й — см. Речевой поток.

ПОЭТИ́ЧЕСКАЯ РЕЧЬ — речь, представленная в поэтических произведениях. К поэтическим в широком смысле

относятся не только стихотворные, но и прозаические художественные произведения, поэтому термин «П. р.» иногда употребляется и как синоним «художественной речи». Имеются различные толкования природы и сущности П. р. Так, А. А. Потебня (см.) всякое слово считал поэтическим, всякий язык — искусством, что вело к отождествлению общего и поэтического языка. В 20—30-е гг. 20 в. была популярна точка зрения, резко противопоставлявшая, разобщавшая поэтическую и «практическую» речь. Большинство сов. лингвистов рассматривает П. р. как особое проявление общенародного языка, подчёркивая связь этих явлений, но не отождествляя их. «Особой общей системы поэтической речи,— писал В. В. Виноградов,— имеющей свои специфические структурно-языковые качества и реализующей их в разных видах своей актуализации (тем более в универсальном, внеисторическом плане), не существует. Любое языковое явление при специальных функционально-творческих условиях может стать поэтическим» («Стилистика. Теория поэтич. речи. Поэтика»).

Отличительным качеством П. р. является особая эстетическая функция наряду с функцией коммуникативной. В результате тщательного отбора и организации общеязыковых средств достигается художественная мотивированность всех элементов П. р. Г. О. Винокур заметил, что «в поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с пустым, мертвым, произвольно-условным значением» («Избранные работы по русскому языку»). Так, напр., слово *настольный* в общем языке мотивировано отношением к слову *стол*, а слово *крутой* не имеет такой мотивированности. *Настольная лампа* — это лампа, стоящая на столе, но *крутой поворот* — это только крутой поворот (произвольно-условное значение слова *крутой*). Однако в строках Твардовского из поэмы «За далью — даль»:

«В крутые памятные сроки
Я побывал на Ангаре,
Когда особая для стройки
Была задача на поре.
Она была для многих внове,
Видавших всякие жары,
Все, словом, было наготове
Для перекрытья Ангары»—

слово *крутой* мотивировано всем содержанием отрывка, а в собственно лингвистическом плане — отношением к слову *сроки*, а также к словам *памятные*, *особая*, *задача*, *для стройки* и др. Здесь можно наблюдать и другую особенность П. р. — т. н. художественно-изобразительные «приращения смысла» употреблённых слов. Значение слова *крутой* в приведённом отрывке не совпадает ни с одним из значений этого слова, указанных в толковых словарях, хотя и обнаруживает явные связи с этими общеязыковыми значениями. Ясно обнаруживается «приращение смысла» и в слове *жары*, заметно оно и в других словах отрывка. «Приращение смысла» происходит потому, что слово в П. р. «обращено не только к общенародному языку и отражающемуся в нем опыту познавательной деятельности народа, но и к тому миру действительности, который творчески создается или воссоздается в художественном произведении» (В. В. Виноградов, указанное соч.). Многие исследователи указывают на образность как характерное свойство П. р. Образность действительно является неотъемлемым качеством П. р., однако образной бывает и разговорная речь, а также речь публицистическая и (в меньшей степени) научная. Образность П. р. далеко не всегда выражается в различных образных выражениях (тропах, фигурах речи и т. п.). Образность П. р. может быть и «безóбразной», т. е. основываться на использовании не переносных, а прямых значений слов, на точном соответствии слов называемым реалиям.

П. р. отличается также особой звуковой организацией. Такие явления, как звуковые повторы, сближение сходно звучащих слов и др., к-рые в общем языке могут быть случайными, в П. р. выступают как значимые, выполняющие эстетическую функцию, напр.: «*И пестр, и ярмарочно ярок, И вместе строг был этот сбор*» (Твардовский); «*Сибиряки! Молва не врет,—Хоть с бору, с сосенки народ, Хоть сборный он, зато отборный*» (Твардовский). Столкновение однокоренных слов (*сборный — отборный*) также выполняет определённое смысловое и художественное задание. Все явления общего языка (фонетические, грамматические, лексические), в т. ч. и представляющиеся частными и случайными, в составе П. р. становятся существенными, эстетически значимыми.

П. р. — категория историческая. Её совр. качества в основных чертах сложились в пушкинскую эпоху. А. С. Пушкин решительно отверг многословие и риторику карамзинского «нового слога» (см. История русского литературного языка) и блестяще воплотил в своей писательской практике принципы «соразмерности и сообразности», «благородной простоты», «искренности и точности выражения». В творчестве Пушкина определилась и главная тенденция развития П. р.— всё более широкое и свободное использование средств общенародного языка в эстетической функции.

Лит.: Щ е р б а Л. В., Избранные работы по русскому языку, М., 1957; В и н о к у р Г. О., Избранные работы по русскому языку, М., 1959; В и н о г р а д о в В. В., Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; е г о ж е, О теории художественной речи, М., 1971; Ш м е л е в Д. Н., Слово и образ, М., 1964; е г о ж е. Русский

язык в его функциональных разновидностях, М., 1977; Григорьев В. П., Словарь языка русской советской поэзии, М., 1965; Будагов Р. А., Литературные языки и языковые стили, М., 1967; Поэт и слово. Опыт словаря. [Под ред. В. П. Григорьева], М., 1973. *А. И. Горшков.*

ПОЯСНЕ́НИЕ — вид синтаксического отношения между членами предложения или предложениями, суть к-рого заключается в отнесении их к одному и тому же объекту действительности. Формально на П. указывают союзы: *то есть, а именно, или, как-то, будь то*—либо их функциональные аналоги, включая и интонационные средства: *Занятия будут 12 апреля, т. е. в четверг; У меня неприятность: я поссорился с другом.* П. выступает как отношение тождества (*то есть, или = то есть*) или общего и частного (*а именно, как-то, будь то*).

Виды и формы П. различаются в зависимости от функции повторного обозначения: конкретизации, освещения факта в ином аспекте, толкования: «*В корзине была дичь: два тетерева и утка*» (Аксаков); «*Чем выше поэт, то есть чем общечеловечнее содержание его поэзии, тем проще его создания*» (Белинский); *флексия, то есть окончание; окончание, или, иначе, флексия.*

С синтаксической стороны пояснительные отношения не совпадают полностью ни с сочинением, ни с подчинением, соединяя в себе признаки и того и другого. Это особенно видно на примере П. в простом предложении. Словоформы при П. ведут себя как однородные члены: не зависят одна от другой, относятся к общему для них члену и связаны союзом, занимающим позицию между ними. В то же время они не равноправны в предложении, а относятся друг к другу как определяемое и определяющее: второй член служит первому, что находит выражение в синтаксических показателях — строгом порядке следования и в обособлении поясняющего члена.

Разновидностью пояснительных отношений (как отношений синтаксических) является уточнение (*После работы, часов в семь,...*) и включение (*Ряд городов, в том числе Курск и Орёл,...*).

Лит.: Прияткина А. Ф., Конструкции с пояснительными союзами, «Рус. яз. в школе», 1956, № 5; Кирпичникова Н. В., О синтаксическом термине «пояснение», в сб.: Исследования по современному русскому языку, [М.], 1970; Уханов Г. П., Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению, в сб.: Исследование по славянской филологии, [М.], 1974. *А. Ф. Прияткина.*

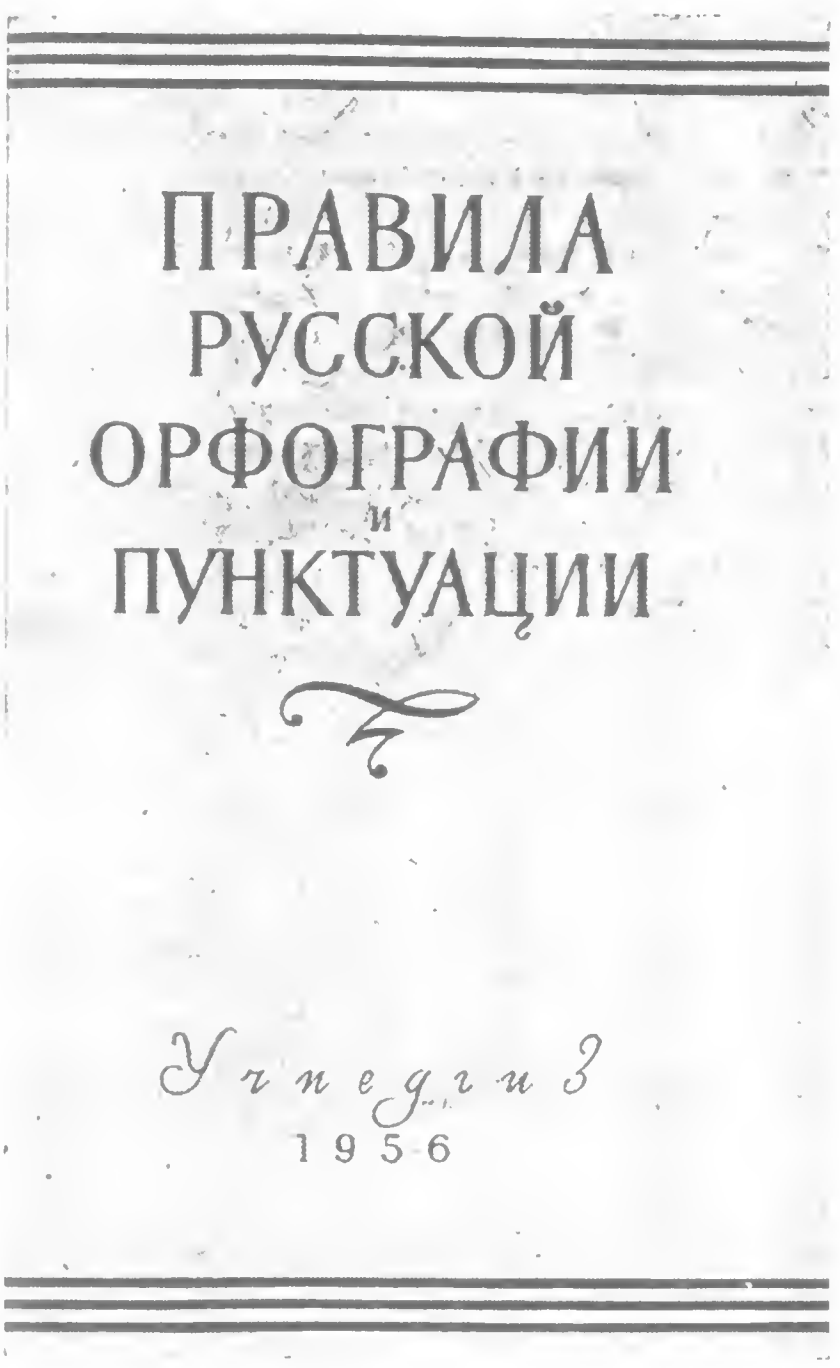
ПРА́ВИЛА — положения, выражающие определённую закономерность, постоянное соотношение языковых явлений или предлагающие в качестве нормативного конкретный способ использования языковых средств в письменной и устной речи. П. тесно связаны с законами развития грамматического строя и словарного состава языка, и их изменения в определённой мере отражают развитие языка. Грамматические П. регулируют правильное употребление различных конструкций предложения, форм слов и исторически сложившихся и принятых в рус. языке способов словообразования (согласование прилагательных с существительными в роде, числе и падеже, управление глаголов существительными, образование видов глагола, парадигмы склонений имён и т. п.). Орфографические П. определяют принятое в лит. языке написание слов и их форм (правописание слов с проверяемыми и непроверяемыми безударными гласными, слитные и раздельные написания приставок и предлогов и т. п.). Пунктуационные П. в совокупности составляют систему расстановки знаков препинания на письме.

П. могут быть позитивные (утверждающие, обязывающие поступать только так, а не иначе: предлоги с существительными пишутся всегда раздельно) и негативные (запрещающие: подлежащее и сказуемое нельзя разделять запятыми). В школьной практике преимущество обычно отдаётся П. первого типа.

Структурой П. (его формулировкой) предусматривается указание на признаки регулируемого языкового явления, а также нормы и условия применения П.

Лит.: Блинов Г. И., Методика изучения пунктуационных правил, М., 1972; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь-справочник лингвистических терминов, 2 изд., М., 1976. *А. В. Текучёв.*

«ПРА́ВИЛА РУ́ССКОЙ ОРФОГРА́ФИИ И ПУНКТУА́ЦИИ» (М., 1956)— полный свод орфографических и пунктуационных правил, обязательных для совр. рус. письма. Утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. Необходимость унификации правил орфографии и пунктуации была вызвана тем, что реформа 1918 (см. Реформы азбуки и правописания), разрешив основные, крупнейшие вопросы по упрощению рус. письма, по своему характеру не могла устранить непоследовательности в написании отдельных слов, не коснулась многих частных вопросов орфографии. Рост словарного состава рус. лит. языка в сов. время, привносящий новые орфографические проблемы, отсутствие в ряде случаев орфографических правил, наличие многих справочных пособий и словарей, содержащих противоречивые рекомендации, приводили к увеличению разнобоя в орфографии, вносившего трудности в школьное преподавание, издательскую практику и т. д. Свод правил 1956, «по своей полноте и четкости превосходящий все предшествующие работы по унификации орфографии» (С. И. Ожe-



гов), создал базу для ликвидации орфографического разнобоя.

«Правила» состоят из двух частей и приложения. В первой части изложены правила орфографии, во второй — правила пунктуации, в приложении дан словарь, к-рый содержит около 4000 слов с отсылками к соответствующим параграфам «Правил». Правила орфографии изложены в семи разделах: 1) правописание гласных (изменены и уточнены правила о написании *и* и *ы* после *ц*; унифицировано написание *ы* после приставок, оканчивающихся на согласный, сформулировано правило о написании *о — е* после шипящих и др.); 2) правописание согласных (даны частные дополнения); 3) буквы *ъ* и *ь* (в этот раздел внесены отдельные поправки и уточнения); 4) написания слитные или через дефис. Правила этого раздела, касающиеся существительных, прилагательных и числительных, были упорядочены. Так, установлено единое дефисное написание прилагательных, образованных от двух основ и обозначающих качество с дополнительным оттенком (типа: *раскатисто-громкий*) и оттенки цветов. Сформулированы правила для наречий. Особое внимание было уделено вопросу о слитном и раздельном написании отрицания *не* с различными частями речи; 5) прописные буквы (дан перечень наименований учреждений, организаций, должностей, званий, пишущихся с прописной и строчной буквы); 6) буквенные аббревиатуры, сложносокращённые слова и графические сокращения; 7) правила переносов.

Рус. пунктуация за всё время существования не подвергалась упорядочению и реформированию. В «Правилах» были систематизированы действующие правила, устранены противоречия и неясности, сформулированы правила для ранее нерегламентированных случаев. Все пунктуационные правила, предусмотревшие основные, наиболее типичные языковые конструкции, даны в виде систематического свода, изложенного по знакам препинания.

«Правила» 1956 служат обязательным руководством при составлении учебников, словарей рус. языка, специальных словарей, энциклопедий и справочников, для всей языковой практики.

Лит.: Шапиро А. Б., Русское правописание, 2 изд., М., 1961; Иванова В. Ф., История и принципы русской пунктуации, Л., 1962; Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии, М., 1965; Букчина Б. З., «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956) и орфографическая практика, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1974, т. 33, № 1. *Б. З. Букчина.*

ПРАВОПИСА́НИЕ — см. Орфография.

ПРАРО́ДИНА СЛАВЯ́Н (языковая)— территория, на к-рой сформировался праславянский язык (см.) со всеми его важнейшими отличительными признаками. Этому языку предшествовал протославянский язык, т. е. тот диалект индоевропейского праязыка, на основе к-рого позже, в иную историческую эпоху, возник праславянский. Протославянский был распространён в восточной зоне индоевропейского языкового ареала. Его территориальная приуроченность определяется по-разному в зависимости от установления индоевропейской прародины. Не позже 2-го тыс. до н. э. носители протослав. языка заняли территорию, на к-рой сформировался слав. этнос. Здесь славяне вступили в тесный контакт с носителями балтийского праязыка. Именно здесь сформировались праслав. язык и слав. этническая индивидуальность (т. н. прародина славян).

Среди славистов нет единства во взглядах на территорию слав. прародины. Однако в настоящее время разногласий меньше, нежели в прошлом. Утратили значение гипотезы А. А. Шахматова, оставлена очень популярная в прошлом теория карпатской прародины. Слав. орографическая лексика убедительно свидетельствует, что славяне формировались не в областях горного ландшафта. В наше время слависты локализуют П. с. на территории между Одером и Днепром. Разногласия, однако, имеются и теперь. Одни учёные ограничивают эту территорию бас-

сейнами рек Одера и Вислы (т. н. висло-одерская теория), другие склонны самую древнюю слав. прародину связывать с территорией между Вислой и Днепром (т. н. висло-днепровская теория). Последняя имеет больше сторонников. Согласно висло-днепровской теории, северной границей слав. прародины была река Припять, к северу от к-рой была уже балтийская территория (прусы и ятвяги). Южная граница доходила до предгорий Карпат. Западной границей являлось среднее течение реки Вислы. На востоке славяне заселяли всё украинское Полесье до Днепра. В установлении данной территории играют основную роль лингвистические и археологические данные.

На рубеже двух эпох (дохристианской и христианской) началось движение носителей слав. речи в северо-западном и северо-восточном направлениях. В результате славяне вышли к южному побережью Балтийского моря, заселили верхнее течение Днепра и его притоков. В Прибалтике впервые славяне вошли в контакт с германцами (готами). В 1-е века н. э. началось движение в южном направлении. На территории южной Польши и Чехии славяне ассимилировали местное кельтское население. Были заселены Словакия, Паннония (совр. Венгрия) и Дакия (совр. Румыния). В юго-восточном направлении славяне проникли в северные районы Причерноморья. В сер. 1-го тыс. н. э. наступила эпоха слав. колонизации Балкан, в результате к-рой Балканский полуостров в большей своей части стал славянским. К концу праслав. периода славяне занимали обширную территорию от Балтийского моря и побережья Ледовитого океана на севере до Средиземного моря на юге, от Эльбы на западе до Волги на востоке.

Лит.: Филин Ф. П., Образование языка восточных славян, М.—Л., 1962; Третьяков П. Н., Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.—Л., 1966; Нидерле Л., Славянские древности, пер. с чеш., М., 1956; Lehr-Spławiński T., O pochodzeniu i praojczyźnie słowian, Poznań, 1946; Kostrzewski J., Prasłowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury prasłowian, Poznań, 1946; Ułaszyn H., Praojczyzna słowian, Łódź, 1959; Vasmer M., Die Urheimat der Slaven, в его кн.: Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, Bd 1, B., 1971.

С. Б. Бернштейн.

ПРАСЛАВЯ́НСКИЙ ЯЗЫ́К, общеславянский язык,— язык-предок всех слав. языков. П. я. вместе с прабалтийским, прагерманским, пракельтским, праиталийским и др. восходит к индоевропейскому праязыку. В 3-м тыс. до н. э. индоевропейского праязыка уже не существовало. Распад П. я. на самостоятельные слав. языки произошёл во 2-й пол. 1-го тыс. н. э. Таким образом, П. я. существовал свыше трёх тысяч лет, в течение к-рых он, естественно, пережил глубокие преобразования. По судьбе средненёбных k^1 и g^1 П. я. относится к группе satəm (ср.: *sьrdьce*, *sъto*, *znati*, *zima*). Он не различал индоевропейских звонких придыхательных и непридыхательных (ср. праслав. *domъ* — лат. *domus*, но праслав. *dymъ* — лат. *fūmus*), не содержал следов лабиализованных задненёбных. В ранний период истории П. я. характеризовался наличием большого числа гласных сонантов, шумные согласные были представлены небольшим числом фонем, шипящих согласных и аффрикат не было. Очень рано были утрачены ларингалы. Гласные *e*, *i*, *u* могли быть долгими и краткими, гласный *a* был всегда долгим, гласный *o* — кратким. Долгота и краткость гласных не были позиционными. Известны были дифтонгические сочетания типа: *oi*, *ou*, *or*, *ol*, *om*, *on*. Слоги могли быть долгими и краткими. Слоги с долгими монофтонгами произносились с восходящей интонацией (акутовой), с кратким гласным в дифтонгических сочетаниях — с нисходящей (циркумфлексной). Слоги с кратким монофтонгом имели особую интонацию, к-рая позже совпала с циркумфлексом. Ударение (иктус) было динамическим и могло падать на различные слоги в слове. Ударение и интонация (восходящая и нисходящая) в этот древний период не были связаны, т. к. все слоги в слове имели свою интонацию, а ударным был лишь один слог. Позже произошло сближение иктуса и интонации, в результате чего возникло музыкальное ударение.

К важнейшим процессам, существенным образом видоизменившим звуковой строй языка и структуру слова, относятся два: ассимиляционное смягчение согласных перед *j* и утрата закрытых слогов. В результате общего процесса смягчения согласных произошла первая палатализация задненёбных, возникли шипящие согласные и аффрикаты, эпентетическое *l*. Утрата закрытых слогов привела к утрате конечных согласных в слове, к возникновению протетических звуков, к изменению слогораздела, к упрощению многих групп согласных, к монофтонгизации дифтонгических сочетаний, к возникновению носовых гласных звуков и слоговых плавных, к различного рода метатезам. К существенным праславянским процессам этого периода относятся вторая и третья палатализации задненёбных (*cě-na*, *otьcь*), появление т. н. редуцированных (сверхкратких) *ъ* и *ь*, гласного *y* (из *ū*).

П. я. имел три рода (мужской, женский и средний), три числа (единственное, двойственное и множественное), семь падежей (во мн. ч. шесть, в двойственном — три). Среди именных основ различались основы-корни, основы на *-s*,

на -*nt*, на -*n*, на -*r*, на -*ū*, на -*ŭ*, на -*ĭ*, на -*ŏ*, на -*ā*. Эти основы различались набором флексий. В ранний период П. я. знал только именные прилагательные, к-рые изменялись по основам на -*ŏ* и на -*ā* (типа: *dobrъ*, *dobra*, *dobro*). В поздний период сформировались в результате контаминации именных прилагательных с указательным местоимением местоименные прилагательные (*dobrъjь*, *dobraja*, *dobroje*). Отсутствовала часть речи числительное. Названия чисел входили в класс именных основ. Глагол мог иметь две основы: основу наст. времени (*berǫ*) и основу инфинитива (*bьrati*). От основы наст. времени образовывались наст. время (*berǫ*, *bereši*), повелительное наклонение (*beri*), причастие действительного залога наст. времени (*bery*), причастие страдательного залога наст. времени. От основы инфинитива образовывались инфинитив (*bьrati*), супин (*bьratъ*), аорист (*bьrahъ*), причастия прош. времени (*bьralъ*, *bьravъ*). Имперфект мог образовываться от обеих основ (*berěahъ*, *bьraahъ*). Основы наст. времени по своей структуре относились к пяти различным классам: атематические основы, основы на -*e*/-*o*, основы на -*ne*/-*no*, основы на -*je*/-*jo* и основы на -*i*. Основы инфинитива были равны корню (*nesti*) и были с суффиксальным элементом (*dvignǫti*, *gorěti*, *moriti*, *dělati*, *besedovati*). Личные глагольные окончания (флексии) были первичные и вторичные. С первичными образовывалось наст. время, с вторичными — прош. времена и повелительное наклонение. Форм буд. времени не было. Прош. времена были простые (аорист и имперфект) и сложные (перфект и плюсквамперфект). Аорист имел несколько типов. Категория глагольного вида сформировалась в поздний период на основе более древнего противопоставления глагольных пар по признаку определённость — неопределённость. Важную функцию в языке играли действительные и страдательные причастия. Деепричастия П. я. не знал.

Лексика в своей наиболее древней части восходит к индоевропейскому периоду. Эта наиболее архаическая часть словаря имеет соответствия в других индоевропейских языках. Однако многие элементы индоевропейского словаря в П. я. были утрачены и заменены новообразованиями, среди к-рых большую роль играли табу (ср.: *medvědь*, *dǫbъ* и др.). Новообразований много среди названий частей человеческого тела, среди названий явлений природы, социальных и семейных отношений. П. я. имел немало заимствований из соседних родственных и неродственных языков. Наиболее древними являются заимствования из балтийских языков, к более позднему периоду относятся иранизмы. В позднейший период П. я. заимствовал отдельные слова из германских, тюркских и финно-угорских языков. Заимствования из греч. и лат. проникли в отдельные диалекты уже в период распада праслав. языкового единства.

В течение длительного времени П. я. развивался как единый диалект. Именно этим объясняется высокая степень близости между слав. языками. Однако в последнее тысячелетие своей истории П. я. распался на ряд диалектов, на основе которых в дальнейшем сформировались самостоятельные славянские языки (см.).

Лит.: Ильинский Г. А., Праславянская грамматика, Нежин, 1916; Мейе А., Общеславянский язык, пер. с франц., М., 1951; Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961; Кузнецов П. С., Очерки по морфологии праславянского языка, М., 1961; Нахтигал Р., Славянские языки, пер. со словенского, М., 1963; Mikkola J. J., Urslavische Grammatik, Bd 1—3, Hdlb., 1913—50; Arumaa P., Urslavische Grammatik, Bd 1, Hdlb., 1964; Birnbaum H., Common Slavic. Progress and problems in the reconstruction, Camb., 1975.

С. Б. Бернштейн.

ПРЕВОСХО́ДНАЯ СТЕ́ПЕНЬ — см. Степени сравнения.

ПРЕДИКА́Т (от позднелат. praedicatum — сказанное)— 1) в учении о членах предложения — то же, что сказуемое (см.). 2) В теории актуального членения предложения (см.) П. психологический (устар.) — то же, что рема. Психологический П. нетождествен сказуемому и может быть выражен любым членом предложения или группой членов предложения (*Отец | пришёл*; *Отéц | пришёл*; *Детские писатели | часто встречаются со своими юными читателями*; *Выехали мы из Москвы | поздно вечером*). 3) В синтаксической семантике — признак, приписываемый субъекту (см. Субъект в 3-м значении) в определённом временно́м и модальном плане, т. е. то, что высказывается (утверждается или отрицается) о предмете мысли. П. большей частью совпадает со сказуемым или группой сказуемого (*Усталый пловец | достиг берега*, где П.— *достиг берега*). По характеру выражаемого П. признака следует различать П.-свойство и П.-отношение. П.-свойство — это одноместный П., он указывает на действие, состояние или качество субъекта (*Земля круглая*). П.-отношение — это П. двухместный, трёхместный и т. д. Он характеризует субъект с точки зрения его отношения с другими предметами (*Земля вращается вокруг Солнца*; *Земля ближе к Солнцу, чем Марс*). В совр. лингвистике и логике высказывается мнение об органической связи структуры суждения и актуального членения предложения. П. определяется при этом как носитель новой мысли в суждении и предложении и не отождеств-

ляется со сказуемым или группой сказуемого (ср.: *Мóлния сверкнула*; если это предложение служит объяснением, почему в тёмной комнате внезапно стало светло, и произносится с ударением на слове *молния*, то именно данное слово является логическим П.).

Лит. см. при ст. Субъект.

О. И. Москальская.

ПРЕДИКАТИ́ВНОСТЬ — синтаксическая категория, формирующая предложение. П. относит содержание предложения к действительности и тем самым делает его единицей, предназначенной для сообщения. Поскольку отнесение содержания предложения к действительности предполагает помещение его в определённый временной и модальный (реальный или ирреальный) план, постольку и П. представляет собой неразрывное единство двух синтаксических категорий — времени и наклонения. В двусоставных предложениях носителем П. является сказуемое, в односоставных — их главный член.

П. следует отличать от т. н. субъективной модальности, на базе к-рой складываются разные виды оценочных значений, несущих в себе отношение говорящего к тому, о чём сообщается в предложении: его характеристику с точки зрения достоверности, возможности, целесообразности, необходимости и т. п. (см. Модальность). К П. не относится также целевая установка говорящего на передачу или получение информации (повествовательность — вопросительность).

До тех пор пока господствующими типами слав. предложения считались предложения двусоставные (а среди последних — глагольные), формы времени и наклонения обычно описывались под общим названием «форм сказуемости» (Ф. Ф. Фортунатов и учёные его школы). В непосредственной связи с формами сказуемости изучалась и форма лица, хотя последняя, соединяя сказуемое с подлежащим по принципу своеобразного согласования, принадлежит к числу средств, выражающих синтагматические отношения между словами. Сближение категории лица с категориями времени и наклонения было особенно характерно для тех учёных, к-рые самый акт предикации рассматривали как результат «волевого вмешательства» говорящего субъекта в установление отношений между словами и стоящими за ними представлениями (С. О. Карцевский). Другим, собственно грамматическим аргументом для сближения категории лица с предикативными категориями времени и наклонения является их спаянность в морфологической структуре глагола-сказуемого, выступающего именно как Verbum finitum. В дальнейшем прикреплённость категорий времени и наклонения к личному глаголу послужила основанием для характеристики лица сначала как «фундамента сказуемости» (В. В. Виноградов), а потом как собственно предикативной категории. Новая попытка вывести лицо за пределы П.— с одновременной характеристикой его не как грамматической, а как семантико-синтаксической категории — содержится в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970).

И. Н. Кручинина.

ПРЕДИКАТИ́ВЫ, категория состояния, безлично-предикативные слова, предикативные слова, предикативные наречия,— слова, обозначающие нединамическое состояние и выступающие в функции главного члена (сказуемого, предиката) однокомпонентного (односоставного, безличного) предложения. К П. относятся слова (или реже формы слов) разных частей речи, причём не во всех своих лексических значениях, а только в тех из них, к-рые закреплены за употреблением этих слов в функции сказуемого. Это — сущ. *время* («подходящая, удобная пора»: *время ехать*), *грех* (разг., «грешно, нехорошо»: *Грех смеяться над слабыми*), *досуг*, *недосуг* (разг., «есть свободное время», «нет свободного времени»: *Недосуг мне этим заниматься*), *лень* («не хочется, нет желания»: *Лень учить уроки*), *охота*, *неохота* (разг., «хочется, есть желание», «нет желания»: *Охота поговорить*; *Неохота писать письма*), *пора* («настаёт срок, время»: *Пора уезжать*). К П. причисляются слово *жаль*, к-рое в совр. лит. языке как существительное не употребляется (в просторечии отмечаются сочетания *какая жаль*, *такая жаль*), и страдательные причастия прош. времени на *-но*, *-то* (*В комнате накурено и не прибрано*; *Велено отправляться в дорогу*; *Не принято возражать*). Из наречий к П. относят: 1) слова с модальными значениями долженствования, необходимости, возможности, не соотносительные с качественными наречиями и краткими прилагательными, напр.: *должно*, *можно*, *возможно*, *надо*, *нельзя*, *нужно*, устар. *надобно*; 2) предикативные наречия, не соотносительные по значению с качественными наречиями, напр.: *совестно*, *стыдно*, *тошно*; 3) предикативные наречия, соотносительные по значению с качественными наречиями, напр.: *весело*, *грустно*; *ветрено*, *холодно*; *больно*, *плохо*.

Закреплённость за П. синтаксической функции сказуемого определила их наименование. Термин «П.» был введён чеш. лингвистами во 2-й пол. 20 в. и применялся к той группе слов, к-рая в рус. грамматической лит-ре получила название «категории состояния».

В трудах лингвистов и в грамматиках рус. языка высказывались различные мнения относительно статуса и состава П., или категории состояния. Первым

выделил группу слов (*нельзя*, *можно*, *надо*, *пора*, *жаль* и т. п.), «подведение которых под какую-либо категорию затруднительно», Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» (1928). Эти слова Щерба объединил в одну группу с такими словами, формами слов и выражениями, как *холодно*, *светло*, *весело* (*На дворе становилось холодно*; *В комнате было светло*); *готов*, *должен*, *рад*, *болен*; *быть навеселе*, *наготове*, *настороже*, *замужем*, *без памяти*, *без чувств* и др., и назвал их все «категорией состояния». По определению Щербы, «это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями —... или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, т. е. инструментальное, значение)». Категорию состояния как особую часть речи выделил и В. В. Виноградов («Русский язык», 1947). В более поздних работах в состав категории состояния не включались предложно-падежные формы существительных и существительные в форме твор. п. В 60—70-х гг. 20 в. термин «категория состояния» не употребляется, он заменён термином «П.». П. не получили общего признания как самостоятельная часть речи, хотя ряд учёных вслед за Виноградовым определяют их как особую часть речи. В академических грамматиках рус. языка П. (категория состояния) в качестве самостоятельной части речи не рассматриваются.

Лит.: Современный русский язык, в. 2. Морфология. (Курс лекций), [М.], 1952; Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология, М., 1953; Шапиро А. Б., Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи?, «ВЯ», 1955, № 2; Поспелов Н. С., В защиту категории состояния, там же; Современный русский язык, ч. 2. Морфология. Синтаксис, [М.], 1964; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Щерба Л. В., О частях речи в русском языке, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ПРЕДЛО́Г — часть речи: неизменяемое служебное слово, представляющее собой грамматическое средство соединения имён существительных (или местоимений-существительных) с другими словами в словосочетании или в предложении. В отличие от союзов (см.), соединяющих синтаксические единицы, П. соединяют лексико-грамматические единицы, т. е. слова.

Внешним выражением этого категориального значения П.— значения отношения («релятивности»)—служит их сочетаемость с другими словами: П., в отличие от полнозначных слов, функционируют только в условиях двусторонних синтаксических связей (*живу←в→городе*). Категориальное значение П. не зависит от значений соединяемых ими полнозначных слов. Лексические значения П. разнообразны и зависят от значений соединяемых ими полнозначных слов. Эти значения могут иметь и более общий и более частный характер. Общими являются те лексические значения, точнее, элементы значения (пространственные, временны́е, компаративные, причинные, целевые и т. д.), к-рые присущи всем П., составляющим однородную функционально-смысловую группу (ср., напр., группу с общим пространственным значением: *живу в городе*, *приехал из города*, *ехал через город*). Частные же («индивидуальные») элементы лексического значения П.— это элементы значения, к-рыми один П. отличается от других П. той же самой функционально-смысловой группы (ср., напр.: *Книга лежит в столе* и *Книга лежит на столе*).

Состав П. сложен: к ним относятся слова, разновременные по их происхождению и разнотипные по их морфологической структуре.

По морфологической структуре П. делятся на две основные группы: непроизводные («первообразные») П. (типа *в*, *к*, *с*, *на*), унаследованные рус. языком из общеслав. фонда (сюда же входят древнейшие производные П. типа *сквозь*, *между*, *ради*), и производные П., большая часть к-рых образовалась уже на рус. почве. На протяжении всей истории рус. языка состав непроизводных П. оставался почти неизменным, состав же производных П. непрерывно изменялся: возникали новые производные П., генетически связанные с отдельными формами полнозначных слов, принадлежащих: 1) к классу имён существительных (собственно отсубстантивные П типа *посредством*, *во время* и «наречные», т. е. восходящие к отдельным формам существительных, превратившимся в наречия, типа *кругом*, *около*); 2) к классу имён прилагательных (отадъективные П. типа *подобно*, *относительно*, *согласно*) и 3) к классу глаголов (отглагольные П., восходящие к деепричастным формам типа *благодаря*, *спустя*, *несмотря на*).

Каждый из непроизводных П. употребляется с определённым падежом; с одним (*к*— с дат. п., *над* — с твор. п., *между* — с твор. п.), с двумя (*в*, *на*, *о*— с вин. и предл. п., *за* — с вин. и твор. п.), с тремя (*с* — с род., вин., твор. п., *по*— с дат., вин., предл. п.). Из производных отсубстантивные П. сочетаются с род. п.; исключение — П., генетически связанные с отадъективными существительными и, следовательно, сочетающиеся с дат. п. (*в противоположность* чему); все отадъ-

ективные П. сочетаются с дат. п. (*согласно* указанию); отглагольные — с дат. п. (*благодаря*), с род. п. (*исключая*), с вин. п. (*включая, спустя*).

По строению П. делятся на п р о с т ы е (состоящие из одного слова, напр.: *в, неужели, благодаря*), с л о ж н ы е (из двух слов, напр.: *в силу, во время*) и с о с т а в н ы е (из трёх слов, напр.: *в зависимости от, в связи с, по отношению к*).

Лит.: Б а б к и н А. М., Предлоги как объект лексикографии, в кн.: Лексикографический сборник, в. 3, М., 1958; Ч е р к а с о в а Е. Т., Переход полнозначных слов в предлоги, М., 1967; В и н о г р а д о в В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972. *Е. Т. Черкасова.*

ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — одна из основных категорий синтаксиса, противопоставляемая слову (см.) и словосочетанию (см.) по формальной организации, языковому значению и функциям. В широком смысле — это любое (от развёрнутого синтаксического построения — в письменном тексте от точки до точки — до отдельного слова) высказывание (фраза), являющееся сообщением о чём-либо и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие. В узком, собственно грамматическом смысле —это особая синтаксическая конструкция, имеющая в основе своего построения грамматический образец и специально предназначенная для того,чтобы быть сообщением. В зависимости от цели сообщения П. делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные (внутри этого деления существуют и другие, более частные классификации); особая эмоциональная окрашенность, выражающаяся специальной интонацией, может сделать любое П. восклицательным.

П. может быть простым или сложным. Простое П. как элементарная синтаксическая конструкция (т. н. н е р а с п р о с т р а н ё н н о е П.) состоит из двух (реже — более) конституирующих компонентов — форм слов, объединённых друг с другом специфическим, существующим только в П. синтаксическим отношением (т. н. предикативным), либо из одного компонента (напр.: *Лес шумит*; *Вода прибывает*; *Руководить — значит проверять*; *Ночь*; *Светает*). Компоненты, образующие нераспространённое П., называются его главными членами. П. могут быть распространёнными (т. н. р а с п р о с т р а н ё н н ы е П.) по правилам присловных связей — на основе согласования (см.), управления (см.), примыкания (см.) — либо словоформами, причастными, деепричастными и пр. оборотами, распространяющими П. в целом (напр.: *Д л я н е г о руководить — значит проверять*; *Н а К а м ч а т к е сейчас уже ночь*; *З а м е т и в н е з н а к о м ц а, мы направились к нему*).

Элементарный отвлечённый образец, к-рый лежит в основе нераспространённого П., может быть назван его структурным образцом (структурной схемой). Такие схемы и соответственно сами построенные по этим схемам П. классифицируются по разным основаниям (однокомпонентные — двукомпонентные, свободные и ограниченные со стороны лексико-семантического состава, нефразеологизированные и фразеологизированные).

П. не является неизменяемой синтаксической единицей: оно имеет формы изменения, выражающие разные временны́е планы и разное отношение к действительности. Такие изменения П. осуществляются средствами служебного и полузнаменательных глаголов и специальных синтаксических частиц. Каждое П. во всех его формах и модификациях (синтаксических изменениях) обязательно имеет определённую интонацию (интонационный контур, интонационную конструкцию). П. совмещает в себе несколько языковых значений разной степени абстракции. Во-первых, сам отвлечённый образец, структурная схема П., имеет абстрактное значение — т. н. предикативность (см.). Значение предикативности, присущее уже абстрактному образцу П., переносится в конкретное П. и модифицируется в парадигме П., а именно в разных его формах, выражающих значения реальности и ирреальности (т. е., с одной стороны, наст., прош. и буд. времени, с другой стороны, возможности, побудительности или желательности). Однако в конкретных П. на значение П. накладывается новое, иного качества значение, идущее от отношений его компонентов и от лексической семантики слов, заполнивших в П. его основные позиции (напр.: *Ученик пишет* — субъект — его активное действие; *Светает* — наличие бессубъектного внешнего состояния). Такие значения относятся к семантической структуре предложения (см.). П., имеющие разную грамматическую организацию, но одинаковую семантическую структуру, в нек-рых исследованиях рассматриваются как трансформы, т. е. преобразования одного П. в другое, напр.: *Наступает вечер — Вечереет*; *Гремит гром — Гром*; *Сын учится — Сын — учащийся*; *Тебя зовут — Тебя кто-то зовёт.*

Элементарная семантическая структура П. очень часто формируется лишь при условии его распространения такими членами предложения, к-рые выражают центральные семантические категории: категории субъекта или объекта, напр.: *У руководителя много забот*; *Больного знобит*; *Детям весело*; *Тебе телеграмма*; *Сарай зажгло молнией*; *Учителя возмущает ложь.*

Третья значимая сторона П.— это распределение функциональной нагрузки, коммуникативной значимости его членов, выражающееся актуальным членением предложения (см.).

Сложное П.— объединение двух (или более) простых П. средствами союзов, союзных слов или союзных частиц (в сочетании с определённой интонацией, а часто и при поддержке лексики) в некое новое синтаксическое образование, части к-рого вступают друг с другом в определённые синтаксические отношения. При этом одна из частей может либо претерпевать существенные структурные изменения, либо вообще иметь такую формальную организацию, к-рая простому П. несвойственна. В зависимости от того, какие средства связывают части сложного П., эти П. делятся на сложносочинённые (с формально независимыми частями) и сложноподчинённые (с главной и придаточной частями); однако внутренние отношения частей и в том и в другом случае часто оказываются не совпадающими с формальной организацией сложного П., и семантические типы сложносочинённых и сложноподчинённых П. перекрещиваются.

И в рус. и в западноевропейской лингвистике П. и его компоненты долгое время изучались как категории, совпадающие с логическим суждением и его частями (Н. И. Греч, Ф. И. Буслаев) либо с психологическим актом коммуникации (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов). В изучении П. как собственно языковой, синтаксической категории, имеющей свои формальные и семантические характеристики, сложился ряд направлений, неодинаковых по научной значимости, связанных: 1) с учением о П. как о сложной неодноуровневой структуре, одновременно представляющей несколько ступеней языковой абстракции; 2) с теорией трансформационного синтаксиса (в русле этого направления активно исследуются парадигматические связи и отношения П., организующие их в особые системы); 3) с разными учениями о П. как о синтагматической цепи связей и отношений, об «аранжировке» слов; с анализом П. прежде всего как единицы значения — в последнее время — в аспекте теории «глубинных и поверхностных структур», особенно теории «пропозитивной номинации», непосредственно соотносящей значение П. с той внеязыковой ситуацией, о к-рой оно сообщает, и др.

Лит.: Грамматика русского языка, т.1—2, М., 1960; Курилович Е., Основные структуры языка: словосочетание и предложение, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Мельничук А. С., Аспекты общей теории предложения как единицы речи, в кн.: Проблемы языкознания, М., 1967; Мухин А. М., Структура предложений и их модели, Л., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1973; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Исследования по русской грамматике, М., 1975; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976. *Н. Ю. Шведова.*

ПРЕДЛО́ЖНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., употребляющаяся всегда с предлогом (*в*, *на*, *о*, *по*, *при*), с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *столе*, *городе*, *коне*, *крае* и *краю*, *жене*, *земле*, *болоте*, *поле*, *кости*, *дочери*, *имени*, *пути*; во мн. ч.— *столах*, *городах*, *конях*, *краях*, *жёнах*, *землях*, *болотах*, *полях*, *костях*, *дочерях*, *именах*, *путях*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглом*, *круглой*, *синем*, *синей*, *крепком*, *крепкой*, *лисьем*, *лисьей*, *тётином*, *тётиной*, *отцовом*, *отцовой*; во мн. ч.— *круглых*, *синих*, *крепких*, *лисьих*, *тётиных*, *отцовых*; 4) ряд таких форм прилагательного (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения П. п. — объектное и определительное; субъектное значение для него мало характерно, так же как и функция необходимой информативно восполняющей формы. Объектное значение принадлежит сочетаниям с предлогами *в* (*потребность в ласке*, *упрёк во лжи*), *на* (*сосредоточиться на работе*, *настаивать на операции*), *о* (*говорить о работе*; *Об этом событии давно известно*), *по* (*тоска по родине*). В предложении (при детерминации) объектное значение может контаминироваться со значением определительным (по месту, локализованности): *Мальчику неинтересно в кружке*, *наскучило в самодеятельности*, *интересно на катке* («скучен кружок», «интересен каток»).

П. п. определяет (слово или предложение в целом) по месту, времени, мере, количеству, условию, назначению, качеству или свойству, причине, по сопровождающим обстоятельствам, по связанности, по отнесённости к кому-чему-либо (для сочетаний с разными предлогами характерны свои частные виды определительного значения). Основные значения П. п. обнаруживаются и в его сказуемостной функции (*Разговор — о детях*; *Лодка — на берегу*; *Семья — в волнении*). Субъектное значение выступает в контаминации с определительным (по месту, локализованности): *В публике хохот*; *В сердце страх*; *В душе тревога*; *В угрюмости леса есть своя прелесть* («угрюмость леса имеет свою прелесть»).

Лит. см. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

ПРЕПОЗИ́ЦИЯ — постановка грамматического компонента перед другим,

с ним связанным. Напр., в производных словах префиксы находятся в П. по отношению к корню слова: *под-ход*, *приступить*. В сочетаниях имён с предлогами б. ч. предлогов стоит в П. по отношению к слову, с к-рым предлог связан: *в степи*, *с жаром*, *от окна*, *перед поездкой*. Частица *а* находится в П. по отношению к слову (или группе слов), к-рое она выделяет: *А эти люди мне нравятся*; *А в лесу было тихо*. В словосочетаниях *летняя ночь*, *быстро работать* прил. *летняя* и наречие *быстро* находятся в П. к существительному (первое) и глаголу (второе). В предложении *Летят журавли* сказуемое находится в П. к подлежащему, а в предложении *Артисты приехали* подлежащее находится в П. по отношению к сказуемому. В сложном предложении *Пока шёл спектакль*, *все молчали* придаточное предложение находится в П. по отношению к главному, а в предложении *Все молчали*, *пока шёл спектакль* главное предложение находится в П. по отношению к придаточному.

И. И. Ковтунова.

ПРЕ́ФИКС — то же, что приставка.

ПРЕФИКСО́ИД — см. Аффиксоид.

ПРИДА́ТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — компонент сложноподчинённого предложения (см.), реализующий связь, предопределённую главным предложением(см.). Формально придаточность, или зависимость одного предложения от другого, выражается подчинительными союзами и относительными местоимениями (союзными словами), к-рые в отличие от собственно союзов совмещают служебную функцию с функцией члена предложения. Союзы и союзные слова не просто присоединяют П. п. к главному, но органически входят в его структуру, сообщая ему свободу размещения относительно главного предложения, а также накладывая определённые ограничения на грамматическое варьирование сказуемого, к к-рому они синтаксически тяготеют. По функции, т. е. в зависимости от того, относятся ли они ко всему главному предложению или только к к.-л. отдельному слову в его составе, П. п. распадаются на прифразные и присловные. Вне этого деления находятся П. п., занимающие позиции, идентичные позициям подлежащего и сказуемого в простом предложении (*Кто ленится*, *рогожкой оденется*; *Я — тот*, *кого никто не любит*). По отношению к этим случаям самый термин «П. п.» оказывается условным. В совр. синтаксической лит-ре их интерпретация не является однозначной. Возможно, здесь имеет место особый вид номинации — обозначение посредством местоименного оборота в форме предложения (ср.: *кто ленится — ленивый*, *ленивец*, *лентяй*; *кто боится — робкий*, *трусливый*, *трус*). П. п., относящиеся ко всему главному, внутренне дифференцируются по союзам на временны́е (союз *когда* и др.), условные (союз *если* и др.), уступительные (союз *хотя* и др.), причинные (союз *потому что* и др.), целевые (союз *чтобы* и др.), сравнительные (союз *как* и др.), следственные (союз *так что* и др.) и др. Среди присловных П. п. различаются: присубстантивно-определительные (стержневое слово — существительное: *Дом*, *в котором я живу*,...), местоименно-соотносительные (*Дай мне то*, *что у тебя в руке*; *Все посмотрели туда*, *откуда раздался крик*), прикомпаративные (стержневое слово — компаратив, т. е. сравнительная степень: *Здесь теплее*, *чем мы думали*), приглагольно-изъяснительные (стержневое слово — глагол или отглагольное образование: *Извещать о том*, *что приедет брат*; *Извещение о том*, *что*...; *Известно*, *что*...) и разные виды обстоятельственно-характеризующих предложений с опорными словами — глаголом, прилагательным, существительным (*Воздух так чист*, *точно его совсем нет*; *Ветер такой*, *что в лесу стон стоит*).

В качестве П. п. могут выступать предложения любого строения, хотя и с разной частотностью. Наиболее свободным, т. е. не ограниченным никакими специальными условиями, является употребление двусоставных глагольных предложений; употребление номинативных, инфинитивных и нек-рых других типов предложений стилистически ограничено.

И. Н. Кручинина.

ПРИКЛАДНА́Я ЛИНГВИ́СТИКА — направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Традиционными прикладными задачами языкознания являются: создание и совершенствование письменностей, создание систем транскрипции (точной записи) устной речи, систем транслитерации иноязычных слов, систем стенографии, систем письма для слепых, повышение скорости типографского набора на основе рационального использования свойств языка, упорядочение, унификация и стандартизация научно-технической терминологии, изучение процессов и создание правил образования названий новых изделий, товаров, химич. веществ, разработка методов смыслового отождествления текстов (напр., при информационном поиске), методов аннотирования и реферирования, а также методов адекватного преобразования текстов в иноязычную форму (перевод), отбор языкового материала в целях совершенствования методики преподавания языков, создание специальных лингвистических справочников для решения перечисленных задач, создание и изучение развития искусственных языков. П. л. 2-й пол. 20 в. рассматривает не только методы решения указанных задач человеком, но также и

автоматами — электронными цифровыми вычислительными машинами. В связи с этим употребляются также термины «вычислительная», «инженерная», «автоматическая» лингвистика. Термин «П. л.» появился в кон. 20-х гг. 20 в., когда была осознана необходимость строгого научного решения соответствующих задач с использованием методов формального лингвистического анализа письменных и акустико-лингвистического анализа устных сообщений. Общие методы решения задач П. л. разрабатываются теоретическим языкознанием, прежде всего той его областью, к-рая изучает формальные алгоритмические процедуры анализа языка, а также математической лингвистикой (см.). Основные направления П. л.: автоматическое распознавание и синтез речи, автоматические методы переработки текстовой информации, автоматизация информационных работ, создание автоматизированных систем информационного поиска, автоматических словарей, разработка методов автоматического аннотирования, реферирования и перевода (см. Автоматический перевод), лингвистическое обеспечение автоматизированных систем управления (АСУ), стандартизация научно-технической терминологии.

Лит.: Фланаган Дж., Анализ, синтез и восприятие речи, пер. с англ., М., 1968; Скороходько Е. Ф., Лінгвістичні основи автоматизації інформаційного пошуку, Київ, 1970; Цемель Г. И., Опознавание речевых сигналов, М., 1971; Солтон Г., Автоматическая обработка, хранение и поиск информации, пер. с англ., М., 1973.

В. М. Андрющенко.

ПРИЛАГА́ТЕЛЬНОЕ, имя прилагательное,— часть речи, обозначающая признак предмета и выражающая это значение в грамматических категориях рода, числа и падежа. По значению П. делятся на качественные, обозначающие свойство самого предмета вне его отношения к другим предметам, способное проявляться с разной степенью интенсивности (*белый, быстрый, старый*), и относительные, обозначающие свойства предмета через его отношение к другому предмету (*дверной, железный, ржаной*) или действию (*надувной, измерительный*). Относительные П., указывающие, кому принадлежит предмет, к-рый они определяют, называются притяжательными (*отцов, сестрин, лисий*). Относительные П. могут приобретать качественное значение: *железная воля, золотой характер, медвежья услуга, стальные нервы*. Качественные П. характеризуются рядом грамматических признаков: они, как правило, имеют краткие формы и образуют степени сравнения; соотносительны с качественными наречиями на *-о* типа *быстро, умно*; только качественные П. могут иметь непроизводную основу.

П. изменяются по родам (только в ед. ч.), числам и падежам. Род, число и падеж П.— категории синтаксические: они зависят от рода, числа и падежа существительного, к-рое П. определяет: *новый дом, новая дача, новые здания, много новых построек*. П. обладают также категорией одушевлённости — неодушевлённости (см. Одушевлённость — неодушевлённость), ср., напр.: *Я увидел интересного человека, красивых людей*, но *Я видел интересный фильм, красивые пейзажи*. В склонении П. выделяются два типа, различия между ними выражены в формах ед. ч. К первому типу принадлежат все П. с флексиями *-ий* (*-ый*), *-ой*; *-ая* (*-яя*); *-ое* (*-ее*) в формах ед. ч. (*красный, синий, крутой, красная, синяя, крутая; красное, синее, крутое*) и с флексией *-ие* (*-ые*) в формах мн. ч. Ко второму типу принадлежат притяжательные П. с нулевой флексией в им. п. ед. ч. муж. рода и с основой, оканчивающейся на *j* (*акулий, волчий, пастуший, олений*) или на *-ов* (*-ёв, -ев*), *-ин*(*-ын*): *отцов, царёв, кесарев; мужнин, курицын*. П. на *-ин* (*мамин, бабушкин*) в род. и дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода имеют вариантные формы на *-а* и *-ого* (род. п.) и на *-у* и *-ому* (дат. п.).

П. имеют полные и краткие формы. Полные (атрибутивные) формы склоняются и в им. п. ед. ч. имеют флексии *-ий* (*-ый*), *-ой*; *-ая* (*-яя*); *-ое* (*-ее*) и во мн. ч.— *-ые* (*-ие*). Краткие (предикативные) формы не склоняются и имеют родо-числовые флексии: в муж. роде — нуль, в жен. роде — *-а*(*-я*), в среднем — *-о*(*-е*), во мн. ч.— *-и*(*-ы*). Краткие формы образуют только качественные прилагательные (*быстрый — быстр, быстра, быстро, быстры; могучий — могуч, могуча, могуче, могучи*). Только краткую форму имеют П. *рад, горазд, люб, должен* и нек-рые др.

Качественные П. образуют степени сравнения (см.): сравнительную и превосходную. Формы сравнительной степени образуются при помощи суффиксов *-ее* (*-ей*): *добрее—добрей, светлее—светлей*; *-е* (перед суффиксом чередуются *к—ч, г — ж, х — ш, лк —*[*л'*]*ч* и не всегда *т — ч, д — ж, с — ш, з — ж, ст — щ*: *дороже, мягче, проще, тише, мельче, круче, твёрже* и т. п.) и *-ше* в словах *старше, раньше, дальше* (от *далёкий*). П. *малый* и *маленький, хороший* и *плохой* образуют формы сравнительной степени от супплетивных основ: *меньше, лучше, хуже*. Несколько П. сохранили архаическую склоняемую форму сравнительной степени: *большой — больший, малый — меньший, горький — горший*. Иногда в значении сравнительной степени употребляются формы *худший* (от *плохой*) и *лучший* (от *хороший*). Простые формы превосходной степени образуются при помощи суффиксов *-ейш* (*-ий*) и *-айш* (*-ий*)

(после согласных *г*, *к*, *х*): *вернейший*, *строжайший*, *высочайший*, *тишайший*. Значения сравнительной и превосходной степени могут выражаться также сложными (аналитическими) формами, напр.: *красивый — более красивый* и *самый красивый*.

В предложении П. выступают в роли согласованного и несогласованного определения (*прекрасный*, *прекраснейший вечер*; *Я не помню вечера прекраснее, чем этот*) и в роли именного сказуемого: *Вечер был прекрасный* (*прекраснейший*, *прекрасен*); *Вечер был прекраснее, чем мы ожидали*.

Производные П. принадлежат к различным способам словообразования: суффиксальному (*водный*, *виновный*, *купированный и купейный*), префиксальному (*антиимпериалистический*, *архисложный*, *безотносительный*), префиксально-суффиксальному (*бездушный*, *досрочный*, *небезынтересный*), являются сложными словами (*бело-розовый*, *научно-технический*, *плодово-ягодный*, *слепоглухонемой*), представляют собой П.-сращения (*умалишённый*, *вперёдсмотрящий*, *вышеуказанный*). Состав П. пополняется за счёт адъективации (см.) причастий (*грядущий*, *выдающийся*, *опустившийся*, *битый*, *дутый*, *преданный*, *угнетённый*).

П. претерпели в своём историческом развитии ряд изменений. Утрачено деление П. на два типа — именные и местоименные (см. Древнерусский язык). Из старых местоименных форм развились современные полные П. Именные П., совпавшие с краткими формами, перестали склоняться. В совр. языке падежные формы кратких П. встречаются только во фразеологических сочетаниях и в фольклоре: *средь бела дня*; *по белу свету*; *не по хорошу́ мил, а по́ милу хорош*; *на добра коня*; *красну девицу*; *добру молодцу*.

Поскольку по характеру склонения, падежным флексиям и синтаксическим функциям порядковые числительные, причастия и местоименно-указательные слова (*тот*, *чей*, *весь*, *мой*, *твой*, *ваш*, *наш*, *этот*, *такой*, *какой*, *всякий*, *каждый*, *сам* и т. п.) подобны П., нек-рые лингвисты включают их в состав П. и рассматривают как особые разряды относительных П. (порядковые числительные), как гибридные глагольно-прилагательные формы (причастия) или как замкнутую группу особых местоименных П.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология, М., 1960; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ПРИЛОЖЕ́НИЕ — определение, выраженное именем существительным (одним или вместе с поясняющими его словами), совмещающее в себе атрибутивный (определительный) и предикативный признаки. П. определяет предмет или лицо, уточняет и характеризует его с различных сторон. Определяя предмет, П. одновременно утверждает наличие у него данного признака, в этом проявляются предикативные свойства П.

П. подразделяются на о п р е д е л и т е л ь н ы е (определяют предмет в самых разных отношениях), напр.: *газета «П р а в д а»*; *«Она, м о я г о л у б у ш к а, чуть со страха на тот свет не отправилась»* (Пушкин); *«Мы, люди, н а с т о я щ и е, с о в е т с к и е л ю д и, не побежим»* (Эренбург), и у т о ч н я ю щ и е (несут дополнительные сообщения о предмете или лице), напр.: *Омуль водится в Байкале, с а м о м г л у б о к о м о з е р е м и р а*. Особый вид уточняющих П. составляют П., характеризующие лицо со стороны его национальности, профессии, социального происхождения, принадлежности к определённому политическому течению и т. п., напр.: *крестьянка-грузинка*, *писатель-коммунист*. Имена собственные — названия газет, журналов, научных и лит. произведений, предприятий, организаций, станций и т. п. — всегда являются П.

П. может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным, личным местоимением, субстантивированными прилагательными или причастиями, числительными.

В роли П. могут выступать существительные, утратившие конкретное значение и превратившиеся в указательные слова (*человек*, *люди*, *народ*, *женщина*, *дело* и др.); при них обязательны поясняющие слова, напр.: *«...явился уездный лекарь, ч е л о в е к н е б о л ь ш о г о р о с т а, худенький и черноволосый»* (Тургенев).

П. может присоединяться к определяемому слову при помощи союзов *или*, *а именно*, *то есть*, при помощи сочетаний *по имени*, *по фамилии*, *по прозвищу*, *по кличке*, *по профессии* и др.

Существует точка зрения, согласно к-рой П. может присоединяться к определяемому слову также при помощи союза *как*, напр.: *«Клавичек к а к п е к а р ь п о п р о ф е с с и и посылался контролером в отдел снабжения»* (Н. Островский); *«У нас часто употребляют к а к п о х в а л у эпитет „монолитный“»* (Эренбург). Эти конструкции синонимически сближаются, во-первых, с конструкциями с предлогами (*Клавичек к а к п е к а р ь п о п р о ф е с с и и / в к а ч е с т в е п е к а р я п о п р о ф е с с и и; употребляют к а к п о х в а л у / в к а ч е с т в е п о х в а л ы / в в и д е п о х в а л ы / д л я п о х в а л ы / с ц е л ь ю п о х в а л ы*), во-вторых, с деепричастными оборотами (*будучи пекарем*).

К роли указательного слова приближаются П. (всегда с определением), лексически совпадающие с определяемым словом: «*Изумление мое внезапно сменилось другим чувством, ч у в с т в о м з а д ы х а ю щ е й с я р а д о с т и*» (Тургенев).

П. согласуется с определяемым словом в падеже (об исключениях см. ниже): «*И из ночи плывет г р о м а д а-город в точках огней*» (Панова). Возможно согласование не только в падеже, но и в числе и роде, напр.: «*На платформе в кожаном пальто стоит отец Жени — п о л к о в н и к А л е к с а н д р о в*» (Гайдар); «*Среди них изредка встречались кирпичные здания — г р у б ы е б о л ь ш и е к о р о б к и*» (Ажаев)— П. согласовано с подлежащим в числе и падеже. Согласования не происходит, если в качестве П. выступает прозвище (*у Владимира К р а с н о е С о л н ы ш к о*), если П. является названием лит. произведения, учреждения, организации, органа печати и т. п. (*в романе «О б р ы в», к магазину «Б е р ё з к а»*). Если П. присоединяется к определяемому слову при помощи сочетаний *по фамилии, по имени*, отмечается колебание в падеже, ср.: «*Я должен был поступить в лакеи к одному петербургскому чиновнику, п о ф а м и л и и О р л о в у*» (Чехов)/... *п о ф а м и л и и О р л о в*.

При сочетании имени собственного и имени нарицательного П. является обычно имя нарицательное, напр.: «*В угаре задохся матрос Павлинов — в е с е л ы й и н а с м е ш л и в ы й ч е л о в е к*» (Паустовский). При необходимости уточнить лицо, конкретизировать его, в роли П. употребляется имя собственное: «*Остальные братья, М а р т ы н и П р о х о р, до мелочей схожи с Алексеем*» (Шолохов).

От П. следует отграничивать сложные слова (*изба-читальня, ясли-сад*), сочетания синонимического характера (*друг-приятель*), сочетания антонимического характера (*купля-продажа, приём-выдача*), сочетания ассоциативного характера (*хлеб-соль, руки-ноги*).

Лит.: Д о б р о м ы с л о в В. А., Р о з е н т а л ь Д. Э., Трудные вопросы грамматики и правописания, 2 изд., в. 1—2, М., 1958—60; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1960; Современный русский язык, ч. 2. Морфология. Синтаксис, [М.], 1964; Г в о з д е в А. Н., Современный русский литературный язык, 4 изд., ч. 2. Синтаксис, М., 1973; Современный русский язык, 4 изд., М., 1971; Современный русский язык, под ред. Д. Э. Розенталя, 2 изд., ч. 2, М., 1976.

М. С. Суханова.

ПРИМЫКА́НИЕ — подчинительная связь, при к-рой главное слово не вызывает у зависимого определённых грамматических форм, поскольку зависимое слово является неизменяемым: *быстро писать, очень яркий*. Главным словом при П. является то, к-рое может принимать разные формы, ср.: *писать быстро — пишу* (*пишешь* и т. д.) *быстро*. Если главное слово, как и зависимое, является неизменяемым, то главным считается то, к-рое в предложении может употребляться без зависимого, а зависимым — соответственно то, к-рое в предложении вне сочетания с главным не может быть употреблено, ср.: *Я шёл очень быстро*, где *быстро* — главное слово, *очень* — зависимое, потому что можно сказать *Я шёл быстро*, но нельзя сказать *Я шёл очень*.

При П. связь слов определяется порядком слов и интонационно (ср.: *Он научился быстро решать задачи*; *Он быстро научился решать задачи*; *Он долго учился быстро решать задачи*) или тем, что в предложении есть только одно слово, к к-рому может относиться зависимое примыкаемое (*Быстро ты это стихотворение в ы у ч и л*).

Зависимым словом при П. может быть наречие (*быстро решать*), прилагательное или наречие в форме сравнительной степени (*мчаться быстрее поезда, быть умнее кого-нибудь*), деепричастие (*говорить не переставая*), инфинитив (*хотел учиться*), неизменяемое прилагательное (*пальто реглан, цвет беж*).

Согласно иной точке зрения, зависимым примыкающим словом может быть и существительное в косвенном падеже, если оно выражает разного рода обстоятельства (т. н. именное примыкание): *гулять в лесу, работать до девяти часов вечера, сидеть дома из-за дождя*. Такие предложно-падежные формы могут зависеть от слов разных лексико-грамматических классов: *гулять в лесу, рисовать в лесу, встреча с другом в лесу*. Формы существительных никак не предопределяются, не управляются главным словом (см. Управление).

Главным словом при П. может быть: глагол — *горько плакать*; существительное — *борщ по-флотски, шапки набекрень, возможность сделать, манера говорить*; прилагательное—*очень добрый, способный выучить* (язык); наречие—*довольно трудно, совсем рядом*.

П., как и управление, бывает сильным и слабым. При с и л ь н о м П. главное слово обладает такими лексико-грамматическими свойствами, что зависимое примыкающее слово при нём является необходимым, обязательным, ср.: *кончить работать*, *учиться говорить*, *броситься спасать*, *повернуть направо*. При с л а б о м П. главное слово в предложении может быть употреблено и без зависимого, ср.: *Я быстро шёл в институт — Я шёл в институт*.

В нек-рых случаях сильнопримыкающее слово может быть заменено сильноуправляемым, ср.: *начать играть*, *начать игру*.

Одно и то же главное слово может одновременно задавать своим лексическим значением и сильноуправляемое и сильнопримыкаемое слова, ср.: *велеть сыну прийти*, *заставить ученика выучить правило*.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

Е. Н. Ширяев.

ПРИСТА́ВКА, п р е ф и к с (от лат. praefixus — прикреплённый впереди), — аффикс (см.), находящийся в составе простой основы (см. Основа) перед корнем. В словах рус. языка выделяются последовательности от одной П. до трёх (напр., в слове *вз-дрогнуть* — одна П., в слове *при-со-единить* — две, в слове *по-при-от-крывать* — три).

П. в рус. языке — словообразовательный аффикс, она используется в способах словообразования: префиксальном (напр.: *огромный — преогромный*), префиксально-суффиксальном (*воля — безвольный*), префиксально-постфиксальном (*кричать — раскричаться*), префиксально - суффиксально-постфиксальном (*шептать — перешёптываться*).

Основная особенность П. как самостоятельного словообразовательного средства (при чистой префиксации) состоит в том, что П. (в отличие от суффикса) присоединяется к целому слову, а не к основе. Поэтому производное слово, образованное с помощью П., относится к той же части речи, к тому же типу склонения или спряжения, что и производящее (напр., *группа — подгруппа* и *класс — подкласс* с одной и той же П. *под-*).

При чистой префиксации П. обычно лишь видоизменяет, модифицирует значение того слова, к к-рому она присоединяется. Напр., в существительные и прилагательные одни П. вносят значение отрицания или противоположности (*правда — неправда*, *порядок — беспорядок*, *художественный — антихудожественный*), другие образуют слова с оттенком усиления, высокой степени проявления признака (*красавица — раскрасавица*, *прибыль — сверхприбыль*, *добрый —предобрый*, *реакционный — архиреакционный*).

Глагольные П. обозначают различные оттенки, уточняющие характер протекания процесса, названного производящим глаголом: *мять — измять*, *помять*, *подмять*, *примять*, *намять*, *вмять*, *размять* и т. п. Присоединение П. к производящему бесприставочному глаголу несов. вида, как правило, приводит к образованию глагола сов. вида (см. Вид).

Префиксальный способ словообразования наиболее широко используется в рус. языке в глаголах; в именах существительных и прилагательных он развит слабее. Почти все глагольные П. многозначны. Возможности приставочного глагольного словообразования очень велики: от каждого глагола можно образовать несколько глаголов с разными П.

Большинство исконно рус. П. совпадает по форме и отчасти по значению со служебными словами, прежде всего предлогами (напр., предлоги *без*, *до*, *при*, *от* и П. *без-*, *до-*, *при-*, *от-*) и частицами (*не* и П. *не-*); префиксально-суффиксальные образования с такими П. соотносительны по значению с сочетаниями служебного слова и существительного (ср.: *бездорожье* и *без дороги*, *отглагольный* и *от глагола*). Среди П. рус. языка имеется нек-рое количество заимствованных: *анти-*, *архи-*, *контр-*, *де-*, *ре-* и др.

Лит. см. при ст. Морфема.

В. В. Лопатин.

ПРИТЯЖА́ТЕЛЬНОЕ ПРИЛАГА́ТЕЛЬНОЕ — см. Прилагательное.

ПРИЧА́СТИЕ (калька лат. participium) — неспрягаемая глагольная форма, обозначающая действие или состояние как такой признак лица, предмета, к-рый проявляется во времени. В П. совмещены признаки глагола и прилагательного, поэтому нек-рые лингвисты называют П. глагольно-именной формой и включают в морфологический разряд имён прилагательных.

Глагольность П. проявляется в наличии категорий залога, вида и времени. Залог П. выражает отношение между производителем действия, к-рое обозначено П., и объектом, на к-рый это действие направлено, т. е. носителем признака. П. действительного залога обозначают, что действие совершается или совершалось самим носителем признака (*читающий ученик*, *расцветший сад*); П. страдательного залога обозначают такой процессуальный признак, к-рый возник в результате действия другого деятеля над носителем признака (*брошенный камень*, *гонимые ветром волны*). В П. сохраняется видовое значение того глагола, формой к-рого оно является (*колоть — коловший*, *кольнуть — кольнувший*). П. имеют две формы времени, грамматически выражаемые посредством специальных суффиксов — наст. (*читающий*, *читаемый*) и прош. времени (*читавший*, *читанный*). В предложении П. могут употребляться как с прямым временны́м значением

(«*Чуть шелестят листья берез, едва колеблемые ветром*»— Лермонтов), так и с относительным, т. е. таким, к-рое определяется по соотношению не с моментом речи, а со временем действия глагола-сказуемого («*Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле...*»— Пушкин). В П. сохраняются синтаксические связи глагола (*любить сына — любящий сына*; *смотреть вопросительно — смотрящий вопросительно*).

С прилагательными П. сближает общее значение признака предмета и наличие синтаксических категорий рода (в ед. ч.), числа и падежа, зависящих от рода, числа и падежа определяемого существительного (*рисующий мальчик, плачущая женщина, погасшее светило, вымытые окна*).

П. имеют полные и краткие формы. Полные П. склоняются, причём парадигма П. по составу окончаний тождественна парадигме прилагательных муж. рода на *-ый, -ий*, жен. рода на *-ая, -яя*, ср. рода на *-ое, -ее* в им. п. ед. ч. и на *-ые, -ие* в им. п. мн. ч. Краткие формы имеют только П. страдательного залога, обычно прош. времени (*законченный — закончен, раздутый — раздут*). П. наст. времени также могут иметь краткую форму (*томимый — томим, хранимый — храним*), но употребляются эти формы реже, чем краткие П. прош. времени. Краткие П. не склоняются и имеют одинаковые с краткими прилагательными родо-числовые окончания (*покрыт, покрыта, покрыто, покрыты*).

Образование П. тесно связано с переходностью и видом глагола, формой к-рого они являются. П. действительного залога образуются от переходных и непереходных глаголов. От глаголов несов. вида могут быть образованы П. наст. и прош. времени, от глаголов сов. вида — только П. прош. времени. П. наст. времени образуются от основы наст. времени: формы действительного залога образуются присоединением суффиксов *-ущ-, -ющ-* для глаголов 1-го спряжения (*несущий, поющий*) и *-ащ-, -ящ-* для глаголов 2-го спряжения (*лежащий, строящий*); формы страдательного залога образуются при помощи суффиксов *-ем-, -ом-* для глаголов 1-го спряжения (*изучаемый, ведомый*) и суффикса *-им-* для глаголов 2-го спряжения (*слышимый, гонимый*). От основы прош. времени глагола образуются П. прош. времени. П. действительного залога прош. времени образуются присоединением суффикса *-вш-* к основам на гласный (*игравший, пустивший*) или суффикса *-ш-* к основам на согласный (*нёсший, росший*). Нек-рые глаголы обладают особенностями при образовании этих П. Так, глаголы на *-сти* (*-сть*), имеющие в основе наст. времени *д, т*, сохраняют их и в П. (*забредший, приобретший*, но *кравший, севший, клавший, павший*); от глаголов с факультативным суффиксом *-ну-* в формах прош. времени образуются вариантные формы П. (*погасший* и *погаснувший, замёрзший* и *замёрзнувший*). П. страдательного залога прош. времени образуются с помощью суффиксов *-нн-, -енн-, -т-*. Суффикс *-нн-* употребляется при образовании П. от глаголов на *-ать-, -ять* (*разыгранный, потерянный*); суффикс *-енн-* — в П. от глаголов на *-еть* (*просмотренный, увиденный*), от глаголов с основой прош. времени на согласный, где при этом происходит чередование *г — ж, к — ч* (*испечённый, сбережённый*), от глаголов на *-ить*, где при этом происходит чередование *ф — фл, п — пл, б — бл, в — вл, м — мл, с — ш, з — ж, т —ч, т — щ, д — ж, д — жд, ст — щ* (*закрученный, нагруженный, выращенный, отловленный*); суффикс *-т-* — в П. от нек-рых односложных глаголов на *-ать, -ять* (*сжатый, мятый*), на *-еть* (*нагретый, одетый*), на *-ить* (*прожитый, избитый*), на *-оть* (*колотый, поротый*), на *-нуть* (*кинутый, завёрнутый*) и др.

Синтаксические функции полных и кратких П. различны. Полные П., как правило, выступают в роли определения (*машины, идущие впереди*; *выпавший снег*), значительно реже — как именное сказуемое (*Цветы стояли увядшие*). Краткие П. обычно выступают в роли сказуемого («*Нами ты была любима и для милого хранима*»— Пушкин). Очень редко краткие П. употребляются в обособленных оборотах, но и в этом случае их синтаксическая функция близка функции второго сказуемого («*Русалка плыла по реке голубой, озаряема полной луной*»— Лермонтов).

В процессе развития П. претерпели ряд изменений. Краткие П. утратили способность склоняться и перестали употребляться в функции определения. Из кратких П. действительного залога наст. и прош. времени развились деепричастия (см.). Целиком перешли в разряд прилагательных П. действительного залога наст. времени с суффиксами *-уч-, -юч-, -ач-, -яч-* (*жгучий, колючий, горячий, висячий*), вместо них стали употребляться П. действительного залога наст. времени с церковнослав. по происхождению суффиксами *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-* (*жгущий, колющий, горящий, висящий*).

Адъективация П., обусловленная близостью значений П. и прилагательного и общностью синтаксических функций, продолжается и в совр. языке. Полностью утрачивая глагольные признаки, многие П. переходят в разряд прилагательных (*выдающиеся достижения, мочёные яблоки, независимое государство*). Следует различать П. и прилагательные, образованные морфолого-синтаксическим способом от П. (*избитый человек* — П. и *избитая истина* — прилагательное; *избалованный родителями ребёнок* — П. и *избалованное дитя* — прилагательное).

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

В. Н. Белоусов.

ПРИЧА́СТНЫЙ ОБОРО́Т — полупредикативный обособленный оборот (см.) с главным членом — причастием. Формально-грамматически причастие в им. п. согласуется с подчиняющим словом — подлежащим, а содержательно зависит и от сказуемого. Такой П. о. имеет обстоятельственно-характеризующее значение (*Согретый солнцем, мох расцвёл белыми цветами*), называет признак субъекта, сопутствующий признаку, названному в сказуемом (*На берегу сидела рота, ждавшая переправы*). П. о. при существительном в косвенном падеже не приобретает смысловых связей с другими членами предложения, его полупредикативность определяется категориальными свойствами причастия (наличием значений вида, залога, времени). П. о. соотносителен с придаточным предложением (ср.: *Дорога шла среди болот, поросших сосновым лесом* и *Дорога шла среди болот, которые поросли сосновым лесом*).

В. А. Ицкович.

ПРОДУКТИ́ВНОСТЬ (от позднелат. productivus—поддающийся удлинению)— 1) свойство грамматических типов служить образцом (моделью) для образования новых слов, форм, конструкций. Напр., словообразовательные типы (см. Словообразование) отглагольных существительных — названий действия с суффиксами *-ениj-* (орфографически — слова на *-ение*: *курение, кормление*) и *-к(а)* (*рубка, перевозка*) продуктивны: в совр. языке появляются новые слова этих типов (*прилуниться — прилунение, расстыковаться — расстыковка*). В то же время тип существительных того же значения с суффиксом *-б(а)* (*пальба, косьба* и т. п.) непродуктивен. Вновь возникающие глаголы могут относиться только к четырём классам, представленным открытыми рядами глаголов: это глаголы с такими соотношениями основ, как *читать — читают* и *болеть — болеют, рисовать — рисуют, обмануть — обманут, ходить — ходят*. В то же время классы, к к-рым принадлежат такие глаголы, как *писать — пишут, полоть — полют, течь — текут, пасти — пасут* или *жить — живут*, непродуктивны, представлены закрытыми рядами.

2) Пригодность тех или иных языковых средств для образования новых слов, форм, конструкций. Так, окончание глаголов 1-го лица ед. ч. *-у* (орфографически *-у* и *-ю*: *несу, варю*) продуктивно, а окончание *-м* (*дам, съем, создам*) непродуктивно; окончание им. п. ед. ч. существительных ср. рода *-о* (орфографически *-о* и *-е*: *окно, поле, варенье*) продуктивно, а окончание *-я*, выделяющееся всего в 10 существительных ср. рода (*время, имя* и др.), непродуктивно.

П.— непродуктивность является важнейшей динамической характеристикой языковых единиц, определяющей грамматический потенциал языка на данном этапе его развития. Характеристика эта исторически изменчива: единицы, в прошлом непродуктивные, могут приобретать П., и наоборот. Так, суффикс существительных *-б(а)* в др.-рус. языке был продуктивен. В рус. языке сов. эпохи приобрёл П. тип образования существительных географического значения с суффиксом *-щин(а)*, являющихся неофициальными названиями областей, территорий (*Орловщина, Рязанщина* и т. п.). Усиление П. одних типов, как правило, связано с затуханием или полной потерей П. синонимичных типов. П. многих типов ограничена стилистически; так, образование сущ. типа *деляга, работяга* или прил. типа *хитрющий, грязнющий* характерно для разговорной речи и просторечия, а прил. типа *проамериканский, проимпериалистический* — для общественно-политической терминологии.

Лит.: Улуханов И. С., Глаголы на *-еть* в современном русском языке. (О продуктивности и регулярности словообразовательного типа), в сб.: Развитие словообразования современного русского языка, М., 1966; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин.

ПРОИЗВО́ДНАЯ ОСНО́ВА — см. Основа.

ПРОИЗВОДЯ́ЩАЯ ОСНО́ВА — см. Основа.

ПРОИЗНОШЕ́НИЕ — см. Орфоэпия.

ПРОИСХОЖДЕ́НИЕ ЯЗЫКА́. Проблема П. я. не является узко лингвистической и не сводится к проблеме возникновения отдельных слов, выражений и других элементов языка. Она сводится к исследованию становления самого языка как «важнейшего средства человеческого общения» (В. И. Ленин) из доязыковых форм коммуникации.

В античной философской традиции существовали две основные теории П. я.: теория «фюсей», согласно к-рой язык возник естественным путём, «от природы» (Лукреций Кар и др.), и теория «тесей», утверждавшая, что язык возник искусственным путём, «по установлению» (Демокрит и др.). До сер. 19 в. все теории П. я. представляли собой варианты этих двух. Так, «звукоподражательная» теория сводила генезис речевого общения к врождённой склонности человека имитировать природные шумы; сторонники эмоциональной теории считали основой П. я. стремление человека выразить свои эмоции и другие переживания при помощи нечленораздельных звуков (междометий). Теория «социального договора» рассматривала язык как искусственное порожде-

ние. Нем. учёный Л. Нуаре выдвинул трудовую теорию П. я., согласно к-рой язык возник в процессе совместной трудовой деятельности первобытных людей как одно из средств оптимизации и согласования этой деятельности. Трудовая теория развивалась в работах другого нем. учёного К. Бюхера, к-рый видел истоки языка в «трудовых выкриках», сопровождавших акты коллективного труда.

Марксистское осмысление проблемы П. я. дал Ф. Энгельс в своём известном фрагменте «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876). Основной мыслью Энгельса является неразрывная внутренняя связь развития трудовой деятельности первобытного человеческого коллектива, развития сознания (и вообще психики) формирующегося человека и развития форм и способов общения. Общение развивается (и затем возникает язык) как необходимое следствие развития производственных и других общественных отношений в трудовом коллективе — у людей появляется что сказать друг другу — и в то же время служит опорой для возникновения высших форм психического отражения, для складывания человеческой личности: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» (Соч., 2 изд., т. 20, с. 490). Эти мысли подробно развиты К. Марксом и Ф. Энгельсом также в «Немецкой идеологии».

С психологической точки зрения развитие психики первобытного человека под влиянием труда и общения не сводится только к развитию мышления, только к развитию форм осознания человеком окружающего мира: язык, в т. ч. в его первобытных формах, участвует в различных сторонах психической жизни, опосредствуя не только мышление, но и восприятие, память, воображение, внимание, эмоциональные и волевые процессы, участвуя в мотивации поведения, и т. д. Без языка невозможны присущие человеку формы познания мира и способы взаимоотношения с действительностью.

С лингвистической точки зрения ошибочна распространённая тенденция искать «первобытные» черты в структуре совр. языков или, напротив, переносить их особенности (в частности, членораздельность) на язык первобытного человека. Никакие данные, полученные путём анализа и сопоставления совр. языков, хотя бы они и касались более древних эпох их развития (напр., данные, полученные в сравнительно-исторических исследованиях), не имеют существенного значения для проблемы П. я., так как эпоху П. я. отделяют от самой «глубинной» реконструкции значительно более протяжённые периоды, а главное,— все эти данные относятся к эпохе, когда уже сложилось человеческое общество. Между тем П. я. связано с гораздо более архаичными формами взаимоотношения людей и относится ко времени возникновения общества. Кроме того, язык как средство общения вообще мог возникнуть лишь как следствие появления определённых социальных функций общения.

Социологическая сторона проблемы П. я. как раз и сводится к вопросу об этих социальных функциях общения в первобытном коллективе. Они несводимы к тем элементарным биологическим потребностям, к-рые удовлетворяет звуковая сигнализация у животных. «Членораздельная речь могла сложиться в условиях образования сравнительно сложных форм общественной жизни..., она способствовала выделению общения из непосредственного процесса производства в относительно самостоятельную деятельность» (А. Г. Спиркин, «Происхождение сознания»). Можно предположить, что функции общения развивались от «стадной стимуляции» (Н. Ю. Войтонис) к функции общественной регуляции поведения и затем, когда средства общения получили предметную отнесённость, т. е. сформировался собственно язык,— к знаковой функции.

Физиологически П. я. необъяснимо, если анализировать лишь отдельные анатомо-физиологические отличия в строении мозга, органов речи и слуха у человека по сравнению с высшими животными. Однако в совр. науке, особенно зарубежной (Э. Леннеберг, США), сильна тенденция выводить особенности человеческого языка из врождённых психофизических механизмов. Физиологическая основа речи человека — это сложная система связей, объединяющих различные зоны коры головного мозга в особую, т. н. функциональную, систему. Эта последняя формируется на базе врождённых анатомо-физиологических предпосылок, но несводима к ним: она формируется у каждого человека в отдельности в процессе его развития. П. я. и есть — с физиологической точки зрения — возникновение таких, обслуживающих процесс общения, «функциональных систем» под влиянием развития труда и всё большего усложнения общественных отношений.

Лит.: Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Маркс К., Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии», Соч., 2 изд., т. 19; Энгельс Ф., Диалектика природы, Соч., 2 изд., т. 20; Спиркин А. Г., Происхождение сознания, М., 1960; Леонтьев А. А., Возникновение и первоначальное развитие языка, М., 1963; его же, Проблема глоттогенеза в современной науке, в сб.: Энгельс и языкознание, М., 1972; Бунак В. В., Речь и интеллект, ста-

дии их развития в антропогенезе, в сб.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека, М., 1966. *А. А. Леонтьев.*

ПРОПИСНА́Я БУ́КВА — см. Буква.

ПРОСТО́Е ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — синтаксическая единица, обладающая всеми необходимыми признаками предложения (см.) как особой языковой категории, функциональная специфика к-рой состоит в обозначении отрезка действительности, представленного в качестве события, ситуации.

П. п. как элементарная единица, реализующая одну предикативную связь, противопоставлено сложному предложению (см.), представляющему собой объединение элементарных предикативных единиц.

Информативная сущность П. п. складывается из взаимодействия трёх аспектов: грамматического, семантического и коммуникативного. Грамматическую специфику П. п. определяет категория предикативности (см.), составные компоненты к-рой (объективная модальность и синтаксическое время) оформляют отношение содержащейся в предложении информации к действительности.

Грамматической формой П. п. является структурная схема, или отвлечённый образец, по к-рому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение. Компонентами структурной схемы служат словоформы, выполняющие роль главных членов предложения. В совр. рус. языке существует два наиболее общих класса структурных схем П. п.: двусоставные (подлежащно-сказуемостные) схемы и односоставные схемы. Структурная схема двусоставного предложения (см.) организуется двумя главными членами — подлежащим и сказуемым, грамматически координированными, т. е. формально уподобленными друг другу: *Завод работает*; *Погода отличная*; *Брат — инженер*; *Долголетие — это физкультура* и др., или формально неуподобленными друг другу: *Сын высокого роста*; *Клевета — это страшно*; *Летать — его мечта*; *Растить детей трудно*; *Курить воспрещается* и др. Структурная схема односоставного предложения (см.) организуется одним главным членом, к-рый может быть однокомпонентным или двухкомпонентным. Существуют четыре класса структурных схем односоставных предложений: именной, спрягаемо-глагольный, наречный и инфинитивный, напр.: *Ночь*; *Звонок! Масса людей*; *Морозит*; *Не спится*; *Следует подождать*; *Воды прибывает*; *Холодно*; *Довольно разговоров*; *Молчать! Быть грозе* и др.

Существует и другая классификация односоставных предложений, построенная на смешанных — формальных и семантических — основаниях; это традиционная классификация, включающая безличные предложения (см.), неопределённо-личные предложения (см.), обобщённо-личные предложения (см.), определённо-личные предложения (см.), назывные предложения (см.). Структурные схемы поддаются полному перечислению и описанию (т. е. составляют закрытый список).

Структурная схема обладает способностью изменяться по синтаксическим наклонениям и временам, образуя систему модально-временных модификаций, называемую парадигмой предложения.

Конкретные высказывания, реализующие ту или иную структурную схему, приобретают в речевой ситуации определённое интонационное оформление. С помощью интонации (см.) передаётся информация о законченности предложения, производится членение предложения на коммуникативно значимые отрезки, а также осуществляется основная дифференциация П. п. с точки зрения коммуникативной целеустановки (повествовательные и вопросительные предложения).

Особый аспект информативной специфики П. п. представляет его семантическая структура, располагающая системой собственных категорий. Под семантической структурой П. п. понимается его содержание, представленное в абстрагированном виде как соотношение типизированных элементов смысла. В максимально обобщённом виде семантическая структура П. п. отражается в его структурной схеме: в отвлечённых значениях компонентов схемы и в отношении между ними, напр. значение процессуального признака и его носителя в структурной схеме типа *Завод работает*; значение субъекта — носителя признака и непроцессуального признака-характеристики в схеме типа *Брат инженер*; значение непроцессуального состояния, заложенное в схеме типа *Зима*; *Тишина* и др.

Структурная схема способна распространяться по особым синтаксическим правилам (распространённые и нераспространённые предложения). Предложение, построенное по определённой структурной схеме, может иметь коммуникативные варианты, различающиеся характером содержащейся в них актуальной информации. Актуальное членение предложения (см.) осуществляется с помощью интонации и порядка слов.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1—2, М., 1952—54; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в кн.: Вопросы грамматического строя, М., 1955; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Общее языкознание, [т. 2]. Внутренняя структура языка, М., 1972; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов, М., 1973. *М. В. Ляпон.*

ПРОСТОРЕ́ЧИЕ — слово, грамматическая форма или оборот преим. устной речи, употребляемые в лит. языке обычно в целях сниженной, грубоватой характеристики предмета речи, а также простая непринуждённая речь, содержащая такие слова, формы и обороты. Термин возник из словосочетания «простая речь», употреблявшегося в 16—17 вв. в значении «не книжный», народный язык. Уже в то время делались попытки применять «простую речь» в письменности (ср. нек-рые части «Жития» Аввакума). В лексикографии термин «П.» впервые зафиксирован в словаре Нордстета 1782.

В 18 в., когда интенсивно подготавливалась почва для нормированного рус. лит. языка, П. становится одним из важнейших его источников, являясь характерным признаком низкого стиля, проникая и в средний стиль (см. Трёх стилей теория). В кон. 18 — нач. 19 вв. наряду с письменной формируется и устная (разговорная) разновидность лит. языка, в связи с чем границы П., всегда расплывчатые, начинают сужаться. Термин постепенно приобретает двоякое значение: общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся вне лит. языка, и сниженные, грубоватые элементы в составе самого лит. языка. Внелит. П. представлено на всех языковых уровнях, особенно ярко оно проявляется в ударении, грамматических формах, словах и выражениях. Происхождение просторечных явлений различно: одни из них — исконно русские, другие — искажённые заимствования, ср.: *про́цент* вместо *проце́нт*, *тролебус* (троллейбус), *делов* (дел), *выбора́* (выборы), *крайний* (в значении «последний в очереди»).

Внелит. П. с кон. 18 — нач. 19 вв. было свойственно гл. обр. городскому населению, не овладевшему лит. нормами, но тяготевшему к ним (рабочему люду, ремесленникам, мещанам, части купечества и т. д.), а также низшим слоям сельской интеллигенции. Этот вид П. широко представлен в художественной лит-ре 19—20 вв. для характеристики речи героев (у А. Островского, Г. Успенского, Н. Лескова и других писателей). Ср.: «*Они свое образование хочут показать*» (Чехов); «*Не хотится ль вам пройтиться*» (Блок). В сов. эпоху, потеряв социально-классовую окраску, внелит. П. сохраняется у недостаточно образованных лиц, причём начинает сливаться с речью носителей говоров, получивших образование, но не полностью овладевших лит. языком.

П. как сниженный, эмоционально окрашенный способ изображения действительности входит в состав лит. языка, свойственно речи и образованных людей. При определённых обстоятельствах любой владеющий лит. языком может сказать: *Он выпендривается*, *выкорячивается*; *Здорово*, *дружище*; *шип* (вместо *шипение*) и т. п. Ср. в примечании к «Евгению Онегину» Пушкина: «*Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопание, как шип вместо шипения*» или у Короленко: « — *Помилуйте, бабий разговор, просторечие! — сказал мне с неудовольствием один из начетчиков*». Между *про́цент*, *выбора́* и *шип*, *бабий разговор* имеется принципиальное различие: первые формы владеющий лит. языком не употребит никогда или употребит, передразнивая малообразованного, а вторые при надобности может употребить.

Лит.: Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2 изд., М., 1938; Филин Ф. П., О структуре современного русского литературного языка, «ВЯ», 1973, № 2; то же, в кн.: Русский язык в современном мире, М., 1974.

Ф. П. Филин.

ПРОСТОРЕ́ЧНАЯ ЛЕ́КСИКА — совокупность слов, употребляющихся в лит. языке в целях сниженной, грубоватой оценки предмета речи (см. Просторечие). В толковых словарях совр. рус. языка при них стоит стилистическая помета «прост.» (или «простореч.»). Ср.: *караулка* (помещение для сторожа или караула), *на карачки*, *на карачках* (на четвереньки, на четвереньках), *карачун* (о внезапной, неожиданной смерти), *каторжник* (бранно: негодяй, мошенник), *каюк* (конец, гибель). Особенно высок процент просторечности в фразеологии (*повесить*, *опустить нос на квинту*, *нос картошкой*, *стреляный воробей* и т. д.).

Характерной особенностью П. л. является её употребление в речи всего народа. Этим она принципиально отличается от областной (диалектной) лексики, к-рая известна только в определённых местностях, а не на всей территории распространения рус. языка (ср. северное *баской* — «хороший, красивый», южное *баз* — «скотный двор»). Нечётки границы между просторечной и разговорной лексикой, в связи с чем в словарях имеются случаи разнобоя в постановке помет «простореч.» и «разг.» (одно и то же слово в разных словарях получает неодинаковую оценку).

П. л. в системе лит. языка противостоит высокая, книжная лексика.

Ф. П. Филин.

ПРОТИВИ́ТЕЛЬНЫЙ СОЮ́З — см. Союз.

ПРО́ТЧЕНКО Иван Фёдорович (р. 22.6.1918, д. Голяковка, ныне Брянской обл.) — сов. языковед, акад. АПН СССР (1978). Чл. КПСС с 1947. Окончил Волгоградский пед. ин-т (1941). Проф. (1974). Главный учёный секретарь АПН СССР (с 1974). Труды по лексике, словообразованию рус. языка, социолингвистике, общему языкознанию, истории рус. языкознания, методике преподавания фило-

логических дисциплин. Исследовал малоизученные лексико-словообразовательные процессы в совр. рус. языке, процессы развития общественно-политической лексики, терминологии физкультуры и спорта и другие терминологические системы, особенности рус. языка как средства межнационального общения («Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект», 1975). В книге «Развитие языков народов СССР в советскую эпоху» (1968, совм. с Ю. Д. Дешериевым) исследовал проблемы развития языков социалистических наций и народностей СССР, социально обусловленные закономерности этого развития, обобщил опыт языкового строительства, показал успехи в области просвещения и культуры, достигнутые в развитом социалистическом обществе в условиях подлинно демократического решения национального вопроса. Ряд работ посвящён особенностям преподавания рус. и других национальных языков в сов. многонациональной школе, а также общепедагогическим вопросам.

ПРОФЕССИОНАЛИ́ЗМ — слово или выражение, свойственное речи той или иной профессиональной группы. П. выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов (см.): опечатка в речи газетчиков — *ляп*; руль в речи шофёров — *баранка*; синхрофазотрон в речи физиков— *кастрюля* и т. п. Термины являются узаконенными названиями каких-либо специальных понятий, профессионализмы употребляются как их неофициальные заменители лишь в ограниченной специальной тематикой речи лиц, связанных по профессии. Часто П. имеют локальный, местный характер. Существует, однако, и точка зрения, согласно к-рой П. есть синоним понятия «термин» (Н. М. Шанский, «Лексикология современного русского языка»). По мнению нек-рых исследователей, П.— «полуофициальное» название ограниченного в употреблении понятия — лексика охотников, рыболовов и др. (А. В. Калинин, «Лексика русского языка»).

По происхождению П., как правило,— результат метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия: по сходству, напр., формы детали и бытовой реалии, характера производственного процесса и общеизвестного действия или, наконец, по эмоциональной ассоциации.

П. всегда экспрессивны и противопоставляются точности и стилистической нейтральности терминов. Не следует, однако, смешивать их с терминами по происхождению экспрессивными, напр.: *грязный котёл* — сахарная промышленность; подобный термин является единственным вариантом для определения понятия, а П. всегда синоним, заменитель основного обозначения.

П. сходны с жаргонизмами (см. Жаргон) и словами просторечной лексики по сниженной, грубой экспрессии, а также тем, что они, как и жаргоны и просторечие,— не самостоятельная языковая подсистема со своими грамматическими особенностями, а некий лексический комплекс, сравнительно ограниченный в количественном отношении.

Вследствие свойственной П. экспрессивности они относительно легко переходят в просторечие, а также в разговорную речь лит. языка, напр.: *накладка* — «ошибка» (из актёрской речи перешло в разговорную), *дворник* — «стеклоочиститель автомашины».

Как и термины, П. используются в языке художественной лит-ры как изобразительное средство.

Лит.: Шанский Н. М., Лексикология современного русского языка, М., 1964; Калинин А. В., Лексика русского языка, 3 изд., [М.], 1978. *В. Н. Прохорова.*

ПРОШЕ́ДШЕЕ ВРЕ́МЯ — время (см.) глагола, обозначающее, что названное глаголом действие предшествует моменту речи. У глаголов несов. вида процесс выражается как развёртывающийся в прошлом, а у глаголов сов. вида — как уже законченный к моменту речи: *В Москву ехала делегация — В Москву приехала делегация.*

Значение П. в. в предложении реализуется в трёх разновидностях, обычно называемых имперфектным, перфектным и аористическим значениями. Имперфектное значение выражается глаголами несов. вида и обозначает, что процесс, совершавшийся в прошлом, не завершился: *Дети гуляли в парке*; *Моросил дождь*; *Студенты сдавали экзамены.* Перфектное значение выражается глаголами сов. вида и обозначает, что процесс,

имевший место в прошлом, завершился и в настоящем (в момент речи) наличествует его результат: *Пришёл домой сын* (т. е. сын дома); *Внук вырос* (т. е. внук взрослый); *Студенты сдали экзамены*; *Дождь кончился*. Аористическое значение выражается глаголами как сов., так и несов. вида и обозначает, что действие (его процесс или его результат — в зависимости от вида глагола) разобщено с планом настоящего: *Дети днём гуляли в парке*; *Студенты вчера сдали последний экзамен*.

П. в. представлено четырьмя формами — тремя формами ед. ч. (напр.: *шёл*, *шла*, *шло*) и одной формой мн. ч. (*шли*). Формы П. в. образуются от основы инфинитива или (реже) от основы П. в. (см. Глагол), имеют в своём составе показатель времени суффикс *-л-* и изменяются по родам и числам, подобно кратким формам прилагательных: *играл*, *играл-а*, *играл-о*, *играл-и*.

Нек-рые исследователи относят *-л-* в формах П. в. к окончанию (*-л* — для форм муж. рода, *-ла* — для форм жен. рода, *-ло* — для форм ср. рода и *-ли* — для форм мн. ч.).

У глаголов с основой на *б*, *п*, *г*, *к*, *х*, *з*, *с*, *р* в формах муж. рода *-л-* отсутствует: *погиб*, *ослеп*, *отверг*, *отвык*, *засох*, *увёз*, *принёс*, *запер*, но *погибла*, *ослепла* и т. п. Ряд глаголов на *-нуть* образует вариантные формы муж. рода с *-ну-* и без *-ну-*, формы без *-ну-* в употреблении преобладают: *мёрз* и *мёрзнул*, *сох* и *сохнул*, *увял* и *увянул*, *привык* и *привыкнул*. Глагол *идти* (а также *прийти*, *зайти* и с другими приставками) в П. в. имеет формы *шёл*, *шла*, *шло*, *шли*.

Значение П. в. может быть также выражено: 1) формами, омонимичными формам 2-го лица ед.ч. повелительного наклонения от глаголов сов. вида обычно в соединении с *и*, *возьми и*, *возьми да и*: *А он и приди*; *А она возьми и упади в обморок*; *А он возьми да и скажи всё отцу*, и 2) неизменяемыми словами типа *прыг*, *толк*, *хвать*, *бряк*, к-рые часто называют глагольными междометиями: *А он прыг в окошко и убежал*; «*Хвать друга камнем в лоб*» (Крылов); «*...тихохонько медведя толк ногой*» (Крылов).

Об истории системы глагольных времён см. ст. Древнерусский язык.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ПРЯМА́Я РЕЧЬ — один из способов передачи чужой речи, при к-ром говорящий (пишущий) полностью сохраняет её лексико-синтаксические особенности, не приспосабливая их к своей речи. Тем самым П. р. и речь говорящего чётко разграничиваются: «*Он вдруг остановился, протянул руку вперед и промолвил: „Вот куда мы идем“*» (Тургенев).

Чужая речь может выступать не только в форме прямой, но и в форме косвенной речи (см.). П. р. всегда представлена говорящим (пишущим) как точно, дословно переданная чужая речь, хотя она может воспроизводиться не совсем точно, более того, говорящий может приписать

Табл. 1. — Система знаков препинания при прямой речи, рекомендованная для усвоения в средней школе

Прямая речь состоит из одного предложения, простого или сложного	
А_____ : «П _____».	*Киров ответил: «Астрахань сдана не будет»* (Вишневский).
А_____: «П_____? (!)».	*Шурик крикнул от своих ворот: «Сергей, в рощу пошли?»* (Панова).
«П_____», — а_____.	*«Одну минутку, товарищ дивизионный комиссар, разрешите я сена в кузов возьму», — сказал Велихов* (Симонов).
«П_____? (!)» — а_____.	*«Он же еще и угрожает!» — проговорил сестре вполголоса Ганя* (Достоевский).
«П_____, — а_____, — п_____».	*«Ну что же, — подумал Потапов, — с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг»* (Паустовский).
Прямая речь состоит из нескольких предложений	
«П_____, — а_____. — П_____».	*«Хорошо, мы с вами потом поговорим, — сказал он почти спокойно. — Поедете со мной»* (Симонов).
«П_____?(!)— а_____.— П_____».	*«Неправда это! — мучительно выговорила Аня. — Вы все выдумали про меня»* (Атаров).

Табл. 2. — Система знаков препинания при прямой речи (без кавычек), представленная в произведениях печати, главным образом в произведениях художественной литературы

А_____: — П_____?(!)	*И хором бабушки твердят:* — *Как наши годы-то летят!* (Пушкин).
— П_____, — а_____.	— *Ну это вы преувеличиваете, позвольте вам заметить,* — *прервал я его* (Тургенев).
— П_____?(!) — а_____.	— *Скорей, скорей в город за лекарем!* — *кричал Владимир* (Пушкин).
— П_____, — а_____, — п_____.	— *Я к вам и завтра приеду,* — *сказала она,* — *и привезу с собой ваших внучек, Сашу и Лиду* (Чехов).

кому-то слова и предложения, к-рые тот не говорил и не хотел говорить. Эти возможные отклонения от действительных чужих высказываний при П. р. грамматически никак не выражены и поэтому на языковой основе установлены быть не могут.

П. р. может воспроизводить не только чужую речь, но и нек-рые прошлые или будущие высказывания самого говорящего, ср.: *Я же сказал вам вчера: «Я никуда не пойду»* или *Я ему скажу завтра: «Я никуда не пойду»*. Как П. р. могут быть оформлены некоторые невысказанные мысли: «*„Она — злое насмешливое создание!“ —подумал Обломов*» (Гончаров).

П. р. точно передаёт не только лексику и синтаксис чужой речи, но сохраняет также чужую стилистику и даже чужую интонацию: «*Батюшка ты наш,— сказала она* (Егоровна) *пискливым голосом,— погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас*» (Пушкин). Поэтому чужеродность П. р. в тексте всегда проявляется очень отчётливо.

П. р. вводится в текст авторскими словами. Авторские слова — это конструкция с глаголом речи (*сказать, проговорить, промолвить, спросить, ответить* и т. п.), к к-рому непосредственно относится П. р. В авторских словах глагола речи может и не быть, если есть глагол, способный сопровождать глагол речи: *вспомнить, удивиться, ужаснуться, обидеться* и т. п., а также *вздохнуть, улыбнуться* и т. п.: *Он обиделся и сказал: «Я ухожу» — Он обиделся: «Я ухожу»; «Генерал Петряков улыбнулся: „Наградили капитана Власова, а орден вручаю майору“»* (Эренбург).

Существуют две системы знаков препинания для выделения П. р. (см. таблицы; условные обозначения в таблицах: А ____ — авторские слова начинаются с прописной буквы; а ____ — авторские слова начинаются со строчной буквы; П ____ — П. р. начинается с прописной буквы; п ____ — П. р. начинается со строчной буквы).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1954; Кодухов В. И., Прямая и косвенная речь в современном русском языке, Л., 1957; Милых М. К., Прямая речь в художественной прозе, [Ростов н/Д.], 1958.

Е. Н. Ширяев.

ПРЯМО́Е ДОПОЛНЕ́НИЕ — см. Дополнение.

ПСИХОЛИНГВИ́СТИКА — наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотнесённости с системой языка. П. занимается, в частности, моделированием процессов осознания ребёнком системы родного языка, лежащих в основе обучения грамоте и грамматике в школе. Разрабатывая модели речевой деятельности и психофизиологической речевой организации человека, П. проверяет их путём психологических экспериментов; т. о., будучи по предмету исследования близка к лингвистике, по методам П. ближе к психологии. П. в СССР получила особое распространение в сер. 60-х гг. в силу необходимости дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения к-рых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным (обучение иностранному языку, проблемы инженерной, а позже и космической психологии, психиатрии— восстановление нарушенных речевых функций, опознание людей по особенностям речи в криминалистике и т. д.). В СССР П., часто называемая теорией речевой деятельности, опирается на психологические воззрения школы Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.) и на лингвистическое наследие Л. В. Щербы и его школы. Центром исследований по П. в СССР является Ин-т языкознания АН СССР (Москва), каждые два года собирающий всесоюзные симпозиумы по П. и издающий основную лит-ру. П. интенсивно

разрабатывается также в Ленинграде, Минске, Харькове, Тбилиси, Перми, Алма-Ате и других городах.

За рубежом, особенно в США, П. первоначально опиралась на бихевиористскую психологию (Ч. Осгуд), затем в ней распространились идеи порождающей грамматики (Дж. Миллер и его школа). В Европе, а также и в США намечается резкий поворот к большему учёту собственно психологических и социальных факторов речевой деятельности (работы Р. Румметвейта в Норвегии, Дж. Мортона в Англии и др.). Из социалистических стран Европы П. особенно развита в Румынии (Т. Слама-Казаку) и в Чехословакии.

Лит.: Леонтьев А. А., Психолингвистика, Л., 1967; его же, Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969; Теория речевой деятельности, М., 1968; Психолингвистика за рубежом, М., 1972; Основы теории речевой деятельности, М., 1974.

А. А. Леонтьев.

ПУБЛИЦИСТИ́ЧЕСКИЙ СТИЛЬ (от лат. publicus — общественный) — исторически сложившаяся функциональная разновидность лит. языка, используемая в газетах, общественно-политических и литературно-художественных журналах, в агитационно-пропагандистских выступлениях, в средствах массовой коммуникации. П. с. характеризуется популярностью, образностью, полемичностью изложения, яркостью выразительных средств положительной или отрицательной экспрессии. В лексике П. с. широко используются общественно-политические термины (*партия*, *партийность*, *митинг*, *демонстрация*), эмоционально-оценочные слова (*новатор*, *передовик*, *правофланговый*, *труженик*, *доблестный*, *вдохновляющий*), экспрессивно-связанное словоупотребление (*уверенной поступью*, *плечом к плечу*, *рекордный рубеж*), во фразеологии — перифрастические построения (*белое золото* — «хлопок», *мягкое золото* — «пушнина», *зелёный друг* — «лес»), а также фразовые серии (*флагман энергетики*, *флагман индустрии*, *флагман музыки* и т. п.). Морфологическими средствами П. с. являются словоформы с префиксами *анти-*, *нео-*, *псевдо-* и с суффиксами *-ация*, *-фикация*, *-ист*, *-тор*, *-изм*, *-овец*, сложные прилагательные (*партийно-комсомольский*, *массово-политический*, *агитационно-пропагандистский*), императивные формы глаголов, выражающие призыв к совместному действию (*выполним*, *встретим* и т. п.). Синтаксис П. с. определяется употреблением конструкций с различными видами инверсии, с повторами слов и синтагм, а также предикативных звеньев сложного целого, риторических вопросов и обращений, конструкций с автономией придаточного предложения или части простого предложения.

В рус. языке П. с. начинает формироваться в 16—17 вв. (челобитные Ивана Пересветова, переписка Ивана Грозного и князя Курбского, сочинения Г. Котошихина, Т. Посошкова), в основных же чертах складывается в 18—19 вв. (сочинения А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского) и достигает наивысшего расцвета в научно-политическом творчестве В. И. Ленина.

П. с. реализуется в жанрах политического трактата, доклада, памфлета, фельетона, в листовках, воззваниях, прокламациях, в газетных очерках и т. п.

Лит.: Яковлев Б., Ленин — публицист, М., 1960; Костомаров В. Г., Русский язык на газетной полосе, М., 1971; Рогова К. А., Синтаксические особенности публицистической речи, Л., 1975.

А. Н. Кожин.

ПУНКТОГРА́ММА (от лат. punctum — точка и греч. grámma — письменный знак, запись) — закономерно воспроизводимый в письменной речи знак препинания (см.), соответствующий правилам пунктуации (см.), напр. тире между подлежащим и сказуемым, точка в конце предложения, двоеточие в бессоюзном сложном предложении, двоеточие и тире в предложении с обобщающим словом при однородных членах, запятые при обособлении второстепенных членов (определений, приложений, обстоятельств и т. д.), скобки при вставных конструкциях и т. п. Перечень П. соответствует перечню частных правил пунктуации. По степени обобщённости отражаемого правила П. бывают разных типов, напр. запятая при однородных членах с соединительными союзами или вообще при однородных членах. В понятие П. включается и отсутствие знака в том или ином месте предложения, если это отсутствие значимо, т. е. регламентировано правилами, напр. отсутствие запятой между частями сложносочинённого предложения с общим членом, отсутствие запятой между двумя придаточными, соединёнными союзом *и*. Термины «П.» и «знак препинания» не тождественны: первый включает наименование оформляемой знаком синтаксической единицы, второй лишь указывает на элемент графической системы языка.

Термин «П.» возник в 70-е гг. 20 в. по аналогии с термином орфограмма (см.). Бытует как «рабочий» термин в среде методистов школы, используется в методической и дидактической лит-ре, адресованной учителям, употребляется в сочетаниях типа: *пунктограммы, изучаемые в 8-м классе*; *перечень пунктограмм, изучаемых в 4-м классе*; *пунктограммы, связанные с выделением структурных частей предложения*. Однако в самой школьной практике термин не закрепил-

ся (вместо него употребляется сочетание «пунктуационные правила»), не регистрируется и лингвистическими словарями, в т. ч. терминологическими.

Лит.: Блинов Г. И., О группировке пунктограмм, «Рус. яз. в школе», 1971, № 2; его же, Методика пунктуации в школе. Пособие для учителей, М., 1978; Пичугов Ю. С., Использование системы условно-графических обозначений при изучении пунктуации. Пособие для учителя, М., 1974; Виды разбора на уроках русского языка. Пособие для учителя, М., 1975.

Н. С. Валгина.

ПУНКТУА́ЦИЯ (позднелат. punctuatio, от лат. punctum — точка) — 1) собрание правил постановки знаков препинания; 2) расстановка знаков препинания в тексте; 3) то же, что знаки препинания (см.).

По вопросу об основах русской П. выделились три основных направления: логическое, синтаксическое и интонационное.

Теоретиком логического, или смыслового, направления был Ф. И. Буслаев (см.), сформулировавший назначение П. следующим образом: «Так как посредством языка одно лицо передает свои мысли и чувствования другому, то и знаки препинания имеют двоякое назначение: 1) способствуют ясности в изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого или одну часть его от другой, и 2) выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему». В сов. русистике смысловое понимание основ рус. П. нашло выражение в работах С. И. Абакумова (см.) и А. Б. Шапиро (см.). Первый из них считал основным значением пунктуации указание на расчленение речи на части, имеющие значение для выражения мысли при письме. Шапиро видел основную роль пунктуации в обозначении тех смысловых отношений и оттенков, к-рые, будучи важны для понимания письменного текста, не могут быть выражены лексическими и синтаксическими средствами.

Синтаксическое направление в теории П., получившее широкое распространение в практике её преподавания, исходит из того, что знаки препинания призваны в первую очередь делать наглядным синтаксический строй речи, выделять отдельные предложения и их части. Виднейший представитель этого направления Я. К. Грот (см.) считал, что посредством основных знаков препинания даётся «указание большей или меньшей связи между предложениями, а отчасти и между членами предложений», к-рое служит «для облегчения читателю понимания писаной речи».

Представители интонационной теории П. полагают, что знаки препинания служат для обозначения ритмики и мелодики фразы, иначе фразовой интонации (Л. В. Щерба; см.), что они в огромном большинстве случаев отражают не грамматическое, а декламационно-психологическое расчленение речи (А. М. Пешковский; см.) и нужны «для передачи мелодии речи, темпа ее и пауз» (Л. А. Булаховский; см.).

Несмотря на расхождения во взглядах представителей разных направлений, общим у них является признание коммуникативной функции П. как важного средства оформления письменной речи: знаки препинания указывают на её смысловое членение. Вместе с тем в значительной степени рус. П. строится на синтаксической основе, как это показывают формулировки большинства пунктуационных правил. В ряде случаев рус. П. связана также с интонацией. Всё это придаёт рус. пунктуационной системе большую гибкость: наряду с обязательными правилами она содержит указания, не имеющие строго нормативного характера и допускающие пунктуационные варианты, связанные не только со смысловой стороной письменного текста, но и с его стилистическими особенностями.

Лит.: Абакумов С. И., Об основах методики пунктуации, «Изв. АПН РСФСР», 1947, в. 10; Шапиро А. Б., Основы русской пунктуации, М., 1955; его же, Современный русский язык. Пунктуация, М., 1966; Иванова В. Ф., История и принципы русской пунктуации, Л., 1962.

Д. Э. Розенталь.

ПУРИ́ЗМ языковой (франц. purisme, от лат. purus — чистый) — стремление очистить язык от иноязычных слов и выражений, от разного рода новообразований, неприятие в лит. речи лексических и грамматических элементов, идущих от территориальных и социальных диалектов, просторечия, профессионального употребления и т. п. В широком смысле П.— излишне строгое, непримиримое отношение к любым заимствованиям, новшествам, вообще ко всем субъективно понимаемым случаям искажения, огрубления и порчи языка.

Положительные стороны П. состоят в заботе о развитии самобытной национальной культуры, в обращении к богатствам родного языка, к его смысловым и словообразовательным ресурсам. Отрицательные стороны П.— в его антиисторичности и субъективности, в непонимании поступательного развития языка, в ретроспективности (когда признаётся то, что уже закрепилось в языке, и отрицаются новые факты), а иногда и в прямом консерватизме (когда проповедуется отказ от освоенных языком заимствований, предполагается замена их новообразованиями из исконных морфем).

П. характерен для времени становления национальных лит. языков, он проявляется также в периоды важных общественных событий (подъём демократического движения, революции, войны и т. п.) и связанных с ними значительных сдвигов

в организации языка, когда он быстро и наглядно реформируется, вбирая в себя много заимствований, неологизмов и иных новообразований, перестраивая стилистические соотношения составляющих элементов.

Революционно-демократическая критика 19 в. (В. Г. Белинский и др.) выступала против П., воплощавшего формальное и консервативное отношение к языку (позиция А. С. Шишкова, Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, М. П. Погодина и др.). Пуристические тенденции сказывались в лингвистических взглядах В. И. Даля (его борьба с заимствованными словами, к-рые он называл «чужесловами»).

В истории рус. лит. языка П. был иногда и закономерным протестом против злоупотребления ненужными иностранными словами. Засорение рус. языка галлицизмами высмеял Д. И. Фонвизин в комедии «Бригадир», А. С. Грибоедов назвал такую речь смешением «французского с нижегородским».

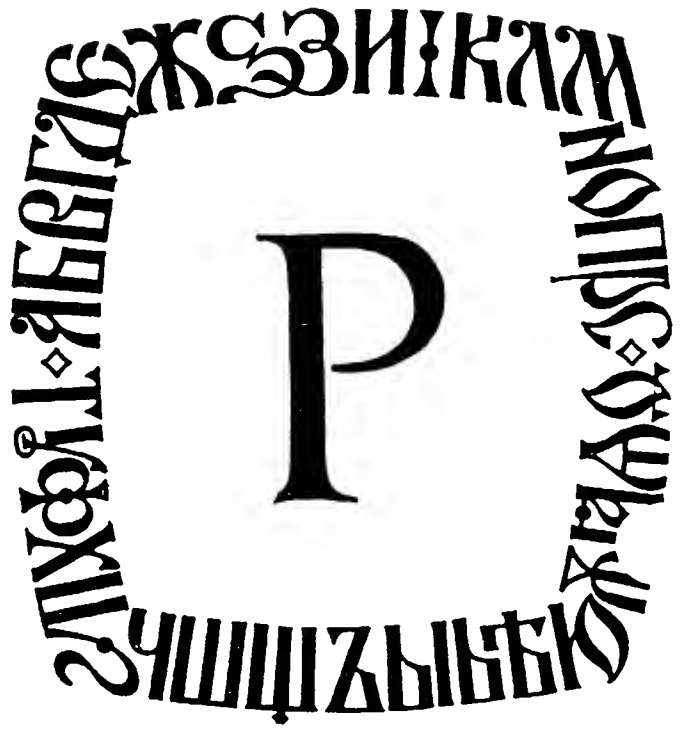
Об употреблении иностранных слов без надобности писал В. И. Ленин, связывая этот вопрос с точностью и чистотой языка, доступностью и действенностью партийной пропаганды.

Противоположностью П. является антинормализаторство — отрицание необходимости сознательного вмешательства в языковой процесс и научной нормализации. Сторонники антинормализаторства обычно выступают с субъективно-вкусовыми оценками фактов языка.

Научная языковая нормализация предполагает борьбу с проявлениями как пуристических, так и антинормализаторских воззрений в области речевой культуры; см. Норма (языковая).

Лит.: Ленин В. И., Об очистке русского языка, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 40, с. 49; Винокур Г. О., О пуризме, в его кн.: Культура языка, 2 изд., М., 1929; Будагов Р. А., Введение в науку о языке, 2 изд., М., 1965; его же, Человек и его язык, М., 1974; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Виноградов С. И., Дискуссии о языке первых послереволюционных лет, «Рус. речь», 1977, № 2; Скворцов Л. И., Об основных понятиях и терминах культуры речи, в кн.: Восточнославянское и общее языкознание, М., 1978.

Л. И. Скворцов.



Р, р — восемнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*эр*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное р*, *строчное р*. Буква *Р*, *р* обозначает палатализованную (мягкую)— перед буквами *е*, *ё*, *и*, *ю*, *я*, *ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*р'*], [*р*], напр.: *корь* [*кор'*], *ре́па* [*р'е́пъ*], *рис* [*р'ис*], *рёва* [*р'о́въ*], *рю́мка* [*р'у́мкъ*], *ряд* [*р'ат*], *го́рький* [*го́р'къ̂и*], *рот* [*рот*], *раз* [*рас*], *рука́* [*рука́*], *бор* [*бор*], *го́рько* [*го́р'къ*].

Буква *Р*, *р* употребляется в составе нек-рых сокращений: *РСФСР* — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

По начертанию восходит к букве «рцы» (Р) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «сто». Название и детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

РАЗБО́Р — анализ языковых явлений и их характеристика в определённой последовательности; применяется в учебных целях как один из приёмов обучения рус. языку, как средство контроля и самоконтроля, как упражнение, позволяющее обобщить, систематизировать и закрепить знания, умения и навыки. Р. может быть полным и частичным, устным и письменным. По содержанию различаются следующие виды Р.: фонетический, лексический, Р. слова по составу (морфемный, словообразовательный, этимологический), морфологический, синтаксический, стилистический, орфографический, пунктуационный и др. Количество и характер выделяемых при Р. признаков определяются целями, задачами и условиями Р. (в школе и вузе, этапом обучения и т. д.).

При фонетическом Р. слово делится на слоги, указываются место ударения, состав звуков, даётся их характеристика, устанавливается соотношение с буквами. При лексическом Р. выясняются лексическое значение слова, его стилистические свойства, особенности употребления и происхождение. При морфемном Р. выделяются окончание и основа, к-рая членится на корень, суффикс, приставку. При словообразовательном Р. выделяется производящая основа, выясняется способ образования слова, определяется порядок присоединения морфем в процессе словопроизводства. При этимологическом Р. выясняются исторический морфемный состав, прошлые словообразовательные связи (полный этимологический разбор в учебных целях не проводится). При морфологическом Р. (сло́ва как части речи) указываются начальная форма (для изменяемых частей речи), постоянные и непостоянные признаки, синтаксическая функция и сочетаемость. Для наречий и неспрягаемых глагольных форм (причастий и деепричастий) указывается, от каких слов они образованы (в словообразовательном плане). Так, у существительных указываются: начальная форма (им. п. ед. ч.); постоянные признаки — нарицательное или собственное, одушевлённое или неодушевлённое, конкретное или отвлечённое (абстрактное), вещественное, собирательное или единичное, род, тип склонения; непостоянные признаки — падеж, число. У прилагательных указываются начальная форма (им. п. ед. ч. муж. рода); постоянные признаки — разряд по значению (качественное, относительное или притяжательное); непостоянные признаки — у качественных — степень сравнения, полная или краткая форма, падеж, число, род (в ед. ч.). У числительных указываются начальная форма (им. п.); постоянные признаки — разряд по составу (простое, составное, сложное), разряд по значению (количественное, порядковое, собирательное, дробное); непостоянные признаки — падеж, род (если есть), число (если есть). У местоимений указываются начальная форма (им. п. ед. ч.); постоянные признаки — разряд по значению (личные и т. д.), разряд по соотношению с другими частями речи (местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоимения-наречия); непостоянные признаки — падеж, число, род (если есть). У глаголов указываются начальная форма (инфинитив); постоянные признаки — вид, возвратность, переходность, залог, тип спряжения, класс; непостоянные признаки — наклонение, время, лицо, число, род (если есть). У причастий указываются начальная форма (инфинитив или им. п. ед. ч. муж. рода); постоянные признаки — действительное или страдательное, время, вид; непосто-

янные признаки — полная или краткая форма (у страдательных), число, род, падеж (у причастий в полной форме). У деепричастий указывается вид. При разборе причастий и деепричастий отмечается также переходность и непереходность, возвратность и невозвратность и другие глагольные свойства. У наречий указывается разряд по значению. У предлогов указывается: простой или сложный предлог, непроизводный или производный, с каким падежом употреблён. У союзов указывается: простой или составной, сочинительный или подчинительный (с дальнейшим подразделением), что соединяет. У частиц и междометий указывается разряд по значению.

При синтаксическом Р. словосочетаний указываются главное (стержневое) слово и зависимое, строение и грамматическое значение, простое или сложное словосочетание, вид и способ связи между словами. При синтаксическом Р. простого предложения указываются, утвердительное оно или отрицательное, вид предложения по цели высказывания (повествовательное, вопросительное, побудительное); отмечается, если предложение восклицательное; двусоставное, односоставное (разновидность), нечленимое; распространённое или нераспространённое; полное или неполное; отмечается осложнённость предложения однородными членами, обособленными членами, обращением, вводными конструкциями. Затем проводится Р. по членам предложения. При этом отмечается, чем выражены члены предложения. При синтаксическом Р. сложного предложения указывается его тип (сложносочинённое, сложноподчинённое, бессоюзное), из скольких простых предложений (частей) состоит; у сложносочинённых отмечаются средства связи и грамматическое значение (смысловые отношения между частями); у сложноподчинённых выделяются главное и придаточное предложения, определяется тип придаточного, к чему относится, средства связи, место придаточного по отношению к главному. Если имеется несколько придаточных, отмечается вид подчинения: однородное, параллельное (неоднородное), последовательное; для бессоюзных предложений выясняются смысловые отношения между частями.

При стилистическом Р. указываются основная функция предложений (задачи речи), сфера применения (жанр, речевая ситуация); монологическая или диалогическая речь; стилевые черты и способы их выражения (лексические, грамматические и др.). При пунктуационном Р. (обычно он присоединяется к синтаксическому) объясняется употребление знаков препинания, отмечается наличие необходимых и достаточных условий их постановки. При орфографическом Р. орфограммы (см.) соотносятся с соответствующим правилом.

В разных учебных и методических пособиях последовательность перечисления признаков обусловлена разнородными факторами: важностью признаков для характеристики явлений языка, принципом описания языкового явления («от строения к значению» или «от значения к строению»), стремлением соединить два этапа Р.: анализ языкового явления и его характеристику в определённой последовательности. Так, при морфемном Р. анализ состава слова соответствует последовательности пунктов характеристики: выделение аффиксов мотивируется в ходе Р. Окончание определяется изменением слова, выделение корня сопровождается подбором однокоренных слов, выделение суффиксов и приставок мотивируется подбором однострукту рных слов (слов с теми же суффиксами и приставками). Нередко анализ предшествует характеристике и по существу остаётся невыраженным. Так, при характеристике простых предложений сначала указываются семантические, затем структурные признаки, хотя очевидно, что при анализе сначала выделяется предикативная основа, определяется её объём и т. д. Эта часть работы, способствующая узнаванию и определению места анализируемого предложения в системе структурно-семантических типов простого предложения, также требует определённой последовательности действий. В характеристику языкового явления нередко включаются элементы первого этапа — анализа. Этим обусловлено требование аргументировать ту или иную квалификацию, а также последовательность отдельных пунктов характеристики. Так, указание рода имён существительных перед определением типа склонения обусловлено тем, что в основе разграничения типов склонения имён существительных лежит их родовой признак. При любом Р. требуется развёрнутый, мотивированный ответ, отражающий осмысленную логическую связь явлений языка.

Лит.: Текучев А. В., Методика грамматического разбора, 4 изд., К., 1964; Домашенкина Г. П., Иванова Т. Б., Грамматический разбор в вузе и в школе, 2 изд., М., 1974; Бабайцева В. В. [и др.], Виды разбора на уроках русского языка. М., 1978. *В. В. Бабайцева.*

РАЗВИ́ТИЕ РЕ́ЧИ В ШКО́ЛЕ — педагогический процесс, имеющий целью вооружение учащихся навыками практического владения рус. лит. языком как средством общения. Процесс этот является сложным, многоаспектным и не прерывается в течение всего времени обучения; складывается он из работы над всеми основными компонентами речи: звуком, словом, словосочетанием и предложением. Все эти компоненты сосуще-

ствуют в языке, воспринимаются, усваиваются и используются как нечто цельное, единое. Однако в процессе занятий они могут расчленяться и выделяться в зависимости от потребностей обучения. Очерёдность занятий определяется и устанавливается программой.

Школа должна научить языку правильному и точному, без отклонений от лит. нормы, свободному от вульгаризмов и диалектизмов. Учащиеся должны свободно, правильно и логически осмысленно читать, связно, последовательно, логично излагать собственные мысли: уметь построить односложный и развёрнутый ответ на вопрос, устно и письменно изложить прочитанное или прослушанное, написать сочинение на лит. и «свободную» тему, уметь вести деловую и личную переписку.

Речь учащихся формируется не только в процессе занятий в школе, на неё может оказывать воздействие окружающая среда (диалектное окружение, жаргонная речь и т. п.). Речевые ошибки учащихся устраняются в процессе словарной работы, занятий по грамматике, занятий по формированию навыков развёрнутой связной речи и по усвоению орфоэпических норм лит. языка.

Школа даёт представление об основных пластах словарного состава рус. лит. языка, стремится максимально расширить активный словарь учащихся, обеспечить усвоение ими новых для них слов и новых значений слов, уже известных. Усвоению новых слов способствуют чтение, общественная и трудовая практика, а также специальные упражнения: запись новых слов на доске и в тетрадях с объяснением их значений, упражнения в определении значений слов, составление предложений с новыми словами, введение новых слов в орфографические упражнения, заучивание наизусть лит. текстов, поэтическое творчество детей. Особое значение имеют изложения и сочинения, виды к-рых могут быть весьма разнообразными по тематике, стилю, объёму и т. п. Работа над всеми видами сочинений (и во многом подобных им изложений) ведётся в школе по определённой системе и в определённой последовательности при всё увеличивающейся требовательности, сложности работы в разных классах (с 3-го по 10-й).

Лит.: Выготский Л. С., Мышление и речь, М.— Л., 1934; Жинкин Н. И., Психологические основы развития речи, в сб.: В защиту живого слова, М., 1966; Теория и практика сочинений разных жанров. Пособие для факультативных занятий. VII—VIII кл., под ред. Т. А. Ладыженской и Т. С. Зепаловой, М., 1970; Ладыженская Т. А., Система работы по развитию связной устной речи учащихся, М., 1975.

А. В. Текучёв.

РАЗГОВО́РНАЯ ЛЕ́КСИКА — стилистически окрашенный слой словарного состава лит. языка, соотносимый с функционально-стилистической категорией разговорной речи (см.). Как и другие стилистически окрашенные пласты словарного состава, Р. л. выделяется на фоне нейтральной лексики (см.).

Разговорные слова входят в лексическую систему лит. языка, не нарушают лит. норм, но употребляются преим. в устной речи, гл. обр. в сфере повседневного, бытового общения. Словам Р. л. присуща непринуждённость, нек-рая фамильярность. Ненарочитое, не вызванное специальным заданием включение разговорных слов в деловую или научную речь осознаётся как отклонение от стилистических норм лит. языка. Но эти слова широко употребляются в художественной лит-ре и публицистике, создавая впечатление простоты, живости, нек-рой вольности речи.

Слой Р. л. неоднороден по своему составу, включает слова разной морфологической структуры, широкого семантического спектра и различной эмоционально-экспрессивной окрашенности. Особые трудности, например для лексикографии, представляет разграничение разговорных и просторечных слов (см. Просторечная лексика). Однако нек-рые особенности морфологической структуры разговорных слов могут служить критерием при отнесении их к разряду Р. л. К Р. л. относят: существительные с суффиксами *-ун*, *-ыш*, *-ан*, *-ач*, *-тяй*, *-дяй*, *-як*, *-ак* и др. (*певун*, *малыш*, *критикан*, *ловкач*, *лентяй*, *разгильдяй* и др.); нек-рые прилагательные с суффиксами *-ат*, *-оват*, *-аст* и др. (*носатый*, *жуликоватый*, *лобастый* и др.); нек-рые глаголы на *-ничать* (*модничать*, *умничать* и т. п.); ряд глаголов с приставкой *за-* в начинательном значении (*залетать*, *закатать* и т. п.); глаголы с приставкой *на-* и аффиксом *-ся* (*накричаться*, *набросаться* и др.). К Р. л. относятся также лексические эллиптизмы — существительные и глаголы, образованные на базе словосочетаний и включающие в своё значение содержание всего сочетания (*зачётка* — «зачётная книжка», *бюллетенить* — «находиться на бюллетене», *безбилетник*, *валерьянка* и др.); слова, образованные способом усечения (*перманент* — «перманентная завивка», *кварц* — «кварцевая лампа»); переносные значения нек-рых нейтральных слов (*базар* — «шумное сборище», *жарить* — об интенсивном действии и т. п.).

В совр. языке наблюдается интенсивный процесс нейтрализации Р. л., стирания границ между книжной, нейтральной и Р. л. в составе лит. языка.

Лит.: Щерба Л. В., Современный русский литературный язык, «Рус. яз. в школе», 1939, № 4; Виноградов В. В., Итоги обсуждения вопросов стилистики, «ВЯ», 1955, № 1; Гвоздев А. Н., Очерки по

стилистике русского языка, 3 изд., М., 1965; Филин Ф. П., О структуре современного русского литературного языка, «ВЯ», 1973, № 2. *Ф. П. Сороколетов.*

РАЗГОВО́РНАЯ РЕЧЬ — специфическая разновидность лит. языка, употребляемая в условиях непринуждённого общения и противопоставленная (в пределах лит. языка) кодифицированной книжной речи (см.). Основная форма реализации Р. р.— произносимая, устная речь (см.). Именно устная форма обусловливает целый ряд особенностей Р. р. Существует, однако, мнение, что Р. р. может обнаруживаться и в письменной форме (частные письма, записки, дневники). Книжная речь функционирует и в письменной, и в устной форме (доклад, лекция, радио- и телепередачи). Кроме формы речи (устная — письменная; см. Письменная речь), различие между Р. р. и книжной речью создаётся ещё рядом экстралингвистических факторов. Р. р. обнаруживается лишь в условиях непринуждённого общения, т. е. при наличии неофициальных отношений между говорящими и наличии установки на неофициальное общение. Это речь непосредственная и неподготовленная, зависящая в сильной мере от ситуации. Тесная связь с ситуацией проявляется в том, что в Р. р. могут быть не выражены многие элементы сообщения, непосредственно содержащиеся в ситуации, сопровождающей речь. Так, напр., фраза *Открой, пожалуйста,* в к-рой не указан объект действия, вполне понятна, если говорящий держит в руках консервную банку; та же фраза будет понята иначе, если она произносится, когда в квартире раздаётся звонок,— «открой дверь».

В акте коммуникации, к-рую обслуживает Р.р., большую роль играют не только собственно языковые средства, но такие средства общения, как жест и мимика. Жест и мимика могут сопровождать слова говорящего, указывая форму, размер и т. п. предмета речи (ср.: *Я купила такую круглую* — жест — *шляпу*), но могут выступать и на месте паузы, как самостоятельное средство общения, в функции отдельных реплик диалога (см.), как ответ на вопрос, просьбу (напр., кивнуть головой со значением «да», пожать плечами — выразить недоумение и т. п.).

Опора на внеязыковую ситуацию, неподготовленность, непосредственность речевого акта, использование жестов и мимики, преимущественное функционирование в устной форме — все факторы обусловливают специфические лингвистические особенности Р. р. Как и книжная, Р. р. имеет свои нормы, она характеризуется специфическими особенностями на всех уровнях языка — в фонетике, морфологии, синтаксисе, номинативных средствах. В фонетике, напр., может быть представлена утрата отдельных звуков или сочетаний звуков: *т'иэ́* (тебе), *наэ́рна* (наверное), *смар'е́л* (смотрел), *с'ор'э́м'а* (всё время), *с'ърано́* (всё равно), *хо́ит* (ходит), *во́ит* (водит) и т. п. В морфологии, напр., существуют особые звательные формы: *Мам! Пап! Нин!*, звательные формы, включающие повторы (*Мам, а мам! Пап, а пап! Нин, а Нин!*; *Мама-мам! Нин-Нина!*). В синтаксисе — конструкции с особым порядком слов (*Значки я рада что купила, Наташа ты не знаешь когда приедет? Тебе собака нравится когда в доме?*), специфические виды связи между предикативными конструкциями (напр., *Портфель надивание лежит принеси мне*; *Я в больницу зуб болит еду*), особые функции им.п. существительного — им. п. как зависимый член при существительном (*Возьми там сыр остаток*, ср. *остаток сыра; Я тебе прочту письмо отрывок*, ср. *отрывок письма*) и глаголе (*Следующая остановка сойдёте*; *Любой троллейбус садитесь*), разные виды эллипсиса (см.) и др.

В области словообразования Р. р. характеризуется, напр., экспрессивными производными разных типов (*ветрюга, хитрюга*; *симпатяга, шустряга*; *собаченция, чепухенция*), многие из к-рых имеют индивидуальный характер. Специфические виды номинативных средств — неоднословные номинации разных типов: *У тебя есть чем писать* (т. е. карандаш, ручка и т. п.); *Дай мне чем укрыться* (т. е. одеяло, плед, простыню и т. п.); *Над нами живёт уехала вчера в Крым*; *Через улицу переходит учится с нашим Петей в одном классе*; однословные производные слова с прозрачной внутренней формой: *Где наша прочищалка? Принеси открывалку* (о консервном ноже); *Надоела эта тарахтелка под окном* (о мотоцикле); *Сними свои стукалки* (о туфлях на высоких каблуках) и т. п. Р. р., о к-рой шла речь выше, не следует смешивать с разговорным (сниженным) стилем лит. языка, к-рый входит в такой ряд терминов: высокий — нейтральный — сниженный (разговорный) стили. Р. р. как особая разновидность лит. языка является тем источником, откуда сниженный стиль черпает экспрессивные, в первую очередь лексические, средства.

В совр. языкознании термин «Р. р.» употребляется и с другими значениями: 1) любая речь, проявляющаяся в устной форме (научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты), 2) любая устная речь городского населения (те же виды речи), 3) бытовая речь городского и сельского населения.

Учитывая разное лингвистическое содержание перечисленных объектов, целесообразно разграничивать их и терминологически: принять для первого термин устная речь, для второго — городская (устная) речь, для третьего — бытовая речь.

Лит Лаптева О. А., О некодифицированных сферах современного русского литературного языка, «ВЯ», 1966, № 2; Земская Е. А., Русская разговорная речь, М., 1968; ее же, Русская разговорная речь, «ВЯ», 1971, № 5; Русская разговорная речь, [Саратов], 1970; Кожевникова Квета, Спонтанная устная речь в эпической прозе, Praha, [1971]; Русская разговорная речь, М., 1973; Сиротинина О. Б., Современная разговорная речь и ее особенности, М., 1974; Русская разговорная речь. Тексты, М., 1978. *Е. А. Земская.*

РАЗДЕЛИ́ТЕЛЬНЫЙ СОЮ́З — см. Союз.

РАЗНОСКЛОНЯ́ЕМЫЕ СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНЫЕ — закреплённый школьной традицией термин для обозначения существительных, разные падежные формы к-рых имеют окончания, характерные для различных типов склонения. К ним относятся сущ. ср. рода *время*, *имя*, *темя*, *бремя*, *семя*, *племя*, *стремя*, *вымя*, *знамя*, *пламя* (10 слов) и сущ. муж. рода *путь*, имеющие в род., дат. и предл. падежах ед. ч. окончание *-и*, как в 3-м склонении, а в твор. п.— окончание *-ем* (*-ём*), как и в 1-м («мужско-среднем») склонении; ср., напр., род. п. *времени*, *имени*, *пути* и твор. п. *временем*, *именем*, *путём*. Слова на *-мя* исторически являются остатком особого типа склонения существительных с основой на согласный, а слово *путь* уже в древности было редким существительным муж. рода среди существительных с основой на *-ъ* (нынешнее 3-е склонение), имеющим особую форму творительного падежа.

В. В. Лопатин.

РАЗНОСПРЯГА́ЕМЫЕ ГЛАГО́ЛЫ — закреплённый школьной традицией термин для обозначения глаголов, имеющих в одних формах окончания, свойственные 1-му спряжению, а в других — окончания, свойственные 2-му спряжению, или особые окончания. К Р. г. относятся глаголы *хотеть*, *бежать*, *дать*, *создать*, *есть*, *надоесть* и их производные. Глагол *хотеть* во 2-м и 3-м лице ед. ч. наст. времени имеет на письме окончания 1-го спряжения (*хоч-ешь*, *хоч-ет*), а во мн. ч.— окончания 2-го спряжения (*хот-им*, *хот-ите*, *хот-ят*). Глагол *бежать* в формах 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. имеет окончания 2-го спряжения (*беж-ишь*, *беж-ит*, *беж-им*, *беж-ите*), в форме 3-го лица мн. ч.— окончание 1-го спряжения (*бег-ут*).

Глаголы *дать* и *создать* в формах ед. ч. имеют особые окончания: в 1-м лице *-м*, во 2-м лице *-шь*, в 3-м лице *-ст* (*дам*, *дашь*, *даст*; *создам*, *создашь*, *создаст*); в формах 1-го и 2-го лица мн. ч.— окончания 2-го спряжения (*дадим*, *дадите*; *создадим*, *создадите*), в 3-м лице мн. ч.— окончания 1-го спряжения (*дадут*, *создадут*). Глаголы *есть* и *надоесть* в формах ед. ч. имеют те же окончания, что и глаголы *дать* и *создать* (*ем*, *ешь*, *ест*; *надоем*, *надоешь*, *надоест*), а в формах мн. ч.— окончания 2-го спряжения (*едим*, *едите*, *едят*; *надоедим*, *надоедите*, *надоедят*). *И. С. Улуханов.*

РАСПРОСТРАНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — простое предложение, в состав к-рого входят второстепенные члены, поясняющие и уточняющие подлежащее, сказуемое или предложение в целом. Расширение состава предложения может происходить за счёт реализации синтаксических возможностей слов, напр.: «*Об этом молчать! Морозка старался не вспоминать о поездке в госпиталь*» (Фадеев). В образованном на основе различных видов подчинительной связи (согласования, управления, примыкания) словосочетании имеют место определительные, объектные или субъектные отношения, напр.: *не вспоминать о поездке* — управление, отношения объектные, *поездке в госпиталь* — слабое управление, отношения определительные.

Распространение предложения может происходить посредством введения в его состав словоформ, относящихся ко всему предложению в целом. Такими распространителями могут быть детерминанты — словоформы с нормальной позицией в начале или, реже, в конце предложения. В одном предложении может быть несколько детерминантов, характеризующих предложение с различных сторон, напр.: «*В эту ночь в ветхом доме в Каменном броде никто не спал*» (Горбатов); «*С катком и родителям стало гораздо спокойнее*» (Носов). Внутренний состав предложения может распространяться именем, чаще местоимением, в форме дат. п., к-рое указывает на направленность действия, напр.: «*Пуля прошла ему сквозь самое сердце*» (Тургенев). Распространителем предложения может быть инфинитив, напр.: «*Дай бумагу написать письмо*».

Распространённым является предложение, если оно содержит открытые или закрытые ряды уточняющих определений, дополнений или обстоятельств, объединённых союзной или бессоюзной связью, напр.: «*Осталось висеть оно* [яблоко], *одинокое*, *иззябшее*, *мокрое*, *розовобокое*» (Тушнова).

Предложение распространяется также путём присоединения уточняющих групп словоформ, находящихся с предложением или отдельным словом в полупредикативной связи. Эти обособленные смысловые группы выделяются интонационно, на письме — запятыми или тире, например: «*Сучанские горняки*, *составлявшие*

в ревкоме большинство, были верным оплотом Суркова» (Фадеев); *«Отправляя Метелицу в разведку, Левинсон наказал ему во что бы то ни стало вернуться этой же ночью»* (Фадеев).

Распространённым предложение делает введение синтаксически независимых словоформ — обращений, вставных конструкций: *«Ты мне мила, пора заката»* (Плещеев).

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Чеснокова Л. Д., Семантические типы членов предложения с двойными отношениями, Ростов н/Д., 1973; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избр. труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Гневко В. Т., Кравченко З. Ф., Хмелевская Е. С., Современный русский язык. Односоставные предложения. Слова-предложения. Простое осложненное предложение, Минск, 1975.

Е. М. Лазуткина.

РЕДУ́КЦИЯ (от лат. reductio — возвращение, отодвигание назад) — изменение звуковых характеристик речевых элементов, вызванное их безударностью. В фонетической лит-ре больше говорят о Р. гласных, т. к. гласные являются слогообразующим элементом. Различают количественную и качественную Р. гласных. Количественная Р.— сокращение времени артикулирования (т. е. сокращение длительности). Ударный гласный (как и ударный слог) в рус. лит. языке всегда имеет относительно бóльшую длительность, длительность же безударных зависит от их положения по отношению к ударению: больше всего сокращаются по длительности заударные слоги (не в абсолютном конце слова) и вторые, третьи предударные слоги (не в абсолютном начале слова). Степень сокращения гласных по длительности зависит также и от качества гласных; так, открытый гласный [*а*], имеющий максимальную собственную длительность в ударном положении по сравнению с другими ударными гласными, в первом предударном слоге сокращается по длительности не столь значительно, как второй предударный и заударный. Эту особенность количественной Р. гласного [*а*] А. А. Потебня описал числовой формулой: если ударный гласный в слове обозначить цифрой 3, то первый предударный — это 2, а второй предударный и заударный — 1. В фонетической лит-ре есть тенденция распространять эту формулу и на другие гласные, однако экспериментально-фонетические исследования количественных характеристик остальных гласных показывают, что сильнее различаются все предударные от всех заударных, чем 1-й, 2-й и 3-й предударные между собой.

Сокращение длительности гласных — количественная Р.— приводит и к качественной Р., а именно к неполному выполнению артикуляторной программы безударного гласного: сокращение времени артикулирования гласного [*а*] приводит к тому, что язык не достигает максимально низкого положения (как при артикуляции ударного [*а*]), и безударный [*а*] произносится как гласный среднего подъёма. При артикуляции безударных [*и*], [*ы*], [*у*] язык не достигает максимально высокого положения, к-рое характерно для этих же ударных гласных, так что они уже не являются гласными высокого подъёма. Сокращение времени артикуляции безударного гласного приводит и к тому, что этот гласный не содержит фазы выдержки и представляет собой нек-рую переходную артикуляцию от предшествующего согласного к следующему.

Если говорить о Р. слога, то основным её результатом является ослабление контраста между согласным и следующим за ним гласным, т. е. более слитное, нерасчленённое произношение целого слога.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; Бондарко Л. В., Звуковой строй современного русского языка, М., 1977.

Л. В. Бондарко.

РЕДУЦИ́РОВАННЫЕ ГЛА́СНЫЕ — 1) сверхкраткие гласные среднего подъёма *ъ* и *ь* в др.-рус. языке; 2) гласные в речевом потоке, подвергающиеся редукции (см.). Р. г. (в 1-м значении) были унаследованы др.-рус. языком из праславянского языка (см.), они существовали и в других слав. языках. В др.-рус. языке Р. г. *ъ* был лабиализованным гласным непереднего образования типа очень краткого *о*, Р. г. *ь* — нелабиализованным гласным переднего образования типа очень краткого *е*. Р. г. могли находиться как под ударением, так и в безударных слогах (напр.: *сънъ*, *въсь*, *дъска́*, *къто́*, *мъгла́*), но в любом положении они звучали слабее и короче, чем остальные гласные. Р. г. выступали в др.-рус. языке как самостоятельные фонемы, различая отдельные словоформы. Напр.: *съ* — предлог и *съ* — указательное местоимение жен. рода; *тъ* — указательное местоимение муж. рода и *то* — указательное местоимение среднего рода; *се* — указательное местоимение ср. рода и *съ* — указательное местоимение муж. рода; *въсь* — *въсе*, *сънъ* («сон») — *сан*, *дьнь* — *дань* и т. д. В положении перед *j* или *и̯* Р. г. выступали в своих разновидностях: *ъ* изменялся в *ы̯* (*ы* редуцированный), *ь* — в *и̯* (*и* редуцированный), напр. прилагательные *красьны̯и̯*, *сини̯и̯* (из *krasъnъ* + *jь*, *sinь* + *jь*). Памятники др.-рус. языка свидетельствуют о наличии Р. г. у восточных славян на юге до сер. 12 в., а на севере — и в 1-й пол. 13 в. (см. Падение редуцированных).

В совр. рус. лит. языке и во многих говорах во 2—3-м предударных и в заударных слогах произносятся Р. г. (во 2-м значении) ъ и ь (напр.: [*въд∧во́с*] «водовоз», [*п'ьт∧ч'о́к*] «пятачок», [*за́път*] «запад», [*вы́м'ьл*] «вымел»), но это не сохранение др.-рус. Р. г., а новые звуки, возникшие в рус. языке в более позднюю эпоху в результате смены музыкального ударения динамическим.

Лит. см. при ст. Падение редуцированных. *В. В. Иванов.*

РЕ́МА — см. Актуальное членение предложения.

РЕФО́РМЫ А́ЗБУКИ И ПРАВОПИСА́НИЯ. Рус. письмо сложилось в 10—11 вв. на основе старослав. азбуки кириллицы (см.). Однако кириллица не полностью соответствовала звуковому строю рус. языка, поэтому с самого начала применения в Древней Руси ст.-слав. письменности стал происходить процесс её приспособления к рус. языку, напр. рано оказалась фактически изъятой буква Ѫ, а буква Ѧ стала использоваться гл. обр. для обозначения гласного *а* после мягких согласных (*пѦть*, *чѦдо*, *имѦ*).

Введение книгопечатания (см.) усилило общественную потребность в упорядочении алфавита (см.) и правописания.

Первая реформа рус. письма была осуществлена Петром I в 1708—10. Из алфавита был устранён ряд ненужных букв: ѡ (омега), ѱ (пси), ѵ (ижица), окончательно изъяты Ѫ (юс большой) и Ѧ (юс малый), введены буквы Е вместо Є, Я вместо ІѦ и ІѢ, Э (Я и Э, узаконенные реформой, употреблялись и ранее). Однако нек-рые лишние буквы всё же остались: ѳ (фита), Ѣ (ять), І. Реформа коснулась и печатной графики. Начертания букв были округлены и упрощены, устранены надстрочные знаки — ударения и титла, введена система обозначения чисел арабскими цифрами (вместо букв). Реформированный шрифт получил название гражданской азбуки (гражданского шрифта). Часть исключённых Петром I букв в дальнейшем снова восстанавливалась и исключалась.

На протяжении 19 — нач. 20 вв. продолжалась работа по освобождению алфавита от остававшихся в нём дублетных букв и постепенно разрабатывались правила орфографии (см. Орфография).

Значительную роль сыграла деятельность Я. К. Грота (см.), издавшего в 1873 фундаментальный труд «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне», на основе к-рого им же было создано практическое руководство для школы и печати «Русское правописание» (1885), выдержавшее более 20 изданий. Однако трудами Грота достигалось лишь частичное упорядочение правописания и не снималась задача упрощения азбуки и коренной реформы орфографии.

Первая страница гражданской азбуки с собственноручными исправлениями Петра I.

ДЕКРЕТ
О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы 1-й ступени единой школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНИЯ, РАЗРАБОТАННЫЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Исключить букву Ѣ, с последовательной заменой ее через Е.

2. Исключить букву Ѳ, с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ее через И.

5. Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через — перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.

6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений -ОГО, -ЕГО вместо -АГО, -ЯГО.

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений -ЫЕ, -ИЕ вместо -ЫЯ, -ІЯ.

8. Писать ОНИ вместо ОНѢ в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНѢ, ОДНѢХ, ОДНѢМИ.

10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода ЕЕ вместо ЕЯ.

11. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква И перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная Й и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали:

Заместитель народного комиссара просвещения
М. Покровский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

10 октября 1918 г.

Проект декрета, внесенный Народным комиссариатом просвещения, был принят Комиссией при СНК 8 октября и утвержден СНК 10 октября.

В 1904 при Академии наук была образована орфографическая комиссия, выделенная из её состава орфографическая подкомиссия (под руководством Ф. Ф. Фортунатова, см., и А. А. Шахматова, см.) подготовила и опубликовала в 1912 проект реформы рус. орфографии. Проект подкомиссии был пересмотрен и уточнён в мае 1917.

Новая рус. орфография получила утверждение в законодательном порядке лишь при Сов. власти декретами Народного комиссариата просвещения от 23 декабря 1917 и Совета Народных Комиссаров от 10 октября 1918. Этой реформой были разрешены основные вопросы упорядочения и упрощения рус. правописания. Из алфавита были изъяты буквы **ѣ, і, ѳ** и **ъ** в конце слов (и частей сложных слов) после согласных. Новые правила правописания, утверждённые в 1918, в основных чертах сохраняют силу и до настоящего времени.

В 1956 официально утверждён полный и систематизированный свод — «Правила русской орфографии и пунктуации» (см.). Работа по усовершенствованию правописания продолжается. С 1962 при Ин-те рус. языка АН СССР действует Орфографическая комиссия.

Лит.: Шапиро А. Б., Русское правописание, М., 1951; Панов М. В., И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, М., 1964; Иванова В. Ф., Современный русский язык. Графика и орфография, М., 1966; Орфография и русский язык, под ред. И. С. Ильинской, М., 1966.

А. М. Иорданский.

РЕЧЕВО́Й ПОТО́К — звуковая линейная последовательность высказываний, членящаяся на интонационно неделимые единицы (синтагмы), к-рые состоят из связанных по смыслу синтаксических элементов. Различаются два типа членения Р. п.: 1) обусловленное синтаксической структурой предложения и 2) обусловленное отношением говорящего к высказываемому. Первый тип членения является обязательным, его нарушение затрудняет понимание Р. п. Вычленяются, напр., простые предложения (*Спектакль перенесли на другой день*), распространённые части сложного предложения — главная и придаточная (*Спектакль перенесли на другой день,/ так как заболел ведущий актёр*). Второй тип членения является необязательным, вариативным, и служит средством выражения смысловых отношений, потенциально возможных в пределах обязательного членения: *Спектакль перенесли на другой день, / так как заболел / ведущий актёр*; *Спектакль/ перенесли на другой день, так как / заболел ведущий актёр.*

Синтаксическое членение Р. п. может не совпадать с синтагматическим, напр. простое предложение может состоять из двух синтагм, а сложное из одной.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация русской речи, 3 изд., М., 1977.

Е. А. Брызгунова.

РЕЧЕВО́Й ЭТИКЕ́Т — национально специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений в принятых и предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником. Такими ситуациями являются: обращение к собеседнику и привлечение его внимания, приветствие, знакомство, прощание, извинение, благодарность и т. д. Ситуации Р. э. не замкнуты, они открыты в более широкую область «стереотипов общения».

Каждая ситуация обслуживается в рус. языке группой формул и выражений, к-рые образуют синонимические ряды. Напр., в ситуации прощания: *До свидания*; *До встречи*; *До завтра*; *До вечера*; *Прощай (те)*; *Позвольте (с вами) попрощаться*; *Разрешите откланяться*; *Всего*; *Пока*; в ситуации благодарности: *Спасибо*; *Благодарю (вас, тебя)*; *Очень вам (тебе) благодарен (-рна)*; *Как я вам (тебе) признателен (-льна)*; *Разрешите поблагодарить вас*; *Позвольте выразить вам благодарность*; *Я хотел бы поблагодарить вас.* В синонимическом ряду есть формула, наиболее употребительная, стилистически нейтральная (т. е. доминанта синонимического ряда), напр.: *До свидания*; *Спасибо*; есть формулы с оттенками значения: *До завтра*; *Прощайте*; с модальными оттенками: *Я хотел бы поблагодарить вас*; со стилистическими оттенками: *Позвольте попрощаться* (высок.); *Пока* (сниженное).

Таким образом, Р. э. позволяет устанавливать нужный контакт с собеседником в определённой тональности, в различной обстановке общения, отражать разный характер взаимоотношений общающихся и т. п. Доминантная формула используется в любой обстановке общения. Выбор той или иной единицы синонимического ряда предопределён экстралингвистическими обстоятельствами.

Р. э. требует при исследовании комплексного подхода — учёта социолингвистического, стилистического, психолингвистического, паралингвистического, лингвострановедческого аспектов.

В аспекте социолингвистики для Р. э. актуален учёт социальных признаков участников общения с точки зрения возраста, степени образованности и воспитанности, иногда места жительства (город—деревня), редко (для рус. языка) пола, а также их постоянных и переменных социальных ролей. Часто социальные признаки накладываются друг на друга, напр. выражение *Приношу свои глубокие извинения* свойственно старшей группе носителей рус. языка, интеллигентам, пре-

им. в официальной обстановке общения. Приветствия *Приветик*; *Чао*; *Салют* в рус. языке употребляет преим. молодёжь (сигналы установления фамильярной тональности общения).

В аспекте психолингвистики важно вскрыть механизм выбора той или иной единицы Р. э.: долю сознательности в таком выборе, характер построения диалогического единства и т. д. Здесь прежде всего учитывается соотношение адресант (говорящий) — адресат (слушающий), а также выявляются способы типизированного включения Р. э. в контекст дальнейшего общения собеседников.

Методический и лингводидактический аспекты предполагают при выборе единицы обучения учёт целого «блока общения», состоящего из реплики-стимула, реплики-реакции, типизированных стереотипных фраз включения реплик в контекст дальнейшего общения, а также жестов и мимики в Р. э.

Жестово-мимические и интонационные сигналы невербального (несловесного) общения исследуются в аспекте паралингвистики. Для Р. э. специфичны замещающие и сопровождающие жесты-сигналы. Напр., приветствие может реализоваться только рукопожатием, этот жест может сопровождать и вербальные (словесные) реплики. Ситуации, требующие жестово-мимического сопровождения, количество и «качество» невербальных сигналов, как и весь Р. э., национально специфичны.

Национальная специфика рус. Р. э.— составного элемента фоновых (обусловленных национальной культурой) знаний — исследуется в аспекте лингвострановедения: утойчивость формул и выражений, большое количество фразеологичных, пословично-поговорочных формул, напр. пожелание *ни пуха ни пера*, стереотип приветствия после долгой разлуки *сколько лет, сколько зим*, специфичные номинации, функционирующие как обращения (имена, отчества, суффиксальные имена), и многое другое.

Собственно лингвистическая природа единиц Р. э. определяется их структурными и функциональными свойствами. Единица Р. э.— это сигнал, посылаемый собеседнику для установления с ним контакта, следовательно, она коммуникативна, а всякая коммуникативная единица обладает предикативностью. Предикативность единиц Р. э. всегда лежит в плоскости актуального настоящего времени, объективной реальной модальности, направленности сигнала от 1-го лица ко 2-му. Эти категории неизменны (не имеют парадигмы), устойчиво прикреплены к единицам Р. э. Т. о., устойчивость единиц Р. э. заключается не только в устойчивости лексической представленности и синтаксической структуры, но и в устойчивости, неварьируемости предикативных категорий. Это позволяет говорить об особом классе синтаксических единиц — устойчивых коммуникативных формулах. Кроме коммуникативной, единицам Р. э. свойственны функции контактоустанавливающая (фатическая), призыва, привлечения внимания (апеллятивная), функция «вежливости» (конативная) и др. Единицы Р. э.— это специализированные «контактовключатели». Актуальность функций единиц Р. э., высокая частотность этих единиц в речи заставляют обращать на них особое внимание не только в плане теоретических исследований, но и в практике преподавания русского языка нерусским.

Лит.: Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Язык и культура, М., 1973; Формановская Н. И., Изучение русского речевого этикета, «Рус. яз. за рубежом», 1974, № 3; ее же, Русский речевой этикет в комментариях, София, 1977; Акишина А. А., Формановская Н. И., Русский речевой этикет, М., 1975; их же, Этикет русского письма, М., 1979; Национально-культурная специфика речевого поведения, М., 1977.

Н. И. Формановская.

РЕЧЬ — конкретное говорение, происходящее в звуковой (включая внутреннее проговаривание) или письменной форме. Под Р. принято понимать как сам процесс говорения, так и результат этого процесса, т. е. и речевую деятельность и речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом.

Общая характеристика Р. обычно даётся через противопоставление её языку (см.). Р. и язык (система языка) в совокупности образуют единый феномен языка. Р. есть воплощение, реализация языка (системы языка), к-рый обнаруживает себя только в Р. и только через неё выполняет свое коммуникативное назначение. Если язык — это орудие (средство) общения, то Р. есть производимый этим орудием способ (вид) общения, создаваемый приложением «старого» языка, с одной стороны, к новой действительности, а с другой — ко всякий раз иной коммуникативной ситуации.

Р. материальна, она воспринимается чувствами (слухом, зрением, осязанием), язык же (система языка) включает в себя абстрактные аналоги единиц Р., образуемые их различительными и общими (интегральными) признаками (ср. звук речи и фонема). Р. есть последовательность слов, она линейна, язык вносит в эту линейную последовательность иерархические отношения, он имеет уровневую организацию (см. Уровни языка); Р. стремится к слиянию слов в речевом потоке, язык сохраняет их отдельность; Р. отнесена к объектам действительности и может рассматриваться с точки зрения своей истинности или ложности, к языку

истинностная оценка неприменима. Р. конкретна и неповторима в противоположность абстрактности и воспроизводимости языка; она актуальна в противовес потенциальности языка; Р. преднамеренна и устремлена к определённой цели в отличие от нецеленаправленности языка; Р. ситуативно обусловлена, язык независим от обстановки общения; будучи событием, действием, Р. развёртывается во времени и пространстве, она динамична, язык же дан в отвлечении от этих параметров мира, представляя собой явление статическое; Р. подвижна, язык стабилен; Р. бесконечна, система языка ограничена определённым набором составляющих; Р. вариативна, язык же в каждый период своего существования инвариантен. Будучи психофизическим явлением, Р. субъективна и произвольна, она является видом свободной творческой деятельности индивидуума, язык же как явление социальное представляет собой достояние пользующегося им общества, он объективен и обязателен (императивен) по отношению к говорящим; Р. допускает элементы случайного и неупорядоченного, в отличие от языка, образуемого регулярными чертами своих единиц и отношений между ними; Р. отражает опыт индивидуума, язык же в системе выражаемых им значений фиксирует опыт коллектива.

Кроме указанных характеристик, выделенных по их оппозиции свойствам языка (системы языка), Р. обладает рядом параметров, непротивопоставляемых непосредственно отдельно взятым чертам языка. Эти параметры относятся к способу осуществления речевой деятельности и вытекают из субъективности, конкретности и ситуативной обусловленности Р. Речевая деятельность может проходить в двух формах — монологической (см. Монолог) и диалогической (см. Диалог). Процесс Р. характеризуется определённым темпом (быстротой, медленностью), продолжительностью, тембровыми особенностями, степенью громкости, артикуляционной чёткости, акцентом, тоном и т. п. Р. может быть охарактеризована через указание на психологическое состояние говорящего, его коммуникативную задачу, отношение к собеседнику, ср.: *взволнованная, эмоциональная, искренняя, обдуманная, льстивая, почтительная, насмешливая речь*. Р. может быть объектом эстетической оценки, ср.: *художественная, поэтическая, изящная, изысканная, грубая речь*. Р. определяется признаками своей смысловой структуры, ср.: *содержательная, пустая, связная, бессвязная, осмысленная, бессмысленная, последовательная, сбивчивая речь*. К Р. применима этическая (нормативная) оценка, ср.: *правильная, неправильная, исковерканная речь*. Р. может быть определена по её соответствию тем или иным условиям общения.

Индивидуальный характер Р.— один из основных её признаков — проявляется в том, что Р. всегда осуществляется определённым лицом, передающим в ней свои мысли и чувства, для выражения к-рых он по своему усмотрению выбирает слова и структуры предложения. Говорящий относит языковые номинации (см. Номинация) к определённым объектам действительности, наделяя их речевым значением, сочетает между собой выбранные слова и отдаёт предпочтение тому или другому стилю (манере) сообщения (фамильярному, официальному, почтительному, пренебрежительному и пр.), к-рому придаёт голосовое или рукописное воплощение, и, наконец, использует высказывание с нужным для себя коммуникативным заданием.

Речевая импровизация допускает известное варьирование форм, закреплённых системой языка. В индивидуальных отклонениях Р. заложены истоки языковых изменений, осуществляющихся тогда, когда субъективные особенности говорения становятся достоянием языковой общности. Язык творит Р. и в то же время сам творится в Р. «Язык одновременно и орудие и продукт речи» (Ф. де Соссюр).

Поскольку Р. регулярно используется в разных социальных сферах, она приспосабливается к задачам и условиям своего функционирования; явления Р. типизируются, образуя относительно самостоятельные системы — функциональные стили (см. Стиль), к-рые характеризуются и модификациями самой системы языка (его лексики и в меньшей степени грамматики), и речевыми особенностями, такими, как длина предложений, степень смысловой полноты, информативность, спонтанность или обработанность, степень клиширования, использование образных средств выражения, допустимость разных интерпретаций и т. п.

Возможности субъективного варьирования Р. не беспредельны; Р. должна быть понята адресатом, причём ключом к её восприятию и интерпретации служит общий для собеседников язык. В процессе речевой коммуникации «язык выступает в качестве необходимого предела свободы» (Э. Косериу). В известном смысле «интересы понимания и говорения прямо противоположны» (Л. В. Щерба). Будучи одной из форм общения людей, Р. функционирует в коллективе и следует его традициям; она обоюдна и представляет собой один из видов социальной активности человека. Как и всякая социальная активность, речевая коммуникация сознательна и целенаправленна. Она состоит из отдельных актов речи, являющихся её «динамическими единицами». В речевом акте в общем случае участвуют следующие компоненты: гово-

рящий субъект и адресат, обладающие нек-рым фондом общих знаний и представлений, обстановка речевого общения и тот фрагмент объективной действительности, о к-ром делается сообщение. Эти компоненты создают прагматическую сторону Р.

Информативная направленность речевых актов часто осложняется дополнительными коммуникативными расчётами говорящего. При помощи речевых актов можно не только передавать нек-рые сведения, но и жаловаться, хвастаться, угрожать, льстить, обижать, шутить и т. п. Нек-рые установки говорящего составляют прямые («открытые») цели коммуникативных актов, они могут быть выражены, ср.: *П р о ш у тебя быть осторожным*; *Т р е б у ю внимания*. Наиболее регулярные коммуникативные задания отлагаются в грамматической структуре предложений (ср. повествовательные, вопросительные и повелительные предложения). Другие установки имеют косвенный характер (такие цели, как лесть, ложь, хвастовство, угроза и т. п., не принято обнаруживать). Нек-рые коммуникативные цели могут быть достигнуты без помощи Р.— мимикой, жестом (паралингвистическими средствами): приглашение войти и сесть, просьба молчать, угроза и т. п. Напротив, клятва, обещание, поздравление и т. п. невозможны без участия Р., к-рая в этом случае адекватна действию, поступку.

По цели коммуникации могут быть выделены следующие основные типы речевых актов: 1) информативные акты, сообщения (*Лёд тронулся*; *Мне грустно*); 2) побуждения, в т. ч. запрос о получении информации (*Реши эту задачу! Когда ты вернёшься с дачи?*); 3) речевые акты-обязательства (*Обещаю выполнить задание раньше срока*); 4) формулы социального этикета (поздравления, извинения, соболезнования, принесение благодарности); 5) выражения эмоциональной реакции на ситуацию или сообщение (*Вот это да! Подумать только! Ну и ну!*); 6) речевые акты, служащие завязыванию, поддержанию и прекращению речевых контактов (*Алло! Послушай! Довольно болтовни!*). Среди этих коммуникативных установок главенствует задача информирования. Любая коммуникативная цель может быть достигнута через сообщение. Коммуникативные установки играют важную роль в построении диалогической Р., связность к-рой обеспечивается согласованностью стимулов и реакций: вопрос требует ответа, упрёк или обвинение стимулирует оправдание, сообщение нек-рого суждения рассчитано на реакцию возражения или согласия.

Реализуясь в Р., система языка сама в известном смысле является реализацией языкового знания и языковых способностей людей, входящих в одну языковую общность. Перенос центра тяжести на психологию владения языком побудил представителей генеративной лингвистики заменить противопоставление языка и Р. противопоставлением языковой компетенции и языкового исполнения (competence and performance). В этой концепции основное внимание отводится процессам и этапам перехода от конкретных смыслов к звучаниям. Система языка понимается как нек-рое порождающее устройство, обладающее динамическими возможностями.

В итоге развития идей языка и Р. в каждом из этих двух соотносительных понятий были выделены статический и динамический аспекты. Динамическая и статическая стороны Р. соответствуют действию, взятому во всей полноте своих характеристик, и выделенному из этого действия и зафиксированному тем или иным способом речевому произведению (тексту, дискурсу).

Человеческая Р. является объектом изучения лингвистов (психолингвистов, социолингвистов, фонетистов, специалистов по стилистике), психологов, физиологов, специалистов по высшей нервной деятельности, по теории коммуникации, по акустике, философов, социологов, литературоведов. В лингвистике существует две сферы исследований: в одной изучаются языковые системы, в другой — Р. Лингвистика Р. имеет своим объектом все те типизированные явления, к-рые не оторвались от участников коммуникации и обстановки общения, т. е. от прагматической стороны речевых актов. Лингвистика Р. распадается на две взаимодействующие области: лингвистику текста, обращённую к статическому аспекту Р., и теорию речевой деятельности и речевых актов, анализирующую динамику Р. Лингвистика текста изучает структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, частотность встречаемости единиц языка в тех или других типах текста, смысловую и структурную полноту текста, речевые нормы в разных функциональных стилях, типы Р. (монолог, диалог, полилог), особенности письменной и устной форм реализации языка и др. Теория речевой деятельности изучает процессы речеобразования и восприятия речи, механизмы речевых ошибок, коммуникативные установки, связь речевых актов с прагматическими условиями их протекания, факторы, обеспечивающие эффективность речевого акта, отношение речевой деятельности к другим видам социальной активности человека. Если теория текста теснее связана с литературоведением и стилистикой, то теория речевой деятельности разрабатывается во взаимодействии с психологией, психофизиологией и социологией.

Лит.: Смирницкий А. И., Объективность существования языка, [М.], 1954; Жинкин Н. И., Механизмы речи, М., 1958; Косериу Э., Синхрония, диахрония и история, в кн.: Новое в лингвистике, в. 3, М., 1963; Гардинер А., Различие между «речью» и «языком», в кн.: Звегинцев В. А., История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, 3 изд., М., 1965; Коржинек Й. М., К вопросу о языке и речи, в кн.: Пражский лингвистический кружок, М., 1967; Леонтьев А. А., Язык, речь, речевая деятельность, М., 1969; Будагов Р. А., Язык, история и современность, [М.], 1971; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Щерба Л. В., О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, в его кн.: Языковая система и речевая действительность, Л., 1974; Колшанский Г. В., Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, М., 1975; Ломтев Т. П., Общее и русское языкознание, Избр. работы, М., 1976; Соссюр Ф. де, Труды по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Новое в зарубежной лингвистике, в. 8. Лингвистика текста, М., 1978; Austin J., How to do things with words, Oxf., 1962; Searle J., Speech acts, Camb., 1969. *Н. Д. Арутюнова.*

РИТОРИ́ЧЕСКИЙ ВОПРО́С — предложение, вопросительное по структуре, передающее, подобно повествовательному предложению, сообщение о чём-либо. Т. о., в Р. в. имеется противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения).

Сообщение в Р. в. всегда бывает связано с выражением различных эмоционально-экспрессивных значений. Их основой является то, что Р. в. возникает всегда в условиях противодействия как эмоциональная реакция протеста. Поэтому для Р. в. характерно также противоречие между формой и содержанием по признаку утвердительность — отрицательность. Так, предложения, отрицательные по форме, передают утвердительное сообщение, а предложения с утвердительной формой имеют значение отрицаний. Напр.: «*Разве я не знаю его, эту ложь, которою он весь пропитан?*» (Л. Толстой); «*Арьянц махнул рукой: какой смысл разговаривать с сумасшедшим!*» (Паустовский).

В качестве риторических могут употребляться предложения любой вопросительной структуры: с местоименным вопросительным словом, с вопросительной частицей, без специальных вопросительных слов.

Р. в. не требует ответа, но от значения собственно вопроса в Р. в. остаётся установка говорящего на ответную желаемую реакцию собеседника или тех, к кому обращена речь. Значение сообщения не является основным значением вопросительной структуры, поэтому для его проявления требуются особые условия. Среди них определяющую роль играют интонация, контекст, в к-рый включено вопросительное предложение, метафорическое значение лексического состава предложения, не свойственное собственно вопросу. В этих условиях нейтрализуется вопросительное значение и проявляется значение эмоционально выраженного сообщения; поэтому Р. в. всегда синонимичен повествовательному предложению: «*... где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легше?*» (Маяковский), т. е. нигде, никогда, никакой великий не выбирал путь, чтобы протоптанней и легче; «*Кому в голову придет, что заключенный решится бежать днем, на глазах всей тюрьмы?*» (М. Горький), т. е. никому в голову не придёт...

Р. в. широко распространены, они часто употребляются как выразительный приём ораторской речи. С этим связано и их название: греч. rhētorikḗ — ораторское искусство. После Р. в. ставится вопросительный знак, допустим восклицательный, изредка пользуются сочетанием того и другого знака.

Лит.: Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике русского языка, 3 изд., М., 1965; Шердакова Л. Н., Риторический вопрос в языке произведений В. И. Ленина, «Рус. яз. в школе», 1972, № 2; Бердник Л. Ф., Вопрос как отрицание, «Рус. речь», 1974, № 1. *Г. В. Валимова.*

РОД — 1) классифицирующая грамматическая категория существительных, к-рая для любых двух существительных, относящихся к разным классам, обусловливает употребление различных форм синтаксически связанных с ними слов (напр.: *толстый мальчик*, но *толстая девочка*); категория Р. принимает в рус. языке три конкретных значения, также называемых Р.: мужской Р., женский Р., средний Р.; 2) словоизменительная грамматическая категория прилагательных и других согласуемых слов, а также конкретные значения этой категории, дублирующие соответствующие значения у существительных.

От Р. существительных зависят формы других слов в предложении, связанных с этим существительным. Такая зависимость, называемая согласованием (см.), наблюдается в рус. языке у прилагательных и причастий, у нек-рых местоимений и числительных, у глаголов в личной форме.

Если существование падежей и чисел у существительных не зависит от того, имеется ли в языке согласование по падежу и числу, то наличие у существительного Р. непосредственно зависит от того, что в языке имеется согласование по Р.

Согласование по Р. распространяется только на существительные в единственном числе. Поэтому особую проблему представляет вопрос о Р. слов, имеющих только формы мн. числа (*сани*, *ножницы*): их либо не относят ни к какому Р., либо относят к особому, «парному», Р.

Отдельный показатель Р. в словоформе рус. существительного отсутствует; суффиксы, служащие для образования названий существ женского пола от названий существ мужского пола (*волк — волчица*, *князь — княгиня*),— это словообразовательные, а не словоизменительные морфемы. Имеется довольно чёткое соответствие между Р. существительного и его типом склонения (т. е. набором окончаний в разных формах), позволяющее с большой вероятностью определить даже по исходной, словарной форме слова его Р. (напр., существительные с основой на твёрдый согласный и нулевым окончанием — мужского Р.: *стол*, *отец*); однако это соответствие не строго однозначное (ср.: *вода* и *воевода*). Иногда говорят также о т. н. м о р ф о л о г и ч е с к о м Р., имея в виду деление существительных по типам склонения, каждый из к-рых наиболее характерен для одного из Р. (тогда, напр., слово *мужчина* относится к женскому морфологическому Р., точно так же, как и слово *женщина*).

Морфологический Р. оказывает существенное влияние на то, какой грамматический Р. приобретают новые слова, появляющиеся в рус. языке: заимствования, аббревиатуры и т. п., если они начинают изменяться по правилам системы склонения рус. языка. Если же такие слова остаются неизменяемыми, то включение их в тот или иной Р. обычно происходит в зависимости от того, что они обозначают; так, имеется тенденция относить названия рек — к женскому Р. (*широкая По*), названия стран — к среднему Р. (*знойное Марокко*) и т. д.

Противопоставление мужского и женского Р. исторически возникло на основе смыслового противопоставления одушевлённых существительных по полу. Однако семантический признак пола (иногда называемый е с т е с т в е н н ы м или с е м а н т и ч е с к и м Р.) теперь уже не является в большинстве случаев основополагающим при определении Р. Для неодушевлённых существительных в их обычном употреблении противопоставление по полу просто бессмысленно, а нек-рые одушевлённые существительные могут обозначать и существа женского пола, и существа мужского пола, но при этом значение грамматического Р. у них фиксировано (напр.: *профессор* — муж. Р., *антилопа* — жен. Р.). В рус. языке имеется также нек-рое количество существительных т. н. о б щ е г о Р., способных обозначать существа обоих полов и допускающих при этом согласование как по мужскому Р., так и по женскому Р. (напр.: *Пришёл наш староста* и *Пришла наша староста*).

Лит.: З а л и з н я к А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; М у ч н и к И. П., Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке, М., 1971; В и н о г р а д о в В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972. *Е. Н. Саввина.*

РОДИ́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *стола*, *города*, *коня*, *края* и *краю*, *жены*, *земли*, *болота*, *поля*, *кости*, *дочери*, *имени*, *пути*; во мн. ч.— *столов*, *городов*, *коней*, *краёв*, *жён*, *земель*, *болот*, *полей*, *костей*, *дочерей*, *имён*, *путей*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглого*, *круглой*, *синего*, *синей*, *крепкого*, *крепкой*, *лисьего*, *лисьей*, *тётиного*, *тётиной*, *отцова*, *отцовой*; во мн. ч. — *круглых*, *синих*, *крепких*, *лисьих*, *тётиных*, *отцовых*; 4) ряд таких форм прилагательного (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Семантический центр Р. п. организуется значениями определительным, субъектным и объектным; эти значения могут контаминироваться. От определительного значения производно значение предикативного признака. На периферии определительности находится значение обстоятельственное (временно́е). Функция необходимой информативно восполняющей формы, как и у других падежей, у Р. п. изолирована от общей системы его значений.

Р. п. в сочетании с разными именами выступает как собственно определяющая форма: *человек дела*, *состояние невесомости*, *метр ширины*; с элементом субъектного значения (определение по деятелю или обладателю): *суд глупца*, *грохот трамвая*, *книга товарища*, *член бригады*; то же в сочетании со значением объектным (какой, чей и кому-чему): *памятник героя*, *счёт утрат*; определение по сходству: *бархат кожи*, *лента воспоминаний*. В ряде случаев Р. п. определяет в обязательном сочетании с согласуемым словом (*товар первого сорта*, *дело первостепенной важности*, *человек преклонного возраста*, *приехал пятого сентября*). В роли сказуемого функционирует такой Р. п., к-рый имеет элемент значения субъекта (*Памятник — героя*; *Распоряжение — начальника*), определяет по уподоблению (*Глаза — испуганной лани*), в обязательном сочетании с согласуемым словом (*Этот человек — преклонного возраста*), а также в составе лексически закрытых определяющих сочетаний *имени кого*, *памяти кого* (*Турнир — памяти Алёхина*).

Субъектное значение Р. п. выявляется в ряде позиций в словосочетании и предложении само по себе или в соединении с другими падежными значениями: 1) в роли компонента нераспространённого предложения: *Забот хватает*; *Времени нет*; *Травы наросло! Народу!*; 2) при выносе в начальную позицию (в форме мн. ч.) в отрыве от определяемого количественного слова («*А у нас, мой батюшка, всего-то души одна девка Палашка*»— Пушкин); с замещением места количественного компонента именной группой («*Офицеров нашего полка тут был только я*» — Достоевский) или целым предложением (*Народу — яблоку негде упасть*). Объектное значение Р. п. представлено в сочетаниях с отглагольными названиями деятеля: *вестник победы, участник похода*; 3) при отдельных глаголах и именах со значением желания, волеизъявления, отношения, передачи (*ждать поезда, хотеть чаю, бояться встречи, требовать ключей, страх смерти, боязнь неудачи, защита отечества*); 4) на месте вин. п. прямого объекта при отрицании: *читал статью — не читал статьи*; 5) в предложениях с прямым отрицанием не непосредственно при спрягаемом глаголе или со скрытым отрицанием: «*В доме такая благодать, что нечем кошки из избы было выманить*» (Достоевский); «*И орденов своих с собою им не положено иметь*» (Симонов); 6) при предикативах *жаль, стыдно, страшно* и др., при *нет, не было, не будет, не имеется* (*у кого-нибудь*): *Жаль времени*; *Стыдно окружающих*; *У него нет* (*не имеется*) *возражений*; 7) при выносах из количественной именной группы с заменой формы ед. ч. формой мн. ч.: *Книг мы купили две*; *Знакомых мы встретили только Ваню и Машу*; 8) в бессказуемостных предложениях для обозначения объекта желаемого (*Воды! Успехов вам!*) или предлагаемого (*Яблок! Мороженого!* — выкрики торговцев). Объектное значение (объект действия) может сочетаться с субъектным (субъект состояния): *Подтверждения не получено* («подтверждение не получено» и «подтверждения не получили»); *Сдвигов не заметно*; *Ничего не предпринимается*.

Функция необходимой информативно восполняющей формы свойственна Р. п. при всех количественных именах (*два дома, несколько книг*); при существительных, в своём значении заключающих семантический элемент совокупной множественности или единицы измерения (*стая птиц, стакан воды*); при словах *вид* («разновидность»), *разновидность*, *род* («нечто вроде») (*виды обучения, разновидности злаков, «дедушка... был род бабушкина дворецкого»* — Пушкин); при компаративах (*меньше года, выше дома*); при таких глаголах, как *стоить чего-нибудь* («заслуживать»), *преисполниться, удостоить, придерживаться* («иметь склонность, следовать за кем-чем-нибудь»); при прилагательных *чуждый* (*кого-чего-нибудь*), *достойный, полный* и др.

Р. п. сочетается с простыми и производными предлогами. С простыми предлогами *без, для, до, из, из-за, из-под, меж, между, от, с, у* Р. п. выражает разные виды определительности, в целом,— в соответствии со значением предлога (определение по совместности — несовместности, предназначенности, по месту, причине, цели, происхождению и др.); эти же значения реализуются в сказуемом. С предлогом *до* Р. п. может иметь значение приблизительности: *Получил до сорока наград*; *Будет до тридцати градусов мороза*. В предложении Р. п. с предлогами *для, у, от, из, между, среди* может приобретать значения субъектное: *У него/для него нет выбора*; *У друзей ссора*; *От сына — помощь*; *Между / среди собравшихся поднялся говор*; *Из него вырастет учёный* и (с предлогами *для, от* — прост.) объектное: *Для объяснений его уже не хватает*; «*От жильцов совестно*» (Чехов). Эти значения могут контаминироваться.

Р. п. сочетается более чем со ста производными предлогами и предложными образованиями: *без помощи, близ, в адрес, в виде, ввиду, в границах, в деле, в качестве, в направлении, в области, в отличие от, в отношении, в пользу, в порядке, в пределах, в продолжение, в рамках, в результате, в роли, в свете* и др. В большинстве случаев значения таких сочетаний опираются на лексические значения предлогов.

Лит. см. при ст. Падеж. *Н. Ю. Шведова.*

РО́ДСТВЕННЫЕ СЛОВА́ — слова, имеющие один и тот же корень: *ба́рабан, барабанчик, барабанщик, барабанщица, барабанный, барабанить, забарабанить, отбарабанить, побарабанить*; *белый, беленький, белёсый, белесоватый, беловатый, белёшенький, беловой, беловик, белизна, добела, набело, белеть, белеться, забелеть, побелеть, белиться, белильщик, выбелить, выбелиться, выбеливать, добелить, добеливать, забелить, забеливать* и др. Учитывая общность корня, Р. с. называют также однокоренными. Все Р. с. с определённым корнем составляют словообразовательное гнездо (см.).

Не являются Р. с. слова с корнями-омонимами, напр. *безводный, обводнить*, с одной стороны, и *отводной, отводить, приводить* — с другой, хотя в них вычленяется как будто одна и та же часть *-вод-*: в первой из них выделяется корень *-вод-* I (от слова *вода*), во второй *-вод-* II (от глагола *водить* — «помогать идти, сопровождать»).

Родство слов — понятие исторически изменчивое. Вследствие изменения зна-

чений слов первоначально Р. с. часто утрачивают смысловую общность и перестают быть родственными. Напр., *мех* и *мешок* когда-то были Р. с., т. к. в семантику сущ. *мешок* входило значение слова *мех* (мешки в древности изготовлялись из «меха» — шкур животных). Слово *мешок* членилось: *мешок*. В совр. языке сущ. *мех* и *мешок* уже не связаны по значению, в них выделяются разные корни: *мех-* и *мешок-* (см. Опрощение). Не имеют общего элемента в значении и не являются Р. с. также генетически связанные слова *дуб* и *дубина*, *чин* и *бесчинство*, *дать* и *продать*, *добить* (раненого зверя) и *добиться* (разрешения), *раздать* (всё имущество родным) и *раздаться* (в ширину), *стол* и *столица* и т. п.

Лит. см. при ст. Словообразовательное гнездо, Опрощение. *А. Н. Тихонов.*

РОДСТВО́ ЯЗЫКО́В — материальная близость языков, выражающаяся в звуковом сходстве языковых элементов разных уровней. Р. я. опирается на сходство корнеслова, словообразовательных суффиксов, грамматических форм, морфологических характеристик, синтаксических конструкций. Показательным для наличия Р. я. может быть также система числительных, к-рая в родственных языках всегда оказывается сходной. Без этих условий Р. я. не может быть доказанным.

В области фонетики родственные языки должны быть обязательно связаны наличием закономерных соответствий, иллюстрирующих результаты исторической эволюции звуков языка-источника, напр. в тат. языке начальное *s* всегда соответствует начальному башкирскому *h* (ср. тат. *сал* — «плот», башк. *һал*, тат. *сары* — «жёлтый», башк. *һары*), русскому *с* в лат. языке закономерно соответствует [*к*], в германских языках *h* (ср. рус. *сердце*, лат. *cor*, род. п. *cord-is*, нем. *Herz*). Первичное личное окончание 3-го лица мн. ч. отражено в др.-индийском в виде *-anti* (ср.: *bharanti* — «они несут»), в др.-немецком в виде *-ant* (ср.: *nemant* — «они берут»), в латинском ему соответствует *-unt* (напр.: *regunt* — «они управляют»), а в русском *-ут* (из *ǫnt* < *ont*), ср. *берут*. Все эти формы окончаний представляют результаты закономерностей исторической эволюции праязыковой формы окончания 3-го лица мн. ч. **onti*.

Р. я. предполагает наличие определённого комплекса родственных черт, к-рые всегда должны рассматриваться в совокупности. В языках может быть значительное количество общих слов, общими могут быть и отдельные словообразовательные суффиксы, приобретённые в результате заимствования. Однако наличие только этих признаков не будет свидетельствовать о Р. я. Обычно малодоказательно и типологическое сходство языков, поскольку языки различного происхождения могут иметь одинаковые типологические модели. Наиболее эффективным средством доказательства Р. я. является установление системы закономерных звуковых соответствий. В неродственных языках обычно таких соответствий установить не удаётся.

Степень материального родства может варьировать, образуя разные степени и градации (см. Семья языков). Наряду с явно родственными языками существуют языки, родство к-рых может быть установлено только в результате специального научного исследования.

Р. я. исторически меняется, с течением времени оно может совершенно утратиться. Поэтому не исключена возможность того, что неродственные в современную эпоху языки были когда-то родственными.

Нек-рые лингвисты (напр., Н. Я. Марр, Н. С. Трубецкой) выдвигали идею о т. н. приобретённом родстве. Согласно этой идее, первоначально неродственные языки в результате интенсивных контактов и смешения могут стать родственными. Однако наблюдения показывают, что при смешении разных языков комплекса родственных черт не образуется. Р. я. обычно объясняется происхождением их от одного языка-предка.

Лит. см. при ст. Языки мира.

Б. А. Серебренников.

РУСИ́СТИКА в СССР. Зачатки науки о рус. языке относятся ко времени рус. средневековья, а основателем её является М. В. Ломоносов (см.). Наиболее важные его лингвистические труды — «Российская грамматика» (1755, опубл. 1757) и «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758). 18 в. был переломным в истории рус. лит. языка. Церковнослав. язык, игравший большую роль в культурной жизни допетровской Руси, постепенно отходил на задний план, а нормы национального рус. языка ещё не приобрели черты стройной системы, в связи с чем наблюдался большой разнобой речевых средств. Ломоносов, используя теорию трёх стилей, выдвинутую ещё в эпоху классич. древности, выступил реформатором и нормализатором лит. языка. Разнообразные по происхождению языковые средства он рекомендовал упорядоченно использовать в высоком, среднем и низком стилях, в зависимости от содержания и предназначения лит. произведений. Его «Российская грамматика» была не только первым развёрнутым и научным описанием строя рус. языка, но и практическим учебным пособием для нескольких поколений. В своих многочисленных произведениях Ломоносов способствовал бурному развитию научно-технической и культурной терминологии. Им введены в обиход слова и словосочетания: *явление*,

движение, *частица*, *основание*, *наблюдение*, *земная ось*, *давление воздуха*, *оптика*, *диаметр*, *пропорция*, *формула*, *атмосфера*, *квадрат*, *барометр*, *микроскоп* и др. Ломоносов подчёркивал самобытность рус. языка, к-рый, по его словам, «не токмо обширностию мест, но купно и собственным пространством и довольствием велик перед всеми в Европе».

Авторитет Ломоносова был так велик, что составители первого «Словаря Академии Российской» (1789—94) во многом ориентировались на ломоносовскую теорию и практику. В этом словаре описано 43 257 слов, дано много иллюстраций-цитат. Патриарх слав. филологии чех Иосиф Добровский писал о словаре: Российская академия «соорудила себе прочный памятник, делающий ей великую честь». «Словарь Академии Российской» и теперь остаётся важным источником для изучения рус. языка 18 в.

Сыграв свою историческую роль, теория трёх стилей Ломоносова с 1-й четв. 19 в. теряет значение. В связи с бурным развитием рус. лит-ры возникают острые споры о путях дальнейшего развития рус. лит. языка. Исследователь истории рус. языкознания С. К. Булич писал: «Никогда раньше и никогда после наши общелитературные журналы не обнаруживали такого живого интереса к языку и языкознанию и не помещали так часто статей филологического и грамматического содержания, как в течение первой четверти 19 в.» («Очерк истории языкознания в России», т. 1, 1904).

Эти споры утрачивают остроту, когда благодаря гению А. С. Пушкина складывается единая нормированная система рус. лит. языка. С 1-й пол. 19 в. Р. начинает развиваться особенно интенсивно, уже к этому времени она насчитывает в своих рядах много крупных учёных.

А. Х. Востоков (см.) в «Рассуждении о славянском языке» (1820) выдвигает принципы сравнительно-исторического языкознания и определяет место слав. языков среди других индоевропейских, пробует дать периодизацию в развитии слав. языков, в т. ч. русского; он даёт краткий очерк ст.-слав. языка, открывает в древних ст.-слав. памятниках носовые гласные (Ѧ = ę, Ѫ = ǫ). Востоков публикует «Остромирово евангелие», даёт анализ его языка. Он — вдохновитель и организатор «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), сыгравшего большую роль в истории рус. лексикографии. Его «Сокращённая русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» в 1831—77 издавалась 16 раз, а полная «Русская грамматика» переиздавалась 12 раз с 1831 по 1874. Грамматики рус. языка Востокова были лучшими для многих поколений учащихся, что отмечал В. Г. Белинский.

Преемником Востокова был И. И. Срезневский (см.), развивавший исследования в области истории рус. языка. Его программный труд — «Мысли об истории русского языка» (1849), нек-рые положения к-рого сохраняют актуальность и теперь. Главным наследием являются «Материалы для словаря древнерусского языка» (т. 1—3, 1893—1903) — фундаментальный труд в области восточнослав. исторической лексикографии. Срезневский издал множество древних памятников письменности.

Ф. И. Буслаев (см.), современник Срезневского, первым из рус. учёных широко применил в исследованиях рус. языка сравнительно-исторический метод. Он развивает также формально-логическое направление в грамматике. Его работы посвящены не только исследованию истории рус. языка, но и распространению научных знаний о рус. языке среди школьников и студентов: «О преподавании отечественного языка» (1844), «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858; переиздавалась под названием «Историческая грамматика русского языка»), «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861).

В. И. Даль (см.) и Срезневский стояли у истоков рус. диалектологии как научной дисциплины. Даль создал фундаментальный «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах (1863—1866), в к-ром лексика лит. языка соединена с народной, включая областные слова. В словаре отражены богатейшие средства народной речи (слова, словосочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки), даны искусные их определения.

Стройную систему лингвистической концепции, описание на основе обширных материалов последовательного развития грамматической системы рус. языка с древнейших времён до нашего времени дал А. А. Потебня (см.), основатель харьковской лингвистической школы. Его четырёхтомный труд «Из записок по русской грамматике» (т. 1—2, 1874, т. 3, 1899, т. 4, 1941) представляет собой важную исходную базу для новых исследований.

Проблемы упорядочения рус. правописания разрабатывал Я. К. Грот (см.). В его книге «Русское правописание» (1885, 10 изд., 1893, 22 изд., 1916) подчёркивалась необходимость устойчивости правописания, сохранения в нём устоявшихся традиций и в то же время в значительной мере устранялся разнобой, противоречия в рус. орфографии и пунктуации. Гротовские правила принимались как образцовые, обязательные и просуществовали до реформы 1917—18 (см. Реформы азбуки и правописания). Их основы (с вычетом внесённых в 1918 и в 1956 изменений) сохраняются и те-

перь. Гроту принадлежит идея создания академического нормативного словаря (вышел в свет лишь 1-й том на буквы А—Д, см. Толковый словарь), к-рая была реализована только в сов. время.

Выдающимся языковедом и педагогом был глава московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов (см.). В кон. 19 — нач. 20 вв. он был самым крупным представителем сравнительно-исторического языкознания не только в России, но и за рубежом. В исследованиях индоевропейских языков, в т. ч. и рус. языка, особое значение Фортунатов придавал учению о грамматической форме. Его работы «О залогах русского глагола» (1899), «О преподавании грамматики русского языка в низших и старших классах общеобразовательной школы» (1899), «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» (1904) и др. посвящены рус. языку.

Исключительная роль в развитии Р. принадлежит А. А. Шахматову (см.), учителю многих сов. языковедов (Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, В. И. Чернышёва и др.). Шахматов положил начало развитию ряда направлений совр. Р.: исследованиям совр. лит. языка (ср. его «Очерк современного русского литературного языка», 1925, «Синтаксис русского языка», 1925—27), исследованиям рус. диалектологии («Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии», 1914, «Русская историческая диалектология», 1911, и др.), исследованиям в области лингвистической текстологии (им издано и прокомментировано много др.-рус. памятников), дальнейшему развитию лексикографии (Шахматов — организатор и вдохновитель неоконченного издания нормативного словаря рус. языка, в к-рый включалась лит., диалектная и иная, попавшая в поле зрения, лексика) и других дисциплин. Его работы «История русского языка», 1911—1912, «Древнейшие судьбы русского племени», 1919, «Историческая морфология русского языка», 1957, и многие другие были новым шагом вперёд в развитии исследований по истории рус. языка. Шахматов первым в истории рус. лингвистики сделал попытку дать общую картину происхождения и развития славян и слав. языков с древнейших времён до нашего времени, выдвинул развёрнутую гипотезу образования рус. лит. языка, обосновал ведущую роль московского говора в сложении рус. национального языка.

А. И. Соболевский (см.) — крупнейший исследователь др.-рус. письменности. Его труд «Лекции по истории русского языка» (1888, 4 изд., 1907) был основным источником для историко-лингвистических работ по рус. языку многие десятилетия. Соболевскому принадлежит первая основательная попытка реконструкции др.-рус. диалектов, установления роли т. н. второго южнослав. влияния на Руси. В «Очерке русской диалектологии» (1892) он подвёл итоги изучения рус. говоров в прошлом столетии.

Создатель казанской (позже петербургской) школы И. А. Бодуэн де Куртенэ (см.) явился родоначальником новой научной дисциплины — фонологии, к-рая получила широкое распространение в мировом языкознании. Занимаясь изучением слав. языков, он исследовал также многие явления в рус. языке. В его книге «Об отношении русского письма к русскому языку» (1912) высказаны оригинальные взгляды об основах рус. орфографии. Бодуэн де Куртенэ подготовил дополненное и переработанное 3-е издание словаря Даля (1903—09, 4 изд., 1912—14).

Т. о., дореволюционная Р. имела большие достижения и стала высокоразвитой научной дисциплиной. После Окт. революции 1917 в Р. произошли существенные изменения, к-рые подняли её на более высокую ступень. Изменилось функционирование лит. языка, к-рый в связи с бурным ростом народного образования стал главным средством общения подавляющего большинства рус. населения. Рус. язык стал средством межнационального общения народов СССР, одним из мировых языков. Обогатился и усовершенствовался его строй. Всё это вызвало не только необычайный рост исследований по рус. языку, но и поставило задачи, к-рые под силу решать только коллективам учёных. В 1917—1918 была проведена реформа рус. орфографии, подготовленная коллективом лингвистов и педагогов-словесников. Эта реформа сыграла заметную роль в культурной жизни страны. Стали создаваться новые учебные программы, учебники и учебные пособия для всех звеньев образования. В Р. возникли новые научные дисциплины и направления: социолингвистика, лингвостилистика, психолингвистика, лингвистическая география, фразеология и др. Теория Р. начала развиваться на основе марксистско-ленинской методологии.

Расцвет коллективных работ не исключал, а предполагал выдвижение крупных языковедов.

В 1-й пол. 20 в. появляются фундаментальные труды — результаты исследования развития разных сторон рус. языка: рус. диалектов (монографии Е. Ф. Карского «Русская диалектология», 1924, А. М. Селищева «Диалектологический очерк Сибири», 1921, П. Я. Черныха «Русский язык в Сибири», 1936), грамматической структуры рус. языка (работа С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке», 1927—31), рус. лит. языка

(труды В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков», 1934, «Современный русский язык», 1938, Л. А. Булаховского «Курс русского литературного языка», 1935, «Исторический комментарий к литературному русскому языку», 1937, «Русский литературный язык первой половины XIX века», т. 1, 1941, т. 2, 1948), рус. фонетики и лит. произношения (В. А. Богородицкий, «Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению», 1917—22), истории рус. языка (Н. Н. Дурново, «Очерк истории русского языка», 1924, Б. А. Ларин, «Русская грамматика Лудольфа 1696 года...», 1937). Появляются труды в области теории лексикографии (Л. В. Щерба, «Опыт общей теории лексикографии», 1940) и др.

Поток монографий резко возрастает в послевоенное время. Продолжают развиваться историческая грамматика, диалектология, лексикология: труды В. И. Борковского («Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение», 1949, «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение», 1958), С. И. Коткова («Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология», 1963), П. С. Кузнецова («Очерки исторической морфологии русского языка», 1959), Т. П. Ломтева («Очерки по историческому синтаксису русского языка», 1956), С. П. Обнорского («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», 1946), Ф. П. Филина («Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи», 1949, «Образование языка восточных славян», 1962, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», 1972), П. Я. Черныха («Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период», 1956), Л. П. Якубинского («История древнерусского языка», 1953). Исследуются рус. диалекты в их истории и совр. состоянии (Р. И. Аванесов, «Очерки русской диалектологии», 1949, и другие работы), создаются фундаментальные труды по рус. грамматике, стилистике, языку художественной лит-ры (В. В. Виноградов, «Русский язык. Грамматическое учение о слове», 1947, «О языке художественной литературы», 1959, «Проблема авторства и теория стилей», 1961, и др.), развивается рус. лексикология (О. С. Ахманова, «Очерки по общей и русской лексикологии», 1957, и другие работы), орфоэпия (Р. И. Аванесов, «Русское литературное произношение», 1950, 5 изд., 1972).

Создаются крупные коллективные труды. Перед русистами ставится задача, к-рая раньше была невыполнима: дать всестороннее и глубокое описание всех уровней и разновидностей рус. языка, начиная с его истоков до нашего времени. Выполнение такой задачи позволит получить достоверную материальную базу для решения многих научных проблем и явится надёжной основой для подготовки учебников и учебных пособий для всех звеньев народного образования.

Ещё в 30-х гг. коллектив учёных под руководством Обнорского и Щербы задумал написать академическую грамматику совр. рус. лит. языка. Этот труд был завершён после войны: в 1952—54 вышла в свет двухтомная (в трёх книгах) «Грамматика русского языка» (гл. ред.— В. В. Виноградов). «Грамматика» стала базой многих вузовских учебных пособий.

В 60—70-е гг. углублённо разрабатывалась теория рус. грамматики, появились фундаментальные описания отдельных сторон грамматической системы рус. языка, его морфологии, морфонологии, словообразования, синтаксиса. В связи с развитием грамматической теории, а также с постепенными изменениями в лит. языке возникла необходимость в создании новой академической грамматики. В 1970 вышла в свет однотомная «Грамматика современного русского литературного языка», написанная коллективом учёных Ин-та рус. языка АН СССР под ред. Н. Ю. Шведовой. В новой академической двухтомной «Русской грамматике», к-рая подготовлена под руководством Шведовой на основе обширной картотеки и с учётом предшествующей лит-ры, даётся развёрнутое описание фонетического и грамматического строя совр. рус. лит. языка, показываются продуктивные и непродуктивные явления, учитывается нормативная сторона языкового факта.

Готовится к печати академическая история рус. языка. Первые её четыре тома — двухтомный «Исторический синтаксис» (под ред. В. И. Борковского) и двухтомная «Историческая морфология» (под ред. Р. И. Аванесова и В. В. Иванова) — написаны. Будут созданы «Историческая фонетика» и «Историческая лексикология». Если учесть, что уже вышли в свет пять томов «Очерков по исторической грамматике русского литературного языка XIX века» (1964, под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой), а также многие другие грамматические исследования по рус. языку 18—20 вв., то с завершением указанных выше работ задача создания фундаментального описания грамматики рус. языка от времени его зарождения до наших дней во многом будет решена. Обобщающим трудом, в к-ром сделана попытка социально-лингвистического изучения рус. языка сов. эпохи, является монография из четырёх книг «Русский язык и советское общество» (1968).

Особенно больших успехов достигла рус. лексикография (см. Лексикография). Печатаются этимологические словари: «Этимологический словарь славянских

языков» под ред. О. Н. Трубачёва (в. 1, 1974, изд. продолжается), в к-ром даётся реконструкция словарного состава праслав. языка, послужившего исходной базой для возникновения всех слав. языков, в т. ч. и восточнославянских; «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (в. 1, 1963, изд. продолжается), охватывающий более широкий круг лексики, чем «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (рус. издание — 1964—73 — с дополнениями осуществлено Трубачёвым).

Под ред. Аванесова готовится к изданию многотомный «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.». В словаре кроме лексики будет широко показано варьирование форм. Хронологическим продолжением этого словаря является «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (в. 1, 1975, изд. продолжается, гл. ред. С. Г. Бархударов, с 7-го выпуска — Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова). В словаре 11—17 вв. в основном описывается лексика рус. языка 15—17 вв., а более ранняя лексика является как бы историческим фоном для словарного состава языка великорус. народности. Составляется «Словарь русского языка XVIII века» (гл. ред. Ю. С. Сорокин, руководитель работы Л. Л. Кутина), описывающий лексику 18 в., в к-ром складываются все предпосылки для формирования совр. лит. языка. Для этого словаря создана картотека более чем из 2 миллионов цитат.

Первым нормативным словарём лит. языка от Пушкина до 30-х гг. 20 в. стал четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» (1935—40) под ред. Д. Н. Ушакова. Большую роль в повышении культуры речи сыграл также однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949), девятое дополненное и исправленное издание к-рого вышло в свет в 1972 под ред. Н. Ю. Шведовой (12 изд., 1978).

Фундаментальным лексикографическим трудом явился академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (1948—65), к-рый включает описание свыше 120 тыс. слов. Группа учёных (А. М. Бабкин, Бархударов, Истрина, Обнорский, Филин, Чернышёв) была удостоена за этот словарь Ленинской премии (1970). В 1957—61 был создан новый академический «Словарь русского языка» в 4 томах под ред. А. П. Евгеньевой, к-рый пришёл на смену во многом устаревшему словарю под ред. Ушакова. В 1933 по инициативе Г. О. Винокура началась подготовка фундаментального академического четырёхтомного «Словаря языка Пушкина», к-рый вышел в свет в 1956—61. В его создании принимали участие Виноградов, Винокур, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский. В Ин-те рус. языка АН СССР создаётся словарная картотека языка сочинений В. И. Ленина, к-рая будет состоять из нескольких миллионов карточек; на её основе предполагается начать составление словаря языка сочинений В. И. Ленина.

Рус. язык представлен не только лит. языком, являющимся главной его разновидностью. Он включает в себя также многочисленные бесписьменные говоры, к-рые в прошлом играли важную роль в его истории. Сохранилось огромное количество записей диалектных слов, произведённых в 19—20 вв., эти записи продолжаются. Они (включая диалектные материалы «Толкового словаря» Даля) легли в основу капитального сводного «Словаря русских народных говоров» (в. 1—14, 1965—78, гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов), включающего около 150 тыс. народных слов, неизвестных в совр. лит. языке. Важное значение для русистов имеют «Обратный словарь русского языка» (1974, 125 тыс. слов), «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977, 40 тыс. слов), «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (1977, 100 тыс. слов).

Обстоятельное описание грамматического строя и словарного состава рус. языка от его истоков до наших дней позволило по-новому освещать многие теоретические вопросы. Напр., широко распространённая гипотеза, согласно к-рой совр. рус. лит. язык имеет иноземное (др.-болг.) происхождение и в основе своей является церковнославянским, не опиралась на факты. Данные совр. словарей показали, что церковнославянских по происхождению слов в совр. рус. лит. языке не более 10%, но и эти слова в большинстве своём сложились на рус. основе. Исконно русским является и грамматический строй. Была сделана попытка считать совр. рус. лит. язык своего рода копией, моделью франц. языка. Однако и эти утверждения опровергаются материалом, накопленным в совр. грамматиках и словарях и свидетельствующим, что рус. лит. язык в основе своей — исконно русский, народного происхождения.

За годы Сов. власти издано огромное количество словарей разных типов: орфографические, стилистические, словари омонимов, синонимов, паронимов, фразеологические, научно-технические, одноязычные, двуязычные и многоязычные, школьные, карманные и др. Больших успехов достигли в Р. лексикология и фразеология, исследование словарного и фразеологического состава рус. языка, семантических процессов, происходящих в рус. лексике и фразеологии (работы В.В.Виноградова, Д. Н. Шмелёва и др.). Опубликовано большое количество лексикологических и фразеологических исследований: «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90

годы XIX века» Ю. С. Сорокина (1965), «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка» (1968), «Русская фразеология, её развитие и источники» А. М. Бабкина (1970), «Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв.» С. И. Коткова (1970), «Лексикология современного русского языка» Н. М. Шанского (2 изд., 1972), «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи» И. Ф. Протченко (1975) и др.

Особую область Р. представляют исследования проблем нормы рус. лит. языка, вопросов культуры речи. Начало этому направлению было положено работами Щербы, Винокура, Ожегова (последний возглавлял сектор культуры речи Ин-та рус. языка АН СССР и был инициатором выпуска серии «Вопросы культуры речи», в. 1—8, 1955—67). Кроме обширной научно-популярной лит-ры по этой проблематике вышли в свет капитальные труды: «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник» под ред. К. С. Горбачевича (1973), «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской (1976), «Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка)» К. С. Горбачевича (1978). В Ин-те рус. языка АН СССР готовятся к печати книги: «Теоретические основы культуры речи» (Л. И. Скворцов), «Литературная норма в лексике и фразеологии», «Литературная норма и вариант», «Терминология и культура речи», «Очерки синтаксической нормы», «Русское сценическое произношение» и др. С 1967 печатается научно-популярный журн. «Русская речь». Центральное радио ведёт регулярные передачи «В мире слов», центральное телевидение — программу «Русская речь».

В отдельную отрасль Р. выросло изучение языка рус. художественной лит-ры (работы Виноградова, Булаховского, Винокура, Томашевского, Якубинского, Ларина, Щербы и др.). В Ин-те рус. языка создан двухтомный труд «Языковые процессы современной русской художественной литературы» под ред. А. И. Горшкова и А. Д. Григорьевой (1977), ведутся исследования в этой области Горшковым, В. П. Григорьевым, А. Н. Кожиным и др.

Начиная с работы Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (1923), широко исследуется рус. разговорная речь (монографии Н. Ю. Шведовой, Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой и др.). Устанавливаются особенности её развития в области синтаксиса, лексики, морфологии.

Больших успехов достигла рус. диалектология. Ещё в 1935 развернулась подготовка диалектологического атласа рус. языка, к-рая получила особенно широкий размах в послевоенное время. Собраны колоссальные материалы, которые широко используются в историко-диалектологических исследованиях. Составлены региональные атласы русских диалектов («Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», 1957, и др.). Завершается создание сводного диалектологического атласа русского языка из 300 карт и комментариев к ним.

Возникло и успешно развивается лингвистическое источниковедение (руководитель работы С. И. Котков), благодаря чему исследователи получают добротные тексты (с соответствующим научным аппаратом) др.-рус. и великорус. письменности. Опубликованы такие важные памятники, как «Изборник 1076 года», «Успенский сборник XII—XIII вв.», настенные надписи Софии Киевской, «Вести-Куранты XVII в.», «Книга, глаголемая Назиратель» и др. Большим открытием явились грамоты на берёсте, найденные во время раскопок в Новгороде и нек-рых других рус. городах. Важными изданиями являются фундаментальные книги «Библиография русских надписей XI—XV веков» (1936) А. С. Орлова и «Русские датированные надписи XI—XVI вв.» (1964) Б. А. Рыбакова.

В 60—70-е гг. в связи с функционированием рус. языка как мирового (см. Русский язык в международном общении) развивается новая область Р.— рус. язык как иностранный. Появилось большое количество монографий, самых различных исследований в этой области (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, П. Н. Денисов, О. Д. Митрофанова и др.), развивается новая область лексикографии — учебная лексикография.

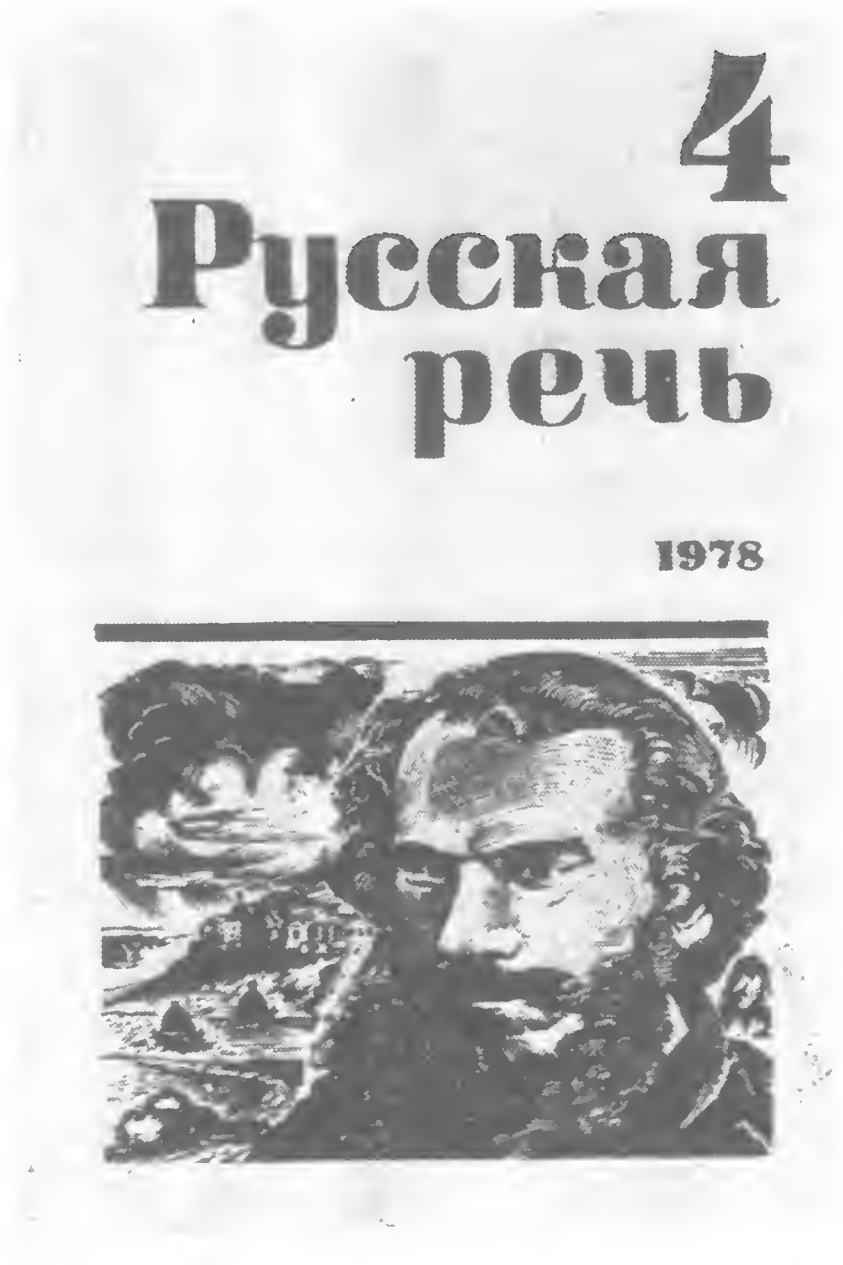
Развёртывается большая работа по изучению функционирования рус. языка как средства межнационального общения народов СССР и по улучшению его преподавания в национальных школах.

Научно-исследовательским центром изучения рус. языка является Ин-т рус. языка АН СССР в Москве со словарным сектором в Ленинграде (см. Институт русского языка Академии наук СССР). Рус. язык исследуется также в Институте русского языка имени А. С. Пушкина (см.) и в многочисленных зарубежных филиалах этого ин-та, в Научно-исследовательском институте преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР (см.), на кафедрах рус. языка филологических факультетов сов. вузов, в отделах (секторах) лингвистических ин-тов академий наук союзных республик и в других учреждениях страны. Статьи и другие материалы о рус. языке печатаются в журналах «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР, серия

литературы и языка», «Филологические науки», «Русская речь», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Русский язык за рубежом», в республиканских журналах по рус. языку и в других периодических изданиях.

Лит.: Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, т. 1 (XIII в.— 1825), СПБ, 1904; Карский Е. Ф., Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР, Л., 1926; Обнорский С. П., Итоги научного изучения русского языка, «Уч. зап. МГУ», 1946, в. 106, т. 3, кн. 1; Виноградов В. В., Русская наука о русском литературном языке, там же; Филин Ф. П., Советской русистике 50 лет, в кн.: Советское языкознание за 50 лет, М., 1967; его же, Великий Октябрь и наука о русском языке, «Рус. яз. в школе», 1977, № 4, с. 9—15; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX в., М., 1976; его же, Очерки по истории языкознания в России (конец XIX—начало XX в.), М., 1968; его же, Хрестоматия по истории русского языкознания, М., 1973; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды, Биобиблиографический словарь, т. 1—3, Минск, 1976—78. *Ф. П. Филин.*

«РУ́ССКАЯ РЕЧЬ» — научно-популярный журнал, орган Ин-та рус. языка АН СССР. Выходит в Москве с 1967, 6 номеров в год. Печатает статьи по культуре устной и письменной речи, о языке художественной лит-ры, практической стилистике, преподавании рус. языка в школе, об истории отечественного языкознания. Публикует занимательные материалы по истории рус. языка, диалектологии, истории слов и выражений, ответы на письма читателей о языке. В журнале выступают языковеды, писатели, деятели искусства, учителя. Рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся рус. языком. Тираж (1979) свыше 60 тыс. экз.



РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К — язык рус. нации, средство межнационального общения народов СССР, принадлежит к числу наиболее распространённых языков мира. Один из шести официальных и рабочих языков ООН. Р. я. относится к восточнослав. группе слав. языков (см. Славянские языки). Близкородственными Р. я. являются укр. и белорус. языки.

Р. я. имеет длительную и сложную историю (см. История русского языка). Начало сложения национального Р. я. относится к 17 в., завершение — к 1-м десятилетиям 19 в. (см. Национальный язык). С Пушкина начинается совр. рус. лит. язык. Велик вклад в обогащение лит. языка также рус. классиков 19—20 вв. В отличие от предшествующего времени со 2-й пол. 19 в. на развитие лит. языка начинают оказывать особенно серьёзное влияние наряду с писателями общественные деятели, представители науки и культуры. Огромное влияние на лит. язык (особенно на научный и публицистический стили) оказал и оказывает язык сочинений В. И. Ленина, поскольку ленинизм лежит в основе всей нашей общественной жизни и произведения В. И. Ленина стоят на первом месте по читательскому коэффициенту.

История языка связана с историей народа. Заметное воздействие на Р. я. оказали Окт. революция 1917 и построение социализма в нашей стране: значительно обновился и вырос его словарный состав, нек-рые сдвиги (менее заметные) произошли в грамматическом строе, имеют место обогащение стилистических средств и стилистическая переоценка ряда языковых явлений и т. д. В связи с общим распространением грамотности и огромным подъёмом культурного уровня населения лит. язык в настоящее время стал основным средством общения рус. нации в отличие от дореволюционного прошлого, когда основная масса народа говорила на местных диалектах и городском просторечии.

Из многочисленных свойств совр. рус. лит. языка прежде всего нужно выделить следующие: 1) способность выразить все знания, накопленные человечеством во всех областях его деятельности, смысловую всеобщность, из чего вытекает, что лит. язык применим во всех сферах общения; 2) общеобязательность его норм [см. Норма (языковая)] как образцовых для всех, кто им владеет и пользуется, независимо от социальной, профессиональной и территориальной принадлежности; 3) стилистическое богатство (см. Стиль),

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ, Т. Е. ПРИ СЛУШАНИИ РЕЧЕЙ НА СОБРАНИЯХ)

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

Написано в 1919 или 1920 г.

Впервые напечатано 3 декабря 1924 г.
в газете «Правда» № 275
Подпись: Н. Ленин

Печатается по рукописи

В. И. Ленин, «Об очистке русского языка».

основанное на наличии разнообразных вариантов для обозначения одних и тех же значимых единиц (с дополнительными стилистическими оценками или без них), и средства выражения особых значений, уместных только в определённых речевых ситуациях.

Основой лит. языка являются его стилистически нейтральные средства, т. е. те элементы языка разных уровней, к-рые употребляются во всех формах общения без сниженных, специфически книжных, фамильярных и иных оценок, напр.: *наука*, *стол*, *ходить*, *темно*, *зелёный*, в прямых и нек-рых переносных значениях выражают понятия, отражающие определённые явления бытия и восприятия их людьми, и только; такие слова и их формы признаются общепринятыми, нормативными в любых условиях общения. По данным 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка», нейтральные стилистические средства языка составляют примерно три четверти его произносительных норм, грамматических форм, слов и значений. Остальная четверть имеет разную стилистическую окраску, к-рая придаёт языку всевозможные оттенки выразительности. Наибольшее распространение имеют разговорные элементы, несущие функции непринуждённости, нек-рой сниженности речи. Следует различать письменную и устную разновидности лит. языка. То, что в письменном языке, а также в устных средствах массового общения (публичные выступления, радио, кино, театр) имеет характер разговорности, в непринуждённой бытовой речи может быть нейтральным. Непринуждённая разговорная речь заметно отличается от письменной и публично-нормативной своим синтаксическим строем (нечёткость в делениях речевого текста на предложения, разного рода недоговорённости, обрывы, повторения, необычный порядок слов, алогизмы и т. п.), неполным стилем в произношении (ср.: *здрасте* вместо *здравствуйте*, *Пал Ваныч* вместо *Павел Иванович*), повышенным содержанием окказиональных слов и значений, наличием нек-рой доли диалектизмов и жаргонизмов, иными стилистическими оценками и нек-рыми другими особенностями. Однако разговорная речь не представляет собой особой языковой системы, являясь составной частью лит. языка. Разговорная речь подчиняется лит. нормам, ориентируется на них. Всякого рода отступления от норм, реально существующие, должны рассматриваться как небрежность, к-рой следует избегать. Борьба с языковой небрежностью — важнейшая задача культуры речи (см.). Из сказанного следует, что категория «разговорное» двойственна: с одной стороны, она используется как стилистическое средство, обогащающее нормализованный лит. язык, с другой стороны, она является устной разновидностью лит. языка с нек-рыми специфическими особенностями.

Средством стилистического разнообразия лит. языка является просторечие (см.), под к-рым понимаются языковые явления (слова и их значения, грамматические формы и обороты, особенности произношения), употребляемые для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли. Напр., такие слова и выражения, как *здоро́во* — «здравствуйте», *канючить* — «надоедливо просить», *над нами не каплет* — «нам спешить не надо», *на карачках*, *налимониться*, *дербалызнуть*, *карга* (бранное название старухи), *карачун*, *капут*, *каюк*, *катнуть* — «съездить, поехать» и др., в совр. толковых словарях определяются как просторечные. Просторечные элементы используются носителями лит. языка только в определённых речевых обстоятельствах и несут ярко выраженную стилистическую окраску. Просторечие, как и разговорные средства языка, двойственно: оно является органической частью лит. языка и в то же время существует за его пределами. Совр. внелит. просторечие — речь той части населения, к-рая недостаточно овладела лит. языком и нуждается в повышении своего культурного уровня. Ненормативные формы этой частью населения обычно не осознаются как неправильные. Ср.: *крайний* — «последний в очереди», *тролебус* — троллейбус, *полуклиника*, *в кине*, *без пальта*, *хотит*, *хочут*, *местов*, *ихний*. Исторически просторечие восходит к старой разговорно-бытовой речи городского населения, противостоящей книжному языку в те времена, когда нормы устной разновидности лит. языка ещё не были выработаны. Разделение старой разговорно-бытовой речи на устную разновидность лит. языка образованной части населения и просторечие началось примерно с сер. 18 в. В дальнейшем просторечие становится средством общения преим. неграмотных и полуграмотных горожан, а в пределах лит. языка часть его особенностей используется как средство яркой стилистической окраски. Для внелит. просторечия характерно наличие в нём той или иной доли диалектизмов, но специфические черты просторечия не имеют локальной ограниченности, по своему распространению являются общерусскими.

Особое место в Р. я. занимают говоры. Имея общерус. основу, они в то же время имеют особенности, к-рые распространены лишь на части территории Р. я. Существуют фонетические, фонологические, акцентологические, грамматические, лексические и иные диалектизмы. Границы распространения диалектных явлений очень сложны и пересекают рус. территорию в различных направлениях (см. Говоры

русского языка). Диалектное членение языка — явление давнее. Все языки на любых ступенях их развития дробились на местные говоры. До появления письменности диалекты были универсальной формой существования языка. С возникновением лит. языков они, видоизменяясь, сохраняли свою силу: речь подавляющего большинства населения была диалектной. Только с развитием культуры, возникновением национальных языков диалекты начинают оттесняться, становясь преим. речью сельского населения. В эпоху социализма говоры отмирают. Совр. рус. говоры превращаются в своеобразные полудиалекты, в к-рых местные черты сочетаются с нормами лит. языка. Вероятно, в будущем сохранятся лишь отдельные диалектные особенности, в конечном итоге лит. язык станет единственным средством общения всего населения. Говоры постоянно воздействовали на лит. язык. Многие языковые явления, считающиеся в совр. языке лит. нормой, раньше были диалектными (напр., аканье, взрывной согласный *г*, формы личных местоимений *меня*, *тебя*, *себя* вместо исконных *мене*, *тебе*, *себе*, такие слова, как *очень*, *пахать*, *изба*, *лошадь*, *стерня*). Диалектизмы и теперь используются писателями в разных стилистических целях, но не становятся общим достоянием и не входят в состав лит. языка.

Следует различать «общелитературный язык» и «язык художественной литературы». Язык художественной лит-ры шире и у́же общелит. языка: шире тем, что в нём применяются средства, стоящие вне общепринятых норм, а у́же по своей сфере применения — общелит. язык обслуживает все виды общественной жизни. Воздействие языка художественной лит-ры на общелит. язык очень велико, но язык художественной лит-ры имеет много особенностей, не свойственных общелит. языку: в нём широко используются характерные только для одного писателя сочетания слов и значений, индивидуальные новообразования, диалектизмы, историзмы и устарелые слова и обороты, жаргонизмы и другие средства.

Кроме разговорной речи, просторечия, полудиалектов и местных говоров в Р. я. представлены разного рода жаргоны (см.), арго (см.). Жаргоны были порождением социального расслоения общества. Жаргоны различных профессий, воровские арго («блатная музыка») и прочие разновидности тайных или своеобразных «языков» отличались своей лексикой и семантикой, но не грамматической системой, к-рая остаётся общенациональной. Они быстро отмирают, представляя интерес гл. обр. для лингвистов. Впрочем, часть молодёжи употребляет нек-рые «модные» словечки и выражения, напр. *железно*, *до лампочки*, *предки* — в значении «родители», представляющие собой жаргонизмы, стоящие вне лит. языка, сливающиеся с внелит. просторечием.

Значительную часть совр. Р. я., помимо общеупотребительных слов и выражений, составляет специальная терминология (стандартизированная терминология имеет права «литературного гражданства», т. е. входит в состав лит. языка). Специальная лексика отражает особенности профессий в промышленности, сельском хозяйстве, науке и технике, торговле, культуре и т. п., она малоизвестна или вовсе неизвестна неспециалистам. Количество её не поддаётся учёту. Специальных терминов в совр. Р. я. миллионы, причём рост их продолжается в убыстряющихся темпах, что вызвано прежде всего потребностями научно-технической революции. В этом океане слов очень высок процент заимствований, гл. обр. из англ. языка (в его американском варианте). Поток заимствований мог бы быть меньше, если бы терминотворчество не было в основном стихийным, малорегулируемым процессом. Словообразовательные возможности самого Р. я. беспредельны и могут быть использованы в большей степени. Специальная лексика стала важнейшим источником пополнения словарного состава общелит. языка. Вместе с ней в общую прессу и обиходно-разговорную речь во множестве попадают излишние заимствования (гл. обр. американизмы), проникновение к-рых следует разумно ограничить (ср.: *эскалация* вместо «нарастание», *бойлерная* вместо «котельная», *бармен* вместо «буфетчик»).

Т. о., современный Р. я. представлен рядом разновидностей, находящихся в сложном взаимодействии. Все эти разновидности, объединённые общностью происхождения, общей фонетической и грамматической системами и основным словарным составом, что обеспечивает взаимопонимание всего населения, составляют единый национальный Р. я., главным звеном к-рого является лит. язык в его письменной и устной формах. Сдвиги в самой системе лит. языка, постоянное воздействие на него других разновидностей речи приводят не только к обогащению его новыми средствами выражения, но и к усложнению стилистического разнообразия, развитию вариантности, т. е. возможности обозначать одно и то же или близкое по значению разными словами и формами. Вариантность — одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами (одни из них на нек-рое время остаются равноправными, другие стилистически по-разному окрашены, третьи укрепляют свои позиции или, наоборот, сдают их и т. п.) изменения происходят на всех языковых уровнях. Смена одних вариантов другими нередко протекает неравномерно и зависит от разных причин. Изменение границ

между разновидностями Р. я. (см. о них выше) осуществляется, в частности, через ступени вариантности в широком смысле этого слова. В то же время для совр. рус. лит. языка характерна строгая нормативность, узаконивающая общепринятое произношение, грамматический строй и словарь, в т. ч. и употребление вариантов (см. Варианты языковые). Все в разной мере в своей речи делают отступления от установленных норм (что зависит от образования, возраста, профессии, места рождения и длительного проживания где-либо и иных причин), но между речью индивидуума и языком общества нельзя ставить знак равенства. Языковые нормы, установленные на данный отрезок истории обществом, объективны и существуют независимо от частных обстоятельств. Они — маяк, на к-рый все образованные люди ориентируются в бесконечном море речевой деятельности. Нормы лит. языка одинаковы для всех, живущих в Москве и Ленинграде, на Западе и на Дальнем Востоке, в городах и сельских местностях. Локальных вариантов рус. лит. языка не существует, и если в разных краях и областях к речи говорящих на лит. языке примешиваются местные особенности, то эти особенности стоят за пределами норм, являются внелитературными.

Р. я. является одним из наиболее развитых языков мира, на нём написана богатейшая лит-ра, отражены исторический опыт великого рус. народа, достижения всего человечества. Особенно большое значение Р. я. приобрёл в сов. время. Равноправие всех языков, будь то языки больших и малых народностей,— одна из важнейших основ ленинской национальной политики. В СССР происходит невиданный расцвет национальных языков. На многих из них письменность и лит-ра появились впервые. Р. я., равный среди равных, стал языком межнационального общения, добровольно принятым всеми сов. народами. «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» (Программа Коммунистической партии Советского Союза). По данным всесоюзной переписи 1970, Р. я. в нашей стране был родным языком 141,8 млн. чел. и вторым родным языком, к-рым свободно владеет 41,9 млн. чел. Т. о., Р. я. активно владели 183,7 млн. чел. Р. я. получает широкое распространение во всём мире. Если учесть также и пассивное владение (т. е. умение читать текст и понимать его), то на всех континентах Р. я. известен нескольким сотням миллионов людей (см. Русский язык в международном общении). Каждая четвёртая книга, печатающаяся в мире, выходит на Р. я. Значительная часть книг переводится с Р. я. на сотни других языков мира. Распространение Р. я. во всех странах продолжается.

Лит.: Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4, М.— Л., 1935—40; Винокур Г. О., Русский язык, М., 1945; Обнорский С. П., Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.— Л., 1946; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), М., 1947; его же, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2 изд., М., 1938; Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17, М.— Л., 1950—65; Грамматика русского языка, т. 1—2, М., 1952—54; Булаховский Л. А., Курс русского литературного языка, т. 1, 5 изд., К., 1952; т. 2, 4 изд., К., 1953; Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, М., 1955; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Щерба Л. В., Избранные работы по русскому языку, М., 1957; Словарь русского языка, т. 1—4, М.— Л., 1957—61; Котков С. И., Южновеликорусское наречие в XVII ст. (Фонетика и морфология), М., 1963; Русская диалектология, под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1965; Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964; Борковский В. И., Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка, М., 1965; Словарь русских народных говоров, вып. 1—15, М.— Л., 1965—79 (изд. продолжается); Шведова Н. Ю., Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966; Аванесов Р. И., Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972; Филин Ф. П., Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Л., 1972; Русская разговорная речь, М., 1973; Протченко И. Ф., Лексика и словообразование русского языка советской эпохи, М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976; Ожегов С. И., Словарь русского языка, 12 изд., М., 1978.

Ф. П. Филин.

РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К в школе — учебный предмет в сов. школе, преподавание к-рого имеет целью дать школьникам основные сведения о совр. рус. лит. языке, его важнейших фонетич. особенностях, словарном составе и грамматическом строе, выработать навыки, умения (речевые, орфографические, пунктуационные, стилистические), необходимые для свободного пользования языком в его устной и письменной форме. Задачей преподавания Р. я. является также развитие языкового мышления учащихся, творческих сил и познавательных способностей, навыков самостоятельной работы (умения учиться).

Специфика Р. я. как предмета преподавания в русской школе заключается в том, что как родной язык он

является не только предметом и объектом изучения, но и с р е д с т в о м о б у ч е н и я (т. е. с его помощью изучаются все другие предметы). Р. я.— один из главных (ведущих) предметов учебного плана в школе с рус. языком обучения, ему отводится наибольшее количество времени.

Содержанием и видами занятий по Р. я. в школе являются: а) изучение грамматики в целом и её составных частей — морфологии и синтаксиса (фонетика в школьных условиях, как правило, включается в учебники грамматики и изучается вместе с грамматикой); б) изучение орфографии и пунктуации (в их системе и относительно полном объёме); в) упражнения в правильном произношении (орфоэпия) и выразительном чтении; г) усовершенствование навыков практического пользования устной и письменной речью, усвоение и обогащение словарного запаса, усовершенствование навыков связной устной и письменной речи, усовершенствование речи учащихся в грамматико-стилистическом отношении, усвоение навыков деловой речи.

Объём фактического содержания курса, распределение материала по классам (возрастным критериям), последовательность прохождения материала, что связано с логикой науки, определяются официально утверждаемыми программами, к-рые являются документами, имеющими государственное значение и обязательными для выполнения их всеми органами народного образования.

На разных исторических этапах жизни сов. школы предлагались различные, иногда противоречивые по своему характеру, содержанию и принципиальным основаниям программы по Р. я. После неудачного опыта применения комплексных и проектных программ в 20-е гг., сводивших занятия Р. я. к узкопрактическим задачам (в основном к обучению деловой речи и чтению), программы стали строиться как программы систематического курса [постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 и 25 августа 1932]. Школьный курс Р. я. стал складываться как относительно стабильный, с более или менее ограниченным объёмом и конкретным содержанием. Школьный курс Р. я. постоянно совершенствуется, повышается его научно-теоретический уровень, конкретизируются практические задачи, более глубоко разрабатывается методика преподавания (см. Методика преподавания русского языка).

Так, программы 1967 отличаются от предшествующих многими существенными особенностями, а именно: а) курс Р. я. рассчитан не на 4 года, как прежде (5—8-е классы), а на 5 лет (4—8-е классы), что привело к перераспределению материала по классам; б) с целью облегчения усвоения учащимися младших классов довольно трудного материала по грамматике принято т. н. линейно-ступенчатое распределение материала по классам, что выразилось в постепенном усложнении материала из класса в класс (нек-рые части речи — существительное, глагол и др.— предложено изучать не в одном классе, напр. в 4-м, а и в следующем, 5-м, в программу к-рого перенесены более трудные для усвоения части темы); в) задача сближения школьного курса с наукой о языке в её совр. состоянии и с состоянием научной грамматики в частности решается в связи с задачей повышения общего научного уровня преподавания языка. С этой целью в программы введены новые темы («Словосочетание»), новые разделы («Лексика»), пересмотрены в научном отношении нек-рые разделы («Фонетика»), вновь разработаны важнейшие разделы курса — «Развитие речи, устной и письменной», «Развитие связной речи», «Общие сведения о языке». В соответствии с новой программой были составлены новые учебники (см. Учебники русского языка).

Лит.: А ф а н а с ь е в П. О., Методика русского языка в средней школе, 2 изд., М., 1947; Т е к у ч е в А. В., Методика русского языка в средней школе, 2 изд., М., 1970; Программы средней школы. Русский язык, М., 1976; Основы методики русского языка в 4—8 классах, под ред. А. В. Текучева и др., М., 1978. *А. В. Текучёв.*

Преподавание Р. я. в н а ц и о н а л ь н о й ш к о л е имеет не только свою специфику, но и много общего со школьным изучением Р. я. как родного. Их объединяет система Р. я. как предмета изучения (лингвистическая общность), общие дидактические принципы и воспитательная направленность обучения (педагогическая общность) и идентичность психических процессов у детей и подростков разных национальностей (психологическая общность).

Для сов. людей Р. я. «фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» (Программа Коммунистической партии Советского Союза). По данным всесоюзной переписи 1970, 54,9 млн. чел. нерус. национальности (что составляет около половины этого населения) назвали Р. я. родным (13 миллионов) или вторым языком, к-рым они свободно владеют. Отсюда основное назначение предмета Р. я. в национальной школе — формирование умения свободно говорить и писать по-русски. Этим Р. я. как учебный предмет существенно отличается от иностранных языков в сов. средней школе.

Свою специфику Р. я. в национальной школе имеет и по сравнению с курсом родного языка. Родным языком все люди в значительной мере овладевают задолго до поступления в школу. Р. я. большинство нерус. детей по-настоящему начинает усваивать в стенах школы. Так что на уроках Р. я. в национальной школе про-

исходит не только развитие, но прежде всего формирование речевых умений и навыков.

Уже в начальной школе нерус. дети попадают в условия учебного двуязычия (билингвизма), когда им параллельно даётся знание сразу же двух языков — родного и русского. Учёт отрицательного воздействия родного языка на овладение русским (интерференции) и положительного переноса знаний, умений и навыков родного языка (транспозиции)— особенность курса рус. языка в нац. школе.

По характеру взаимодействия двух языков в условиях билингвизма выделяются два типа национальной школы: с близкородственными русскому языками обучения (укр. и белорус. школы) и языками обучения, не находящимися с русским в близком родстве. Интерференция и транспозиция родного языка в каждой из этих групп имеет свою специфику.

Большое значение для обучения Р. я. в национальной школе имеет внеучебное рус. речевое окружение (или речевая среда). Широкие возможности для систематического общения вне школы на Р. я. в союзных и автономных республиках оказывают существенную помощь в овладении языком межнационального общения народов СССР.

Практическая (речевая) направленность предмета Р. я. в национальной школе определяет его содержание, композицию, соотношение в нём теории и практики. Из сведений по фонетике, лексике и грамматике Р. я. в программы и учебники для национальной школы включается гл. обр. то, что необходимо знать и усвоить для практического овладения языком. Основное внимание на уроках уделяется речевой практике в форме различных языковых и речевых упражнений. Необходимые элементы языковой теории, как правило, усваиваются в связи с выполнением различных речевых заданий.

Усвоение Р. я. на уроках в сов. школе начинается в одних союзных республиках с 1-го, в других со 2-го класса. В программы для 1-го класса большинства союзных республик включён предварительный устный курс в виде тематических разговорных уроков. Далее следуют букварный и послебукварный периоды. В речь детей постоянно вводятся новые типовые фразы, слова и словосочетания. Весь языковой материал группируется по темам и ситуациям.

В 4—8-х классах большинства союзных республик материал по Р. я. группируется вокруг грамматических тем, к-рые, однако, изучаются практически — в связи с выполнением различных упражнений. По классам и темам материал преимущественно располагается на основе комплексно-концентрического принципа: явления фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса усваиваются во взаимосвязи.

В классах среднего звена ведущим принципом методики является принцип комплексного объединения элементов Р. я. и лит. чтения.

В национальных школах РСФСР, начиная со средних классов, Р. я. становится основным языком обучения.

Курс Р. я. в старших классах национальной школы носит уже более последовательный (линейный) характер. Значительное внимание здесь уделяется усвоению наиболее трудных вопросов фонетики, словообразования, грамматики и стилистики Р. я.

Успешное массовое овладение Р. я. в стенах национальной школы — одно из самых больших достижений Сов. власти.

Лит.: Русская лингводидактика. Преподавание русского языка в национальной школе (1945—1970). Библиографический указатель, в. 1—3, М., 1971—72; Русский язык — язык межнационального общения народов СССР, М., 1976; Новая литература по методике преподавания русского языка в национальных школах и вузах СССР [1945—1973]. Библиографический указатель, в. 4—5, М., 1976—78; Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики, М., 1977.

Н. М. Шанский.

«РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К» — специализированное издательство, выпускающее словари разных типов, учебную, научно-методическую лит-ру, рус. и сов. лит-ру для изучающих рус. язык как иностранный. Находится в Москве. Создано на базе словарных редакций издательства «Советская энциклопедия» и редакции издательства «Прогресс», выпускавшей издания по рус. языку и лит-ре для иностранцев. В издательстве работает 18 редакций, в т. ч. 7 выпускающих учебную и научно-методическую лит-ру, разговорники и 11 словарных. Выпуск лит-ры осуществляется по следующим главным направлениям: учебники и учебные пособия, общие филологические, научно-технические и учебные словари, разговорники, научно-методическая лит-ра.

Учебники и учебные пособия по рус. языку издаются для зарубежных школ и вузов, для самостоятельно изучающих рус. язык, для всех категорий иностранных граждан, обучающихся в СССР. Издаётся лит-ра для чтения, включающая как художественные произведения, так и издания по страноведению. Особое место принадлежит учебным комплексам, включающим, как правило, от двух до шести изданий — иллюстрированный учебник, книгу для чтения, грамматический очерк и т. д., а также грампластинки, компакт-кассеты, диафильмы. Выпускаются также наглядные пособия.

Издательство ведёт большую научно-организационную и редакторскую работу по подготовке словарей самых различных типов, продолжая и развивая опыт, накопленный в этой области издательствами Иностранных и национальных сло-

варей и «Советской энциклопедией». Подготовлены и выпущены многие фундаментальные одноязычные и двуязычные филологические словари, напр.: «Словарь русского языка», т. 1—4, под ред. А. П. Евгеньевой и др., созданный Ин-том рус. языка АН СССР, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, «Большой англо-русский словарь», т. 1—2, под ред. И. Р. Гальперина, «Большой польско-русский словарь» Д. Гессена и Р. Стыпулы, «Чешско-русский словарь», т. 1—2, под ред. Л. В. Копецкого, Й. Филипца, О. Лешки. Наряду с большими словарями издаются средние и карманные словари. Большая работа ведётся по подготовке к изданию и выпуску учебных словарей различных типов, в т. ч. иллюстрированных. Увеличивается выпуск научно-технических словарей (иностранно-русских и русско-иностранных), роль к-рых в век научно-технической революции непрерывно возрастает. Наряду с политехническими словарями по основным европейским языкам выпущены также «Русско-вьетнамский политехнический словарь», 1975, «Нидерландско-русский политехнический словарь», 1976, «Русско-португальский политехнический словарь», 1978, и др. Выпускаются словари по отдельным отраслям знаний, напр.: «Французско-русский сельскохозяйственный словарь», 1977, «Итальянско-русский и русско-итальянский строительный словарь», 1978, «Немецко-русский словарь по технологии машиностроения», 1978, и др.

При подготовке и выпуске лит-ры издательство широко использует различные формы сотрудничества с иностранными авторами и издательствами, в т. ч. с 34 издательствами 10 социалистических стран. За 1974—78 выпущено свыше 700 книг, к-рые распространялись более чем в 100 странах мира. С 1976 издательство выпускает ранее созданный журнал «Русский язык за рубежом» (см.).

В. П. Назаров.

РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К В МЕЖДУНАРО́ДНОМ ОБЩЕ́НИИ. Рус. язык — один из наиболее распространённых и богатых языков мира, на к-рых говорят за пределами основной территории их распространения представители разных народов, общаясь не только с исконными носителями этих языков, но и между собой.

Так же как английский и нек-рые другие языки, использующиеся за пределами стран, для к-рых они являются языками государственными или официальными, рус. язык всё шире используется за пределами СССР; он стал не только «языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза», но и «одним из общепризнанных мировых языков» (Л. И. Брежнев).

Функции рус. языка не ограничиваются более внутринациональным и межнациональным общением в СССР. Он стал применяться в разных сферах международного (межгосударственного) общения. Так, напр., рус. язык является важнейшим «языком науки»— средством общения учёных разных государств, средством кодирования и хранения общечеловеческих знаний (60—70% всей мировой научной информации публикуется на англ. и рус. языках); он — необходимая принадлежность мировых систем коммуникации (радиопередачи, авиа- и космические сообщения и т. д.). Англ., рус. и нек-рые другие, т. н. мировые, языки характеризуются не только спецификой общественных функций (функция посредника в распространении знаний и выравнивании их уровня в разных странах; функция языка дипломатии, международной торговли, транспорта, туризма; просветительская функция — на них обучается молодёжь развивающихся стран и др.), но и сознательным их изучением и использованием (провозглашение «иностранным языком», т. е. обязательным предметом для преподавания в школах и вузах большинства стран; юридическое признание «рабочим языком» в международных организациях, прежде всего в ООН, и т. д.). Рус. язык по абсолютному числу владеющих им занимает 3-е (после кит. и англ.) место в мире, однако понятие распространённости языка как родного не является главным признаком категории «мирового языка». Для «мирового языка» существенно не само число владеющих им (особенно как родным), но глобальность расселения владеющих этим языком или охват им разных, максимальных по числу стран, а также разных и наиболее влиятельных социальных слоёв населения в этих странах (напр., научно-технической и творческой интеллигенции, административно-партийного аппарата). Соответственно формируется и методическая категория «мотивации» в выборе «мирового языка» для изучения. Рус. язык обладает всеми указанными свойствами «мировых языков» (сейчас в мире с той или иной степенью совершенства рус. язык знаком полумиллиарду человек).

По данным на 1977/78 учебный год, рус. язык включён в программы систем просвещения и высшего образования 91 страны; свыше 120 тыс. иностранных граждан преподают его более чем 20 миллионам школьников, студентов, других своих соотечественников. Наибольшая часть изучающих рус. язык приходится на социалистические страны, напр. в НРБ они составляют около 14% населения, в ВНР — более 10%. В ГДР, МНР, ПНР, ЧССР и других странах рус. язык является обязательным или первым иностранным языком во всех школах и вузах.

Широко изучается рус. язык в странах Запада, в США и Канаде: в США он преподаётся в 643 вузах и колледжах, в 620 школах, в Великобритании — в 40 ун-тах и 802 школах, во Франции — в 24 ун-тах и 400 лицеях, в ФРГ — в 20 вузах и 623 гимназиях и школах. Быстро растёт число изучающих рус. язык в развивающихся странах, напр. в Индии он преподаётся в 40 ун-тах, в Мали— в 9 вузах и 10 лицеях, в Алжире — в 4 ун-тах и 12 лицеях и т. д. Миллионы иностранных граждан изучают рус. язык по радио и телевидению (такие передачи ведутся в 32 странах).

Как и другие «мировые языки», рус. язык стал языком широкого международного употребления в силу действия социальных и лингвистических факторов. Социальные факторы непосредственно связываются со значением народа-носителя данного языка в истории человечества и его ролью, авторитетом в совр. мире. Распространение рус. языка в странах Европы и Азии прослеживается с 11 в.; оно идёт по восходящей линии с развитием России, с ростом её авторитета на мировой арене и её доли в мировом хозяйстве, с развитием науки и искусства, а с 19 в.— революционной мысли и действия. Сов. народ, первым построивший развитой социализм, добившийся величайших успехов в науке, экономике и культуре, сделал рус. язык необходимым элементом общечеловеческого прогресса. Миролюбивая политика СССР и других стран социалистического содружества, направленная на широкие контакты и сотрудничество государств разных политических систем, всё больше утверждает рус. язык в качестве одного из основных языков широчайшего употребления.

Общечеловеческая ценность рус. языка повышается той ролью, к-рую он играет в жизни СССР: наряду с тем что рус. язык изучается при полном равноправии с родным языком всем нерус. населением страны, он стал общим языком сотрудничества всего сов. народа как новой исторической общности людей (в языковом отношении характеризующейся, несомненно, своеобразным типом устойчивого двуязычия, составляемого свободным функционированием всех языков параллельно и вместе с языком межнационального общения — русским). Рус. язык на международной арене выступает как представитель не только рус. нации, но именно всего сов. народа. Претворение в жизнь ленинского учения о равноправии всех языков в СССР служит образцом для стран, решающих национальный вопрос, что усиливает интерес к рус. языку и укрепляет его мировое значение.

Лингвистические факторы, необходимые для становления языка в качестве «мирового» и содействующие этому процессу, изучены пока недостаточно полно. Будучи, несомненно, производными от факторов социальных и никоим образом невозводимыми к «природным», «врождённым» свойствам языка (напр., к типу его морфологического строя, как полагали адепты теорий превосходства того или иного языка, скажем, аналитического английского над другими), эти лингвистические факторы обладают, однако, известной самостоятельностью и могут содействовать или мешать действию факторов социальных. Существенным, напр., оказывается степень пригодности данного языка (насколько он удобен, экономен и т. д.) для фиксации, хранения и извлечения самой разнообразной информации— научной, культурной, политико-идеологической, художественной и т. д. В весьма непростой связи эти качества стоят с бытовым пониманием или, точнее, мифологически-привычным восприятием того или иного языка как «простого, лёгкого» или «сложного, трудного», «красивого», «звучного», «выразительного», даже «богатого».

Рус. язык и другие «мировые языки» отличаются высокой информативностью, т. е. хранением в своих формах максимального опыта общения, опробованных возможностей выражения и передачи мысли. Информационная ценность языка есть качество самих элементов языка, но, естественно, она находится в самой тесной зависимости от количества и качества информации, выраженной на данном языке в книгах, написанных на нём, в переводах с других языков и т. д. Понятие информационной ценности непосредственно сопряжено с коммуникативной эффективностью данного языка, удобством пользования им.

В более конкретном языковом плане существенными оказываются: развитость семантики как лексической, так и грамматической (синтаксической); стилистическая и иная дифференцированность словаря, в частности наличие специальных терминологий, в т. ч. современных наук; «утончённость» и «усложнённость» средств выражения (как качества «готовности» лит. языка к правильному и незатруднительному выражению разных понятий и мыслей — в понимании Л. В. Щербы); устойчивость общепринятого «стандарта» (лит. языка) и характер его нормированности; взаимоотношения книжной и разговорной лит. стихий («устного образованного языка»); степень интернационализации языковых единиц и самобытной их уникальности (для «мирового языка» важно не стать похожим на другие или на все языки, но мочь выразить всё, что на них выражаемо,— это качество получило разработку в теории «языкового планирования» под названием «межпереводимость»).

Как никакой другой из «мировых языков» современности, рус. язык, сохраняя

самобытность на протяжении длительного времени, вобрал в себя особенности языковых ареалов Запада и Востока, освоив греко-византийское, лат., восточное и старослав. наследие античности. На протяжении средних веков, новой и новейшей истории он воспринял всё лучшее из романских и германских языков Европы. Однако главным двигателем совершенствования, обработки и шлифовки рус. языка явилось напряжённое созидательное творчество поколений русских, а затем и не только русских, но всех российских и сов. деятелей науки, политики, техники, культуры, лит-ры. Рус. язык стал высокоразвитым, богатым, опробованным и раскрытым в своих потенциях, нормированным и упорядоченным, стилистически дифференцированным, исторически сбалансированным языком, способным обслужить не только все внутри- национальные и внутригосударственные потребности, но и международные нужды. Он оказался внутренне готовым стать «мировым языком», когда к этому его привели социальные факторы; более того, лингвистические качества рус. языка ускорили, углубили действие этих социальных факторов.

Приобретение рус. языком статуса «мирового языка» происходило быстро. С кон. 19 в. рус. язык изучается почти во всех основных ун-тах мира; в отдельных странах, напр. в Болгарии, он уже более 150 лет является главным иностранным языком. Однако статус «мирового языка» появляется у рус. языка лишь после Октября 1917 и окончательно закрепляется после 2-й мировой войны, причём показательным, хотя и достаточно внешним рубежом, оказывается 1957 — год запуска первого сов. искусственного спутника Земли. Взлёт интереса к рус. языку в связи с этим свершением сов. людей, поразившим воображение человечества, не снизился в последующие годы, как ожидали скептически настроенные западные буржуазные методисты-лингвисты и организаторы просвещения. Этот интерес стабилизировался, но число изучающих рус. язык возрастало в среднем на полмиллиона человек ежегодно.

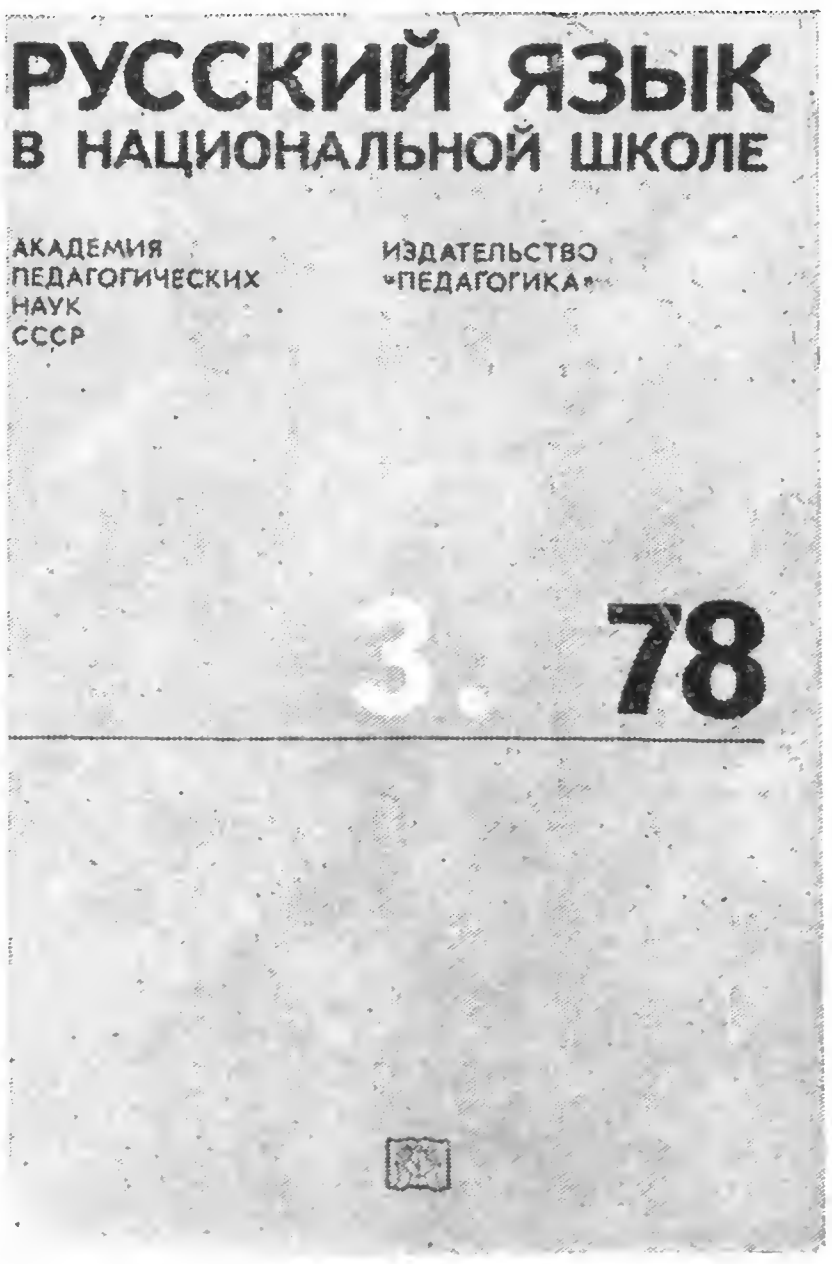
Существует своеобразная пропорция перспективы: тем шире данный язык изучается, чем больше он «мировой язык», чем сильнее действуют лингвистические факторы, способствующие его статусу «мирового» (в крайних, но наблюдавшихся ситуациях они могут сохранять его в числе «мировых» даже тогда, когда социальные, первичные факторы приостановили своё действие,— нем. язык в 30—40-е гг. 20 в.). На «мировых языках» мыслят, действуют, творят и тем самым участвуют в их развитии массы иноязычных людей.

«Мировые языки» тщательно изучаются как лингвистические феномены, в т. ч. и с контрастивно-сопоставительной точки зрения, т. е. с позиций языкового сознания других народов. Рус. язык интенсивно изучается с этих позиций; появляются монографические исследования всех его сторон, самые различные типы словарей, грамматики (не только собственно учебные) и т. д. Особое значение приобретает пропаганда рус. языка, совершенствование методов его преподавания, расширение фактических возможностей овладения им, включая подготовку достаточного числа учителей и учебников. С 1967 работает МАПРЯЛ — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (см.), издаётся журнал «Русский язык за рубежом» (см.), в Москве открыт Институт русского языка имени А. С. Пушкина (см.), создано специализированное издательство «Русский язык» (см.).

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык в современном мире, М., 1968; то же, в сб.: Будущее науки, в. 3, [М.], 1970; Русский язык в странах мира. [Сб. ст.], в. 1—3, [М.], 1973—79; Русский язык в современном мире, М., 1974; Костомаров В. Г., Русский язык среди других языков мира, М., 1975; Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР, К., 1976; Русский язык как средство межнационального общения, М., 1977.

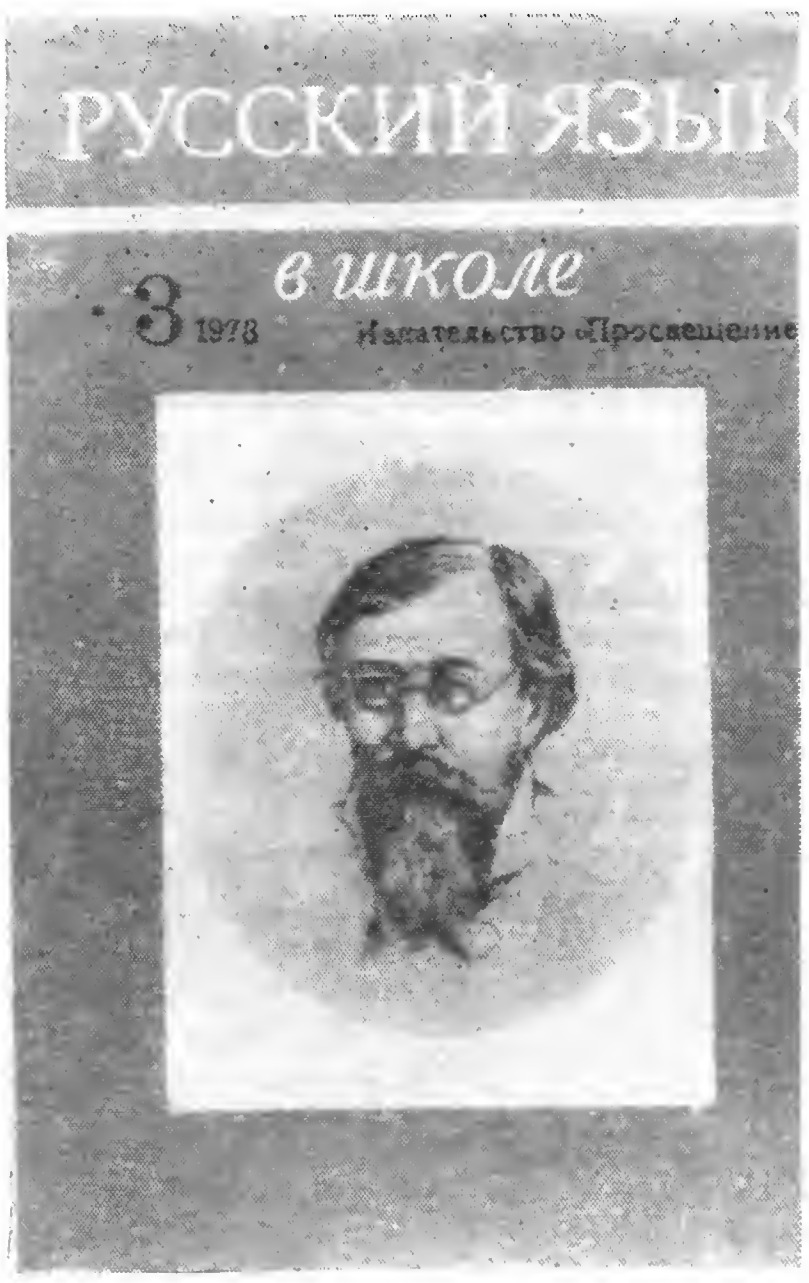
В. Г. Костомаров.

«РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К В НАЦИОНА́ЛЬНОЙ ШКО́ЛЕ» — научно-методич. журнал, орган Академии педагогических



наук СССР. Выходит в Москве с 1957, 6 номеров в год. Печатает статьи по методике преподавания рус. языка в нерус. школе СССР, отдельным проблемам языкознания, материалы для учебных занятий и внеклассной работы, научные сообщения. Публикует заметки об опыте преподавания рус. языка и лит-ры в национальных школах и педагогич. ин-тах. Имеет отделы критики и библиографии, консультаций, информации о преподавании рус. языка за рубежом. В журнале выступают языковеды, методисты, учителя. Рассчитан на преподавателей рус. языка и лит-ры в национальной школе и вузах, а также на студентов педагогических вузов. Тираж (1979) св. 28 тыс. экз.

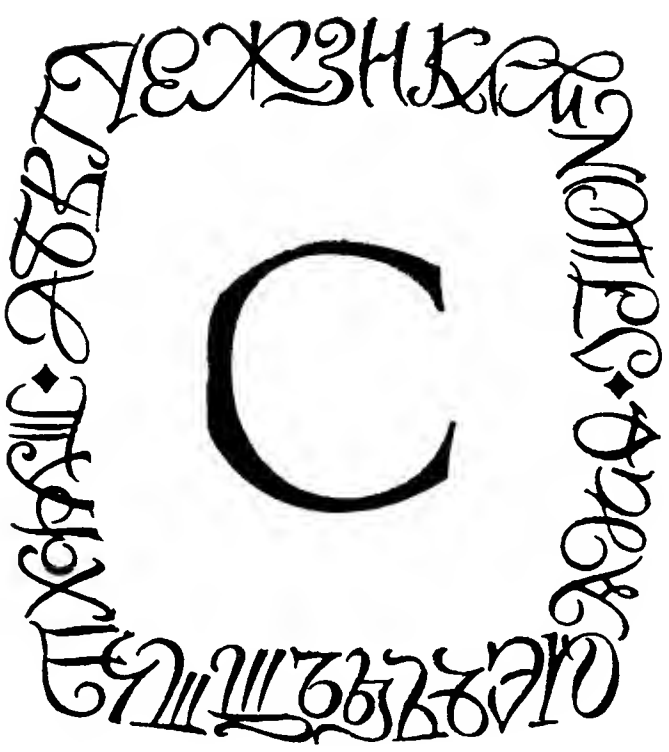
«РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К В ШКО́ЛЕ»— методич. журнал, орган Министерства просвещения РСФСР. Ведёт свою историю от журнала «Родной язык в школе»,



основанного в 1914. Выходит в Москве, 6 номеров в год. Печатает статьи по рус. и общему языкознанию, методике преподавания рус. языка в средней школе, о языке художественной лит-ры, лингвистические заметки. Имеет отделы методической почты, критики и библиографии, хроники. Печатаются ответы на вопросы учителей по рус. языку. В журнале выступают языковеды, методисты, учителя. Рассчитан на преподавателей рус. языка и студентов-филологов. Тираж (1979) св. 232 тыс. экз.

«РУ́ССКИЙ ЯЗЫ́К ЗА РУБЕЖО́М»— учебный и научно-методический журнал, орган Ин-та рус. языка им. А. С. Пушкина и Международной ассоциации

преподавателей рус. языка и лит-ры (МАПРЯЛ). Выходит в Москве с 1967, 4 номера в год. Печатает статьи по методике преподавания рус. языка иностранцам, по рус. и сопоставительному языкознанию, учебные материалы для использования на занятиях. Публикует заметки об опыте преподавания рус. языка как иностранного, рецензии на новые учебники и словари, хронику. К каждому номеру прилагаются две пластинки с записями текстов. В журнале выступают языковеды, сов. и зарубежные преподаватели. Рассчитан на преподавателей рус. языка иностранцам и иностранцев, изучающих русский язык. Тираж (1979) около 44 тыс. экз.



С, с — девятнадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*эс*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное с, строчное с.* Буква *С, с* обозначает палатализованную (мягкую)— перед буквами *е, ё, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*с'*], [*с*] (см. Согласные), напр.: *лось* [*лос'*], *се́но* [*с'е́нъ*], *сёла* [*с'о́лъ*], *си́ла* [*с'и́лъ*], *сядь* [*с'ат'*], *сюда́* [*с'уда́*], *соль* [*сол'*], *сад* [*сат*], *сук* [*сук*], *пёс* [*п'ос*], *тоска́* [*тʌска́*].

Буква *С, с* употребляется в составе нек-рых сокращений: *С.-З.*— северо-запад, *СССР* — Союз Советских Социалистических Республик, *СЭВ* — Совет экономической взаимопомощи, а также как условное сокращение слов «север» (*С.*), «страница» (рядом с цифрой, напр.: *с. 17*).

По начертанию восходит к букве «слово» (С) кириллицы (см.), где имела числовое значение «двести». Название и детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

СВЯ́ЗКА — служебное слово, лишённое вещественного значения и выполняющее в предложении функцию указания на синтаксическую связь его главных членов — подлежащего (см.) и сказуемого (см.). С. могут быть глагольными (служебный глагол *быть*) и неглагольными (*это, вот, значит, это значит*): «*Коммунизм — это молодость мира*» (Маяковский); *Инициатива трудящихся—вот залог успеха*; *Учиться — значит расти*; *День был жаркий*; *Брат был врачом.* В ряде двусоставных предложений глагольная С. *быть* является одновременно выразителем синтаксического времени и объективной модальности (см.): *Работа была интересной*; *Брат будет врачом*; *Совет был бы нужен*; *Всё будет сделано* (в односоставных предложениях эту же функцию выполняет служебный глагол *быть* в формах прош. и буд. времени и сослагательного наклонения).

Характерной чертой рус. языка является отсутствие С. *быть* (*есть*) в предложениях, сообщающих о чём-либо происходящем в настоящее время; отсутствие С. служит указанием на форму наст. времени: *Работа интересная*; *Брат — врач*; *Совет нужен*; *Всё сделано.* С. *есть* употребляется в научно-деловой и публицистической речи (*Квадрат есть равносторонний прямоугольник*). Обязательно употребление С. *есть* в предложениях тождества, когда подлежащее и сказуемое выражены словоформами с одним и тем же лексическим значением (*Дети есть дети*; *Мать есть мать*), при наличии в таком предложении распространяющих слов С. *есть* может не употребляться (*Дети везде дети*; *Мать всегда мать*). С. *суть* в совр. языке встречается редко. Выступая как средство стилизации архаической речи, она может употребляться при подлежащем, стоящем как во множественном, так и в единственном числе, и в обоих случаях свободно замещается С. *есть* или неглагольными С.: «*Грамматика и арифметика суть науки*» (Буслаев) = = *есть науки, это науки.* В роли неглагольных С. могут выступать сравнительные союзы *как будто, точно, словно* и др. (*Каждая встреча словно праздник*; *Эта новость будто гром среди ясного неба*). В функции глагольной С. часто используются полузнаменательные глаголы *являться, становиться, стать, казаться, оказывается, оказаться, делаться, называться* и др. (*Вечера становятся холодными*; *Проблема оказалась сложной*).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, т. 1—2, М., 1958; Современный русский язык, ч. 2, М., 1964; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык, 2 изд., М., 1972. *К. В. Габучан.*

СЕЛИ́ЩЕВ Афанасий Матвеевич [11(23). 1.1886, с. Волово, ныне Орловской области,— 6.12.1942, Москва]— сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1929). Окончил Казанский ун-т (1911), проф. Иркутского (1918—20), Казанского (1920—1921), Московского (с 1921) ун-тов, Московского ин-та истории, философии и лит-ры (с 1937), МГПИ им. В. И. Ленина. Работы по истории, диалектологии рус. языка, сравнит. грамматике слав. языков («Введение в сравнительную грамматику славянских языков», в. 1, 1914), исторической диалектологии македонского языка, по общим проблемам слав. языкознания, балканистики, палеографии, по топонимике. Дал развёрнутую классификацию слав. языков, описал их зву-

ковую систему и морфологический строй. «Диалектологический очерк Сибири» (в. 1, 1921) содержит описание влияния северновеликорусских говоров на сибирские говоры и влияния рус. языка на местные языки и наоборот. В статье «О языке современной деревни» (1939) прослеживает фонетические, морфологические и синтаксические изменения в языке деревни 30-х гг., показывает исчезновение архаических явлений и возникновение новых в связи с социальными преобразованиями после Окт. революции 1917. Работы «Славянское языкознание» (т. 1, 1941), «Старославянский язык» (ч. 1—2, 1951—52) подытоживают исследования С. по слав. языкам.

С.— чл.-корр. Болгарской АН (1930), член многих зарубежных научных обществ.

Соч.: Избранные труды, М., 1968 (лит.).

Лит.: Василевская Е. А., Архив профессора А. М. Селищева, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1959, т. 18, в. 1; её же, Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942), «Рус. речь», 1969, № 2; «Доклады и сообщения филологич. факультета МГУ», 1947, в 4 (посв. А. М. Селищеву).

СЕМА́НТИКА (франц. sémantique, от греч. sēmantikós — обозначающий, sḗma— знак)— значение или значения языковых единиц (слов, грамматических форм слов, фразеологизмов, словосочетаний, предложений), а также раздел языкознания, в к-ром изучается смысловая сторона различных единиц языка; семасиология.

Значение каждой языковой единицы определяется, во-первых, её сопоставленностью с другими единицами того же уровня, это и делает возможным их рассмотрение в определённом ряду. Установление того общего, что позволяет объединить языковые единицы в соответствующий ряд, даёт возможность выделить и элементы различия, т. е. определённые признаки, по к-рым значения единиц противопоставлены друг другу (дифференциальные признаки). Напр., среди слов, обозначающих водоёмы, слова *река* и *ручей* противопоставлены друг другу по признаку размера, что и определяет лексическое значение каждого из них. Во-вторых, значение каждой языковой единицы определяется её способностью сочетаться с другими единицами того же уровня. Так, особенности лексической и синтаксической сочетаемости слова, являющегося центральной единицей языка (и различных групп слов), неразрывно связаны с его значением.

При исследовании С. различных слов разграничиваются их грамматические и лексические значения (см. Значение слова). В отличие от грамматических значений, общих для больших групп слов и выраженных формально (ср., напр., значение «процессуальности», объединяющее все глаголы, и связанные с этим общим значением грамматические значения времени, лица, присущие всем глаголам и находящие своё формальное выражение в формах спряжения), лексические значения индивидуальны, поэтому их исследование представляет наибольшие трудности. Напр., в ту же группу слов, обозначающих водоёмы, наряду со словами *река* и *ручей* входят также слова *канал*, *пруд*, *озеро* и т. д., для значений к-рых существенным оказывается уже не признак размера, а другие признаки (естественность — искусственность происхождения, наличие — отсутствие течения и т. п.), причём соответствующие признаки могут характеризовать лишь отдельные слова, не повторяясь в других группах слов. Кроме того, существуют различные типы лексических значений слов. Для нек-рых слов выделение дифференциальных признаков вообще невозможно; ср. названия разных видов животных, растений, минералов, а также инструментов, механизмов. Применение к исследованию лексики методов, основанных на признании её системного характера, т. е. взаимосвязанности и взаимозависимости значений различных слов, общих особенностей сочетаемости слов, объединяемых семантически, привело к успешному анализу отдельных групп слов, установлению различных типов взаимоотношений, существующих между различными значениями, различных типов самих лексических значений. Существенно, что не только значения отдельных слов рассматриваются не изолированно, а в их соотношении друг с другом, но и различные явления в лексике (многозначность, синонимия, антонимия, фразеологическая связанность и т. д.) оцениваются с точки зрения тех общих понятий, к-рые применимы к языковым единицам различных уровней (с учётом, естественно, их специфики), таких, как противопоставленность единиц по определённым признакам, воз-

можность нейтрализации данных противопоставлений в нек-рых позициях, парадигматические и синтагматические связи единиц и т. п.

Лит.: Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Апресян Ю. Д., Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967; Уфимцева А. А., Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973.

Д. Н. Шмелёв.

С. как учение о значении языковых форм прошла ряд исторических этапов. До 1-й трети 19 в. С. в соответствии с господствовавшим логическим взглядом на язык понималась как часть логики. Становление С. как области языкознания начинается с изучением национальных языков (см. Национальный язык).

1-й этап развития С. в России (1840—50) связан с появлением оригинальных грамматических учений, с потребностью подчеркнуть национальные особенности рус. языка, его отличия от классических и западноевропейских языков. В это время в трудах Г. П. Павского, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова С. развивается не в области лексики, а в области грамматики, в связи, напр., с изучением видов и времён рус. глагола. Это обусловило нек-рую неполноту С., но зато и её внутреннее единство. Так, Павский («Филологические наблюдения над составом русского языка...», 1841—42) задолго до А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ показал, что грамматическая форма есть прежде всего значение (функция), а не звук; открыв одинаковые функции у разных суффиксов в одинаковой позиции в слове, он сделал первый шаг к формулировке инвариантных грамматических значений; он же наметил пути к установлению глубинных категорий С., показав общность трёх «степеней действия» в глаголе и трёх «степеней качества» в прилагательном. Преемственность этой научной традиции, опосредованной работами учёных пражской лингвистической школы (см. Структурная лингвистика), не прекратилась и в совр. русистике.

2-й этап ознаменовался появлением фундаментальных лингвистико-гносеологических концепций Потебни в России и В. Вундта в Германии. Эти концепции развиваются на фоне широкого эволюционного подхода к культуре, чем объясняется их сходство, а также почти текстуальные совпадения в нек-рых вопросах (напр., в освещении «истории эпитета») между Потебнёй и литературоведом А. Н. Веселовским, работы к-рого также важны для развития С. В учении Потебни центральным является положение о том, что мышление эволюционирует в тесней-шей связи с языком по определённым закономерностям, к-рые носят семантический характер. Важнейшая из них — постоянные знаковые замещения, происходящие как в слове («внутренняя форма слова»), так и в преобразованиях, трансформациях предложения («замены частей речи»). Потебня впервые обосновал это положение большим количеством фактов, до сих пор составляющих золотой фонд С. Как и Вундт, Потебня рассматривал закономерности языка в связи с закономерностями развития народной психологии, фольклора и искусства. Известной слабостью его концепции было смешение эволюции и истории, общих универсально-психологических и конкретных исторических законов развития в пользу универсальной типологии. Это положение было позднее развито и провозглашено как единственно истинное Н. Я. Марром, что отрицательно отозвалось на развитии С. в сов. языкознании. Однако в целом концепция Потебни в области С. до сих пор сохраняет непреходящую ценность.

Учение «младограмматиков» (младограмматизм), сыгравшее столь значительную роль в развитии языкознания вообще, сравнительно мало сказалось в области С. Исключение составляет книга Н.В. Крушевского «Очерк науки о языке» (1883), к-рая послужила связующим звеном между учением Потебни и концепцией М. М. Покровского.

3-й этап начался с внедрением в С. принципов сравнительно-исторического языкознания. Большую роль в этом сыграли работы Покровского — основоположника С. в России. Почти одновременно с идеями Покровского, изложенными в диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков» (1895), франц. учёный М. Бреаль в 1897 высказал, но не развил отчасти сходные идеи (он же в 1883 ввёл термин «семантика»). Концепция Покровского включает следующие основные положения: 1) законы С. выявляются не в отдельных словах, а в группах и системах, в «полях слов», связанных разнообразными отношениями; 2) группы эти двух родов: объединения внутриязыковые, «по сферам представлений», и объединения внеязыковые, по принадлежности к одной тематической группе, напр. «понятия ярмарки, рынка», «понятия мер и веса», «понятия игр и зрелищ»; 3) в объединениях внутриязыковых преобладают универсальные, общечеловеческие закономерности С., к-рые всегда связаны с употреблением соответствующих слов в предложении, т. е. с общими синтаксическими законами. Напр., все морфологические типы имён действия, по мере их продуктивности в языке, в конце концов получают все значения, свойственные этому классу имён: значения процесса, результата, орудия и места действия. В объединениях внеязыковых преобладают конкретно-исторические за-

кономерности, связанные с производственной и социальной жизнью общества. Напр., история значений слов, связанных с ткацким и смежными ремёслами, разъяснится только при знакомстве с историей ткацкого станка и назначением его отдельных частей. Все положения Покровского легли в основу многих семантических исследований на последующих этапах развития С.

4-й э т а п (нач. 20 в. до 1930-х гг.) характеризуется двумя противостоящими течениями. Одно, т. н. школа слов и вещей (последователи этого течения группировались гл. обр. вокруг нем. журнала «Wörter und Sachen», с 1909), провозгласило установку на изучение слов в связи с обозначаемыми ими предметами (денотатами) внешнего мира, прежде всего материальной культуры (ср. внеязыковые группы Покровского). В России представителем этого течения был Покровский.

Другое течение ориентировалось на изучение терминов и понятий духовной культуры (сигнификатов, смыслов). На рус. и слав. материале первыми исследованиями этого рода были «Филологические разыскания» Я. К. Грота (1873) и работа К. Абеля (1888), где в сравнительном плане изучались такие понятия, как «свобода», «джентльмен», «дворянин» и др. Оба течения плодотворно продолжаются в рус. и сов. С.: первое, напр., в работе О. Н. Трубачёва «Ремесленная терминология в славянских языках» (1966), второе, напр., в цикле работ В. В. Виноградова по истории слов и выражений («Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в.», 1946, и др.).

5-й э т а п (1930—60) ознаменовался утверждением принципа системности в С. В этот период вырабатываются новые приёмы анализа, а в связи с ними и новый подход к значению. При дистрибутивном анализе (в американском структурализме) значение слова понимается как внутриязыковое явление — сочетаемость слова признаётся единственным показателем вычленения значения. При компонентном анализе (пражский структурализм) значение понимается как комбинация компонентов (семантических «множителей», или «сем»). Однако, как и на предыдущем этапе, в этот период структурному подходу противостоит учение (намеченное Виноградовым и А. И. Смирницким) о лексико-семантическом варианте слова, под к-рым понимается отдельное значение, фиксируемое в парадигматике (см.) в виде отдельного словарного значения и реализуемое в синтагматике (см.), в высказывании, в виде типичного словесного окружения, сочетания (см. Контекст). Позднее сходный принцип был сформулирован в работах Д. Н. Шмелёва как «диффузность» значения. Аналогом этого при формализованном подходе к С. является понятие «нечётких, или размытых, множеств».

5-й этап характеризовался выдвижением двух тенденций, к-рые становятся в С. ведущими: а) тенденции перехода в исследованиях и затем в обобщениях и выводах от небольших групп слов (и тем более от отдельных «примеров») к обширным группам и системам слов, в конечном счёте, к лексике и грамматике в целом; б) тенденции (намеченной ещё Покровским) к изучению С. в цельном высказывании, С. в синтаксисе.

6-й э т а п (70-е гг. 20 в.) характеризуется наличием, наряду с другими, возникшими ранее, двух методов исследования, развивающих соответствующие методы прошлых этапов. Один метод —«тезаурусный»—заключается в выявлении глобальных связей и закономерностей С. в связи с задачей составления словарей-тезаурусов. При этом наиболее полно выявляется «полевая» (парадигматическая, словарная) системность лексики и С. В частности, обнаруживается дальнейшее, глубинное различие двух типов группировок слов — внеязыковой, по обозначаемым объективным предметам-денотатам (напр.: *рубашка, носки, брюки, юбка*→ одежда), и внутриязыковой, по обозначаемым в языке понятиям-сигнификатам (напр.: *ходить, ездить, плавать, катиться*→двигаться) (работы Ю. Н. Караулова и др.). Вскрываются и другие глубинные закономерности С.— связи С. лексики и С. синтаксиса. Напр., установлено, что в нормальном (в первичной функции и в нетрансформированном) предложении слова денотатного типа занимают обычно позицию субъекта, а слова сигнификатного типа — позицию предиката (работы Н. Д. Арутюновой и др.).

Другой метод —«перифрастический»— основан на выявлении значений слов и выражений посредством их перефразирования в составе цельного высказывания. В ходе перифрастического описания обширных групп слов, в конечном счёте, при задаче описания всей лексики и грамматики языка выявляются наиболее элементарные семантические сущности («примитивы») и наиболее типические и обобщённые виды перефразирования («параметры», или «функции»).

В то время как первый метод продолжает не только ориентацию на внеязыковые (денотатные) связи С. и на её внутриязыковые (сигнификатные) связи, второй метод отражает скорее «внутриязыковой» взгляд на С.

Лит.: П а в с к и й Г., Филологические наблюдения над составом рус. языка, т. 1—3, 2 изд., СПБ, 1850; Г р о т Я., Филологические розыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка, 4 изд., СПБ, 1899; К р у ш е в с к и й Н., Очерк науки о языке, Казань, 1883; П о т е б н я А. А., Мысль и язык, 5 изд., [Хар., 1926];

его же, Из лекций по теории словесности, 3 изд., Хар., 1930; Веселовский А. Н., Историческая поэтика, Л., 1940; Покровский М. М., Избр. работы по языкознанию, М., 1959; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — нач. XX в., М., 1976; Караулов Ю. Н., Общая и русская идеография, М., 1976; Виноградов В. В., Избр. труды. Лексикология и лексикография, М., 1977; Abel C., Slavic and Latin. Ilchester lectures on comparative lexicography, L., 1883; Bréal M., Essai de Sémantique. Science des significations, 7 éd., [P., 1924]; Trier J., Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes, Bd 1, Halb., 1931; Wierzbicka A., Semantic primitives, Fr./M., [1972].

Ю. С. Степанов.

СЕМАНТИ́ЧЕСКАЯ СТРУКТУ́РА ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ, логико-грамматическая структура, смысл предложения,— абстрактное языковое значение предложения, способ, форма представления действительности в мышлении и языке, напр. «предмет мысли и его признак», «отношение между деятелем и объектом действия». По отношению к С. с. п. грамматическая структура предложения является формой формы. Область синтаксиса, изучающая С. с. п., называется синтаксической семантикой. При выявлении С. с. п. синтаксическая семантика опирается на такие основные семантические категории, как категория субъекта (см.), категория предиката (см.), категория объекта (см.), а также на учение логики о структуре суждения и о типах суждений.

Основные типы предложений с точки зрения семантической структуры — предложения определения, состоящие из субъекта — производителя действия или носителя состояния, о к-ром нечто высказывается, и предиката — признака субъекта, составляющего сущность высказывания о субъекте (*Земля круглая*; *Пётр хромает*; *Пётр хромой*), предложения отношения, в к-рых предикат выражает отношение между двумя и более предметами, понимаемыми в широком смысле (*Земля вращается вокруг Солнца*; *Я написал отцу письмо*), и бытийные предложения (*Зима*; *Будет буря*; *Жили-были старик со старухой*). Среди предложений отношения в зависимости от характера отношения могут быть выделены классифицирующие предложения (*Кошка — домашнее животное*), предложения тождества (*Москва — столица СССР*), различные типы процессуальных предложений (*Рабочие строят дом*; *Я помогаю брату*). Последние могут подразделяться по характеру действия, выражаемого сказуемым предложения, и по роли предметов, участвующих в нём, на агентивно-объектные (*Лесорубы рубят деревья*), агентивно-объектно-адресатные (*Писатель посвятил книгу своей жене*), агентивно-объектно-орудийные (*Художник написал картину маслом*) и др.

В зависимости от объёма содержания предложения и состава его членов С. с. п. может быть простой и сложной. В первом случае предложение выражает простое суждение и соответственно содержит одно субъектно-предикатное отношение (*Павел упрям*). Во втором случае предложение выражает сложное суждение, в основе к-рого лежат различного рода отношения между двумя и более простыми суждениями. При этом либо каждое простое суждение развёрнуто в субъектно-предикативную форму (*Если человек упрям, то он несносен*; *Концерт не состоялся, так как артист заболел*), либо одно из простых суждений имеет развёрнутую форму, а другое заключено в предложении в свёрнутом виде (*Упрямый человек несносен*; *Концерт не состоялся из-за болезни артиста*).

С. с. п. выводится на основании анализа грамматической структуры предложения и его лексического состава. Этот анализ может быть проверен и подтверждён методом перефразирования (*Он испытывает голод = Он голоден*; *Вопрос приобрёл актуальность = Вопрос стал актуальным*). Существуют и другие, более частные приёмы распознавания С. с. п., напр. пассивная трансформация, т. е. образование соответствующей пассивной конструкции (*Мы испытываем прибор* — агентивно-объектное отношение → *Прибор испытывается нами*; *Я испытываю голод* — предложение определения → пассивная трансформация невозможна).

Между С. с. п. и его формально-грамматической структурой нет одно-однозначного соответствия. Это объясняется широким распространением синтаксической синонимии и синтаксической омонимии. Одинаковую семантическую структуру могут иметь предложения, построенные по различным грамматическим образцам (*Он учится = Он учащийся*; *Он болен = Он болеет*; *У Анны голубые глаза = Анна голубоглазая*). В то же время предложения, построенные по одному грамматическому образцу, могут иметь различную семантическую структуру (*Он испытывает прибор — Он испытывает голод*; *Я приобрёл собаку — Вопрос приобрёл актуальность*).

Лит.: Таванец П. В., Суждение и его виды, М., 1953; Попов П. С., Суждение, М., 1957; Копнин П. В., Природа суждения и формы выражения его в языке, в кн.: Мышление и язык, М., 1957; Чесноков П. В., Логическая фраза и предложение, [Ростов-н/Д.], 1961; Панфилов В. З., Грамматика и логика, М.— Л., 1963; его же, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971; Кацнельсон С. Д., Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Шведова Н. Ю., О соотношении грамматических и семантических характеристик предложения, «Otázky slovanské syntaxe», Brno, 1973, [seš.] 3; её же, О соот-

ношении грамматической и семантической структуры предложения, в кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1973; Москальская О. И., Проблемы системного описания синтаксиса, М., 1974; Падучева Е. В., О семантике синтаксиса, М., [1974]; Арутюнова Н. Д., Предложение и его смысл, М., 1976.

О. И. Москальская.

СЕМАСИОЛО́ГИЯ — см. Семантика.

СЕМЬЯ ЯЗЫКО́В — совокупность родственных языков (см. Родство языков), происшедших от одного языка-предка, или праязыка (напр., индоевропейская С. я.). Каждая С. я., как правило, делится на более мелкие группы языков; так, в индоевропейскую семью языков входят славянские языки (см.), романские, германские, иранские языки и др. Наблюдаются случаи, когда родственные языки, входящие в С. я., не являются членами более мелких групп, а остаются одиночными в пределах С. я. (напр., арм. и алб. языки являются одиночными в пределах индоевропейской С. я.).

История языкознания знает примеры, когда семьи родственных языков удавалось расширить, напр. семья уральских языков, включающая финно-угорские языки, была расширена за счёт группы самодийских языков (ненецкий, энецкий, селькупский и другие языки), к-рые раньше не считались родственными финно-угорским языкам. В совр. языкознании на основе дальнейшего изучения языковых связей и родства выделяются всё более широкие объединения родственных языков, присоединяются новые члены С. я. к ранее выделенным (идея об алтайских языках, объединяющих тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки, гипотеза о ностратических языках, включающих индоевропейские, тюркские, уральские, картвельские, семито-хамитские языки и др.).

Степень близости языков, входящих в одну семью, может быть различной. Бывают группы родственных языков, допускающие почти беспрепятственное взаимопонимание их носителей, напр. скандинавские языки, тат. и башк., тур. и азерб., тадж. и перс., рум. и молдавский, но нередки также случаи, когда представители разных диалектов одного и того же языка не в состоянии понять друг друга.

Причины близости или расхождения отдельных членов С. я. могут быть различными: особенности географической среды, различные исторические судьбы говорящих на этих языках народов, возможности взаимных контактов, целостность или разбросанность населяемой территории, влияние других народов, характер государства, особенности занятий, быта и т. д. Большое значение имеет также исторический возраст семьи родственных языков. Если распад праязыка совершился относительно недавно, то такие языки обнаруживают обычно очень большое сходство. Сильные различия между родственными языками (ср. такие языки, как индоевропейские или уральские) обычно свидетельствуют о том, что лежащий в их основе праязык распался очень давно.

Лит. см. при ст. Языки мира.

Б. А. Серебренников.

СИНЕ́КДОХА (греч. synekdochḗ, букв.— соперенимание, соотнесение) — один из тропов (см.), основанный на принципе смежности, разновидность метонимии (см.). С.—словесный приём, посредством к-рого целое (вообще нечто большее) выявляется через свою часть (нечто меньшее, входящее в большее). Т. о., явления, приводимые в связь посредством С., образуют предметную пару, члены к-рой находятся в определённом количественном отношении: предмет как целое — часть (деталь, сторона) того же предмета, к-рая в данной ситуации почему-либо воспринимается как важная и потому выдвигается на первый план, представляет весь предмет, напр.: «*Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину?*» (Гоголь), где совмещены значения «человек с бородой» и «борода». Выбор выдвигаемых деталей и соответственно словесных средств зависит от условий общения, в лит. практике — от личности писателя, предполагаемого читателя, темы произведения и других факторов.

Существует по меньшей мере две разновидности С.: 1) когда явление выступает в виде совокупности составных частей, из к-рых все лишь «имеются в виду», подразумеваются; исключение составляет одна из них, обозначенная прямо; 2) когда явление представляет собой множество, совокупность однородных и относительно «автономных» предметов, ср.: *Карась здесь не водится*; *Нет, студент теперь не тот пошёл*; «*И слышно было до рассвета, как ликовал француз*» (Лермонтов).

В процессе функционирования языка значительная часть С. в какой-то мере перестаёт быть тропами, к-рые, как известно, создаются каждый раз как бы заново и выступают в качестве творческих элементов речи. Сюда относятся С., потерявшие «авторство» и постепенно превращающиеся в обычные, регулярно воспроизводимые значения слов, входящие в состав тех или иных многозначных слов и тем самым — в лексическую систему языка. Таковы более или менее устойчивые обороты, близкие к фразеологизмам: *домашний очаг*, *столько-то голов скота*, *на фабрике рабочих рук не хватает*, *шуба с барского плеча* и т. п.

Особый статус у С., выступающих в составе пословиц и поговорок: *Сарафан за кафтаном не бегает*; *Пуля — дура, штык — молодец* и др. Такие С. рассмат-

риваются одновременно и как явления языка, и как явления словесного искусства (фольклора).

Лит. см. при ст. Метонимия, Троп.

В. И. Корольков.

СИНОНИМИ́Я (от греч. synōnymía — одноимённость)— тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем, синтаксических конструкций). Существует также понимание С. как общности номинации (см.), т. е. способности разных языковых единиц обозначать одну и ту же реалию (*говорить — болтать — лепетать — бормотать* как обозначение акта говорения). Большинство совр. исследователей, склоняясь к признанию С. явлением чисто семантическим, вводит в её определение ряд уточнений, зависящих от трактовки применяемых для этого критериев. 1) Тождество и близость значений различаются, и лишь первое — признак С. языковых единиц. 2) Тождество и близость значений объединяются, но считаются признаком синонимичности только в пределах одного и того же понятия. 3) Сами критерии тождества и близости значения устанавливаются лишь на основе особенностей семантической структуры языкового знака. Это приводит к различению степени синонимичности элементов языка, к понятиям взаимозаменимости и позиционной нейтрализации смысловых противопоставлений как признакам С. Ср.: *узкий — тесный*; *узкий — тонкий* (*узкая талия — тонкая талия* у женщины, но не *тесная талия*; *узкая талия — тесная талия* у платья, но не *тонкая талия*; *узкая комната*, но не *тонкая комната*, *узкая комната* и *тесная комната* — разные значения). Количество позиций, в к-рых слова *узкий — тесный — тонкий* взаимозаменимы, ограниченно и, следовательно, ограниченна близость их значений (условие частичной синонимичности). Ср. *печальный — грустный*, *спешить — торопиться*, где взаимозаменимость полная, т. к. она является необходимым свойством самих значений этих слов, что и ведёт к максимальной позиционной нейтрализации (условие полной С.). Таким образом, С. осуществляется полным или частичным совпадением отдельных элементов смысловой структуры языкового знака, называемых семасиологами семантическим вариантом (лексико-семантическим вариантом, элементарным значением).

С. чаще всего рассматривается как свойство лексики, а также фразеологии. В последней синонимическими считают такие фразеологические единицы, к-рые соотносятся с одним и тем же внеязыковым содержанием (*ясно, как божий день*, *ясно, как дважды два четыре* — «совершенно ясно») и к-рые различаются по способу номинации и по экспрессии.

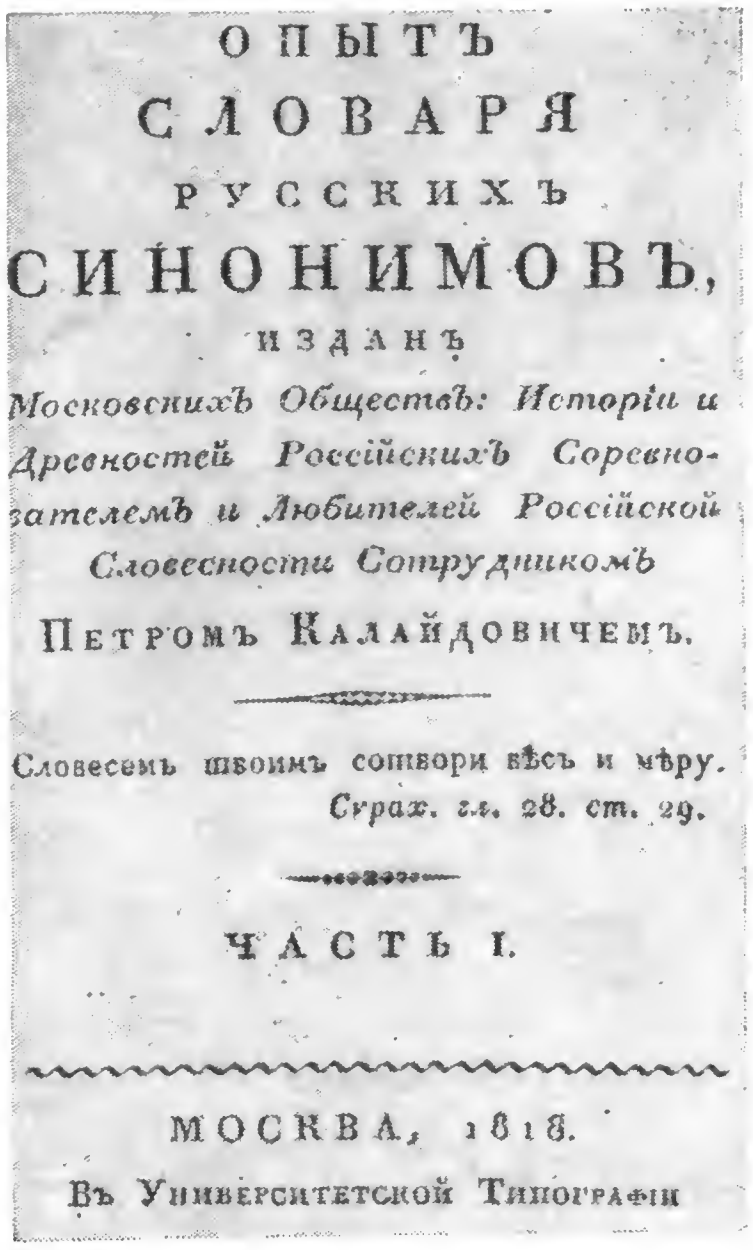
Однако понятие «С.» приложимо и к смысловым связям единиц других уровней языковой системы. Так, словообразовательная С. чаще всего определяется как тождество или близость значений: 1) однооснов ных слов с разными аффиксами (*лимоновый — лимонный*; *заснуть — уснуть*; *свердловец — свердловчанин*); 2) аффиксов, соединяющихся с разными основами (суффиксы *-ун-*, *-ец-* со значением nomina agentis — *бегун*, *прыгун*, *чтец*, *писец*; суффиксы *-н-*, *-ов-* со значением принадлежности — *сестрин*, *отцов*; префиксы *сверх-*, *ультра-*, *архи-* со значением превосходной степени чего-нибудь — *архифонема*, *сверхзадача*, *ультразвук*). Нек-рые учёные включают в словообразовательную С. только первое явление.

Также неоднородны критерии синтаксической С. Большинство исследователей видит её в структурно-смысловой общности и взаимозаменяемости: 1) разных типов синтаксической формы слова в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции (*ждать ответ — ждать ответа*; *за ягодами — по ягоды*); 2) разных синтаксических моделей предложения, имеющих общее значение (*Я прочёл книгу — Книга прочитана мной*). Под синтаксической С. понимают также предложения, соотносительные в лексико-синтаксическом и лексико-фразеологическом планах, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, к-рая выражает общее, «типовое» значение минимальными языковыми средствами и в которой смысловые и грамматические центры предложения совпадают (*Земля круглая* — типовое значение «признак предмета», основная модель. Синонимические варианты: *Земля имеет круглую форму*; *У Земли круглая форма*; *Мы решили* — типовое значение «предмет и его действие». Вариант — *Мы приняли решение* и т. д.).

Лит.: Ковтунова И. И., О синтаксической синонимике, в сб.: Вопросы культуры речи, в. 1, М., 1955; Григорьева А. Д., Заметки о лексической синонимии, там же, в. 2, М., 1959; Очерки по синонимике современного русского литературного языка, М.— Л., 1966; Лексическая синонимия, М., 1967; Золотова Г. А., Синтаксическая синонимия и культура речи, в кн.: Актуальные проблемы культуры речи, М., 1970; Словарь синонимов русского языка, т. 1—2, Л., 1970—71. Синонимы русского языка и их особенности, Л., 1972; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Бережан С. Г., Семантическая эквивалентность лексических единиц, Киш., 1973.

Т. Г. Винокур.

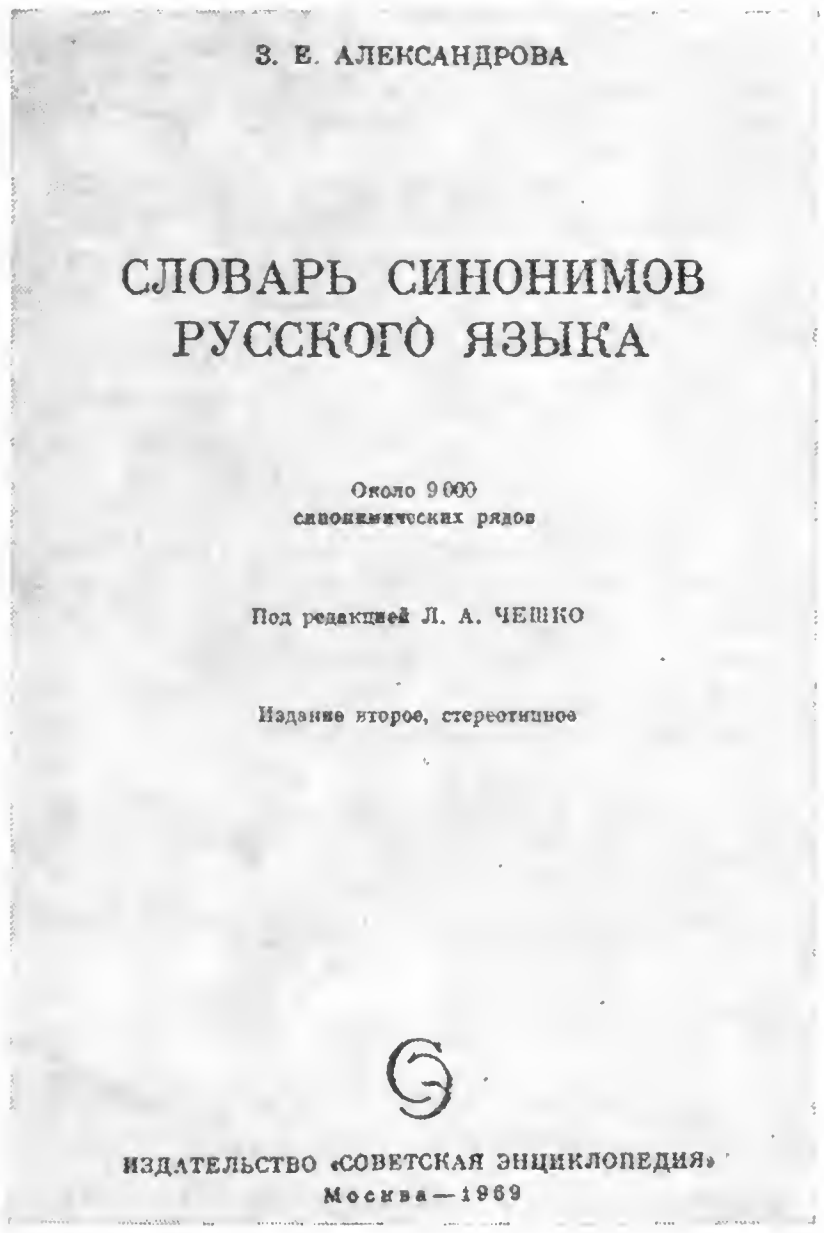
СИНО́НИМОВ СЛОВА́РЬ — словарь, содержащий ряды синонимов (см.), в к-ром по алфавиту расположены слова, являющиеся основными, опорными в каждом из синонимических рядов.


ОПЫТЪ
СЛОВАРЯ
РУССКИХЪ
СИНОНИМОВЪ,
ИЗДАНЪ
Московскихъ Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ Соревнователемъ и Любителей Россійской Словесности Сотрудникомъ
ПЕТРОМЪ КАЛАЙДОВИЧЕМЪ.

Словесемъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру.
Страх. гл. 28. ст. 29.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1818.
Въ Университетской Типографіи


З. Е. АЛЕКСАНДРОВА

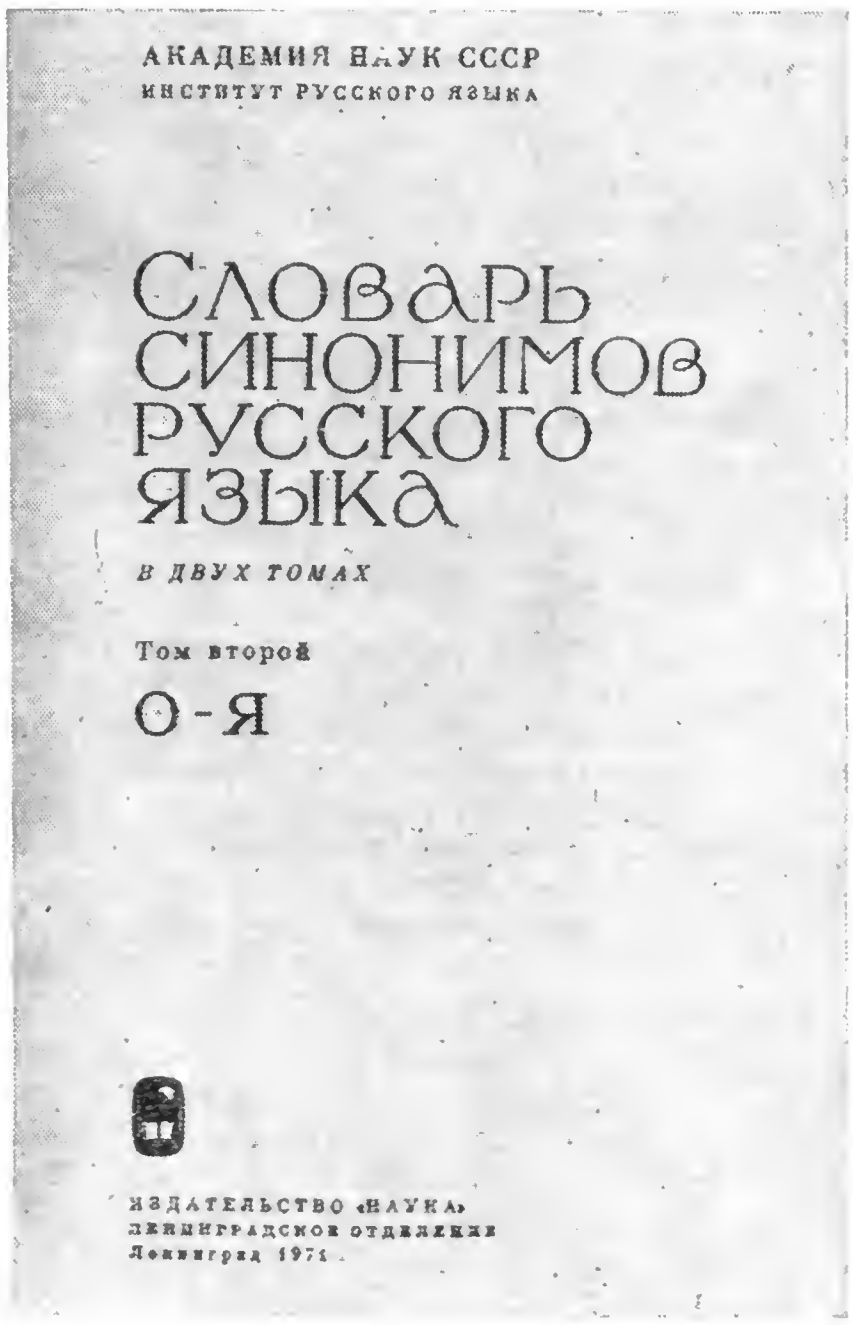
СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Около 9 000
синонимических рядов

Под редакцией Л. А. ЧЕШКО

Издание второе, стереотипное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
Москва—1969


АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ДВУХ ТОМАХ

Том второй

О-Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1971

Словари синонимов рус. языка начали появляться с кон. 18 в. В 1783 вышел «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, содержащий 32 синонимических ряда. В 1818 была опубликована первая часть «Опыта словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича, в 1840— первая часть «Словаря русских синоним или сословов» А. И. Галича. Эти начинания не были доведены до конца. В зависимости от целей и задач словаря, а также понимания синонимии С. с. могут быть разных типов.

В 1900 был издан небольшой «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, содержавший простые перечни слов, сгруппированных по признаку их смысловой близости. Отсутствие пояснений и чёткого определения понятия смысловой близости обусловило отрицательное отношение к этому изданию со стороны лингвистов, однако ввиду отсутствия более удовлетворительного справочника, словарь этот нек-рое время являлся единственным собранием синонимов и выдержал 4 издания (последнее появилось в 1915). В сов. время были изданы два учебных словаря синонимов рус. языка: «Учебный словарь синонимов русского литературного языка» (1930, 2 изд., 1931) В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского, «Краткий словарь синонимов русского языка» (1956, 2 изд., 1961) В. Н. Клюевой. В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александро-

И как только мы слились с потоком гуляющих, я понял, что в каждом городе есть своя «Почтовка». В. Беляев, Старая крепость, ч. 3, На прогулке.

— См. Заменяться, Смутиться, 2. Спутаться.

Смешной, забавный, потешный (*разг.*), **уморительный** (*разг.*), **смехотворный** (*разг.*), **курьезный** (*разг.*), **комический и комичный**

Заключающий в себе что-л. заставляющее смеяться, вызывающее смех. **Смешной** — вызывающий смех; **забавный, потешный** — такой, который не только смешит, но и забавляет; **уморительный** — очень смешной, очень забавный; **смехотворный** — такой, который вызывает смех своей нелепостью, несуразностью и т. п.; **курьезный** употр. преимущ. со словами *случай, происшествие* и т. п. в речи разговорного характера; **комический, комичный** — смешной, забавный, полный комизма.

Он ел рыбу прямо с ножа, все время странно конфузился и имел самый смешной вид. Куприн, Прапорщик армейский, 21 сент. — *Марк Игнатьич, а отчего у вас такая смешная* *вались всевозможные курьезные происшествия и анекдоты.* Юрьев, Записки, Первые годы на сцене, 13. *В голосе «Бертица» было нечто до того смешное, комическое, что, кажется, самые обыкновенные слова, сказанные им, непременно бы возбудили веселое расположение духа и улыбку в самом скучном человеке.* Гл. Успенский, Из деревенского дневника, III, 2. *Мирон, изображая управляющего, заговорил смешным старческим голосом и состроил такую комическую рожу, что учитель не выдержал и расхохотался.* Скиталец, Лес разгорался, II. *Не обошлось дело и без комических происшествий. — Сколько девушек на съезде? — спросил Владимир Ильич - - - . — Девять штук! — выпалил я. Все засмеялись.* Бегыменский, Встречи комсомольцев с В. И. Лениным, с. 20. *Не смеялся только Райский да Вера. Как ни комична была Полина Карповна, грубость нравов этой толпы и выходка старика возмутили его.* И. Гончаров, Обрыв, ч. 3, II. *Верхом на высокой худой лошади, отчаянно тряся при езде локтями, весь изгибаясь при малейшем движении, Фок был очень комичен.* Степанов, Порт-Артур,

Фрагмент текста словаря синонимов под редакцией А. П. Евгеньевой.

не будучи чувствительнымъ, особливо въ благодѣяніи? *Признательность* есть начало *благодарности. Благодарность* есть усовершеніе *признательности*; словомъ, *благодарность* есть *признательность* добраго сердца, сердца великаго.

Признательность лежитъ на сердцѣ у неблагодарнаго. *Благодарность* сердцу приятна, какъ благодѣяніе.

Неблагодаренъ тотъ, кто торопится за великодушную услугу расплатиться другою, чтобъ только избавиться отъ тяжести *признательности*; но тотъ исполненъ *благодарности*, кто хотя не платитъ своего долгу и, кажется, не смѣетъ открыть рта, однако радуется съ своимъ благотворителемъ, или плачетъ съ нимъ.

Признательность отдаетъ свой долгъ; она расплачивается. *Благодарность* не считаетъ того, что воздаетъ; она всегда осшается въ долгу. Первая есть покорность должно-

Фрагмент текста словаря синонимов П. Ф. Калайдовича.

вой (1968) даны перечни близких по значению слов без толкований.

«Словарь синонимов русского языка» (т. 1—2, 1970—71, гл. ред. А. П. Евгеньева)— первый опыт полного собрания синонимов рус. языка, в к-ром объяснение употребления каждого из приведённых слов подтверждено большим количеством иллюстраций. Синонимами признаются слова, близкие или тождественные по значению, к-рые употребляются для обозначения одного и того же понятия и входят в совр. лит. язык. Синонимы собраны и сгруппированы в ряды, дана характеристика смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков, к-рыми они отличаются друг от друга. Каждая словарная статья содержит перечень слов, входящих в данный синонимический ряд, их толкование и примеры из литературно-художественных произведений. Синонимический ряд начинается опорным основным словом, т. е. словом, «наиболее отчётливо выражающим понятие», которое обозначают слова, входящие в этот ряд.

На основе работы над данным словарём был составлен (также под руководством Евгеньевой) однотомный «Словарь синонимов. Справочное пособие» (1976), в к-ром количество синонимич. групп пополнено, в отдельных случаях уточнён их состав; объём словаря уменьшен за счёт иллюстративного материала.

Д. Н. Шмелёв.

СИНО́НИМЫ (от греч. synōnymos — одноимённый)— слова одной части речи, имеющие полностью или частично совпадающие лексические значения. Термин «С.» чаще употребляется применительно к словам, но может быть применён и к единицам других языковых уровней (см. Синонимия). При совпадении лексиче-

ДОБРОТА, добродушие, благодушие, добросердечие, добросердечность, мягкосердечие, мягкосердечность. *Ср.* к р о т о с т ь, о т з ы в ч и в о с т ь

добротно 1. *см.* прочно 2. *см.* хорошо

добротность 1. *см.* прочность 2. *см.* доброкачественность

добротный 1. *см.* прочный 2. *см.* хороший

доброхот *см.* доброжелатель

доброхотный 1. *см.* доброжелательный 2. *см.* добровольный

доброхотство *см.* доброжелательность

ДОБРЫЙ 1. добродушный, благодушный, добросердечный, мягкосердечный; милостивый (*уст.*). *Ср.* к р о т к и й, о т з ы в ч и в ы й

ся *на кого-что*; вверить себя (*уст.*)

ДОВЕРЧИВО / *слишком*: легковерно

ДОВЕРЧИВОСТЬ / *чрезмерная*: легковерие, легковерность

ДОВЕРЧИВЫЙ / *слишком*: легковерный ◇ *в знач. сказ.*: святая простота (*шутл. и ирон.*)

довершать *см.* кончать

довершаться *см.* оканчиваться

довершение *см.* окончание

довершить *см.* кончить

довершиться *см.* окончиться

ДОВЕРЯТЬ 1. вверять, вручать

2. верить, оказывать доверие, облекать доверием *кого*

ДОВЕРЯТЬСЯ, вверяться, полагаться *на кого-что*, надеяться *на кого-что*; вверять себя (*уст.*)

Фрагмент текста словаря синонимов З. Е. Александровой.

ских значений однозначных слов образуются п о л н ы е (абсолютные) С.: *гостиница — отель*. Многозначным словам свойственна неодинаковая степень синонимичности.

Существование С. связано со способностью языковой системы иметь несколько означающих для одного означаемого. В понимании С. критерии различия не менее важны, чем критерии сходства. И те и другие разными исследователями определяются по-разному: 1) если обязательным условием синонимичности признаётся смысловое тождество, то различия усматриваются в стилистических особенностях употребления и в экспрессивно-эмоциональной окраске (*очи — глаза, правда — истина*); 2) если в условие синонимичности включают возможность смысловой дифференциации (допускают существование у С. различных оттенков значения), то различительными признаками считают: выражение субъективной оценки обозначаемого говорящим (*безголовый — безмозглый*), выделение того или иного признака понятия с точки зрения говорящего (*загореться—заняться—вспыхнуть—запылать*), степень интенсивности признака (*противный — отвратительный—омерзительный*), степень интенсивности действия (*любить — обожать*).

Если С. рассматриваются преим. со стороны стилистического употребления, то сама функционально-экспрессивная окраска приобретает назначение смысловой дифференциации (*пополнеть — потолстеть*, где второй член ряда более снижен и менее вежлив, из-за чего воспринимается как бóльшая степень интенсивности признака).

В вопросе о том, какие слои лексики следует принимать во внимание при поисках синонимических соответствий, также существуют разногласия. Нек-рые учёные видят источник возникновения С. в оппозициях: иноязычное — своё, устарелое — современное, литературное — диалектное — жаргонное. Другие полагают, что чисто лингвистическое содержание понятия «С.» вскрывается лишь при синхронном срезе лексико-семантической системы общелит. и обиходно-разговорного языка. С этой точки зрения *паломник* не является С. к *турист* или *путешественник*, *баско* — к *хорошо*, а *гепатит* — к *желтуха*, т. к. первые члены этих пар не общелитературны (или общеразговорны) и для их употребления нужны специальные условия речи.

Лексико-грамматический состав каждого языка имеет свою специфику и, следовательно, специфику синонимических источников. Для рус. языка она проявляется в обилии не только разнокоренных, но и однокоренных С. Однокоренные С. существуют во всех частях речи и различаются вариантами корня или основы. Сюда входят разные явления: глагольные видовые пары (*угаснуть, погаснуть — угасать, погасать*), генетические пары «старославянское — древнерусское» (*короткий — краткий*), образования или от одних и тех же, или от разных морфологических категорий (наречия *вокруг — кругом* и *близко — вблизи*). Однокоренные С. образуются и с

помощью аффиксов с типизированным значением (*вдоволь — вволю — всласть*, *бесконечный — безграничный*, *втыкать — вонзать*).

Лит. см. при ст. Синонимия.

Т. Г. Винокур.

СИНТА́ГМА (от греч. sýntagma, букв.— вместе построенное, соединённое)— 1) сочетание или тесное слияние двух (или нескольких) языковых единиц, расположенных в определённой линейной последовательности, т. е. выстраивающихся одна за другой в потоке речи. С. может быть слово, сочетание слов, предложение, сочетание предложений. Она состоит как минимум из двух следующих друг за другом языковых элементов, образующих нек-рый комплекс — единицу более высокого уровня по отношению к единицам, её составляющим. Напр., слово *проход* состоит из префикса *про-* и корня *-ход-*. В слове *прохожу* выделяются основа *прохож-* и флексия *-у*. Сочетание *ради жизни* включает в свой состав предлог *ради* и род. п. имени *жизни*. Словосочетание *слушать музыку* объединяет глагол *слушать* и вин. п. имени *музыку*. В предложении *Мальчик читает* сочетаются им. п. ед. ч. имени *мальчик* и спрягаемая форма глагола в 3-м лице ед. ч. *читает*.

С. как единица, обладающая линейной протяжённостью, принадлежит речи, речевому потоку. Но в то же время это единица языковой системы, поскольку элементы С. сочетаются друг с другом по определённым правилам. Образование С. в речи предполагает существование в языке шаблона или модели, по к-рой строятся С. данного типа —производные слова, формы слова, словосочетания, предложения.

Источником учения о С. в изложенном понимании является теория швейцарского учёного Ф. де Соссюра.

2) Ритмико-интонационная единица речи, речевой такт. Напр.: «*Но вот вы собрались/ в отъезжее поле, /в степь. Верст десять/ пробирались вы/ по проселочным дорогам/— вот, наконец, /большая. Мимо бесконечных обозов, /мимо постоялых двориков/ с шипящим самоваром под навесом, /раскрытыми настежь воротами / и колодезем, /от одного села до другого, / через необозримые поля,/ вдоль зеленых конопляников, /долго, /долго/ едете вы*» (Тургенев).

С. обычно совпадает с дыхательной группой, т. е. отрезком речи, произносимым одним напором выдыхаемого воздуха, без пауз. Цельность С. как ритмической единицы создаётся её интонационным оформлением. На ударном слоге слова или одного из слов, составляющих С., сосредоточен интонационный центр С.— синтагматическое, или тактовое, ударение: *Но вот вы собрали́сь / в отъезжее по́ле, / в сте́пь. Вёрст де́сять/ пробира́лись вы / по просёлочным доро́гам...* Каждая С. оформляется одной из интонационных конструкций (см. Интонация). На границе С. может возникать акустическое впечатление паузы, создаваемое переломом тона, или реальная пауза (остановка речи).

В членении речи на С. допускаются варианты. Напр., сочетание *но вот вы собрали́сь* может составлять одну С., но может быть расчленено и на две С. *но во́т / вы собрали́сь*.

С., состоящая больше чем из одного слова, обычно отличается смысловой и синтаксической цельностью. Членение на С. согласуется с синтаксическим членением. В отдельную С. чаще всего выделяется словосочетание, состоящее из двух-трёх слов, напр.: *по просёлочным дорогам*, *мимо бесконечных обозов*, *вёрст десять*, *через необозримые поля*. Поэтому в понятие «С.» часто включается, наряду с признаком интонационной цельности, признак смысловой и синтаксической цельности.

Лит. (к 1-му значению): Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, М., 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Труды по языкознанию, [пер. с франц.], М., 1977; (ко 2-му значению): Щерба Л. В., Фонетика французского языка, 7 изд., М., 1963; Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Томашевский Б. В., Стилистика и стихосложение, Л., 1959; Виноградов В. В., Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Брызгунова Е. А., Звуки и интонация русской речи, М., 1977.

И. И. Ковтунова.

СИНТАГМА́ТИКА — совокупность правил и закономерностей, определяющих отношения между единицами в речевой цепи — синтагматич. отношения. Синтагматические отношения противопоставляются парадигматическим, или ассоциативным, отношениям. Синтагматические отношения основаны на линейном характере речи, к-рый исключает возможность произнесения двух языковых элементов одновременно, а лишь в линейной временно́й последовательности. Ассоциативные (парадигматические) отношения — это отношения между языковыми единицами, имеющими нечто общее и по этому общему признаку объединяющимися в группы. Ассоциативные группы хранятся в памяти носителей языка. Напр., в ряду *слов-о*, *слов-а*, *слов-у*, *слов-ом*, *о слов-е* общим элементом является основа *слов-*, различаются же члены этого ряда падежными флексиями. Этот ряд падежных форм (парадигма) хранится в ассоциативной памяти. Языковая единица может иметь несколько ассоциативных рядов: *обучение — обучать*, *обучаю*, *обучаешь*, *обучает* и т. д. и *обучение — изменение*, *вооружение*, *преображение*, *растор-*

жение и т. д. Синтагматические отношения всегда присутствуют в речи, это отношения сосуществования и последовательности (*слов-а, слов-у*). Ассоциативные отношения соединяют языковые единицы в потенциальный, скрытый в языковой памяти ряд элементов. Языковые элементы, связанные парадигматическими отношениями, чередуются друг с другом в одной позиции (*слов-о, слов-а, слов-у* и т. д.).

В практике лингвистических исследований чаще всего рассматриваются синтагматические отношения между единицами одного уровня, напр. фонемами, морфемами, формами слова, предложениями.

Лит.: Панов М. В., Русская фонетика, М., 1967; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, М., 1975; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Труды по языкознанию, [пер. с франц.], М., 1977. *И. И. Ковтунова.*

СИ́НТАКСИС (от греч. sýntaxis — построение, сочетание, порядок)— раздел грамматики (см.), изучающий способы соединения слов и форм слов (словоформ) в словосочетания и предложения, предложений в сложные предложения, а также и самые словосочетания, предложения — их типы, значения, функции, условия употребления, характер и виды взаимодействия. Исходной единицей С., как и морфологии (см.), является слово. Однако в отличие от морфологии, изучающей слово со стороны его внутренней структуры (прежде всего в аспекте формообразования), С. рассматривает слова и формы слов с точки зрения их участия в построении словосочетаний и предложений. Слово и форма слова — элементарные, исходные единицы С.; словосочетание и предложение — синтаксические структуры, или конструкции, образованные из указанных элементарных единиц на основе того или иного типа грамматической связи. Это самое общее и в известной мере внешнее сходство между словосочетанием и предложением долгое время было одной из причин для их теоретического неразграничения и совместного описания как единиц одного уровня. Соответственно и С. определялся либо как учение о словосочетании, причём предложение квалифицировалось как нек-рая, хотя и важнейшая, разновидность словосочетания (как «законченное словосочетание»), либо как учение о предложении и его членах — главных и второстепенных. Понимание С. как двухъярусной системы и соответственно определение его как науки о словосочетании и предложении в отечественном языкознании связано с именем В. В. Виноградова (см.).

Между словосочетанием и предложением существуют глубокие внутренние различия, проявляющиеся в их формальной организации, и в характере грамматических значений, и в специфике основных, или первичных, синтаксических функций. В силу этих различий словосочетание и предложение оказываются относительно независимыми единицами С.; часто встречающаяся характеристика словосочетания как «строительного материала» для предложения, строго говоря, не точна: словосочетание не формирует предложения, оно лишь функционирует в предложении как распространитель его компонентов — подлежащего, сказуемого или главного члена предложения (см. Члены предложения).

Словосочетание образуется путём соединения двух или более полнознаменательных слов (или слова и формы слова) на основе подчинительной грамматической связи. Для рус. языка основными видами подчинительной связи являются управление (см.), согласование (см.) и примыкание (см.). Слово, своими внутренними свойствами предопределяющее связь и намечающее схему построения словосочетания (напр.: *читать что, подарить кому что, оторвать что от чего*), называется главным; слово или слова (в тех или иных заданных формах), реализующие связь (напр.: *читать книгу, подарить дочке куклу, оторвать листок от ветки*), называются зависимыми. Между главным и зависимым (зависимыми) элементом (элементами) словосочетания устанавливаются разные виды синтаксических отношений; это отношения собственно определительные (при согласовании), обстоятельственно-характеризующие (при примыкании), объектные и субъектные (при управлении) и нек-рые др. В отличие от словосочетания предложение образуется либо посредством одного полнознаменательного слова в той или иной форме (со связкой или без неё), напр.: *Вечер*; *Морозит*; *Было тихо* (см. Односоставное предложение), либо путём соединения двух определённых словоформ (но не слов!), к-рые могут быть уподобленными (напр.: *Дети играют*; *Роза красная*; *Брат — учитель*; *Двор как сад*) и неуподобленными (напр.: *Отец дома*; *Тишина как в лесу*; *Мы за мир*; см. Двусоставное предложение). Формальное уподобление компонентов двусоставного предложения — подлежащего и сказуемого — не является, однако, собственно подчинительной связью и не может быть полностью отождествлено с согласованием. Эта связь, называемая предикативной, специфична в том стношении, что в образуемых на её основе предложениях конституирующим, центральным элементом является не подлежащее, а сказуемое, т. е. не главный и определяемый, а зависимый и определяющий компонент. Данное противоречие, в к-ром А. М. Пешковский усматривал

«известное столкновение основ языка», объясняется тем, что именно сказуемое несёт с собой те категории, к-рые формируют грамматическое значение предложения и предопределяют совершенно особый характер его функционирования.

Со стороны значения предикативная связь отличается от всех видов подчинительной связи тем, что она создаёт сообщение о каком-то отрезке действительности. Отнесённость к действительности и есть самое общее, грамматическое значение предложения. Важнейшими средствами выражения этого значения служат категории времени (см. Время) и наклонения (модальности; см. Наклонение, Модальность), совместно образующие единую и сложную категорию предикативности (см.). Непосредственное воплощение категория предикативности находит в сказуемом, а поэтому ему и принадлежит роль преимущественного организатора предложения. Т. о., в отличие от зависимого компонента словосочетания сказуемое обозначает не просто признак, а предикативный признак, т. е. признак, отнесённый в определённый модально-временной план (ср.: *Дети играют — Дети играли — Играли бы дети*; *Роза красная — Роза была красная / красной — Будь роза красная / красной*). В односоставных предложениях носителем категории предикативности является один главный член, к-рый не может быть отождествлён ни с подлежащим, ни со сказуемым (последние соотносительны и друг без друга не существуют). Предикативной связи в односоставных предложениях, по понятным причинам, не устанавливается.

Заложенную в предложении функцию единицы сообщения принято называть его коммуникативной функцией. Слово и словосочетание не принадлежат к коммуникативным средствам языка, их системной синтаксической функцией является функция номинации (наименования, обозначения). Сложность языковых отношений состоит, однако, в том, что в определённых условиях общения это противопоставление может как бы сниматься: предложение может употребляться как номинативное средство (ср. названия нек-рых книг, картин, кинофильмов), а слово и сочетание слов при наличии завершённой интонации сообщения получать коммуникативную значимость и становиться своеобразными эквивалентами предложений. Факты подобных (переносных) употреблений грамматических единиц в несвойственных им функциях нельзя переоценивать; при изучении предложения это может привести к отказу от поисков его формально-синтаксической специфики, к исключению его не только из области грамматических явлений, но даже и из числа собственно языковых категорий.

Предложение как абстрактную грамматическую структуру с коммуникативной функцией следует отличать от высказывания (см.)— конкретной реализации этой структуры в речи. Соответственно необходимо разграничивать теорию предложения и теорию высказывания. В задачу последней входит изучение средств и способов оформления предложения как компонента связного текста. К числу этих средств относятся прежде всего интонация (см.) и порядок слов (см.). Важнейшую часть теории высказывания составляет учение об актуальном членении предложения (см.). К теории высказывания примыкает проблематика семантической структуры предложения (см.). Сложность и своеобразие синтаксической организации предложения, обусловленные двойственным характером формирующей его связи («предикативное согласование») и возникающего на её основе значения (отношение предикативного, т. е. соотнесённого с действительностью, признака и его носителя), наводят нек-рых совр. исследователей на мысль о необходимости двойного анализа предложения— как обозначения события («номинативный аспект») и как актуализированного, реализованного высказывания («коммуникативный аспект»). При таком подходе разграничение грамматических и несобственно грамматических признаков предложения в ряде случаев становится необязательным, а самый вопрос о соотношении между словосочетанием и предложением получает новое оригинальнсе освещение.

В иерархии языковых подсистем, или уровней, С. занимает вершинное положение. Это обусловлено тем, что его единицы, и в первую очередь предложение (на ступени высказывания), наиболее прямо и непосредственно участвуют в выполнении основной социальной функции языка быть средством общения, средством формирования и выражения мысли. Вследствие этого С. как научная дисциплина оказывается в известной мере связанным с логикой, изучающей законы и условия правильного мышления, и психологией, исследующей самые процессы образования мысли, а его понятия и категории — с понятиями и категориями этих наук. На первых этапах развития языкознания эта связь практически осознавалась как тождество, и все основные категории С. получали исключительно логическое или логико-психологическое освещение. Опора на внеязыковые критерии приводила к суженному пониманию предмета С., который ограничивался, по существу, теорией предложения, причём само предложение определялось как словесное выражение суждения (логического или психологического), как «мысль, выраженная словами».

Под углом зрения смежных наук описывались даже категории, не известные ни логике, ни психологии, такова, напр., категория второстепенных членов предложения (см. Члены предложения).

Необходимость целенаправленных поисков собственно языковой специфики синтаксических единиц и категорий со всей остротой была осознана представителями т. н. формально-грамматического направления рус. лингвистики (Ф. Ф. Фортунатов, см.; А. А. Шахматов, см.; А. М. Пешковский, см.; Н. Н. Дурново, см.; Д. Н. Ушаков, см., и др.). Основу развивавшейся ими концепции составляло учение о «формах языка», взятых в единстве их материальной (звуковой) стороны и значения и с большей или меньшей последовательностью соотнесённых с их психологическими субстратами (представлением и психологическим суждением, или «коммуникацией»).

В области С. формы языка подразделялись на «формы словосочетаний», к-рыми выражались связи и отношения между словами и к-рые назывались поэтому собственно синтаксическими (напр., согласование, управление, примыкание в «простых» словосочетаниях, формы союзной и бессоюзной связи — в «сложных»), и «формы сказуемости», к-рыми выражалось «отношение словосочетания к мысли говорящего» (форма времени, наклонения и, с существенными оговорками, условно — лица). Словосочетание, обладающее формами сказуемости и интонационно законченное, определялось как предложение. Понимание предложения как специфической разновидности словосочетания повлекло за собой необходимость пересмотра учения о второстепенных членах предложения: наряду с попытками его усовершенствования (Шахматов, Пешковский) была высказана мысль о целесообразности исключения его из предмета С. (М. Н. Петерсон).

Представителям формальной школы принадлежит большая заслуга в разработке принципов научной грамматики, в формировании её метода. Так, ими была обоснована возможность двустороннего подхода к языку: от материальной стороны грамматических форм к их значениям и, обратно, от значений к способам их звукового выражения. При этом в достаточно явном виде была высказана мысль о необходимости разграничения первичных и вторичных форм и значений. Подход к С. как к «самодовлеющей сфере речевого выражения» (Виноградов), со всей определённостью и в то же время без к.-л. «ультраформалистических» крайностей проявившийся в работах Пешковского (воспринятых сначала весьма критически), открывал широкие возможности для его непредвзятого, всестороннего изучения и создавал предпосылки к постижению его системного характера.

Стремление изучать синтаксические факты не изолированно, а во всей совокупности их системных связей и отношений составляет главную отличительную черту совр. науки. В отечественном языкознании существенным шагом в направлении такого изучения явилось целенаправленное исследование процессов и условий взаимодействия лексических и грамматических средств в сфере С., к-рое закономерно привело к постановке проблемы лексических ограничений синтаксических конструкций, а также, в связи с разработкой вопросов синтаксической синонимики, к открытию принципиально новой, функциональной синтаксической единицы — синтаксического ряда как определённого набора форм и конструкций, между к-рыми существуют отношения выбора. Будучи принципиально новым, этот аспект сохранял преемственную связь с предшествующей лингвистической традицией; в его разработке особенно существен вклад Виноградова и его школы. Вместе с тем под влиянием идей трансформационной грамматики был преодолён подход к С. как к линейной, одномерной структуре; наряду с т. н. синтагматическими связями (см. Синтагматика), устанавливающимися между словами и конструкциями в процессе построения речи, были вскрыты разные типы парадигматических (вневременных) отношений, складывающихся между разными синтаксическими элементами на основе того или иного общего признака. В С. было введено понятие парадигмы (см.) как нек-рой совокупности «тождественно-различных» форм. Было установлено, что в парадигматические отношения могут вступать как целые конструкции (словосочетания, предложения), так и отдельные их компоненты (напр., члены предложения). Парадигматический анализ синтаксических единиц ещё не вышел из стадии становления, поэтому и само понятие парадигмы трактуется крайне неоднозначно. Иногда оно сближается с понятием синтаксического ряда, в других случаях под него подводятся вообще все типы ассоциативных отношений в С.; в то же время есть опыт трактовки синтаксической парадигмы как ряда внутриструктурных видоизменений синтаксической единицы по конструирующим её признакам. Последовательно проведённый анализ синтаксических фактов с точки зрения синтагматических и парадигматических связей позволяет более строго определить их положение в системе: установив степень их системности, можно объективно разграничить конструкции свободные и синтаксически связанные, живые и фразеологизованные.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, Л., 1941; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Пешковский А. М., Русский синтаксис в на-

учном освещении, 7 изд., М., 1956; Курилович Е., Основные структуры языка: словосочетание и предложение, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Шведова Н. Ю., Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966; Сизова И. А., Что такое синтаксис, М., 1966; Мухин А. М., Структура предложений и их модели, Л., 1968; Шмелев Д. Н., О значении синтаксических единиц, в кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения, М., 1969; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Арутюнова Н. Д., Синтаксис, в кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972.

И. Н. Кручинина.

СИНТАКСИ́ЧЕСКАЯ КОНСТРУ́КЦИЯ — сочетание слов (словоформ; редко — одна словоформа), представляющее собой синтаксическую единицу (см. Словосочетание, Предложение), а также вообще любое относительно законченное высказывание.

С. к.— наиболее широкое понятие синтаксиса, охватывающее синтаксические построения, неоднородные по своим характеристикам. Среди С. к. различаются: 1) конструкции, минимальные по структуре, т. е. содержащие необходимый для построения данной единицы минимум компонентов (напр.: *синее небо*; *Брат работает*; *Он учитель*; *Нет денег*; *Светает*); 2) конструкции, в той или иной мере распространённые, т. е. являющиеся результатом расширения минимальных конструкций в соответствии с присущими им возможностями,— распространённые предложения, сложные словосочетания (напр.: *синее небо июля*; *Брат уже три года работает инженером*; *У меня нет денег*; *Светает рано*); 3) конструкции комбинированные — результат соединения нескольких более простых конструкций, напр. комбинированные словосочетания, предложения с обособленными оборотами, сложные предложения, конструкции прямой речи (*быстро решить трудную задачу*; «*Мне грустно, потому что я тебя люблю*»— Лермонтов; «*Поднимается медленно в гору Лошадка, везущая хворосту воз*»— Некрасов; «*А где мой товарищ?— промолвил Олег,— Скажите, где конь мой ретивый?*»— Пушкин). Для С. к. характерны парадигматические видоизменения (см. Парадигматика) — системы форм, определяемые видоизменениями главенствующего компонента (напр.: *синее небо, синего неба, в синем небе*; *Он учитель*; *Он будет учителем*; *Если бы он был учителем!*).

Возможно двоякое использование термина «С. к.»: в отношении к абстрактной языковой модели и в отношении к конкретной языковой единице, построенной по этой модели. Признаки, по к-рым С. к. могут противопоставляться друг другу, различны. Напр., по признакам более общего характера противопоставляются предикативные и непредикативные С. к., минимальные конструкции и конструкции усложнённого типа, свободные и несвободные (лексически ограниченные, фразеологизированные) С. к. Различаются С. к. и по более частным признакам, напр. активная и пассивная конструкция (ср.: *Ученик написал сочинение* и *Сочинение написано учеником*), инфинитивная С. к. (*Курить вредно*).

Термин «С. к.», как правило, не применяется к построениям и их частям, представляющим собой единицы, меньшие, чем словосочетание и предложение, напр. к нек-рым интонационно обособленным частям предложения (синтагмам), не являющимся словосочетаниями, к отдельным словоформам, не образующим предложения. Но возможно применение этого термина к предложно-падежным сочетаниям (*у озера, над городом*), к соединениям однородных членов предложения (*в лесах и долинах*).

Набор С. к. исторически изменчив. Напр., в ходе исторического развития рус. языка исчезли др.-рус. конструкции с «дательным самостоятельным» (*Входящу же ему въ врата града, и сърѣте его митрополитъ* — «Когда он входил в ворота города, его встретил митрополит»), со «вторыми косвенными падежами»(«вторым винительным»: *поставлю уношю князя имъ* — «сделаю юношу у них князем»; «вторым дательным»: *быти ему християну* — «быть ему христианином»).

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976; Белошапкова В. А., Современный русский язык. Синтаксис, М., 1977.

Л. Е. Лопатина.

СИНХРОНИ́Я (от греч. sýnchronos — одновременный)— изучение состояния языка как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов в определённый момент его развития (ср. Диахрония). Синхроническое изучение языка — предмет описательной (статической) лингвистики.

Язык представляет собой не простое множество фактов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Состав этих элементов и характер их связи определяет специфику каждого языка на всех его уровнях (в фонетике, грамматике, лексике). Изменение элементов и их связей меняет систему языка, но не нарушает её целостности.

Синхроническое изучение языка возможно не только в том случае, когда речь идёт о совр. состоянии этого языка, но и когда речь идёт о его истории: можно установить характер системы др.-рус. языка 11 в., характер системы великорус. языка 16 в., характер системы совр. рус. языка. Во всех этих случаях язык рассматривается на определённых синхронных срезах.

Синхронная система языка не является неподвижной и абсолютно устойчивой, в ней всегда есть то, что утрачивается, и то, что зарождается. Наличие таких разнородных элементов отражается в существовании вариативных явлений — произносительных, грамматических, лексических вариантов. Напр., в рус. языке есть варианты произношения [$\overline{ж}$'] и [$\overline{ж}$]: [*jé$\overline{ж}$'y*] и [*jé$\overline{ж}$y*], варианты образования морфологических форм (*слесари* и *слесаря*), варианты лексические (*земледелец — хлебороб*). Подвижность системы отражается и в наличии в ней «слабых» звеньев (непродуктивные модели, периферийные конструкции, изолированные формы и т. п.). Постепенно возникают изменения: одни из вариантов побеждают, другие утрачиваются, «слабые» звенья подпадают под влияние «сильных»— система начинает меняться и переходить в новую систему. Возникает новое синхронное состояние языка, новая синхронная система. Поэтому можно говорить, что в каждом данном состоянии язык находится в динамическом равновесии: он представляет собой единство устойчивого и подвижного, статического и динамического.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974; Степанов Ю. С., Основы общего языкознания, 2 изд., М., 1975. *В. В. Иванов.*

СКАЗУ́ЕМОЕ — главный член двусоставного предложения, обозначающий предикативный признак (действие, состояние, свойство), отнесённый к носителю, названному подлежащим (см.). В ряде двусоставных предложений между подлежащим и С. наблюдается формальное уподобление — координация (см.). Подлежащее и С. могут быть формально уподоблены друг другу в роде, числе и падеже (*Книга интересная*; *Здание новое*), в роде и числе (*Ученик читал*; *Картина написана*; *Ребёнок болен*), в числе и лице (*Я читаю*; *Ты пишешь*; *Мы ждём*; *Они отдыхают*), в числе и падеже (*Сестра — инженер*; *Этот студент — староста*; *Книги новые*), в числе (*Все рады*; *Места заняты*; *Школьники отдохнули*), в падеже (*Леса — это чистый воздух*; *Дети — будущее нашей страны*). В предложениях с формально уподобленными главными членами С. выражено спрягаемой формой глагола или именем в им. п. (*Ученик читает*; *Сестра — врач*; *Погода прекрасная*; *Каждая встреча — это волнение*). Подлежащее и С. могут быть и не уподоблены друг другу. В предложениях с неуподобленными главными членами С. может быть выражено именем в именительном или косвенном падеже, наречием или инфинитивом (*Дозвониться — это проблема*; *Дети в школе*; *Телеграмма из Москвы*; *Сын высокого роста*; *Жаловаться стыдно*).

Различаются глагольное, именное и наречное С. Г л а г о л ь н о е С. может быть выражено спрягаемой формой глагола или инфинитивом (*Он читает*; *Лес зеленеет*; *Птицы поют*; *Жить — это значит бороться*). В состав глагольного С. могут входить модальные (см. Модальность) и фазовые глаголы, т. е. глаголы со значением начала, конца или продолжения действия (*Он хочет читать*; *Она может спеть*; *Они любят спорить*; *Сын стал работать*; *Ребёнок начинает ходить*). В позиции глагольного С. могут использоваться устойчивые словосочетания или соединения слов, возникающие в предложении (*Учёба играет большую роль*; *Старший брат оказал влияние на младших*; *Сестра работает секретарём*; *Бригада числится в передовых*; *Сын привык решать сам*; *Ребёнок лежит больной*). Во многих случаях, где это позволяет семантика слов и содержание высказывания, в состав такого сказуемого тоже может входить модальный или фазовый глагол (*Сестра хочет работать секретарём*; *Бригада начала числиться в передовых*).

И м е н н о е С. выражено им. п. существительного, местоимения, прилагательного, числительного (*Сестра — врач*; *Хорошая учёба — главная задача*; *Коммунизм — это молодость мира*; *Погода тёплая*; *Эта книга твоя*; *Этот урок первый*), а также кратким прилагательным, кратким причастием, компаративом, именем в косвенном падеже с предлогом или без предлога (*Он весел*; *Она умнее, чем брат*; *Сын высокого роста*; *Студенты в библиотеке*). Н а р е ч н о е С. может быть выражено наречием с разными лексическими значениями (*Учиться интересно*; *Брат дома*).

В состав именного и наречного С. могут входить полусвязочные (полузнаменательные) глаголы, обозначающие бытие, выявление, обнаружение, называние, сохранение состояния, переход из одного состояния в другое: *стать — становиться, сделаться — делаться, получиться— получаться, явиться — являться* и др. (*Погода делается холодной*; *Дочь становится взрослой*; *Работа кажется трудной*; *Звонок является сигналом*; *Сорвать цветок считается проступком*). В тех случаях, когда в состав именного или наречного С. входит модальный или фазовый глагол, позицию полузнаменательного глагола может занимать инфинитив глагола *быть* (*Он может быть смелым*; *Дочь хочет быть врачом*; *Они любят быть первыми*). Как глагольное, так и именное и наречное С. могут принимать в свой состав краткие прилагательные со значением долженствования, возможности, необходимости (*должен, намерен, обязан, готов*), напр.: *Он учится — Он должен* (*намерен, обязан, готов*) *учиться*; *Он отличник — Он дол-*

жен (намерен, обязан, готов) быть отличником; *Брат на работе — Брат должен (намерен, обязан) быть на работе*.

В разговорной и непринуждённой речи место С. может быть замещено целым предложением (*Ученики — один лучше другого*; *Фильм — можно пять раз смотреть*; *Хорошая репутация — это когда тебе доверяют*), в позиции С. могут использоваться также сочетания двух личных форм глагола (*Соловей поёт-заливается*; *Они живут не ссорятся*; *Она смотрит улыбается*; *Друзья встретились наговорились*). Традиционно С., состоящее из одного слова, называется простым, из двух слов — составным, из трёх и более — сложным.

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Современный русский язык, ч. 2, М., 1964; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Основные вопросы синтаксиса предложения, в его кн.: Избр. труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976.

К. В. Габучан.

СКЛОНЕ́НИЕ — изменение по падежам (см. Падеж) всех имён (существительных, прилагательных, числительных и местоимений). Изменяются по падежам (склоняются) также причастия, являющиеся атрибутивными формами глагола.

В рус. языке — шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Система падежных форм составляет парадигму С. В зависимости от того, изменяются ли по числам и по родам слова, охватываемые данной парадигмой, парадигма С. может состоять: 1) из одной части — форм ед. или мн. ч. (у отдельных существительных, местоимений *я*, *ты*, *мы*, *вы*, *кто*, *что*, количественных и собирательных числительных); 2) из двух частей — форм ед. и мн. ч. (у существительных); 3) из четырёх частей: форм муж., жен., ср. рода ед. ч. и форм мн. ч. (у прилагательных, порядковых числительных, нек-рых групп местоимений и у причастий). Каждая из таких частей называется частной парадигмой и входит в общую парадигму С. Ни одна из парадигм, включающих в себя шесть падежей, не различает всех падежных форм, в каждой есть несколько форм с омонимичными флексиями. Из шести падежей в парадигме насчитывается от пяти до трёх форм с различающимися флексиями, а в нек-рых парадигмах количественных числительных — только две формы.

С. называется также класс (группа) слов, объединённых общностью образования падежных форм, и отвлечённый образец, по к-рому изменяются слова этого класса.

В рус. языке представлены два основных вида С. имён и местоимений: субстантивное (существительное) и адъективное (прилагательное). Внутри них выделяются как особые типы нулевые С., к-рые охватывают неизменяемые, иноязычные по происхождению существительные (*депо*, *пальто*, *жюри*, *бра*) и парадигмы к-рых состоят из омонимичных форм.

Кроме основных, имеются смешанные (промежуточные) типы С., сочетающие в себе признаки субстантивного и адъективного С. Перечни их, как правило, приводились не в учебных грамматиках, а в работах исследовательского характера (напр., у Н. Н. Дурново, Р. О. Якобсона, А. А. Зализняка). Дурново относил смешанные типы к адъективному С. и различал среди них: 1) местоименное С. с примыкающим к нему С. числительных *два* (*две*), *три* и *четыре* и 2) С. личных и возвратного местоимений. Якобсон среди промежуточных типов называл: 1) С. неличных местоимений и притяжательных прилагательных, 2) С. личных и возвратного местоимений и 3) С. непорядковых числительных. Зализняк промежуточные типы обозначил как: 1) I местоименный, 2) II местоименный, 3) притяжательный. Предложенная Зализняком классификация применена в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970).

Промежуточные типы по системе флексий падежных форм ед. и мн. ч. ближе к адъективному С. Флексии субстантивного С. (1-го и 2-го) во всех промежуточных типах представлены в им. и вин. п. ед. и мн. ч., а в притяжательном С., кроме того, в род. и дат. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. рода.

Распределение имён и местоимений по видам и типам С. не обязательно совпадает с их делением на части речи. К одному и тому же виду С. могут принадлежать слова разных частей речи (см. табл.).

С. существительных делится на типы в зависимости от различий в образовании падежных форм. Нек-рые учёные полагают, что парадигма С. существительных состоит не из шести, а из восьми или семи падежей. Одни (в их числе В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, Якобсон, Зализняк), помимо шести падежей, выделяют ещё второй род. п. (партитивный) и второй предложный (местный). Другие (в их числе Дурново, М. В. Панов) выделяют второй предл. п. (местный). Поскольку лишь небольшая группа слов муж. рода и жен. рода с нулевой флексией в им. п. имеет особые формы для партитивного падежа (слова муж. рода) и для местного падежа (слова муж. и жен. рода), в современных грамматиках представлена шестипадежная парадигма.

В рус. языке имеются три С. существительных—1-е, 2-е и 3-е, различающиеся си-

Распределение имён по видам и типам склонения

Виды и типы склонения / Части речи	Субстантивное склонение			Адъективное склонение	Промежуточные типы склонения		
					Местоименное склонение		Притяжательное склонение
	1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение		I местоименное	II местоименное	
Существительное	*завод, конь, окно, поле, подмастерье*	*карта, земля, мужчина, сирота*	*тень, путь, знамя, дитя*	*портной, булочная, пирожное, чаевые*	*ничья, девичья, третье*		*кабельтов швартов, Ильина*
Прилагательное				*новый, голубой, синий, русский, выдающийся*	*лисий, волчий, дядин, братнин*		*отцов*
Числительное	*двести, триста, четыреста, пятьсот*		*пять, одиннадцать, двадцать, семьдесят*	*второй, пятый*	*двое, четверо; третий*		
Местоимение	*я, ты, мы, вы*	*себя*		*любой, каждый, многие*	*он; этот; сам*	*кто, что; тот, весь*	

стемами падежных флексий (окончаний). Типы С. строго разграничиваются только в ед. ч. Во мн. ч. различия между типами не столь определённы, они касаются только флексий им. и род. п., в дат., твор. и предл. п. различия во флексиях слов разных С. отсутствуют. Принадлежность существительных к одному из трёх С. в известной мере определяется их грамматическим родом. Однако здесь нет полной последовательности. Так, к 1-му С. относятся существительные муж. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. (*стол, край, конь, нож*) и существительные ср. и муж. рода с флексиями *-о, -ё, -е* (*окно, ружьё, поле, подмастерье, кулачище*). Ко 2-му С. относятся существительные жен. рода с флексией *-а, -я* (*вода, каша, земля*) и существительные муж. и общего рода с той же флексией (*мужчина, староста, зайчишка, судья*; *сирота, обжора, плакса*). К 3-му С. относятся существительные жен. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. и с основой на мягкий согласный или шипящий (*кровать, мышь, ночь, рожь*), а также сущ. муж. рода *путь*, существительные ср. рода на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*, устар. *полымя*) и сущ. *дитя*.

При образовании форм мн. ч., а у отдельных существительных 3-го С. и форм ед. ч. может видоизменяться фонемный состав основы, напр.: *сук — сучья, сын — сыновья, котёнок — котята, чертёнок — чертенята, крестьянин — крестьяне, имя — имени, дочь — дочери, дитя — дитяти*. В ед. ч. у существительных муж. рода 1-го С. и во мн. ч. у существительных всех С. последовательно выражена одушевлённость / неодушевлённость. У существительных, называющих одушевлённые предметы, вин. п. совпадает с родительным, у существительных, называющих неодушевлённые предметы, вин. п. совпадает с именительным.

Ряд существительных изменяется по адъективному, I местоименному и притяжательному С. По адъективному С. изменяются существительные, в им. п. совпадающие с прилагательным в форме муж., жен., ср. рода ед. ч. (*выходной, запятая, животное*) или с прилагательным в форме им. п. мн. ч. (*суточные, чаевые*). По местоименному С. изменяются сущ. *девичья, ничья, третье*. Женские фамилии на *-ова, -ина* в ед. ч. и фамилии на *-ов, -ин* во мн. ч. склоняются по притяжательному С. Мужские фамилии на *-ов, -ин* только в твор. п. имеют флексию прилагательного (*Пушкиным, Некрасовым*).

Нумерация и число выделяемых типов С. существительных, принятые в грамматических исследованиях и в грамматиках, в методических руководствах и в учебных пособиях, в т. ч. и в школьных учебниках, различны. Это различие объясняется условностью нумерации типов С. и отсутствием единого логического основания при выделении самих типов. Порядковый номер С. не имел и не имеет принципиального значения. В академической «Грамматике русского языка» (т. 1—2, 1952—54), в грамматиках рус. языка, изданных МГУ (1952, 1957 и др.), нумерация С. соответствует выше изложенной. С другой стороны, в «Очерке грамматики русского литературного

языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (1945), в ряде учебных пособий других авторов (напр., А. М. Финкеля и Н. М. Баженова; И. Г. Голанова) и в школьных учебниках принята противоположная нумерация первых двух С., т. е. существительные на *-а*, *-я* отнесены к 1-му, а существительные муж. и ср. рода — ко 2-му С. Виноградов в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) 1-м назвал С. имён существительных муж. рода с нулевым окончанием им. п. (*топор*, *стол*, *дом*, *фонарь*, *зверь*, *зять* и т. п.) и слов ср. рода на *-о*, *-е* (*село*, *зеркало*, *окно*, *поле*, *личико* и т. п.); 2-м— контрастирующее с первым типом женское С. с нулевым окончанием им. п. (*кость*, *глубь*, *рысь*, *неожиданность* и т. п.); 3-м — С. существительных на *-а* (*сестра*, *вода*, *похвала*, *неряха*, *громила* и т. п.). Грамматической базой всей системы именного С. Виноградов считал тип имён существительных муж. рода с нулевым окончанием в им. падеже.

В грамматических исследованиях предлагается выделять также разное количество С. В академической грамматике 1952 и других грамматиках выделяются три С. Грамматика 1970 распределяет существительные, относящиеся к субстантивному С., между двумя С. с разновидностями внутри них.

Подавляющее большинство прилагательных изменяется по адъективному С., в к-ром различают две разновидности: твёрдую (*новый*, *простой*, *глухой*, *куцый*) и мягкую (*синий*, *свежий*, *хороший*, *выдающийся*). По адъективному С. изменяются также действительные и страдательные причастия. Притяжательные прилагательные на *-ий* типа *волчий*, *лисий*, *медвежий* и прилагательные на *-ин* и *-нин* типа *дядин*, *мамин*, *братнин* изменяются по местоименному С. Притяжательные прилагательные на *-ов* типа *отцов*, *дедов* и прилагательные на *-ин* в составе устойчивых сочетаний (напр.: *ильин день*) изменяются по притяжательному С.

С. числительных не имеет единого образца, оно представлено несколькими типами: 1) числ. *два* (*две*), *три*, *четыре* изменяются по типу прилагательных. Флексии косвенных падежей этих числительных представляют собой несколько видоизменённые падежные флексии прилагательных мн. ч.; 2) собирательные числительные в косвенных падежах имеют флексии прилагательных мн. ч.; 3) числительные от пяти до десяти и все числительные на *-дцать* и *-десят* образуют падежные формы по 3-му С. существительных; 4) числ. *двести*, *триста* и все числительные на *-сот* образуют падежные формы так же, как существительные 1-го и 2-го С. мн. ч.; 5) числ. *сорок*, *девяносто*, *сто*, *полтора* и *полтораста* имеют только две формы: форму им.— вин. п. и форму для всех остальных падежей; 6) порядковые числительные, кроме числ. *третий*, изменяются по адъективному С.; числ. *третий* склоняется так же, как притяжательные прилагательные на *-ий* (*лисий*, *волчий*).

С. местоимений, как и С. числительных, не имеет единого образца: 1) личные местоимения ед. ч. *я*, *ты* и возвратное местоимение *себя* имеют в косвенных падежах флексии, близкие флексиям существительных 2-го С. ед. ч. (исключение: форма род. п. с флексией *-я* — по 1-му С.); 2) личные местоимения мн. ч. *мы*, *вы* имеют в формах дат. и твор. п. те же флексии, что и существительные 1-го — 2-го С. во мн. ч., и особую флексию *-ас* в формах род., вин. и предл. п.; 3) местоимения, принадлежащие к различным группам по своему значению (*он*, *сам*, *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*, *этот*, *чей*, *сей*, *ничей*), в ед. ч. изменяются по I местоименному С. в его твёрдой (*дядин*) или мягкой (*лисий*, *волчий*) разновидности. Во мн. ч. все эти местоимения изменяются по мягкой разновидности местоименного С.; 4) местоимения *кто*, *некто*, *некого*, *никто*, *что*, *нечего*, *нечто*, *ничто*, *тот*, *весь* изменяются по II местоименному С. В отличие от местоимений, поименованных в третьей группе, в твор. п. ед. ч. и во всех падежах мн. ч. (для местоимений *тот*, *весь*) местоимения данной группы имеют во флексии гласную *-е*: *кем*, *чем*, *те*, *все*, *тех*, *всех*; 5) местоимения *какой*, *никакой*, *который*, *некоторый*, *никоторый*, *каждый*, *экий*, *некий*, *иной*, *любой*, *всякий* и нек-рые другие изменяются по адъективному С.

Лит.: Дурново Н., Повторительный курс грамматики русского языка, в. 1, М., [1924]; Богородицкий В. А., Общий курс русской грамматики, 5 изд., М.— Л., 1935; Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология, М., 1960; Кузнецов П. С., Историческая грамматика русского языка. Морфология, [М.], 1953; Якобсон Р. О., Морфологические наблюдения над славянским склонением, 's-Gravenhage, [1958]; Современный русский язык, ч. 2. (Морфология. Синтаксис), [М.], 1964; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; его же, Грамматический словарь русского языка, М., 1977; Виноградов В. В, Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

СКО́БКИ — парный знак препинания, состоящий из двух вертикальных черт (закруглённых, прямых или фигурных — (); []; {}) и употребляющийся для выделения слов, словосочетаний или предложений, содержащих добавочные замечания и пояснения к основной части текста. Редкое и непоследовательное употребление С. встречалось ещё в памятниках 16 в., окончательно функция С. определилась в 18 в. В «Российской грамматике»

М. В. Ломоносова формулируется правило употребления С., называемых «вместительным» знаком, близкое к современному. В совр. рус. письменной речи в круглые С. заключаются: 1) слова и предложения, вставляемые в предложение с целью пояснения или дополнения высказываемой мысли, а также для к.-л. добавочных замечаний: «*Поверьте* (*совесть в том порукой*), *Супружество нам будет мукой*» (Пушкин); 2) слова, указывающие при изложении речи к.-н. лица, доклада и т. п. на отношение к этой речи слушателей: (*Аплодисменты*), (*Смех*); 3) указания на источник цитаты; 4) ремарки в драматическом тексте.

Квадратные и фигурные С. обычно употребляются в нек-рых научных текстах (напр., в математических, где они указывают порядок совершения действий), в учебниках и других специальных изданиях.

СЛАВЯНИ́ЗМ — слово или оборот речи, заимствованные рус. языком из ст.-слав. языка или из более позднего церковнослав. языка рус. редакции. С. вошли в рус. язык в результате его исторического взаимодействия со ст.-слав. языком (см. История русского литературного языка). Чаще всего понятие «С.» (или старославянизм) используется в лексикологии.

Лексические С. можно подразделить на имеющие определённые фонетические и словообразовательные признаки и не имеющие таких признаков. Главными фонетическими признаками С. являются: 1) т. н. неполногласные сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле* между согласными в соответствии с рус. полногласными сочетаниями *оро*, *оло*, *ере*, *оло* (*град — город*, *глава — голова*, *брег — берег*, *млеко — молоко*); 2) начальные сочетания *ра*, *ла* перед согласным в соответствии с рус. сочетаниями *ро*, *ло* (*равный—ровный*, *ладья—лодка*); 3) сочетание *жд* и звук *щ* (из *ш'т'*) в соответствии с рус. звуками *ж* и *ч* (*чуждый — чужой*, *освещение — свечение*); 4) начальный *е* в соответствии с рус. начальным *о* (*единый — один*). Словообразовательные признаки С. не столь определённы. К ним относятся неполногласные приставки *пре-*, *пред-*, *чрез-*, приставка *из-*(*ис-*) выделительного значения в соответствии с рус. приставкой *вы-* (*излить — вылить*), приставка *воз-* (*вос-*) в соответствии с рус. приставкой *за-* (*возгореться — загореться*), приставка *низ-* (*нис-*) в соответствии с рус. приставкой *с-* (*нисходить — сходить*), а также в ряде случаев суффиксы существительных *-ствие* (*странствие*), *-знь* (*жизнь*), *-ыня* (*гордыня*) и др. Ст.-слав. по происхождению являются суффиксы причастий *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-*. Указанные признаки не всегда свидетельствуют о ст.-слав. происхождении слов. Такие слова, как *хладокомбинат*, *предреволюционный*, *профилирующий* и т. п., не принадлежат, конечно, к С., они образованы в новое время с использованием ст.-слав. элементов. Лексические С., не имеющие формальных признаков, устанавливаются путём историко-лингвистических разысканий. Это, как правило, слова, обозначающие отвлечённые понятия: *воскресение*, *истина*, *коварный*, *мечта* (видение, призрак), *обличить*, *порок*, *совесть*, *страсть* (страдание), *суета*, *таинство* и др.

Будучи заимствованиями из письменных текстов гл. обр. религиозного и морально-этического характера, С. за время употребления в рус. языке претерпели семантические преобразования, во многих случаях утратили прежнее религиозное содержание, но сохранили оттенок книжности, нек-рой возвышенности, торжественности: *благо*, *бремя*, *воплощение*, *грядущее*, *облекать*, *предтеча*, *предубеждение*, *провозгласить*, *расторгнуть*, *созидание* и др. Многие С. совсем утратили книжную окраску и могут быть отнесены к разделу нейтральной лексики (см.): *власть*, *враг*, *вред*, *время*, *главный*, *здравствуй*, *нужда*, *овощи*, *пещера*, *среда*, *храбрый* и др. Особую группу составляют С., широко употреблявшиеся в лит. языке 18 в., а в стихотворных жанрах — и в 19 в., но постепенно перешедшие в разряд устаревших слов: *агнец*, *алкать*, *вертоград*, *вотще*, *вещать*, *глагол* (слово), *десница*, *ланиты*, *лобзать*, *перси*, *течь* (идти), *чертог* и др.; к этой группе следует отнести и неполногласные формы типа *брег*, *власы*, *глас*, *град*, *древо*, *злато*, *младость*, *хлад* и т. п.

В рус. языке имеются также фразеологические С.: *глас вопиющего в пустыне*, *на сон грядущий*, *как зеницу ока* и др. С точки зрения экспрессивно-стилистической окраски многие фразеологические С., как и С. лексические, сохраняют оттенок книжности (*не сотвори себе кумира*, *притча во языцех*, *бразды правления*, *ищите и обрящете* и др.), но нек-рые утрачивают этот оттенок, нейтрализуются (*ради бога*, *всей душой*, *до скончания века* и др.). С. как особый стилистический пласт в совр. рус. языке уже не существуют, исследователи обычно восстанавливают их по признаку происхождения.

Лит.: Шахматов А. А., Очерк современного русского литературного языка, 4 изд., М., 1941; Винокур Г. О., Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Калинин А. В., Лексика русского языка, 2 изд., М., 1971; Шанский Н. М., Лексикология современного русского языка, 2 изд., М., 1972.

А. И. Горшков.

СЛАВЯ́НСКИЕ ЯЗЫКИ́ — группа языков, к-рая восходит к одному языку-предку — праславянскому языку (см.). С. я. входят в семью т. н. индоевропейских языков. Все совр. С. я. принято делить на три группы: восточнослав., за-

паднослав. и южнослав. В состав в о с т о ч н о с л а в я н с к о й группы входят русский, украинский и белорусский языки, з а п а д н о с л а в я н с к о й — польский с кашубским, чешский, словацкий и оба серболужицких языка (верхний и нижний), ю ж н о с л а в я н с к о й — болгарский, македонский, сербохорватский и словенский языки. В данной общепринятой классификации учитываются только лит. С. я., выполняющие разнообразные функции в рамках определённого государства. Однако существуют слав. диалекты, к-рые с полной уверенностью трудно отнести к одному из указанных языков. Существуют также небольшие локальные слав. лит. языки, к-рые имеют ограниченные функции для небольшой группы населения в пределах чужого в этническом отношении государства. Так, напр., в Австрии местное хорватское население имеет свой лит. язык, существенно отличающийся от сербохорватского языка.

В различные исторические эпохи количество и соотношение С. я. существенно менялись. До 14 в. все восточнослав. языки различались между собой на уровне диалектов, а не самостоятельных языков, представляя единый древнерусский язык (см.). Кашубский — потомок вымершего поморского языка, сохраняющий известную самостоятельность, может уже в какой-то степени рассматриваться как диалект польск. языка. Сербы и хорваты в языковом отношении объединились только в 1-й пол. 19 в.: их общий язык называется сербохорватским или хорватосербским. Македонский лит. язык сформировался лишь в 20 в. Нек-рые С. я. исчезли, т. е. их носители стали пользоваться другими языками. Так произошло с полабским языком, на к-ром говорило слав. население, жившее в районе реки Эльбы (по-славянски Лабы) и её притоков. В результате активной германизации полабяне забыли родной язык и перешли на нем. язык. О слав. прошлом свидетельствуют топонимика и многочисленные слав. элементы в местных нем. говорах. Богатейшая слав. топонимика Румынии, Венгрии, Австрии, Албании и Греции также говорит о наличии в прошлом на этих территориях компактных групп слав. населения.

Восточнослав. языки представляют цельную и единую группу среди слав. языков. Западнослав. языки различаются между собой сильнее. Уже в праслав. период они представляли три обособленные группы диалектов, из к-рых позже сформировались лехитские языки (польский, поморский и полабский), серболужицкие языки и, наконец, чешский и словацкий языки. По нек-рым признакам чешский и особенно словацкий языки объединяются с южнослав. языками. Южнослав. языки можно разделить на две достаточно самостоятельные группы, к-рые по ряду признаков различались ещё в добалканский период их развития. К одной восходят болгарский и македонский языки, к другой — сербохорватский и словенский. В местах соприкосновения различных С. я. в результате длительного развития возникали переходные, или смешанные, говоры с признаками этих языков. В этом случае установить точные границы между С. я. трудно.

С. я. очень близки друг к другу. В кругу индоевропейских языков мало примеров подобной близости. Она обнаруживается в корнеслове, в формативах, в структуре слова, в синтаксисе и в семантике. Одновременно с этим существуют значительные различия, обусловленные тем, что последние полторы тысячи лет С. я. развивались в разных условиях. Обособляют С. я. и многочисленные заимствования из различных неслав. языков: германизмы в чеш. языке, унгаризмы в словацком языке, турцизмы в болг. языке и т. д. При оценке степени близости С. я. необходимо различать близость лит. языков и близость народных говоров. Если близость народных языков (диалектов) объясняется только единством происхождения славян, то близость лит. языков, кроме того, объясняется взаимодействием культур различных слав. народов; лит. языки в разное время оказывали сильное влияние друг на друга. Напр., др.-болг. язык оказал большое влияние на формирование и развитие др.-рус. языка. Поэтому в рус. лит. языке можно обнаружить много древних болгаризмов. В свою очередь рус. лит. язык оказал большое влияние на болг. лит. язык, к-рое началось в 18 в. и в ещё большей степени сказалось во 2-й пол. 20 в.

Процесс перехода праслав. языка, его диалектов в самостоятельные С. я. был длительным и сложным. Исторически он был связан с развитием ранних слав. феодальных государств на значительной территории Юго-Восточной и Восточной Европы в последние столетия 1-го тыс. н. э. В этот период значительно увеличилась территория слав. поселений. Славяне освоили районы различных географических зон с различными природными и климатическими условиями, вступили во взаимоотношения с народами и племенами, стоящими на различных ступенях культурного развития. Всё это не могло пройти бесследно для лексической и семантической дифференциации языков.

В ранний период истории С. я. (кон. 10 —12 вв.) завершился важный фонетический процесс, существенно преобразовавший их фонетическую, фонологическую, морфонологическую и в какой-то степени грамматическую структуру,— падение редуцированных (см. Падение редуцированных).

Праслав. язык в поздний период своей истории не знал закрытых слогов. Утрата редуцированных привела к свободному перемещению слогоделения в различных словоформах одного слова. В конце слова возникли закрытые слоги (*plodъ* > *plod*). В позиции между сонорным и шумным согласными закрытые слоги возникали и в середине слова (*polьza*>*pol'|za*). Аналогичную слоговую структуру находим и в заимствованной лексике. Во всех других позициях в середине слова сохраняются открытые слоги. Праслав. автономность слога была нарушена. Только после этого могли возникнуть протетические согласные, явления зияния, такие частные явления, как диссимилятивное якание в рус. говорах или закон слоговой гармонии в словацком языке.

Из праславянского в С. я. перешли т. н. мягкие согласные, возникшие в результате ассимиляции согласных перед *j*: рус. *конь*, польск. *koń*, словацкое *kôň* и др. В нек-рых С. я. произошло смягчение согласных перед гласными переднего ряда. В этих языках после утраты *ъ* в «слабой» позиции возникла непозиционная мягкость; ср.: рус. *день*, *путь*, *просьба*, *банька*. Утрата редуцированных привела в большинстве языков к неразличению глухих и соответствующих звонких согласных в конце слова и в середине слова перед шумными согласными. Произошло сокращение числа слогов в слове (ср.: *vьsěxъ*>*vsěx*), возникли новые сочетания согласных, претерпевшие различные фонетические преобразования, и многое другое.

Из праславянского С. я. унаследовали разноместное ударение. Этот тип ударения сохранился во всех восточнослав. языках, в разной степени в южнославянских. В западнославянских теперь находим фиксированное ударение: в чешском и словацком — только на первом слоге, в польском — на предпоследнем слоге. Фиксированное ударение выполняет лишь роль разграничительного сигнала между словами, тогда как разноместное ударение служит важнейшим фонологическим и грамматическим средством. Праслав. интонационные различия сохранились в С. я. в сильно преобразованном виде. На ударных слогах восходящую и нисходящую интонации знает сербохорватский язык, в чешском и словацком эти старые различия трансформировались в противопоставлении долгих и кратких гласных, в рус. языке отражены в месте ударения.

Результаты праслав. изменений заднеязычных согласных (т. н. первая, вторая и третья палатализации), губных и зубных согласных перед *j* отражены в С. я. в виде морфонологических чередований, выполняющих очень важную грамматическую функцию как в морфологии, так и в словообразовании. В отдельных языках известны случаи утраты чередований в результате аналогического выравнивания.

С. я., кроме болгарского и македонского языков, хорошо сохранили именное и местоименное склонение. Однако теперь уже типы склонения в основном определялись не звуковым видом основы, а грамматическим родом. Наиболее последовательно это отражено в словах муж. рода. Имена жен. рода сохраняют два самостоятельных типа склонения. Во многих С. я. утрачены именные прилагательные, в нек-рых они употребляются только в предикативной функции. Лишь в сербохорватском сохраняется противопоставление именных и местоименных прилагательных в атрибутивной функции. Повсеместно, кроме словенского и серболужицких языков, утрачена категория двойственного числа. Праслав. язык не знал самостоятельной части речи числительного. Имена, обозначавшие числа, относились к различным именным основам. Позже во всех С. я. сформировалась эта часть речи. На основе старых причастных форм образовалась новая часть речи — отглагольное наречие, или деепричастие. В большинстве С. я. глубокие изменения произошли в глаголе. Простые формы прош. времени, аорист (см.) и имперфект (см.), хорошо сохраняются в болгарском и македонском языках, в серболужицких, хуже — в сербохорватском. Остальные С. я. их давно утратили. В восточнослав. языках в перфекте (см.) утрачен вспомогательный глагол и прош. время выражается только с помощью одного причастия, к-рое в ед. ч. изменяется по родам.

Слав. лит. языки складывались в разное время. Неодинакова степень их близости к народным говорам. Они существенно отличаются по стилистической и жанровой структуре. В разных С. я. наблюдаются различные формы полицентризма и моноцентризма. В этом отношении существенным образом различаются, напр., болгарский и сербохорватский лит. языки. Последний допускает свободное использование двух различных алфавитов, в различных районах страны имеет узаконенные фонетические варианты, лексические отличия. Материально чешский и словацкий лит. языки относительно близки друг другу. Однако они весьма далеки в типологическом отношении. Каждый лит. язык формировался в различных исторических условиях. Эти условия в значительной части определяют особенности их структуры. Различна соотнесённость в каждом лит. языке письменной и устной форм. Существенно различаются С. я. по степени диалектного дробления, по устойчивости диалектных признаков, диалектных изоглосс.

Славяне пользуются двумя азбуками: славянской, в основе к-рой лежит кириллица (см.), и латинской. Слав. азбука служит всем восточным славянам, болгарам, сербам и македонцам. Все западные славяне, хорваты и словенцы пользуются латиницей. Нек-рые специфич. звуки слав. речи не имеют в лат. алфавите соответствующих букв. В этом случае используются различные надстрочные знаки или сочетания различных букв: ср. чеш. *břeh* и польск. *brzeg* — «берег». Потребность в своей письменности у славян возникла в период формирования ранних феодальных государственных образований. Особенно острой она стала в период перехода от язычества к христианству. Для нормального развития молодых слав. государств нужна была письменность на родном языке. Раньше всех это было осознано в Великой Моравии (818—906), молодом слав. государстве, к-рое существовало на территории совр. Словакии и соседних областей. Здесь в 863 началось богослужение на слав. языке. Братья Константин-Философ и Мефодий впервые создали слав. азбуку (по мнению ряда учёных, глаголицу) и перевели на слав. язык литургические тексты (см. Кирилл и Мефодий). Язык этой письменности — старославянский (см. Старославянский язык), или др.-церковнослав., получил широкое распространение не только в слав., но и в нек-рых неслав. странах. У западных славян рано начал применяться лат. алфавит для передачи звуков родной речи. Последние глаголич. тексты западнослав. происхождения относятся к 12 в. («Пражские листки»). Все самые ранние чешские и польские тексты написаны латиницей. Большую роль в приспособлении лат. алфавита к звуковой системе чеш. языка сыграл Я. Гус, к звуковой системе польск. языка — Я. Паркош.

Научное изучение С. я. началось в кон. 18 в. и развивалось в двух направлениях: сравнительно-историческом и описательном. Первое имело дело прежде всего с древними памятниками письменности, с диалектами, с родственными языками, второе — с совр. лит. языками. В течение 19 в. и первых десятилетий 20 в. слав. языкознание развивалось гл. обр. в рамках сравнительно-исторического языкознания. За описательным языкознанием признавалась лишь роль школьной дисциплины. Положение изменилось в 20—30-х гг. 20 в., когда интенсивно начали развиваться фонология и теоретическая грамматика. Описание структур лит. языков, их функционирования является важнейшей задачей совр. слав. языкознания.

Лит.: Бернштейн С. Б., Очерк сравнительной грамматики славянских языков. [Введение. Фонетика], М., 1961; его же, Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы, М., 1974; Нахтигал Р., Славянские языки, пер. со словенского, М., 1963; Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, Київ, 1966; Славянские языки, [М.], 1977; Vaillant A., Grammaire comparée des langues slaves, t. 1—4, Lyon — P., [1950—74]; Van Wijk N., Les langues slaves. De l'unité à la pluralité, 's-Gravenhage, 1956; Ivšić S., Slavenska porédbena gramatika, Zagreb, 1970.

С. Б. Бернштейн.

СЛАВЯ́НСКОЕ ЯЗЫКОЗНА́НИЕ — гуманитарная научная дисциплина, изучающая языки слав. народов на их современной и исторической стадии развития, в литературной и диалектной форме. С. я.— неотъемлемая часть славяноведения — науки о славянах, их языке, литературе, фольклоре, истории, материальной и духовной культуре. Вместе со слав. литературоведением и фольклористикой С. я. образует цельную дисциплину — слав. филологию. Славяноведение представляет собой комплексную науку, что особенно ярко проявляется при изучении давнего прошлого славян. При исследовании слав. этногенеза, слав. мифологии, происхождения слав. письменности, культуры и народной словесности необходим учёт фактов, получаемых слав. археологией, историей, этнографией, литературоведением и фольклористикой, однако едва ли не решающими во многих случаях оказываются данные С. я. В своих исторических разысканиях С. я. само не может обходиться без материалов и методов упомянутых дисциплин.

С. я. возникло в кон. 18 в. в недрах слав. филологии, начало к-рой обычно связывают с именем чеш. слависта Й. Добровского (1753—1829). Однако основы С. я. закладывались ещё в 16—18 вв. Были созданы различные слав. грамматики: словенская — Адам Богорич (1584), чешская — Ян Благослав (1571), польская — Пётр Страторius (1568), хорватская — Бартол Кашич (1604), хорватско-русская «общеславянская»—Юрий Крижанич (1666), церковнославянская — Мелетий Смотрицкий (1619 и 1648), русская — М. В. Ломоносов (1755, опубл. в 1757). Ломоносов предвосхитил нек-рые идеи сравнительного С. я., сформировавшегося как отдельная научная дисциплина лишь к сер. 19 в.

Добровский определил круг вопросов, ставших для С. я. 19 и 20 вв. центральными: сравнительное изучение слав. языков, изучение старослав. языка, т. н. кирилло-мефодиевский вопрос (вопрос происхождения и эволюции слав. письменности), подробное описание грамматики отдельного слав. языка (конкретно чешского). Младшими современниками Добровского, разрабатывавшими те же проблемы, были в Вене словенец В. Копитар (1780—1844), а в России А. Х. Во-

стоков (см.). Н. П. Румянцев (1754—1826) и А. С. Шишков (1754—1841) стремились к созданию славистических кафедр в ун-тах и к превращению Академии наук в один из центров изучения С. я. Славяноведческие кафедры создавались с 1835. Их возглавили О. М. Бодянский (1808—77), И. И. Срезневский (см.), П. И. Прейс (1810—46), В. И. Григорович (1815—76), много путешествовавшие по слав. странам, собиравшие и описывавшие рукописи, изучавшие диалекты.

Зарубежное С. я. 19 в. было связано прежде всего с деятельностью чеш. учёных Й. Юнгмана (1773—1847), автора монументального чеш. словаря, В. Ганки (1791—1861) и др., сербов В. Караджича (1787—1864), реформатора сербского лит. языка и автора первого словаря народного языка, Дж. Даничича (1825—82), поляка С. Б. Линде (1771—1847), составителя шеститомного «Словаря польского языка», словенца Ф. Миклошича (1813—1891), возглавившего созданную в 1849 венскую славистическую кафедру и известного своей четырёхтомной «Сравнительной грамматикой славянских языков» (1852—75, 2 перераб. изд., 1876—79). В Германии в 19 в. С. я. достигло значительных результатов благодаря трудам А. Лескина (1840—1916) и ряда его учеников.

Усилия языковедов-славистов ряда стран объединял хорватский учёный И. В. Ягич (1838—1923), автор ряда капитальных работ, в т. ч. и единственной «Истории славянской филологии» (1910), издатель ст.-слав. памятников, журнала «Архив славянской филологии». Его современниками в России были Ф. И. Буслаев (см.), А. А. Потебня (см.), а младшими коллегами — Ф. Ф. Фортунатов (см.), И. А. Бодуэн де Куртенэ (см.), Н. В. Крушевский (1851—87), А. С. Будилович (1846—1908) и др. Особенно близок Ягич был с А. А. Шахматовым (см.), создавшим совместно с А. И. Соболевским (см.) школу исследования др.-слав., преим. др.-русских, памятников.

В это же время в развитии С. я. существенную роль играли поляки В. Неринг (1830—1909), Я. Лось (1860—1928), А. Брюкнер (1856—1939), чехи Я. Гебауэр (1838—1907), О. Гуер (1880—1942), хорваты Т. Маретич (1854—1938), П. Будмани (1835—1914), словенцы К. Штрекель (1859—1912), В. Облак (1864—96), серб С. Новакович (1842—1915), болгары Б. Цонев (1863—1926), Л. Милетич (1863—1937), румын И. Богдан (1864—1919) и др. Большую роль в развитии науки о праслав. языке и совершенствовании сравнительно-исторического метода в славистике сыграл франц. компаративист А. Мейе (1866—1936), автор книги «Общеславянский язык» (1924). В этой же области работали поляк Т. Лер-Сплавиньский (1891—1965), немец М. Фасмер (1886—1962), автор «Этимологического словаря русского языка» (т. 1—3, 1950—1958), серб А. Белич (1876—1960), русские Г. А. Ильинский (1876—1937), А. М. Селищев (см.), Н. Н. Дурново (см.), Л. А. Булаховский (см.), работает француз А. Вайян (р. 1890) и др. В разработке типологического подхода в С. я. немалая заслуга принадлежит Н. С. Трубецкому (1890—1938), автору известной книги «Основы фонологии» (1939). Трудами В. В. Виноградова (см.), Г. О. Винокура (см.), чеха Б. Гавранка (1893—1978) и др. заложены основы изучения слав. лит. языков, история к-рых представляет собой важную отрасль С. я. В первые послевоенные годы С. я. стало очень активно развиваться в ун-тах и академических ин-тах СССР и всех слав. стран, а также в ГДР, Венгрии, Румынии, в США и в странах Западной Европы.

Для совр. С. я. в СССР характерно развитие этимологических исследований (О. Н. Трубачёв, В. Н. Топоров, А. С. Мельничук, В. В. Мартынов, Р. В. Кравчук, Ж. Ж. Варбот), исследований по сравнительной грамматике слав. языков (В. А. Дыбо, В. В. Иванов, С. Б. Бернштейн, В. К. Журавлёв, В. М. Илличч-Свитыч), по грамматическому строю слав. языков (Ю. С. Маслов, А. Г. Широкова, А. В. Бондарко, Е. В. Чешко, П. А. Дмитриев), по старослав. языку (А. Е. Супрун, Л. П. Жуковская, Р. М. Цейтлин, Н. А. Мещерский, Т. А. Иванова, В. В. Колесов), по лексикологии, словообразованию и фразеологии (А. С. Герд, В. М. Мокиенко, Г. П. Нещименко, Г. А. Лилич, В. Т. Коломиец, К. К. Трофимович). Серьёзными стимулами развития С. я. в международных масштабах являются славистические съезды: в Праге, Брно, Братиславе (1929), Варшаве и Кракове (1934), Белграде (1939; изданы лишь материалы), Москве (1958), Софии (1963), Праге (1968), Варшаве (1973), Загребе (1978).

Н. И. Толстой.

СЛОВА́РЬ ЛИНГВИСТИ́ЧЕСКИЙ, словарь языковой,— словарь, задачей к-рого является объяснение значения слова, его лексикологическая, грамматическая, этимологическая, орфоэпическая и другая характеристика. С. л. отличается от словарей энциклопедических (см.). Поскольку основной объект описания С. л. — слово — единица языка, к-рая может быть охарактеризована с самых разных сторон (со стороны семантической структуры, стилистической отнесённости, происхождения и т. п.), существуют многообразные типы словарей (см. Лексикография). С. л. бывают одно-, дву- и многоязычными. С точки зрения содержания, задач и способов лексикографического описания слов различают толковые словари (см.), иностранных слов словари (см.), исторические словари (см.),

этимологические словари (см.), диалектные словари (см.), омонимов словари (см.), синонимов словари (см.), фразеологические словари (см.), частотные словари (см.), орфографические словари (см.), орфоэпические словари, языка писателя словари (см.) и др. Особое место занимают учебные словари для изучающих иностранный язык, имеющие свою типологию. Словники, построение словарных статей, характер иллюстрирования в С. л. соответствуют типу и задачам конкретного словаря. Все они в совокупности служат целям описания и нормализации словарного состава языка.

Лит. см. при ст. Лексикография.

В. Н. Прохорова.

СЛОВА́РЬ ЭНЦИКЛОПЕДИ́ЧЕСКИЙ — словарь, представляющий в сжатом виде совр. состояние научных знаний в к.-л. области. В отличие от словаря лингвистического (см.) статьи С. э. дают объяснение не слов, а понятий, объясняют (описывают) предметы, явления, события, рассказывают об исторических личностях, о выдающихся деятелях в к.-л. области науки, культуры и т. п. В задачи С. э. не входит грамматическая, стилистическая или иная лингвистическая характеристика слов и словосочетаний, составляющих словник словаря, однако большинство С. э. указывает место ударения в названии статьи и сопровождает этимологической справкой термины иноязычного происхождения. Словник С. э. принципиально отличается от словника лингвистического словаря: он включает, как правило, только существительные или словосочетания с существительными (лингвистический словарь — все части речи), широко включает имена собственные. Статьи сопровождаются иллюстрациями в собственном смысле (рисунками, таблицами, диаграммами и т. п.) в отличие от иллюстраций в лингвистических словарях — примеров употребления слова в тексте. К С. э. относятся все терминологические словари (см.), энциклопедии, биографические словари.

Два противопоставляемых типа словарей (энциклопедический и лингвистический) на практике имеют тенденцию к взаимосближению. Так, нередко в толковых словарях наблюдаются элементы энциклопедизма (особенно это характерно для словарей иностранных слов), что вызвано, в частности, необходимостью достаточно точного определения терминологии, широко проникающей из областей специальной лексики в общее употребление. С другой стороны, в энциклопедические издания включаются статьи лингвистического типа, имеющие целью объяснить значение заимствованного или редко употребляющегося слова безотносительно к истории предмета или понятия.

Лит.: Щ е р б а Л. В., Опыт общей теории лексикографии, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1940, № 3. См. также лит. при ст. Лексикография.

В. Н. Прохорова.

СЛО́ВО — важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств. В структурном отношении С. состоит из морфем (в т. ч. и из одной — *там*, *вчера*; см. Морфема), от к-рых отличается самостоятельностью и свободным воспроизведением в речи, и представляет собой строительный материал для предложения (см.), в отличие от к-рого не выражает сообщения. Основной тип С.— простые знаменательные (самостоятельные) С. (*дом*, *хлеб*, *ходить*, *большой*) —характеризуется: структурной оформленностью (наличие собственного и единого ударения; пограничные звуковые сигналы; невозможность пауз внутри С. и их возможность между словами; непроницаемость, т. е. невозможность включения другого С. в его состав, и др.); семантической идиоматичностью (произвольность связи звукового комплекса с определённым значением); автономной номинативной (см. Номинация) функцией, с к-рой связаны воспроизводимость С. в речи, их отдельность и способность выступать в качестве минимума предложения.

Объединяя в себе лексическое и грамматическое значения, С. принадлежит к определённой части речи (см.), выражает в своём составе все предопределяемые системой данного языка грамматические значения (напр., прилагательные рус. языка выражают значения рода, числа, падежа) и в языках со словоизменением представляет собой совокупность всех его грамматических форм (*хожу*, *ходишь*, *ходил* и т. д. образуют один глагол *ходить*; см. Словоформа). В С. закрепляются результаты познавательной деятельности людей, без С. невозможны не только выражение и передача понятий и представлений, но и самое их формирование. Значение С. выступает как обобщённое отражение обозначаемого им объекта. В речи С. может обозначать как весь класс данных объектов (*Собака — животное*), так и отдельного представителя этого класса (*Это чья собака?*). В значении С. отражается диалектическое соотношение общего и единичного, устойчивого и подвижного. Устойчивость его значения обеспечивает взаимопонимание, подвижность (сдвиги в конкретном значении С.) позволяет использовать С. для наименования новых объектов действительности и является одним из факторов художественного словесного творчества. С подвижностью связана тенденция к многозначности слова. Отношение говорящего к именуемому объекту образует эмоциональный аспект значения С., выражающий чувства, субъективное мнение говорящего (ср.: *городок* и *городиш-*

ко). С. образует в языке определённую систему, к-рая основывается на грамматических признаках С. (части речи), словообразовательных связях (гнёзда слов; см. также Словообразование) и семантических отношениях (см. Синонимы, Антонимы, Омонимы).

Отмеченные выше признаки знаменательного С. свойственны не всем С. во всех языках.

От простых знаменательных С. отличаются иные типы С.: по фонетическому признаку — безударные (напр., служебные: *перед до́мом*) и многоударные (напр., сложные: *а́нтивое́нный*); по морфологическому — производные (*ходок*) и сложные (*луноход*), к-рые часто являются мотивированными (их значение предопределяется значением составных частей); по семантико-грамматическому — служебные С., лишённые фонетической самостоятельности и автономной номинативной функции. Различные структурные типы языковых единиц: морфема — служебное С.— простое знаменательное С.— производное или сложное С.— словосочетание — связаны промежуточными случаями, часто переходят одно в другое.

При определении С. возникают трудноразрешимые проблемы отдельности С. и его тождества, т. к. существуют разные типы С.: формальная и семантическая определённость С. в речи ослабляется, могут утрачиваться ударение и фонетическая выделимость; грамматическая форма С. может состоять из отделимых элементов, внешне приближаясь к словосочетанию (аналитические формы типа *буду читать*, *читал бы*); нек-рые формы знаменательных С. не могут самостоятельно образовывать высказывания. Изменения значения С. в речи затрудняют его отождествление (определение того, относятся ли данные словоупотребления к одному С. или являются омонимами). Трудности определения единых критериев выделения для С. всех языков побуждают лингвистов пересматривать взгляды на С. как на структурно-семантическую единицу языка. При этом одни учёные определяют С. в чисто формальном плане как отрезок речевой цепи между паузами или текста между пробелами. Другие вообще отказываются от С. как лингвистического понятия, принимая в качестве единицы анализа минимальную значимую единицу языка (морфему или монему в терминологии А. Мартине) либо автономное синтаксическое образование («синтаксическая молекула» Ш. Балли, объединяющая ряд знаменательных и служебных С.). Однако попытки замены С. другой единицей языка оказываются безуспешными: научная ценность понятия «С.» состоит именно в том, что оно объединяет признаки, выделяемые в разных аспектах языкового анализа: звуковом, смысловом, грамматическом. С. выступает основным элементом языка и для его носителей, представляя собой реальность: хотя люди говорят фразами, они помнят и знают язык прежде всего через С., ибо С. служит средством закрепления в памяти и передачи в речи знаний и опыта людей.

Лит.: Пешковский А. М., Понятие отдельного слова, в его кн.: Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л.— М., 1925; Смирницкий А. И., Лексикология английского языка, М., 1956; Ахманова О. С., Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Кузнецов П. С., Введение к объективному определению границ слова в потоке речи, в кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики, М., 1968; Будагов Р. А., История слов в истории общества, М., 1971; Шмелев Д. Н., Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973; Уфимцева А. А., Типы словесных знаков, М., 1974; Виноградов В. В., Избранные труды. Лексикология и лексикография, М., 1977.

В. Г. Гак.

СЛОВОИЗМЕНЕ́НИЕ — см. Формообразование, Форма слова.

СЛОВООБРАЗОВА́НИЕ — 1) образование слова на базе другого однокоренного слова (или слов), к-рым оно мотивировано (т. е. выводится из него по смыслу и по форме), с помощью специальных средств, присущих языку (напр., аффиксов: *стол — стол-ик*, *петь — за-петь*, *дом — без-дом-н-ый*, *пять этажей — пят-и-этаж-н-ый*); один из важнейших путей пополнения словарного состава языка новыми словами (см. Неологизм). 2) Раздел языкознания, изучающий такие мотивированные слова (называемые также производными): учение об их строении и о средствах, используемых для образования новых слов.

Словообразовательная структура конкретных производных слов, как и система словообразовательных средств, присущих языку в целом, исторически изменяется. В связи с этим следует различать диахронное (см. Диахрония) и синхронное (см. Синхрония) С. Диахронное С. изучает пути возникновения производных слов в различные периоды развития языка и их первоначальную (этимологическую) словообразовательную структуру, а также исторические изменения словообразовательной структуры слов (см. Опрощение, Переразложение). Синхронное С. изучает систему словообразовательных средств, присущих языку на данном этапе его развития (напр., совр. языку), и структуру слов, определяемую их синхронными (существующими на данном этапе развития языка) мотивационными отношениями с другими однокоренными словами. Синхронная словообразовательная структура слова может совпадать с его первоначальной словообразовательной структурой (напр.: *дом — домик*) или не совпадать с ней.

Так, слова *путник* и *цветник* исторически образованы с помощью суффикса *-ик* от прил. *путный* и *цветной* (др.-рус. *путьныи*, *цвѣтьныи*), имевших в древности соответственно значения «относящийся к пути или путешествию» и «покрытый цветами» (ныне утраченные); в современном же языке эти слова мотивированы только существительными (*путь*, *цветы*) и в них выделяется суффикс *-ник*.

Диалектическая связь между синхронным и диахронным С. состоит в том, что на каждом этапе развития языка для возникновения новых слов по образцу (модели) тех или иных ранее образованных (старых) слов существенна не первоначальная словообразовательная структура этих старых слов, а их синхронная словообразовательная структура. Так, в совр. рус. языке в существительных, мотивированных существительными, высоко продуктивен суффикс *-ник*, представляющий собой исторически соединение суффикса относительных прилагательных *-н-* с суффиксом существительных *-ик*; суффикс этот появился в таких словах, как *путник* или *цветник*, синхронная словообразовательная структура к-рых, уже не совпадающая с первоначальной, послужила впоследствии образцом для возникновения других слов с суффиксом *-ник* прямо от основ существительных (напр.: *коровник*, *градусник*).

Центральным понятием синхронного С. является понятие словообразовательной мотивации. Отношения мотивации устанавливаются между двумя однокоренными словами, одно из к-рых синхронически является с формальной и семантической точек зрения первичным, мотивирующим, исходным, а другое — вторичным, мотивированным, выводимым из него. Мотивированное слово — обычно более сложное по структуре основы, содержащей больше морфов (см.), чем основа мотивирующего слова. Всякое мотивированное слово бинарно (двучленно): оно состоит из двух частей— мотивирующей основы и форманта. Первая — та часть, к-рая является у него общей с мотивирующим словом (с учётом возможных морфонологических видоизменений, напр. чередований), вторая— та, к-рая отличает его от мотивирующего слова. Напр., в словах *головка* и *водичка* мотивирующая основа соответственно *голов-* (совпадающая с основой мотивирующего слова *голова*) и *водич-* (отличающаяся от основы мотивирующего *водица* только чередованием *ц—ч*); формант в обоих случаях — суффикс *-к(а)*. Слова, мотивированные более чем одним словом, содержат сложную, комплексную мотивирующую основу, состоящую из двух (или более) простых мотивирующих основ; напр., в слове *мор-е-плава-тель* сложная мотивирующая основа — *мор-... плава-* (основы мотивирующих слов *море* и *плавать*), а формант — интерфикс (соединительный аффикс) *-е-* и суффикс *-тель*.

Ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированности, представляет собой словообразовательную цепочку, напр.: *учить→учитель→учительница*. Исходное слово цепочки — немотивированное; каждое последующее слово отличается от предшествующего только одним формантом. Одно и то же слово может выступать по отношению к одному однокоренному слову как мотивированное, а к другому — как мотивирующее (так, *учитель* по отношению к глаголу *учить* — мотивированное слово, а по отношению к слову *учительница* — мотивирующее). Совокупность словообразовательных цепочек с одним и тем же исходным словом представляет собой словообразовательное гнездо (см.), определяемое также как совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации.

Различаются два вида анализа структуры словообразовательно мотивированных слов: морфемный анализ (иногда называемый также морфологическим, в школьной практике — анализом слов по составу) и словообразовательный анализ. Первый предполагает выделение всех составляющих слово (в данной его словоформе, см.) морфов. Второй требует установления словообразовательной структуры слова: как минимум — выделения мотивирующей основы и форманта (напр.: *устарелость*), как максимум — указания всех предшествующих звеньев словообразовательной цепочки, напр. в «цепочечной» записи *старый→стареть→устареть→устарелый→устарелость*; то же иногда передаётся «скобочной» записью: *{[у(стар-е)]л}ость*.

Будучи особой сферой языка и самостоятельным разделом языкознания, С. тесно связано, с одной стороны, с лексикой (как источник пополнения языка новыми словами), с другой — с грамматикой, прежде всего с морфологией, с к-рой его сближает как общность морфемного механизма, так и многообразные проявления взаимозависимости морфологических и словообразовательных характеристик слов. Для рус. грамматической традиции характерно включение раздела «С.» в описательные грамматики. С. при этом рассматривается как система построения и образования слов определённых частей речи, мотивированных словами определённых частей речи.

Основная единица классификации словообразовательной системы языка — словообразовательный тип. Это схема построения слов опреде-

лённой части речи, характеризующаяся общностью трёх признаков: а) части речи мотивирующих слов, б) форманта, в) словообразовательного значения. Напр., к одному словообразовательному типу относятся глаголы с суффиксом *-ну(ть)*, мотивированные глаголами и обозначающие однократность действия, названного мотивирующим глаголом: *прыгать — прыгнуть*, *свистеть — свистнуть* и т. п. При характеристике словообразовательных типов существенную роль играют такие их признаки, как продуктивность (способность служить образцом для производства новых слов) или непродуктивность; семантические и формальные видоизменения общей схемы построения слов данного типа; стилистическая окраска слов и сферы их употребления.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н о е з н а ч е н и е понимается как обобщённое значение ряда мотивированных слов с одним и тем же формантом, отличающее все эти слова от их мотивирующих. Словообразовательные значения мотивированных слов в русском языке многообразны. Среди них: а) значения, состоящие в характеристике предмета или признака по его отношению к другому предмету или признаку, напр. предметно-характеризующее в существительных-названиях носителя признака (*старый — старик*, *синий — синяк*), агентивное в существительных-названиях производителя действия (*читать — читатель*, *прыгать — прыгун*), относительное значение прилагательных (*вода — водный*); б) модификационные значения, представляющие собой дополнительный семантический компонент, добавляющийся к значению мотивирующего слова, напр. уменьшительное (*дом — домик*), «женское» (*мастер — мастерица*), начинательное (*петь — запеть*); в) транспозиционное значение, сводящееся к наделению мотивированного слова грамматической семантикой части речи, отличной от части речи мотивирующего слова, без изменения других компонентов его значения (*ходить — ходьба*, *красный — краснота*, *смелый — смело*); г) носящее наиболее абстрактный характер соединительное значение — указание на связь простых основ в составе сложной основы (*ярко-жёлтый*, *западносибирский*).

Более крупную, чем словообразовательный тип, единицу классификации представляет собой с п о с о б с л о в о о б р а з о в а н и я, объединяющий ряд типов с тождественным видом форманта (префикс, суффикс и т. п.). Для совр. рус. языка характерны следующие основные способы С.: суффиксальный (*учитель*), префиксальный (*пере-писать*), постфиксальный (*мыть-ся*); смешанно-аффиксальные способы — префиксально-суффиксальный (*за-столь-н-ый*), префиксально-постфиксальный (*раз-бежать-ся*), суффиксально-постфиксальный (*горд-и-ть-ся*), префиксально-суффиксально-постфиксальный (*пере-шёпт-ыва-ть-ся*); чистое сложение (последний компонент равен самостоятельному слову: *перв-о-источник*), суффиксально-сложный способ (*земл-е-проход-ец*), сращение (отличается от сложения сохранением в структуре мотивированного слова синтаксической связи компонентов, входящих в мотивирующее словосочетание: *ума-лишённый*), аббревиация (или сложносокращённый способ: *местком*, *сберкасса*). Разные способы С. играют при образовании слов разных частей речи неодинаковую роль. Так, префиксация и постфиксация наиболее развиты в глагольном С., а суффиксация и особенно сложение более характерны для именного С. Наибольшее многообразие наблюдается в рус. языке в сфере суффиксации. Словообразовательный суффикс может быть не только материально выраженным, но и нулевым (*выходить — выход*, *задирать — задира*, *синий — синь*). Такие образования трактуются нек-рыми учёными как разновидность конверсии — С. с помощью системы флексий мотивированного слова, понимаемой как единое словообразовательное средство. Другие усматривают в словах *синь*, *выход* и т. п. нулевой суффикс, подчёркивая при этом, что система флексий мотивированного слова, неотделимая от любого словообразовательного суффикса, входит в состав форманта не только при нулевой суффиксации, но и при материально выраженной.

Особый аспект С. представляет собой м о р ф о н о л о г и ч е с к и е я в л е н и я — формальные преобразования основы мотивирующего слова в структуре мотивированного слова. Среди них — линейные преобразования: усечение основы (*болта-ть — болт-ливый*, *узк-ий — уз-ость*), реже наращение (*пе-ть — певец*), чередования (*рука — руч-ной*, *разбирать — разбор-ка*), совмещение морфов (*лилов-ый — лиловатый*, где отрезок *-ов-* принадлежит одновременно мотивирующей основе и суффиксу), перемещение ударения (*зелёный — зе́лень* с нулевым суффиксом, *ре́зать — вы́резать*). Морфонологические преобразования основы играют роль дополнительного, вспомогательного средства, сопровождающего формант.

Сведения о словообразовательных единицах содержались в различных грамматических описаниях рус. языка, изданных в дореволюционное время. Особенное теоретическое значение имела концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ (см.) и его школы. Согласно этой концепции, с одной стороны, необходимо строго различать словообразовательные связи, имеющиеся в совр. языке, и реальный

путь образования слова в прошлом, с другой стороны, рассматривать словообразовательные средства совр. языка в аспекте их продуктивности. Требование различать синхронный и диахронный подходы к С. чётко сформулировано Ф. Ф. Фортунатовым (см.). Н. В. Крушевский впервые в русской науке поставил вопрос о системности С.: «Все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» («Очерк науки о языке», 1883). Взгляду на С. как на систему соответствовало стремление изучать как материальные и смысловые связи слов, содержащих общие морфемы, так и связи морфем внутри слова; установление этих связей способствует «обособлению морфологических элементов слова». Крушевским поставлен вопрос о классификации «разновидностей» этих элементов, рассмотрены фонетические разновидности корней, суффиксов и префиксов. В трудах М. М. Покровского описаны (частично на рус. материале) семантико-словообразовательные группы слов, для к-рых характерны регулярные изменения значения; эти работы важны для изучения различных видов словообразовательных значений.

Изучение С. рус. языка в сов. эпоху можно разделить на три периода: 1) 20-е гг.— сер. 40-х гг.; 2) сер. 40-х гг.— сер. 50-х гг.; 3) с сер. 50-х гг. До сер. 40-х гг. рус. С. не было самостоятельным объектом изучения. В грамматических описаниях словообразовательный материал отсутствовал либо был представлен в неполном виде в морфологических разделах. Описание аффиксальных типов рус. именного С. впервые было дано в книге В. В. Виноградова «Современный русский язык» (в. 2, 1938), где эти типы рассмотрены в соответствии с морфологическими типами (родовой принадлежностью и типами склонения) аффиксальных слов. Этот подход к С. сохранён и в книге Виноградова «Русский язык» (1947). Г. О. Винокур, рассматривая отглагольные имена, продемонстрировал ряд приёмов анализа, получивших распространение в более поздних исследованиях: сопоставительный анализ разных средств выражения близких значений, семантических и формальных ограничений производящих слов, установление внеязыковых импульсов, способствующих возникновению мотивированных слов.

Начало второго периода связано с появлением статьи Винокура «Заметки по русскому словообразованию» (1946), где изложены принципы синхронного словообразовательного анализа. Этот анализ осуществляется путём соотнесения мотивированного слова с «соответствующей первичной основой»,связанной материально и семантически с изучаемым словом. В 1951—52 опубликованы статьи Виноградова, в к-рых на конкретном материале показаны связи С. с грамматикой и лексикологией и выявлена его специфика как самостоятельной научной дисциплины. Виноградов впервые дал классификацию системы способов («видов» или «типов», в его терминологии) рус. С. На его работах были основаны словообразовательные главы в 1-м томе академической «Грамматики русского языка» (1952) и в курсе «Современный русский язык. Морфология» (1952), где было дано более полное, чем в предшествующих трудах, описание С. существительных и прилагательных (в разделе «Морфология»), но словообразовательный материал глагола не был отчётливо отграничен от морфологического.

С резким увеличением интереса к С. после выхода академической грамматики 1952 связано начало третьего периода в его изучении. Появление многочисленных описаний разных типов именного и глагольного С. (работы Н. М. Шанского, Е. А. Земской, В. П. Григорьева, Б. Н. Головина, В. И. Максимова и др.) сделало возможным описание системы словообразовательных типов в их взаимоотношении и взаимодействии. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и в академической «Русской грамматике» (готовится к печати) осуществлено наиболее полное описание С., показана иерархическая организация С. как системы единиц разных уровней (типов и подтипов, общих и частных словообразовательных значений). Описаны морфонологические различия между мотивирующими и мотивированными словами.

В работах 50—70-х гг. поставлены многие новые для теории С. вопросы: эволюция С. и её внутриязыковые и внеязыковые причины, соотношение морфемного и словообразовательного анализа, многие проблемы выделения значимых единиц в слове (проблема «степеней членимости» слова, дискуссия о внеморфемных асемантических элементах слова — «интерфиксах»), а также идентификации их (морфы и морфемы), морфонологические явления в С. и их соотношение, закономерности сочетаемости словообразовательных морфем, словообразовательная мотивация и её виды, ряд общетеоретических проблем словообразовательной семантики, связи слов в словообразовательном гнезде, парадигматические и синтагматические связи между единицами С.

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Казань, 1883; Фортунатов Ф. Ф., О преподавании грамматики русского языка в средней школе, в его кн.: Избранные труды, т. 2, М., 1957; Покров-

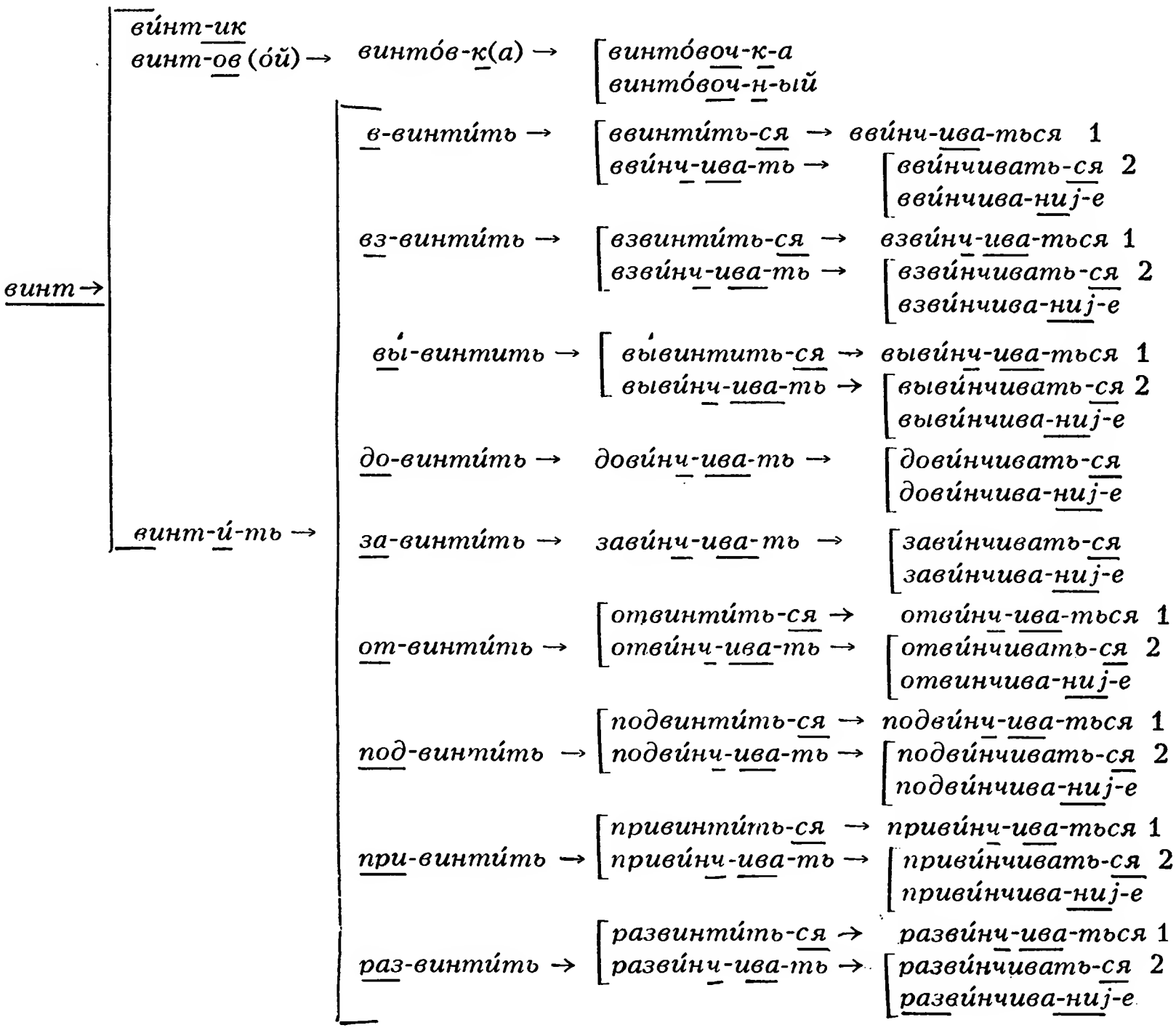
ский М. М., Избранные работы по языкознанию, М., 1959; Винокур Г. О., Заметки по русскому словообразованию, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в., М., 1964; Кубрякова Е. С., Что такое словообразование, М., 1965; Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка, М., 1968; Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию, М., 1968; Изучение грамматического строя русского языка, в кн.: Теоретические проблемы советского языкознания, М., 1968; Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка, Самарканд, 1971; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Земская Е. А., Современный русский язык. Словообразование, М., 1973; Виноградов В. В., Вопросы современного русского словообразования, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; его же, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, там же; Улуханов И. С., Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, М., 1977; Лопатин В. В., Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания, М., 1977; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин, И. С. Улуханов.

СЛОВООБРАЗОВА́ТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО́ — совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями производности. Ср., напр., сокращённое С. г. слова *винт* (см. ниже).

С. г. возглавляет исходное слово, к-рое является непроизводным (*винт*). Остальные слова производные. Каждое производное слово имеет своё производящее. Производящее и производное образуют словообразовательную пару, находятся в отношениях производности. Ср. *винт* → → *винтик*, *винт* → *винтить*, *винтить* → → *ввинтить*, *винтить* → *взвинтить*. Эти отношения носят упорядоченный характер: в основе строения С. г. лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим, напр.: *винт* → *винтить* → *ввинтить* → *ввинчивать* → *ввинчиваться*; *винт* → *винтить* → *завинтить* → *завинчивать* → *завинчиваться*. Слова, входящие в одно С. г., имеют общий элемент значения, материальным выразителем к-рого выступает общий для них корень.

Границы С. г. подвижны. Гнёзда могут пополняться новыми словами. Смысловые связи между входящими в С. г. словами могут утратиться, в результате чего образуются разные С. г., ср.: *чёрный* и *чернила*, *белый* и *бельё*, *пилот* и *пилотка*, *дать* и *продать*, *бить* и *убить*, *быть*



и *забыть*, *чрево* и *чреватый*, *стать* и *устать*, *чин* и *чинный*. Эти слова с точки зрения современных отношений уже не являются однокоренными; семантика вторых слов не мотивирована значением первых.

Лит.: Гинзбург Е. Л., Исследование структуры словообразовательных гнезд, в кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972, М., 1973; Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка, Самарканд, 1971; его же, Слово и его родня, в сб.: Русское словообразование, Самарканд, 1971 (Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, в. 209); его же, Семантические связи слов в словообразовательном гнезде, там же; его же, Гнездование однокоренных слов, в кн.: Исследование по славянской филологии, М., 1974.

А. Н. Тихонов.

СЛОВООБРАЗОВА́ТЕЛЬНЫЙ СЛОВА́РЬ, деривационный словарь,— словарь, к-рый показывает членение слов на составляющие их морфемы (корни, аффиксы), а также словообразовательную структуру слова (см. Словообразование). Слова в С. с. даются с ударением и расчленением на морфемы, напр.: *кулина́р*, *кулина́р|и|я*, *кулина́р|к|а*.

Основными типами С. с. являются: 1) словари-корнесловы, основные единицы в к-рых — корневые морфемы: перечисляются в алфавитном порядке слова с общим корнем или группы однокоренных слов (гнездовой словарь). В словарях-корнесловах не указывается на словообразовательные отношения однокоренных слов.

2) Словари морфемной членимости слов. Среди них выделяются: а) алфавитные морфемные словари, основными единицами к-рых являются расчленённые на морфемы слова; б) гнездовые словари, единицами к-рых являются группы однокоренных слов, расчленённых на морфемы, напр. словарная статья, посвящённая корню *-шум-*, может иметь следующий вид: *ШУМ-∅* (∅ — знак нулевого окончания), *ШУМ-е́-ть*, *ШУМ-и́х-а*, *ШУМ-ли́в-ый*, *ШУМ-ли́в-ост-ь*, *ШУ́М-н-ый*, *ШУМ-ну́-ть*, *ШУМ-ов-о́й*, *ШУМ-ов-и́к-∅*, *ШУМ-о́к-∅*, *бес-ШУ́М-н-ый*, *бес-ШУ́М-н-ост-ь*, *за-ШУМ-е́-ть*, *на-ШУМ-е́-ть*, *по-ШУМ-е́-ть* и т. д.; в) гнездовые словари, основные единицы к-рых — корневые и аффиксальные морфемы; для каждого корня (или аффикса) приводятся все возможные аффиксы (или корни), с к-рыми сочетается этот корень (или аффикс) в разных словах, напр. так может выглядеть фрагмент словарной статьи префикса *бес-*: *БЕС-про́-V́-н-ый*, где знак *V́* указывает на возможные в данном случае корни: *-бу́д-*, *волоч-*, *-гля́д-*, *-све́т-*. В С. с. может также указываться, в каких словах данный аффикс выступает на первом месте, на втором и, если возможно, на третьем. Словари морфемной членимости не указывают на словообразовательные отношения внутри группы однокоренных слов.

3) Собственно словообразовательные словари. Задача этих словарей — показать не только морфемный состав каждого слова, но и раскрыть словообразовательную структуру слова. Слова упорядочены в соответствии с отношениями словообразовательной мотивированности в гнезде, напр.:

смéл|ый → *смéл|ость*, *смéл|о*, *смель|чáк*, *смел|é|ть*, *о|смел|é|ть*, *по|смел|é|ть*, *о|смéл|и|ть|ся*.

4) Толковые словари аффиксальных морфем. В этих словарях раскрывается значение аффиксов и особенности их функционирования. В рамках словарной статьи приводятся сведения о продуктивности (или непродуктивности) аффикса, о наличии у него алломорфов (см. Морф), выступает ли аффикс в качестве формо- или словообразовательной единицы, к какой основе присоединяется, о стыке морфем, о положении аффикса относительно ударения.

В первых российских словарях-корнесловах основными единицами были: 1) корневые морфемы (напр., Шишмкевич Ф. С., Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками, ч. 1—2, СПБ, 1842), 2) группы однокоренных слов (Калайдович И., Опыт правил для составления русского производного словаря..., «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при имп. Моск. университете», 1824, ч. 5; Рейф Ф. И., Русско-французский словарь..., т. 1—2, СПБ, 1835—36; по принципу «гнезда» построены: «Словарь Академии Российской», ч. 1—6, 1789—94; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, т. 1—4, 1956), 3) корни и аффиксы (напр., Изюмов М. М., Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими. В 4-х отделах, СПБ, 1880). Словари морфемной членимости появились позднее. К ним относится, напр., «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (1961).

К собственно С. с. относится: «Краткий словообразовательный словарь русского языка» В. Т. Шклярова и Х. Кюнерта (Потсдам, 1973).

Идея составления толкового словаря служебных морфем впервые была высказана И. А. Бодуэном де Куртенэ. Приближением к С. с. было включение в толковые словари отдельных морфем (преим. префиксов) в качестве самостоятельных единиц («Словарь церковнославянского

языка и русского, составленный Вторым отделением имп. Академии Наук», т. 1—4, 1847; 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», 1948—65).

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И. А., Замечания о русско-польском словаре, «Лексикографический сборник», в. 6, М., 1963; Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959; Тихонов А. Н., Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка, Самарканд, 1971; Ефремова Т. Ф., О возможных типах так называемых морфемных словарей русского языка, «Рус. яз. в школе», 1976, № 2.

М. С. Суханова.

СЛОВОСОЧЕТА́НИЕ — синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи — согласования (см.), управления (см.) или примыкания (см.). Грамматически главенствующее слово составляет стержневой (главный) компонент С., грамматически подчинённое слово — его зависимый (подчинённый) компонент. По стержневому компоненту С. подразделяются на субстантивные (стержневое слово — существительное), адъективные (стержневое слово — прилагательное), глагольные и наречные.

С. служит средством номинации (см.), обозначая предмет, явление, процесс, качество, свойство, названные стержневым компонентом и уточняемые, конкретизируемые зависимым компонентом (*зелёный абажур*, *читать книгу*, *весело шагать*, *очень близко*). Грамматическое значение С. создаётся отношением, к-рое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или иного вида присловной подчинительной связи.

С. строятся по определённым грамматическим образцам, формирующимся в языке на основе категориальных свойств слов. Так, С. типа *зелёный абажур*, *интересная книга* формируются по модели «имя существительное — согласуемое с ним слово».

С. бывают свободные и несвободные. В свободном С. сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной (*читать книгу*). В несвободном С. лексическая самостоятельность одного или обоих его компонентов ослаблена или утрачена, и оно всё целиком по характеру значения приближается к отдельному слову (*железная дорога*, *бить баклуши*). Предметом грамматики являются только свободные С. Свободные С. могут быть лексически неограниченными (напр., сочетание полного прилагательного с существительным: *высокий дом*) и лексически ограниченными (напр., глагольные С. с инфинитивом: *начинает работать*), где используются в качестве стержневых фазовые глаголы, глаголы со значением желания и нек-рые др.

Со структурной точки зрения различаются С. простые, сложные и комбинированные. Простые С. могут быть двучленными, трёхчленными и четырёхчленными. Двучленные С. образуются на основе одиночной связи (*читать книгу*, *новый дом*). Трёхчленные и четырёхчленные С. образуются на основе двойной и тройной сильной связи (*отдать книгу ученику*, *перевести книгу с русского на английский*). Трёхчленные С. могут быть также образованы на основе соединения сильной связи и такой слабой связи, к-рая невозможна без сильной (*открыть дверь гостю*). Сложные С. создаются разными типами связи стержневого слова, напр. согласованием и примыканием (*новый жилец наверху*), управлением и примыканием (*быстро выполнить работу*). Комбинированные С. образуются на основе связей, исходящих от разных стержневых слов, и представляют собой, т. о., соединение С. Так, комбинированное С. *увлечённо читать интересную книгу* образовано соединением трёх простых С.: *читать увлечённо*, *читать книгу*, *интересная книга*.

С. как единица называющая качественно отлична от предложения как единицы сообщающей: С. лишено основных признаков предложения — синтаксических категорий модальности, времени, лица, интонации сообщения. Вместе с тем С. тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные возможности и разные правила своего употребления. В предложении С. может выступать в неизменённом виде или подвергаться различного рода изменениям лексического и формального характера (напр., приобретать дополнительные оттенки значения под влиянием информативного содержания предложения, менять порядок следования компонентов в связи с актуальным членением).

Теория С., вопросы, касающиеся структурной классификации С., взаимоотношения С. и предложения и соответственно границ С., разработаны в рус. языкознании лишь в сов. эпоху. Мнение о необходимости разграничивать предложение и С. высказывалось многими учёными (особенно чётко этот вопрос поставлен А. А. Шахматовым и Л. В. Щербой), но получало противоречивое разрешение. Предложение и С. рассматривались в одном ряду (ср., напр., законченные и незаконченные С. у Ф. Ф. Фортунатова, предикативные и непредикативные синтагмы у С. О. Карцевского). В ряде классификаций к С. (синтагмам) относились однословные конструкции (А. М. Пешков-

ский), сочинительные соединения (Н. С. Трубецкой).

Последовательное разграничение предложения и С., чёткое определение границ С. дано в работах В. В. Виноградова и других сов. учёных, развивающих его теорию.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1954; Ярцева В. Н., Предложение и словосочетание, в сб.: Вопросы грамматического строя, М., 1955; Курилович Е., Основные структуры языка: словосочетание и предложение, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Прокопович Н. Н., Словосочетание в современном русском литературном языке, М., 1966; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970. *Л. Е. Лопатина.*

СЛОВОУПОТРЕБЛЕ́НИЕ — выбор, употребление слов в речи, а также правила и закономерности такого выбора с точки зрения лит. норм.

Лит. нормы С. связаны с правильным (семантически точным, стилистически уместным) выбором слова, а также с грамматически и стилистически правильной сочетаемостью слов.

Нарушения норм С. могут быть связаны со смешением в употреблении однокоренных слов, близких по значению и сфере употребления, но разных по образованию (напр.: *гордый — горделивый*, *вдох — вздох*, *нетерпимый — нестерпимый*; см. Паронимы).

Смешиваются близкие по сфере употребления, но не полностью совпадающие по значению слова (см. Синонимы), различающиеся обычно своими синтаксическими связями. Неправильно, напр., *педагог русского языка* вместо *учитель русского языка*. Часто не учитывается сниженная (разговорная, просторечная, диалектная и т. п.) окраска одного из синонимов и, напротив, высокая (торжественная, поэтическая и т. п.) окраска другого. Напр.: *спать — отдыхать*, *покупать — брать*, *есть — кушать*, *жена — супруга*, *построить — воздвигнуть*, *работать — трудиться*.

Нарушение норм С. может быть также связано с употреблением в определённой речевой ситуации слов или средств иного функционального стиля, напр. в нейтральной речи неуместны официальные и книжно-канцелярские слова: *проживать* (вместо жить), *прибыть* (вместо приехать, прийти).

Многие ошибки С. связаны с забвением буквального значения редких или устарелых слов (*деверь*, *шурин*, *именины*), а также неправильным употреблением заимствованных слов (*кавалькада*, *титул*, *приоритет*, *будировать*).

Нарушения закономерностей сочетаемости слов приводят к избыточным (тавтологическим) сочетаниям (*очень громадный*, *вздёрнутый кверху*, *житница зерна*). Особенно много таких сочетаний возникает при неверном использовании заимствованных слов (*дезорганизатор порядка*, *хронометраж времени*, *промышленная индустрия*, *прейскурант цен*). Правда, в «уточняющих» конструкциях такие словосочетания допустимы: *хронометраж рабочего времени*, *прейскурант розничных* (*оптовых*) *цен*. При употреблении устойчивых фразеологических оборотов ошибки связаны с искажениями, неправомерными заменами компонентов фразеологизма (напр.: *пока суть да дело* вместо *пока суд да дело*), а также с контаминацией — совмещением двух близких по структуре словосочетаний в одном (напр.: *играть значение* вместо *играть роль* или *иметь значение*).

Языковая культура в области С. предполагает владение не только лексическими нормами, но и лексическую и стилистическую чистоту речи: свободу её от диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов, штампованных выражений, канцеляризмов и ненужных иноязычных заимствований. Кроме того, она предполагает богатство словарного запаса говорящих и пишущих, умение пользоваться смысловыми и стилистическими богатствами словаря.

Неточности и ошибки С. используются для характеристики персонажа в языке художественной лит-ры и публицистики (обычно с комментариями других персонажей или самого автора).

Лит.: Правильность русской речи. Словарь-справочник. Сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, под ред. С. И. Ожегова, 2 изд., М., 1965; Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. Сост. Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева, М., 1968; Максимов В. И., Точность и выразительность слова, Л., 1968; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов, под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, 2 изд., М., 1973; Горбачевич К. С., Изменение норм русского литературного языка, Л., 1971; его же, Нормы современного русского литературного языка, М., 1978; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. [Ред. К. С. Горбачевич], Л., 1973; Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста, под ред. Л. И. Рахмановой, М., 1974; Словарь синонимов. Справочное пособие, под ред. А. П. Евгеньевой, Л., 1976; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А., Словарь трудностей русского языка, М., 1976; Бельчиков Ю. А., Лексическая стилистика, М., 1977; Калинин А. В., Лексика русского языка, 3 изд., М., 1978. *Л. И. Скворцов.*

СЛОВОФО́РМА — слово (лексема) в нек-рой грамматической форме (в частном случае — в единственной имеющейся у слова форме), напр.: *сад*, *садами*, *белый*, *белую*, *пишет*, *вчера*. С.— двусторонняя единица. Её внешняя сторона — это последовательность фонем с указанием места ударения (в рус. языке). Внутренняя сторона — это значение, как правило, сложное, т. е. состоящее из не-

скольких элементарных значений. Всякая С. обладает нек-рыми синтаксическими свойствами, т. е. способностью определённым образом сочетаться с другими С. при построении фразы. Совокупность синтаксических характеристик С. образует её «синтактику». Строго говоря, синтактика не входит во внутреннюю сторону С. Однако связи между синтаксическими характеристиками и элементами значения столь многочисленны и сложны, что традиционно эти два аспекта С. рассматриваются вместе (т. е. внутренняя сторона С. понимается в расширительном смысле — как включающая и синтаксические характеристики).

Две внешне различные С., у к-рых внутренняя сторона совпадает, называются вариантами друг друга, напр.: *водой* и *водою*. С другой стороны, возможны омонимия С., напр.: *попугай* (сущ.) и *попугай* (глагол), *рыбы* (род. п. ед. ч.) и *рыбы* (им. п. мн. ч.).

Совокупность всех С. слова (лексемы) образует парадигму (см.) данного слова.

А. А. Зализняк.

СЛОГ — минимальная единица речевого потока. Существуют разные толкования С., основанные на преимущественном внимании к его артикуляционным или акустическим характеристикам. С точки зрения артикуляции С. определяется как минимальная произносительная единица, т. е. такая последовательность речевых движений, к-рая образуется единым дыхательным толчком (Р. Стетсон), единым импульсом мускульного напряжения (Л. В. Щерба) или в результате одной управляющей команды (Л. А. Чистович и др.). При акустическом подходе С. определяют как волну нарастания и ослабления звучности (О. Есперсен, Р.И. Аванесов). При том и другом подходе вершиной С. считается гласный, являющийся слогообразующим элементом, согласные считаются его периферийными элементами. Случаи, когда согласные могут быть слогоносителями, отмечаются в фонетической лит-ре специально («слоговые согласные»).

Трудности изучения С. связаны с тем, что он не соотносится (в языках фонемного строя, в т. ч. русском) с к.-л. значимыми единицами, а выявляется только на основании фонетических характеристик. Экспериментально-фонетические исследования слоговой структуры речи, проводившиеся на ранних этапах изучения С., не позволяли говорить о к.-л. постоянных фонетических характеристиках С., что дало повод нек-рым учёным вообще считать С. «фикцией». В противоположность фонетическому С. была выдвинута идея о «фонологическом» С., т. е. минимальной единице, характеризующей возможности сочетаемости фонем в данном языке. Однако определение того, входят две следующие одна за другой единицы в один С. или не входят, должно опираться на известные фонетические представления.

Понимание С. как сочетания гласного с одним или несколькими согласными широко распространено в фонетической лит-ре, что отражается и в существующей терминологии: говорят об открытых С., т. е. С., кончающихся гласными (*ты*, *сто*, *три*), о закрытых С., т. е. С., кончающихся согласными (*он*, *пёк*), о прикрытых С., т. е. С., начинающихся с согласного, и неприкрытых, т. е. С., начинающихся с гласного. Т. о., *и* — открытый неприкрытый С., *мы* — открытый прикрытый С., *ум* — закрытый неприкрытый С., *вам* — закрытый прикрытый С. Ни о каких собственно фонетических (артикулярно-акустических и перцептивных) характеристиках здесь речь не идёт — это только описание фонемного состава слогов.

Однако существует целый ряд фактов, к-рые не позволяют согласиться с отрицанием фонетической реальности С. Ритмическая структура слова создаётся на основании специальной организации безударных С. вокруг ударного (см. Ударение); практика стихосложения также связана с определённым чередованием ударных и безударных С. или даже только с повторением одного и того же количества С. в стихе; интуитивное чувство любого носителя языка позволяет ему, даже если слово само по себе не опознано, правильно определять количество С. Часто дети при обучении языку в первую очередь «запоминают» количество С. в слове и правильно передают его, ошибаясь при этом в передаче его фонемного состава.

В последние годы проведён ряд экспериментально-фонетических исследований фонетических характеристик С., показавших, что действительно минимальной произносительной единицей является не любой, а только открытый С.: элементы такого С. характеризуются максимальной слитностью, связанностью, что приводит к сильному изменению свойств согласных и гласных, входящих в данный С. Так, напр., в С., содержащем огублённый гласный *о* или *у*, движение огублённости (округление и выпячивание губ) начинается с началом первого согласного в С. (*ту*, *сту*, *ксту*, *кствy*...), опускание нижней челюсти, наблюдаемое при артикуляции гласного *а*, также начинается с началом артикуляции первого согласного в слове. В сочетаниях же типа *ут*, *уст* и т. д., т. е. в закрытых С., такой связанности элементов нет, наоборот, с артикуляционной и акустической точки зрения эти сочетания не являются минимальными единицами, а скорее — последовательностями минимальных единиц.

Подход к С. как к волне сонорности (звучности) основан на том, что все звуки обладают различной собственной гром-

костью: наиболее звучными являются гласные (самый звучный — гласный низкого подъёма *а*, менее звучные — гласные среднего подъёма *о* и *е*, наименее звучные из гласных — гласные верхнего подъёма *и*, *у*, *ы*), затем следуют сонанты (от наиболее звучных плавных *л*, *л'* и дрожащих *р*, *р'* к наименее звучным носовым *м*, *м'*, *н*, *н'*), затем звонкие щелевые согласные, звонкие взрывные, глухие щелевые и глухие взрывные. Т. о., каждый С. содержит один наиболее сонорный элемент (гласный) и один или несколько менее сонорных.

Определение С. как дыхательного толчка опровергается экспериментальными данными, к-рые свидетельствуют о том, что число С. и число дыхательных толчков не совпадают. См. также Слогораздел.

Лит.: Щ е р б а Л. В., Фонетика французского языка, 7 изд., М., 1963; А в а н е с о в Р. И., О слогоразделе и строении слога в русском языке, «ВЯ», 1954, № 6; Б о н д а р к о Л. В., Структура слога и характеристики фонем, там же, 1967, № 1; Речь. Артикуляция и восприятие, М.— Л., 1965; E s s e n O., Die Silbe — ein phonologischer Begriff, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1951, H. 3/4; J e s p e r s e n O., Zehrbuch der Phonetik, Lpz.— B., 1932; S t e t s o n R. H., Motor phonetics, 2 ed., Amst., 1951. *Л. В. Бондарко.*

СЛОГОРАЗДЕ́Л — граница между двумя слогами, следующими друг за другом в потоке речи. Существующие определения слога (см.) дают различные основания для определения места слоговой границы. В сов. фонетич. лит-ре распространены две теории С. Одна из них разработана Р. И. Аванесовым на основании понимания слога как волны сонорности. Правила Аванесова состоят в следующем: при последовательности СГСГСГ... (С — согласный, Г — гласный) С. проходит между гласным и следующим согласным (*мо-ло-ко*, *по-мо-гу* и т. д.). Когда же имеет место сочетание СГССГ или СГСССГ и т. д., то при общей тенденции к образованию открытых слогов должен учитываться закон восходящей звучности, в соответствии с к-рым в рус. языке в любом неначальном слове звучность нарастает от начала слога к его вершине. С точки зрения собственной звучности Аванесов различает три большие группы: гласные, сонанты и шумные согласные. Тогда в неначальном слоге запрещёнными оказываются лишь последовательности сонант + шумный согласный: невозможно деление на слоги *су+мка* (во втором слоге нарушен закон восходящей звучности, т. к. *м* более сонорен, чем *к*), нужно делить *сум-ка*, но *ко-шка*. Правила Аванесова основаны на двух допущениях, требующих специального доказательства; во-первых, неначальные слоги противопоставлены начальным, в к-рых закон восходящей звучности может нарушаться (*лба*, *рты*, *льды*); во-вторых, разбивка звуков на три группы по звучности не учитывает реальных характеристик звуков: в «правильном» слоге *шка* (*ко-шка*) на самом деле согласный *ш* более звучен, чем *к*, так что и здесь закон восходящей звучности нарушен.

Теория С., сформулированная Л. В. Щербой, учитывает такой существенный признак слога, как его ударность; понимая слог как единицу, характеризующуюся единым импульсом мускульного напряжения, он считает, что С. проходит в месте наименьшего мускульного напряжения, а оно в сочетаниях СГССГ зависит от места ударного гласного: если ударным является первый гласный, то следующий за ним согласный является сильноначальным и примыкает к этому гласному, образуя закрытый слог (*ша́-ка*); если же ударным является второй гласный, то оба согласных отходят к ударному слогу в связи с общей тенденцией образования открытых слогов (*ка-пка́н*). Сонанты, однако, примыкают к предшествующему гласному, даже если он безударный (это сближает теории Щербы и Аванесова). Признак ударности при определении места С., возможно, является очень существенным, однако экспериментально-фонетические исследования не дают ещё оснований для строгого определения сущности «импульса мускульного напряжения», лежащего в основе щербовской теории С.

Изучение артикуляционно-акустических характеристик речевых последовательностей показывает, что любое высказывание распадается на цепь открытых слогов независимо от качества сочетающихся согласных и места ударения: *па-лку* и *по-лку*, *па-сту* и *по-сту*. Интересно, что морфологическая граница не влияет на слогоделение (даже согласный, находящийся в абсолютном конце слов, произносится в одном слоге с гласным, начинающим следующее слово: *Ночь ужаса — но́/чу́/жаса*).

Лит.: Б о н д а р к о Л. В., П а в л о в а Л. П., О фонетических критериях при определении места слоговой границы, «Рус. яз. за рубежом», 1967, № 4; Б о н д а р к о Л. В., Звуковой строй современного русского языка, М., 1977. См. также лит. при ст. Слог. *Л. В. Бондарко.*

СЛО́ЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — синтаксич. единица, образующаяся путём соединения нескольких (минимум двух) предложений на основе того или иного вида грамматической связи. Связь между предложениями является грамматической, если она выражена специальными структурными средствами: союзами, союзными словами (относительными местоимениями) или же — в редких случаях — соотношением форм глаголов-сказуемых (см. Бессоюзное сложное предложение). Как дополнительные средства связи выступают указательные местоимения, разного рода «соотносящие» слова и частицы,

а также грамматикализованные (развившие в себе связующие функции) элементы лексики. Грамматическая оформленность С. п. обычно сопровождается цельнооформленностью его интонационного контура. С. п. строится на основе грамматических связей двух типов: сочинительной (паратаксис) и подчинительной (гипотаксис). При сочинительной связи его компоненты сохраняют формальную независимость друг от друга; при подчинительной связи одно из них формально зависит от другого. Формальная независимость выражается сочинительными союзами, передающими разные виды сочинительных отношений; формальная зависимость выражается подчинительными союзами и союзными словами, передающими подчинительные отношения. С. п., образующиеся на основе сочинительной связи, называются сложносочинёнными предложениями (см.); сложные предложения, образующиеся на основе подчинительной связи, называются сложноподчинёнными предложениями (см.). Последние подразделяются на предложения с союзным подчинением и предложения с относительным подчинением. Для С. п. в целом характерно отсутствие резкой границы между сочинением и подчинением, вследствие чего наряду со сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями существуют предложения, совмещающие признаки и тех и других. Чаще всего сочинение и подчинение оказываются слабо противопоставленными в сфере союзной связи; однако и в области относительного подчинения есть конструкции, по характеру отношений граничащие с сочинительными. Вступая в связь для образования более сложной единицы, предложения обычно стремятся так или иначе приспособиться друг к другу (не утрачивая, однако, своей синтаксической определённости); это приспособление может выражаться интонационно (повышением тона, соединительными паузами и т. д.), а также проявляться в их структурной однотипности, в особенностях словопорядка, в определённых соотношениях видо-временных форм и наклонений глаголов-сказуемых, в неповторении общих членов и т. д. Подобные явления имеют не грамматический, а стилистический характер: это типичные, но далеко не обязательные приёмы построения речи, в т. ч. и состоящей из синтаксически не связанных (простых) предложений. К сложному предложению обычно относятся также разного рода бессоюзные соединения предложений, хотя последние лишены первостепенного признака грамматической единицы — структурно выраженного (грамматического) значения.

Лит.: Поспелов Н. С., О грамматической природе сложного предложения, в кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Белошапкова В. А., Сложное предложение в современном русском языке, М., 1967; Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения, М., 1969.

И. Н. Кручинина.

СЛО́ЖНОЕ СЛО́ВО — слово, имеющее более чем одну мотивирующую основу (см. Основа). Напр., слово *торфоразработка* содержит две мотивирующие основы: *торф-* и *-разработк-*; слово *слепоглухонемой* — три мотивирующие основы: *слеп-*, *-глух-* и *-нем-*. Между мотивирующими основами С. с. чаще всего находятся соединительные морфемы (интерфиксы; см. Морфема): *-о-* (к-рая после мягких и непарных твёрдых согласных на письме обозначается буквой *е*, напр.: *лесостепь*, но *сине-зелёный*, *птицефабрика*), реже *-у-* (*двучлен*, *полукруг*), *-и-* (*сахариметр*) и нек-рые другие.

Последняя из мотивирующих основ С. с. вместе с окончанием образует его главный (опорный) компонент, равный самостоятельному слову: *первоисточник* (ср. *первый источник*). Остальные мотивирующие основы (компоненты) в составе С. с. выступают без окончаний, ср. *зимостойкий*, в к-ром компонент *зим-* выступает без окончания *-а* (*зима*). С. с. имеют одно главное ударение, преим. на опорном компоненте: *первоисто́чник*, *полуобернýться*.

По смыслу компоненты С. с. могут находиться между собой в сочинительных или подчинительных отношениях. С. с. с сочинительными отношениями компонентов обозначают единые понятия или признаки, представляющие собой простые соединения понятий или признаков, названных компонентами С. с.: *лесостепь*, *северо-запад*, *лесопарк*, *бело-розовый*, *научно-технический* и т. п. Сочинительные отношения между компонентами С. с. подобны сочинительным отношениям между словами (ср.: *лес* и *степь*, *север* и *запад*, *белый* и *розовый*).

С. с. с подчинительными отношениями компонентов обозначают понятие, признак, действие, обозначенные опорным компонентом и уточнённые, конкретизированные предшествующим компонентом (компонентами): *лесозаготовки*, *сухофрукты*, *полуобернуться*. Подчинительные отношения между компонентами С. с. подобны подчинительным отношениям между словами (ср.: *заготовки леса*, *сухие фрукты*).

С. с. особенно широко представлены среди существительных и прилагательных. Сложные глаголы образуют лишь два продуктивных словообразовательных типа: глаголы с основой числительного *пол(у)-* и местоименного прилагательного *сам(о)-* в качестве первого компонента (*полузакрыть*, *самовоспламениться*).

Лит.: Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии,

М., 1959; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Земская Е. А., Современный русский язык. Словообразование, М., 1973. *И. С. Улуханов.*

СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — разновидность сложного предложения (см.), образующаяся сочетанием предложений на основе подчинительной грамматической связи. Предложение, предопределяющее связь, называется главным (см. Главное предложение); предложение, реализующее связь и содержащее показатель синтаксической несамостоятельности, называется придаточным (см. Придаточное предложение). По средствам связи С. п. классифицируются на предложения с союзным подчинением и предложения с относительным подчинением. Союзные С. п. подразделяются на предложения с синтаксическими союзами (*что*, *как*, *чтобы* и др.), имеющими лишь грамматическое значение (*Я знаю, что они друзья*; *Слышно, как где-то поют*; *Он не хочет, чтобы его ждали*), и предложения с семантическими союзами (*когда*, *если*, *хотя*, *потому что* и др.), обладающими как грамматическим, так и лексическим значением (*Он поможет тебе, когда / если будет нужно*; *В доме тепло, хотя на дворе мороз*; *Он не ответил, потому что не слышал вопроса*). В зависимости от того, к чему относится придаточное предложение, С.п. распадаются на двучленные и одночленные. В двучленных С. п. придаточное относится ко всему главному, в составе к-рого для него не находится ни синтаксического места, ни к.-л. «опорного» компонента; в одночленных С. п. придаточное или реализует сочетаемостные свойства к.-л. слова главного предложения и является, т. о., присловным, или имеет в нём синтаксическую позицию, идентичную позиции подлежащего или сказуемого в простом предложении. Различия между одночленными и двучленными С. п. формально выражаются в средствах связи: в одночленных конструкциях это — синтаксические союзы (*что* и др.) и относительные местоимения (*который*, *кто*, *где* и др.); в двучленных — семантические союзы (*когда*, *если* и т. д.). С наибольшей определённостью подчинительный характер связи выступает в С. п. одночленного типа. В двучленных предложениях зависимость придаточного от главного является очень слабой; по характеру отношений подчинительная связь нередко граничит с сочинительной и формально легко с ней контаминируется (союзные сочетания *хотя... но*, *сто́ит...* и др.). Сочинительную и подчинительную связь, выраженную семантическими союзами, иногда объединяют под общим названием «сцепление». При определённых лексико-семантических условиях сочинительные отношения (преим. присоединительного характера) могут возникать и в нек-рых С. п. одночленного типа, однако здесь они всегда лишь накладываются на отношения собственно подчинительные.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Поспелов Н. С., Сложноподчинённое предложение и его структурные типы, «ВЯ», 1959, № 2. *И. Н. Кручинина.*

СЛОЖНОСОКРАЩЁННОЕ СЛО́ВО — см. Аббревиатура.

СЛОЖНОСОСТАВНЫ́Е СЛОВА́ — сложные слова (см.), образуемые соединением двух или более простых слов, принадлежащих как правило, к одной и той же части речи; последний компонент их равен самостоятельному слову: *северо-запад*, *человеко-день*, *торгово-промышленный*, *научно-технический*, *советско-монгольский*, *счётно-решающий*, *серебристо-белый*. Возможности образования сложносоставных прилагательных, широко употребляющихся в художественной и публицистической речи (напр.: *вопросительно-растерянные восклицания* у Бунина, *глухо-пепельно-оранжевая туча* у Нагибина), неограниченны. На письме простые основы в составе С. с. чаще всего разделяются дефисом.

К С. с. нередко относят также терминологические или близкие к терминам составные наименования — сочетания существительных, не обладающие цельнооформленностью сло́ва; не только второй, но и первый компонент таких слов может при склонении изменяться, напр.: *изба-читальня*, *диван-кровать*, *сад-ясли*, *мотоцикл-велосипед*, *лётчик-космонавт*, однако в таких наименованиях, как *генерал-полковник*, *плащ-палатка*, первый компонент не склоняется.

Лит.: Современный русский язык. Морфология, [М.], 1952; Виноградова В. Н., Составные наименования в современном русском языке, «Рус. яз. в школе», 1966, № 3; Лопатин В. В., Рождение слова, М., 1973. *В. В. Лопатин.*

СЛОЖНОСОЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ — разновидность сложного предложения (см.), образующаяся сочетанием двух или более предложений на основе сочинительной грамматической связи. В силу общей специфики этой связи, соединяющей предложения (часто вопреки их внутренним смысловым отношениям) как равноправные и формально независимые одно от другого, С. п. являются структурой более свободной, чем сложноподчинённые предложения (см.). В этом отношении особенно выделяются потенциально многочленные конструкции, к-рые строятся с участием повторяющихся союзов по принципу соединительного (*и... и...*) или разделительного (*то... то*) перечисления. В отличие от сложноподчинённого предложения С. п.— это линейная последовательность предложений, внутри к-рой компоненты не варьируют своих позиций относительно друг

друга. По характеру отношений С. п. делятся на соединительные (*Дождь кончился, и взошло солнце*), разделительные (*То зазвонит телефон, то постучат в дверь*), противительные (*Взошло солнце, но теплее не стало*), сопоставительные (*На улице жарко, а в доме прохладно*), градационные (*Мальчик не только хорошо рисует, но и пишет стихи*) и присоединительные (*Мальчик хорошо рисует, да и стихи он пишет неплохо*). Эти значения могут накладываться на более глубинные подчинительные отношения, создающиеся смысловой структурой соединившихся предложений и тоже стремящиеся формализоваться с помощью определённых типизированных элементов лексики (частиц, вводных слов, наречий), в результате чего на базе собственно сочинительных союзов возникают разного рода союзные соединения (*и потому, а следовательно, а значит, и все же, а то ведь, чуть... и уже́, конечно... но* и т. п.), передающие временны́е, условные, уступительные, причинно-следственные и другие значения в явном виде. В отдельных случаях нек-рая специализация значения может достигаться за счёт определённых соотношений форм сказуемых, ср. выражение условных отношений в следующем предложении: *Прочитайте эту книгу, и вы убедитесь в справедливости моего мнения о ней.* В составе С. п. могут объединяться предложения любой структуры; вместе с тем нек-рые конструкции имеют здесь собственное (фразеологически связанное) строение (*дружба дружбой, а..., поглупеть-то я не поглупел, а...*).

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Попова И. А., Сложносочиненное предложение в современном русском языке, в кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950; Шмелев Д. Н., О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке, «ВЯ», 1960, № 5. *И. Н. Кручинина.*

СЛУЖЕ́БНЫЕ СЛОВА́ — слова, не являющиеся названиями предметов или признаков, не способные функционировать в качестве самостоятельных членов предложения и употребляющиеся для связи слов, предложений или частей предложения. Как лексические и грамматические единицы С. с. противостоят знаменательным словам (см.). Лексические значения С. с. отличаются от значений слов знаменательных. С. с. ничего не называют, их значения отвлечены от тех отношений, к-рые они выражают в предложении. Т. о., «вещественное» содержание и грамматические функции у С. с. совпадают. С. с. обладают своеобразной морфологической структурой, простые союзы, первообразные предлоги и многие частицы, как правило, состоят из одного компонента (корня) и не членятся на морфемы (корень и аффикс), причём корни С. с. могут совпадать с аффиксами слов знаменательных, с к-рыми С. с. сходны по своей функции, напр. предлоги *в, без, под* совпадают с префиксами *в-, без-, под-*. С. с. не имеют морфологических категорий и выполняют только служебные функции, организующие сообщение.

На основе общности выполняемых функций С. с. группируются в следующие части речи: предлоги (*в, на, у, при, под, с*), союзы (*что, чтобы, если, потому что, хотя; а, и, но, или, то*), частицы (*ведь, вот, вроде, бы, пусть, тоже*). См. также ст. Предлог, Союз, Частицы. Граница между знаменательными словами и С. с. неустойчива, состав последних пополняется за счёт слов и словоформ всех частей речи: существительных, прилагательных, местоимений, числительных, наречий и, в меньшей мере, глаголов (напр., предлоги *благодаря, спустя*).

Лит.: Грамматика русского языка, ч. 1, М., 1952; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972.

В. А. Плотникова (Робинсон).

СМОТРИ́ЦКИЙ Мелетий (ок. 1578 — 27.12.1633, Дерманский монастырь) — учёный-филолог, общественный и религиозный деятель Юго-Западной Руси. Учился в Виленской иезуитской академии, слушал лекции в Лейпцигском и Виттенбергском ун-тах. Автор пособия по церковнослав. языку «Грамматика славенскія правильная синтагма...» (1619). По греч. образцу С. делил грамматику на орфографию, этимологию, синтаксис и просодию, выделял восемь частей речи, однако учитывал и явления живого языка; в истолковании образования и употребления форм и синтаксических конструкций отходил от античной традиции. С. указал на отсутствие звукового значения букв ъ и ь, на наличие предложного («сказительного») падежа, на систему залогов (выделял пять зало-

гов), выделил категорию переходности — непереходности, отметил деепричастные формы. С. принадлежит ряд грамматических терминов: «буква», «слог», «междометие». Грамматика С. несколько раз переиздавалась, в т. ч. в Москве в 1648 без имени автора и в расширенном виде (за счёт грамматических рассуждений, приписываемых Максиму Греку, см.). Работа С. оказала большое влияние на последующее развитие грамматической мысли в России. М. В. Ломоносов назвал грамматику С. (наряду с «Арифметикой» Магницкого) «вратами учёности».

Лит.: Прокошина Е., Мелетий Смотрицкий, Минск, 1966; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

СОБОЛЕ́ВСКИЙ Алексей Иванович [26.12.1856 (7.1.1857), Москва,— 24.5. 1929, там же] — сов. филолог, акад. АН СССР (1900; чл.-корр. 1893). Окончил Московский ун-т (1878), проф. Киевского и Петерб. (с 1888) ун-тов. Работы в области истории рус. и ст.-слав. языков, рус. диалектологии, палеографии, этнографии, топонимики, ономастики, лексики, словообразования, этимологии, истории рус. лит-ры. Важнейшие из них: «Лекции по истории русского языка» (1888, 4 изд., 1907), «Опыт русской диалектологии» (1897), «Древний церковнославянский язык. Фонетика» (1891), «Особенности русских переводов домонгольского периода» (1897), «Славяно-русская палеография» (1901—02, 2 изд., 1908). С. считал рус. говоры важным источником изучения истории рус. языка, наметил особенности древних галицко-волынских и псковских говоров. Открыл «новый ѣ» и ряд других явлений в истории языка. С. рассматривал церковнослав. язык как основу лит. языков разных слав. народов, понимая его как язык слав. перевода греч. богослужебных книг. Принимал участие в подготовке реформы рус. орфографии 1917—18 (предложил исключить ѣ, окончания *-ыя*, *-ия* в прилагательных жен. рода мн. ч. и формы *онѣ*, *однѣ*). Усилиями С. в Петерб. ун-те была создана система преподавания лингвистических дисциплин (рус.-слав. цикл). В последние годы жизни возглавлял комиссию по созданию словаря др.-рус. языка.

Лит.: Список научных трудов академика А. И. Соболевского за 1914—1929 гг., «Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук», 1930, № 1; Академик А. И. Соболевский. Некролог и очерки научной деятельности, там же; Костомаров В., Работы академика А. И. Соболевского в области лексики, этимологии и словообразования, «Рус. яз. в школе», 1953, № 6; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 3, Минск, 1978.

СО́БСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНЫЕ — существительные, являющиеся индивидуальными наименованиями предметов. К ним относятся: имена, отчества, прозвища и фамилии людей (*Пётр*, *Людмила*, *Ваня*, *Заяц*, *Гора*, *Кузьмич*, *Чайковский*, *Медведев*, *Гейне*), клички животных (*Барсик*, *Белолобый*), названия географических объектов (*Волга*, *Ленинград*, *Байкал*, *Эльбрус*, *Болгария* и т. п.; см. Топонимика), астрономические названия (*Марс*, *Сатурн*), названия средств передвижения (миноносец «*Храбрый*», крейсер «*Аврора*», экспресс «*Крым*»), учреждений, предприятий, обществ, объединений (завод «*Калибр*», издательство «*Мир*», общество «*Динамо*», кинотеатр «*Родина*»), органов печати (газета «*Правда*», журнал «*Огонёк*»), произведений лит-ры и искусства (роман «*Счастье*», кинофильм «*Свадьба*»), праздников (*Первомай*) и нек-рые другие, второстепенные группы наименований. Особое место среди С. с. занимают названия марок изделий (автомобиль «*Волга*», радиоприёмник «*Турист*»), кодовые наименования (самолёт *Ту-104*).

С. с. выделяют называемые ими предметы из круга других однородных предметов. Выступая, как правило, в формах ед. ч., С. с. могут употребляться и в формах мн. ч. для обозначения группы лиц или предметов, имеющих одинаковое название: *семья Журбиных*, *разговор о трёх Тунгусках — притоках Енисея*.

С. с. могут переходить в разряд нарицательных (см. Нарицательные существительные), употребляясь как обобщённое название целого типа людей, класса однородных предметов. Такое употребление является результатом переноса по сходству (напр.: *геркулес*, *меценат*; ср.: «*Мы все глядим в Наполеоны*» — Пушкин) или по смежности (напр.: *бостон*, *джерси* — названия тканей по географическим названиям; *ампер*, *рентген* — названия физических единиц по фамилиям учёных).

Наоборот, разряд С. с. широко пополняется за счёт нарицательных существительных, напр.: *Запад* (в смысле «западные страны»), «*Современник*» (название театра и издательства), «*Дружба*» (название гостиницы и поезда особого назначения), «*Чайка*» (марка автомобиля). Вообще С. с. большей частью происходят от нарицательных. Известно, напр., что имя *Пётр* по др.-греч. значит «камень», а название *Азия* восходит к ассирийскому слову со значением «восход, восток».

С. с. пишутся с прописной (заглавной) буквы; С. с., перешедшие в разряд нарицательных,— со строчной, за исключением индивидуальных, не являющихся общепринятыми употреблений, когда сохраняется написание с прописной буквы. С. с. не включаются в обычные толковые словари языка, однако имеются специальные словари С. с. (напр., топонимические, словари личных имён).

В роли С. с. могут использоваться не только слова, но и словосочетания, напр.: заяц *Длинные Уши* (персонаж сказки), драма «*Перед заходом солнца*», издательство «*Советская энциклопедия*». В полное наименование предмета может входить также его нарицательное название: *Чёрное море*, *Большой театр*, «*Учительская газета*», *Баргузинский заповедник* и т. п.

От С. с. широко образуются производные, напр. прилагательные притяжательные (*Катин*, *Дашин* — от имён *Катя*, *Даша*) и относительные (*пушкинский*, *днепровский*, *черноморский*), названия жителей населённых пунктов и стран (*москвич*, *американка*), общественных и научных направлений (*марксизм*, *толстовство*). Среди производных от С. с., также являющихся С. с.,— отчества людей (*Ильич*, *Петровна*), уменьшительные и ласкательные имена (*Маня*, *Андрюша*), названия географических территорий (*Поволжье*, *Смоленщина*) и др.

Лит.: Суперанская А. В., Как вас зовут? Где вы живете?, М., 1964; ее же, Общая теория имени собственного, М., 1973; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин.

СОВЕРШЁННЫЙ ВИД — одно из двух частных грамматич. значений категории вида, член видовой оппозиции, являющийся носителем грамматической семантики вида (см. Вид). С. в. имеет значение действия, достигнувшего своего абстрактного, качественного предела. Есть определённые типы глаголов С. в., формирующие «способы глагольного действия», у которых предел, достигаемый действием, имеет значение более конкретное: это начинательные глаголы с приставками *за-* (*закричать*), *по-* (*пойти*), *вз/вс-* (*вскричать*), *воз-* (*возроптать*); окончательные (финитивные глаголы) с приставкой *от-* (*отпеть*); ограничительные с приставками *по-* (*походить*), *про-* (*проспать*), *пере-* (*перезимовать*); однократные с суффиксом *-ну-* (*прыгнуть*); уменьшительные с приставками *вз-*, *при-* и суффиксом *-ну-* (*вздремнуть*, *прихворнуть*); смягчительные с приставками *по-*, *при-*, *под-* (*поразвлечь*, *подзабыть*, *прилечь*); усилительные с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* (*разахаться*). Есть глаголы, показывающие достижение цели, результата действия. Это глаголы с приставками: *вз/вс-* (*вспахать*), *воз-* (*возрастить*), *вы-* (*выстирать*), *за-* (*законсервировать*), *из-* (*израсходовать*), *на-* (*написать*), *о-* (*оседлать*), *об-* (*обвенчать*), *от-* (*отполировать*), *по-* (*побелить*), *под-* (*подсчитать*), *при-* (*приготовить*), *пере-* (*перекрестить*), *про-* (*проанализировать*), *раз-* (*разбудить*), *с-* (*сконструировать*), *у-* (*усовершенствовать*). Результат — частный случай предела действия, поэтому значение результативного способа действия лежит в основе большинства приставочных видовых пар. Кроме такого общерезультативного значения есть способы действия со специальными результативными значениями, где к общему значению результата прибавляется дополнительный лексический оттенок значения: завершение конечной фазы действия (*дочитать*), специальной законченности действия (*проговорить*), интенсивности в достижении результата (*защекотать*, *искусать*, *забегаться*, *набегаться*, *уходиться*, *дозвониться*, *изолгаться*), накопительности, суммарности действия (*нашить*), распределительности (*покусать*, *перекусать*). Эти дополнительные оттенки значения мешают вступлению таких глаголов в видовую пару с бесприставочными глаголами. Иногда этому мешают структурные причины: от глаголов С. в. типа *повыбрасывать* нельзя образовать парного глагола несов. вида из-за отсутствия ещё одного суффикса несов. вида. Однако в целом одновидовые глаголы С. в. способны, хотя и нерегулярно, образовывать вторичные глаголы несов. вида внутри «способов действия» (начинательного: *заговорить — заговаривать*, окончательного: *отцвести — отцветать* и др.). См. также Несовершенный вид.

Н. С. Авилова.

СОГЛА́СНЫЕ — звуки речи, к-рые в соседстве с гласными (см.) не могут быть слогообразующими. Только в случае исчезновения в слоге гласного С. в рус. языке может приобретать слогообразующую функцию. Артикуляционно С. (в отличие от гласных) характеризуются мускульным напряжением в определённой части произносительного аппарата, но этот признак не является обязательным. Акустически С. характеризуются участием шумового источника, однако и этот признак не универсален, т. к. к группе С. относятся и сонанты, образующиеся без шумовых источников.

При артикуляционной классификации С. учитываются следующие признаки:

1) Активный действующий орган. В зависимости от того, какой из действующих органов активно обеспечивает образование сужения или смычки, различают губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные С. У переднеязычных С. в качестве активного действующего органа может выступать: а) только передняя часть языка — тогда говорят об однофокусных переднеязычных С., напр. *с*, *з* (их часто называют свистящими — по акустическому эффекту или же зубными — по пассивному органу); б) кроме передней части языка, в образовании С. может участвовать и задняя часть языка — в этом случае образуются двухфокусные переднеязычные С. со вторым задним фокусом, напр. *ш*, *ж* (их называют также шипящими или же нёбными — по пассивному органу, т. е. по месту образования).

2) Способ образования С. Если активный орган образует с пассивным полную смычку, образуются т. н. смычные С., к-рые в свою очередь делятся на взрывные и аффрикаты в зависимости от способа раскрытия смычки — быстрого («мгновенного») при образовании взрывных (напр., *п*, *б*) и медленного, постепенного при образовании аффрикат (*ц*, *ч*), у к-рых после смычки следует щелевая фаза. Если активный орган образует с пассивным сужение, через к-рое непрерывно проходит воздушная струя, образуются щелевые С. (напр., *ф*, *в*). В зависимости от того, образуется ли сужение (щель) в срединной части языка или воздух проходит в щель, образованную краями языка, различают щелевые срединные (напр., *с*, *з*) и боковые (напр., *л*). Специфически образуются согласные *р* и *р'*, при артикуляции к-рых происходят своеобразные вибрации кончика языка,— эти С. называются дрожащими.

3) Работа голосовых связок. В зависимости от того, работают ли голосовые связки при образовании С., различают звонкие и глухие С.

4) Участие полости носа. Если при артикуляции С. проход воздушной струи в полость носа закрыт (в этом случае мягкое нёбо поднято вверх), образуются т. н. чистые С.; если же мягкое нёбо опущено и воздух при артикуляции С. проходит не только в полость рта, но и в полость носа, образуются носовые С.

5) Участие средней части спинки языка. Если при образовании любого С. происходит подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу, образуются мягкие С.; твёрдые С. артикулируются без этого дополнительного движения.

Кроме этих, собственно артикуляционных, свойств при классификации С. учитывают и нек-рые акустические их характеристики — в первую очередь степень участия шумовых составляющих в звучании С. По этому признаку С. разбиваются на шумные и сонанты.

Как видно из приведённой таблицы (глухие и звонкие С., не различающиеся по остальным характеристикам, приведены в одной клетке), выделение сонантов в особую группу возможно и без учёта их акустических свойств: смычные сонанты в рус. языке носовые, тогда как шумные смычные — не носовые, щелевой

Таблица согласных русского языка

Способ образования	Активный действующий орган			Губные		Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	
				твёрдые	мягкие	твёрдые	мягкие		твёрдые	мягкие
Смычные	Чистые	взрывные		*п б*	*п' б'*	*т д*	*т' д'*		*к г*	*к' г'*
		Аффрикаты	Однофокусные			*ц*				
			Двухфокусные				*ч*			
	Носовые			*м*	*м'*	*н*	*н'*			
Щелевые	Срединные	Однофокусные		*ф в*	*ф' в'*	*с з*	*с' з'*	*й*		
		Двухфокусные				*ш ж*			*х*	*х'*
	Боковые					*л*	*л'*			
Дрожащие						*р*	*р'*			

сонант *й* — единственный из среднеязычных С., переднеязычные сонанты *л* и *л'* характеризуются боковой щелью, а *р* и *р'* образуются специфическим способом (дрожание), не свойственным для шумных С.

С. претерпевают значительные изменения в потоке речи как под влиянием соседних гласных или С., так и в зависимости от положения в слове. Т. к. наименьшей произносительной единицей является слог, то при произнесении С. артикуляционные органы уже принимают или стремятся принять положение, необходимое для образования следующего гласного; это приводит к огублённости С. перед гласными *у* и *о*, изменению конфигурации активного действующего органа (особенно если переднеязычный С. оказывается перед гласным заднего ряда или заднеязычный — перед гласным переднего ряда) и т. д. При произнесении сочетаний С. почти сразу после начала образования первого С. артикулируется и второй, так что создаётся сложное произносительное движение, характеризующее оба С. сразу; после окончания артикуляции первого С. заканчивается и произнесение второго. Качество С. зависит от положения их в слове; так, взрывной С., находящийся перед гласным, имеет очень короткий («мгновенный») взрыв, а тот же С. в абсолютном конце слова после взрыва имеет сильное придыхание довольно большой протяжённости. Для сонантов характерно значительное ослабление их громкости к концу звучания в абсолютном конце слова.

В рус. языке существуют определённые закономерности употребления С.; так, в абсолютном конце слова или перед глухими С. невозможно употребление звонкого С. (*сказать — сказ — сказка*); перед звонким шумным С. нельзя произносить глухой С. (*сват*, но *свадьба*); перед двухфокусным не произносится однофокусный С. (*разжалобить*, *расшить*) и т. д. На основании такого рода правил возникли определённые чередования С. в пределах одной морфемы, напр. С. приставки *из-* в зависимости от качества соседнего С. может быть звонким или глухим (*избить — искусать*), твёрдым или мягким (*издать — изделие*), однофокусным или двухфокусным (*изжарить*).

Сонанты с точки зрения правил чередования образуют особую группу: хотя артикуляционно они являются звонкими С., сами они в конце слова и перед глухими не чередуются с глухими, а перед ними возможно употребление как глухих, так и звонких шумных (*снять*, но *знать*, *шли*, но *злость* и т. д.).

Губные щелевые звонкие С. *в* и *в'*, если они находятся не перед шумными С., также допускают перед собой и глухие и звонкие С., т. е. функционально сближаются с сонантами: *свой*, *свить*, *звал* и т. д. Если же *в*, *в* находятся перед шумными С., то употребление перед ними глухих запрещено: *брат вбежал* — но *брат выбежал*.

Среди губных С. смычные и щелевые различаются не только по способу образования, но и по пассивному действующему органу: если смычка образуется двумя губами, то при артикуляции щелевых пассивным органом являются верхние зубы, поэтому С. *ф*, *ф'*, *в*, *в'* являются губно-зубными. В группе переднеязычных С. иногда выделяют долгие мягкие звуки *ж* и *ш* (*дрожжи*, *щи*), однако нет единого мнения о том, действительно ли это новые С., или же более сложные фонетические образования (двойные согласные, сочетания согласных). Для заднеязычных мягких *к'* и *х'* несвойственно положение в абсолютном конце слова.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Речь. Артикуляция и восприятие, М.— Л., 1965. *Л. В. Бондарко.*

СОГЛАСОВА́НИЕ — подчинительная связь, при к-рой главное слово требует, чтобы зависимое слово было поставлено в тех же (всех или нек-рых) грамматических формах, в к-рых выступает главное.

Связь С. является чисто грамматической: достаточно знать только грамматическую форму главного слова, чтобы назвать форму зависимого, ничего не зная о их лексическом значении, напр. прилагательное-определение при существительном в им. п. жен. рода ед. ч. непременно будет поставлено в тех же формах, что и существительное: *длинная улица*.

Поскольку согласуемые грамматические формы выражаются окончаниями слов, то можно сказать, что при С. окончание главного слова вызывает определённые окончания зависимого слова:

зелёное дерево (ср. род, ед. ч., им. п.)

Исключением являются случаи С. с несклоняемым существительным: *австралийский кенгуру*, *об австралийском кенгуру* и т. д.

Главным словом при С. является то, форма к-рого выбирается только по требованию необходимого для данного акта общения смысла, а зависимым является слово, форма к-рого предопределена уже не только потребностями заданного смысла, но и главным словом. Поэтому главное слово можно поставить в любых присущих ему словоизменительных формах, а выбор словоизменительных форм зависимого слова определён главным словом, ср.: *зелёное дерево*, *зелёным деревом*, но форму прил. *зелёную* уже нельзя связать со словом *дерево*.

Существуют, однако, сочетания, в к-рых налицо связь С., но по указанному грамматическому принципу в них

нельзя определить главное и зависимое слово, ср.: *юноша-студент* (С. в муж. роде, ед. ч., им. п.). В этом случае можно предложить термин «взаимосогласование». Главное и зависимое слова в таких случаях выделяются только по смыслу, а не грамматически: сущ. *студент* можно считать главным словом, а *юноша* — зависимым, поскольку оно даёт дополнительную характеристику главному слову (см. об этом также в ст. Приложение).

С. и взаимосогласование могут быть полными и неполными. П о л н ы м является С. во всех общих у сочетающихся слов формах: *интересный спектакль* — С. в роде, числе и падеже. Н е п о л н ы м является С. не во всех общих у сочетающихся слов грамматических категориях, ср. *город Москва* — С. в числе, падеже, но не в роде.

При С. между словами устанавливаются определительные отношения (о связи между главными членами предложения — подлежащим и сказуемым — см. Координация).

Связь С. является слабой связью, что значит: нет таких главных слов, к-рые никогда не могли бы быть употреблены в предложении без зависимых от них согласованных слов (ср. различие сильного и слабого управления и примыкания). Это не исключает того, что в нек-рых текстах зависимое согласуемое слово может быть обязательным, ср.: *Наш приход всех обрадовал*; *У него был усталый вид*, но нельзя сказать *Приход всех обрадовал*; *У него был вид*. В таких случаях согласованное слово иногда может быть заменено управляемым, ср. *Приход гостей всех обрадовал*.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; С к о б л и к о в а Е. С., Согласование и управление в русском языке, М., 1971. *Е. Н. Ширяев.*

СОЕДИНИ́ТЕЛЬНАЯ МОРФЕ́МА, с о е д и н и т е л ь н ы й а ф ф и к с, и н т е р ф и к с, — аффикс, выделяющийся в составе сложных слов и служащий для соединения двух простых основ в составе сложной основы (см. Основа): *лес-о-степь*, *сол-е-вар*, *пят-и-этажный*, *пол-у-круг*. Показывая на связь основ в структуре сложного слова, С. м. выражает наиболее абстрактное словообразовательное значение, сводящееся к объединению значений простых основ в единое сложное значение. Одновременно С. м. служит показателем цельнооформленности сложного слова: оформляемые с её помощью компоненты сложения, в отличие от соответствующих компонентов словосочетания, грамматически нейтрализованы. Так, если компонент *первый* в словосочетании *первый источник* представляет собой отдельное слово с присущими ему грамматическими показателями (взаимозаменяющимися падежными окончаниями: *первого источника*, *первому источнику*...), то компонент *перво-* в сложном слове *первоисточник*, сохраняясь неизменным при словоизменении (*первоисточника*, *первоисточнику*...), не содержит грамматических признаков самостоятельного слова.

В рус. языке в большинстве сложных и суффиксально-сложных слов выделяется С. м. *-о-* (т. н. соединительная гласная), к-рая после мягких согласных, шипящих и *ц* передаётся на письме как *-е-*: *вод-о-пад*, *язык-о-знание*, *мор-е-плаватель*, *пеш-е-ход*, *овц-е-бык*. После основ количественных числительных, кроме слов *один*, *девяносто* и *сто*, выступает С. м., омонимичная окончанию род. п. числительного: *пят-и-летка*, *дв-ух-томник*, *тр-ёх-рублёвый*, *сорок-а-летний*; после компонентов *дв(а)-* и *пол-* в ряде образований выделяется С. м. *-у-*: *дв-уногий*, *пол-у-годие*; перед компонентом *-метр* — С. м. *-и-* (*сахар-и-метр*, *доз-и-метр*). После основ глаголов в нек-рых сложениях выделяется С. м., омонимичная окончанию повелительного наклонения: *перекат-и-поле*, *верт-и-хвостка*. Как и окончание, С. м. может быть нулевой: *Ленинград*, *вольтметр*, *киловатт-час*, *жар-птица*, *штаб-квартира*, *четвертьфинал*.

Лит.: Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве); Ш а н с к и й Н. М., Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959, с. 107—16; Л о п а т и н В. В., Русская словообразовательная морфемика, М., 1977, с. 53—57.

В. В. Лопатин.

СОЕДИНИ́ТЕЛЬНЫЙ СОЮ́З — см. Союз.

СОНО́РНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ (от лат. sonōrus — звонкий, звучный)—согласные, при произнесении к-рых воздух свободно проходит через имеющееся в полости носа или рта отверстие, несмотря на возникающие в полости рта преграды. С. с. произносятся при помощи голоса с добавлением незначительного шума. К С. с. относятся: [*j*], [*м*], [*м'*], [*н*], [*н'*], [*л*], [*л'*], [*р*], [*р'*]. В конце слова после глухих шумных или перед ними С. с. оглушаются, напр.: *ост*[*р*], *свет*[*л*], *драх*[*м*]; *насмо*[*р*]*к*, *во*[*л*]*к*. *С. Н. Дмитренко.*

СОПО́ДЧИНЕ́НИЕ — отношение между двумя или несколькими членами простого предложения, а также между придаточными предложениями внутри сложного, подчинёнными одному и тому же компоненту: члену предложения в простом предложении, предикативной единице (предложению) в сложном предложении: «*Тихо доверчивый мальчик К старому сердцу приник*» (Блок); «*Мы живем в стране, где все делают одно и то же*

дело обогащения нашей родины и где каждый должен делиться с другим своим опытом» (М. Горький).

Соподчиняться могут как однородные (параллельное С.) (1), так и неоднородные члены предложения и придаточные предикативные единицы (2): 1) *«Тихо и красиво умирает лес»* (Л. Андреев); *«Посланный офицер встретил Денисова на дороге с известием, что Долохов сам сейчас приедет и что с его стороны все благополучно»* (Л. Толстой); 2) *«Андрей с беспокойством думал о завтрашнем дне»* (Шолохов); *«Для того чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими тысячью верст»* (Л. Толстой).

По отношению к сложному предложению виды С. различаются также в зависимости от того, к одному (1) (одночленное, частное) или к разным (2) (разночленное, общее) членам господствующей предикативной единицы относится придаточная предикативная единица: 1) *«Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли»* (Тургенев); 2) *«Зная, что что-то случилось, но не зная, что именно, Вронский испытывал мучительную тревогу и, надеясь узнать что-нибудь, пошел в ложу брата»* (Л. Толстой).

Наибольшего внимания в речевом употреблении требует параллельное С. Практически бывает важно решить, какие компоненты (по содержанию, определяемому гл. обр. их лексическим значением) могут быть соподчинены, какие — нет. Возможность / невозможность вступить в отношения С. определяется не только (а иногда не столько) значением соподчинённых компонентов, но и лексическим значением господствующего слова. Так, напр., из глаголов наиболее нейтральными (допускающими при себе наибольшее разнообразие зависимых компонентов) являются глаголы говорения, мысли, восприятия: *«Узнал я также из письма, что в Бабкине было превосходное лето, что Немировичу-Данченко скучно, что у Ежова бедняги умерла жена, что, наконец, Иваненко переписывается с Жамэ и что Кундасова исчезла неизвестно куда»* (Чехов).

Вторым практическим вопросом является вопрос об употреблении подчинительного союза при соподчинённых компонентах. В зависимости от стилистического контекста (жанр, количество соподчинённых предложений, их грамматическая структура) подчинительный союз может быть не перед каждой соподчинённой частью, а только перед первой: *«Видел Егорушка, как мало-помалу темнело небо и опускалась на землю мгла»* (Чехов).

Лит.: Современный русский язык, ч. 2, [М.], 1964; Валгина Н. С., Синтаксис современного русского языка, 2 изд., М., 1978

С. Г. Ильенко.

СОСЛАГА́ТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕ́НИЕ — см. Наклонение.

СОСТА́В СЛО́ВА — 1) морфемный состав слова; 2) словообразовательная структура слова.

Морфемный С. с. образуют все выделяющиеся в нём морфемы (см.). Определить морфемный С. с.— это значит установить, из каких морфем оно состоит. Прил. *при/бреж/н/ый* и *бел/ес/оват/ый* состоят из четырёх морфем, *дв/ух/сот/-пят/и/десят/и/лет/н/ий* — из десяти, глагол *от/вин/ива/ть/ся* — из пяти, наречие *вчера*, звукоподражание *мяу*, междометия *ох*, *ах* — из одной морфемы.

Словообразовательная структура слова существенно отличается от его морфемного состава. Это семантическое отношение производного к производящему, выражаемое при помощи словообразовательных средств языка. Ср.: *вод(а)* — *вод-н-ый* (связанный с водой, относящийся к воде), *мыть* — *до-мыть* (действие *мыть* довести до конца, до какого-либо результата), *тащить* — *вы-тащить* (действием *тащить* извлечь, вынуть), *красн(ый)* — *красн-е-ть* (делаться красным).

Морфемный состав имеют производные и непроизводные слова. Ср.: *рас/кал/ыва/ть* и *кол/о/ть*, *вод/ян/ист/ый* и *вод/а*. Словообразовательной структурой обладают только производные слова, имеющие на данном историческом этапе развития языка своё производящее как реальную, живую единицу. Слова однокоренные, но на данном этапе не имеющие такого производящего, членятся на морфемы, но не обладают словообразовательной структурой, напр. слова *за/купор/и/ть*, *от/купор/и/ть*, *рас/-купор/и/ть* не находятся в словообразовательных отношениях.

Достаточно распространённой в рус. языке является множественность словообразовательной структуры слова — свойство производного иметь два (редко более) производящих, способность его в зависимости от этого по-разному членяться и обладать двумя (редко более) словообразовательными структурами. *Безбилетник*: 1) *билет* → *без-билет-ник*; 2) *безбилети(ый)* → *безбилетн-ик*; *несправедливость*: 1) *несправедлив(ый)* → *несправедлив-ость*; 2) *справедливость* → *не-справедливость*; *атлетический*: 1) *атлет* → *атлет-ическ-ий*; 2) *атлетик(а)* → *атлетич-еск-ий*; *обрадоваться*: 1) *обрадовать* → *обрадовать-ся*; 2) *радоваться* → *об-радоваться*. Подобное явление представлено большими группами слов в именах существительных, прилагательных, глаголах, встречается в наречиях, напр.: *несложно*: 1) *несложн(ый)* → *несложн-о*; 2) *сложно* → *не-сложно*; *страшновато*: 1) *страш-*

новат(ый) → *страшноват-о*; 2) *страшно* → *страшн-оват-о*.

Лит.: Виноградов В. В., Русский язык, М.— Л., 1947; Винокур Г. О., Заметки по русскому словообразованию, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию, М., 1968; Тихонов А. Н., Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке, «Рус. яз. в школе», 1970, № 4; его же, Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке, «Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та», 1975, т. 143; Земская Е. А., Современный русский язык. Словообразование, М., 1973; Лопатин В. В., Русская словообразовательная морфемика, М., 1977; Улуханов И. С., Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания, М., 1977.

А. Н. Тихонов.

СОЧИНЁНИЕ, сочинительная связь,— один из двух основных типов связи между членами простого предложения, а также между предложениями (предикативными единицами), входящими в сложное предложение. Сущность С. определяется на основе его противопоставленности другому основному типу связи — подчинению (см.). В отличие от подчинения, представляющего собой связь грамматически неравноценных компонентов, С. являет собой связь грамматически равноценных компонентов (А. М. Пешковский): «*Лениво и тяжко плывут облака По синему зною небес*» (Блок); «*Небо было пасмурно, но дождя уже не было*» (Чехов).

Грамматическая равноценность, свойственная С., характеризуется тем, что при его реализации ни формы слов в простом предложении, ни структуры предикативных единиц в сложном предложении не претерпевают никаких грамматических изменений в связи с их вхождением в сочинительную конструкцию. Это особенно наглядно обнаруживается при сопоставлении сочинительных (1) и подчинительных (2) конструкций: 1) *Брат и сестра уехали*; 2) *Брат с сестрой уехали*; 1) *Брат и сестра уехали, и в доме стало скучно*; 2) *Если брат и сестра уезжали, то в доме становилось скучно.*

Грамматическую равноценность (независимость одного компонента от другого) нельзя смешивать с независимостью смысловой. В смысловом (содержательном) отношении компоненты С. взаимозависимы. Это подтверждается прежде всего тем, что далеко не всякие (внешне однотипные) компоненты могут выступить в одной и той же сочинительной конструкции. Только в исключительных случаях авторы художественных произведений, имея в виду особые стилистические цели (выражение иронии, отражение специфики речи персонажей и др.), прибегают к «совмещению несовместимого», используя сочинительную конструкцию: «*В Италии никогда не перестанут созревать апельсины и художники*» (Паустовский); «*У нас дожди идут вот уже другая неделя и пастух Родя помер около Миколина дня*» (Пушкин).

С. в простом предложении представлено тремя разновидностями: 1) однородными членами, 2) однофункциональными, но неоднородными членами, 3) конструкциями с вторичной союзной (сочинительной) связью (А. Ф. Прияткина).

Важнейшими признаками однородных членов предложения, выступающих в качестве основного вида С. в простом предложении, является их однофункциональность, замещение одинаковой синтаксической позиции и, как правило, однооформленность.

Однотипность синтаксической позиции обусловливается одинаковым грамматическим или лексико-грамматическим отношением сочинённых компонентов к одному и тому же члену предложения. Так, глагол *подарить* в силу своей лексико-грамматической природы может иметь при себе в качестве зависимых три словоформы, занимающие соответственно три разные синтаксические позиции: форму дат. п. со значением адресата (кому? — *сестре*), форму вин. п. без предлога со значением объекта (что? — *книгу*) и форму вин. п. с предлогом *за* со значением мотивировки (за что? — *за заботу*). В то же время каждая из этих позиций может быть представлена в конкретном высказывании не одной словоформой, а двумя или несколькими: *подарить сестре и подруге альбом и книгу за внимание и заботу* и т. п. Так создаётся однотипность синтаксических позиций. Сочинённые члены однородного ряда чаще всего бывают однооформленными, напр. выступают в форме одного и того же падежа: «*Князь Андрей, с улыбкой посматривая то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку...*» (Л. Толстой).

Однофункциональность предполагает смысловую одноплановость, напр. наличие двух или нескольких членов предложения, обозначающих место действия: «*Здесь и там стада бродили по лугам*» (Пушкин). Не являясь однородными, однофункциональные члены выражаются, как правило, вопросительными, отрицательными или определительными местоимениями и местоименными наречиями: *Никто и никогда этого не забудет*; *Все и всюду рассказывали о нём небылицы.* Однофункциональность подобных членов предложения обеспечивается общностью их местоименной семантики (отрицательность, обобщённость, вопросительность).

Конструкции с вторичной союзной (сочинительной) связью носят смешанный характер. Их суть состоит в том, что на подчинительную связь, реализованную в словосочетании, «накладывается» сочинительная связь, представленная сочи-

нительным союзом: *Нам подарили цветы, но бумажные.*

С. в сложном предложении представлено сложносочинённым предложением, к-рое является коммуникативным и семантико-структурным целым, состоящим из двух или нескольких простых предложений (предикативных единиц), грамматически равноценных. Характерно, что как в простом, так и в сложном предложении С. реализуется при помощи одних и тех же грамматических средств, а именно сочинительных союзов (соединительных, противительных, разделительных и градационных) и перечислительной интонации: «*Горький вошел в мою жизнь властно и навсегда*» (Сейфуллина); «*Каждое десятилетие люди читают книгу по-своему, и большая книга растет с человечеством, а маленькая умирает со своим поколением*» (Шагинян).

При характеристике признаков С. иногда указывается на признак обратимости, к-рый трактуется как принципиальная возможность менять порядок следования сочинённых компонентов. Между тем этот признак реализуется лишь частично — в отношении членов простого предложения и предикативных единиц, входящих в сложное предложение открытой структуры (В. А. Белошапкова). Ср. сложносочинённые предложения с возможностью (1) и невозможностью (2) проявления в них обратимых отношений: 1) «*Мне кто-то руку подает И кто-то улыбается*» (Блок). 2) «*Так прошел вечер, и наступила ночь*» (Л. Толстой). Примеры показывают, что явление обратимости не может быть рассмотрено как универсальный признак С.

При определении границ С. разную интерпретацию вызывает пояснительная связь. Её квалификация в качестве подчинительной основана гл. обр. на смысловом факторе — на выделении отношений поясняемого и поясняющего (первичного — независимого, вторичного — зависимого): «*У Обломова было четыре комнаты, то есть вся парадная анфилада*» (Гончаров). Между тем с точки зрения грамматической данный случай целесообразнее оценивать как С. поскольку оба члена на уровне взаимоотношения словоформ равноценны.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Поспелов Н. С., Об однородности и сочинении, в кн.: Синтаксические связи в русском языке, Владивосток, 1974; Белошапкова В. А., Современный русский язык. Синтаксис, М., 1977; Пияткина А. Ф., Союзы в простом предложении, [М.], 1977.

С. Г. Ильенко.

СОЧИНЕ́НИЕ школьное — текст (речевое произведение) определённого типа или определённой композиционной формы, создаваемый учеником по заданию учителя. С.— средство формирования связной речи школьников, закрепления приобретённых на уроках родного языка умений и навыков, проверки уровня их сформированности, средство воспитания, развития и изучения школьников. С. выступает не только как средство, но и как предмет (объект) обучения. В соответствии с действующей программой школьники учатся раскрывать тему и основную мысль высказывания, собирать и систематизировать материал к высказыванию, совершенствовать написанное, а также создавать (строить) текст, речевое произведение определённого типа.

По тематике (содержанию) все С. делятся на две группы: С. на темы изучаемых учебных предметов (лингвистические, литературные, исторические и т. д.) и С. на темы из жизни (т. н. свободные темы), имеющие широкие воспитательно-образовательные возможности. По типу создаваемых текстов различаются: С., традиционно относящиеся к «школьным жанрам»,— повествования, описания, рассуждения, повествования с элементами описания и рассуждения, рассуждения с элементами повествования и описания и т. д.; С., близкие к существующим в речевой практике,— рассказ, заметка, статья в газету, репортаж, очерк и т. д. По форме и стилю речи различаются: устные и письменные С. разговорного стиля (рассказ о случае из жизни) и книжных стилей — делового (деловое описание), научного (доклад на тему школьной программы), публицистического (статья в газету, очерк), художественного (описание природы).

По осложнённости дополнительным языковым заданием выделяются С. с лексическим, грамматическим, стилистическим и т. д. заданиями и С. по опорным словам и словосочетаниям. Эти С. используются, как правило, для закрепления знаний, полученных учениками при изучении материала основной программы.

Оценивая С., учитель принимает во внимание уровень умения ученика создавать тот или иной текст. В соответствии с действующими «Нормами оценки...» за С., начиная с 4-го класса, ставятся две отметки: первая — за содержание и речевое оформление, вторая — за грамотность. При выставлении первой отметки принимается во внимание соответствие высказывания теме; достоверность, точность излагаемого, соответствие его жизненной правде; последовательность высказывания; речевое оформление (точность, богатство, стилевое единство и выразительность речи). При оценке грамотности учитываются не только орфографические и пунктуационные ошибки, но и грамматическая правильность речи.

Лит.: Добромыслов В. А., Изложения и сочинения в семилетней школе, М.—

Л:, 1946; Никольский В. А., Сочинения в средней школе, 3 изд., М., 1955; Колокольцев Н. В., Развитие устной и письменной речи на уроках литературного чтения, М., 1958; Литвинов В. В., Сочинение в старших классах средней школы, М., 1965; Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся IV—X классов по русскому языку, «Рус. яз. в школе», 1973, № 6; Ладыженская Т. А., Система работы по развитию связной устной речи учащихся, М., 1975; Система обучения сочинениям на уроках русского языка (IV—VIII классы), 3 изд., М., 1978. *Т. А. Ладыженская.*

СОЧИНИ́ТЕЛЬНЫЙ СОЮ́З — см. Союз.

СОЮ́З (калька лат. conjunctio)— часть речи, неизменяемое служебное слово, служащее формальным средством соединения синтаксических единиц (членов предложения и частей сложного предложения) и одновременно средством выражения смысловых отношений между ними. В грамматическом смысле «соединение» — это всякая связь двух или нескольких синтаксических единиц, так что термин «соединение» относится не только к собственно соединительным, но и ко всем остальным С.

Грамматическое (категориальное) значение всех С. — указание на наличие синтаксической связи между синтаксическими единицами. В зависимости от характера этой связи С. подразделяются на сочинительные и подчинительные (ср.: *Ямщик свистнул, и лошади поскакали* и *Как только ямщик свистнул, лошади поскакали*). Лексические же значения С. разнообразны. Здесь различаются: 1) общие лексические значения, присущие всем С., составляющим одну и ту же функционально-смысловую группу, и определяющие общий характер смысловых отношений между соединяемыми синтаксическими единицами (напр., С., объединяемые в одну и ту же группу изъяснительным значением: *что, чтобы, будто* и др.); 2) частные (индивидуальные) лексические значения, т. е. те значения, к-рыми данный С. отличается от других С. той же функционально-смысловой группы (напр., изъяснительной; ср.: *Он говорил, что его навестил друг* и *Говорят, будто его навестил друг*; *Он просил, чтобы его навестил друг*).

Сочинительные С. подразделяются на соединительные (*и, да*), противительные (*а, но*), разделительные (*или, либо*). Подчинительные С. разделяются на временны́е (*когда, прежде чем, пока* и др.), изъяснительные (*что, чтобы, как* и др.), причинные (*так как, потому что, благодаря тому что* и др.), С. следствия (*так что*), сравнительные (*как, будто, словно* и др.), условные (*если, раз* и др.), уступительные (*хотя, несмотря на то что* и др.), целевые (*чтобы, для того чтобы* и др.). С. *что* и *как*, выполняющие чисто синтаксическую роль, относят к С., лишённым всякого лексического значения («асемантическим С.»). . .

По своей морфологической структуре рус. С. делятся на две основные группы: непроизводные («первообразные»). С. (типа: *а, и, но, да*), унаследованные рус. языком из общеслав. фонда, и производные С., сложившиеся уже на рус. почве. Производные С. бывают простые, составные (*потому что, так как* и др.) и парные (*не только... но и; не столько... сколько* и др.). В кругу производных выделяются С. местоименного происхождения (наиболее многочисленная группа) и С. неместоименного происхождения. Структурной основой первых является либо местоименное слово само по себе (собственно местоимения, напр. *что*, и местоименные наречия, напр. *как*), либо такое местоименное слово, к-рое превратилось в С. и уже в этом новом качестве выступает в роли опорного элемента составных С. (*благодаря тому, что; в то время, как; до тех пор, пока* и др.). В этих случаях характер синтаксической связи определяется опорным С. (*что, как, пока* и др.), а компонент *то* в сочетании с предлогом служит средством выражения смысловых отношений между частями высказывания. Структурной основой С. неместоименного происхождения являются отдельные формы глагольных по происхождению слов (*буде, хотя* и др.), сочетания этих форм с частицами [*ес(ть) + ли, да(ть) + бы* и др.] и модальные слова разного типа (*будто; словно; благо* и др.).

Местоименные С. участвуют в построении таких предложений, к-рые выражают грамматические отношения в плане индикативной модальности: то, что сообщается в предложении, представляется говорящему как реальное, наличное в прошлом или в настоящем или как реализующееся в будущем, напр.: *Я знаю, что он уехал*; *Все обрадовались* (*обрадуются*), *потому что он уехал* (*уедет*).

Неместоименные С. обычно участвуют в построении только таких предложений, к-рые выражают определённые грамматические отношения в плане гипотетической модальности, т. е. предложений, выражающих не реально существующие, а лишь возможные в мире действительности связи. По характеру выражения значения гипотетической модальности С. данного типа подразделяются на две группы: С., оформляющие конструкции с объективно-модальным значением гипотетичности, т. е. выражающие отношение высказывания к действительности (напр.: *Я хочу, чтобы он уехал*), и С., участвующие в построении предложений с субъективно-модальным значением гипотетичности, т. е. выражающие отношение говорящего к содержанию сообщаемого в целом или в к.-л. его части

(напр.: *Говорят, будто он уехал*; «*Службу бросил, благо явилось какое-то наследство*» — Гаршин).

По употреблению С. разделяются на одиночные (неповторяющиеся), напр. *но, же, однако*, и повторяющиеся, напр. *и... и, или... или, либо... либо*.

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Виноградов В. В., Русский язык (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Черкасова Е. Т., Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования, М., 1973.

Е. Т. Черкасова.

СОЮ́ЗНЫЕ СЛОВА́ — разряд местоименных слов, используемых для связи предложений. Как С. с. употребляются только вопросительные местоимения-существительные (*кто, что*), прилагательные (*какой, который, каков, каковой, кой, чей*), наречия (*где, куда, откуда, когда, как, насколько, почему, отчего, зачем*) и числительное *сколько*. По способности к словоизменению С. с. делятся на изменяемые и неизменяемые (все местоименные наречия). Связь, устанавливаемая с помощью С. с., имеет характер подчинения. Свойства самостоятельной части речи обеспечивают С. с. позицию члена придаточного предложения.

Употребляясь в роли союзов, вопросительные местоимения полностью или частично утрачивают вопросительное значение. Степень утраты вопросительности зависит от того, как реализуется союзная функция местоимения. Имеются две возможности: 1) вопросительное местоимение прикрепляет придаточное предложение к главному подобно союзной вопросительной частице, ср.: *Скажи, есть ли у тебя друг — Скажи, кто твой друг*; *Я не знаю, что он за человек — Не знаю, какой он человек*. При таком способе связи выбор местоимения определяется исключительно потребностями придаточного предложения и никак не зависит от главного: к одному и тому же главному предложению могут присоединяться придаточные с разными С. с., напр.: *Узнай, кто пришёл,/ когда состоится встреча,/ почему их до сих пор нет,/ что её тревожит*.

При наличии у местоимения форм словоизменения последние выражают не связь между главным и придаточным предложением, а связь этого местоимения с другими словами придаточного предложения, т. е. обслуживают его функцию как члена придаточного предложения. Самый же факт связи выражается большей или меньшей нейтрализацией (ослаблением) вопросительного значения местоимения. Следует подчеркнуть, что имеет место именно ослабление вопросительности, но не полное её снятие.

2) Союзная функция местоимения базируется на его анафорическом (отсылочно-заместительном) употреблении. Местоимение либо отсылает к чему-то, уже упоминавшемуся прежде (*Комната, в которую мы вошли, была совершенно темна*), либо служит основой для формирования описательного обозначения лица, предмета или явления, имеющего позицию в главном предложении («*Хватается, кто тонет, говорят, За паутинку и за куст терновый*» — А. К. Толстой). В последнем случае вопросительное значение местоимения преобразуется в недифференцированное значение неопределённости-обобщённости - условности (в первом случае это значение утрачивается совсем).

Местоимения, союзная функция к-рых совмещается с анафорической, называются также относительными словами, а связь, устанавливающаяся с их помощью,— относительной подчинительной связью, или относительным подчинением. При относительном подчинении выбор союзного слова, а также его форма определяются уже не только потребностями придаточного, но и потребностями главного предложения.

И. Н. Кручинина.

СПРЯЖЕ́НИЕ — изменение глагола по лицам, числам, временам, родам (в прош. времени и сослагательном наклонении) и наклонениям. С. называют также один из двух классов форм настоящего — будущего простого времени, характеризующихся определённой системой флексий.

В зависимости от различия гласных в составе флексий форм наст. времени (и будущего простого) все глаголы, за небольшим исключением, делятся на глаголы первого или второго С. К первому С. относятся глаголы, имеющие на письме следующие флексии: ед. ч.— в 1-м лице *-у, -ю* (*беру́, колю́*), во 2-м лице *-ёшь, -ешь* (*берёшь, ко́лешь*), в 3-м лице *-ёт, -ет* (*берёт, ко́лет*); мн. ч.— в 1-м лице *-ём, -ем* (*берём, ко́лем*), во 2-м лице *-ёте, -ете* (*берёте, ко́лете*), в 3-м лице *-ут, -ют* (*беру́т, ко́лют*). В глаголах первого С. с основой наст. времени на заднеязычные *к, г*, при образовании форм 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1-го и 2-го лица мн. ч. происходит чередование *к/ч, г/ж* (*пеку, пекут*, но *печёшь, печёт, печём, печёте*; *лягу, лягут*, но *ляжешь, ляжет, ляжем, ляжете*). Исключение — глагол *ткать* (*тку, ткёшь, ткёт, ткём, ткёте, ткут*).

Ко второму С. относятся глаголы, имеющие следующие флексии: ед. ч.— в 1-м лице *-у, -ю* (*сушу́, пылю́*), во 2-м лице *-ишь* (*су́шишь, пыли́шь*), в 3-м лице — *-ит* (*су́шит, пыли́т*); мн. ч.— в 1-м лице *-им* (*су́шим, пыли́м*), во 2-м лице *-ите* (*су́шите, пыли́те*), в 3-м лице *-ат, -ят* (*су́шат, пыля́т*). При образовании формы 1-го лица ед. ч. от гла-

голов второго С. происходят чередования *в/вл, ф/фл, б/бл, п/пл, м/мл, ст/щ, т/ч, д/ж, з/ж, с/ш* (*правят — правлю, графят — графлю, рубят — рублю, топят — топлю, кормят — кормлю, мостят — мощу, летят — лечу, водят — вожу, грузят — гружу, носят — ношу*). В нек-рых глаголах с основой наст. времени на *-т* при образовании формы 1-го лица ед. ч. появляется *щ* старослав. происхождения (*возвратят — возвращу, обратят — обращу*).

Различия гласных во флексиях первого и второго С. отчётливо проявляются только в том случае, если эти гласные находятся под ударением. Поэтому при определении С. глаголов с безударными флексиями пользуются следующим практическим правилом: все глаголы с инфинитивом на *-ить*, кроме глагола *брить*, семь глаголов с инфинитивом на *-еть* — *вертеть, видеть, зависеть, ненавидеть, обидеть, смотреть, терпеть* — и пять глаголов с инфинитивом на *-ать* — *держать, гнать, слышать, дышать, мяукать* (в одной из двух его парадигм — *мяучишь, мяучит*) — относятся ко второму С.; остальные глаголы относятся к первому С. Образование спрягаемых форм глагола см. в таблице.

Образование спрягаемых форм глагола

Инфинитив:		Первое спряжение		Второе спряжение	
		решать (несов. вид)	*кольнуть* (сов. вид)	*любить* (несов. вид)	*закричать* (сов. вид)
Число	Лицо	Наклонение			
		ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
		Настоящее время			
Ед.	1-е	*решаю*	—	*люблю*	—
	2-е	*решаешь*	—	*любишь*	—
	3-е	*решает*	—	*любит*	—
Мн.	1-е	*решаем*	—	*любим*	—
	2-е	*решаете*	—	*любите*	—
	3-е	*решают*	—	*любят*	—
		Будущее время			
Ед.	1-е	*буду решать*	*кольну*	*буду любить*	*закричу*
	2-е	*будешь решать*	*кольнёшь*	*будешь любить*	*закричишь*
	3-е	*будет решать*	*кольнёт*	*будет любить*	*закричит*
Мн.	1-е	*будем решать*	*кольнём*	*будем любить*	*закричим*
	2-е	*будете решать*	*кольнёте*	*будете любить*	*закричите*
	3-е	*будут решать*	*кольнут*	*будут любить*	*закричат*
	Род	Прошедшее время			
Ед.	муж.	*решал*	*кольнул*	*любил*	*закричал*
	жен.	*решала*	*кольнула*	*любила*	*закричала*
	ср.	*решало*	*кольнуло*	*любило*	*закричало*
Мн.	—	*решали*	*кольнули*	*любили*	*закричали*
		СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
Ед.	муж.	*решал бы*	*кольнул бы*	*любил бы*	*закричал бы*
	жен.	*решала бы*	*кольнула бы*	*любила бы*	*закричала бы*
	ср.	*решало бы*	*кольнуло бы*	*любило бы*	*закричало бы*
Мн.	—	*решали бы*	*кольнули бы*	*любили бы*	*закричали бы*
	Лицо	ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ			
Ед.	1-е	—	—	—	—
	2-е	*решай*	*кольни*	*люби*	*закричи*
	3-е	*пусть решает*	*пусть кольнёт*	*пусть любит*	*пусть закричит*
Мн.	1-е	*решаем (те)*	*кольнём (те)*	*любим (те)*	*закричим (те)*
	2-е	*решайте*	*кольните*	*любите*	*закричите*
	3-е	*пусть решают*	*пусть кольнут*	*пусть любят*	*пусть закричат*

Глаголы, не относящиеся ни к первому, ни ко второму С. (*есть*, *дать*) или объединяющие в своей парадигме окончания и первого и второго С. (*хотеть*, *бежать*), традиционно называются разноспрягаемыми (см. Разноспрягаемые глаголы).

Об образовании форм времени см. статьи: Время, Настоящее время, Будущее время, Прошедшее время, о формах наклонения — Наклонение.

Лит.: Иванов В. В., Историческая грамматика русского языка, М., 1964; Бондарко А. В., Буланин Л. Л., Русский глагол, Л., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

В. Н. Белоусов.

СРАВНЕ́НИЕ — стилистический приём, основанный на образной трансформации грамматич. оформленного сопоставления. Средством грамматического оформления С. служат: 1) сравнительный оборот (см.), вводимый союзами *как*, *как будто*, *словно*, *точно*, *ровно*, *как бы* и др.: «*Безумных лет угасшее веселье Мне тяжело, как смутное похмелье. Но, как вино — печаль минувших дней В моей душе чем старе, тем сильней*» (Пушкин); 2) сравнительная степень прилагательного или наречия и (реже) форма твор. падежа (творительный сравнения): «*Под ним струя светлей лазури*» (Лермонтов); 3) присоединительная конструкция, вводимая союзом *так* и обычно содержащая развёрнутое С.: «*Живу печальный, одинокой, И жду: придет ли мой конец? Так, поздним хладом пораженный, Как бури слышен зимний свист, Один — на ветке обнаженной Трепещет запоздалый лист!..*» (Пушкин).

Особое место занимают т. н. отрицательные С., характерные для произведений народного творчества и фольклорных стилизаций: «*Не псарь по дубравушке трубит, Гогочет, сорви-голова,—Наплакавшись, колет и рубит Дрова молодая вдова*» (Некрасов).

Стилистическая выразительность С. обусловлена характером и степенью трансформации общеязыковой семантико-стилистической основы сопоставления, причём преобразованиям могут подвергаться как семантика, так и синтаксис (в отдельности либо одновременно): «*Гарун бежал быстрее лани, Быстрей, чем заяц от орла...*» (Лермонтов). Однако в высказываниях *Он бежал стрелой* или *Он бежал как настоящий спортсмен* стилистического эффекта не возникает: образность первого носит общеязыковой характер (ср.: *голодный как волк*, *злой как собака*, *выпить залпом*), во втором — обычное приравнивание.

Образная трансформация вызывается: 1) сопоставлением разнопланных (семантически далёких) понятий: «*Ты меня хотя бы для приличья Выслушай, красивая и шустрая, Душу сквозь мое косноязычье, Как тепло сквозь полушубок, Чувствуя*» (Светлов); 2) усложнением или развёртыванием объекта или средства сравнения: «*И над вершинами Кавказа Изгнанник рая пролетал. Под ним Казбек, как грань алмаза, Снегами вечными сиял...*» (Лермонтов). С. здесь носит двустепенный характер: сначала *Казбек* сам по себе сравнивается с *гранью алмаза*, а затем это С. усложняется тем, что *Казбек* и в отношении приписываемого ему действия (*сиял*) также сравнивается с *гранью алмаза*; 3) опущением союза: «*Мы с какой угодно стороны Несоединяемые части: Я — как биография страны, Ты — ее сегодняшнее счастье*» (Светлов); 4) нарушением форм синтаксической соотнесённости (влияние конструкций разговорной речи), что характерно для нек-рых поэтических текстов: «*Как сжимается сердце дрожью за конечный порядок земной. Вдоль дороги стояли рощи и дрожали, как бег трусцой*» (Вознесенский).

К С., имеющим достаточно определённую грамматическую структуру, не относятся разного рода сопоставления: «*На глаза осторожной кошки Похожи твои глаза*» (Ахматова); «*Кленовый лист напоминает нам янтарь*» (Заболоцкий).

В. В. Одинцов.

СРАВНИ́ТЕЛЬНАЯ СТЕ́ПЕНЬ — см. Степени сравнения.

СРАВНИ́ТЕЛЬНО-ИСТОРИ́ЧЕСКИЙ МЕ́ТОД — совокупность исследовательских приёмов, направленных на решение следующих задач: 1) установление генетического родства между различными языками определённого ареала; 2) объяснение генетической общности определённых языков на основе постулата их происхождения из общего источника, именуемого праязыком или общеязыковым состоянием; 3) объяснение причин и условий распада праязыка, образования отдельных ареалов и самостоятельных языков; 4) вскрытие и объяснение закономерностей эволюции группы родственных языков, выявление вторичных схождений и расхождений между ними, выявление архаизмов и новообразований в языках данной генетически родственной языковой группы. Наиболее существенной чертой данного метода является процедура реконструкции. Различают реконструкцию с р а в н и т е л ь н у ю, когда восстановление фрагмента праязыкового состояния происходит на основе сопоставления определённых явлений разных языков с разной хронологической соотнесённостью, и реконструкцию в н у т р е н н ю ю, когда восстановление фрагмента праязыкового состояния происходит на основе сопоставления регулярных и нерегулярных парадигматических рядов на разных хронологических срезах или с разной хронологической глубиной в пределах одного языка.

Лит.: Мейе А., Сравнительный метод в историческом языкознании, пер. с франц.,

М., 1954; Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, М., 1956; Макаев Э., Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.— Л., 1964; его же, Общая теория сравнительного языкознания, М., 1977; Тронский И. М., Общеиндоевропейское языковое состояние, Л., 1967.

Э. А. Макаев.

СРАВНИ́ТЕЛЬНО-ИСТОРИ́ЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНА́НИЕ — одно из основных направлений языкознания, главной целью к-рого является изучение родственных языков с помощью сравнительно-исторического метода. С.-и. я. наиболее результативно по открытым закономерностям развития языка и по достигнутым результатам, сформулированным в виде целого ряда законов. Зародилось в нач. 19 в. Представителями С.-и. я. являлись: датчанин Р. Раск (1787—1832), немцы Ф. Бопп (1791—1867), Я. Гримм (1785—1863), Ф. Диц (1794—1876), А. Потт (1802—87), русский А. Х. Востоков (1781—1864), чех Й. Добровский (1753—1829), словак П. Й. Шафарик (1795—1861). Они положили начало историческому изучению языка; именно в этот период появляются исторические грамматики германских, романских, кельтских и славянских языков, а также исторические описания отдельных языков или языковых групп (напр., «Рассуждение о славянском языке» Востокова, 1820). Обнаружение несомненных генетических связей санскрита с европейскими языками направляло внимание исследователей на объяснение причин и условий языкового родства, что имело следствием создание генеалогической классификации языков. Первые опыты установления языкового родства дали известное основание для морфологической или типологической классификации языков в работах нем. учёных А. Шлегеля и Ф. Шлегеля, и особенно в книге последнего «О языке и мудрости индийцев» (1808).

Большой вклад в создание сравнительной грамматики индоевропейских языков внёс Бопп. Уже в ранней работе Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системою спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков...» (1816) предвосхищены основные положения его «Сравнительной грамматики санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков» (ч. 1—6, 1833—49), в центре к-рой было описание морфологического строя языков на основе теории агглютинации; вопросы фонетического строя индоевропейских языков были освещены лишь в очень слабой степени. Эта задача была выполнена Поттом в работе «Этимологические разыскания» (ч. 1—2, 1833—36) — первом опыте сравнительной фонетики индоевропейских языков, явившемся основой для будущих этимологических словарей индоевропейских языков. Дальнейшее развитие С.-и. я. связано с именем А. Шлейхера (1821—68), учеником Боппа. «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» Шлейхера (ч. 1—2, 1861—62) знаменует новый этап в С.-и.я. В этом труде впервые вводится процедура реконструкции индоевропейского праязыка, реальность к-рого для Шлейхера-натуралиста была настолько очевидна, что он сочинил басню о лошадях и овцах (из Эзопа) на праязыке. Отныне реконструкция праязыковых форм занимает всё большее и большее место в С.-и. я. Большой вклад в разработку С.-и. я. внесли представители младограмматической школы, особенно И. Шмидт (1843—1901), К. Бругман (1849—1919), Б. Дельбрюк (1842—1922), Г. Остхоф (1847—1909), Ф. Ф. Фортунатов (см.) и др. Особую роль для С.-и. я. сыграл Ф. де Соссюр (1857—1913), примыкавший в молодости к младограмматической школе, труд к-рого «Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» (1879) заложил основы для нового этапа развития С.-и. я. Бругман и Дельбрюк подвели итоги всем предшествующим исследованиям в этой области в многотомном фундаментальном труде «Грундрис сравнительной грамматики индоевропейских языков» (т. 1—5, 1886—1900), к-рый включал описание фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса всех индоевропейских языков.

Во 2-м десятилетии 20 в. чеш. учёным Б. Грозным был доказан индоевропейский характер хеттского языка. В связи с этим открытием были подвергнуты пересмотру основные положения С.-и. я.: радикально пересматриваются приёмы реконструкции индоевропейского праязыка, разрабатывается ареальная характеристика отдельных групп индоевропейских языков, применяются приёмы внутренней реконструкции, тщательно разрабатывается относительная хронология языковых процессов, в сравнительное языкознание интенсивно внедряются принципы системного описания языка. Новый этап С.-и. я. связан с именами А. Мейе (1866—1936), Э. Бенвениста (1902—76), Х. Педерсена (1867—1953), Е. Куриловича (1895—1978), В. Пизани (р. 1899), а также со школой сов. компаративистов (А. В. Белецкий, Т. В. Гамкрелидзе, А. В. Десницкая, В. В. Иванов, В.М.Иллич-Свитыч, П. С. Кузнецов и др.).

Лит.: Томсен В., История языковедения до конца XIX века, М., 1938; Фортунатов Ф. Ф., Избранные труды, т. 1—2, М., 1956—57; Десницкая А. В., Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.— Л., 1955; Георгиев В. И., Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958; Мейе А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.— Л., 1938; Бенвенист Э., Индоевропейское именное сло-

вообразование, пер. с франц., М., 1955; Общее и индоевропейское языкознание, пер. с нем., М., 1956; Сравнительная грамматика германских языков, т. 1—4, М., 1962—66.
Э. А. Макаев.

СРАВНИ́ТЕЛЬНЫЙ ОБОРО́Т — часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия — одиночной или с зависимыми словами, к-рая вводится сравнительными союзами *как, чем, нежели, как и* или союзами *словно, точно, будто, как будто (бы), словно как*, придающими сравнению модальную окраску: «*Как буря, смерть уносит жениха*» (Пушкин); «*Я к ней наконец так привык, как к дочери*» (Лермонтов); «*Летом спать было гораздо тяжелее, чем зимой*» (Достоевский); «*Дед кинул им деньги, словно собакам*» (М. Горький); «*Ты под окном своей светлицы Горюешь, будто на часах*» (Пушкин).

С. о. по-разному входит в предложение. Обычно он обособлен (см. Обособленный оборот), но может быть и не обособлен, напр. если является сказуемым (*Наш двор как сад*; *Он сделался как дитя*), обязательным определением (*Есть письма как сигнал тревоги*) или если входит во фразеологическое сочетание (*красный как рак, бежит как угорелый* и т. д.). Обособленный С. о. выполняет в основном обстоятельственную функцию, характеризуя действие или качественный признак: *плачет, как дитя*; *сверкая, как алмаз*; *вскочил, как от удара*; *лёгкий, как облако*; *жарко, как перед грозой*; *люблю, как и прежде*. Однако в С. о. можно видеть неполную (скрытую) предикативность, к-рая проявляется в тех условиях, когда он относится к сказуемому: «*Исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман*» (Пушкин). Обособленный С. о., отделённый подчинительным союзом, может осознаваться как обозначение целой ситуации: *Жарко, как в июле* = *Жарко, как бывает в июле* (*как будто это в июле*). Поэтому С. о. иногда квалифицируют как неполное придаточное предложение (или как предложение со словесно не выраженным сказуемым). От придаточного предложения С. о., однако, отличается тем, что его предикативность имеет несамостоятельный характер: она существует лишь на фоне предикативности основной части предложения и полностью базируется на ней; поставленный в другие синтаксические условия тот же С. о. оказывается лишённым ситуативного содержания: «*Перстами, легкими как сон, Моих зениц коснулся он*» (Пушкин). С. о. обладает более широким значением, чем придаточное предложение, поэтому адекватная замена здесь практически невозможна. Предложение *Мы веселились, как дети* вмещает в себя смыслы: «как веселятся дети», «как будто мы дети», «по-детски».

Словоформа, составляющая основу С. о., разными способами связана с другими словами предложения. Наиболее полно смысл сравнения выражает конструкция, состоящая из трёх членов, называющих предметы сравнения и основание сравнения: «*Как женщину, ты родину любил*» (Некрасов); *родину как женщину* — связь параллельных (аналогичных по функции) членов; *любил как женщину* — связь с общим членом. Ср. также: «*Её уста, как роза, рдеют*» (Пушкин); «*Здесь было светлее, чем в поле*» (Чехов).

Им. п. при союзе имеет субъектное значение (*плачет как дитя — дитя плачет*; *холодный как лёд — лёд холодный*) и сохраняется при любом падеже той словоформы, к-рая называет сравниваемый предмет: *росинки горят как алмазы — росинок, горящих как алмазы*; *холодная как лёд рука — холодной, как лёд, рукой* и т. д. Другой способ связи — без параллелизма словоформ — представляет сравнение как бы неразвёрнутым: «*Вода бежит, как из ушата*» (Крылов); «*Заволокло все небо, словно черным рядном*» (Гоголь); «*Меня он, как и прежде, любит, Мной, как и прежде, дорожит*» (Тютчев). Союз, вводящий зависимую словоформу, семантически мотивирует её связь с предложением. В конкретном высказывании выявляется или тесная связь С. о. с отдельным словом: «*Другой, в телячьей куртке и с бородкой, как у Вихрова, приподнял старенькую шляпу*» (Леонов), или более широкие синтаксические связи и более самостоятельное и свободное положение оборота в предложении, сближающее его с придаточным: «*Может быть, мы оба с криком кинулись бы друг на друга, как два диких зверя*» (Куприн).

Обороты с союзами *чем* (*нежели*) и *как и* отличаются семантико-синтаксическими особенностями. Они не имеют чисто сравнительного значения, в силу чего для них нехарактерна определительно-обстоятельственная функция. Союз *чем* (*нежели*) выражает градуированное сравнение (сопоставление по изменению, нарастанию или убыванию признака) и поэтому сочетается с формами сравнительной степени или с местоимениями *иной, другой* и др.: «*Теперь голос был дальше, чем в прошлый раз*» (М. Горький); «*Осина больше сочетается с северным сероватым небом, нежели с пылающей лазурью небес*» (Солоухин). Союз *как и* (*равно как и, также как и*) по значению представляет собой контаминацию (см.) сравнения и соединения, он выражает отношение приравнивания: «*На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу*» (Шолохов); «*Егорушкой тоже, как и всеми, овладела скука*» (Чехов).

Не выражает сравнения оборот, оформленный при помощи сочетания *такой(ие) как* или *такой(ие)... как*: «*Для таких, как вы, людей не бывает лошадей*» (Ми-

халков); *Окончен сев такой важной культуры, как соя.*

Лит.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, М., 1960; Широкова Н. А., Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения, [Казань], 1960; Прияткина А. Ф., Трехчленная союзная конструкция, «Филологические науки», 1973, № 4; Черемисина М. И., Сравнительные конструкции русского языка, Новосибирск, 1976.

А. Ф. Прияткина.

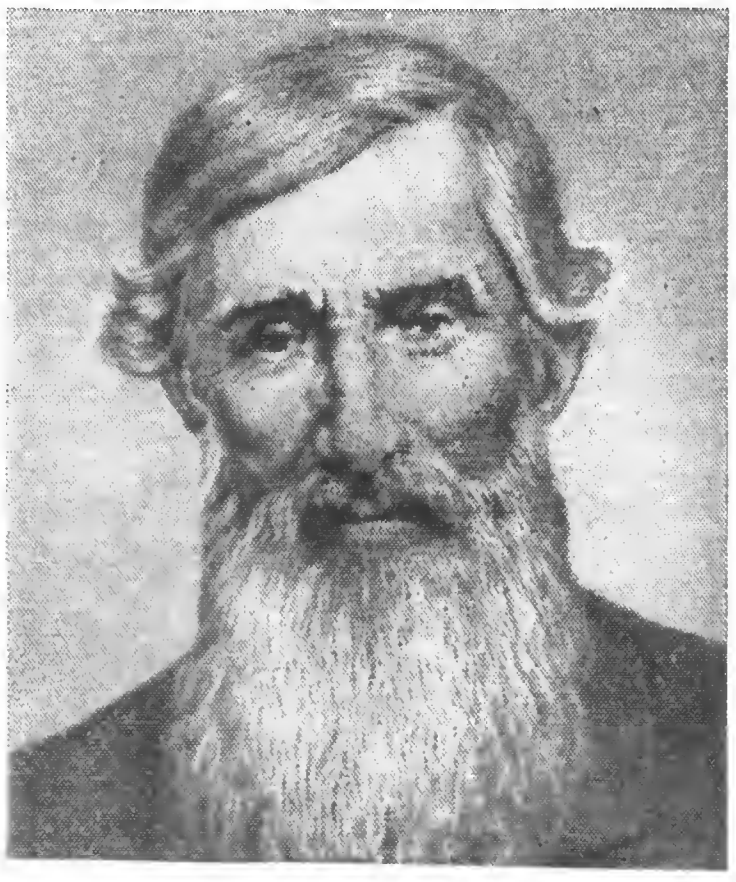
СРАЩЕ́НИЕ, лексико-синтаксический способ словообразования,— возникновение слова из словосочетания. Под С. понимается: 1) исторический процесс постепенного превращения словосочетания в слово, напр.: *спаси бог>спасибо, сего дня>сегодня*; 2) способ словообразования, при к-ром производное слово во всех своих формах полностью тождественно по морфемному составу синонимичному словосочетанию; синтаксическая связь этого сочетания (управление или примыкание) остаётся живой в структуре производного слова: *вечнозелёный, тяжелобольной, умалишённый, вперёдсмотрящий, долгоиграющий, вышеприведённый.* Этот способ продуктивен при образовании прилагательных с последним компонентом, равным самостоятельному причастию или прилагательному. Слова-С. других частей речи единичны (напр., *заблаго-рассудится*). С. может сочетаться с суффиксацией: *ничегонеделание, немогузнайка, сиюминутный.*

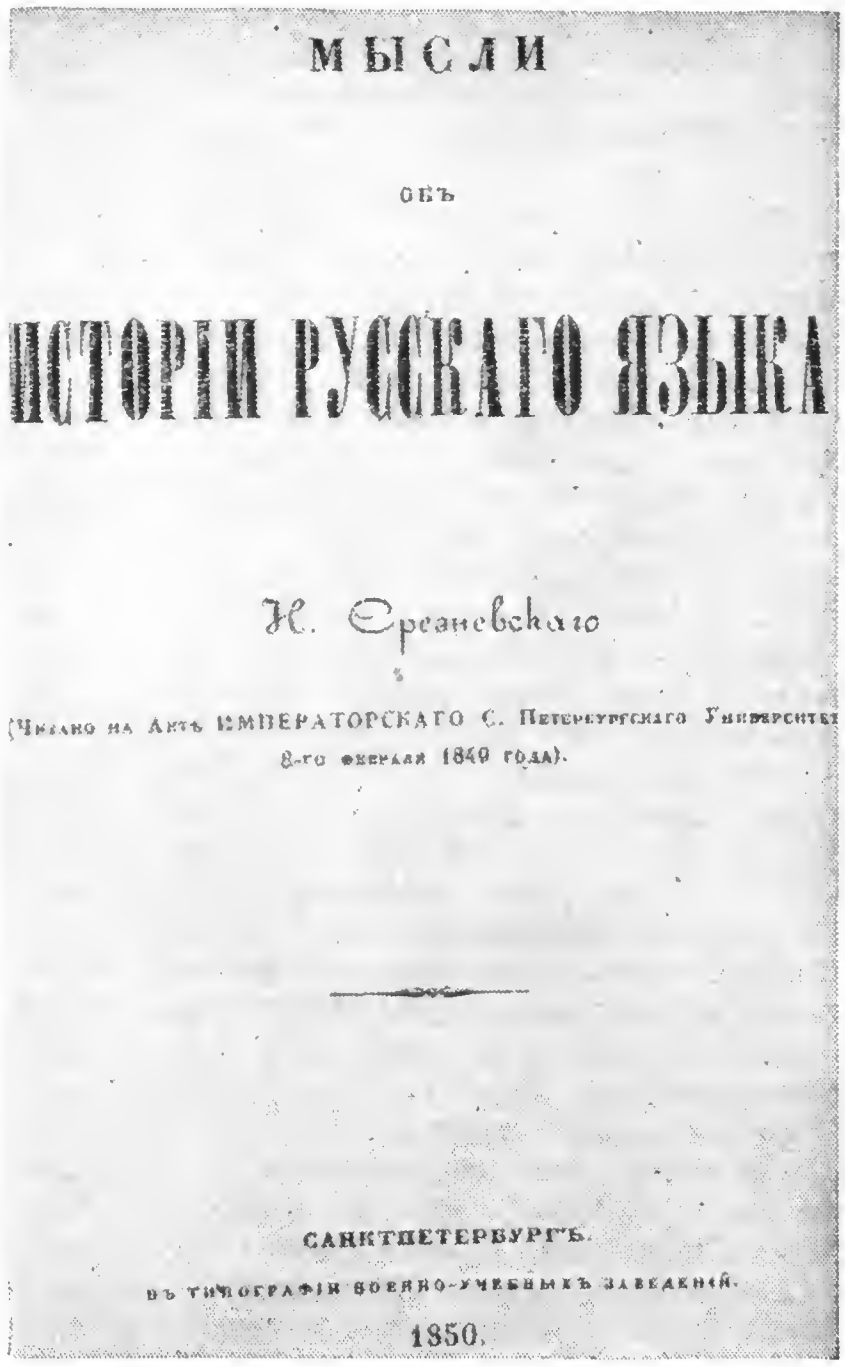
Лит.: Шанский Н. М., Очерки по русскому словообразованию, М., 1968, с. 267—69; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин.

СРЕ́ДНИЙ РОД — см. Род.

СРЕЗНЕ́ВСКИЙ Измаил Иванович [1(13).6.1812, Ярославль,— 9(21).2.1880, Петербург]— филолог и этнограф, акад. Петерб. АН (1854). Окончил Харьковский ун-т (1829), проф. там же (с 1842). С 1847




МЫСЛИ

объ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА

И. Срезневскаго

(Читано на Акте ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Университета 8-го февраля 1849 года).

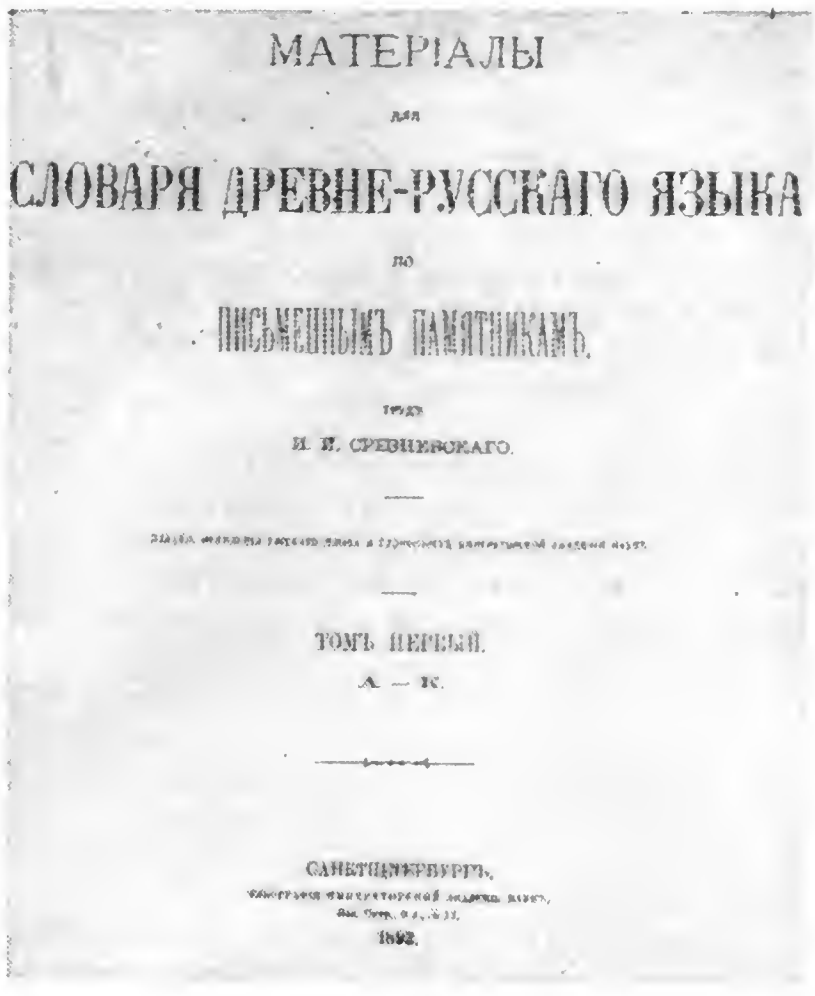
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1850.

по 1880 проф., декан историко-филологического ф-та, ректор Петерб. ун-та, проф. Главного пед. ин-та (с 1848). У С. учились Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев. С. инициатор создания и ред. «Известий АН по отделению русского языка и словесности» (1852—63) и «Учёных записок» (1854—63). Труды в области истории и диалектологии рус. языка, палеографии, др.-рус. лит-ры, этнографии и фольклора слав. народов. Осн. работы: «Мысли об истории русского языка» (1849), где содержалась программа работ по изучению истории рус. языка, «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1—3, 1893—1903, дополнения — 1912; 3 изд., 1958)— результат многолетних лексикологических исследований др.-рус. памятников письменности, «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851). Методические труды: «Замечания об изучении русского языка и словесности в средних учебных заведениях» (1871), «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» (1889) и др.

Лит.: Булаховский Л. А., И. И. Срезневский, «Рус. яз. в школе», 1940, № 6; Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете, [Л.], 1971; Смирнов С. В., Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), «Рус. речь», 1972, № 6;


МАТЕРІАЛЫ
для
СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА
по
ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.
труд
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
А — К.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1893.

Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

СТАРОСЛАВЯ́НСКИЙ ЯЗЫ́К — древнейший литературно-письменный язык славян, зафиксированный в памятниках 10—11 в., продолжавших лит. традицию переведённых в 9 в. Константином (Кириллом) и Мефодием (см. Кирилл и Мефодий) и их учениками с греч. языка христианских церковных книг.

С. я. относится к южнославянской группе. В основу его был положен южномакедонский (солунский) диалект древнеболгарского языка. Однако как язык литературный он был богаче и шире своей непосредственной народно-языковой основы, особенно в лексическом отношении. Он вобрал в себя элементы других слав. языков, а также лексические и фразеологические богатства международных языков древней культуры — греческого и отчасти латинского.

С. я. изучается по сохранившимся памятникам, написанным двумя разными азбуками: глаголицей (см.) и кириллицей (см.). Кирилло-мефодиевских оригиналов не сохранилось. Древнейшие известные нам памятники относятся к кон. 10 и к 11 вв. Поэтому первоначальный строй языка 2-й пол. 9 в. определяется лишь в результате филологического анализа, после снятия тех наслоений, к-рые были внесены позднейшими переписчиками.

Важнейшие глаголические памятники С. я.: «Киевские листки, или Киевский миссал» (10 в.), Зографское, Мариинское и Ассеманиево евангелия, «Сборник Клоца», «Синайская псалтырь» и «Синайский требник» (11 в.). Кириллические памятники: «Саввина книга», «Супрасльская рукопись» и «Остромирово евангелие» (11 в.), являющееся одновременно и древнейшим памятником рус. языка. Сохранились также отдельные листы нек-рых других памятников.

Значение С. я. для изучения всех слав. языков, в т. ч. и русского, определяется прежде всего его древностью. Во многих случаях С. я. представляет систему звуков и грамматических форм на ступени, близкой к праславянскому языку (см.).

В составе гласных С. я., помимо *а*, *о*, *у*, *ы*, *и*, *е*, имел ещё пять особых звуков (фонем), обозначавшихся буквами *ъ*, *ь*, *ѣ*, *ѫ*, *ѧ*, напр. в словах *сънъ*, *дъждь*, *лѣто*, *мѣсто*, *рѫка*, *пѫть*, *имѧ*, *пѧть*.

Звуки *ъ* и *ь* были гласными неполного образования, редуцированными. Они произносились как очень краткие, ослабленные *о* и *е*. На протяжении 10—11 вв., раньше, чем в древнерусском, в С. я. происходил процесс падения редуцированных гласных (см. Падение редуцированных) с полной утратой их в слабых позициях и с изменением в гласные полного образования, обычно *о* и *е*, в сильных.

Гласный, обозначавшийся буквой *ѣ*, произносился как звук *е* широкого, открытого образования, близкий к *а*: *вѣра*, *вѣрьнъ*. В др.-рус. языке, напротив, *ѣ* произносился как узкое, закрытое *ê*, близкое к *i*, или как дифтонг *i͡ê*.

Буквами *ѫ* и *ѧ* обозначались носовые гласные звуки: *о* носовое (*ѫ*) и *е* носовое (*ѧ*), т. е. звуки [ǫ] и [ę]. Носовые гласные были унаследованы отдельными слав. языками из праслав. языка. С. я. последовательно сохранял эту древнюю фонетическую особенность. В большинстве слав. языков они изменились в гласные неносовые. В рус. языке, напр., ещё до появления письменности они изменились соответственно в *у* и *'а*, ср.: *рука*, *путь*, *имя*, *пять*.

С. я. характеризуется неполногласием (см.), сочетаниями *ра*, *ла* в начале слова перед согласными (*равьнъ*, *расти*, *рабъ*, *работа*, *ладии*, *лакъть*) при *ро*, *ло* в рус. языке (*ровный*, *рост*, *лодка*, *локоть*, др.-рус. *робъ*, *робота*).

В нек-рых случаях С. я. имел особое, отличное даже от других южнослав. языков, развитие праслав. черт, напр. изменение сочетаний **tj* и **dj* в сложные палатальные (мягкие) согласные *шт* и *жд*: *свѣшта*, *межда*, ср. рус. *свеча*, *меж*.

С. я. 2-й пол. 9 в. ещё довольно последовательно сохранял старую многотипность именного склонения, унаследованную из праслав. языка, но к 11 в. в нём произошли значительные изменения в этой области — обобщение типов склонения по признаку грамматического рода имён существительных.

Первоначально в С. я. выделялось шесть склонений: склонение сущ. типа

1) *плодъ*, *конь* (муж. род), *село*, *поле* (ср. род); 2) *жена*, *землꙗ* (жен. род), *воевода*, *юноша* (муж. род); 3) *сынъ* (муж. род); 4) *гость* (муж. род), *кость* (жен. род); 5) *камы* (муж. род), *имѧ*, *слово*, *телѧ* (ср. род), *мати* (жен. род); 6) *свекры* (жен. род).

О многообразии падежных флексий в системе именного склонения достаточное представление дают, напр., формы род. п. ед. ч. Здесь только у имён муж. рода отмечаются формы: *воеводы*, *юношѧ*, *плода*, *конꙗ*, *сыноу*, *гости*, *камене*.

В дошедших до нас памятниках 11 в. отражаются многочисленные случаи взаимодействия, взаимовлияния и отчасти смешения этих разных типов именного склонения на путях их перестройки и объединения в новую систему.

В системе падежных флексий именного склонения можно наблюдать характерные различия между С. я. и древнерусским. Так, напр., в род. п. ед. ч., им.—вин. п. мн. ч. склонения сущ. типа *землꙗ* и вин. п. мн. ч. склонения типа *конь* С. я. имел флексию ѧ (ꙗ): *землꙗ*, *конꙗ*, а древнерусский — флексию ѣ: *землѣ*, *конѣ*.

В именах прилагательных различались краткие (именные) и полные (местоименные) формы, причём не только полные, но и краткие формы склонялись и могли выступать в синтаксической функции определения.

В ст.-слав. склонении выделялось семь падежей, в т. ч. местный падеж, употреблявшийся и без предлога для обозначения места и времени, и звательный падеж — форма обращения (*рабе*, *коню*, *жено*, *землѥ*). Выделялось три грамматических числа: единственное, двойственное и множественное. Двойственное число употреблялось при обозначении парных предметов (*рѫцѣ*, *нозѣ*, *очи*, *оуши*) и любых других, взятых в количестве двух (*дъва брата*, *дъвѣ сестрѣ*).

С. я. имел очень сложную систему глагольных форм, близкую к праслав. состоянию. Глагол имел три наклонения (изъявительное, повелительное и условное), три лица (1-е, 2-е, 3-е) и три числа (единственное, двойственное и множественное). Категория вида находилась в стадии становления.

В изъявительном наклонении были формы наст., прош. и буд. времени. В 3-м лице ед. и мн. ч. наст. (простого будущего) времени С. я. имел в окончании *-тъ*: *беретъ*, *видитъ*, *берѫтъ*, *видѧтъ* при *-ть* в древнерусском: *береть*, *видить*, *беруть*, *видꙗть*.

Большое своеобразие представляли формы прош. времени. Их было четыре: аорист (см.), имперфект (см.), перфект (см.) и плюсквамперфект (см.).

С. я. имел также неспрягаемые формы глагола: инфинитив (*быти*, *видѣти*), супин и причастия. Супин оканчивался на *-тъ* и представлял собой неизменяемую форму, употреблявшуюся при глаголах движения для обозначения цели движения: *идѫ рыбъ ловитъ*. Существительное при супине стояло в род. п.

С. я. располагал разветвлённой системой склоняемых причастий действительного и страдательного залога наст. и прош. времени в краткой и полной форме. Не склонялись только причастия прош. времени с суффиксом *-л-* (*далъ*, *видѣлъ*, *зналъ*).

Как язык книжно-литературный, С. я. имел развитую систему синтаксиса; широко употреблялись сложные предложения с сочинением и подчинением составляющих их частей. В составе сложноподчинённых выделялись различные типы придаточных предложений. Богатой была система сочинительных и подчинительных союзов. Выделялись нек-рые, характерные для С. я., синтаксические конструкции, напр. оборот «дательный самостоятельный».

Очень богат для своего времени был словарный состав С. я. Осуществлявшаяся Кириллом и Мефодием и их учениками лит. обработка С. я. проявлялась, в частности, в пополнении его лексики и фразеологии целыми пластами слов и выражений абстрактного характера, терминами науки, культуры и просвещения, но также, конечно, и словами, относившимися к новой для славян христианской религии. Таковы, напр., термины самого книжного дела: *боукы* — «буква», *письмѧ* — «письмо, письмена, буква», *кънигы*, *кънижьникъ*, *кънигъчии*, *писаниѥ*, *стихъ*, *тетрадь* и др.

С. я. служил общеслав. лит. языком, выражая и обусловливая единство слав. культуры. У разных слав. народов он, естественно, варьировался в зависимости от того, с какой живой языковой средой ему приходилось взаимодействовать. С 11 в. складывается несколько редакций, или изводов, С. я.: болгарский, сербский и русский. Такой пропитанный чертами местной слав. речи С. я. принято называть церковнославянским языком.

Велико было культурное значение С. я. и церковнослав. языка для рус. народа и истории рус. лит. языка. Ст.-слав. письменность уже в кон. 10 в. получила распространение в Киевской Руси. Здесь, в древнем Киевском государстве, рано началось взаимодействие между С. я. и др.-рус. лит. языком. С. я. прежде всего способствовал увеличению богатств рус. лексики. Рус. лит. язык на протяжении многовекового исторического развития органически вбирал в себя целые пласты слов и фразеологических оборотов ст.-слав. происхождения.

Лит.: Селищев А. М., Старославянский язык, ч. 1—2, М., 1951—52; Фортунатов Ф. Ф., Избранные труды, т. 2. Лекции по фонетике старославянского (цер-

ковнославянского) языка, М., 1957; Вайан А., Руководство по старославянскому языку, пер. с франц., М., 1952; Ван-Вейк Н., История старославянского языка, пер. с нем., М., 1957. *А. М. Иорданский.*

СТАТИ́СТИКА ЛИНГВИСТИ́ЧЕСКАЯ — см. Лингвистическая статистика.

СТЕ́ПЕНИ СРАВНЕ́НИЯ — грамматическая категория прилагательных и наречий, выражающая различия в степени проявления качества (*сильный — сильнее — сильнейший*; *ярко — ярче — ярче всех*). Формы С. с. имеют качественные прилагательные и наречия на *-о* и *-е*, образованные от качественных прилагательных.

Различаются три С. с.: положительная, сравнительная и превосходная. Как положительная степень рассматривается исходная форма прилагательного или наречия, но эта форма обозначает качество предмета или действия вне сопоставления с другим проявлением того же качества (*добрый взгляд*; *смеётся весело*). Собственно С. с. являются сравнительная и превосходная степени. Форма сравнительной степени (компаратив) обозначает, что качество присуще характеризуемому предмету или действию в большей мере, чем другому (*Он добрее тебя*; *Ты смеёшься веселее, чем он*). Эта С. с. может указывать на большее проявление качества одного и того же предмета или действия, но в разное время и при различных обстоятельствах (*Сегодня он добрее, чем вчера*; *Ты смеёшься веселее обычного*). Форма превосходной степени обозначает, что качество присуще характеризуемому предмету или действию в высшей мере, т. е. больше, чем всем остальным (*добрейший человек*; *Он смеялся веселее всех*).

Формы сравнительной и превосходной С. с. могут быть синтетическими и аналитическими. Синтетические формы сравнительной степени прилагательных образуются от основы положительной степени посредством суффиксов *-ее* (*-ей*), *-е*, *-ше*. Суффикс *-ее* (*-ей*) присоединяется к основам, оканчивающимся не на заднеязычный (*голубой — голубее* и *голубей*, *лохматый — лохматее* и *лохматей*). Суффикс *-е* присоединяется к основам на *к*, *г*, *х*, а также к основам отдельных прилагательных на *т*, *д*, *ст*; при этом осуществляется чередование *к/ч*, *г/ж*, *х/ш*, *т/ч*, *д/ж*, *ст/щ* (*жаркий — жарче*, *дорогой — дороже*, *тихий — тише*, *богатый — богаче*, *твёрдый — твёрже*, *толстый — толще*). В нек-рых прилагательных с суффиксальным *к* в основе это *к* отпадает и при присоединении суффикса *-е* происходят чередования *т/ч*, *д/ж*, *з/ж* (*короткий — короче*, *гладкий — глаже*, *низкий — ниже*).

Особо образуется форма сравнительной степени от прил. *дешёвый* (*дешевле*), *широкий* (*шире*), *высокий* (*выше*), *сладкий* (*слаще*), *глубокий* (*глубже*), *красивый* (*краше* и *красивее*), *поздний* (*позже* и *позднее*). С помощью суффикса *-ше* образуются формы сравнительной степени от следующих прил.: *далёкий* (*дальше* и *далее*), *ранний* (*раньше* и *ранее*), *тонкий* (*тоньше*), *горький* (*горше* и *горче*), *долгий* (*дольше* и *долее*), *большой* (*больше* и *более*), а также *хороший* (*лучше*), *малый* (*меньше*). Синтетические формы сравнительной степени не изменяются по родам, числам и падежам. Аналитические формы сравнительной степени прилагательных образуются сочетанием слов *более*, *менее* с положительной степенью (*более высокий*, *менее горький*).

Синтетические и аналитические формы сравнительной степени наречий образуются так же, как и С. с. прилагательных (*высоко — выше — более высоко*). Синтетические формы сравнительной степени наречий и прилагательных представляют собой грамматические омонимы, к-рые различаются синтаксически: сравнительная степень прилагательного определяет существительное (*Это дерево выше того*), сравнительная степень наречия определяет глагол (*Сегодня он прыгнул выше, чем вчера*).

Синтетические формы превосходной степени прилагательных также образуются от основы положительной степени присоединением суффикса *-ейш-* (*добрый — добрейший*, *верный — вернейший*) или *-айш-*, если основа оканчивается на заднеязычные, причём при присоединении суффикса происходит чередование *к/ч*, *г/ж*, *х/ш* (*тонкий — тончайший*, *строгий — строжайший*, *тихий — тишайший*). Аналитические формы превосходной степени образуются сочетанием слов *самый*, *наиболее*, *наименее* с формой положительной степени (*самый добрый*, *наиболее редкий*, *наименее глубокий*) или сочетанием слова *самый* с формой превосходной степени (*самый ближайший*). Синтетические формы превосходной степени наречия могут быть образованы от основы синтетической формы превосходной степени прилагательного с помощью суффикса *-е* (*покорнейше*, *нижайше*), однако в совр. рус. языке такие формы почти не употребляются. Аналитические формы превосходной степени наречий образуются сочетанием формы сравнительной степени и местоимений *всего*, *всех* (*рисует лучше всех*).

По значению синтетические формы превосходной степени близки прил. типа *большущий*, *здоровенный*, у к-рых указание на высокую степень проявления качества входит в лексическое значение; поэтому нек-рые лингвисты рассматривают образования типа *величайший* не как формы словоизменения, а как самостоятельные слова. Не все лингвисты признают аналитические формы С. с., счи-

тая их описательным способом выражения сравнения.

Лит.: Современный русский язык, в. 2, Морфология, [М.], 1952; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972. *В. Н. Белоусов.*

СТИЛИЗА́ЦИЯ — намеренное построение художественного повествования в соответствии с основными принципами организации языкового материала и наиболее показательными внешними речевыми приметами, присущими определённой социальной среде, исторической эпохе, лит. направлению, школе, жанру, официальным документам, индивидуальной манере к.-л. писателя, к-рые избираются автором в качестве объекта имитации. Наиболее значимой в идейно-эстетическом отношении, наиболее очевидной для читателя и выразительной представляется С., опирающаяся на фольклор, на живую разговорно-обиходную речь известной социальной среды (гл. обр. демократических слоёв общества), на язык отдалённых исторических эпох.

В зависимости от объекта имитации можно выделить С., ориентированную на фольклорные жанры (напр., стихотворения «Песня», «Ах, девица-красавица...» Мерзлякова, «Пела, пела пташечка...» Дельвига, «Песня про царя Ивана Васильевича...» Лермонтова), народно-разговорную речь («Левша», «Воительница» Лескова, «В дороге» Некрасова, «народные» рассказы Л. Толстого и др.), индивидуальную манеру письма определённого автора или обобщённо воспринятый и передаваемый стиль лит. направления, течения, обычно отдалённый во времени. Последний тип С. чаще всего использовался для лит. мистификаций (подделка окончания пушкинской «Русалки», опубликованная в 1897 Д. П. Зуевым, и т. п.). В зависимости от социально-исторического характера воспроизводимой речи различают С. социально-речевую (ориентация на язык определённой социальной среды), жанровую (ориентация на главные или наиболее яркие приёмы и средства выражения в том или ином жанре или системе жанров), историческую (воспроизведение типических черт языка конкретной исторической эпохи).

С. используется в разных идейно-эстетических целях (историческое повествование, воспроизведение жизни отдельных социальных слоёв, сатира) и в зависимости от этого предполагает определённый тип организации художественного повествования. Ориентация на народно-разговорную речь «задаёт» форму сказа как имитацию монологической речи персонажа из народа или «рассказчика». При этом С. народно-разговорной речи может объединяться с ориентацией автора на фольклорные жанры. Такой вариант С. служит композиционно-речевой основой т. н. орнаментальной прозы (А. Неверов, А. Ремизов). Исторический роман, повесть, историческое стихотворное повествование требуют последовательного, эстетически мотивированного вкрапления в композиционно-речевую структуру текста лексико-фразеологических и синтаксических архаизмов в целях воспроизведения типических черт соответствующей эпохи («Пётр Первый» А. Н. Толстого, «Разин Степан» Чапыгина).

С. актуализирует определённые языковые элементы и приёмы их использования. В рамках С. социально-речевой актуализируются прежде всего фонетические, лексико-фразеологические и синтаксические особенности речи воспроизводимой социальной среды или персонажа. С. жанровая выдвигает на первый план принципы композиционно-речевой структуры «прототипного» стиля, основные особенности синтаксической организации имитируемых текстов. При исторической С. «ударными» обычно оказываются лексико-семантические и фразеологические архаизмы.

Вариантом С. представляется пародия, в к-рой отдельные, наиболее яркие черты «прототипного» стиля нарочито, часто гипертрофированно выделены или преподнесены изолированно от других выразительных элементов. Такая С. предполагает «сниженное», юмористическое или сатирическое истолкование основных характеристик стиля объекта пародии.

С. тесно смыкается с понятием речевой характеристики персонажа, однако первая относится к принципам построения авторской речи, художественного повествования, а вторая есть способ типизации лит. образа.

Лит.: Ефимов А. И., Стилистика художественной речи, [М.], 1961; Троицкий В. Ю., Стилизация, в сб.: Слово и образ, М., 1964; Бахтин М., Проблемы поэтики Достоевского, М., 1972.

Ю. А. Бельчиков.

СТИЛИ́СТИКА — раздел языкознания, в к-ром исследуется функционирование (или способы использования) языковых единиц (и категорий) в рамках литературного языка (см.) в соответствии с его функциональным расслоением в различных условиях языкового общения, а также функционально-стилевая система, или «система стилей» (см. Стиль), лит. языка в его совр. состоянии и в диахронии. С. подразделяется на функциональную С., С. языковых единиц, С. текста, С. художественной, или поэтической, речи (язык художественной лит-ры).

Функциональная С. изучает дифференциацию лит. языка по его исторически сложившимся разновидностям (функционально-стилевым единствам), т. е. изучает и описывает систему стилей, закономерности её внутриструктурной

организации. Функциональная С. вырабатывает общие принципы типологии, классификации и выделения основных функционально-стилевых единств (функционального стиля, функционально-стилевой сферы) лит. языка, взятого как объект теоретического исследования и как конкретная историко-культурная данность; выявляет, определяет их экстралингвистические стилеобразующие факторы, их иерархию и взаимодействие стилей и функционально-стилевых сфер внутри лит. языка, использование и принципы организации языковых элементов в рамках определённого функционально-стилевого единства и в иностилевой среде, устанавливает характеристики функционально-стилевых единств.

С. языковых единиц изучает функционирование в лит. языке единиц (и категорий) всех уровней в типовых речевых ситуациях, в контекстах различного смыслового и экспрессивного содержания с учётом действующих языковых норм; см. Норма (языковая). В рамках С. языковых единиц анализируются т. н. общелит. речевые средства и явления дополнительной стилистической информации языковых единиц, т. е. их стилистической окраски, или стилистического «значения» («созначения»), прослеживается «поведение» известной языковой единицы (или категории) как таковой и во взаимодействии с другими языковыми единицами (категориями) в типовых речевых ситуациях, в функциональных разновидностях лит. языка.

Стилистическая окраска, возникающая в процессе употребления слова, формы, конструкции в различных условиях речевой коммуникации, объективно присуща языковым единицам, как и их основное, структурно-семантическое содержание.

Принципиальную важность имеют сопоставления стилистической окраски вариантов языковых единиц (вариантных форм, параллельных конструкций, лексических и синтаксических синонимов) с учётом особенностей их функционирования в лит. языке.

В задачи С. языковых единиц входит исследование системных соотношений стилистически окрашенных языковых элементов между собой и со стилистически нейтральными, а также изучение совокупностей таких стилистически окрашенных элементов, принадлежащих различным функциональным разновидностям совр. рус. лит. языка, выявление правил и норм построения текстов из такого языкового материала.

Т. о., С. языковых единиц, с одной стороны, непосредственно связана с функциональной С., с другой — тесно смыкается с С. текста. Однако в С. языковых единиц иное распределение исследовательского материала, чем в функциональной С. Первая исходит из самой языковой единицы (или категории), вторая — из целей и условий речевой коммуникации для определённой совокупности языковых единиц.

С. текста изучает общие и частные закономерности организации языковых единиц, подчиняющихся известному идейно-содержательному, функциональному, композиционно-структурному единству, каким представляется текст как речевое произведение; выясняет способы и нормы организации языковых единиц в текстах определённого назначения и содержания; исследует внутриабзацные связи и стилистическую характеристику сложного синтаксического целого, прежде всего предложений и сверхфразовых единств в их соотношении с абзацем (см.), с общей композицией и синтаксическим строем текста, соотнесённость композиционных частей текста с определённой совокупностью языковых единиц в зависимости от идейного содержания и жанрово-композиционных особенностей данного текста.

С. художественной речи изучает вопросы, связанные с приобретением языковыми единицами в контексте цельного художественного произведения эстетической значимости. Проблематика С. художественной речи включает: а) проблему «образа автора» как того идейно-композиционного стержня художественного произведения, вокруг к-рого организуются его языковые и композиционные элементы, благодаря к-рому они приобретают целесообразность и своё идейно-эстетическое назначение; б) вопросы построения разных типов авторского повествования, речи персонажей, диалога как таковых, так и во взаимном соотношении в рамках цельного художественного произведения (в связи с этим возникают проблемы отражения речи описываемой среды); в) проблему отбора языковых элементов (в т. ч. и нелитературных, ненормированных), их трансформации в контексте художественного произведения, художественной речи в целом. Эти вопросы тем более актуальны, что художественной речи присущ синкретический характер состава языковых элементов с точки зрения их стилевой принадлежности, стилистической окраски, предметно-логического содержания; г) вопрос о соотношении лит. языка и художественной речи («языка художественной лит-ры»). Термин «язык художественной лит-ры» означает лишь, что в художественной речи языковые элементы приобретают эстетическую функцию, язык художественного произведения обязательно ориентирован на действующие нормы лит. языка. Т. о., понятия лит. языка и «языка художественной лит-ры» не тождественны, они соотносительны как общее, родовое, и видовое. «Язык художественной лит-ры»,

будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции. Следовательно, С.. художественной речи, изучающая «язык художественной лит-ры», остаётся лингвистической дисциплиной. Оперируя лингвистическими категориями и понятиями, она вместе с тем обращается для выявления эстетической функции языка в лит-ре к категориальному аппарату искусствоведения, а также вводит свои собственные понятия, как, напр., «образ автора», «художественно-образная речевая конкретизация». Для С. художественной речи чрезвычайно существенны проблемы изучения языка писателя и индивидуально-авторского.

Элементы С. были заложены уже в античных теориях языка. Античные риторики рассматривали вопросы выразительности языка, специальной организации языковых элементов для целей воздействия на людей. Аналогичные вопросы, связанные в основном с поэтической, художественной речью, интенсивно обсуждались в эстетических и философских трактатах эпохи Возрождения. Эти традиции нашли отражение в рус. риториках 17 — нач. 19 вв.

На научную основу вопросы С. поставлены в 18 в. М. В.. Ломоносовым (см. Трёх стилей теория), хотя он рассматривал их в рамках грамматики, риторики, «лексикона». Большое значение для развития С. имела деятельность Н. М. Карамзина и его школы (кон. 18— нач. 19 вв.), разрабатывавших вопросы С. в тесной связи с ведущими тенденциями языкового развития своей эпохи. В 19 в. важная роль в разработке проблем С., преим. в составе теории словесности и поэтики, принадлежит А. А. Потебне (см.) и А. Н. Веселовскому (1838—1906).

С. как самостоятельная отрасль науки о языке выделилась в кон. 19— нач. 20 вв. (преим. работы швейцарского учёного Ш. Балли, 1865—1947). В рус. науке в нач. 20 в. развитие С. связано с преимущественной разработкой проблем художественной речи (прозаической и стихотворной), а также с культурой речи (см. В. И. Чернышёв). В сов. время вопросам С. стало уделяться большое внимание в связи с актуальностью таких социолингвистических проблем, как развитие и формирование лит. языков народов СССР, повышение речевой культуры народа и др. Возникла прикладная дисциплина — практическая С., содержащая стилистические рекомендации в соответствии с требованиями культуры речи.

В постановку и исследование проблем функциональной С., С. языковых единиц, С. художественной речи, историколит. изучения языковых стилей большой вклад внесли М. М. Бахтин (1895—1975), Л. А. Булаховский (см.), К. И. Былинский (1893—1960), Г. О. Винокур (см.), А. И. Ефимов (1909—66), В. М. Жирмунский (1891—1971), Б. А. Ларин (1893—1964), Б. В. Томашевский (1890—1957), В. Б. Шкловский (р. 1893), Л. В. Щерба (см.), Б. М. Эйхенбаум (1886—1959), Л. П. Якубинский (см.) и др. Особую роль в развитии С. сыграли работы В. В. Виноградова (см.), его учение о «трёх стилистиках» (С. языка, С. речи, С. художественной речи), отграничение С. от поэтики, разработка общих проблем функциональной С., выдвижение теоретических проблем С. художественной речи, учение об «образе автора» как центральной идейно-содержательной и композиционно-речевой категории художественного произведения.

Лит.: Винокур Г. О., Культура языка, 2 изд., М., 1929; его же, Язык художественной литературы. Язык писателя, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Виноградов В. В., Итоги обсуждения вопросов стилистики, «ВЯ», 1955, № 1; его же, Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; его же, О теории художественной речи, М., 1971; Томашевский Б. В., Стилистика и стихосложение, Л., 1959; Шмелев Д. Н., Слово и образ, М., 1964; Будагов Р. А., Литературные языки и языковые стили, М., 1967; Кожина М. Н., К основаниям функциональной стилистики, Пермь, 1968; Ефимов А. И., Стилистика русского языка, М., 1969; Гальперин И. Р., О понятиях «стиль» и «стилистика», «ВЯ», 1973, № 3; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975; Розенталь Д. Э., Практическая стилистика русского языка, 4 изд., М., 1977.

Ю. А. Бельчиков.

СТИЛЬ (от лат. stilus, stylus — остроконечная палочка для письма)— объединённая определённым функциональным назначением система языковых элементов, способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения, функциональная разновидность лит. языка.

Композиционно-речевая структура С. (т. е. совокупность языковых элементов в их взаимодействии и взаимном соотношении) обусловлена социальными задачами речевого общения (речевой коммуникации) в одной из основных сфер человеческой деятельности (политика, наука и техника, художественная лит-ра, право и делопроизводство, общение официальное и неофициальное). С.— основное, фундаментальное понятие функциональной стилистики (см. Стилистика) и литературного языка (см.).

Функционально-стилевая система совр. рус. лит. языка многомерна. Составляющие её функционально-стилевые единства (стили, книжная речь, публичная речь, разговорная речь, язык художественной лит-ры) неодинаковы по своей значимости в речевой коммуникации и по охвату ими языкового материала. Наряду с С. выделяется функционально-стилевая сфера. Это понятие соотносительно с понятием «С.» и аналогично ему. Вместе

с тем если функционирование С. в лит. языке обусловлено специализированными задачами речевого общения, то функционально-стилевая сфера характеризуется совокупностью таких социальных задач коммуникации; для её характеристики также существенна форма речи — письменная или устная.

Функционально-стилевая сфера может объединять ряд С. Соотносительность данных понятий наглядно демонстрирует исторически сложившаяся дифференциация в такой функционально-стилевой сфере, как книжная речь (см.). В книжной речи обычно выделяют в качестве её разновидностей публицистический стиль (см.), научный стиль (см.), официально-деловой стиль (см.) и язык художественной лит-ры, к-рый неправомерно считать С. Функционально-стилевое единство «язык художественной лит-ры» противопоставлено С. и разговорной речи, во-первых, в силу присущей ему эстетической функции, во-вторых, в силу того, что в языке художественной лит-ры принципиально возможны любые языковые элементы из разных С. и из разговорной речи, а также из ненормированной, некодифицированной сферы языка, к-рые получают в контексте художественного произведения эстетическую мотивированность наряду с мотивированностью коммуникативной.

Функционально-стилевая система, как и сами С., — явление, исторически изменяющееся. Изменяются принципы выделения С., их взаимное соотношение и степень обособленности друг от друга (достаточно сопоставить систему стилей, сложившуюся в 18 в. и в послепушкинский период истории рус. лит. языка), меняется материальный состав С., их внутренняя организация в рамках одного периода развития лит. языка, как, напр., в рус. лит. языке 2-й пол. 19 в. и в сов. время.

С. (вообще функционально-стилевые единства) выделяются, конституируются на экстралингвистической базе, в основе к-рой лежат такие важнейшие общественные функции языка, как общение, сообщение, воздействие. В основе каждого С. (вообще функционально-стилевого единства) также лежит единый конструктивный принцип или стилеобразующий фактор экстралингвистического характера, к-рый определяет специфику функциональной категории, отбор и способы сочетания средств выражения, организует их в систему.

В связи с различиями в объёме, составе, условиях функционирования, качественно-количественном «спектре» языкового материала конкретного С. (функционально-стилевого единства) его экстралингвистическая платформа может отличаться существенными качественными характеристиками от экстралингвистической базы других функциональных категорий. Так, разговорная речь проецируется непосредственно на такую важнейшую функцию языка, как общение, для публицистического С. устанавливается в качестве единого абстрактного конструктивного принципа чередование экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров). При определении экстралингвистической базы основных функциональных категорий исходят также из свойств формы познания, присущей науке, праву, художественной лит-ре (М. Н. Кожина).

Наряду с функциональными С. в языкознании выделяются С. экспрессивные — по характеру заключённой в языковых элементах экспрессии. Эти С. непосредственно связаны с такой общественной функцией языка, как воздействие. Обычно выделяют С.: торжественный (риторический), официальный, фамильярный; интимно-ласковый, шутливый (юмористический), насмешливый (сатирический). Все эти С. определяются на фоне нейтрального С., т. е. такой речи, к-рая лишена экспрессии. Вопрос о том, представляют ли экспрессивные С. определённые системы языковых элементов, лингвистами решается по-разному.

Термин «С.» употребляется также в связи с жанровой дифференциацией функционально-стилевых единств, напр. С. деловых бумаг, С. государственных документов (в рамках официально-делового С.), С. передовой статьи, очерка, репортажа (в рамках публицистического С.), С. романа, рассказа, басни, баллады..., С. писателя (для языка художественной лит-ры). Такие С. следует рассматривать как подстили.

В других значениях и осмыслениях термин «С.» употребляется в литературоведении, искусствоведении, эстетике.

Лит.: Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике русского языка, 3 изд., М., 1965; Костомаров В. Г., Русский язык на газетной полосе, [М.], 1971; Кожина М. Н., О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими, Пермь, 1972; Русская разговорная речь, М., 1973. См. также лит. при ст. Стилистика.

Ю. А. Бельчиков.

СТРАДА́ТЕЛЬНЫЙ ЗАЛО́Г — см. Залог.

СТРОЧНА́Я БУ́КВА — см. Буква.

СТРУКТУ́РНАЯ ЛИНГВИ́СТИКА — одно из направлений языкознания, совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе к-рых лежит понимание языка как знаковой системы с чётко выделяемыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.). С. л. в узком смысле — условное наименование ряда оформившихся в 20—30-е гг. 20 в. языковедческих школ, из к-рых наиболее известны пражская (функциональная лингвистика), копенгагенская (глоссематика) и йельская,

или американская (дескриптивная лингвистика). Различные течения С. л. объединяются сознательным стремлением к выявлению семиотически существенных («релевантных», «дистинктивных») аспектов языковых единиц (в отвлечении от их материального воплощения), их взаимных связей в системе и тексте (парадигматических и синтагматических отношений), а также к использованию методов исследования, сходных с методом математических наук. Идейным предшественником С. л. является швейцарский учёный Ф. де Соссюр, с именем к-рого связано представление о языке как частном случае семиотических систем. С. л. испытала также (прямое или косвенное) влияние идей Ф. Ф. Фортунатова, Л. В. Щербы и прежде всего И. А. Бодуэна де Куртене. Особенно значительна роль рус. лингвистической традиции в формировании концепции пражской школы, виднейшими представителями к-рой были Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, С. О. Карцевский. Творчески связаны с пражской школой были сов. учёные П. Г. Богатырёв, Е. Д. Поливанов, Г. О. Винокур. В период становления С. л. противопоставила себя «атомизму» и «историзму» господствовавшего в кон. 19 — нач. 20 вв. младограмматического направления, положив в основу своей концепции представление о языке как о системе взаимозависимых элементов и провозгласив первостепенную важность синхронного изучения языка. Наиболее общие теоретические взгляды, объединяющие различные школы С. л., не являются её исключительным достоянием. Многие проблемы, лежащие в русле поисков С. л., разрабатывались учёными, не принадлежавшими к С. л., в том числе на материале рус. языка.

Общее с С. л. направление поисков характеризует, в частности, две основные фонологические школы сов. лингвистики: московскую и ленинградскую, в рамках к-рых был выдвинут ряд важных теоретических положений, отличных от принимавшихся ортодоксальными фонологическими концепциями С. л. Московские фонологи обосновали требование учёта морфологических критериев в фонологическом анализе, предвосхитившее соответствующие идеи «системной» фонологии генеративистов (противопоставляемой «автономной» фонологии, в целом характерной для С. л.). Оригинальная фонологическая концепция была предложена Р. И. Аванесовым. В области грамматики идеи, сходные с идеями С. л. (поиски объективных, или «формальных», критериев разграничения и классификации языковых единиц), отстаивали последователи фортунатовской традиции (в русистике — Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Г. О. Винокур, П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров и др.). Существенный вклад внесли сов. исследователи в центральную для С. л. проблему синтагматич. и парадигматич. идентификации языковых единиц; в работах А. И. Смирницкого получила глубокое теоретическое освещение проблема «отдельности слова» и «тождества слова», П. С. Кузнецовым было предложено одно из наиболее удачных формальных определений слова; большой интерес представляет обсуждение принципов морфологического анализа на материале «дефектно членимых» слов рус. языка в работах Винокура и Смирницкого (соответствующие вопросы применительно к англ. языку особенно активно обсуждались в дескриптивной лингвистике). Образцом применения структурного подхода в описании рус. языка является книга А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (1967). Сов. исследователи одни из первых пытались применить структурные методы в лексикологии и семантике.

С. л. (в указанном выше узком понимании) оставалась господствующим течением в языковедении Западной Европы и Америки вплоть до нач. 60-х гг., когда её стала постепенно вытеснять генеративная грамматика, противопоставившая себя С. л. как «антименталистскому», чисто классификационному подходу, пренебрегающему теорией и исследованием свойств языка вообще. Критикуемые генеративистами черты характерны лишь для дескриптивной лингвистики и едва ли справедливо иногда приписываются С. л. в целом.

Нек-рые учёные в С. л. включают и генеративную грамматику (в качестве её второго этапа). В этом случае говорят не об оппозиции между структурализмом и генеративизмом, а о противопоставлении между статической и динамической концепциями языковой структуры как различными формами С. л. Встречается также словоупотребление, прямо противоположное принятому в трансформационной грамматике, называющее структурной лингвистикой генеративный подход к языку, в отличие от предшествующего «таксономического» подхода. Такое словоупотребление не имеет в виду исторически сложившееся (в известной степени условное) название определённой совокупности лингвистических школ, а касается скорее терминологического вопроса о том, какая из лингвистических концепций заслуживает (по своей природе) наименования «С. л.».

Лит.: Глисон Г., Введение в дескриптивную лингвистику, пер. с англ., М., 1959; Ельмслев Л., Пролегомены к теории языка, в кн.: Новое в лингвистике, в. 1, М., 1960; Основные направления структурализма, под ред. М. М.Гухман и В. Н. Ярцевой, М., 1964; Вахек Й., Лингвистический словарь пражской школы, М., 1964; Маслов Ю. С., Основные направления структурализма, «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Гер-

цена», 1967, т. 354; Пражский лингвистический кружок. Сб. статей, М., 1967; Арутюнова Н. Д., Климов Г. А., Структурная лингвистика, в кн.: Теоретические проблемы советского языкознания, М., 1968; Общее языкознание, под ред. Б. А. Серебренникова, М., 1973, гл. 4; Засорина Л. Н., Введение в структурную лингвистику, М., 1974; Ревзин И. И., Современная структурная лингвистика, М., 1977; Панфилов В. З., Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты, М., 1977; Философские основы зарубежных направлений в языкознании, М., 1977; Будагов Р. А., Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени, М., 1978.

Т. В. Булыгина.

СТЯЖЕ́НИЕ ГЛА́СНЫХ — слияние двух смежных гласных звуков в один в слав. языках. С. г. как фонетическое явление характерно для многих северных рус. диалектов, а также для части южновеликорус. говоров. Это явление связано с судьбой звука *j* между гласными (интервокального *j*) и обнаруживается в определённых морфологических категориях: им. —вин. п. прилагательных жен. и ср. рода и в формах наст. времени глаголов. Появлению С. г. предшествует ослабление интервокального *j*. Согласный *j* в рус. языке выступает только в позиции перед ударным гласным (*моя́* [*маја́*], *я́ма* [*ја́*]*ма*, *поёт* [*најо́т*] и т. д.). В положении же после гласного *j*, ослабляя свою артикуляцию, выступает как звук типа *и* неслогового (*мой* [*мои̯*], *война́* [*ваина́*], *кра́сная* [*кра́сньиъ*] и т. п.). В говорах рус. языка ослабление *j* между гласными осуществляется до полной его утраты, в результате чего возникает группа из двух гласных, к-рые могут быть однородными и неоднородными. Напр.: [*кра́снаја*] > [*кра́снаиа*] > [*кра́снаа*], [*де́лаиет*] > [*де́лаэт*]. Нек-рые говоры сохраняют такую ступень развития данного явления, однако обычно два рядом оказавшихся гласных звука стягиваются в один, причём если эти два звука разнородны по образованию, то до С. г. происходит уподобление последующего гласного предшествующему: [*кра́снаа*] > [*кра́сна*], [*де́лаэт*] > [*де́лаат*] > [*де́лат*].

Северные рус. говоры отражают разные ступени развития С. г.: в одних, как и в лит. языке, есть ещё формы с *и*, в других — уже формы без *и*, но и без стяжения, в третьих — формы со стяжением. Южновеликорус. говоры знают только результат стяжения и не имеют промежуточных образований, обнаруживающихся на севере.

Лит. см. при ст. Диалектология.

В. В. Иванов.

СУБСТАНТИВА́ЦИЯ (от лат. substantivum — имя существительное)— переход в класс существительных слов, принадлежащих другим частям речи, напр.: *дежурный* (от прилагательного), *заведующий* (от причастия), *На первое подали суп* (*первое* — от порядкового числительного), «*Трое в одной лодке*» (*трое* — от собирательного числительного), *наше завтра* (*завтра* — от наречия). Различаются разные степени С.: полная (невозможность употребления слова не в качестве существительного, напр.: *пирожное*, *лесничий*, *портной*, *вожатый*), неполная (возможность употребления слова и в качестве существительного, и в качестве той части речи, к к-рой слово принадлежало до С., напр.: *заведующий*, *арестованный*, *мороженое*, *слепой*, *дежурный*), окказиональная (возможность употребления слова в качестве существительного только в условиях конкретной ситуации или конкретного контекста, напр.: *выступающий*, *говорящий*, *пострадавший*, *сказанное*). При исследовании С. в плане противопоставления языка и речи полную и неполную С. относят к явлениям языка, окказиональную — к явлениям речи.

С. представляет собой один из видов морфолого-синтаксического именного словообразования (см.), при к-ром субстантивы (существительные, образовавшиеся в процессе С.) не имеют к.-л. специального словообразовательного аффикса. С.— продуктивный способ образования существительных (гл. обр. из прилагательных и причастий). Такие существительные относятся к адъективному (прилагательному) склонению (система флексий прилагательного приобретает при С. особую словообразовательную функцию). Субстантивы, образованные от др. частей речи, сохраняют тот тип словоизменения, к-рый свойствен исходной части речи.

В рус. языке выделяется тип субстантивированных прилагательных и причастий, образованных из словосочетаний в результате опущения существительного, напр.: *выходной* (из *выходной день*), *докладная* (из *докладная записка*), *позывные* (из *позывные сигналы*). Субстантивы этого типа характерны для разговорной речи (в отличие от исходных словосочетаний, употребляющихся, как правило, в официальной и деловой речи), ср.: *Купили билеты в Большой* (*Большой театр*); *Наша сборная выиграла* (*сборная команда*). Субстантивы адъективного типа образуют разные семантические группы, напр. отвлечённые понятия («*Сейте разумное, доброе, вечное*»— Некрасов), обозначения лица, производящего действие в данный момент или постоянно (*управляющий*, *сопровождающий*, *замыкающий*, *учащийся*).

Лит.: Лопатин В. В., Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке, в кн.: Русский язык. Грамматические исследования, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык, 2 изд., М., 1972; Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П., Грамматическая пра-

вильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, М., 1976 (лит.). *И. К. Сазонова.*

СУБЪЁКТ (от лат. subjectus — лежащий внизу, находящийся в основе)— 1) в учении о членах предложения — то же, что подлежащее (см.). С этим значением связаны термины «субъектно-предикатная структура предложения», «субъектные глаголы», т. е. глаголы, при к-рых имя может быть только в синтаксич. позиции подлежащего (*Отец спит*; *Снег тает*). 2) В теории падежей и в теории залогов употребляется для обозначения деятеля (также агенс) и противопоставляется объекту (см. Объект во 2-м значении). С. в этом понимании не тождествен подлежащему (в предложениях *Я прочитал книгу* и *Книга прочитана мною* — один С., выступающий в одном случае в качестве подлежащего, в другом — дополнения). Со 2-м значением связаны термины «субъектно-объектные отношения» и «субъектное значение». 3) В теории актуального членения предложения (см.) С. психологический (устар.) — то же, что тема. Психологический С. также не тождествен подлежащему. 4) В синтаксической семантике — производитель действия или носитель состояния, составляющий предмет мысли, о к-ром нечто утверждается или отрицается. С. в этом значении иногда отождествляется с составом подлежащего, т. е. с теми второстепенными членами предложения, к-рые входят в группу подлежащего (*Космический корабль | готов к старту*). Однако С. может быть и другой член предложения, если он является предметом мысли (*Большому кораблю | большое плавание*). Ср. Предикат (в 3-м значении).

Лит.: Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Попов П. С., Суждение и предложение, в сб.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Панфилов В. З., Грамматика и логика, М.— Л., 1963; его же, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971.

О. И. Москальская.

СУППЛЕТИВИ́ЗМ (от позднелат. suppletivus — дополняющий) — образование форм одного и того же слова от разных корней. Корневые морфы таких словоформ лишены формальной (фонематической) близости и потому не могут объединяться в одну морфему (см. Морф). Образующиеся способом С. словоформы называются супплетивными. В рус. языке встречается С. форм ед. и мн. ч. существительных (*человек — люди*, *ребёнок — дети*), падежных форм личных местоимений — форм именительного падежа, с одной стороны, и косвенных падежей— с другой (*я — меня*, *мне*; *мы — нас*, *нам*; *он*, *она*, *оно — его*, *ему*, *её*, *ей* и т. п., где корень [*j*]), сравнительной степени прилагательных (*хороший — лучше*, *плохой —хуже*), краткой формы прилагательного (*большой — велик* — форма, в другом своём значении являющаяся несупплетивной краткой формой прил. *великий*), форм прош. времени глагола (*идти*, *идут*, *идущий — шёл*, *шла*, *шедший*).

Поскольку формы одного и того же слова, как правило, образуются в рус. языке от одного и того же корня (с возможными частными видоизменениями его фонемного состава в разных морфах, сохраняющих при этом формальную близость), супплетивные формы являются в рус. грамматической системе исключениями. Так, все перечисленные выше грамматические значения (число, падеж, сравнительная степень, время) закономерно выражаются в рус. языке в пределах одного и того же слова однокорневыми словоформами, напр.: *дом — дома́*, *вы — вас*, *крепкий — крепче*, *ловкий — ловок*, *гулять — гулял*.

Понятие «С.» может также применяться к нек-рым случаям образования слов (а не форм слова), если в этих случаях выражение соотносительных значений словами одного корня характеризуется высокой регулярностью, напр. видовые пары *брать — взять*, *класть — положить* (ср. нормальные для рус. языка видовые пары с глаголами одного корня: *делать— сделать*, *решать — решить*); пара глаголов, обозначающих однонаправленное и неоднонаправленное движение: *идти — ходить* (ср.: *лететь — летать*, *нести— носить*, где подобную пару составляют однокорневые глаголы); пары, состоящие из количественного числительного и счётного прилагательного: *один — первый*, *два — второй* (ср.: *четыре — четвёртый*, *пять — пятый*, *сто — сотый*).

Супплетивные формы имеют различное происхождение. Возникновение таких форм может быть, в частности, следствием объединения в одну парадигму форм, первоначально принадлежащих разным парадигмам (так, *дети* — первоначально форма мн. ч. слова *дитя*), или результатом фонетических изменений, нарушивших первоначальную фонематическую близость корневых морфов (так, *ход-* в *ходить* и *шед-* в формах глагола *идти*— исконно морфы одного и того же корня: *шед-* возникло из * *хьд-*). Характерно наличие С. в формах слов тождественного значения в разных индоевропейских языках; ср., напр., рус. *хороший — лучше*, нем. *gut — besser* и франц. *bon — meilleur*; рус. *я — меня* и англ. *I — me*.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин.

СУ́ФФИКС (от лат. suffixus — прикреплённый)— аффикс (см.), находящийся

в составе простой основы (см. Основа) между корнем и флексией. В словоформах (см.) рус. языка выделяются последовательности от одного до трёх С. (ср., напр., *рез-к-а* с одним С., *актив-ист-к-а* с двумя и *устар-е-л-ость* с тремя С.). С. могут быть словообразовательными (служащими для образования отдельных слов) и словоизменительными (служащими для образования форм слова). Большинство С. в рус. языке — словообразовательные. Словоизменительными являются С. сравнительной и превосходной степени (*сильн-ее*, *сильн-ейш-ий*), прош. времени (*нес-л-а*), причастий (*нес-ущ-ий*, *нёс-ш-ий*, *принес-ённ-ый*) и деепричастий (*гляд-я*, *написа-вши*).

Как словообразовательное средство С. выступает в суффиксальном (*читать — читатель*), префиксально-суффиксальном (*воля — безвольный*), суффиксально-постфиксальном (*гордый — гордиться*), префиксально-суффиксально-постфиксальном (*шептать — перешёптываться*) и суффиксально-сложном (*говорить — громкоговоритель*) способах словообразования.

Основная особенность С. как словообразовательного средства, в отличие от приставки (см.) и постфикса (см.), состоит в том, что С. присоединяется не к целому производящему слову, а к производящей основе, к концу её. Непосредственно предшествуя окончанию, словообразующий С. тесно связан с ним. Образование слова посредством С. означает одновременно и отнесение этого слова к определённому грамматическому классу (части речи), определённому типу склонения и спряжения. Эта функция С. называется классифицирующей. Напр., с помощью С. *-тель* от глагольных основ образуются имена существительные только муж. рода 1-го склонения (*читатель*, *вредитель*), а С. *-ств(о)* образует от основ разных частей речи существительные ср. рода (*удалой — удальство*, *колдовать — колдовство*). Вместе с системой флексий производного слова С. составляет единое словообразовательное средство. Поэтому производные слова с С. часто относятся к другим частям речи или к иным типам словоизменения по сравнению с производящим словом (ср.: *носить — носильщик*, *отец — отцовский*, *пионер — пионерка*).

Суффиксальный способ используется при образовании слов разных частей речи. Особенно широко развито суффиксальное образование имён существительных и прилагательных. По значению С. чрезвычайно разнообразны: нек-рые по значению близки к приставкам, т. к. они выражают дополнительные оттенки к значению производящего слова, напр. С. *-оват-* со значением ослабленной степени качества (*белый — беловатый*); С. субъективной оценки — уменьшительно-ласкательные, уничижительные, увеличительные (*дом — домик*, *домишко*, *домище*); С. лица женского пола (*учитель — учительница*); С. однократного действия *-ну-* (*прыгать — прыгнуть*) и т. п. Все подобные С. образуют слова той же части речи, что и их производящие.

Значительно больше таких С., к-рые образуют слова, обозначающие совсем новые понятия по сравнению с производящим словом, напр. С. существительных со значением производителя действия (*учить — учитель*), носителя признака (*старый — старик*), помещения (*хранить — хранилище*), жителя населённого пункта (*Харьков — харьковчанин*); С. относительных прилагательных с общим значением отношения к предмету, явлению (*гора — горный*, *берёза — берёзовый*, *город — городской*); С. отымённых глаголов со значением становления признака (*седой — седеть*), проявления признака (*подлый — подличать*) и др.

Существуют С., к-рые образуют слова, отличающиеся от производящих слов только грамматическим значением части речи. С помощью таких С. образуются, напр., существительные со значением признака (*смелый — смелость*), действия (*выжимать — выжимание*). К ним относится также С. *-о* (*-е*), переводящий слово из класса прилагательных в класс наречий (*быстрый — быстро*, *певучий — певуче*).

Среди словообразовательных С. широко развита синонимия. Ср., напр., С. *-к(а)* в существительных со значением действия (*варка*), носителя признака (*плетёнка*), уменьшительно-ласкательным (*головка*), «женским» (*пассажирка*).

Суффиксальное словообразование сопровождается различными формальными (морфонологическими) видоизменениями основы: чередованием (*рук-а — руч-ка*), усечением основы (*высок-ий — выс-ота*) и др. (см. Словообразование).

Среди словообразовательных С. рус. языка есть целый ряд С. интернационального происхождения: *-изм* (*героизм*), *-ист* (*шахматист*), *-ацij-* (*операция*), *-атор* (*арендатор*) и др.

Широко распространено, особенно в именах существительных, словообразование с помощью н у л е в о г о С.: *зелёный — зелень*, *бегать — бег*, *заменить — замена*, *задирать — задира* и т. п. При этом нулевым С. выражаются те же словообразовательные значения, что и обычными С. (ср., напр., *бегать — бег*, *беготня*, *бегание*; *высокий — высь*, *вышина*). Нулевой С. выступает также в префиксально-суффиксальном и суффиксально-сложном способах словообразования (*борода — безбородый*, *седобородый*; *варить — кашевар* и т. п.).

Лит. см. при ст. Морфема.

В. В. Лопатин.

СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНОЕ, имя существительное, — часть речи, обозначающая предмет. Кроме слов, обозначающих собственно предметы — вещи, вещества, людей, животных (*стол*, *чугун*, *мальчик*, *собака*), к С. относятся также названия свойств, отвлечённых от их носителя (*смелость*, *доброта*), и действий, состояний в отвлечении от их субъекта (*пение*, *дремота*). Такие слова также вовлекаются в разряд слов с грамматическим значением предметности, поскольку они имеют те же грамматические категории, формы и те же синтаксические функции, что и названия собственно предметов. Различаются С. собственные (индивидуальные наименования предметов: *Пётр*, *Волга*; см. Собственные существительные) и нарицательные (все остальные; см. Нарицательные существительные).

С. имеют грамматические категории рода, числа и падежа; при этом они различаются по родам и изменяются в числе и падеже. В рус. языке три рода: мужской, женский и средний (см. Род). Род С. определяется по способности сочетаться в им. п. ед. ч. с прилагательными с флексией *-ой*, *-ый*, *-ий* (муж. род), *-ая*, *-яя* (жен. род), *-ое*, *-ее* (ср. род). Во мн. ч. родовые различия не имеют выражения; ср.: в ед. ч. *большой дом*, *большая книга*, *большое ведро* и во мн. ч. *большие дома*, *книги*, *вёдра*. Особое место занимают С. общего рода (со значением лица), способные определяться прилагательными и с флексией *-ой* (*-ый*, *-ий*), и с флексией *-ая* (*-яя*) и соответственно обозначать лицо и мужского, и женского пола: *круглый сирота* и *круглая сирота*.

С. может иметь формы ед. ч. или мн. ч. (см. Число). Формы мн. ч. показывают, что предмет берётся в нек-ром количестве, больше одного; ср.: *стол — столы*, *стена — стены*, *окно — окна*. Нек-рые С. относятся к словам singularia tantum, т. е. употребляются только (или преимущественно) в формах ед. ч. К ним относятся слова, обозначающие вещество (*медь*, *уксус*, *баранина*), совокупность предметов (собирательные С.: *беднота*, *мошкара*) и отвлечённые понятия (*рисование*, *отдых*, *терпение*, *гордость*, *блеск*), а также собственные С., являющиеся названиями единственного объекта (*Киев*, *Гомер*, *Франция*). Слова эти, однако, обладают потенциальными формами мн. ч., к-рые при необходимости могут быть образованы, напр.: «*Довольно с меня этих отдыхов!*» (Бунин). Нек-рые С. относятся к словам pluralia tantum, т. е. употребляются только в формах мн. ч.; они не имеют и не могут иметь форм ед. ч. К ним относятся как слова с вещественным, собирательным, абстрактным значениями (*чернила*, *сливки*, *письмена*, *мемуары*, *дебаты*, *хлопоты*), так и названия конкретных предметов, преим. «па́рных» (*брюки*, *качели*, *сани*, *ножницы*, *ворота*), и собственные имена (*Афины*, *Карпаты*). Падежные флексии у таких слов лишь внешне совпадают с флексиями мн. ч. слов, изменяющихся по числам; по значению же слова эти не отличаются от форм ед. ч. других С., ср.: *один большой дом*, *одна большая книга* и *одни большие сани*. Тем самым слова pluralia tantum составляют особый, четвёртый согласовательный класс С., не принадлежа ни к одному из трёх родов: это слова, способные определяться в им. п. прилагательными с флексией *-ие* (*-ые*): *большие сани*, *ножницы*, *грабли*.

Помимо принадлежности к одному из трёх родов или к словам pluralia tantum, каждое С. принадлежит к одушевлённым или неодушевлённым (см. Одушевлённость — неодушевлённость). Одушевлённые С.— это в основном названия живых существ (отдельных людей и животных), а также слова *мертвец*, *кукла* и нек-рые др. Собирательные названия лиц и животных (*народ*, *толпа*, *стая*, *крестьянство* и т. п.) относятся к неодушевлённым С. Грамматическая категория одушевлённости выражается совпадением флексий вин. и род. п. у С. 1-го склонения в ед. ч. и у С. всех типов склонения во мн. ч., ср.: *вижу стол* (неодушевлённость) и *вижу брата* (одушевлённость), *вижу столы*, *книги*, *вещи* (неодушевлённость) и *вижу братьев*, *сестёр*, *лошадей* (одушевлённость).

Склонение С.— изменение их по числам и падежам. Падежные формы — это видоизменения С., определяемые их синтаксической сочетаемостью с другими словами. В рус. языке шесть падежей: им., род., дат., вин., твор., предл. (см. Падеж). В склонении С. выделяются три типа. Различие типов склонения наиболее выражено в формах ед. ч. К 1-му склонению относятся С. муж. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч.: *стол*, *конь*; ср. рода с флексией *-о* (*-е*): *окно*, *поле*; муж. рода с флексией *-о* (*-е*): *домишко*, *волчище*, *подмастерье*. В школьной традиции нумерация типов склонения иная: 1-м считается склонение С. с флексией *-а* (*-я*) в им. п. ед. ч. (см. Склонение). Ко 2-му склонению относятся С. женского, мужского и общего рода с флексией *-а* (*-я*) в им. п. ед. ч.: *карта*, *земля*, *юноша*, *сирота*. К 3-му склонению относятся: а) С. жен. рода с основой на мягкий согласный или на шипящий и с нулевой флексией в им. п. ед. ч.: *область*, *степь*, *ночь*; б) С. муж. рода *путь*; в) С. ср. рода *бремя*, *время*, *вымя*, *знамя*, *имя*, *пламя*, *племя*, *семя*, *стремя*, *темя* и *дитя*.

Особые группы составляют: а) несклоняемые существительные (см.), все падежные формы к-рых одинаковы (к ним

относятся слова иноязычного происхождения на гласный: *пальто*, *интервью*, *ателье*, *алиби*, сложносокращённые слова разных типов: *СССР*, *гороно*, *комроты*); б) С., падежные формы к-рых совпадают с флексиями прилагательных: *портной*, *запятая*, *насекомое*, *чаевые* и т. п.

Помимо разных падежных флексий, склонение С. иногда сопровождается другими формальными изменениями: различием основ (*мать — матери*, *время — времени*, *чудо — чудеса*, *брат — братья*, *горожанин — горожане*, *телёнок — телята*), беглостью гласных корня (*день — дня*, *сон — сна*, *прыжок — прыжка*), переносом ударения (*стена́ — сте́ны*, *го́луби — голубе́й*, *профе́ссора* род. п. ед. ч.— *профессора́* им. п. мн. ч.).

В предложении С. является одним из важнейших компонентов, формирующих его предикативную основу. В однокомпонентных предложениях именного класса С. выступает как единственный главный член (напр., в форме им. п. в предложениях типа: *Ночь*; *Тишина*). В двухкомпонентных предложениях С. в форме им. п. выступает в роли подлежащего (*У ч е н и к пишет*) или сказуемого (*Мой брат — с т у д е н т*). Формы косвенных падежей С. являются разнообразными распространителями предложения, имеющими объектное (*Ученик читает к н и г у*), субъектное (*Р е б ё н к у весело*), определительное (*Комната о т ц а — большая и светлая*), обстоятельственное (*Ученики собрались в к л а с с е*) значения (см. Падеж, Семантическая структура предложения). С. определяется прилагательным, к-рое согласуется с ним в роде, числе и падеже; С.-подлежащее координируется с глаголом-сказуемым в числе и (в прош. времени и сослагательном наклонении) роде. Вне предложения падежные формы С. (чаще всего им. п.) выполняют называющую функцию (в перечнях, названиях, заголовках, подписях под изображениями и т. п.).

Способы словообразования С. различны. Среди производных С. выделяются: суффиксальные (*читатель* от *читать*), префиксальные (*прадед* от *дед*), префиксально-суффиксальные (*приморье* от *море*), безаффиксные, или слова с нулевым суффиксом (*выход* от *выходить*, *новь* от *новый*), сложные слова (*лесостепь* от *лес*, *степь*), сложно-суффиксальные (*мореплаватель* от *море*, *плавать*), аббревиатуры (*СССР*, *комсомол*), субстантивированные прилагательные и причастия (*больной* — С., *заведующий* — С.). Особенно многочисленны суффиксы С., выражающие разнообразные словообразовательные значения, напр. значение «производитель действия» (*носильщик* от *носить*), «орудие действия» (*сеялка* от *сеять*), «носитель признака» (*старик* от *старый*), «отвлечённое действие или состояние» (*курение* от *курить*), «отвлечённый признак» (*белизна* от *белый*), «лицо женского пола» (*мастерица* от *мастер*), уменьшительно-ласкательное, увеличительное (*домик*, *домище* от *дом*).

С. рус. языка прошли сложный путь исторического развития, характеризующийся постепенным упрощением системы форм. В древнейший период истории рус. языка было не три типа склонения С., а шесть, не два числа, а три [были особые формы двойственного числа (см.), употреблявшиеся при обозначении двух предметов], не шесть падежей, а семь (кроме совр. падежей был ещё звательный, употреблявшийся при обращении). Остатки прежних форм двойственного числа можно видеть, напр., в особом окончании им. п. мн. ч. *-и* нек-рых слов ср. рода, обозначающих парные предметы (*плечи*, *колени*, *уши*, *очи*). В лит-ре и разговорной речи можно встретить несколько форм, представляющих собой остатки древнего звательного падежа: *боже*, *господи*, *отче*, *старче*, *друже*. Отдельные архаические формы падежей встречаются во фразеологизмах, напр.: *притча во языцех*, *темна вода во облацех*, в к-рых отражено старое окончание местного (предложного) падежа *-ѣхъ*.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1952; З а л и з н я к А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; В и н о г р а д о в В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве).

В. В. Лопатин.

СЦЕНИ́ЧЕСКАЯ РЕЧЬ — звуковая реализация актёрами языка художественной лит-ры на сцене, экране, в радиопередачах, являющаяся важным выразительным средством их игры. Состоит из ряда компонентов: речевого фона, речевых характерологических средств (средств речевой характеристики персонажей), средств экспрессивной, эмоциональной передачи речи персонажей и др.

С. р. опирается на полный стиль нормированного — см. Норма (языковая)— лит. произношения и удерживает нек-рые архаичные черты традиционного московского произношения, от к-рых живое лит. произношение всё больше отклоняется. Ряд орфоэпических явлений в С. р. звучит в кон. 19 — нач. 20 вв., напр. твёрдое произношение согласного *с* в возвратных частицах (постфиксах) *-сь*, *-ся* (*взял*[*са́*], *закры́ли*[*с*]), произношение безударных окончаний прилагательных муж. рода ед. ч. *-кий*, *-гий*, *-хий*, как если бы было написано *-кой*, *-гой*, *-хой*, т. е. *чу́т*[*къ*]*й слух*, *тонконо́*[*гъ*]*й олень*, *ве́т*[*хъ*]*й домишко*, смягчение согласного *р* в словах *верх*, *первый*, *четверг* (*ве*[*р'*]*х*, *пе*[*р'*]*вый*, *четве*[*р'*]*г*).

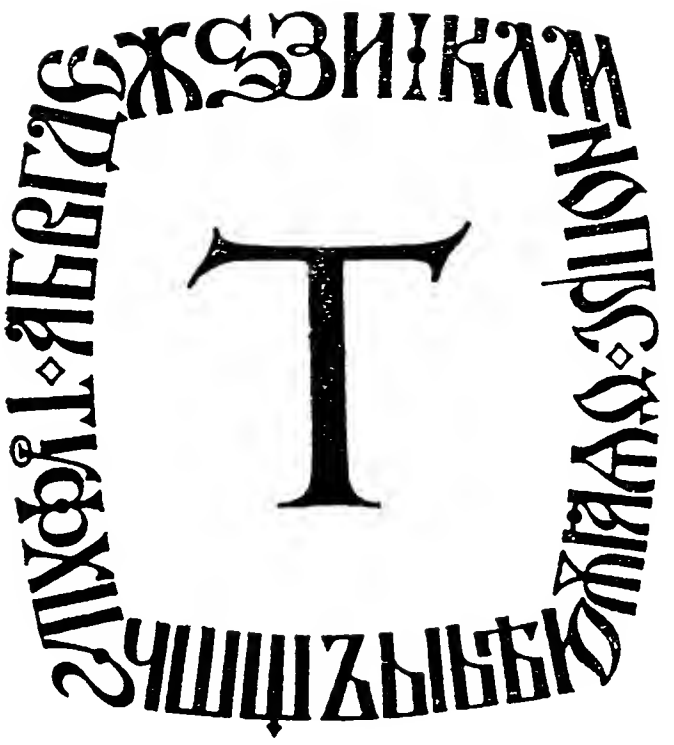
Речевой фон, т. е. произношение большинства действующих лиц исполняемого

произведения, обычно строится на лит. произношении. Однако иногда речевым фоном является произношение диалектное (спектакли «Виринея» Л. Сейфуллиной и В. Правдухина в Театре им. Вахтангова, «Без креста» по повести В. Тендрякова «Чудотворная» в театре «Современник») или передающее нерус. акцент («Я, бабушка, Илико и Илларион» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе в Ленинградском Большом драматическом театре им. Горького). На единообразном речевом фоне любое отклонение от него, используемое актёром для речевой характеристики персонажа, становится более отчётливым и выразительным.

Средствами экспрессивной и эмоциональной передачи речи персонажа являются интонация, эмфатическое ударение, отчетливое произношение безударных гласных и др.

Лит.: Винокур Г., Русское сценическое произношение, М., 1948; Сарычева Е. Ф., Сценическая речь, М., 1955; Ильинская И. С., Сидоров В. Н., О сценическом произношении в московских театрах, в сб.: Вопросы культуры речи, т. 1, М., 1955; Сценическая речь, под ред. И. П. Козляниновой, М., 1976; Кузнецова Л. Н., О норме произношения актеров на сцене и в жизни. (Орфоэпические варианты возвратных частиц), в кн.: Языковая норма и статистика, М., 1977; ее же, О произношении прилагательных на *-кий, -гий, -хий* в сценической речи, в кн. Грамматика и норма, М., 1977; Козлянинова И. П., Произношение и дикция, М., 1977.

Л. Н. Кузнецова.



Т, т — двадцатая буква рус. алфавита. Название буквы [*тэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное т, строчное т*. Буква *Т, т* обозначает палатализованную (мягкую) — перед буквами *е, ѐ, и, ю, я, ь* — и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*т'*], [*т*] (см. Согласные): *путь* [*пут'*], *тень* [*т'ен'*], *тётя* [*т'о́т'а*], *тир* [*т'ир*], *тюль* [*т'ул'*], *тьма* [*т'ма*], *ток* [*ток*], *там* [*там*], *тугóй* [*тугóй*], *кот* [*кот*],*ткать* [*ткат'*].

Буква *Т, т* употребляется в составе нек-рых сокращений, напр.: *и т. п.*— и тому подобное, *т. е.*— то есть, *т. о.*— таким образом, *ТЮЗ* — театр юного зрителя.

По начертанию восходит к букве «твѐрдо» (*Т*) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «триста». Название и детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ТАБУ́ (в одном из полинезийских языков ta — выделять, отмечать, pu.— совершенно, всецело; tapu > tabu, букв.— совершенно выделенный) — 1) религиозный запрет у первобытных народов, налагаемый на определённые действия во избежание враждебных проявлений сверхъестественных сил; 2) запрет на употребление определённых слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами. Т. в 1-м значении исторически первично. Обычно оно распространяется на обращение с культово значимыми предметами и лицами: прикосновение к ритуальным предметам и служителям культа, убийство животного — покровителя рода, общение с чужеземцами и т. п. В основе Т. лежат причины социально-экономического характера. Свойственное ранним стадиям развития культуры представление о природной связи между предметом и его названием породило отождествление предмета и слова, отсюда произошли вера в магию слова и словесное Т., т. е. запрет на употребление названий определённых предметов и явлений: названий богов, духов и демонов, смерти, болезней, многих животных, огня, солнца, луны, частей человеческого тела и др. Запрет-Т., как правило, имеет строгие территориальные, социальные и временны́е границы: есть свои Т. для охоты и Т. для сбора урожая, Т. для мужчин и Т. для женщин.

Т. во 2-м значении возможно на всех (в т. ч. и самых поздних) ступенях развития общества и культуры. Примеры совр. Т.: стремление избежать упоминания названий физиологических отправлений и связанных с ними частей тела и предметов; запрет на ругательства; сокрытие наименований населённых пунктов и воинских частей во время войны и т. п. Цель Т.— исключить из употребления не понятие (к-рое остаётся необходимым обществу), а слово-название. Этим определяется механизм действия Т.: замена названия другим или преобразование названия. Слово или выражение, заменяющее табуизированное слово, называется эвфемизмом (см.). В качестве эвфемизма может использоваться синоним-заимствование (рус. *собака* заимствовано из тюркских или иранских языков и заменило утраченное древнее название); исконное многозначное слово, одно из значений к-рого совпадает со значением табуизированного слова (*обмараться*); описательное выражение или определение (*серый* — о волке, *сын Пелея* — об Ахилле); слово, являющееся хвалебной характеристикой опасного явления (*матушка* — об оспе) или уничижительной — ценного предмета (укр. *худóба* — о скоте); обобщённое название (*зверь* — о медведе); местоимение (*он* — о боге, о медведе) и т. д. Табуизированное слово может подвергнуться различным звуковым изменениям, многие необъяснимые с точки зрения фонетических законов различия между родственными словами являются следствием Т. (ср.: рус. *блоха* и родственное лат. *pulex*). Возможно изменение грамматической формы слова под влиянием Т.: так объясняют происхождение формы вежливости мн. числа. Т. о., будучи одним из каналов, через к-рый осуществляется влияние жизни общества на язык, Т. оказывается причиной важных языковых изменений: исчезновения слов, развития синонимии, преобразования слов. Изучение следов Т. в языке существенно не только для языкознания, но и для истории, этнографии и др.

Лит.: Зеленин Д. К., Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, ч. 1—2, в кн.: Сборник музея антропологии и этнографии, т. 8—9, Л., 1929—30; Ларин Б. А., Об эвфемизмах, в кн.: Пробле-

мы языкознания, [Л.], 1961; Видлак С., Проблемы эвфемизма на фоне теории языкового поля, в кн Этимология 1965, М., 1967, Havers W, Neuere Literatur zum Sprachtabu, W., 1946. *Ж. Ж. Варбот.*

ТАВТОЛО́ГИЯ (греч. tautología, от tautó — то же самое и lógos — слово), тождеслове, — специальное или непредусмотренное использование слов в составе словосочетания или предложения, основанное на повторении однокоренных слов, уже выраженного смысла, одинаковых звуков. Т. как стилистический приём относится к стилистике (см.), как способ организации стихотворной речи (тавтологическая рифма, тавтограмма) — к стиховедению, как проявление речевой небрежности — к учению о правильности речи (ортологии), к культуре речи (см.).

Т. способствует повышению выразительности текста или высказывания; в принципе характерна для аффективной речи; распространена в художественной лит-ре, публицистике, ораторском искусстве, фольклоре, иногда в разговорной речи и просторечии.

Чаще всего Т. выступает как сочетание однокоренных слов: «*Дорого вовремя время*» (Маршак); «*Ты, греми, гром, А я дождь разолью*» (А. Островский). Может быть представлена и в виде повторения разных грамматических форм одного слова: *дружба дружбой, а служба службой* (поговорка).

Более сложная форма Т.— повторение уже выраженного смысла. В таких случаях обычно сближаются синонимы и синонимические обозначения: *плачет, горючими слезами заливается*; *жили-были*; *пути-дороги*.

По принципу Т. построены составные лексические образования типа *волей-неволей, крест-накрест*, способы выражения высокой степени качества (вне парадигмы степеней сравнения прилагательных): *старый-престарый, добрый-предобрый*.

Т. как явление избыточности речи может быть оправдана контекстом, но может быть и следствием речевой небрежности либо незнания семантики слова, напр.: *всеобщая любовь всех людей, сатирическая карикатура* (*карикатура* — «сатирический рисунок»), *памятный сувенир* (*сувенир* — «подарок на память»). Неоправданная Т. возникает, когда в разговорной речи в счётный оборот включается семантически опустошённые слова типа «человек», «штука»: *у неё пять человек детей, он купил семь штук кукол*.

Существуют словосочетания, тавтологичность к-рых «снята» в результате забвения первоначального смысла слова: *белое бельё, черные чернила, низкий бас, монументальный памятник*. Не относятся к Т. сочетания типа *город Ленинград, город Севастополь* (*-поль* от греч. *pólis* — город), т. к. морфемы *-град, -поль* входят в состав географического наименования. *Ю. А. Бельчиков.*

ТА́ЙНЫЙ ЯЗЫ́К, условный язык,— социальный диалект (см. Диалект) обособленной (ранее — профессиональной) группы, создаваемый с целью замкнутого общения в пределах данной группы. Существование Т. я. связано с осознанием группой своего исключительного положения, а иногда и прямого противоречия своих интересов с интересами общества. В Европе первые сведения о Т. я. относятся к средневековью (язык нищих в Германии, 13 в.). Из Т. я., известных на территории России, наиболее изученным является язык торговцев-коробейников — офеней (т. н. суздальский, или масовский, язык, записи с 18 в. в словаре Палласа), к нему очень близки Т. я. нищих, лаборей (профессиональных сборщиков пожертвований), лирников, прасолов, портных, шерстобитов, шаповалов и др.

Т. я. отличаются от соответствующих национальных только словарём (обычно не более 300—400 непроизводных основ), системой словообразования, нек-рыми особенностями синтаксиса (напр., употребление местоимений 3-го лица в значении 1-го лица). Словарь включает числительные, местоимения, конкретную лексику (названия частей тела, семейных отношений, явлений природы, ремесленную терминологию и т. д.), ограниченное количество абстрактных существительных, прилагательных, глаголов, не содержит ни союзов, ни предлогов, пользуясь служебными словами из соответствующих национальных языков: *Мас уклил из юра, бакса не ухлит — Я ушёл из дому, отец не знает* (офенский язык). Используемые в такой речи слова обычного языка иногда «затемняются» с помощью дополнительных аффиксов или замены отдельных слогов («разговор на ши-»: *шивар* вместо *товар*, *широго* вместо *дорого*). В этимологическом отношении состав словаря различных Т. я. сложен: он включает элементы греческого, латинского, тюркского, угро-финского, цыганского, еврейского и иного происхождения. Специальный случай Т. я.— язык профессиональных преступников — арго (иногда этот термин используют в более широком смысле, см. Арго). В сов. период идёт процесс быстрого исчезновения Т. я.

Лит.: Жирмунский В., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1936; Бондалетов В. Д, Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса, в сб.: Вопросы социальной лингвистики, Л., 1969, с. 398—416; Поливанов Е., Стук по блату, в его кн. За марксистское языкознание, М., 1931, с. 152—60. *М. В. Арапов.*

ТВОРИ́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЕ́Ж — 1) форма существительного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *столом*, *городом*, *конём*, *краем*, *женой*, *землей*, *болотом*, *полем*, *костью*, *дочерью*, *именем*, *путём*; во мн. ч.— *столами*, *городами*, *конями*, *краями*, *жёнами*, *землями*, *болотами*, *полями*, *костями* (редко *костьми*), *дочерями* и *дочерьми*, *именами*, *путями*; 2) ряд таких форм существительного (в ед. и мн. ч.), объединённых описываемой ниже системой значений; 3) форма прилагательного, входящая в парадигму ед. и мн. ч., с одним из следующих окончаний (в орфографическом виде): в ед. ч.— *круглым*, *круглой*, *синим*, *синей*, *крепким*, *крепкой*, *лисьим*, *лисьей*, *тётиным*, *тётиной*, *отцовым*, *отцовой*; во мн. ч.— *круглыми*, *синими*, *крепкими*, *лисьими*, *тётиными*, *отцовыми*; 4) ряд таких форм прилагательного (в ед. и мн. ч.), объединённых общностью синтаксических функций.

Основные значения Т. п.— объектное и определительное (включая значение предикативного признака); им не противопоставлена резко функция необходимого информативного восполнения, обнаруживающаяся преим. в составе сказуемого; субъектное значение является для Т. п. периферийным. Объектное значение чаще всего конкретизируется как значение орудийное (*рубить топором*, *махать рукой*), но также и как значение объекта непосредственного и полного приложения (*восхищаться музыкой*, *руководить коллективом*, *увлечён шахматами*) или в сочетании с определительным значением: *добиться настойчивостью*, *платить серебром* (чем и как). Определительное значение предстаёт в разных частных видах: ограничительного уточнения (*похож лицом*), квалификации (*Уехали всей семьёй*; *Победа — дорогой ценой*), места (*идти полем*), времени (*Работа — вечерами*), причины (*сделать что-нибудь ошибкой*; устар.), меры (*скупать мешками*) и др. Центром определительного значения для Т. п. является его сказуемостная функция в условиях регулярной мены с им. п.: *Он здесь учитель/учителем*; *был/будет/стал/сделался/оказался другом*, *вырос героем*, *пришёл парламентёром*. Определительное значение имеет Т. п. в таких случаях, как *На фотографии бабушка ещё невестой*, а также при обособлении и детерминации: *Ещё ребёнком жил здесь* (жил здесь давно, ещё ребёнком).

Субъектное значение имеет Т. п. в пассивных конструкциях (*Хозяевами наготовлено запасов / наготовлены запасы*), а также в предложениях типа: *Врачами запрещается курить* или *Ветром снесло крышу*; в словосочетании — в соединении с определительностью: *чтение романа автором* (кем и чьё), *выполнение плана заводом*. Функцию необходимой информативно восполняющей формы Т. п. обнаруживает при довольно широком круге глаголов со значениями бытия, становления, исчезновения, перехода из одного состояния в другое, обнаружения, приписывания или приобретения признака и нек-рыми др. (*ведёт себя героем*, *состоит консультантом*, *стал отличником*, *кажется стариком*), а также в таких сочетаниях, как *всплеснуть руками*, *зарасти травой*, *обилен росой*, при компаративах (*рублём больше*, *часом меньше*).

Т. п. сочетается с простыми (*за*, *меж* / *между*, *над*, *перед*, *под*) и производными предлогами. В сочетании с предлогами *за*, *над*, *перед*, *с* Т. п. имеет значение объектное (*гнаться за зверем*; *За детьми нужен глаз да глаз*; *власть над людьми*, *преклоняться перед героем*, *виноват перед другом*; *Сладу нет с шалуном*); со всеми простыми предлогами — разные виды определительного значения (в зависимости от предлога: по месту, времени, причине, поводу, способу, условию, совместности, обладанию, содержанию, сопоставительное, собственно квалифицирующее). Эти же значения реализуются в сказуемом. При детерминации (в предложении) Т. п. с предлогами *с*, *между*, *за* может иметь субъектное значение: *С братом беда*; *Со мной нет ключа*; *Между друзьями начался спор*; *За ним большой долг* (у него). Функцию необходимой информативно восполняющей формы Т. п. имеет с предлогами *под* (*известен под именем*, *кличкой*, *фамилией*, *названием...*; *понимать*, *подразумевать что-нибудь под чем-нибудь*) и *с* (*общий с братом*, *соседний с домом*, *наравне со взрослыми*).

Т. п. сочетается со следующими производными предлогами и предложными образованиями: *в связи с*, *в соответствии с*, *в согласии с*, *в содружестве с*, *в сообществе с*, *в сравнении с*, *в унисон с*, *вместе с*, *во главе с*, *вровень с*, *вслед за*, *кончая*, *наравне с*, *наряду с*, *начиная с*, *по сравнению с*, *рядом с*, *следом за*, *совместно с*, *согласно с*, *сообразно с*, *соответственно с*, *соразмерно с*, *сравнительно с*. Значения таких сочетаний в большинстве случаев определяются лексическими значениями предлогов.

Лит.: Творительный падеж в славянских языках, под ред С. Б. Бернштейна, М., 1958; Мразек Р., Синтаксис русского творительного, Praha, 1964. См. также лит. при ст. Падеж.

Н. Ю. Шведова.

ТЕЗА́УРУС (от греч. thēsaurós — сокровище, сокровищница) — тип словаря, отражающий словарный состав данного языка в полном объёме.

Т. к. словарный состав живого языка постоянно изменяется, то Т. в узком смысле слова может быть только словарь к заранее определённому составу пись-

менных памятников. Таковыми являются словари, основанные на сплошной выборке лексики из определённых памятников письменности (напр., ряд словарей древнегреч., лат., старослав. языков). По принципу отбора слов Т. являются словари языка писателей (см. Языка писателя словарь) или их отдельных произведений.

Т. в более широком понимании слова являются словари, наиболее полные в лексическом отношении, включающие не только слова лит. языка данной эпохи, но и архаизмы и неологизмы, слова высокого слога и просторечные, иноязычную лексику, а также областные слова; исчерпывающего описания лексики они не достигают. Такие Т. по принципам отбора слов обычно противопоставляются нормативным словарям. Примерами словарей-Т. рус. языка являются академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (т. 1—4, 1847) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (см.). По принципу Т. продолжал работу над академическим «Словарем русского языка» А. А. Шахматов (см. т. 2, буквы Е — З, 1907; т. 4, буква К, 1916), в отличие от словаря Я. К. Грота (см. т. 1, 1895).

Р. М. Цейтлин.

ТЕКСТ (от лат. textus — ткань, сплетение, соединение) — объединённая смысловой связью последовательность речевых единиц: высказываний (см.), абзацев (см.), разделов и т. д. Т. может быть устным и письменным. Для соединения предложений в Т. существуют специфические средства текстовой связи: местоименная и синонимическая замена тождественных единиц (*В комнату вошёл человек. Он был бледен*; *В комнату вошёл человек. Вошедший был бледен*; *В комнату вошёл человек. Этот человек был бледен*), выдвижение на начальные позиции «известного» (из контекста, ситуации и т. д.), контрастное соположение предложений (см. Контраст) и т. д. Помимо средств, обеспечивающих связь элементов Т., существуют специальные текстовые средства, выражающие содержательные установки, передаваемые в Т.: выражение определённости / неопределённости, подчёркивание разных степеней смысловой важности элементов, передача специфическими языковыми средствами нек-рого развития действия (нарративность) и др. Это лексически выраженные средства типа частиц, наречий и т. д. (*Пётр увлекался плаванием, Иван же никогда не занимался спортом*); тектонические средства — изменение порядка элементов в зависимости от текстовой установки; интонационные средства — для звуковых текстов; особые графические (напр., шрифтовые выделения, знаки препинания) — для письменных. Разные текстовые средства могут выступать как синонимы, передавая одни и те же текстовые смысловые нагрузки, напр. определённость выражается частицами, местоимениями, порядком слов, интонацией. Правильное восприятие Т. обеспечивается не только смыслом выраженных в нем элементов и их связей, но и общими установками автора и воспринимающего, т. н. общим фоном знаний. Специфика текстовых отношений для единиц языка и их изменения в Т. изучаются особой областью языкознания — лингвистикой Т. Теория Т. в лингвистике связана с проблемой языка и речи, теорией актуального членения предложения (см. Актуальное членение предложения), теорией коммуникации, изучением структуры абзаца.

Лит. Севбо И. П., Структура связного текста и автоматизация реферирования, М., 1969; Лингвистика текста. Материалы научной конференции, ч. 1—2, М., 1974; Новое в зарубежной лингвистике, в. 8. Лингвистика текста, М., 1978. *Т. М. Николаева.*

ТЕКУЧЁВ Алексей Васильевич [р. 17(30).3.1903, станица Верхнекурмоярская, ныне Волгоградской обл.] — сов. языковед, методист, доктор пед. наук (1952), акад. АПН СССР (1959). Окончил Донской пед. ин-т (1923), проф. (1953), зав. кафедрой методики преподавания рус. языка МГПИ им. В. И. Ленина. Труды по методике преподавания рус. языка, историографии языкознания, диалектологии рус. языка. Разработал основные вопросы методики преподавания рус. языка в школе («Методика русского языка в средней школе», 1958, 2 изд., 1970), принципы грамматического анализа на уроках рус. языка («Методика грамматического разбора», 1939, «Грамматический разбор в школе», 1963). В книге «Основы методики орфографии в условиях местного диалекта» (1953) положил начало разработке методических вопросов, связанных с особенностями преподавания рус. языка в условиях диа-

лектного окружения. Обобщил практический опыт учителей и методистов в этой области методики («Преподавание русского языка в диалектных условиях», 1974). Опубликовал ряд учебных пособий по вопросам преподавания рус. языка: «Сборник диктантов по русскому языку в 8—10 классах нерусских школ» (1950, 4 изд., 1956), «О преподавании русского языка в VIII—X классах нерусской школы» (1940, 2 изд., 1950) и др.

Лит.: Филин Ф. П., Ломизов А. Ф., Ладыженская Т. А., К 70-летию Алексея Васильевича Текучева, «Рус. яз. в школе», 1973, № 2; Аганин Р. А., [А. В. Текучев], «Рус. яз. в нац. школе», 1973, № 2.

ТЕ́МА — см. Актуальное членение предложения.

ТЕМП РЕ́ЧИ (итал. tempo, от лат. tempus — время)— скорость произнесения речевых элементов. Т. р. измеряют двумя способами: числом звуков (или слогов), произносимых в единицу времени (напр., в секунду), или средней длительностью звука (слога). Длительность звуков вообще измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах (мс). Т. р. каждого отдельного индивидуума может меняться в широких пределах — от 60—70 мс при быстрой речи до 150—200 мс при медленной. Существует также и зависимость темпа от индивидуальных особенностей говорящего. С лингвистической точки зрения интересны изменения темпа, связанные с двумя обстоятельствами: с числом звуков (слогов) в слове или синтагме (см.) и с интонационным оформлением высказывания. Зависимость Т. р. от числа звуков (слогов) в слове такова: чем больше звуков (слогов) в слове, тем меньше средняя длительность звука (слога). Эта зависимость является следствием стремления к изохронности произнесения слова или синтагмы. С точки зрения интонационного оформления для рус. языка обязательным является замедление темпа к концу завершённой синтагмы и отсутствие такого замедления в неконечной повествовательной и в конечной вопросительной синтагме. Существенно также, что интонационное противопоставление в высказывании важного — неважного может реализоваться изменениями в Т.р.: при произнесении синтагмы, содержащей несущественную, дополнительную информацию, темп чаще всего убыстряется.

Убыстрение темпа (по сравнению с нормальным, естественным для данного индивидуума) связано с сокращением длительности гласных и согласных, а замедление — с преимущественным увеличением длительности гласных. *Л. В. Бондарко.*

ТЕ́РМИН (от лат. terminus — граница, предел) — слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия к.-л. сферы производства, науки или искусства. Т. не только обозначает то или иное понятие, но и обязательно основан на определении (дефиниции) понятия. Напр.: *Сила — векторная величина, являющаяся мерой механического действия на данное материальное тело со стороны других материальных тел* (общая механика).

Различают Т. узкоспециальные, употребляемые только специалистами в данной области (врачами, физиками и т. п.), и общепонятные, вошедшие в лит. язык (*кибернетика, комплекс* и т. д.). Т. разнообразны по структуре (Т.-слова и Т.-словосочетания), происхождению и образованию. Многие Т.— слова интернациональной лексики с лат. и греч. корнями: *ротор, генератор* (техн.), *резекция, пункция* (мед.), *лексика, синтаксис* (лингв.), очень большое число Т. является образованиями от русских и иноязычных корней. В терминологии представлены все способы рус. словообразования: аффиксация (*краситель, антитела*), сложение основ и аббревиатуры (*фототелеграмма, лавсан*) и др. Традиционным и активным является образование Т. путём переноса названия общеупотребительного понятия на специальное по сходству признаков (формы, местоположения и др.) — метафора, по сходству функции, по смежности признаков — метонимия (ср. технические Т. *усталость* металла, *кулачок, салазки, карман*). Чрезвычайно продуктивно образование Т.-словосочетаний двусловных (*раскатный цилиндр* — полиграфия, *механическое взаимодействие* — механика), трёхсловных (*абсолютно твёрдое тело* — механика, *составное именное сказуемое* — языкознание) и многословных (*импульс силы за конечный промежуток времени* — механика). Т.-словосочетания чётко обозначают родо-видовые отношения между понятиями: *балка, простая балка, консольная балка, неразрезная балка* (строительная механика). См. также ст. Терминология.

В. Н. Прохорова.

ТЕРМИНОЛОГИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ — вид словаря энциклопедического (см.), объясняющий термины к.-л. специальности. Т. с. может объяснять термины узкой специальности, напр. терминологию различных видов спорта (Брыкин А. Т., Гимнастическая терминология, М., 1959), или включать терминологию разных, обычно смежных областей знания («Политехнический словарь», 1976). Т. с. бывают одноязычными (рассматривается терминология одного языка и на этом же языке даётся объяснение терминов), напр. Иванов П. И., Астрономический словарь (Л., 1925), двуязычными и многоязычными (термины одного языка объясняются терминами другого или других языков), напр. Котов Г. Д., Испанско-русский словарь по астрономии и геофизике (М., 1959).

Первыми Т. с. в России являются: Кондратович К. А., Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах (СПБ, 1780), Максимович-Амбодик Н., Анатомо-физиологический словарь, в коем все наименования частей человеческого тела, до анатомии и физиологии принадлежащие, из разных врачебных сочинений собранные, латинском и французском языках ясно и кратко предлагаются, с кратким описанием сих наук (СПБ, 1783).

Т. с. охватывают обычно синхронный материал, но, устаревая, представляют большой интерес не только для изучения истории рус. терминологии, но и для изучения истории рус. языка. Нек-рые словари включают диахронный материал (напр., «Материалы для терминологического словаря Древней России», 1937).

Лит.: Кауфман И. М., Терминологические словари. Библиография, М., 1961.

В. Н. Прохорова.

ТЕРМИНОЛО́ГИЯ (от термин и греч. lógos — слово, учение) — система терминов (см. Термин) определённой области науки, производства или искусства (напр., Т. физики, лингвистики, архитектуры). Т. или терминологической лексикой называют также всю совокупность терминов к.-л. языка.

Особенности Т. к.-л. области науки обусловлены спецификой обозначаемых понятий и историей системы понятий данной области знания. Спецификой нек-рых терминосистем (математики, физики, химии) является использование, наряду с терминами-словами и сочетаниями, буквенных и цифровых обозначений, в медицинской Т. большое место занимают слова лат. языка, в технической Т. активны лексико-семантические образования типа *карман, головка.*

Т. представляет собой сравнительно самостоятельную часть в системе лит. языка. В Т., как и в общелит. лексике, есть многозначность, омонимия, синонимия, что в определённой степени ограничивает точность и однозначность терминов. Проводится большая работа по упорядочению Т., этими проблемами занимаются в СССР Комитет научно-технической терминологии АН СССР и Госстандарт СССР.

Терминосистемы взаимодействуют с общелит. лексикой и влияют на неё. С сер. 19 в. активизируется процесс перехода в общелит. лексику терминов естественных наук: математики, физики, медицины и др. (*показатель, периферия, сумма, горизонт*). Происходит этот процесс и в языке 20 в., особенно активно — в языке сов. эпохи. В общелит. лексику вовлекаются прежде всего термины общественно важных и актуальных наук: социально-экономических дисциплин, физики, биологии, космической техники, кибернетики и др. (*воспроизводство, реактор, парабола, стартовая площадка, алгоритм*). Термины входят не только в книжные стили, но и в разговорную речь. Термины используются и в языке художественной лит-ры, являясь важным средством художественного изображения.

Лит.: Реформатский А. А., Что такое термин и терминология, в кн.: Вопросы терминологии, М., 1961; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка, М., 1968; Даниленко В. П., Русская терминология, М., 1977.

В. Н. Прохорова.

ТИРЕ́ (франц. tiret, от tirer — тянуть) — знак препинания в виде горизонтальной черты (—), применяемый в простом и сложном предложениях. Введён в употребление рус. писателем и историком Н. М. Карамзиным. В совр. рус. письменной речи Т. ставится: 1) между подлежащим и сказуемым (в случаях, определённых «Правилами русской орфографии и пунктуации», 1956): «*Льгов — большое степное село*» (Тургенев); 2) перед обобщающим словом (см.), стоящим после однородных членов: «*Надежду и пловца — все море поглотило*» (Крылов); 3) перед обособленным приложением, обычно стоящим в конце предложения: «*Со мною был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу*» (Лермонтов); 4) между членами предложения для выражения неожиданности или противопоставления: «*Хотел объехать целый свет — и не объехал сотой доли*» (Грибоедов); 5) в сложном предложении бессоюзном (или сложносочинённом) для указания на быструю смену событий, для выражения резкой противоположности, для выражения временны́х, условно-следственных и других отношений: «*Игнат спустил курок — ружье дало осечку*» (Чехов); «*Хвалы приманчивы — как их не пожелать?*» (Крылов); 6) между словами для обозначения пределов пространственных, временны́х или количественных, а также между двумя или несколькими именами собственными, совокупностью к-рых называется к.-л. учение, научное учреждение и т. п.: *рукописи 11—14 вв., физический закон Бойля — Мариотта*; 7) между репликами в диалоге, даваемом без абзаца, или в начале реплик, даваемых с абзаца; 8) для указания на распад простого предложения на две словесные группы, что часто бывает при пропуске к.-л. члена предложения: «*Я вас спрашиваю: рабочим — нужно платить?*» (Чехов); «*Мне все послушно, я же — ничему*» (Пушкин); 9) после прямой речи перед словами автора: «*„Как, это скучно!“ — воскликнул я невольно*» (Лермонтов).

Двойное Т. (парный знак препинания, выступающий в выделительной функции) употребляется для выделения: 1) вводных и вставных предложений и конструкций: «*Тут — делать нечего — друзья поцеловались*» (Крылов); 2) распространённого приложения, стоящего после определяемого слова для подчёркивания самостоятельного значения этого приложения: «*Перед дверями клуба — широкого бревенчатого дома — гостей ожидали рабочие со знаменами*» (Федин); 3) слов автора внутри прямой речи: «*Меня зовут Фомой,— отвечал он,— а по прозвищу Бирюк*» (Тургенев).

ТОЛКО́ВЫЙ СЛОВА́РЬ — тип словаря, в к-ром объясняется (толкуется) значение слова. Т. с. отражает (с большей или меньшей полнотой) словарный состав того или иного языка на определённом этапе его развития. Помимо определения значения слова, в Т. с. обычно указываются написание, особенности произношения и место ударения в слове, его грамматические и стилистические свойства, типичные словосочетания и фразеологические обороты, в к-рых употребляется слово в данном значении. Реже даются этимологические, исторические и другие справки. Принципы отбора слов, приёмы определения их значений и объём дополнительных сведений в каждом Т. с. различны и определяются его назначением.

Т. с. могут быть нормативными и ненормативными. В нормативных отбор слов и сведения о них даются в строгом соответствии с действующими языковыми нормами; см. Норма (языковая). Задача нормативного Т. с.— содействовать нормализации живой лит. речи, быть справочником по культуре речи. Ненормативные Т. с. обычно представляют собой т. н. сокровищницу речи (см. Тезаурус), их назначение — описать возможно большее количество слов в определённых хронологических границах. К

Первый большой Т. с. рус. языка — «Словарь Академии Российской». Его первое издание (ч. 1—6, 1789—94; 43 257 слов) построено по алфавиту основных (корневых) слов, под к-рыми помещены их производные; это т. н. гнездовой словарь. Во втором издании (ч. 1—6, 1806—22; 51 388 слов) все слова, и первообразные и производные, даются уже в алфавитном порядке. В обоих изданиях преобладают слова высокого слога. Тип словаря — нормативный.

Наибольшее значение для изучения рус. лит. языка 19—20 вв. имеют следующие Т. с.: академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (т. 1—4, 1847; 114 749 слов; 2 изд., 1867—68) — нормативный словарь, широко включающий как древнерус. и церковнослав. слова, так и неологизмы сер. 19 в.; лексикографически данный словарь значительно более совершенен, чем первый академический словарь; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 1—4, 1863—66; 2 изд., 1880—82, неоднократно переиздавалось фототипически; 3 изд., дополненное и исправленное И. А. Бодуэном де Куртенэ, 1903—11). В словаре около 200 тыс. слов, это подлинная сокровищница народной рус. речи сер. 19 в. Академический «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота был нормативным словарём (т. 1, 1895, буквы А—Д; 21 648 слов). Издание продолжал А. А. Шахматов уже по принципам ненормативного словаря-тезауруса (т. 2, 1907, буквы Е—З; т. 4, 1916, буква К). В виде отдельных выпусков (на буквы И, Л, М, Н, О) словарь продолжал выходить по 1937 под ред. В. И. Чернышёва, Л. В. Щербы и др. Нормативный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ч. 1—4, 1935—40; 85 289 слов; 2 фототипическое изд., 1947—48) оказал громадное влияние на развитие совр. рус. лексикографии. Академический «Словарь современного русского литературного языка» (т. 1—17, 1948—65) под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. — наиболее полный толково-исторический и нормативный словарь лит. языка 19—20 вв. (Ленинская пр., 1970). Академический «Словарь русского языка» (т. 1—4, 1957—61; 82 159 слов) под ред. А. П. Евгеньевой — нормативный словарь, отражающий преим. совр. состояние языка. В 1949 вышел однотомный нормативный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (50 100 слов), в 1952 его 2-е, значительно исправленное и дополненное, издание (51 533 слова) — основа всех последующих, в 1972 — 9-е, вновь дополненное и исправленное, посмертное издание (57 тыс. слов) под ред. Н. Ю. Шведовой. Этот словарь сыграл значительную роль как в совершенствовании теории лексикографии, так и в развитии культуры речи самых широких кругов читателей.

Илл. см. на вклейке.

Лит.: [Виноградов В. В.], Толковые словари русского языка, в сб.: Язык газеты, М.— Л., 1941; Евгеньева А.П., К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи, «ВЯ», 1953, № 3. См. также лит. при ст. Лексикография. *Р. М. Цейтлин.*

ТОН (от греч. tónos, букв.— натянутая верёвка, натяжение, напряжение) — высота звука; в речи (высота гласных, сонорных и звонких согласных звуков) формируется при прохождении выдыхаемой воздушной струи через голосовые связки, глотку, рот и нос.

В результате колебания голосовых связок возникает основной Т. звука, важнейший компонент речевой интонации (см. Интонация). Чем больше частота колебаний, тем выше Т., и наоборот. Глотка, рот и нос создают систему резо-

наторов, через к-рую проходит модулируемый голосовыми связками воздух. В ротовой полости образуются разночастотные колебания частиц воздуха — обертоны, различия к-рых зависят от формы и объёма рта, меняющихся во время артикуляции звуков, напр. при произнесении звука [*а*] или [*о*]. Обертоны придают основному Т. характерную для звука окраску, называемую тембром.

С помощью тембра различается качество звуков, напр. гласных *а* и *о*, с помощью основного Т. выражаются такие смысловые различия предложений, как вопрос—сообщение, завершённость — незавершённость.

В таких языках, как китайский, бирманский, вьетнамский (тональных), изменение основного Т. используется для выражения лексических различий.

Мужские голоса по Т. ниже женских: связки у мужчин длиннее и толще, частота их колебаний меньше. Однако при выражении смысловых различий слушающие воспринимают относительное, а не абсолютное изменение Т.

Лит.: Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Ландау Л. Д., Китайгородский А. И., Физика для всех, М., 1963. *Е. А. Брызгунова.*

ТОПОНИ́МИКА (от греч. tópos — место и ónyma — имя, название) — раздел ономастики (см.), изучающий топонимы (собственные имена географических объектов), закономерности их возникновения, развития, изменения, функционирования, распространения и их структуру. Разделы Т. выделяются соответственно категориям имён, называющих различные виды географических объектов.

Гидронимика изучает собственные наименования водных объектов (природных или созданных человеком); различают пелагонимы (названия морей: *Белое море*, *Охотское море*), лимнонимы (названия озёр, прудов: *Чудское озеро*, *Чистые пруды*), потамонимы (названия рек: *Дон*, *Ока*), гелонимы (собственные имена болот, заболоченных мест: *Пинские болота*, *Чёртово болото*).

Предметом ойконимики являются названия поселений (*Суздаль*, *Козельск*, *Рязань*, *село Дедино*, *деревня Дюдьково*, *Воронихин хутор*), оронимики — названия элементов рельефа земной поверхности (*пик Красных командиров*, *Уральский хребет*, *Каспийская низменность*), урбанонимики — названия любых внутригородских объектов (*Кутузовский проспект*, *Волков переулок*, *Котельническая набережная*).

Т. изучает также собственные имена земельных наделов, участков, полей, пашен (*Никитина полоса*, *Десятинное поле*, *Антонова пашня*), путей сообщения (*Путь из варяг в греки*, *Владимирский тракт*, *Каширское шоссе*, *Мариинская система*, *авиалиния Москва — Варшава*), лесных участков, лесов, рощ (*Красный бор*, *Шипов лес*, *Весёлая роща*), природных подземных образований (*Зал грузинских спелеологов*, *Мамонтовы пещеры*) и др.

В любом разряде географических объектов имеются и микрообъекты, их имена часто обладают своей спецификой, что заставляет выделять эти имена (т. н. микротопонимы). Микротопонимы, как правило, известны узкому кругу лиц, живущих вблизи именуемых объектов (урочищ, хозяйственных угодий, колодцев, кордонов, зимовий и т. п.). Их связь с апеллятивами обычно близка и прозрачна.

Когда физико-географические объекты Земли рассматриваются в сопоставлении с объектами других планет, они именуются общим термином «геонимы» (ср.: селенонимы — объекты Луны, марсионимы — объекты Марса).

Совокупность топонимов к.-л. территории называется топонимией. Топонимия даёт важный материал для изучения истории языка, исторического прошлого народов, заселявших ту или иную территорию. Топонимия (особенно гидронимия) часто является единственным источником информации об исчезнувших языках и народах.

Лит.: Никонов В. А., Введение в топонимику, М., 1965; Попов А. И., Географические названия, М.— Л., 1965; Поспелов Е. М., Топонимика и картография, М., 1971; Мурзаев Э. М., Очерки топонимики, М., 1974; Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год, М., 1976; Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1971 по 1975 гг. С приложением за 1918—1962 гг., М., 1978. *Н. В. Подольская.*

ТО́ЧКА (.) — знак препинания, ставящийся в конце предложения. Т.— один из самых древних знаков препинания. В рус. рукописных памятниках древнейшего периода, не знавших членения текста на слова, Т. (одна или комбинация из двух, трёх, четырёх Т.) употреблялись для отделения слов или более крупных отрезков текста друг от друга. В этой же функции употреблялся крест (напр., в «Остромировом евангелии», 11 в.) или вертикальная волнистая линия. Т. первоначально ставились на разных уровнях: либо у основания буквы, либо на уровне её середины. Иногда писец, прерывая работу, мог поставить точку даже в середине слова. В совр. рус. письменной речи Т. ставится в конце повествовательного или побудительного (но не с восклицательной интонацией) предложения: «*Был вечер. Небо меркло. Воды струились тихо*» (Пушкин). Т. употребляется также при сокращённом написании слов (*напр.*, *и т. п.*, *и т. д.*); в аббревиатурах (см.) Т. не ставится.

ТО́ЧКА С ЗАПЯТО́Й (;) — знак препинания, употребляющийся в сложном

и, реже, в простом предложении для разделения относительно самостоятельных его частей. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755, опубл. 1757) про Т. с з. сказано, что она «различает члены периодов». В совр. рус. письменной речи Т. с з. ставится: 1) в сложном бессоюзном и сложносочинённом предложениях, если их части значительно распространены и содержат запятые, напр.: «*Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья...*» (Тургенев); «*Почти каждый вечер попозже они уезжали куда-нибудь за город, в Ореанду или на водопад; и прогулка удавалась, впечатления неизменно всякий раз были прекрасны, величавы*» (Чехов); 2) в сложноподчинённом предложении между соподчинёнными придаточными, если они значительно распространены, не связаны сочинительными союзами и содержат запятые, напр.: «*Давыдову становилось чуточку грустно оттого, что там теперь многое изменилось; что он теперь уже не сможет ночи напролет просиживать за чертежами; что теперь о нем, видимо, забыли*» (Шолохов); 3) в простом предложении между однородными членами предложения, если они значительно распространены и содержат запятые, напр.: «*Во мраке смутно представлялись те же неясные предметы: в некотором отдалении черная стена, такие же движущиеся пятна; подле самого меня круп лошади, которая, помахивая хвостом, широко раздвигала ногами; спина в белой черкеске...*» (Л. Толстой).

ТРАНСКРИПЦИЯ (от лат. transcriptio — переписывание) — передача текстов или отдельных слов к.-л. языка с помощью специальной системы записи. Различаются: 1) фонетическая Т., представляющая собой способ передачи на письме устной звучащей речи со всеми её звуковыми особенностями. Она может строиться на основе к.-л. алфавита с использованием надстрочных или подстрочных значков или на произвольно придуманной системе знаков и фигур, обозначающих отдельные артикуляции органов речи (неалфавитная Т.). В фонетических описаниях рус. языка применяется Т., составленная на базе рус. алфавита. Напр., словосочетание *на другой день* в фонетической Т. записывается: [*нъдругói̯д'éн'*]. В качестве универсальной Т. используется международный фонетический алфавит, созданный Международной фонетической ассоциацией в 1886 и постоянно совершенствующийся.

2) Фонематическая Т. передаёт (обычно средствами кириллического или латинского алфавитов) не все особенности звучащей речи, а только те её стороны, к-рые играют различительную роль, т. е. её фонемный (см. Фонема) состав. Напр., слова *судья*, *Юрий* в фонематической Т. записываются как [*суд'já*], [*jýp'uj*] или [*sud'já*], [*júr'ij*], ср. в фонетической Т. [*cy̆д'já*], [*jy̆p'ui̯*] или [*süd'já*], [*júr'ii̯*]. Фонетическая и фонематическая Т. используются в лингвистических трудах и учебной лит-ре по изучению языков, фонетическая Т.— также в двуязычных словарях.

3) Практическая Т. передаёт средствами данного национального алфавита собственные имена, термины, номенклатурные обозначения и прочие непереводимые слова других языков для включения их в печатные тексты принимающего языка. Практическая Т. не выходит за пределы знаков алфавита принимающего языка, но допускает их необычное употребление (напр., употребление букв *я*, *ю* после шипящих, противоречащее основным правилам рус. орфографии, ср.: Т. литов. *Šiauliai — Шяуляй*, франц. *parachute — парашют*). Фонемы, отсутствующие в принимающем языке, заменяются наиболее близкими к ним по звучанию, письменному выражению, происхождению или функционированию (ср.: англ. *Tuft — Тафт*, франц. *Boulogne sur Mer — Булонь-сюр-Мер*, польск. *Karas' — Карась*). Практическая Т. применяется в общей печати, на географических картах, в специальной лит-ре, при переводах номенклатурных списков, прейскурантов, технической документации, в туристских путеводителях и т. д. Она отличается от алфавитного письма тем, что всегда связывает два языка, способствуя пополнению лексического состава одного из них, а алфавитное письмо ориентировано на систему только одного языка.

Не являются Т. случаи, когда тексты одного языка записываются с помощью разных алфавитов (напр., литов. книги в 19 в. печатались рус. буквами, средневековые рум. тексты написаны алфавитом на кириллической основе, совр. литов. и рум. языки пользуются алфавитами на лат. основе), поскольку в подобных языковых ситуациях оба алфавита приспособлены к фонематической системе одного языка и никаких заимствований иносистемных элементов при этом не происходит.

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Суперанская А. В., Теоретические основы практической транскрипции, М., 1978. *А. В. Суперанская.*

ТРАНСЛИТЕРА́ЦИЯ (от лат. trans — через и littera — буква) — побуквенная передача текстов и отдельных слов, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы. В отличие от транскрипции (см.) Т. ориентируется на систему графи-

Правила международной транслитерации русских имён собственных латинскими буквами

Русские буквы	Соответствующие латинские буквы	Русские буквы	Соответствующие латинские буквы
а	a	р	r
б	b	с	s
в	v	т	t
г	g	у	u
д	d	ф	f
е	e после согласных; je в начале, после гласных, ъ и ь	х	ch
ё	'o после согласных (кроме ч, ш, щ, ж); o после ч, ш, щ, ж; jo в начале, после гласных, ъ и ь	ц	c
ж	ž	ч	č
з	z	ш	š
и	i в начале, после гласных и согласных	щ	šč
	ji после ь	ъ	опускается
й	j	ы	y
к	k	ь	' в конце и перед согласными; опускается перед гласными
л	l	э	e
м	m		
н	n	ю	'u после согласных; ju в начале, после гласных, ъ и ь
о	o		
п	p	я	'a после согласных; ja в начале, после гласных, ъ и ь

ки данного языка. Базируясь на к.-л. алфавите, Т. допускает условное употребление букв, введение дополнительных знаков и диакритических значков. Необходимость в Т. возникла в кон. 19 в. при создании прусских научных библиотек для включения в единый каталог работ, написанных на языках с латинской, кириллической, арабской, индийскими и другими системами письма. Инструкции по Т., составленные для нужд этих библиотек, послужили в 20 в. основой стандарта для перевода нелатинских систем письма на латиницу, рекомендуемого международной организацией стандартов ISO (International Standart Organisation).

В рус. практике Т. иногда называют практическую транскрипцию иноязычных слов средствами рус. графики, что неточно (ср. передачу фамилии Cliburn средствами Т.— *Клиберн* и средствами транскрипции — *Клайберн*). Для передачи рус. слов в разных странах употребляется до 20 различных систем Т. лат. буквами с ориентацией на их роль во франц., англ., нем. и других алфавитах. Ин-т языкознания АН СССР разработал в 1951—56 правила международной Т. рус. собственных имён латинскими буквами (см. таблицу).

Т. благодаря своей универсальности может играть роль единого эталона для решения практических задач при многосторонних международных контактах, ср. Т. рус. фамилии *Лапшин* — Lapšin при многообразии её практических транскрипций: англ. *Lapshin*, франц. *Lapchine*, итал. *Lapscin*, польск. *Łapszyn*, нем. *Lapschin*. Применяется также как искусственный приём перевода малоизвестной графической системы в более понятную, напр. в многоязычных словарях.

Лит.: Реформатский А. А., Транслитерация русских текстов латинскими буквами, «ВЯ», 1960, № 5; его же, О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов, «Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы», 1972, № 10; Instruktionen für die alphabetischen Kataloge der preussischen Bibliotheken von 10 Mai 1899, 2 Ausg. in der Fassung von 10 August 1908, unveränderter Nachdruck, Wiesbaden, 1961; International system for the transliteration of cyrillic characters, La Haye, 1953.

А. В. Суперанская.

ТРЁХ СТИ́ЛЕЙ ТЕО́РИЯ — учение о делении языка на три стиля: высокий, средний и низкий. Известна с античных времён. В рус. филологических трудах появляется с 17 в., но особое значение приобретает в сер. 18 в. в связи с развитием лит. направления классицизма. Т. с. т. предусматривала обязательную связь между «материей» (т. е. темой, предметом изложения), жанром и стилем. Напр., героические поэмы, оды, «прозаичные речи о важных материях» предписывалось писать высоким стилем; стихотворные дружеские письма, эклоги и элегии, «описания дел достопамятных и учений благородных» — средним; комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма в прозе, описания обыкновенных дел — низким. Наибольшие заслуги в разработке Т. с. т. применительно к рус. лит. языку принадлежат М. В. Ломоносову, для к-рого схема трёх стилей послужила не исходным теоретическим положением, а лишь формой, в к-рую оказалось удобно заключить результаты наблюдений и обобщений в области исторического развития и стилистической организации рус. лит. языка («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757). Стилисти-

ческое учение Ломоносова основано на учёте взаимодействия книжно-славянской («славенской») и собственно русской стихий в рус. лит. языке. Устаревшие «славенские» элементы Ломоносов решительно исключает из состава рус. лит. языка. Славянизмы, к-рые «хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например отверзаю, господень, насажденный, взываю», закрепляются за высоким стилем. А стили средний и низкий складываются «из речений, больше в российском языке употребительных», причём в низкий стиль допускается и просторечие. Упорядочение использования лексических и грамматических средств рус. лит. языка, ограничение славянизмов, опора на «речения, больше в российском языке употребительные», допуск в лит. язык просторечия и, кроме того, направленность на борьбу со злоупотреблением иностранными словами были для ломоносовского времени очень важны и прогрессивны. Но деление на три стиля с дальнейшим развитием рус. лит. языка потеряло актуальность, и Т. с. т. утратила значение (см. История русского литературного языка).

Лит.: Винокур Г. О., Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Виноградов В. В., Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, М., 1963; Томперский В. П., Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей, М., 1970.

А. И. Горшков.

ТРОП (от греч. trópos — поворот, оборот речи) — перенос наименования (иногда называемый переносом значения), заключающийся в том, что слово, словосочетание, предложение, традиционно называющее один предмет (явление, процесс, свойство), используется в данной речевой ситуации для обозначения другого предмета (явления и т. д.), связанного с первым той или иной формой содержательного (смыслового) отношения. Так, слово *орёл*, являющееся наименованием птицы, может быть употреблено в качестве характеристики человека, обладающего качествами, свойствами, традиционно приписываемыми орлу (смелостью, зоркостью и т. п.). Предложение *Галёрка аплодирует* имеет в виду не верхний ярус зрительного зала, а зрителей, сидящих в этом ярусе. В обоих примерах между традиционной предметной отнесённостью и ситуативной, фактической предметной отнесённостью налицо нек-рая смысловая связь. Механизм действия Т.— совмещение в одном слове или высказывании двух семантических планов: коллективно-языкового, соответствующего «буквальному» значению языковой единицы, и ситуативного, относящегося к данному случаю. Именно в этом состоит изобразительно-выразительная сущность Т.: наименование переносится, традиционное и ситуативное предметные значения совмещаются; два представления связываются воедино, создавая образ. Функция образной характеристики в Т. преобладает над функцией номинации (названия).

К Т. обычно относят метонимию (см.), метафору (см.) и иронию (см.), при более широком понимании Т. к ним причисляют также гиперболу (см.) и мейозис (см.). Кроме перечисленных основных Т. выделяются их разновидности: литота (см.), синекдоха (см.), олицетворение (см.).

Совокупность Т. можно представить в виде логически полной, регулярной системы, основанной на обобщённых понятиях количества и качества, связи, сходства и противоположности. Различия между традиционно адекватным обозначением и ситуативным обозначением носят чисто количественный характер в таких Т., как гипербола (*Тысячу раз тебе говорил!*) и её противоположность мейозис (*Это вам влетит в копеечку*). Вторую группу Т. образуют переименования, основанные на качественном различии между двумя объектами. К ним относятся метонимия (перенос по смежности, по фактической связи именуемого с традиционным референтом наименования: *За мной очередь занимала зелёная кофточка*; *Острая боль, проходите, врач свободен*), метафора (переименование по сходству, по тождественности нек-рых признаков двух объектов действительности, фактически не связанных между собой; в отличие от метонимии метафора опирается не на непосредственное впечатление, а на предшествующий опыт говорящего и слушающего, ср. приведённый выше пример *орёл*); ирония (переименование по контрасту, подразумевающее прямую противоположность сказанному: *Хорош друг, нечего сказать!*).

В одной и той же языковой единице Т. могут совмещаться (синкретизм Т.); так, метафора может быть гиперболической (*И ничего не разрешилось Весенним ливнем бурных слёз*), метонимической (*В его голосе был лёд*), иронической (*Кто сей Голиаф?* — о невысоком, тщедушном человеке). Для Т. характерна нерегламентированность языковой формы, они могут содержаться в одном слове, группе слов, предложении, группе предложений. Т. употребительны в повседневной речи; их широкое использование — отличительная черта художественной лит-ры и публицистики; официально-деловым и научно-техническим текстам Т. не свойственны. Тропеические переосмысления лежат в основе семантического развития многих слов, однако в выражениях типа *спинка стула*, *подошва горы* слова *спинка* и *подошва* уже утратили образность, и эти словосочетания можно считать со-

держащими Т. лишь в историческом плане (см. также Переносное значение слова).

Лит.: Античные теории языка и стиля, М.— Л., 1936; Рыбникова М. А., Введение в стилистику, М., 1937; Тимофеев Л. И., Теория литературы, М., 1948; Томашевский Б. В., Язык и стиль, Л., 1952; Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, «ВЯ», 1953, № 5; Русская разговорная речь, [под ред. Е. А. Земской], М., 1973.

Ю. М. Скребнев.

ТРУБАЧЁВ Олег Николаевич (р. 23.10.1930, Волгоград) — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1972). Чл. КПСС с 1974. Окончил Днепропетровский ун-т (1952), зам. директора Ин-та рус. языка АН СССР, зав. сектором этимологии и ономастики (там же). Труды по этимологии слав., балтийских и других индоевропейских языков, слав. и индоевропейской ономастике, реконструкции праслав. словарного состава. В книге «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959) описана древнейшая тематическая группа лексики и предпринята попытка новых этимологических решений. Т. анализирует и другие важнейшие группы лексики («Происхождение названий домашних животных в славянских языках», 1960), проблемы этимологии рассматривает в тесной связи с историей культуры. В работе «Ремесленная терминология в славянских языках» (1966) поставил проблему групповой реконструкции совокупностей слов, объединённых общностью культурного фона, и перешёл от этимологизации терминов четырёх древних ремёсел к обобщениям о древних изоглоссных связях в праслав. языке и его диалектах. Труды по гидронимике (совместно с В. Н. Топоровым: «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», 1962; книга «Названия рек Правобережной Украины», 1968, дала новый материал по проблемам этногенеза и древних контактов славян, балтов, иранцев, фракийцев, иллирийцев в этом районе). С 1963 выходит ежегодник «Этимология», основанный Т. Перевёл «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (т. 1—4, 1964—73) и значительно дополнил его. Под руководством Т. издаётся «Этимологический словарь славянских языков» (с 1974), в к-ром реконструируется праславянский лексический фонд. Работы по исследованию языковых реликтов на южной периферии славянства (отражение индоарийских и других элементов).

У, у — двадцать первая буква рус. алфавита. Её название [*у*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное у, строчное у*. Буква *У, у* обозначает гласную фонему [*у*] (см. Гласные): *у́тка* [*у́ткъ*], *уро́к* [*уро́к*], *к по́рту* [*кпо́рту*].

Употребляется в составе нек-рых сокращений: *УВЧ* — ультравысокие частоты, *УКВ* — ультракороткие волны, *УССР* — Украинская Советская Социалистическая Республика, *МГУ*, *ЛГУ* (Московский и Ленинградский государственные ун-ты).

По начертанию восходит к греч. унциальному Υ и к лат. Y («ипсилон»). В кириллице (см.) для обозначения звука У употреблялся дограф ОУ (с числовым значением «четыреста») или знаки У и позднее ♉ (см. Алфавит). Постепенно вместо «оу» стали писать «у», название буквы «ук» изменилось в «у».

УДАРЕ́НИЕ — выделение одного слога в слове, служащее для фонетического объединения этого слова и называемое словесным У. Кроме словесного У. различают также синтагматическое и фразовое У., функция к-рых также заключается в фонетическом объединении нескольких слов в синтагму или нескольких синтагм во фразу.

Словесное У. в рус. языке является с в о б о д н ы м, т. е. может находиться на любом слоге слова (на последнем — *дома́*, на предпоследнем — *коро́ва*, на третьем от конца — *о́вощи* и т. д.), и п о д в и ж н ы м, т. е. не привязанным к определённой морфеме в слове (*до́ма — дома́ — и́з дому — домово́й* и т. д.). Те слоги в слове, к-рые предшествуют ударному, называются предударными, те, к-рые следуют за ударным,—заударными.

Фонетическим средством выделения ударного элемента (хотя таковым является целый слог, чаще рассматривают только его центральную часть — гласный) в рус. лит. языке является его бо́льшая длительность по сравнению с безударными. Существует, однако, традиционное мнение, согласно к-рому рус. У. является динамическим, т. е. ударный гласный, будучи самым сильным, является и самым громким в слове. Экспериментально-фонетические исследования рус. У. не подтверждают этого мнения. Оказывается, что громкость («сила») гласного зависит как от собственного качества гласного (*а* — самый громкий, *у*, *и*, *ы* — самые тихие гласные), так и от положения гласного в слове: чем ближе к началу слова находится гласный, тем больше его громкость, так что, напр., в слове *обману́ли* первые два гласных будут гораздо громче ударного, т. к. они оба открытые и оба ближе к началу слова. Важным фонетическим свойством словесного У. в рус. языке являются также не только специфические характеристики ударных гласных (отсутствие редукции), но и возможность употребления в ударном слоге большего числа гласных, чем в безударном. В предложении *Вот брат взял нож* У. воспринимается на всех словах, хотя здесь и нет безударных слогов, с к-рыми можно было бы сравнивать ударные: гласный *о* в словах *вот* и *нож* и гласный *а* после мягкого согласного в слове *взял* [*вз'а́л*] не могут быть употреблены в безударных слогах, а гласный *а* в слове *брат* характеризуется полным отсутствием редукции.

В фонетической лит-ре имеется описание фонетических особенностей безударных слогов по сравнению с ударным в том же слове. Говорят о двух степенях редукции (см. Редукция) безударных. Важно, что на степень редукции влияет положение гласного в слове (так, безударный гласный в абсолютном начале слова не редуцируется до второй степени, как и гласный в абсолютном конце). Существенно также, что фонетические характеристики безударного слога в потоке речи зависят от соседних слов. Так, заударный слог в слове *гу́си* может получать характеристики предударного в сочетании *гуси Рим спасли*.

Основной функцией словесного У. является фонетическое объединение слова, но иногда говорят и о словоразличительной его функции (*мука́ — му́ка*, *пили́ —пи́ли* и т.д.), к-рая для рус. языка является второстепенной, т. к. такие пары возникли в рус. языке случайно.

Обычно в слове имеется одно словесное У., однако в длинных словах часто возникает, помимо главного, и т. н. в т о р о с т е п е н н о е (побочное) У.: *четырёхэта́жный*, *лави́нообра́зный*.

Синтагматическое У. обычно падает на ударный гласный последнего слова в синтагме, а фразовое — на ударный гласный последнего слова в конечной синтагме. Перенос синтагматического У. с по-

следнего слова в синтагме на другое приводит к появлению логического У. (ср.: *Мы вышли, когда он замолчал* и *Мы вышли, когда он замолчал*).

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Щербакова Л. П., Об определении места ударения в слове, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1973, т. 32, в. 2; Златоустова Л. В., Длительность гласных и согласных звуков русского языка, «Уч. зап. Казанского гос. университета», 1954, т. 114, кн. 6. *Л. В. Бондарко.*

УПРАВЛЕ́НИЕ — вид подчинительной связи, при к-рой для выражения определённых смысловых отношений главное слово требует постановки зависимого слова (существительного) в определённом падеже, с предлогом или без предлога. Напр., глагол *видеть* требует постановки существительного в вин. п. без предлога, если это существительное называет предмет, к-рый видят: *видеть лес, спектакль* и др. Главным является то слово, форма к-рого выбирается только по требованию необходимого для данного акта общения смысла, а зависимым является слово, форма к-рого предопределена уже не только потребностями заданного смысла, но и главным словом. Поэтому главное слово можно поставить в любых присущих ему словоизменительных формах, а выбор словоизменительных форм зависимого слова определён главным словом и теми смысловыми отношениями, в к-рых находятся между собой главное и зависимое слово, ср.: *видел* (*видишь, видели, видели бы* и т. п.) *лес.*

Если при согласовании (см.) достаточно знать только грамматическую форму главного слова и не надо ничего знать о его лексическом значении, чтобы назвать форму зависимого слова, также ничего не зная о его лексическом значении (напр., прилагательное-определение при существительном в им. п. муж. рода ед. ч. непременно будет поставлено в тех же формах, что и существительное: *сильный ветер*), то при У. прежде всего необходимо знать лексико-грамматическое значение главного слова, чтобы определить форму зависимого, ср.: *заниматься делом* (твор. п.), но *делать дело* (вин. п.). Следовательно, У. по своей природе является лексико-грамматической связью в отличие от согласования — чисто грамматической связи.

Различают сильное и слабое У. Сильное У. обусловлено тем, что главное слово обладает такими лексико-грамматическими свойствами, что при нём необходимо зависимое слово, находящееся в определённых смысловых отношениях с главным, ср.: *написал письмо, выехал из леса.* При слабом У. зависимое слово не является обязательным для главного: главное слово может быть употреблено в предложении без зависимого — *Я прочитал эту книгу в библиотеке — Я прочитал эту книгу.* Число сильно управляемых зависимых слов строго задано лексико-грамматическим значением главного слова. Главное слово может с необходимостью требовать одно сильноуправляемое слово: *читал газету*; два: *вручил орден космонавту, наполнил стакан соком*; три: *перевёз детей из города в деревню, перевёл книгу с русского языка на английский.*

В зависимости от того, какие лексико-грамматические свойства надо учитывать, чтобы выбрать форму управляемого слова, различаются: 1) сильное У., при к-ром достаточно знать нек-рые общие для многих слов лексико-грамматические признаки главного слова, чтобы назвать форму зависимого существительного. Так, при глаголах *интересоваться, заниматься* и др. необходимо назвать существительное, обозначающее предмет интереса, занятия и т. п., и это существительное всегда будет стоять в форме твор. п. без предлога: *интересоваться марками, философией* и т. д., *заниматься математикой, спортом, музыкой* и т. д. Иногда в подобных случаях можно назвать сразу две формы имени существительного, из к-рых для выражения одного и того же отношения выбирается любая: *говорить о книге, о человеке, об Африке* или *говорить про книгу, про человека, про Африку.*

Типичным случаем сильного У. рассматриваемого типа является связь слов в сочетании с объектными отношениями, когда главное слово — переходный глагол, а зависимое — существительное в вин. п. без предлога, называющее объект, на к-рый переходит действие глагола: *читать книгу, любить театр, делать уроки, создавать проект* и т. д.

2) Сильное У., при к-ром для определения формы зависимого слова надо знать лексико-грамматич. признаки и главного и зависимого слова. Так, глагол *поселиться* требует, чтобы было обозначено место поселения, в зависимости от того, каким конкретным существительным названо это место, избирается форма этого существительного, ср.: *поселиться в долине, но поселиться на холме.*

3) Сильное У., при к-ром обязательность зависимого слова определяется в первую очередь значением приставки главного слова (глагола или соответствующего отглагольного существительного), напр. у глагола *въехать* приставка *в* требует, чтобы обязательно был назван конечный пункт движения (куда въехать): *въехать в лес, на гору, под мост* и т. п. Как и во втором случае, выбор формы зависимого слова определяется

здесь лексико-грамматическими признаками как главного, так и зависимого слова. Возможны, однако, случаи, когда приставка задаёт не только обязательность зависимого слова, но и его форму. Так, при глаголе *наехать* непременно должно быть существительное, указывающее, на что совершён наезд, и это существительное независимо от своего лексического значения будет иметь форму вин. п. с предлогом *на*: *наехать на изгородь*, *на человека* и т. д.; при глаголе *пристать* (в значении «причалить»— о судах) место, куда пристают, всегда обозначается существительным в дат. п. с предлогом *к*: *пристать к берегу*, *к пристани*, *к барже* и т. д.

4) Слабое У., при к-ром выбор формы зависимого слова при заданности смысловых отношений между главным и зависимым словами определяется лексико-грамматическими признаками и главного и зависимого слова. Так, при глаголе *петь* зависимое от него существительное, называющее место, где поют, может быть употреблено в двух формах в зависимости от вида места, где осуществляется действие: если это театр, то существительное употребляется с предлогом *в*: *петь в театре*, если это улица — с предлогом *на*: *петь на улице*.

Широко распространена точка зрения, согласно к-рой слабое У., когда между главным и зависимым словом складываются чисто обстоятельственные отношения (время, место, причина, условие и т. п.), должно рассматриваться как примыкание (см.). Основанием для такого решения является то, что формы существительных, обозначающие разные обстоятельства (*в лесу*, *около дома*, *в пять часов вечера* и т. д.), могут сочетаться со словами разных, несводимых друг к другу лексико-грамматических классов, ср.: *петь в театре*, *встречаться с другом в театре*. Отсюда делается вывод, что эти формы существительных вообще не предсказываются, не управляются главным словом. Согласно другой точке зрения, необходимо от управляемых слов отграничить детерминанты — такие слова в предложении, к-рые формально не связаны ни с каким другим словом, а распространяют предложение в целом: *Со стороны сада раздаются голоса*; *Для верности повернул ключ в замке*; *Каждому случается ошибаться*. Детерминанты обычно располагаются в начале предложения.

Главным словом в словосочетаниях со связью У. может быть глагол (*читать газету*), имя существительное (*движение поезда* , *распоряжение директора* , *стакан молока* , *указ о награждении*), имя прилагательное (*сердитый на сына* , *полный благородства*), наречие (*наедине с природой*).

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Курилович Е., Проблема классификации падежей, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Скобликова Е. С., Согласование и управление в русском языке, М., 1971; Белошапкова В. А., Современный русский язык. Синтаксис, М., 1977.

Е. Н. Ширяев.

У́РОВНИ ЯЗЫКА́ — подсистемы (ярусы) языка, устанавливаемые в процессе исследования языка на разных этапах его анализа. Основными У. я. являются фонологический, морфологический, синтаксический и лексико-семантический. В каждом У. я. исследуются определённые единицы и отношения между ними (см. Единицы языка). На фонологическом уровне исследуются звуки речи, фонемы, слоги (их типы) и интонемы (типы интонирования); на морфологическом — морфемы, формы слов; на синтаксическом— словосочетания и предложения; на лексико-семантическом — лексемы и лексико-семантические варианты слов.

Выделяют также морфонологический, словообразовательный и фразеологический уровни. Морфонологический уровень выявляется на стыке фонем и морфем. Так, чередование фонем *к*/*ч* в формах *пеку — печёшь* и *рука — ручка* в совр. языке не объясняется фонетическими причинами; чередование *к*/*ч* (его иногда называют морфонемой) создаёт морфологические варианты основы слова и производящей основы. Своеобразие словообразовательного уровня состоит в том, что морфемы, соединяясь, порождают номинативные единицы языка — слова, к-рые обладают лексическим значением и функционируют как слова, а не как морфемы. Фразеологические единицы, возникая на базе сочетаний слов и воспроизводя форму словосочетания, обладают единым значением, функционируя как обычные номинативные средства языка.

Термин «У. я.» употребляется также при исследовании языка с точки зрения «плана выражения» и «плана содержания». В языке при таком рассмотрении выявляются два уровня — фонологический (план выражения) и уровень плана содержания, к-рый может быть назван семантическим. Внутри фонологич. уровня выделяются единицы интеграции: дифференциальный признак (фигура),

фонема, слог, акцентная группа (фонологическое слово), фонологическая фраза (интонема). Уровень плана содержания охватывает также несколько единиц интеграции: элементарное значение (сема), семема, ономатема (лексема и граммема — лексическое и грамматическое значения слова), означаемое предложения. Связь между сторонами языка — звуковой и смысловой — обеспечивает единство языка.

Лит.: Бенвенист Э., Уровни лингвистического анализа, в кн.: Новое в лингвистике, в. 4, М., 1965; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Маслов Ю. С., Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка, «ВЯ», 1968, № 4; Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972; Кодухов В. И., Общее языкознание, М., 1974; Солнцев В. М., Язык как системно-структурное образование, 2 доп. изд., М., 1977.

В. И. Кодухов.

УСЛО́ВНОЕ НАКЛОНЕ́НИЕ — см. Наклонение.

УСТАРЕ́ВШИЕ СЛОВА — слова совр. рус. языка, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своём понятные носителям языка, напр.: *аршин*, *бонна*, *вран*, *конка*. По происхождению У. с. могут быть исконно русскими (*оный*, *сполох* —«тревога»), старославянскими (*вран* — «*ворон*», *вещать*, *лобзать*) и заимствованными из других языков (*вояж* — «путешествие»). В совокупности У. с. образуют в совр. рус. языке систему устаревшей лексики, сложность к-рой определяется различной степенью её устарелости, различными причинами архаизации и характером использования. По степени устарелости выделяются: а) слова, значение к-рых непонятно носителям совр. языка без соответствующих лексикографических справок (напр.: *локы* — «лужа», *скора* — «шкура», ср. *скорняк*); б) слова, понятные носителям совр. рус. языка, но находящиеся в составе пассивного словаря и употребляющиеся с определёнными, прежде всего стилистическими, целями. Многие У. с. сохраняются в устойчивых сочетаниях (напр.: *ни зги не видно*, *ни гласа ни воздыхания*).

В зависимости от причин архаизации У. с. делятся на два разряда: историзмы и архаизмы. Историзмы — слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий (напр., названия старинной одежды: *армяк*, *камзол*, *кафтан*). Историзмы не имеют синонимов в совр. рус. языке. Архаизмы — слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами. Выделяется два типа архаизмов. 1) Лексические архаизмы, включающие: а) собственно лексические архаизмы — слова, устаревшие целиком как определённые звуковые комплексы (*выя*, *даяние*, *крамола*); б) лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от синонимичного слова совр. языка только словообразовательным элементом, чаще всего суффиксом (*дружество* — *дружба*, *рыбарь* — *рыбак*); в) лексико-фонетические архаизмы, отличающиеся от совр. вариантов лишь несколькими звуками (*клоб* — *клуб*, *пиит* — *поэт*). 2) Семантические архаизмы — устаревшие значения существующих в активном словаре слов (напр., значение «зрелище» у слова *позор*, ср. совр. значение «бесчестье»).

У. с. различаются характером использования. Историзмы используются и как нейтральные слова — при необходимости назвать обозначавшиеся ими реалии (напр., в исторических работах), и как стилистическое средство. Архаизмы употребляются только с определёнными стилистическими целями: 1) в исторических романах, повестях — для воссоздания реальной исторической обстановки и речи героев (напр., в романе А. Н. Толстого «Пётр I»: «*Господа шведы, не лучше ли сей мир, чем Шлиссельбурга, Ниеншанца и Юрьева конфузные баталии?*»); 2) в публицистической и художественной речи — для создания высокоторжественного стиля (напр.: «*В терновом венце революций грядет шестнадцатый год*»— Маяковский); 3) для характеристики отрицательных явлений, как средство создания комического — иронии, сатиры, сарказма (напр.: «*Обыватель любопытен, все узнать бы о пиите*»— Маяковский; «*Вообще в Таганроге мода бегать с актерами, Многие недосчитываются своих жен и дщерей*»— Чехов).

У. с. могут вновь войти в активное употребление, приобретая при этом стилистический оттенок высокости или оттенок шутливости, ироничности (напр., совр. употребление слов *веление*, *изрыгать*, *возлежать*, *возлияние*, *отрок*).

Лит.: Григорьева А. Д., Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка, М., 1953; Шанский Н. М., Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка, «Рус. яз. в школе», 1954, № 3; Ахманова О. С., Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957; Ожегов С. И., Основные черты развития русского языка в советскую эпоху, в его кн.: Лексикология Лексикография. Культура речи, М., 1974; Калинин А. В., Лексика русского языка, 7 изд., [М.], 1978.

А. С. Белоусова.

У́СТНАЯ ПУБЛИ́ЧНАЯ РЕЧЬ — литературная речь разных форм публичных выступлений (доклад, лекция, сообщение, выступление в дискуссии, на общественном обсуждении к.-л. проблем и т. п.). У. п. р. обслуживает общение на темы отвлечённого (интеллектуализированного) и производственного характера. Отличительной её чертой является адре-

сованность большой аудитории. От устно-разговорной речи, обслуживающей самые различные бытовые ситуации, У. п. р. отличают однoплановость (интеллектуализированный характер) тематических циклов и ситуация протекания речи — публичный характер речевой деятельности. Сближают У. п. р. с устно-разговорной речью: 1) устная спонтанная форма осуществления (момент подготовленности обычно проявляется лишь в логико-композиционных особенностях её строения и употреблении отдельных клишированных выражений и конструкций; значительный процент полностью подготовленного текста переводит У. п. р. в область ораторской речи — речевого искусства, или риторики); 2) общий контингент носителей лит. языка, пользующихся в своей речевой практике обоими типами речи. Это даёт основание включать У. п. р. в состав устно-разговорной разновидности совр. рус. лит. языка в качестве её особой сферы наряду с обиходно-бытовой устно-разговорной речью. Некоторые исследователи, напротив, считают У. п. р. устной формой кодифицированного лит. языка.

В бытовой устно-разговорной речи одновременно осуществляются функции общения, сообщения и воздействия; в У. п. р., как и в книжно-письменной речи, преобладает функция сообщения (информативная).

Интеллектуализированный характер У. п. р. обусловливает её ориентацию на письменный текст к.-л. тематического цикла (ср.: доклад — статья, устное сообщение — заметка, лекция — раздел в учебнике и т. п.). Однако наиболее характерные приметы письменной формы речи (употребление длинных периодов, сложных предложений усложнённого состава с вводными и включёнными конструкциями, развитой системы вербальных средств скрепления предложений, длинных цепочек последовательно нанизываемых зависящих друг от друга словоформ род. п., именных конструкций, в состав к-рых входят формы разных падежей, сцеплений многих причастных и деепричастных оборотов, иерархически организованных главных и второстепенных предикатов, тщательный поиск нужного слова среди набора синонимов) ей противопоказаны, поскольку нарушают психологические законы продукции и рецепции устной речи. В устном тексте наблюдаются текстовые и лексические повторы, ассоциативные вставки и уточнения, употребление предложений неусложнённой структуры, простота субъектно-предикатных отношений, использование тропов и сравнений, приёмов адресации речи, слов субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, что отражает особенности зрительной и слуховой рецепции. Насыщенность информацией в устном тексте ниже, чем в письменном.

У. п. р. характеризуется особенностями как письменно-лит. стилей, так и устно-разговорной речи, занимая между ними промежуточное, пограничное положение. Ей свойственны и книжные и разговорные элементы. Речевой поток строится по законам устной формы речи.

Специфические черты письменной речи, а также крайние случаи выражения стилистически сниженной экспрессии обиходно-разговорной речи, недопустимые в У. п. р. как по соображениям этикета, так и из-за несоответствия коммуникативным задачам последней, оказываются в У. п. р. лишь в качестве иностилевых элементов.

Основной корпус средств У. п. р. составляют общелит., книжно-лит., письменно-лит., разговорно-лит. и устно-лит. средства. Ей свойственны также употребляемые лишь в этом типе лит. речи средства, формулы и обороты. Типология соотношения общелит. и других названных языковых средств в её составе не изучена.

Устность обусловливает принципиальную необходимость использования в У. п. р. устно-речевых средств, в т. ч. и устно-разговорных типизированных синтаксических построений. Ситуативный фактор публичности влияет на характер распределённости и представленности в ней этих средств. Строение речевого потока в У. п. р. и его членение определяются её развёрнуто-монологическим характером. Здесь преобладают пространные тексты, значительно превышающие по протяжённости тексты обиходно-разговорные. Монологическая форма организации свойственна и обиходно-разговорной лит. речи, однако в ней эта форма представлена меньшими по протяжённости (размеру) текстами. Элементы диалога, характерного для устно-разговорной речи, присутствуют и в У. п. р., но занимают в ней подчинённое положение.

В У. п. р. линейное продвижение речи осуществляется не только посредством моделированных законченных предложений, но и посредством нек-рых групп (сегментов) небольшой глубины, ограничиваемых справа и слева средствами интонационного членения и не обязательно имеющих признаки синтаксической завершённости. Сегмент как единица членения речевого потока присущ У. п. р. в силу её преим. монологического характера и может рассматриваться как её специфическая принадлежность. По своей синтаксической организации эти сегменты могут совпасть как с предложением, так и со словосочетанием, а также с частью словосочетания и даже с отдельным словом. Ср.: *«Вот какие собственно говоря показатели | сейчас устанавливаются | Я повторяю можно их оспаривать*

// но / практика пока́зывает // если вы сделали в системе большой ввод / стотысячный / но не организовали / не нашли тех самых точек соприкосновения с системами управления / с системами автоматизированного проектирования // с системами / просто проекти́рования и разрабо́ток / с тем чтобы получить достаточно / большой / вход / по запросам / чтобы система эксплуатировалась / система не получается // система не получается / ...» (из лекции «Проблемы автоматизированной обработки системы научно-технической информации»).

Сегментация речевого потока (см. Речевой поток) в У. п. р. обусловливает наличие в ней синтаксических построений трёх типов: общелитературных, общелитературных, меняющих свою структурную схему в ходе линейного добавления членов или нарушающих её, и специфически устно-разговорных. Смещение синтаксической перспективы высказывания может касаться и строения всего отрезка речи (ср.: «*а вот сейчас / наш последний съёмочный день был недавно / и мы...*»— телеинтервью), и порядка слов (ср.: «*В этом вот первая ошибка возможная такая / родителей*» —телевыступление), оно может выражаться в отказе от продолжения начатой конструкции (ср.: «*Когда мы разговаривали с ним / то это и ученый достойный...*» — выступление на заседании).

Почти любое явление синтаксиса имеет в У. п. р. свои особенности, и если эти особенности не касаются структурной схемы явления (т. е. не носят качественный характер), то они неизбежно затрагивают распределённость общелит. явления (т. е. носят количественный характер),что проявляется в большей или меньшей частотности явления сравнительно с общелит. сферой. Это касается и особенностей глагольного управления, и соотношения глагольных и глагольно-именных конструкций, и соотношения типов актуального членения, и порядка слов в отдельных синтаксических группах, и употребления причастных и деепричастных оборотов. Так, напр., в области синтаксиса сложного предложения со значением причины наблюдается наличие не всех семантических типов, а лишь собственно причинных и с причинным обоснованием действия, причём предпочитается постпозиция придаточной части, из всей группы причинных союзов избираются лишь немногие (*поскольку*, *так как*, *потому что*).

Устно-разговорные синтаксические модели оказываются характерной принадлежностью У. п. р. Это конструкции с именительным темы, бессоюзного подчинения, вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей, конструкции наложения, двупредикативные конструкции с *кто*. Эти модели представлены в У. п. р. в меньшей пропорции относительно общелит. моделей, чем в обиходно-бытовой речи, и не во всём составе своих модификаций.

Лексические особенности У. п. р. сравнительно с письменно-лит. книжной речью касаются степени её лексического разнообразия, соотношения терминологической и нетерминологической лексики и лексики абстрактного и конкретного значения, а также именной и глагольной лексики. Здесь наблюдаются особенности правой и левой сочетаемости слова, процессов десемантизации слова, сужения или расширения его семантических границ, утраты ряда общелит. значений и возникновения новых, специфических. С необходимостью избегать длительного поиска слова связаны постоянно встречающиеся лексические повторы, особенно частотные в случае употребления слов обобщённого значения и полузнаменательного характера.

В У. п. р. наблюдается избирательность общелит. словообразовательных моделей. В отличие от книжно-письменной сферы (в частности, письменно-научной речи) в У. п. р. наблюдаются нек-рые устно-разговорные формы (напр., уменьшительные).

Морфологические особенности У. п. р. касаются соотношения и функций разрядов и классов слов, напр. качественных и относительных прилагательных, наблюдаемых в результате окачествления относительных прилагательных и, обратно, развития некачественных значений у качественных, полнозначных и десемантизированных глаголов, глаголов и существительных конкретной и широкой семантики. Особенности формоизменения касаются соотношений внутри форм категорий падежа, числа, времени, вида.

Фонетическая нечёткость звуковых сигналов, в частности при произнесении отдельных словоформ, ведёт в У. п. р. к возникновению звуковой омонимии разных синтактико-морфологических форм. Смешиваются родовые и падежные окончания, особенно у прилагательных, местоимений и причастий, предлоги, просто созвучные слова, могут почти не звучать связки. Всё это ведёт к неполному соблюдению норм именного склонения лит. языка. В отличие от ораторской и дикторской речи в У. п. р. не всегда представлен «полный» стиль произношения, часты случаи неотчётливой артикуляции и сильной редукции.

Нормативный аспект особенностей У. п. р. не изучен. В ней, как и в устно-разговорной речи в целом, представлены нормы троякого плана — общелит., общелит. изменённые и нормы собственно У. п. р. (к-рые могут быть как специфическими, так и восходить к нормам лите-

ратурно-разговорным или книжно-литературным). Встречаются и ненормативные образования.

Лит. Костомаров В. Г., О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный», в сб.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова, М., 1965; Земская Е. А., О некоторых дискуссионных вопросах теории разговорной речи, в сб.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, в. 5, Горький, 1974; Шмелев Д. Н., Русский язык в его функциональных разновидностях, М., 1977; Лаптева О. А., Русский разговорный синтаксис, М., 1976; её же, Современная русская публичная речь в свете теории стиля, «ВЯ», 1978, № 1.

О. А. Лаптева.

У́СТНАЯ РЕЧЬ, речь звучащая, произносимая,—форма существования языка, противопоставленная письменной речи (см.). У. р. является первичной формой существования языка. Для языков, не имеющих письменности, это единственная форма их существования. Кроме того, нек-рые виды речи и тех языков, к-рые имеют письменность, напр. территориальные диалекты (см.) и городское просторечие (см.), функционируют только в форме У. р. Рус. лит. язык имеет две основные формы существования: устную и письменную, причём для разговорной лит. речи устная форма является единственной, тогда как книжная речь (см.) функционирует и в письменной и в устной форме (доклад, лекция, выступления на собрании, по радио, телевидению и другие виды массовой коммуникации).

В устной разговорной речи имеется ряд особенностей: обилие незаконченных синтаксических построений, самоперебивы, подхваты, повторы, конструкции с именительным темы и т. п.

Е. А. Земская.

УСТО́ЙЧИВОЕ СЛОВОСОЧЕТА́НИЕ — то же, что Фразеологизм.

УЧЕ́БНИКИ РУ́ССКОГО ЯЗЫКА́. В Древней Руси для обучения грамоте использовались богослужебные книги («Псалтырь», «Часослов» и др.), к-рые служили и учебником грамоты, и книгой для чтения. Эти руководства были рукописными и содержали описание слав. грамматики. В 15—16 вв. были известны рукописные грамматики церковнослав. языка Иоанна Дамаскина «Книга философская о осмих частех слова» (т. е. о частях речи) и грамматика, составленная в 1522 Дмитрием Толмачом по образцу «Грамматики» Доната (римского грамматиста 4 в.).

Первым печатным учебником слав. грамоты была Азбука (букварь) Ивана Фёдорова (1574), написанная кириллов-скими буквами. В основу Азбуки положен распространённый в то время буквослагательный метод обучения грамоте. Она состояла из двух частей: собственно азбуки (алфавит, слоги, простейшие приме-ры правописания и нек-рые грамматические сведения) и текстов для чтения нравственного и воспитательного характера (молитвы, извлечения из притч, наставления и т. д.). Многие печатные и рукописные азбуки (буквари), созданные в 17 в., в т. ч. буквари Василия Бурцова (1634), Симеона Полоцкого («Букварь языка словенска...», 1679), Кариона Истомина («Букварь славянороссийских писмен...», 1694), сохраняли построение Азбуки Ивана Фёдорова. Карион Истомин, отстаивая передовые педагогические взгляды того времени, создал также иллюстрированный букварь, в к-ром не было ни религиозных текстов, ни назидательных наставлений.

В 16—18 вв. появляется несколько печатных грамматик, наиболее известными из к-рых были «Грамматика словенская» (1596) Лаврентия Зизания и «Грамматики словенскія правилное синтагма» (1619) Мелетия Смотрицкого. Подражая греколат. образцам, нек-рые из этих грамматик излагали учебный материал в форме вопросов и ответов. По традиции грамматики состояли из четырёх частей: правописание, припевание (просодия), правословие (этимология) и сочинение (синтаксис). В «Грамматике славянской в кратце...» (1723) Ф. Максимова и в грамматике В. Е. Адодурова (1731) делается попытка отойти от ст.-слав. речи и приблизиться к русской.

«Российская грамматика» (1755, опубл. 1757) М. В. Ломоносова была первой научной грамматикой рус. языка. Она состояла из шести наставлений описательно-нормативного характера: о человеческом слове вообще, о чтении и правописании российском, об имени, о глаголе, о вспомогательных или служебных частях слова, о сочинении частей слова. Под влиянием «Российской грамматики» в кон. 18 — нач. 19 вв. составлялись грамматики рус. языка: «Российская универсальная грамматика или вообще писмословие...» (1769), «Грамматика Российская...» (1769) Н. Курганова, переиздававшаяся под названием «Писмовник...»; «Краткие правила российской грамматики... для гимназий» (1771) и «Обстоятельная российская грамматика» (1783—88) А. А. Барсова, получившая распространение в рукописи, и др. Все эти руководства состояли из четырёх частей (правописание, словопроизводство, словосочинение и слогоударение). В нек-рых учебниках (Барсова) давались небольшие методические указания.

В нач. 19 в. в России по образцу Зап. Европы появилась всеобщая (философская) грамматика, к-рая содержала общие сведения о языке, о происхождении речи и письма, об отношении слов к понятиям, о различных грамматических категориях (таковы грамматики Н. И. Язвицкого, 1810; И. Орнатовского, 1810; И. Ф. Тим-

ковского, 1811; Л. Г. Якоба, 1812, и др.). Всеобщая грамматика, опиравшаяся на начала формальной логики, была непригодна для учебных целей, и в кон. 20-х гг. 19 в. от неё отказались. Отдельные её положения находили отражение в учебниках, создававшихся в сер. 19 в. Большим признанием в это время пользовались «Практическая русская грамматика» (1827) Н. И. Греча, содержащая в основном правила правописания с примерами, а также «Русская грамматика... полнее изложенная» (1831) и «Сокращенная русская грамматика» (1831) А. Х. Востокова. Две последние составили этап в развитии русской грамматической мысли.

Нек-рые У. р. я., издававшиеся в 19 в., были также проводниками революционно-демократических идей, напр. запрещённый цензурой «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» (1865) И. А. Худякова.

Начиная с сер. 19 в. и в нач. 20 в. У. р. я. создавались под влиянием направлений, возникших в языкознании: логико-грамматического, психологического и формально-грамматического. У. р. я. логико-грамматического направления, влияние к-рого на школу было особенно сильным, на первый план выдвигали смысловую сторону языка и речи, что было важно для развития логического мышления учащихся. Изучение грамматики в них начинается с предложения; морфология тесно связана с синтаксисом. Однако эти учебники часто смешивали логические категории с грамматическими, а иногда подменяли их. Эти учебники по содержанию и структуре были неоднородны. Одни из них включали только теоретический материал по грамматике с перечислением правил правописания — учебники К. Г. Говорова (1862), А. И. Кирпичникова и Ф. А. Гилярова (1867), Л. И. Поливанова (1874), К. А. Козьмина (1884), А. Г. Преображенского (1885), П. В. Смирновского (1885—88) и др. Другие давали также тексты для разбора и упражнения, гл. обр. направленные на выработку у школьников правописных навыков,— учебники П. М. Перевлесского (1854—55), К. Ф. Петрова (1880, 1882), Ф. Х. Абраменко (1907) и др. Среди учебников этого направления особое место занимают «Опыт исторической грамматики русского языка для средних учебных заведений» (1858) Ф. И. Буслаева, к-рый, принципиально отличаясь от принятых в то время школьных руководств, содержит историческое освещение разных сторон грамматического строя рус. языка, а также «Родное слово. Год третий. Первоначальная практическая грамматика с хрестоматиею» (1870) К. Д. Ушинского, где содержится практическая грамматика, в т. ч. разбор предложений и целых произведений, и «грамматическая хрестоматия». Способ изложения учебного материала — наблюдение над грамматическими законами.

У. р. я., составленные представителями психологического направления, пытались связать преподавание научного синтаксиса с психологией и историей рус. языка. Уделяя большое внимание синтаксису, эти учебники в основном были рассчитаны на учащихся старших классов — учебники А. А. Дмитревского (1881), Д. Н. Овсянико-Куликовского (1912), Е. Ф. Будде (1913) и др. К ним примыкают учебные руководства В. Харциева (1909) и С. А. Новиковой (1909), к-рые не содержат правил и определений; путём специально подобранных примеров, вопросов и задач учащихся подводят к грамматическим выводам. Большого влияния на преподавание русского языка в школе психологическое направление не оказало.

Учебники, отражавшие формально-грамматическую точку зрения на язык, получили широкое распространение в первые годы жизни сов. школы — учебники С. Горового (1922), П. А. Дуделя (1924), А. М. Пешковского (1925, 1926), С. И. Абакумова (1923, 1929 и 1930), Ф. А. Фридлянд, Е. Г. Шалыт (1924), А. Б. Шапиро (1925), Д. Н. Ушакова (1926) и др. Различные по содержанию, структуре и характеру изложения материала, они включали в основном грамматику, орфографию, пунктуацию, а в нек-рых случаях — развитие речи. В грамматике изучались формы слова и структура предложения; раздел «Части речи» начинался с предлога и союза. Орфография и пунктуация не связывались с грамматикой. Основным способом изложения учебного материала был метод наблюдения над языком.

Нек-рые учебники представляли собой синтез логико-грамматического и формального направлений. Таковы грамматики Н. К. Кульмана (1913), Е. Б. Соколова (1917), Н. С. Державина (1918), В. В. Данилова (1923), Н. Н. Дурново (1924) и др.

Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933) поставило задачу подготовить стабильные учебники, соответствующие новым учебным программам, новым целям и задачам обучения и воспитания учащихся сов. школы. Первыми стабильными учебниками были: П. О. Афанасьев, И. Н. Шапошников, «Учебник русского языка для начальной школы. (Грамматика и правописание)», ч. 1, 1—2-й год обучения, ч. 2, 3—4-й год обучения.

Учебники для начальной школы (Н. А. Костина; В. Г. Полякова и В. М. Чистякова; М. Л. Закожурниковой и Н. С. Рождественского), несколько изменённые по структуре, объёму учебного материала, оставались по своим принципиальным установкам близкими друг другу. Учеб-

ник А. Б. Шапиро «Грамматика» (первый стабильный учебник для средней школы) по традиции состоял из двух частей: систематического изложения курса грамматики, орфографии и пунктуации и упражнений. Трудность нек-рых грамматических определений, однообразие упражнений, отсутствие заданий по развитию речи привели к замене этого учебника в 1938 учебником С. Г. Бархударова («Грамматика русского языка», ч. 1 и 2; ч. 1 в соавторстве с Е. И. Досычевой), с 1944 выходившим под ред. акад. Л. В. Щербы.

Усиление практической направленности в изучении школьных предметов привело к созданию в 1953 стабильного учебника С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова («Учебник русского языка», ч. 1. Фонетика и морфология для 5—6 классов, ч. 2. Синтаксис для 6—8 классов), в к-ром была сокращена теоретическая часть и увеличен практический материал — упражнения. В отличие от предыдущих этот учебник в основном был построен на логико-грамматической основе, большое внимание в нём уделялось изучению словосочетаний, словообразования, лексики, гл. обр. трудной в орфографическом отношении.

В связи с введением в 70-е гг. в общеобразовательную школу новых учебных программ, стремлением привести уровень образования учащихся в соответствие с новыми задачами коммунистического строительства были подготовлены новые учебники: М. Л. Закожурникова, Ф. Д. Костенко, Н. С. Рождественский, «Русский язык» для 1-го класса (1965) и для 2-го класса (1969); М. Л. Закожурникова, В. А. Кустарева, Н. С. Рождественский, «Русский язык» для 3-го класса (1970); Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова, «Русский язык» для 4-го класса (1970); М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова, «Русский язык» для 5-го класса (1969) и для 6-го класса (1972); С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко, «Русский язык» для 7—8-*х* классов (1973).

Учебники для начальных классов включают материал по грамматике, по расширению словарного запаса учащихся, по произношению, правописанию и развитию связной речи. Основную часть этих учебников составляют разнообразные упражнения. При изложении учебного материала использованы методические приёмы: анализ и синтез, аналогия и противопоставление, индукция и дедукция.

Учебники для средней школы направлены на изучение рус. языка «во всей совокупности его проявлений» (А. А. Шахматов) как определённой системы знаний о языке. Они учат мыслить, развивают познавательную активность и творческие способности учащихся. В основу этих учебников положен структурно-семантический принцип изложения учебного материала. Для старших классов используется «Пособие для занятий по русскому языку» В. Ф. Грекова, С. Е. Крючкова, Л. А. Чешко (1952).

Учебники русского языка для национальной школы. В дореволюционной России рус. язык в нерус. школах использовался как одно из средств русификации национальных меньшинств. Большинство народов России (значительная часть тюркских, финно-угорских, иранских и кавказских народов, а также народов Крайнего Севера) не имело своей письменности. При обучении рус. языку использовались учебники для рус. школ (Д. И. Тихомирова, Л. И. Поливанова, К. Д. Ушинского Л. Н. Толстого и др.). Немногочисленные учебники рус. языка для национальных школ в основном создавались под влиянием практики составления аналогичных учебников для рус. школ. Распространёнными в то время были учебники: «Русское слово или классное руководство к русскому языку для грузинских школ» (ч. 1—2, 1887) Я. С. Гогебашвили; «Самоучитель русской грамоты для киргизов» (1861) Н. И. Ильминского; «Русская азбука для первоначального чтения в русском языке» (1889) Каюм Насыри для тат. школ и др.

Окт. революция 1917 изменила отношения между рус. и родным языком нерус. национальностей. Рус. язык стал языком межнационального общения народов СССР. Многие ранее бесписьменные народы СССР создали свою письменность, получили возможность учиться на родном языке. За годы Сов. власти были созданы комплекты учебников по рус. языку для каждой из национальностей СССР с опорой на родной язык (учёт фонетических и грамматико-орфографических особенностей рус. языка по сравнению с родным языком). Ведётся систематическая работа по дальнейшему научному и методическому совершенствованию содержания учебников.

Для старших классов нерус. школ автономных республик и областей РСФСР был создан учебник А. С. Матийченко («Учебник русского языка», ч. 1. Фонетика и морфология, ч. 2. Синтаксис, содержащий элементарный курс грамматики русского языка, 1948). В дальнейшем этот учебник был заменён учебником «Русский язык» (1969) К. А. Гадельшина, М. Н. Мангадаева, Г. Н. Никольской и др. под ред. С. Г. Бархударова и К. А. Гадельшина. Учебник включает систему начальных сведений о языке, культуре речи, об орфоэпии, орфографии, о грамматике и стилистике рус. языка. Для

старших классов национальных школ было издано учебное пособие «Русское слово» (1965) Э. А. Бейкмана, Б. Ф. Инфантьева, Е. К. Францман, состоящее из двух основных разделов: 1) лексика, 2) части речи и члены предложения.

В связи с введением в общеобразовательную школу в 70-х гг. новых программ наряду с учебниками рус. языка применительно к отдельным национальным языкам стали издаваться учебники по языковым группам: 1) абхазско-адыгская группа с рус. языком обучения: М. Х. Барагунов и др., «Букварь» (1965); М. Х. Барагунов и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1966); М. Х. Барагунов, Н. Б. Экба, «Русский язык», учебник для 1-го класса (1971); 2) финно-угорская группа с рус. языком обучения: М. И. Сажина, «Букварь» (1975); И. В. Баранников, А. Ф. Бойцова, Т. М. Караева и др., «Русский язык», учебник для 1-го класса (1967); И. В. Баранников, А. Ф. Бойцова, Л. А. Варковицкая, «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); М. И. Сажина, И. А. Исаева, А. Ф. Дедюхина, «Русский язык», учебник для 3-го класса (1969); 3) тюркская группа с рус. языком обучения: М. З. Ахиярова, «Русский язык», учебник для 1-го класса (1967); М. З. Ахиярова, «Букварь» (1970); Р. В. Альмухаметов и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); М. З. Ахиярова и др., «Русский язык», учебник для 2-го класса (1969); Р. В. Альмухаметов и др., «Русский язык», учебник для 3-го класса (1970).

Кроме того, были созданы единые учебные пособия по рус. языку для национальной восьмилетней школы РСФСР: Е. А. Меньшикова и др., «Русский язык», учебное пособие для 4-го класса (1970); Н. З. Бакеева, А. Т. Басиева, Т. Г. Гаврилова и др., «Русский язык», учебное пособие для 5—6-х классов (1971); Р. Б. Сабаткоев, М. М. Михайлов, З. Ф. Барцева и др., «Русский язык», учебное пособие для 7—8-х классов (1973) и др.

Лит.: Народное образование в СССР. Сб. документов 1917—1973, М., 1974; Крупская Н. К., Учебник в массовой школе. Какой нам нужен учебник. Национальный учебник, Пед. соч. в 10 тт., т. 3, М., 1959; её же, Об учебниках, там же, т. 10, М., 1962; Морозов В. В., Из истории советского учебника, «За большевистский учебник», 1931, № 10—11; Константинов Н. А., Струминский В. Я., Очерки по истории начального образования в России, М., 1953; Щерба Л. В., Система учебников и учебных пособий по русскому языку в средней школе, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1957; Гадельшин К., Национальным школам — содержательные учебники русского языка, «Рус. яз. в нац. школе», 1960, № 3; Добромыслов В. А., Об учебниках по русскому языку для 5—8 классов восьмилетней школы, «Рус. яз. в школе», 1961, № 3; Крючков С. Е., О системе и типе школьных учебников по русскому языку, «Рус. яз. в школе», 1961, № 2; Чистяков В. М., О системе учебников по русскому языку для национальных школ, «Рус. яз. в нац. школе», 1961, № 3; Советкин Ф. Ф., О новых научно-методических требованиях к учебникам русского языка для национальных школ, в кн.: Родной и русский язык в национальной школе, под ред. В. В. Решетова и Ф. Ф. Советкина, М., 1962; Кудрявцев В. Д., Школьные грамматики русского языка, Улан-Удэ, 1965; Жуйков С. Ф., Психологические требования к учебникам русского языка для начальных классов, «Советская педагогика», 1968, № 3; Проблемы школьного учебника Сб. ст., в. 1—6, М., 1974—78

А. В. Прудникова.

УШАКО́В Дмитрий Николаевич [12 (24).1.1873, Москва,— 17.4.1942, Ташкент]—сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1939). Окончил Московский ун-т (1895), ученик Ф. Ф. Фортунатова. Преподавал во многих московских вузах. Проф. МГУ (где преподавал с 1907 до конца жизни), проф. Ин-та философии, лит-ры и истории (МИФЛИ, с 1935). Работы по общему языкознанию, диалектологии, истории рус. языка, орфографии, орфоэпии, лексикографии. С 1903 по 1915 был заместителем председателя, а в 1915—31 председателем московской диалектологической комиссии при АН СССР. Один из организаторов и редакторов известного «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915).

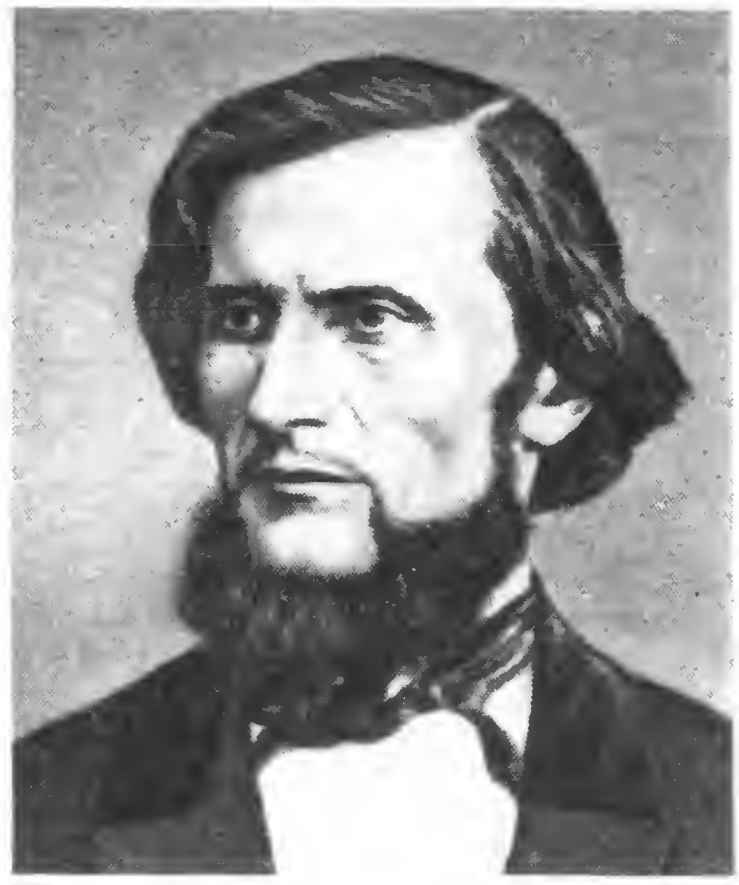
В книге «Русское правописание» (1911) показал соотношение между рус. лит. произношением и существовавшим тогда правописанием и обосновал необходимость реформы последнего. Был активным участником составления проекта орфографической реформы 1917—18. В статье «Русская орфоэпия и ее задачи» (1928) описал нормы правильного (московского) лит. произношения. У.— составитель и гл. ред. «Толкового словаря русского

языка» (т. 1—4, 1934—40), работа над к-рым была начата по предложению В. И. Ленина (см. Толковый словарь).

Участвовал в составлении программ и учебников по рус. языку для начальной, средней и высшей школы. «Краткое введение в науку о языке» У. (1913, 9 изд., 1927) имело большой успех как пособие по общему языкознанию. Составил «Орфографический словарь русского языка» (1934), к-рый до 1940 выдержал 6 изданий (с 7-го издания — в соавторстве с С. Е. Крючковым; в 1976 вышло 31 издание словаря).

Лит.: Аванесов Р. И., Дмитрий Николаевич Ушаков. (К 100-летию со дня рождения), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1973, т. 32, в. 2; Бернштейн С. Б., Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний), «Вестник МГУ. Серия 10. Филология», 1973, № 1; Реформатский А. А., Дмитрий Николаевич Ушаков. (К 100-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1973, № 1; Филин Ф. П., Рыцарь слова. К 100-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова, «Советская Россия», 1973, 25 янв.; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 3, Минск, 1978.

УШИ́НСКИЙ Константин Дмитриевич [19.2(2.3).1824, Тула,— 22.12.1870 (3.1.1871), Одесса]— рус. педагог, основоположник научной педагогики в России. Окончил Московский ун-т (1844). Инспектор Гатчинского николаевского сиротского ин-та (1855—59), Смольного ин-та (1859—62), ред. «Журнала Министерства народного просвещения» (1860—61). После политического доноса вынужден был оставить редактирование журнала и службу в Смольном институте, жил в 1862—67 за границей, изучал школьное дело. В основу созданной им педагогической системы положил принцип народности воспитания — признание исторической роли трудового народа и его права на полноценное образование. Он выступал за всеобщее обязательное обучение детей на родном языке. В дидактич. системе У. проблема обучения рус. языку занимала одно из центральных мест. Он был убеждён, что родное слово есть основа умственного развития. Обучение детей рус. языку должно преследовать три цели: 1) развить в детях дар слова, 2) ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка, 3) помочь им усвоить грамматические законы рус. языка в их логической системе. У. рекомендовал начинать обучение рус. языку с написаний, соответствующих произношению. Он придавал большое значение грамматике, считал, что она обогащает самосознание, помогает логически организовать мышление. Составил школьный курс рус. грамматики (1864).



Соч.: Собр. соч., т. 1—11, М., 1948—1952.

Лит.: Чернышев В. И., К. Д. Ушинский и его труды в отношении русского языка и русской литературы, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1946, т. 5, в. 1; Петерсон М. Н., К. Д. Ушинский и русский язык, «Докл. и сообщения филологич. ф-та МГУ», 1947, в. 2; Текучев А. В., Сын Земли русской. (К 150-летию со дня рождения К. Д. Ушинского), «Рус. речь», 1974, № 2.

Ф, ф — двадцать вторая буква рус. алфавита. Её название [*эф*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ф*, *строчное ф*. Буква *Ф*, *ф* обозначает палатализованную (мягкую)— перед буквами *е*, *ё*, *и*, *ю*, *я*, *ь*— и непалатализованную (твёрдую) согласные фонемы [*ф'*], [*ф*] (см. Согласные): *ферзь* [*ф'ерс'*], *Фёдор* [*Ф'о́дър*], *фи́зика* [*ф'и́з'икъ*], *флюс* [*фл'ус*], *верфь* [*в'ер'ф'*], *шкаф* [*шкаф*], *фа́ра* [*фа́ръ*], *тайфу́н* [*т^ифу́н*].

Буква *Ф*, *ф* употребляется в составе некоторых сокращений: *Ф. и. о.*— фамилия, имя, отчество (на бланках), *ФБР* — Федеральное бюро расследований (США), *ФРГ* — Федеративная Республика Германии, *ф. ст.* — фунт стерлингов.

По начертанию восходит к букве «ферт» (*Ф*) кириллицы (см.), где имела также цифровое значение «пятьсот». Название и детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ФЁДОРОВ Иван, Иван Фёдоров Москвитин [около 1510, центральная часть России,— 5(15).12.1583, Львов, похоронен в Онуфриевом монастыре],— русский типограф, основатель книгопечатания в России и на Украине. Был дьяконом церкви Николы Гостунского в Московском Кремле. Автор наиболее раннего рус. датированного руководства для начального обучения чтению и грамматике церковнослав. языка, известного под названием Букварь (Азбука, Грамматика, 1574; оригинал хранится в библиотеке Гарвардского ун-та, США; юбилейное издание в СССР — 1974). Букварь содержит в первой части азбуку («А сия азбука от книги осмочастные, сиречь грамматики»), к-рая включает образцы спряжения глаголов действительного и страдательного залогов. В разделе «По просодии» Ф. указывает на роль ударения в различении слов и грамматических

Памятник первопечатнику Ивану Фёдорову в Москве (скульптор С. М. Волнухин).

форм. Раздел «По ортографии» даёт представление о системе падежных окончаний существительных и прилагательных. Посвятив букварь «христианскому русскому народу греческого закона», Ф. подчеркнул родственную близость всех восточнослав. народов, отразил в учебнике последние достижения современной ему рус. педагогической мысли. Вместе с Петром Мстиславцем Ф. напечатал книгу «Апостол» (1564)— первую рус. датированную печатную книгу, а также «Евангелие учительное» (1569) и «Псалтырь» (1570). В 1909 в Москве открыт памятник Ф. (скульптор С. М. Волнухин).

Лит.: Быкова Т. А., Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1955, т. 14, в. 5; Кузнецов П. С., Букварь Ивана Федорова, «ВЯ», 1956, № 2; Лукьяненко В. И., Азбука Ивана Федорова, её источники и видовые особенности, «Труды Отдела древнерусской литературы», 1960, т. 16; Прибытков В., Иван Федоров, М., 1964; Немировский Е., Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров, М., 1964; его же, Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров, М., 1974.

ФИГУРЫ РЕЧИ, риторические, стилистические фигуры,— в широком смысле: любые языковые средства, включая тропы (см.), придающие речи образность и выразительность; в узком смысле: синтагматически (см. Синтагматика) образуемые средства выразительности. Ф. р. (в узком смысле) мо-

гут быть разделены на семантические и синтаксические. Семантические Ф. р. образуются соединением слов, словосочетаний, предложений или более крупных отрезков текста. К ним относятся сравнение (см.), климакс, антиклимакс, зевгма, каламбур (см.), антитеза (см.) и оксюморон. Климаксом (восходящей градацией, нарастанием) называется Ф. р., состоящая из двух или более значимых единиц, размещённых по возрастающей интенсивности (*Я вас прошу, я вас очень прошу, я вас умоляю*). Антиклимакс (нисходящая градация)— Ф. р., обратная климаксу, она создаёт комический эффект путём нарушения принципа «нарастания», лежащего в основе климакса: понятие, объективно незначительное, следует за более значительными понятиями: «*Дама, не боящаяся самого дьявола и даже мыши*» (Твен); *Это ложь и не совсем так*. Термин зевгма употребляется в двух значениях: 1) синтаксический приём экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз — в начале, в середине или в конце высказывания. Соответственно различают протозевгму (*Один ведёрком черпает, другой — шапкой, третий —горстями*), мезозевгму (*Один — ведёрком, другой шапкой черпает, третий — горстями*), гипозевгму (*Один — ведёрком, другой — шапкой, третий горстями черпает*): 2) Ф. р., создающая юмористический эффект в силу грамматической или семантической разнородности и несовместимости сочетаний, образующихся способом, указанным в 1-м значении: *Он пил чай с женой, с лимоном и с удовольствием; Шёл дождь и три студента, первый — в пальто, второй — в университет, третий — в плохом настроении*. Оксюморон — семантическая Ф. р., состоящая в приписывании понятию несовместимого с этим понятием признака, в сочетании противоположных по смыслу понятий, к-рое представляется абсурдным, но на деле вскрывает противоречивую природу объекта описания: *живой труп, молодые старички, спеши медленно*.

Синтаксические Ф. р. образуются путём особого стилистически значимого построения словосочетания, предложения или группы предложений в тексте. В синтаксических Ф. р. главную роль играет синтаксическая форма, хотя характер стилистического эффекта в значительной мере зависит от лексического (смыслового) наполнения. По количественному составу синтаксических конструкций различаются «фигуры убавления» (эллипсис, см., апосиопе́за, просиопе́за, апокойну́, аси́ндетон, т. е. бессоюзная связь) и «фигуры добавления» (повтор, анадиплóзис, прóлепса, полиси́ндетон, или многосоюзие).

Апосиопезой (апозиопезисом) называется умышленно не завершённое высказывание (в терминологии старых риторик «фигура умолчания»), напр.: *Вот он вернётся и тогда...* Просиопеза (прозиопезис)— это опущение начальной части высказывания, гл. обр. начального слова в устойчивом словосочетании (употребление отчества *Кузьмич, Лукинична* вместо имени и отчества *Иван Кузьмич, Мария Лукинична*). Апокойну — свойственное разговорной речи объединение двух предложений в одно высказывание, содержащее общий член (напр., подлежащее: *Там сидит человек тебя ждёт*).

Анадиплозис (эпаналепсис, подхват) представляет собой Ф. р., построенную таким образом, что слово или группа слов, заключающая сегмент текста (предложение, стихотворную строку), повторяется в начале следующего сегмента: «*Придет оно, большое как глоток,— Глоток воды во время зноя летнего*» (Рождественский). Пролепсой (пролепсисом) называется Ф. р., состоящая в одновременном употреблении существительного и заменяющего его местоимения: *Кофе-то, он горячий; Иванова и Сидорова — этих мы позовём*.

По расположению компонентов синтаксической конструкции выделяют различные виды инверсии (см.). Расширение функции синтаксической конструкции лежит в основе риторического вопроса (см.). На взаимодействии (уподоблении или расподоблении) структур синтаксических конструкций, совместно встречающихся в тексте, основываются параллелизм, хиазм, анафора, эпифора, симплока.

Параллелизм — Ф. р., заключающаяся в тождественности синтаксического строения двух или более смежных отрезков текста: «*В каком году — рассчитывай, В какой земле — угадывай...*» (Некрасов). Хиазм образуется «перекрещиванием», переменой позиций повторяющихся компонентов двух смежных отрезков текста: *Мышка боится Мишки — Мишка боится Мышки*. Хиазм нередко используется в заголовках книг, статей и т. п. («Поэзия грамматики и грамматика поэзии»— Якобсон). Принцип хиазма использован К. Марксом в заглавии его труда «Нищета философии», подвергающего критике «Философию нищеты» Прудона. Анафорой (единоначатием) называется Ф. р., состоящая в повторении начальных частей (слова, словосочетания, предложения) двух или более относительно самостоятельных отрезков речи: «*Свалился... А то-то был в силе! Свалился... не минуть и нам...*» (Некрасов). Эпифора противополож-

на анафоре по позиции повторяющихся элементов, состоит в повторении конечных частей двух или более относительно самостоятельных отрезков речи: «*Не станет нас! А миру хоть бы что. Исчезнет след! А миру хоть бы что*» (Хайам). Симплока образуется сочетанием анафоры и эпифоры: смежные отрезки текста имеют одинаковые начальные и конечные элементы (*Этот человек сделал всё, чтобы увидеть вас, этот человек специально приехал, чтобы увидеть вас*).

Лит.: Античные теории языка и стиля, М.— Л., 1936; Рыбникова М. А., Введение в стилистику, М., 1937; Тимофеев Л. И., Теория литературы, М., 1948; Винокур Г. О., Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Гвоздев А. Н., Очерки по стилистике русского языка, 3 изд., М., 1965; Скребнев Ю. М., Очерк теории стилистики, Горький, 1975.

Ю. М. Скребнев.

ФИ́ЛИН Федот Петрович [р. 23. 2(7.3).1908, дер. Селино Одоевского уезда Тульской губ., ныне Дубенского р-на Тульской обл.]— сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1962). Чл. КПСС с 1939. Окончил Московский пед. ин-т им. В. И. Ленина (1931), д-р филологических наук (1947), проф. (1948). Директор Ин-та языкознания АН СССР (1964—68), директор Ин-та рус. языка АН СССР (с 1968), гл. ред. журнала «Вопросы языкознания» (с 1971). Труды по исторической лексикологии, лексикографии рус. языка, этногенезу славян, диалектологии и лингвистической географии, общему языкознанию, социолингвистике. Ф. вместе с М. Д. Мальцевым подготовил «Лингвистический атлас района озера Селигер» (1949), к-рый был первым опытом создания диалектологического атласа рус. языка. В книгах «Очерк истории русского языка до XIV столетия» (1940), «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1949) были освещены общие вопросы развития др.-рус. словарного состава и проблемы его диалектного расслоения. Монография «Образование языка восточных славян» (1962) посвящена проблеме происхождения славян, слав. языков вообще, восточных славян и др.-рус. языка в частности. Проблеме истории складывания трёх отдельных восточнослав. языков посвящена книга «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972), в к-рой критически оцениваются различные гипотезы о диалектном членении др.-рус. языка и реконструируются древние диалектные различия, определившие в дальнейшем особенности разных восточнослав. языков.

Теоретик и практик в области рус. лексикографии, один из составителей и (с 6-го тома) председатель редколлегии 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1948—65), гл. ред. «Словаря русских народных говоров» (в. 1—15, 1965—79, изд. продолжается).

Ф.— Почётный д-р Ягеллонскгго ун-та (Краков; 1976), университета г. Хельсинки (1977), член Финно-угорского общества в Хельсинки (1978). Ленинская пр. (1970).

Лит.: Сороколетов Ф. П., Федот Петрович Филин, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1968, т. 27, в. 1; Балахонова Л. И., Ф. П. Филин. (К 60-летию со дня рождения), «Филологические науки», 1968, № 2; Коткова С. И., Иванов В. В., Федот Петрович Филин. (К 65-летию со дня рождения), там же, 1973, № 2; Трубачев О. Н., Федот Петрович Филин. (К 70-летию со дня рождения), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1978, № 1; Федот Петрович Филин, М., 1978 (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, в. 12) (лит.).

ФИЛОЛОГИ́ЧЕСКОЕ ОБРАЗОВА́НИЕ в СССР— система подготовки специалистов по языкам и лит-рам: лингвистов, литературоведов, преподавателей и учителей, переводчиков (см. Филология).

Начало Ф. о. на Руси (10— нач. 13 вв.) связано с введением слав. письменности, необходимостью перевода церковных книг и подготовки своих «книжных людей». В крупных монастырях были сосредоточены большие библиотеки, переводились книги с греч. языка, переписывались книги. Дети дружинников, «княжих мужей» и бояр поступали в училища, открывавшиеся князьями.

В 17 в. знание языков давали греколат. школы в Москве, готовившие чиновников, переводчиков, преподавателей. С нач. 18 в. для изучения древних и различных западноевропейских языков открывались т. н. разноязычные школы. Главными же центрами высшего Ф. о. до открытия Московского ун-та стали Киево-Могилянская академия и Славяно-греко-латинская академия в Москве.

В существовавших при АН Академическом ун-те и Академической гимназии в годы руководства ими М. В. Ломоносова (с 1758) рус. язык (грамматика, риторика, пиитика) впервые наряду с латинским становится основой преподавания. Фундаментальные труды Ломоносова по рус. лит. языку («Российская грамматика», 1755, опубл. 1757, «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», 1757, и др.) дали толчок развитию научной и учебной лит-ры.

Новый этап Ф. о. в России связан с открытием в 1755 Московского ун-та и в течение 19 в. ряда других ун-тов. Словесность и языки были основными дисциплинами в Благородном пансионе, открытом для детей дворян в 1779 при Московском ун-те (с 1791 самостоятельное заведение), воспитанниками к-рого были В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов и др. Филологическая семинария, открытая при ун-те в 1779 как Учительская, готовила (до 1784) литературно-издательских работников, переводчиков, учителей.

Подготовка преподавателей-филологов высших и учителей средних школ в 1-й пол. 19 в. велась в 3-годичных педагогических ин-тах при ун-тах (Московском, осн. в 1804, Казанском, 1812, Харьковском, 1811, и др.), в Петербургском педагогическом ин-те (1804—16), на отделении исторических и словесных наук Главного педагогического ин-та в Петербурге. В 1815 основан Лазаревский ин-т восточных языков в Москве. Араб., перс., тур. и другие восточные языки преподавались в Казанском и Петербургском ун-тах. В 1854 при Петербургском университете был создан факультет восточных языков.

С 30-х гг. 19 в. почти во всех ун-тах существовали кафедры славяноведения. В Московском, Казанском, Петербургском, Харьковском ун-тах были открыты кафедры истории и лит-ры слав. наречий, в Петербурге и Москве — также кафедры всеобщей лит-ры; с 1884 в Петербургском и в нач. 20 в. в Московском, Киевском, Харьковском — романо-германские отделения. В Московском ун-те сложилась лингвистическая школа Ф. Ф. Фортунатова, в Харьковском — А. А. Потебни, в Казанском и Петербургском — И. А. Бодуэна де Куртенэ. Ф. о. в лицеях Александровском в Петербурге (до 1844 Царскосельский лицей), Николаевском в Москве, Демидовском в Ярославле являлось одной из основ гуманитарного образования и велось наряду с правовым. Учителей древних и западноевропейских языков, рус. языка и словесности готовили также Петербургский (основан в 1867) и Нежинский (1875) историко-филологические ин-ты, высшие женские курсы, словесно-историческое отделение Женского педагогического ин-та в Петербурге.

В мужской гимназии, к-рая была главным типом средней общеобразовательной школы в дореволюционной России в 19—нач. 20 вв., преподавание основ Ф. о. приняло одностороннюю направленность в связи с насаждавшимся в ней царским правительством формально-грамматическим классическим образованием в ущерб другим предметам. Под давлением прогрессивной общественности классицизм в школе сдавал свои позиции. В нач. 20 в. число часов на латынь было сокращено, а греческий язык как обязательный предмет в большинстве гимназий снят. С нач. 19 в. в гимназиях всё более значительное место занимают теория словесности и краткая история русской литературы.

После Окт. революции 1917 в содержании и организации Ф. о. произошли коренные изменения. В СССР созданы письменности народов, к-рые их не имели, родной язык внедрён в практику обучения, получили развитие прежние и сложились новые лит. языки. Рус. язык стал для всех народов СССР языком межнационального общения. Возросла общественная роль художественной лит-ры. Сов. литературоведение, развиваясь в тесной связи с культурными запросами нового общества, изучает происхождение и социальные связи лит-ры, закономерности историко-лит. процесса, средства художественной выразительности. Языкознание превратилось в многоотраслевую науку, основанную на марксистском понимании языка как средства общения людей. В создании теории формирования и развития лит. языков, в постановке Ф. о. большое место заняли труды Р. И. Аванесова, В. В. Виноградова, С. П. Обнорского, С. И. Ожегова, А. М. Пешковского, Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы и др. Литературоведческие и лингвистические проблемы разрабатываются учёными во всех республиках.

Ф. о. дают филологические и историко-филологические факультеты ун-тов и педагогических ин-тов. В ун-тах оно представлено изучением языков и лит-р: рус., родных (нерус. народов СССР), славянских, восточных, романо-германских, классических. Ин-т стран Азии и Африки при МГУ готовит филологов по языкам и лит-рам этих континентов. Ряд ун-тов имеют отдельные факультеты романо-германской филологии (Воронежский, Ивановский, Киевский и др.), факультеты иностранных языков (Башкирский, Киргизский, Латвийский и др.); Азербайджанский и Тбилисский — факультеты востоковедения; Дальневосточный, Ленинградский, Таджикский, Ташкентский — восточные факультеты; Самаркандский— факультеты по узб. и тадж., рус., романо-германской филологии. Педагогические ин-ты ведут подготовку преподавателей и

учителей русского и родных языков и лит-р, иностранных языков. Педагогические ин-ты иностранных языков готовят преподавателей для высших и учителей для средних учебных заведений, а также переводчиков.

Ф. о. в вузах включает все разделы языкознания и литературоведения. Студенты изучают общее языкознание, фонетику языка, лексикологию, грамматику, стилистику, диалектологию, структурную и прикладную лингвистику, математическую лингвистику, историю и теорию лит-ры и др., а также методики преподавания, проходят педагогическую практику. Большое внимание уделяется теории и практике перевода. Образование студента-филолога в ун-тах завершается защитой дипломной работы на избранную тему, а в педагогических ин-тах— государственным экзаменом. Ф. о. дают также вечерние и заочные отделения ун-тов и педагогических ин-тов. Подготовка научных кадров по филологии продолжается в аспирантуре. Ф. о. является основой подготовки журналистов, литературных, библиотечных и других работников. Иностранные языки изучаются во всех вузах страны.

Наряду с кафедрами вузов большую роль в повышении уровня Ф. о. играют ин-ты АН СССР: мировой лит-ры им. А. М. Горького, славяноведения и балканистики, рус. языка, языкознания, Африки, востоковедения (все в Москве), рус. лит-ры (Пушкинский дом в Ленинграде) и др.

Основы филологических знаний, получаемых в общеобразовательных школах и средних специальных учебных заведениях, являются частью общегуманитарного образования и служат фундаментом для получения высшего образования. На занятиях рус. и другими языками учащиеся усваивают основные сведения о совр. лит. языке; главным содержанием уроков лит-ры в школе является изучение лучших произведений дореволюционной русской, советской (включая лит-ры народов СССР) и западноевропейской лит-ры; одновременно учащиеся получают знания по истории и теории лит-ры. Изучение иностранных языков в школе направлено на овладение навыками чтения, разговорной и письменной речи. В крупных городах созданы средние школы с углублённым изучением иностранных языков, в к-рых ряд предметов преподаётся на этих языках. В нек-рых школах и школах-интернатах Москвы, Ленинграда, Казани, республик Средней Азии, Казах. ССР, Азерб. ССР введено изучение восточных языков — арабского, иранского, китайского, урду, хинди и др.

Содержание и методы преподавания лит-р и языков в школах совершенствуются по мере развития совр. науки о языке, литературоведения и лит. критики. Филологические и историко-филологические факультеты вузов страны оказывают в этом преподавателям и учителям постоянную помощь, организуя для них курсы повышения квалификации и участвуя в работе ин-тов усовершенствования учителей. Журн. «Филологические науки», «Вопросы литературы», «Вопросы языкознания» и др. освещают развитие соответствующих научных проблем. Для учителей издаются методические журналы: «Литература в школе», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Иностранные языки в школе», выходящие в Москве, а также журналы, издаваемые в союзных республиках. Научно-популярным филологическим изданием является журн. «Русская речь».

Филологические и историко-филологические факультеты поддерживают связи с учреждениями зарубежных стран, обмениваются преподавателями, студентами, участвуют в организации и работе международных съездов и симпозиумов лингвистов, литературоведов, этнографов и др. В Ин-те рус. языка им. А. С. Пушкина (Москва) разрабатываются проблемы изучения рус. языка как иностранного, обучаются зарубежные преподаватели и стажёры. Издательство «Русский язык» (см.) выпускает пособия для изучающих рус. язык и лит-ру. СССР активно участвует в Международной ассоциации преподавателей рус. языка и лит-ры. В составе Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы имеется историко-филологический факультет. Для преподавателей рус. языка как иностранного издаётся научно-методический журн. «Русский язык за рубежом».

Лит.: Лихачев Д. С., Возникновение русской литературы, М.— Л., 1952; Ганелин Ш. И., Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в., 2 изд., М., 1954; Ременников Б. М., Ушаков Г. И., Университетское образование в СССР, М., 1960; Зиновьев С. И., Ременников Б. М., Высшие учебные заведения СССР, [М.], 1962; Советское языкознание за 50 лет. [1917—1967], М., 1967; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в.— первая половина XIX в., М., 1973; Проблемы литературных взаимосвязей в преподавании русской литературы в национальной школе, М., 1976.

В. В. Иванов.

ФИЛОЛО́ГИЯ (греч. philología, букв.— любовь к слову, от philéō—люблю и lógos — слово)— содружество гуманитарных дисциплин — языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность Ф. Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный «комментарий»

(наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда), Ф. под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Т. о., внутренняя структура Ф. двуполярна. На одном полюсе — скромнейшая служба «при» тексте, не допускающая отхода от его конкретности; на другом — универсальность, пределы к-рой невозможно очертить заранее.

Служа самопознанию культуры, Ф. возникает на сравнительно зрелой стадии письменных цивилизаций, и наличие её показательно не только для их уровня, но и типа. Высокоразвитые древние культуры Ближнего Востока вовсе не знали Ф., западноевропейское средневековье отводило ей весьма скромное место, между тем на родине философии, в древних Индии и Греции, Ф. возникает и разрабатывается как некое соответствие впервые оформившейся здесь гносеологической рефлексии над мышлением — как рефлексия над словом и речью, как выход из непосредственного отношения к ним.

Инд. Ф. дала великих грамматистов (Панини, приблизительно 5—4 вв. до н. э.; Патанджали, 2 в. до н. э.) и, позднее, теоретиков стиля; свою филологическую традицию имела культура древнего Китая. Однако традиция европейской Ф., не знакомой с достижениями индийцев вплоть до нового и новейшего времени, всецело восходит к греч. истокам, у её начала стоит школьное комментирование Гомера. В софистическую эпоху (2-я пол. 5 — 1-я пол. 4 вв. до н. э.) лит-ра достаточно обособляется от внелит. реальности, чтобы стать объектом теоретич. поэтики и Ф. Среди софистов наибольшие заслуги в подготовке филологических методов принадлежат Протагору, Горгию, Продику; греч. теория лит-ры достигла полной зрелости в «Поэтике» Аристотеля. Эллинистическая Ф. (3—1 вв. до н. э.) отделяется от философии и переходит в руки специалистов — библиотекарей Александрии и Пергама, к-рые занимались установлением корректных текстов и их комментированием. Дионисий Фракийский (приблизительно 170—90 до н. э.) окончательно оформил учение о частях речи, принятое и поныне. Раннехристианские учёные (Ориген, вслед за ним создатель лат. перевода Библии Иероним) произвели грандиозную текстологическую работу над подлинником и греч. переводами Библии. Традиции греч. Ф. продолжаются в средневековой Византии, после падения империи (1453) ренессансная Италия получила наследие византийской Ф. из рук учёных-беженцев. Гуманисты Возрождения стремились не просто овладеть мыслительным содержанием авторитетных античных источников, но как бы переселиться в мир древних, заговорить на их языке (реконструировав его в борьбе с инерцией средневековой латыни).

После периода учёного профессионализма (приблизительно сер. 16—сер. 18 вв.) в Германии начинается новая эпоха Ф. в результате импульса, данного «неогуманизмом» И. И. Винкельмана. Как во времена Возрождения, но с несравненно большей научной строгостью ставится вопрос о целостном образе античного мира. Нем. филолог Ф. А. Вольф (1759—1824) вводит термин «Ф.» как имя науки об античности. В 19 в. в итоге деятельности нем. филологов (Г. Узенер, Э. Роде, У. фон Виламовиц-Мёллендорф и др.) древняя история отделилась от Ф.; тогда же под влиянием романтизма и других идейных течений наряду с «классической» возникла «новая филология»: германистика (братья Я. и В. Гримм), славяноведение (И. Добровский, А. Х. Востоков, В. Ганка), востоковедение. Однако, несмотря на последующую неизбежную дифференциацию лингвистических, литературоведческих, исторических и других дисциплин, вышедших из лона некогда единой историко-филологической науки, существенное единство Ф. как особого способа подходить к написанному слову и поныне сохраняет свою силу (хоть и в неявном виде). Иначе говоря, Ф. продолжает жить не как партикулярная «наука», по своему предмету отграниченная от истории, языкознания или литературоведения, а как научный принцип, как самозаконная форма знания, к-рая определяется не столько границами предмета, сколько подходом к нему.

Однако конститутивные принципы Ф. вступают в весьма сложные отношения с нек-рыми тенденциями новейшего времени. Современный человек не может с прежней безусловностью применить к своему бытию меру, заданную какими бы то ни было чтимыми древними текстами. И сама Ф., став в ходе научного прогресса более экстенсивной и демократичной, должна была отказаться от выделения особо привилегированных текстов: теперь вместо двух (классической Ф. и библейской philologia sacra — «священной» Ф.) существует столько разновидностей Ф., сколько языково-письменных регионов мира.

Для современности характерны устремления к формализации гуманитарного знания по образу и подобию математического и надежды на то, что таким образом не останется места для произвола и субъективности в анализе. Но в традиционной структуре Ф., при всей строгости её приёмов и трезвости её рабочей атмосферы, присутствует нечто, упорно противящееся подобным попыткам. Речь идёт о формах и средствах знания, несовместимых с математической научностью, даже не об интуиции, а о «житей-

ской мудрости», здравом смысле, бесконечных знаниях людей, без чего невозможно то искусство понимать сказанное и написанное, каковым является Ф. Математические методы возможны лишь в периферийных областях Ф. и не затрагивают её сущности. Строгость и особая «точность» Ф. состоят в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Как служба понимания Ф. помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять другого человека (и другую культуру, другую эпоху), не превращая его ни в «исчислимую» вещь, ни в отражение собственных эмоций. *С. С. Аверинцев.*

ФЛЕ́КСИЯ — то же, что окончание.

ФОНЕ́МА (от греч. phṓnēma — звук)— основная единица звукового строя языка, предельный элемент, выделяемый линейным членением речи. Ф. не является простейшим элементом, т. к. состоит из сосуществующих признаков. Ф. функционирует в составе слов и морфем, вне к-рых она немыслима. Признаки Ф. могут быть различительными (дифференциальными) и неразличительными (интегральными). По различительным признакам Ф. образуют оппозиции (противопоставления). Позиции, в к-рых Ф. различаются, называются сильными: [*сом*], [*сам*]; позиции, в которых некоторые Ф. не различаются, совпадают, нейтрализуются, называются слабыми: [*с∧ма́*]— *сома*, *сама* (см. Позиция фонологическая).

Дифференциальные признаки Ф. весьма различны, но в каждом языке их набор ограничен. Так, в рус. языке признак твёрдости — мягкости согласных является дифференциальным; ср.: *кон — конь*, *лук — люк*, а во франц. языке он недифференциален.

Ф. реализуется в звуках речи. Все звуки, реализующие данную Ф., называются её аллофонами, иначе вариантами. Ф.— объект изучения фонологии (см.) и морфонологии (см.).

Лит.: Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956; Зиндер Л. Р., Общая фонетика, Л., 1960; Щерба Л. В., Фонетика французского языка, 7 изд., М., 1963; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Климов Г. А., Фонема и морфема, М., 1967. *В. В. Иванов.*

ФОНЕ́ТИКА (от греч. phōnētikós — звуковой, голосовой, phōnḗ — звук) — раздел языкознания, изучающий звуковые средства языка. Существуют различные определения предмета Ф.: одни учёные предметом Ф. считают только способы звукового оформления значимых единиц языка — морфем, слов (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский), другие учёные в сферу изучения Ф. включают и интонационные средства языка (Л. Л. Буланин, А. Н. Гвоздев, М. В. Панов), наконец, существует точка зрения, согласно к-рой предметом Ф. являются и способы обозначения на письме звуковых единиц (графика), и правила написания значимых единиц — орфография (Л. В. Щерба).

Ф. занимается изучением языковых единиц, природа к-рых материальна. С одной стороны, эти единицы лишены самостоятельного значения (звуки речи, слоги, ударения) или же обладают очень специфическим значением (разные интонационные типы); с другой стороны, эти единицы и обусловливают существование значимых единиц языка (морфемы, слова́, фразы или большие высказывания), являясь средством их материальной реализации. Т. о., фонетические единицы, с одной стороны, противопоставлены другим языковым единицам, с другой стороны, обеспечивают их материальную реализацию.

Фонетическое изучение звуковых средств подразумевает выявление основных единиц, описание их фонетических свойств и правил употребления в языке. Основные фонетические единицы — звук речи (см. Звуки речи), слог (см.), фонетическое слово (т. е. самостоятельное слово с примыкающими к нему служебными словами, объединённые одним ударением: *на горе́*, *по́д гору*), синтагма (см.), высказывание (см.). Выделение этих единиц имеет различное основание. Так, звуки речи выделяются в результате фонемного анализа, синтагмы и высказывания — в результате анализа смысловых и интонационных отношений, слог и фонетическое слово — на собственно фонетических, не смысловых основаниях.

Как специальная научная дисциплина, Ф. первоначально рассматривала физиологические характеристики звуков речи; в дальнейшем исследуются и особенности звучания (акустика речи), а также особенности восприятия фонетических единиц человеческим ухом (психоакустика и психофонетика). Три аспекта исследований — физиологический, акустический и психологический — основаны на непосредственном наблюдении, поэтому их развитие тесно связано с разработкой специальных методов исследования. Первоначально это были субъективные наблюдения исследователя, определяющего путём анализа собственных мускульных ощущений особенности артикуляции отдельно произносимого звука. Постепенно развиваются и методы объективного анализа: для исследования артикуляционных характеристик широко применяются технически совершенные методы комплексной регистрации движений артикуляционных органов, кинорентгеносъёмки речевого тракта во время произнесения тех или иных единиц, разнообразные способы

регистрации мышечных потенциалов, возникающих во время речи. Для анализа акустических свойств звуковых единиц используется специальная спектроанализирующая аппаратура, широко применяются электронно-вычислительные машины. Исследование особенностей восприятия звуковых единиц проводится на основе применения специальных приборов, позволяющих выделить из магнитных записей непрерывной речи сегменты разной длительности; создана специальная методика синтеза речи, т. е. создания речеподобных звуков искусственным путём, без участия человека. Характеристики таких синтезированных звуков или звукосочетаний могут изменяться под контролем исследователя, что даёт возможность оценить роль этих характеристик при восприятии их человеком.

Раздел Ф., изучающий объективные свойства звуковых единиц при помощи специальных методов, называют инструментальной или экспериментальной Ф. Последнее название более верно, т. к. главное — не в использовании инструментов для накопления фактов, а в проведении при помощи этих инструментов специальных экспериментов для выявления тех или иных характеристик, их относительной значимости и особенностей проявления в разных условиях речевого общения.

Важным аспектом Ф. является описательная Ф., предметом к-рой являются основные закономерности употребления различных звуковых единиц при оформлении значимых единиц языка, напр. распределение ударения в словах различных типов, чередования гласных и согласных, звуковые характеристики морфем. Сюда же относится и исследование сочетаемости звуковых единиц, основанное на статистическом обследовании текстов.

Специальным аспектом Ф. является историческая Ф., предметом изучения к-рой являются изменения в фонетическом оформлении значимых единиц, происходящие в истории конкретного языка. Т. к. при историческом подходе к фонетическим явлениям мы имеем дело или с письменными памятниками или с реконструкциями, сфера рассмотрения звуковых явлений при таком подходе сужена: нельзя говорить ни о точных артикуляционно-акустических, или перцептивных, характеристиках звуковых единиц, ни об интонационных особенностях.

Существует также общая Ф., занимающаяся изучением общих закономерностей, действующих в звуковых системах различных языков и являющаяся основой для фонетического анализа любого конкретного языка.

Наиболее сложным является вопрос о соотношении Ф. и фонологии (см.). Существуют две противоположные точки зрения: согласно одной из них, Ф. как наука, исследующая материальные явления (артикуляция, акустика звуков речи), вообще не может считаться лингвистической дисциплиной и по отношению к фонологии — науке, изучающей функции звуковых единиц, должна рассматриваться лишь как способ описания нек-рых характеристик, используемых в фонологии (Р. И. Аванесов в работах 30—40-х гг., М. В. Панов). Согласно другой точке зрения, Ф. и фонология не только существенно дополняют друг друга, но и вообще существуют только в неразрывной связи: для фонетического описания необходим фонологический подход, к-рый является основным критерием для выделения ряда фонетических единиц, таких, напр., как звук речи: с собственно фонетической точки зрения минимальной произносительной единицей является слог, а разбивка его на последовательность звуков есть результат наших фонологических представлений. С другой стороны, фонологические построения только тогда могут считаться приближающимися к реально существующей в языке ситуации, когда они основаны на достоверных и непротиворечивых фонетических фактах (Щерба, Л. Р. Зиндер, Аванесов). Ко 2-й пол. 70-х гг. вышли работы, посвящённые описанию звуковой системы рус. языка с разных точек зрения: и с экспериментально-фонетической, и с описательной, и с исторической.

Изучение Ф. рус. языка имеет более чем двухвековую историю и началось с трудов В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, рассматривавших особенности рус. звуковой системы, соотношение между написанием и произношением, особенности живых фонетических чередований, правила слогоделения и т. д. Большое значение имели наблюдения Я. К. Грота и О. Н. Бетлингка, касающиеся влияния мягких согласных на соседние гласные. Тонкий и точный фонетический анализ дан в работах А. А. Потебни, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого. Впервые в истории языкознания И. А. Бодуэн де Куртенэ пришёл к представлениям о лингвистической значимости звуковых единиц (см. Фонема). Экспериментально-фонетические исследования проводились в СССР с самого начала возникновения этого метода — работы Богородицкого, Томсона, Щербы, посвящённые фонетическому анализу рус. языка, не потеряли своего значения до настоящего времени.

Сов. языкознание характеризуется определёнными достижениями в области Ф. рус. языка — работы Аванесова, посвящённые и Ф., и орфоэпии (см.), Щербы, М. И. Матусевич, Гвоздева, Панова, Буланина и др. Широко развернулось экспериментально-фонетическое

исследование разных элементов звукового строя языка, как его лит. формы, так и диалектов.

Ф. имеет значение в целом ряде прикладных аспектов: это преподавание рус. языка нерусским, исправление дефектов речи, обучение звучащей речи людей, не имеющих слуха; фонетические данные широко используются при изучении особенностей высшей нервной деятельности человека; в целом ряде технических направлений также используются фонетические данные: для улучшения качества передачи речи по каналам связи, для разработки систем, управляемых звучащей речью, и т. д.

Лит.: [Щ е р б а Л. В., М а т у с е в и ч М. И.], Фонетика, в кн.: Грамматика русского языка, М., 1960; М а т у с е в и ч М. И., Введение в общую фонетику, 3 изд., М., 1959; А в а н е с о в Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; З и н д е р Л. Р., Общая фонетика, [Л.], 1960; Г в о з д е в А. Н., Избранные работы по орфографии и фонетике, М., 1963; С а п о ж к о в М. А., Речевой сигнал в кибернетике и связи, М., 1963; Речь. Артикуляция и восприятие, М.— Л., 1965; Б о н д а р к о Л. В., Осциллографический анализ речи, [Л.], 1965; е е ж е, Звуковой строй современного русского языка, М., 1977; П а н о в М. В., Русская фонетика, М., 1967; Р е ф о р м а т с к и й А. А., Введение в языковедение, М., 1967; Б р ы з г у н о в а Е. А., Звуки и интонации русской речи, М., 1972; Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров, М., 1969; Б у л а н и н Л. Л., Фонетика современного русского языка, М., 1970; А в а н е с о в Р. И., Русское литературное произношение, 5 изд., М., 1972.

Л. В. Бондарко.

ФОНОЛО́ГИЯ (от греч. phōnḗ — звук и lógos — слово, учение)— раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка в её функциональной значимости. Этим Ф. отличается от фонетики (см.), к-рая занимается звуковой стороной языка в плане изучения её артикуляторных и акустических характеристик. Рассматривая разные стороны одного и того же объекта, Ф. и фонетика представляют собой в известном смысле единое целое гл. обр. потому, что отдельные звуки, и тем более звуковые единицы более высокого порядка, выделяются в потоке речи только через смысловые единицы, звуковым обликом к-рых они являются. Глубокая связь между обеими дисциплинами обнаруживается при анализе восприятия речи, к-рый показывает, что носители рус. языка, напр., осознают расчленённость слова *дом* на три звука не непосредственно по акустическим свойствам этой звуковой последовательности, а вследствие того, что элементы, её образующие, являются функционально значимыми (прежде всего — смыслоразличительными) единицами — фонемами рус. языка. Однако Ф., изучая звуковую сторону языка с функциональной точки зрения, имеет свои специфические задачи и соответственно свои особые методы для их решения.

К звуковой стороне языка относятся не только линейные (сегментные) единицы: синтагмы, ритмические группы, слоги, фонемы, к-рые выделяются в речевом потоке в результате его членения во времени. Важную языковую функцию выполняют и просодические явления: ударение (см.) и интонация (см.), к-рые называются суперсегментными, поскольку они располагаются как бы «над» сегментными единицами. Ударение как суперсегментное явление служит важным фонологическим средством.

Центральное место в Ф. занимает учение о фонеме как кратчайшей (неделимой во времени) единице звуковой стороны языка, обладающей дистинктивной, различительной, смыслоразличительной способностью (см. Фонема). Общая Ф. занимается анализом сущности фонемы, выяснением отношений между фонемой как звуковой единицей и звуками, представляющими фонему в потоке речи, с одной стороны, и между фонемой и морфемой, фонемой и словом — с другой. Объём понятия «Ф.» в разных лингвистических школах определяется неодинаково. Однако любая из них занимается вариантностью фонемы, устанавливает систему фонем и их модификаций.

Общая Ф. устанавливает принципы и методы (правила) определения состава (инвентаря) фонем языка, а также оппозиции, в к-рых они находятся, и связи, к-рые существуют между отдельными фонемами или их группами, из чего слагается единая система фонем — фонологическая, или фонематическая, система.

Определение признаков, составляющих содержание фонемы, занимает важное место в совр. Ф. Среди фонетических признаков звуков речи различают дифференциальные (релевантные) и интегральные (иррелевантные) признаки. Дифференциальными считаются такие признаки, к-рые используются в данном языке при противопоставлении фонем, интегральными — такие, к-рые не используются для этой цели. Так, звонкость — глухость является для большей части согласных рус. языка дифференциальным признаком, поскольку в нём противопоставлены ⟨*б*⟩ и ⟨*п*⟩, ⟨*з*⟩ и ⟨*с*⟩, ⟨*ж*⟩ и ⟨*ш*⟩ и т. д. Для таких же согласных, как ⟨*ц*⟩ и ⟨*ч*⟩, присущая им глухость не является дифференциальным признаком, т. к. соответствующих им звонких в рус. языке нет.

Нек-рые учёные считают, что в фонологическое содержание фонемы входят только дифференциальные признаки, а саму фонему многие фонологи определяют как «пучок дифференциальных признаков». Однако интегральные признаки не могут быть признаны несущественными с фонологической точки зрения, т. к.

в процессе общения, при восприятии речи для опознания слова важны все объективные характеристики фонемы, хотя и не в одинаковой степени.

Ф. возникла в России в 70-х гг. 19 в. Её основоположником является И. А. Бодуэн де Куртенэ (см.), к-рый ввёл понятие фонемы, противопоставив его понятию звука. Продолжателем идей Бодуэна позднего периода был его ученик Л. В. Щерба (см.), к-рый в 1912 выявил звуковые факторы, обусловливающие членение речи на фонемы, и указал на смыслоразличительную функцию фонемы. Исходные идеи Бодуэна развивал Н. Ф. Яковлев, внёсший важный вклад в развитие Ф. в нач. 20-х гг. 20 в. На основе идей названных учёных Ф. получила дальнейшее развитие и мировое признание в трудах пражского лингвистического кружка.

Теория фонологических оппозиций была детально разработана Н. С. Трубецким, к-рый предложил их разветвлённую типологию. Особенно важную роль в Ф. играет различение оппозиций постоянных и нейтрализуемых. Примером первых может служить в рус. языке противопоставление фонем ⟨*л*⟩ и ⟨*м*⟩, к-рое сохраняется в сочетании с любым согласным и в любой позиции. Вторые представлены в рус. языке, напр., такой парой, как ⟨*д*⟩ и ⟨*т*⟩, противопоставление к-рых нейтрализуется в положении перед глухим, а также в конце слова, где звонкие согласные невозможны.

Нейтрализацию одни фонологи трактуют как ограничение дистрибуции соответствующих фонем, того или иного члена оппозиции. Другие понимают её как неразличение членов оппозиции в определённом фонетическом положении, в позиции нейтрализации (слабой позиции).

В Сов. Союзе ведущее положение занимают две фонологические школы — ленинградская (ЛФШ) и московская (МФШ). В основу ЛФШ легли идеи Щербы, к-рые разрабатывают его ученики Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Л. В. Бондарко и др. МФШ возникла в кон. 20-х гг. Её представители — Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин и их ученики — продолжали традиции Бодуэна де Куртенэ, разрабатывали идеи, особенно ярко отразившиеся в его ранних работах.

Представители обеих школ считают, что фонема как кратчайшая единица плана выражения значимых единиц языка вычленяется благодаря смысловым (прежде всего морфологическим) факторам. Фонема в принципе может выступать в качестве плана выражения значимых единиц (слов, морфем). Ср. такие союзы и предлоги, как *а*, *у*, *с*, *к*, флексии *-а*, *-о* в *вода*, *окно*, суффиксы *-л*, *-т* в *взял*, *взят* и т. д. Отсюда представители ЛФШ делают вывод об автономности фонемы и о том, что она не смешивается с другими фонемами в позиции нейтрализации. Тождественные звуки, выступающие в сильной и слабой позициях, ими отождествляются в качестве одной фонемы. Согласно этой точке зрения, в слове [*в*∧*дá*] выделяются две фонемы [*а*], в слове [*тот*] — две фонемы ⟨*т*⟩. Представители этой школы не принимают во внимание то обстоятельство, что в отличие от ударного слога, где ⟨*о*⟩ и ⟨*а*⟩ противопоставлены друг другу, в предударном благодаря нейтрализации выступает только ⟨∧⟩, что в отличие от положения перед [*о*], где ⟨*т*⟩ и ⟨*д*⟩ различаются, на конце слова благодаря нейтрализации выступает только ⟨*т*⟩ (ср. *прут* и *пруд*). Гласный [ъ] (напр., в слове [*въд*∧*вóс*]) они приравнивают к фонеме [*а*] на том основании, что при чётком проговаривании он может произноситься как [∧]. ЛФШ вводит в состав Ф. позиционно необусловленные («исторические») чередования типа *пеку — печешь*, *река — речка*, поэтому с её точки зрения морфонология (см.) как особая дисциплина оказывается излишней.

Представители МФШ не разделяют тезиса об автономности фонемы и о непересекаемости разных фонем в позициях нейтрализации. Первое достаточно детальное изложение теория МФШ получила в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (1945). Согласно воззрениям МФШ, исходным моментом для определения фонемы является морфема. Тождество морфемы определяет собой границы и объём понятия фонемы. Одной фонемой признаётся весь ряд позиционных чередований (как нейтрализуемых, или пересекающихся, так и не нейтрализуемых, или параллельных) во главе со звуковой единицей, различающейся в сильной позиции. В случаях типа [*в*∧*дá*], [*нáвъду*] и [*вóду*], [*д*∧*лá*], [*н'éдъл*] и [*дал*] гласные в позиции нейтрализации [∧] и [ъ] в первом случае признаются вариантами фонемы ⟨*о*⟩, во втором — фонемы ⟨*а*⟩. В тех случаях, когда звук в слабой позиции не чередуется в той же морфеме со звуком в сильной позиции, констатируется гиперфонема, напр. в [*с*∧*бáкъ*] и [*с*∧*pái̯*] — гиперфонема ⟨*о*/*а*⟩, в [*зд*∧*рóф*], [*стол*] — гиперфонема ⟨*с*/*з*⟩. Не нейтрализуемые позиционные чередования образуют вариации фонемы, напр. в [*с'ел*] и [*с'ёл'и*] или в [*п'áтъi̯*] и [*п'ät'*] звуки [*ê*], [*а*], [*ä*] принимаются за вариации фонем ⟨*е*⟩ и ⟨*а*⟩. Теория вариантов и вариаций ставит своей целью на основе последовательного учёта функциональной стороны достигнуть органической связи между фонемой и морфемой и тем самым

между фонологической системой, с одной стороны, и грамматическим строем — с другой. Позиционно необусловленные («исторические») чередования МФШ выводит за пределы фонологии в область морфонологии.

Новую трактовку концепция МФШ получила в книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» (1956). В этой книге разграничивается функционирование кратчайшей звуковой единицы в словоформе, с одной стороны, и морфеме — с другой. В прежней концепции термин «фонема» обозначал как основной вид фонемы, так и всю совокупность чередующихся с ним звуков. В новой концепции было предложено различать «сильные» и «слабые» фонемы: первые — в позиции максимального фонеморазличения (по прежней терминологии—«основной вид фонемы»), вторые — в позициях нейтрализации, т. е. в позициях меньшего фонеморазличения (по прежней терминологии — «вариант фонемы»); как сильные, так и слабые фонемы могут иметь не нейтрализуемые чередования — варианты (по прежней терминологии «вариации»). Совокупность сильной фонемы и позиционно чередующихся с ней звуков определяется как «фонемный ряд». Единство фонемного ряда обеспечивает единство морфемы. Фонемный ряд в одних случаях возглавляется сильной фонемой, в других — в той же морфеме слабая фонема не чередуется с сильной; напр., в словах [*в*∧*да́*] и [*т*∧*по́р*] представлена одна и та же слабая гласная фонема, воплощённая в звуке [∧]; однако в первом случае [∧] чередуется с сильной фонемой ⟨*о*⟩ (ср.: [*во́ду*]), и поэтому констатируется фонемный ряд [*О*‖∧], а во втором — чередование с сильной фонемой отсутствует: для этого случая может быть сохранён термин «гиперфонема». Особенностью изложенной концепции является также то, что единицы низшего ранга —«слабые» фонемы — рассматриваются не только со стороны их эквивалентности «сильной» фонеме с точки зрения функционального единства, но и с точки зрения фонематичности, различительной, дистинктивной способности.

Как та, так и другая фонологическая школа имеют последователей среди учёных среднего и молодого поколения, находящих нередко новые решения поставленных вопросов, а также новые аспекты исследования.

Лит.: Аванесов Р. И. и Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. Фонетика и морфология, М., 1945; Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; Трубецкой Н. С., Основы фонологии, пер. с нем., М., 1960; Зиндер Л Р., Общая фонетика, [Л.], 1960; Бодуэн де Куртенэ И. А., Опыт теории фонетических альтернаций, в его кн : Избранные труды по общему языкознанию, т. 1, М., 1963; его же, Фонема, там же; его же, Фонология, там же; его же, Разница между фонетикой и психофонетикой, там же, т. 2, М., 1963; Щерба Л. В., Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПБ, 1912; Панов М. В , Русская фонетика, М , 1967; Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии, М., 1970; Яковлев Н. Ф., Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории), в кн. Реформатский А. А., Из истории отечественной фонологии, М., 1970; Матусевич М. И., Современный русский язык. Фонетика, М., 1976; Бондарко Л. В , Звуковой строй современного русского языка, М., 1977.

Р И. Аванесов, Л. Р. Зиндер.

ФО́РМА СЛО́ВА — морфологическая разновидность слова (а также всех слов, к-рые выступают в данной разновидности), характеризующаяся определённым комплексом грамматических значений, выраженных теми или иными формальными показателями при словоизменении (см. Формообразование). Напр., слово *день* выступает в таких разновидностях, как *дня* — форма муж. рода ед. ч. род. п., *дню* — форма муж. рода ед. ч. дат. п. Слово как единица языка представляет собой систему взаимосвязанных форм. Система всех форм данного слова (или класса слов) называется парадигмой (см.).

Термин «Ф. с.» употребляется: 1) по отношению к тому или иному конкретному слову (напр., *читаю*); в таких случаях используется как термин Ф. с., так и термин словоформа (см.)— данное слово в данной форме; 2) по отношению к любому слову, выступающему в данной морфологической разновидности (напр., форма 1-го лица ед. ч. изъявительного наклонения наст. времени). Оба употребления данного термина связаны друг с другом: форма как существующий в системе языка грамматический образец, класс грамматических форм различных слов (форма сравнительной степени, форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения и т. п.) представлена в конкретных словах (*добрее*, *суше*, *слабее* и т. п.; *пиши*, *стой*, *веди* и т. п.).

Понятие Ф. с. неразрывно связано с понятием грамматического значения. Ф. с. представляют собой единство грамматических значений и средств их выражения — формальных показателей. Ф. с. объединяются в ряды морфологических форм на основе общности того или иного грамматического значения (напр., различные падежные формы ед. ч. существительных образуют ряд морфологических форм, объединённых значением ед. ч. и противопоставленных ряду форм мн. ч.). Система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным грамматическим значением

представляет собой морфологическую категорию (таковы, напр., категории числа, падежа, наклонения, времени, лица).

Формы изменяемых слов имеют определённую морфологическую структуру: они распадаются на основную и формальную части (напр.: *гор-а*, *гор-ы*, *пиш-у*, *пиш-ешь*). Основная часть слова является постоянной, она называется формообразующей основой слова (см. Основа). Формальная часть слова представлена аффиксами (см.), в частности формообразующими суффиксами и окончаниями (флексиями); напр., в форме слова *нес-л-а* формообразующую основу составляет корень *нес-*, а формальная часть представлена суффиксом *-л-* и окончанием *-а*.

Различаются синтетические (простые) и аналитические (сложные) Ф. с. Аналитические формы (напр.: *буду писать*, *строил бы*, *о брате*) представляют собой такое сочетание знаменательного и служебного слова, к-рое функционирует как одно слово (ср. синтетические формы *пишу*, *писал*, *пиши*).

Отдельные формы конкретных слов (словоформы), различаясь по грамматическому значению, могут совпадать по формальному выражению (напр., *ночи* — это форма род. п. ед. ч.; дат. п. ед. ч.; им. п. мн. ч.; вин. п. мн. ч.). В таких случаях проявляется омонимия форм.

Особое место занимают слова типа: *кенгуру*, *какао*, *алиби*; *гороно*, *ООН*. Они не распадаются на основную и формальную части, не изменяются, так что в отдельно взятом слове формы разных падежей и чисел не различаются (за исключением аналитической формы предл. п., напр.: *о кенгуру*). Однако при употреблении таких слов могут быть определены (по сочетаемости) значения разных падежей и чисел (напр., *Кенгуру спит*; *Любовались красивыми кенгуру*). Поскольку в рус. языке такие слова включаются в существующую систему форм падежа и числа, они рассматриваются как слова с омонимичными формами.

Термин «грамматическая форма» по отношению к слову употребляется и в более широком смысле — как соотношение грамматического значения и средств его выражения. Это определение охватывает и неизменяемые слова типа: *завтра*, *там*, *дома*, *весьма*. В подобных случаях слово выступает лишь в одной словоформе. Сама неизменяемость таких слов, а также характерная для них сочетаемость придаёт им грамматическую оформленность (ср. наречие *дома* и существительное *дом*, *дома*).

Лит.: Фортунатов Ф. Ф., Сравнительное языковедение, в его кн.: Избранные труды, т. 1, М., 1956; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., О формах слова, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Маслов Ю. С., Введение в языкознание, М., 1975; Головин Б. Н., Введение в языкознание, 3 изд., М., 1977.

А. В. Бондарко.

ФОРМООБРАЗОВА́НИЕ — образование форм слов (см.), прежде всего образование форм одного и того же слова (напр., форм наклонения, времени, лица, числа и рода глагола), т. е. словоизменение. Нек-рые исследователи к Ф. относят также образование соотносительных форм, выходящих за пределы словоизменения, т. е. представляющих собой формы разных слов. Таково, в частности, образование соотносительных форм вида в видовых парах типа: *делать — сделать*, *писать — написать* (члены таких пар обычно рассматриваются как разные слова, хотя и совпадающие по лексическим значениям). Нередко так же трактуются и видовые пары типа: *переделать — переделывать*, *записать — записывать* (вместе с тем такие формы, как более регулярные по своему образованию, рассматриваются рядом исследователей как формы одного и того же слова). К данному типу Ф. относится также образование форм страдательного залога от форм действительного залога при помощи постфикса *-ся*, напр.: *изучать — изучаться*, *устанавливать — устанавливаться*. Ф. в таком понимании выходит за пределы словоизменения и включает образование форм, представляющих переходную область между словоизменением и словообразованием.

Основными средствами Ф. в рус. языке являются формообразующие аффиксы, в частности суффиксы (см.) и окончания (см.), присоединяемые к формообразующей основе слова — его постоянной части (напр.: *вод-ы*, *нести*). Формообразующими и вместе с тем словообразующими являются префиксы (приставки), используемые при образовании форм вида (напр.: *ставить — поставить*, *читать — прочитать*), а также постфикс *-ся*, используемый при образовании форм страдательного залога (напр.: *заполнять — заполняться*). В сочетании с аффиксацией как дополнительное средство Ф. может использоваться грамматическое чередование фонем (напр., при образовании форм вида: *собрать — собирать*, *содрать — сдирать*) и перемещение ударения (напр.: *перере́зать — перерезáть*, *перере́жу — перерезáю*). Одним из средств Ф. являются служебные слова в аналитических формах (напр.: *будет писать*, *писал бы*). Возможно образование форм одного и того же слова от разных корней (напр.: *иду — шёл*, *я — меня*, *он — его*, *хороший — лучше*). Такое образование форм называется супплетивизмом.

Лит.: Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Щерба Л. В., Очередные проблемы язы-

коведения, в его кн.: Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974; Виноградов В. В., О формах слова, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике, М., 1975; Бондарко А. В., Теория морфологических категорий, Л., 1976; Жирмунский В. М., О границах слова, в его кн.: Общее и германское языкознание, Л., 1976. *А. В. Бондарко.*

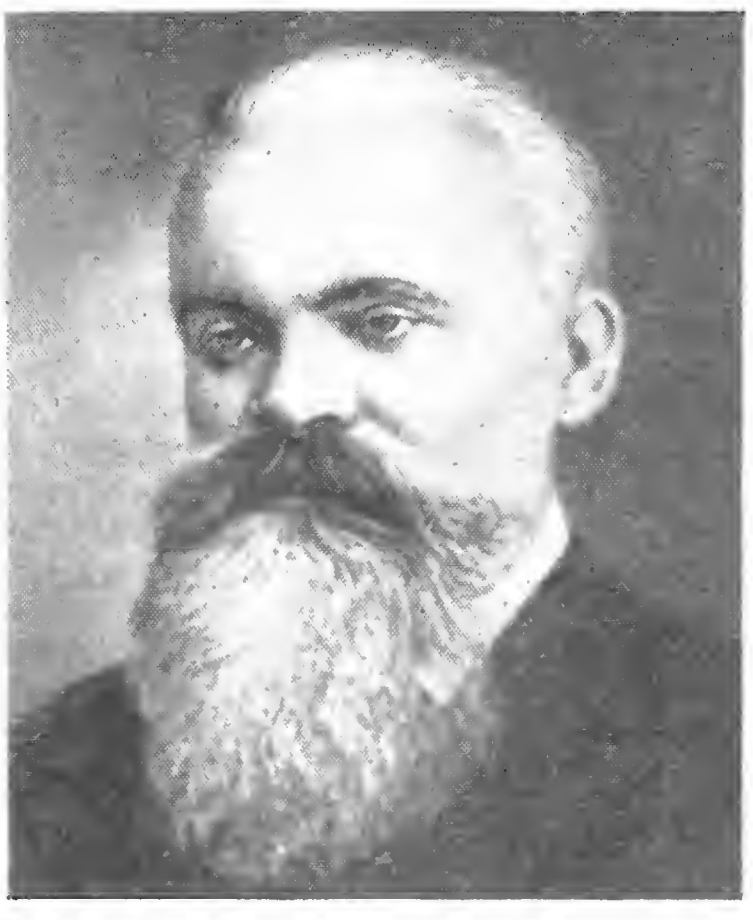
ФОРТУНА́ТОВ Филипп Фёдорович [2(14).1.1848, Вологда,— 20.9(3.10). 1914, Косалма, ныне Прионежского р-на Карельской АССР]— рус. языковед, акад. Петерб. АН (1898). Окончил Московский ун-т (1868), проф. там же (с 1876). Глава т. н. московской лингвистической школы. Труды по фонетике, лексикологии, этимологии, морфологии, синтаксису индоевропейских языков, общему языкознанию, синтаксису, морфологии рус. языка. В общем курсе сравнительного языковедения (1901—02) Ф. создал учение о форме слова, понимая под ней способность слова делиться на основу и аффиксы. Форма может быть положительной (иметь звуковое выражение) и отрицательной (нулевой), т. е. не иметь звукового выражения (напр.: *дом + ом*, но *дом + ø*). Ф. различал формы словоизменения (формы лица, наклонения, времени у глагола, падежа у существительных, прилагательных, числительных) и формы словообразования (формы числа у существительных, уменьшения у существительных и прилагательных, образование сложных слов); на основе наличия или отсутствия в словах формальных показателей распределил слова по формальным (грамматическим) классам. Теорию формальных классов противопоставил общепринятой теории частей речи, выступив основоположником формально-лингвистического направления в исследовании языка. В лекции «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» (1904) разработал учение о форме словосочетания, выступил против отождествления грамматического анализа предложения и логического анализа суждения. Выделил две формы залога (возвратный и невозвратный), обособив от теории залога вопрос об активных и пассивных оборотах («О залогах русского глагола», 1903).

Крупнейший представитель сравнительно-исторического языкознания. Исследовал фонетические и морфологические законы древних индоевропейских языков. Открыл закон передвижения ударения от начала к концу слова в слав. и балтийских языках, известный как закон Фортунатова — де Соссюра (учёные открыли этот закон независимо друг от друга).

Занимался теорией правописания, много сделал для подготовки реформы орфографии, осуществлённой после его смерти, в 1917—18.

Ф.— действительный чл. Сербской академии (1907), доктор философии ун-та в Христиании (ныне Осло; 1911), чл. многих зарубежных научных обществ.

Лит.: Список печатных трудов, в кн.: Фортунатов Ф. Ф., Избранные труды, т. 1, М., 1956; Щерба Л. В., Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке, «ВЯ», 1963, № 5; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX в., М., 1976; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.



ФРА́ЗА (от греч. phrásis — выражение, способ выражения)—1) предложение как интонационно-синтаксическая единица, обладающая интонационной законченностью и имеющая определённую интонационную структуру. При изучении и описании интонационной структуры предложения обычно оперируют термином «Ф.» и говорят о «фразовой интонации». Ф. бывают простые и сложные, поскольку предложение может представлять собой один речевой такт, или одну синтагму (см. Синтагма во 2-м значении), с одним интонационным центром либо членироваться на несколько синтагм. В многосинтагменном предложении одно из синтагматических ударений (интонационных центров синтагмы — см. Интонация) выделяется по сравнению с другими и воспринимается как наиболее сильное в Ф. Подобное ударение приходится на ту синтагму, к-рая является наиболее важной в смысловом отношении, и называется фразовым ударением. Фразовое ударение выделяет рему (см. Актуальное членение предложения, Порядок слов). Если рема находится в конце предложения, фразовое ударение представляет собой интонационный центр синтагмы с понижением тона — интонацией завершённости: *Пётр идёт в театр*; *Ленинград — красивый город*. Такое фразовое ударение носит автоматизированный характер

и поэтому слабо выделяется. Если рема находится в начале или середине предложения, фразовое ударение представляет собой интонационный центр с возможным повышением тона, усилением интенсивности, увеличением длительности ударного гласного и воспринимается как более сильное по сравнению с фразовым ударением в конечной позиции: *Красивый го́род — Ленинград*; *В теа́тр идёт Пётр*; *Нам не понра́вилась эта картина*; *Прие́хали мои дети!* Фразовое ударение в выделяющей функции называют также логическим ударением. В рус. синтаксисе существует учение об одночленных и двучленных Ф., основоположником к-рого был Л. В. Щерба. Двучленные Ф. в отличие от одночленных (*Он пошёл в театр*) интонационно делятся на две части: *Ленинград — большой город*; *Это замечательное произведение искусства — было вырезано простым ножом*; *Он вырезал это замечательное произведение искусства — простым ножом*. Такое интонационное разделение связано со смысловым членением. Между частями двучленной Ф. существует связь логических подлежащего и сказуемого. Щерба считал, что многие одночленные Ф. можно сделать двучленными — с известным изменением смысла. Смысловое членение интонационно двучленных Ф. в теории Щербы соответствует членению предложения на тему (предмет сообщения) и рему (то, что об этом предмете сообщается) в теории актуального членения предложения. В одних случаях членение на тему и рему имеет обязательное интонационное выражение, на письме обозначаемое тире: *Он пошёл — в театр*. В других случаях интонационная двучленность Ф. необязательна, но возможна: она не изменяет смысла, но лишь подчёркивает смысловую расчленённость, ср.: *Он пошёл в театр* и *Он — пошёл в театр*. Интонационно одночленную фразу можно сделать двучленной без изменения смысла (*Он — пошёл в театр*) и с изменением смысла (*Он пошёл — в театр*). В первом случае состав темы *он* и ремы *пошёл в театр* остаётся неизменным; во втором случае интонационная двучленность фразы изменяет её актуальное членение: темой становится *он пошёл*, ремой — *в театр*.

2) То же, что синтагма во 2-м значении (см. Синтагма).

3) В нестрогом терминологическом употреблении—то же, что предложение (см.).

Лит.: Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Аванесов Р. И., Фонетика современного русского литературного языка, [М.], 1956; Томашевский Б. В., Стилистика и стихосложение, Л., 1959; Щерба Л. В., Фонетика французского языка, 7 изд., М., 1963; Николаева Т. М., Фразовая интонация славянских языков, М., 1977.

И. И. Ковтунова.

ФРАЗЕОЛОГИ́ЗМ, фразеологическая единица,— общее название семантически несвободных сочетаний слов, к-рые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксич. структуры — словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость — взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки Ф.

Структурно-семантические свойства Ф., различающие их типы, формируются, как правило, в процессе переосмысления исходных сочетаний слов в целом или хотя бы одного из лексических компонентов сочетания. В первом случае образуются Ф., обладающие свойством идиоматичности (см.). Для них характерно слитное значение (образное или безóбразное), неразложимое на значения их лексических компонентов: *смотреть сквозь пальцы*, *видал виды*, *курам на смех*, *отлегло от сердца*. Во втором — у переосмысляемого слова формируется фразеологически связанное значение, к-рое способно реализоваться только в сочетании с определённым словом или с рядом слов, что приводит к образованию устойчивых словесных комплексов, обладающих аналитическим (расчленённым) значением: *белое мясо*, *золотая молодёжь*, *раб страстей* (*привычек*, *моды*), *приходить к мысли* (*к выводу*, *к решению*).

Среди Ф. со слитным значением различаются фразеологические сращения, значения к-рых воспринимаются как абсолютно немотивированные в совр. лексической системе языка: *лить пули*, *кривая вывезет*, *на все корки*, и фразеологические единства, в значении к-рых можно выделить смысл, мотивированный значениями слов-компонентов в их обычном употреблении: *преградить путь*, *на всех парах*, *тёмный лес*. Все Ф.-идиомы, принадлежащие к этим двум семантическим разрядам, характеризуются рядом специфических свойств. Лексические компоненты Ф.-идиом играют роль материальных экспонентов знака, обладающих совместной знаковой функцией. Значениям Ф.-идиом присуща целостная направленность на обозначаемую действительность. Будучи лексически опосредованным, значение Ф.-идиом всегда богаче по смысловым оттенкам, чем лексическое значение, и поэтому качественно отличается от него. При раздельнооформленности Ф.-идиомы обладают единым грамматическим значением, соотносимым с определёнными частями речи, они выступают как один член предложения и вступают в связь с другими словами как неразложимое

целое. Слова-компоненты Ф.-идиом лишены отдельного лексического, грамматического и словообразовательного значения, поэтому не включаются в синонимические, антонимические и предметно-тематические связи со словами в их обычном употреблении; формоизменение лексического состава и преобразование синтаксического строения Ф.-идиом в ходе построения предложения допустимы в пределах нормы, к-рая фиксирует воспроизводимость таких Ф. в определённом лексико-грамматическом составе и синтаксическом строении.

В структуре большинства Ф.-идиом выделяются константные (постоянные) и переменные элементы. Константные элементы образуют основу тождества единицы, переменные элементы создают возможность варьирования. Вариантность Ф.-идиом выражается в видоизменении элементов, соотносимых с единицами разных уровней: лексико-семантического (*упасть/ свалиться с луны /с неба, висеть/ держаться на волоске/ на ниточке*, ср. также стилистические варианты: *лезть/ переть на рожон, свернуть голову/ башку*), синтаксического (*по одному росчерку пера/ единым росчерком пера, падать к ногам / падать в ноги*), морфологического (*вверх тормашками / тормашки*, ср. также словообразовательные варианты: *пальцы / пальчики оближешь, сходить / сойти с ума*) и фонетического (*нож острый / вострый*) уровней, а также в изменении количества лексических компонентов, не нарушающих тождества единицы (*разрубить гордиев узел — разрубить узел, держать в ежовых рукавицах — держать в ежах*). На основе отмеченных свойств и отличительных признаков Ф.-идиома определяется как готовая единица языка, функционально соотносимая со словом.

Ф., характеризующиеся аналитическим значением, представляют собой особый тип структурно-семантических единиц фразеологического состава — фразеологические сочетания слов. По характеру значения, складывающегося из значений слов-компонентов в данной их связи, фразеологические сочетания соотносимы со свободными сочетаниями слов, от к-рых они отличаются наличием в их составе слов с фразеологически связанным значением. Специфическим признаком слов с фразеологически связанным значением является отсутствие у них самостоятельной знаковой функции: при семантической отдельности таких значений слов они способны обозначать внеязыковые объекты только в сочетаемости с другими словами, к-рые выступают как номинативно опорные компоненты этих сочетаний слов (ср.: *бросать камни, бросать в ящик* и *бросать упрёки, бросать в тюрьму* или *чёрный костюм* и *чёрный хлеб, чёрный рынок*). Это их свойство проявляется в зависимости выбора слов с фразеологически связанными значениями от семантически ключевых слов в процессе построения лексико-грамматического состава предложения. Ограничения в выборе фиксируются нормой, к-рая закрепляет сочетаемость слов в их фразеологически связанных значениях с определёнными словами: одним словом, рядом слов или несколькими рядами, напр.: *сорить деньгами, перст судьбы, сын степей* (*гор*), *глубокая старость* или *глубокая ночь* (*осень, зима*), а сочетания в целом характеризуются ограничениями в преобразовании их лексико-грамматического строения. Слова с фразеологически связанными значениями выступают как константные элементы фразеологических сочетаний, они вступают в синонимические, антонимические и предметно-тематические связи только совместно с семантически ключевыми для них словами.

По характеру соотношения с обозначаемой действительностью различаются номинативно-целостные или номинативно-расчленённые значения фразеологических сочетаний слов. В составе первых слова с фразеологически связанными значениями выполняют функцию, аналогичную роли словообразовательных морфем (ср.: *сын гор — горец, завязать знакомство — познакомиться*), в составе вторых они полностью сохраняют лексическое значение (*гробовое молчание, бурно восторгаться, кодекс морали*). Для многих многозначных слов характерна фразеологическая связанность их отдельных значений, вокруг к-рых и группируются фразеологические сочетания слов.

Во фразеологический состав рус. языка входят как исконно рус. обороты, так и заимствованные, в т. ч. кальки и полукальки. В структуре Ф. часто сохраняются вышедшие из активного запаса слова, устаревшие формы слов и синтаксические конструкции (*ничтоже сумняшеся, бить баклуши, притча во языцех, пойти в учителя*). Большинство Ф. обладает экспрессивно-образным значением и эмоционально-оценочными признаками. Ф. употребляются в разных стилевых сферах языка, но наиболее свойственны они обиходно-бытовой речи. Различия семантических и структурных свойств Ф. связаны с расчленённым или нерасчленённым способом обозначения действительности, с их номинативной или коммуникативной функцией, с особенностями их лексико-грамматического строения и с выполняемыми ими синтаксическими ролями. Эти различия создают многообразие структурно-семантических типов и видов единиц фразеологического состава языка, к к-рому относят иногда пословицы (см.), поговорки (см.), крылатые слова (см.) и речевые штампы (см. Штамп) на основе

признаков их устойчивости и воспроизводимости. Изучением и классификацией единиц фразеологического состава языка занимается фразеология (см.).

Лит. см. при ст. Фразеология.

В. Н. Телия.

ФРАЗЕОЛОГИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ— тип словаря, в к-ром собраны и истолкованы не отдельные слова, а фразеологизмы (см.). В истории рус. лексикографии (см.) фразеологизмы включались в толковые словари (см.), а также описывались в сборниках (С. М. Максимов, «Крылатые слова», 1890, 3 изд., 1955; М. И. Михельсон, «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», т. 1—2, 1902—03; С. Г. Займовский, «Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма», 1930; В. З. Овсянников, «Литературная речь», 1933; Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина, «Крылатые слова», 1955, 3 изд., 1966, и др.).

Первым собственно Ф. с. рус. языка является «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (4 тыс. словарных статей, 1967) — новый тип словаря, создание к-рого стало возможным на определённом этапе развития рус. фразеологии (см.), когда она выделилась из лексикологии (см.) в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины и когда были созданы капитальные толковые словари и словарные картотеки совр. рус. языка. В словарной статье Ф. с. кроме толкований значений фразеологизмов содержится их грамматическая характеристика, определяется компонентный состав и вариантность употребления компонентов фразеологизма, даются иллюстрации, подтверждающие существование того или иного значения фразеологизма, а также фразеологизмы-синонимы или антонимы. В нек-рых случаях приводится этимологическая справка, а также даются пометы стилистического или временного характера (книжн., прост., шутл.; устар. и др.).

Помимо одноязычных, существуют двуязычные Ф. с., в к-рых даётся перевод рус. фразеологизмов на другой язык или перевод фразеологизмов к.-л. языка на русский (В. Г. Гак, И. А. Кунин, И. П. Лалаев и др., «Французско-русский фразеологический словарь», 1963; А. В. Кунин, «Англо-русский фразеологический словарь», 3 изд., 1967; Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин, «Немецко-русский фразеологический словарь», 2 изд., 1975, и др.). В двуязычных Ф. с. к каждому фразеологизму даётся иноязычный эквивалент или описательный перевод (поскольку состав фразеологизмов в двух языках не идентичен), грамматическая и стилистическая характеристика фразеологизма (с помощью системы помет), а также иллюстративный материал, показывающий употребление фразеологизма в речи.

Развитие рус. учебной лексикографии для нерусских вызвало необходимость создания учебных Ф. с. рус. языка (Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, Б. Ф. Корицкий, «Фразеологические обороты русского языка», 1977; Н. М. Шанский, Е. А. Быстрова, «700 фразеологических оборотов русского языка», 2 изд., 1978; «Краткий русско-немецкий фразеологический словарь», 1977, и др.). Отбор и описание фразеологизмов в словарях этого типа определяются задачами обучения: учитывается степень употребительности фразеологизма в разных речевых ситуациях (проблема «фразеологического минимума»), ориентированность информации на тот или иной контингент учащихся или этап обучения, особый характер иллюстрирования и т. п.

Лит.: Бабкин А. М., Фразеология и лексикография, М., 1964; его же, Русская фразеология, её развитие и источники, Л., 1970; Молотков А. И., Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания, в кн.: Фразеологический словарь русского языка, М., 1968; Ожегов С. И., О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка), в его кн.: Лексикология, лексикография, культура речи, М., 1974.

И. К. Сазонова.

ФРАЗЕОЛО́ГИЯ (от греч. phrásis, род. п. phráseōs — выражение и lógos — слово, учение) — 1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка (см. Фразеологизм) в его совр. состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка; 3) совокупность характерных способов выражения, присущих определённой социальной группе, отдельному автору или литературно-публицистическому направлению (напр., Ф. романтизма, Ф. Салтыкова-Щедрина).

Предметом Ф. как раздела языкознания являются исследование категориальных признаков фразеологизмов, на основе к-рых выделяются основные признаки фразеологичности и решается вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявление закономерностей функционирования фразеологизмов в речи и процессов их образования. Ф. изучает специфику фразеологизмов как знаков вторичного образования, особенности их знаковой функции и значения, свойства структурно-семантической устойчивости и воспроизводимости, признаки лексических компонентов фразеологизмов, их звуковой состав, морфологическое и синтаксическое строение, характер внешних лексико-синтаксических связей и формы реализации в речевой цепи, а также экспрессивно-стилистические признаки фразеологизмов, их системные связи с другими единицами фразеологического состава и со словами. **Ф.**

разрабатывает принципы выделения фразеологических единиц, методы их изучения, классификации и фразеографии — описания в словарях. Ф. внутренне связана с лексикологией, синтаксисом и отчасти со словообразованием, но в отличие от этих разделов языкознания базовыми для Ф. являются понятия фразеологической единицы (фразеологизма) и фразеологической подсистемы языка.

Понятие фразеологической единицы определяется на основе признаков структурно-семантической устойчивости, т. е. постоянного соотношения данного значения сочетания слов с данным его лексико-грамматическим способом выражения, что является следствием переосмысления всего сочетания или отдельных его компонентов, и воспроизводимости — в нормативно закреплённом диапазоне вариантности и грамматических видоизменений.

Понятие системности фразеологического состава отражает наличие упорядоченных связей и отношений между фразеологизмами и взаимосвязанности единиц фразеологического состава с общеязыковой системой значимых единиц. Разработка проблем системности фразеологического состава связана с описанием фразеологизмов как структурно-семантических единиц языка, с изучением типов их значения, полисемии, омонимии, вариантности, с выявлением грамматических классов фразеологизмов и с раскрытием их синтаксических функций. В задачи системного изучения фразеологического состава входит описание межфразеологической и лексико-фразеологической синонимии, антонимии, тематических группировок, функционально-стилистической дифференциации фразеологизмов, а также выявление закономерностей фразообразования (образования фразеологизмов) и фразеологической деривации — образования новых значений фразеологизмов.

Фразеологический состав языка классифицируется по разным основаниям: структурно-семантическим, грамматическим, функционально-стилистическим. При этом ведущим в Ф. является структурно-семантический принцип классификации, восходящий к классификации В. В. Виноградова (см.) и основанный на критериях семантической спаянности или аналитичности значения фразеологизмов. Системно-классификационный аспект описания фразеологического состава неразрывно связан с проблемой объёма и границ Ф. В широкий объём включаются все сочетания, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости. Узкий объём ограничивается фразеологизмами-идиомами, функционально соотносимыми со словом как номинативной единицей языка.

Предметом исторической Ф. является изучение первичных форм и значений фразеологизмов, определение их источников по всем доступным памятникам, выявление сфер их употребления и закономерностей образования, а также установление объёма фразеологического состава в ту или иную историческую эпоху развития языка.

Ф. как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х гг. 20 в. в сов. языкознании. Предпосылки теории Ф. были заложены в трудах А. А. Потебни (см.), И. И. Срезневского (см.), А. А. Шахматова (см.) и Ф. Ф. Фортунатова (см.). Влияние на развитие Ф. оказали также идеи франц. лингвиста Ш. Балли (1865—1947). В западноевропейском и американском языкознании Ф. не выделяется в особый раздел лингвистики. Вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов в специальном разделе языкознания — Ф. был поставлен в учебно-методической лит-ре ещё в 20—40-х гг. в работах Е. Д. Поливанова (1891—1938), С. И. Абакумова (см.), Л. А. Булаховского (см.). Изучение Ф. стимулировалось лексикографической практикой, с одной стороны, а с другой — работами Виноградова, в к-рых были поставлены вопросы об основных понятиях Ф., её объёме и задачах. В 50-х гг. главное внимание уделялось вопросам сходства и различий фразеологизмов со словом и сочетанием слов; проблематика Ф. исчерпывалась в основном выяснением критериев фразеологичности и уточнением основ классификации фразеологизмов. С кон. 50-х гг. наметилась тенденция системного подхода к проблемам Ф., разрабатываются вопросы, связанные с описанием фразеологизмов как структурных единиц языка (А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова). 60—70-е гг. в развитии Ф. характеризуются интенсивной разработкой собственно фразеологических методов исследования объектов Ф., основанных на идеях системно-уровневого анализа фактов языка (В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, А. В. Кунин, М. Т. Тагиев), изучением системной организации фразеологического состава (И. И. Чернышёва, Н. М. Шанский) и его развития (В. Н. Мокиенко, Р. Н. Попов, А. И. Фёдоров), особое внимание уделяется семантике фразеологизмов, её номинативному аспекту (В. Н. Телия), фразообразованию в его динамике (С. Г. Гаврин, Ю. А. Гвоздарёв), признакам сочетаемости слов-компонентов (М. М. Копыленко, З. Д. Попова), сопоставительно-типологическому изучению фразеологического состава (Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон), а также разработке описания фразеологизмов в словарях (А. М. Бабкин, А. И. Молотков).

Лит.: Архангельский В. Л., Устойчивые фразы в современном русском

языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии, Ростов-н/Д., [1964]; Шанский Н. М., Фразеология современного русского языка, 2 изд., М., 1969; Бабкин А. М., Русская фразеология, ее развитие и источники, Л., 1970; Копыленко М. М., Попова З. Д., Очерки по общей фразеологии, Воронеж, 1972; Мокиенко В. М., Историческая фразеология: этнография или лингвистика?, «ВЯ», 1973, № 2; Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии, в. 3—4, Самарканд, 1974—76; Попов Р. Н., Методы исследования фразеологического состава языка. Учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы, Курск, 1976; его же, Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов, М., 1976; Виноградов В. В., Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, в его кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография, М., 1977; Гвоздарев Ю. А., Основы русского фразообразования, [Ростов-н/Д.], 1977; Телия В. Н., Вторичная номинация и ее виды, в сб.: Языковая номинация (виды наименований), М., 1977; Шмелев Д. Н., Современный русский язык. Лексика, М., 1977; Молотков А. И., Основы фразеологии русского языка, Л., 1977.

В. Н. Телия.

ФУ́НКЦИИ ЯЗЫКА́. Язык предназначен для того, чтобы служить орудием общения людей, и устроен таким образом, чтобы быть естественно усваиваемым, эффективным и адекватным средством обмена информацией и её накопления. Его структура подчинена задачам коммуникации, к-рая состоит в передаче и приёме мыслей об объектах действительности.

Для того чтобы осуществить своё назначение, язык должен соответствовать строю мышления. Поэтому не случайно, что основные единицы языка представляют собой аналоги категорий мысли: слово соответствует понятию, предложение — суждению. Благодаря наличию такого рода единиц язык формирует и организует знания человека об объективном мире, расчленяет их и закрепляет в человеческом сознании и памяти. В этом состоит второе, основное, неразрывно связанное с коммуникативным, назначение языка: он является орудием познания и отражения действительности, важнейшей формой осуществления абстрактного мышления. Взаимообусловленность коммуникативной направленности языка и его связи с сознанием человека была указана К. Марксом, к-рый писал: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 29).

Язык приспособлен для целей коммуникации, но осуществляется коммуникация тогда, когда приводится в действие языковой механизм для создания конкретных высказываний. Поэтому следует говорить о коммуникативном предназначении языка и о коммуникативной функции речи. Коммуникативное предназначение языка составляет его неотъемлемое свойство; коммуникативная функция речи (речевой деятельности) не является для неё обязательной.

Более частные функции языка, т. е. функции, подчинённые его коммуникативному назначению, обычно определяются исходя из структуры речевого акта. В речевом общении участвуют говорящий субъект, адресат речи (реальный или потенциальный, единичный или массовый) и то, о чём делается сообщение. Коммуникативное назначение языка по-разному преломляется по отношению к этим компонентам акта речи. Многие языковеды вслед за австрийским психологом К. Бюлером выделяют репрезентативную функцию языка — функцию обозначения объектов действительности, их свойств и существующих между ними отношений, экспрессивную функцию — функцию выражения мыслей и чувств говорящего и апеллятивную функцию — функцию воздействия на адресата речи. Экспрессивная и репрезентативная функции, соответствуя говорящему субъекту и внеязыковой действительности, связывают субъект и объект познания. Именно они в совокупности определяют способность языка быть орудием отражения действительности в человеческом сознании, т. е. второе существенное свойство языка.

Языковой знак, реализуя указанные выше функции, обнаруживает разные стороны своей природы. Он выступает как символ по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как симптом по отношению к говорящему субъекту, как сигнал по отношению к адресату речи. В процессе пользования языком акцент может падать на одну из названных функций. Так, в агитации и рекламе ведущей становится апеллятивная функция, в описательном (изобразительном), информативном и научном тексте — репрезентативная, в неадресованной внутренней речи — экспрессивная. Преобладание одной из названных функций создаёт особые виды речевой деятельности.

Успешное осуществление коммуникации определяется тем, что в посредничестве между говорящим и адресатом участвует понятный им обоим язык, между ними существует тот или иной вид контакта, в условиях к-рого передаётся конкретное сообщение. Нек-рые учёные (Р.О. Якобсон и др.) выделяют в коммуникативном акте шесть компонентов: автора, адресата, то, о чём делается сообщение,

языковой код, контакт между собеседниками и само сообщение. Такое представление структуры речевого акта позволяет говорить о шести неравноценных и иерархически организованных функциях языка. Ведущей оказывается референтная (в иной терминологии — номинативная, денотативная, когнитивная) функция, т. е. функция обозначения внеязыковой действительности (см. выше о репрезентативной функции). Второй по важности признаётся эмотивная, т. е. функция, ориентированная на говорящего и соответствующая выражению субъективной модальности (отношения автора речи к содержанию сообщения) или его непосредственной эмоциональной реакции на ситуацию. Эмотивная функция, обнаженно выступающая в междометиях и интонации, пронизывает собой все уровни языка. В опосредованном, пропущенном через отвлечённое мышление виде она может реализоваться средствами грамматики (формы модальности, оценочные аффиксы, структура восклицательных предложений, способы эмфазы) и лексики, специально предназначенными для выражения субъективной оценки. Ориентация на адресата, т. е. апеллятивная (или конативная, от лат. conatus — попытка) функция языка, в наиболее чистом виде выражается такими формами, как обращение и императив. На базе апеллятивной возникает магическая функция языка (заклинания, часто обращённые к неодушевлённым предметам, ср.: «*Ты, солнце святое, гори!*» — Пушкин; «*Да будет свет!*»; «*Остановись, мгновение! Ты прекрасно*» — Гёте).

Языковой контакт, необходимый для достижения коммуникации, обслуживается фатической (от лат. for, fatus sum, fari — говорить) Ф. я., реализующейся такими высказываниями, к-рые имеют целью завязывание, продолжение и прекращение коммуникации (ср.: *Послушай! Довольно! Прекрати!*). Термин фатическое (или контактоустанавливающее) общение был введён англ. этнографом Б. Малиновским применительно к диалогам, беседам, целью к-рых является создание «уз общности» путём простого обмена словами, ср.: «„*Ну что, брат Пушкин?*“ — „*Да так, брат*“,— *отвечает бывало*, „*так как-то все...*“» (Гоголь). К фатической функции Якобсон относит также высказывания, имеющие целью проверку каналов связи, ср.: *Ты меня слышишь?* Все те высказывания, к-рые направлены на выяснение свойств языка, отвечают металингвистической функции языка, ср.: «„*Накладка вышла*“,— *пояснил Бомбардов.* „*Что значит это слово?*“ — „*Накладкой в нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют, или...*“ — „*Понял, понял*“» (Булгаков). Металингвистическая функция широко осуществляется в период усвоения ребёнком родного языка, а также в процессе обучения иностранным языкам.

Установка на то, чтобы сообщение своей формой и / или содержанием удовлетворяло эстетическое чувство адресата, создаёт поэтическую функцию, к-рая, отвечая основной направленности художественного текста, присутствует и в повседневной речи. Она проявляется в стремлении говорящих к ритмичности речи и образности выражения, в желании избежать какофонии и т. п. Все категории и элементы языка допускают эстетизацию, хотя и предрасположены к ней в разной степени: менее всего используется в поэтических целях морфология, более всего — лексика и фонетика. Поэтическая функция не может реализоваться в чистом виде: она возникает только на базе других функций и должна поэтому рассматриваться как вторичная.

Выделенные функции не однородны. Металингвистическая функция, отражающая способность языка создавать сообщения о самом себе, а также частично фатическая функция (проверка каналов связи) определяются особым типом предмета высказывания. Поскольку язык в принципе не налагает к.-л. ограничений на выбор темы сообщений, выделение функций языка в зависимости от специфики предмета речи не представляется оправданным. Что касается собственно фатической и магической функций, то они не принадлежат к числу основных функций языка и о них следует говорить в связи с целями и видами речевой деятельности, т. е. в связи с другими способами пользования языком (см. Речь).

Лит.: Крушевский Н. В., Очерк науки о языке, Казань, 1883; Винокур Г. О., Понятие поэтического языка, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Курилович Е., Лингвистика и теория знака, в его кн.: Очерки по лингвистике, М., 1962; Бодуэн де Куртенэ И. А., Языкознание, или лингвистика, XIX века, в его кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Якобсон Р., Лингвистика и поэтика, в кн.: Структурализм: «за» и «против», М., 1975; Панфилов В. З., Философские проблемы языкознания, М., 1977; Malinowski B., The problem of meaning in primitive languages, в кн.: Ogden C. K., Richards I. A., The meaning of meaning, L., 1936; Bühler K., Sprachteorie, Jena, 1934. *Н. Д. Арутюнова.*

Х, х — двадцать третья буква рус. алфавита. Её название [*ха*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное х, строчное х*. Буква *Х, х* обозначает согласные фонемы [*х*], [х'], к-рые могут выступать в разных позициях в слове (см. Согласные): *ход* [*хот*], *хула́* [*хула́*], *доха́* [*д∧ха́*], *сух* [*сух*], *мохе́р* [*м∧х'е́р*], *хи́трость* [*х'и́тръс'т'*]. Буква *Х, х* употребляется в составе нек-рых сокращений: *х/б* — хлопчатобумажный, *ХТЗ* — Харьковский тракторный завод (в маркировке тракторов), *ХДС* — Христианско-демократический союз (политическая партия ФРГ).

По начертанию восходит к букве «херъ» (**Х**) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «шестьсот». Название буквы и детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ХРОНО́ГРАФЫ — памятники др.-рус. лит-ры, содержащие изложение всемирной истории. Рус. Х., основанные на византийских хрониках, составлялись начиная с 11 в. Особый интерес представляет Рус. Х., созданный в начале 16 в.; в числе его источников библейские книги, византийские хроники, эллинистический роман об Александре Македонском, повесть о Троянской войне, жизнеописания сербских святых, рус. летопись. Х. излагает всемирную историю от «сотворения мира» до 1453.

Все свои источники составитель Х. пересказывает и редактирует, упрощая синтаксическую структуру и обновляя лексику. Стиль одного из источников Х.— византийской хроники Константина Манассии (12 в., в болгарском переводе 14 в.),— отличающийся повышенной эмоциональностью, обилием ярких эпитетов, сравнений, метафор, завоевал большую популярность у рус. писателей, ему подражали авторы исторических повестей 16 — нач. 17 вв. Редакции Рус. Х., возникшие в 17 в., отличает простой и ясный слог, хотя в повествовании о событиях рус. истории начала 17 в. заметно влияние стиля хроники Манассии.

Изд.: Попов А. Н., Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869; Русский хронограф, ч. 1—2, СПБ, 1911—14 (Полное собр. рус. летописей, т. 22).

Лит.: Лихачев Д. С., Человек в литературе древней Руси, 2 изд., М., 1970; Творогов О. В., К изучению древнерусских хронографических сводов, в сб.: Труды Отдела древнерусской литературы, т. 27, Л., 1972.

О. В. Творогов.

Ц, ц — двадцать четвёртая буква рус. алфавита. Её название [*цэ*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ц, строчное ц*. Буква *Ц, ц* обозначает непалатализованную (твёрдую) согласную фонему [*ц*] (см. Согласные): *царь* [*цар'*], *ци́фра* [*цы́фръ*], *цель* [*цел'*], *па́лец* [*па́л'ьц*].

Буква *Ц, ц* употребляется в составе нек-рых сокращений: *ц.*— цена, в ряде сокращений имеет значение «центральный»: *ЦК* — Центральный Комитет, *ЦДЛ* — Центральный дом литераторов, *ЦНИИ* — Центральный научно-исследовательский ин-т.

По начертанию восходит к букве «*цы*» (**Ц**) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «девятьсот». Название буквы и детали начертания изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ЦИТА́ТА (нем. Zitat, от лат. cito — вызываю, привожу) — дословная выдержка из к.-л. текста или в точности приводимые чьи-либо слова. Ц. применяется для подкрепления излагаемой мысли авторитетным высказыванием, содержащим наиболее точную её формулировку для критики цитируемой мысли и др. В исследованиях языковедческого характера распространено цитирование текстов, принадлежащих разным видам письменной и устной речи. Ц. такого рода играют роль иллюстративного языкового материала. Ц. из классических произведений художественной лит-ры часто приводятся в словарях, грамматиках рус. языка и других научных трудах как образцы лит. речи.

Ц. приводится, как правило, в кавычках, иногда выделяется другим шрифтом. Она может быть сокращена, места пропусков обозначаются многоточием. В научных и справочных изданиях принято сопровождать Ц. ссылкой на источник. При цитировании допускается перевод устаревшей орфографии и пунктуации на действующие нормы.

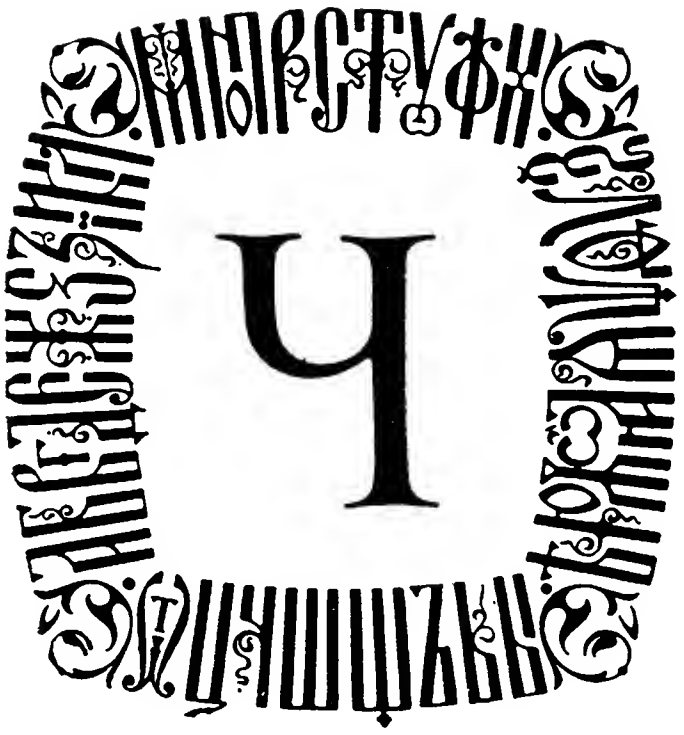
ЦО́КАНЬЕ — неразличение согласных *ц* и *ч* в нек-рых рус. говорах и произнесение на их месте одного к.-л. звука: или *ц'* (мягкое Ц.), или *ц* (твёрдое Ц.), или *ч'* (чоканье): *ц'е́лый — ц'и́сто;*

цэ́лый — цы́сто; *ч'е́лый — ч'и́сто*. Наиболее часто встречается мягкое Ц.: оно распространено в Карельской АССР, в Архангельской, Вологодской, Кировской областях, а также в говорах Сибири и Дальнего Востока; твёрдым Ц. характеризуются нек-рые новгородские говоры, а также говоры рязанской Мещёры; чоканье отмечается в ряде вологодских говоров.

Ц.— одна из наиболее древних диалектных черт рус. языка: оно отмечается в новгородских памятниках 11 в., в смоленских и полоцких — 13 в., в псковских — 14 в., в вологодских — 16 в. (в памятниках это явление отражается в написании буквы *ц* на месте *ч* или наоборот). Вопрос о происхождении Ц. является спорным. Вероятно, оно результат влияния финно-угорских языков (знающих только одну аффрикату), с к-рыми др.-рус. язык издавна вступал в контакты. Такое влияние могло осуществиться потому, что в самом др.-рус. языке *ц* и *ч'*, произошедшие из одной фонемы *к* (см. Палатализация), по отношению друг к другу не имели функциональной значимости, т. е. при помощи их противопоставления не различались слова и словоформы (ср., напр., с одной стороны, *пел — бел*, различающиеся противопоставлением *п' — б'*, а с другой — отсутствие таких пар словоформ, к-рые различались бы *ц* и *ч'*). Это обстоятельство могло облегчить иноязычное влияние на фонетические системы нек-рых рус. диалектов. Имеются и другие гипотезы о происхождении Ц.

Ц. никогда не было широко распространённой диалектной чертой, а по мере развития влияния лит. языка на говоры оно всё больше утрачивается. Однако такая утрата идёт не прямым путём усвоения правильного произношения *ц* и *ч'*, а через промежуточные ступени: через беспорядочное смешение *ц* и *ч'*, через усвоение твёрдого *ч* вместо мягкого и т. д.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, М., 1949; Орлова В. Г., История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, М., 1959. *В. В. Иванов.*



Ч, ч — двадцать пятая буква рус. алфавита. Её название [*че*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ч*, *строчное ч*. Буква *Ч, ч* обозначает палатализованную (мягкую) согласную фонему [*ч'*] (см. Согласные): *ча́шка* [*ч'а́шкъ*], *число́* [*ч'исло́*], *мяч* [*м'ач'*], *член* [*ч'л'ен*].

Буква *Ч, ч* употребляется в составе нек-рых сокращений: *ЧССР* — Чехословацкая Социалистическая Республика.

По начертанию восходит к букве «червь» (**Ч**) кириллицы (см.), где имела также числовое значение «девяносто». Название и начертание буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ЧА́СТИ РЕ́ЧИ — классы слов, характеризующиеся: 1) единством обобщённого значения (напр., предметности у существительного, процесса у глагола), отвлечённого от лексических значений всех слов данного класса; 2) общностью грамматических категорий и словоизменения; 3) тождественностью синтаксических функций. Современная грамматика рус. языка выделяет десять частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частицы, междометие.

Вопрос о разделении всех слов языка на классы неоднократно вставал перед лингвистами разных эпох и народов. Ещё в 4 в. до н. э. Аристотель разделил все слова греч. языка на четыре части речи: имя, глагол, член, союз (или связку). Также в 4 в. до н. э. др.-инд. грамматики (Панини, Яска) выделили четыре класса слов применительно к санскриту: имя, глагол, предлог, частица. Филолог Александрийской школы Аристарх Самофракийский (2 в. до н. э.) впервые выделил восемь Ч. р.: имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие и союз. Те же Ч. р. с одной поправкой (вместо члена введено междометие) были приняты в римской грамматике Варрона (1 в. до н. э.) и позже в слав. грамматиках, вплоть до грамматики Мелетия Смотрицкого (17 в.). М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» назвал восемь Ч. р.: имя (собственно имя, прилагательное и числительное), местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие.

В кон. 19 в. А. А. Потебня и Ф. Ф. Фортунатов выдвинули разные принципы классификации Ч. р. Потебня на первое место поставил семантику Ч. р., указав также и на их синтаксическую роль. Фортунатов построил классификацию Ч. р. на последовательном проведении морфологического принципа, назвав классы слов (Ч. р.) формальными классами. Дальнейшие классификации Ч. р. строились на совмещении принципов, предложенных Потебнёй и Фортунатовым (напр., классификация А. М. Пешковского). А. А. Шахматов в основу деления Ч. р. положил синтаксический принцип с учётом морфологических признаков, Л. В. Щерба предложил классифицировать слова по совокупности морфологических, синтаксических и семантических признаков. Особую классификацию Ч. р. предложил В. В. Виноградов.

Классификация Ч. р. Виноградова носит многостепенный характер. Он устанавливает четыре основных структурно-семантических типа слов: 1) слова-названия и примыкающие к ним местоимения, 2) служебные, или связочные, слова, 3) модальные слова и частицы, 4) междометия. К Ч. р. он относит не все слова, а лишь те, к-рые являются членами предложения, т. е. слова-названия: имена, местоимения, глагол, наречие, категория состояния. Имена подразделяются на существительное, прилагательное и числительное. В зависимости от номинативной самостоятельности слов, образующих часть речи, их словоизменения и синтаксического употребления Ч. р. распадаются на две группы. К первой группе относятся имена, местоимения и глагол, ко второй — наречие. Особое место в составе Ч. р. занимает категория состояния. Системе Ч. р. у Виноградова противостоит система частиц речи. В их состав входят: 1) частицы, 2) частицы-связки, 3) предлоги и 4) союзы. К частицам речи примыкают модальные слова и междометия, образующие особые структурно-семантические разряды слов.

Вопрос о Ч. р., их числе и принципах выделения до сих пор окончательно не решён, однако основу Ч. р. при любой классификации составляют слова, способные выполнять номинативную функцию (существительные, прилагательные, глагол, наречие) или быть указательным эквивалентом названий (местоимение). Традиционная грамматика, примером к-рой является академическая грамматика 1952—54 и к-рой, как правило, следуют

школьные грамматики, выделяет десять Ч. р. Иногда в особые Ч. р. выделяют причастия и деепричастия. Шахматов включал в Ч. р. префикс и связку. Щерба предложил обособить в качестве Ч. р. слова *можно*, *нельзя*, *надо*, *жаль*, *пора*, *время*, *весело*, *грустно* и др. в безличнопредикативном употреблении под названием «категория состояния». Виноградов среди частиц речи выделял модальные слова. В классификациях нек-рых учёных (Н. Н. Дурново, М. В. Панова, О. П. Суника) количество Ч. р. сокращается. Нет единого мнения по поводу состава местоимений и числительных как Ч. р., категории состояния и модальных слов. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) сохраняется традиционная классификация всех слов на десять Ч. р., но с нек-рыми отличиями, касающимися состава таких Ч. р., как местоимение и числительное. В местоимение включены только местоимения-существительные, замещающие лицо или предмет (*я*, *ты*, *он*, *себя*, *мы*, *вы*, *они*, *кто*, *что* и др.), а местоимения-прилагательные и местоимения-наречия рассматриваются как разряды слов внутри соответствующих Ч. р. В числительном как Ч. р. объединены качественные и собирательные числительные (*два*, *три*; *оба*, *двое*). Порядковые (счётные) прилагательные (*первый*, *второй* и т. п.) включены в состав прилагательного.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1953; Стеблин-Каменский М. И., К вопросу о частях речи, «Вестник ЛГУ», 1954, № 6; Винокур Г. О., Форма слова и части речи в русском языке, в его кн.: Избранные работы по русскому языку, М., 1959; Кузнецов П. С., О принципах изучения грамматики, М., 1961; Сунник О. П., Общая теория частей речи, М.— Л., 1966; Панов М. В., Русский язык, в кн.: Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки, М., 1966; Супрун А. Е., Части речи в русском языке, М., 1971; Виноградов В. В., Русский язык. Грамматическое учение о слове, 2 изд., М., 1972; Кубрякова Е. С., Части речи в ономасиологическом освещении, М., 1978.

В. А. Плотникова (Робинсон).

ЧАСТИ́ЦЫ—класс слов, служащих для формирования морфологических и синтаксических наклонений, для выражения различных смысловых оттенков к.-л. члена предложения или предложения в целом, а также (в нек-рых случаях) для указания на связь между частями сложного предложения. Ч. являются незнаменательными словами (ср. Знаменательные слова, Служебные слова). Соответственно все Ч. делятся на три группы: формообразующие, субъективно-модальные (см. Модальность) и союзные. По традиции Ч. называют также словообразующие форманты *кое-*, *-либо*, *-нибудь* и *-то* (напр.: *кое-где*, *кто-либо*, *что-нибудь*, *когда-то*), однако эти форманты в класс Ч. не входят.

К формообразующим Ч. относятся: а) формирующие морфологические наклонения: Ч. *бы*, *пусть*, *пускай* и Ч. *-те*, на письме сливающаяся с глаголом: *пошёл бы*, *пусть* (*пускай*) *пойдёт*, *пойдёмте*; б) формирующие ирреальные синтаксические наклонения (сослагательное, условное, желательное и побудительное): Ч. *бы* (сослагательное и условное наклонение), та же Ч. *бы* одна или в сочетании с другими Ч. (желательное наклонение): *пусть*, *пускай*, *чтоб*, *давай*(*те*), последняя в сочетании с инфинитивом или формой буд. времени (побудительное наклонение): *Он был бы моим другом*; *Солнышко бы, так быстро бы просохло*; *Был бы* (*будь бы*) *он моим другом! Если бы* (*лишь бы, пусть бы, вот бы, хоть бы*) *он был здесь! Пусть друзья будут рядом! Пусть будет буря! Чтоб было тихо! Давайте петь! Давайте споём!*

К субъективно-модальным Ч. относятся Ч., вносящие в высказывание различные экспрессивные оттенки: акцентирования, оценки, удивления, уверенности, неуверенности, осуществимости, приблизительности, соответствия и др. Это Ч. *то*, *же*, *даже*, *просто*, *только*, *именно*, *знай*, *точно*, *вроде*, *якобы*, *ну и*, *чуть не*, *едва ли не*, *-ка*, *дай* и др., в вопросительном предложении — *неужели*, *разве*, *что ли* и др. По своим синтаксическим возможностям эти Ч. разделяются на такие, к-рые в предложении имеют позицию несвободную (напр., вносящая значение смягчения Ч. *-ка*, всегда находящаяся при сказуемом-глаголе: *дай-ка*), относительно свободную (напр., Ч. *знай*, *знай себе*, преим. находящиеся в начале предложения: *Знай себе пишет*) и свободную (напр., Ч. *же*, *едва* [*ли*] *не*, *именно*, *то*, *и*, *хоть*, *якобы* и др.).

К Ч., вносящим дополнительные смысловые оттенки, относится также Ч. *было*, соединяющаяся со сказуемым-глаголом в форме прош. времени и придающая ему значение действия начатого, но прерванного или не давшего желаемых результатов (*Пошёл было, да вернулся*; *Стал было бухгалтером, да не понравилось*).

К союзным Ч. в составе сложного предложения относятся всегда поддающиеся изъятию Ч. *тогда*, *так*, *то*, показывающие смысловую связь вводимой ими части сложного предложения с предшествующей ей частью: *Зовут*, *так* (*тогда*) *надо идти*; *Когда все пришли*, *то и он явился*; *Придёт дочка*, *так она мне поможет*.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970.

Н. Ю. Шведова.

ЧАСТО́ТНЫЙ СЛОВА́РЬ — словарь, представляющий собой список слов, расположенных в зависимости от частоты их

употребления в тексте определённой длины. Каждое слово (или группа слов) в таком словаре снабжено указанием на частоту употребления и, кроме того, может сопровождаться указанием на количество текстов, в к-рых оно отмечено. В нек-рых Ч. с. учитывается частота значений слова (W e s t M., A general service list of English words. With semantic frequencies and a supplementary word-list..., L., 1953).

Ч. с. дают возможность сравнить численные закономерности в структуре словаря и текста. Сфера их применения очень широка: они составляются в методических и лексикографических целях, могут быть использованы для усовершенствования преподавания иностранного языка и для более глубокого овладения родным языком. Ч. с. дают материал для решения ряда теоретических вопросов лингвистики: они могут быть использованы для изучения языка и стиля, а также при изучении словаря отдельных лит. произведений или авторов, для установления объективных критериев языковой нормы. Сведения о частоте слов используются при решении ряда вопросов, связанных с проблемами кодирования.

Первым Ч. с. рус. языка является «Словарь русского языка» Г. Иоссельсона (J o s s e l s o n H., The Russian word count..., Detroit, 1953). При составлении словаря расписке текстов предшествовал статистический анализ материала. Объём выборки составил 1 млн. словоупотреблений, объём словника — 1700 слов. «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. Штейнфельд (1963) составлен на материале текстов совр. сов. лит-ры, прессы и радиопередач. Кроме обычных указаний на количество употреблений здесь приводится количество текстов, в к-рых данное слово отмечено. Кроме того, даются статистические характеристики нек-рых морфологических категорий: отдельными списками помещаются слова, относящиеся к разным частям речи. Они даются в алфавитном порядке и в порядке убывания частот. Приводятся указания на количество текстов. Списком даются наиболее часто встречающиеся предложные конструкции, падежные формы местоимений в порядке убывания частот и в алфавитном порядке, приводятся также списки наиболее употребительных падежных и предложных форм. В приложении даётся глагольное управление с указанием частоты употребляемости каждого предлога с определённым глаголом.

Существуют Ч. с. фразеологических единиц (H a u c h E., A German idiom list. Selected on the basis of frequency and range of occurence, N. Y., 1931). В словаре Г. Итона (E a t o n H., Comparative frequency list: a study baset on the first thousand words in English, French, Spanish and German frequency list, N. Y., 1934) приводится 1000 самых частых слов для четырёх европейских языков: англ., франц., нем., исп.

Особым типом Ч. с. являются словоуказатели к текстам отдельных авторов или произведений, напр. словарь к «Горю от ума» А. С. Грибоедова (В. Н. Куницкий, «Язык и слог комедии „Горе от ума“», 1894), «Материалы к частотному словарю языка Пушкина», 1963, «Материалы к частотному словарю древнерусских текстов» (в сб. «Лексикология и словообразование древнерусского языка», 1966). «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (1977) составлен на основе обработки средствами вычислительной техники 1 млн. словоупотреблений, что дало около 40 тыс. единиц словаря, и представляет собой свод статистических данных о лексическом составе совр. рус. лит. языка. В отличие от предшествующих Ч. с. рус. языка, опирающихся гл. обр. на язык художественной лит-ры, словарь впервые широко охватывает также публицистическую и деловую речь, бытующую в сфере массовой коммуникации. За элемент словника принята лексема. При составлении словаря учитывались фонетические, графические, морфемные и синтаксические эквиваленты слов. Семантический аспект во внимание не принимался. Во введении, помимо сведений о назначении словаря, его источниках, технике обработки материала, излагаются основные принципы аналитической грамматики, выработанные в процессе работы над словарём. Словарь построен на основе сплошного расписывания. Собственно словарь состоит из трёх частей: алфавитно-частотного словника, частотного словника, статистической структуры словаря. Алфавитно-частотный словник включает все лексемы, встретившиеся в текстах. Каждая лексическая единица снабжена количественными характеристиками. Частотный словник содержит слова с частотой 10 и выше, всего 9044 единицы. Они расположены в порядке убывания частот. Лексемы в словниках даются в исходной форме. Статистическая структура слов представляет собой таблицу распределения частот. В приложении приводится перечень омографов, грамматических омонимов, а также излагаются нек-рые данные о лексике совр. рус. языка.

Лит.: А н д р ю щ е н к о В. М., Новые работы в области статистической лексикографии, «ВЯ», 1968, № 5; Частотные словари и автоматическая переработка лингвистических текстов, Минск, 1968; Автоматическая переработка текстов методами прикладной лингвистики, Киш., [1971]. *Л. В. Вялкина.*

ЧЕРЕДОВА́НИЕ, а л ь т е р н а ц и я,— взаимозамена звуков в пределах одной и той же морфемы в разных словах или словоформах. Термин «Ч.» применяется к двум различным явлениям: 1) к ме-

не звуков, представляющих собой одну и ту же фонему (см.); такая мена обусловлена фонологической позицией, напр. появление звука [*п*] на месте фонемы |*б*| в позиции на конце словоформы: *дý*[*б*]*а*, *ра*[*б*]*á* (род. п.), но *ду*[*п*], *ра*[*п*] (им. п. ед. ч.) или звука [∧] в первом предударном слоге на месте фонемы |*о*|: *в*[*ó*]*ды* (им. п. мн. ч.), но *в*[∧] *дá* (им. п. ед. ч.); такие Ч.— изучаются фонологией (см.); 2) чаще — к мене фонем в разных морфах (см.) одной и той же морфемы, напр.: Ч. |*к* — *ч*| в словах *рука* — *ручка* и *ручной*; |*д'* — *ж*| и |*с'* — *ш*| в словоформах *хó*|*д'*|*ят* — *хо*|*ж*|*ý*, *нó*|*с'*|*ят* — *но*|*ш*|*ý*; |*с*| — нуль и |*е*| — нуль (т. н. беглость гласной) в словах *сон* — *сна*, *отец* — *отца*. Такие Ч. обычно называются «нефонетическими» (или «историческими», «традиционными»), они являются предметом грамматики (таких её разделов, как морфология и словообразование). Появление этих Ч. исторически обусловлено фонетическими законами прошлых эпох развития языка, напр. изменением сочетания * *sj* > *š* (*ш*) (согласный *j* в древности выступал перед флексией в формах 1-го лица ед. ч. ряда глаголов) или падением редуцированных (см.), вследствие к-рого редуцированный гласный *ъ* в формах типа *сънъ* > *сон* переходил в гласный *о*, а в формах типа *съна* исчезал. В совр. языке такие Ч. обусловлены грамматически: соседством с определёнными суффиксами или флексиями; так, перед суффиксом -*к*(*а*) регулярно чередуются заднеязычные согласные с шипящими: |*к* — *ч*|, |*г* — *ж*|, |*х* — *ш*| (*рука* — *ручка*, *нога* — *ножка*, *сэха* — *сошка*), а перед суффиксом -*ива*- (-*ыва*-) в части глаголов чередуются |*о* — *а*| (*отработать* — *отрабатывать*, *подготовить* — *подготавливать*, *звонить* — *названивать*).

Чередующиеся таким образом фонемы образуют а л ь т е р н а ц и о н н ы е р я д ы, члены к-рых регулярно выступают в определённых грамматических позициях, напр.: *свет* — *светить* (мягкая фонема |*т'*| перед глагольным суффиксом -*и*-) — *свечение* и *отсвечивать* (фонема |*ч*| перед суффиксами -*ениj*-, -*ива*-). На месте одной фонемы в таких рядах может выступать и сочетание фонем, напр.: *ходить* — *хождение* |*д'* — *жд'*|, *корм* — *кормить* — *кормлю* и *кормление* |*м* — *м'* — *мл'*|. Среди Ч. встречаются малорегулярные и редкие (редкие Ч. |*г* — *з'*|: *друг* — *друзья* и |*г* — *щ*|: *помогу* — *помощь*, встречающиеся только в указанных словах). В рус. языке широко распространены и наиболее регулярны Ч. согласных перед определёнными суффиксами и флексиями. Ч. гласных, за исключением беглости гласной, представлены почти исключительно в глагольных корнях и ограничены определёнными корнями, напр. |*о* — *и*(*ы*)|: *засохнуть* — *засыхать*, |*и*(*ы*) — *у*|: *слышать* — *слушать*, *слух*, там же встречаются Ч. начальных (предшествующих гласной) согласных корня, напр. |*т'* — *т*|: *тёк* (прош. время) — *ток* (сущ.). Ч. наблюдаются в корнях (|*н* — *н'*|: *слон* — *слон-ёнок*), суффиксах (|*к* — *ч*|: *старик* — *стар-ич-ок*), префиксах (|*о*| —нуль: *со-драть* — *с-деру*).

Ч. в рус. языке являются дополнительным средством формального (фонематического) различения слов и словоформ, сопровождающим основное средство — аффиксацию. Как дополнительное грамматическое средство Ч. не обязательно; так, в словах *год* — *годик* перед суффиксом -*ик* чередуются |*д* — *д'*|, а в словах *гвоздь* — *гвоздик* Ч. нет, т. к. мягкая фонема |*д'*| выступает уже в мотивирующем слове *гвоздь*, ср. также *книга* — *книжица* и *лужа* — *лужица*. Ч., выступающее как единственное внешнее (фонематическое) различие словоформ, называют иногда «внутренней флексией», ср., напр., Ч. |*х* — *ш*| *тих* (краткая форма муж. рода прил.) — *тишь* (сущ. в форме им. п.); однако с грамматической точки зрения такие словоформы содержат не только различные фонемы корня, но и различные нулевые аффиксы.

В разработке теории Ч. русского языка — выработке её основных понятий, изучении разновидностей Ч.— особенно велика роль таких учёных, как И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. С. Трубецкой.

Лит.: К у з н е ц о в П. С., О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1952, т. 11, № 1; Б о д у э н д е К у р т е н э И. А., Опыт теории фонетических альтернаций, в его кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 1, М., 1963; Р е ф о р м а т с к и й А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Б е р н ш т е й н С. Б., Введение в славянскую морфонологию, «ВЯ», 1968, № 4; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве); T r u b e t z k o y N. S., Das morphonologische System der russischen Sprache, Prague, 1934.

В. В. Лопатин.

ЧЕРНЫШЁВ Василий Ильич [29.12.1866 (10.1.1867), с. Алексино, ныне Владимирской обл.,— 21.5.1949, Ленинград] — сов. языковед, чл.-корр. АН СССР (1931). Окончил учительскую семинарию в Киржаче (1886). Учитель сельских, уездных, городских училищ (1886—1912). Работы по лексикографии, лексикологии, культуре речи, диалектологии, истории языка, фольклористике, языку и стилю писателей, методике преподавания рус. языка. В работе «Письма о старой и новой орфографии» (1904) Ч. аргументировал необходимость реформы рус. орфографии. Книга «Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов» (1906) — научное пособие по рус. орфоэпии. Сборник ста-

тей «В защиту живого слова» (1912) посвящён задачам и приёмам изучения живой устной речи в школе. Книга «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (1911) отразила взгляд Ч. на рус. лит. язык, в к-ром он видел сложное взаимодействие книжного языка и различных диалектных систем. Ч.— автор ряда статей, учебников, учебных пособий по рус. языку и словесности, работ о педагогических взглядах А. Н. Радищева, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и др. Исследовал язык и стиль Баратынского, Кольцова, Некрасова, Пушкина, Тургенева и др. писателей. Один из зачинателей и создателей «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах, ответственный редактор т. 1—2.

Ленинская пр. (1970).

Соч.: Избр. труды, т. 1—2, М., 1970 (в т. 2 — Список трудов Чернышева).

Лит.: Иорданский А. М., Василий Ильич Чернышев, «Рус. речь», 1969, № 4; Виноградов В. В., О трудах В. И. Чернышева по русскому языку, в кн.: Чернышев В. И., Избр. труды, т. 1, М., 1970; Протченко И. Ф., В. И. Чернышев — ученый-языковед и методист, «Рус. яз. в школе», 1977, № 4; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 3, Минск, 1978.

ЧИСЛИ́ТЕЛЬНОЕ, имя числительное,— часть речи, обозначающая количество предметов и порядок их при счёте и выражающая эти значения в грамматических категориях падежа, отчасти рода и числа. По значению Ч. делятся на количественные (обозначающие собственно количество), собирательные (обозначающие количество как совокупность) и порядковые (обозначающие место предмета по порядку при счёте). Количественные Ч. по структуре делятся на простые (*два*, *пять*, *сорок*), сложные (*пятьдесят*, *двести*) и составные (*двадцать пять*, *триста шестьдесят девять*). К составным относятся также дробные Ч. (кроме слов *полтора* и *полтораста*, к-рые относятся к простым Ч.): *две пятых*, *семь восьмых*. К количественным Ч. относятся также неопределённо-количественные слова *много*, *мало*, *немного*, *немало*, *сколько*, *несколько*.

Собирательные Ч. образуются от количественных, обозначающих целые числа от двух до двадцати, с помощью суффиксов *-oj-* (*два — двое*, *три — трое*) и *-ер-* (*четыре — четверо*, *пять — пятеро* и все остальные). Они сочетаются с существительными муж. рода — названиями лиц и с существительными pluralia tantum, а также с названиями детёнышей животных: *пятеро братьев*, *трое детей*, *четверо саней*, *двое щенят* (ср.: *две женщины*, *три стола* и т. п., сочетающиеся только с количественными Ч.).

Количественные и собирательные Ч. (кроме *один*) делятся на две группы по сочетаемости с формами существительных: Ч. *два*, *оба*, *полтора*, *три* и *четыре* в форме им. п. сочетаются с существительными в род. п. ед. ч.: *два человека*, *три книги*; остальные количественные и все собирательные Ч. в форме им. п. сочетаются с существительными в род. п. мн. ч.: *пять домов*, *десять человек*, *шестеро учеников*. В формах косвенных падежей все Ч. употребляются с существительными в соответствующих падежных формах мн. ч.: *трём книгам*, *о десяти домах*, *пятерыми братьями*.

Ч. *один* изменяется по родам, числам и падежам; Ч. *два*, *оба* и *полтора* — по родам и падежам (*два*, *оба*, *полтора* — формы им. п. муж. и ср. родов; *две*, *обе*, *полторы* — формы им. п. жен. рода); остальные количественные и все собирательные Ч. изменяются только по падежам. Особые основы косвенных падежей, отличные от основ им. п., имеют Ч. *оба* и *полтора*: род. п. *обоих* (муж. и ср. род), *обеих* (жен. род), *полутора*. В сложных Ч. (*пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*, *полтораста*, *двести*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот* и *девятьсот*) при склонении изменяются обе части: *пятидесяти*, *двухсот*, *трёмстам*, *четырьмястами*, *о пятистах*. В составных количественных Ч. при склонении изменяется каждое слово.

Встречающийся в основе нек-рых количественных Ч. компонент *-дцать* исторически является формой Ч. *десять*, подвергшейся фонетическому изменению, напр. *тринадцать* возникло из более древней формы *трина́десять* — «три сверх десяти», а *двадцать* — из *два́десять* — «два десятка».

В предложении количественные и собирательные Ч. выступают чаще всего в роли подлежащего и дополнения (*Семеро*

одного не ждут), а также в роли сказуемого (*Два и три — пять*).

Порядковые Ч. имеют те же падежные формы, что и имена прилагательные, и изменяются по родам, числам и падежам. Они образуются от основ количественных Ч. без особого суффикса при отвердении конечного согласного основы: *пять — пятый*, *тридцать — тридцатый*; сложные Ч. образуют порядковые от основы род. п.: *двухсот — двухсотый*. Особым образом образуются порядковые Ч. *первый*, *второй*, *третий*, *четвёртый*, *седьмой*, *сороковой* и *сотый*. При образовании порядковых Ч. от составных в порядковое переводится лишь последнее слово: *тысяча девятьсот семьдесят третий*; только это последнее слово изменяется при склонении. Поскольку по характеру склонения, падежным флексиям и синтаксическим функциям порядковые Ч. подобны прилагательным, нек-рые лингвисты рассматривают их как особую группу относительных прилагательных (обозначающих отношение к количеству), а не как особый разряд Ч.

Лит.: Грамматика русского языка, т. 1, М., 1952; Супрун А. Е., Имя числительное и его изучение в школе, М., 1964; Виноградов В. В., Русский язык. (Грамматическое учение о слове), 2 изд., М., 1972; Русская грамматика, т. 1, М., 1979 (в производстве). *В. В. Лопатин.*

ЧИСЛО́ — грамматические категории существительного, прилагательного, глагола, связанные с непосредственным или опосредованным указанием на количество предметов. В совр. рус. языке категория Ч. выражается противопоставлением двух членов: единственного и множественного Ч. (в др.-рус. языке эта категория была трёхчленной, т. к. включала двойственное число, см.).

Значение Ч. существительного обращено к внеязыковой действительности (имеет номинативный характер). Вместе с тем категория Ч. существительных имеет и синтаксическую сторону. Числовая форма существительного по правилам согласования требует определённой формы Ч. прилагательного и глагола. Наиболее распространена точка зрения, согласно к-рой Ч. существительного — словоизменительная категория. Однако Ф. Ф. Фортунатов и его последователи относят формы единственного и множественного Ч. к словообразованию, т. е. рассматривают существительные в единственном и во множественном Ч. как слова разных грамматических классов.

Значение Ч. выражается в существительном вместе со значением падежа. Формы единственного и множественного Ч. различаются системами флексий. В формах единственного Ч. выбор морфемы флексии зависит от типа склонения (см. Склонение), во множественном Ч. различие типов склонения проявляется лишь в части падежей. Подпарадигмы Ч. могут различаться, кроме того, ударением, ср.: *до́м*, *до́ма* и *дома́*, *домо́в*; *весло́*, *весла́* и *вёсла*, *вёсел*, и структурой основы — наличием особых суффиксов: *колос — колосья*, *сын — сыновья*, *утёнок — утята*, *армянин — армяне*, супплетивными основами: *человек — люди*.

У существительных, имеющих две соотносительные формы Ч., основным является семантическое противопоставление: один предмет — множество предметов (более одного). Наличие двух форм Ч. выделяет класс считаемых предметов.

У большой группы существительных есть только одна форма Ч.: единственного или множественного. К singularia tantum (имеющим только форму единственного Ч.) относятся существительные с вещественным значением (*виноград*, *алюминий*), с собирательным значением (*детвора*, *родня*), отвлечённым значением названия действия или признака (*ходьба*, *горе*, *здоровье*, *ширина*). К pluralia tantum (имеющим только форму множественного Ч.) принадлежат слова, называющие предметы, состоящие из двух частей (*очки*, *ворота*, *кавычки*); сложные или характеризующиеся пространственной или временно́й протяжённостью предметы (*шахматы*, *кудри*, *мемуары*, *джунгли*); действия и состояния (*проводы*, *побои*, *нелады*); вещества (*щи*, *белила*, *отруби*).

Вещественные и отвлечённые существительные, развивая конкретные значения, могут приобретать две формы Ч.: *масло* (вещество) и *масло* (вид вещества) — *масла́*; *движение* (название действия) и *движение* (конкретное проявление действия) — *движения*; *скорость* (название признака) и *скорость* (конкретное проявление признака) — *скорости*. Все существительные singularia tantum обозначают предмет в отвлечении от идеи счёта и, следовательно, количества. Среди слов, традиционно относимых к pluralia tantum, слова типа *сутки*, *сани* могут обозначать один предмет и более одного предмета, на что указывают обычно лексические сопроводители: *одни сани — все сани*; *одни сутки — много суток*.

При определении категориальных значений форм Ч. одни лингвисты исходят только из значений соотносительных форм Ч., другие включают в обобщение и формы singularia и pluralia tantum. При том и другом подходе оппозиция числовых значений оказывается несводимой к противопоставлению «один предмет» — «более одного».

Формы Ч. считаемых существительных имеют несколько частных значений. Форма единственного Ч. обозначает один предмет или не несёт никакого сообщения о количестве предметов (при обобщённо-родовом значении существительных пред-

мет называется в отвлечении от идеи счёта). Ср.: *Тетерев здесь не водится*; *День металлурга*; *Не красна изба углами, а красна пирогами*; *Наш завод более пятидесяти лет выпускает ручную швейную иглу и рыболовные крючки*. Форма множественного Ч. чаще всего обозначает, что количество предметов — более одного, представляя множество как раздельное (*Якуты затянули свою долгую песню*) или совокупное (собирательное) *Якуты живут в Сибири*; *Поспели абрикосы*. Форма множественного Ч. может также представлять количество как неопределённое (количество неизвестно, т. е. может быть равно более чем одному предмету). Если в контексте неопределённость снимается, реальное количество может оказываться равным одному: *Есть ли среди вас студенты? В вагоне у нас новые пассажиры—молодая женщина в оленьей шапке*. В определённых контекстах возможна взаимозамена форм единственного и множественного Ч. без изменения смысла предложения: *Тетерев здесь не водится*; *Тетерева здесь не водятся*.

Среди местоимений-существительных (см. Местоимение) только личные и указательные имеют корреляцию по Ч.: *я — мы*, *ты — вы*, *он*, *она*, *оно — они*. Семантические отношения их нестандартны (*мы* не означает множество говорящих, а означает «говорящий и другие», *вы* может означать как множество адресатов речи, так и «адресат речи и другие»), поэтому эти формы иногда рассматривают как разные лексемы. При местоимениях *себя* и *кто* указание на Ч. несут формы согласуемых определений *самого/самих себя*, *кто такой/такие*. Другие местоимения-существительные противопоставленных форм Ч. не имеют и требуют согласования в форме единственного Ч.

Отсутствие категории Ч. является отличительной грамматической характеристикой числительного как части речи.

В рус. языке категория Ч. прилагательных и глаголов — словоизменительная, синтаксическая. Формы Ч. этих частей речи согласуются в предложении с формами Ч. существительных, тем самым они опосредованно указывают на то, что один предмет или несколько предметов являются носителями данного процессуального или непроцессуального признака. В сочетании с неизменяемыми существительными форма Ч. прилагательного или глагола является единственным выразителем числовой информации. Форма множественного Ч. может относиться по смыслу к группе однородных членов: *На нём шапка и шуба меховые*. Грамматическое значение Ч. присутствует во всех формах прилагательного, кроме синтетической формы сравнительной степени, во всех формах глагола, кроме инфинитива и деепричастия. В большинстве форм значение Ч. выражается совместно с другими грамматическими значениями одной морфемой: в полных прилагательных и причастиях — вместе со значениями рода и падежа в единственном Ч., вместе со значением падежа — во множественном Ч.; в кратких прилагательных и кратких страдательных причастиях, в формах прош. времени и сослагательного наклонения — вместе со значением рода в единственном Ч., самостоятельно — во множественном Ч.; в настоящем/будущем времени глагола — вместе со значением лица.

Противопоставление по Ч. глагольных форм 3-го лица наст. и прош. времени несёт самостоятельную семантическую нагрузку — при нулевом подлежащем. Ср.: *Дом снесло*; *Дом снесли*. Единственное Ч. указывает на безличность, стихийность действия, множественное Ч.— на то, что производитель действия — неопределённое лицо или лица.

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., Очерк грамматики русского литературного языка, М., 1945; Реформатский А. А., Число и грамматика, в кн.: Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, М.— Л., 1960; Зализняк А. А., Русское именное словоизменение, М., 1967; Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка, М., 1968; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Виноградов В. В., Русский язык, 2 изд., М., 1972.

Е. В. Красильникова.

ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — синтаксические категории, под к-рые подводятся слова или сочетания слов, входящие в предложение и выполняющие в нём синтаксическую и смысловую функцию. Каждое предложение состоит из организующих его словоформ, находящихся в определённых отношениях друг к другу. Одни Ч. п. организуют его минимальную основу и называются главными: в двусоставном предложении (см.) — это подлежащее (см.) и сказуемое (см.), в односоставном предложении (см.) — главный член односоставного предложения. Другие Ч. п. являются распространяющими и называются второстепенными: это определение (см.), т. е. член предложения, отвечающий на вопросы *какой? чей?*; дополнение (см.), отвечающее на вопросы косвенных падежей; обстоятельство (см.), отвечающее на вопросы *как? каким образом? где? когда? зачем? почему?* и др. Строгие грамматические, формальные границы между второстепенными Ч. п. не всегда могут быть установлены.

Деление Ч. п. на главные и второстепенные чётко проводится в грамматиках 19 в. и сохраняется в 20 в. в школьных грамматиках и многих работах по синтаксису. Противопоставление главных и второстепенных Ч. п. не всегда совпадает

с той информативной нагрузкой, к-рую они несут в предложении: в ряде случаев распространяющий член содержательно может быть более существенным, чем главный Ч. п.

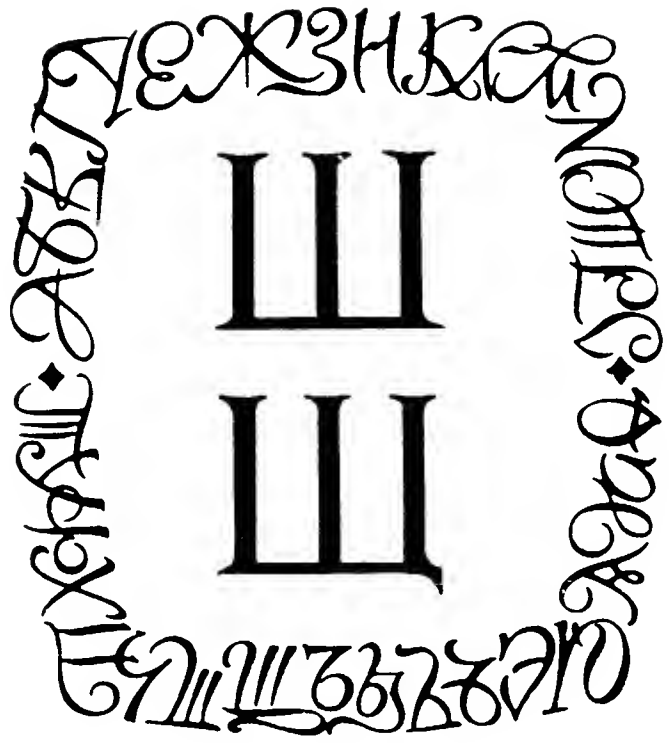
Ч. п. выделяются на двух основаниях — смысловой (логической) и формальной (грамматической). Начало учению о второстепенных Ч. п. в аспекте категорий логики было положено в работах А. Х. Востокова (см.), Н. И. Греча, И. И. Давыдова, выделявших два разряда второстепенных Ч. п.: определение и дополнение. Развёрнутое учение о второстепенных Ч. п. и их классификация даны в работах Ф. И. Буслаева (см.), к-рый рассматривал второстепенные члены в двух аспектах: 1) в грамматическом — как слова, присоединяемые к главным членам посредством согласования, управления, примыкания, и 2) по значению, т. е. на основании логического вопроса. Буслаев выделял три второстепенных члена: определение, дополнение и обстоятельство. Критикуя Буслаева, А. А. Потебня (см.) строил классификацию второстепенных Ч. п. на их соответствии частям речи. Это учение получило развитие в работах Д. Н. Овсянико-Куликовского (см.), А. М. Пешковского (см.), А. А. Шахматова (см.) и др. Пешковский, отказываясь от названий «определение», «дополнение», «обстоятельство», использовал для обозначения этих Ч. п. термины «согласуемое прилагательное», «управляемое существительное» и «примыкающее наречие». Традиционно второстепенные Ч. п. определяются как распространители других Ч. п.— главных и второстепенных. Позднее второстепенные Ч. п. стали квалифицироваться как распространители не только главных или других второстепенных Ч. п., но и предложения в целом; второстепенными считаются также обособленные Ч. п. (см. Виноградов В. В., Введение к «Грамматике русского языка», т. 2, ч. 1, М., 1954).

Деление второстепенных Ч. п. на определение, дополнение и обстоятельство традиционно сохраняется, хотя во многих работах отмечается, что внутренняя противоречивость и неграмматичность принципов их выделения приводит к колебаниям в квалификации того или иного Ч. п. (особенно часты колебания между дополнением и обстоятельством, между несогласованным определением и дополнением) или к толкованию ряда случаев как явлений переходных или смешанных.

Намечается пересмотр учения о второстепенных Ч. п. с целью уточнения грамматических и семантических качеств Ч.п. в терминах семантической структуры предложения (см.).

Лит.: Овсянико-Куликовский Д. Н., Синтаксис русского языка, СПБ, 1912; Аванесов Р. И., Второстепенные члены предложения как грамматические категории, «Рус. яз. в школе», 1936, № 4; Шахматов А. А., Синтаксис русского языка, 2 изд., Л., 1941; Пешковский А. М., Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд., М., 1956; Шапиро А. Б., К учению о второстепенных членах предложения в русском языке, «ВЯ», 1957, № 2; Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, т. 1—2, М., 1958; Буслаев Ф. И., Историческая грамматика русского языка, М., 1959; Ломтев Т. П., О второстепенных членах предложения, «Рус. яз. в школе», 1960, № 4; Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1, М., 1960; Современный русский язык, ч. 2, [М.], 1964; Рословец Я. И., О второстепенных членах предложения и их синтаксических функциях, «ВЯ», 1976, № 3; Шмелев Д. Н., Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке, М., 1976.

К. В. Габучан.



Ш, ш — двадцать шестая буква рус. алфавита. Её название [*ша*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ш, строчное ш.* Буква *Ш, ш* обозначает непалатализованную (твёрдую) согласную фонему [*ш*] (см. Согласные): *шаг* [*шак*], *ше́рсть* [*ше́рс'т'*], *ши́ло* [*шы́лъ*].

Буква *Ш, ш* употребляется в составе нек-рых сокращений и как сокращённое обозначение нек-рых слов: *ш.*— широта (геогр.), шоссе.

По начертанию восходит к букве «ша» (**Ш**) кириллицы (см.), где числового значения не имела. Детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ША́НСКИЙ Николай Максимович (р. 22.11.1922, Москва) — сов. языковед, методист, акад. АПН СССР (1974). Чл. КПСС с 1955. Окончил МГУ (1945), д-р филологических наук (1966), проф. МГУ (с 1968). Гл. ред. журн. «Русский язык в школе» (с 1963). Директор НИИ преподавания рус. языка в национальной школе АПН СССР (с 1970). Гл. ред. «Этимологического словаря русского языка» (т. 1, в. 1—5, 1963—73; т. 2, в. 6, 1975). Труды по лексике, фразеологии, словообразованию, грамматике, этимологии рус. языка, языку писателей и рус. лингводидактике (в т. ч. по методике преподавания рус. языка как неродного).

В книгах «Основы словообразовательного анализа» (1953), «Очерки по русскому словообразованию» (1968) словообразовательный анализ рассматривает как промежуточное звено, объединяющее морфемный анализ слова и изучение процессов деривации, вводит понятия усложнения (превращение ранее непроизводной основы в производную), декорреляции (изменение характера или значения морфем и соотношения их в слове при сохранении последним первоначального числа и порядка морфем), диффузии (взаимопроникновение морфем), замещения одной морфемы другой. Исследуя специфику рус. фразеологизмов, Ш. определяет фразеологический оборот как воспроизводимую в готовом виде единицу языка из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную по своему значению, составу и структуре («Фразеология современного русского языка», 2 изд., 1969).

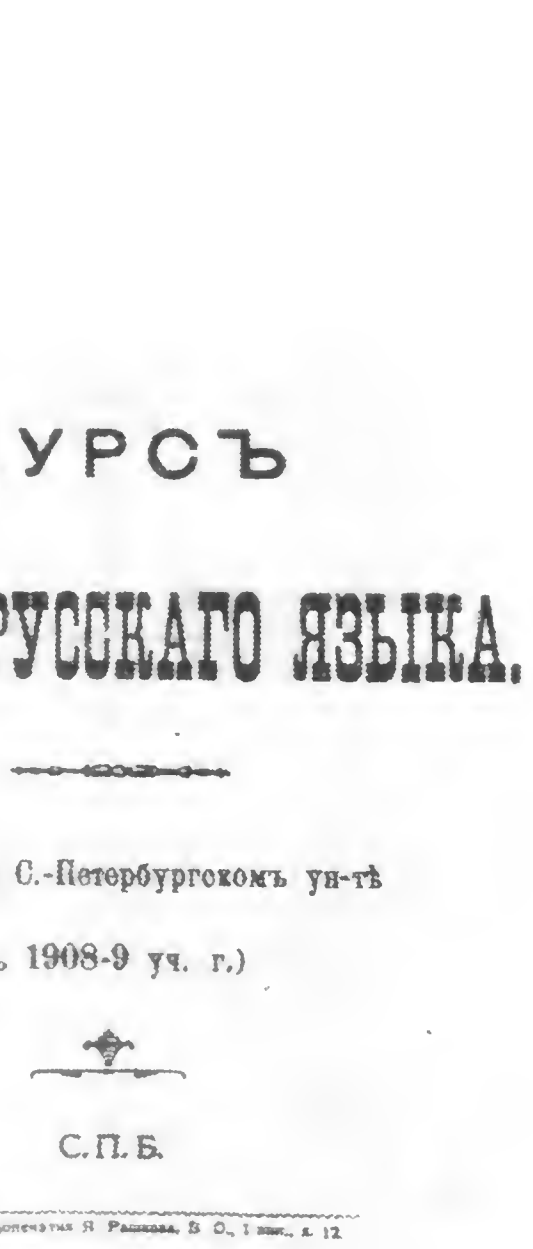
Лит.: Карашева Н. Б., Нуртазина Р. Б., Юбилей ученого. [К 50-летию Н. М. Шанского], «Рус. яз. в нац. школе», 1962, № 6.

ШАПИ́РО Абрам Борисович [10(22). 9.1890, Москва,— 25.7.1966, там же] — сов. языковед, доктор филологических наук (1947). Окончил Московский ун-т (1914), проф. МГУ (с 1949). Труды по морфологии и синтаксису рус. языка («О залогах в современном русском языке», 1941; «Об образовании наречий

в современном русском языке», 1947; «Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи?», 1955, и др.). Исследовал синтаксис разговорной речи на материале рус. диалектов («Очерки по синтаксису русских народных говоров», 1953). В книгах «Русское правописание» (1951) и «Основы русской пунктуации» (1955) разработал теоретические основы орфографии и пунктуации, дал исторический очерк рус. правописания. Ряд работ Ш. посвящён лексикологии.

Лит.: Борковский В. И., А. Б. Шапиро. (К 70-летию со дня рождения), «Рус. яз. в школе», 1960, № 6; Попов А. С., Абрам Борисович Шапиро, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1966, т. 25, в. 6; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 3, Минск, 1978.

ША́ХМАТОВ Алексей Александрович [5(17).6.1864, Нарва,— 16.8.1920, Петроград] — рус. языковед, акад. Петерб. АН (1899). Окончил Московский ун-т (1887), проф. Петерб. ун-та (с 1909). Председатель Отделения рус. языка и словесности АН (1906—20). Труды по фонетике, диалектологии, лексикографии, синтаксису, истории рус. языка, по совр. рус. лит. языку, истории восточных славян, истории др.-рус. лит-ры, укр. и белорус. языкам, слав. акцентологии. В книгах «Исследования в области русской фонетики» (1894), «К истории звуков русского языка» (1903) и др. Ш. ставил задачу восстановить общерус. праязык во всех его фонетических подробностях путём сравнительно-исторического сопоставления древних и совр. рус. диалектов с привлечением данных других слав. языков. Связывая историю языка с историей народа в таких капитальных трудах, как «Курс истории русского языка» (1909), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), «Древнейшие судьбы русского племени» (1919),


КУРСЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(читанъ въ С.-Петербургскомъ ун-тѣ

въ 1908-9 уч. г.)

С.П.Б.

«К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1899) и др., Ш. изучал происхождение Руси, доисторическую эпоху в жизни восточнослав. племён, восстанавливал историю их передвижений, прослеживал процесс создания рус. народности. Выдвинул гипотезу о распаде общерус. праязыка в 9—10 вв. на три больших наречия: южнорусское, восточно(средне)русское и севернорусское.

Проследил историю создания летописных сводов 11—16 вв., заложил основы текстологического изучения летописей и текстологии как науки.

Изучение памятников др.-рус. письменности привело Ш. к выводу о существовании в древности разных орфографических систем, препятствовавших отражению на письме особенностей живых говоров, а также о существовании древних лит. койне, отличных от народных говоров.

В труде «Синтаксис русского языка» (в. 1—2, 1925—27, 2 изд., 1941) Ш. разработал учение о психологической коммуникации и предложении как её выражении, систематизировал виды односоставных предложений в рус. языке, выделил вокативные предложения. В книге «Очерк современного русского литературного языка» (1925, 4 изд., 1941) изложил свои взгляды на соотношение морфологии и синтаксиса, подчёркивал вспомогательное положение морфологии, дал классификацию частей речи совр. рус. языка на основе морфологических, синтаксических и семантических признаков. Словообразование признавал самостоятельным разделом науки о языке.

Ш. принадлежат также труды по этнографии, фольклористике, истории др.-рус. лит-ры. После смерти Я. К. Грота

(см.) продолжил работу над академическим «Словарём русского языка» (1895—1916). Был редактором «Известий ОРЯС», участвовал вместе с Ф. Ф. Фортунатовым (см.) в работе по подготовке реформы орфографии.

Лит.: Список трудов А. А. Шахматова, «Изв. Отделения русского языка и словесности Российской АН. 1920», 1922, т. 25; Виноградов В., Алексей Александрович Шахматов, П., 1922; А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов, М.— Л., 1947; Улуханов И. С., Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), «Рус. речь», 1970, № 6; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX в., М., 1976; Филин Ф. П., Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1964, т. 23, в. 3; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 1, Минск, 1976.

ШИПЯ́ЩИЕ СОГЛА́СНЫЕ — согласные *ш*, *ж*, *ч*, называемые так по производимому ими акустическому впечатлению. В др.-рус. языке Ш. с. исконно были мягкими: они возникли в результате первой палатализации (см. Палатализация) или в результате изменения сочетаний нек-рых согласных (**t*, **k* и др.) с *j*. Поэтому в памятниках письменности буквы *ш*, *ж* и *ч* употреблялись с последующими гласными буквами *ъ*, *е*, *и: мышь*, *мужь*, *сѣчь*, *шесть*, *жена*, *чести*, *несеши*, *бѣжиши*, *точиши*. Употребление этих букв с последующими *а* и *у* [а не с Ѧ (*я*) и *ю*] свидетельствовало о том, что согласные [*ш'*], [*ж'*] и [*ч'*] не имели твёрдой пары и не было необходимости после них дифференцировать написание гласных.

В истории рус. языка [*ш'*] и [*ж'*] подверглись отвердению, а [*ч'*] сохранился как мягкий согласный; отвердение Ш. с. относится к 14 в.: в этот период в памятниках появляются написания *ш* и *ж* с последующей буквой *ы*: *жывите*, *держыть*, *Шышкина* (Духовная грамота Дмитрия Донского, 1389). Совр. орфография сохраняет традиционные написания букв *и* и *ь* (в конце существительных жен. рода и нек-рых глаголов) после *ш* и *ж*: *жир*, *мышь*, *печь*.

Совр. долгие Ш. с. [$\overline{ш}$'] и [$\overline{ж}$'] возникли из др.-рус. сочетаний [*ш'т'ш'*] и [*ж', д', ж'*] в результате утраты взрывного элемента в этих сочетаниях в таких словах, как *ищу́* — [*иш' т' ш' у́*] > [$\overline{ш}$' *у́*], *леща́* — [*л' еш' т' ш' а́*] > [*л' е* $\overline{ш}$' *а́*], *дро́жжи* — [*дро́ж' д' жи*] > [*дро́*$\overline{ж}$' *и*], *до́ждик* [*до́ж' д' ж' ик*]> [*до́*$\overline{ж}$' *ик*]. Они сохраняют мягкость во многих рус. диалектах и в старомосковском произношении, лёгшем в основу лит. языка (см. Московское произношение); в других говорах они подверглись отвердению. В совр. рус. лит. языке наблюдается тенденция к произношению долгого твёрдого [*ж*]: [*је́*$\overline{ж}$*у*], [*во́*$\overline{ж}$*ы*], [*в'и*$\overline{ж}$*а́т'*] или сочетания [*жд'*] в слове [*до́жд'ик*].

В. В. Иванов.

ШТАМП (от итал. stampa — печать) р е ч е в о й — стилистически окрашенное средство языка, к-рое осознаётся говорящими как «готовая», устойчивая и часто употребляющаяся формула. Стать Ш. могут разные факты языка и речи: слово, словосочетание, конструкция, предложение; архаизм, новообразование, афоризм, поговорка и др. Как синоним Ш. часто употребляется термин «к л и ш е». В отличие от клише понятие «Ш.» оценочно (так называют любые примелькавшиеся, надоевшие и безвкусные выражения, являющиеся результатом небрежного отношения к речи) и отчасти субъективно (речевой Ш. часто ассоциируется с Ш. мысли).

Объективное содержание понятия «Ш.» двойственно. Ш. выступает как н е о б х о д и м ы й э л е м е н т речи там, где её главной особенностью является наличие с т е р е о т и п о в, обеспечивающих точность, однозначность, экономность и традиционную повторяемость к.-л. элементов языка. Ш. этого типа имеются в большинстве областей официального общения (см. Официально-деловой стиль), гл. обр. в канцелярско-деловой речи (см. Канцеляризмы): *вышеозначенный*, *верительные грамоты*, *настоящим сообщаю*, *в целях ликвидации... постановляем*, *приказ по...* и др. и в неофициальной разговорной речи: бытовые стереотипы — *читалка*, *столовка*, *лишний билетик*; *Два до Кунцева* — о билетах, *Улица Горького — выходите?*

Ш. выступает как с и г н а л с т и л и с т и ч е с к о й д е ф е к т н о с т и там, где речь имеет иные экспрессивные задачи. Так воспринимаются канцелярско-протокольные Ш. вне специального употребления. Существуют публицистические Ш.: *форум* (в значении «любое заседание, совещание и пр.»), *бурлящий континент*, *агенты империализма*, *найти горячий отклик в сердцах* и пр.). В основу Ш. может лечь художественный образ: *белое золото* (хлопок), *чёрное золото* (уголь), *жидкое золото* (нефть). Языку художественной лит-ры Ш. противопоказан более всего, т. к. автоматизм его употребления противоречит задачам неповторимого авторско-индивидуального словесного отбора. Здесь, как и в публицистике, использование Ш. правомерно лишь для стилизации: в качестве средства иронии или речевой характеристики персонажей.

Ш. первого и второго типов неравны с точки зрения процесса языкового развития. Ш. первого типа меняются мед-

ленно и входят в наиболее традиционный слой элементов языка (ср. архаический оттенок многих канцелярских Ш.). Ш. второго типа — категория микроисторическая. Языковой коллектив очень быстро отказывается от «изношенных», дискредитировавших себя стилистических средств и стремится к их обновлению, руководствуясь при этом и внеязыковыми причинами. Поэтому судьба таких Ш. парадоксальна: возникая как новое, экспрессивно насыщенное стилистическое средство, они затем, вследствие слишком широкого и некритического употребления, «стираются», становятся символом культурно-речевой узости и вскоре выходят из активного употребления. Злоупотребление Ш. высмеяно И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом телёнке» («Торжественный комплект — незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей и табельных фельетонов», к-рый Остап Бендер продал журналисту Ухудшанскому).

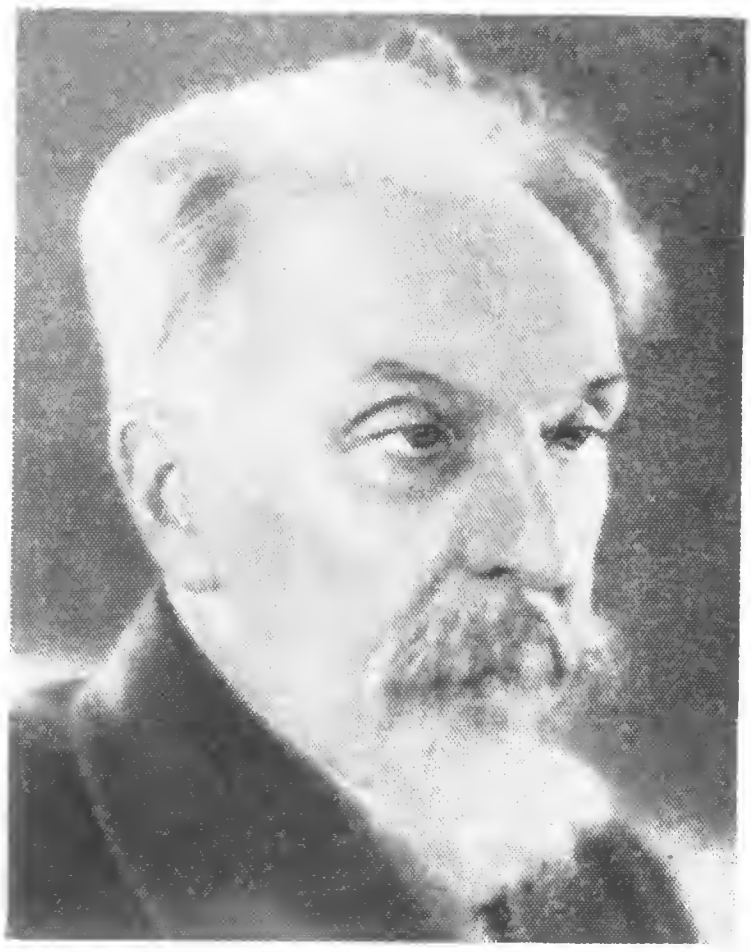
Лит.: Винокур Г., Культура языка, [М., 1930]; Костомаров В. Г., Культура речи и стиль, М., 1960; Чуковский К., Живой как жизнь, [М., 1963].

Т. Г. Винокур.

Щ, щ — двадцать седьмая буква рус. алфавита. Её название [*ща*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное щ*, *строчное щ*. Буква *Щ*, *щ* обозначает переднеязычный долгий глухой палатальный фрикативный шипящий звук [ш̄'] (см. Согласные): *плащ* [*плаш̄'*], *щи* [*ш̄' и*], *грущу́* [*груш̄'у́*]. Употребляется в составе нек-рых специальных сокращений.

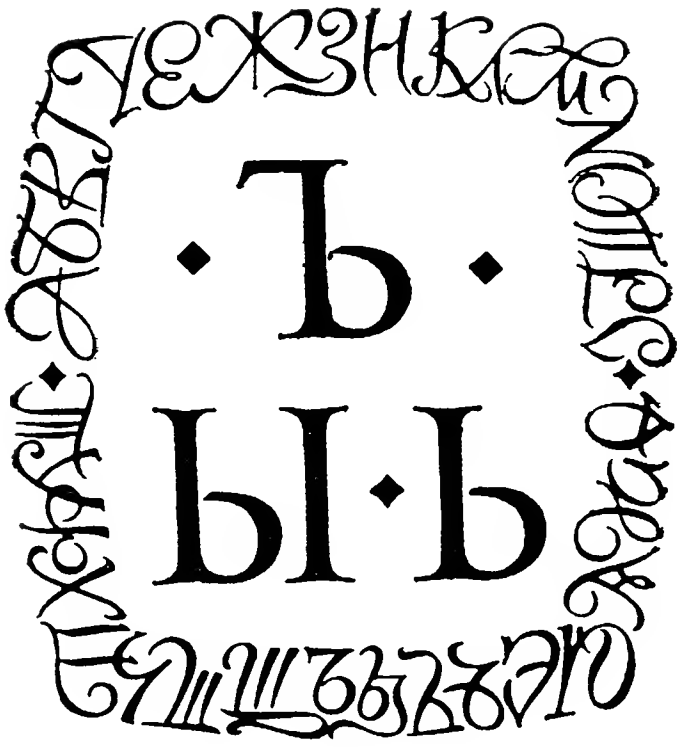
По начертанию восходит к букве «шта» (**Ш**) кириллицы (см.), где числового значения не имела. Название и начертание буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ЩЕ́РБА Лев Владимирович [20.2(3.3). 1880, Петербург,— 26.12.1944, Москва] — сов. языковед, акад. АН СССР (1943; чл.-корр. 1924), акад. АПН РСФСР (1944). Окончил Петерб. ун-т (1903), ученик Бодуэна де Куртенэ (см.). Проф. Петроградского (Ленинградского) ун-та (с 1916), Бестужевских женских курсов (с 1912). Круг лингвистических интересов Щ.: теория языка, общая и экспериментальная фонетика, лексикология и лексикография, орфоэпия, синтаксис, лингвистические основы обучения языкам, лит. язык и его соотношение с диалектами, лингвистическое толкование стихотворений. Наиболее важные работы: «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912), «О частях речи в русском языке» (1928), «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), «Фонетика французского языка» (1937), «Опыт общей теории лексикографии» (1940), «Преподавание иностранных языков в средней школе» (1947)



и др. Различая речевую деятельность (процессы говорения и понимания), языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого) и систему языка, видел задачу лингвистики в воспроизведении системы языка. Щ.— один из основоположников теории фонем. Фонему (см.) понимал как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы — как реально произносимый звук, являющийся тем частным, в к-ром реализуется общее (фонема). Щ.— автор учения о пассивном (изучение порядка слов, сочетания слов, фразового ударения и фразовой интонации) и активном (способ выражения мысли) синтаксисе. В основе синтаксической системы Щ. лежит понятие синтагмы как фонетического единства, выражающего в процессе речи единое смысловое целое и состоящего из слова, словосочетания или группы словосочетаний. Синтагмы объединяются во фразы, одночленные или многочленные. Соотношение между фразой и предложением не определяется. Щ. оказал большое влияние на развитие лексикографии в СССР: «Русско-французский словарь» (1936, совм. с М. И. Матусевич) представлял собой новый, оригинальный тип двуязычного словаря. Участвовал в составлении учебных планов и программ средней школы по рус. языку, был редактором стабильного школьного учебника рус. языка.

Лит.: Памяти академика Л. В. Щербы, [Л.], 1951; Зиндер Л. Р., Матусевич М. И., Л. В. Щерба. Основные вехи его жизни и научного творчества, в кн.: Щерба Л. В., Языковая система и речевая деятельность, Л., 1974 (лит.); Будагов Р. А., Академик Л. В. Щерба, в его кн.: Человек и его язык, 2 изд., М., 1976; Булахов М. Г., Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь, т. 3, Минск, 1978.



Ъ, ъ — двадцать восьмая буква рус. алфавита. Называется «твёрдый знак». В совр. письме звука не обозначает. Употребляется как разделительный знак на стыке приставки и корня. После согласных перед буквами *е*, *ё*, *ю*, *я* обозначает обычно твёрдость предшествующего согласного и сочетание гласного с *j* (*и*): *съел*, *подъём*, *подъезд*, *разъяснение*, *объявление*.

По начертанию восходит к букве «ер» (ъ) кириллицы (см.), где числового значения не имела. Буква Ъ, ъ в памятниках до сер. 12 в. означала редуцированный гласный звук (см. Редуцированные гласные), к 13 в. перешедший в *о* или исчезнувший (см. Падение редуцированных). Не обозначая никакого звука, до реформы 1917—18 ставилась: в конце слов для обозначения твёрдости конечного согласного (*сынъ*), у существительных муж. рода после шипящих (*грачъ*), у существительных жен. рода в род. п. после шипящих (*из-за тучъ*). Название буквы изменялось после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

Ы, ы — двадцать девятая буква рус. алфавита. Название буквы [*ы*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ы*, *строчное ы*. Буква Ы, ы обозначает гласный звук [*ы*] (см. Гласные): *мы* [*мы*], *ры́нок* [*ры́нък*], *сыр* [*сыр*] и указывает на письме, что предшествующий ей согласный произносится твёрдо.

По начертанию восходит к букве «еры» (Ы) кириллицы (см.), где числового значения не имела; «еры» — сочетание букв ъ и і (с 15 в. знак ъ заменяется знаком ь). Название и детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

Ь, ь — тридцатая буква рус. алфавита. Называется «мягкий знак». В совр. письме звука не обозначает и пишется: 1) на конце слов и перед согласными, указывая на мягкость предшествующих согласных (*степь*, *письмо*); 2) как разделительный знак перед буквами *е*, *ё*, *и*, *ю*, *я* (*вьюга*, *ружьё*, *ручьи*, *скамья*), в заимствованных словах — и перед *о* (*почтальон*); 3) является показателем грамматических форм: 3-го склонения существительных (*ложь*, *мышь*), повелительной формы глагола (*режь*, *ешь*), неопределённой формы глагола на *ч* (*стеречь*, *беречь*, *печь*), 2-го лица ед. ч. глаголов (*идёшь*, *работаешь*, *читаешь*).

По начертанию восходит к букве «ерь» (Ь) кириллицы (см.), где числового значения не имела. В памятниках до сер. 12 в. означала редуцированный гласный звук (см. Редуцированные гласные), к 13 в. перешедший в гласный *е* или исчезнувший (см. Падение редуцированных). Название буквы изменялось после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

Э, э — тридцать первая буква рус. алфавита. Её название «э оборотное» употребляется как существительное ср. рода: *прописное э*, *строчное э*. Буква *Э, э* обозначает звуки [э] — открытый и закрытый — переднего ряда, среднего подъёма, напр.: *э́тот* [*э́тът*] (см. Гласные), чаще произносится в заимствованных словах: *эвкали́пт* [*эфк∧л'и́пт*], *экза́мен* [*экза́м'ьн*], *мэр* [*мэр*], *поэ́т* [*п∧э́т*].

Буква *Э, э* употребляется в составе нек-рых сокращений: *ЭССР* — Эстонская Советская Социалистическая Республика, *ЭКГ* — электрокардиограмма, *ЭКСПО* — всемирная выставка (франц. exposition).

По начертанию восходит к букве *Э*, употреблявшейся в письменной практике с 16 в. и связанной, по-видимому, с глаголической Э (см. Глаголица), соответствовавшей букве **Є** кириллицы (см.), где эта буква имела числовое значение «пять» (в глаголице — «шесть»). Введена в состав алфавита реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания); её название («э оборотное») соотносит начертание с «перевёрнутой» кириллической буквой **Є**.

ЭВФЕМИ́ЗМ (от греч. euphēmía — воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение) — слово или выражение, служащее в определённых условиях для замены таких обозначений, к-рые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими. Э. этого рода основаны на синонимии, напр. *задерживается* вместо *опаздывает*, *поправился* вместо *потолстел*, *позаимствовал* вместо *украл*, *попросили* (откуда-либо) вместо *выгнали*. Наряду с такими более или менее устойчивыми заменами в речи отмечаются смягчающие индивидуально-контекстные обозначения, к-рые также обычно расцениваются как Э.: «*И Квашин... искоса поглядел на жену и тещу, чтобы узнать, как подействовала его ложь, или, как он сам называл, дипломатия*» (Чехов). В то время как первые замены в определённой своей части соприкасаются с одной из разновидностей табу (см.) и становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) словарными фактами, вторые возникают в речи как окказиональные, «маскирующие» обозначения неприятных, отрицательных явлений. Эти окказиональные замены не основаны на синонимичности соответствующих слов (хотя нек-рыми исследователями рассматриваются как разновидность синонимов), их назначение как раз в том, чтобы «скрыть» подлинную сущность обозначаемого: «*Видишь ли, товарищ Глотов, твое спокойствие — это просто политическая пассивность. Давай уж найдем этому точное название*» (Овечкин). Т. о., под понятие «Э.» подводятся два ряда явлений, природа к-рых различна. *Д. Н. Шмелёв.*

ЭЗО́ПОВ ЯЗЫ́К, эзоповская речь (от имени др.-греч. баснописца Эзопа),— особый стиль изложения, представляющий собой совокупность иносказаний, призванных замаскировать прямое, непосредственное выражение идей и принципов, противоречащих официальной точке зрения. Э. я. является способом подцензурного выражения передовых, революционных идей в условиях антинародного, антидемократического строя и политической реакции. Такая манера письма состоит в использовании намёков, аллюзий, фигур умолчания, разного рода перифраз (см.) и т. п. В рус. подцензурной печати Э. я. появился с кон. 18 в., культивировался в кругах передовой рус. общественности 19 — нач. 20 вв. Мастерами Э. я. были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, к-рый и ввёл в общее употребление выражение «Э. я.», охарактеризовав его так: «Создалась особенная рабская манера писать, которая может быть названа эзоповской,— манера, обнаруживающая изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок и прочих обманных средств». Вот образец Э. я. в статье Чернышевского «Суеверие и правила логики»: «...подобная реформа (имеется в виду революция — *Ю. Б.*) предполагает уничтожение отношений слишком сильных, не поддающихся реформам, а исчезающих только вследствие важных исторических событий, выходящих из обыкновенного порядка, которым производятся реформы» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 707).

В. И. Ленин называл Э. я. «проклятым». К этому языку «царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для „легального“ произведения» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27, с. 301).

Лит.: Бушмин А. С., Из темы об эзоповской манере Салтыкова-Щедрина, в кн.:

Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков, М.—Л., 1958; Чуковский К. И., «Эзопова речь» в творчестве Н. А. Некрасова, в кн.: Некрасовский сборник, т. 1, М.— Л., 1951; Паклина Л. Я., Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике, Саратов, 1971; Черепахов М. С., Н. Г. Чернышевский, М., 1977, гл. 2.

Ю. А. Бельчиков.

ЭКСПРЕССИ́ВНОСТЬ (от лат. expressio — выражение) — семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка (см. Функции языка), его способностью выражать в содержании языковых единиц многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем мире человека. Э. языковых единиц заключается в способности их содержательной стороны отражать эти отношения в виде особых, экспрессивных, признаков. При разноприродности и смысловом различии эмоциональных и оценочных признаков они, будучи субъективными, противостоят в языке объективному значению коммуникативных или номинативных его единиц.

Категория Э. может охватывать все значимые единицы языка (предложения, слова, фразеологизмы, словообразовательные морфемы) и любые элементы языковой структуры, используя самые различные языковые средства и способы для своего формального выражения либо оставаясь формально не выраженной. К формальным ресурсам Э. относятся фонетический облик слов, добавочное ударение, интонационный рисунок предложения, порядок слов, ритм речи, а также словообразовательные средства. При формальной невыраженности Э. на неё указывает экспрессивная значимость языковых единиц — та эмоциональная или оценочная окрашенность значений, к-рая остаётся в них за вычетом объективного содержания. Формально не выраженные признаки Э. присущи таким, напр., словам и фразеологизмам, как *кляча*, *плестись*, *напыщенный*, *крокодиловы слёзы*, *повернуть оглобли*, значение к-рых содержит отрицательную оценку обозначаемых, или *кроткий*, *краеугольный камень*, *на все руки мастер*, к-рые несут в своём содержании положительный экспрессивный заряд. Опознавательной приметой Э. может служить стилистическая окраска слов и фразеологизмов, связанная с нормами употребления в определённых социально-речевых ситуациях, что отражается в словарях в виде помет: *высок.*, *грубо-прост.*, *бран.*, *ирон.*, *шутл.* и т. п.

Э. тесно связана с коммуникативной целью речевых актов и с категорией предложения. Наслаиваясь на обязательное для каждого предложения объективно-модальное значение, Э., используя свои формально выраженные или не выраженные ресурсы, а также особые конструкции, привносит в смысл предложения то или иное субъективно-модальное значение: *Нет чтобы подождать — он пошёл один*; *Построили дачу — не дачу, а какой-то сарай*; *Чем не жених? Работать так уж работать! Погоревала она погоревала да и успокоилась*; *Небо синее-синее*; этой цели служат и особые вводные слова (*к счастью*, *чего доброго*, *вероятно*, *несомненно*, *так сказать* и др.), частицы (*Иди-ка домой*; *Эк его разливается! Ну и порядки!*), междометные слова-высказывания, обороты и предложения, социально закреплённое значение к-рых лишено направленности на объективный внеязыковой ряд и отражает различные оттенки Э. (*Боже! Тьфу! Тьфу пропасть! Вот тебе и раз! Типун тебе на язык!* и т. п.).

Субъективно-речевому началу Э. противостоит в языке номинативно-классифицирующая деятельность (см. Номинация). Акты наименования могут протекать во взаимодействии с экспрессивной интенцией именующих, приводя к формированию экспрессивно окрашенных единиц номинативного состава языка, образующих в нём особый пласт. Внедрение Э. в значение единиц номинативного запаса языка осуществляется разными путями: в результате экспрессивно-образного переосмысления значений слов или сдвигов в стилистической дифференциации слов в процессах исторического развития, при помощи аффиксации и словосложения (ср.: *городок*, *бабёха*, *старушенция*, *блюдолиз*).

В связи со смысловой неоднородностью признаков Э. принято различать экспрессивно-эмоциональные и экспрессивно-оценочные значения слов. Первые образуются в основном при помощи суффиксального словообразования и характеризуются широким охватом существительных и прилагательных (в меньшей степени — наречий). В них достаточно чётко разведены объективная направленность значений и эмоциональные наслоения. Вторые семантически менее прозрачны, поскольку они формируются за счёт переосмысления нейтральных значений слов, а также при помощи аффиксальных средств, употребляющихся в несобственных, вторичных для них значениях. Оценочный компонент имеет более сложную смысловую структуру, нежели эмоциональный; оценочное наслоение акцентирует в семантике слова признаковое содержание, выдвигая его на первый план.

В соответствии со стилистической дифференциацией номинативного состава языка принято выделять экспрессивно-стилистические значения слов, к-рые выступают как экспрессивно окрашенные синонимы нейтральных слов в пределах определённого стиля речи. При учёте

формально-структурного выражения Э. разграничиваются экспрессивно-фонетические, экспрессивно-морфологические (словообразовательные), экспрессивно-лексические и экспрессивно-синтаксические единицы языка.

Лит.: Балли Ш., Французская стилистика, пер. с франц., М., 1961; Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970; Колшанский Г. В., Соотношение субъективных и объективных факторов в языке, М., 1975; Виноградов В. В., Основные типы лексических значений слова, в его кн.: Избр. труды. Лексикология и лексикография, М., 1977; Шмелев Д. Н., Современный русский язык. Лексика, М., 1977. *В. Н. Телия.*

Э́ЛЛИПСИС (от греч. élleipsis — опущение, недостаток)— стилистическая фигура, состоящая в том, что один из компонентов высказывания в речи не упоминается, «опускается» с целью придать тексту бóльшую выразительность, динамичность. При помощи Э. передаётся быстрая смена событий, действий, общая динамика сцены, напряжённое психологическое состояние персонажа.

Наиболее распространены эллиптические конструкции с «отсутствующим» глаголом-сказуемым: «*Решили лисы кролика запечь, А кролик из духовки — прыг на печь, Потом на лавку и в окошко с лавки*» (Козловский).

Смысловая ясность высказывания с Э. чаще всего поддерживается смысловым и синтаксическим параллелизмом: «*Дан приказ ему на Запад, Ей — в другую сторону...*» (Исаковский). Э. как стилистическая фигура опирается на соответствующее явление в синтаксисе разговорной речи. В разговорной речи Э. связан с её ситуативностью и сопровождающими непосредственно речевое общение жестами, находит своё выражение в «свёрнутости» высказывания, в неполноте синтаксических конструкций по сравнению с «полным составом» аналогичных конструкций в речи книжной, письменной. Структурная «неполнота» эллиптических конструкций обусловлена прежде всего контекстом: *Ему он говорит одно, а мне—другое*, ситуацией: *Петрову — пять, а Иванову — три* (оценки на экзамене), способностью известных конструкций разговорной речи иметь незамещённые синтаксические позиции: *Он домой. Я — ни слова.*

Истолкование Э. только как результата «опущения» структурного компонента конструкции связано с «логическими» концепциями предложения (Н. И. Греч, Ф. И. Буслаев).

Лит.: Русская разговорная речь, М., 1973, гл. 4. *Ю. А. Бельчиков.*

ЭНЦИКЛОПЕДИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ — см. Словарь энциклопедический.

ЭПИСТОЛЯ́РНЫЙ СТИЛЬ (от греч. epistolḗ — послание, письмо)— исторически сложившаяся разновидность художественной речи, свойственная определённым жанрам письменности. Э. с. отражает особенности изложения, присущие различным видам переписки государственных и общественных деятелей, известных учёных, писателей, мастеров сцены, работников культуры, искусства, ставшим фактом лит-ры и получившим определённый резонанс в различных сферах духовной жизни носителей языка (письма В. И. Ленина, писателей А. Д. Кантемира, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, А. М. Горького). Э. с. складывался в разных видах частной и государственной переписки в Московском государстве и с течением времени развился в разновидность лит. повествования (примером чего могут служить послания протопопа Аввакума); в 18 в. Э. с. обрёл права гражданства в сфере лит. жанра эпистолы (лит. произведение в форме письма, обычно стихотворного). В художественной лит-ре Э. с. представлен эпистолярной прозой («Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина, «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского и др.).

Э. с. как способу художественного изображения и выражения характеров героев, социальных групп, образа автора с лексической стороны свойственно употребление слов и фраз обиходно-разговорной речи, особых «галантных» выражений; с морфологической стороны — частое употребление словоформ с уменьшительно-ласкательными (оценочными) суффиксами; с синтаксической — обращения к читателю, эмоционально-оценочные приложения, фрагментарность диалогической речи.

Э. с. может рассматриваться также как письменная форма разговорного лит. языка (см. Литературный язык).

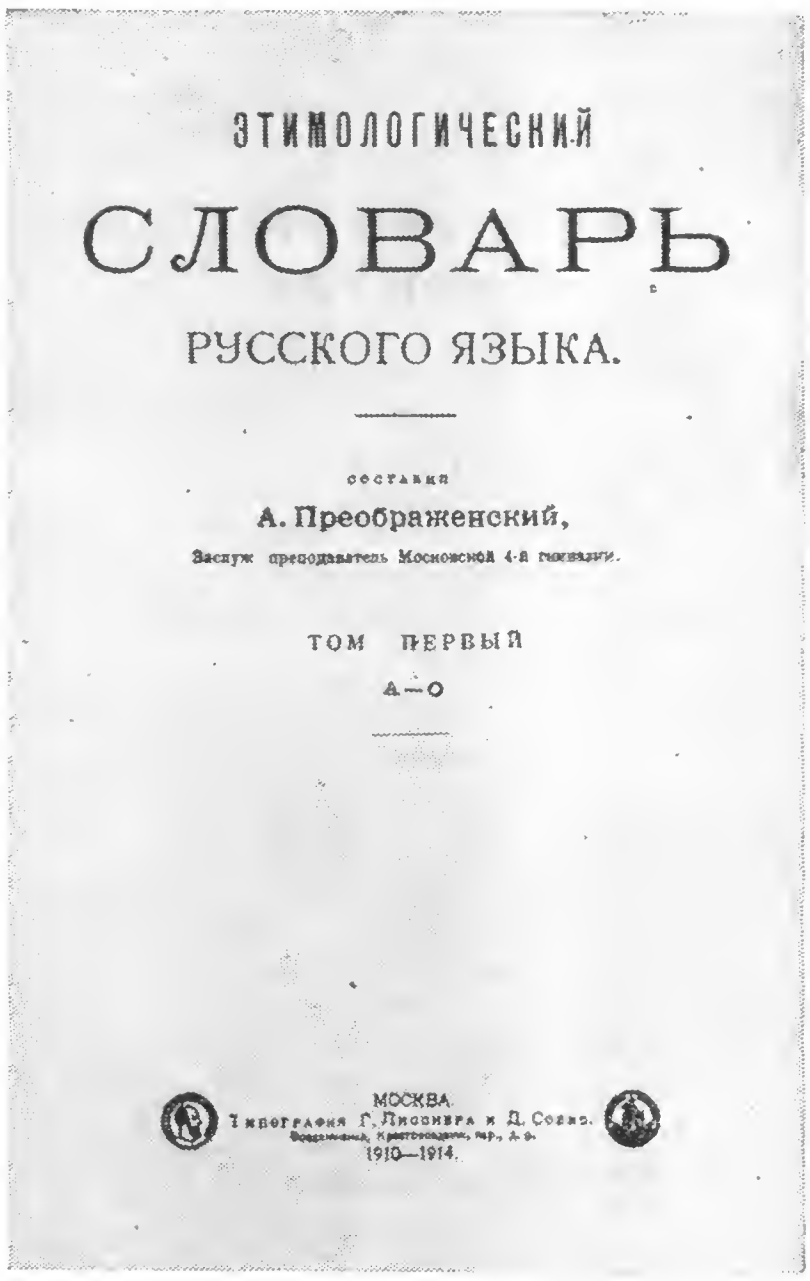
Лит.: Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938; Ефимов А. И., Стилистика художественной речи, [М.], 1961; Будагов Р. А., Литературные языки и языковые стили, М., 1967. *А. Н. Кожин.*

ЭПИ́ТЕТ (от греч. epítheton, букв.— приложенное, прибавленное)— стилистич. значимое (содержащее троп, см., или подчёркнуто характеризующее предмет речи) слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства, напр.: «*Бой идет святой и правый*» (Твардовский); «*...и юный град ...вознесся пышно, горделиво*» (Пушкин). Наиболее чётко противопоставлен стилистически нейтральному определению (обстоятельству) метафорический (см. Метафора) или метонимический (см. Метонимия) Э.: *железная дисциплина* (ср. словосочетание *железная руда*, содержащее обычное, нейтральное определение),

«*молоткастый, серпастый советский паспорт*» (Маяковский). В ряде случаев прилагательное (наречие) воспринимается как Э. благодаря тому, что оно грамматически сочетается не с тем словом, к к-рому относится по смыслу (т. н. г и п а л л а г а): «*Штурмовые ночи Спасска*» (Парфёнов; ср.: *штурм Спасска*). В строке «*Тополей седая стая*» (Багрицкий) имеет место перенос Э. с управляемого слова *тополей* на управляющее слово *стая* (т. н. п е р е н е с ё н н ы й Э., или э н а л л а г а). Различие семантических планов, к к-рым принадлежат Э. и его определяемое, порождает эффект неожиданности: подлинная связь понятий не очевидна. Для нек-рых жанров фольклора характерен п о с т о я н н ы й Э. в поэтических штампах типа: *красна девица, чисто поле, буйная головушка*. В литературоведении термин «Э.» не имеет синтаксически определённого содержания и нередко употребляется для обозначения любого слова (группы слов), выражающего эмоциональную оценку или образную характеристику предмета речи.

Лит.: Ж и р м у н с к и й В. М., К вопросу об эпитете, в кн.: Памяти П. Н. Сакулина, М., 1931; Античные теории языка и стиля, М.— Л., 1936. *Ю. М. Скребнев.*

ЭТИМОЛОГИ́ЧЕСКИЙ СЛОВА́РЬ — специальный справочный словарь, информирующий об этимологии (см.) слов


ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ

СЛОВАРЬ

РУССКОГО ЯЗЫКА.

составил

А. Преображенский,

Заслуж. преподаватель Московской 4-й гимназии.

ТОМ ПЕРВЫЙ

А—О

МОСКВА.
Типография Г. Лисснера и Д. Совко.
1910—1914.

напр. Бернекеръ (BEW. 243). въ него не вѣритъ.

драгу́нъ Р. драгу́на. Мн. Р драгу́нъ *конный : солдатъ, дѣйствующій и въ пѣшемъ строю.*

— Нов. заимств. изъ нѣм. dragoner или изъ фр. dragon; вѣроятно, черезъ пол. (Ср. Дюв. M. 44) [Происхожденіе слова толкуютъ различно: Аделунгъ думалъ, что по эполетамъ, которые назывались dragoni; другіе думаютъ, что по изображенію дракона на знамени, какъ символа быстроты и отваги (фр. dragon=лат. draco, drakonis); Шелеръ, кажется, всего вѣроятнѣе, выводитъ изъ названія оружія; первоначальное оружіе драгунъ были пистолеты, которые могли называться драконами. Ср. ф а л ь к о н е т ъ *родъ ружья*, м у ш к е т ъ, собств. *соколокъ, мушка*. (Schel. ÉF. 143)].

дракóнъ, Р. дракóна; дракóнскій, дракóновскій *очень строгій.*

др. дракъ. **сс.** дракѫнъ. **сл.** drakon. **с.** дра̀кӯн., Р. дракӯна. **ч.** drak. **п.** діал. drak.

— Старое заимств. изъ сргр. *δράκος драконъ;* позднѣйшее литературное *дракон* изъ гр. *δράκων*. (Фасмеръ. Извѣст. 12, 2, 231).

дра́тва, Р. дра́твы *смоленая нитка, которой шьютъ сапоги.*

мр. дратва. **сл.** dretva, dreta. **с.** дрѐтва. **ч.** dratev. P. dratve. **п.** dratwa. **нл.** dretwa.

— Изъ срвнм. drat, нѣм. draht *тж.* (формы съ вок. *е* изъ pl. drähte). Отсюда діал. (сѣвск.) дротъ *проволока.* (MEW. 50. BEW. 221).

драть, деру́, дере́шь; дра́ло (въ выр. «дать драла»), дра́ка,

Фрагмент текста этимологического словаря А. Г. Преображенского.

МАКС ФАСМЕР

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Перевод с немецкого и дополнения О. Н. ТРУБАЧЕВА

Том III

(Муза — Сят)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва 1971

языка или языков. Существуют разные виды Э. с.: краткий, популярный Э. с., получивший нек-рое развитие в практике популяризации итогов этимологических исследований отдельных совр. живых языков (с сокращённым словником, упрощённым научным аппаратом и минимумом справочной лит-ры), и научный Э. с. (соответственно максимально полный словник, возможно исчерпывающая оценка состояния вопроса в лит-ре, подробная библиография).

Научный Э. с. может быть словарём отдельного языка (живого или мёртвого) и словарём группы родственных языков (напр., славянских, индоевропейских). Принципиальное отличие этих типов словарей состоит в том, что в первом из них словник образуют реальные, засвидетельствованные в текстах устного и письменного языка слова (русского, ст.-славянского и других языков), тогда как во втором словаре словник реконструирован и состоит из условно восстановленных праславянских, праиндоевропейских и т. п. форм. Впрочем, известны случаи, когда в качестве заглавных слов Э. с. группы родственных языков выдвигаются не праязыковые реконструкции, а слова к.-л. одного языка, наиболее показательного либо в отношении эволюции форм, либо в отношении письменной традиции; таков Э. с. слав. языков Ф. Миклошича, представляющий собой как бы ст.-слав. модель Э. с. слав. языков, имеются аналогии и в тюркской этимологической лексикографии. Практически первым научным Э. с. рус. языка (не говоря о различных более ранних «опытах» и «корнесловах», давно утративших научное значение) следует считать «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. Горяева (2 изд., Тифлис, 1896), к-рый сохраняет

профо́рма, обычно в выражении: *для профо́рмы* (Мельников и др.). Из нем.-лат. prō formā «ради формы, для видимости» (XVIII в.; см. Шульц — Баслер 2, 674 и сл.).

профо́сс, см. **прохво́ст**.

прохайда́чить «промотать», арханг. (Подв.). От *хайда́*, *айда́*, *хайда́кать*.

проха́ть «просить», курск. (Даль), укр. *прохáти* — то же. Новообразование от *проси́ть* (см.).

прохво́ст, род. п. **-а**, сюда же стар. *профо́с(с)* «надзиратель за солдатами, взятыми под стражу, пристав», начиная с XVII в.; см. Христиани 32; Смирнов 247. Из нов.-в.-нем. Profoss «лицо на военных кораблях, которое следит за соблюдением устава на корабле и наказывает нарушителей корабельного устава», вторично сближено с *хвост* (Савинов, РФВ 21, 24[1]; Христиани, AfslPh 34, 324) или, подобно нов.-в.-нем. слову

Фрагмент текста этимологического словаря М. Фасмера.

нек-рое значение и сейчас. Важным пособием является «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского (1910—14; перепзд. 1958). Наиболее полным законченным научным Э. с. рус. языка является «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (M. Vasmer, «Russisches etymologisches Wörterbuch», Bd 1—3, 1953—58; рус. пер. и дополнения О. Н. Трубачева, т. 1—4, 1964—73). Примеры кратких, популярных словарей: В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Н. М. Шанский, «Краткий этимологический словарь русского языка», 1971; Г. П. Цыганенко, «Этимологический словарь русского языка», 1970. *О. Н. Трубачёв.*

ЭТИМОЛО́ГИЯ (греч. etymologia, от étymon — истинное значение слова, этимон и lógos — слово, учение)— 1) раздел языкознания (исторического), к-рый посвящён исследованию первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлению элементов его древнего значения; 2) научно-исследовательская процедура, направленная на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этой процедуры, напр. Э. терминов родства, корневая Э. Предмет изучения Э.— лексика, все слова языка (языков), встречающиеся в древних и новых текстах, нарицательные и собственные. Э. имеет много общего с историческим словообразованием (если принимать противопоставление между словообразованием историческим, диахроническим, и словообразованием синхронным, современным). Обычно считают, что Э. интересуется только этимологически «тёмными» словами, но следует иметь в виду, что этимологически тёмное и этимологически прозрачное — относительные категории, включающие также субъективное, вторичное осмысление. Этимологической неясности отнюдь не всегда соответствует бо́льшая древность слова. Правильные индоевропейские соответствия многим древним словам слав. языков были известны ещё в донаучный период Э., в то время как имеются достоверно новые слова типа *рококо* или *нейлон*, точная Э. к-рых остаётся загадкой.

Стихийной этимологизацией слов на основании их внешнего сходства занимались философы и учёные других гуманитарных наук в эпоху донаучной Э. (с древнейших времён до 18 в.). На внешнем сходстве, вторичном переосмыслении (от непонятного к понятному), сближении слов основано явление, называемое н а р о д н о й (или л о ж н о й) Э. Народная Э. действительно глубоко присуща народным диалектам, ср. хотя бы пример употребления слова *госпо́женки* — «успение (богородицы)» вместо первоначального *спожи́нки* — «конец жатвы», из диалектов она проникает и в лексику лит. языков (напр., *изъян* по народной Э. якобы происходит от приставочного глагола *изъять*, в действительности слово персидского происхождения). Осмысление, аналогичное народной Э., сознательно применяется в том или ином виде в языке поэзии, где оно служит одним из выразительных средств. Научная Э. основывается, в частности, на отрицании ложноэтимологических ассоциаций вроде близости восточного заимствования *богатырь* и исконно рус. слова *богатый*, названия растения *зверобой* и слов *зверь*, *бой*, *бить* (слово *зверобой* произошло из *дыробой* — от дырчатых листьев), этнического названия *самоеды* и рус. слов *сам*, *есть* (этноним целиком заимствован из саамского) и т. п. Донаучной и ложной Э. научная Э. противопоставляет своё главное операционное понятие — историческое тождество, т. е. первоначальное единство формы и значения. Основная трудность этимологических исследований заключается и в естественном и универсальном процессе деэтимологизации (утраты первоначальных этимологических связей), к-рый совершается неизбежно в каждом языке и даже служит, как полагают, одним из непременных условий более эффективного общения людей между собой. Сознание этимологических, иначе говоря буквальных, связей слов и их основ (корней) обременило бы языковое общение излишней и противоречивой информацией. Напр., искусственное воссоздание этимологического смысла глаголов со значением «понимать» в разных языках вызвало бы серьёзные помехи в совр. языковом общении, т. к. такие глаголы в прошлом нередко имели значения «хватать, брать». Метод научной Э., направленный на вскрытие упомянутого процесса необходимого забвения в языке, т. о., сродни дешифровочным методам. Совр. Э. следует рассматривать как неотъемлемый метод в исследованиях по реконструкции древнего звукового, формального, словообразовательного состава слова, а также древнего лексического состава текста.

Началом научной Э. (славянской, индоевропейской) следует считать появление систематических трудов по сравнительной грамматике соответствующих языков в течение 19 в. (нем. индоевропеист Ф. Бопп, «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков», венский славист Ф. Миклошич, «Сравнительная грамматика славянских языков», и др.). Вместе с тем эта бесспорная связь носит далеко не односторонний характер, поскольку существует весьма обоснованное мнение, что сравнительное языкознание выросло из Э., основывается на Э. и развивается далее путём Э. Т. о., сравнительная грамматика группы родственных языков — это одна из форм свода соответствий, установленных Э.

Другая форма свода — этимологический словарь (см.). Наибольшего развития, естественно, достигла Э. тех языков, к-рые полнее изучены в сравнительно-историческом плане.

Совр. Э. располагает богатым материалом наблюдений над историческими тождествами (или переходами) не только формального, но и семантического плана. Наблюдения над общими закономерностями того и другого плана приобретают характер типологического критерия (т. е. учёта не только самих связей, но и типов связей, а также встречаемости этих типов), роль к-рого в этимологических исследованиях неизменно растёт, повышая их надёжность. Помимо родства звуков и тождества морфем, Э. выявляет избирательность сочетания морфем (корней и суффиксов) в определённых словообразовательных моделях. Изучая относительную хронологию этих моделей, выделяя архаизмы и новообразования, Э. имеет дело с таким сложным процессом, как воспроизводство словообразовательных моделей, в какой-то мере аналогичное воспроизводству моделей морфологии в языке.

Э. и всё сравнительное языкознание в целом строится на регулярных звукосоответствиях, но действительная история слов практически всегда гораздо сложнее, поэтому должны учитываться также факторы нерегулярных изменений, несущих закономерно бо́льшую экспрессивную нагрузку (ср., напр., *прохинде́й* вместо * *прохиней*, *шкво́рень* вместо * *сворень*, *чистоган* вместо * *чистогон*). Предпринимались даже попытки переориентации всей Э. в этом направлении (яркий пример — чехословацкая этимологическая школа, прежде всего В. Махек, а также Ф. Копечный, Ш. Ондруш, за пределами Чехословакии — отчасти Ф. Ливер, ГДР), но такое обобщение представляется неправомерным.

Изучая происхождение множества слов, Э. изучает и фрагменты внеязыковой действительности (реальный мир, окружающий человека, и его духовная деятельность), стоящие за словами. Т. о., Э. отличается исключительной для языкознания множественностью объектов исследования. По ряду причин структурализация методов исследования в Э. применима лишь в ограниченных размерах (напр., элементарные оппозиции — парные противопоставления форм словообразования, случаи нейтрализации оппозиций типа формы 1-го лица ед. ч. наст. времени *пою́*, общей для двух разных глаголов *пои́ть* и *петь*, системный анализ тематических групп лексики, таких, как термины родства, термины социальной организации). В эпоху популярности количественных методов в языкознании предпринимались попытки формализовать этимологическую процедуру, дать формулу этимологизирования (А. С. К. Росс — Англия, Я. Рудницкий — Канада, отчасти В. Кипарский — Финляндия), но формула только констатирует полученные результаты, а её собственная результативность ничтожна. Этимологическому исследованию присуща множественность возможных решений (напр., несколько Э. для одного слова, причём в лит-ре встречаются взаимоисключающие решения; так, одно и то же слово *ча́до* по одной Э. производится от исконной глагольной основы *-чать*, по другой — оно заимствовано из германского), велика роль интуиции этимолога, но в общем и целом гипотетичность Э. есть частный случай проявления гипотетичности построений наук объясняющих в отличие от наук описательных.

Совр. Э. значительно обогатилась благодаря применению ряда новых контрольных критериев (критерий морфосемантических полей, напр. изучение первоначальной сочетаемости и словообразовательной активности глаголов *знать* и *ведать*; пространственный критерий, учитывающий географическое распределение форм). Полностью сохраняют своё значение также традиционные критерии и операционные понятия Э. (ср., кроме упоминавшихся выше, ещё антитезу производность — непроизводность). Один из неизменно важных аспектов этимологического исследования — Э. и история культуры. Э. принадлежит компетенция решения проблемы исконного и заимствованного в лексике языка, что ведёт к изучению межъязыковых и этнических контактов, даёт материал для проблематики этногенеза и смежных проблем.

Лит.: Булаховский Л. А., Деэтимологизация в русском языке, в кн.: Труды института русского языка АН СССР, т. 1, М.— Л., 1949; Пизани В., Этимология. История — проблемы — метод, пер. с итал., М., 1956; Топоров В. Н., О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа, «ВЯ», 1960, № 3; Трубачев О. Н., Задачи этимологических исследований в области славянских языков, в кн.: Актуальные проблемы славяноведения, М., 1961.

О. Н. Трубачёв.

ЭТНОНИ́МИКА (от греч. éthnos — племя, народ и ónyma—имя, название)— раздел исторической лексикологии, изучающий этнонимы, их возникновение, распространение, функционирование, структуру. Термин «этноним» служит для обозначения любого этноса: рода, племени, союза племён, народности, народа, нации. Название этноса может распространяться на занимаемую им территорию, и в этом случае наряду с этнонимом может существовать этнотопоним (см. Топонимика), омонимичный этнониму или отличный от него. Типичные формы этнонимов в др.-рус. языке: *русь*, *водь*, *пермь*, *лопь*, *чудь*, *ижора*, *карела*. Этноним может иметь форму

Муж. род	Жен. род	Мн. ч.	Собирательная форма	Этнотопоним
рус, русич (древнее)	—	*русы, русичи*	*русь*	*Русь*
рос	—	*росы*	—	*Росиа(я)* (с кон. 15 в.)
россиянин	*россиянка*	*россияны*	*россияне*	*Россия* (с эпохи Петра I)
русский (совр.)	*русская*	*русские*	*русские*	*Россия*
*пермяк** (древнее)	*пермячка*	*пермяки*	*пермь*	*Пермь*
карел (древнее и совр.)	*карелка*	*карелы*	*карела* (древнее)	*Карела* (древнее) *Карелия* (совр.)

* В современном русском языке «житель города Пермь».

муж. и жен. рода, ед. и мн. ч., а также собирательную форму:

Взаимообусловленность этнонима и этнотопонима может быть различной: *украинцы* от *Украина*, однако *Греция* от *греки*, *Русь* от *русь* (см. таблицу).

Различаются автоэтнонимы (самоназвание этноса), напр. *suomalainen,-set*, *Deutsche*, кипчак, и аллоэтноним — название этноса, данное ему другим (чаще соседним) этносом. Так, русские называют *suomalainen — финнами*, *die Deutschen — немцами*, *кипчаков — половцами*. Часто автоэтноним имеет первоначальное значение «люди, народ», напр. этноним *Deutschen* происходит от древневерхненемецкого *diot* — «народ», *diutisk* — «народный».

Часты случаи совпадения названия реки, текущей по территории, заселённой данной этнической группой, с названием этой группы, напр. река *Ижора* — этноним *ижора*, реки *Тунгуска*, *Зырянка*, *Вогулка*, *Черемиска*, *Хантыйка*, *Татарка* (ср. соответствующие этнонимы: *тунгусы*, *зыряны*, *вогулы*, *черемисы*, *ханты*, *татары*). Названия поселений, связанных с данным этносом, также могут получить имя этого этноса.

Э. использует методы ономастики (см.). Выводы Э. важны для истории, истории языка, этнографии, они дают материалы для изучения расселения народов и др.

Лит.: Этнонимы, М., 1970; Попов А. И., Названия народов СССР. Введение в этнонимику, Л., 1973.

Н. В. Подольская.

Ю, ю — тридцать вторая буква рус. алфавита. Её название [*ю*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное ю*, *строчное ю*. Буква *Ю, ю* обозначает на письме в начале слова, в слоге после гласного и после нек-рых согласных (в т. ч. после разделительных *ъ* и *ь*) сочетание звуков [*jу*]: *ю́бка* [*jу́бкъ*], *мо́ю* [*мо́jу*], *вьюн* [*в'jун*], *конъюнкту́ра* [*къnjункту́ръ*], после мягких согласных — звук [*у*]: *любо́вь* [*л'убо́ф'*], *курю́* [*кур'у́*].

Буква *Ю, ю* употребляется как сокращённое обозначение слов *юг*, *южный*, а также в составе нек-рых сокращений, напр.: *Ю.-В.* — Юго-Восток; *ЮАР* — Южно-Африканская Республика, *ЮНЕСКО* — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.

По начертанию восходит к букве Ю кириллицы (см.), где числового значения не имела. Детали начертания буквы изменялись после реформы Петра I (см. Реформы азбуки и правописания).

ЮЖНОСЛАВЯ́НСКИЕ ЯЗЫКИ́ — см. Славянские языки.

Ю́СЫ — юс малый (Ѧ) и юс большой (Ѫ), тридцать пятая и тридцать седьмая буквы кириллической азбуки (см. Кириллица). Служили для обозначения древних слав. носовых гласных звуков, т. е. гласных, произносившихся с носовым призвуком. Буква Ѧ обозначала носовой гласный *е* — [ę], буква Ѫ — носовой гласный *о* [ǫ]: *мѦсо* [*мęсо*], *пѦть* [*пęть*], *рѪка́* [*рǫка́*], *сѪдъ* [*сǫ́дъ*]. В кириллице были ещё буквы Ꙗ и Ѭ — т. н. йотированные юсы, обозначавшие сочетания *j* с соответствующими носовыми гласными: Ꙗзы́к [*jęзы́къ*], *земле́Ѭ* [*земле́jǫ*].

У восточных славян, в др.-рус. языке, носовые гласные были утрачены к сер. 10 в.: на месте [ę] стало произноситься [*а*] после мягкого согласного, а на месте [ǫ] — гласный [*у*]: [*мęсо*]>[*м'а́со*], [*пęть*]>[*п'а́ть*], [*рǫка́*]>[*рука́*], [*сǫ́дъ*]>[*су́дъ*]. Поэтому уже в самых ранних др.-рус. памятниках письменности наблюдается взаимная мена букв Ѧ и *а*, Ꙗ (йотированное *а*), Ѫ и *у*: *почахъ* вместо *почѦхъ*, *рука* вместо *рѪка*, *дьржа* вместо *дьржѦ*, *рабу* вместо *рабѪ* и т. д.

Следы носовых гласных сохранились в совр. языке в чередованиях гласных *а* и *у* с носовыми согласными *м* и *н* или с сочетаниями гласный + носовой согласный: *жать — пожинать — жну*, *жать — пожимать — жму*, *звук — звонок — звенеть*, *дуть — надменный*, *имя — имени*, *поднять — поднимать* и т. д.

Буквы Ѫ и Ѧ исключены из рус. алфавита реформой Петра I (см. Реформы азбуки и правописания). Современная буква *я* восходит по начертанию к Ѧ.

В. В. Иванов.

Я, я — тридцать третья, последняя буква рус. алфавита. Название буквы [*я*] употребляется как существительное ср. рода: *прописное я*, *строчное я*. Буква *Я*, *я* обозначает на письме: 1) под ударением в начале слова, в слоге после гласного и после нек-рых согласных (в т. ч. после разделительных *ъ* и *ь*)— сочетание звуков [*ja*]: *я́блоко* [*já*блъкъ], *моя́* [*м*∧*já*], *объяви́ть* [∧*б'jав'и́т'*], *бра́тья* [*бра́т'ja*]; 2) после мягких согласных звуков — звук [*а*]: *ня́ня* [*н'а́н'а*], *пустя́к* [*пус'т'а́к*]; 3) в предударных слогах — звук, средний между *е* и *и*: *пята́к* [*п'иᵉта́к*], *яровы́е* [*иᵉр*∧*вы́иь*].

Буква *Я*, *я* употребляется в составе нек-рых специальных сокращений.

По начертанию восходит к букве «юс малый» (Ѧ) кириллицы (см.; см. также Юсы), где имела числовое значение «девятьсот». Начертание буквы было введено гражданской азбукой при Петре I (см. Реформы азбуки и правописания). Т. о., буква *Я*, *я* является одной из самых «молодых» букв рус. алфавита.

ЯЗЫ́К — стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире. Признак стихийности возникновения и развития, а также безграничности области приложения и возможностей выражения отличает Я. от т. н. искусственных языков и от различных систем сигнализации, созданных на основе Я. По признаку способности выражать отвлечённые категории мышления (понятие, суждение) и связанному с этой способностью свойству дискретности (внутренней членимости сообщения) Я. качественно отличается от т. н. Я. животных, представляющего собой набор сигналов, передающих реакции на ситуации и регулирующих поведение животных в определённых условиях. Владение Я. составляет одну из важнейших черт, выделяющих человека из мира животных. Я. есть в одно и то же время условие развития и продукт человеческой культуры.

Будучи средством выражения и сообщения мыслей, Я. связан с мышлением (см. Язык и мышление) и служит орудием формирования категорий мысли и, шире, сознания (см. Функции языка).

Различаются две формы существования Я., соответствующие противопоставлению понятий «язык» и «речь». Я. как система имеет характер своеобразного кода; речь (см.) является реализацией этого кода. Речь может рассматриваться в статическом аспекте как текст и в динамическом аспекте как речевая деятельность, представляющая собой форму социальной активности человека. Я. обладает специальными средствами и механизмами для образования конкретных речевых сообщений. Действие механизмов актуализации (напр., отнесение имени к конкретному предмету) позволяет «старому» Я. прилагаться к новой действительности, создавая речевые высказывания. Как одна из форм социальной активности речь (речевая деятельность) обладает признаками сознательности (намеренности) и целенаправленности. Без соотнесения с определённой коммуникативной целью предложение не может стать фактом речи (речевого общения). Коммуникативные цели, имеющие универсальный характер, разнородны (сообщение нек-рого суждения, запрос о получении информации, побуждение адресата к действию, принятие на себя обязательства и пр.). Нек-рые действия, поступки немыслимы без речевых актов (обещание, извинение, поздравление и т. п.). Речь необходимо участвует и во многих других видах социальной активности. Все формы лит. деятельности, пропаганда, полемика, договор и др. возникли на базе Я. и осуществляются в форме речи. При участии речи происходит организация труда, а также многих других видов общественной жизни людей.

Я. обладает лишь ему свойственными чертами, делающими его уникальным явлением. В той и другой форме существования Я. выделяются универсальные и национально-специфические признаки. К числу универсальных относятся все те свойства Я., к-рые соответствуют общечеловеческим формам мышления и видам деятельности. Универсальны и те черты Я., к-рые позволяют ему осуществлять своё назначение (наличие различительных элементов формы и значения, дискретность), а также те его характеристики, к-рые возникают как следствие единых для всех языков закономерностей развития (напр., асимметрии в соотношении формы и содержания). К числу национально-специфических относятся кон-

кретные особенности членения, выражения и внутренней организации значений.

Совпадение структурных черт объединяет языки в типы (ср. флективные, агглютинативные и другие языки). Близость материального инвентаря единиц, обусловленная общностью происхождения, объединяет языки в группы, или семьи (см. Семья языков). Структурная и материальная общность, сложившаяся в результате языковых контактов, объединяет языки в языковые союзы (ср. балканский языковой союз).

Звуковая материя (см. Звуки речи) является основной и первичной формой выражения смысла. Существующие виды письменности (кроме иероглифической; см. Письмо) — лишь транспозиция звуковой формы в зрительно (или осязательно) воспринимаемую субстанцию. Они являются вторичной формой плана выражения. Поскольку звуковая речь развёртывается во времени, она обладает признаком линейности, к-рый обычно сохраняется и в формах письменности.

Способность соотносить звук и значение составляет существо Я. Материалистический подход к Я. подчёркивает неразрывность связи значения и звучания и в то же время — её диалектически противоречивый характер. Естественно развивающиеся языки (в отличие от искусственных кодов) допускают варьирование звуков, не связанное с изменением значения, а также изменение значения, не влекущее за собой с необходимостью варьирования звучания. В результате этого одному значению могут соответствовать разные последовательности звуков (т. н. гетерофония, см. Синонимы) и одному звучанию — разные значения (т. н. гомофония, см. Омонимы). Асимметрия в соотношении звуковой и смысловой сторон языковых единиц не препятствует коммуникации, поскольку арсенал средств, выполняющих смыслоразличительную роль, состоит не только из постоянных, образующих систему Я. единиц, но и из множества переменных (ср. порядок следования единиц Я., их синтаксическая позиция, интонация, ситуация речи).

В большинстве языков выделяется следующий ряд звуковых единиц: фонема (см.), слог (см.), фонетическое слово, группирующее слоги под одним ударением, речевой такт, объединяющий фонетические слова при помощи ограничительных пауз, и, наконец, фонетическая фраза, суммирующая такты единством интонации.

Наряду с системой звуковых единиц существует система значимых (двусторонних) единиц, образуемая в большинстве языков морфемой, словом, словосочетанием и предложением.

Связь между сторонами такого рода единицы произвольна: то или другое звучание не предполагает с необходимостью строго определённого значения и наоборот. Поскольку слова родного языка вычленяют понятия, разграничивают их и закрепляют в памяти, связь между звучанием и значением слов для носителей языка не только прочна, но и естественна, органична.

Я. организован принципом различительности образующих его единиц. При минимальности различий звучания или значения единицы Я. образуют оппозиции по определённому признаку. Противопоставленные единицы находятся между собой в парадигматических отношениях, основанных на их способности к различению в одной и той же речевой позиции (см. Парадигматика). Между единицами Я. возникают также отношения по смежности, определяющиеся их способностью к сочетаемости (см. Синтагматика). Парадигматические и синтагматические отношения соответствуют двум основным принципам построения речи: выбору элементов для выражения некоторого содержания и их комбинации.

Жизнь Я. проявляется в общественно-типизированных формах его использования. Социальная сущность Я. обеспечивает его адекватность общественному устройству, функции Я. социально обусловлены (см. Язык и общество).

Все виды варьирования Я., возникающие под действием внешних факторов (временных, пространственных, социальных), составляют внешнюю систему данного Я. в данный период времени. Общей основой и источником организации внешней системы являются языковое состояние и языковая ситуация. Компоненты, характеризующие состояние Я., слагаются из форм существования Я. и форм их реализации (устная, письменная). К основным формам существования Я. относят диалект (см.) и литературный язык (см.). Между этими крайними позициями располагаются различные типы обиходно-разговорного койне и просторечие (см.). В донациональный период общественного развития диалекты являются основной формой существования Я. Функционально-стилистическая дифференциация в этот период может вообще отсутствовать, но чаще всего из диалектов, оказавшихся в единой ситуации, выдвигается какой-то диалект (или диалекты) на роль тех или иных функциональных стилей. Появление наддиалектных форм, имеющих характер функционально-стилистических образований (обиходно-разговорная речь, формы речи, связанные со сферами поэзии, религиозных культов, сакрально-правовых и социально-правовых отношений и т. д.), знаменует собой новый этап в развитии языковых состояний и функциональных систем.

В период существования нации и национального Я. диалекты оказываются с единой ситуации с лит. Я. и противостоят ему как низшие формы речи высшей. Обиходно-разговорные койне складываются из концентрации диалектов и выступают в качестве устной формы общения на территории, где сосуществуют несколько диалектов, или в городах (городские койне). Просторечие относится к средствам регионально неограниченного устного общения. В нём используются нелит. пласты лексики и нерегламентированные синтаксические построения. В отличие от устной формы лит. Я. к просторечию прибегают только при неофициальном общении. Кроме внелит. просторечия существует просторечный пласт лит. Я.

Лит. Я. имеет ряд признаков, к-рые принципиально отличают его от других форм существования Я.: обработанность, нормированность, широта общественного функционирования, общеобязательность для всех членов коллектива, развитость функционально-стилистической системы. Полнота проявления этих признаков достигается в период формирования нации, когда лит. Я. сам становится важным фактором национальной консолидации. Он является высшей формой национального Я. и противостоит в этом смысле всем другим формам существования Я., одновременно взаимодействуя с ними.

Будучи связанным с мышлением и психологией человека, его жизнью и общественным сознанием, историей народов и их обычаями, отражая национальную специфику и культуру народов, являясь формой выражения для лит-ры и фольклора как видов искусства, будучи основным источником наших знаний о внутреннем мире людей, обладая определённой чувственно воспринимаемой формой, Я. является источником получения косвенных данных для философии, логики, истории, этнографии, социологии, юриспруденции, психологии и психиатрии, литературоведения, информатики, семиотики, теории массовой коммуникации, физиологии мозга, акустики и других отраслей знания. Я. во всей совокупности образующих его аспектов является непосредственным объектом изучения языкознания (см.).

Лит.: Маркс К., Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Ленин В. И., Философские тетради, Полн. собр. соч., 5 изд., т. 29; Потебня А. А., Мысль и язык, Хар., 1913; его же, Из записок по русской грамматике, т. 1—2, М., 1958; Сепир Э., Язык, пер. с англ., М.—Л., 1934; Вандриес Ж., Язык, пер. с франц., М., 1938; Балли Ш., Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер. с франц., М., 1955; Есперсен О., Философия грамматики, пер. с англ., М., 1958; Ельмслев Л., Пролегомены к теории языка, пер. с англ., в кн.: Новое в лингвистике, в 1. М., 1960; Паульь Г., Принципы истории языка, пер. с нем., М., 1960; Бодуэн де Куртенэ И. А., Избранные труды по общему языкознанию, т. 2, М., 1963; Будагов Р. А., Литературные языки и языковые стили, М., 1967; Блумфилд Л., Язык, пер. с англ., М., 1968; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, М., 1970; Бенвенист Э., Общая лингвистика, пер. с франц., М., 1974; Виноградов В. В., Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967; Соссюр Ф. де, Курс общей лингвистики, в его кн.: Труды по языкознанию, пер. с франц., М., 1977; Humboldt W. von, Gesammelte Schriften, v. 1—17, B., 1903.

Н. Д. Арутюнова, Г. В. Степанов (формы существования языка).

ЯЗЫ́К И МЫШЛЁНИЕ. Анализ отношения языка к мышлению, с одной стороны, и к действительности — с другой, является одной из самых сложных и, по ряду направлений, дискуссионных проблем общего языкознания. Через мышление осуществляется связь языка с реальной действительностью. Одна из основных черт материалистического подхода к языку — признание единства Я. и м.

Будучи в первую очередь средством выражения и сообщения мыслей, язык непосредственно связан с мышлением. Единицы языка (слово, предложение) послужили основой для установления форм мышления (понятия, суждения). Связь Я. и м. трактуется в совр. науке по-разному. Наиболее распространена точка зрения, согласно к-рой мышление человека совершается только на базе языка и в к.-л. иной форме осуществляться не может, поскольку абстрактные понятия, лежащие в основе человеческого мышления, могут быть выражены только словами.

Имеется, однако, и иная точка зрения, определяющая словесное мышление только как один из типов человеческого мышления, хотя и важнейший, но сосуществующий с другими типами. Результаты научных наблюдений врачей, психологов, физиологов, логиков и языковедов показывают, что мышление осуществляется не только в абстрактно-логической сфере, но и в ходе чувственного познания — материалом образов, памяти и воображения. Анализ мышления обнаруживает, что качественные различия форм отражения действительности, осуществляемые психикой человека, отнюдь не препятствуют их связи и кооперации при решении мыслительных задач, а, напротив, весьма часто содействуют их успешному разрешению. Абстрактное и чувственное не разделены непроницаемой стеной. Всякое чувство основывается на обобщении, в противном случае оно утратило бы качественную определённость.

Немалый интерес вызывает в этой связи проблема особенностей мышления художников, композиторов, шахматистов, математиков: оно не всегда выражается

в словесной форме. Начальные этапы процесса порождения речи (т. н. интенция) тесно связаны с различными невербальными (несловесными) формами мышления. По-видимому, мышление человека представляет совокупность различных типов мыслительной деятельности, постоянно сменяющих и дополняющих друг друга, а словесное мышление — лишь главный из этих типов. Поскольку язык тесно связан со всей психической сферой человека и выражение мыслей не составляет его единственного назначения, он не тождествен мышлению.

Подтверждением возможности существования внеязыковых форм мышления может служить наличие т. н. редуцированной внутренней речи. Во внутренней речи этого типа содержатся не столько слова, сколько трудноуловимые намёки на них, выражаемые в каких-то элементах артикулирования, к-рые становятся носителями общего смысла. Изучение мышления глухонемых также позволяет сделать вывод, что их мысли возникают не на базе языкового материала.

Связь с отвлечённым мышлением обеспечивает языку возможность, осуществляя коммуникативную функцию (см. Функции языка), передавать любую информацию, в т. ч. общие суждения, сообщения о предметах, не присутствующих в ситуации речи, о прошлом и будущем, о фантастических или просто не соответствующих действительности ситуациях. С другой стороны, благодаря наличию в языке знаковых единиц (слов), выражающих отвлечённые понятия, язык определённым образом организует знания человека об объективном мире, расчленяет их и закрепляет в человеческом сознании. В этом состоит вторая основная (после коммуникативной) функция языка — функция отражения действительности, т. е. формирование категорий мысли и, шире, сознания. Взаимообусловленность коммуникативной функции языка и его связи с сознанием человека была указана К. Марксом: «Язык так же древен, как и сознание; язык е с т ь практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч., 2 изд., т. 3, с. 29).

Лит.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Немецкая идеология, Соч., 2 изд., т. 3; Э н г е л ь с Ф., Диалектика природы, там же, т. 20; С о л о в ь е в И. М., Ш и ф Ж. И., Развитие образного мышления у глухих и слышащих школьников младшего возраста, в сб.: О психическом развитии глухих и нормально слышащих детей, М., 1962; С о к о л о в А. Н., Внутренняя речь и мышление, М., 1968; П а н ф и л о в В. З., Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971; С е р е б р е н н и к о в Б. А., К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?), «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1977, т. 36, № 1.

Б. А. Серебренников.

ЯЗЫ́К И О́БЩЕСТВО — одна из центральных проблем лингвистики (ср. Язык и мышление). К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчёркивали важность этой проблемы, в частности в совместном исследовании «Немецкая идеология». В. И. Ленин, определяя нацию, заметил: «Нация — не Kultur-, не Schicksal-, а Sprachgemeinschaft» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 24, с. 388), т. е. для понятия нации весьма существенна «языковая общность», даже существеннее, чем общность культуры и общность исторической судьбы народа. В. И. Ленин писал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» (там же, т. 12, с. 104). Эта мысль относится и ко всем языкам мира, к-рые, бытуя в обществе, не могут не находиться в зависимости от условий существования самого общества, от уровня его развития, от людей, говорящих на своих родных языках.

В лингвистике 2-й пол. 20 в. формулируются д в а о с н о в н ы х, во многом противоположных взгляда на проблему языка в его взаимоотношениях с обществом. Согласно одному взгляду, весьма распространённому, язык находится в зависимости от общества лишь в той мере, в какой люди, говорящие на данном языке, сами зависят от общества, в каких условиях они живут. Поэтому такие явления, как, напр., билингвизм (двуязычие), благоприятные или неблагоприятные условия обучения языку, богатство или бедность лит-ры на данном языке, рассматриваются как результат влияния общества на язык, на его состояние. Согласно другой, гораздо более правильной точке зрения, социальная природа языка обнаруживается не только во внешних условиях его бытования (что само по себе важно и очевидно), но и в с а м о й п р и р о д е языка, в его лексике, в уровне развития различных стилей, в его синтаксических возможностях и т. д. Разумеется, общественную природу языка нельзя понимать вульгарно, упрощённо. В ряде случаев связь между языком и обществом оказывается сложной, опосредствованной, однако подобная связь не сводится лишь к внешним условиям существования языка, иначе марксистский тезис о социальной природе языка лишается своей подлинной силы и превращается лишь в общую декларацию.

Цезарь в «Записках о галльской войне» (6, XXV) сообщает, что «...Геркинский лес тянется в ширину на девять дней пути для хорошего пешехода; иначе определить его размеры невозможно, так как германцы не знают мер протяжения». А. Н. Толстой в «Петре Первом», описывая совсем

другую эпоху, замечает «...вокруг Азова быть русской земле на десять дней верхового пути». Когда-то считали расстояние ногами человека, позднее — ногами лошади. Всё это отражалось в языке (в наличии или в отсутствии соответствующих наименований мер длины) и было обусловлено уровнем развития общества и его культуры. В древнеиндоевропейских языках имелось прилагательное patrius— «отцовский», но не было прилагательного «материнский», т. к. владеть чем-либо мог лишь отец, но не мать, положение к-рой в обществе определялось рабской долей. Франц. языковед Э. Бенвенист отметил, что соотношение между понятиями «мир» и «война» в древности было иным, чем в нашу эпоху: состояние войны тогда считалось обычным, между тем как во 2-й пол. 20 в. все честные люди мира подобное состояние воспринимают как неестественное, антигуманное. В древних языках синонимы, передающие понятие войны, были гораздо многочисленнее, чем в языках нашего времени (É. Benveniste, «Le vocabulaire des institutions indo-européennes», t. 1, 1969, p. 270). В наше время тысячи новых слов вошли во многие языки мира под воздействием развивающихся областей человеческого знания, обусловленного прогрессом общества. Только космическая терминология вызывает необходимость составления специальных словарей космических терминов. Проблема Я. и о. не сводится, однако, только к лексике, она имеет и другие аспекты. В 30-х гг. 19 в. А. С. Пушкин жаловался на то, что «метафизический» (в значении «отвлечённый, выражающий отвлечённые понятия») язык у нас ещё не развит. Только после В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и других блестящих представителей научно-публицистического стиля (см. Стиль) проблема «метафизического» языка была решена положительно. Нужда в научно-публицистическом стиле стала ощущаться в обществе 19 в. гораздо острее, чем это было в предшествующем столетии. Это касалось не только лексики, но и всех других ресурсов языка, прежде всего его синтаксиса и стилей. Позднее Герцен имел все основания указать на «...демократическую глубину русского языка» («Былое и думы», ч. 4, гл. 19). Зависимость языка от общества здесь проявилась со всей очевидностью. Уровень развития грамматики языка тоже в конечном счёте социально детерминирован. Н. И. Конрад и А. А. Холодович указывали на существование особого «социального спряжения в японском языке»: выбор спряжения обусловливается не только тем, кто и к кому обращается, но и тем, идёт ли речь об отношении «я к не-я» или «не-я к я» (Н. И. Конрад, «Синтаксис японского национального литературного языка», 1937). В. М. Алпатов показал, что многообразные «категории вежливости» в япон. языке имеют не только лексические, но и грамматические формы выражения («Категории вежливости в современном японском языке», 1973). Отношения между людьми, как известно, социально обусловлены. Т. о., через посредство ряда промежуточных звеньев грамматика не оказывается в стороне от воздействия общественных факторов, от воздействия общества. В рус. языке во 2-й пол. 20 в. от слов муж. рода стали регулярно образовываться формы жен. рода с особыми суффиксами: *ударник — ударница*, *лётчик — лётчица*, *парашютист — парашютистка*, *ассистент — ассистентка* и т. д. Социальные импульсы подобных грамматических процессов очевидны: женщина стала подлинной и равноправной труженицей нашей сов. эпохи.

Зависимость языка от общества — это сложный и многоаспектный процесс, в особенности в классовом обществе. Л. П. Якубинский писал: «Пролетариат противопоставляет себя как класс буржуазии не в произносительных, грамматических, словарных нормах, не в языке, выступающем как средство общения, а в языке, выступающем в идеологической функции. На основе нового... сознания, нового способа действительности, нового диалектико-материалистического мышления,— пролетариат как класс противопоставляет себя буржуазии в способе использования общенационального языкового материала, в обращении с этим материалом, в способе отбора из него нужных для конкретной цели фактов, в своем отношении к этим фактам и их оценке, в новом по содержанию их осмыслении...» (А. Иванов, Л. Якубинский, «Очерки по языку», 1932). П. Лафарг показал, как различно осмыслялся язык и его функции разными классами общества в период Великой французской революции (П. Лафарг, «Язык и революция», 1930). В нач. 19 в. в Англии в связи с дискуссией о дальнейшей судьбе лит. языка в журн. «Эдинбургское обозрение» утверждалось, что разные «социальные группы» общества совсем несходно пользуются англ. языком: у них своя манера выражать мысли и чувства, свои лексические и синтаксические приёмы обращения с родным языком (Е. Клименко, «Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века», 1959). Различное использование языка антагонистическими классами общества проявляется гл. обр. в особенностях использования политической терминологии, в соотношении между лит. нормой и диалектами, в степени привлечения арготических элементов языка и т. д.

Вместе с тем каждый национальный язык остаётся, как правило, единым. Можно говорить лишь о различном

использовании единого национального языка, об отдельных элементах, свойственных тому или иному варианту языка или его стилю. Утверждение, что национальный язык может состоять из множества различных языков, является несостоятельным. Единство диктуется самой природой любого национального языка, стремящегося объединить всех людей, для к-рых данный язык является родным.

Вместе с тем в любом обществе есть факторы, осложняющие это единство (напр., социальная неоднородность буржуазного общества). Более общей тенденцией, имеющей интернациональный характер, оказывается профессиональная неоднородность любого общества на определённом уровне его исторического развития. Сущ. *стол* для медика ассоциируется не только с понятием «предмет мебели», но и с понятием «операционный стол», для официанта — с понятием «сервированный стол», для работника продовольственного магазина — с понятием «стол заказов» и т. д. Здесь речь идёт не только об обычной для всех национальных языков полисемии (см.) слова, но и о своеобразной, как бы добавочной дифференциации языка, обусловленной профессиональными навыками членов того или иного общества.

Если общество оказывает всестороннее и разнообразное воздействие на язык, то и язык не оказывается пассивным, неизменным, застывшим по отношению к обществу. Язык не «порождает общество», как считают нек-рые неогумбольдтианцы. Лит. нормы языка на определённом этапе исторического развития могут быть подвержены определённым изменениям (регламентации) с целью устранения ненужных дублетных форм, нежелательных колебаний в самой норме, принятия или непринятия тех или иных заимствованных из других языков элементов и т. д. В развитии лит. языков, в особенности в «переломные» эпохи их формирования, выдающуюся роль играют великие писатели. Такова, напр., была роль Данте в развитии итал. лит. языка, роль Шекспира в развитии англ. языка, роль Пушкина в развитии рус. языка, роль Вука Караджича в развитии сербского языка. Всё это не противоречит марксистскому тезису об объективности существования самого языка. Разумеется, формы и виды воздействия людей на язык, и прежде всего на его лит. норму, имеют свои пределы, однако факт подобного воздействия позволяет говорить не только о зависимости языка от общества, но и о воздействии общества, в первую очередь его выдающихся представителей, на язык, на его лит. норму, на степень развития его различных стилей.

В тезисах К. Маркса о Фейербахе была сформулирована мысль о том, как важно изучать с материалистических позиций деятельную сторону человеческого мышления, способность человека воздействовать на окружающий его мир. До сих пор,— считал К. Маркс — «...деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом...» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 3, с. 1). Это положение относится и к языку, к возможностям людей оказывать воздействие на выразительные (в самом широком смысле) ресурсы языка. Социальная значимость подобного процесса не подлежит сомнению. В. И. Ленин писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 29, с. 194). Одной из важнейших проблем, т. о., является проблема т. н. языкового строительства.

По свидетельству Б. Шоу, «средний англичанин» не любит говорить правильно по-английски. То же можно сказать и о «среднем» представителе многих других стран. Этими отклонениями от лит. нормы определяется, в частности, огромное социальное значение культуры родной речи, родного языка (см. Культура речи).

Проблема Я. и о. сталкивается со многими трудностями чисто фактического характера. Известно, что диалектное членение европейских языков обычно обусловлено старыми феодальными границами. Вместе с тем подобное совпадение границ наблюдается отнюдь не всегда. В истории рус. языка отмеченные границы нередко не совпадают. Исследователю приходится, опираясь на большой конкретный материал, устанавливать разнообразные причины подобного несовпадения (см. Ф. П. Филин, «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», 1972). В истории франц. языка сходных несовпадений почти не наблюдалось, а в истории итал. языка их было много. Поэтому если общий процесс — «взаимодействие языка и общества» — является бесспорным, то конкретные формы его практической реализации во многом зависят от исторических условий становления того или иного языка или группы языков.

Нек-рые учёные выдвигают теорию, согласно к-рой объяснение к.-л. лингвистического явления ссылкой на социальный фактор, вызвавший это явление, будто бы обнаруживает бессилие учёного как филолога. Подобная ошибочная теория, во-первых, основывается на резком и неправомерном противопоставлении внутренней системы языка условиям её функционирования в обществе и, во-вторых, без всяких оснований берёт под сомнение самый факт взаимодействия Я. и о. В действительности, определённый социальный феномен может воздействовать на язык не прямо, а через посредст-

во тех или иных звеньев, но от этого его роль в истории и теории языка не уменьшается, хотя нередко и осложняется.

Проблема Я. и о. возникла в русском, а затем активно исследовалась в сов. языкознании. В рус. филологии 19 в. её успешно исследовали Ф. И. Буслаев, Н. В. Крушевский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов и др. В сов. языкознании эта же тема разрабатывается с кон. 20-х гг. 20 в. многими учёными (Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, В. И. Абаев, И. К. Белодед, Ф. П. Филин, Р. А. Будагов, Ю. Д. Дешериев, А. Д. Швейцер и др.). В американском языкознании эта проблема стала исследоваться значительно позже — с нач. 50-х гг. 20 в. (см. сб. «Sociolinguistics», ed. by W. Bright, The Hague — P., 1966, p. 11). Имеется существенное различие в подходе к проблеме Я. и о. между представителями разных теоретических направлений совр. лингвистики. Это различие определяется прежде всего пониманием и истолкованием самой природы языка, его функций в обществе. Марксистская интерпретация языка как практического, реального сознания, как непосредственной действительности мысли служит базой и основанием для успешного решения проблемы Я. и о. «Идеи не существуют оторванно от языка» (Архив Маркса и Энгельса, т. 4, 1935, с. 99), а сами идеи рождаются у людей, живущих в определённом обществе.

Лит.: Потебня А. А., Мысль и язык, 5 изд., [Хар.], 1926; Шор Р., Язык и общество, М., 1926; Виноградов В. В., Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 2 изд., М., 1938; Жирмунский В. М., Национальный язык и социальные диалекты, Л., 1938; Филин Ф. П., Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949; Якубинский Л. П., История древнерусского языка, М., 1953; Новое в лингвистике, в. 7, М., 1975; Будагов Р. А., Человек и его язык, 2 изд., [М.], 1976; Швейцер А. Д., Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы, М., 1976; Брагина А. А., Социологические традиции в русской науке о языке, «Рус. яз. за рубежом», 1976, № 6 (лит.), Социально-лингвистические исследования, М., 1976; Социальная и функциональная дифференциация литературных языков, М., 1977; Дешериев Ю. Д., Социальная лингвистика, М., 1977; Readings in the sociology of language, The Hague — P., 1968; Dittmar N., Soziolinguistik, [Fr./M., 1974]; Marcellesi J. B., Gardin B., Introduction à la sociolinguistique: la linguistique sociale, P., 1974. *Р. А. Будагов.*

ЯЗЫКА́ ПИСА́ТЕЛЯ СЛОВА́РЬ — тип словаря, в к-ром содержатся и объясняются слова, употребляющиеся в сочинениях определённого автора. Я. п. с. может быть составлен на основе полной выборки из всех лит. произведений, писем, черновых и официальных бумаг автора или же включать слова только из определённых сочинений («Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» В. Л. Виноградовой, в. 1—5, 1965—78, изд. продолжается). Задача Я. п. с.— служить пособием для углублённого изучения истории лит. языка той эпохи, в к-рую жил и работал писатель, т. к. каждое слово в словаре строго документировано в своём употреблении. Вместе с тем Я. п. с. является своего рода путеводителем по творчеству писателя, ключом к правильному пониманию текста автора, пособием при изучении языкового и лит. стилей писателя, для атрибуции его неподписанных сочинений и для многих других историко-филологических исследований, связанных с творчеством писателя.

Первым словарём языка рус. писателя является «Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» К. П. Петрова (1904). Словарь представляет собой алфавитный список слов с немногими примерами из текстов Фонвизина. В книге много погрешностей.

Наиболее полным и теоретически разработанным является «Словарь языка Пушкина» под ред. В. В. Виноградова (т. 1—4, 1956—61), созданный Ин-том рус. языка АН СССР по программе Г. О. Винокура,— алфавитный список всех слов, засвидетельствованных в основном тексте академического собрания сочинений и писем Пушкина (Полн. собр. соч., т. 1—16, 1937—49). В словаре имеют толкование малоупотребительные слова, указываются различия в значениях сравнительно с совр. языком, приводятся иллюстрации из текстов Пушкина. В распределении материала в словарной статье учитываются жанровые особенности: слово в художественном тексте (в стихах, в прозе), в письме и т. п. и хронологическая последовательность употребления. В конце словарной статьи указываются все формы данного слова, зарегистрированные в текстах Пушкина, с указанием всех мест, где они употребляются. Всего в словаре описано 21 191 слово в 544 777 словоупотреблениях.

Примером частного типа Я. п. с. является «Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. (Личные имена, географические названия и заглавия литературных произведений)», сост. А. В. Федоров и О. И. Фонякова (1975) — первый полный справочник собственных имён всех типов, встречающихся в трилогии М. Горького. Цель словаря — показать исторический, географический и культурный фон рус. жизни 2-й пол. 19 в., отражённый в именах собственных.

Я. п. с. как собственно лингвистический труд следует отличать от различных справочников по творчеству писателей, в к-рых в словарной форме даётся реальный комментарий к тексту автора, т. е. в алфавитном порядке сообщается о различных исторических событиях, реалиях

быта, собственных именах, географических названиях и т. п. понятиях, о к-рых говорится в произведениях писателя (напр., «Словарь литературных типов», под ред. Н. Д. Носкова, т. 1—7, 1908—1914; «Щедринский словарь» М. С. Ольминского, 1937). *Р. М. Цейтлин.*

ЯЗЫКИ МИРА — языки народов, населяющих (и населявших ранее) земной шар. Общее число Я. м.— от 2500 до 5 тыс. (точную цифру установить невозможно ввиду условности различия между разными языками и диалектами одного языка). К наиболее распространённым Я. м. принадлежат (число говорящих в млн. чел. в 1975): китайский (800), английский (350), русский (240), испанский (210), хинди и близкий к нему урду (200), индонезийский (130), арабский (127), бенгальский (125), португальский (115), японский (111), немецкий (100), французский (90), итальянский (65), панджаби (60), телугу (52), корейский (52), маратхи (48), тамильский (47), украинский (45). Все Я. м. делятся (по родственным связям) на языковые семьи (см. Семья языков), каждая из к-рых включает группы близких друг другу языков, бывших в древности диалектами одного языка или входивших в один языковой союз.

Наиболее изученной является индоевропейская семья языков (1860 млн. чел.), происходящая из группы близкородственных диалектов, носители к-рых в 3-м тыс. до н. э. начали распространяться со своей прародины, о географическом положении к-рой имеется множество противоречивых гипотез. По письменным памятникам 2-го тыс. до н. э. известны исчезнувшие позднее индоевропейские языки Малой Азии — клинописный хеттский и другие анатолийские языки (палайский и лувийский), продолжением к-рых в 1-м тыс. до н. э. были иероглифический лувийский, ликийский и лидийский языки. По письменным текстам (со 2-го тыс. до н. э.) известен также один из диалектов др.-греч. языка, на к-ром были составлены крито-микенские тексты линейного письма Б. Не поддаются лингвистическому исследованию надписи карийского языка (древнейшая — 7 в. до н. э.). Носители близких к греческому арийских (индоиранских) индоевропейских диалектов во 2-м тыс. до н. э. вторглись на Ближний Восток, о чём свидетельствуют месопотамские арийские слова и имена в переднеазиатских письменных памятниках. К древним диалектам арийских племён восходят совр. нуристанские (кафирские) языки в Афганистане, занимающие промежуточное положение между двумя основными группами арийских языков: индийской и иранской, составляющие вместе с греч. и арм. языками восточную группу индоевропейских языков.

Ранние тексты на древнеиндийском языке были написаны к 1-му тыс. до н. э. Из древнеиндийского развились среднеиндийские языки (пракриты), а из этих последних — новоиндийские: хинди, урду, бенгали, маратхи, панджаби, раджастхани, гуджарати, ория и др. К древнеиндийскому языку очень близки древнеиранские языки 1-го тыс. до н. э.— древнеперсидский и язык древнеиранского религиозного памятника «Авесты», с к-рыми исторически связаны среднеиранские языки (восточные — согдийский, являвшийся языком общения народов Средней Азии, сакский, хорезмийский — и западные, к к-рым относятся среднеперсидский и парфянский языки) и новоиранские языки (западные — новоперсидский, или фарси, таджикский, курдский, белуджский, татский, талышский и др.; восточные — пушту, осетинский, исторически связанный с восточноиранским языком скифов, памирские, ягнобский, являющийся продолжением согдийского).

С 1-го тыс. до н. э. известны памятники письменности нек-рых индоевропейских языков, составляющих зап. группу, в т. ч. италийских, к к-рым относились бесследно исчезнувшие оскско-умбрские языки и лат. язык, принадлежавший вместе с фалискским языком к латино-фалискской группе (к последней был близок и венетский язык). После распада Римской империи из диалектов лат. языка развились романские языки: испанский, португальский и близкий к нему галисийский, каталанский, французский, провансальский, ретороманские, итальянский, сардский (сардинский), вымерший в кон. 19 в. далматинский, румынский, а также другие близкие к нему балканороманские языки и диалекты.

К италийским языкам близки кельтские, включающие галльскую подгруппу (мёртвый галльский язык), гаэльскую подгруппу (ирландский, шотландский, мэнский — на острове Мэн — языки) и бриттскую подгруппу (бретонский язык, уэльсский, или валлийский, вымерший корнуэльский). В 70-х гг. 20 в. прочитаны древние надписи на иберийско-кельтском (кельтиберском) языке в Испании. К западной группе древних индоевропейских языков, помимо италийских и кельтских, относится мёртвый иллирийский язык. К той же группе относятся германские языки, делящиеся на три подгруппы: восточногерманская (мёртвый готский язык); северогерманская, или скандинавская, — шведский, датский, норвежский, фарерский, исландский языки; западногерманская — английский и близкий к нему фризский, нидерландский, бурский (африкаанс), немецкий, идиш. Между западноиндоевропейскими языками (кельтскими, италийскими, германскими и иллирийским) и восточными,

к к-рым относятся арийские, греческий и армянский языки, промежуточное положение занимали балто-славянские языки, делящиеся на балтийские — западнобалтийский (мёртвый прусский язык) и восточнобалтийские (литовский, латышский) — и славянские, к к-рым относятся восточнославянские (рус., укр., белорус.), западнославянские (чешский, словацкий, польский, лужицкий и мёртвый полабский — в бассейне реки Эльбы — Лабы), южнославянские — старославянский и исторически с ним связанные болгарский и македонский, сербскохорватский, словенский языки. К древним индоевропейским языкам, занимавшим некогда промежуточное положение между восточными и западными языками, относились мёртвые тохарские языки (памятники 5—8 вв., найденные в Центральной Азии). Многие мёртвые индоевропейские (фригийский, фракийский и др.) языки известны по очень скудным данным.

К семито-хамитской (афразийской, или афро-азиатской) семье языков (191 млн. чел.) принадлежат семитские, древнеегипетский (и коптский), берберские, кушитские языки (сомали и др.), чадские (среди к-рых наиболее распространённый язык — хауса). Семитская группа состоит из двух основных ветвей: восточной и западной, к-рая в свою очередь подразделяется на северную (или западную, в узком смысле слова) и южную подгруппы. Восточные семитские языки представлены мёртвым аккадским языком Ассирии и Вавилонии. Северная подгруппа западносемитских языков включает ханаанские и арамейские языки. К ханаанским языкам относятся мёртвые староханаанский (древнейшие клинописные памятники к-рого, найденные в 1974 на севере Сирии, относятся ко 2-й пол. 3-го тыс. до н. э.), финикийский (язык Финикии и финикийских поселений на Средиземном море, в т. ч. Карфагена, где употреблялся финикийско-пунический язык) и моавитский языки, а также древнееврейский язык и его совр. форма иврит. Арамейский язык, в начале н. э. наиболее распространённый язык Ближнего Востока, позднее почти полностью был вытеснен арабским; с восточноарамейскими диалектами исторически связан новосирийский (айсорский) язык. К южной подгруппе западносемитских языков относятся арабский язык, южноаравийские и близкие к ним эфиопские языки (наиболее распространённый из эфиопских языков —амхарский — официальный язык Эфиопии).

В картвельскую (южнокавказскую) семью (3,7 млн. чел.) входят грузинский язык, мегрельский, объединяемый вместе с чанским языком в занскую (мегрело-чанскую) подгруппу, и сванский язык. Нек-рые учёные считают, что картвельские языки родственны северокавказским и образуют вместе с ними кавказскую (или иберийско-кавказскую) семью, но эта гипотеза ещё не доказана.

К северокавказским языкам относятся абхазско-адыгские (северо-западнокавказские; 0,9 млн. чел.) и нахско-дагестанские (северо-восточнокавказские; 2 млн. чел.). К абхазско-адыгской семье принадлежат абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский и убыхский языки. Нахско-дагестанские языки делятся на вейнахские, или чечено-ингушские (чеченский, ингушский, бацбийский), и дагестанские (около 30 горских языков Дагестана), к-рые включают аварско-андийско-дидойскую подгруппу (наиболее распространённый язык — аварский), даргино-лакскую подгруппу (даргинский и лакский языки), лезгино-табасаранскую подгруппу (лезгинский, табасаранский и другие языки).

Финно-угорские (или угрофинские) языки (23 млн. чел.) делятся на две основные подгруппы: финскую и угорскую. К угорской подгруппе принадлежат обско-угорские языки Западной Сибири — хантыйский (остяцкий) и мансийский (вогульский), а также венгерский язык, носители к-рого уже в кон. 1-го тыс. н. э. переселились далеко на Запад и оказались отделёнными от носителей обско-угорских языков. Финская подгруппа включает пермские языки — коми-пермяцкий и коми (коми-зырянский), удмуртский (вотяцкий) — и прибалтийско-финно-волжские языки, к к-рым принадлежат мордовские (эрзя-мордовский и мокша-мордовский), марийский, саамский (лопарский в Мурманской области СССР и скандинавских странах) и прибалтийско-финские языки (финский, эстонский и ряд менее распространённых языков).

Финно-угорские языки родственны самодийским языкам Крайнего Севера СССР (ненецкому, энецкому, нганасанскому, селькупскому; 25 тыс. чел.), вместе с к-рыми они часто объединяются в уральскую (финно-угро-самодийскую) семью. С уральскими языками сближается исчезающий юкагирский (на севере Сибири). По мнению нек-рых учёных, уральская семья, в свою очередь, входит вместе с алтайскими языками в более обширную урало-алтайскую семью. К алтайской семье языков (97 млн. чел.) относят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки; отдельными учёными доказывается принадлежность к алтайской семье корейского и японского языков. Многие учёные считают, что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки не составляют единой семьи, а образуют языковой союз.

Тюркские языки (89 млн. чел.) включают: булгарскую группу, к к-рой принадлежит чувашский язык; юго-западную группу, включающую турецкий,

азербайджанский, туркменский и нек-рые другие языки; северо-западную, к к-рой относятся татарский, казахский, башкирский, караимский, кумыкский, ногайский, каракалпакский языки, а также киргизский, объединяемый вместе с алтайским языком в особую киргизско-кыпчакскую группу; юго-восточную, включающую узбекский и совр. уйгурский языки; северо-восточную, к к-рой принадлежат якутский язык и ряд других языков Сибири и Алтая, а также нек-рые мёртвые тюркские языки.

К совр. монгольским языкам (4,2 млн. чел.) относятся бурятский, собственно монгольский, калмыцкий, ойратский язык (в Центральной Азии), близкий к калмыцкому языку, монгольский в Афганистане и ряд других. К тунгусо-маньчжурским языкам (3,6 млн. чел.) относится постепенно выходящий из употребления маньчжурский язык, эвенкийский, близкий к нему эвенский и ряд других языков Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Японскому языку близкородствен рюкюский (на островах Рюкю). Однако место японского и рюкюского языков, имеющих общие черты также с австронезийскими языками, среди семей Я. м. остаётся ещё недостаточно ясным.

Значительная часть населения Индии (гл. обр. на юге страны) говорит на языках дравидийской семьи (154 млн. чел.), к к-рой принадлежат тамильский язык, близкие к нему малаялам и каннада, а также язык телугу, языки куи, гонди, брагуи (на северо-западе Индии) и др.

В Африке, к югу от Сахары, основная часть населения, согласно классификации амер. учёного Дж. Х. Гринберга, говорит на языках трёх семей: нигеро-кордофанской (конго-кордофанская), нило-сахарской и койсанской. Нигеро-кордофанская семья (213 млн. чел.) состоит из двух групп — нигер-конго и кордофанской. В составе нигеро-кордофанской семьи выделяется обширная подгруппа бенуэ-конго, включающая языки банту (важнейшие из них — суахили, руанда, киконго, килуба, луганда, лингала, сото, зулу) и ряд других, а также подгруппы западноатлантическая (языки фуль, волоф, киси и др.), манде (языки малинке, бамбара, сонинке, менде и др.), вольтийские (языки моси, или мосе, груси, лобо и др.) и ква (языки акан, эве, йоруба, ибо и др.). Нило-сахарская семья (23 млн. чел.) состоит из шести групп: сонгаи, сахарской, маба, фур, шари-нильской и кома.

Особое место на юге Африки занимают готтентотские языки, часто объединяемые вместе с бушменскими в группы койсанских языков (250 тыс. чел.), к к-рым присоединяются нек-рые языки Восточной Африки (сандаве, хатса).

В состав китайско-тибетской семьи (865 млн. чел.) многие лингвисты включают лишь две группы — китайскую и тибето-бирманскую (нек-рые учёные включали также тайскую, мяо-яоскую и вьетскую группы). В китайскую группу входит китайский язык, многочисленные диалекты к-рого объединяются в семь основных групп [с наиболее многочисленной северной группой исторически связан язык хуэй (дунган) в Китае и Средней Азии]. В тибето-бирманскую группу входят тибетские языки, бирманский язык и языки качинской (цзинпо) подгруппы.

Место тайской группы (52 млн. чел.) окончательно не определено: одни исследователи относят её к китайско-тибетской семье, другие — к австроазиатской. Нек-рые лингвисты утверждают, что это самостоятельная семья, отдалённо родственная австроазиатской семье языков.

Ряд учёных, опираясь на близость многих языков Юго-Восточной и Южной Азии, выделяет австроазиатскую семью (65 млн. чел.), к к-рой относят группы: вьетскую, мон-кхмерскую, палаун-ва, малаккскую, кхаси, никобарскую, мунда, мяо-яоскую. Многие языки этих групп, распространённые некогда во всех странах Индокитая и Индии, сохранились лишь в глухих, труднодоступных местах.

Австронезийская (малайско-полинезийская) семья (191 млн. чел.), на языках к-рой говорит большинство народов Индонезии, Филиппин, Малайзии и стран Океании (кроме народов Новой Гвинеи), подразделялась на четыре группы: индонезийскую, полинезийскую, микронезийскую, меланезийскую. Существуют новые классификации, однако ни одна из них не является общепринятой.

Одну семью языков составляет большинство языков аборигенов Австралии (свыше 100 тыс. чел.). С этой же австралийской семьёй сближаются нек-рые папуасские языки. Особое место занимают разнородные, не связанные друг с другом языки Северо-Восточной Азии, условно называемые «палеоазиатскими» (точнее, «палеосибирскими», т. е. древнесибирскими), в т. ч. нивхский (гиляцкий), а также эскимосский (близкородственный алеутскому, или унанганскому), енисейские (кетские) языки. Эскимосский и алеутский языки часто выделяют в особую эскимосско-алеутскую семью.

В Америке существует значительное количество семей языков индейцев (33 млн. чел.). В соответствии с классификациями амер. учёных Гринберга, Э. Сепира и Мак-Кауна, все они объединяются в десять больших групп, или надсемей. Языки группы на-дене (атапаскские языки, среди к-рых наиболее распространены навахский, тлинкит, хайда и др.), носители к-рых, по предположению

нек-рых учёных, пришли в Америку позднее носителей языков других групп, сопоставлялись Сепиром и другими исследователями с китайско-тибетскими языками и другими языками Евразии. Другие семьи Северной Америки объединяются в следующие основные группы: алгонкино-мосанскую (алгонкинские языки, селишские языки и др.), хока-сиу (языки хока, ирокезские, муского-натчезские и др.), тараски (в Мексике), ацтеко-таноанскую (или тано-юто-ацтекскую) группу, к к-рой относится язык нахуа (в Мексике; язык древнего гос-ва ацтеков), и группу пенути.

Из индейских языков других стран Центральной и Южной Америки важнейшим является кечуа (в Перу, Эквадоре, Боливии и прилегающих областях Аргентины, Чили и Колумбии) — основной язык древнеперуанского государства инков, отличавшегося высокой самобытной культурой. Язык кечуа объединяется с языками аймара, арауканскими, аравакскими, тупи-гуарани и нек-рыми другими в андо-экваториальную группу; язык гуарани, входящий в эту группу, является основным языком Парагвая и используется рядом индейских групп Бразилии, Боливии, Аргентины.

Можно предполагать, что значительное число языковых семей исчезло бесследно; сохранившиеся памятники нек-рых древнейших языков (в частности, иероглифического языка Крита) остаются нерасшифрованными. Многие древнейшие культурные языки человечества ещё не нашли своего места в генеалогической классификации языков (неясны, напр., генетические связи этрусского языка).

Классификация языков Америки, Африки и Юго-Восточной Азии во многом ещё детально не разработана. Поэтому картина языковой истории человечества, рисуемая совр. наукой, является приблизительной.

Лит.: Шор Р. О., Чемоданов Н. С., Введение в языковедение, М., 1945; Иванов В. В., Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства, М., 1954; Атлас народов мира, М., 1964; Реформатский А. А., Введение в языковедение, 4 изд., М., 1967; Иллич-Свитыч В. М., Опыт сравнения ностратических языков, [т. 1—2], М., 1971—76; Брук С. И., Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире, «Советская этнография», 1976, № 1.

С. И. Брук, Вяч. Вс. Иванов.

ЯЗЫКИ НАРО́ДОВ СССР. Советский Союз — многоязычная страна. В ней представлено свыше 130 языков коренных народов СССР. Кроме них функционируют и другие языки, основная масса носителей которых проживает за рубежом.

В Стране Советов, построившей развитое социалистическое общество, все языки равноправны. Равноправие языков является великим достижением ленинской национальной политики, историческим завоеванием Сов. власти. «Никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку»,— требовал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 24, с. 391).

По признаку наличия или отсутствия письменных традиций среди языков народов СССР принято различать письменные и бесписьменные. Из письменных языков имеются древнеписьменные (арм., груз., рус., тадж. и нек-рые др.), старописьменные (латыш., литов., эст., тат. и нек-рые др.) и младописьменные, получившие общенародную письменность впервые в сов. эпоху (абазинский, аварский, ингушский, мансийский и др.). Около 50 бесписьменных языков впервые получили письменность. Для них были созданы алфавиты, составлены орфографические правила, разработаны терминологические системы; сильно расширились их общественные функции.

По своим графическим основам алфавиты языков народов СССР распадаются на следующие типы: 1) славяно-рус. графическая основа. Подавляющее большинство алфавитов старописьменных и младописьменных языков восходит к этой основе, напр. рус., укр., белорус., узб. и другие алфавиты; 2) лат. графическая основа: латыш., литов., эст. и нек-рые другие алфавиты; 3) арм. оригинальный национальный алфавит; 4) груз. оригинальный национальный алфавит.

Сравнение языков сов. народов по объёму выполняемых ими общественных функций показывает, что максимальным объёмом общественных функций обладает рус. язык, являющийся языком межнационального общения народов СССР и одним из шести официальных и рабочих языков ООН. Минимальный объём общественных функций выполняют бесписьменные, т. н. одноаульные языки, употребляемые в устном повседневном общении жителями гл. обр. одного села (хиналугский в Азербайджане, бацбийский в Грузии, арчинский в Дагестане и др.).

Языки народов СССР отличаются многообразием звуковых, морфологических, синтаксических и лексических систем. По структурно-типологической характеристике среди языков народов СССР различаются: инкорпорирующие языки, образующие инкорпоративный комплекс путём объединения нескольких лексических основ в одно морфологическое целое, напр. в чукотском языке *ты-копра-итыват-ыркын* — «ставлю сеть», где *ты-итыват-ыркын* — «ставлю», *копра* < *купрэн* — «сеть»; полисинтетические языки, в к-рых к глагольной основе присоединяются различные показатели, выражающие другие элементы предложения и грамматические категории, напр. адыгейское *сы-къы-б-*

го-сы — «я сижу рядом с тобой», где *къы* — глагольная основа; агглютинативные языки, присоединяющие к обычно неизменяющемуся корню слова соответствующие аффиксы, каждый из к-рых выражает только одно грамматическое значение, напр. киргизское *тоолор-убуз-дагы-лар-да* — «у тех, кто находится в наших горах», где к основе *тоо* присоединены аффиксы мн. ч., принадлежности, местонахождения, ещё один аффикс мн. ч. и аффикс местного падежа (к агглютинативным языкам относятся тюркские, финно-угорские языки); флективные языки, образующие слова и формы слов посредством присоединения к корню аффиксов, а также путём изменения звуков в корне слова: русское *лоб — лба*, *треск — трещать* (к флективным языкам относятся индоевропейские языки); смешанный агглютинативно-флективный тип языков представлен иберийско-кавказскими, напр. бацбийское *в-аих-н-а-с* (от *в-аха-р* — «опьянеть» — «опьянел я»), где *в-* классный префикс, выражающий первый грамматический класс, единственное число, [*аи*] — дифтонг, заменивший исходный гласный [*а*] при образовании прош. времени, *-н-* аффикс недавнопрошедшего времени, *-с*-формант 1-го лица ед. ч.

Генеалогическая классификация характеризует языки с точки зрения их родства, общности происхождения. По этой классификации языки распадаются на ряд семей и групп (см. Языки мира). Большинство языков народов СССР относится к индоевропейским, алтайским, иберийско-кавказским, уральским, палеоазиатским.

К индоевропейской семье относятся: восточнославянские, балтийские, иранские, романские языки, идиш, цыганский, армянский.

Восточнославянские языки: русский (129 015 тыс. чел./128 811 тыс. чел.; здесь и далее первая цифра означает количество лиц данной национальности, вторая — количество лиц этой национальности, считающих родным языком язык своей национальности, по данным всесоюзной переписи 1970), украинский (40 753 тыс. чел./ 34 906 тыс. чел.), белорусский (9052 тыс. чел./7291 тыс. чел.). Русский язык (см.) распространён гл. обр. в РСФСР, а также широко употребляется во всех национальных республиках, областях и округах, укр. и белорус. языки — гл. обр. в Укр. ССР и Белорус. ССР.

Балтийские языки представлены латыш. и литов. языками. Основная масса носителей латыш. языка живёт в Латв. ССР (1430 тыс. чел./1361 тыс. чел.), основная масса носителей литов. языка (2665 тыс. чел./2608 тыс. чел.) — в Литов. ССР.

Из иранских языков на территории СССР письменными являются таджикский, осетинский, курдский, татский; бесписьменными — талышский, белуджский, ягнобский, ишкашимский, ваханский, язгулямский и языки шугнано-рушанской группы. Иранские языки распространены в основном в Средней Азии и на Кавказе: древнеписьменный тадж. язык (2136 тыс. чел./2104 тыс. чел.) — гл. обр. в Тадж. ССР, осет. язык (488 тыс. чел./432 тыс. чел.) — в основном в Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской автономной области (Груз. ССР). Большинство носителей курдского языка (89 тыс. чел./78 тыс. чел.) проживает в Арм. ССР. Курды живут также в Азербайджане, Туркмении, Грузии. Татский язык (17 тыс. чел./12 тыс. чел.) распространён гл. обр. в Азербайджане и Дагестане. Языки, входящие в состав шугнано-рушанской группы, нек-рые иранисты считают диалектами.

Романские языки на территории СССР представлены молд. языком (2698 тыс. чел./2563 тыс. чел.), распространённым в основном в Молд. ССР.

Армянский язык (3559 тыс. чел./ 3254 тыс. чел.) занимает особое место среди индоевропейских языков. Большинство армян Сов. Союза живёт в Арм. ССР, значительная часть — в РСФСР, Азербайджане и Грузии. В нашей стране представлен восточный вариант арм. лит. языка.

Из других индоевропейских языков в Сов. Союзе представлены идиш, на к-ром говорят 17,7% сов. евреев, и цыганский язык (на нём говорят 70,8% сов. цыган). Идиш относится к германской, а цыганский — к новоиндийской группам индоевропейских языков. Основная масса носителей идиша и цыганского языка не живёт компактно.

Тюркские языки в своём подавляющем большинстве близкородственны. К ним относятся: узб. язык (9195 тыс. чел./9071 тыс. чел.), распространённый гл. обр. в Узб. ССР; казах. язык (5299 тыс. чел./5195 тыс. чел.) — гл. обр. в Казах. ССР; азерб. язык (4380 тыс. чел./4301 тыс. чел.) — в основном в Азерб. ССР. Основная масса носителей кирг. языка (1452 тыс. чел./1434 тыс. чел.) живёт в Кирг. ССР, подавляющее большинство носителей туркм. языка (1525 тыс. чел./1508 тыс. чел.) — в Туркм. ССР. Тат. язык (5931 тыс. чел./5289 тыс. чел.) распространён в Тат. АССР и др. районах СССР. Основная масса носителей башк. языка (1240 тыс. чел./820 тыс. чел.) живёт в Башк. АССР. Большинство носителей чуваш. языка (1694 тыс. чел./ 1472 тыс. чел.) живёт в Чуваш. АССР. Другие тюркские лит. языки — каракалпакский (236 тыс. чел./228 тыс. чел.), тувинский (139 тыс. чел./138 тыс. чел.), якутский (296 тыс. чел./285 тыс. чел.),

карачаево-балкарский (язык балкарцев, 59 тыс. чел./58 тыс. чел., и карачаевцев, 113 тыс. чел./111 тыс. чел.), кумыкский (189 тыс. чел./186 тыс. чел.), крымско-татарский, хакасский (67 тыс. чел./56 тыс. чел.), алтайский (56 тыс. чел./49 тыс. чел.), ногайский (52 тыс. чел./46 тыс. чел.) — распространены в Каракалпакской, Тувинской, Якутской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской автономных республиках, Хакасской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской автономных областях.

Письменными тюркскими языками являются также уйгурский (173 тыс. чел./153 тыс. чел.), носители к-рого живут в Казахстане, Узбекистане и Киргизии, и гагаузский (157 тыс. чел./146 тыс. чел.), распространённый в Молдавии и на Украине.

Монгольские языки представлены в СССР бурятским (315 тыс. чел./291 тыс. чел.) и калмыцким (137 тыс. чел./126 тыс. чел.) языками, распространёнными соответственно в Бурятской и Калмыцкой автономных республиках.

Тунгусо-маньчжурские языки вместе с тюркскими и монгольскими нек-рые языковеды объединяют в алтайскую семью. Носители тунгусо-маньчжурских языков живут в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В данную группу входят младописьменные нанайский (10 тыс. чел./0,7 тыс. чел.), эвенкийский (25 тыс. чел./13 тыс. чел.), эвенский (12 тыс. чел./7 тыс. чел.), а также бесписьменные негидальский, ульчский, орокский, орочский, удэгейский языки, на каждом из к-рых говорит от двух тысяч до нескольких сотен человек.

Иберийско-кавказская семья представлена в СССР самым большим количеством языков. Древнеписьменный груз. язык (3245 тыс. чел./3193 тыс. чел.) в основном распространён в Груз. ССР. Другие иберийско-кавказские лит. языки — абхазский (83 тыс. чел./80 тыс. чел.), абазинский (25 тыс. чел./24 тыс. чел.), адыгейский (100 тыс. чел./96 тыс. чел.), кабардино-черкесский (280 тыс./274 тыс. кабардинцев и 40 тыс./37 тыс. черкесов), аварский (396 тыс. чел./385 тыс. чел.), лезгинский (324 тыс. чел./304 тыс. чел.), даргинский (231 тыс. чел./227 тыс. чел.), лакский (86 тыс. чел./82 тыс. чел.), табасаранский (55 тыс. чел./54 тыс. чел.), ингушский (158 тыс. чел./153 тыс. чел.), чеченский (613 тыс. чел./605 тыс. чел.) — распространены в Абхазской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской и Чечено-Ингушской автономных республиках, а также в Адыгейской, Карачаево-Черкесской автономных областях.

Все остальные иберийско-кавказские языки — будухский, крызский, цахурский, хиналугский в Азербайджане; занский, сванский, бацбийский в Грузии; удинский в Азербайджане и Грузии; агульский, рутульский, арчинский, андийский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, багвалинский, тиндинский, каратинский, ахвахский, дидойский (цезский), бежитинский, гунзибский, хваршинский, гинухский в Дагестане — являются бесписьменными, на каждом из них говорит от нескольких тысяч до нескольких сотен человек. Существование иберийско-кавказской семьи языков окончательно не установлено.

К финно-угорским языкам относится старописьменный эст. язык (1007 тыс. чел./962 тыс. чел.), распространённый преим. в Эст. ССР. Другие финно-угорские лит. языки — мокшамордовский и эрзя-мордовский (на обоих языках говорят 983 тыс. чел.), марийский (599 тыс. чел./546 тыс. чел.), коми (322 тыс. чел./266 тыс. чел.), коми-пермяцкий (153 тыс. чел./132 тыс. чел.), удмуртский (704 тыс. чел./582 тыс. чел.), мансийский (8 тыс. чел./4 тыс. чел.), хантыйский (21 тыс. чел./14 тыс. чел.) — распространены в Мордовской, Марийской, Коми, Удмуртской автономных республиках, а также Ханты-Мансийском и Коми-Пермяцком автономных округах.

Бесписьменными финно-угорскими языками являются карельский и саамский (в Карел. АССР), вепсский (в Ленинградской, Вологодской областях и Карелии), водский, ижорский (в Ленинградской области), ливский (в Латв. ССР).

Самодийские языки объединяют с финно-угорскими под общим названием уральской семьи. К самодийским языкам относятся младописьменные — ненецкий (29 тыс. чел./24 тыс. чел.), селькупский (4 тыс. чел./2 тыс. чел.) и бесписьменные — нганасанский (0,9 тыс. чел./0,7 тыс. чел.) и др., носители к-рых живут в основном в Ненецком, Ямало-Ненецком, Таймырском автономных округах.

Палеоазиатские (древнеазиатские) языки распространены в Сибири и на Дальнем Востоке. К ним относят чукотско-камчатские, эскимосские и изолированные языки. В первую группу входят младописьменные чукотский (13 тыс. чел./11 тыс. чел.), корякский (7 тыс. чел./ 6 тыс. чел.), а также бесписьменные керекский, ительменский и алюторский. Вторая группа включает в себя младописьменный эскимосский и бесписьменный алеутский. В третьей группе представлены нивхский (4 тыс. чел./2 тыс. чел.), кетский (1 тыс. чел./0,8 тыс. чел.) и юкагирский (0,6 тыс. чел./0,3 тыс. чел.) языки.

Языки, основные носители к-рых живут вне пределов СССР: болгарский (351 тыс. чел./257 тыс. чел.), корейский (357 тыс. чел./245 тыс. чел.), греческий (337 тыс. чел./132 тыс. чел.), венгерский (166 тыс. чел./161 тыс. чел.), финский (85 тыс. чел./43 тыс. чел.), дунганский

(39 тыс. чел./36 тыс. чел.), новосирийский, или айсорский (24 тыс. чел./16 тыс. чел.) и др.

Лит.: Языки народов СССР, т. 1—5, М.— Л., 1966—68; Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф., Развитие языков народов СССР в советскую эпоху, М., 1968; Белодед И. К., Развитие языков социалистических наций СССР, К., 1969; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, т. 1—4, М., 1969—76; Исаев М. И., 130 равноправных, М., 1970. *Ю. Д. Дешериев.*

ЯЗЫКОЗНА́НИЕ, лингвистика, языковедение,— наука о языке (см. Язык). Объектом Я. является язык во всём объёме его свойств и функций, строение, функционирование и историческое развитие языка. Однако в качестве непосредственного предмета Я. в различные эпохи выдвигались различные стороны объекта. С классической древности до нач. 19 в. Я. ещё не отделилось от логики, и предметом его (как части тогдашней логики и философии) считались единые общечеловеческие способы выражения мысли. В 19 в. Я. вполне обособляется, вырабатывается эволюционный взгляд на язык; предметом Я. становятся различные языки в их истории. В 20 в. Я. изучает язык как универсальную, неотъемлемую принадлежность человека и языки в их многообразных, конкретно-исторических формах.

Система языковедческих дисциплин. Соответственно особенности объекта совр. Я. разделяется на общее языкознание (см.), имеющее предметом общие законы строения и развития языка, и частные области Я., изучающие отдельные языки или их группы, напр. русское Я., или русистика, романское Я., или романистика, финно-угорское Я., или финно-угроведение, и т. д.

В совр. Я. сохраняется традиционно сложившееся разделение дисциплин. 1) Дисциплины о внутреннем устройстве языка, или «внутренняя лингвистика»: фонетика и фонология (с выделением просодии), грамматика, с подразделением на морфологию и синтаксис (иногда с выделением морфонологии), лексикология (с выделением фразеологии), семантика (иногда с выделением семасиологии), стилистика, типология. 2) Дисциплины об историческом развитии языка: история языка, историческая грамматика (иногда в широком значении истории языка), сравнительно-историческая грамматика, история лит. языков, этимология. 3) Дисциплины о функционировании языка в обществе, или «внешняя лингвистика»: диалектология, лингвистическая география, ареальная лингвистика, социолингвистика. 4) Дисциплины, занимающиеся комплексными проблемами и возникающие на стыке наук: психолингвистика, математическая лингвистика, инженерная лингвистика (к-рая может пониматься и как прикладная дисциплина). 5) Прикладные лингвистические дисциплины: экспериментальная фонетика, лексикография, лингвостатистика, палеография, история письменностей, лингвистическая дешифровка неизвестных письменностей и др. В практике лингвистических исследований такое разделение бывает условным, т. к. указанные дисциплины тесно связаны между собой.

Краткий исторический очерк. Древний этап Я. (Древняя Греция и Древняя Индия) характеризуется господством логического направления. Анализ языка — лишь подсобное средство логики; язык рассматривается как средство формирования и выражения мысли. Первое специальное сочинение по Я. в европейской науке — диалог Платона (428 или 427 до н. э.— 348 или 347 до н. э.) «Кратил». Однако языковедческий интерес представляет также способ построения Платоном его общей философской системы (особенно в диалогах «Софист» и «Парменид»). Аристотель (384—322 до н. э.) в работах «Категории», «Об истолковании», «Топика» изложил цельную логико-языковую концепцию. Десять категорий Аристотеля (сущность, количество, качество, отношение и т. д.)— не что иное, как построенный в строгой иерархии список всех форм сказуемого, к-рые могут встретиться в простом предложении др.-греч. языка. Основным типом суждения Аристотель считал высказывание «существительное-субъект — существительное-предикат», другие типы суждений-высказываний рассматривал как трансформации основного типа. Аристотель первым из античных мыслителей подошёл к проблеме грамматической формы, развивал учение о частях речи. Концепция Аристотеля была продолжена в европейской логике и грамматике средневековья. Нек-рые грамматические термины в рус. грамматике — кальки введённых им терминов.

В отличие от Платона и Аристотеля др.-инд. грамматик Панини (5—4 вв. до н. э.) рассматривал язык как таковой, притом гл. обр. в формальном отношении. Его нормативная грамматика «Аштадхьяи» («Восьмикнижие») исчерпывающе описывает фонетику, морфологию, морфонологию, словообразование и элементы синтаксиса др.-инд. языка. Панини впервые и лингвистически точно ввёл понятия порождения, морфонологии, нулевого элемента; он первым стал пользоваться условным символическим языком описания. Сочинение Панини возникло в русле богатейшей инд. традиции и, в свою очередь, оказало влияние на формирование последующих инд. школ (Чандрагомин, Нагеша Бхатта, Каунда Бхатта, Катйайана, Патанджали, Бхартрихари и др.), а позднее и на Я. в целом (в 19 в.).

Стоики (начиная с Древней Стои 3—2 вв. до н. э.— Зенон, Клеанф, Хрисипп и др.) впервые открыли, что у высказывания два предмета: во-первых, вещь, объект реального мира («тело»; в терминологии логики и Я. 20 в.— «предмет обозначения», «денотат», «значение», «экстенсионал»); во-вторых, некая, специфическая мыслительная сущность («лектóн»; в терминологии логики и Я. 20 в.— «сигнификат», «смысл», «интенсионал»). Стоики заложили основы учения о семантическом синтаксисе, закончили классификацию частей речи.

Логическое направление в Я. получило завершение в логике и грамматике Пор-Рояля во Франции во 2-й пол. 17 в. и существовало вплоть до 19 в. Учёные древности исходили из форм родного языка (др.-греч. или др.-инд.), учёные Пор-Рояля стали считать логические формы языка, установленные ещё на греколат. материале,— понятие, суждение и девять частей речи — универсальными формами всех языков. Т. о., в рамках логического направления был сделан важный шаг к познанию языка как универсальной принадлежности человека. Однако национально-исторические различия языков мира при этом игнорировались.

Следующий этап в развитии Я., с нач. 19 в.,— формирование *сравнительно-исторического языкознания*, к-рое основывалось на следующих принципах: 1) каждый язык имеет свои особенности, отличающие его от других языков; 2) эти особенности познаются в сравнении; 3) сравнение обнаруживает у нек-рых языков родство (см. Родство языков); родственные языки группируются в языковые семьи (см. Семья языков); 4) различие родственных языков может быть объяснено только их непрерывным историческим изменением, что признаётся важнейшим свойством всякого языка; 5) звуки изменяются быстрее других элементов; их преобразования в пределах одной семьи строго закономерны (см. Звуковые законы); основные элементы языка (корни слов, флексии и аффиксы) сохраняют устойчивость на протяжении тысячелетий; по этим данным может быть реконструирована схема исходного общего языка, «праязыка» (первоначально полагали, что возможно восстановление «праязыка» в целом).

Первые идеи сравнительно-исторического Я. были сформулированы дат. языковедом Р. К. Раском (1818) и нем. лингвистом Ф. Боппом (1816), в России А. Х. Востоковым (см.). На протяжении всего 19 в. создаются сравнительно-исторические грамматики: германских языков (Я. Гримм), романских языков (Ф. Диц, затем В. Мейер-Любке), слав. языков (Ф. Миклошич), а также обобщающие труды — грамматики индоевропейских языков Боппа (1833—49, 1856—61), А. Шлейхера (1861—62), К. Бругмана и Б. Дельбрюка (1886—1900). В этом русле созданы и основополагающие теоретические исследования Я. Ваккернагеля, А. Мейе, Ф. Ф. Фортунатова, Г. Хирта и др.

В области общей теории языка сравнительно-историческое Я. претерпело сложную эволюцию — от чисто языкового сравнения у Раска, Боппа, Гримма, Востокова к «биологическому натурализму» Шлейхера (под влиянием идей дарвинизма) и далее к психологизму (Х. Штейнталь и др.). Сравнительно-историческое Я. продолжает успешно развиваться.

В *психологическом* течении Я. какие-либо существенные связи языка с логикой отрицались, единство человеческого языка объяснялось единством законов психики, а разнообразие языков — особенностями психологии различных народов. К психологическому направлению примыкал создатель одной из крупнейших школ в Я. 19 в. укр. и рус. учёный А. А. Потебня (см.). Согласно его концепции, исследование языка открывает единые принципы осознания человеком объективного мира в самом языке, психике, мышлении и художественном творчестве. На этой основе Потебня разработал по существу первую концепцию семантических трансформаций, охватывающих как слово («внутренняя форма слова»), так и предложение («замены частей речи»).

В кон. 19 в. формируется новое течение — *младограмматизм*, первоначально в Германии (работы Бругмана, Г. Остхофа, Г. Пауля). Младограмматики исследовали звуковые процессы, детально разработали реконструкцию морфологии. Однако постоянное удвоение предмета исследования, с одной стороны, — язык, с другой — психика (звук и «психическое представление звука», значение и «психическое представление значения» и т. д.); раздробление системы языка на море «атомарных фактов» — звуков, словоформ и т. д.; преувеличение роли индивидуальной психологии и индивидуальной речи, в силу чего единственной подлинной реальностью стала признаваться речь индивида,— всё это привело к кризису младограмматизма.

К младограмматизму были близки взгляды крупнейших рус. лингвистов кон. 19 — нач. 20 вв. А. А. Шахматова (см.), Ф. Ф. Фортунатова (см.), а также В. К. Поржезинского.

Фортунатов, в отличие от младограмматиков уделявший особое внимание структурной и знаковой стороне языка, стал основоположником особой, т. н. формальной, школы в рус. Я.

Новое направление — *лингвистический структурализм* (см. Структурная лингвистика) — возникло в нач. 20 в. с появлением книги Ф. де Сос-

сюра «Курс общей лингвистики» (посмертное, неавторизованное изд. 1916). Это направление начало складываться в общем русле структурализма, охватившего разные области: психологию (гештальтпсихология), теорию лит-ры и искусства (формальная школа) и др. В Я. оно было подготовлено деятельностью казанской школы в России, гл. обр. трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ, к-рый наравне с де Соссюром считается предшественником структурализма в Я., Н. В. Крушевского и др.

Структурное направление в Я. развивалось различными путями в разных национальных школах, к-рые, однако, в теоретическом отношении выступают как дополнительные одна к другой. В пражской лингвистической школе (1920—38) совместными трудами рус. и чеш. лингвистов: Н. С. Трубецкого, В. Матезиуса, Р. Якобсона, Б. Трнки, Б. Гавранека, Я. Мукаржовского, Й. Вахека, В. Скалички и др.— была разработана структурная фонология, по образцу к-рой стало формироваться описание и других сфер языка. В американской структурной лингвистике, т. н. дескриптивизме (1920—60-е гг.), в трудах Ф. Боаса, Э. Сепира, Л. Блумфилда, К. Л. Пайка, З. С. Харриса и др. были разработаны приёмы формального метода (дистрибутивный анализ). В копенгагенском лингвистическом кружке (с сер. 1930-х до 1960-х гг.) в исследованиях Л. Ельмслева, В. Брёндаля, Х. Ульдалля, К. Тогебю и др. была предпринята коренная реформа лингвистического метода и теории — попытка перестроить их на основе примата чистых отношений; не приведя к полному успеху, эта попытка, однако, в известной мере способствовала соединению абстрактной теории языка с математикой.

С сер. 60-х гг. 20 в. в Я. под влиянием идей математической логики и математики возникает новое направление — конструктивизм. Его основной принцип — требование конструктивности: объект может быть принят как объект теории только в том случае, если учёный может его построить или смоделировать. На основе идей конструктивизма (напр., понятия алгоритма) как его разновидность в Я. возникла теория порождающих, или генеративных, грамматик. Конкретное применение этих теорий к языковому материалу показало их существенную ограниченность.

Исследование закономерностей реальных исторических языков с их сложной структурой, включающей в себя исторически сложившиеся противоречия, было поставлено как научная задача на основе марксистской философии в марксистском Я.

В СССР после Окт. революции 1917 стало развиваться марксистское Я. Основу теории марксистского Я. составляют положения о становлении языка в процессе социализации и общественной трудовой практики первобытного человека (Ф. Энгельс); о языке как непосредственной действительности сознания, реализующейся в социальном общении (К. Маркс и Ф. Энгельс); об отражении объективной действительности в сознании человека и содержании языковых форм (теория отражения В. И. Ленина). Сов. учёные-марксисты стремились создавать его как синтез достижений предшествующих и совр. школ с одновременным преодолением их недостатков. Этому способствовали исключительно благоприятные условия: в области материала — разнообразие языковых типов и семей, развитие национальных культур и языков, создание письменностей для бесписьменных языков (т. н. языковое строительство); в сфере теории — материалистические тенденции рус. Я. 19 в., в особенности казанской школы, и, самое главное, основные философские положения марксизма-ленинизма, что позволяло, в частности, воспринимать достижения различных методик и методов при сохранении примата марксистской методологии. На основе этих положений выросли главные темы марксистского языкознания в СССР: язык и общество (работы Р. О. Шор, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского, В. М. Жирмунского и др.); язык и мышление (работы И. И. Мещанинова, психолога Л.С. Выготского и др.). В области внутренней лингвистики в сов. Я. были созданы три крупнейшие концепции в Я. 20 в.: типология Мещанинова, теория фонологии, грамматики и словарей Л. В. Щербы, теория рус. языка, лит. языков, стилистики и поэтики В. В. Виноградова. Марксистское Я. развивается также в других социалистических и нек-рых капиталистических странах.

Лит.: Булич С. К., Очерк истории языкознания в России, СПБ, 1904; Античные теории языка и стиля, М.— Л., 1936; Звегинцев В. А., История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 1—2, М., 1964—65; Основные направления структурализма, М., 1964; Советское языкознание за 50 лет, М., 1967; Теоретические проблемы советского языкознания, М., 1968; Ленинизм и теоретические проблемы языкознания, М., 1970; Мещанинов И. И., Проблемы развития языка, Л., 1975; Степанов Ю. С., Методы и принципы современной лингвистики, М., 1975; Слюсарева Н. А., Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики, М., 1975; Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В., Очерки по истории лингвистики, М., 1975; Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX — начала XX вв., М., 1976; Панфилов В. З., Философские проблемы языкознания, М., 1977; Филин Ф. П., Совет-

ское языкознание: теория и практика, «ВЯ», 1977, № 5. *Ю. С. Степанов.*

ЯКАНЬЕ — тип безударного вокализма русских говоров; совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных гласных фонем неверхнего подъёма всегда или в части позиций в звуке *а*: *н'асу́*, *л'аса́*, *п'ата́к* при *н'ос* (или *н'ес*), *л'ес* (или *л'ɛ̂с*), *п'а́тый*. Выделяются три основных типа Я.: сильное, умеренное и диссимилятивное. При сильном Я. в первом предударном слоге на месте гласных фонем неверхнего подъёма произносится всегда *а*: *н'асу́*, *н'асла́*, *н'ас'и́*, *в л'асу́*, *л'аса́*, *л'ас'и́на*, *п'аткý*, *п'ата́к*, *п'ат'и́* и т. п. При умеренном и диссимилятивном Я. в первом предударном слоге кроме *а* произносится также *и* или *е*. Умеренное Я. характеризуется зависимостью предударного гласного от качества следующего согласного: перед твёрдым согласным произносится *а*, перед мягким согласным — *и* или *е*: *н'асу́*, *н'асла́*, *в л'асу́*, *л'аса́*, *п'аткý*, *п'ата́к* — *н'ис'и́*, *л'ис'и́на*, *п'ит'и́* или *н'ес'и́*, *л'ес'и́на*, *п'ет'и́*. Диссимилятивное Я. характеризуется зависимостью предударного гласного от качества ударенного гласного. При этом наблюдается диссимиляция, расподобление ударного и предударного гласных по подъёму: перед гласным верхнего подъёма *и*, *ы*, *у* произносится гласный нижнего подъёма *а*, перед гласным нижнего подъёма произносится гласный верхнего подъёма *и* или среднего подъёма *е*: *н'асу́*, *н'ас'и́*, *в л'асу́*, *л'асны́х*, *л'ас'и́на*, *п'аткý*, *п'аты́*, *п'ат'и́* — *н'исла́*, *л'иса́*, *п'ита́к*, гораздо реже *н'есла́*, *л'еса́*, *п'ета́к*. Гласные верхнесреднего подъёма *ô*, *ê* и среднего подъёма *о*, *е*, а также *'о* после мягкого согласного, возникший из *е*, могут при этом функционировать по-разному: одни из них как гласные верхнего подъёма — перед ними произносится *а*, другие как гласные нижнего подъёма — перед ними произносится *и*(*е*). В зависимости от этого выделяется несколько типов диссимилятивного Я. Различия между *ô* и *о* и/или *ê* и *е* во многих говорах утрачены, и на месте этих четырёх фонем выступают три или две фонемы. Отсутствие этих различий в говорах обусловило, по мнению многих лингвистов, возникновение некоторых различий между типами диссимилятивного Я., привело к формированию некоторых из этих типов.

Архаический тип. Обоянский подтип: *а* произносится перед *ô*, *ê* — *и* перед *о*, *е*, *'о*: *с'ало́*, *б'ало́*, *р'аднô*, *пр'ис'ал'ê*, *б'ал'ёт'*, *нар'ад'н'ê* — *с'ило́м*, *б'ило́к*, *р'идно́м*, *с'ил'ён'ий*, *д'ит'éй*, *кн'из'éй*, *с'ил'о́тка*, *зв'ир'о́к*, *п'ит'о́рка*. Задонский подтип отличается от обоянского только произношением *е* вместо *и*: *с'ело́м*, *б'ело́к* и т. п.

Щигровский тип: *а* перед *о*, *ê* — *и* перед *е*, *'о*: *с'ало́*, *с'ало́м*, *пр'и с'ал'ê* — *с'ил'ён'ий*, *с'ил'о́тка*.

Суджанский тип: *а* перед *о* — *и* перед *е*, *'о*: *с'ало́*, *с'ало́м* — *пр'и с'ил'é*, *с'ил'ён'ий*, *с'ил'о́тка*.

Мосальский, или витебский, тип: *а* перед *о*, *'о* — *и* перед *е*: *с'ало́*, *с'ало́м*, *с'ал'о́тка* — *пр'и с'ил'é*, *с'ил'ён'ий*.

Жиздринский, или белорусский, тип: только *а* перед *о*, *е*, *'о*: *с'ало́*, *с'ало́м*, *пр'и с'ал'é*, *с'ал'ён'ий*, *с'ал'о́тка*.

Донской тип: только *и* перед *о*, *е*, *'о*: *с'ило́*, *с'ило́м*, *пр'ис'ил'é*, *с'ил'ён'ий*, *с'ил'о́тка*. Совпадение ударных *ô* и *о*, *ê* и *е* в более позднее время привело к утрате позиционной обусловленности предударных *а* и *и*, к-рые стали выступать перед одной и той же ударенной гласной. Произошло закрепление одного из этих звуков в слове, его лексикализация: *д'ир'éв'н'а*, *н'ад'ёл'а* или морфологизация чередования *а* — *и*: *с'ало́* — *с'ило́м*, *р'адно́* — *р'идно́м* и т. п.

Кроме основных типов Я. существуют более сложные типы, характеризующиеся не одним, а двумя разными принципами, определяющими произношение *а* или *и* в предударном слоге. Так, на разные типы Я. может как бы накладываться принцип ассимилятивности, определяющий произношение *а* перед ударенным *а*: *с'ала́*, *б'алка́*, *р'адна́*, *д'ас'а́тка*, *стр'ал'а́т'*, *з'ат'йа́*. Ассимилятивно-диссимилятивное Я. характеризуется принципом ассимилятивности при ударенном *а* и принципом диссимилятивности в той или иной разновидности при других ударенных гласных. Ассимилятивно-умеренное Я. отличается от умеренного Я. произношением предударного *а* не только перед твёрдым согласным, но и перед ударенным *а* перед мягким согласным. Ассимилятивное Я. характеризуется сочетанием ассимилятивности перед *а* с иканьем (см.), т. е. произношением *а* перед *а* и произношением *и* в остальных случаях. Возможно сочетание принципа диссимилятивности с принципом умеренного Я. При диссимилятивно-умеренном Я. диссимилятивность проявляется перед твёрдым согласным, а перед мягкими произносится всегда *и*, как при умеренном Я. При умеренно-диссимилятивном Я. диссимилятивность проявляется перед мягкими согласными, а перед твёрдыми всегда произносится *а*.

Я. свойственно большинству акающих говоров. Наиболее распространены следующие типы Я. Диссимилятивное Я. отмечается во всех говорах с диссимилятивным аканьем (см. Аканье) и в ряде

говоров с недиссимилятивным аканьем, это характерная черта говоров всей юго-западной диалектной зоны. Ассимилятивно-диссимилятивное Я. типично для рязанской группы говоров. Сильное Я. определяет псковскую группу говоров, известно оно также многим говорам Московской, Рязанской, Тульской, Орловской областей. Умеренное Я. отмечается преим. в говорах Московской и Калининской областей, это также характерная черта тульской группы говоров. Другие типы Я. встречаются гораздо реже.

Лит.: Аванесов Р. И., Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949; его же, Русская литературная и диалектная фонетика, М., 1974; Захарова К. Ф., Типы диссимилятивного яканья в русских говорах, «ВЯ», 1971, № 2; Русская диалектология, под ред. П. С. Кузнецова, М., 1973.

Л. Л. Касаткин.

ЯКУБИ́НСКИЙ Лев Петрович [20.7 (1.8).1892, Киев,— 23.8.1945, Ленинград] — сов. языковед. Окончил Петерб. ун-т (1913). Проф. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена (1934—43), директор Ленинградского НИИ языкознания (1933—36). Один из основателей сов. социолингвистики, а также науки о языке художественной лит-ры. Основные труды посвящены изучению поэтического языка, культуре речи, истории рус. языка. Исследовал сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, в т. ч. славянских. Изучал греч., алб., южнослав. языковые взаимоотношения. В книге «История древнерусского языка» (1953) Я. стремился установить внутренние закономерности грамматических изменений др.-рус. языка в их движении от одной исторической системы к другой с историко-семантической точки зрения. Исследовал проблему развития сложноподчинённого предложения в русском языке в связи со становлением национального литературного языка.

Лит.: Якубинская-Лемберг Э., Профессор Л. П. Якубинский, «Уч. зап. ЛГУ. Сер. филологич. наук», 1949, в. 14, № 97 (есть список работ Л. П. Якубинского); Виноградов В. В., Профессор Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка», в кн.: Якубинский Л. П., История древнерусского языка, М., 1953; Ахунзянов Э. М., Лев Петрович Якубинский, «Рус. речь», 1975, № 2.

ЯТЬ — буква кириллического (см. Кириллица) и рус. гражданского алфавита (ѣ), служившая первоначально для обозначения особого гласного [$\hat{e}$] — *е* закрытого или дифтонга [$\widehat{ie}$], характерного для фонетической системы др.-рус. языка, напр. в словах *лѣсъ*, *звѣрь*, *на столѣ*. Этот звук выступал в корнях слов и в нек-рых морфологических формах (в предл. п. ед. ч. существительных муж. рода, в дат. и предл. п. ед. ч. существительных жен. рода, в сравнительной степени прилагательных и др.) и являлся самостоятельной фонемой др.-рус. языка (см. Древнерусский язык).

В истории рус. языка звук Я. пережил разные изменения: в одних говорах (напр., новгородских) он изменился в [*и*], в других (напр., во многих южно- и среднерусских) совпал с [*е*], в третьих (напр., в нек-рых севернорусских) сохранился как особый гласный. В московском говоре, легшем в основу рус. лит. языка, звук [$\hat{e}$] к 18 в. стал произноситься как [*е*], и в связи с этим буква ѣ перестала обозначать особый гласный, т. е. потеряла звуковое значение, сохраняясь в алфавите лишь по традиции. Реформой орфографии 1917—18 буква ѣ была исключена из рус. алфавита: на её месте стали писать букву *е*.

В. В. Иванов.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК СТАТЕЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ*

А, а
Абакумов С. И.
Аббревиатура
Абзац
Аванесов Р. И.
Автоматический перевод
Адвербиализация
Адъективация
Азбука
Азбуковники
Аканье
Аккомодация
Активный словарь
Актуальное членение предложения
Акцент
Акцентология
Аллегория
Аллитерация
Алфавит
Аналогия
Антитеза
Антонимы
Антропонимика
Аорист
Апостроф
Арго
Артикуляция
Ассимиляция
Ассонанс
Атлас диалектологический
Афоризм
Аффикс
Аффиксоид
Аффриката

Б, б
Бархударов С. Г.
Беглые гласные
Безличное предложение
Безличный глагол
Безударные гласные
Белодед И. К.
Берестяные грамоты
Бессоюзное сложное предложение
Богородицкий В. А.
Бодуэн де Куртенэ И. А.
Борковский В. И.
Будущее время
Буква
Булаховский Л. А.
Буслаев Ф. И.

В, в
Варианты языковые
Вводное предложение
Вводные слова
Вид
Винительный падеж
Виноградов В. В.
Винокур Г. О.
Внутренняя форма слова
Возвратные глаголы
Вокализм
Вопросительное предложение
Вопросительный знак
«Вопросы языкознания»
Восклицательные предложения
Восклицательный знак
Востоков А. Х.
Время
Вспомогательный глагол
Вставная конструкция
Высказывание
Высокий слог

Г, г
Гвоздев А. Н.
Гипербола
Главное предложение
Глагол
Глаголица
Гласные
Говор
Говоры русского языка
Грамматика
Грамматикализация
Графика
Грот Я. К.

Д, д
Даль В. И.
Дательный падеж
Двоеточие
Двойственное число
Двусоставное предложение
Двуязычный словарь
Деепричастие
Деепричастный оборот
Державин Н. С.
Дефис
Диалект
Диалектизм
Диалектный словарь
Диалектология
Диалог
Диахрония
Дикция
Диссимиляция
Дифференцирующие написания
Дополнение
Древнерусский язык
Дурново Н. Н.

Е, е
Единицы языка
Еканье

Ё, ё

Ж, ж
Жаргон

З, з
Заимствование
Залог
Запятая
Звательная форма
Звуки речи
Звуковые законы
Звукоподражательные слова
Знаки препинания

*В список не вошли ссылочные статьи.

Знаменательные слова
Значение слова
И, и
Идиома
Идиоматичность
Изоглосса
Иканье
Именительный падеж
Имперфект
Имя
Инверсия
Иностранных слов словарь
Институт русского языка АН СССР
Институт русского языка имени А. С. Пушкина
Институт языкознания АН СССР
Интерлингвистика
Интонация
Инфинитив
Ирония
Исторический словарь
История русского литературного языка
История русского языка
Истрина Е. С.
Й, й
К, к
Кавычки
Каламбур
Калька
Канцеляризмы
Каринский Н. М.
Карский Е. Ф.
Кирилл и Мефодий
Кириллица
Книгопечатание
Книжная речь
Консонантизм
Контаминация
Контекст
Контраст
Координация
Корень
Корш Ф. Е.
Косвенная речь
Костомаров В. Г.
Красная строка
Крылатые слова
Кузнецов П. С.
Культура речи
Л, л
Ларин Б. А.
Лексема
Лексика
Лексикализация
Лексикография
Лексикология
Лексикон
Летописи
Лингвистическая география
Лингвистическая статистика
Литературный язык
Литота
Лицо
Ломоносов М. В.
Ломтев Т. П.
Ляпунов Б. М.
М, м
Максим Грек
Математическая лингвистика
Междометия
Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы
Мейозис
Местоимение
Метатеза
Метафора
Методика преподавания русского языка
Метонимия
Минимум орфографический и пунктуационный
Многоточие
Модальность
Монолог
Морф
Морфема
Морфология
Морфонология
Московское произношение
Н, н
Назывное предложение
Наклонение
Наречие
Наречие
Нарицательные существительные
Настоящее время
Научно-исследовательский институт преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР
Научный стиль
Национальный язык
Неизменяемые слова
Нейтральная лексика
Нейтральные стилистические средства языка
Неологизм
Неопределённо-личное предложение
Неполногласие
Неполное предложение
Непроизносимые согласные
Нераспространённое предложение
Несклоняемые существительные
Несобственно-прямая речь
Несовершенный вид
Номинация
Норма (языковая)
О, о
Обнорский С. П.
Обобщающее слово
Обобщённо-личное предложение
Обособленный оборот
Обратный словарь
Обращение
Обстоятельство
Общее языкознание
Объект
Овсянико-Куликовский Д. Н.
Однородные члены предложения
Односоставное предложение
Одушевлённость — неодушевлённость
Ожегов С. И.
Оканье
Окончание
Олицетворение
Омонимия
Омонимов словарь
Омонимы
Ономастика
Определение
Определённо-личное предложение
Опрощение
Органы речи

Орфограмма
Орфографический словарь
Орфография
Орфоэпия
Основа
Отрицание
Отрицательные слова
Официально-деловой стиль

П, п
Падеж
Падение редуцированных
Палатализация
Палеография
Памятники письменности русского языка
Парадигма
Парадигматика
Паронимы
Парономазия
Пассивный словарь
Пауза
Перенос слова
Переносное значение слова
Переразложение
Переходность
Период
Перифраза
Перфект
Петерсон М. Н.
Пешковский А. М.
Письменная речь
Письмо
Плеоназм
Плюсквамперфект
Побудительное предложение
Повествовательное предложение
Поговорка
Подлежащее
Подчинение
Позиция фонологическая
Полисемия
Полногласие
Полное предложение
Помета
Порядок слов
Пословица
Постпозиция
Постфикс
Потебня А. А.
Поэтическая речь
Пояснение
Правила
«Правила русской орфографии и пунктуации»
Прародина славян (языковая)
Праславянский язык
Предикат
Предикативность
Предикативы
Предлог
Предложение
Предложный падеж
Препозиция
Придаточное предложение
Прикладная лингвистика
Прилагательное
Приложение
Примыкание
Приставка
Причастие
Причастный оборот
Продуктивность
Происхождение языка
Простое предложение
Просторечие
Просторечная лексика
Протченко И. Ф.
Профессионализм
Прошедшее время
Прямая речь
Психолингвистика
Публицистический стиль
Пунктограмма
Пунктуация
Пуризм

Р, р
Разбор
Развитие речи в школе
Разговорная лексика
Разговорная речь
Разносклоняемые существительные
Разноспрягаемые глаголы
Распространенное предложение
Редукция
Редуцированные гласные
Реформы азбуки и правописания
Речевой поток
Речевой этикет
Речь
Риторический вопрос
Род
Родительный падеж
Родственные слова
Родство языков
Русистика в СССР
«Русская речь»
Русский язык
Русский язык в школе
«Русский язык»
Русский язык в международном общении
«Русский язык в национальной школе»
«Русский язык в школе»
«Русский язык за рубежом»

С, с
Связка
Селищев А. М.
Семантика
Семантическая структура предложения
Семья языков
Синекдоха
Синонимия
Синонимов словарь
Синонимы
Синтагма
Синтагматика
Синтаксис
Синтаксическая конструкция
Синхрония
Сказуемое
Склонение
Скобки
Славянизм
Славянские языки
Славянское языкознание
Словарь лингвистический
Словарь энциклопедический
Слово
Словообразование
Словообразовательное гнездо
Словообразовательный словарь
Словосочетание
Словоупотребление
Словоформа
Слог
Слогораздел
Сложное предложение
Сложное слово

Сложноподчинённое предложение
Сложносоставные слова
Сложносочинённое предложение
Служебные слова
Смотрицкий Мелетий
Соболевский А И.
Собственные существительные
Совершенный вид
Согласные
Согласование
Соединительная морфема
Сонорные согласные
Соподчинение
Состав слова
Сочинение
Сочинение школьное
Союз
Союзные слова
Спряжение
Сравнение
Сравнительно-исторический метод
Сравнительно-историческое языкознание
Сравнительный оборот
Сращение
Срезневский И И
Старославянский язык
Степени сравнения
Стилизация
Стилистика
Стиль
Структурная лингвистика
Стяжение гласных
Субстантивация
Субъект
Супплетивизм
Суффикс
Существительное
Сценическая речь

Т, т
Табу
Тавтология
Тайный язык
Творительный падеж
Тезаурус
Текст
Текучев А. В.
Темп речи
Термин
Терминологический словарь
Терминология
Тире
Толковый словарь
Тон
Топонимика
Точка
Точка с запятой
Транскрипция
Транслитерация
Трёх стилей теория
Троп
Трубачёв О. Н.

У, у
Ударение
Управление
Уровни языка
Устаревшие слова
Устная публичная речь
Устная речь
Учебники русского языка
Ушаков Д. Н.
Ушинский К. Д.

Ф, ф
Федоров Иван
Фигуры речи
Филин Ф. П.
Филологическое образование в СССР
Филология
Фонема
Фонетика
Фонология
Форма слова
Формообразование
Фортунатов Ф. Ф.
Фраза
Фразеологизм
Фразеологический словарь
Фразеология
Функции языка

Х, х
Хронографы

Ц, ц
Цитата
Цоканье

Ч, ч
Части речи
Частицы
Частотный словарь
Чередование
Чернышёв В. И.
Числительное
Число
Члены предложения

Ш, ш
Шанский Н. М.
Шапиро А. Б.
Шахматов А. А.
Шипящие согласные
Штамп

Щ, щ
Щерба Л. В.

Ъ

Ы

Ь

Э, э
Эвфемизм
Эзопов язык
Экспрессивность
Эллипсис
Эпистолярный стиль
Эпитет
Этимологический словарь
Этимология
Этнонимика

Ю, ю
Юсы

Я, я
Язык
Язык и мышление
Язык и общество
Языка писателя словарь
Языки мира
Языки народов СССР
Языкознание
Яканье
Якубинский Л. П.
Ять

Р—89 Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. — М.: «Советская энциклопедия», 1979.— 432 с. с илл.

Энциклопедия «Русский язык» представляет в сжатом и систематизированном виде основные сведения о современном русском языке, о его фонетическом и грамматическом строе, о его лексике, фразеологии, стилистических возможностях и др. сторонах, сведения об истории русского языка и его диалектном членении, показывает место русского языка среди языков народов СССР и, шире, — среди языков народов мира. В энциклопедию включены статьи общеязыковедческого типа. Читатель получит сведения об основных направлениях и методах языкознания, о крупнейших отечественных учёных-русистах. Основные статьи сопровождаются библиографией. Книга предназначена всем изучающим и преподающим русский язык. Издаётся впервые.

Р $\frac{70101—011}{007(01)—79}$ Б3—45—20—1979. 4602000000 4Р(03)

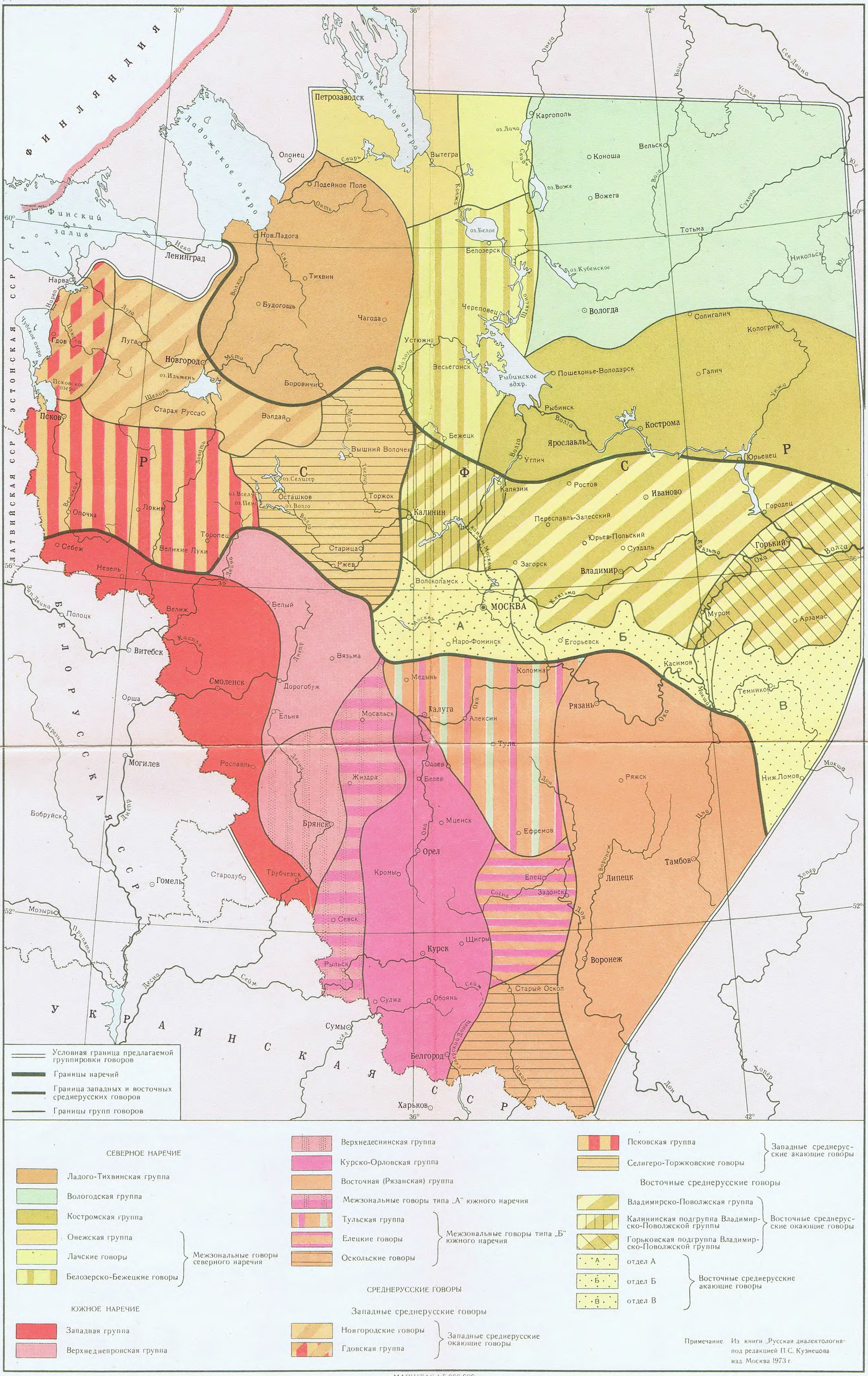
ИБ № 48

Сдано в набор 1.2.1979 г. Подписано в печать 7.06.79. Т 10124. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура Кудряшовская энциклопедическая. Печать текста высокая. В томе помещены 4 вкл. выс. печати и 1 карта. Объем издания 27,85 усл. п. л. Уч.-изд. л. 51,5. Тираж 150 тыс. экз. Заказ № 2350. Цена 1 экз. 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Советская Энциклопедия», 109817. Москва, Ж-28, Покровский бульвар, 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 129085, проспект Мира, 105.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО ЯЗЫКА



ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Славянские
2. Балтийские
3. Романские
4. Иранские
5. Армянский

КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

6. Картвельские
7. Абхазо-адыгейские
8. Нахско-дагестанские

УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

9. Финно-угорские
10. Самодийские

АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

11. Тюркские
12. Монгольские
13. Тунгусо-маньчжурские

ИЗОЛИРОВАННЫЕ ЯЗЫКИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

14. Кетский
15. Чукотско-камчатские
16. Юкагирский
17. Нивхский

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ

18.

Масштаб 1:25 000 000